This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25

Bound

MAY 21 1909

Harvard College Library

FROM THE

PRICE GREENLEAF FUND

Residuary legacy of $711,563 from E. Price Greenleaf, of Boston, nearly one half of the income from which is applied to the expenses of the College Library.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXXIII.—ТОМЪ CDXXVIII. — 1/14 НОЯБРЯ 1908.

1386-7/2

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1908

P Slav 176 : 25

~~Slav 3012~~

3809

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 11.

НОЯБРЬ, 1908.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Пас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ЛИТЕРАТУРА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1908.

	стр.
I.—ОТЪ РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“	I
II.—ОТЪ НОВОЙ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1909 ГОДА	III
I.—Ив. Ал. ГОНЧАРОВЪ И НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ. I. Воспоминанія А. Н. Гончарова и Е. А. Гончаровой. — II. Письма И. А. Гончарова къ Кирпичниковымъ и Музалевской. — III. Письма его къ А. Г. Тройницкому.—IV. Письма И. С. Тургенева къ И. А. Гончарову.— **М. Супернанскаго**	5
II.—КАШЛЯ ВЪ МОРѢ.—Очерки изъ недавняго прошлаго. — **Л. Авиловой**	69
III.—ЭТИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА.—I-IV.— **Евгенія Тарновскаго**	110
IV.—ИНА РОНТЮ.—Романъ Эйно Лейно.—Eino Leino. „Ina Röntö“. Romaani.—I-XXXIX.— Съ финскаго **Вач. В.**	146
V.—АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ ЧЕХОВЪ-ЛАВОЧНИКЪ.—I-IV.— **А. С—ой.**	192
VI.—ПРОПОВѢДНИКЪ.—Романъ Маргариты Бёме. — „Apostel Dodenschein“, v. Margarete Böhme.—Окончаніе.—Съ нѣмецк. **О. Ч.**	225
VII.—УГОЛОКЪ РОДИНЫ.—Путевые очерки и замѣтки.—I-III.— **Р. Ф.**	263
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Одинъ.— **А. Мейснера**	277
IX.—СѢВЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ XVII-мъ ВѢКѢ.—I-VI.— **М. Потоцкаго**	278
X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Судьба нѣкоторыхъ думскихъ „пожеланій“.—Начало второй сессіи третьей Государственной Думы.—Закрытіе польскихъ школъ въ Варшавѣ.—Произвол высшей власти въ печати.—Проектъ новаго университетскаго устава.—Автономія или подначальность?—Избраніе или назначеніе?—Роль, предназначенная совѣту, ректору, деканамъ.—Возстановленіе инспекціи.—Отношеніе проекта къ ушедшимъ.—Министерство просвѣщенія, сопряженное министерствомъ торговли.	307
XI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Л. Н. Толстой, П. Бирюковъ, т. II.—II. „Записки Охотника“ И. С. Тургенева, Т. Гнилуханичъ.—III. Вильямъ Джемсъ и религіозный опытъ, Эмиль Бутру, съ франц.—IV. „Пазъ“, Шарля Вальдера, съ франц.—V. Альманахъ „Шиповника“, кн. 6.— **М. Г.**—VI. Борьба за землю, т. I, ч. I.—VII. Чай и чайная торговля, А. Губаревича-Разобольскаго.—VIII. Современное положеніе Дальняго Востока, Сатовина.—IX. Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, за 1906 г., П. Варшера.— **В. В.**—Новыя книги и брошюры.	327
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Австрійская политика въ боснійскомъ вопросѣ.—Дипломатическія стычки и недоразумѣнія.—Гранвилевскіе взгляды относительно ораву народовъ и національностей.—Историческія справки о „ораках“ въ Босніи.—Объявленіе болгарской независимости.—Толки о конференціи.—Неисторическія бесѣды и дѣйствія императора Вильгельма II.	360
XIII.—ИСТОРІЯ „ДОПЪ-ЖУАНСТВА“.—Замѣтка.— **Л. Шепелевича**	371
XIV.—МОЙЧЖУРСКІЯ ПИСЬМА.—Изъ эпохи войны съ Японіей.—I-II.— **Барона И. Врангеля**	377
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Еще одна годовщина.—Изъ перспективы.—Конецъ университетской забастовки.—Разсчетъ министра народнаго просвѣщенія съ ректоромъ.—Возмутительный фактъ и печальное явленіе.—Исторія изданія, управленія и возстановленія земства на Дону.—Своевременно ли теперь ставить вопросъ на очередь?—Акты имѣнія.—Алексѣй Потѣхинъ †.	395
XVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ	416
XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Русскіе портреты XVIII и XIX-го столѣтій. Изд. В. К. Николая Михайловича, т. IV, вып. 3-й.—Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого, роскошное изданіе.—Пѣсенка Ваал С. Юшкевича, в. I.—М. Драгомановъ, Одиннадцать лѣтъ. 1895—1905 г.г.—Гюйо, Несовріо будущаго, соціологическое изслѣдованіе, съ франц., подъ ред. Д. Овсянико-Куликовскаго.	

Объ условіяхъ подписки на журналъ на 1909-й годъ см. на послѣдней страницѣ обертки.

ОТЪ РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

Вслѣдствіе моего заявленія въ послѣдней, октябрьской, книгѣ журнала о сложеніи мною съ себя, съ января 1909-го года, званія редактора журнала, и вмѣстѣ съ тѣмъ и о прекращеніи его изданія подъ моею редакціею — журналъ „Вѣстникъ Европы“ будетъ, съ января наступающаго года, издаваться подъ новою редакціею, причемъ званіе редактора принимаетъ на себя Константинъ Константиновичъ *Арсеньевъ*, редактировавшій многіе годы „Внутреннее Обозрѣніе“ журнала; издателемъ же журнала будетъ Максимъ Максимовичъ *Ковалевскій*.

Михаилъ Стасюлевичъ.

30 октября 1908 г.

ОТЪ НОВОЙ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

Прошло болѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ „Вѣстникъ Европы“, основанный въ видѣ сборника научныхъ статей, превратился въ ежемѣсячный журналъ обычнаго русскаго типа. За все это время онъ оставался вѣрнымъ однажды избранному пути, расширяя, по возможности, свой кругозоръ и отзываясь на главные запросы жизни. Такимъ же онъ будетъ и при новой редакціи, тѣсно связанной съ прежнею. Цѣли, къ которымъ стремился „Вѣстникъ Европы“, еще не достигнуты. Не установился, прочно и твердо, новый политическій строй, безусловно необходимый для народнаго блага, для истинной силы государства, для нормальнаго развитія русской мысли; не водворилось господство закона, больше чѣмъ когда-либо парализуемаго исключительными положеніями; не обезпеченъ ни одинъ изъ видовъ свободы, не ограждено ни одно изъ правъ, безъ которыхъ немыслима плодотворная работа, личная и коллективная; не осуществлена религіозная и національная равноправность, столь важная въ странѣ разновѣрной, разноплеменной и разноязычной; не предпринято и даже не намѣчено коренное преобразованіе мѣстнаго самоуправленія. Къ политическимъ задачамъ присоединяются соціальныя, тѣмъ болѣе сложныя и трудныя, чѣмъ дольше онѣ были оставляемы безъ вниманія, какъ несущественныя, или прямо отрицаемы, какъ несуществующія. За широкую ихъ постановку, за разрѣшеніе ихъ въ интересахъ народной массы „Вѣстникъ Европы“

высказывался прежде и будетъ высказываться всегда. Оставаясь внѣпартійнымъ, онъ будетъ стоять за возможно бо́льшее объединеніе прогрессивныхъ партій на почвѣ служенія народу.

Ближайшее участіе въ трудахъ редакціи будутъ принимать М. М. Ковалевскій, Н. А. Котляревскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. С. Посниковъ и Л. З. Слонимскій.

К. Арсеньевъ.

30 октября 1908 г.

ИВ. АЛ. ГОНЧАРОВЪ

И

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ [1])

I. Воспоминанія А. Н. Гончарова и Е. А. Гончаровой.—II. Письма И. А. Гончарова къ Кирмаловымъ и Музалевской.—III. Письма его къ А. Г. Тройницкому.—IV. Письмо И. С. Тургенева къ И. А. Гончарову.

I.

Въ прошедшемъ, 1907 году, 14-го апрѣля, скончался въ Рязани послѣдній представитель рода симбирскихъ Гончаровыхъ, племянникъ автора „Обломова", Александръ Николаевичъ Гончаровъ, написавшій незадолго до своей смерти, по нашей просьбѣ, воспоминанія о своемъ именитомъ дядѣ.

А. Н. Гончаровъ, сынъ старшаго брата Ивана Александровича, родился въ 1843 году въ Симбирскѣ. Учился онъ сначала въ симбирской гимназіи, гдѣ отецъ его былъ учителемъ, а затѣмъ въ дерптскомъ университетѣ. Въ Дерптѣ онъ усердно занимался минералогіей и геологіей и былъ однимъ изъ лучшихъ и любимыхъ учениковъ профессора Гревинка, который предсказывалъ ему блестящую будущность. Но серьезная болѣзнь заставила его оставить Дерптъ и отправиться въ Меранъ и Венецію. Находясь за-границей, онъ слушалъ между прочимъ лекціи въ Боннѣ въ 1865 году. Хотя мечты объ ученой карьерѣ не оправдались, но геологія и минералогія постоянно интересовали Але-

[1]) Настоящая статья дополняетъ статью того-же автора, помѣщенную нами подъ тѣмъ же заглавіемъ въ февральской книжкѣ журнала за 1907 годъ.—*Ред.*

ксандра Николаевича. Состоя чиновникомъ особыхъ порученій, а затѣмъ секретаремъ губернскаго статистическаго комитета въ Самарѣ, при губернаторахъ Г. С. Аксаковѣ (сынъ писателя С. Т—ча) и Климовѣ, онъ производилъ раскопки въ Новоузенскомъ и другихъ уѣздахъ, при чемъ нѣкоторыя его находки обратили на себя вниманіе спеціалистовъ. Таковы: unicum — нижняя челюсть Elasmotherium Vischeri, пріобрѣтенная дерптскимъ университетскимъ палеонтологическимъ музеемъ (1873 г.); гипсовый снимокъ съ нея находится въ „Naturhistorischen Museum“ въ Берлинѣ; также unicum—черепъ эмбріона слона, находящійся въ университетскомъ же музеѣ въ Боннѣ. Впослѣдствіи онъ занимался палеонтологическими изслѣдованіями въ Калужской губерніи. Находясь въ Самарской губерніи, онъ хорошо изучилъ бытъ и условія жизни меннонитовъ и другихъ мѣстныхъ сектъ. Въ 1874 году, къ нему, какъ къ знатоку народной жизни, обратился за содѣйствіемъ въ дѣлѣ изученія края Д. Мэкензи Уоллесъ, съ которымъ онъ путешествовалъ цѣлое лѣто. Уоллесъ упоминаетъ о немъ въ своей извѣстной книгѣ „Russia“, сохранялъ съ нимъ самыя лучшія отношенія и находился въ перепискѣ.

Служебная карьера Александра Николаевича не удалась. Онъ нѣсколько разъ мѣнялъ службу, но нигдѣ не былъ persona grata, вслѣдствіе неумѣнья „ладить съ начальствомъ“, а также и потому, что „не вѣрилъ въ то дѣло, которое обязанъ былъ дѣлать“. Такъ, онъ служилъ нѣкоторое время въ канцеляріи наслѣдника цесаревича Александра Александровича, былъ секретаремъ главнаго правленія общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, правителемъ канцеляріи таврическаго губернатора А. А. Кавелина, членомъ смоленскаго отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка и членомъ-оцѣнщикомъ калужскаго отдѣленія дворянскаго банка. Послѣднюю должность онъ занималъ восемнадцать лѣтъ (1885—1904 г.г.). За этотъ періодъ онъ былъ командированъ въ саратовское и новочеркасское отдѣленія того же банка. Разъѣзды по дѣламъ службы дали ему возможность хорошо ознакомиться съ положеніемъ землевладѣльцевъ, и результатомъ его наблюденій въ этой области были нѣсколько очерковъ, помѣщенныхъ въ „Книжкахъ Недѣли“ за 1895—1899 г.г., какъ-то: „На оцѣнкѣ“, „Послѣдніе Могикане“, „На дорогѣ“. Одинъ изъ этихъ очерковъ былъ переведенъ на французскій языкъ и напечатанъ въ „Bibliothèque Universelle“ (1898 г.). Покойный П. А. Гайдебуровъ находилъ у него „недюжинный литературный талантъ“ и видѣлъ въ его разсказахъ „живыхъ людей“. Л. Н. Толстой, въ письмѣ отъ 13-го марта

1899 г., говоритъ, что онъ „съ большимъ интересомъ прочелъ разсказъ „На дорогѣ“.

Литература и писатели всегда привлекали къ себѣ Александра Николаевича, и онъ постоянно поддерживалъ сношенія съ кружкомъ литераторовъ и ученыхъ, съ которыми сошелся еще въ молодости. При своемъ веселомъ, общительномъ характерѣ, онъ вообще скоро сходился съ людьми и имѣлъ много знакомыхъ въ разныхъ слояхъ общества. „Въ семидесятыхъ годахъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ,—у меня было множество самыхъ разнообразныхъ знакомствъ, были знакомые въ великосвѣтскомъ обществѣ, много между профессорами, кое-кто въ кругу крупнаго чиновничества; я въ тотъ же день зналъ о побѣгѣ Крапоткина, хорошо былъ знакомъ съ Поляковымъ, о которомъ часто вспоминаетъ князь Крапоткинъ, бывалъ на вечерахъ у Ватсона“. Это былъ очень начитанный человѣкъ, съ живымъ интересомъ слѣдившій за литературой, русской и иностранной (онъ хорошо владѣлъ языками французскимъ и нѣмецкимъ и понималъ по-англійски), и интересный собесѣдникъ: говорилъ онъ всегда красиво, образно и живо.

По отзывамъ близкихъ къ нему лицъ, въ его характерѣ „было много мягкости, нѣжности, мечтательности, хотя бывалъ онъ и очень вспыльчивымъ и эгоистичнымъ... Не избѣжалъ онъ и *гончаровскаго* психическаго недуга. Какъ мрачный, черный коршунъ, носился тотъ надъ нимъ, во время его физическаго недомоганія и сердечныхъ припадковъ. Такое его состояніе выражалось въ безумномъ страхѣ за будущее жены и дочери, когда его не станетъ. Эти приступы, хотя очень рѣдкіе, кончались самобичеваніемъ; онъ не находилъ себѣ мѣста, безсонныя ночи смѣнялись тревожными днями, и, конечно, подобное психическое возбужденіе тяжестью ложилось на всѣхъ его близкихъ и окружающихъ. Въ такіе моменты онъ бывалъ жестокимъ, несправедливымъ къ другимъ и большимъ эгоистомъ; а самъ все время ужасно страдалъ отъ приступовъ сердечныхъ болей и мучилъ другихъ“ [1]).

---

[1]) О *гончаровской* наслѣдственности самъ А. Н. писалъ намъ: — „Мы съ братомъ унаслѣдовали многое нежелательное отъ семьи Гончаровыхъ: та же слабохарактерность, незначительная работоспособность, задумчивость, меланхолія и многое другое. Это была психически больная и нестойкая семья... Мы не были борцами, мы вялыми и лѣнивыми людьми, часто я шелъ на сдѣлки и мирился съ тѣмъ, съ чѣмъ не слѣдовало бы мириться. Отъ Гончаровыхъ мы наслѣдовали нѣкоторую наблюдательность, небольшой писательскій талантъ, лѣнь и людобоязнь, отсутствіе стойкости и душевную покладистость“.

Послѣдніе три года Александръ Николаевичъ, тяжело больной, безвыѣздно проживалъ въ Рязани, гдѣ и умеръ отъ паралича сердца. Въ началѣ января 1907 года, онъ писалъ одному своему старому знакомому:—„Вотъ уже три года, какъ я болѣю, у меня начались сердечные припадки, было сильнѣйшее кровохарканье и боль въ спинѣ и рукахъ, и сердце работало, какъ испуганный воробей въ клѣткѣ. Пролежалъ годъ безъ ногъ. Теперь у меня парализована часть правой ноги и ѣле-еле могу ходить, а боли вездѣ сильныя; по ночамъ плохо сплю... Дни мои сочтены, и я живу на границѣ того міра". Но, по словамъ близкаго къ нему лица, онъ „до конца своей жизни сохранилъ свѣтлый умъ, любовь и интересъ къ общественнымъ вопросамъ, чутко отзываясь на страданія своей родины, несмотря на свои 64 года, вѣря въ ея лучшее и свѣтлое будущее".

Послѣ него осталась вдова, Елизавета Александровна (урожденная Уманецъ), и дочь—также Елизавета Александровна,—вскорѣ по смерти отца вышедшая замужъ за француза, приватъ-доцента университета въ Нанси, Pol Simon'a, пишущаго подъ псевдонимомъ Simpol.

Болѣзнь не помѣшала Александру Николаевичу сочувственно отозваться на наше предложеніе написать воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ. Начавъ ихъ въ концѣ 1906 года, онъ работалъ надъ ними, вполнѣ можно сказать, до конца жизни: онъ дополнялъ и исправлялъ ихъ еще за нѣсколько часовъ до смерти...

Что касается характера этихъ воспоминаній, то можно положительно утверждать, что они абсолютно чужды *намѣреннаго* искаженія истины. Въ письмахъ къ намъ авторъ неоднократно указываетъ на свое безпристрастіе. Такъ, онъ пишетъ:—„Я вамъ напишу свои воспоминанія о Гончаровѣ; но добраго и хорошаго, какъ о человѣкѣ, я сказать о покойномъ ничего не могу. Напишу лишь сущую правду".—„Смотрю я на все, какъ на давно прошедшее, вспоминаю sine ira et studio. Я старался писать лишь то, что я видѣлъ, лжи нѣтъ, никакой окраски я не придавалъ".—„Я нравственно отвѣчаю лишь за правду: я ничего не выдумывалъ и не клеветалъ на Гончарова, а вспоминалъ, что видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ".—„Въ своихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ я держусь строгой правды, такъ какъ мнѣ и самому остается недолго жить, да и зачѣмъ клеветать мнѣ на умершихъ, давно исчезнувшихъ людей" и т. п.

И нѣтъ сомнѣнія, что онъ написалъ „только правду", но *правду субъективную*, даже слишкомъ субъективную: онъ рисуетъ

намъ Ивана Александровича такимъ, какъ онъ его понималъ; но это пониманіе очень далеко отъ *объективной правды*. Какъ мы увидимъ далѣе, по складу своего ума и характера, племянникъ *не могъ* правильно понять своего дядю: правовѣрному шестидесятнику, какимъ былъ по своимъ воззрѣніямъ, симпатіямъ и антипатіямъ авторъ воспоминаній, оставался совершенно чуждъ представитель иной эпохи, иныхъ взглядовъ и убѣжденій, иного психическаго склада.

При томъ между ними не было достаточной для взаимнаго пониманія близости отношеній. Извѣстная замкнутость и скрытность характера Ивана Александровича не позволяла ему раскрывать свою душу предъ человѣкомъ, прямолинейность котораго онъ принималъ за отсутствіе деликатности, которую онъ такъ цѣнилъ въ людяхъ. Александръ Николаевичъ, съ своей стороны, не замѣчая этого, всякое его слово, обыкновенное „брюзжаніе“ [1]) больного, часто раздражавшагося, старика, его бутады, принималъ за дѣйствительное выраженіе его взглядовъ и чувствъ и возмущался послѣдними.

Изъ примѣчаній, которыми мы сопровождаемъ эти воспоминанія, видно, что Александръ Николаевичъ *мало зналъ* Ивана Александровича, почему грѣшилъ иногда въ отношеніи фактическихъ данныхъ, не говоря уже о его сужденіяхъ, — всегда предвзятыхъ, въ основѣ которыхъ лежитъ презумпція не въ пользу послѣдняго. Такъ, автору воспоминаній не были вполнѣ извѣстны отношенія Гончарова къ другимъ родственникамъ. Ниже печатаемыя нами выдержки изъ писемъ его къ Кирмаловымъ, проникнутыхъ трогательной заботливостью о сестрѣ и ея семьѣ, документально опровергаютъ утвержденіе племянника, будто Иванъ Александровичъ не только былъ равнодушенъ къ близкимъ по крови, но даже ненавидѣлъ ихъ. Если къ кому изъ родственниковъ онъ не былъ расположенъ, то главнымъ образомъ къ автору воспоминаній. Какъ намъ извѣстно отъ другихъ родственниковъ Гончарова, послѣдній едва выносилъ его присутствіе, но не имѣлъ рѣшимости сказать это ему самому. Въ письмѣ его къ женѣ другого племянника, Д. Л. Кирмаловой, отъ 12 января 1888 года, находимъ крайне интересное въ этомъ отношеніи признаніе: — „Александръ Гончаровъ, тершійся [illegible]тъ около меня лѣтъ десять, порядочно надоѣлъ мнѣ своей

[1]) Въ письмѣ къ сестрѣ, А. А. Кирмаловой, отъ 27 января 1863 года, Ив. Ал. [illegible] зываетъ себя „брюзгливымъ дядей“,—даже по отношенію къ другому, наиболѣе [illegible]бимому, племяннику.

суетой, навязчивостью, пустотой и тщеславіемъ. Я радъ, что его тутъ (т.-е. въ Петербургѣ) нѣтъ" [1])...

Такимъ образомъ, для насъ очевидна взаимная антипатія, раздѣлявшая этихъ двухъ людей, ихъ взаимное непониманіе и недостаточное знаніе племянникомъ не только внутренняго міра, но и внѣшнихъ обстоятельствъ жизни дяди. Все это заставляетъ насъ относиться къ воспоминаніямъ Александра Николаевича,—въ той ихъ части, которая касается непосредственно Ивана Александровича,—съ большою осторожностью.

И тѣмъ не менѣе, даже независимо отъ скудости опубликованныхъ матеріаловъ для біографіи Ивана Александровича, эти воспоминанія представляются весьма цѣнными: мы находимъ въ нихъ свѣдѣнія о близкихъ его родственникахъ, объ ихъ бытѣ и душевномъ складѣ, вообще объ атмосферѣ, окружавшей его „на родинѣ"; кромѣ того, здѣсь впервые отмѣчается его психическая неуравновѣшенность, наслѣдственная ненормальность его душевнаго склада. До настоящаго времени біографы И. А. Гончарова, судившіе о немъ, какъ о человѣкѣ, преимущественно на основаніи его сочиненій, напротивъ, особенно настаивали на его „*ровномъ темпераментѣ*, который бѣжитъ всякой крайности, умѣетъ дорожить жизнью, природой, творчествомъ, съ здоровымъ аппетитомъ *здороваго человѣка*, тѣмъ болѣе такого, духъ котораго не помраченъ пресыщеніемъ и излишествами ряда *предковъ*" [2]). Г. Айхенвальдъ говоритъ, что Гончаровъ былъ „спокоенъ, какъ человѣкъ, что внутренній міръ его... былъ тихъ и созерцателенъ... жизнь переносилъ легко и окрашивалъ въ свѣтлыя и мирныя картины",—что онъ обладалъ „*прирожденною безмятежностью духа*", „неизмѣнной душевной трезвостью",—что это былъ „мирный и *уравновѣшенный* эпикуреецъ" [3]). Г. Ивановъ-Разумникъ утверждаетъ, что Гончаровъ „прожилъ „нормально" до глубокой старости. Его конецъ—медленное, *ровное* угасаніе" [4]).

Если въ словахъ А. Н. Гончарова заключается нѣкоторое преувеличеніе, то и въ такомъ случаѣ его утвержденіе имѣетъ для насъ существенное значеніе: оно разрушаетъ легенду о

---

[1]) Въ письмахъ къ другой своей сестрѣ, Музалевской, Иванъ Александровичъ говоритъ, между прочимъ:—„Съ Александромъ Гончаровымъ я давно не видался и не плачу о томъ"... „Онъ мнѣ понадоѣлъ немного, самъ замѣтилъ это и не ходитъ ко мнѣ. И Богъ съ нимъ!"

[2]) И. А. Гончаровъ. Біографическій очеркъ *Евгенія Соловьева*. Спб., 1895, стр. 49. Курсивъ нашъ. Далѣе не оговоренный курсивъ принадлежитъ намъ.

[3]) Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ 1. Москва, 1906, стр. 137, 140 и 143.

[4]) Исторія русской общественной мысли. Т. I. Спб. 1907, стр. 189.

„ровномъ темпераментѣ“ здороваго человѣка, „прирожденной безмятежности духа“, „уравновѣшенности“ и „нормальности“ И. А. Гончарова, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ключъ къ пониманію нѣкоторыхъ поступковъ и отношеній къ людямъ, а отчасти и его писаній. Какъ на одну изъ ненормальностей его психики, авторъ воспоминаній указываетъ на его необычайную подозрительность. Особенно рельефно эта черта его характера проявлялась въ отношеніи къ другимъ писателямъ и, вѣроятно, была главною причиною ссоры его съ Тургеневымъ. До какихъ предѣловъ развилась она во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, можно видѣть изъ письма его къ Валуеву, отъ 27 декабря 1877 года. Намѣреваясь приготовить къ печати „Литературный вечеръ“, онъ пишетъ: — „Я думаю, даже боюсь, что мнѣ просто не дадутъ сдѣлать это. А сдѣлаетъ кто-нибудь другой: пока я соображаю, работаю (а я работаю для печати медленно), явится гдѣ-нибудь искусно замаскированная параллель: все то же и о томъ же... всѣ мои секреты вообще, какъ я убѣдился давно, суть des secrets de polichinelle, но литературные особенно! — Почему это дѣлалось? — это не вполнѣ даже ясно для меня. *Мнѣ заглядывали въ душу со всѣхъ сторонъ, не давали думать, писать.* Подъ вліяніемъ такого *кошмара*, конечно, и нельзя писать: я положилъ перо. Опять бѣда: зачѣмъ положилъ! *Кто-то контролировалъ даже мои авторскіе замыслы и распоряжался ими!*—Все это заставило меня запрятаться въ свой уголъ, изъ котораго *я*, какъ израненный звѣрь, не выглядываю и до сихъ поръ, боясь охотниковъ и собакъ!.. Мнѣ когда-то проговорился одинъ журналистъ, что будто я богатъ авторскимъ содержаніемъ, „но похожъ на лежащую на сѣнѣ собаку, оттого-де и надо у меня таскать!“ Такъ, кажется, онъ и дѣлалъ! Странная логика!—Я возразилъ, что Ротшильды, Штиглицы и др. — богаче меня, и тоже своего рода собаки на сѣнѣ: отъ чего не таскаютъ сѣна изъ-подъ нихъ? — Не знаю, кому нужно было, чтобы я не писалъ, но для помѣхи мнѣ, *кажется, какъ я сообразилъ по многимъ наблюденіямъ впослѣдствіи*, кто-то ловко, подъ рукой, создалъ мнѣ репутацію чуть ли не *краснаго* [1]), или что-то въ этомъ родѣ. Этого только недоставало.—И вотъ тогда уже образовалась une meute de limiers или *шайка* dupes, *чтобы подслушивать мои мысли*, ловить слова. И други, и недруги — всего пола, всѣ совали мнѣ свои носы въ ротъ, чтобы узнать, не пьяница ли я? Но какъ я вина не пью, то и запаха быть

[1]) Курсивъ автора.

не могло. — Но кто помѣшалъ бы этимъ ищейкамъ приписать мнѣ тотъ или другой запахъ и цвѣтъ, по желанію? Очныхъ ставокъ не дѣлали и меня не спрашивали! Еще нынѣшнимъ лѣтомъ приходилъ, нарочно для меня, въ Лѣтній садъ одинъ всесвѣтный blagueur и лгунъ (всюду, однако, принимаемый) и наединѣ говорилъ дерзости о томъ, что всѣ чтутъ, стараясь вызвать меня на отвѣтъ. Кромѣ презрительнаго молчанія, конечно, онъ ничего не получилъ, но онъ не задумается вложить въ мои уста отвѣтъ, какой окажется для него выгоднѣе, зная, что меня не спросить тотъ, кто употребляетъ эту жалкую личность"... (Приводятся еще примѣры будто бы обращенныхъ къ нему провокаторскихъ вопросовъ.) „Я не могъ не заключить, что всѣ эти пытанія дѣлаются не изъ одного только безцѣльнаго любопытства или удовольствія докучать мнѣ, *но что стараются добиться правды въ этомъ туманѣ лжи, которою кто-то чудовищно опуталъ меня для своихъ цѣлей!*—и конечно правды не добились этими полицейскими пріемами, отъ которыхъ всегда ускользнетъ нѣчто въ человѣкѣ: это его душа" и т. д. [1])

Этотъ безсвязный бредъ, записанный самимъ Гончаровымъ, вполнѣ подтверждаетъ и дополняетъ то, что говорится въ воспоминаніяхъ его племянника о его болѣзненной подозрительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что въ его жизни бывали періоды, когда созданія своей фантазіи онъ принималъ за реальную дѣйствительность. Приведенная цитата свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ такіе моменты мысль писателя теряла свою обычную ясность и отступала отъ нормальныхъ пріемовъ логики: здѣсь мы видимъ какое-то странное смѣшеніе составившихъ будто бы противъ него заговоръ литераторовъ-плагіаторовъ и полицейскихъ сыщиковъ-провокаторовъ. Не менѣе странный логическій скачокъ находимъ мы и въ его послѣдней статьѣ: „Нарушеніе воли". Заканчивая эту статью, Гончаровъ пишетъ: „Прочтя все написанное въ защиту усопшихъ дѣятелей отъ оглашенія, противъ ихъ воли, оставшихся послѣ нихъ рукописей, писемъ, чего бы то ни было, для печати ими не назначеннаго, могутъ подумать, что и я, близкій кандидатъ въ покойники, защищаю вмѣстѣ и самого себя противъ посягательствъ на изданіе какихъ-нибудь моихъ посмертныхъ бумагъ. *Полагаю, что знающіе меня сколько-нибудь близко этого не подумаютъ: но другіе, можетъ быть, и заподозрятъ*". Послѣ этого естественно ожидать,

[1]) И. А. Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ графу П. А. Валуеву. Спб., 1906, стр. 47—50.

что авторъ не будетъ „защищать самого себя противъ посягательствъ на изданіе какихъ-нибудь его посмертныхъ бумагъ". Не то оказывается въ дѣйствительности:—„*Поэтому*,—продолжаетъ онъ,—кстати, на всякій случай, я считаю необходимымъ и важнымъ для себя выразить здѣсь мое желаніе и мою волю",—состоящія именно въ томъ, чего не должны, по его же словамъ, подумать „знающіе его сколько-нибудь близко" и въ чемъ могли,—какъ онъ опасался,—заподозрить его другіе... Изъ помѣщаемаго ниже письма его къ А. Г. Тройницкому видно, что уже въ 1868 году онъ страдалъ „безъисходной хандрой и нервными раздраженіями"; о томъ же говоритъ онъ и въ письмахъ къ родственникамъ.

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ воспоминаніямъ А. Н. Гончарова мы отчасти дополняемъ, отчасти исправляемъ послѣднія, основываясь, какъ на печатныхъ и рукописныхъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, матеріалахъ, такъ и на устныхъ разсказахъ симбирскихъ родственниковъ Гончаровыхъ.

— Прежде чѣмъ говорить объ И. А. Гончаровѣ,—такъ начинаетъ свои воспоминанія нашъ авторъ,—считаю нужнымъ сказать кое-что о нашей семьѣ, жившей въ Симбирскѣ.

Я помню себя, кажется, съ 1848 года, когда мы занимали квартиру въ нижнемъ этажѣ симбирской гимназіи, гдѣ отецъ мой былъ младшимъ учителемъ русскаго языка.

Семья наша состояла изъ отца, матери, меня и брата Владиміра. Кажется, въ 1855 году родилась сестра Ольга, которая умерла 17-ти лѣтъ.

Отецъ [1]) по утрамъ занятъ былъ въ гимназіи; въ два часа мы обѣдали; потомъ онъ ложился спать, а мы, дѣти, цѣлыми днями играли на дворѣ или въ сосѣднемъ, Николаевскомъ, саду.

Помню, какъ мимо нашихъ оконъ вскачь проѣзжали тройки съ какими-то пассажирами и жандармами; а на слѣдующій день отецъ сообщилъ намъ, что черезъ нашъ городъ провезли „бунтовщиковъ", которые ссылаются въ Сибирь: „вотъ что значитъ не повиноваться начальству и не любить Бога",—внушительно прибавлялъ онъ. Мать также говорила намъ, что невольные пассажиры, которыхъ мы видѣли, ссылаются за „завиральныя идеи".

---

[1]) Николай Александровичъ Гончаровъ, старшій братъ писателя, родился въ 08 г. *Г. Потанинъ* ошибочно называетъ его *младшимъ* братомъ („Ист. Вѣстникъ", 1903 г., № 4, стр. 100).

Впослѣдствіи она совершенно измѣнила свой взглядъ на завиральныя идеи. Отецъ же до конца своихъ дней былъ увѣренъ, что Богъ наказываетъ людей, если они не слушаются начальства и плохо молятся.

Отецъ былъ психически больной человѣкъ. Онъ имѣлъ видъ чисто провинціальнаго чиновника, невысокаго роста, рано обрюзгшій, мало занимавшійся собой. Дома онъ всегда былъ въ халатѣ, а для выхода у него были черный сюртукъ, манишки и воротнички и какой-то шолковый твердый галстухъ и цилиндръ. Все это имѣло видъ бѣдный и далеко не изящный.

Хотя отецъ и кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, но высшее образованіе какъ-то не оставило на немъ слѣдовъ. Прямо изъ университета онъ прибылъ въ Симбирскъ, послужилъ, кажется, нѣкоторое время въ канцеляріи губернатора, а потомъ перешелъ въ гимназію, гдѣ и застрялъ до конца жизни.

Человѣкъ онъ былъ тихій, боявшійся начальства, а тѣмъ болѣе высшихъ властей; уважалъ онъ всѣхъ, начиная съ выпивавшаго директора, съ глупаго инспектора, и кончая бойкимъ жандармскимъ полковникомъ.

Дома онъ засиживался до глубокой ночи за исправленіемъ ученическихъ тетрадей. Часто передъ двумя сальными нагорѣвшими свѣчами сидѣлъ онъ цѣлыми часами и громко разговаривалъ самъ съ собой. Бьетъ, бывало, два часа; въ комнату входитъ наша няня, Ольга Кондратьевна, и говоритъ: „Пора, батюшка, ложиться спать, вторые пѣтухи давно пропѣли, а вамъ завтра утречкомъ надо идти въ гимназію; того и гляди, дилехторъ, какъ запоздаете, пришлетъ за вами сторожа“.

Няня тушитъ свѣчи, а отецъ долго молится, и затѣмъ, улегшись,—вспоминая разговоръ съ Крупенскимъ или Вишневскимъ,—громко бранитъ директора, инспектора и учителей, критикуя ихъ дѣйствія.

Онъ былъ постоянно задумчивъ [1]). Иногда, во время разговора съ нами, у него какъ-то вдругъ глаза мутились, дѣлались

[1]) Задумчивость обусловливала его необычайную разсѣянность. По разсказамъ его симбирскихъ родственниковъ, во время пребыванія И. А. Гончарова въ Симбирскѣ въ 1862 году, имѣлъ мѣсто такой случай. Братья встрѣтились на городскомъ бульварѣ. Писатель въ шляпѣ съ большими полями, надвинутой напередъ, подошелъ къ Николаю Александровичу и спросилъ его, не можетъ ли онъ указать, гдѣ живетъ учитель гимназіи Гончаровъ. Не замѣчая, что онъ говоритъ съ братомъ, послѣдній отвѣчалъ: „Это—я. Что вамъ угодно?“—„Я знакомъ съ вашимъ братомъ въ Петербургѣ и имѣю кое-что передать вамъ отъ него“... Николай Александровичъ замѣтилъ мистификацію лишь тогда, когда его собесѣдникъ разсмѣялся и снялъ съ своей головы шляпу.

мало подвижными, и онъ начиналъ въ полголоса говорить самъ съ собой. Временами онъ жаловался на мать, бранилъ начальство, цитировалъ Гёте или Шекспира, спорилъ, самъ себѣ давая реплики,—это тянулось цѣлыми часами, иногда въ продолженіе всей ночи. Это „бормотаніе", какъ называли въ семьѣ такое состояніе отца, часто усиливалось, благодаря самому незначительному нервному разстройству или неудачамъ и непріятностямъ.

Каковъ онъ былъ въ качествѣ учителя?—Зналъ онъ много, но преподавать не умѣлъ, да и не могъ, постоянно находясь въ полузабытьѣ, въ какомъ-то полусонномъ состояніи. Бывшіе его ученики, впрочемъ, говорили мнѣ впослѣдствіи, что, благодаря ему, они стали читать. Нѣкоторымъ изъ нихъ онъ давалъ уроки французскаго и англійскаго языковъ, которые зналъ въ совершенствѣ [1]). Чтобы познакомить меня съ Шекспиромъ, когда мнѣ было лѣтъ семнадцать, онъ бралъ подлинникъ и переводилъ прямо à livre ouvert на французскій языкъ, и все шло безъ сучка и задоринки. Впослѣдствіи онъ писалъ мнѣ нѣмецкія письма, которыя были превосходны и безукоризненны въ стилистическомъ отношеніи. Онъ часто бывалъ у А. М. Языкова, человѣка высокообразованнаго, и находилъ большое удовольствіе бесѣдовать съ нимъ... о Боссюэтѣ, Корнелѣ или Расинѣ. Изъ русскихъ писателей онъ часто на память цитировалъ Жуковскаго, Пушкина, Батюшкова и даже Державина; онъ превосходно читалъ басни Крылова и зналъ ихъ всѣ наизусть. Повторяю: отецъ зналъ много, но всѣ его знанія оставались мертвымъ капиталомъ: онъ не дѣлалъ изъ нихъ никакихъ обобщеній, никакихъ выводовъ.

Отецъ давалъ уроки въ младшихъ классахъ гимназіи. Но это было не преподаваніе, а какое-то укрощеніе звѣрей. Мальчики кричали, грызли орѣхи, бросали чертиковъ въ потолокъ, свистали и ревѣли; а отецъ бросался то къ одному, то къ другому и вытаскивалъ со скамеекъ самыхъ неловкихъ, далъ ихъ за волосы или за уши, ставилъ на колѣни или давалъ по двѣ, по три пощечины... Иногда, среди страшнаго шума и свиста,

---

[1]) А. Н. Гончаровъ не совсѣмъ справедливъ въ отношеніи къ своему отцу. ослѣдняго, какъ своего учителя и близкаго человѣка, высоко цѣнилъ извѣстный юлогъ, профессоръ *Богдановъ*. Другой его ученикъ, *Г. Н. Потанинъ*, называетъ о „гуманнымъ человѣкомъ" (op. cit., стр. 100). Какъ видно изъ имѣющихся у асъ матеріаловъ, Николай Александровичъ не былъ чуждъ общественныхъ интересовъ и принималъ очень дѣятельное участіе въ организаціи Карамзинской общественной библіотеки.

вдругъ все затихало; это значило, что инспекторъ, Крупенскій, смотрѣлъ въ окно: пугались ученики и еще болѣе учитель.

Самый отъявленный шалунъ и выдумщикъ всякихъ фокусовъ и озорства былъ братъ мой, Владиміръ, который командовалъ всѣмъ классомъ, и, — надо сказать правду, — командовалъ мастерски. Онъ устраивалъ отцу крайне непріятныя сцены. Если онъ не зналъ урока изъ русской грамматики, то подговаривалъ товарищей сказать отцу, что тотъ забылъ задать классу урокъ, и что всѣ знаютъ, что дома онъ ругательски ругаетъ директора и инспектора. Все это сообщаютъ отцу. Онъ, конечно, спрашиваетъ, кто имъ, „негодяямъ", сказалъ, будто онъ позволяетъ себѣ „дурно отзываться о г-нѣ директорѣ". — „Намъ это, Николай Александровичъ, сказалъ вашъ сынъ, Владиміръ". — „Володя, иди сюда, негодный и дурной сынъ!" — Оправляясь и стыдливо потупя глаза, встаетъ „негодный" сынъ и подходитъ къ отцу. — „Что ты лжешь, что я позволилъ себѣ непочтительно отзываться о г-нѣ директорѣ? Я прикажу тебя въ субботу высѣчь". — Классъ сидитъ тихо и наслаждается даровымъ зрѣлищемъ, а Володя третъ глаза, строитъ печальную физіономію и готовъ плакать. „Вы, папаша, знаете, что лгать грѣхъ, это запрещаютъ намъ божіи заповѣди. Законоучитель, Александръ Осиповичъ, намъ говорилъ, что если мы будемъ лгать, то будемъ вѣчно горѣть въ геенѣ огненной, и на томъ свѣтѣ черти будутъ мучить насъ и варить въ смолѣ..." — „Я все это безъ тебя знаю; но къ чему ты все это говоришь?" — „Вы, папаша, когда затушили свѣчу, то стали читать молитвы на сонъ грядущій, и я, папаша, тоже всталъ съ постели и молился; а когда вы легли, то стали бранить директора, инспектора, нашего добраго и благочестиваго законоучителя..." — „Ты врешь, негодяй! Оставайся безъ обѣда, а я попрошу г-на инспектора, чтобы тебя хорошенько высѣкли за ложь и клевету на родного отца". — „Папаша, простите меня! Можетъ быть, я дурной сынъ, а только спросите у нянюшки, какъ вы браните начальство. Няня вчера мнѣ говорила: „Какъ бы кто не подслушалъ, какъ папаша вашъ всѣхъ ихъ коститъ, даже слушать страшно". Если вы прикажете меня высѣчь, то я приведу няню, а она все скажетъ подъ присягой". — „Молчи, пошелъ и садись, скверный, испорченный мальчикъ!" — Классъ смѣется. Отецъ старается замѣтить, кто шалитъ, чтобы записать въ журналъ. Братъ же, подмигивая товарищамъ, садится на свое мѣсто.

Отецъ отличался изумительной подозрительностью [1]). Иногда онъ производилъ въ домѣ настоящіе обыски, разспрашивалъ няню, заглядывалъ на чердакъ и, утомленный, ложился отдыхать.

Трудно сказать, любилъ ли онъ кого-либо. Изрѣдка ему приходило въ голову, что мы съ братомъ — шалуны и дурные мальчики. Тогда онъ призывалъ котораго-нибудь изъ насъ къ себѣ и приказывалъ нашему лакею, Лукьяну, высѣчь меня или— чаще—брата; а потомъ всѣ, втроемъ, шли въ церковь, ко всенощной (такъ какъ сѣкли насъ—и сѣкли жестоко—обыкновенно по субботамъ).

Ахъ, эти хожденія по церквамъ! Намъ съ братомъ съ юныхъ лѣтъ опротивѣли и запахъ ладана, и весь церковный ритуалъ. Отецъ водилъ насъ ко всенощной или къ заутренѣ и къ ранней обѣднѣ. Когда ему казалось, что мы мало крестимся и становимся на колѣни, то онъ ударялъ насъ указательнымъ пальцемъ по головамъ, приговаривая: „Молись, Сашенька! Молись, Володенька!“ Вообще, религія имѣла у насъ обрядовый, чисто византійскій характеръ.

Чего, чего только не припоминается изъ этой проклятой жизни, гдѣ вся педагогія и религія ограничивались розгами и хожденіемъ въ храмъ, прикладываніемъ къ иконамъ и выслушиваніемъ акаѳистовъ и тропарей! Выше всѣхъ святыхъ отецъ ставилъ своего ангела, Николая Чудотворца, и день этого святого посвящался исключительно молитвѣ, пирогу и торжественному обѣду. Въ городѣ отца любили за его тихій характеръ и благочестіе. Онъ всю жизнь оставался фанатикомъ и, когда мы были уже студентами, приглашалъ насъ идти съ нимъ „въ храмъ божій“. Особенное удовольствіе доставляло ему представить насъ какому-нибудь соборному бонзѣ или какой-нибудь статской совѣтницѣ, съ которой онъ крестилъ евреевъ.

Крестить евреевъ-кантонистовъ считалось въ то время дѣломъ благочестивымъ. Сколько „обратилъ“ ихъ въ православіе отецъ— трудно сказать. Помню я этихъ несчастныхъ, худыхъ, изнуренныхъ, приходившихъ къ намъ благодарить его за то, что они познали черезъ него свѣтъ православной церкви. Приходили они въ солдатскихъ мундирчикахъ и въ сѣрыхъ шинеляхъ. Имъ давали чаю съ булками, а отецъ разъяснялъ имъ ученіе нашего [illegible]зеннаго православія.

Вообще, жизнь была сѣрая, скучная и бѣдная! Скажу еще [illegible]сколько словъ о своемъ братѣ Владимірѣ. Онъ кончилъ курсъ

[1]) Черта—свойственная и Ивану Александровичу.

въ казанскомъ университетѣ, служилъ два-три года въ Петербургѣ, а затѣмъ получилъ мѣсто судебнаго слѣдователя въ Горбатовѣ, гдѣ его очень полюбили за его добродушіе, мягкость и огромный тонкій юморъ. Это была превосходная, чистая душа, полный безсребренникъ, никогда не думавшій о себѣ и помогавшій всѣмъ. Онъ жилъ и умеръ студентомъ. Онъ былъ очень некрасивъ собой: широкое лицо, маленькій носъ, что-то вульгарное въ лицѣ и маленькіе плутовскіе глаза. При всемъ томъ, онъ пользовался рѣдкимъ успѣхомъ у женщинъ. Онъ не ладилъ съ своимъ начальствомъ, былъ не въ ладахъ съ администраціей, и когда открылась должность члена окружного суда, его на нее не назначили. Тогда онъ перешелъ въ адвокатуру и занялся практикой въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ имѣлъ много дѣлъ. Но,—какъ я слышалъ отъ одного изъ извѣстнѣйшихъ московскихъ адвокатовъ,—онъ „умѣлъ открыть золотоносную почву, но не умѣлъ эксплуатировать рудникъ и извлечь изъ него выгоду, предоставляя возможность забрать богатство пришлымъ людямъ, даже первому проходимцу“.

Если братъ не обладалъ никакимъ талантомъ, то унаслѣдовалъ гончаровскую лѣнь, любовь къ мечтательному far niente и неумѣнье приспособиться къ обстоятельствамъ и эксплуатировать ихъ въ свою пользу. Не знаю, какъ думалъ онъ устроить впослѣдствіи свою жизнь: онъ былъ очень скрытенъ и, подобно отцу, какъ-то сторонился людей. Онъ полюбилъ жену одного коммерсанта, но встрѣтилъ соперника въ блестящемъ московскомъ адвокатѣ, который и остался побѣдителемъ. Гдѣ же было конкуррировать со „стальнымъ адвокатомъ“ отпрыску рода Гончаровыхъ! Братъ сталъ манкировать дѣлами и началъ прибѣгать къ водкѣ. Умеръ онъ въ 1889 году въ Нижнемъ, не оставивъ никакого состоянія; похоронили его товарищи по профессіи. За гробомъ его шло много бѣдныхъ, которымъ онъ помогалъ или давалъ безвозмездно совѣты. Это былъ добрый и честный, но слабый человѣкъ.

Жизнь брата сложилась несчастливо, вѣроятно, отчасти вслѣдствіе прирожденныхъ, гончаровскихъ, особенностей натуры, а отчасти вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій воспитанія: мать наша не любила его; онъ былъ одинокъ въ дѣтствѣ и юности, не видѣлъ ни отъ кого ласки; гимназія же на его дѣтскія шалости и болѣе или менѣе остроумныя выходки отвѣчала побоями, розгами и карцеромъ.

Мать наша, Елизавета Карловна, урожденная Рудольфъ, дочь симбирскаго врача, была женщина съ сильнымъ характе-

ромъ и практической складкой ума. Но, конечно, она не могла быть счастливой съ человѣкомъ психически больнымъ, который зналъ языки, исторію, ходилъ къ ранней и поздней обѣднѣ, любилъ слушать архіерейскихъ пѣвчихъ, вѣрилъ во всякія чудеса и мощи и занимался, кромѣ преподаванія, только разговорами съ самимъ собой и истребленіемъ непомѣрнаго количества чаю и квасу. Впослѣдствіи мать говорила мнѣ, что она не была другомъ-женой, а была не то нянькой, не то сидѣлкой и экономкой у больного и безхарактернаго человѣка. Вся тяжесть жизни, добыванія „земныхъ благъ", забота о насъ, объ отцѣ и о домѣ, даже хлопоты по службѣ отца — все это легло на нее, и она съ достоинствомъ несла этотъ, далеко не легкій, крестъ, не встрѣчая ни отъ кого ни сочувствія себѣ, ни оцѣнки своихъ трудовъ. Она обшивала насъ, смотрѣла, чтобы отецъ своевременно шелъ въ гимназію, заказывала для него баню, сдавала и ремонтировала домъ, дѣлала постройки, торговалась въ лавкахъ и кое-какъ сводила концы съ концами. Когда отцу плохо приходилось по службѣ, она же ѣздила въ Казань, просила, давала кому слѣдуетъ взятки, и его оставляли въ гимназіи до какого-нибудь грандіознаго представленія со стороны учениковъ.

Мать разсказывала мнѣ, что, прочитавъ „Обрывъ", она узнала въ учителѣ Козловѣ своего мужа—сходство несомнѣнное; ее же самоё, въ лицѣ Ульяны Андреевны, Гончаровъ изобразилъ „распутной", изъ чувства мести: онъ не любилъ ее за то, что она часто рѣзко высказывала то, что думала, и даже однажды назвала его „Ванькой Каиномъ" [1]).

Сестра моего отца и Ивана Александровича, Анна Александровна [2]), была замужемъ за докторомъ Петромъ Авксентьевичемъ Музалевскимъ. Мужъ ея былъ популярнымъ врачомъ въ Симбирскѣ и уже тогда настойчиво проповѣдывалъ значеніе гигіены, важность чистаго воздуха и хорошей воды. Это былъ превосходный, прямой и безукоризненный человѣкъ, съ одинаковымъ уваженіемъ и любовью относившійся ко всѣмъ больнымъ. По наружности, это былъ грубоватый и простой человѣкъ. Но онъ очень любилъ свою жену и дѣлалъ много добра бѣднымъ.

Анна Александровна была очень умная женщина, обладавшая

[1]) Мать автора воспоминаній вообще не пользовалась симпатіями со стороны родственниковъ—Гончаровыхъ-Кирмаловыхъ. По словамъ знавшихъ ее лицъ, Иванъ Александровичъ въ названномъ персонажѣ изобразилъ лишь нѣкоторыя, немногія ея черты.

[2]) Анна Александровна — младшая изъ сестеръ писателя—родилась въ 1818 г. Старше ея была Александра Александровна (род. въ 1815 г.), по мужу Кирмалова.

большою наблюдательностью и огромнымъ юморомъ. Скончалась она въ 1898 году, въ глубокой старости [1]).

По временамъ она дѣлалась совершенно ненормальной или,—какъ говорилъ ея мужъ,—начинала „куралесить": она накупала въ магазинахъ множество разныхъ матерій и безъ конца кроила и шила для себя и для своихъ двоихъ пріемныхъ дочерей платья, юбки, кофты, при помощи нѣсколькихъ приглашенныхъ на домъ портнихъ. Эта, обыкновенно разсудительная и далеко не дурная, женщина дѣлалась въ такихъ случаяхъ невыносимой: лицо ея покрывалось красными пятнами, глаза мутились, и она начинала говорить всѣмъ яко бы правду въ глаза,—начинала всѣхъ обличать. Бѣда, если въ то время приходили къ ней мы съ братомъ или нашъ отецъ. Она набрасывалась на насъ съ разными упреками, а безхарактерному отцу разсказывала, что мать ему невѣрна,—что, когда его не бываетъ дома, къ ней приходятъ гости. Постоянно возстановляя отца противъ жены, она ставила послѣдней въ упрекъ даже то, что та была лютеранка. Случалось, что отецъ, подъ давленіемъ словъ сумасшедшей женщины, и самъ будучи ненормаленъ, возвратившись домой, устраивалъ матери сцены. Та уходила и плакала.

Въ лѣтнее жаркое время періодъ сумасшествія у Музалевской продолжался иногда нѣсколько недѣль. Тогда она, вся красная отъ прилива крови къ лицу, дѣлалась пугаломъ для всей мужской и женской прислуги. Только одинъ Петръ Авксентьевичъ оставался спокоенъ, привозилъ ей цѣлыя связки матерій и, не смотря на ея брань, упреки и грубыя сцены, былъ съ ней ласковъ и тихъ.

Когда Музалевская была здорова, она представляла изъ себя провинціальную даму того, давно прошедшаго времени, сознававшую, что домъ ея—полная чаша,—что мужъ у нея хорошій человѣкъ,—что она не хуже дамъ мѣстной аристократіи. Въ Музалевскомъ всѣ нуждались и потому во всѣхъ лучшихъ домахъ охотно и любезно принимали тетушку, которая очень точно подмѣчала недостатки и пустоту тогдашняго симбирскаго общества. При этомъ она была превосходная хозяйка, и въ ея домѣ готовились изумительныя шипучки и разные квасы, солились грибы, мочились яблоки, сливы и груши въ изобиліи. Это былъ типъ старосвѣтской помѣщицы-хлопотуньи.

Музалевскіе имѣли очень хорошія по тому времени средства: Трегубовъ [2]) оставилъ Аннѣ Александровнѣ около десяти-двѣ-

[1]) Долголѣтіе—вообще отличительная черта Гончаровыхъ.

[2]) Выведенный Гончаровымъ, въ очеркѣ „На родинѣ", подъ именемъ Якубова.

надцати тысячъ рублей ассигнаціями и до двухъ-сотъ десятинъ земли вблизи Симбирска. Мужъ ея зарабатывалъ по десяти-пятнадцати тысячъ рублей въ годъ; люди они были скромные и отложили до ста-двадцати-пяти тысячъ рублей серебромъ. Деньги эти они отдали какому-то Алаеву на желѣзно-дорожное предпріятіе. Тотъ обѣщалъ имъ золотыя горы, но, получивъ деньги, скрылся. Вслѣдъ затѣмъ случился знаменитый пожаръ 1864 года, уничтожившій почти весь Симбирскъ, и Музалевскіе, разорившись, переселились въ Москву, гдѣ старшая ихъ пріемная дочь, Евдокія Петровна, вышла замужъ за доктора-психіатра Левенштейна, имѣвшаго свою клинику за Трехгорной заставой, на дачѣ Тѣстова.— Левенштейнъ былъ очень хорошій врачъ. Анну Александровну Музалевскую онъ считалъ *истеричной*, объясняя ея припадки наслѣдственностью и застарѣлою женскою болѣзнью.

Придя однажды къ Музалевской (въ то время она жила въ Москвѣ, у Левенштейновъ), я засталъ ее разстроенной, съ краснымъ лицомъ; сердясь и волнуясь, ходила она по своей комнатѣ. Она тотчасъ же начала жаловаться мнѣ на Левенштейна, говоря, что онъ разоряетъ свою семью, покупаетъ дорогія картины, больныхъ кормитъ слишкомъ хорошо, живетъ не по средствамъ, посылаетъ въ Охотный рядъ повара, который его обкрадываетъ, и т. п. Все это была неправда: Левенштейнъ былъ очень практичный, милый и добродушный курляндецъ; къ Музалевской онъ относился съ любовью и уваженіемъ, хотя ему было тяжело выносить ея капризы и жалобы. Онъ никогда не забывалъ, что это—больная женщина, и во время ея припадковъ, когда она рвала и метала, обходился съ ней ласковѣе обыкновеннаго и посылалъ къ ней дѣтей, чтобы они развлекали ее. — Въ этотъ разъ она долго жаловалась мнѣ на свое яко бы печальное положеніе, на отношеніе къ ней окружающихъ, и увѣряла меня, что жить ей здѣсь стѣснительно. Кончились ея жалобы тѣмъ, что она просила меня обмѣнять принадлежавшіе ей десять выигрышныхъ билетовъ на пятипроцентныя бумаги. Дала она мнѣ билеты, и я отправился съ ними къ Юнкеру. Когда я возвратился, она встрѣтила меня съ пылающимъ лицомъ, вся какъ въ лихорадкѣ. Ей представилось, что я съ этими деньгами уѣхалъ и не возвращу ей билетовъ. Она была уже два раза у Левенштейна, жаловалась, что довѣрила мнѣ продажу билетовъ. Какъ онъ ее ни успокаивалъ, она строила въ головѣ самые фантастическіе планы и совершенно отчаявалась въ моемъ возвращеніи. — Отъ радости она не знала, чѣмъ меня угостить, и достала какое-то особенное варенье изъ лимоновъ съ инбиремъ. „Все

это,—говорила она,—всѣ эти сомнѣнія у меня отъ гончаровской породы; не могу отъ нихъ отдѣлаться; знаю, что напрасно хандрю и чудачу, а ничего съ собой подѣлать не въ силахъ".

Та же *гончаровская порода* сказалась и въ дядѣ-писателѣ. Кто бы ни соприкасался съ нимъ, всѣ выносили впечатлѣніе о немъ, какъ о тяжеломъ, мнительномъ, психически больномъ человѣкѣ. Я никогда не видалъ его въ веселомъ, радостномъ настроеніи, исключая перваго времени пребыванія его въ Симбирскѣ въ 1862 году, когда онъ гостилъ у своей сестры, Музалевской, которую въ своихъ письмахъ называлъ „государыней-сестрицей" [1]).

Тетушка сдѣлала все, чтобы угодить своему знаменитому „братцу", извѣстному писателю, притомъ такому, который и съ министрами знакомъ, и у великихъ князей бываетъ. Поглощенная хлопотами по найму хорошаго повара, перемѣной обоевъ въ комнатѣ, гдѣ должна была помѣститься знаменитость, закупками и выпиской изъ Нижняго разной провизіи, она въ это лѣто даже не „куралесила". Мужъ ея, похаживая по комнатѣ, говорилъ шутя: „Ты, Анна Александровна, только не пересоли: нечего его особенно баловать. Не велика птица".

Иванъ Александровичъ пріѣхалъ и остался всѣмъ доволенъ. Лѣто стояло прелестное, и мы съ нимъ предпринимали продолжительныя прогулки въ Киндяковскую рощу, къ Волгѣ, въ Поливну, откуда я приносилъ домой много превосходныхъ окаменѣлостей мѣловой формаціи. На дачѣ въ Киндяковкѣ Гончаровъ никогда не жилъ, такъ какъ въ то время на дачи изъ Симбирска не выѣзжали, и у Гончарова не было ничего общаго съ Киндяковыми [2]).

---

[1]) Насколько я припоминаю, за петербургскій періодъ своей жизни, Гончаровъ былъ въ Симбирскѣ всего два раза: при возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія и въ 1862 году.—*Примѣчаніе А. Г.*

[2]) *Поливна*—деревня въ семи верстахъ отъ Симбирска, вверхъ по р. Волгѣ. Находящійся здѣсь глубокій оврагъ богатъ белемнитами и аммонитами.—Въ первой своей статьѣ о Гончаровѣ, стр. 570, мы сослались на „Воспоминанія" Г. Н. Потанина, который категорически говоритъ, что Иванъ Александровичъ одно лѣто жилъ на дачѣ въ усадьбѣ Киндякова, вмѣстѣ съ Музалевскими. Желая провѣрить это извѣстіе, мы обратились за разъясненіемъ къ автору печатаемыхъ воспоминаній и къ другимъ родственникамъ Гончарова. Всѣ они единогласно утверждаютъ, что это—одна изъ симбирскихъ легендъ, связанныхъ съ именемъ Гончарова. Симбирскіе родственники Ивана Александровича настаиваютъ даже на томъ, что *обрывъ*, описанный имъ въ романѣ того же имени, находился не въ Киндяковкѣ, а въ саду его матери, расположенномъ въ городской чертѣ, на томъ же, горномъ, берегу Волги. Здѣсь же находилась и бесѣдка, напоминавшая ту, гдѣ, по роману, произошло роковое свиданіе Вѣры съ Волоховымъ.—По словамъ тѣхъ же симбирскихъ родственниковъ, лѣтомъ 1862 года Гончаровъ любилъ дѣлать прогулки не съ племянникомъ (общества

Но жирныя стерляди, бекасы, дупеля, соусы изъ утокъ и кулебяки изъ осетрины съ визигой оказали свое дѣйствіе на Гончарова, привыкшаго къ умѣреннымъ обѣдамъ въ Hôtel de France и къ легкимъ обѣдамъ крупныхъ петербургскихъ чиновниковъ: онъ сталъ прихварывать, дѣлался капризнымъ и началъ скучать по Павловску и Царскому-Селу.

Колебанія барометра оказывали на него огромное вліяніе: поднимался ли вѣтеръ, собирался ли дождь, онъ начиналъ брюзжать и жаловаться, что и стерлядь слишкомъ жирна, и обѣдъ не такой тонкій, какъ въ Карлсбадѣ,—что глупая и пустая жизнь соннаго Симбирска совершенно не соотвѣтствуетъ его характеру.

„Что это—говорилъ онъ Аннѣ Александровнѣ—у тебя за поваръ? Вѣдь какой-нибудь Собакевичъ или Пѣтухъ можетъ à la longue безнаказанно сносить такіе обѣды; а я, человѣкъ кабинетный, скромный петербургскій чиновникъ, не симбирскій житель, не могу ежедневно переваривать всю эту волжскую благодать".

Музалевская, соображаясь со вкусами знаменитости, измѣнила menu обѣдовъ и завела „французскую кухню": появились бульонъ, „пожарскія котлеты", соусы изъ раковыхъ шеекъ и т. п. Поѣсть вкусно и съ толкомъ Гончаровъ умѣлъ, но онъ не призналъ за поваромъ Анны Александровны французскаго искусства, плохо переваривалъ его произведенія и съ каждымъ днемъ становился желтѣе, капризнѣе и невыносимѣе. „Вотъ въ Парижѣ,—говаривалъ онъ послѣ сытнаго обѣда,—въ Hôtel de Nice, меня кормили точно французской кухней: и вкусно, и сытно, и легко; морская рыба имѣетъ свой привкусъ и особый, не вредный, жиръ, и пулярдки превосходны; о пирожномъ я и не говорю: его можно ѣсть только въ Парижѣ; а эти изумительные

котораго избѣгалъ), а съ племянницей, Софьей Михайловной Кирмаловой:—„Пойдемъ, Софочка,—обычно говорилъ онъ ей,—погуляемъ, а то меня кондрашка хватитъ." Ходилъ онъ дѣйствительно очень много; ѣздить же не любилъ. Когда послѣднее было необходимо, то просилъ дать ему такихъ клячъ, „которыя съ третьяго кнута съ ноги на ногу переступятъ". (Ср. „Обломовъ", Сочин., т. IV, стр. 243: „обломовская" черта самого автора).—*Никитенко* сообщаетъ, что, живя за-границей, Гончаровъ былъ „одержимъ неистовой страстью бродить"... По поводу подобныхъ указаній [illegible] питенки, т. *Ляцкій* справедливо замѣчаетъ, что они „способны, пожалуй, разубѣдить иныхъ изъ читателей въ томъ, будто бы Гончаровъ былъ ужъ очень непоженъ и лѣнивъ".—*Евг. Ляцкій.* Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Спб., 1904, р. 83.—Ср. *М. С.* Некрологъ Ив. Ал. Гончарова въ „Вѣстн. Европы", 1891 г., 10, стр. 861: „Онъ былъ весьма дѣятельнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ, всего [illegible]ѣе похожимъ на Обломова".

vol-au-vent garni! Это кушанье заказывали для меня у Palissier... У нашихъ поваровъ нѣтъ вкуса, нѣтъ изящества, нѣтъ школы и такихъ кулинарныхъ преданій" [1]).

Анна Александровна конфузилась, не знала, что̀ дѣлать, и старалась чаще заглядывать въ кухню, гдѣ поваръ выбивался изъ силъ, чтобы угодить „петербургскому генералу".

У насъ въ домѣ, въ этотъ пріѣздъ, Иванъ Александровичъ былъ всего разъ или два. Онъ относился къ своему брату съ легкимъ юморомъ и брезгливостью: ему, чистоплотному петербуржцу, было противно видѣть нашу убогую обстановку, неизмѣнный графинъ съ квасомъ, и толстаго, неряшливаго въ одеждѣ, отца, съ его сентиментальностью, преклоненіемъ предъ талантомъ брата и воспоминаніями о Москвѣ тридцатыхъ годовъ. Нашъ отецъ, младшій учитель гимназіи, бѣдный, больной и не знающій гигіены человѣкъ, своимъ видомъ и манерами нисколько не напоминалъ чистенькихъ и благородныхъ Адуевыхъ-дядюшекъ.

Если къ тетушкѣ приходилъ кто-либо изъ знакомыхъ, то Гончаровъ удалялся въ свою комнату: онъ не желалъ встрѣчаться съ мѣстными дворянами, между которыми въ то время были люди очень образованные.

Уѣзжая изъ Симбирска, разстался онъ со всѣми холодно. Впослѣдствіи онъ увѣрялъ меня, что это пребываніе на родинѣ стоило ему дорого: онъ долженъ былъ два года подъ-рядъ ѣздить въ Карлсбадъ, выгонять изъ себя волжскую снѣдь [2]).

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ И. А. Гончарова, какимъ я зналъ его впослѣдствіи, въ Петербургѣ, скажу, что̀ знаю, по семейнымъ преданіямъ, о его родителяхъ.

Объ отцѣ его извѣстно мнѣ очень мало. Говорили, что онъ былъ человѣкъ ненормальный, меланхоликъ, часто заговаривался, былъ очень благочестивъ и слылъ „старовѣромъ". Занимался онъ хлѣбной торговлей и, кажется, имѣлъ амбары для ссыпки хлѣба въ Симбирскѣ, подъ горой, на берегу Волги [3]). Помню, что его портретъ висѣлъ у бабушки, Авдотьи Матвѣевны, въ

[1]) Само собою понятно, что эти и дальнѣйшія „подлинныя слова" Гончарова, записанныя его племянникомъ черезъ сорокъ-пять лѣтъ, не могутъ претендовать на абсолютную точность: въ нихъ не мало авторскаго субъективизма...

[2]) Совершенно иное впечатлѣніе оставилъ этотъ пріѣздъ Ивана Александровича у другихъ родственниковъ—Кирмаловыхъ: по ихъ словамъ, онъ былъ благодушенъ, много шутилъ и никого ничѣмъ не огорчалъ. Самъ онъ писалъ о своемъ пребываніи въ Симбирскѣ сестрѣ Александрѣ Александровнѣ: „я живу у нея (Анны Александровны), она балуетъ меня, какъ покойница маменька; *мнѣ также хорошо, тепло, какъ тогда*".

[3]) По другимъ извѣстіямъ, у него былъ еще въ Симбирскѣ свѣчной заводъ.

ея спальнѣ (жила она въ верхнемъ этажѣ стараго Гончаровскаго дома); здѣсь же висѣлъ портретъ во весь ростъ какого-то юродиваго, Яши или Вани, въ длинной, до пятъ, рубашкѣ [1]). Помню также, что у Авдотьи Матвѣевны былъ большой кіотъ, передъ которымъ горѣла синяя лампадка. Изъ стараго гончаровскаго наслѣдства всѣмъ намъ досталось по два, по три образа. Я получилъ два образа, изъ которыхъ одинъ—образъ Спасителя, въ тяжелой позолоченной ризѣ, а другой—Божіей Матери—въ серебряной ризѣ. У Ивана Александровича, на Моховой, въ задней комнатѣ, также было нѣсколько образовъ изъ стараго гончаровскаго дома.

У Авдотьи Матвѣевны, когда Трегубовъ уже умеръ, жило много разной прислуги, которую онъ ей „подарилъ". Кромѣ глухого кучера Антона, тамъ же ютились глухо-нѣмой сапожникъ, съ ремнемъ вокругъ головы, сумрачный и желчный лакей Никита, въ длинноломъ кафтанѣ, лакей Ѳедоръ,—онъ же и портной,—и двѣ горничныя „дѣвки", Василиса и Арина, которыя страшно ругались между собой. Была еще и другая Арина, которая ходила за коровами.

Я также хорошо помню, какъ бабушкинъ лакей Ѳедоръ, собравъ компанію слугъ, разъѣзжалъ съ ними на святкахъ по домамъ, въ качествѣ ряженыхъ. Они представляли собою разбойниковъ шайки Стеньки Разина, причемъ грознаго атамана изображалъ Ѳедоръ, въ спеціально сшитомъ для того какомъ-то полу-фантастическомъ костюмѣ, дѣлавшемъ его похожимъ не то на перса, не то на черкеса. Полъ нашей залы долженъ былъ представлять собою лодку, въ которой Ѳедоръ помѣщался у руля, а остальные его товарищи садились гребцами и пѣли волжскія пѣсни, что̀ намъ съ братомъ доставляло большое удовольствіе. За это они получали 1 р. 40 к. ассигнаціями, т.-е. два двугривенныхъ серебромъ, и оставались очень довольны. Воспоминанія эти относятся къ 1848—1850 гг.

Музалевская не любила вспоминать о своей матери, которая представляется мнѣ женщиной старой Россіи,—Россіи XVII столѣтія. Авдотья Матвѣевна была жестокая женщина, круто распоряжавшаяся со своими дѣтьми и прислугой [2]).

---

[1]) Вѣроятно, Андрея Ильича или *Андрюшки* (1763—1841 гг.), юродиваго,—о сихъ поръ весьма чтимаго въ Симбирскѣ. (См. *П. Мартыновъ*. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Симбирскъ, 1898, стр. 129—130).

[2]) Симбирскіе родственники, напротивъ, сохранили о ней самыя лучшія воспоминанія: она была строгая, но умная воспитательница дѣтей; прислуга же весьма ценила ее „за справедливость" и распорядительность. Иванъ Александровичъ, въ

Мой отецъ и Иванъ Александровичъ получили въ наслѣдство отъ матери старый Гончаровскій домъ. Дядя отказался отъ своей части въ пользу моего отца; домъ этотъ послѣ пожара былъ проданъ моими родителями за 5.000 рублей [1]).

Я лично помню Ивана Александровича съ начала шестидесятыхъ годовъ. Особенно часто видался я съ нимъ въ 1876—1879 гг., когда я жилъ въ Петербургѣ, но бывалъ у него и ранѣе, въ 1872 и 1873 гг., когда пріѣзжалъ въ столицу. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ мы видѣлись съ нимъ раза два—три, а послѣ я совершенно у него не бывалъ.

Гончарову, какъ я слышалъ отъ своего отца, а отчасти и отъ него самого, пришлось пройти въ Петербургѣ тяжелую школу, нуждаться, терпѣть невзгоды. Но если онъ и нуждался, то одѣтъ онъ былъ всегда хорошо и имѣлъ превосходное бѣлье

письмѣ къ сестрѣ, Александрѣ Александровнѣ, выдержка изъ котораго приведена нами въ первой статьѣ (стр. 586—587), вспоминаетъ о ней съ благоговѣніемъ, зная, что и сестра также глубоко чтитъ ея память. Въ кругу близкихъ людей онъ говорилъ, что никто изъ нихъ, братьевъ и сестеръ, не унаслѣдовалъ ея ума, по которому ей слѣдовало бы быть министромъ. Авдотья Матвѣевна не была расположена къ матери автора воспоминаній. Не повліяло ли это обстоятельство на его отзывъ о бабушкѣ?

[1]) Каменный домъ, принадлежавшій родителямъ Николая Александровича и Ивана Александровича, по смерти матери, перешелъ къ нимъ въ общее владѣніе, но Иванъ Александровичъ предоставилъ его въ полную собственность брату, который и продалъ его послѣ опустошительнаго пожара 1864 года за 5.000 руб.— сумма значительная для того времени, тѣмъ болѣе, что домъ пострадалъ отъ пожара, а деревянный флигель и службы совершенно сгорѣли (вѣроятно, Николай Александровичъ получилъ страховую премію). Домъ этотъ находится на главной улицѣ, въ центрѣ города и, при слѣдующихъ переходахъ изъ рукъ въ руки, постоянно повышался въ цѣнѣ; послѣдній разъ онъ былъ купленъ въ 1880 году купцомъ К. И. Юргенсомъ за 20.000 руб. Настоящіе владѣльцы, наслѣдники К. И. Юргенса, значительно расширили и подстроили его и на одномъ изъ его угловъ, въ сентябрѣ 1907 года, помѣстили доску изъ чернаго шведскаго гранита (работы мастерской скульпторовъ Ботта въ Петербургѣ), съ превосходнымъ барельефомъ-бюстомъ И. А. Гончарова, выполненнымъ скульпторомъ *Б. М. Микѣшинымъ* и отлитымъ изъ бронзы въ художественной мастерской В. В. Гаврилова (въ Петербургѣ). Подъ барельефомъ надпись: „*Здѣсь родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ 6 іюня 1812 г.*“— Замѣтимъ здѣсь кстати, что послѣдняя дата, кромѣ указаннаго нами въ первой статьѣ документа, подтверждается и *метрическими книгами* симбирской Вознесенской церкви за іюнь 1812 года, гдѣ, подъ № 42, находится такая запись: „*6—рожд., крещ. 11. У симбирскаго купца Александра Иванова Гончарова—сынъ Иванъ. Воспріемникъ надворный совѣтникъ Николай Николаевичъ Трегубовъ.* Молитвовалъ и крестилъ приходскій священникъ Михаилъ Бадеряковскій. Діаконъ Александръ Ивановъ. Дьячекъ Петръ Ивановъ. Пономарь Сергѣй Андреяновъ“. Справкой этой мы обязаны протоіерею Л. С. Марсальскому и И. В. Соловьеву.

и приличную обстановку [1]). Обладая незаурядным образованіемъ, извѣстнымъ внѣшнимъ лоскомъ и умѣньемъ ладить съ людьми, имѣющими власть, онъ, при своемъ литературномъ талантѣ, съумѣлъ выбиться изъ толпы. Кажется, женщины скрашивали ему жизнь [2]).

Послѣднія тридцать лѣтъ Иванъ Александровичъ жилъ на Моховой, въ домѣ Устинова. За квартиру онъ платилъ чуть ли не 25—30 руб. въ мѣсяцъ, хотя она стоила не менѣе 100 руб. Онъ говорилъ, что М. М. Устиновъ не желалъ брать съ него болѣе того, что̀ назначилъ его отецъ. Дома столá онъ не держалъ, а ходилъ обѣдать въ Hôtel de France.

Послѣ обѣда онъ обыкновенно очень много ходилъ (не менѣе пятнадцати верстъ въ день) и возвращался домой къ десяти часамъ, гдѣ его ждалъ чай. Иногда онъ завтракалъ дома въ одиннадцать часовъ, причемъ почти весь завтракъ состоялъ изъ двухъ яицъ и сыра. Однажды, помню, онъ приказалъ подать послѣ завтрака вчерашніе фрукты, виноградъ и апельсина три-четыре. При этомъ сервизъ былъ какой-то сборный, салфетки и скатерть потертыя и грубыя. Во всемъ, кромѣ одежды, у него видна была скупость, даже скаредность [3]).

Въ шестидесятыхъ годахъ я засталъ у него слугу, Johann'a [4]), нѣмца, у котораго была жена и трое дѣтей, двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ.

Приходя къ Гончарову въ десять часовъ утра, я обыкновенно заставалъ его въ шолковомъ шлафрокѣ, допивающимъ чай

---

[1]) Едва ли у него *всегда* была „приличная обстановка“: въ письмѣ къ Музалевской онъ вспоминаетъ „щель, въ какой жилъ прежде“.—См. ниже.

[2]) Показанія другихъ родственниковъ Ивана Александровича подтверждаютъ выводъ, сдѣланный г. Ляцкимъ, на основаніи изученія его произведеній: — „Если вглядѣться въ ту роль, какую играетъ женщина въ его произведеніяхъ, можно безъ особеннаго грѣха вывести заключеніе, что въ душѣ его жило неизмѣнное стремленіе къ тому „ewig Weibliche“, которое въ жизни, можно думать, сказалось рядомъ разочарованій, а въ поэзіи озарилось лучами дивной красоты и обаянія“.—Op. cit., стр. 118.

[3]) Это не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ, что сказано авторомъ выше о *приличной* обстановкѣ Гончарова. Д. Л. Кирмалова, часто запросто бывавшая у него въ Петербургѣ, сообщила намъ, что сервировка у него была вполнѣ приличная; гостямъ подавались хорошіе фрукты, печенье, конфекты, вообще не было слѣдовъ какой бы ни было „скаредности“.

[4]) *Карлъ Трейгультъ*. См. выше цитированную брошюру: „И. А. Гончаровъ и неизданныхъ письмахъ къ графу Валуеву“, стр. 64: полностью напечатана эта записка.—*Карломъ* названъ онъ въ духовномъ завѣщаніи Гончарова („Вѣстн. Европы“, 1907 г., № 11, стр. 486). Д. Л. Кирмалова передавала намъ, что Ив. Ал. называлъ его *Людвигомъ*.

или курящимъ сигару. При этомъ онъ пилилъ несчастнаго Johann'a, заставляя при себѣ подметать полъ и стирать пыль, и высмѣивая его, мѣшая русскій языкъ съ нѣмецкимъ. Видимо, это доставляло ему удовольствіе, и онъ пользовался правомъ хозяина. Несчастный нѣмецъ кашлялъ и что-то отвѣчалъ. Иногда входила въ комнату жена его, Александра Ивановна [1]); она спокойно смотрѣла на работу мужа, спрашивала Ивана Александровича, что̀ нужно купить къ завтраку, и бодро и самоувѣренно удалялась. Гончаровъ же продолжалъ пилить Johann'a и высмѣивать нѣмцевъ.

„— Нѣтъ, Александръ Николаевичъ,—говорилъ онъ однажды,—не поѣду я въ вашу хваленую Германію. Невоспитанный народъ эти нѣмцы, вся Германія жретъ въ 1 часъ свои габерсупы и котлеты съ черносливомъ; и всѣ тамъ курятъ грошовыя сигары. Я какъ-то ѣхалъ въ дилижансѣ въ Карлсбадъ, а ко мнѣ подсѣлъ какой-то нѣмецъ и закурилъ свою сигару. Думалъ я, что сойду съ ума,—такого дыму напустилъ этотъ бюргеръ, который потомъ оказался владѣльцемъ милліоннаго состоянія, а сигары курилъ по двѣ копѣйки за штуку. Не люблю я нѣмецкаго языка: все кажется, что они орѣхи грызутъ, а не говорятъ; да и о чемъ нѣмцы могутъ говорить? Ну, французы—тѣ совсѣмъ другой народъ: игривость, jeu d'esprit... А нѣмцы говорятъ о пивѣ, о городскихъ дѣлахъ, или бранятся, а то хвалятъ свои Бранденбурги, Штеттины и Берлины. Несносный народъ. Они совсѣмъ не умѣютъ ѣсть и все выѣзжаютъ на какихъ-то двусмысленныхъ супахъ, а о хорошемъ мясѣ понятія не имѣютъ. Кормятъ хорошо только у Пупа въ Карлсбадѣ, да и то потому, что тамъ бываютъ русскіе и французы... Наконецъ, я говорю моему нѣмцу: „прошу закурить мою сигару“,—и предложилъ ему настоящую Regalia, хорошую гаванскую изъ купленныхъ мною у Кребса во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, первоклассныхъ сигаръ. Нѣмецъ закурилъ и пришелъ въ телячій восторгъ, спрашиваетъ: „Was kosten die Cigaren?“—Я отвѣчаю: „25 Thaler“.—„Ein Tausend?“—„Nein, ein Hundert“.—Мой спутникъ опѣшилъ и все время смотрѣлъ на меня, какъ на чудо какое-то, и сталъ называть меня не иначе, какъ „Herr Baron“; когда мы останавливались, онъ поддерживалъ меня за локоть... Можетъ быть, нѣмцы хорошіе филологи, дѣльные чиновники или купцы, но жить они не умѣютъ, все у нихъ угловато, нѣтъ изящества и отсутствіе воспитанія. Берлинъ ихъ—

[1]) А. Н. Гончаровъ ошибочно называетъ ее *Дарьей* Ивановной.

противный, точно нашъ Васильевскій-Островъ. И скучища же у нихъ“ [1])...

Когда Johann умеръ отъ чахотки, слугой и экономкой Гончарова осталась Александра Ивановна. Иванъ Александровичъ говорилъ мнѣ и знакомымъ, что она осталась съ семьей, нельзя выбросить ее и дѣтей на улицу, — что онъ считаетъ своимъ долгомъ позаботиться о нихъ. Онъ гулялъ съ дѣтьми, водилъ ихъ въ магазины и покупалъ имъ лакомства. При встрѣчѣ съ знакомыми, онъ объяснялъ, что это дѣти его вѣрнаго и преданнаго слуги, которыхъ онъ не можетъ оставить [2]). Онъ самъ обучалъ ихъ грамотѣ. При постороннихъ они никогда не показывались въ его кабинетѣ, а сидѣли гдѣ-то у матери, на кухнѣ или въ ея комнатѣ. Вѣроятно, они уходили отъ него, когда раздавался звонокъ. Все свое состояніе, достигавшее сорока тысячъ рублей, онъ оставилъ этой семьѣ, не вспомнивъ о своихъ родственникахъ [3]).

---

[1]) Къ подобнымъ выходкамъ Гончарова противъ Берлина, очевидно, слѣдуетъ относиться такъ, какъ онъ совѣтовалъ относиться къ случайно высказаннымъ писателями мыслямъ (въ письмахъ): „Въ одномъ случаѣ онъ былъ подъ однимъ впечатлѣніемъ, а въ другомъ — подъ другимъ, и мало ли что онъ сказалъ!“ (Соч., т. II, стр. 231). По словамъ *П. Д. Боборыкина*, „Ив. Алекс. *очень любилъ тогдашній Берлинъ* (1870 г.) и находилъ, что такого городского парка для прогулки, какъ „Тиргартенъ“, нѣтъ ни въ одной столицѣ. Онъ ходилъ туда неизмѣнно каждый день, въ послѣобѣденные нѣмецкіе часы, т.-е. послѣ двухъ“. (См. Евг. Ляцкій, op. cit., стр. 86).

[2]) Трогательная заботливость Ивана Александровича объ участи одного изъ этихъ дѣтей, мальчика, проявилась въ письмѣ его къ гр. Валуеву отъ 1 марта 1882 г., гдѣ онъ пишетъ, между прочимъ: — „Беру смѣлость напомнить о недавно подтвержденномъ мнѣ обѣщаніи посодѣйствовать мнѣ къ окончательному устройству участи одного изъ ввѣренныхъ мнѣ Провидѣніемъ сиротъ, мальчика Васи Т. — Онъ, съ вашею благосклонною помощью, былъ временно помѣщенъ въ школу для призрѣнія нищихъ (гдѣ находится и понынѣ), въ ожиданіи 11-лѣтняго возраста, чтобы быть опредѣленнымъ въ ремесленное училище Цесаревича Николая. — Изъ прилагаемой памятной записки видно, что г. Ермаковъ сдѣлалъ распоряженіе о зачисленіи сироты Трейгульта кандидатомъ на безплатную вакансію въ это училище.—Въ истекшемъ февралѣ мальчику исполнились требуемыя уставомъ училища 11 лѣтъ, и онъ можетъ быть допущенъ къ экзамену и къ поступленію въ это заведеніе. — У меня нѣтъ силъ, чтобы совершить эту операцію и ввести сироту въ надежное убѣжище до его совершеннолѣтія и успокоить тѣмъ его хворающую мать и облегчить и мнѣ тягость падшей на меня, должно быть, за грѣхи мои, заботы. — Я уповаю, что если [illegible] изволите напомнить г. Ермакову объ обѣщанной имъ вакансіи для сироты, онъ [illegible] откажетъ помочь въ устройствѣ его участи и такимъ образомъ къ массѣ сдѣ[illegible]наго вами добра прибавится еще доброе дѣло“. (И. А. Гончаровъ въ неизданныхъ [illegible]махъ къ графу П. А. Валуеву. Стр. 63—64).

[3]) По словамъ Е. А. Гончаровой, въ духовномъ завѣщаніи Ивана Александро[illegible] стояла фраза: — Въ „Москвѣ у меня остается престарѣлая сестра, Анна

Вообще, отношеніе его къ послѣднимъ характеризуетъ его съ крайне несимпатичной стороны. Какъ я слышалъ, онъ жаловался своимъ знакомымъ, будто родственники надоѣдаютъ ему, раздражаютъ его, хотя онъ не имѣетъ съ ними ничего общаго. Жалобы эти были совершенно неосновательны и явились какъ продуктъ его больной фантазіи. Родственники бывали у него очень рѣдко. Сестра, Александра Кирмалова, была у него не болѣе двухъ разъ [1]). Музалевская пріѣзжала въ Петербургъ только однажды,—кажется, въ 1866 году,—съ двумя пріемными дочерьми, чтобы показать имъ столицу, побывать у „братца“ и вообще немного развлечься. Гончаровъ собирался въ то время за-границу, и квартира его на Моховой была на лѣтнемъ положеніи. Онъ встрѣтилъ сестрицу такъ же, какъ дядя-Адуевъ—своего племянника Александра: указалъ гостинницу, сказалъ, что завтра, въ пять часовъ, пообѣдаетъ съ ними въ Hôtel de France, порекомендовалъ имъ побывать въ Эрмитажѣ и взглянуть на Острова, а затѣмъ попросилъ ее и ея дочерей помочь ему уложить вещи, припрятать картины и т. п. На слѣдующій день онъ съ ними пообѣдалъ, свозилъ, кажется, въ Павловскъ, гдѣ показалъ имъ великаго князя Константина Николаевича... Когда же тетушка начала его разспрашивать, гдѣ можно подешевле купить то или другое, то онъ разсердился, сослался на какую-то княгиню Юсупову, которая все приданое для своей дочери выписываетъ изъ Парижа, затѣмъ посовѣтовалъ ей не засиживаться въ Петербургѣ, пояснивъ, что настоящій сезонъ начинается въ декабрѣ, а въ сентябрѣ здѣсь дѣлать нечего, и ушелъ [2]).

Александровна Музалевская, безъ всякихъ средствъ къ существованію“... Вслѣдъ затѣмъ идутъ другія распоряженія. Понятно, что, на основаніи этихъ словъ, Музалевская не могла ничего получить изъ его наслѣдства. Отсюда можно только заключать, что у него было намѣреніе помочь ей, но оно не приведено въ исполненіе по какой-то случайной причинѣ. Другіе же его родственники были значительно состоятельнѣе семьи Трейгультъ.

[1]) Въ дѣйствительности она не бывала у него въ Петербургѣ, хотя отношенія у нея съ братомъ были очень хороши.

[2]) Здѣсь память измѣнила автору: Музалевская пріѣзжала въ Петербургъ въ 1862 г. не съ дочерьми, а съ Софьей Михайловной Кирмаловой (племянницей), донынѣ проживающей въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, и, — какъ мы имѣемъ свѣдѣнія со словъ послѣдней,—Гончаровъ принялъ ихъ очень хорошо, былъ очень радъ имъ и крайне внимателенъ... Самъ Иванъ Александровичъ писалъ по этому поводу другой своей сестрѣ: — „Меня очень порадовало посѣщеніе Анны Александровны и Сончки: онѣ видѣли Петербургъ, мое житье-бытье, мы погуляли по окрестностямъ — *и послѣ ихъ отъѣзда мнѣ долго было скучно*. Надѣюсь, что и ты, какъ будешь въ Москвѣ, заглянешь сюда“.

Музалевскія, какъ уже сказано выше, въ шестидесятыхъ годахъ совершенно разорились и переселились въ Москву, гдѣ въ первое время имъ пришлось очень трудно, особенно послѣ сытой и обезпеченной жизни въ Симбирскѣ. Петръ Авксентьевичъ зарабатывалъ своей практикой очень немного. Онъ началъ хлопотать о пенсіи, на которую имѣлъ право, такъ какъ болѣе 35 лѣтъ былъ безплатнымъ врачомъ при симбирской гимназіи и, кажется, въ приказѣ общественнаго призрѣнія.

Тетушка вспомнила тогда „милаго братца“ и, въ простотѣ душевной, написала ему письмо, въ которомъ сообщала, что они съ мужемъ и пріемными дочерьми живутъ въ Москвѣ и что они лишились своего состоянія, а потому имъ приходится жить на ничтожныя средства; въ концѣ письма она просила Ивана Александровича побывать въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, куда уже были представлены всѣ нужныя бумаги, и поторопить кого слѣдуетъ съ дѣломъ о назначеніи ея мужу пенсіи, что-то около 120 или 150 руб. въ годъ.

Отъ Ивана Александровича былъ скоро полученъ отвѣтъ. Письмо его уже не начиналось обычнымъ обращеніемъ „Государыня-сестрица“, а просто словами: — „Письмо твое, любезная сестра Анна Александровна [1]), получилъ и не мало былъ удивленъ твоимъ легкомысліемъ и довѣрчивостью твоего мужа“... Затѣмъ слѣдовали разсужденія о томъ, что деньги слѣдуетъ помѣщать въ 5% бумаги; а кто желаетъ получать на нихъ 10%, того ожидаетъ печальная будущность. Далѣе онъ писалъ, что нѣтъ ничего хуже бѣдныхъ родственниковъ, которые воображаютъ, что онъ всесиленъ и можетъ выхлопотать пенсію или повышеніе. Письмо свое знаменитый братецъ заканчивалъ просьбой къ сестрѣ забыть о его существованіи и не безпокоить его, тѣмъ болѣе, что онъ не въ состояніи помочь ей, такъ какъ самъ нуждается и не можетъ бросать деньги на вѣтеръ [2]). Те-

[1]) Авторъ ошибочно придаетъ какое-то особенное значеніе этому обращенію, будто бы впервые употребленному Гончаровымъ. Въ дѣйствительности и ранѣе онъ начиналъ письма къ Музалевской подобными же словами; напр., письмо къ ней отъ 20 сентября 1861 г.: „Милый другъ Анна Александровна“... Далѣе, въ текстѣ этого письма, написаннаго въ шутливомъ тонѣ, дѣйствительно встрѣчаются слова: „О чемъ и доному, государыня-сестрица“. Обращеніемъ: „милый другъ“, или „милая“, „другъ мой“—начинаются и его письма къ другой сестрѣ, Александрѣ Александровнѣ.

[2]) Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эпизодъ этотъ получилъ у автора слишкомъ субъективное освѣщеніе, противорѣчащее обычному отношенію Ивана Александровича къ роднымъ, засвидѣтельствованному документально его письмами. Такому освѣщенію противорѣчатъ такіе факты, какъ продолженіе переписки между

тушка, со слезами на глазахъ, читала мнѣ это письмо и увѣряла, что она вовсе не разсчитывала на помощь брата и думала, что ему не составитъ труда побывать въ министерствѣ. Но и впослѣдствіи Музалевская относилась къ нему очень хорошо, любила его, и его неделикатный поступокъ съ ней объясняла тѣмъ, что „братецъ очень занятъ, и ему не до родственниковъ". Гончаровъ же съ тѣхъ поръ какъ бы совершенно забылъ о ней и ея семействѣ и никогда о нихъ не спрашивалъ [1]).

Также забылъ этотъ выработанный Петербургомъ эгоистъ и о своемъ братѣ, нашемъ отцѣ, бѣдномъ больномъ человѣкѣ. Онъ никогда не обнаруживалъ интереса къ его положенію,—не справлялся о томъ, не трудно ли было отцу содержать насъ съ братомъ въ университетѣ. Если онъ спрашивалъ иногда объ отцѣ, то всегда со злобой и ехидствомъ, выбирая предметомъ разговора что-нибудь смѣшное или грустное изъ жизни несчастнаго старика. „Ну, что Николай Александровичъ, — говорилъ онъ, напримѣръ,—все по-прежнему спитъ послѣ обѣда, а возлѣ него графинъ съ квасомъ и мухами и очки; и спитъ онъ въ тепломъ бухарскомъ халатѣ да еще подъ одѣяломъ?—Экія у васъ, въ провинціи, богатыя натуры: спятъ, ѣдятъ, опять спятъ, и имъ ничего не дѣлается, а я, чтобы дышать, долженъ ежедневно сдѣлать верстъ 12 — 15, да и ѣсть осторожно". Иногда онъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что отецъ застрялъ въ провинціи и не пошелъ дальше, не сдѣлался профессоромъ. Въ этомъ онъ винилъ нашу мать, которая де не съумѣла подвинуть отца. Онъ какъ бы забывалъ, что отецъ былъ совершенно неспособенъ къ трезвой и постоянной работѣ, и мать ничего не могла сдѣлать въ этомъ отношеніи.—Кончивъ курсъ въ дерптскомъ универси-

---

братомъ и сестрой-Музалевской и благоговѣйное, можно сказать, отношеніе послѣдней къ Ивану Александровичу при его жизни, а затѣмъ къ его памяти,—отношеніе къ его „волѣ", боясь „нарушенія" которой, она уничтожила его письма. И пріемная дочь Музалевской, Евдокія Петровна Левенштейнъ, въ письмѣ къ намъ, вспоминаетъ о немъ, какъ о „дорогомъ писателѣ". — Дошедшее до насъ письмо, въ которомъ Гончаровъ говоритъ о разореніи Музалевскихъ, написано очень мягко и имѣетъ цѣлью успокоить сестру.—См. ниже.

[1]) Въ дѣйствительности Иванъ Александровичъ не только поддерживалъ переписку съ Музалевской, но и упоминаетъ о ней въ письмахъ къ другимъ родственникамъ. Такъ, въ 1888 году, въ началѣ одного письма къ Д. Л. Кирмаловой, онъ говоритъ о ней, какъ о близкомъ человѣкѣ, а въ концѣ его пишетъ, что его огорчаютъ „извѣстія о болѣзни Анны Александровны"... Анна Александровна, въ свою очередь, любила разсказывать объ Иванѣ Александровичѣ своимъ знакомымъ и родственникамъ, „чувствуя какую-то верховную и родственную связь съ нимъ".

тетѣ въ 1865 году, я сильно простудился, и у меня открылось кровохарканіе. Денегъ у насъ въ то время не оказалось, а меня нужно было отправить на зиму въ Меранъ или въ Италію. Мать сильно любила меня и, обезпокоенная моей болѣзнью, рѣшилась написать о ней Ивану Александровичу, прося у него на полгода 500 рублей. Гончаровъ отвѣтилъ на это письмо холоднымъ разсужденіемъ о томъ, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, что и въ Дерптѣ климатъ недуренъ; что point d'argent — point de Suisse! Онъ какъ бы забылъ, что, уѣзжая въ кругосвѣтное плаваніе, онъ обратился къ моему отцу съ просьбой ссудить ему двѣ тысячи рублей, и тогда наша мать выслала ему эту сумму, частью занявъ ее у какого-то купца подъ залогъ дома, а частью взявши изъ своего приданаго. (Деньги эти Гончаровъ возвратилъ намъ, вернувшись изъ путешествія) [1].

Изъ Кирмаловыхъ бывали у Ивана Александровича въ Петербургѣ двое сыновей Александры Александровны, Владиміръ и Викторъ. Первый изъ нихъ, Владиміръ Михайловичъ, былъ человѣкъ очень талантливый, но безхарактерный. Пріѣзжая изъ Москвы въ Симбирскъ, онъ останавливался у Музалевскихъ. Здѣсь онъ рисовалъ карикатуры на симбирскихъ патриціевъ, доказывалъ тетушкѣ, что Бога нѣтъ, и говорилъ, что всѣ образа ея онъ броситъ въ печку, а старой нянѣ объяснялъ, что у людей такая же душа, какъ и у животныхъ, что мы въ природѣ такія же букашки, какъ мухи и комары, что молиться слѣдуетъ не Богу, а солнцу, лунѣ и созвѣздіямъ. Тетушка жаловалась на него архіерею, а няня, Аннушка (воспитавшая Ивана Александровича и моего отца, жившая тогда у Музалевскихъ, а потомъ переселившаяся къ Кирмаловымъ) [2], прыскала на него святой водой, окуривала его комнаты ладаномъ и ставила свѣчи. Говорили, что Иванъ Александровичъ съ него главнымъ образомъ списалъ своего неудачнаго Марка Волохова [3]. Владиміръ Михайловичъ

---

[1]) Авторъ слишкомъ пессимистически смотритъ на отношенія Ивана Александровича къ брату: отказъ писателя въ пользу послѣдняго отъ слѣдовавшей ему половинной части стараго Гончаровскаго дома,—каменнаго дома, съ большимъ мѣстомъ въ центрѣ города,—въ то время, когда самъ онъ нуждался и жилъ въ „щели",—показываетъ въ немъ далеко не „эгоиста".

[2]) Ив. Ал. упоминаетъ о ней въ своихъ письмахъ.—См. ниже.

[3]) Называютъ нѣсколько лицъ, съ которыхъ будто бы „списанъ" Волоховъ. Такъ, А. М. Скабичевскій, въ статьѣ: „Изъ воспоминаній о пережитомъ" („Русск. Богатство", 1907 г., № 7, стр. 51), говоритъ, что жена Владиміра Майкова, обладавшая живымъ и пылкимъ темпераментомъ, „не въ состояніи была ужиться съ нимъ и бѣжала отъ него на Кавказъ съ однимъ нигилистомъ, котораго впослѣдствіи Гонча-

умеръ въ Нижнемъ-Новгородѣ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Старшій братъ его, Викторъ Михайловичъ, здравствуетъ и понынѣ [1]).

Братъ мой, Владиміръ, никогда не бывалъ у дяди и, случайно встрѣчая его въ Петербургѣ, обходилъ его. Этотъ прямолинейный, добрый и мягкій человѣкъ глубоко ненавидѣлъ Ивана Александровича и часто говорилъ мнѣ: „Охота тебѣ бывать у этого животнаго; онъ стыдится своего брата, потому что тотъ не генералъ-адъютантъ, а учитель гимназіи; отъ него на версту воняетъ мертвечиной и дохлятиной. Ходи—не ходи къ нему, онъ своего состоянія не оставитъ никому изъ насъ, и напрасно ты его балуешь". Я хотя и посѣщалъ иногда Гончарова, но матеріальною поддержкой отъ него не пользовался. Только разъ, въ шестидесятыхъ годахъ, онъ заказалъ мнѣ у своего портного, Клеменца, платье, за которое заплатилъ 50 рублей, и однажды, когда я ѣхалъ въ Дерптъ, будучи студентомъ, подарилъ мнѣ 50 рублей.

Вообще, онъ тяготился своими родственниками. Черезъ годъ послѣ своей свадьбы Левенштейнъ поѣхалъ съ молодой женой за-границу и тамъ, въ Карлсбадѣ, случайно встрѣтился съ Иваномъ Александровичемъ. Послѣдній угостилъ Левенштейновъ обѣдомъ и былъ къ нимъ довольно внимателенъ. Къ вечеру перемѣнилась погода, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и настроеніе Гончарова: онъ сталъ торопить ихъ отъѣздомъ, заявляя, что никто не имѣетъ права отнимать у него время, что только провинціалы да москвичи думаютъ, что жить—значитъ ѣсть, пить и спать... Можетъ быть, онъ встрѣтилъ кое-кого изъ вновь прибывшихъ въ Карлсбадъ петербургскихъ знакомыхъ, и ему неловко было показаться имъ съ какими-то Левенштейнами, да еще пришлось бы рекомендовать послѣднихъ, въ качествѣ своихъ

ровъ покаралъ, изобразивши въ своемъ романѣ „Обрывъ", въ образѣ Марка Волохова. Въ 1865 году, живя въ Парголовѣ, я встрѣтилъ однажды этого господина у Вл. Майкова, жившаго на дачѣ въ Муринѣ, и мы гарцовали съ нимъ даже верхами на чухонскихъ лошадяхъ. Онъ, какъ разъ въ то время, ухаживалъ за г-жею Майковой и показался мнѣ очень симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ каррикатурнымъ героемъ романа Гончарова".—Указывая на такихъ „первообразовъ" героя Гончарова, какъ бы забываютъ, что авторъ „Обрыва" не былъ беллетристомъ-фотографомъ:—„Никто моихъ печатныхъ сочиненій—пишетъ онъ—личностями не упрекнетъ". По поводу „Литературнаго вечера", написаннаго „съ натуры" и первоначально не предназначавшагося для печати, онъ замѣчаетъ:—„Конечно, все требуетъ коренной передѣлки: прежде всего слѣдуетъ исключить все личное, всѣ портреты, замѣнивъ ихъ типами"... (Письма къ Валуеву, стр. 45 и 47).

[1]) Объ отношеніи Гончарова къ братьямъ Кирмаловымъ можно судить по его письмамъ.—См. ниже.

родственниковъ. Какъ бы то ни было, онъ постарался поскорѣе ихъ сплавить. Все это разсказывалъ мнѣ самъ покойный Левенштейнъ, и жена его помнитъ этотъ случай до сихъ поръ [1]).

Гончарову доставляло, кажется, удовольствіе, если онъ узнавалъ, что кого-либо изъ насъ, родственниковъ, постигала какая-нибудь житейская невзгода. Въ такихъ случаяхъ онъ начиналъ читать нравоученіе и объяснять, какимъ путемъ слѣдовало бы избѣжать несчастія или непріятностей. Отношенія его къ намъ часто были исполнены какой-то непонятной злобы. Въ немъ глу-

[1]) Нельзя не указать здѣсь на совершенную произвольность послѣдняго объясненія авторомъ поведенія Ивана Александровича. Е. А. Гончарова, со словъ Е. П. Левенштейнъ, передаетъ этотъ эпизодъ такъ: — „Когда Левенштейны (въ 1867 г.) пріѣхали въ Баденъ-Баденъ, то, пробѣгая Cur-Liste, докторъ былъ пріятно пораженъ, прочитавъ имя М-r Jean Gontscharoff среди пріѣзжихъ. Помня привычку знаменитаго дядюшки рано вставать, они рѣшили навѣстить его утромъ на слѣдующій день. Встав въ 5 часовъ, они около шести постучались въ его дверь, за которой слышался плескъ воды. По голосу Ив. Ал. сейчасъ же узналъ Евдокію Петровну.—„Это ты, Дунечка? Очень радъ, очень радъ. И съ мужемъ?! Принятъ сейчасъ не могу, дѣлаю ablution. Пройдите въ садъ; я приведу себя въ порядокъ и явлюсь къ вамъ“.— Около получаса ждали они его на променадѣ около гостинницы, одной изъ лучшихъ въ городѣ.—„Радушно и вполнѣ по родственному—разсказывала Евдокія Петровна—встрѣтилъ онъ насъ, по-прежнему называя меня Дунечкой... Онъ угостилъ насъ кофе, повелъ на дальнюю, ежедневную свою прогулку, при чемъ часто справлялся, не устала ли я, не желаю ли я отдохнуть“.—Евдокія Петровна не помнитъ всѣхъ разговоровъ за этотъ день, но онъ оставилъ въ ней воспоминаніе чего-то свѣтлаго, пріятнаго, роднаго.—Возвращаясь съ прогулки, они встрѣтили расфранченныхъ дамъ, которыя окликнули Гончарова по-русски. Онъ извинился, оставилъ Левенштейновъ и подошелъ къ этимъ дамамъ, которыя изрѣдка, во время разговора съ нимъ, лорнировали Левенштейновъ, что было тѣмъ непріятно, особенно потому, что они были въ дорожныхъ, далеко не элегантныхъ, костюмахъ. Они отошли въ сторону, чтобы не помѣшать дядѣ. Вскорѣ онъ ихъ нагналъ въ веселомъ настроеніи, извинился, что оставилъ ихъ, и пригласилъ пройти въ курзалъ, гдѣ показалъ рулетку. На счастье „Дунечки“ онъ бросилъ два-три золотыхъ и проигралъ ихъ; а затѣмъ угостилъ ихъ обѣдомъ за table d'hôtes. Они нѣсколько стѣснялись своихъ костюмовъ среди beau mond'a этой людной гостинницы. Ив. Ал. успокаивалъ ихъ, говоря, что это сущій пустякъ, былъ очень веселъ и настойчиво удерживалъ ихъ до другого дня, когда обѣщалъ показать имъ окрестности Баденъ-Бадена, которыя — какъ онъ говорилъ— очень интересны. Послѣ обѣда они отправились, втроемъ, въ паркъ. Но темныя тучи заволокли съ запада все небо, чувствовался холодокъ, какой-то сыроватый туманъ осѣдалъ въ низинахъ... Гончаровъ замолчалъ, а затѣмъ, круто повернувшись къ своимъ спутникамъ, вдругъ сказалъ:—„А знаете что? Поѣзжайте-ка лучше сегодня. Погода, видимо, перемѣнится, пойдутъ дожди, и это продлится недѣли двѣ. Я о чувствую уже на себѣ: сейчасъ ухо заболѣло, стрѣляетъ. Неможется мнѣ. ѣзжайте лучше: что вы тутъ будете дѣлать? Ничего болѣе интереснаго здѣсь нѣтъ. ѣзжайте!“—Эта перемѣна въ его настроеніи очень поразила Левенштейновъ; но, я его нервное, возбужденное состояніе, они поспѣшили успокоить его, обѣщали ѣхать въ тотъ же день и, поблагодаривъ за его любезность, распрощались съ нимъ. въ облегченно вздохнулъ, пожалъ имъ руки и пожелалъ „счастливаго пути“.

боко сидѣло какое-то человѣконенавистничество, злоба и зависть. Онъ напоминалъ мнѣ тѣхъ медвѣдей-одиночекъ, которые, бродя по лѣсу и увидя молодыхъ веселящихся медвѣжатъ, бросаются на нихъ и кусаютъ ихъ на смерть [1]).

Всего рельефнѣе его злобность и какое-то ожесточеніе сказались въ его отношеніи къ моей женитьбѣ. Узнавъ, что я женюсь на дочери Уманца,—человѣка состоятельнаго и родственника А. А. Рихтера и П. А. Рихтера, изъ которыхъ первый былъ директоромъ департамента окладныхъ сборовъ, а второй—директоромъ департамента удѣловъ,—онъ прежде всего заподозрилъ меня въ намѣреніи сдѣлать посредствомъ женитьбы чиновничью карьеру. По свойству своей природы, мою женитьбу на дѣвушкѣ дѣльной, образованной и имѣющей видную родню онъ могъ объяснить только такимъ намѣреніемъ, котораго у меня и въ мысляхъ не было. Съ А. А. Рихтеромъ, другомъ министра Бунге, я былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, а такъ какъ онъ очень любилъ своихъ племянницъ, т.-е. мою жену и ея сестру, Безобразову, то лѣтомъ мы съ нимъ ежедневно видались. (Имѣнія его и моей жены находились въ нѣсколькихъ верстахъ одно отъ другого, въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи). Это былъ удивительно образованный, начитанный и высоко талантливый человѣкъ. Въ Англіи онъ былъ бы выдающимся парламентскимъ дѣятелемъ, виднымъ писателемъ, экономистомъ, а у насъ онъ если и могъ работать, то только при Бунге.

Какъ обрадовался Гончаровъ, когда узналъ, что встрѣтились препятствія къ моей женитьбѣ! Встрѣтившись со мной, онъ подошелъ ко мнѣ съ нескрываемымъ удовольствіемъ и сказалъ: „А я слышалъ, что старый Уманецъ не позволилъ своей дочери выйти за васъ замужъ—умный мужикъ! (Почему онъ употребилъ это выраженіе—не знаю). Я ему говорилъ, что у васъ нѣтъ средствъ, и отъ меня ожидать вамъ нечего. Да и вамъ что за охота жениться? Вашему брату, чиновнику, не слѣдуетъ заводить семьи. Это роскошь, которую могутъ позволить себѣ люди богатые или дѣлающіе карьеру“ [2]).

[1]) По словамъ Кирмаловыхъ, близко знавшихъ Ив. Алекс. Гончарова, онъ былъ человѣкъ крайне нервный (вслѣдствіе болѣзни печени), раздражительный и ворчливый, но ни въ какомъ случаѣ не злобный. Напротивъ, въ отношеніи другихъ онъ былъ до крайности деликатенъ, и если, въ минуту раздраженія, ему случалось сказать что-нибудь непріятное, напримѣръ, прислугѣ, то потомъ онъ старался всѣми способами искупить свою вину.—Что онъ не радовался несчастіямъ родственниковъ, это видно изъ его писемъ.—См. ниже.

[2]) Какъ видно изъ писемъ Ивана Александровича по поводу женитьбы другого его племянника, онъ не былъ противъ женитьбы, даже, напротивъ, признавалъ се-

Впослѣдствіи, когда я женился, и онъ познакомился съ моей женой, онъ говорилъ: „Вотъ судьба послала вамъ умную, скромную, образованную женщину; а еслибы женился я, то мнѣ досталась бы какая-нибудь свѣтская кукла“.

Родственнымъ связямъ онъ вообще не придавалъ никакого значенія и къ концу жизни порвалъ всякія свои отношенія съ родными [1]). Онъ не разъ говаривалъ, что признаетъ лишь одно родство — духовное: — „У меня есть близкіе люди, которые мнѣ дороги“.

Изъ литераторовъ я встрѣчалъ у него Никитенка, Боборыкина, Семевскаго, Стасюлевича, Кони и Бакста. Въ дружескихъ отношеніяхъ онъ былъ, кажется, съ очень немногими изъ писателей, хотя былъ знакомъ со всѣми выдающимися представителями литературы.

О Тургеневѣ онъ говорилъ съ насмѣшкой и всегда трунилъ надъ его охотничьими похожденіями. Онъ завидовалъ литературнымъ успѣхамъ Тургенева и подозрѣвалъ, что тотъ выкралъ у него идею „Дворянскаго гнѣзда“ и списалъ многія сцены. По этому поводу между ними былъ третейскій судъ, о чемъ мнѣ въ семидесятыхъ годахъ разсказывали Коршъ, редакторъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, и Ватсонъ. Гончаровъ не разъ увѣрялъ меня, будто Тургеневъ какимъ-то путемъ досталъ его записки и рылся въ его бумагахъ. Послѣ похоронъ Тургенева онъ говорилъ, что это были „не похороны писателя, а какая-то вакханалія“.

Некрасовъ — говаривалъ онъ — поетъ о нуждѣ крестьянъ, ихъ плохомъ матеріальномъ положеніи, а самъ довелъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ до того, что тѣ приходили жаловаться на него княгинѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Вообще, Иванъ Александровичъ любилъ собирать сплетни о своихъ знаменитыхъ сотоварищахъ.

Однажды проходили мы съ нимъ по Николаевскому мосту.

мейную жизнь наиболѣе нормальною, но требовалъ, чтобы, женившись, человѣкъ работалъ для обезпеченія своей семьи, не разсчитывая на постороннюю помощь или какую-нибудь синекуру.—См. ниже.

[1]) Изъ переписки Ивана Александровича видно, что онъ дѣйствительно „не читалъ близкой связью родство, если оно не укрѣплено симпатіей и согласіемъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ та же переписка показываетъ, что онъ отличался рѣдкимъ развитіемъ родственныхъ чувствъ и очень близко къ сердцу принималъ интересы сестеръ, племянниковъ и племянницъ, не порывая съ ними связей до конца жизни: послѣднія письма его къ симбирскимъ родственникамъ, — изъ тѣхъ, которыя были въ нашихъ рукахъ, — относятся къ 1888 году.

Показывая на Петропавловскую крѣпость, онъ сказалъ: — „Вотъ тамъ сидитъ Чернышевскій. Онъ думалъ быть умнѣе всѣхъ, а вотъ куда попалъ“. Впрочемъ, сказалъ онъ это не съ ироніей, а, видимо, будучи увѣренъ, что лишній умъ долженъ непремѣнно довести человѣка до Петропавловской крѣпости.

Интересны слышанные мною отзывы Гончарова о Никитенкѣ и Салтыковѣ. Перваго я засталъ у него какъ-то въ 1870 или въ 1871 году. Когда тотъ ушелъ, Гончаровъ сказалъ: — „Какъ профессоръ, онъ не изъ первыхъ, ничѣмъ не отличается, а между тѣмъ тайный совѣтникъ“. О Салтыковѣ онъ тоже выразился, будто онъ талантомъ не отличается, а „здѣсь (т.-е. въ Петербургѣ) боятся его бича“, — и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: — „Только вы объ этомъ не говорите: это вѣдь насъ не касается“.

Онъ чрезвычайно высоко ставилъ Пушкина, Бѣлинскаго и Л. Толстого. О Бѣлинскомъ онъ всегда вспоминалъ съ большимъ уваженіемъ. Маска знаменитаго критика висѣла у него въ кабинетѣ. Но что общаго было между этими противоположными натурами? — Въ Толстомъ его особенно поражала наблюдательность. Я помню, напримѣръ, какъ восторгался онъ описаніемъ зрительной залы Большого театра въ романѣ „Анна Каренина“. Его поражали въ этомъ описаніи детали. „Вѣдь десятки разъ бывалъ я въ этомъ театрѣ, — говорилъ онъ, — а ничего подобнаго не замѣчалъ. Толстой же, при своей колоссальной наблюдательности, описалъ все это превосходно, ярко, картинно“ [1]). Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что самъ Гончаровъ былъ изумительно

[1]) Какъ высоко ставилъ Гончаровъ не только наблюдательность, но вообще литературный геній Л. Н. Толстого, — объ этомъ можно судить по его письмамъ къ гр. Валуеву, въ которыхъ онъ постоянно апеллируетъ къ авторитету его, какъ величайшаго художника. „Они („непримиримые“) пробовали царапать и графа Льва Толстого, несмотря на его громадный, всѣми признанный талантъ“ (стр. 14)... „Есть графъ Левъ Толстой, съ которымъ (какъ съ художникомъ) соперничать трудно“ (стр. 17). „Онъ (Толстой) накладываетъ, — какъ птицеловъ сѣть, — огромную рамку на людскую толпу, отъ верхняго слоя до нижняго, и ничто изъ того, что попадаетъ въ эту рамку, не ускользнетъ отъ его взгляда, анализа и кисти“ (стр. 22). „Таковы (т.-е. импозантны и неодолимы, какъ неприступная крѣпость) всѣ романы Толстого, гдѣ онъ мыслитъ и мудрствуетъ одними образами, и, напротивъ, они слабы, гдѣ онъ становится на сознательную почву мысли, философіи, переставая изображать“ (стр. 27 и проч.). — Въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ онъ говоритъ, что Толстой — „безспорно великій реалистъ, въ лучшемъ смыслѣ слова“. „Онъ по-своему понялъ, о чемъ хлопочутъ новые реалисты, и, обладая тѣмъ, чего имъ недостаетъ, преподалъ манеру, какъ можно, творчески, силою фантазіи, стать очень близко къ природѣ и правдѣ“ (I, стр. 84). Какъ видно изъ переписки Гончарова съ Валуевымъ, онъ цѣнилъ въ художникѣ не столько наблюдательность, технику, сколько „идеи, серьезный и глубокій взглядъ на жизнь“ (стр. 59).

прекрасный разсказчикъ, неподражаемо передававшій разныя мелочи, исчезающія отъ обыкновеннаго наблюдателя [1]).

Къ молодымъ писателямъ того времени Гончаровъ относился крайне враждебно. Онъ съ раздраженіемъ говорилъ о „какихъ-то Помяловскихъ, Якушкиныхъ, Успенскихъ, которыхъ онъ не читалъ и не зналъ“ [2]). Въ свою очередь, и „молодые писатели“ не любили Гончарова. Даже Коршъ, редакторъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, отзывался о немъ съ насмѣшкой. А Шелгуновъ, котораго я часто встрѣчалъ у Ватсона, совершенно не выносилъ его и увѣрялъ, что, послѣ Греча и Булгарина, это—наиболѣе ретроградный писатель [3]).

Гончаровъ любилъ бывать въ высшемъ обществѣ. Ему всегда доставляло большое удовольствіе приглашеніе на вечеръ къ

[1]) При своей наблюдательности, Гончаровъ обладалъ необыкновенной памятью на лица. Такъ, намъ разсказывали очевидцы, что, будучи въ Симбирскѣ въ 1862 году и встрѣтивъ на улицѣ купца, котораго видалъ тридцать лѣтъ назадъ въ домѣ своей матери, онъ узналъ его и назвалъ по имени.

[2]) Этотъ разладъ между „отцами и дѣтьми“, можетъ быть, слишкомъ рѣзко сказался въ отношеніяхъ Гончарова, какъ человѣка болѣзненнаго и крайне раздражительнаго, къ „молодымъ писателямъ“. Но и другіе беллетристы сороковыхъ годовъ не были чужды враждебнаго отношенія къ этимъ послѣднимъ. Мягкій, высоко гуманный *Тургеневъ*, какъ извѣстно, считалъ Добролюбова „очковою змѣей“. Не отрицая таланта *„во всѣхъ этихъ Слѣпцовыхъ, Рѣшетниковыхъ, Успенскихъ* и т. д.“, онъ находилъ у нихъ отсутствіе „вымысла, силы, воображенія, выдумки“, и называлъ ихъ „безсѣмянниками“, которые „посѣять ничего не могутъ“ (Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, Спб. 1885 г., стр. 129). По поводу стихотворенія Полонскаго „Вакханка и Сатиръ“ Тургеневъ писалъ автору:—„А что касается до лая мальчишекъ—пускай они потѣшаются... Это только показываетъ, что мы подвигаемся впередъ. И пятокъ-то они не укусятъ“ (Тамъ же, стр. 127). Такъ же отрицательно относился къ „Рѣшетниковымъ“ и *Достоевскій*, который писалъ Н. Н. Страхову: „Рѣшетниковы ничего не сказали“ (Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. Спб., 1883, стр. 313—314). Въ письмахъ къ своимъ знакомымъ, Достоевскій отзывался о „нигилистахъ“ несравненно рѣзче Тургенева и Гончарова.—Авторъ печатаемыхъ нами воспоминаній стоялъ на одной плоскости съ писателями шестидесятыхъ годовъ и не могъ понять „брюзгливаго дяди“, который въ этомъ отношеніи не представлялъ исключенія среди другихъ писателей сороковыхъ годовъ.

[3]) Выраженіемъ такого отношенія къ Гончарову со стороны „шестидесятниковъ“ служатъ и слѣдующія слова *А. М. Скабичевскаго*:—„Наибольшій тонъ въ этомъ салонѣ (Майковыхъ въ 1840 и 1850-хъ гг.) давалъ Гончаровъ, этотъ истый бюрократъ и въ своей жизни, и въ своихъ романахъ съ ихъ бюрократическими идеалами Адуевыхъ и Штольцевъ. Въ качествѣ учителя поэта Ап. Майкова, онъ, конечно, заботился привить достаточное количество бюрократическаго яда въ голову своего ученика“. („Русск. Бог.“, 1907 г., № 7, стр. 50).—Иначе,—какъ справедливо замѣчаетъ г. *Ляцкій* (op. cit., стр. 20) по поводу критической статьи Шелгунова о романѣ „Обрывъ“,—и не могли говорить люди шестидесятыхъ годовъ о „беллетристѣ, не подходившемъ (къ ихъ) публицистической программѣ“.

одному изъ великихъ князей. Онъ самодовольно разсказывалъ, какъ былъ внимателенъ къ нему тотъ или другой изъ нихъ. Онъ былъ хорошъ съ графиней Толстой, жившей въ Зимнемъ дворцѣ, и съ Леонтьевой, начальницей Смольнаго института. Однажды, будучи у послѣдней, онъ увидалъ на столѣ огромный букетъ розъ (въ январѣ!) и спросилъ хозяйку: — „Неужели это искусственные цвѣты?“ — Леонтьева съ изумленіемъ посмотрѣла на него и отвѣтила: — „За кого вы меня принимаете, чтобы я потерпѣла у себя искусственные цвѣты!“ — Гончаровъ ставилъ ей это въ заслугу и видѣлъ въ ней un type d'une grande dame. „Какъ это изящно и мило!“ — говорилъ онъ. Онъ любилъ весь укладъ жизни этого общества, любилъ приглашеніе на великосвѣтскіе вечера [1]), любилъ и тотъ скромный комфортъ, который ему доставлялъ домъ Устинова.

Отсюда—его боязнь всякихъ потрясеній, новшествъ и нерасположеніе къ современной ему молодежи, съ ея планами переустройства общества на новыхъ началахъ. Всякое движеніе молодой Россіи его сердило и раздражало.

Въ 1873 — 1876 гг. мы съ Гончаровымъ довольно часто бесѣдовали о литературѣ и ея современныхъ представителяхъ, о религіи и естественной исторіи. Съ особеннымъ интересомъ разспрашивалъ онъ меня о моихъ любимыхъ предметахъ, геологіи и палеонтологіи, которыми я съ успѣхомъ занимался въ университетѣ.

Какъ собесѣдникъ, онъ не производилъ впечатлѣнія большого, крупнаго человѣка. Читалъ онъ въ послѣднее время, кажется, одни французскіе романы. Онъ хорошо зналъ французскій, а также нѣмецкій и англійскій языки; но у него не было глубокаго философскаго образованія, и, въ сравненіи, напримѣръ, съ Рихтеромъ, онъ казался мало образованнымъ человѣкомъ. Едва-ли онъ и въ молодости заглядывалъ въ Гегеля и Канта.

Религіозныя воззрѣнія его сложились подъ вліяніемъ дома-

[1]) Любовь Ивана Александровича къ посѣщенію „большого свѣта“ едва-ли здѣсь не преувеличена. Въ одномъ изъ писемъ къ Валуеву, онъ говоритъ: — „Мое обломовское домосѣдство и уклоненіе отъ свѣта, особенно большого, къ которому я, ни по рожденію, ни по матеріальнымъ моимъ средствамъ, принадлежать не могу, наконецъ самая скромность моя и вѣчныя сомнѣнія въ своихъ силахъ, нервозность темперамента, загонявшая меня въ уголъ, все это истолковано было ложно и подведено тоже подъ какую-то „красноту“ (стр. 50).—Изъ печатаемаго ниже письма къ Тройницкому видно, что Гончаровъ не только не искалъ свѣтскихъ знакомствъ, но даже тяготился ими, и когда у него впервые завязалась переписка съ тѣмъ же Валуевымъ въ 1868 году,—переписка, которая „грозила затянуться“, то онъ „испугался, попросилъ извиненія и замолчалъ“.

Изъ другихъ свойствъ душевнаго склада Гончарова меня всегда поражали его болѣзненная мнительность, скрытность и подозрительность. Боязнь людей и желаніе, чтобы впослѣдствіи

вилъ онъ,—„я и хочу съ этимъ провести тѣ немного лѣтъ, которыя мнѣ остались, а штудировать этихъ (онъ указалъ мнѣ на проходившую толпу на Невскомъ проспектѣ) мнѣ обременительно, потому что на нихъ пойдетъ мое дорогое время". (Цитированное выше изданіе: „Біографія, письма" и пр., стр. 318). Безъ сомнѣнія, pro domo sua говоритъ Гончаровъ, характеризуя взгляды Райскаго:—„Онъ открыто заявлялъ, что, вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его „черепашій" шагъ, самъ онъ не спѣшилъ укладывать себя всего въ какое-нибудь едва обозначившееся *десятилѣтіе*, дешево отрекаясь и отъ завѣщанныхъ исторіею, добытыхъ наукою, и еще болѣе отъ выработанныхъ собственной жизнью убѣжденій, наблюденій и опытовъ, въ виду едва занявшейся зари quasi-новыхъ идей, болѣе или менѣе блестящихъ или остроумныхъ гипотезъ, *на которыя бросается жадная юность*". „Будучи врагомъ ломки и какихъ бы то ни было насильственныхъ переворотовъ,—замѣчаетъ г. Ляцкій (op. cit., стр. 138—139),—Гончаровъ любилъ старую жизнь, устоявшуюся, патріархальную, не только потому что чувствовалъ въ ней поэзію мира и семейныхъ преданій: въ ней онъ чтилъ ту внутреннюю подготовительную работу вчерашняго дня, безъ которой не могло бы въ такомъ видѣ существовать его „сегодня", столь гордое успѣхами знанія и прогресса... Многому въ современной жизни онъ готовъ былъ радоваться, но многое вызывало въ немъ искреннее раздраженіе и досаду... „Злоба дня" вообще была чужда Гончарову, и если ему приходилось иногда отзываться на нее, какъ это было въ „Обрывѣ", то виною тому были не столько сами крупныя явленія жизни, сколько то, что эти формы бывали иногда безобразны и безобразіемъ своимъ оскорбляли эстетическую щепетильность Гончарова". — „Намъ кажется, — говоритъ г. *Боснскій*, — что именно въ этомъ оскорбленномъ чувствѣ красоты и нужно искать причину душевнаго разлада Гончарова и то, почему онъ, человѣкъ по существу свободомыслящій и критически относившійся къ жизни, человѣкъ, несомнѣнно увлекавшійся и передовыми философскими ученіями и тонко понимавшій духовные запросы времени,—идетъ въ разрѣзъ съ общественными теченіями, *не желая даже вникнуть* въ ихъ сущность и приложить къ нимъ мѣрку свойственнаго ему глубокаго критическаго анализа. Эти передовые люди дореформеннаго происхожденія весьма нерѣдко переходятъ въ консервативный лагерь, хотя по существу они только консерваторы красоты внѣшней и духовной, ищущіе пріюта и сочувственнаго пониманія, какъ бы защиты отъ нахлынувшихъ со всѣхъ сторонъ демократическихъ идеаловъ, лишенныхъ художественнаго пониманія и нерѣдко совершенно чуждыхъ духовнымъ стремленіямъ" (Предисловіе къ брошюрѣ „И. А. Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ графу П. А. Валуеву". Спб. 1906, стр. 8). Аналогичное отношеніе къ современнымъ „общественнымъ теченіямъ" видимъ мы и со стороны *Достоевскаго*, который писалъ къ А. Н. Майкову (1870 г.): — „Про нигилизмъ говорить нечего. Подождите, пока совсѣмъ перегніетъ этотъ верхній слой, оторвавшійся отъ почвы Россіи. Знаете-ли: мнѣ приходитъ въ голову, что многіе изъ этихъ же самыхъ подлецовъ-юношей, гніющихъ юношей, кончатъ тѣмъ, что станутъ настоящими, твердыми почвенниками, чисто русскими. Ну, а остальные пусть сгніютъ. Кончится тѣмъ, что и они замолчатъ въ параличѣ. А мерзавцы, однако же" („Біографія, письма"... стр. 234). Даже *Герценъ* „не могъ мириться со всѣмъ тѣмъ, что онъ въ нихъ видѣлъ слишкомъ фанатически-прямолинейнаго, а главнымъ образомъ, *грубаго, некультурнаго* и мелочного" (*П. Боборыкинъ*, „Русск. Мысль" 1907 г., № 11, стр. 115).

о немъ думали такъ, какъ онъ хочетъ, — вотъ причины, почему онъ не сходился ни съ кѣмъ (?) и отбиралъ отъ знакомыхъ свои письма. Такъ, я помню, что во время своего кругосвѣтнаго путешествія онъ писалъ отцу, и тотъ сохранялъ его письма. Но въ 1862 году, когда Иванъ Александровичъ гостилъ у Музалевскихъ, онъ взялъ эти письма себѣ.

Онъ старался держать въ секретѣ все касавшееся его личности. Онъ не говорилъ, напримѣръ, что былъ у Толстого или провелъ вечеръ въ томъ или другомъ опредѣленномъ мѣстѣ, а выражался намеками: „недавно я былъ у знакомыхъ“, „провелъ вечеръ въ обществѣ литераторовъ“ и т. п. [1]). Когда я бывалъ у него въ кабинетѣ, онъ подозрительно смотрѣлъ на столъ, запиралъ ящики и какъ-то недовѣрчиво посматривалъ на меня. Онъ какъ бы опасался, что я буду рыться въ его бумагахъ, не захвачу ли чего-нибудь изъ его переписки, и т. п.

Болѣзненная подозрительность его ясно выразилась въ слѣдующемъ фактѣ: въ концѣ 1868 года я случайно встрѣтилъ его въ Петербургѣ, въ пять часовъ вечера, и онъ пригласилъ меня пройтись вмѣстѣ. Пройдя Литейную, мы пошли по Невскому, по направленію къ адмиралтейству. Въ окнѣ магазина Avanzo была выставлена картина, и возлѣ витрины стояли два мальчика. Я засмотрѣлся на картину, но вдругъ слышу шипѣніе дяди: „Пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ скорѣе“... Дорогой онъ объяснилъ мнѣ свою поспѣшность тѣмъ, что мальчики, быть можетъ, были подосланы и могли заговорить съ нами, а затѣмъ донести, что мы приглашали и совращали ихъ... Всю дорогу онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, — разсказалъ, что въ Петербургѣ этотъ порокъ распространенъ, и что одинъ крупный чиновникъ былъ даже изловленъ градоначальникомъ Треповымъ... Понятно, что подобныя мысли могли придти въ голову только человѣку ненормальному, близкому къ вырожденію. И мнѣ часто кажется, что талантъ Гончарова, — съ отсутствіемъ глубокой мысли и широкихъ общественныхъ интересовъ, — развился и созрѣлъ на почвѣ вырожденія.

Возвращаясь въ свою квартиру, онъ всегда былъ встревоженъ, какъ бы ожидая встрѣтить какую-нибудь непріятность. Съ волненіемъ въ голосѣ спрашивалъ онъ отворявшую дверь хозяйку: „Кто-нибудь былъ?“ — Онъ тотчасъ же подходилъ къ

[1]) Такая осторожность имѣла мѣсто въ отношеніи А. Н. Гончарова, котораго я считалъ излишне экспансивнымъ. Съ болѣе близкими и выдержанными людьми и. Ал. былъ откровеннѣе и прямо говорилъ, у кого онъ бывалъ и кого ждалъ.

письменному столу и нервно открывалъ и закрывалъ ящики. „У меня тутъ Тургеневъ рылся... Вообще, кто-то приходилъ и рылся въ моихъ бумагахъ... Надо быть весьма осторожнымъ въ этомъ отношеніи... Можетъ, и III-е отдѣленіе слѣдитъ“.—Подобныя слова я не разъ слышалъ отъ него.

Во время одной изъ нашихъ прогулокъ, онъ, какъ бы отвѣчая на чужой вопросъ, сказалъ мнѣ:—„Отчего я болѣе не пишу?—Описывать любовь можно въ извѣстные годы, а не старику. Другой же жизни, напримѣръ политической, у насъ нѣтъ [1]). Ради Бога не проговорись кому-нибудь, что я это сказалъ... Да намъ и не нужна политическая жизнь, гдѣ люди дерутся Богъ знаетъ изъ-за чего... Не говори объ этомъ никому: я бываю у великихъ князей; черезъ III-е отдѣленіе могутъ дойти обо мнѣ неблагопріятные слухи до людей, мнѣніемъ которыхъ я дорожу“ [2]).

Когда, въ другой разъ, разговоръ коснулся его литературной дѣятельности, онъ сказалъ:—„Вы, Александръ Николаевичъ, думаете, что для меня писать такъ же легко, какъ для васъ взять четвертушку бумаги и написать, чтобы прислали изъ лавки полъ-фунта икры, фунтъ сыру, сига, что-ли, или чего-нибудь подобнаго. Вамъ чуждъ процессъ творчества. Это для меня хуже, чѣмъ для женщины роды. Я вижу *ихъ* всѣхъ передъ собой. Этотъ проклятый Волоховъ въ особенности не давалъ мнѣ покоя: онъ приходилъ ко мнѣ въ кабинетъ. Ѣздилъ я отъ нихъ въ Карлсбадъ, запирался тамъ отъ нихъ, но они все-таки являлись [3]).

Иногда онъ, безъ всякаго повода, начиналъ упрекать въ

---

[1]) Ср. ниже, письмо къ Тройницкому отъ 25 іюня—7 іюля 1867 г., по поводу „Дыма“ Тургенева: — „Раздраженіе фантазіи скверно дѣйствуетъ на нервы, когда самъ человѣкъ устарѣлъ и когда это надо разжигать въ себѣ искусственно“. — Въ письмѣ къ Валуеву отъ 6 іюня 1877 года онъ оправдываетъ Л. Толстого, посвятившаго много страницъ любви въ „Аннѣ Карениной“,—тѣмъ, что у насъ нѣтъ „общественности, которая такъ централизована, что лишена яркой и разнообразной подвижности (какъ въ другихъ европейскихъ обществахъ), порождаемой игрой политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ и страстей, борьбой партій и т. п.“ (стр. 14).

[2]) Въ дѣйствительности, Гончаровъ не настолько опасался оглашенія своей мысли объ отсутствіи у насъ сложной политической жизни: онъ развивалъ ее въ письмѣ... къ самому Валуеву.

[3]) По мнѣнію Гончарова, сложившемуся, конечно, вслѣдствіе самонаблюденія, авторъ является „постороннимъ лицомъ“ по отношенію къ героямъ своего произведенія: „Онъ только смотритъ на лица своихъ героевъ (въ фантазіи), слышитъ, что и какъ они говорятъ—и вѣрно передаетъ. Таковы условія художника, на то у него наблюдательный глазъ, палитра и кисть“ (Письма къ Валуеву, стр. 40).

чемъ-либо людей отсутствующихъ; начиналъ, напримѣръ, говорить о томъ, что мать наша не умѣла насъ воспитать, тогда какъ его экономка, Александра Ивановна, женщина простая, прекрасно ведетъ своихъ дѣтей... Вспоминалъ онъ при этомъ какой-нибудь фактъ, давно имѣвшій мѣсто, и, безъ всякой видимой причины, начиналъ сердиться на лицо, котораго уже не было въ живыхъ. Однажды онъ вспомнилъ, какъ мать моей матери, Елизавета Ивановна Рудольфъ, когда-то спросила его:— „У васъ, Иванъ Александровичъ, пожалуй, есть капиталецъ?“— Гончаровъ повторилъ ея вопросъ старушечьимъ выговоромъ, укоряя умершую уже старушку въ излишнемъ любопытствѣ:— „А ей зачѣмъ это знать? Развѣ я обязанъ оставлять мое состояніе родственникамъ, съ которыми у меня потеряна всякая связь?“... Найдя точку спора, онъ уже долго не оставлялъ ея, горячился, на его лицѣ появлялись красныя пятна, голосъ дѣлался рѣзкимъ, руки дрожали, появлялись всѣ признаки злобы, бѣшенства.

Наши свиданія съ нимъ почти всегда кончались ссорой; мы расходились иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, пока гдѣ-нибудь случайно не сталкивались. У него не было и тѣни добродушія, простоты отношеній; напротивъ, онъ, повидимому, испытывалъ удовольствіе, если находилъ поводъ сказать кому-либо что-нибудь непріятное. Какъ-то разъ онъ пригласилъ меня обѣдать въ Hôtel de France. Намъ подали полъ-бутылки краснаго вина, стоимостью въ 2 р. 50 к. На его вопросъ, какъ я нахожу вино, я отвѣтилъ, что не нахожу ничего особеннаго: вино, какъ вино; кажется, не дурное. Достаточно было этихъ словъ, чтобы выслушать отъ Гончарова безконечное нравоученіе:— „Я не понимаю, Александръ Николаевичъ,— какъ вы не можете отличить прекраснаго, тонкаго, выдержаннаго вина отъ бурды, которую пьютъ въ разныхъ кабакахъ петербургскіе чиновники. Вѣдь еслибы вы были бурлакъ, неучъ, а то вы и по-французски хорошо говорите, даже нѣмецкую литературу знаете, бываете въ порядочномъ обществѣ, а говорите, будто изъ Симбирска никогда не выѣзжали. Я, право, не понимаю васъ. Вино это тонкое, и хозяинъ гостинницы подаетъ его далеко не всякому. Мало того, что въ Бога не вѣрить, да знать, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, а надо быть благовоспитаннымъ человѣкомъ, т.-е. умѣть себя держать и знать толкъ въ винѣ и хорошихъ сигарахъ. Это не мѣшаетъ ни дѣловитости, ни учености“... Я, не дослушавъ его поученій, уплачиваю свою часть за обѣдъ и вино и ухожу, а Гончаровъ сидитъ еще съ

часъ, покуривая сигару, а затѣмъ идетъ бродить по улицамъ.

Долго спустя послѣ этого разговора, я былъ у Гончарова, и онъ предложилъ мнѣ сигару изъ только-что пріобрѣтенныхъ имъ у Елисѣева. Онъ, проходя по Невскому, имѣлъ обыкновеніе заходить къ Елисѣеву. Тогда былъ еще живъ старикъ Елисѣевъ, ходившій въ длинноломъ сюртукѣ и старомъ цилиндрѣ, сынъ основателя фирмы. Онъ зналъ Ивана Александровича чуть не сорокъ лѣтъ и всегда предлагалъ ему первоклассныя сигары, зная, что тотъ большой ихъ знатокъ и любитель. Я нашелъ сигару превосходной и похвалилъ ее. Гончаровъ немедленно же началъ увѣрять меня, что онъ самъ въ молодости не зналъ сигаръ, и человѣку небогатому даже неприлично имѣть такія барскія замашки... Началось поученіе, какъ и по поводу краснаго вина, но уже съ другой стороны.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ, онъ встрѣтилъ какъ-то Елизавету Владиміровну Сабурову, урожденную графиню Соллогубъ, дочь автора „Тарантаса", которую я зналъ дѣвушкой въ Дерптѣ, будучи принятъ у нихъ въ домѣ запросто. Она спросила Ивана Александровича, отчего я у нихъ не бываю. Вскорѣ послѣ этого случилось, что онъ встрѣтилъ Екатерину Дмитріевну Куломзину: у Коломзиныхъ я былъ свой человѣкъ, часто заходилъ къ нимъ обѣдать, а иногда оставался и на вечеръ. Она также спросила его обо мнѣ и просила сказать, чтобы я зашелъ къ нимъ,—что у нея были для меня какія-то книги. При слѣдующей же встрѣчѣ со мной Гончаровъ выразилъ удивленіе, что у меня имѣются знакомые въ совершенно не подходящемъ для бѣднаго человѣка обществѣ:— „Зачѣмъ вамъ бывать у нихъ? Что общаго между этимъ міромъ и сыномъ провинціальнаго учителя? Что можете вы дать имъ со своей стороны?.. Впрочемъ, многіе дѣлаютъ карьеру при помощи женщинъ"... Когда я отвѣтилъ, что знаю этихъ дамъ давно, ни о какой карьерѣ не думаю, и что эти люди относятся ко мнѣ хорошо, то онъ началъ говорить, что, конечно, лучше бывать у Сабуровыхъ, Куломзиныхъ и графовъ Тизенгаузенъ, чѣмъ проводить вечера въ танцъ-классахъ у Марцинкевича. „Впрочемъ,—закончилъ онъ,—живите, какъ хотите: я не опекунъ вашъ и сдѣлать для васъ ничего не могу. Только будьте осторожны: можете сказать что-нибудь, а подумаютъ, что вы повторяете мои слова, возникнутъ непріятности".

Не могу умолчать здѣсь о слѣдующемъ происшествіи. Гончаровъ подарилъ когда-то моему отцу свой бюстъ, сдѣланный

Степановымъ, извѣстнымъ впослѣдствіи сотрудникомъ „Искры“. Помню, что бюстъ былъ раскрашенъ и изображалъ Гончарова съ сигарой въ правой рукѣ. Нашъ хорошій знакомый и нѣсколько также писатель, Д. И. Минаевъ, зайдя однажды къ отцу, взялъ эту статуэтку и пририсовалъ Гончарову бороду. Въ бытность свою въ Симбирскѣ, въ 1862 году, Иванъ Александровичъ замѣтилъ проказу Минаева и посмотрѣлъ на эту шутку, какъ на оскорбленіе: ему, вѣроятно, непріятно было напоминаніе о томъ, что онъ происходитъ отъ человѣка, носившаго бороду (?)... Отцу онъ высказалъ свое неудовольствіе; статуэтка куда-то исчезла; а Минаеву онъ чѣмъ-то напакостилъ впослѣдствіи: что-то (sic) вычеркнулъ или чего-то не пропустилъ изъ его писаній, въ качествѣ члена цензурнаго комитета.

По моему глубокому убѣжденію, присущая гончаровской семьѣ психическая болѣзнь не миновала Ивана Александровича: онъ боялся людей, прятался отъ всѣхъ, всѣхъ подозрѣвалъ въ козняхъ и заговорахъ противъ него; ему постоянно казалось, что за нимъ слѣдятъ, интересуются его бумагами и перепиской; низкій барометръ оказывалъ на него неблагопріятное вліяніе: онъ начиналъ брюзжать, жаловаться, искать поводовъ къ ссорѣ и говорить своему собесѣднику непріятныя вещи [1]); это былъ капризный эгоистъ, человѣкъ мелочной, скупой до скаредности [2]). Онъ былъ такой же ненормальный человѣкъ, какъ нашъ отецъ (его братъ) и сестра — Музалевская. Отецъ опустился въ провинціи, ему не передъ кѣмъ было маскироваться und sich zusammen nehmen, какъ говорятъ нѣмцы, а потому, придя со службы домой и снявъ свой вицъ-мундиръ, онъ предавался мечтамъ, говорилъ самъ съ собой и бранилъ начальство, не замѣчая ничего окружающаго. Музалевская „куралесила“, кроила и шила платья, бранилась съ прислугой, нападала на своего мужа, ссорилась съ знакомыми и разъѣзжала по магазинамъ.

Иванъ Александровичъ не могъ позволить себѣ ничего подобнаго: онъ долженъ былъ составлять доклады, дѣлать пере-

---

[1]) На неблагопріятное вліяніе на него *дурной погоды* Гончаровъ нерѣдко указываетъ въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Такъ, въ письмѣ отъ 8 апрѣля 1878 г.—къ Писемскому—читаемъ:—„Я лежу, какъ звѣрь: въ дурную погоду страдаю безсонницей, *приливами крови къ головѣ*, и во всякую другую вообще—хандрою и стастью“ (*Евг. Соловьевъ*. И. А. Гончаровъ. Спб. 1895, стр. 78).—Въ письмѣ къ Ваеву (стр. 54) онъ говоритъ, что можетъ работать лишь при „сколько-нибудь осной“ для его „нервъ погодѣ“.

[2]) Всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія говорятъ за то, что здѣсь—явное преувеличеніе: Гончаровъ не былъ не только скареднымъ, но и скупымъ.

воды и занимался литературой. Все это не давало ему возможности распускаться и предаваться излишнимъ мечтамъ и фантазіямъ. Да и образъ жизни въ Петербургѣ былъ совершенно иной, чѣмъ въ провинціи. Помогало ему и то, что онъ почти ежегодно уѣзжалъ за-границу, пилъ тамъ воды, а главное—ежедневно гулялъ не менѣе трехъ-четырехъ часовъ. Левенштейнъ, очень дѣльный психіатръ, увѣрялъ меня, что Гончаровъ представлялъ собою интересный типъ для психіатра: при талантѣ и наблюдательности, у него не было самообладанія и силы воли.

Иногда онъ запирался у себя на квартирѣ и никого не принималъ. Если мнѣ случалось видѣть его въ это время, то предо мною былъ другой Гончаровъ: онъ суетился, лицо его было красное, въ пятнахъ; вдругъ онъ начиналъ высмѣивать нашего отца, тетку или кого-либо изъ современныхъ литераторовъ, въ родѣ Якушкина (за слабость его къ водкѣ) и поносить разныхъ Щаповыхъ... Ни съ того, ни съ сего, онъ вдругъ завелъ знакомство и дружбу съ актеромъ Монаховымъ, который, при нѣкоторомъ талантѣ, былъ человѣкъ ничтожный... и выѣзжалъ на куплетахъ. Монахову читалъ онъ „Милліонъ терзаній“ и одно время былъ увѣренъ, что тотъ созданъ для роли Чацкаго.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ Гончаровъ уже совершенно тронулся. Когда я навѣстилъ его, за годъ до его смерти, онъ выбѣжалъ ко мнѣ въ бѣломъ балахонѣ и сталъ кричать, жестикулируя: — „Зачѣмъ вы пришли? Родственники мнѣ надоѣли! Я обращусь къ полиціи, чтобы меня избавили отъ посѣщенія родственниковъ. Я никому ничего не оставляю“... Въ это время онъ находился всецѣло подъ вліяніемъ своей экономки-нянн, и изъ родныхъ у него никто не бывалъ.

На этомъ и заканчиваются воспоминанія А. Н. Гончарова.

М. Суперанскій.

КАПЛЯ ВЪ МОРѢ...

ОЧЕРКИ

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

Въ земской порѣченской больницѣ уже кончался пріемъ. Принималъ больныхъ — земскій врачъ Щуповъ съ фельдшеромъ Листовскимъ, и дѣло быстро спорилось, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ народу съѣхалось значительно меньше, чѣмъ въ предыдущіе дни, когда число больныхъ доходило иногда до полутораста.

Передъ оградой больницы, среди выгона, изрытаго ямами и изборожденнаго кочками, въ маленькомъ, наскоро сколоченномъ баракѣ, Ольга Трифонова продавала хлѣбъ, баранки, огурцы и квасъ. Покупателями ея были исключительно паціенты и ихъ спутники; чѣмъ многолюднѣе былъ пріемъ, тѣмъ успѣшнѣе шла ея торговля. Случалось даже и такъ, что товару не хватало, и тогда дочка Трифоновой, дѣвочка лѣтъ семи-восьми, вихремъ неслась въ село, въ лавку, и приносила новый запасъ провизіи.

Такая торговля требовала очень незначительнаго оборотнаго капитала и приносила доходъ, достаточный для того, чтобы семья Трифоновой не чувствовала особенныхъ лишеній.

— Добрый человѣкъ надоумилъ!—радовалась она.—А то бы хоть помирать съ голоду. Мужъ-пьяница все до нитки пропилъ, а ну съ дѣтьми по міру пустилъ. Да хоть самъ куда-то провалился — и за то спасибо. По сію пору кровь бы мою пилъ, рвалъ бы мнѣ вязалъ, каждую бы копѣйку изъ меня выколачивалъ. Пропалъ—и какъ жерновъ съ шеи.

— Такъ и не знаешь, куда онъ ушелъ?

— Да не дай Богъ и услышать. Объявится — тутъ мнѣ и рѣшеніе выйдетъ. Такую онъ мнѣ тогда торговлю пропишетъ!

Бойкая Ольга весело смѣялась, болтая съ покупателями о всѣхъ своихъ семейныхъ невзгодахъ и неудачахъ, и ея круглое пріятное лицо казалось такимъ беззаботнымъ и счастливымъ, что трудно было повѣрить, что она не только не преувеличивала въ своихъ разсказахъ о всемъ прожитомъ, но еще многое смягчала добродушіемъ и шутливостью своего тона.

— Дѣтокъ-то у тебя всего одна?

— Да дома еще трое. Выходитъ — четверо. Эта постарше, такъ я ее съ собой увожу. Все подмога! Мальчики-то у меня не живутъ. Вотъ поди-жъ ты! Еще ихъ двое было. Одного, еще махонькаго, отецъ испугалъ, какъ пьяный разбушевался. Накатило на него, накатило... Такъ и померъ. Другому уже шестой годочекъ шелъ: лошадь убила.

— Небось, жалѣла?

— А то нѣтъ? Какъ принесли его!.. какъ увидала!.. Отецъ-то тоже вотъ какъ убивался. Ужъ пилъ онъ о ту пору, пилъ... И-и! А какъ напьется, такъ и пошелъ меня колошматить, за то, что не доглядѣла-молъ.

— Имъ бить, что воду пить!—озлобленно замѣтила молодая баба съ худымъ землистымъ лицомъ, уже давно и безуспѣшно закачивавшая на рукахъ надрывавшагося отъ крика ребенка.— Изверги они! поганцы! тьфу! — Она порывисто перевернула ребенка и стала совать ему тощую темную грудь. Ребенокъ не бралъ и продолжалъ надрываться.

— Ахъ, ты, жизнь каторжная! — стонала баба. — Хоть бы прибралъ его Богъ! Самъ мучится, а меня извелъ...

Она спрятала грудь и запихала въ ротъ ребенка грязную соску. Крикъ сталъ только глуше, но не прекратился. Всеобщее вниманіе привлекла коляска, подкатившая къ воротамъ больницы. Изъ коляски выпрыгнули двѣ дамы и, громко переговариваясь, повернули къ дому, занимаемому Щуповымъ и его семьей.

— Это кто-жъ такія?—спросилъ кто-то.

Ольга засмѣялась.

— Новыя помѣщицы. Барышни.

Всѣ глядѣли, какъ барышни, складывая зонтики, поднялись на крыльцо, отряхнули платья и потомъ одна за другой скрылись за дверями.

Ольга продолжала смѣяться и какъ-то многозначительно покрутила головой.

— Это какія же? Грачевскія?

— Онѣ самыя. Грѣхъ! Изъ Грачевки люди приходятъ — разсказываютъ. Онѣ раньше гдѣ-то въ иностранныхъ земляхъ жили. Одна барышня-то, которая младшая, тамъ и родилась, и выросла. Только всѣ врозь жили. Старшая-то дочка отъ перваго мужа, а какъ мать за второго пошла, ее бабка къ себѣ взяла, да вотъ ей Грачевку и оставила. Второй-то мужъ, теперешній баринъ грачевскій, съ женой почесть и не жилъ, а все ѣздилъ. Дѣла у него такія были, чтобы ѣздить... Служба, что-ли, такая есть. А барыня съ дочкой все это на-водахъ, да на-водахъ. За-границей, извѣстно, все воды. Да, должно, барину-то ѣздить надоѣло, да и денегъ-то онъ не прикопилъ. Куда дѣться? Вотъ и живутъ теперь въ Грачевкѣ, у старшей дочери на хлѣбахъ. А ужъ жизнь у нихъ идетъ! Попреки, да ссоры, да скандалы! Намедни кухарка ихняя пріѣзжала, рука у нея съ чего-то нарывать начала, такъ подошла она кваску испить, да и разсказывала.

— А изъ-за чего ссорятся-то? — спросилъ кто-то изъ слушателей.

Ольга опять многозначительно покрутила головой.

— А барыня мужа къ старшей дочери ревнуетъ. Вѣдь дочь-то не его.

— Тьфу! — съ ожесточеніемъ отплюнулась больная баба съ ребенкомъ. — Точно псы, прости, Господи! Много жрутъ. Оттого.

Она отвернулась и крупными шагами пошла къ больницѣ.

Черезъ дворъ прошелъ Листовскій, высокій, худой молодой человѣкъ въ высокихъ сапогахъ и свѣтлой косовороткѣ.

— Видно, кончилась пріёмка, — сказалъ мальчикъ, все время лежавшій животомъ на травѣ около лавочки, и побѣжалъ отвязывать лошадь, запряженную въ телѣгу. Телѣгъ оставалось всего двѣ-три. Ольга стала собираться домой и, вздыхая, укладывала въ корзину оставшіеся товары, чтобы захватить ихъ съ собой. Торгъ въ этотъ день вышелъ неудачный: выручка была самая незначительная. Мимо барака раза два-три проѣхала грачевская коляска. Очевидно, лошадей безпокоили мухи, и онѣ не стояли.

— Аль заболѣлъ кто? — крикнула Ольга кучеру. Тотъ только сердито отмахнулся.

Жена Щупова, женщина лѣтъ тридцати-пяти, очень живая и подвижная, сидѣла въ своемъ зальцѣ съ пріѣзжими дѣвицами и выкуривая одну папиросу за другой, сорила пепломъ на свое платье, на полъ и на столъ, на который только-что подали изъ буфета съ тремя чашками чая и вазочкой варенья.

— Въ деревнѣ нельзя скучать. Невозможно! — быстро говорила она. — Я жила въ городѣ. Я знаю и городскую жизнь, и

деревенскую. Въ городѣ, конечно, больше развлеченій, но повѣрьте, что скука происходитъ не отъ отсутствія развлеченія, а отъ отсутствія дѣла. А чего больше въ деревнѣ — какъ дѣла! Да помилуйте! Поживите съ нами, и вы убѣдитесь, что день коротокъ для работъ. Кто-то когда-то выдумалъ, что умственный центръ въ столицѣ и что провинція спитъ и опускается. Вздоръ! Теперь даже мысль въ провинціи стала живѣе и яснѣе; да я даже прямо скажу—развитѣе, такъ сказать—животрепещущѣе.

Гостьи разсѣянно слушали и очевидно томились. Старшая, блондинка, съ большими сѣрыми глазами, слишкомъ худая и блѣдная; младшая—очень хорошенькая, съ каштановыми волосами и карими глазками. Докторша стала доказывать, что провинція давно и безусловно проснулась и отобрала себѣ главную роль—у столицы, которая слишкомъ развратилась, чтобы остаться здоровымъ, доминирующимъ органомъ.

— Julie!—шепнула младшая сестра старшей.—Можетъ быть, ждать слишкомъ долго? Можетъ быть, лучше пріѣхать въ другой разъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! пріемъ конченъ,—торопливо перебила ее хозяйка дома.—Мужъ сейчасъ придетъ, сію минуту.

— Конечно, подождемъ, Кира,—спокойно отозвалась Юлія.—М-me Щупова такъ любезна, что...

— Но я, напротивъ, такъ рада случаю познакомиться, поговорить! Я забыла вамъ сказать мое имя-отчество: Анастасія Захаровна.

— Меня зовутъ Юлія Сергѣевна Ильинская, а сестру — Кира Юрьевна Ливская,—сообщила старшая дѣвушка.—Сестры мы только по матери... Къ доктору у меня небольшая просьба...

Но она не успѣла сообщить, какая у нея просьба, какъ въ комнату вошелъ самъ Щуповъ, еще молодой человѣкъ, съ красивымъ, но суровымъ лицомъ. Онъ сухо, почти непріязненно поклонился дѣвушкамъ, сѣлъ и сейчасъ же заложилъ ногу на ногу и закурилъ папиросу. Анастасія Захаровна, видимо, смутилась, затушила свою папиросу въ остаткѣ чая на блюдечкѣ и заговорила такимъ же торопливымъ, но болѣе робкимъ голосомъ:

— Это, Андрей, наши сосѣдки, Юлія Сергѣевна и Кира...

— Я знаю!—рѣзко перебилъ ее мужъ.—Что вамъ угодно?—отнесся онъ къ дѣвушкамъ.

Кира насмѣшливо улыбнулась, а Юлія удивленно взглянула на него большими ясными сѣрыми глазами, и ея блѣдныя щеки слегка порозовѣли.

— Я хотѣла просить васъ, докторъ, принять въ вашу боль-

ницу одну дѣвушку. Она сама просила васъ объ этомъ, но вы отказали.

— Если я отказалъ, то имѣлъ на это основаніе,—спокойно сказалъ докторъ, и его взглядъ ясно досказалъ: „Какое значеніе можетъ имѣть твоя просьба? Ужъ не воображаешь ли ты, что ты помѣщица—и потому я поступлю не такъ, какъ я рѣшилъ, а какъ ты хочешь?"

Юлія еще больше покраснѣла, но не опустила глазъ, и только темныя тонкія брови ея чуть-чуть сдвинулись и дрогнули.

— Я думала, что эта дѣвушка не съумѣла объяснить вамъ, почему ей невозможно лечиться дома, — тихо сказала она. — Я думала, что еслибы вы знали всѣ обстоятельства...

Щуповъ непріятно усмѣхнулся.

— У меня бываетъ на пріемѣ ежедневно отъ пятидесяти до двухсотъ больныхъ. Узнавать въ подробностяхъ всѣ ихъ домашнія обстоятельства я, конечно, не въ состояніи, но могу сказать съ увѣренностью, что всѣ они—изъ рукъ вонъ плохи. Слѣдовательно...—Онъ не договорилъ и, перемѣнивъ позу, принялъ разсѣянно-скучающій видъ.

Юлія встала и оглянулась на сестру. Та, видимо, едва удерживалась отъ смѣха.

— Очень жаль,—сказала старшая дѣвушка и послѣ короткаго колебанія протянула доктору руку.

Кира тоже протянула свою руку и вдругъ неудержимо звонко расхохоталась.

— Вы простите, только... очень смѣшно.

Докторъ сперва удивился, потомъ видимо заинтересовался.

— Кира! пойдемъ!—просила старшая сестра, проходя въ переднюю.

Но Кира перестала смѣяться и остановилась передъ докторомъ.

— Вы злой! — серьезно и строго сказала она. — Что?! слышали? Я очень рада вамъ это сказать. А злость и грубость— совсѣмъ не умъ. Умъ—совсѣмъ другое...

Потомъ она быстро выбѣжала за Юліей на крыльцо. А докторъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, пожалъ плечами, усмѣхнулся и отправился въ свой кабинетъ переодѣваться.

— Я ему откровенно высказала свое мнѣніе, этому плохо лизанному медвѣдю!—смѣясь, заявила Кира по-французски, когда обѣ сестры уже ѣхали въ колискѣ.

— Что ты ему сказала?—спокойно спросила Юлія.

Кира повторила.

— Совсѣмъ не надо было этого говорить, — все такъ же

спокойно замѣтила старшая сестра.—А у тебя, къ тому же, все очень смѣшно выходитъ по-русски.

— Онъ совсѣмъ не смѣялся и понялъ меня прекрасно.

— Все-таки, это было лишнее. Не надо никогда позволять себѣ выходокъ.

Кира надула губки.

— А я не вижу, почему бы мнѣ такъ стѣсняться. Тонъ этого доктора—это тоже выходка. Пусть получаетъ сдачи. Онъ воображаетъ, что очень уменъ, очень либераленъ и очень страшенъ, а по-моему—очень смѣшонъ и грубъ. Пусть знаетъ.

Юлія улыбнулась и перестала возражать. Удобно расположившись въ углу коляски, она полузакрыла глаза и лицо ея стало блѣднымъ, утомленнымъ и строгимъ.

— Но ты не сердишься?—долго спустя, спросила Кира.—Ты не жалѣешь, что согласилась взять меня съ собой?—Она сказала это такъ ласково и робко, и ея хорошенькое личико такъ виновато улыбалось, что старшая сестра вдругъ порывисто приподнялась и схватила ее за руку.

— А! боишься, когда я сержусь?—спросила она, и вдругъ все лицо ея преобразилось отъ улыбки: слишкомъ блѣдное и безцвѣтное, чтобы быть красивымъ, оно сразу стало прекраснымъ отъ блеска смѣющихся глазъ и ровныхъ бѣлыхъ зубовъ.

Все лицо теперь сіяло и смѣялось.

— Нѣтъ! не сердишься!—весело вскрикнула Кира.—Юля, а ты замѣтила: у него жена гораздо старше его? да? Онъ красивый, а она—старая. Можетъ быть, онъ оттого и злой?

Обѣ продолжали чему-то смѣяться.

— А если теперь придется позвать его къ намъ, а онъ не поѣдетъ?—спросила Юлія.—Вспомнитъ, какая ты дерзкая, и откажется. Что тогда?

Экипажъ сталъ спускаться къ пруду, проѣхалъ по широкой плотинѣ, подъ тѣнью старыхъ, развѣсистыхъ тополей, и, тотчасъ же завернувъ вправо, мимо густо насаженной молодой рощи и по широкому глассированному въѣзду, окаймленному кустами шиповника, подкатилъ къ крыльцу помѣщичьяго дома.

Дѣвушки не поднялись на крыльцо, а прошли въ калитку, которая вела прямо въ садъ. Здѣсь были такіе же старые, развѣсистые тополя, какъ и на плотинѣ, но росли они не аллеей, а широкимъ полукругомъ. Среди этого полукруга былъ разбросанъ цвѣтникъ, всего изъ нѣсколькихъ небольшихъ, незатѣйливыхъ клумбъ, а къ самому цвѣтнику спускались ступени большого, заросшаго дикимъ виноградомъ балкона.

— C'est vous?—спросилъ женскій голосъ съ балкона.

— C'est nous, maman,—отвѣтила Юлія.

— Тутъ почта. Тебѣ—письма,—сказалъ тотъ же голосъ.—Отъ кого это столько писемъ?—уже съ явнымъ раздраженіемъ продолжалъ этотъ голосъ.

Юлія, не спѣша, вошла на балконъ и взяла со стола пачку писемъ и газетъ. Въ углу балкона, въ большомъ креслѣ, сидѣла полная пожилая женщина въ широкомъ легкомъ капотѣ и слѣдила за каждымъ ея движеніемъ капризнымъ, почти враждебнымъ взглядомъ. Бѣлыя, полныя, выхоленныя руки, оголенныя до локтей, опустились на колѣни, придерживая цѣлый ворохъ кружевъ, изъ которыхъ она что-то мастерила; лицо, присыпанное пудрой, не производило иллюзіи красоты и молодости, а сильно напудренные волосы казались сѣдыми и грубыми.

— Отъ кого, я спрашиваю?—повышая голосъ, повторила мать.

— Вы это спрашиваете?—удивилась Юлія.

— Ахъ, Боже мой! я не имѣю что-ли права?!

— Я тоже считаю себя въ правѣ не отвѣчать,—спокойно сказала дѣвушка и, захвативъ почту, ушла въ комнату. Кира сѣла рядомъ съ матерью и развернула только-что полученный журналъ. Она слышала, что мать тяжело дышала,—а это всегда служило признакомъ волненія или гнѣва,—но нарочно дѣлала видъ, будто не замѣчаетъ.

— И сказать, что я принуждена здѣсь жить! принуждена!—быстро, по-французски заговорила мать.—Я все должна терпѣть, всему должна подчиняться! Моя дочь третируетъ меня такъ, потому что не я, а она—здѣсь хозяйка.

— Ты, мама, опять разстроена,—мягко замѣтила дочь.

— Нѣтъ, я не разстроена, а возмущена. Юлія позволяетъ себѣ слишкомъ много для дѣвушки ея лѣтъ. Она не хочетъ признавать ни совѣтовъ, ни предупрежденій. У нея какая-то переписка, какія-то заботы, о которыхъ я ничего не знаю... У нея—такой гордый, независимый, холодный тонъ!..

— Это ея манера, мама.

— Милая манера! — вскрикнула мать. — Манера давать чувствовать людямъ, что всѣ они глупы, ничтожны, непріятны!— на скомкала свою работу и бросила ее на столъ.—И ты перь съ ней заодно, и твой отецъ. Вы оба подчиняетесь и клоняетесь. Вамъ нѣтъ дѣла до меня, до моего униженія...

Она выхватила изъ кармана платокъ и закрыла имъ лицо, Кира перелистала еще нѣсколько страницъ журнала, а по-

томъ придвинулась еще ближе къ ней и ласково положила ей руку на плечо.

— Не надо больше плакать,—тихо заговорила она.—Ты сама знаешь, мама, что Юлія—добрая, умная. А вѣдь мы всѣ какъ дѣти, да? И ты, мамочка, у меня уже не молоденькая, а совсѣмъ какъ ребенокъ. Что мы всѣ понимаемъ—и ты, и папа, и я?! Юля это видитъ, знаетъ. Какъ ты требуешь, чтобы она подчинялась тебѣ? Надо быть справедливой. Юля намъ всегда и во всемъ нужна. Она у насъ старшая. А ты хочешь, чтобы она спрашивала у тебя совѣтовъ и предупрежденій.

Мать немного успокоилась и отняла платокъ отъ лица.

— Ты что дѣлаешь?—спросила Кира и развернула скомканныя кружева.—Мама!—вдругъ оживленно вскрикнула она.—Подожди. Ты искала отдѣлку къ этому хорошенькому батисту. Къ тому, знаешь, на блузку... Тутъ сколько аршинъ?

— Не распусти то, что я собрала!—испуганно вскрикнула мать.—Къ сѣрому батисту? Ты думаешь?—Она тоже сразу оживилась.

Съ однимъ изъ полученныхъ писемъ въ рукѣ, Юлія постучала въ дверь кабинета отчима.

— Это я!—крикнула она.—Можно?

До ея прихода онъ лежалъ на диванѣ и курилъ, но сейчасъ же бросилъ сигару и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу. Высокій, сухощавый, съ выбритымъ лицомъ и зачесанными назадъ довольно длинными, съ сильной просѣдью, волосами, онъ, и по наружности, и по костюму, производилъ впечатлѣніе иностранца. Лицо продолговатое, съ тонкими, изящными чертами, гордая, свободная осанка и бѣлый въ полоску костюмъ—все это съ перваго взгляда казалось красивымъ, но почему-то это впечатлѣніе сейчасъ же измѣнялось, какъ только Юрій Платоновичъ начиналъ улыбаться и говорить.

— Какія-нибудь новости, дорогая?—спросилъ онъ, прищуривая темные, еще красивые глаза и складывая губы въ слащаво-приторную улыбку.

— Прочтите!—сухо сказала Юлія и, кинувъ ему мимоходомъ письмо, прошла къ окну и сѣла на подоконникъ. Онъ поймалъ письмо на лету, надѣлъ пенснэ и, стоя среди комнаты, сталъ читать. Губы перестали улыбаться, сжались, но, какъ двѣ тонкія змѣйки, непрерывно изгибались, то опускаясь углами внизъ, то выпрямляясь, то сбираясь въ высокомѣрную складку. Наконецъ, онъ дочиталъ, отдалъ ей письмо обратно и, прислонясь къ косяку окна, закинулъ голову и опять прищурилъ глаза.

— Я вижу, вы очень серьезно рѣшили во что бы то ни стало опредѣлить меня на службу?—съ снисходительной улыбкой замѣтилъ онъ. Она строго остановила на немъ взглядъ своихъ ясныхъ сѣрыхъ глазъ.

— Но надо же какъ-нибудь, Юрій Платоновичъ... Развѣ вы сами о чемъ-нибудь заботитесь, что-нибудь предпринимаете? По правдѣ сказать, я удивляясь вамъ. Я очень удивляюсь!

— Это потому, что вы многаго не знаете, дитя мое. Вы все думаете, что я сижу сложа руки, потому что мнѣ это нравится. Или, что я не умѣю найти для себя прилично оплачиваемаго мѣста. Вѣдь вы такъ думаете? Признайтесь! И поэтому вы сами предпринимаете... des démarches, ставите на ноги всѣхъ своихъ знакомыхъ...

Онъ засмѣялся, но вдругъ сразу прервалъ смѣхъ и неожиданно исказилъ лицо недоумѣвающе-скорбнымъ выраженіемъ. Для этой цѣли онъ высоко поднялъ брови, наморщивъ лобъ, и опустилъ углы губъ.

— Но—спрашиваю я васъ — кому и чему я буду служить? Кому и чему? Въ какомъ государствѣ? при какомъ режимѣ?

— Что за чепуха! — крикнула Юлія. — Что вы такое говорите? Вамъ нужны средства, чтобы жить. У васъ жена и дочь... Вамъ предлагаютъ не министерскій постъ, а очень опредѣленное и несложное занятіе, притомъ хорошо оплачиваемое. Я думаю, что хотя съ нимъ-то вы съумѣете справиться. При чемъ тутъ политика, глубокомысленные взгляды?..

— Вы горячитесь, дорогая, — мягко прервалъ онъ ее. — А по-моему въ томъ-то и наша главная русская бѣда, что у насъ жизнь сама по себѣ, а взгляды сами по себѣ. Взгляды всегда, какъ будто, ни-при-чемъ, а впереди всего насущныя потребности, хорошо оплачиваемыя занятія...

Юлія нетерпѣливо передернула плечами.

— Юрій Платоновичъ! Не будемъ пускаться въ отвлеченныя разсужденія. Надо рѣшить вопросъ, подходитъ ли вамъ то, что вамъ предлагаютъ? По моему мнѣнію — вполнѣ подходитъ, а если у васъ есть какія-нибудь возраженія, то я желала бы ихъ выслушать. Но, Бога ради, говорите просто и ясно, а не общими мѣстами, и не „по поводу“, а прямо о дѣлѣ.

Онъ засмѣялся, показывая ослѣпительно бѣлые вставные зубы.

— Я, кажется, уже говорилъ вамъ, что никогда не встрѣчалъ женщины болѣе прямолинейной, чѣмъ вы,—заявилъ онъ.— А черта прямо поражаетъ меня. Знаете ли вы, что, стремясь

къ краткости и ясности, вы не рѣшаете вопросы, а, если такъ можно выразиться, разрубаете ихъ? Вы требуете, чтобы все было просто, а для простоты искажаете и мысли, и чувства, и самую сущность человѣка. Въ жизни нѣтъ ничего простого, дорогая, а все сложно, переплетено, перепутано. Самое незначительное явленіе можетъ иногда имѣть самыя крупныя послѣдствія...

— Если вы не хотите говорить серьезно, я уйду! — сказала Юлія и встала, но онъ быстро протянулъ руку и удержалъ ее.

— Увѣряю васъ, что я именно хочу говорить серьезно. Я постоянно чувствую ваше... неодобрительное отношеніе ко мнѣ. Я чувствую, что вы меня глубоко и безпощадно осуждаете, и съ вашей стороны было бы только актомъ справедливости дать мнѣ хотя одинъ разъ высказаться, оправдаться. Да! я именно хочу говорить серьезно. Вы мнѣ сейчасъ напомнили, что у меня жена и дочь, но нѣтъ средствъ къ жизни. Мечталъ я о многомъ, достигъ малаго. Въ своей дѣятельности авантюриста я, быть можетъ, былъ не столько неумѣлъ, сколько мало ловокъ. Я не стыжусь въ этомъ признаться. Отъ золотыхъ горъ, при которыхъ я всю жизнь работалъ, на мою долю выпадали только крохи, и тѣ уплывали незамѣтно и неудержимо. Пусть это неумѣлость, или неудачливость, называйте, какъ хотите, а я ни того, ни другого не стыжусь. На путь моей авантюристской, какъ вы ее называете, дѣятельности — меня толкнуло легкомысліе молодости, задоръ борьбы за всѣ блага жизни. Въ результатѣ — никакихъ благъ, почти прожитая жизнь, почти разрушенное здоровье. Но главное, дорогая, главное! — никакой связи съ родиной, никакихъ корней въ родной почвѣ. Почему я никогда не чувствовалъ этого раньше? Но, вѣроятно, потому, что я все-таки всегда былъ культурнымъ человѣкомъ, а русскій культурный человѣкъ больше любитъ вспоминать гдѣ-нибудь за-границей шелестъ родной березы... Я тоже любилъ, вспоминалъ, но, признаться, не чувствовалъ съ ней никакой кровной связи. Эта связь сказалась только теперь. О, теперь!.. Россіи нужны всѣ ея культурныя и сознательныя силы. Она зоветъ своихъ дѣтей и вручаетъ имъ свою судьбу. Я считалъ, что долгъ всякаго порядочнаго человѣка сыграть теперь свою роль...

Юлія молча направилась къ двери.

— Ну, вотъ! Вы всегда такъ! — замѣтилъ ей вслѣдъ Юрій Платоновичъ. — По-вашему, я не долженъ имѣть ни убѣжденій, ни желаній...

— Ахъ, все, что̀ вамъ угодно!—съ раздраженіемъ отвѣтила она.—Но помните, что къ осени Грачевка будетъ продана. Зиму вамъ придется жить въ городѣ. Мама не выноситъ ни лѣстницъ, ни тѣсныхъ помѣщеній. Какъ хотите! А вашъ проектъ насчетъ газеты—это вздоръ...

Она захлопнула дверь и ушла.

Къ обѣду въ Грачевку пріѣхала гостья, старушка-сосѣдка, приходившаяся родственницей Ливской. Когда-то она была очень богатой и избалованной женщиной, но теперь отъ всего ея состоянія осталось нѣсколько десятковъ десятинъ заложенной земли, съ полу-разрушенной усадьбой, въ которой она жила совершенно одинокой. Подъѣхала она къ крыльцу въ старой трясской телѣжкѣ, запряженной старой кривой лошадью, съ трудомъ вылѣзла изъ экипажа, умоляя своего стараго кучера, совмѣщавшаго еще множество другихъ должностей, покрѣпче держать лошадь, чтобы она не дернула.

Ее провели на балконъ, гдѣ сидѣла Ливская, и та искренно и экспансивно обрадовалась ей.

— Pauline! Наконецъ-то!—крикнула она, приподнимаясь ей навстрѣчу.—Не грѣхъ ли? Знаешь, что я нездорова и никуда не выѣзжаю...

— Что̀ дѣлать, Marie? Я бы, сама знаешь, рада... Я бы всей душой.

Она сѣла на стулъ передъ столомъ, нервно стянула перчатки и стала рыться въ своей сумочкѣ, отыскивая папиросы и спички.

— Такъ тяжело стало жить! такъ тяжело стало жить! — дрогнувшимъ голосомъ заговорила она.—Ты не повѣришь!

— Это я-то не повѣрю?—возмутилась Ливская.—Знаешь ли, что я еще могу завидовать тебѣ?

— Мнѣ? ты? да полно! Marie, ты не можешь себѣ представить...

Она стала закуривать дрожащими старческими руками, сломала спичку, уронила огонь на юбку своего чернаго шерстянаго платья и вскочила, чтобы стряхнуть его. Отъ быстраго движенія она задохнулась.

— Вотъ... еще эта одышка... Вѣришь, — иногда не могу пройти нѣсколькихъ шаговъ. Нѣтъ, тяжело стало жить! А вотъ же живу зачѣмъ-то. Ничего не понимаю, точно въ лѣсу темномъ... Прямо тебѣ скажу: ничего не понимаю!

— Какъ ничего не понимаешь?—удивилась Ливская.

— Да такъ! Ну, объясни мнѣ хоть то, что̀ же это съ нами

сдѣлали? За что меня грозятъ ограбить, убить? За что? Никому я зла не хотѣла и враговъ не наживала...

— Но кто же тебя грозитъ убить?

— Они... мужики. Они всѣхъ насъ, помѣщиковъ, чортовымъ корнемъ зовутъ и нисколько не скрываютъ, что хотятъ этотъ корень истребить. Я каждую ночь жду и трясусь. Намедни, иду по деревнѣ, а кто-то въ меня сзади комкомъ земли пустилъ. Я обернулась, а онъ мнѣ кулакомъ грозитъ, да такъ только рычитъ: „у-у!“

— Пьяный?

— А кто его знаетъ! Они и пьяными прикинутся, если нужно. Ахъ, Marie, какой у насъ народъ! Я вѣдь, знаешь, всегда ужасной либералкой была и народъ любила. Въ Троицу, бывало, всю деревню къ себѣ позову и чтобы хороводы водили. Чѣмъ могу — угощаю. Я всегда за нихъ стояла и не терпѣла, чтобы при мнѣ русскаго мужика бранили. Конечно, онъ и пьяница, и лѣнтяй, и... вотъ, я тебѣ скажу, какой мошенникъ,—ахъ, какой мошенникъ! Но я всегда была либералкой и всякія передовыя газеты и брошюры читала и очень сочувствовала. Я даже съ попомъ за его отсталость поругалась.

— За какую отсталость?

— Да онъ въ училищной библіотекѣ книги какія-то недозволенныя отобралъ. Мнѣ учительница пожаловалась. Ей непріятности были. Да я много съ кѣмъ перессорилась и все изъ-за своего либерализма, а теперь меня же грабятъ и убивать хотятъ, а главное, грозятся землю мою отобрать. Я только этой землей и жила. Ты подумай, что же со мной будетъ? Мнѣ и такъ аренды не платятъ. Собрала я какъ-то мужиковъ, вышла къ нимъ и прошу: „Заплатите вы мнѣ, голубчики, хоть сколько-нибудь“. Посовѣтовались, немного собрали, принесли.

— Неужели принесли?—удивилась Ливская.

— Не все. Часть. Да и за то спасибо. Вѣдь я, вѣришь ли, голодомъ сидѣла. Голодомъ! У меня чаю не было. Вотъ что со мной ваши либералы сдѣлали. Развѣ они думаютъ о томъ, что я—старая, безпомощная, что и рада бы я работать, да на что я гожусь? Въ приживалки? Такъ вѣдь я дворянка. У меня чужой кусокъ поперекъ горла встанетъ! Я дворянка!

Она такъ взволновалась, что опять задохнулась и потомъ долго кашляла.

— Ѣздила я сегодня къ доктору... Нѣтъ, плохой у насъ теперь докторъ. Не нравится онъ мнѣ. Ты помяни мое слово, что онъ здѣсь первый смутьянщикъ. Грубый. „Вы, говоритъ,

старая. Не можете вы требовать, чтобы я вамъ молодость вернулъ". Это потому, что я ему на видъ поставила, что мнѣ его порошки не помогли. Ну, я ему не спустила. „А вы, говорю, любите только молоденькихъ лечить". Промолчалъ.

— Да какая же ты старая!—возмущенно замѣтила Ливская.— Я не хочу сказать, что мы съ тобой молоды, но... мнѣ помнится, Pauline, ты года на три старше меня?

— А кто это скажетъ?—вскрикнула гостья.—Я сейчасъ еще глядѣла на тебя и думала: какая ты еще свѣжая, красивая! Очень ты мало мѣняешься!

Ливская засмѣялась, и ея полное, напудренное лицо оживилось отъ удовольствія.

— Ты находишь?

— Мнѣ кажется, тутъ много значитъ заграничная жизнь. Въ Парижѣ нѣтъ старыхъ женщинъ. Развѣ неправда? Послушай, можешь ты себѣ представить, что я бы теперь влюбилась? Заграницей въ мои годы это еще очень принято. Да развѣ и ты не влюблена въ своего мужа? Признайся! скажи!

Обѣ женщины весело разсмѣялись, но Ливская вдругъ перестала смѣяться и многозначительно сжала губы.

— Нѣтъ! ты правду сказала: намъ пора на покой!—мрачно замѣтила она.—Все идетъ мимо насъ, мимо...—И, замѣтивъ недоумѣвающій и любопытный взглядъ своей подруги, она горько улыбнулась и продолжала:

— Я тебѣ говорила, что могу позавидовать тебѣ. У тебя свой уголъ, ты сама себѣ хозяйка. Что я здѣсь? что? Моя мать передала все свое состояніе, помимо меня, моей старшей дочери. Она не сочувствовала моему вторичному браку... Мое родное гнѣздо, гдѣ я родилась, гдѣ я выросла, прошло мимо меня, къ Юліи. Она здѣсь хозяйка, я—гостья. Юлія... Я не хочу сказать про нее ничего дурного, но вѣдь это—вылитый портретъ ея отца. Тотъ же характеръ, рѣзкій, нетерпимый... властный. Она хочетъ, чтобы все подчинялось ей, все было у ея ногъ. Съ Юріемъ Платоновичемъ она такъ обращается, что... что я не выношу! Ей—слова не смѣй сказать. Въ двадцать-семь лѣтъ она умнѣе всѣхъ. Еще такое счастье, что у насъ пока не было матеріальной зависимости отъ нея. Только-что живемъ мы здѣсь. Юрій Платоновичъ—такой мягкій, слабохарактерный. Я за него, онъ—за Юлію.

— Милая!—съ ласковымъ состраданіемъ сказала Прасковья Павловна: — такъ и у тебя, значитъ, свои невзгоды! Ты мнѣ

говорила еще въ прошломъ году, да, я думала, у васъ давно все сладилось. Мы такъ рѣдко видимся...

— Сладилóсь! — махнула рукой Лившая. — Удивляюсь, что maman не могла предвидѣть моего положенія. Если бы Грачевка была моя, все было бы очень просто: дочери были бы при мнѣ, пока я жива. Потомъ имѣніе перешло бы имъ же. Все въ порядкѣ вещей. А теперь мы всѣ въ рукахъ и волѣ Юліи. Я не хочу сказать о ней ничего дурного, но надо знать ее, надо знать!

За обѣдомъ у Маріи Несторовны былъ удрученный и обиженный видъ, а Прасковья Павловна избѣгала говорить съ Юліей, какъ будто ей было неловко глядѣть ей въ лицо. Юлія Сергѣевна сейчасъ же поняла, что мать жаловалась на нее гостьѣ, но была весела и разговорчива даже больше обыкновеннаго.

— Прасковья Павловна! Вы бываете у Зуевыхъ?—спросила она.

— Ну, еще бы!—нехотя отвѣтила гостья. — Вѣдь онъ мнѣ троюродный братъ.

— Его, говорятъ, очень трудно дома застать, онъ постоянно въ разъѣздахъ. А мнѣ надо бы къ нему по дѣлу.

— Онъ почти каждый день въ городѣ, въ управѣ.

— Я знаю. Но я боюсь не захватить его ни тамъ, ни тутъ. Правда, что онъ очень симпатичный человѣкъ?

Прасковья Павловна почему-то обидѣлась.

— Понравится ли онъ вамъ, я не знаю, — отвѣтила она съ явнымъ намѣреніемъ сказать колкость.—Онъ уже не молодъ, прекрасныхъ, честныхъ мыслей; служитъ своему дѣлу, не щадя силъ. Онъ никого не обижаетъ и не унижаетъ... Впрочемъ, ваша мать, навѣрное, хорошо помнитъ его и можетъ вамъ сказать свое мнѣніе.

Марья Несторовна горько усмѣхнулась.

— Помню ли я? Еще бы! Я очень жалѣю, что я не могу видаться съ этимъ старымъ другомъ. Его жена, Вѣра, тоже такая милая женщина!.. Сколько разъ я хотѣла съѣздить...

— И что же?—спросила Юлія.

— Какъ—что же? Ѣздить къ другимъ—надо звать къ себѣ. Я здѣсь не дома. Тебѣ что-нибудь можетъ не понравиться. Мнѣ было бы очень непріятно, еслибы съ моими гостями обошлись нелюбезно.

Юлія Сергѣевна пожала плечами.

— Какой же нелюбезности ты боялась? Къ тому же я въ

первый разъ слышу, что Зуевъ—твой старый другъ. Когда же это вы были друзьями? Мнѣ помнится, ты, напротивъ, всегда находила его скучнымъ, неинтереснымъ... Очень мало дорожила его сосѣдствомъ.

— И я это помню!—оживленно вставила Кира.—Ты какъ-то вспоминала всѣхъ сосѣдей... Ты еще сказала: „либеральный земецъ". А я не поняла, что̀ это—земецъ, и не знала слова „земство". Ты мнѣ очень плохо объяснила...

Она звонко засмѣялась, а Марія Несторовна обиженно сжала губы и опустила глаза въ тарелку.

— Ну, значитъ, я ужъ такъ стара, что ничего не помню и не понимаю,—раздраженно замѣтила она.—Не можете же вы допустить мысли, что перепутали что-нибудь вы, а не я. Вы всегда правы.

Юрій Платоновичъ засмѣялся,—видимо стараясь обратить весь разговоръ въ шутку,—и, щуря глаза, съ приторно-любезной улыбкой заговорилъ съ Прасковьей Павловной. Онъ старался быть любезнымъ и предупредительнымъ, и гостья, видимо, цѣнила его стараніе и, улучивъ удобную минуту, даже шепнула Ливской:—Твой мужъ, положительно, обаятельный человѣкъ!

Опять зашла рѣчь объ отношеніи мужиковъ къ помѣщикамъ.

— Они требуютъ, чтобы мы продавали имъ землю,—жаловалась Прасковья Павловна.—Но какъ я продамъ? Имъ платить нечѣмъ, а мнѣ жить нечѣмъ. Мнѣ изъ банка дешевенькими бумажками выдадутъ... За что я потеряю послѣднее? Пусть меня лучше убьютъ,—иначе мнѣ, все равно, придется умирать съ голоду.

— Пустяки! Никого не убиваютъ! — нетерпѣливо сказала Юлія.—Убьютъ—имъ отъ этого лучше не будетъ. Соображаютъ же они что-нибудь?

— Я не знаю, соображаютъ ли они,—вставила свое замѣчаніе Марья Несторовна,—но послѣ жизни за-границей русскій мужикъ произвелъ на меня ужасное, ужасное впечатлѣніе! Я думаю о немъ, какъ о страшномъ звѣрѣ, и одна его близость...

— Къ счастью, этотъ звѣрь скованъ страхомъ, — сказалъ Юрій Платоновичъ. — Пусть они не соображаютъ, а только боятся. Это все, что̀ надо. Сообразимъ за нихъ мы.

— Перестали они бояться!—крикнула Прасковья Павловна.—вамъ разскажу... Ничего больше не боятся! У меня бабы ородъ пололи, а моя Авдотья, горничная, приходитъ и разска-ываетъ мнѣ, что̀ они между собой говорятъ: „Вотъ,—говорятъ,—огда усадьба къ намъ отойдетъ, мы то-то и то-то"... Я сей-асъ къ нимъ. „Что это,—говорю,—я слышу, вы мою усадьбу

дѣлите?“ Они сперва смутились, а потомъ, смотрю, переглядываются, улыбаются. „Да, знаете ли, — говорю, — что за такія слова я могу на васъ пожаловаться начальству? Знаете ли, что за меня всегда есть кому вступиться, и вамъ за всякое слово придется отвѣчать?“ Смѣются! Прежде бы не смѣялись, а вотъ какъ тряслись бы. А теперь трясусь-то я... Мужикъ шапки не сниметъ, а ужъ я трясусь: не снялъ, значитъ—буянъ.

— Такого, какой онъ есть, я русскаго мужика могу только презирать,—искривляя губы, заговорилъ Юрій Платоновичъ, — и поэтому не отвожу ему никакой роли въ освободительномъ движеніи моей родины. Вся роль—въ нашихъ рукахъ, въ рукахъ интеллигенціи, и наша задача—сдѣлать изъ этого невѣжественнаго и пьянаго стада—разумныхъ и мыслящихъ людей. Считаться же съ ихъ мнѣніемъ и настроеніемъ въ настоящее время я считаю по меньшей мѣрѣ страннымъ.

Юлія окинула его быстрымъ непріязненнымъ взглядомъ.

— Вы очень много трудились для вашей задачи! — сказала она.—Дѣло народнаго обновленія—въ надежныхъ рукахъ!

Ливскій спокойно закинулъ голову и провелъ рукой по волосамъ.

— Намъ мѣшали,—заявилъ онъ.—Намъ ставили преграды. Весь строй русской жизни противодѣйствовалъ развитію индивидуальной личности. Теперь, когда мы имѣемъ право требовать и работать, мы осушимъ болото и вспашемъ новую ниву.

— Ахъ, какъ вы хорошо говорите!—восхитилась Прасковья Павловна.—Я все недоумѣвала... Говорили: „новая жизнь, свобода, воля“... Такія все хорошія слова, и я всему сочувствовала и радовалась. Вдругъ, вмѣсто всего хорошаго,—отдавай землю, терпи дерзости, оставайся на старости лѣтъ безъ угла! Я совсѣмъ перестала понимать: да гдѣ же либерализмъ? И кому онъ нуженъ? Выходило, что только мужикамъ и нуженъ. А вотъ у васъ ясно: пусть намъ никто не смѣетъ мѣшать, а мы будемъ заботиться объ нашемъ народѣ. Я ужасно люблю нашъ народъ! Мы ему дадимъ все, что ему нужно, и онъ будетъ намъ благодаренъ. Только чтобы онъ зналъ, что бунтовать онъ не смѣетъ.

Юлія засмѣялась, а Юрій Платоновичъ почему-то слегка смутился и сейчасъ же перевелъ разговоръ на другія темы.

Вечеромъ, когда Прасковья Павловна уѣхала, Марья Несторовна сказала про нее:

— Вотъ настоящая дворянка—благородной души, гордая, добрая. Такая своего рода не унизитъ.

Юлія стояла у окна, смотрѣла въ садъ и молчала. Мать мелькомъ оглянулась на нее, закатила глаза и глубоко вздохнула.

Семья Ливскихъ первое лѣто жила въ Грачевкѣ, и хотя Марья Несторовна говорила своей гостьѣ, что матеріально она дочери не обязана, но гостила она у нея только потому, что устроиться какъ-нибудь иначе ей было не по средствамъ. Грачевку она не любила и скучала въ деревнѣ до такой степени, что иногда принимала свою скуку за болѣзнь и начинала лечиться. За всѣ годы своего вторичнаго замужества она привыкла къ довольно безпокойной, но разнообразной жизни. Она никогда не знала подробно, въ какихъ предпріятіяхъ и на какихъ основаніяхъ участвуетъ ея мужъ, но всегда была увѣрена, что рано или поздно онъ станетъ милліонеромъ, и не стѣснялась сорить деньгами и дома, въ Петербургѣ, и за-границей, куда она уѣзжала на цѣлые мѣсяцы, а иногда проживала годами.

„У моего мужа золотые пріиски“,—сообщала она въ письмахъ къ своей матери.

„У моего мужа больше нѣтъ золотыхъ пріисковъ, но богатѣйшій въ мірѣ серебряный рудникъ“.

Потомъ она стала сообщать, что ея мужу надоѣло возиться съ рудниками и что онъ теперь служитъ „представителемъ“, и что это гораздо спокойнѣе и проще. Позже она совсѣмъ перестала упоминать о занятіяхъ мужа, и писала, что не возвращается въ Россію, потому что за-границей жизнь дешевле. Вернулась она тогда, когда ея мать умерла, увѣренная, что ее ждетъ значительное наслѣдство, но ее постигъ неожиданный ударъ: все наслѣдство помимо ея перешло къ ея дочери, а та только предложила ей даровое помѣщеніе въ Грачевкѣ и небольшую пенсію, назначенную для нея покойной и обезпечивающую семьѣ только самыя насущныя потребности. Марья Несторовна плакала, требовала, жаловалась, но ничего сдѣлать не могла и подчинилась. Свою дочь она совсѣмъ не знала, а подъ вліяніемъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ сразу не взлюбила ее и стала считать виновницей всѣхъ своихъ огорченій и непріятностей. Ея вторая дочь, Кира, еще совсѣмъ молоденькая дѣвушка, тоже сначала косилась на сестру и держала сторону матери, но скоро подпала подъ ея вліяніе и этимъ еще больше огорчила мать. Въ Грачевкѣ Кира тоже очень скучала и, чтобы какъ-нибудь провести время, цѣлыми часами лежала въ гамакѣ и читала романы. Когда Юлія заглядывала въ одну изъ ея книгъ, она брезгливо морщилась и негодовала.

— Какъ ты можешь читать такія мерзости? Какъ тебѣ не противно?

— Противно? Но, напротивъ, это очень интересно!—оправ-

дывалась Кира.—Знаешь, я даже не вѣрю тебѣ, что ты не любишь такихъ книгъ. Ты это говоришь съ педагогической цѣлью, какъ мама, которая сама зачитывалась такой литературой, а мнѣ сдѣлала сцену, когда случайно увидала, что я читаю.

— Напрасно ты меня подозрѣваешь. Мнѣ достаточно ясно, что оберегать тебя немножко поздно. Да и не мое это дѣло. Я просто удивляюсь твоему вкусу. Говорю совершенно искренно: мнѣ все это... вся эта область глубоко противна, и встрѣчаться съ ней въ жизни или въ книгахъ мнѣ непріятно.

— Но это неестественно,—серьезно утверждала Кира.—Въ тебѣ сильны предразсудки. Я вообще замѣтила, что у тебя много предразсудковъ, и объясняю это тѣмъ, что тебя воспитывала старуха. У старухъ больше убѣдительности, потому что онѣ уже искренно презираютъ порокъ и всякія уже недоступныя имъ слабости. Вотъ я скажу про маму. Она тоже, урывками, когда находила свободный промежутокъ времени, вдругъ принималась за мое воспитаніе. Мнѣ это было очень смѣшно. Я видѣла, какъ ей, бѣдняжкѣ, скучно было припоминать всѣ тѣ прекрасныя нравственныя правила, которыя ей, должно быть, тоже внушали въ свое время. Много они ей послужили! Oh là là! Я, дорогая сестра, была съ дѣтства наблюдательна—и вотъ у меня нѣтъ предразсудковъ. Обѣщаю тебѣ, что я не потеряю своей жизни даромъ и воспользуюсь всѣмъ въ свое время.

— Ты Богъ знаетъ что говоришь! — возмущалась Юлія. — Чѣмъ же это ты собираешься пользоваться?

— Чѣмъ? Своей молодостью. Тѣмъ, что я, кажется, по меньшей мѣрѣ, не дурна. Все это — данныя, которыми надо спѣшить воспользоваться. Ничего нѣтъ глупѣе, какъ когда женщина спохватится слишкомъ поздно и тогда спѣшитъ наверстать. А ты знаешь, это часто случается. Я даже совѣтую тебѣ объ этомъ подумать.

— Очень тебѣ благодарна,—смѣялась старшая сестра.—Но что тебя во мнѣ безпокоитъ?

— Не смѣйся. Я серьезно. Меня безпокоятъ твои глаза... даже вся твоя наружность и все... все! Ты сейчасъ ужасно возмутишься, а я тебѣ, все-таки, скажу: тебѣ когда-нибудь страшно придется съ собой бороться. Страшно! Изъ-за твоихъ предразсудковъ... ты можешь быть очень несчастна... Я хотѣла бы имѣть горячій темпераментъ, и, вообрази, у меня его, кажется, нѣтъ, или очень мало. А тебѣ онъ опасенъ,—и именно у тебя онъ есть. О, это несомнѣнно Конечно, ты въ этомъ никогда не признаешься...

Юлія начинала сердиться.

— Вотъ до чего тебя доводятъ твои книги!

— Не однѣ книги: наблюдательность, любознательность, опытъ. Заграничная жизнь съ мамой меня очень, очень многому научила. У насъ въ послѣднее время была прислуга, старушка-француженка. Я съ ней очень дружила. По вечерамъ, когда мамы не было дома, мы сидѣли съ ней вдвоемъ и болтали. „Madame Жакъ, разскажите мнѣ что-нибудь изъ своей жизни!“ И она разсказывала. Я тебѣ не буду передавать,—ты скажешь, что это—„мерзости“. Но еслибы ты видѣла эту фигуру, полную старческаго достоинства, это доброе, честное лицо, ты бы поняла, что эти мерзости—это сама жизнь, сама природа; что ничто тутъ не унижаетъ человѣка. Все это... такъ просто!.. Культъ нравственности! Боже, какое это печальное недоразумѣніе! Вѣдь это противъ природы, а тратить время, силы и здоровье, чтобы идти противъ природы, это—обкрадывать себя вдвойнѣ: и духовно, и физически.

— Даже и духовно!—удивилась Юлія.

— Ахъ, несомнѣнно! Ты, кажется, понимаешь „духовность“ тоже только съ нравственной точки зрѣнія. Для меня она гораздо шире и... и интереснѣе. Юлочка! Я очень боюсь, что ты обворовываешь себя вдвойнѣ.

Юлія серьезно глядѣла на розовое, почти дѣтское личико сестры, на ея улыбающійся хорошенькій ротикъ, и ей было странно, что ея слова вызывали въ ней не одно возмущеніе, а какую-то смутную тревогу, въ которой она не умѣла отдать себѣ отчета. Киру она любила и жалѣла. Ей было ясно, что она только заразилась легкомысліемъ и порочностью окружавшей ее среды, и что въ глубинѣ ея души она чиста и цѣломудренна, какъ ребенокъ. Ея нескромная откровенность и, подчасъ, циничныя разсужденія казались ей щегольствомъ, оригинальностью, смѣлостью и новизной, и чѣмъ чудовищнѣе было то, о чемъ говорила дѣвушка, тѣмъ болѣе убѣждалась Юлія, что говоритъ она такъ изъ наивности, почти безсознательно.

— Да, я еще сама мало испытала,—признавалась она,—очень мало! Но еслибы ты послушала моихъ подругъ! Ахъ, я имъ часто завидовала!

Объ этихъ подругахъ, съ которыми она сошлась за-границей, она говорила съ своеобразнымъ уваженіемъ, называла ихъ образомъ „модэрнизма“ и разсказывала о нихъ такія подробности, которымъ Юлія отказывалась вѣрить.

— Что же тебѣ въ этомъ нравится?

— Это интересно. Это—сильныя впечатлѣнія.

— Развѣ тебѣ безразлично, какого рода впечатлѣнія?

— Почти. Они должны быть пріятны и оригинальны. Нѣтъ ничего скучнѣе прѣсной жизни. Une vie fade...

— И ты говоришь, что это—дѣвушки изъ приличной семьи? русскія?

— О, да! по внѣшности семья—очень distinguée. Отецъ служитъ и на виду. Всѣ apparences—на лицо. Придраться не къ чему.

Она весело и задорно смѣялась.

— Это совершенно все, что̀ надо. Когда знаешь, какъ лицемѣрно общество, то надо только умѣть устроить себѣ обстановку. Все приличное всегда только сверху... Не надо пренебрегать этимъ маленькимъ условіемъ, и до всего остального никому не будетъ никакого дѣла.

— А скажи мнѣ,—допытывалась старшая сестра,—съ твоими понятіями... можно выходить замужъ? Можно желать имѣть семью?

— Ты, кажется, считаешь мои понятія чуть ли не исключительными,—смѣясь, удивлялась Кира. — Почему? Я, быть можетъ, только немного откровеннѣе, чѣмъ другія. Въ этомъ—вся разница. И всѣ выходятъ замужъ и обзаводятся семьями. Если это не всегда пріятно, то почти всегда необходимо. Мужъ—это, большей частью, и средства къ жизни, и положеніе въ обществѣ, и тотъ необходимый внѣшній покровъ... Мужъ—это очень важно, и поэтому выбирать его надо съ большой осторожностью и предусмотрительностью.

— Богатаго и снисходительнаго?

— О, такихъ не много! И разсчитывать на подобное счастье не благоразумно. Оно можетъ быть, но сто разъ на одинъ его не бываетъ. Нѣтъ! Прежде всего надо забыть старый предразсудокъ, что мужъ долженъ нравиться.

— Ахъ, это старый предразсудокъ? — переспросила Юлія.

— Ты сейчасъ поймешь. Какъ ты думаешь, сколько увлеченій придется, въ среднемъ, на жизнь женщины?

— Я не знаю, Кира.

— Я тоже не знаю, но мы возьмемъ самое маленькое число. Скажемъ: три-четыре. Меньше, кажется, невозможно. Вѣдь это—средній выводъ, понимаешь? А развѣ мало женщинъ, которыя теряютъ счетъ своимъ увлеченіямъ? Три-четыре—это очень мало для жизни, но слишкомъ много для брака. Ясно, что если ты даже выйдешь замужъ по любви, то вскорѣ окажется, что ты замужемъ по... по глупости. Это очень досадная глупость и ее

трудно исправить. И вотъ, чтобы быть послѣдовательной, надо согласиться, что любовь и бракъ ничего общаго имѣть не должны. Бракъ долженъ обставить жизнь, дать ей желаемую внѣшнюю форму. Любовь придетъ сама собой, независимо, и она, конечно, будетъ главнымъ содержаніемъ и украшеніемъ.

— Слѣдовательно, вы, модэрнистки, принципіально не признаете вѣрности мужу?

Кира засмѣялась.

— Это ничего не мѣняетъ. Это только немножко упрощаетъ. Скажи, тебѣ не надоѣла—въ романахъ, въ драмахъ—эта пресловутая „борьба“ героини между любовью и долгомъ? Всегда знаешь, чѣмъ эта борьба кончится, но она преподносится вамъ, какъ нѣчто цѣнное и достойное уваженія. Такъ старо и скучно! Еслибы я почувствовала стремленіе къ такой борьбѣ, я бы сказала себѣ: вотъ! я еще не вышла изъ дѣтскаго возраста, и у меня дѣтская болѣзнь. Надо съ этимъ покончить какъ можно скорѣй, потому что это гораздо болѣе смѣшно, чѣмъ трогательно. Повѣрь мнѣ, что всѣ романы и драмы теперь очень быстро устарѣютъ, потому что женщинамъ будетъ смѣшно читать про себя такія наивности. Я уже не могу серьезно относиться къ литературѣ, созданной вашими избранными авторами; мои дочери будутъ хохотать надъ ней. Вся эта изысканность и тонкость спеціально-женскихъ чувствъ, вся эта неземная вышина настроеній...

— Это тебя не прельщаетъ?

— О, нѣтъ! Меня это не прельщаетъ! — съ звонкимъ смѣхомъ соглашалась дѣвушка.

Но такія откровенныя мнѣнія Кира высказывала только Юліи, а при матери была очень осторожна и сдержанна.

— Не надо ее огорчать,—объясняла она свою скрытность.— Бѣдная мама старалась наговорить мнѣ столько хорошихъ словъ, сколько могла и знала. Она убѣждена, что ими она должна была заслонить отъ меня все, чего она не хотѣла, чтобы я видѣла и понимала. Это—ея иллюзія. Она была бы очень огорчена, еслибы я разрушила ее.

Съ отцомъ у нея были какія-то несерьезныя, шутливыя отношенія. Даже и говорила она съ нимъ исключительнымъ тономъ, какъ бы принятымъ разъ навсегда, часто повторяя одни тѣ же фразы и восклицанія. Можно было подумать, что они играютъ и кокетничаютъ другъ съ другомъ. Перекидывались ими фразами всегда по-французски.

— О, какъ мы милы сегодня!

— Кто-то хочетъ поцѣловать свою маленькую дочку?

— Что скажетъ мнѣ моя Ки-Ки?

— Чѣмъ я могу понравиться моему папе́?

Вѣроятно, эти фразы говорились еще тогда, когда Кира едва начинала лепетать ихъ, и остались, какъ привычка и какъ легкій и пріятный способъ выраженія теплыхъ родственныхъ чувствъ. Замѣнить ихъ въ свое время другими не пришло въ голову, быть можетъ по разсѣянности и небрежности, а быть можетъ просто потому, что для отца и для дочери это была самая удобная форма общенія: достаточно нѣжная безъ близости и достаточно интимная безъ тѣни откровенности.

Юрій Платоновичъ въ Грачевкѣ тоже скучалъ, но, вернувшись въ Россію въ самое горячее и смутное время и проживъ одну зиму въ Москвѣ, онъ, безъ перехода, превратился изъ равнодушнаго интернаціонала въ пылкаго патріота и жаждалъ политической дѣятельности и значенія. Безъ достаточнаго основанія, но искренно убѣжденный въ проницательности своихъ взглядовъ, знаніи жизни и несомнѣнномъ призваніи къ литературной дѣятельности, онъ теперь мечталъ примѣнить къ дѣлу всѣ эти драгоцѣнныя данныя, для чего было необходимо создать собственную газету. Именно такого органа въ Россіи еще не хватало! Посредствомъ его онъ создастъ себѣ партію, выдвинется, пріобрѣтетъ силу и значеніе. Не хватало только денегъ, но и этотъ вопросъ онъ надѣялся уладить. Прежде всего, его могла бы выручить Юлія, еслибы ему удалось убѣдить ее, что его предпріятіе далеко не такъ рискованно, какъ это могло бы казаться ей. Но убѣдить Юлію было трудно, потому что она была слишкомъ осторожна, а главное, прямолинейна и упряма. И этотъ рессурсъ онъ оставлялъ про запасъ, надѣясь, что деньги достанутъ его товарищи по предпріятію, а онъ, съ своей стороны, принесетъ въ дѣло только иниціативу, умъ и талантъ. Въ ожиданіи результатовъ всякихъ хлопотъ и поисковъ, онъ теперь упражнялъ свое перо, обдумывалъ подробности, писалъ передовую. Почти цѣлыми днями просиживалъ онъ въ своемъ кабинетѣ, и когда выходилъ къ семьѣ, то принималъ разсѣянный и утомленный видъ, закидывалъ голову, щурилъ глаза и, цитируя какой-нибудь длинный, закругленный періодъ, обводилъ всѣхъ побѣдоноснымъ взглядомъ и спрашивалъ:

— Каково выражена мысль? Комаръ носу не подточитъ.

Онъ принялся перечитывать русскихъ авторовъ, чтобы вполнѣ овладѣть вновь родной рѣчью, и сталъ щеголять поговорками,

пословицами и даже простонародными выраженіями. Это не нравилось Марьѣ Несторовнѣ, и она часто морщилась.

— Къ тебѣ больше идетъ быть европейцемъ,—говорила она.

— О, не безпокойся!—съ снисходительнымъ смѣхомъ успокаивалъ онъ ее: — я не отпущу бороды и не надѣну поддёвки. Русскій можетъ быть не менѣе культуренъ, чѣмъ любой французъ, но пусть онъ останется русскимъ. Въ этомъ есть свои преимущества, которыми не надо пренебрегать.

Послѣ длиннаго лѣтняго дня, въ теченіе котораго всѣ обитатели Грачевки скучали по-своему, врозь или вмѣстѣ, они расходились по своимъ комнатамъ довольно рано. Кира поднималась къ себѣ въ мезонинъ, гдѣ потомъ еще долго свѣтилось окно; Марья Несторовна заставляла свою горничную заглянуть подъ кровать, подъ диванъ и передвинуть всѣ кресла, чтобы убѣдиться, что никто не спрятался въ ея комнатѣ, и только послѣ этого ложилась въ постель; Юрій Платоновичъ выкуривалъ сигаретку на балконѣ и, если ночь была особенно хороша, сравнивалъ ее съ тѣми ночами, которыя ему приходилось видѣть въ той или другой части Европы, и опять уходилъ въ свой кабинетъ, который въ то же время служилъ ему спальной. Нѣсколько разъ пытался онъ присоединиться къ Юліи, которая часто до поздней ночи одиноко бродила по саду или просиживала на ступеняхъ балкона, но дѣвушка одинъ разъ съ рѣзкой откровенностью замѣтила ему:

— Юрій Платоновичъ! Я иногда очень люблю быть одной. Днемъ это мнѣ рѣдко удается,—не откажите мнѣ въ этомъ удовольствіи вечеромъ.

— О, вы мечтаете?—съ насмѣшливой досадой воскликнулъ онъ.—Но могъ ли я это предположить? Приношу тысячу извиненій!

Она промолчала, какъ бы не замѣтивъ ни досады, ни насмѣшки.

— Но развѣ вы на самомъ дѣлѣ способны мечтать?—продолжалъ онъ.—Вы всегда производили на меня впечатлѣніе кусочка благороднаго металла... Я желалъ бы имѣть понятіе о томъ, въ какомъ духѣ ваши мечты? Неужели—въ романическомъ?

Она молча поднялась и, не обращая вниманія на его оклики просьбы остановиться, прошла къ себѣ въ комнату и громко щелкнула замкомъ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не повторялъ своихъ опытокъ, но ночныя прогулки Юліи раздражали его, и онъ часто не могъ заснуть, зная, что Юлія тоже еще не спитъ и, можетъ быть, ходитъ по площадкѣ тутъ же, подъ его окнами.

„Drôle de fille! — мысленно недоумѣвалъ онъ. — Недотрога-царевна! Блѣдная, худая, а глаза горячіе, жадные... О комъ она думаетъ, о комъ?“

Неожиданно желаніе Маріи Несторовны сбылось, и Зуевъ самъ заѣхалъ въ Грачевку.

— Непрошенный гость хуже татарина, — смѣясь, говорилъ онъ, здороваясь съ хозяйкой;—но ѣхалъ я чуть не мимо, а Pauline разсказала мнѣ, что и вы, Магіе, ничего не имѣете противъ того, чтобы возобновить наше знакомство, и у Юліи Сергѣевны есть какое-то дѣло до меня. Такъ ли это?

— Но, Жоржъ... я такъ рада! я такъ благодарна...—увѣряла немного смутившаяся Марья Несторовна.—Но неужели это вы, Жоржъ? Сколько же лѣтъ мы не видались? Я не думала, что вы—сѣдой...

Егоръ Васильевичъ какъ-то заразительно-весело засмѣялся.

— Время-то не красить!—замѣтилъ онъ.—А развѣ я могъ представить себѣ васъ, Магіе, такой, какой я сейчасъ вижу? Ну, что жъ! Намъ другъ отъ друга своихъ лѣтъ скрывать не приходится. Вмѣстѣ молоды были, вмѣстѣ стары стали.

Ливскую покоробило.

— Ну, стары!..—съ напускной улыбкой подчеркнула она.

— За пятьдесятъ, однако, — не замѣчая ея неудовольствія, продолжалъ онъ.—Работать-то иногда и тяжеленько становится. А работы теперь по горло. Да все разъѣзды... А вы знаете, Магіе, что я ни съ кѣмъ изъ вашей семьи не знакомъ?

Онъ говорилъ скоро и громко, и голосъ у него былъ высокій и звучалъ молодо. Одѣтый въ чесучевый пиджакъ, съ сѣдыми волосами и сѣдой бородой, онъ весь казался свѣжимъ, свѣтлымъ, бодрымъ, и глаза у него были свѣтлые, широко раскрытые, съ яснымъ, какъ у ребенка, довѣрчивымъ взглядомъ.

— А я къ вамъ очень ненадолго. Могу пробыть не больше часа. Ѣду сперва въ больницу, потомъ—къ Дунечкѣ. Вы и съ Дунечкой не видаетесь,—нѣтъ?

На балконъ вышелъ Юрій Платоновичъ, а горничная побѣжала въ садъ искать барышенъ. Марія Несторовна какъ-то сразу разочаровалась въ гостѣ и, разспросивъ его про жену и дѣтей, уже не находила, о чемъ говорить, и съ облегченіемъ предоставила мужу и дочерямъ занимать гостя. Противъ обыкновенія, она даже сама вышла, чтобы распорядиться насчетъ чаю и закуски, а когда вернулась, то Юлія и Кира тоже уже сидѣли на балконѣ, а между Зуевымъ и Ливскимъ завязался споръ.

— Дурное всегда было, дурное и раньше было,—торопливо

и громко говорилъ Егоръ Васильевичъ. — Но была еще апатія, спячка, безнадежность. Теперь жизнь проснулась. Теперь — подъемъ, напряженіе. Теперь — надежда на лучшее и сопряженныя съ надеждой энергія, инициатива.

— Но, помилуйте, — жаловался Ливскій, — если мужикъ только пьетъ и бунтуетъ, если помѣщиковъ жгутъ и разоряютъ, если интеллигенція держитъ руку предводителей смуты... Чего намъ ждать отъ этого подъема и напряженія? Чему радоваться?

— Какъ чему радоваться? — изумился Зуевъ. — У насъ были связаны руки и замкнуты рты. Теперь намъ даютъ право и говорить, и работать. Мы — живые люди, у насъ — живое дѣло. Да какъ же не радоваться этой радости? Не радоваться, что жизнь, для большинства невозможная, невыносимая, можетъ теперь улучшиться, пойти свѣжимъ, широкимъ путемъ! Къ счастью, у насъ, въ земствѣ, и люди подобрались такіе, съ которыми хорошо работать. Вы знаете нашего предводителя?

— Нѣтъ, не знаю.

— Консервативная партія имъ очень недовольна и подкапывается подъ него. Консервативная партія нами всѣми недовольна, но пока можемъ — будемъ бороться. Бороться — это ничего, это хорошо.

Онъ засмѣялся, а Ливскій провелъ рукой по волосамъ, закинулъ голову и прищурилъ глаза.

— Консерватизмъ, либерализмъ, — растягивая слова, заговорилъ онъ, — для меня это пустыя слова. Для меня важно одно: какъ вы, либералы или консерваторы, хотите устроить жизнь?

— Но въ этомъ, кажется, и весь вопросъ, — съ недоумѣніемъ согласился Зуевъ.

— Несомнѣнно! — съ тихой улыбкой согласился Ливскій. — Въ этомъ весь вопросъ. Но обыкновенно принято думать, что консерваторы хотятъ устроить жизнь какъ можно выгоднѣе и пріятнѣе для себя, а либералы — какъ можно лучше для другихъ. Первые — сплошь эгоисты, вторые — безъ исключенія герои. Но, помилуйте! представьте себѣ государство, гдѣ все населеніе состоитъ изъ эгоистовъ и героевъ, борющихся между собой за власть, и скажите, кому бы вы передали ее? Эгоистовъ у власти я себѣ представляю, — да это и не новость. А героевъ? Видите ли нашу бѣдную родину во власти тѣхъ людей, которые ненавидятъ ее, эту власть, во всѣхъ ея проявленіяхъ? Или они притъ ее для себя, и тогда признаютъ и полюбятъ?

Онъ захохоталъ и побѣдоносно взглянулъ на Зуева. Тотъ

искренно недоумѣвалъ и удивленно глядѣлъ на него своими ясными довѣрчивыми глазами.

— Что вы хотѣли сказать?

— Очень простую вещь,—съ жестомъ фокусника, окончившаго свой фокусъ, заключилъ Ливскій. — Не надо увлекаться партіями и ихъ рыночной цѣной, то-есть—простите!—общественной оцѣнкой и общественными симпатіями... Вы—земецъ. Никто лучше васъ не знаетъ, что мужикъ нашъ пьянъ, грубъ, невѣжественъ, опасенъ. Заботьтесь о немъ, какъ можете, но не спускайте пока съ цѣпи этого звѣря, не объясняйте ему его силы, не допускайте, чтобы онъ раньше времени счелъ себя человѣкомъ. Пусть онъ до времени все будетъ въ нашихъ рукахъ. А онъ нашъ, пока земля наша. Это надо помнить!

Юрій Платоновичъ торжественно растянулъ послѣднія слова и слегка поклонился.

Зуевъ почему-то сильно сконфузился и заморгалъ.

— Вотъ у васъ какой взглядъ...—проговорилъ онъ.

Ливскій всталъ и утомленнымъ жестомъ расправилъ спину и руки.

— Вы видите, что я не эгоистъ и не герой, — пояснилъ онъ.—У меня нѣтъ земли, и я хлопочу не за себя. Но я хочу, чтобы жизнь устроилась такъ, чтобы было хорошо и мнѣ, и другимъ. По-моему, прежде, чѣмъ идти къ цѣли, надо узнать къ ней путь, надо, чтобы на этомъ пути никто не сломалъ себѣ шеи...

— Юрій Платоновичъ излагаетъ намъ программу своей будущей газеты, — вдругъ громко и рѣзко перебила его Юлія. — Но онъ еще не очень твердъ... И мужика онъ видѣлъ только въ Грачевкѣ, да еще издали. И убѣжденія ему нужны только для газеты.

— Julie!—вскрикнула мать и гнѣвно приподнялась съ своего мѣста.

— Сидите, maman! — спокойно попросила Юлія. — Я попрошу Егора Васильевича пройти ко мнѣ: мнѣ надо посовѣтоваться съ нимъ. Можно, Егоръ Васильевичъ? Одну минутку...

Ея голосъ опять сталъ ласковымъ и мягкимъ, а сконфуженный Зуевъ быстро всталъ и, стараясь не глядѣть на Ливскаго, пошелъ за молодой дѣвушкой.

За чаемъ разговоръ не клеился. Юрій Платоновичъ, повидимому, нисколько не сердился на Юлію за ея выходку.

— Вотъ, Егоръ Васильевичъ,—смѣясь, обратился онъ къ гостю, — моя падчерица заявила сейчасъ, что мнѣ убѣжденія нужны для газеты. Это отчасти вѣрно. Я многое стараюсь

уяснить себѣ такого, что̀ раньше меня интересовало только поверхностно. Чтобы стоять во главѣ органа, направлять его, давать ему тонъ—надо не только знаніе вообще, но и ясное представленіе о разныхъ теченіяхъ, направленіяхъ...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько плавныхъ колебательныхъ движеній своей длинной выхоленной рукой.

— Я знаю, что вы изъ либеральнаго лагеря. Что̀ ждете вы для себя? Не можете же вы вѣрить, какъ многіе другіе, что наша дворянская пѣсенка спѣта и что намъ остается уступить мѣсто буржую или пролетарію. Не знаю—кому. Вотъ я хочу поинтервьюировать васъ, какъ начинающій журналистъ.

— Считаю ли я дворянство отжившимъ?—удивленно переспросилъ Зуевъ.—Нѣтъ, конечно. Нисколько. И почему бы?

— Но вы сами хлопочете о томъ, чтобы самый исконный укладъ дворянства, его бытъ и обычай—были искоренены. Дворянинъ—прежде всего помѣщикъ. У него зѣмли въ той или другой губерніи... Какъ про крестьянина еще до сихъ поръ спрашиваютъ: чей?—такъ про дворянина: какой губерніи? Тульской? Тамбовской, Курской? Я не представляю себѣ дворянства безъ помѣстій, безъ усадьбы...

Зуевъ улыбнулся.

— Усадьбы могутъ и остаться,—замѣтилъ онъ.—А земля... Эти „помѣстья“, какъ вы ихъ назвали... Да, знаете ли, ей Богу, они почти никому не нужны! Вѣдь теперь, я увѣренъ, если кто и держится за землю, то либо по привычкѣ, либо по недоразумѣнію, а либо по упрямству. Чуть не вся помѣщичья Россія заложена. Что̀ это значитъ? Всѣ помѣщики въ долгу. Въ какомъ дѣлѣ существуетъ меньшая обезпеченность регулярнаго дохода, чѣмъ въ хозяйствѣ, или, вообще, во владѣніи землей? Черезъ два года въ третій—неурожаи... А пожары? падежи? Когда надо платить въ банкъ проценты—денегъ нѣтъ. Ихъ надо доставать, занимать. Задолженность увеличивается. Въ концѣ концовъ выходитъ такъ, что хозяйство само себя съѣдаетъ или приноситъ явный убытокъ. Конечно, есть исключенія, но исключенія въ счетъ не идутъ. Кому не надоѣло вертѣться, какъ бѣлка въ колесѣ? А, все-таки, за землю держатся. Что держатся, какъ за все старое, привычное... Ей Богу, больше о недоразумѣнію!

— А вы продаете свою землю?—спросила Марья Несторовна съ явнымъ желаніемъ сказать маленькую колкость. — Вѣдь я помню, что и вашъ отецъ, и вы всегда слыли примѣрными хозяевами.

— Продаю, Marie!—просто и какъ-то радостно отвѣтилъ Зуевъ.—Теперь и сынъ мой, Вася, тоже могъ бы вскорѣ прослыть примѣрнымъ хозяиномъ, а я, все-таки, продаю. И не жалѣю. Знаете, мнѣ кажется, что для насъ, небогатыхъ помѣщиковъ, наши имѣнія часто служили только основаніемъ начинать жизнь не по средствамъ. Ей Богу, это такъ. Получитъ молодой человѣкъ въ наслѣдство имѣніе, считаетъ себя обезпеченнымъ. А что обезпечиваютъ триста—четыреста десятинъ заложенной земли? Это—какая-то иллюзія и вредная иллюзія. Пусть ея лучше не будетъ.

— Какая печальная картина!—горько улыбнулась Ливская.—Деревни и села безъ помѣщичьихъ усадебъ. Однѣ избы... Солома, навозъ... Изрѣдка—каменный домъ съ высокимъ крыльцомъ и желѣзной красной крышей: жилище мѣстнаго кулака. Бѣдная Россія!

— Но вы ошибаетесь, Marie!—горячо возразилъ Егоръ Васильевичъ.—Мнѣ дѣло представляется совсѣмъ не такимъ печальнымъ. Конечно, крупное землевладѣніе исчезнетъ, но небольшіе клочки останутся въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ-помѣщиковъ. Останутся у тѣхъ, кто любитъ землю, любитъ деревню. И вотъ, мнѣ представляется, что вся Россія украсится расширенными фруктовыми садами, что новые помѣщики на своихъ небольшихъ клочкахъ будутъ сѣять дорогой хлѣбъ, будутъ для этой цѣли улучшать свою землю, вводить въ свое хозяйство усовершенствованныя орудія. И эти новые люди будутъ и богаче, и счастливѣе, а главное—дѣятельнѣе и самостоятельнѣе. Они будутъ и образованнѣе, потому что станетъ ясно, какъ день, что безъ образованія и примѣненія знаній—жизнь уже будетъ невозможна.

— Все, значитъ, къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ?—насмѣшливо спросилъ Ливскій. Зуевъ не замѣтилъ насмѣшки.

— Да, ей Богу же, все къ лучшему!—радостно воскликнулъ онъ, окидывая всѣхъ окружающихъ яснымъ, бодрымъ взглядомъ.—Все къ лучшему, что заставляетъ людей думать, искать, примѣняться. Наша жизнь была похожа на какіе-то старые, больные корни, отъ которыхъ шла слабая, кривая поросль. Надо вырвать и выкорчевать эти корни и приготовить новую почву. Это теперь наша задача. И какъ счастливъ тотъ, кто въ это трудное и чудное время скажетъ свое слово, сдѣлаетъ свое дѣло и... и этимъ посѣетъ въ новую почву здоровое, сильное и плодотворное сѣмя.

Онъ взволновался и, стѣсняясь своего волненія, залпомъ вы-

пилъ оставшійся чай. Юлія протянула къ нему руку за стакаиомъ, и онъ невольно поднялъ на нее глаза и увидалъ блѣдное лицо и странный, строгій взглядъ.

— Вы не согласны съ старымъ мечтателемъ, Юлія Сергѣевна?—мягко спросилъ онъ.

— Я рада васъ послушать. Это... интересно,—сухо отвѣтила она.—Но всѣ эти вопросы для меня такъ смутны...

— Очень интересно!—съ кислой усмѣшкой повторила Марья Несторовна.—А слышали вы, Жоржъ, какъ безпокойно живется бѣдной Pauline? Вотъ вамъ и чудное время!

— Да гдѣ же теперь спокойно?—быстро подхватилъ Зуевъ.—Но Pauline, конечно, преувеличиваетъ. Она даже боится, что ее убьютъ. Никого не убиваютъ. А войдите въ положеніе мужика. Какъ ему быть спокойнымъ? Что-то кругомъ дѣлается, чего онъ ясно не понимаетъ. Вопросъ для него самый насущный, самый животрепещущій: земля... Дадутъ ему эту землю, или не дадутъ? Съ одной стороны онъ боится обмана, съ другой—боится, что самъ что-то упуститъ, прозѣваетъ. Понятіе о правахъ у него такое смутное, что прямо диву даешься, а довѣрія къ кому бы то ни было—никакого. Прямо сказать—сумбуръ. Вотъ еще недавно являются ко мнѣ два мужика; видъ самый воинственный, шапокъ не снимаютъ. „Чего вамъ?“—„А извѣстно чего. Требуемъ, значитъ, земли и воли по положенію“.—„По какому положенію?“—„Да извѣстно по какому!“—Насилу облагоразумилъ. Вы знаете, чему они больше всего вѣрятъ? Слухамъ, нензвѣстно откуда взявшимся. А то такъ: будто съ неба бумага упала. Это волнуетъ. Словами его трудно убѣдить. Дѣйствовать на него можно, а убѣдить нельзя. И вотъ это... тяжело. Какъ мы виноваты передъ нимъ! какъ виноваты! Въ какой темнотѣ мы его держали!

Онъ вдругъ спохватился и поглядѣлъ на часы.

— Однако, чего же я?.. Давно мнѣ пора. Ночую сегодня у Дунечки. Не успѣю вернуться. Ужъ прямо отъ нея въ городъ.

— А Соня тоже здѣсь?—спросила Марья Несторовна.

— Про Соню не знаю. Она вѣдь все больна. Ѣздитъ лечиться... Кажется, что она чуть ли не на Кавказѣ, у матери. Молодежь ея здѣсь. Вотъ, отчего бы вамъ не познакомиться?—братился онъ къ Юліи и Кирѣ. — Славная такая молодежь! ам съ ними будетъ не скучно. А Дунечка обижается, что вы знать не хотите. Ахъ! тоже странная эта Дунечка...

— Я ни къ кому и никуда,—съ раздраженіемъ въ голосѣ вѣтила Ливская.—Хозяйка здѣсь Юлія.

— А какая тамъ молодежь? Дѣвицы?—спросила Кира.

— Нѣтъ, не дѣвицы,—смѣясь, отвѣтилъ Зуевъ.—Два молодца. Еще очень юные молодые люди, но, кажется, съ гимназіей уже покончили. Скучно съ ними не будетъ. А далеко ли тутъ? Верстъ пять—шесть, да и тѣхъ не наберется. Развѣ вы тамъ и раньше никогда не были, Юлія Сергѣевна?

— Нѣтъ, была,—разсѣянно отвѣтила Юлія.—Еще съ бабушкой, давно. Я и Дунечку помню,—Евдокію Александровну...

— Ну, вотъ я и скажу ей, что вы скоро къ ней соберетесь. Ей изъ дому выбраться трудно, такъ какъ она сама хозяйничаетъ. А гостямъ она рада.

Зуевъ сталъ прощаться.

— Такъ, значитъ, вся Россія покроется садами, поднимется культура и люди будутъ счастливѣе и богаче?—крѣпко пожимая ему руку и приторно улыбаясь, спросилъ Юрій Платоновичъ.

Зуевъ весело засмѣялся.

— Да, да! интервью...

— Съ выдающимся земцемъ.

— А когда же газета?

— Вѣроятно—съ осени.

— Почитаемъ, почитаемъ...

— Вотъ кто пріѣхалъ! Скажи-ите! — пропѣла, растягивая слога, Евдокія Александровна, пожимая руки Юліи и Кирѣ и съ явнымъ любопытствомъ и полной безцеремонностью разглядывая ихъ лица и платья.—Соблаговолили, наконецъ! Это васъ Егоръ Васильевичъ уговорилъ. Я знаю. Ну, ладно! Все равно... Пойдемте на балконъ. Чаю не предлагаю: скоро обѣдъ.

Она пошла впереди, указывая дорогу, черезъ большія пустоватыя комнаты стараго деревенскаго дома. Все было запущено, неуютно и, какъ будто, неопрятно: некрашенный, затоптанный полъ, старыя, громадныя хромыя кресла, обитыя полинявшей и залоснившейся матеріей, засиженная мухами тусклая люстра, длинный желтый рояль съ поломанной на хвостѣ крышкой... Передъ одними окнами висѣли длинныя тонкія вѣтви плакучей березы и, слегка покачиваясь, играли яркими солнечными пятнами и тѣнями на стеклѣ и на полу; къ другимъ окнамъ плотно прильнули кусты сирени и бузины, и поэтому въ комнатахъ было полу-темно и пахло чѣмъ-то прохладнымъ, но сырымъ и затхлымъ. Кира толкнула Юлію и смѣшливо кивнула на Дунеч-

кину спину. Хозяйка была старая дѣва лѣтъ подъ-сорокъ, высокая, полная, загорѣлая, съ круглымъ свѣжимъ и еще довольно красивымъ лицомъ, но всей ея наружности какъ будто противорѣчили ея манеры: и голосъ, и движенія у нея были вкрадчивые, не искренніе, точно осторожные. И шла она не просто и прямо, а немного изгибаясь и присѣдая на каждомъ шагу. И выраженіе глазъ и всей ея фигуры было странно-ласковое, хитрое и хищное, какъ у кошки.

— Поднимайте ваши шлейфы!—не оборачиваясь, посовѣтовала она.—Мальчишки поганые всегда столько грязи натащатъ... Мыть почти за ними некогда. Да я шлейфовъ не ношу..

Вышли на длинный, узкій балконъ, передъ которымъ широко раскидывался зеленый, съ протоптанными тропинками, дворъ, окруженный надворными постройками. Напротивъ дома стояла конюшня, около которой теперь отпрягали лошадей, а сбоку тянулась длинная изгородь сада, густо заросшая крапивой и шиповникомъ. Почти до половины двора падала тѣнь отъ дома, и на балконѣ было прохладно.

— А это правда, что вы по-русски плохо говорите?—спросила Дунечка Киру, придвигая гостьямъ стулья.

— Ну! не очень хорошо, но всегда скажу все, что хочу,—смѣясь, отвѣтила Кира.—Вотъ когда нужно что-нибудь поскорѣй и если я не очень спокойна, тогда мнѣ трудно. Я теперь привыкаю...

— Вы и такъ на русскую не похожи. А васъ, Юлинька, я бы сейчасъ узнала. Или ужъ нельзя васъ называть Юлинькой, какъ прежде? Вотъ меня весь уѣздъ Дунечкой зоветъ. Даже мужики. Правда! Если за глаза, то всегда „Дунечка“. Никогда не слыхали?

— А Соню помните?—разспрашивала она дальше.—Ее теперь здѣсь нѣтъ. Она все хвораетъ, а какъ здѣсь поживетъ—ей хуже. У нея нервная болѣзнь, а въ деревнѣ теперь, конечно, непріятно. Она трусиха такая! Удивительно! Сыновья ея у меня. Вотъ вы сейчасъ увидите эти два сокровища.

Гостьи засмѣялись.

— Почему—сокровища?

Дунечка раздражительно махнула рукой.

— А вотъ познакомьтесь, послушайте ихъ. Студенты они, идите, теперь, граждане... А что мнѣ Зотовъ говорилъ, будто Грачевку продаете?—Это правда? мужикамъ продаете?

— Продаю. Мужикамъ продаю,—подтвердила Юлія. Дунечка нахмурилась и сердито пожала плечами.

— Что дѣлаютъ! Удивительно, что дѣлаютъ! Да что бы я, да имъ... да хоть вотъ столько!—Она щелкнула ногтемъ и вдругъ неожиданно ласково и мягко улыбнулась.—Ахъ, милые! вамъ землицы надо? Неужели? А вотъ я разорюсь, а имъ ничего не продамъ. Ни за что! ни пяди! Пусть жгутъ, грабятъ, хоть убиваютъ... Я сказала — и конецъ.

— Но почему? — удивленно спросила Юлія и широко раскрыла глаза.—Почему?

— А потому что они мерзавцы, негодяи, пьяницы,—ласково и пѣвуче объяснила Дунечка.—Потому что пусть съ ними цѣлуется кто хочетъ... Пусть Зотовъ цѣлуется... А я подъ модныя теченія поддѣлываться не намѣрена. И угрозъ я не боюсь.

— Но если имъ дѣйствительно нужна земля?

— Ахъ! А не нужно ли еще чего-нибудь? Скажите на милость! Миленькіе, славненькіе мужички!

Она такъ тихо и нѣжно засмѣялась, что Юліи отъ этого смѣха вдругъ стало почему-то жутко.

— Но за что вы ихъ такъ ненавидите? — спросила она.— Они причинили вамъ много зла?

— Мнѣ? Они? Ну, это еще кто кому! Вѣдь я ихъ не боюсь, а кто не боится, съ тѣмъ они сами осторожны. У меня круто. Вотъ!..—показала она свой загорѣлый крѣпкій кулакъ.— Я этого позора на себя не взяла. Да вѣдь это какой позоръ!— громко и убѣжденно вскрикнула она, — помѣщики мужиковъ бояться стали! Прячутся! мужчины-помѣщики прячутся. Мужики къ дому подходятъ, а они прячутся. Вѣрно, вѣрно! А другіе— откупаются водкой,—спаиваютъ. Приходи къ нимъ каждый день и требуй на водку. Не смѣютъ отказать! Ахъ, пришли бы ко мнѣ, голубчики! Пришли бы... Ахъ, не догадаются!

— А они васъ тоже ненавидятъ?—съ любопытствомъ спросила Кира.

Дунечка опять засмѣялась.

— А на здоровье! Мнѣ, главное, чтобы они знали, что я ихъ не боюсь. А они это знаютъ. Я никого не обманываю. Другіе миндальничаютъ съ мужикомъ и сами не только вредятъ ему, дурачатъ его, подводятъ подъ непріятности, а то и подъ плети. У меня все ясно и просто. А любятъ они меня, или ненавидятъ, мнѣ это... наплевать.

— Ну, вотъ... идутъ поборники свободы и правды! — съ язвительной насмѣшкой объявила она и кивнула въ сторону садовой ограды.—Помилуйте! Отъ кого бы Россіи ждать спасенія? Вотъ они идутъ! Вотъ!

Изъ калитки сада выбѣжалъ во дворъ одинъ молодой человѣкъ и быстро заперъ за собой калитку. Въ ту же минуту черезъ высокій плетень перелетѣлъ другой, ловко спрыгнулъ въ траву, погнался за первымъ и, догнавъ его, далъ ему раза два-три по шеѣ, послѣ чего оба спокойно пошли рядомъ, при чемъ первый только поправилъ свалившееся пенснэ. Сходства между ними не было никакого; молодой человѣкъ въ пенснэ былъ небольшого роста, нескладный, узкоплечій, съ темными волосами и длиннымъ, острымъ лицомъ; другой—высокій, худенькій, съ правильными чертами краснваго розоваго личика и длинными бѣлокурыми волосами, зачесанными вверхъ. Оба были въ свѣтлыхъ ситцевыхъ рубашкахъ, подпоясанныхъ ремнями, и оба чему-то весело смѣялись, направляясь къ балкону и еще не замѣчая гостей.

— Ахъ, какъ мило!—замѣтила Дунечка. — Видѣли? Рвутъ себѣ одёжу на плетняхъ, даютъ другъ другу по шеѣ и желаютъ руководить политикой. Въ гимназіи одинъ „старостой“ былъ. Тоже своего рода „лучшіе люди“...

Но молодые люди вдругъ замѣтили отпряженный экипажъ, незнакомыя лица на балконѣ и остановились.

— Идите ужъ!..—крикнула Дунечка.—Что тамъ?.. Досадно, небось, что сразу такъ зарекомендовались? Серьезная молодежь! Ха, ха!

— Мой племянникъ, Сережа,—отрекомендовала она молодого человѣка въ пенснэ.—А этотъ — Павликъ. Ну, мальчики, занимайте гостей, а мнѣ надо кое-чѣмъ распорядиться...

— Вы ловко прыгаете!—замѣтила Кира Павлику и лукаво засмѣялась. Онъ былъ сильно сконфуженъ, и старался казаться спокойнымъ и держаться съ достоинствомъ.

— Это пустяки!—съ пренебреженіемъ отвѣтилъ онъ.—Здѣсь не особенно высоко.. Очень легко.

Нѣкоторое время всѣ четверо молча глядѣли другъ на друга.

— Должно быть, это я васъ здѣсь еще дѣтишками видѣла,—припомнила Юлія.—Вѣдь вы бывали здѣсь маленькими? Да?

— Да я васъ даже помню!—весело заявилъ Сережа. Вы съ вашей бабушкой пріѣзжали... Тогда еще не особенно взрослая были. Помню, мы съ вами вмѣстѣ въ малинникъ ходили, а я ъ, почему-то, языкомъ дразнилъ. Выскочу изъ-за куста и языкъ уну. А вы кушали малину и говорили: „Какой дрянной малька!“

— Знаете, и я теперь это помню!—сказала Юлія и весело нула глазами.—Я помню! Такъ это были вы?

Она улыбнулась, выставляя рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ.

— Ужъ вы не сердитесь на меня за прошлое!—съ комическимъ жестомъ раскаянія и мольбы попросилъ Сережа.—Каюсь: это былъ я.

Онъ стоялъ передъ ней съ сложенными руками, изогнувшись въ низкомъ поклонѣ, и казался совсѣмъ маленькимъ и жалкимъ.

— За это я буду называть васъ просто Сережей, — пошутила Юлія.—Я рада, что мы старые знакомые. Вы студентъ?

— Неужели я еще похожъ на гимназиста?

— Да кто изъ васъ старшій? — спросила Кира, обращаясь къ Павлику.

— Ну, несомнѣнно, я!—быстро отвѣтилъ Сережа.

Кира сомнѣвалась.

— Да?—переспросила она Павлика.—Почему же вы большой, а онъ маленькій?

Павликъ улыбнулся.

— Мать очень высокаго роста; я въ нее. Сережа похожъ на отца.

— А Софьи Николаевны здѣсь нѣтъ?

— Ну, развѣ она можетъ здѣсь жить!

— Отчего?

— Да она страшная трусиха!—засмѣялся Сережа. — Всю жизнь все чего-то боится. Пока мы въ гимназіи были—боялась, что насъ выгонятъ; потомъ боялась, что насъ арестуютъ. Теперь боится, что мужики усадьбу разгромятъ, что всѣхъ убьютъ...

— Значитъ, она совсѣмъ не такая, какъ Евдокія Александровна. Впрочемъ, я забываю, что онѣ не сестры. Вѣдь Дунечка—сестра вашего отца?

— Да; и мать совсѣмъ не такая, какъ Дунечка!—съ особеннымъ выраженіемъ подтвердилъ Сережа.—Дунечка!

— Вы, кажется, не особенно ладите?—понижая тонъ, спросила Юлія. Сережа пожалъ плечами.

— Да, нельзя сказать, чтобы мы симпатизировали другъ другу. Дорогая тетушка придерживается такихъ взглядовъ... Даже странно! Въ наше время—и вдругъ такой махровый цвѣтокъ блаженной памяти дореформенной крѣпостной Россіи!

— Это значитъ, что вы постоянно спорите и ссоритесь?

— О, нѣтъ!—съ пренебрежительнымъ смѣхомъ сказалъ Сережа. — Съ такими людьми слова ни къ чему не ведутъ. Мы иногда проявляемъ дѣятельный протестъ...

— Ну, какой тамъ протестъ! — вдругъ съ неудовольствіемъ отозвался Павликъ. Онъ сидѣлъ въ сторонѣ, равнодушно при-

слушиваясь къ разговору; его розовое лицо, разгорѣвшееся отъ жары и усиленнаго движенія, теперь поблѣднѣло и казалось утомленнымъ и скучающимъ.

Сережа весело засмѣялся.

— За неимѣніемъ иного способа выразить ей наше отношеніе къ ея поступкамъ, мы просто солили ей, гдѣ и какъ можно,—объяснилъ онъ.—Это, конечно, не серьезно и не отвѣчаетъ нашему достоинству, но вѣдь не оставаться же равнодушными зрителями? Она изъ-за мелочей придирается, ну и мы ее мелочами донимаемъ. Просто, чтобы душу отвести.

— Пріятная жизнь при такихъ условіяхъ! — засмѣялась Юлія.—Воображаю, что̀ вы выдумываете!

— Къ сожалѣнію, мы мало изобрѣтательны. Вы разрѣшите курить?—спросилъ онъ, хватаясь за боковой карманъ. И съ папироской въ зубахъ онъ заговорилъ серьезно и сосредоточенно, и даже голосъ его сталъ ниже и мужественнѣе:

— Съ такими людьми слова не имѣютъ никакого значенія. Мы въ этомъ убѣдились. Возбуждать крестьянъ противъ тетки—мы не считаемъ себя вправѣ, а напротивъ, даже боимся, что они и безъ того слишкомъ возбуждены. Вѣдь ея тактика дѣйствительнѣе всякой пропаганды... Разница только въ томъ, что разумная пропаганда подготовляетъ сознательную почву. Народъ держится на-готовѣ для единовременнаго и повсемѣстнаго заявленія своей воли... Это очень важно. Отдѣльныя вспышки, по большей части, не ведутъ ни къ чему, кромѣ лишнихъ жертвъ, ослабленія энергіи, реакціи. Возбуждать ихъ нераціонально и вредно для общаго дѣла. Народъ страшно озлобленъ! Но нельзя эксплоатировать эту озлобленность для цѣлей личной мести. Вы понимаете?

Юлія строго и пристально глядѣла на него.

— А въ уѣздѣ много такихъ, какъ ваша тетушка?

— На одномъ уровнѣ развѣ только еще Воробьинъ. Навѣрное, слыхали? Старикъ, милліонеръ.

— Зуевъ говорилъ, что подъ нихъ сильно подкапываются.

— Зуевъ!..—поморщился Сережа и опять засмѣялся.—Вотъ тоже типикъ!

Юлія удивилась.

— А мнѣ онъ очень понравился!

— Да? Хлопотунчикъ! Носится съ своими идеальчиками, какъ съ банкой варенья. Весь разсахарился и другихъ старается сахарить. Институтская восторженность, непочатый край сентиментальности и... и безнадежная безтолковость! Его одинъ

остроумецъ Серафимомъ Саровскимъ прозвалъ. Очень удачно. Нѣтъ, намъ такихъ Серафимовъ теперь не нужно!

— А кто вамъ нуженъ?

Павликъ поднялъ голову и пристально взглянулъ на брата. Въ этомъ взглядѣ сквозили тревога и предостереженіе. Но Сережа не видалъ его.

— Нужны люди сильные, смѣлые, преданные идеѣ до фанатизма!—размахивая папиросой, съ восторгомъ и увлеченіемъ отвѣтилъ Сережа.—Нужны люди свободные, не подчиненные никакимъ предразсудкамъ. Нужны... да! нужны безумцы, способные идти къ цѣли, не смотря ни на какія препятствія, не взирая на все, черезъ что̀ имъ ни пришлось бы перешагнуть.

— О, я это понимаю!—неожиданно зазвенѣла Кира.

Всѣ удивленно оглянулись на нее.

— Ну, что̀? Да! я люблю смѣлость и новость,—задорно оглядываясь, подтвердила она.—Я люблю свободу. Я, конечно, не говорю про политику. Политика—мнѣ все равно. Но такъ, въ жизни... И я думаю, что въ жизни тоже нужно безуміе... А вы какъ думаете?—обратилась она къ Павлику.

Онъ поднялъ на нее равнодушный взглядъ, провелъ рукой по волосамъ и вѣжливо улыбнулся.

— Я не знаю... Я никогда... не мечталъ... стать безумнымъ.

Сережа захохоталъ.

— Кира Юрьевна! Вы меня ужасно заинтересовали. Какого рода безумія вы жаждете?

— А развѣ я знаю?—отвѣтила дѣвушка.—Но чтобы все не такъ, какъ всегда и какъ у всѣхъ. Пусть будутъ новая жизнь и новые люди, а все старое мнѣ ужасно надоѣло.

— Вотъ это такъ!—радостно вскрикнулъ Сережа.—Это я понимаю! Безуміе и красота!

Онъ вскочилъ и зашагалъ по балкону, а Павликъ лѣниво прибралъ съ его дороги свои протянутыя длинныя ноги.

Пришла Дунечка съ желтой кошкой на рукахъ и оглядѣла всѣхъ ласковымъ и насмѣшливымъ взглядомъ.

— Юлія Сергѣевна! вы любите кошекъ?—тоненькимъ голоскомъ спросила она.—О, моя кися! Да вы взгляните, что̀ это за прелесть! Дуся моя!

Она нѣжно расцѣловала кошку.

— Ну, идите обѣдать!—своимъ обыкновеннымъ голосомъ пригласила она.—Познакомились тутъ безъ меня? Павликъ! ты сегодня, кажется, въ роли молчаливаго страдальца?

Павликъ вспыхнулъ и быстро всталъ.

— Ну, пѣтухъ!—съ непріятнымъ смѣшкомъ замѣтила тетка.—Вы извините, дорогія гостьи, обѣдъ у насъ не парадный...

Но не успѣли дѣвушки встать, какъ къ балкону подошли два мужика и молча остановились.

— Что такое?—спросила Дунечка.—Чего вамъ?

— Къ вашей милости,—мрачно и какъ будто нехотя проговорилъ одинъ, постарше; но другой перебилъ его:

— Насчетъ земли, значитъ, — вызывающимъ тономъ объяснилъ онъ.

— Насчетъ какой земли? Чего еще?

Мужики собирались отвѣтить, но Дунечка вдругъ быстро подошла къ самому краю балкона и крикнула такъ, что всѣ отъ неожиданности вздрогнули:

— Шапки долой! Невѣжи!

Мужики отступили на одинъ шагъ, переглянулись и медленно сняли шапки.

— То-то! Болваны... сиволапые... — немного успокоиваясь, сказала Дунечка. Она все еще держала на рукахъ рыжую кошку и крѣпко прижимала ее къ груди.

Послѣ короткой паузы заговорилъ мужикъ помоложе.

— Слухъ у насъ прошелъ, будто вы нашу землю продаете въ чужія руки.

— Какую такую „вашу землю“?

— Да ту, значитъ, запрудную.

— Какая же она „ваша“? Моя, кажется, а не ваша.

— Да, помилуйте, ваша милость... Знаемъ мы, что оно точно... Да ужъ сколько годовъ держимъ... Можно сказать, всю потомъ-кровью облили. Безъ нея намъ теперь...

— Сколько годовъ держимъ!—передразнила ихъ Дунечка.—А аренду вы мнѣ внесли?

— Помилуйте! Сами знаете, какой въ прошломъ году урожай былъ... Ничего не собрали! Тутъ не токмо аренду, а животъ свой... Да когда же мы?... Да развѣ за нами за эстолько лѣтъ ваша копѣйка пропала? Помилуйте!—въ перебивку заговорили мужики.

— На аренду не хватило, а на кабакъ лишнее нашлось?—спросила Дунечка.—Нѣтъ, друзья... Миловать я васъ не намѣ-а. Или я не знаю? Я все знаю. Вотъ этотъ, — указала она мужика помоложе,—пьяный хвасталъ: „Чего аренду платить? земля намъ отходитъ“. Видѣли теперь, какъ она „отошла“? Все ерь ваше, голубчики? А я вотъ взяла, да и отдала всю запруд-о Расторгуеву. Если она ваша, такъ и достаньте ее обратно.

Голосъ ея опять сталъ вкрадчивымъ, ласковымъ; глаза щурились, а щеки ярко пылали.

Мужики переглянулись и почесали въ затылкахъ.

— Барышня! Не обижай насъ!—просто и серьезно попросилъ старшій.—Не отнимай куска у дѣтей. Съ Расторгуевымъ намъ невозможно... Онъ насъ въ кольцо скрутитъ. Отдай намъ землю.

— Ну, нѣтъ, братцы! Шалишь!—пропѣла Дунечка.—Пили бы меньше; хвастали бы осторожнѣе. Поздно теперь канючить. Я своего слова назадъ не беру. Ступайте съ Богомъ, голубчики!

Она повернулась и, нѣжно цѣлуя кошечку въ голову, протянула тихимъ высокимъ голоскомъ:

— Ду-уся!

— Барышня!—раздался опять голосъ мужика.—Добромъ мы просить пришли и всѣ резоны тебѣ представили. Плательщики мы завсегда были исправные и за прошлый годъ мы пополнимъ. Все пополнимъ. Барышня! ты сама посуди: нельзя намъ безъ этой земли...

Дунечка молча направилась къ двери, но на порогѣ стоялъ Сережа и загораживалъ ей проходъ.

— Тетка! это свинство!—проговорилъ онъ въ полголоса.—Зачѣмъ ты издѣваешься надъ людьми?

— Пусти, дуракъ!—тихо отвѣтила она ему.

— Нѣтъ, не пущу!

— Расторгуеву мы землю не отдадимъ! — громко заявилъ молодой мужикъ.—Все одно пропадать... Безъ этой земли намъ зарѣзъ. Просили добромъ,—придется брать силой.

Дунечка быстро обернулась къ нимъ лицомъ.

— Силой? Ахъ, вы, забавники! Аль вы еще не слыхали, какъ съ вашей силой-то справляются? Узнаете! За этимъ дѣло не станетъ... Вздумали тоже, кого напугать!

Какая-то странная гримаса не то боли, не то злобы пробѣжала по хмурому бородатому лицу говорившаго мужика. Онъ откашлялся и накрылъ голову шапкой.

— Пойдемъ!—громко сказалъ онъ своему спутнику.—Счастливо оставаться!—развязно прибавилъ онъ.

Дунечка засмѣялась.

— Видѣли?—обратилась она къ Юліи.—Хороши гуси? Тотъ, помоложе, у меня давно на примѣтѣ. Онъ тутъ всѣхъ мутитъ и подстрекаетъ. Пусть теперь попрыгаетъ! Да идемте же обѣдать: супъ простылъ.

Юлія оглянулась и увидала Павлика. Крѣпко ухватившись

руками за перила, онъ неподвижно глядѣлъ вдаль прищуренными глазами, а углы его рта едва замѣтно вздрагивали.

— Павликъ!—тихо окликнула Юлія.

Онъ вздрогнулъ и его блѣдное лицо залилось румянцемъ.

— Ну, и впечатлительны же вы!—замѣтила дѣвушка.

Онъ сердито оглянулся на нее, спрыгнулъ съ верхней ступеньки лѣстницы прямо во дворъ и исчезъ.

Обѣдъ прошелъ натянуто и непріятно. Дунечка злорадно и грубо смѣялась надъ Сережей, а Сережа сердился, но притворялся равнодушнымъ и веселымъ.

— Ѣшь!—нѣсколько разъ кричала Дунечка на Павлика, но тотъ сидѣлъ блѣдный и вялый и едва прикасался къ кушанью.

— Ему въ деревнѣ надо поправляться,—объясняла хозяйка Юліи:—видите, какой онъ плохой... А онъ ничего не ѣстъ, по ночамъ не спитъ, а бродитъ. Наказанье! Ужъ такой характеръ... Съ такимъ характеромъ онъ никогда не поправится.

Юлія чувствовала себя неловко, и только Кира съ любопытствомъ прислушивалась къ каждому слову, шутила съ Сережей и почти не спускала глазъ съ Павлика.

Послѣ обѣда Павликъ сейчасъ же исчезъ. Юлія велѣла запрягать лошадей, но Дунечка властно отмѣнила это приказаніе и сказала, что ни за что не отпуститъ гостей безъ чая.

— Въ деревнѣ съ визитами не ѣздятъ,—обидчиво замѣтила она.—Можно подумать, что васъ тутъ такъ приняли, что вы сбѣжали.

Затѣмъ всѣ перешли на другой балконъ, широкій и просторный, съ видомъ на деревню и вдаль, въ поле и на лугъ. Среди луга пробѣгалъ ручеекъ и поблескивалъ на солнцѣ водной поверхностью.

— Только вчера сѣно свезли,—сказала Дунечка.—А скоро и за рожь приниматься. Въ этомъ году все рано, все только поспѣвать приходится. Положимъ, у меня хозяйство теперь самое незначительное... А какъ досадно! Племянники выросли—какими помощниками могли бы быть! Эти тебѣ помогутъ! Какъ же! Сунь-ка ихъ куда-нибудь... А изъ-за нихъ я весь порядокъ дня измѣнила. Мнѣ бы въ двѣнадцать обѣдать по настоящему, а они только-только просыпаются.

Въ дверь высунулась бабья голова, повязанная платкомъ, и ...я-то корявая рука поманила пальцемъ.

— Сейчасъ приду!—крикнула Дунечка.—Не хотите ли, барышни, посмотрѣть нашъ садъ? Теперь ужъ не жарко. Меня вы извините: гулять по садамъ я не умѣю... Вернетесь, будемъ чай пить...

Садъ былъ старый, запущенный, съ заросшими липовыми аллеями и куртинами яблонь. Всюду росли крапива, лопухи и замѣтно было присутствіе несмѣтнаго количества грачей. Но теперь ихъ еще не было дома: днемъ они промышляли въ полѣ, и садъ стоялъ тихій, безмолвный и задумчивый. Спускавшееся солнце мягко и ярко освѣщало зелень, сильно пахло липовымъ цвѣтомъ и той вечерней прохладой, отъ которой такъ легко дышится груди и которая раньше всего забирается въ лѣса и сады, дожидаясь заката солнца, чтобы изъ тѣни и тѣсноты выползти на просторъ полей и луговъ.

Среди средней, самой длинной аллеи была протоптана тропинка. Дѣвушки пошли по ней другъ за другомъ, а Сережа шагалъ рядомъ по травѣ, сору и суши и, размахивая рукой съ папиросой, часто спотыкаясь и поправляя пепелъ, оживленно говорилъ:

— Я съ ней больше ссорюсь и она на меня жестоко нападаетъ, но мнѣ не такъ тяжело, какъ Павлику. Съ меня, по правдѣ сказать, все, какъ съ гуся вода... Отведешь душу—и конецъ. Павликъ нервнѣе и злопамятнѣе, что-ли. Тетка насъ обоихъ не любитъ, но меня, все-таки, еще туда-сюда... выноситъ. Павлика она терпѣть не можетъ и, какъ будто, боится. Павликъ всегда молчитъ и только смотритъ; но онъ умѣетъ смотрѣть!

— Онъ злой?—спросила Кира.

— Ну, вотъ! — расхохотался Сережа. — Но, конечно, онъ немного странный и, главное, нервный. Мама настаиваетъ, чтобы мы тутъ жили, и думаетъ, что это очень хорошо для здоровья. Мнѣ-то все равно, а Павлику, по-моему, прямо вредно. Онъ все время волнуется.

Онъ нагнулся, чтобы отцѣпить отъ подола Киры сухую вѣтку.

— Такъ вы любите смѣлость и новость?—вспомнилъ онъ и засмѣялся.

— Отчего это смѣшно?—спросила Кира.—Я думаю, всѣмъ все старое надоѣло. Всѣ хотятъ что-нибудь передѣлать. Кто что можетъ. Я не могу передѣлывать политику. Я не понимаю, и мнѣ скучно. А жизнь я понимаю. Мнѣ надоѣла ложь, предразсудки. Мнѣ очень много надоѣло, и я увѣрена, что еще много такихъ, какъ я. Почему это смѣшно?

— Нѣтъ, это очень хорошо!—горячо и искренно одобрилъ Сергѣй.—Если вы даже неправы и нелогичны въ своихъ стремленіяхъ, все равно—это хорошо, это даже лучше.

— Послушайте!—прервала его Юлія:—если бы всѣ захо-

тѣли жить по-своему, — по своему капризу или вдохновенію? Вотъ всѣ эти безумцы, о которыхъ вы съ Кирой такъ мечтаете...

— Прекрасно!—вскрикнулъ Сергѣй.—Вамъ, кажется, представляется, Юлія Сергѣевна, что этихъ „безумцевъ“ такъ много,— что ими такъ легко быть? А это—куда труднѣе, чѣмъ идти въ стадѣ, по проторенной дорогѣ, говорить хорошія или жалкія слова, слѣдовать за всѣми прописями и шаблонами, какъ бы они ни претили и ни озлобляли. Сколько людей душатъ свою жизнь собственными руками, и сколько найдется такихъ, которые посмѣли бы постоять за себя? Сколько мы слышимъ осужденій, критики всякимъ порядкамъ, а много ли тѣхъ, кто наотрѣзъ отказался бы подчиниться имъ, показалъ бы свой примѣръ, громко заявилъ бы свое слово? Это настолько рѣдко и цѣнно, что каждый мало-мальски смѣлый или оригинальный поступокъ сейчасъ же влечетъ за собой послѣдователей, образуетъ свое маленькое теченіе. Не стоитъ запрещать людямъ быть безумцами, Юлія Сергѣевна! Они этого сами не умѣютъ. А кому дано—тотъ пусть не зарываетъ свой даръ въ землю: онъ нуженъ людямъ, какъ живая вода.

Въ концѣ аллеи они неожиданно увидали Павлика. Онъ сидѣлъ на пнѣ на краю канавы; на колѣняхъ его лежала книга, но онъ не читалъ, а, безпредметно засмотрѣвшись вдаль, нащупывалъ рядомъ съ собой мелкіе комья земли и перебрасывалъ ихъ въ поле. Онъ такъ задумался, что замѣтилъ гуляющихъ только когда они подошли совсѣмъ близко.

— Это интересно?—спросила Кира.—Это интереснѣе, чѣмъ гулять съ нами?

Онъ молча всталъ и опустилъ глаза.

— Хотите пройти къ пруду?—предложилъ Сергѣй.

Теперь они пошли прямо черезъ куртину, по мягкой скошенной травѣ. Кира и Сергѣй ушли впередъ, а Юлія съ Павликомъ немного отстали.

— Вы пріѣдете къ намъ, Павликъ?—мягко спросила Юлія.

— Благодарю васъ!—сухо отвѣтилъ онъ.

Она внимательно заглянула ему въ лицо и потомъ опустила голову.

— Я приглашаю васъ не изъ любезности и вѣжливости,— но сказала она.—Мнѣ искренно хотѣлось бы, чтобы вы были у насъ, чтобы мы могли ближе познакомиться.

— Вы очень добры.

Она чуть-чуть пожала плечами.

— Но у васъ, кажется, нѣтъ ни малѣйшаго желанія пріѣхать? И вы этого не хотите скрывать?

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Зачѣмъ? — вдругъ спросилъ онъ дрогнувшимъ, сжатымъ голосомъ. — Я понимаю: вамъ меня стало... жалко. Вы мнѣ на балконѣ сказали про мою... впечатлительность. И я понимаю, какъ вамъ все это должно было показаться мальчишески-глупымъ, дикимъ...

— Но что, Павликъ? Я не знаю... Что?

— Какъ „что“? Все! Травля на тетку, Сережины фразы, роль молчаливаго страдальца... Глупо, нелѣпо... Мучительно...

Послѣднее слово онъ сказалъ такъ тихо, что она едва разслышала его.

— Ну, ужъ это какое-то больное самолюбіе...

— О, нѣтъ!—горячо возразилъ онъ.—Вы думаете—я очень дорожу вашимъ или другимъ мнѣніемъ? Вы думаете, что я страдалъ бы оттого, что вы, или кто другой, нашли бы меня жалкимъ, смѣшнымъ? Нѣтъ! Но принимать что-либо, предложенное изъ жалости... Хотя бы приглашеніе... И тѣмъ болѣе, что вы скоро убѣдитесь, что очень ошиблись и что жалѣть меня—нельзя.

— Да откуда вы взяли эту жалость?—запротестовала Юлія.—Если вамъ непремѣнно нужна причина, почему я зову васъ, я вамъ подскажу другое слово: симпатія.

Онъ усмѣхнулся.

— Если я еще поторгуюсь, вы скажете: расположеніе, дружба. Юлія Сергѣевна! мнѣ совѣстно, что вы такъ добры и любезны, а я грубъ, скученъ, неинтересенъ. Я не привыкъ къ дамскому обществу и не умѣю, какъ Сережа, быть пріятнымъ кавалеромъ.

— А со мной можно говорить только—какъ дамскій кавалеръ?

— Не знаю. Я вообще мало говорю, не умѣю говорить.

— А можете вы отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ? Если не захотите—не отвѣчайте. Вы очень заняты политикой? да?

— Какъ вамъ сказать?—и да, и нѣтъ.

— Это значитъ, что вы не хотите отвѣчать?

— Нѣтъ, это значитъ, что я не могу отвѣтить однимъ словомъ. Тутъ все очень сложно. Годъ тому назадъ, я еще былъ совсѣмъ ребенкомъ и не думалъ ни о какой политикѣ, ничего не читалъ, ничѣмъ не интересовался по этому вопросу. Этотъ годъ невольно заставилъ. Прежде всего я понялъ, что не имѣю права оставаться въ сторонѣ, а потомъ меня скоро захватило...

Только я не какъ другіе мои товарищи. Они увлекаются, горячатся, идутъ даже на жертвы, на всякія тяжелыя непріятности; но я знаю, что все это—внѣшнее... Какъ вамъ сказать?—они сознательно, умомъ сочувствуютъ идеѣ, вѣрятъ ей, хотятъ помочь ея торжеству. Они убѣжденнѣе. Я, должно быть, неспособенъ къ политикѣ. Меня что-то отталкиваетъ... Я не увлекаюсь и не горячусь, но я знаю, что я чувствую глубже... Я знаю, что никто изъ нихъ не страдаетъ такъ... глубоко отъ ненависти, злобы, безсилія. Обстоятельства разбудили во мнѣ эти чувства. Жизнь разбудила, и я не могу не заниматься политикой, не идти туда, куда надо, еслибы даже это было для меня... непереносно. Если бы даже меня заставили сдѣлать то, что я... считаю ужаснымъ.

— Павликъ! Но какое же это противорѣчіе! — вскрикнула Юлія.—Развѣ вы не понимаете?

— У меня инстинктивное отвращеніе ко всему грубому и жестокому,—продолжалъ Павликъ.—Я не люблю жизнь за то, что въ ней много грубости и жестокости. Я не люблю политику. Но низость, трусость и ничтожество еще отвратительнѣе и презрѣннѣе. Надо побѣдить себя. Надо принести себя въ жертву, если дѣло требуетъ жертвъ.

— Но, Павликъ, вы обрекаете себя на роль слѣпого орудія.

— Кажется, да,—равнодушно согласился онъ.—Это оттого, что я не гожусь ни на что другое. Если это ошибка—пусть! Пусть лучше ошибка, чѣмъ трусость, подлость. Но это не ошибка!—вдругъ увѣренно и громко сказалъ онъ и поднялъ голову.—Это—ужасная, печальная необходимость. И именно съ моимъ чувствомъ, съ моимъ... страданіемъ...

Юлія возмутилась.

— Съ вашимъ чувствомъ? Съ какимъ? Вы говорили про ненависть и безсиліе... И это Дунечку вы такъ ненавидите? Но это только доказываетъ, какой вы еще ребенокъ...

Онъ удивленно оглянулся на нее.

— Дунечку? ненавижу? Нѣтъ!—съ оттѣнкомъ пренебреженія отвѣтилъ онъ.—Я не знаю, но мнѣ кажется, что я бы не могъ сильно любить или сильно ненавидѣть человѣка. Въ каждомъ всегда найдется что-нибудь, что помѣшаетъ. Люди не терпятъ сильныхъ чувствъ. Но у людей есть общія проявленія изъ духовнаго міра. Вотъ такія проявленія угнетаютъ, мучатъ... Они стоятъ и любви, и ненависти, и борьбы...

Они подошли къ пруду и стали на берегу. Кира и Сергѣй

прыгнули на плотикъ и старались оттолкнуться шестомъ отъ берега.

— Прыгайте къ намъ! — кричала Кира Павлику. — Юли боится, я знаю.

Прудъ лежалъ ровный, какъ зеркало, окаймленный осокой и неподвижной зеленью деревьевъ. Гдѣ-то около берега тихо и уютно крякали утки. Кира глядѣла вверхъ задорно и вызывающе и смѣялась.

— Прыгайте къ намъ!

Но Павликъ отказался. Плотикъ медленно поплылъ, а Юлія молча смотрѣла на гладь пруда, на зелень противоположнаго берега, на тоненькую, изящную фигуру сестры среди этой простой и красивой рамки. Потомъ она оглянулась на Павлика и вздохнула. Онъ стоялъ рядомъ съ ней блѣдный, вялый, скучающій.

— А интересовать васъ люди могутъ?—спросила она.—Или они даже не стоятъ вниманія?

Онъ оглянулся на нее съ легкимъ недоумѣніемъ.

— Я васъ чѣмъ-нибудь разсердилъ, Юлія Сергѣевна, что вамъ захотѣлось сказать мнѣ колкость? Я, кажется, былъ слишкомъ откровененъ, и мнѣ приходится объ этомъ жалѣть.

Тонъ его былъ такой искренній и простой, что ей стало досадно на себя.

— О, нѣтъ, не жалѣйте!—попрежнему мягко и ласково попросила она.—Странный вы мальчикъ, Павликъ! Не понимаю я васъ, и, дѣйствительно, простите, мнѣ показалось, что вы немного рисуетесь, интересничаете.

Онъ улыбнулся, и ихъ взгляды встрѣтились, дружелюбные и довѣрчивые.

— Это потому, что я еще слишкомъ молодъ, — искренно объяснилъ Павликъ. — Мнѣ восемнадцать лѣтъ. Иногда у меня еще такая потребность хохотать, возиться, шалить... Съ тѣмъ новымъ и серьезнымъ, что теперь во мнѣ, это и не вяжется. Я знаю. И вотъ выходитъ, что будто ничего нѣтъ серьезнаго; выходитъ какое-то мальчишество, хвастовство или рисовка. А развѣ это справедливо? Я всегда строго провѣряю всякій свой шагъ, всякое свое слово. Я знаю, какъ... твердо мое рѣшеніе, какъ искренно, глубоко и... даже мучительно мое чувство.

Онъ вдругъ замолчалъ, прикусилъ губу и хрустнулъ пальцами.

— Развѣ я виноватъ, что я такъ молодъ?—съ трогательнымъ отчаяніемъ докончилъ онъ.

Юліи хотѣлось засмѣяться, но она удержалась.

— И мы будемъ друзьями, Павликъ, — увѣренно сказала она.—Я такъ хочу и такъ должно быть.

Плотикъ возвращался...

Когда, послѣ чая, гости уѣзжали, Дунечка была какъ будто чѣмъ-то недовольна, и въ ея вкрадчивомъ тонѣ слышались насмѣшливыя нотки.

— Я такъ рада, такъ рада, что мы опять познакомились! Гордячки! Насилу-то собрались. Но теперь, надѣюсь, будемъ видаться?

Сережа и Павликъ поѣхали на подножкахъ экипажа, потомъ соскочили и побѣжали рядомъ.

— Ну-ка, Сережа... До плотины... Не отставать!—крикнулъ Павликъ.

Но кучеръ тронулъ быстрѣе, — и Сережа остался позади и остановился; потомъ отсталъ и Павликъ. Обѣ сестры, смѣясь, обернулись...

Горничная доложила Юліи, что пришла какая-то баба, Ольга Трифонова, и проситъ просмотрѣть, вѣрно ли написано ея прошеніе и можно ли ожидать по немъ рѣшенія дѣла въ ея пользу.

— Да я ничего не понимаю, Луша,—съ недоумѣніемъ сказала Юлія.—Какое прошеніе? Почему она пришла ко мнѣ?

— Да она была съ нимъ въ больницѣ у доктора, а докторъ такой суровый мужчина,—только и сказалъ, что она съ пустяками лѣзетъ. Разсердился...

Юлія вышла на крыльцо. Тамъ Ольга уже болтала съ другой горничной и оживленно разсказывала ей свое дѣло. Увидавъ барышню, она сразу смолкла и съ жаднымъ любопытствомъ окинула ее взглядомъ съ ногъ до головы.

— Вы хотѣли посовѣтоваться со мной?—спросила Юлія.

— Барышня, сдѣлайте милость!—бойко заговорила она, улыбаясь всѣмъ своимъ круглымъ, свѣжимъ лицомъ, окаймленнымъ темнымъ платочкомъ.—Вотъ прошеніе мнѣ написали, а я сумлѣваюсь: правильно ли, не подстроено ли какой насмѣшки? Женщина я глупая, безграмотная. Къ доктору я ходила... Докторъ ▾ часъ—Андрей Николаевичъ... Онъ меня знаетъ: я при больницѣ торгую... Говорить не сталъ! На него часомъ... То ужъ ой простой, такой простой! А попадешь подъ сердитую руку— ричитъ, обругаетъ... Я женщина глупая, неграмотная...

Она вытащила изъ кармана сложенную бумагу и бережно ала ее Юліи. Та развернула и стала читать.

„Его Высокоблагородію Земскому Начальнику X-го участка". Ольги Трифоновой Прошеніе.

„1906 г. волостной судъ разбиралъ мою просьбу на односельнаго крестьянина Григорія Прѣлова по иску въ размѣрѣ 7-ми рублей за испорченный имъ женскій сакъ изъ котораго Прѣлый взялся сшить драповый пиджакъ, но прежде чѣмъ работать онъ его измѣрилъ и сказалъ, что могу сдѣлать приличный дѣтскій пиджакъ и двѣ мужскія желетки, но его попросили сдѣлать одинъ пиджакъ, а остатки возвратить. На примѣрку онъ его не приносилъ, какъ это и бываетъ по обыкновенію, но этому поступку не придали никакого значенія. Деверь мой взялъ мальчика, которому шитъ пиджакъ и денегъ, пошли къ нему за полученіемъ означеннаго пиджака, который пиджакъ оказался испорченнымъ. Подольная строчка вся пригнана къ воротнику и рукава поставлены безъ передѣлки женскіе. Предсѣдатель почему-то не обратилъ вниманія на данную вещь и не предложилъ никакихъ мировыхъ сдѣлокъ, даже одинъ судья подтвердилъ, что берите пиджакъ, а то ничего не получите. Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше Высокоблагородіе взойти въ законное разбирательство и вытребовать Прѣлаго съ пиджакомъ и отрѣзками для яснаго доказательства, а мнѣ потерпѣвшей присудить означенный убытокъ".

— Я не знаю, — нерѣшительно сказала Юлія. — Можетъ быть, такъ и можно писать... Если хотите, я кое-что поправлю.

— Это копія, барышня; прошеніе я уже подала, — объяснила Ольга.—Вотъ ежели бы вы господину земскому начальнику словечко замолвили.

— Нѣтъ, этого я не могу, — отказалась Юлія. — Да я съ земскимъ не знакома.

— Только и всего, что записочку бы вамъ написать. Женщина я темная... Какое мнѣ вниманіе можетъ быть? А нужда, барышня, вотъ какая! Андрей Николаевичъ меня знаетъ. Намедни его работница мнѣ говорила: „Какъ попросила грачевская барышня за Авдотью, такъ ее въ больницу приняли". Ужъ завсегда господская просьба супротивъ нашей...

— Приняли Авдотью?—удивилась Юлія.

— Ну, какъ не принять! Приняли. Побезпокоились бы, съѣздили. Двѣ красавицы... Анастасія Захаровна и то мужу выговаривала: „съ купцами-молъ ты ревлюцинеръ, а противъ красивыхъ барышенъ не выстоялъ".

— Что за чепуха?—строго спросила Юлія.

— Барышня! милая!—тягучимъ и убѣдительнымъ голоскомъ

продолжала Ольга, и глаза ея безпокойно забѣгали.—На чужой, значитъ, ротокъ, не накинешь платокъ. Люди приходятъ и сказываютъ... Щуповы, извѣстно, не вѣнчанные. Она къ нему отъ живого мужа ушла, а сама годовъ на десять его старше.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ,—сухо сказала Юлія и повернулась, чтобы уйти.

— Барышня! — поспѣшно позвала Ольга: — не обижайтесь на меня, глупую, Христа ради! Если что̀ лишнее сболтнула... Объясните насчетъ прошенія.

— Да вѣдь оно уже подано. Такъ чего же?

— Ничего ужъ, значитъ, сдѣлать нельзя?

— Да. Надо ждать.

— Ну, покорно благодарю!—согласилась Ольга, и ея красивые глаза лукаво блеснули, провожая Юлію.

Кира случайно подслушала этотъ разговоръ и пришла въ восторгъ.

— О, какая прелесть!—смѣясь, говорила она Юліи.—Анастасія Захаровна — въ роли героини романа. Юличка! я очень мало знаю Россію, и мнѣ представляется, что это именно по-русски. Мнѣ такъ представляется, что въ Россіи даже личные романы непремѣнно должны быть такіе скучные, идейные, либеральные... Ужъ я объ напечатанныхъ не говорю.

— Ну, что̀ за чепуха! какіе могутъ быть либеральные романы? — тоже смѣясь и широко раскрывая свои ясные глаза, остановила ее Юлія.

— Совсѣмъ не чепуха. Въ Россіи ужасно скучная любовь. И вотъ тебѣ примѣръ — тотъ же Щуповъ. Могъ онъ увлечься Анастасіей Захаровной? Полно! Но это идейно, это либерально; это ужасно скучно, и ему кажется, что это умно и честно, какъ его поведеніе съ нами, когда мы пріѣхали къ нему съ просьбой. Ну, я не умѣю ясно объяснить, но вотъ именно „это“ представляется мнѣ отличительной русской чертой. Это что-то суровое, честное, надуманное и скучное, скучное... Безъ внутренней жизни, искреннее только по убѣжденію, а не по природѣ, не по импульсу.

Она съ раздраженіемъ махнула рукой.

— Помнишь, Юля, къ намъ приходили поповскія дочки?— инишь, какія у нихъ манеры? Онѣ хотѣли доказать, что онѣ ень воспитанныя, и жеманничали до отвращенія: притворялись, ъ ѣдятъ не больше, чѣмъ птички, оттопыривали мизинцы... ть это немножко иллюстрируетъ русскаго интеллигента въ овинціи... Прости меня,—но я не могу не замѣтить, что они

жеманничаютъ, какъ поповскія дочки. Ужъ если онъ думаетъ, что онъ интеллигентъ и рѣшилъ быть честнымъ, то живому человѣку съ нимъ жутко становится...

Юлія смѣялась.

— Тебѣ жутко—какъ только тебѣ говорятъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ любви и увлеченія. Жутко и скучно.

— О, это несомнѣнно скучно!—охотно согласилась Кира.— Видишь ли, каждая жизнь должна имѣть прежде всего свои радости, потомъ можно подумать о ея полезности, о ея удобствахъ. Радости — прежде всего. Безъ нихъ не можетъ быть ни силы, ни энергіи, ни терпѣнія. Юля!—мнѣ теперь очень хочется еще разъ съѣздить въ больницу и поближе познакомиться съ Щуповыми. Можно будетъ понаблюдать... Эта Анастасія, которая ушла отъ живого мужа, дѣлается для меня интересной. Нельзя ли кого-нибудь свозить? Или нѣтъ ли о чемъ попросить?

— Нѣтъ, довольно съ тебя двухъ Ивковыхъ, — серьезно сказала Юлія.—Ты съ ними обоими безпощадно кокетничаешь.

— Ивковыхъ?—не сразу сообразила Кира. — Ахъ, это Сережа и Павликъ? Но какъ я могу съ ними кокетничать, если они не будутъ къ намъ ѣздить? Бывать у Дунечки совсѣмъ не интересно. А сюда Павлика никакъ не залучишь.

Она капризно надула губки, а Юлія пристально поглядѣла на нее.

— Ты не думаешь, что Павликъ похожъ на тотъ типъ интеллигента, о которомъ ты только-что говорила? Что-то суровое, честное, надуманное...

— А вѣдь это правда!—удивилась Кира.—Да! Но онъ еще слишкомъ молодъ и слишкомъ красивъ. Тутъ что-то не такъ. Это надо будетъ разглядѣть поближе,—задумчиво прибавила она.

Сережа уже два раза пріѣзжалъ въ Грачевку. Послѣдній разъ онъ прискакалъ верхомъ, хотѣлъ передохнуть часа два, но остался на весь день и даже на весь вечеръ. Марьѣ Несторовнѣ онъ очень понравился, потому что онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку и такъ забавно и весело разсказывалъ всякіе пустяки, что она много и отъ души смѣялась. Юрій Платоновичъ попросилъ позволенія поинтервьюировать его, какъ представителя молодежи.

— Что же васъ больше всего интересуетъ? Моя политическая подкладка, несомнѣнно?—спросилъ Ивковъ.

— Мнѣ бы хотѣлось выслушать ваше credo вообще,—любопытствовалъ Ливскій. — Я давно не жилъ въ Россіи, и меня интересуетъ общій нравственный обликъ теперешней генераціи.

Есть ли существенная разница между идейностью, скажемъ, шестидесятыхъ годовъ и той же идейностью теперь?

— О, несомнѣнно!—заявилъ Сергѣй.

— Да?—быстро подхватилъ Ливскій.—Есть? Что же перемѣнилось? Люди—или идеалы? Въ чемъ вы видите эту существенную разницу?

— Конечно, я могу судить только по литературѣ, — улыбаясь, замѣтилъ Ивковъ. — Въ шестидесятые годы я существовалъ еще въ такой формѣ, о которой у меня не осталось ровно никакихъ воспоминаній.

— Что такое?—удивленно спросила Марья Несторовна.— Въ какой формѣ?

— Вотъ это меня самого ужасно интересуетъ, — смѣясь, отвѣтилъ Ивковъ; — но найти какихъ-либо указаній я не могу. Очевидно, существовалъ, но кѣмъ? какъ?

— Вы не вѣрите въ это серьезно?—спросилъ Ливскій.

— Напротивъ, очень серьезно. Жизнь не можетъ ограничиться одной земной оболочкой. Это слишкомъ незначительно. Это шутки какія-то, забава, а не цѣль, не смыслъ, не задача.

— Курьезно! — щуря глаза и снисходительно улыбаясь, замѣтилъ Ливскій.—Въ наше время личность ставили выше. Она именно и была и цѣль, и смыслъ, и задача.

— О, Боже мой!—воскликнулъ Сергѣй.—Не подумайте, что я говорю отъ имени молодежи, выражаю общее настроеніе, общее міровоззрѣніе. Я не умѣю говорить иначе, какъ отъ себя... Вотъ и про идейность. Я вѣрю, что она раньше была какого-то иного свойства. Наберется ея человѣкъ, закупорится и такъ и заспиртуется до старости. Волосы посѣдѣютъ, а взглянешь и сейчасъ видишь, въ чемъ дѣло: эту идейность ни время, ни жизнь, ни обстоятельства не берутъ. А теперь та же идейность крѣпче, забористѣе, можно сказать, пьянѣе. Съ ней спокойно не проходишь, прекрасными чувствами и благородными мыслями не разсчитаешься. Говорятъ, что и улетучивается она скорѣе. Можетъ быть. Но она не пропадаетъ. Человѣкъ заряжается ею, какъ орудіе порохомъ...

Кира засмѣялась, а Юрій Платоновичъ снисходительно улыбнулся и процѣдилъ:

— Это цѣнное указаніе.

— Сережа, я надѣюсь, вы не заряжены? — съ брезгливой гримасой спросила Марья Несторовна.

Сергѣй добродушно смѣялся, закуривая папиросу. Ливскій старался продолжать свое интервью, но гость былъ въ такомъ

веселомъ и шутливомъ настроеніи, что его отвѣты только заставляли смѣяться всѣхъ окружающихъ, но никакъ не годились для опредѣленія общаго облика текущей генераціи. Юрій Платоновичъ принялъ снисходительно-любезное выраженіе лица и прекратилъ свои попытки.

При Ивковѣ опять пріѣхала Прасковья Павловна. Она была очень взволнована, и руки ея дрожали больше обыкновеннаго.

— Магіе! Я пріѣхала отдохнуть душой. Я такъ измучена... Ты не можешь себѣ представить!..

Она разсѣянно протянула руку Сергѣю, когда онъ подошелъ къ ней, но, очевидно, не узнала его.

— Да что такое, Pauline? — встревожилась Марья Несторовна.

— Ахъ, нельзя жить! Нельзя больше жить. Надо умирать, а какъ? Нельзя же мнѣ, христіанкѣ, повѣситься или застрѣлиться.

Случайно она взглянула на Ивкова, и вдругъ лицо ея выразило крайнее недоумѣніе.

— Сережа! да это ты?—крикнула она.

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія,—подтвердилъ онъ.

— Ахъ, глупый! А я ему руку жму... Развѣ ты здѣсь бываешь?

— Какъ видите, ma tante.

— Ахъ, глупый! Мать не вернулась? Еще у бабушки?

Она предложила еще нѣсколько семейныхъ вопросовъ и вдругъ опять вспомнила свою невзгоду.

— Ды ты ничего не слыхала, что у меня было?—спросила она Ливскую.—Нѣтъ? Ахъ... это ужасно! Эти ночи я совсѣмъ не спала и даже не раздѣвалась. Я вѣдь тебѣ говорила, что меня грозили убить?

— Убить?!—ужаснулась Марья Несторовна.

— Это когда пьяный мужикъ кричалъ вамъ: у-у-у?—спросилъ Сергѣй.

— Ну, да, да. Я иду, а онъ у меня за спиной грозитъ кулакомъ и кричитъ: „убью! у-у! убью!“ И камнемъ въ меня бросилъ...

— Камень-то, ma tante, въ этомъ разсказѣ будто не фигурировалъ раньше,—скромно замѣтилъ Сергѣй.

— Ахъ, не мѣшай!—махнула она на него рукой.—Каме , или комокъ земли... Развѣ я разглядывала? Съ тѣхъ поръ я ложилась спать. Всю ночь только и дѣлаю, что прислушиваюс не лѣзутъ ли ко мнѣ? Анъ, и влѣзли.

— Да что ты!—опять ужаснулась Ливская.

— Не въ домъ, а въ садъ. Слышу—крики. Деревья трясутъ, ломаютъ. Сторожа чуть не убили.

— Да яблоковъ еще нѣтъ,—сказалъ Сергѣй.

— Есть ли, нѣтъ ли, я разсказываю, какъ было. Я — ни жива, ни мертва. Жду, что, вотъ-вотъ, ворвутся въ домъ. Не знаю, какъ Богъ отвелъ. Однако, я чуть свѣтъ послала сказать уряднику, а сегодня утромъ ужъ онъ является со стражниками. Мужички, конечно, испугались. А мнѣ ихъ жалко. Я всегда мужика любила и жалѣла, и они меня любятъ и жалѣютъ. Вѣдь собрали они мнѣ деньжонокъ, какъ я ихъ попросила. Урядникъ приходитъ и спрашиваетъ, чего я желаю? А морда у него толстая, красная, скверная. Ужъ до чего я эту полицію не терплю! Чего я желаю? „Ничего, говорю, не желаю. А главное, не желаю, чтобы вы у меня тутъ распоряжались. Вы, говорю, только мстить да вредить умѣете и думаете, что это—власть. А какая же это власть? Одно безобразіе. А я ни мстить, ни вредить не хочу и ничего не хочу, а устала я, и покоя мнѣ надо. Покоя, говорю. Тишины, мира... Устала я!“ Ну, они и уѣхали. Сердились за что-то. Воображаютъ, что они—власть! Нѣтъ, вы скажите мнѣ, гдѣ мнѣ настоящую власть искать,—такую, которая не стала бы сейчасъ мстить и вредить, а такъ бы все устроила, чтобы и мнѣ можно было жить, и у мужиковъ спины цѣлы бы были. Гдѣ эта настоящая власть? Научите вы меня, старуху!

Она глядѣла кругомъ усталыми, полными вопроса и недоумѣнія глазами и съ надеждой остановилась на Ливскомъ. Видно было, что именно отъ него она ждала разрѣшенія мучительнаго для нея вопроса. Онъ это понялъ, и ему это было пріятно.

— Многоуважаемая Прасковья Павловна! — торжественно началъ онъ.—Вы хотите того, чего хотятъ всѣ благоразумные люди нашей родины: спокойствія, мира и тишины. Вы правы. Вы ищете власть, которая могла бы обезпечить ваши справедливыя требованія. И въ этомъ вы правы. Но вы допустили очень понятную и извинительную ошибку...

Онъ эффектно остановился, а Прасковья Павловна испуганно заморгала.

— Вы упустили изъ виду, что... по Сенькѣ шапка.

Онъ побѣдоносно оглянулся.

— По народу — власть. Да-съ. Вамъ она не нравится? Не рено. Но не отъ васъ ли я слыхалъ, что мужикъ пьянъ, ъ, воруватъ? Какой же власти хотите вы для него, кромѣ съ „красныхъ, скверныхъ рожъ“, какъ вы изволили сказать? не терпите ихъ. Я—тоже. Но мы съ вами—не пьяные му-

жики, и эти рожи не для насъ. Вамъ претятъ месть и насиліе? Опять вполнѣ съ вами солидаренъ. Но что вы сами терпите отъ мужика, если не тѣ же насилія? Многоуважаемая Прасковья Павловна! Надо помириться съ уздой, когда она необходима для животнаго. Надо помириться съ урядниками, стражниками и ихъ скверными рожами и скверными средствами, когда жизнь сложилась такъ, что безъ нихъ нельзя жить.

— Вотъ видишь, Pauline!—гордо улыбаясь, закончила Марья Несторовна.

Но Прасковья Павловна глядѣла на нее и на ея мужа и какъ-то растерянно улыбалась.

— Вы прекрасно говорите! — одобрила она. — Нельзя съ вами не согласиться... — Она виновато засмѣялась. — Но... но, правда, они такіе... такіе несимпатичные, эти урядники!

Сергѣй неожиданно однимъ прыжкомъ очутился около нея и громко поцѣловалъ ее въ щеку.

— А какая она умная, ma tante!—вскрикнулъ онъ.

Прасковья Павловна разсердилась.

— А ты, вотъ, сейчасъ видно, глупый! Даже испугалъ. Мало ему Дунечки.

— Нѣтъ! Дунечку я никогда не цѣлую за выраженныя ею мысли.

— Ахъ, сдѣлай милость, не цѣлуй и меня! У тебя-то я совѣтовъ не спрошу. Ты—мальчишка и бунтовщикъ.

Но она такъ же скоро остыла, какъ разсердилась.

— Нѣтъ, умирать надо, а нарочно не умрешь. Ахъ, какъ мнѣ скучно! Живешь среди пьяныхъ мужиковъ, и нѣтъ на нихъ другой расправы, кромѣ нагайки. А если я не хочу нагайки? Въ городѣ зимой казаки стояли, и, вотъ, прислали мнѣ бумагу, чтобы я свою часть за ихъ содержаніе заплатила. А развѣ я просила, чтобы городъ казаковъ содержалъ? Я взяла и написала городскому головѣ письмо, что такъ и такъ... Считаю-молъ, что казаки—одинъ вредъ и безобразіе. Кого они ограждаютъ? Живоглотовъ, отъ которыхъ надо бы крестьянъ защищать. Живоглотъ-то и есть самое зло, а ему на помощь казаковъ посылаютъ. Какъ же не вредъ и безобразіе?

Ливскій опять сталъ доказывать старухѣ, что казаки необходимы не для однихъ „живоглотовъ“, но и для нея самой, и ч она противорѣчитъ себѣ, и Прасковья Павловна согласилась. Кира переглянулась съ Сергѣемъ и ушла съ нимъ въ садъ. С ними вмѣстѣ пошла и Юлія.

— Юрій Платоновичъ въ роли авторитета!—пожимая плечами сказала она.

— Да, мой papa образуется,—со смѣхомъ замѣтила Кира. И вдругъ, мѣняя голосъ на высокій, тонкій, она заговорила, точно запѣла:

— Papa aime Ki-ki, et Ki-ki aime papa. Кто хочетъ поцѣловать своего маленькаго папа?

По дѣлу о продажѣ грачевской земли крестьянамъ въ Грачевку пріѣхалъ помощникъ нотаріуса, Иванъ Емельяновичъ Зябловъ. Пришлось выписать еще землемѣра, Василія Игнатьевича Воздвиженскаго, и ихъ обоихъ помѣстили во флигелѣ, въ двухъ маленькихъ смежныхъ комнатахъ. Въ домъ они не приходили, но ихъ присутствіе въ усадьбѣ было очень замѣтно. Теперь каждый день около крылечка толпились мужики, кричали, спорили; а на крыльцѣ стоялъ или сидѣлъ Зябловъ и, поминутно вытирая лицо цвѣтнымъ платкомъ, въ чемъ-то убѣждалъ и что-то доказывалъ. Воздвиженскаго днемъ не было дома, а вечеромъ онъ зажигалъ лампу, и можно было видѣть въ окно, какъ онъ сидѣлъ за столомъ, курилъ, пилъ чай и чертилъ. То тому, то другому надо было поговорить съ Юліей, и она принимала ихъ въ проходной комнатѣ, которую называли чайной, хотя основанія для этого не было никакого.

— Ты что-нибудь понимаешь, что они тебѣ говорятъ?—спрашивала Кира.—Я бы ничего не поняла. Я бы лучше уѣхала и бросила все на произволъ судьбы, лишь бы ко мнѣ такъ не приставали. Оба противные. Да?

— Зябловъ очень безтолковъ,—жаловалась Юлія.—И трусъ, трусъ! Пока онъ сюда не пріѣзжалъ, мнѣ казалось, что вокругъ все спокойно и безопасно, а у него прямо способность находить всякіе страхи и опасенія.

— Ахъ, это онъ отъ страха все потѣетъ?—расхохоталась Кира.

— Да ты что смѣешься? Правда! Это несчастнѣйшій человѣкъ. Онъ постоянно ждетъ, что его исколотятъ или даже убьютъ. На землю столько покупателей, что на всѣхъ, конечно, не хватаетъ. Его обвиняютъ, что онъ беретъ взятки, мошенничаетъ, оговоръ у него столько, что онъ боится даже ходить въ садъ поворачиваться спиной къ мужикамъ. Онъ мнѣ это самъ казывалъ. А приходится все лѣто ѣздить изъ имѣнія въ имѣ- и всюду одно и то же: непріятности, раздоръ, угрозы. Онъ енькій, толстый, рыхлый...

— Я рада, что онъ не обѣдаетъ у насъ, какъ ты раньше хотѣла,—заявила Кира.—У него этотъ костюмчикъ... Ты замѣтила? свѣтленькій и весь въ жирныхъ пятнахъ. Галстучекъ розовый, а рубашка... брр... Конечно, если такъ непрерывно потѣть... Ну, этотъ во всякомъ случаѣ не революціонеръ, а вотъ другой... поповичъ...

— Ты думаешь?—живо спросила Юлія.

— Онъ пріятель съ докторомъ, съ Андреемъ Николаевичемъ. Полная противоположность съ Зябловымъ: длинный, худой, косой. Непріятно, что онъ такой некрасивый.

— Не все ли тебѣ равно? Вотъ, Кира, смѣшная!

Черезъ нѣсколько дней послѣ водворенія новыхъ жильцовъ, Юлія, по обыкновенію, ходила поздно вечеромъ по цвѣтнику и аллеѣ. Ночь была темная, а подъ деревьями нельзя было различить ничего въ двухъ-трехъ шагахъ. За изгородью густой подстриженной акаціи она услыхала шаги и голоса и остановилась, прислушиваясь.

— Ахъ, спички забылъ, чортъ!—сказалъ кто-то.

— Бѣги назадъ! Да слушайте... вы... Собаки тутъ на насъ не бросятся? Разбудишь ихъ превосходительствъ...

— Нѣтъ здѣсь собакъ... Ждите меня, не уходите.

Слышно было, какъ кто-то легко пробѣжалъ къ флигелю.

— Павелъ Валентиновичъ,—тихо сказалъ голосъ, въ которомъ Юлія узнала голосъ Щупова, — придется вамъ сегодня у меня заночевать. Домой не пущу.

— Мнѣ бы все равно, да васъ я, вѣроятно, стѣсню.

— Павликъ!—вдругъ догадалась Юлія и отъ удивленія и неожиданности широко раскрыла глаза въ темнотѣ.

— Ничего не стѣсните. Такое вамъ ложе водрузимъ.

Онъ на мигъ замолчалъ.

— Спятъ прекрасные обитатели дома сего.

— Кажется, спятъ,—равнодушно согласился Павликъ.

— А не холодно вамъ будетъ въ одной рубашкѣ? Положимъ, пойдемъ ходко. Махнемъ черезъ канаву въ саду.

Юлія быстро сообразила что-то и, придерживая юбки, чтобы онѣ не шумѣли, чуть не бѣгомъ прошла въ садъ. Вскорѣ она услыхала за собой шаги и сдержанный говоръ, и повернула назадъ.

— Кто идетъ?—громко спросила она. Шаги остановились.

— Мы,—нерѣшительно отвѣтилъ кто-то.

— Кто это—мы?

— Я, Юлія Сергѣевна, землемѣръ. Я провожаю своихъ гостей.

— Честь имѣю кланяться,—сказалъ Щуповъ.—Мы немного знакомы. Я—докторъ.

Юлія подошла ближе, и они подали другъ другу руки. Павликъ молча приподнялъ фуражку.

— А вамъ, Павликъ, совѣстно назвать себя?—спросила Юлія.

— Почему совѣстно? Нѣтъ!—холодно сказалъ онъ.—Это что я не зашелъ къ вамъ?

— Вы находите это вѣжливымъ, любезнымъ?

— Я не умѣю быть любезнымъ,—сухо заявилъ онъ.—Но не зашелъ я, потому что попалъ сюда случайно и не въ надлежащемъ костюмѣ.

Щуповъ и землемѣръ отошли въ сторону, и Юлія съ Павликомъ остались съ глазу на глазъ.

— Павликъ, мнѣ все равно, любезны вы или не любезны,—тихо сказала Юлія,—но когда я сейчасъ узнала вашъ голосъ, мнѣ стало страшно за васъ. Что̀ у васъ общаго съ... докторомъ, съ землемѣромъ?

— Это мои знакомые,—удивленно сказалъ онъ.

— Давно?

— Нѣтъ. Съ Василіемъ Игнатьевичемъ я познакомился только сегодня. Но онъ—интересный.

— Павликъ! Не надо!—горячо и нѣжно попросила Юлія.—Я многое угадываю... Павликъ!

Она хотѣла взять его руку, но онъ отступилъ, какъ бы не замѣчая ея движенія.

— Я васъ совсѣмъ не понимаю!—сказалъ онъ.

— Иначе говоря, вы не хотите, чтобы я вмѣшивалась въ ваши дѣла? Хорошо. Не стану.

Она кивнула ему головой и пошла къ дому медленно и спокойно, но въ груди что-то сжималось и болѣло. Она стиснула зубы, и когда ей подъ ноги попалась сухая вѣтка и она слегка споткнулась объ нее, ей вдругъ показалось, что вся ея жизнь давно и обидно пропала, что ей не о чемъ вспомнить въ прошломъ и совсѣмъ нечего ждать впереди. Почему-то ей живо и ярко представился Юрій Платоновичъ въ свѣтломъ костюмѣ, съ закинутой головой и надменно искривленными гу-
ı.

— Вы—кусочекъ благороднаго металла,—говорилъ онъ.—
ѣ вы способны мечтать? О комъ?

Она вдругъ испуганно вздрогнула.

— О комъ? Нѣтъ, Боже упаси!..

И въ эту минуту она ненавидѣла Юрія Платоновича такъ, что еслибы онъ теперь встрѣтился ей, она поговорила бы съ нимъ еще болѣе откровенно, чѣмъ по обыкновенію.

О своей ночной встрѣчѣ Юлія никому не разсказала, но, къ ея удивленію, Кира узнала о ней.

— Что ты сказала ему? — допытывалась она. — Разскажи все... Разскажи подробно... Развѣ это секретъ? Отчего ты хотѣла скрыть отъ меня?

Юлія слегка смутилась.

— Я не хотѣла именно скрыть. Но я не придала этому никакого значенія.

— О, неправда! — вскрикнула Кира. — Въ первый разъ я ловлю тебя на лжи. Да, ты солгала сейчасъ. Но почему? Какъ это не похоже на тебя!

Она сердилась, а старшая сестра чувствовала себя неловко.

— Я вижу, Кира, что Павликъ тебя очень интересуетъ. Это очень печально.

— Да, конечно, это очень печально, если онъ и тебя интересуетъ.

— Ты говоришь глупости! Это смѣшно.

— Не знаю, насколько это смѣшно, — тихо проговорила молодая дѣвушка, и ея хорошенькое личико вдругъ стало злымъ и упрямымъ.

Неожиданно Павликъ явился вмѣстѣ съ Сергѣемъ. Пріѣхали они утромъ къ завтраку, и Сергѣй сейчасъ же объяснилъ, что Дунечка послала ихъ съ порученіемъ къ Прасковьѣ Павловнѣ, и что они заѣхали въ Грачевку съ цѣлью предложить барышнямъ присоединиться къ нимъ.

— Старухѣ будетъ пріятно, что вы навѣстите ее, а намъ будетъ веселѣе. Идетъ?

Сестры согласились.

— Она очень добрая и славная, ma tante, — сказалъ Сергѣй. — Я ее, ей Богу, очень люблю, но проговорить съ ней съ глазу на глазъ часа два — это тяжелая марка.

— Ахъ, какъ мило! — обиженно упрекнула его Марья Несторовна. — Видно, молодые теперь такъ умны...

Сергѣй, съ смущенной улыбкой и невольно краснѣя, прижалъ обѣ руки къ груди.

— Простите, Марья Несторовна! Я знаю, что вы съ ней дружны, и я повторяю, что очень люблю ее, но ея образъ мышленія — не болѣе, какъ бѣличье колесо. Надо же признать это. Теперь это колесо вертится въ политической сферѣ. Курьезно

Она дѣлаетъ полный кругъ по всѣмъ платформамъ и съ самой безупречной искренностью считаетъ себя сторонницей всѣхъ партій и всѣхъ направленій. Вы знаете, что она спрашивала меня, не можетъ ли она поступить въ кружокъ бомбистовъ? „Хочу, дескать, послужить святому дѣлу. Я имъ, мерзавцамъ, покажу!"

— Сережа, да какъ вамъ не стыдно! — крикнула Марья Несторовна.

Юлія и Кира хохотали до слезъ.

— Вы не вѣрите?—оправдывался Сергѣй.—Дѣйствительно, трудно представить себѣ Прасковью Павловну съ бомбой, но я, ей Богу, не вру. У нея все мгновенно и порывисто. И дѣйствуетъ она нутромъ, а не умомъ. Нутро у нея богатое и разнообразное.

— Сережа! — опять крикнула Ливская, но теперь и она смѣялась.

— Нельзя сердиться на васъ,—рѣшила она и махнула рукой. Павликъ тоже смѣялся, и его красивое, нѣжное лицо казалось совсѣмъ дѣтскимъ, кроткимъ и наивно-довѣрчивымъ.

Телѣжку Ивковыхъ распорядились отпречь и поѣхали всѣ вмѣстѣ на линейкѣ.

— Вы ни разу у нея не были?—спросилъ Сергѣй сестеръ.

— Я бывала, какъ и вездѣ по сосѣдству, очень давно. Съ бабушкой,—отвѣтила Юлія. — У нея былъ какой-то опредѣленный день, который она праздновала. День ея рожденія или свадьбы... Всегда былъ весь уѣздъ.

— Сообщаю вамъ по секрету, что это именно сегодня. Мы откомандированы поздравлять. Но вамъ этого знать не надо, а то ma tante можетъ смутиться по части угощенія. Да, прежде съѣзжался весь уѣздъ. Она любитъ объ этомъ вспоминать и, видно, любила принять, накормить... Замашки были широкія... „Прогорѣла Изабела"!

— Сережа! у васъ сегодня странный langage. Зачѣмъ вы вспомнили Изабеллу!

Такъ какъ домъ старухи стоялъ за деревней, на горѣ, опоясанной небольшой рѣчонкой, то его видно было издали.

— Да ужъ дома ли старуха? Не уѣхала ли куда?—усомнился Сергѣй, приближаясь къ дому. — Видите: всѣ окна заколочены.

Громадныя окна большого деревяннаго дома, дѣйствительно, [illegible] и забраны досками; кругомъ не замѣтно было ни малѣйшаго [illegible] женія, и вся усадьба казалась заброшенной и необитаемой. [illegible] клону горы сползалъ садъ, и внизу ветлы спускали въ рѣчку [illegible] остроконечные листья.

— Сколько тутъ лилій!—обрадовалась Кира.—Я ихъ люблю: онѣ не похожи на простые цвѣты,—въ нихъ больше чего-то таинственнаго. Онѣ менѣе вульгарны.

— Но если ея даже нѣтъ дома,—зачѣмъ она окна заколотила?—недоумѣвала Юлія.

Кучеръ на мигъ обернулся назадъ.

— Съ весны такъ. Чтобъ не выбили.

— А развѣ выбиваютъ?

— Зачѣмъ выбивать!

Онъ говорилъ еще что-то, но его уже не было слышно. Съ узкаго мостика дорога шла въ гору, дѣлала крутой поворотъ и неожиданно переходила въ широкую аллею, которая вела къ самому подъѣзду. Здѣсь уже такъ давно не ѣздили, что вся она заросла бурьяномъ и крапивой, а въ серединѣ, совсѣмъ некстати, выросла цѣлая избушка.

— Нашли гдѣ строить!—ворчалъ кучеръ.

Оказалось, что и подъѣздъ заколоченъ, и пришлось обогнуть домъ и остановиться у чернаго крыльца. На дворѣ не было ни одной души, нигдѣ не залаяла ни одна собака.

— Вонъ барыня!—указалъ кучеръ.

Прасковья Павловна шла съ огорода и несла въ корзинѣ какую-то зелень. Увидавъ экипажъ, она остановилась, приставила руку козырькомъ ко лбу и точно въ испугѣ попятилась назадъ. Сергѣй спрыгнулъ съ линейки и побѣжалъ къ ней.

— Не бойтесь, ma tante: мы не грабители!

— Чего мнѣ бояться?!—улыбаясь, отвѣтила она, но тревога и озабоченность говорили и въ ея улыбкѣ, и въ голосѣ. Необычно церемонно и натянуто поздоровалась она съ барышнями и пригласила ихъ въ домъ, но сейчасъ же раздумала и, бросивъ корзину въ сѣни, предложила пройти прямо въ садъ.

— Въ домѣ мухи, ну и жарко,—объясняла она.—Сегодня прекрасная погода, не правда ли?

Прошли въ садъ, сѣли на скамейку.

— Молодые люди! занимайте барышенъ, а я сейчасъ распоряжусь, чтобы намъ чайку... Пройдите къ обрыву... Погуляйте...

Она поспѣшно ушла, и Юліи показалось, что она недовольна пріѣздомъ гостей, что она или нездорова, или чѣмъ-то очень встревожена и огорчена. Пошли осматривать запущенный частью вырубленный садъ, спустились къ водѣ, и Павликъ вспомнилъ, что Кира любитъ водяныя лиліи.

— Сейчасъ достану!—рѣшилъ онъ.

Но это было не легко. Оба брата растянулись на берегу

протягивали руки къ цвѣтамъ; потомъ, держась за ветлы, свѣшивались надъ рѣкой. Кира смѣялась, вскрикивала, давала совѣты, а Юлія серьезно и задумчиво слѣдила за движеніями молодыхъ людей; ея глаза глядѣли холодно и строго.

„Съ чего я встревожилась?—думала она.—Павликъ еще до такой степени ребенокъ, что его словамъ нельзя придавать серьезнаго значенія. Быть можетъ, онъ искрененъ, но у него перемѣнчивое настроеніе. Онъ не уравновѣшенъ. Онъ не рѣшится ни на что безповоротное. Это просто красивый, милый, нервный ребенокъ“...

— Есть!—съ торжествомъ крикнулъ Павликъ, повиснувъ надъ водой на гибкомъ суку. Его волосы растрепались, лицо разгорѣлось, и онъ ловко карабкался обратно съ нѣсколькими бѣлыми лиліями въ рукѣ. Кира съ нескрываемымъ восхищеніемъ глядѣла на него, а онъ отдалъ ей цвѣты и бросился въ траву.

— Жарко!

— Ну, чего разлегся?—сказалъ Сергѣй.—Я думаю, тетка давно насъ ждетъ съ самоваромъ.

— Кира Юрьевна, полѣземъ на прямикъ! Можете?—предложилъ Павликъ и пустился.

— Могу!—весело согласилась дѣвушка.

— Нѣтъ! я кругомъ,—сказала Юлія.—Сережа, мнѣ не надо провожатаго.—Но Сергѣй, все-таки, пошелъ съ ней. Они стали подниматься по тропинкѣ, а съ обрыва до нихъ доносились голоса и смѣхъ.

— Какой сегодня Павликъ веселый!—замѣтила Юлія.—Я его не узнаю. Дома былъ такой мрачный.

— У него все крайности,—съ легкимъ неудовольствіемъ сказалъ Сергѣй.

— Вы дружны?

— Мы не ссоримся.

— Этого, мнѣ кажется, мало.

Сергѣй пожалъ плечами.

— Несомнѣнно. Но... быть близкимъ съ Цавликомъ очень трудно.

— Почему?

— А это нельзя объяснить. Надо его знать.

— Значитъ, вы мало любите другъ друга?

— О, нѣтъ!—горячо вскрикнулъ Сергѣй.—Совсѣмъ это не просто! Скорѣй, я его слишкомъ люблю и увѣренъ, что ь меня любитъ. Но онъ странный. У него свое, особенное

отношеніе къ людямъ, и я этого не понимаю. Меня это возмущаетъ.

— Онъ мнѣ сказалъ, что люди не стоятъ ни большой любви, ни большой ненависти.

Сережа нахмурился.

— Я понялъ, что онъ исповѣдывался вамъ тогда, у насъ. Онъ былъ взволнованъ послѣ сцены съ мужиками. Знаете, что мнѣ кажется? Онъ очень впечатлительный, и на него повліяли событія послѣдняго года. Получился какой-то болѣзненный переломъ. Вотъ!—указалъ онъ вдругъ и остановился.—Видите это дерево? Верхушка чуть не до половины сломана. Это случилось, вѣроятно, когда рубили сосѣднее дерево... Она свѣсилась и засохла, а низъ еще зеленый, живой. Въ Павликѣ тоже одна часть живая, а другая—сухая, мертвая. И что ужасно, это—то, что онъ въ себѣ цѣнитъ только эту сушь и мертвечину. Онъ видитъ въ ней самую суть своей жизни. Онъ не пощадитъ живого для мертваго.

— Понимаю,—тихо прошептала Юлія.

— Онъ не одинъ теперь такой, онъ только капля въ морѣ!—продолжалъ Сергѣй.—Вся эта совсѣмъ еще зеленая молодежь, которую упрекаютъ въ томъ, что она не хочетъ учиться, а вмѣшивается въ политику, скандалитъ, шумитъ,—вся она такая же. Конечно, есть между ними просто лѣнтяи и негодяи, но большинство,—клянусь вамъ, большинство—вотъ этакіе... надломленные, невинно-замученные какой-то громадной общественной совѣстью... Вы не думаете, что совѣсть, какъ и душа, могутъ быть общими у цѣлаго народа, а впослѣдствіи, быть можетъ, у всего міра?

— Не знаю, Сережа. Но, скажите, развѣ ничего нельзя сдѣлать для Павлика? Нельзя успокоить его, поберечь, полечить?

Сережа неожиданно засмѣялся.

— Полечить? Я такъ образно разсказалъ, что вы въ самомъ дѣлѣ подумали, что у него верхняя часть туловища отломилась?

— Нѣтъ, не шутите. Вѣдь вы сами сказали, что слишкомъ любите брата. Развѣ вы не боитесь, что онъ надѣлаетъ глупостей?

— Не только боюсь, но думаю, что навѣрное такъ оно и будетъ. Замѣтьте, что я говорю о глупостяхъ въ томъ смыслѣ, какъ вы ихъ понимаете. По-вашему, онъ надѣлаетъ глупостей, а по-моему—онъ поступитъ такъ, какъ считаетъ честнымъ и полезнымъ.

— И некому его удержать? Некому остановить?

— Юлія Сергѣевна! Зачѣмъ?

На поворотѣ тропинки они вдругъ увидали Павлика и Киру. Они шли подъ-руку и о чемъ-то оживленно говорили.

— Зачѣмъ? — вдругъ горячо возмутилась Юлія. — Затѣмъ, чтобы онъ не страдалъ, затѣмъ, чтобы онъ жилъ. Вѣдь онъ еще мальчикъ, ребенокъ...

— Это ничего,—спокойно сказалъ Сергѣй.—Онъ и можетъ, и хочетъ. Это все! Говорятъ, что въ революцію впереди шли дѣти. Да. Но почему? Потому что у дѣтей душа еще не приросла къ земному, не обжилась въ своей оболочкѣ... Она еще свободна...

Л. Авилова.

ЭТИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ

МАРКСИЗМА

I.

Экономическая литература о соціализмѣ и по поводу соціализма чрезвычайно обширна и детально разработана не только за-границей (особенно въ Германіи), но въ послѣднее время и у насъ, въ Россіи. Явленіе это совершенно понятное и естественное, такъ какъ двадцатый вѣкъ, по выраженію М. Туганъ-Барановскаго, начался „подъ знакомъ соціализма"; — соціалистическое движеніе, въ началѣ прошлаго столѣтія мало замѣтное и не привлекавшее къ себѣ общественнаго вниманія, въ настоящее время стало мощнымъ потокомъ, размѣры котораго все увеличиваются, а цѣлью его является совершенное и коренное упраздненіе или, по крайней мѣрѣ, принудительное переустройство современнаго экономическаго и политическаго строя. Однако, до самаго послѣдняго времени, вопросамъ соціалистической этики, пересмотру этическихъ цѣнностей съ точки зрѣнія соціализма посвящалось сравнительно мало вниманія, — несравненно меньше, чѣмъ вопросамъ спеціально экономическимъ, какъ, напр., теоріи цѣнности, ученію о прибавочной стоимости и т. п.

Это различное отношеніе къ вопросамъ этики и экономики со стороны самихъ соціалистовъ и авторовъ, сочувствующихъ соціализму, въ значительной мѣрѣ объясняется основнымъ характеромъ господствующей въ послѣднее время соціалистической системы — марксизма или историческаго матеріализма съ различными его развѣтвленіями. Какъ извѣстно, главной двигающей силой исторіи марксизмъ признаетъ развитіе техники и клас-

вую борьбу, какъ результатъ этого развитія. Все остальное—религія, философія, право, этика—есть лишь производное явленіе, „надстройки", результатъ данной экономической структуры. Понятно, что при взглядѣ на идеологическія системы какъ на явленія, зависящія и порождаемыя экономическими отношеніями, все вниманіе писателей соціалистической школы должно было направиться на изученіе и толкованіе законовъ экономической жизни,—вопросы же идеологіи, въ томъ числѣ и этики или науки о нравственности, должны были остаться въ тѣни или освѣщаться только исключительно съ точки зрѣнія производственныхъ отношеній. Такъ какъ и самая личность человѣческая опредѣляется марксизмомъ, какъ произведеніе или „функція отношеній производства", то, конечно, всѣ этическія проблемы подлежали и подлежатъ разрѣшенію на основѣ матеріалистическаго или экономическаго пониманія исторіи. Нравственныя воззрѣнія, задачи, вопросы отвлеченной этики и житейской морали суть только отраженіе или замаскированное проявленіе опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ, и съ упраздненіемъ или измѣненіемъ этихъ интересовъ—исчезаютъ или измѣняются всѣ этическія системы или построенія, замѣняясь новыми, соотвѣтствующими новому экономическому строю. Причемъ самая замѣна и переходъ отъ одного строя экономическихъ отношеній къ другому является не слѣдствіемъ какихъ-либо идеалогическихъ запросовъ или требованій, а неизбѣжно, фатально вытекаетъ изъ матеріальныхъ условій даннаго способа производства (предшествующаго новому), нерѣдко даже помимо воли и сознанія самихъ людей, увлекаемыхъ стихійнымъ движеніемъ экономическаго процесса.

Что такова въ общемъ точка зрѣнія основателей современнаго марксизма или научнаго соціализма—К. Маркса и Энгельса—достаточно извѣстно и не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Необходимо, однако, въ цѣляхъ ознакомленія съ принципами соціалистической этики, привести наиболѣе выдающіяся мѣста изъ сочиненій основателей марксизма, относящіяся къ интересующему насъ вопросу. Въ данномъ случаѣ приходится, впрочемъ, ограничиваться отдѣльными тезисами и вскользь высказанными замѣчаніями, такъ какъ ни Марксъ, ни Энгельсъ, равно ъ и ихъ ближайшіе ученики и послѣдователи, не имѣли въ создать сколько-нибудь систематическую теорію этики (какъ ю философіи или религіи), а, будучи почти исключительно ты изученіемъ политической экономіи, только мимоходомъ зывались и по поводу проблемъ этико-философскаго харак-

тера. Но все-таки и на основаніи этихъ отрывочныхъ замѣчаній и сентенцій въ концѣ концовъ обрисовывается хотя бы въ общихъ контурахъ опредѣленная система или схема своеобразныхъ этическихъ воззрѣній.

Наиболѣе опредѣленно по вопросу объ этикѣ высказывается Энгельсъ въ полемикѣ съ Дюрингомъ [1]). По его мнѣнію, въ современномъ обществѣ существуетъ одновременно не одна, а нѣсколько самостоятельныхъ моральныхъ системъ, находящихся между собою въ антагонизмѣ: христіанско-феодальная, современно-буржуазная и пролетарская мораль будущаго. Которая же изъ нихъ—истинная? „Ни одна изъ нихъ—въ смыслѣ абсолютной непреложной обязательности (Endgiltigkeit); но несомнѣнно, что та мораль обладаетъ наибольшимъ числомъ обѣщающихъ долголѣтіе элементовъ, которая въ настоящемъ стремится къ перевороту дѣйствительности, представляя собою будущее; слѣдовательно — мораль пролетарская". Общей для всѣхъ морали, всеобщихъ нравственныхъ законовъ не существуетъ, каждый общественный классъ имѣетъ свою собственную мораль. Энгельсъ отвергаетъ всякую моральную догматику, какъ вѣчный, общеобязательный, не подлежащій дальнѣйшему измѣненію нравственный законъ. Нравственные принципы не стоятъ надъ исторіей и различіями народовъ и классовъ. Нравственныя теоріи по необходимости болѣе или менѣе совпадаютъ между собою—поскольку онѣ соотвѣтствуютъ приблизительно одинаковымъ стадіямъ экономическаго развитія. Заповѣдь: „не укради" имѣетъ обязательное значеніе для всѣхъ тѣхъ временъ, въ которыхъ признается система частной собственности, но сама по себѣ она не представляетъ вѣчной нравственной заповѣди для всѣхъ вообще временъ и народовъ. „Мы еще не вышли — говоритъ Энгельсъ — изъ эпохи классовой морали. Сверхклассовая мораль, въ которой исчезнетъ всякое воспоминаніе о классовыхъ противорѣчіяхъ, истинная человѣческая мораль станетъ возможной только на той стадіи общественнаго развитія, которая не только покончитъ съ классовыми противорѣчіями, но и забудетъ о нихъ въ практической жизни".

Каковы, однако, должны быть основы той пролетарской этики, которая смѣнитъ собою существующую нынѣ христіанско-феодальную и буржуазную мораль, — на это у представителей научнаго соціализма мы не встрѣчаемъ опредѣленныхъ указаній. Согласно общему матеріалистическому міровоззрѣнію марксизма

[1]) E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, I.

нравственность,—моральныя отношенія въ дѣйствительности и этическія системы въ теоріи,—есть только продуктъ данныхъ экономическихъ отношеній (условій производства). Личность и ея идеалы въ данномъ случаѣ не играютъ почти никакой роли. Объективный процессъ матеріальнаго развитія, а не индивидуальное сознаніе представляетъ собою двигательную силу въ исторіи. Условія среды, внѣшнія обстоятельства (Verhältnisse) всемогущи, а личность ничтожна. „Соціалисты—провозглашалъ Энгельсъ въ 1890 г.—стремятся измѣнить людей посредствомъ измѣненія внѣшнихъ отношеній, а не внѣшнія отношенія посредствомъ измѣненія людей, ожидаемаго отъ проповѣдей и нравственныхъ убѣжденій". Это положеніе совершенно согласно и съ воззрѣніями самого Маркса, который уже въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній („Die Heilige Familie") говорилъ: „Если человѣкъ черпаетъ всѣ свои ощущенія, знанія и т. д. изъ внѣшняго міра и изъ опыта, пріобрѣтаемаго отъ этого міра, то надо, стало быть, такъ устроить, чтобы человѣкъ получалъ изъ этого міра достойныя его впечатлѣнія, чтобы онъ привыкалъ къ истинно человѣческимъ отношеніямъ, чтобы онъ чувствовалъ себя человѣкомъ. Если правильно понятый личный интересъ есть основа всякой нравственности, то надо, стало быть, позаботиться о томъ, чтобы интересы отдѣльнаго человѣка совпадали съ интересами человѣчества. Если человѣкъ не свободенъ въ матеріалистическомъ смыслѣ этого слова, т.-е. если его свобода заключается не въ отрицательной способности избѣгать тѣхъ или другихъ поступковъ, а въ положительной возможности проявленія своихъ личныхъ свойствъ, то надо, стало быть, не карать отдѣльныхъ лицъ за ихъ преступленія, а отвести въ обществѣ свободное мѣсто для дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка. Если человѣческій характеръ создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сдѣлать эти обстоятельства достойными человѣка. Если природа предназначила человѣка къ общественной жизни, то, слѣдовательно, только въ обществѣ обнаруживаетъ онъ свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдѣльныхъ личностяхъ, а на цѣломъ обществѣ".

Марксизмъ, доведенный до своего логическаго конца въ области этики, фатально приводитъ къ принципіальному отрицанію индивидуализма и къ позитивному аморализму. Индивидуальное сознаніе есть только иллюзія, и, слѣдовательно, всякая умственная и нравственная дѣятельность индивида, не продиктованная ему классовымъ (или классовымъ) сознаніемъ,—есть тоже иллюзія или всякомъ случаѣ безполезное и безплодное занятіе. Условія

производства „есть вещь, а прочее — все гиль". Къ идеологіи вообще марксизмъ высказываетъ такое же пренебреженіе, какъ въ свое время Наполеонъ—къ идеологамъ французской революціи. На свою конечную побѣду современная соціалъ-демократія разсчитываетъ не вслѣдствіе какихъ-либо теоретическихъ, „кабинетныхъ" теорій о справедливости или несправедливости, а на основаніи реальныхъ подсчетовъ матеріальной силы пролетаріата. Своихъ цѣлей соціалисты, опирающіеся на ортодоксальный марксизмъ, предполагаютъ добиться не путемъ мирной пропаганды своихъ идеаловъ и убѣжденій (хотя они не отказываются и отъ этого средства), а путемъ насильственнаго переворота, имѣющаго замѣнить современный буржуазный (или полубуржуазный въ отсталыхъ странахъ) строй новымъ соціалистически-организованнымъ обществомъ. Такъ какъ при этомъ само собою измѣнятся и нравственно-правовыя нормы человѣческаго общежитія, то естественно возникаетъ неотложный вопросъ: каковы же будутъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, основы нравственной жизни будущаго общества, разъ что современныя основы (религія, буржуазная мораль, идеалистическая философія) подлежатъ упраздненію? Творцы современнаго марксизма не даютъ на этотъ вопросъ точнаго отвѣта. По ихъ мнѣнію, это—дѣло утопическаго, а не научнаго соціализма, задача котораго заключается не въ набрасываніи картинъ идеальнаго будущаго, а въ борьбѣ съ современными силами, враждебными осуществленію этого будущаго.

Однако такимъ уклоненіемъ отъ отвѣта нельзя удовлетвориться, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто не принадлежитъ къ опредѣленной соціалистической партіи и не привыкъ во всемъ полагаться на „verba magistri". Невольно возникаетъ сомнѣніе, чтобы „правильно понятый личный интересъ былъ основой всякой нравственности". Этотъ тезисъ, заимствованный отъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка и отчасти англійской утилитаріанской школы (восходя даже до Гоббса), самъ по себѣ будучи выставленъ чѣмъ-то въ родѣ кантовскаго категорическаго императива, совершенно не удовлетворяетъ требованіямъ научной этики. Нельзя сказать даже, чтобы принятіе индивидуалистическаго гедонизма или принципа благоразумнаго эгоизма совпадало и съ требованіями самого соціализма, какъ опредѣленной этической системы. Гедонизмъ по необходимости опирается на личность и ея требованія, влеченія, желанія и т. д. Для системы, въ которой личность не играетъ почти никакой роли, а на первомъ планѣ стоятъ интересы общества, какъ цѣлаго, принятіе за моральный базисъ матеріалистическаго индивидуализма пред-

ставляется по меньшей мѣрѣ непослѣдовательнымъ. „Правильно понятый личный интересъ“ есть не что иное, какъ та же обыденная мораль буржуазныхъ экономистовъ, которая заставляла ихъ восхищаться якобы вытекающей изъ всеобщей конкурренціи гармоніей интересовъ. Конечно, правовѣрнымъ марксистамъ не трудно отклониться въ сторону, сказавъ, что выраженіе Маркса не слѣдуетъ понимать слишкомъ буквально, что оно относится къ раннему періоду его литературной дѣятельности (до 1848 г.) и т. д. Но въ концѣ концовъ отъ этого никому не легче. Основы марксистской этики все-таки остаются неясными или даже противорѣчивыми. Приходится повѣрить Зомбарту, въ свое время провозгласившему, что „въ марксизмѣ нѣтъ ни одного грана этики“. Это нѣсколько мало для системы, ставящей себѣ цѣлью обновленіе всего міра, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Но и этотъ матеріалистическій аморализмъ не выдержанъ хотя бы въ вышеприведенномъ абзацѣ Маркса (имѣющемъ существенное значеніе для его этико-соціальной доктрины). Что такое тѣ „истинно человѣческія отношенія“, къ которымъ долженъ привыкать человѣкъ, „чтобы чувствовать себя человѣкомъ“? Въ чемъ именно заключается человѣческое достоинство?

Прямого отвѣта марксизмъ на это не даетъ, выставляя, вмѣсто всякой идеологіи, свою схему экономическаго развитія, которая сама по себѣ, хотимъ мы того или нѣтъ, соотвѣтствуетъ ли то нашимъ этическимъ идеаламъ или нѣтъ, но приведетъ всѣ классы общества такъ или иначе къ общему крушенію (Zusammenbruch); ликующимъ наслѣдникомъ, послѣ внезапной кончины классоваго государства, явится одинъ пролетаріатъ, который и не замедлитъ устроить идеальное общебратіе на землѣ. Реальныя условія этого будущаго строя опредѣленно не указываются (это вѣдь утопично), но предполагается, что будетъ очень хорошо. Впрочемъ и это предположеніе представляется для вполнѣ логичнаго марксиста ненужнымъ и излишнимъ. Не все ли равно, какое тамъ въ будущемъ устроится соціалистическое общество? Это уже дѣло нашихъ потомковъ, а научный фактъ состоитъ только въ томъ, что мы неудержимо, не взирая ни на какія препятствія, мѣрнымъ шагомъ направляемся къ этому будущему, какъ вода въ Ніагарѣ неуклонно течетъ къ линіи паденія или какъ земля безпрекословно вращается вокругъ солнца.

Однако человѣкъ слабъ, и какъ ни склоненъ онъ вѣрить преложнымъ выводамъ и теоріямъ, въ прошломъ — теологіи и метафизикѣ, въ настоящемъ — научному позитивизму и матеріа-

лизму, но все-таки онъ не можетъ отказаться отъ любопытства приподнять хотя край завѣсы, отдѣляющей насъ отъ будущаго, или пофилософствовать по поводу морали въ теоріи и житейской практикѣ. Уже у перваго по времени философа соціалъ-демократіи, І. Дицгена, современника и отчасти ученика К. Маркса, мы встрѣчаемъ попытку дать извѣстное опредѣленіе соціалистической или пролетарской морали. Правда, авторитетъ І. Дицгена не особенно великъ даже и въ соціалистической литературѣ, но тѣмъ не менѣе по данному вопросу онъ въ извѣстной мѣрѣ служитъ отраженіемъ взглядовъ современнаго ему марксизма и пытается связно изложить то, что у Маркса и Энгельса разсѣянно фрагментарно въ ихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ. Мы имѣемъ въ виду статью Дицгена „Мораль соціалъ-демократіи", напечатанную въ „Volksstaat" за 1875-й годъ [1]).

Заранѣе, однакоже, мы должны заявить, что мысли Дицгена по данному вопросу не отличаются ни ясностью, ни систематичностью, такъ что при изложеніи ихъ невольно образуются пробѣлы и недомолвки.

„Наша партія — обращается Дицгенъ къ своимъ слушателямъ (статья представляетъ собою двѣ „проповѣди" для рабочихъ) — хочетъ того, чего хотѣли благоразумные люди всѣхъ временъ и народовъ: она хочетъ того, что истинно и что справедливо. Нравственность и порядокъ необходимы, потому что они — всеобщая физическая потребность. Нравственность есть результатъ историческаго развитія, продуктъ культуры. Она основывается на стремленіи человѣческаго рода къ соціальной жизни, на матеріальной необходимости общественной жизни. Что же является сущностью нравственности, истинной моралью? Нравственный міровой порядокъ состоитъ изъ отношеній — различныхъ въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ, — которыя вызываются потребностью человѣка въ общественной жизни. Потребность эта развивается вмѣстѣ съ культурой, человѣческое общество расширяется и становится „сердечнѣе", мораль становится моральнѣе. Сердечная любовь къ ближнему, настоящая мораль и справедливость могутъ быть только слѣдствіемъ упраздненія политическаго господства классовъ и превращенія частныхъ капиталовъ въ общественныя орудія труда"...

Нѣсколько далѣе, Дицгенъ уже иначе опредѣляетъ „истин-

[1]) І. Дицгенъ. „Философія соціалъ-демократіи" (сборникъ мелкихъ философскихъ статей). Изд. Скирмунта, 1907 г.

ную сущность" нравственности. „Признается ли бракъ или свободная любовь, считается ли частная собственность священной или презрѣнной—это обычаи, называющіеся нравственными или безнравственными лишь постольку, поскольку они способствуютъ или препятствуютъ развитію человѣчества". Развитіе же человѣчества, съ соціалъ-демократической точки зрѣнія, состоитъ въ увеличивающейся власти надъ природой. При достиженіи этой великой цѣли — религія, искусства, науки и мораль — простыя средства. Однако законы нравственности измѣняются въ зависимости отъ болѣе тѣснаго или болѣе широкаго, болѣе свободнаго или болѣе сердечнаго соціальнаго единенія. „По степени этой общественной „сердечности" опредѣляется высшій или низшій уровень нравственности. Соціалъ-демократія осуществитъ идеалъ любви къ ближнему посредствомъ установленія промышленныхъ и политическихъ условій на соціалистической основѣ. Господство рабочаго класса (или народа) есть настоящее нравственное управленіе. Какъ быть, однако, съ тѣми, у кого нѣтъ нравственнаго чувства и кто становится преступникомъ по отношенію къ общественному порядку? Соціальнаго чувства недостаетъ только „жалкимъ невѣждамъ и невоспитаннымъ людямъ, которыхъ необходимо вразумить при помощи гуманнаго уголовнаго судопроизводства".

Дицгенъ чувствуетъ, все-таки, подъ-конецъ своей проповѣди необходимость дать какое-либо общее опредѣленіе морали, вывести нѣкоторыя общія нормы или императивы. „Общее содержаніе морали—говоритъ онъ—составляетъ подчиненіе отдѣльныхъ желаній и личныхъ интересовъ общему, общественному, народному и, наконецъ, международному благу... Въ чемъ временно заключается благо общества—опредѣляется закономъ. Соціалъ-демократическая теорія нравственности согласуется съ фактическимъ міромъ; она признаетъ въ политическомъ государствѣ хранителя и защитника нравственности, но она чувствуетъ себя призванной слѣдить за государствомъ, чтобы оно не превратило въ вѣчное и священное пугало преходящее и измѣнчивое"... Нравственность находится въ постоянной эволюціи... Мораль требуетъ крайняго прогресса или постоянной революціи. Лишь неограниченный прогрессъ всегда хорошъ или безусловно мораленъ. Установить я всѣхъ временъ и обстоятельствъ опредѣленныя предписанія, акъ дѣлали до сихъ поръ создатели нравственныхъ системъ,— высшей степени безнравственно. Въ нравственномъ міровомъ орядкѣ — только одинъ общій параграфъ: безпрерывный общественный прогрессъ, безграничное соціальное развитіе. „Нрав-

ственный міровой порядокъ, или братскій прогрессъ, является пока только соціалистическимъ проектомъ, но несомнѣнно также и категорическимъ императивомъ, побуждающимъ его съ моральной энергіей стремиться къ коренному преобразованію политической экономіи".

Попытку Дицгена дать опредѣленный очеркъ соціалистической морали, конечно, нельзя назвать удачной. Въ сущности Дицгенъ никакого почти опредѣленія основъ соціалъ-демократической этики не даетъ. Онъ повторяетъ только все время (также и въ другой его статьѣ: „Религія соціалъ-демократіи"), что идеалъ нравственности будетъ осуществленъ въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ, но какъ именно и почему, — на этомъ онъ не останавливается. Опредѣленіе же, даваемое имъ существу нравственности, съ одной стороны — безсодержательно, а съ другой — и противорѣчиво. Говоря о томъ, что нравственность находится въ постоянномъ процессѣ эволюціи, и что въ ней есть только одинъ общій законъ — постоянное развитіе, Дицгенъ въ сущности отказывается отъ ближайшаго опредѣленія основныхъ принциповъ нравственности, слѣдуя въ этомъ отношеніи моральному релятивизму Маркса и Энгельса. Такъ какъ всѣ предметы чувственнаго міра такъ или иначе охвачены общимъ процессомъ эволюціи, и самое понятіе существованія въ извѣстномъ смыслѣ можно отожествить съ понятіемъ эволюціи (или измѣненія), то, слѣдовательно, сказать про нравственность, что она эволюціонируетъ, и что главный ея законъ есть законъ постояннаго развитія,—равносильно утвержденію, что нравственность существуетъ, и ея законъ—постоянное существованіе. Получается странная тавтологія, изъ которой нельзя получить никакого дальнѣйшаго вывода.

Однако нашъ соціалъ-демократическій философъ ставитъ для нравственности опредѣленную цѣль, которая, по его мнѣнію, представляетъ весь смыслъ исторіи человѣчества, а именно: увеличеніе власти человѣка надъ природой, или, иными словами, развитіе техники. Но эта цѣль, каково бы ни было ея значеніе въ исторіи культуры, по отношенію къ нравственности является совершенно постороннимъ стимуломъ, не имѣющимъ связи съ нормами морали, какъ морали. Въ извѣстныхъ случаяхъ, усиленіе власти человѣка надъ природой можетъ сопровождаться развитіемъ безнравственныхъ отношеній между людьми. Въ свое время рабскій трудъ, крѣпостное право, наконецъ, машинизмъ капиталистической промышленности содѣйствовали и содѣйствуютъ подчиненію природы человѣку, но по этому одному вышена-

званные институты и отношенія не заслужили и не заслуживаютъ моральнаго одобренія. Съ другой стороны, можно легко себѣ представить общественный строй, не отличающійся ростомъ техники и, однако, сохраняющій въ себѣ нравственныя отношенія высокой пробы. Вполнѣ возможенъ моральный прогрессъ при технической отсталости, и моральный упадокъ—при культурномъ прогрессѣ. Дицгенъ и самъ чувствуетъ нѣкоторую неловкость своего отождествленія развитія морали съ развитіемъ техники, (что, однако, согласно съ общимъ духомъ марксизма) и пытается внести въ свое опредѣленіе нравственности еще новый элементъ—„сердечности“ или солидарности. Но именно только пытается, не придавая своимъ мыслямъ опредѣленной, законченной формы, такъ что формула соціалистической морали у Дицгена еще болѣе запутывается и становится окончательно неясной и туманной. Если по степени общественной „сердечности“ опредѣляется уровень нравственности, то необходимо точно указать и опредѣлить, въ чемъ заключается эта общественная сердечность, каковы ея признаки, почему она должна процвѣсти въ соціалистическомъ обществѣ. Ничего подобнаго мы не находимъ у Дицгена. Его взгляды на генезисъ и основы морали крайне смутны и сбивчивы. Онъ говоритъ, напр., что тамъ, гдѣ люди живутъ только охотой и рыболовствомъ, тамъ братство не можетъ быть такимъ сердечнымъ, какимъ оно должно быть тамъ, гдѣ „пролетаріи всѣхъ странъ стремятся къ единенію“. Между тѣмъ, всякому мало-мальски знакомому съ бытомъ многихъ рыболовныхъ или охотничьихъ племенъ (эскимосы, ведды и пр.) извѣстно, что „сердечность“ ихъ внутриродовыхъ отношеній не оставляетъ желать ничего лучшаго, а единеніе пролетаріевъ до сего времени остается только красивой фикціей.

Невыясненность и неразработанность этическихъ проблемъ съ марксистской точки зрѣнія въ концѣ концовъ вынуждаетъ Дицгена, при опредѣленіи нормъ общаго блага, искать опоры въ законахъ государства, что уже со стороны соціалъ-демократа совершенно непослѣдовательно и даже еретично. Благо общества опредѣляется (хотя и временно) закономъ, которому должна повиноваться отдѣльная личность. Но о какомъ законѣ можетъ быть рѣчь? Если о законѣ современнаго классоваго государства, о ясно, что его законы не могутъ служить цѣлямъ нравственности (въ смыслѣ соціализма), будучи выраженіемъ классовыхъ нтересовъ. Если же въ виду имѣется соціалистическое государство будущаго, то для марксиста непозволительно говорить о ѣйствительности этого государства, такъ какъ самое его существо-

ваніе по Марксу не допускается. Съ упраздненіемъ классовыхъ различій исчезаетъ и государство, какъ продуктъ классоваго господства. Правда, остается „общество", завѣдующее контролемъ надъ экономическою дѣятельностью своихъ членовъ, но нельзя говорить о законодательной дѣятельности соціалистическаго общества, разъ оно лишено государственной организаціи. Такимъ образомъ, благо общества нечѣмъ опредѣлить, если придерживаться теоріи Дицгена, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, и приходится все предоставить естественному развитію нравственности (сердечности), которая сама уже какъ-нибудь разберется въ проблематическихъ случаяхъ помимо какихъ-либо общихъ нормъ или императивовъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что опредѣленіе общественнаго блага законодательною дѣятельностью государства само по себѣ является одностороннимъ и прямо ошибочнымъ даже абстрактно, помимо реальнаго несоотвѣтствія между законами (какого бы то ни было типа государства) и моральными требованіями общества. Полное совпаденіе морали и закона возможно только при условіи совершенно стаціонарнаго состоянія общества, когда въ немъ замираетъ самостоятельно-творческая дѣятельность личности и никакое моральное развитіе болѣе невозможно. Но въ такомъ обществѣ, по тому же Дицгену, не было бы и нравственности, главный законъ которой состоитъ въ постоянномъ развитіи. Въ отожествленіи государственнаго (идеальнаго) законодательства съ общественной моралью у Дицгена слышится поздній отголосокъ французскихъ матеріалистовъ (особенно Гельвеція), преувеличивавшихъ вліяніе законодательства на нравственность. Тотъ же порядокъ идей замѣчается еще раньше у Локка, по которому нравственное добро или зло—не что̀ иное, какъ согласіе или несогласіе нашихъ дѣйствій съ закономъ (божескимъ или гражданскимъ). У Дицгена эта устарѣлая точка зрѣнія проявляется внѣ связи съ общимъ ходомъ его разсужденій и въ значительной мѣрѣ противорѣчитъ даже идеаламъ будущаго соціалистическаго строя, насколько о нихъ можно судить по марксистской литературѣ.

Примѣръ Дицгена показываетъ намъ, насколько трудна выработка основъ общественной морали на базисѣ историческаго матеріализма. Индуктивно-генетическій методъ, котораго придерживаются марксисты въ изслѣдованіи этики, заставляетъ ихъ обращать исключительное вниманіе на эволюцію нравственности, на измѣненіе ея формъ въ связи съ измѣненіями экономическихъ отношеній. Отсюда нежеланіе марксистовъ формулировать общіе принципы морали, отрицаніе общеобязательныхъ нормъ,

игнорированіе формальнаго закона нравственности, который несомнѣнно существуетъ при различнѣйшихъ формахъ общежитія и вовсе не состоитъ въ одномъ только процессѣ развитія. Провозглашеніе принципа классовой морали чрезвычайно съуживаетъ этическій горизонтъ марксизма и придаетъ ему партійно-сектантскій характеръ, отдающій нетерпимостью и аггрессивностью по отношенію ко всѣмъ несогласно-мыслящимъ. Въ то же время моральный релятивизмъ, принципіальное недопущеніе общеобязательныхъ этическихъ нормъ легко переходитъ въ оппортунизмъ, въ тактику моральнаго приспособленія къ мѣняющимся требованіямъ политической и соціальной конъюнктуры. Уже въ первоначальномъ марксизмѣ временъ второй половины XIX столѣтія замѣчаются существенныя колебанія и измѣненія въ оцѣнкѣ разнаго рода этико-политическихъ явленій. Стоитъ, напр., вспомнить различное отношеніе Энгельса (и Маркса) къ революціонной тактикѣ соціализма въ 1848 и 1871 г.г., когда у марксистовъ была твердая надежда на скорое торжество соціализма, и въ концѣ столѣтія (1895), когда эти надежды поблекли и наступило разочарованіе въ революціонномъ террорѣ. Эти революціонныя надежды опять заблистали подъ вліяніемъ русскихъ событій 1905 г. и вновь померкли при видѣ антиреволюціоннаго настроенія большинства германскихъ рабочихъ. Но, не отвлекаясь въ сторону отъ разсмотрѣнія этическихъ проблемъ въ освѣщеніи современнаго соціализма, мы должны теперь перейти къ литературнымъ произведеніямъ, посвященнымъ этому вопросу въ послѣднее время. Мы разумѣемъ здѣсь извѣстную брошюру К. Каутскаго: „Этика и историческій матеріализмъ“, появившуюся въ 1906 году. Это произведеніе представляетъ въ сущности наиболѣе капитальное произведеніе марксистской школы по интересующему насъ вопросу.

II.

К. Каутскій выступаетъ передъ нами въ своей „Этикѣ“ съ гораздо болѣе научнымъ багажомъ, чѣмъ І. Дицгенъ въ своей проповѣди о соціалъ-демократической морали. Тридцать лѣтъ, протекшія со времени проповѣди Дицгена до появленія брошюры Каутскаго, не могли, конечно, не отразиться на подборѣ и солидности аргументовъ, выставляемыхъ этиками-соціалистами. Каутскій разсматриваетъ съ точки зрѣнія историческаго матеріализма античную и христіанскую этику, этику эпохи просвѣ-

щенія, кантіанство и дарвинизмъ. Послѣдняя глава посвящена этикѣ марксизма. Для насъ интересна только эта послѣдняя часть изслѣдованія Каутскаго, такъ какъ въ ней мы можемъ ознакомиться съ послѣдними выводами современнаго марксизма по вопросамъ морали. Каутскій начинаетъ свое изложеніе съ основъ историческаго матеріализма, какъ философіи пролетаріата, противоположной буржуазной идеалистической философіи. Матеріалистическая теорія общественнаго развитія, по мнѣнію Каутскаго, возможна только съ точки зрѣнія пролетаріата. Правда, діалектическій матеріализмъ Маркса и Энгельса—„совсѣмъ особаго рода и существенно отличается отъ естественно-научнаго матеріализма", но нашъ авторъ предпочитаетъ удержать названіе матеріализма вмѣсто „монизма", „критицизма" или „реализма" изъ цѣлей партійной или классовой политики, такъ какъ необходимо поддержать антагонизмъ къ буржуазному міру. „Слово „матеріализмъ", со времени господства христіанства, всегда обозначало философію *борьбы* противъ господствующихъ силъ. Поэтому оно подверглось опалѣ у буржуазіи, но это именно и заставляетъ насъ, приверженцевъ пролетарской философіи всесторонняго развитія, стоять за это имя для нашей философіи, которое къ тому же (!) можно оправдать и по существу" [1]).

Послѣ этой довольно оригинальной мотивировки предпочтенія одного философскаго термина другому, Каутскій въ краткихъ чертахъ набрасываетъ схему развитія организма человѣческаго общества. Основнымъ факторомъ этого развитія, какъ и слѣдуетъ по марксизму, является техника, ея прогрессъ составляетъ основу всей эволюціи человѣчества. Техника могущественнымъ образомъ вліяетъ на весь ходъ и образъ жизни человѣка. Прогрессъ техники приводитъ къ раздѣленію труда и образованію общества, какъ своеобразнаго организма. Организмъ этотъ существенно отличается отъ растительнаго и животнаго организма, однако имѣетъ самодовлѣющее существованіе, совершенно отличное отъ цѣлей и существованія отдѣльныхъ единицъ. „Человѣкъ цѣликомъ зависитъ отъ общества, оно царитъ надъ нимъ, только характеръ общества дѣлаетъ намъ понятнымъ и его своеобразный характеръ". Въ общественномъ организмѣ какъ силы, поддерживающія его единеніе, развиваются соціальные инстинкты подъ вліяніемъ такихъ факторовъ, какъ членораздѣльная рѣчь или языкъ, война и собственность, конкурренція и борьба классовъ. Правда, война и конкурренція не всегда ведутъ къ усиленію

[1]) „Этика и историческій матеріализмъ", пер. Капелюша, стр. 52.

соціальныхъ инстинктовъ, а наоборотъ, нерѣдко приводятъ къ ихъ разложенію или искаженію, но въ послѣднее время классовая борьба стремящихся впередъ, эксплоатируемыхъ народныхъ массъ создаетъ новый, все ростущій импульсъ нравственныхъ инстинктовъ. Въ этомъ смыслѣ классовая борьба можетъ быть приравнена къ войнѣ первобытныхъ народовъ, когда именно война (по мнѣнію Каутскаго) способствовала усиленію солидарности внутри племени и развитію соціальныхъ инстинктовъ. Въ классовомъ, въ особенности буржуазномъ обществѣ война такого морализирующаго значенія не имѣетъ. Здѣсь война ведется изъ-за интересовъ преобладающихъ классовъ, а не всѣхъ членовъ общества, вслѣдствіе чего и выступаютъ наружу только отрицательныя стороны войны, а также и конкурренціи внутри самого общества.

„Область дѣйствія соціальныхъ инстинктовъ измѣняется съ развитіемъ общества еще гораздо болѣе, чѣмъ степень ихъ силы. Соціальные инстинкты служатъ средствомъ для упроченія общественной связи, для укрѣпленія силы общества. Животное ощущаетъ соціальные инстинкты только по отношенію къ членамъ своего стада,—остальныя стада или табуны для него безразличны или даже враждебны. Аналогичное явленіе происходитъ и въ людскихъ обществахъ. Кто не членъ нашего общества, тотъ просто врагъ. Общественныя добродѣтели дѣйствительны только въ средѣ своихъ, а не для членовъ посторонней общественной организаціи; общественныя добродѣтели неприменимы по отношенію къ врагу. Законы нравственности простираются только на членовъ своей группы, но границы этой группы постоянно расширяются, начиная съ мелкихъ племенъ дикарей и кончая современными обширными соціальными организаціями. Благодаря капитализму, христіанство, напр., расширяется въ универсальную культуру, захватывающую въ свой кругъ различныя расы и вѣрованія. Почва для всеобщей человѣческой морали создается не моральнымъ совершенствованіемъ человѣка, а развитіемъ производительныхъ силъ человѣчества, развитіемъ общественнаго раздѣленія труда и средствъ сообщенія. Но и въ передовыхъ странахъ общечеловѣческая мораль далеко не является моралью для всѣхъ людей безъ различія“... „Она является моралью сознательнаго пролетаріата, той части пролетаріата, которая эманципировалась въ своихъ чувствахъ и мысляхъ отъ рабочей массы населенія и создала свою собственную мораль, враждебную буржуазіи“.

Въ чемъ же заключаются особенности этой новой морали

сознательнаго пролетаріата? Подробнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ у Каутскаго, точно также какъ у Дицгена или Энгельса, но все же изъ общихъ его положеній выходитъ, что эта мораль заключается главнымъ образомъ въ вѣрности своимъ классовымъ интересамъ въ борьбѣ съ врагами пролетаріата. „Классовая борьба становится самой главной формой борьбы за существованіе въ человѣческомъ обществѣ; соціальные инстинкты по отношенію ко всему обществу ослабѣваютъ, зато становятся все интенсивнѣе въ предѣлахъ одного и того же класса,—для отдѣльныхъ личностей благо ихъ класса отожествляется со всеобщимъ благомъ". Классовая борьба усиливаетъ соціальные инстинкты и добродѣтели въ эксплоатируемыхъ и угнетенныхъ классахъ, создаетъ въ ихъ средѣ негодующій паѳосъ, новый нравственный идеалъ и даже особый этическій идеализмъ, несмотря на тяготѣніе къ философскому матеріализму. Наоборотъ, въ высшихъ классахъ (буржуазія и пр.) при общемъ упадкѣ нравственности и ростѣ матеріалистическаго эгоизма замѣчается стремленіе къ философскому идеализму, который долженъ сыграть роль ширмы для своекорыстныхъ классовыхъ вожделѣній. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить взглядъ Каутскаго на способъ производства и его „надстройки".

Нравственныя нормы измѣняются вмѣстѣ съ обществомъ, но онѣ измѣняются не въ той же степени и не съ той же скоростью, какъ общественныя потребности. Онѣ входятъ въ привычку у человѣка и поэтому провозглашаются нормами абсолютной нравственности. Но, разъ вкоренившись въ жизни общества, ставши дѣломъ привычки, онѣ могутъ долго вести самостоятельное существованіе, между тѣмъ какъ развитіе техники, развитіе способа производства идетъ впередъ своей дорогой. Духовные факторы соціальной жизни могутъ временно вести самостоятельное существованіе. Есть извѣстное взаимодѣйствіе между экономикой и ея духовными надстройками: моралью, религіей, правомъ, искусствомъ и пр. Мораль вліяетъ въ положительномъ смыслѣ на общество. Но это продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока она остается въ зависимости отъ него, пока она отвѣчаетъ тѣмъ соціальнымъ потребностямъ, которыя ее создали. Какъ только мораль становится самодовлѣющимъ факторомъ, ея дальнѣйшее развитіе становится чисто формальнымъ, логическимъ процессомъ. Она не въ состояніи болѣе создавать новые взгляды, можетъ лишь комбинировать уже старыя воззрѣнія и устранять изъ нихъ противорѣчія. Чѣмъ дольше остаются въ силѣ отжившія нормы морали, наперекоръ экономическому

прогрессу, тѣмъ болѣе господствующая мораль оказывается въ противорѣчіи съ жизнью и ея стремленіями. Противорѣчіе это наиболѣе ярко сказывается въ консервативныхъ классахъ, въ которыхъ, смотря по обстоятельствамъ, развивается цинизмъ или ханжество, создаются явленія, извѣстныя подъ именемъ безнравственности.

Но что̀ такое нравственность или безнравственность сами по себѣ? Тотъ элементъ человѣческой морали, который если и не свободенъ отъ времени и пространства, то во всякомъ случаѣ древнѣе, чѣмъ мѣняющіяся общественныя условія, — соціальные инстинкты имѣются также въ морали животныхъ (стадныхъ). А то, что̀ носитъ въ нашей морали специфически-человѣческій характеръ, нравственныя нормы, подвержено постояннымъ перемѣнамъ. Нѣтъ ни абсолютной нравственности, ни абсолютной безнравственности. Абсолютной безнравственностью можно считать только отсутствіе соціальныхъ инстинктовъ и добродѣтелей, которые человѣкъ перенялъ отъ общественныхъ животныхъ. Эти соціальные инстинкты перечислены Каутскимъ въ главѣ о дарвинизмѣ, а именно: самоотверженность, храбрость, вѣрность, дисциплина, праздивость, честолюбіе. „Безнравственность, въ смыслѣ нарушенія моральныхъ нормъ, надо понимать не какъ уклоненіе отъ опредѣленнаго обязательнаго для всѣхъ странъ и временъ масштаба нравственности, а какъ противорѣчіе между поступками человѣка и его же собственными принципами, какъ нарушеніе тѣхъ правилъ морали, которыя онъ самъ призналъ необходимыми и которыхъ требуетъ отъ другихъ. Поэтому не имѣетъ никакого смысла объявлять безнравственными моральныя нормы, исповѣдуемыя цѣлымъ народомъ или классомъ, — объявлять ихъ безнравственными только потому, что онѣ противорѣчатъ нашей собственной морали. Безнравственность можетъ заключаться только въ уклоненіи отъ собственной, а не отъ чужой морали. Одинъ и тотъ же фактъ, какъ, напр., свободныя половыя сношенія или безпечное отношеніе къ собственности, можетъ быть въ одномъ случаѣ продуктомъ нравственнаго упадка (въ обществѣ, признающемъ моногамію и святость собственности), въ другомъ случаѣ—вполнѣ нравственнымъ продуктомъ очень здороваго общественнаго организма, не нуждающагося ни въ частной собственности на женщинъ, ни въ частной собственности на извѣстныя средства потребленія и производства“ [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ критическому анализу этической

[1]) Этика, стр. 85.

теоріи Каутскаго, отмѣтимъ еще его взгляды на роль нравственнаго идеала. Этотъ идеалъ развивается среди передовыхъ или эксплоатируемыхъ классовъ (по Каутскому это—одно и то же).

„Чѣмъ сознательнѣе ихъ антагонизмъ съ существующимъ режимомъ, тѣмъ сильнѣе ихъ негодующій пафосъ, тѣмъ упорнѣе ихъ борьба противъ старой традиціонной морали, тѣмъ упорнѣе ихъ стремленіе сдѣлать свою новую мораль—моралью всего общества. Такимъ образомъ, въ классахъ, которымъ принадлежитъ будущее, возникаетъ новый нравственный идеалъ... Та самая эволюція, которая вызываетъ въ разлагающихся классахъ все прогрессирующую безнравственность, вызываетъ въ передовыхъ классахъ сумму явленій, которыя мы обобщали подъ именемъ этическаго идеализма, который нельзя смѣшивать съ философскимъ идеализмомъ... Содержаніе новаго нравственнаго идеала не всегда вполнѣ ясно. Оно вытекаетъ не изъ глубокаго научнаго познанія соціальнаго организма,... а изъ глубокой общественной потребности, изъ горячаго, энергичнаго стремленія къ тому, что̀ противоположно существующему. Поэтому нравственный идеалъ, въ сущности, носитъ чисто отрицательный характеръ, является не чѣмъ инымъ какъ антиподомъ господствующей морали“.

Далѣе, Каутскій указываетъ на то, что сходство нравственныхъ идеаловъ различныхъ временъ очень поверхностно; за нимъ скрываются различныя соціальныя цѣли, соотвѣтствующія соціальнымъ требованіямъ каждаго періода. Идеальныя требованія свободы, равенства и братства имѣли и имѣютъ различное содержаніе въ христіанствѣ, въ эпоху французской революціи и у современной соціалъ-демократіи. Внѣшнее сходство нравственныхъ идеаловъ различныхъ временъ и странъ есть просто результатъ того, что основныя черты классоваго господства всегда оставались однѣми и тѣми же въ человѣческомъ обществѣ, несмотря на всѣ соціальныя различія.

„Однако новый нравственный идеалъ можетъ возникнуть не только на почвѣ классоваго антагонизма. Въ рядахъ консервативныхъ классовъ имѣются индивидуумы, которые по своему соціальному положенію лишь слабо связаны со своимъ классомъ, не имѣютъ классоваго сознанія, зато обладаютъ очень сильными соціальными инстинктами и достоинствами, заставляющими ихъ возставать противъ всякаго лицемѣрія и цинизма, и которые настолько интеллигентны, что не могутъ не замѣтить противорѣчія между традиціонными моральными нормами и потребностями общества. Такіе индивидуумы тоже должны создать себѣ новые нравственные идеалы. Но получатъ ли эти идеалы соціальное

значеніе—зависитъ отъ того, сливаются ли они съ классовыми идеалами или нѣтъ. Нравственный идеалъ можетъ принести плоды только какъ пружина классовой борьбы". Какъ стимулъ классовой борьбы, какъ средство поднять и сплотить „передовые" классы противъ существующаго режима, нравственный идеалъ является могучимъ рычагомъ для низверженія стараго строя. „Но новый общественный строй, выступающій на смѣну старому, зависитъ не отъ содержанія нашего нравственнаго идеала, а отъ конкретныхъ матеріальныхъ условій, техники, природы, характера сосѣдей и предковъ и т. д.... Поэтому идеалъ, совершивъ свою историческую задачу, послуживъ толчкомъ для низверженія стараго строя, въ результатѣ всегда оказывался иллюзіей.

„Историческій матеріализмъ сводитъ нравственность съ заоблачной выси на землю. Онъ учитъ насъ, что нравственность беретъ свое начало еще въ животномъ мірѣ, что метаморфозы ея въ человѣческомъ обществѣ обусловлены измѣненіями этого послѣдняго подъ вліяніемъ прогресса техники. Нравственный идеалъ оказывается просто-на-просто выраженіемъ антагонизма съ существующей моралью... Не онъ, а опредѣленныя матеріальныя условія указываютъ путь, по которому совершается въ дѣйствительности общественная эволюція... Наша доктрина не отнимаетъ у нравственнаго идеала всякую роль въ общественной жизни, она лишь отводитъ ему должное мѣсто. Какъ и соціальный нравственный инстинктъ, такъ и нравственный идеалъ является въ общественной борьбѣ за существованіе не цѣлью, а средствомъ, орудіемъ... классовой борьбы".

Соціалъ-демократія не можетъ обойтись безъ нравственнаго идеала, но этому идеалу нѣтъ мѣста въ *научномъ* соціализмѣ, въ научномъ изслѣдованіи законовъ развитія и движенія соціальнаго организма „съ цѣлью найти *необходимыя* тенденціи и цѣли классовой борьбы пролетаріата"... „Преобразовавъ сознательную задачу классовой борьбы изъ нравственнаго идеала въ идеалъ экономическій, научный соціализмъ нисколько не уменьшилъ ея грандіозности. То, что до сихъ поръ служило нравственнымъ идеаломъ всѣмъ общественнымъ реформаторамъ и не могло быть достигнуто ими, теперь впервые нашло въ исторіи необходимыя для своего осуществленія экономическія предпосылки, впервые является необходимъ результатомъ экономическаго развитія, а именно—уничтоженіе классовъ".

Таковы основные принципы современной соціалъ-демократической морали въ изложеніи К. Каутскаго. Можно было бы ихъ дополнить еще нѣкоторыми добавленіями и разъясненіями на

основаніи брошюры недавно умершаго А. Менгера [1]). Но это ученіе въ основѣ своей не представляетъ существеннаго различія отъ соціалъ-демократической этики, хотя во многихъ частностяхъ и замѣчаются отступленія. Произведенія А. Менгера, какъ все-таки „буржуазнаго" писателя, хотя и вполнѣ сочувствующаго соціализму, не пользуется въ средѣ соціалистовъ марксистскаго толка такою популярностью, какъ этическія теоріи Каутскаго и другихъ ортодоксовъ, хотя по научной и философской своей обоснованности во всякомъ случаѣ не уступаютъ марксистской литературѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, разбирая систему соціалистической этики вообще, мы будемъ имѣть въ виду какъ А. Менгера, такъ и К. Каутскаго. Пока отмѣтимъ только то, что общимъ у обоихъ авторовъ является понятіе относительности морали и ея зависимости отъ внѣшнихъ условій соціальной жизни. „Нравственность—говоритъ Менгеръ—состоитъ въ приспособленіи къ существующимъ соотношеніямъ силъ"... „Нравственъ тотъ, кто приспособляется къ соціальнымъ соотношеніямъ, безнравственъ—тотъ, кто имъ сопротивляется", а такъ какъ соотношенія эти измѣняются, то законы нравственности столь же преходящи, какъ соотношенія силъ. Правда, такое приспособленіе къ соотношеніямъ существующихъ въ обществѣ силъ есть удѣлъ людей среднихъ, заурядныхъ, но такъ какъ изъ нихъ именно состоятъ массы, то и соціализмъ вынужденъ довольствоваться этой скромной средней моралью, въ противоположность анархизму, который ставитъ своей нравственности болѣе трудныя задачи.

III.

На основаніи того, что было изложено нами выше, мы можемъ придти теперь къ болѣе опредѣленнымъ выводамъ относительно сущности соціалистической морали въ ея марксистскомъ освѣщеніи.

Прежде всего мы должны замѣтить, что мораль эта гетерономна (чужезаконна). Ея чужезаконность не меньше, чѣмъ теологической морали. Въ этой послѣдней первоначальной причиной и побудительнымъ стимуломъ человѣческой нравственности, ея судьей и цѣнителемъ является посторонняя воля, воля Божества, направляющая дѣятельность человѣка независимо отъ его личной

[1]) „Новое ученіе о нравственности". Русскій переводъ 1906 г. Ср. также его „Новое ученіе о государствѣ".

воли или и вопреки ей. Въ соціалъ-демократической этикѣ воля человѣка направляется и притупляется подъ вліяніемъ внѣшняго матеріальнаго фактора—прогресса техники или классовой борьбы. Человѣческое „я“ играетъ пассивную роль; оно является только отраженіемъ (рефлексомъ) внѣшнихъ воздѣйствій матеріальнаго міра, неспособнымъ противостоять этому воздѣйствію или внести въ него какія-либо измѣненія согласно своимъ собственнымъ требованіямъ или идеаламъ. Значеніе и роль личности сознательно и намѣренно сводятся марксизмомъ къ минимуму, если не къ нулю. Нравственность, по этой доктринѣ, есть всецѣло продуктъ общественнаго, коллективнаго, а не индивидуальнаго сознанія. Эта общественная или коллективная нравственность развивается не подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ идеаловъ (выше мы изложили пренебрежительный взглядъ К. Каутскаго на нравственные идеалы), выработанныхъ отдѣльными моралистами, а исключительно вслѣдствіе воздѣйствій матеріальной среды (прогрессъ техники—во-первыхъ и классовая борьба—во-вторыхъ). Отсюда—высокомѣрное отношеніе марксизма къ личности. „Въ обществѣ, не имѣющемъ классовъ,—говоритъ К. Каутскій [1]),—общественное мнѣніе—самая лучшая полиція; оно обезпечиваетъ публичное выполненіе нравственныхъ нормъ. Индивидуумъ имѣетъ столь ничтожное значеніе сравнительно съ обществомъ, что не въ состояніи даже пойти наперекоръ единодушному мнѣнію общества. Общество, общественное мнѣніе вполнѣ подавляютъ его“.

То, что намъ извѣстно о развитіи личной и общественной нравственности въ исторіи, совершенно не вяжется съ марксистской теоріей по этому предмету. Мы не станемъ здѣсь говорить о роли личности въ исторіи,—этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ нами въ другомъ мѣстѣ [2]). Укажемъ только, что и сами ортодоксы марксизма не могутъ выдержать послѣдовательно свою точку зрѣнія. Тотъ же Каутскій, столь пренебрежительно взирающій на жалкаго „индивидуума“ съ высоты общественнаго мнѣнія, черезъ нѣсколько страницъ упоминаетъ объ индивидуумахъ, обладающихъ исключительными соціальными инстинктами и достоинствами, ставящими ихъ гораздо выше классоваго сознанія. Индивидуумы, слѣдовательно, бываютъ разные,—il y a fagots et fagots! Есть индивидуумы, стоящіе выше коллективнаго сознанія того класса, къ которому они принадлежатъ, и готовые положить душу свою за свои нравственные идеалы и убѣжденія. Но есть также

[1]) „Этика“, стр. 82.

[2]) „Индивидуализмъ и соціализмъ“. Изд. „Библіотеки Самообразованія“, 1907.

индивидуумы, стоящіе ниже или не доросшіе даже до классоваго сознанія и готовые изъ-за личной выгоды служить врагамъ своего класса, помогать имъ въ дѣлѣ эксплоатаціи и угнетенія своихъ товарищей или „одноклассниковъ“. Примѣры настолько всѣмъ извѣстны и многочисленны, что было бы излишне приводить ихъ. Индивидуальныя различія въ средѣ каждаго общественнаго класса, несмотря на внѣшнее сходство матеріальнаго положенія, настолько велики, что они далеко не могутъ быть подведены подъ одну общую скобку и покрыты, какъ на суздальскихъ картинахъ, сплошь одной краской.

Это различіе индивидуальной психики, хотя бы и въ рамкахъ одного и того же общественнаго класса, и составляетъ главную причину соціальной эволюціи, обусловливая постоянную ферментацію, броженіе соціальной среды. Еслибы въ дѣйствительности осуществить безклассовое общество Каутскаго, въ которомъ общественное мнѣніе было бы всемогуще, а отдѣльная личность совершенно имъ подавлена и поглощена, то это состояніе устойчиваго равновѣсія общественныхъ силъ могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ только одно: полнѣйшую остановку моральнаго, а затѣмъ и матеріальнаго развитія общества, состоящаго изъ однородной массы нравственно одноцѣнныхъ личностей, лишенныхъ индивидуальнаго самосознанія и живущихъ только безпрекословнымъ подчиненіемъ пресловутому „общественному мнѣнію“. Несомнѣнно однако, что такое стаціонарное общественное состояніе, вытекающее изъ отсутствія общественной дифференціаціи или разслоенія, есть лишь идеалъ, къ которому человѣчество, можетъ быть, и стремится или по которомъ оно вздыхаетъ, но который, по крайней мѣрѣ въ скоромъ будущемъ, никоимъ образомъ не можетъ быть осуществленъ. Правда, что и сами современные соціалисты никогда не говорятъ о возможности въ будущемъ застоя или регресса, такъ какъ исходятъ изъ понятія непрерывнаго развитія общественныхъ силъ и еще бо́льшаго роста ихъ въ будущемъ. Но провозглашаемые ими моральные принципы не согласованы съ ихъ провидѣніями будущаго соціальнаго развитія, такъ какъ совершенно игнорируютъ моральную автономію личности. По крайней мѣрѣ, такова преобладающая точка зрѣнія современныхъ соціалъ-демократовъ.

Такимъ образомъ, соціалистическая мораль, въ изложеніи Каутскаго, а равно и А. Менгера, не есть мораль свободной, автономной личности, какъ она была выработана представителями философскаго идеализма въ Германіи, а есть мораль пассивнаго подчиненія личности общественному мнѣнію, меньшин-

ства—большинству. Это не мораль нравственно свободныхъ, независимыхъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ людей, руководящихся въ своей міроощѣнкѣ своимъ собственнымъ разумомъ и чувствомъ, помимо всякаго коллективнаго или классоваго сознанія. Это—мораль не господъ, а рабовъ. Приближается къ состоянію свободы—по ученію Спинозы—тотъ, кто руководится въ своей дѣятельности велѣніями разума, личнаго своего, а не общественнаго разума. Приближается къ состоянію рабства тотъ, кто увлекается своими страстями (чувствомъ) или чужимъ (общественнымъ) мнѣніемъ (opinione). Для кого общественное мнѣніе—въ чемъ бы оно ни состояло и каковы бы ни были его проявленія—высшій законъ и высшая норма нравственности, которой надлежитъ безпрекословно повиноваться, тотъ не заслуживаетъ названія нравственнаго человѣка, ибо ему неизвѣстно первое и основное условіе всякой нравственности: отсутствіе принужденія, состояніе внутренней свободы, дозволяющее сдѣлать выборъ согласно требованіямъ своей собственной природы, а не по чужой указкѣ. Несомнѣнно должна быть извѣстная гармонія личныхъ и общественныхъ интересовъ, но эта гармонія мыслима только при условіи свободнаго развитія личной жизни и личныхъ идеаловъ, а не при условіи подавленія личности мертвящимъ авторитетомъ классоваго, общественнаго или партійнаго мнѣнія, въ чемъ бы это мнѣніе само по себѣ ни состояло.

Чужезаконность и принудительность соціалъ-демократической морали, общія у нея съ теологической нравственностью, осложняются еще относительностью и неустойчивостью, отсутствіемъ опредѣленныхъ нравственныхъ нормъ, что̀ уже существенно отличаетъ марксизмъ отъ теологической этики. Въ этой послѣдней требованія нравственности непреложны, ибо они суть заповѣди непререкаемаго авторитета — воли самого Бога. Въ идеалистической философіи нормы нравственности суть категорическіе императивы человѣческаго разума, общеобязательные для всѣхъ временъ и народовъ въ силу своей внутренней логической необходимости. Ничего подобнаго этимъ твердымъ стержнямъ нравственнаго сознанія въ соціалистической морали не имѣется. Она утверждается на понятіи относительности нравственныхъ явленій, на законѣ постоянной эволюціи человѣческой морали, отсутствіи общеобязательныхъ нормъ и категорическихъ императивовъ. Въ извѣстномъ смыслѣ она можетъ сказать: Ich hab' meine Loch' auf Nichts gestellt,—правда,—только въ извѣстномъ смыслѣ, такъ какъ соціалистическая мораль требуетъ вѣрности классовому идеалу и служенія классовымъ интересамъ въ цѣляхъ доставленія

побѣды пролетаріату. Но это требованіе само по себѣ не есть норма абсолютной морали, это—временное условіе борьбы классовъ, необходимое въ цѣляхъ этой борьбы, а не для организаціи мирнаго общежитія людей, помимо всякой ихъ группировки по классамъ, профессіямъ и т. д. Всякая нравственная догматика марксизмомъ безусловно отвергается.

Это отрицательное отношеніе къ метафизическимъ тезисамъ морали въ равной мѣрѣ проявляется у Энгельса и у Каутскаго. Послѣдній весьма энергично старается подорвать идеалистическую этику Канта, указывая на ея метафизичность и оторванность отъ требованій дѣйствительной жизни или же, въ лучшемъ случаѣ, на повтореніе въ философскихъ терминахъ правилъ общежитейской морали. Нравственность, по Каутскому, есть не что иное какъ животный инстинктъ. „Благородный законъ нравственности“ (никто не долженъ дѣлать другого средствомъ для своихъ цѣлей) не есть какое-либо открытіе Кантовскаго генія, а просто продуктъ стадной жизни животныхъ. Всѣ соціальные инстинкты развиты уже въ мірѣ животныхъ. Люди принесли со своей стороны только стремленіе къ справедливости, но это начало—подвижное и измѣнчивое, различно понимаемое въ разныхъ общественныхъ классахъ.

Со своей стороны, мы не приписываемъ человѣческой морали какого-либо сверхъестественнаго происхожденія и никоимъ образомъ не имѣемъ въ виду отрицать ея историческое развитіе и измѣняемость въ связи съ измѣненіемъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Но мы полагаемъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи Л. Вольтману [1]), что генетическій методъ изслѣдованія (по Дарвину) и критическій (по Канту) не стоятъ во взаимномъ противорѣчіи, а только дополняютъ другъ друга. Несомнѣнно, что матеріальное содержаніе морали измѣняется въ зависимости отъ временныхъ внѣшнихъ условій мѣста и дѣйствія, но извѣстные формальные принципы нравственнаго поведенія, тѣмъ не менѣе, остаются обязательными для всякаго общества, будетъ ли то общество людей, или даже животныхъ „Поступай такъ, чтобы норма (максима) твоей воли одновременно могла имѣть значеніе общаго для всѣхъ закона“ — эта формула нравственнаго закона одинаково пригодна ко всякому общественному строю, каковы бы ни были въ частности детали его организаціи. Безъ соблюденія этой формулы общей для всѣхъ морали всякое общежитіе неминуемо должно распасться, какъ лишенное внутренней

[1]) L. Woltmann, „System des moralischen Bewusstseins“.

связи и солидарности между его членами. При ея соблюденіи возможность свободнаго и одновременнаго развитія общества и личности гарантирована. Вопросъ лишь въ томъ, какъ организовать общество такимъ образомъ, чтобы эта формула могла найти свое дѣйствительное осуществленіе въ повседневной практической жизни, а не быть лишь отвлеченнымъ, лишеннымъ реальнаго содержанія принципомъ.

Ясное представленіе объ этомъ хотя и отвлеченномъ, но имѣющемъ величайшее практическое значеніе принципѣ должно постоянно присутствовать въ сознаніи всякаго члена общества, каковы бы ни были его положеніе и роль. Высшій принципъ общечеловѣческой солидарности не можетъ быть замѣненъ смутнымъ указаніемъ на соціальные инстинкты животныхъ и на защиту классовыхъ интересовъ какъ на нормы общественной морали, причемъ самое это указаніе еще ослабляется оговоркой, что всякая мораль относительна, и то, что вчера было свято, то сегодня можетъ быть предметомъ насмѣшки. Преувеличенное подчеркиваніе релятивизма, относительнаго значенія нравственныхъ нормъ, легко можетъ привести къ состоянію совершеннаго аморализма или нравственнаго индифферентизма, отъ котораго въ концѣ концовъ потерпитъ серьезный ущербъ и классовая или пролетарская мораль. Какъ бы ни была подавлена личность коллективнымъ или классовымъ сознаніемъ, но все же ей нетрудно будетъ сообразить, что дѣйствительная, реальная жизнь заключается въ ней, въ живой личности, а не въ тѣхъ классовыхъ задачахъ и нормахъ поведенія, которыя на нее налагаются посторонней волей. А разъ эти нормы сами по себѣ ничего священнаго или хотя бы общеобязательнаго и устойчиваго во времени не представляютъ и за таковыя никѣмъ и не выдаются, то ясно, что повиноваться и признавать эти нормы для себя обязательными можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ исполненіе совпадаетъ съ нашимъ личнымъ интересомъ. И такимъ образомъ въ полной мѣрѣ утверждается безусловный пріоритетъ личныхъ, индивидуальныхъ интересовъ, иначе говоря, индивидуальнаго эгоизма въ ущербъ общественнымъ или хотя бы классовымъ интересамъ.

Въ видѣ примѣра, насколько неустойчивъ базисъ современной соціалъ-демократической морали, можно указать на то мѣсто у Каутскаго, гдѣ онъ говоритъ [1]), что, напр., „безпечное“ (легко-

[1]) „Этика“, стр. 85. Тотъ же мотивъ по поводу дозволительности кражи при извѣстныхъ условіяхъ встрѣчается и у Энгельса.

мысленное) отношеніе къ собственности можетъ быть вполнѣ нравственнымъ продуктомъ „очень здороваго общественнаго организма“, не нуждающагося въ частной собственности, т.-е., очевидно соціалистическаго общества. Мы въ этомъ глубоко сомнѣваемся. Начать съ того, что и въ соціалистическомъ или даже коммунистическомъ обществѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не будутъ и не могутъ быть упразднены всецѣло всѣ виды частной собственности или, по крайней мѣрѣ, пользованія. Извѣстные предметы потребленія или личнаго пользованія, не могущіе имѣть значенія орудій производства (пища, одежда и т. п.), конечно будутъ находиться въ личномъ обладаніи отдѣльныхъ лицъ, пріобрѣтшихъ эти предметы путемъ участія въ общественномъ трудѣ. Возможно ли допустить къ нимъ „безпечное“ отношеніе со стороны постороннихъ лицъ, т.-е., иными словами, дозволить возможность порчи, истребленія по небрежности или съ умысломъ, присвоенія, растраты и т. п.? Можно, конечно, указать, что у нѣкоторыхъ дикарей, находящихся на стадіи первобытнаго коммунизма, существуетъ подобнаго рода свободное пользованіе чужими предметами одежды, пищи и т. д., какъ равно и общность женъ, но именно это отсутствіе сколько-нибудь опредѣленныхъ нормъ и разграниченій личнаго и коллективнаго пользованія и привело къ разложенію и исчезновенію какъ первобытнаго коммунизма, такъ и связаннаго съ нимъ родового быта. Наконецъ, если допустить, что такого рода безцеремонное отношеніе къ продуктамъ чужого труда въ личномъ пользованіи у частныхъ лицъ само по себѣ не представляетъ особой опасности для всего общества, то вѣдь въ коммунистическомъ строѣ имѣется на лицо собственность коллективная, и притомъ въ громаднѣйшихъ размѣрахъ — всѣ земли, дома, зданія, орудія производства и т. д. Неужели и по отношенію къ коллективной собственности возможно „безпечное“ отношеніе? Это грозило бы уже неминуемымъ упадкомъ и разореніемъ всего общества, паденіемъ всей европейской цивилизаціи, отъ котораго не могъ бы спасти и прогрессъ техники, весьма сомнительной притомъ въ подобнаго рода деморализованной и безпринципной средѣ.

Вмѣстѣ съ Паульсеномъ [1]) мы признаемъ, что осуществленіе соціалистическаго строя возможно при условіи подъема общественной нравственности и солидарности всѣхъ группъ населенія, и самое существованіе этого строя возможно при наличности постоянно дѣйствующихъ нравственныхъ стимуловъ, достаточныхъ

[1]) System der Ethik. Sozialismus u. Sozialreform.

для того, чтобы взять верхъ надъ противообщественными эгоистическими вожделѣніями. Подобнаго рода прочные и постоянно регулирующіе личную дѣятельность импульсы могутъ быть выработаны не столько ожесточенной классовой борьбой, сколько мирнымъ развитіемъ, подъемомъ культурнаго уровня рабочихъ массъ. Конечно, этотъ послѣдній путь медленный, и самъ по себѣ онъ не исключаетъ защиты отъ эксплуатаціи капиталистовъ болѣе активными средствами, но игнорировать его нельзя, и опасно строить разсчеты на будущее, нимало не подготовленное ни прошлымъ, ни настоящимъ развитіемъ интеллектуальности и сознательной морали среди рабочихъ. Мы не имѣемъ въ виду ни унижать, ни преувеличивать чьи-либо достоинства или недостатки, руководствуясь только сознаніемъ объективной истины, но несомнѣнно, что современное состояніе европейскаго пролетаріата, въ особенности въ отсталыхъ странахъ, какъ, напр., Россія, не даетъ ему моральнаго права взять на себя руководящую роль въ дѣлѣ реорганизаціи общественнаго строя. Эта задача въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время ему оказалась бы не по силамъ. Самъ Каутскій, въ 1891 г., опредѣленно высказался въ томъ смыслѣ, что пролетаріатъ ни въ какомъ случаѣ не добьется обладанія средствами производства, прежде чѣмъ пріобрѣтетъ необходимый для того уровень умственнаго развитія (Intelligenz), необходимыя административныя и теоретическія познанія и умѣнье. Только въ томъ случаѣ рабочіе классы могутъ вступить въ обладаніе средствами производства, когда соціалъ-демократія пріобрѣтетъ или привлечетъ къ себѣ необходимыя матеріальныя и интеллектуальныя силы, которыя дадутъ ей возможность не только захватить государственную власть, но и прочно удержать ее въ своихъ рукахъ [1]). Очевидно, что рабочій классъ еще очень далекъ отъ такого положенія вещей даже въ Германіи, несмотря на долголѣтнее и въ общемъ весьма успѣшное развитіе соціалъ-демократической партіи, а про такія страны, какъ Россія или Испанія, конечно и говорить нечего.

Какое важное значеніе для организаціи общества на соціалистическихъ началахъ имѣетъ нравственная сторона дѣла — показываетъ извѣстный примѣръ крушенія соціалистическихъ общинъ въ С. Америкѣ. Конечно, рѣшающаго значенія въ смыслѣ безусловной неосуществимости соціалистическаго идеала эти неудачные опыты сами по себѣ еще не имѣютъ. Но на ихъ при-

[1]) Th. Mazaryk, „Die philosophischen u. sociologischen Grundlagen des Marxismus". § 90.

мѣрѣ все-таки ясно видно, что для веденія соціалистическаго или коммунистическаго хозяйства необходимы особыя нравственныя силы, особыя строго-моральныя отношенія между членами общины, при отсутствіи которыхъ община неминуемо распадается. Вотъ что говоритъ по этому поводу М. Туганъ-Барановскій [1]), котораго, конечно, никто не заподозритъ въ несочувствіи соціализму: „Какой мотивъ могъ удерживать членовъ въ предѣлахъ общины, которая только стѣсняла предпріимчивыхъ и энергичныхъ людей и въ экономическомъ отношеніи почти ничего не давала имъ взамѣнъ? Очевидно, только мотивы нравственнаго характера—стремленіе къ построенію жизни въ согласіи со строгимъ моральнымъ идеаломъ. Но люди подобнаго душевнаго склада составляютъ въ современномъ обществѣ рѣдкое исключеніе. Только въ соединеніи съ религіей моральные интересы могутъ пріобрѣсти въ душѣ средняго человѣка такую силу, чтобы стать господствующимъ мотивомъ поведенія. И потому вполнѣ понятно, что лишь религіозныя коммунистическія общины оказались способными къ продолжительному существованію; всѣ же прочія попытки создать соціалистическую или коммунистическую общину обычно заканчивались распаденіемъ послѣдней".

Г. Туганъ-Барановскій, согласно общей соціалистической теоріи, отказывается признать въ опытахъ сѣверо-американскихъ общинъ какое-либо доказательство неосуществимости соціалистическаго строя вообще и видитъ въ нихъ лишь несостоятельность практической программы утопическаго соціализма. „Только экспропріація капитала—говоритъ онъ—можетъ сдѣлать возможной соціалистическую организацію хозяйства, которая развернетъ всѣ могучія силы современной техники; соціальное экспериментированіе съ соціалистическими общинами въ маломъ размѣрѣ, общинами, которыя уже по своимъ размѣрамъ и по отсутствію капиталовъ должны быть технически неизмѣримо ниже и слабѣе любого крупнаго капиталистическаго предпріятія, совершенно неспособно произвести великое преобразованіе современнаго строя хозяйства". Однако, какъ бы ни смотрѣть на причины неудачи соціалистическихъ общинъ, ясно, что этотъ опытъ во всякомъ случаѣ—не въ пользу соціалистическихъ теорій. Если соціалисты не могли вести хозяйство въ малыхъ общинахъ безъ поддержки особыхъ (религіозныхъ) стимуловъ, какъ могли и могутъ, однако, вести такое хозяйство мелкія семейныя или религіозныя общины, то почему они окажутся непремѣнно способными организовать

[1]) „Современный соціализмъ", стр. 224.

хозяйство цѣлой страны, если допустить, что они не будутъ прибѣгать къ насилію и правительственному террору? Во всякомъ случаѣ, оказывается, что соціальный стимулъ экономической дѣятельности въ настоящее время слабѣе индивидуальнаго, который, при тѣхъ же условіяхъ, въ той же Америкѣ достигаетъ блестящихъ успѣховъ,—и не только теперь, но и въ отдаленную эпоху распаденія первобытнаго коммунальнаго строя. Этотъ строй распался не вслѣдствіе внезапной революціи, произведенной индивидуалистами или частными собственниками. Мы ничего не знаемъ о планомѣрной агитаціи частныхъ собственниковъ противъ общиннаго строя, о революціонной программѣ партіи индивидуалистовъ или захватѣ ими правительственной власти. Родовой строй былъ разрушенъ не внезапно, а исподволь, постепенно возникавшими и развивавшимися индивидуалистическими предпріятіями и хозяйствами. Правда, соціалистическіе историки (напр. Энгельсъ) называютъ этотъ процессъ торжествомъ низменныхъ страстей—жадности и властолюбія. Но ничто не указываетъ, чтобы эти страсти въ настоящее время замѣтно ослабѣли или чтобы онѣ составляли исключительный удѣлъ только одного какого-нибудь класса,—хотя бы, напр., буржуазіи.

Опредѣлить высоту нравственнаго уровня того или другого общественнаго класса вообще дѣло трудное, если не невозможное. Мы видимъ, однако, что Каутскій и другіе соціалистическіе писатели, не обинуясь, ставятъ не только пролетарскую мораль выше буржуазной въ теоретическомъ отношеніи, но готовы видѣть и въ современномъ пролетаріатѣ черты нравственнаго превосходства, ставящаго его значительно выше консервативныхъ или имущихъ классовъ. Мы отнюдь не имѣемъ въ виду защищать нравы буржуазнаго или дворянскаго общества, но нельзя не видѣть переоцѣнки дѣйствительности и въ утвержденіяхъ соціалистическихъ теоретиковъ. Конечно, рабочимъ, вообще низшимъ классамъ населенія (въ особенности земледѣльцамъ) чужды многіе соблазны и пороки высшаго общества, но не въ силу ихъ особо высокой морали, а въ силу невозможности или неимѣнія средствъ къ развитію и поддержанію „блестящихъ пороковъ“, какъ, напримѣръ, мотовство, кутежи, половой развратъ, а также и нѣкоторыхъ видовъ преступленій. Конечно, неграмотный не можетъ совершать преступленій противъ печати или вынить подлогъ документа и т. п., но никто не поставитъ ему ого въ особую заслугу. Уголовная статистика показываетъ мъ вообще, что каждый общественный классъ или каждая офессія имѣетъ свой особый характеръ преступности, и нѣтъ

ни одного слоя населенія, сколько-нибудь многочисленнаго, которое не выставляло бы ежегодно извѣстнаго числа общихъ уголовныхъ преступниковъ (о политическихъ мы здѣсь не говоримъ). Промышленные рабочіе, по даннымъ уголовной статистики [1]), не выдѣляются замѣтно среди другихъ классовъ населенія по характеру своей преступности. Какъ во всѣхъ вообще низшихъ слояхъ населенія, преобладающей формой преступности у рабочихъ разныхъ категорій являются кража и тѣлесныя поврежденія. Затѣмъ, у нихъ болѣе развиты, относительно, формы преступности, соединенныя съ насиліемъ (грабежъ, убійство, изнасилованіе). Высшіе или болѣе интеллигентные классы (промышленные хозяева, либеральныя профессіи и пр.), отличаются бо̀льшимъ развитіемъ преступности, соединенной съ обманомъ (мошенничество, злоупотребленіе довѣріемъ и пр.) или направленной противъ государственнаго порядка (политическія и служебныя преступленія). При этомъ ошибочно было бы думать, что преступность, напримѣръ, рабочихъ всецѣло опредѣляется ихъ соціальнымъ положеніемъ и направлена главнымъ образомъ на враждебный имъ классъ капиталистовъ или промышленныхъ хозяевъ, какъ того слѣдовало бы ожидать по теоріи классовой борьбы. Данныя русской уголовной статистики совершенно разрушаютъ эту гипотезу. Изъ 7.517 рабочихъ различныхъ профессій, осужденныхъ въ 1904 г. за кражу окружными судами Россійской имперіи, только 62 (или едва 1 изъ 100) совершили кражу у своихъ хозяевъ, а остальные (т.-е. 99 изъ 100) украли у лицъ посторонннихъ. Вполнѣ вѣроятно утвержденіе, что кражи, какъ и другія преступленія, совершаются рабочими главнымъ образомъ въ своей же средѣ, противъ своихъ же товарищей, а не противъ лицъ, принадлежащихъ къ господствующимъ классамъ [2]).

Эти сухія, безпощадныя цифры уголовной статистики, конечно, очень не на руку лицамъ, склоннымъ къ мечтанію о томъ блаженномъ моментѣ, когда пролетаріатъ мощною рукою захватитъ кормило власти. Ясно, что при наличности такого рода мало-

---

[1]) См., напр., мою работу: „Распредѣленіе преступности по профессіямъ". Журн. Мин-ва Юстиціи, 1907, №№ 8 и 9.

[2]) Въ томъ же 1904 году было осуждено за всѣ вообще преступленія 16.236 рабочихъ (мужчинъ). Изъ нихъ совершили преступленія противъ хозяевъ — 96, или только 6 изъ тысячи. За убійство вообще было осуждено 724 рабочихъ, за убійство хозяевъ или администраціи—ни одного. Въ 1905—06 г.г. было нѣсколько случаевъ убійства хозяевъ рабочими, но это—годы исключительные. (Статистич. свѣдѣнія за 1905—06 г.г. еще не разработаны).

цѣнной морали и при отсутствіи довольно основныхъ элементовъ классовой солидарности нельзя серьезно надѣяться на уничтоженіе классовъ и на водвореніе царства свободы вмѣсто царства необходимости. При этомъ безполезно было бы говорить о томъ нравственномъ перерожденіи, которое неминуемо и при томъ съ необычайной скоростью должно наступить по внезапномъ измѣненіи соціальнаго строя (на другой день послѣ революціи). „Ни одно поколѣніе [1]) не можетъ создать изъ ничего новый порядокъ жизни; можно только постоянно пересоздавать данное въ зависимости отъ имѣющагося матеріала". Отсутствіе крѣпкой моральной связи между представителями рабочихъ классовъ и является одной изъ главныхъ причинъ относительно малой успѣшности пролетарскаго движенія, да и вообще всей исторіи зависимости народной массы отъ высшихъ классовъ. Не столько необыкновенная хитрость и жестокость этихъ классовъ, сколько отсутствіе въ самой народной массѣ опредѣленныхъ моральныхъ цѣлей, на ряду съ недостаткомъ энергіи въ отстаиваніи этихъ цѣлей и малой солидарностью между отдѣльными группами и лицами, предали эту массу во власть экономически и политически сильныхъ организацій. И тѣ же качества народной или рабочей массы не позволяютъ ей одержать рѣшительную побѣду и въ настоящее время.

Несмотря на доказанную исторіей тысячелѣтій малую способность народныхъ массъ къ правильно организованной борьбѣ оружіемъ противъ существующаго государственнаго порядка (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этотъ порядокъ самъ по себѣ совершенно разложился и не располагаетъ достаточными силами для своей защиты), значительная часть современныхъ соціалистовъ не теряетъ надежды на захватъ власти революціоннымъ пролетаріатомъ согласно схемѣ, указанной въ „Коммунистическомъ манифестѣ" Маркса. Правда, въ германской соціалъ-демократіи эти надежды въ достаточной мѣрѣ поблекли и сохраняются только какъ декоративный орнаментъ, но за то въ странахъ, населенныхъ кельто-романами (Франція, до нѣкоторой степени Испанія и Италія) и славянами, идея перехода къ соціалистическому строю путемъ насильственнаго переворота встрѣчаетъ благодарную почву и всходитъ пышными посѣвами. Стоитъ прочесть хотя бы „Размышленія о насиліи" Ж. Сореля, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько идеалъ насильственной революціи, какъ высшаго нравственнаго начала, тяготѣетъ надъ

[1]) Ф. Штаудингеръ, „Этика и политика".

сознаніемъ современнаго соціализма. При этомъ Сорель, жестоко критикуя соціалистовъ-реформистовъ, считаетъ себя стоящимъ гораздо ближе къ основамъ ученія Маркса, чѣмъ представители германской соціалъ-демократіи или французскіе парламентскіе соціалисты. Въ теоріи и Каутскій, какъ всѣ ортодоксальные марксисты, долженъ придерживаться того же взгляда. Его пролетарская этика по существу есть мораль аггрессивная, боевая; она разсчитана, по его же словамъ, на борьбу, а не на миръ, не на гармоническую кооперацію и сотрудничество, а на побѣду и одолѣніе супротивныхъ, совершенно во вкусѣ милитаризма всѣхъ вѣковъ и народовъ. Уже изъ перечня соціальныхъ инстинктовъ, унаслѣдованныхъ людьми отъ животныхъ и составляющихъ, по Каутскому, основу всякой морали, мы видимъ то предпочтеніе, которое соціалъ-демократическій моралистъ оказываетъ инстинктамъ, связаннымъ съ борьбой за существованіе. Основные соціальные инстинкты по Каутскому: *самоотверженность* въ дѣлѣ служенія общинѣ; *храбрость* въ борьбѣ за общіе интересы; *вѣрность* обществу; *дисциплина* или подчиненіе волѣ общества, т.-е. въ сущности лицамъ, стоящимъ во главѣ этого общества. Все это—такія качества, отъ которыхъ пришелъ бы въ восторгъ любой прусскій или японскій генералъ, но которыя не могли бы найти себѣ широкаго примѣненія въ обществѣ мирномъ, не преслѣдующемъ никакихъ воинственныхъ цѣлей. Въ такомъ обществѣ взамѣнъ „храбрости“ и „дисциплины“ можно ожидать большаго развитія справедливости, нравственной чуткости и общей благожелательности, не исключающей возможности разнообразныхъ индивидуальныхъ отклоненій отъ общаго коллективнаго типа. Слѣдуетъ надѣяться, что въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ возобладаютъ именно эти мирныя чувства и наклонности, а не храбрость и дисциплина, которыя, за неимѣніемъ внѣшнихъ враговъ (буржуазіи), легко могутъ обратиться и на внутреннихъ (несогласно мыслящихъ).

Въ заключеніе, мы приведемъ любопытное мнѣніе А. Менгера, ученаго, явно сочувствующаго соціализму, относительно коллективной морали, — мнѣніе, которому никоимъ образомъ нельзя отказать въ исторической вѣрности и психологической обоснованности. „Коллективная мораль—по мнѣнію Менгера [1])—въ общемъ значительно ниже индивидуальной морали. Отрѣшеніе отдѣльныхъ членовъ общинъ (союзовъ, корпорацій и т. д.) отъ индивидуальныхъ интересовъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то,

[1]) „Новое ученіе о нравственности“, кн. I, гл. 6 и 11.

что представители союзовъ или обществъ преслѣдуютъ цѣли общеній по большей части весьма односторонне, не задаваясь вопросомъ, приносятъ ли они реальнымъ интересамъ своихъ сочленовъ пользу или вредъ. Они полагаютъ, что служатъ публичному благу, такъ какъ не преслѣдуютъ никакихъ личныхъ интересовъ. Достаточно вспомнить о тѣхъ насиліяхъ, которыя искренніе и добросовѣстные люди совершали въ прежніе вѣка во имя религіи, а въ послѣднія десятилѣтія—въ интересахъ якобы своей расы, національности или партіи. Когда партіи удается временно подчинить себѣ государство, то дѣятельность ея можетъ достигнуть чрезвычайной горячности и даже дикой безчеловѣчной жестокости". Правда, по дальнѣйшему изложенію того же Менгера, это послѣднее положеніе можетъ и не относиться къ соціализму, которому должны предшествовать демократизація политической и экономической іерархіи силъ и развитіе особо организованнаго общественнаго мнѣнія. Но все-таки возможность повторенія якобинской политики, въ случаѣ успѣха революціонной тактики отдѣльныхъ соціалистическихъ партій, не можетъ быть отрицаема. И эта возможность находитъ себѣ достаточное подтвержденіе въ революціонной морали большинства соціалистическихъ ученій и въ возведеніи насилія въ высшую этическую цѣнность, передъ которою блѣднѣютъ идеалы примиренія интересовъ и мирной реорганизаціи соціальнаго строя.

IV.

Критика, направленная нами противъ марксистской этики, вовсе не имѣетъ своей задачей доказать невозможность осуществленія соціалистическихъ идеаловъ вообще. Еще меньше нашей цѣлью можетъ быть защита моральныхъ основъ существующаго экономическаго и политическаго строя какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ. Несомнѣнно, что нравственное состояніе или моральный уровень современнаго человѣчества, а равно и этическая цѣнность поддерживаемыхъ имъ учрежденій и организацій значительно ниже даже той средней нормы нравственности, которая можетъ быть опредѣлена дедуктивнымъ путемъ. Но это печальное состояніе коллективной нравственности есть исключительное свойство только нашей эпохи: оно проявлялось въ несомнѣнно болѣе рѣзкихъ и грубыхъ формахъ въ различные отдаленные отъ насъ періоды, характеризующіеся острепіемъ политической, религіозной или классовой борьбы.

Человѣчеству, утомленному этой безконечной и безпрерывной борьбой, естественно мечтается о возможности наступленія въ будущемъ свѣтлой эры всеобщаго счастья и безмятежнаго наслажденія благами жизни. Это—мечта, перешедшая изъ области религіозныхъ упованій („идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе“) въ область практической соціальной борьбы.

Нашей цѣлью было только показать, что марксистская этика, насколько о ней можно судить съ теоретической точки зрѣнія, не согласуется съ наступленіемъ такого безмятежнаго счастья для будущаго человѣчества. Конечно, вѣра въ будущее „Царствіе Божіе“ весьма сильна въ человѣчествѣ со временъ возникновенія христіанства, и она легко оживаетъ, переходя изъ одной формы въ другую, отъ надежды на „градъ небесный“—къ увѣренности въ будущемъ устройствѣ „града земного“. Но при этомъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ людямъ свойственно принимать свои желанія за дѣйствительность и видѣть будущее въ окраскѣ своихъ личныхъ цѣлей и идеаловъ. Errare humanum est. Объективная истина, конечно, мало кому доступна, ея познаніе требуетъ особой безпристрастности, спокойствія духа и яснаго, уравновѣшеннаго ума. Но и для такого ума точное предвидѣніе будущаго—дѣло почти невозможное и во всякомъ случаѣ крайне рискованное. Дѣло въ томъ, что дѣйствительная жизнь всегда богаче и сложнѣе всякой теоріи. Въ жизни происходитъ постоянная „гетерогонія“ цѣлей. Такъ называетъ Вундтъ въ своей „Этикѣ“ возникновеніе новыхъ цѣлей или мотивовъ дѣйствія изъ побочныхъ слѣдствій уже совершенныхъ дѣяній, а такія цѣли вовсе не имѣлись въ виду при началѣ дѣйствія; нерѣдко даже эти новые мотивы оказываются въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣми цѣлями, которыхъ предполагалось достигнуть по первоначальной программѣ. Такъ, напримѣръ, христіанство въ началѣ среднихъ вѣковъ стремилось косвеннымъ путемъ подчинить себѣ свѣтскую власть, съ цѣлью провести въ жизнь свои идеалистическіе принципы; но въ результатѣ оказалось полнѣйшее проникновеніе самой христіанской церкви мірскими началами и ея подчиненіе житейской морали и матеріальнымъ интересамъ. Въ равной мѣрѣ средневѣковые короли, созывая по личному почину сословныя собранія для цѣлей пополненія своей казны новыми налогами, никоимъ образомъ не предполагали, что эти скромные выборные съѣзды сыграютъ въ будущемъ такую роковую по отношенію къ королевской власти роль. И такихъ историческихъ примѣровъ можно было бы привести цѣлые десятки.

Въ виду этой трудности предугадывать теченіе будущихъ

событій простое благоразуміе требуетъ извѣстной осторожности въ предсказываніи непремѣннаго наступленія того или другого общественнаго строя. Несомнѣнно, что современныя экономическія и политическія отношенія измѣнятся и будутъ замѣнены другими, но какими именно и въ какой послѣдовательности, путемъ ли внезапной революціи или рядомъ постепенныхъ реформъ и измѣненій—этого съ увѣренностью сказать заранѣе нельзя. Въ равной мѣрѣ нельзя сказать, насколько человѣчество будетъ себя чувствовать лучше въ будущемъ строѣ, чѣмъ теперь. Скорѣе всего, — оно мало будетъ интересоваться вопросомъ сравненія своего счастья съ состояніемъ предыдущихъ вѣковъ, какъ мало въ сущности интересуемся этимъ и мы: предъ нашими потомками будутъ лежать новыя, для насъ неизвѣстныя или мало извѣстныя, а для нихъ насущныя задачи, разрѣшенію которыхъ они и будутъ посвящать свое вниманіе. Психическое развитіе человѣчества остановиться не можетъ, развѣ что начнется общее и безповоротное вырожденіе, на что не имѣется теперь указаній. Слѣдовательно, всегда будетъ стремленіе къ новымъ цѣлямъ, новымъ идеаламъ, разрѣшеніе все новыхъ и болѣе сложныхъ жизненныхъ задачъ. Наступленіе будущаго золотого вѣка въ видѣ всеобщаго безмятежнаго довольства и лазурнаго счастья—не болѣе какъ совершенно ненаучная поэтическая мечта.

Правда, что въ культивированіи и развитіи этой мечты повинны собственно не марксисты, а утопическіе соціалисты, но утопизмъ далеко еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Именно въ послѣднее время замѣчается оживленіе интереса къ утопическому или скорѣе идеалистическому соціализму—въ видѣ реакціи противъ матеріалистическихъ крайностей марксизма. Поскольку въ данномъ движеніи замѣчается стремленіе утвердить соціалистическую этику на основахъ, выработанныхъ критической философской мыслью, движеніе это заслуживаетъ серьезнаго интереса и вниманія. Въ нашей литературѣ можно указать на М. Туганъ-Барановскаго, въ этомъ отношеніи рѣшительно отступившаго отъ ортодоксальнаго марксизма. Онъ настаиваетъ [1]) на признаніи моральныхъ идеаловъ, выработанныхъ теоріей Канта, за основы соціалистической этики. Идея равноцѣнности человѣческой личности, человѣка, какъ цѣли въ себѣ, является центральной идеей соціализма, стремящагося осуществить на практикѣ равенство людей въ смыслѣ равномѣрнаго распредѣленія трудовыхъ продуктовъ.

[1]) „Современный соціализмъ“, Введеніе.

Но тотъ же М. Туганъ-Барановскій, при всей научности и философской обоснованности его изложенія, не можетъ удержаться отъ лирическихъ излiяній по поводу предстоящаго, по наступленіи соціализма, необычайнаго подъема человѣческаго генія, необычайнаго расцвѣта цивилизаціи, когда мыслители и художники станутъ героями и вождями будущаго человѣчества, а интересъ къ познанію и эстетической дѣятельности возрастетъ въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и заполнитъ собою всю жизнь людей, возвышающихся надъ уровнемъ посредственности. Все это—утвержденія болѣе или менѣе произвольныя и во всякомъ случаѣ спорныя. Вѣрующіе соціалисты слишкомъ злоупотребляютъ глубиной и непоколебимостью своей вѣры, расписывая прелести будущаго строя съ такими же подробностями и точностью, съ какими авторъ Апокалипсиса измѣрялъ стѣны и башни „небеснаго Іерусалима“. Въ мелкихъ брошюрахъ эта вѣра, достойная первыхъ вѣковъ христіанства, выступаетъ съ наибольшею яркостью. Напр., у І. Штерна („Государство будущаго“) уже самое перечисленіе его краткихъ тезисовъ (оглавленіе) представляетъ какое-то странное подобіе акаѳисту, гдѣ повторяется въ разныхъ выраженіяхъ одинъ и тотъ же мотивъ восхваленія:—Тезисъ 3: Соціализмъ не стремится къ упраздненію собственности. Тезисъ 4: Соціализмъ не стремится ко всеобщей нивеллировкѣ. Тезисъ 5: Соціализмъ не хочетъ искоренить религію. Тезисъ 6: Соціализмъ не стремится уничтожить бракъ и ввести свободную любовь. Тезисъ 7: Соціализмъ не уменьшитъ жизненныхъ удобствъ, а наоборотъ, значительно повыситъ ихъ и сдѣлаетъ общимъ достояніемъ, и т. д. Всѣ эти тезисы доказываются на одной-двухъ страничкахъ каждый,—но, конечно, для людей, заранѣе сочувствующихъ идеѣ соціализма, этого довольно.

При всемъ томъ, никоимъ образомъ нельзя отрицать великаго творческаго значенія за идеей соціализма, независимо отъ ея временныхъ и случайныхъ искаженій и затменій. Въ этой идеѣ сказывается неудержимое влеченіе всего человѣчества къ осуществленію завѣтовъ правды и справедливости на землѣ, насколько такое осуществленіе возможно для человѣчества вообще. Что при этомъ дѣло не обходится безъ ошибокъ, преувеличеній, отдѣльныхъ промаховъ и заблужденій,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но эти отдѣльныя ошибки и заблужденія не могутъ затемнить въ нашихъ глазахъ общій свѣтлый характеръ новаго ученія. Конечно, будущее въ точности намъ неизвѣстно, но оно во всякомъ случаѣ не можетъ оказаться совершенно противорѣчащимъ

общимъ ожиданіямъ наиболѣе сознательныхъ элементовъ общества. Разница легко можетъ быть въ деталяхъ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ существенныхъ частностяхъ, но трудно представить, чтобы усилія значительной и притомъ едва-ли не лучшей части человѣчества остались совершенно безплодными или привели бы только къ отрицательнымъ результатамъ. Вотъ почему всякое изслѣдованіе, направленное къ соглашенію или связи соціалистическихъ теорій съ нормами этики, выработанными еще до появленія соціализма въ его законченномъ видѣ, но какъ бы предчувствующими его появленіе, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Такія работы, какъ, напр., Д. Койгена „Міровоззрѣніе соціализма“ [1]), представляютъ большой интересъ для всякаго, кому нечужды размышленія о будущемъ человѣчества. Но разсмотрѣніе этой работы лежитъ уже внѣ предѣловъ нашей задачи.

Для насъ, русскихъ, въ настоящій критическій моментъ нашей исторической жизни вопросъ о возможности осуществленія соціалистическихъ идеаловъ и о связи этихъ идеаловъ съ принципами философской этики, при всей кажущейся абстрактности, представляетъ несомнѣнный интересъ—въ виду извѣстной нашей воспріимчивости и чуткости ко всякаго рода новымъ вѣяніямъ и направленіямъ въ области соціальной мысли. Этой нашей особенностью объясняется та быстрота, съ которой наша интеллигенція въ значительной ея части восприняла тѣ или иныя догмы соціалистическаго ученія и даже пытается такъ или иначе провести эти догмы въ дѣйствительную жизнь, несмотря зачастую на явное несоотвѣтствіе экономическаго и вообще культурнаго уровня страны съ программой хотя бы соціалъ-демократіи. Для насъ поэтому должны быть особенно нужны попытки безпристрастнаго разсмотрѣнія тѣхъ или другихъ проблемъ соціалистическихъ ученій, внѣ всякой тенденціи опровергнуть или доказать какое-либо положеніе, помимо его дѣйствительной научной или философской цѣнности. Если есть какая-либо область, не взбаломученная современными вѣтрами и бурями, не затемненная тѣми или другими партійными цѣлями и вожделѣніями, то это именно область отвлеченнаго критическаго мышленія.

Евг. Тарновскій.

[1]) „Задачи соціалистической культуры“, сборникъ статей, 1907.

ЯНА РЁНТЮ

Романъ Эйно Лейно.

— Eino Leino. — Jaana Rönty. Romaani.—Helsingissä. 1907.

I.

Тамъ далеко, въ глуши Финляндіи, гдѣ темныя воды неподвижно стоятъ въ промерзшихъ болотахъ, былъ родной домъ Яны Рёнтю.

Онъ стоялъ одиноко въ лѣсу близъ большой дороги, соединявшей два городка. Станціи были рѣдки. Дорога всегда—или топкая, или въ ухабахъ. Деревня вблизи была только одна.

Проѣзжіе, особенно возчики, охотно заѣзжали въ избушку Рёнтю. У хозяйки моментально закипалъ кофе, а у хозяина, угрюмаго, рябого Икки Рёнтю, въ каморкѣ всегда, бывало, найдется капелька-другая тѣхъ сливокъ, которыхъ кошки не пьютъ.

Домишко стоялъ на пригоркѣ. Въ немъ было двѣ комнатки и каморка позади сѣней. Передъ домомъ въ нѣсколькихъ шагахъ стояла баня па берегу лѣсного озерка Куйккалампи.

Земледѣльческимъ хозяйствомъ тутъ нельзя было заниматься. Морозъ губилъ все на-чисто. Куйккалампи и лѣтомъ дышало холодомъ, а съ топкаго болота къ сѣверу отъ него неслось дыханіе смерти, словно безконечныя стаи оперенныхъ морозомъ птицъ, которыя ледяными крыльями своими душили все, что было на землѣ прекраснаго и цвѣтущаго.

Въ банѣ жила Яна съ бабушкой, уже потерявшей счетъ годамъ, Миною Рёнтю. Ее всѣ вообще звали бабушкой.

Бабушка была суровая воспитательница.

По настоящему Янѣ слѣдовало умереть, думала бабушка;

тогда можно было поручиться, что она попадетъ въ царство небесное.

Но Яна жила себѣ да жила.

Конечно, Яну выходила бабушкина плетка. Бабушка била серьезно и усердно.

Впрочемъ, бабушка не была все-таки сущей вѣдьмой. У нея бывали минуты нѣжности; тогда она разсказывала множество прекрасныхъ сказокъ, отъ которыхъ бросало въ дрожь, про лѣшихъ, про кладбища, про оборотней и вообще про добрыхъ и злыхъ духовъ, но больше про злыхъ; эти послѣдніе выходили у нея и живѣе, и могущественнѣе.

Яна слушала, вытаращивъ глаза.

Бабушкины сказки были всѣ настоящія. Все это случалось, если не съ ней самой, то съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ или знакомыхъ. Одна изъ этихъ сказокъ словно огненными буквами врѣзалась въ памяти Яны.

Это случилось съ самой бабушкой, когда она была молода.

Она бѣжала на лыжахъ по лѣсу темной зимней ночью и вдругъ совершенно ясно услыхала, какъ твердый настъ проламывается позади нея. Словно за ней гонится мужчина въ большихъ сапогахъ. Она оборачивается назадъ,— не видать никого. Бѣжитъ впередъ и снова слышитъ тотъ же звукъ. Бабушка начинаетъ читать „Отче нашъ“,—къ счастію, она помнила его наизусть,—и пускается бѣжать со всѣхъ ногъ. Мокрёшенька и запыхавшись добѣжала она до ближайшаго двора.

— Кто же это былъ?—осмѣлилась спросить Яна.

— А кому же быть, какъ не тому...—отвѣчала бабушка.— Дьяволъ это былъ, что рыщетъ какъ левъ рыкающій...

— А чего же ему хотѣлось отъ бабушки?

— Ну, ужъ... чего-то хотѣлось...

Яна не посмѣла больше разспрашивать.

Но бабушка, минуту спустя, продолжала, какъ бы вспоминая вслухъ:

— А лѣтъ тогда мнѣ было... я готовилась къ конфирмаціи... коса у меня была длинная-длинная, ниже колѣнъ... На такихъ-то онъ, говорятъ, особенно падокъ.

Яна сосчитала года по пальцамъ. Со страхомъ думала она о томъ времени, когда у нея будетъ коса ниже колѣнъ.

Въ баню иногда проникалъ свѣтъ черезъ маленькое оконце, величиной въ ладонь, въ задней стѣнѣ. Изъ него виднѣлся кусочекъ угрюмаго лѣсного озерка, а за нимъ—безотрадное болото, заросшее подгнившими соснами.

Этотъ видъ глубоко врѣзался въ сердце Яны, запечатлѣлся въ немъ, какъ неизгладимое воспоминаніе о первыхъ годахъ ея жизни и о дѣтствѣ, проведенномъ въ лоснившемся отъ копоти домишкѣ.

II.

Шестнадцати лѣтъ Яна конфирмовалась.

Она была уже совсѣмъ взрослая дѣвушка, съ развитой грудью, съ большими, сверкающими какъ сѣверное сіяніе, глазами. Коса у нея была ниже колѣнъ. Это очень смущало ее.

Въ пасторской школѣ она познакомилась съ Гейки, парнемъ съ ближайшаго постоялаго двора. Они часто оставались вдвоемъ. Товарищи уже стали называть ихъ женихомъ и невѣстой.

Сами они никогда не говорили о любви ни слова.

Гейки иногда приходилъ къ ней повидаться.

Такъ прошли осень и зима. Они еще ни слова не говорили о любви.

Однажды вечеромъ Яна услыхала колокольчикъ на большой дорогѣ. Дверь въ ея каморку распахнулась настежь, и на порогѣ показался Симо Луйкариненъ, купецъ изъ Ленту, въ огромномъ волчьемъ тулупѣ.

— Гей! Есть тутъ кто-нибудь?

Яна сидѣла за ткацкимъ станкомъ.

— Добрый день, а можетъ быть и добрый вечеръ!.. А ты, дѣвушка, все ростешь... и хорошѣешь!

Купецъ подошелъ поближе. Онъ возвращался изъ города, отъ него пахло водкой и коньякомъ.

Яна убѣжала за станокъ.

— Ну, ну, чего боишься? Не кусаюсь я!

У нихъ начался настоящій бѣгъ взапуски.

Въ концѣ концовъ купецъ все-таки поймалъ ее и запахнулъ ее въ свой широкій тулупъ...

Яна укусила его за палецъ.

На порогѣ появился Икка Рёнтю.

Купецъ показалъ ему укушенный палецъ.

— Дочка-то у тебя волкъ, а не человѣкъ.

Икка Рёнтю сердился рѣдко, но когда сердился, онъ становился свирѣпъ. Не говоря ни слова, онъ схватилъ Яну за косу и потащилъ въ конюшню, потащилъ какъ скотину, снялъ со стѣны кнутъ и жестоко избилъ ее.

Въ эту же ночь Яна убѣжала изъ дому.

Она прибѣжала на тотъ постоялый дворъ, гдѣ жилъ Гейки. Она дала себѣ слово, что никогда въ жизни не отворитъ двери въ родительскій домъ. Гейки говорилъ, что въ Гельсингфорсѣ прислуга получаетъ хорошее жалованье. Янѣ и самой хотѣлось туда. Гейки обѣщалъ довезти ее на своей лошади до городка, гдѣ начиналась желѣзная дорога. На билетъ у Яны хватало денегъ.

О любви не обмолвились ни однимъ словомъ.

Но прежде чѣмъ они попрощались на вокзалѣ, между ними было условлено, что Яна черезъ два года вернется назадъ. Гейки будетъ тогда самъ хозяиномъ. Тогда справятъ и свадьбу.

Гейки обѣщалъ писать Янѣ.

III.

Раннимъ утромъ пріѣхала Яна въ Гельсингфорсъ; весь день проходила по незнакомымъ улицамъ,—къ вечеру стала уставать.

У нея былъ узелокъ съ припасами, и потому она не голодала. Но она не знала, гдѣ бы ей переночевать.

Кругомъ она слышала разговоръ на чужомъ, непонятномъ ей языкѣ. Каждое финское слово наполняло ея душу величайшей и горячей радостью.

На перекресткѣ стояло двое рабочихъ; они говорили по-фински.

— Добрый вечеръ!—сказала Яна.

— Добрый вечеръ, добрый вечеръ! Чего тебѣ, дѣвушка?

— Женихъ, что-ли, пропалъ?

— Посовѣтуйте, люди добрые, гдѣ бы мнѣ переночевать.

— Изъ деревни, должно быть?

— А то откуда же? Сегодня только пріѣхала. За ночлегъ заплатить найдется.

— Семья у меня, а у тебя, впрочемъ, еще больше. Пойдемъ къ намъ,—пригласилъ рабочій.

Жилъ онъ гдѣ-то за кладбищемъ, въ маленькой каморкѣ во дворѣ. У него была жена и четверо дѣтей.

— Вотъ дѣвушка изъ деревни пришла. Ей нуженъ ночлегъ. Говоритъ, что заплатитъ.

Жена недовѣрчиво посмотрѣла на Яну, но все-таки постлала ей на полу.

Утромъ Яна спросила, сколько слѣдуетъ за ночлегъ.

— Сколько дашь! Чай, лишнихъ-то у тебя нѣтъ!

Но когда Яна открыла кошелекъ и оттуда выпала пятимарковая бумажка и зазвенѣло серебро, старуха совсѣмъ перемѣнила тонъ.

— Да ты богачка! Дай-ка мнѣ взаймы немножко; мы страшно бѣдствуемъ, мужъ безъ работы, а ребята голосятъ... Что тамъ ночлегъ! За ночлегъ ты не плати.

— Сколько же вамъ?

— Да давай лучше все. Еще обронишь кошелекъ; ты, видно, не привыкла денежки-то хранить. Пожалуй еще украдетъ кто-нибудь. Ты не повѣришь, голубушка, сколько дурныхъ людей тутъ въ городѣ.

Яна отдала кошелекъ.

Она опять проходила цѣлый день по улицамъ. Вечеромъ старуха дала ей поѣсть. Ночью мужъ пришелъ домой пьяный и сильно нашумѣлъ.

Когда на другой день Яна потребовала свои деньги назадъ, старуха разсердилась.

— Вотъ еще!—крикнула она.—Ты думаешь, дешево стоятъ здѣсь въ городѣ ѣда и ночлегъ? А коли тебѣ у насъ не нравится, такъ скатертью дорога!

Яна опять проходила цѣлый день.

Позади сѣней была другая комнатка; въ ней жила какая-то красивая вдова съ ребенкомъ. Яна познакомилась съ ней наканунѣ утромъ.

Теперь она зашла къ ней и разсказала исторію съ кошелькомъ.

— Ой, ой, бѣдняжечка! — сѣтовала вдова. — Не получишь ты съ нихъ назадъ ни одного пенни.

Порѣшили, что Яна переночуетъ у нея.

Яна разсказала ей всю свою короткую жизнь.

— Что же я, несчастная, буду тутъ дѣлать! Не можешь ли устроить меня куда-нибудь въ услуженіе?

— Ну, ну! Рано еще падать духомъ. Такая красивая и стройная дѣвушка всегда найдетъ себѣ мѣсто. Конечно, мѣсто найти всегда можно, но прислугѣ слишкомъ мало платятъ. Быть можетъ, удастся устроиться въ продавщицы или какъ-нибудь иначе. Тамъ совсѣмъ другой заработокъ.

— Да я такъ молода и неопытна,—горевала Яна.

— Ничего. Такихъ-то эти господа больше любятъ.

Комнатка вдовы казалась Янѣ раемъ. Все въ ней было чисто и опрятно, на комодѣ—зеркало и бездѣлушки, передъ кроватью—ширмы. Яна легла спать на доскахъ между стульями.

IV.

Яна заснула крѣпкимъ сномъ молодости. Утромъ вдова разбудила ее и объявила, что уже нашла ей мѣсто.

Яна была радёшенька.

Вдова встрѣтила на базарѣ знакомую барыню, которой нужна именно такая дѣвушка, какъ Яна. О жалованьи можно сговориться потомъ.

— Настоящіе господа?—спросила Яна.

— Разумѣется,—засмѣялась вдова.

Около полудня пришла барыня, высокая, плотная особа съ грубымъ голосомъ и жирнымъ, обрюзглымъ лицомъ.

Яна сразу почувствовала къ ней сильнѣйшее отвращеніе.

Барыня внимательно разглядывала Яну.

— Дичится еще немножко,—сказала вдова.

Барыня повела Яну съ собою.

— Ты ѣла?—спросила она, когда онѣ вошли въ кухню.

— Сегодня еще нѣтъ,—отвѣтила Яна.

Барыня поставила передъ ней кушанье, налила себѣ и Янѣ по стакану пива и чокнулась съ Яной.

— Добро пожаловать!

Яна попробовала пива, но выпить не могла. Барыня выпила стаканъ, другой.

— Пойду-ка я сосну немножко. Всю ночь глазъ не смыкала,—сказала она, зѣвая.

„Должно быть, я попала въ очень строгій домъ,—подумала Яна.—Ужъ если хозяйка по ночамъ не спитъ,—что же работница!“

Яна поѣла, встала и поблагодарила.

— За какую же работу мнѣ приниматься? Барынѣ придется поучить меня: я еще такая глупая и неопытная.

— Сегодня отдыхай!

И ушла.

Яна осталась одна въ кухнѣ.

О домѣ она не скучала. Но въ ней заговорила совѣсть. Правильно ли поступила она, бросивши стариковъ? Какъ посмотритъ на это Богъ на небесахъ?

Яна была набожна. Даже и въ дорогѣ она исправно прочитывала утреннія и вечернія молитвы. Новый Завѣтъ былъ у нея съ собой въ узелкѣ. Она раскрыла его, сѣла къ окну и стала читать про себя.

Сейчасъ же она почувствовала себя спокойнѣе. Знакомыя выраженія священнаго писанія подѣйствовали на нее словно привѣтъ изъ родныхъ мѣстъ. Изъ чуждой обстановки, изъ чужого головокружительнаго города она какъ будто возвратилась домой, къ своимъ. Мысли пришли въ порядокъ и прояснились.

Яна уже не читала; она плакала. Она рѣшила теперь же написать бабушкѣ и благодарить ее за всѣ ея колотушки, благодарить отца, благодарить всѣхъ на свѣтѣ. Всѣ были добры къ ней: всѣ желали ей хорошаго.

Но прежде всего слѣдовало благодарить Бога.

Яна долго и горячо молилась.

V.

Яна долго оставалась въ кухнѣ одна. Только къ вечеру хозяйка показалась къ кухнѣ нечесаная и съ мутными глазами.

— Тебѣ чего тутъ надо?—спросила она у Яны.

Она, повидимому, забыла про нее.

— Вы бы мнѣ работу дали, барыня. Мнѣ стыдно сидѣть цѣлый день сложа руки.

— Такъ, такъ, — протянула барыня разсѣянно.—Ну, вотъ, вымой эту посуду!

И опять ушла.

„Странный домъ!“—думала Яна.

Стемнѣло. Понемножку стало слышно движеніе въ другихъ комнатахъ. Черезъ кухню прошла какая-то полураздѣтая дѣвушка.

Появилась въ кухнѣ еще какая-то служанка. Яна попыталась заговорить, но та только покачала головой и проговорила:

— Förstår inte.

Яна знала, что это по-шведски.

Наступила ночь. Барыня велѣла Янѣ ложиться спать.

Среди ночи барыня разбудила ее.

— Вставай живѣй! Иди угощать гостей.

Яна быстро вскочила. Ея собственное платье исчезло со стула. На немъ лежалъ теперь красный просторный капотъ и длинные ажурные чулки.

— Надѣвай скорѣй! Господа ждутъ.

Яна хватилась своего платья.

— Я выбросила его въ чуланъ въ сѣняхъ. Не далеко ты уйдешь въ своихъ деревенскихъ тряпкахъ.

„Такъ и должно быть“,—подумала Яна. Развѣ можетъ годиться ея домотканное платье въ такомъ хорошемъ домѣ!

Капотъ былъ слишкомъ роскошенъ для нея, съ кружевами на рукавахъ и буффами у ворота. Ей было стыдно, она чувствовала себя почти нагою.

Барыня смотрѣла на нее съ нескрываемымъ восторгомъ.

— Красавица ты!—сказала она и ласково ущипнула ее за подбородокъ.—Только помни, не напивайся сейчасъ же!

Этого предостереженія Яна не поняла.

Барыня дала ей въ руки подносъ со стаканами и бутылками.

„Должно быть, у нихъ сегодня большой пиръ“, — подумала Яна.

— А какъ тебя зовутъ? — спросила барыня въ послѣднюю минуту.

— Яна.

— А дальше?

— Яна Рӧнтю.

— Фуй! Это не годится; слишкомъ грубо и неуклюже. Если тебя будутъ спрашивать, называй себя... ну, хоть Хильтури.

— Зачѣмъ?—спросила Яна.

— Хильтури!—повторила барыня и указала Янѣ на какую-то комнату.

Тамъ было много господъ, среди нихъ одинъ пожилой. Яна поставила подносъ на столъ и хотѣла уйти. Но господа не пустили ее. Одинъ схватилъ ее за руку и посадилъ.

— Прехорошенькая дѣвчонка! — говорили они. — Какъ зовутъ?

— Хильтури,—пролепетала Яна.

Ей налили стаканъ вина, и всѣ пожелали чокнуться съ Хильтури. Яна вспомнила слова барыни и не пила.

Всѣ они были очень веселы, всѣ говорили разомъ, хохотали и дурачились. Каждому хотѣлось взвѣсить на рукѣ ея косу, и всѣ увѣряли, что она—фальшивая. Яна смѣялась надъ ними.

Они подняли такой шумъ, что Яна удивлялась, какъ это барыня не придетъ унять ихъ.

Она рѣшила уйти.

Молодой господинъ загородилъ ей дорогу, а когда она всеаки хотѣла пройти мимо него,—обнялъ ее. Яна такъ толкнула го, что столъ упалъ, и все, что̀ на немъ было, полетѣло на олъ. Молодой господинъ отлетѣлъ за столъ.

— Браво!—кричали господа.

Но Яна разразилась рыданіями.

Что̀ скажетъ барыня? И чѣмъ она теперь заплатитъ за разбитое? Ей навѣрное откажутъ отъ мѣста.

— Молодецъ дѣвка! — утѣшали господа. — Конечно, мы заплатимъ.

Камень свалился съ сердца у Яны.

— Выгоните вонъ эту дрянь! — кричалъ въ бѣшенствѣ молодой господинъ, поднимаясь съ пола.

Яна и безъ того ушла бы, но ее окружили и старались посадить на диванъ.

— Оставьте дѣвушку въ покоѣ! — сказалъ пожилой господинъ. — Развѣ вы не видите, что она попала сюда случайно?

Молодые господа расхохотались.

— Не думаетъ ли дядюшка, что ей впервой?

— Прошу васъ, оставьте меня съ ней вдвоемъ.

Тѣ расхохотались пуще прежняго, но все-таки ушли. Пожилой господинъ смотрѣлъ весьма важно. Яна слышала, что его титуловали какимъ-то незнакомымъ ей титуломъ.

VI.

Яна все еще всхлипывала.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ пожилой господинъ.

Яна осмѣлилась назвать теперь свое настоящее имя.

— Откуда родомъ?

Яна назвала мѣстность.

Ласковое обращеніе пожилого господина ободрило Яну. Заглянувъ ему въ глаза, она рѣшительно сказала:

— Да, да! Вы именно такой человѣкъ. Помогите мнѣ уйти отсюда!

— Давно ты здѣсь?

— Сегодня утромъ пришла.

— Такъ я и думалъ! Бѣдняжка!

Сожалѣніе тронуло Яну.

— Что̀ же это, въ самомъ дѣлѣ, за мѣсто?

— А что̀?

— Да здѣсь днемъ спятъ, а ночью кутятъ.

— Это очень дурное мѣсто. Тебѣ не слѣдуетъ оставаться здѣсь!

— А какъ же вы-то тутъ?

Пожилой господинъ видимо смутился.

— Я здѣсь случайно. — Такъ ты хочешь вонъ отсюда?

— Хочу.

— Я поговорю потомъ съ хозяйкой. Уходи сегодня же утромъ! Но куда же ты пойдешь? Ты была раньше въ услуженіи?

— Нѣтъ!

— Хочешь назадъ домой?

— Нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтила она.—А вы не взяли бы меня въ услуженіе?

— Мнѣ не нужно. А вотъ тебѣ двадцать марокъ, чтобы ты могла прожить, пока найдешь мѣсто.

— Какой вы добрый!—Яна низко поклонилась.

Но у нея была еще одна забота.

— Кто же изъ тѣхъ господъ заплатитъ за разбитую посуду?

— Я заплачу́!

Яна совершенно успокоилась.

Пожилой господинъ, очевидно, усталъ. Онъ забился въ уголъ дивана и закрылъ глаза рукою. Яна не знала, уходить ли ей, или оставаться.

— А теперь ты можешь разсказать мнѣ что-нибудь о твоемъ родномъ домѣ.

Яна сѣла на стулъ, скрестила руки и заговорила искренно, словно исповѣдовалась. Она разсказала объ отцѣ, матери, братьяхъ и что̀ знала о бабушкѣ и объ ея роднѣ. Это была далеко не блестящая семейная повѣсть, но слушателю она, повидимому, нравилась.

Разсказывала Яна, разумѣется, безсвязно и неумѣло, но слушатель самъ дополнялъ въ умѣ ея разсказъ, и передъ его духовнымъ взоромъ стояла теперь неизмѣнно повторяющаяся повѣсть о семьѣ, оторвавшейся отъ своихъ корней и очевидно идущей къ вѣрной и неизбѣжной погибели.

„Катящійся камень мхомъ не обростетъ“,—уныло усмѣхнулся онъ про себя.

VII.

Бабушка Яны родилась въ еще большей глуши, на крайнемъ сѣверѣ Финляндіи. Во время ужаснаго голода въ 1860 году она переселилась оттуда съ сыномъ и направилась съ толпою нищихъ на югъ. Нищіе прослышали про болѣе населенныя мѣста въ долинахъ. Тамъ были пастораты и помѣщичьи усадьбы, тамъ дающая рука щедрѣе. А дома никто уже, никто не могъ помочь,

кромѣ Бога. Если не поможетъ Онъ, оставалось только умирать. И люди умирали безъ ропота, увѣренные въ томъ, что ихъ ждетъ райское блаженство. Еслибы Мина Рёнтю съ сыномъ осталась въ родныхъ мѣстахъ, оба они, безъ сомнѣнія, переселились бы на общее деревенское кладбище и получили бы свою долю блаженства. Но она не выдержала испытанія. Два дня боролась она съ соблазномъ, на третій день не выдержала, собралась, разбудила сына, заперла на засовъ двери родной избушки и, взявъ лыжи, поспѣшно спустилась съ пригорка въ синеватую утреннюю мглу. Былъ трескучій морозъ. Икка бѣжалъ на лыжахъ сзади. Они бѣжали молча, не оглянувшись ни разу назадъ.

Небеса грозно пылали надъ ихъ головами.

VIII.

Яна замѣтила, что ея слушатель спитъ. Съ минуту просидѣла она въ нерѣшительности.

Пожилой господинъ проснулся, протеръ глаза. Повидимому, ему приснился сонъ. Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни промелькнули такъ ясно въ его воображеніи снѣжныя равнины Финляндіи.

Его знобило.

— Ага!—сказалъ онъ, замѣтивши Яну.—Гдѣ моя шуба?

Яна подала ему шубу. Онъ надѣлъ калоши.

— А вѣдь вы обѣщали поговорить съ барыней, — сказала Яна.

— О чемъ?—разсѣянно спросилъ онъ.

— А чтобы мнѣ уйти отсюда.

— Это вѣрно.

Яна слышала, какъ онъ разговаривалъ въ кухнѣ съ хозяйкой и затѣмъ ушелъ.

— Негодяйка!—закричала на Яну хозяйка, вталкивая ее въ кухню.—Это очень знатный господинъ...

— Могу я уйти?—спросила Яна, всхлипнувъ.

— На всѣ четыре стороны. Да не болтать!

Она ушла, громко хлопнувъ дверью.

Яна въ нерѣшительности осталась въ кухнѣ. Гдѣ ея платье? Не идти же по городу въ этомъ нарядѣ? Двадцатимарковую монету она крѣпко зажала въ рукѣ. Теперь она уже знала, какъ цѣнятся деньги въ этомъ городѣ.

Барыня опять вошла въ кухню съ подносомъ въ рукахъ.

— Какъ бы мнѣ получить мое собственное тряпье?..

— Есть кому теперь искать его!

Яна дожидалась разсвѣта, когда явилась барыня и бросила на полъ узелокъ съ ея платьемъ.

— Вотъ твое платье!

Яна одѣлась.

Барыня замѣтила у Яны деньги.

— Сколько онъ тебѣ далъ? Покажи! Не намѣрена ли ты все себѣ взять?

Яна не показала. Теперь она была въ своемъ платьѣ и чувствовала себя увѣреннѣе и смѣлѣе.

— Ну, и не видывала я такой разбойницы!

— Сами вы разбойница! Обманули бѣдную дѣвушку!

— А вотъ ты у меня пересчитаешь ступеньки!

Барыня такъ толкнула Яну съ порога, что та слетѣла внизъ головой по обледенѣлой лѣстницѣ и ткнулась носомъ въ сугробъ.

Это было ея первое мѣсто. Она пріобрѣла на немъ нѣсколько синяковъ.

IX.

Находила она потомъ и другія мѣста. На одномъ изъ нихъ она прожила почти два года.

Это были студенческіе номера и столовая. Работы было хоть отбавляй, но платили, по мнѣнію Яны, по-княжески. Она сберегала все, что̀ получала, думая, что эти деньги пригодятся ей, когда они съ Гейки станутъ обзаводиться домкомъ.

Однажды, ночью, случилось въ номерахъ странное происшествіе. Въ кухню пришли замаскированные люди съ потайными фонарями въ рукахъ. Угрожая револьверами, они завязали дѣвушкамъ рты грязными носовыми платками, затѣмъ связали ихъ.

Только черезъ нѣсколько часовъ пришли другіе и развязали ихъ. Говорили, что у одного изъ студентовъ былъ обыскъ.

— Разбойники это были,—говорила Яна.

Ей объясняли, что̀ такое обыскъ. Но она не поняла. Она держалась того мнѣнія, что это были разбойники.

У дѣвушекъ конца не было разговорамъ объ этомъ происшествіи. Одна изъ нихъ знала, что это были полицейскіе. Она сама слышала это отъ студентовъ.

Но это Яна еще меньше понимала. Она рѣшила сама разспросить у господъ. Господа объясняли, что это были агенты русскаго правительства. Яна хохотала и была увѣрена, что го-

спода смѣются надъ нею, неучью. Правительство въ ея глазахъ было свято. Немного она знала, но все-таки знала, что въ Россіи есть императоръ, и что императоръ не можетъ держать такихъ слугъ.

Однако, въ ней пробудилось любопытство. Она разспрашивала и узнала много новаго.

Въ ея головѣ никакъ не укладывалось то, что она въ ту ночь въ первый разъ въ жизни дѣйствительно имѣла дѣло съ правительствомъ.

X.

Немного было знакомыхъ у Яны въ Гельсингфорсѣ.

Изъ мужчинъ, собственно говоря, только одинъ. И тотъ чуть не насильно навязался на знакомство.

Онъ постоянно вертѣлся около ихъ дома. Днемъ прохаживался взадъ и впередъ, а по вечерамъ не отходилъ отъ воротъ.

Онъ постоянно улыбался ей, подмигивалъ и дружески здоровался.

— Могу я проводить барышню? — сказалъ онъ однажды, догоняя Яну.

„Пускай провожаетъ, коли ему нравится!“ — подумала Яна, но не сказала ничего.

— Куда изволили ходить?

— По дѣлу. А вы что это тутъ постоянно разгуливаете?

— Для здоровья, — отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Служба у меня тутъ, — отвѣтилъ онъ вполнѣ серьезно.

— Какая же служба тутъ на улицѣ?!

Онъ приходилъ каждый день. Его общество было и пріятно, и лестно Янѣ. Онъ хотѣлъ все знать. Такъ, разъ онъ спросилъ Яну, живутъ ли у нихъ студенты.

— Ну, да, живутъ, — отвѣтила Яна.

— А о чемъ они говорятъ?

Яна разсмѣялась.

— Вѣроятно, обо всемъ, что придетъ въ голову.

— Ну, а много они говорятъ о политическихъ дѣлахъ? О генералъ-губернаторѣ и другихъ?

— Говорятъ и объ этомъ, когда я разспрашиваю.

— Что же они говорятъ?

Яна разсказала. Она въ душѣ гордилась тѣмъ, что она такъ много знаетъ.

Онъ жадно слушалъ.

— Говорятъ они и объ императорѣ?

— Нѣтъ.

— Никогда?

— Можетъ быть, и говорятъ иногда.

— А что они о немъ говорятъ?

Яна разсказала. Онъ, повидимому, былъ очень доволенъ.

Онъ купилъ Янѣ лакомствъ и обѣщалъ въ первое же воскресенье свести ее въ циркъ.

XI.

Въ воскресенье Яна отпросилась у барыни и вечеромъ нарядилась въ лучшее платье, чтобы отправиться въ циркъ. Она заплела косу и гордо закинула ее за спину. Теперь она уже понимала, что коса—это ея краса, и что этого нечего стыдиться. Студенты достаточно часто объясняли ей это.

На ней было нарядное платье моднаго фасона, поясъ изъ лакированной кожи, на ногахъ—красивыя ботинки. Сверху—бѣлый лѣтній жакетъ. Оглядѣвъ себя въ зеркальце, Яна не могла не улыбнуться своему собственному изображенію, но тотчасъ же приняла самый серьезный видъ.

Они рѣшили встрѣтиться на одной изъ улицъ. Но молодого человѣка тамъ не оказалось.

Яна смутилась. Прошло полчаса. Ужъ не посмѣялся ли молодой человѣкъ надъ нею? Не ошиблась ли она улицей и угломъ?

Она прошла до слѣдующаго угла и вернулась назадъ. Нѣтъ, должно быть здѣсь.

Она прохаживалась отъ одного угла до другого и внимательно вглядывалась въ прохожихъ.

Прошелъ часъ. Молодой человѣкъ не показывался.

Мало-по-малу Яна забыла, зачѣмъ она здѣсь разгуливаетъ. Ея вниманіе приковали къ себѣ проходившія женщины. Онѣ какъ-то особенно несли свои юбки, станъ у нихъ перегибался въ таліи и все тѣло покачивалось словно на волнахъ.

Янѣ это казалось очень красивымъ.

И инстинктивно она стала подражать имъ. Какой-то прохожій подмигнулъ ей; другой, обернувшись, посмотрѣлъ на нее.

Время шло. Народъ вокругъ нея рѣдѣлъ.

Городовой, стоявшій на углу, уже давно слѣдилъ глазами за Яной. Теперь онъ рѣшительно направился къ ней и схватилъ ее за руку.

— Ты чего тутъ шлешься?

Яна чрезвычайно перепугалась, увидавши передъ собой представителя власти.

— Такъ,—пролепетала Яна.

— Какъ такъ?—сказалъ городовой и крѣпче сжалъ руку Яны.—Убирайся!

— Я жду,—сказала Яна быстро.

— Кого?

— Жениха,—сказала она рѣшительно. Имени молодого человѣка она не знала.

— Врешь! У такихъ дѣвицъ женихов не бываетъ.

— У меня есть,—утверждала Яна, и старалась вырвать руку.

Городовой такъ крѣпко сжалъ ей руку, что она вскрикнула.

— Кричишь, дьяволъ!—крикнулъ онъ, поднося ей кулакъ къ носу.—А ты прописана?

— У меня есть бумаги.

— А въ участкѣ не бывала? Маршъ!

Яна сопротивлялась. Городовой ударилъ ее по шеѣ. Яна разразилась рыданьями.

— Что вамъ отъ меня нужно?—всхлипывала она.

— Молчать!

У воротъ собрался народъ. Городовой тащилъ Яну. Раздавались насмѣшливыя восклицанія.

Городовой свистнулъ извозчика.

Но присутствіе людей придало Янѣ смѣлости. Она уже не плакала; она молча боролась, стараясь вырваться.

Подъѣхалъ извозчикъ. Городовой хотѣлъ втолкнуть ее въ пролетку. Яна бросилась вдоль улицы.

Городовой снова свистнулъ. Бѣгомъ прибѣжали двое переодѣтыхъ полицейскихъ. Яну швырнули въ пролетку и сами сѣли. Городовой сказалъ имъ что-то по-русски. Одинъ изъ нихъ крикнулъ извозчику:

— Въ участокъ!

Извозчикъ дернулъ лошадь. Въ толпѣ насмѣшливо кричали „ура!“

XII.

Яна лежала поперекъ пролетки въ ногахъ у нихъ. Голова у нея свѣшивалась наружу; одинъ изъ нихъ сѣлъ ей на руку и вывернулъ ее. Она закричала. Но другой закрылъ ей ротъ ладонью.

Прохожіе останавливались и смотрѣли.

— Не смѣешь мучить!—раздалось изъ-за угла улицы.

Полицейскіе выругались, посмотрѣли, кто крикнулъ, и указали на него постовому городовому. Тотъ сейчасъ же подбѣжалъ къ нему.

Крикнувшій былъ пожилой господинъ, тотъ самый, который спасъ Яну изъ дома терпимости. Городовой погрозилъ ему саблей въ ножнахъ и посовѣтовалъ проходить.

— Я пойду, когда мнѣ будетъ угодно!—крикнулъ пожилой господинъ.

Городовой вытащилъ записную книжку и карандашъ.

— Ваше имя?

Пожилой господинъ подумалъ, говорить ли ему.

— Лучше, если скажете, — замѣтилъ городовой. — Иначе вамъ придется отправиться со мною въ участокъ.

— Я пойду.

И онъ пошелъ. Городовой хотѣлъ непремѣнно пойти рядомъ съ нимъ.

— Прочь!—прикрикнулъ на него пожилой господинъ, словно его ужалило отвратительное насѣкомое.—Я знаю дорогу.

— Это моя обязанность.

— Ваша обязанность молчать.

— Какое вы имѣете право приказывать мнѣ?

Пожилой господинъ выпрямился.

— Я баронъ Манфельтъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ съ мундиромъ. Живу здѣсь въ городѣ.

Городовой отступилъ въ испугѣ.

— Господинъ генералъ...—лепеталъ онъ,—господинъ генералъ, тутъ вышло недоразумѣніе, простите, ошибка...

Онъ отступилъ еще дальше, держа руку подъ-козырекъ, и исчезъ изъ виду.

Яна была въ обморокѣ. Полицейскимъ пришлось на рукахъ нести ее съ улицы въ участокъ.

Баронъ остановился невдалекѣ и раздумывалъ, входить ли ему.

Онъ видѣлъ, какъ длинная коса Яны волочилась по троттуару.

— Бездѣльники!—ворчалъ баронъ про себя.

Онъ повернулъ назадъ. Поможетъ развѣ тутъ его протестъ? Ждый день происходятъ подобныя вещи и даже похуже.

— Разбойники!—проговорилъ онъ сквозь зубы.

Онъ продолжалъ свою вечернюю прогулку.

Длинная коса Яны, волочившаяся по землѣ, напомнила ему ные часы на далекой окраинѣ города, когда онъ дремалъ

въ углу дивана, а дѣвушка съ длинной косой разсказывала ему о себѣ самой, о домѣ, о родныхъ. Въ умѣ барона крѣпко запечатлѣлась повѣсть о семьѣ, которая оторвалась отъ своей первоначальной родины и потомъ развратилась, обветшала и разрушилась. И словно по волшебству передъ нимъ тотчасъ вырисовалась снѣжная пустыня, хижинка, изъ которой мать съ сыномъ убѣгаютъ на лыжахъ отъ голодной смерти, и заря въ трескучій морозъ распростираетъ свои крылья надъ головами несчастныхъ.

XIII.

Много горя испытала Мина Рёнтю съ сыномъ, пока добралась до городка.

Вѣра въ Бога пошатнулась у нея. Она прибѣгла къ покровительству жалкихъ людей. Правда, она сохранила жизнь себѣ и сыну, но кара Господня все-таки постигла ихъ. Питомецъ дремучаго лѣса не выдержалъ столкновенія съ тою немудрою и несложною культурой, съ которой онъ встрѣтился на скромныхъ старинныхъ улицахъ городишка. Онъ сбился съ пути и сошелся съ дурными товарищами.

Сперва его публично высѣкли на крыльцѣ ратуши; потомъ посадили въ тюрьму за ложную присягу и укрывательство краденаго.

Мина Рёнтю не обвиняла сына; она винила себя самоё. Зачѣмъ она не умерла тамъ на мѣстѣ? Не было ли бы это лучше и для Икки? Теперь они—деревья безъ корней; теперь ихъ всякій вѣтеръ гнетъ.

Молча подала Мина на столъ чашку съ кашицей и кусокъ житнаго хлѣба, когда Икка вернулся изъ тюрьмы.

На слѣдующее утро мать осторожно заговорила о будущемъ. Обоимъ было ясно, что имъ надо уходить изъ этого скернаго городишка.

Но куда идти? Вернуться домой—порогъ высокъ. Имъ пришлось бы краснѣть отъ стыда на родной сторонѣ.

Мина вспомнила про купца изъ Ленту, Симо Луйкаринена. Въ ихъ лучшіе счастливые дни онъ проявлялъ большое радушіе къ нимъ. Быть можетъ, онъ возьметъ Икку хоть въ пастухи, сначала хоть изъ-за хлѣба. При немъ прокормилась бы и мать.

Они собрали свои пожитки и отправились искать новаго счастья. Они брели въ знойный жаръ. Икка—впереди, подталкивая ручную телѣжку, мать съ двумя котомками—позади.

И не пылало надъ ними грозное небо; ласковые солнечные лучи искрились на дорогѣ въ утренней росѣ.

XIV.

Яна вернулась домой только на слѣдующій день и въ самомъ плачевномъ видѣ,—въ разорванномъ жакетѣ, съ растрепанными волосами, лицо и руки въ синякахъ. Она тотчасъ же пожелала поговорить съ хозяйкой наединѣ. Въ участкѣ ее изнасиловали.

Хозяйка соболѣзновала Янѣ, но совѣтовала никому не разсказывать объ этомъ. Это ничему не поможетъ. До полиціи рука правосудія въ настоящее время не достаетъ. Они творятъ, что хотятъ.

— Я утоплюсь!—всхлипывала Яна.

Хозяйка утѣшала ее. Позоръ ужасный, но не убивать же себя. У Яны есть отецъ, мать, женихъ.

Яна расплакалась еще болѣе. Хозяйка приняла строгій тонъ. Не думаетъ ли Яна, что она одна страдаетъ? Вся родина страдаетъ вмѣстѣ съ нею. Всякому приходится такъ или иначе сталкиваться съ беззаконіемъ. Въ Финляндіи у нея около трехъ милліоновъ несчастныхъ согражданъ.

— Нѣтъ никого несчастнѣе меня! — рыдала Яна.—Нельзя мнѣ жить!

Хозяйка заговорила о Богѣ, и это помогло. Яна перестала плакать.

Порѣшили, что Яна отправится домой. Если она пожелаетъ, ее опять возьмутъ на мѣсто. А теперь ей нуженъ покой и отдыхъ.

Таковъ былъ планъ хозяйки. Яна невольно согласилась съ нимъ. Ей было все равно.

XV.

Невеселый то былъ путь для Яны. Было лѣто, но на ея душѣ было черны́мъ-черно́.

Лѣсъ стоялъ молчаливый и сѣрый. Безлюдно и пусто. Гдѣ нѣтъ лѣса, тамъ скалы; гдѣ нѣтъ скалъ, необозримая топь. Никогда еще не видала Яна свои родные края въ такомъ безобразномъ и жалкомъ видѣ. Ей казалось, что она уже пришла въ царство смерти.

Солнце уже закатилось, когда она добралась до лачужки Рёнтю.

Зачѣмъ она возвращается домой? Не лучше ли поворотить назадъ?

Въ лачужкѣ уже спали. Яна не рѣшилась будить. Она постучалась въ дверь бани. Бабушка вышла отворить.

— Кто тамъ?—спросила она.

— Это я,—сказала Яна.

Бабушка не спросила больше ничего. Она уступила Янѣ мѣсто на лавкѣ, а сама улеглась на полу. Она не обнаружила ни малѣйшаго удивленія, словно онѣ вчера только разстались. Бабушка жила какъ будто уже по ту сторону гроба.

XVI.

Яна опять лежала на томъ же мѣстѣ, какъ и въ дѣтствѣ. Но мысли у нея путались и обрывались, и сонъ не смежалъ ея глазъ.

Когда она была дѣвочкою, бабушка слишкомъ много наказывала ее, чтобы она могла полюбить ее. Однако она чувствовала тогда себя удивительно уютно. Она не замѣчала, что баня такъ мала; въ ней негдѣ было повернуться. Вотъ тутъ она сидѣла, тутъ входила, тутъ спала, тамъ пряла и чесала шерсть. Вотъ на этой скамейкѣ бабушка учила ее азбукѣ, подъ этимъ оконцемъ она читала катехизисъ и заучивала наизустъ символъ вѣры. Тысячи воспоминаній толпились у нея въ головѣ.

Бывало, всего тяжелѣе ей приходилось по утрамъ. Ея вставанье обыкновенно происходило такъ: бабушка, уже съ полуночи возившаяся съ прялкой, хватала ее за руку и сердито кричала:

— Да долго ли же это будетъ? Цѣлый день валяется на боку!

Яна чувствовала полусознательно, какъ съ нея сдергиваютъ полость, которою она покрывалась, и переворачиваютъ навзничь. Окончательно просыпалась она только тогда, когда надъ ней начинали свистать березовые прутья.

Яна проснулась, на лбу холодный потъ. Ахъ, это былъ только сонъ! Такъ пріятно сознавать, что она—уже взрослый человѣкъ, и что бабушкина плётка ей уже не страшна.

Солнце свѣтило въ оконце бани. Бабушка уже сварила кофе.

Яну угнетала мысль, какъ встрѣтятъ ее старики.

Но это вышло легче, чѣмъ она думала.

Хромой братъ, Рансу, внезапно растворилъ дверь бани, остановился какъ вкопаный на порогѣ и сказалъ:

— А, Яна!

Яна усмѣхнулась ему.

Рансу поспѣшно пожалъ ей руку и заковылялъ въ избу объявить всѣмъ великую новость.

Отецъ и другой братъ прибѣжали бѣгомъ, за ними—мать, вытирая на ходу руки подоломъ юбки.

Отецъ прямо гордился дочерью. Мать прослезилась.

— Пришла все-таки навѣстить,—говорила она.

Никто, повидимому, и не думалъ о бѣгствѣ Яны. Все шло, какъ и должно было быть. Яна въ услуженіи въ столицѣ, но не пренебрегаетъ и бѣднымъ роднымъ домомъ.

— Долго ли пробудешь у насъ?—спросилъ отецъ.

— А еще не думала объ этомъ,—отвѣтила Яна.

Рѣшено было всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ Ленту, куда пріѣхалъ изъ другого прихода пасторъ: будетъ служить у купца въ домѣ.

Яна почувствовала, что на душѣ у нея отлегло.

XVII.

Ленту—маленькая деревушка на краю свѣта, бѣдная, убогая. Дворовъ всего пятокъ; остальные жители—торпари и бобыли.

Народъ грубый и нечестный; домишки тѣсные и грязные. Каждый перебивался съ хлѣба на квасъ, и никто не думалъ о завтрашнемъ днѣ.

Женщины—неуклюжія и развратныя. Дѣти были у нихъ у всѣхъ, но не каждая могла сказать, кто ихъ настоящій отецъ.

Осенью, когда мужчины возвращались съ работъ, въ самой жалкой лачужкѣ кофе не сходилъ со стола, пили водку, ѣли бѣлый хлѣбъ. А зимой подтягивали кушаки и голодали, нищенствовали или воровали. Всѣ были по уши въ долгу у деревенскаго лавочника.

Лавочникъ Луйкариненъ былъ царькомъ въ деревнѣ. Его ненавидѣли, ему удивлялись, его боялись и любили. Въ заслугу ставили и то, что онъ не вѣритъ въ Бога; значитъ—человѣкъ сильный: поди-ка, потягайся съ Господомъ Богомъ!

Гордились его домомъ, передъ которымъ стоялъ красный съ ымъ столбъ,—знакъ почтовой станціи,—но еще болѣе горись имъ самимъ.

Онъ былъ самый крупный землевладѣлецъ въ деревнѣ, велъ луговое хозяйство и продавалъ масло въ городъ.

Онъ скупалъ въ деревнѣ все, но никогда не платилъ деньгами, а всегда сахаромъ и кофе по собственной расцѣнкѣ.

Съ этимъ человѣкомъ тѣсно связана была судьба семьи Рёнтю. Икка служилъ у него по выходѣ изъ тюрьмы; Яна дѣвочкой пасла его скотъ, а потомъ была продавщицей у него въ лавкѣ; онъ же вынудилъ ее бѣжать изъ дому. Избушка Рёнтю стояла на его землѣ.

По мнѣнію Мины Рёнтю, это былъ самъ антихристъ. Она никакъ не могла простить ему, что Икка, служа у него, сталъ безбожникомъ.

Купецъ любилъ Икку. Тотъ былъ далеко не глупый и расторопный малый, хорошій собесѣдникъ, умѣлъ слушать и вѣрилъ всему, что ему скажутъ.

Обрадовалась было Мина Рёнтю, когда однажды Икка объявилъ ей, что онъ намѣренъ поселиться на берегу уединеннаго Куйккалампи, гдѣ у купца былъ участокъ лѣса и избушка, которую онъ согласился отдать Иккѣ. Но непродолжительна была ея радость. Вмѣстѣ съ Иккою переселилась туда и толстая скотница Рета. О законномъ бракѣ Икка и не думалъ. Онъ находилъ, что Рета исполняетъ всякую работу совершенно такъ же, какъ и обвѣнчанная жена.

Мина выселилась изъ домишка и перешла жить въ баню, порвавъ всякія сношенія съ сыномъ.

Разъ въ недѣлю семья приходила въ баню мыться. Мина носила воду, парила ихъ, но не говорила съ ними ни слова.

Это былъ съ ея стороны безмолвный протестъ противъ ихъ безпутной жизни.

XVIII.

У Икки было отъ Реты пять сыновей.

Рансу, едва достигнувъ совершеннолѣтія, уже ограбилъ почту на большой дорогѣ. Это никогда не открылось, но Богъ покаралъ его; онъ раздробилъ себѣ топоромъ колѣно и остался на вѣкъ хромымъ.

Алекси барышничалъ лошадьми, мошенничалъ, надувалъ, но, обманутый однажды цыганомъ, раскаялся, поступилъ въ работники къ пастору, потомъ въ могильщики и пользовался общимъ уваженіемъ до послѣдняго дня жизни.

Ёркки не посѣщалъ даже пасторской школы, и потому не

могъ быть допущенъ къ причащенію. Но однажды ему случилось послушать хихулитскаго [1]) проповѣдника, онъ былъ увлеченъ имъ и изъ него вышелъ ревностный христіанинъ и дѣльный книгоноша, который, можетъ быть, и до сихъ поръ разноситъ по захолустьямъ Финляндіи религіозные брошюры и листки.

Нанта, изъ боязни попасть въ солдаты, отрубилъ себѣ большой палецъ и потомъ занимался охотой на птицъ и зайцевъ,— разумѣется, не испрашивая ни у кого разрѣшенія.

Ропе намѣревался на деньги своей невѣсты уѣхать съ нею въ Америку, но ему пришла въ голову несчастная мысль пополнить свою дорожную кассу: онъ сдѣлалъ неудачное покушеніе на кражу. Его приговорили къ тѣлесному наказанію. Недѣли двѣ залечивали у бабушки въ банѣ слѣды розогъ, а затѣмъ онъ ушелъ въ лѣсъ и повѣсился.

И чѣмъ больше судьба преслѣдовала семью ея сына, тѣмъ больше радовалась Мина Рӧнтю: она знала, что Богъ кого любитъ, того и наказуетъ. Она старалась спасти Яну, вырвать изъ ея души сѣмена зла и посадить то зерно горчичное, изъ котораго выростетъ большое дерево, и птицы небесныя будутъ прилетать и вить гнѣзда на немъ.

XIX.

Они подошли къ Ленту; начинались уже владѣнія Луйкаринена.

Вотъ здѣсь у канавы Яна пасла коровъ. Вонъ тамъ она играла съ деревенскими ребятишками. Что̀ можетъ быть лучше, какъ развести костеръ и испечь въ золѣ картофель? Но надо быть насторожѣ: купецъ любилъ придти украдкой въ лугъ, и плохо приходилось, если зазѣваешься.

Былъ у дѣтишекъ и другой врагъ: это — огромный быкъ; противъ него тоже приходилось выставлять караульныхъ.

Въ играхъ ребятишки подражали тому, что̀ видѣли вокругъ; играли въ коровъ, въ лошадей, въ домъ, въ отцовъ и матерей; играли еще въ пьяныхъ.

Жилось довольно легко весной и лѣтомъ. Не то было осенью, когда дожди шли по цѣлымъ недѣлямъ. У Яны былъ только кушкинъ домотканный зипунъ, доходившій ей до пятокъ, промокавшій насквозь. Единственные чулки—это тѣ синіе, которые

[1]) Хихулиты—мѣстная финляндская секта.—*Прим. переводчика.*

связали ей стужа да холодный дождь. Хорошо еще, что и коровы въ такую погоду не любятъ бродить. Не радость была бы шлепать за ними по вязкой холодной грязи.

XX.

Они вошли въ деревню.

Ближайшая церковь была въ городѣ въ трехъ миляхъ, и потому никто изъ деревенскихъ безъ особенной необходимости не посѣщалъ ее. Иногда изъ города или изъ сосѣдняго прихода пріѣзжалъ въ Ленту пасторъ. Такъ было и въ этотъ день.

Передъ домомъ лавочника собрался народъ. Мужчины стояли около изгороди съ трубками въ зубахъ; женщины, съ узелками въ рукахъ, сидѣли на крылечкѣ. Лавочка, разумѣется, была полнымъ-полна.

Этотъ видъ напомнилъ Янѣ тѣ времена, когда она подросткомъ стояла за прилавкомъ и продавала крупу и нитки, кофе и сахаръ. Лавочка очень нравилась Янѣ, а по вечерамъ, когда зажигали висячую лампу, она казалась ей настоящимъ раемъ.

Яна уже дѣлала тюрички и завязывала пакеты, какъ настоящій приказчикъ. Но однажды вечеромъ она безъ позволенія запустила руку въ банку съ пастилой; въ эту минуту въ лавку вошелъ хозяинъ.

Онъ сказалъ одно только слово:

— Вонъ!

И Яна ушла. Безъ оглядки прибѣжала она къ бабушкѣ въ баню. Ее, конечно, избили; она сознавала, что на этотъ разъ подѣломъ. Долго еще билось у нея сердце, когда она вспоминала, что нарушила седьмую [1]) заповѣдь.

Воспоминанія дѣтства толпились въ ея душѣ, но не радовали ее. Какъ далека она отъ нихъ теперь! Чего она не насмотрѣлась за это время?

И какъ мало эти люди знаютъ о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ!

Она вошла къ лавочнику во дворъ.

---

[1]) По финскому лютеранскому катехизису „не укради“ — седьмая заповѣдь. — *Прим. переводчика.*

XXI.

Во дворѣ стоялъ Гейки.

Яна вздрогнула, у нея подступило къ горлу.

Гейки не зналъ о пріѣздѣ Яны. Трубка вывалилась у него изъ зубовъ. На его взглядъ Яна безбожно похорошѣла. Онъ протянулъ руку Иккѣ, но не сводилъ глазъ съ Яны; улыбка на лицѣ расползлась до ушей.

— Ну, Яна!

Янѣ пришлось пожать ему руку; она покраснѣла до корней волосъ и ни за что не рѣшалась взглянуть ему въ глаза.

Пріѣхалъ пасторъ. Купецъ заперъ лавочку, и всѣ направились въ избу на другомъ концѣ двора. Тамъ должно было совершаться богослуженіе.

Неужели это и въ самомъ дѣлѣ его невѣста?—думалъ Гейки. Передъ Ивановымъ-днемъ онъ поѣдетъ въ городъ и купитъ кольца и золотые часы съ цѣпочкой, а на шабашной недѣлѣ—и свадьба.

Совсѣмъ о другомъ думала Яна. Въ этой избѣ она училась.

Какой-то дѣвушкѣ изъ Гельсингфорса пришла мысль просвѣщать и учить добрымъ нравамъ обитателей этого захолустья. Отецъ ея былъ какой-то знатный военный; ее звали Сигне, передъ фамиліей у нея стояло af или von, но фамиліи Яна не помнила. Словно метеоръ она появилась—и исчезла какъ метеоръ. Съ годъ обучала она ребятишекъ у лавочника въ избѣ, которую онъ уступилъ безплатно.

XXII.

Луйкариненъ не былъ врагомъ просвѣщенія, но пасторовъ онъ ненавидѣлъ всей душой. Это, конечно, не мѣшало ему отдавать имъ для богослуженія свою избу,—вѣдь это собирало къ нему въ лавочку народъ.

Послѣ проповѣди произошло нѣчто необычайное.

Пасторъ говорилъ о власти и уваженіи къ ней. Не напрасно пасть опоясана мечомъ. Конечно, Божіе Богови, но прежде его — кесарево кесареви. Молодежь въ призывномъ возрастѣ безусловно принадлежитъ кесареви. Но многіе изъ нихъ уклонились отъ призыва подъ тѣмъ предлогомъ, что новыя правила о борѣ введены не въ законномъ порядкѣ. Не дѣло подданныхъ

оцѣнивать законность правительственныхъ распоряженій. Власть установлена отъ Бога и только Богу дастъ отчетъ.

Луйкариненъ вскочилъ. Голосъ у него дрожалъ отъ злобы. Вздоръ говоритъ пасторъ. Законъ—выше народа и правительства. Но новыя правила о наборѣ—не законъ, хотя финляндскіе пасторы и объявляли его съ каѳедры. Они не утверждены финскимъ сеймомъ. Пусть трусишки идутъ вынимать жребій! Но пусть себя самихъ и винятъ, коли имъ придется въ Россіи капусту ѣсть!

Рѣчь о правительствѣ мало понятна была деревенскимъ, но послѣдній доводъ они всѣ поняли. Ихъ симпатіи были на сторонѣ купца. Они ничѣмъ этого не обнаружили,—не посмѣли,—ну, а Луйкариненъ—это такой человѣкъ, который и чорта не побоится.

Пасторъ покраснѣлъ какъ пѣтухъ.

— Еще не поздно раскаяться,—сказалъ онъ вяло.—Пусть каждый поступаетъ по совѣсти, а я сказалъ свое слово; то же говорится и въ священномъ писаніи.

— Стыдно за такихъ людей!—кричалъ купецъ.—Вонъ изъ моего дома—или я тебѣ покажу...

Пасторъ ушелъ, отдуваясь. Купецъ чувствовалъ себя побѣдителемъ.

Гейки насторожился, когда рѣчь зашла о наборѣ. Онъ тоже уклонился. Еслибы въ спорѣ побѣдителемъ остался пасторъ, онъ чувствовалъ бы себя не совсѣмъ спокойно, но пасторъ со срамомъ убѣжалъ съ поля битвы.

Яна, затаивъ дыханіе, слѣдила за споромъ. Она знаетъ, что такое правительство. Послѣ случая въ участкѣ правительство для нея значитъ насиліе. Но она не умѣла облечь въ слова свои мысли. Купецъ ясно высказалъ, что правительство—беззаконное, и что его предписаній не слѣдуетъ исполнять. И она инстинктивно стала на сторону купца.

Народъ сталъ понемножку расходиться. Яна торопила своихъ: ей хотѣлось избѣжать встрѣчи съ Гейки. Но Икка болталъ съ деревенскими знакомыми, у Реты были еще кое-какія покупки.

Вдругъ Яна увидала сидѣвшаго въ телѣжкѣ у крыльца почтовой станціи молодого человѣка. Сердце у нея дрогнуло. Неужели это онъ, тотъ ея гельсингфорсскій знакомый, что обѣщалъ свести ее въ циркъ. Съ нимъ бесѣдуетъ ея братъ Нанта!

Да, она не могла ошибиться. Это онъ. Зачѣмъ онъ здѣсь? Спросить его, почему онъ тогда не пришелъ?

Но кучеръ хлестнулъ лошадь, и телѣжка загрохотала.

XXIII.

— Кто это былъ?—спросила Яна брата дорогою.

— Кто?

— Тотъ проѣзжій, съ которымъ ты разговаривалъ.

— Не знаю. А денегъ у него, должно быть, много.

Въ разговоръ вмѣшался Икка.

— Это изъ тѣхъ, что пишутъ...

— Въ газетахъ,—добавила Рета.—Хорошій господинъ. Такой разговорчивый. Обо всемъ разсказываетъ и все хочетъ знать.

— Собираетъ вѣсти и посылаетъ въ газеты,—пояснялъ Икка.

— И платитъ за это?—спросила Яна.

— Мнѣ не платилъ, а вотъ Нанта весной получилъ пятнадцать марокъ.

— Пятнадцать марокъ!

По мнѣнію Яны, это была большая сумма.

— А за что же онъ далъ?

— Нанта разсказалъ ему про купца и про Гейки.

— Должно быть, у него лишнихъ много,—замѣтила Яна.

— Да онъ, говоритъ, не свои даетъ, а хозяйскія.

Заговорили снова о спорѣ пастора съ купцомъ.

— А все-таки пасторъ былъ правъ,—сказалъ Нанта.—Властямъ надо повиноваться.

— Властямъ!—усмѣхнулась Яна.

— Ну, да,—поддакнула Рета.—Не напрасно власть опоясана мечомъ.

— Нѣтъ, напрасно пасторъ вступалъ въ споръ съ купцомъ,—замѣтилъ Икка.—Гдѣ жъ ему тягаться съ Луйкариненомъ! Другого такого человѣка на свѣтѣ нѣтъ.

XXIV.

Яна поселилась въ той же каморкѣ за сѣнями, гдѣ она раньше занималась тканьемъ.

Жизнь пошла по прежнему. Она снова принялась ткать. Ночью она по прежнему спала въ амбарѣ. По ночамъ она нездко плакала. Разъ, въ свѣтлую іюльскую ночь, Яна услыхала тукъ въ стѣну. Она думала—кто-нибудь изъ домашнихъ, и ворила дверь.

То былъ Гейки.

Онъ быстро вошелъ; Яна тотчасъ же затворила дверь. Оба смутились. Яна была еще не одѣта, но вовсе не чувствовала стыдливости. Гейки снялъ фуражку. Оба они не знали, о чемъ заговорить.

— Пришелъ навѣстить; нигдѣ тебя не встрѣчаю.

Поздоровались и снова умолкли.

Въ амбаръ проникалъ слабый свѣтъ черезъ окошечко надъ дверью. Можно было разглядѣть другъ друга. Яна быстро спряталась подъ одѣяло. Гейки сѣлъ возлѣ ея кровати. И оба молчали, не зная, съ чего начать.

— Вотъ они тутъ,—сказалъ наконецъ Гейки, вынимая изъ бокового кармана коробочку.

— Что?—спросила Яна, не глядя на него.

— А эти... кольца...

Яна разразилась плачемъ.

Гейки остолбенѣлъ. Онъ раскрылъ коробочку и держалъ ее передъ глазами.

Яна разрыдалась пуще прежняго.

— Если ты насчетъ того... набора... плачешь, такъ я еще могу принести повинную. Не сошлютъ же меня въ Сибирь.

Ничего не помогаетъ. Гейки это стало уже надоѣдать.

— У меня свое хозяйство; старики недолго протянутъ.

Отвѣта никакого. У Гейки въ глазахъ потемнѣло.

— Берешь ты ихъ или нѣтъ?—спросилъ онъ нетерпѣливо.

Загордилась дѣвка въ столицѣ, подумалъ онъ. Не годится ей мужикъ. Барина захотѣла. Да что она о себѣ воображаетъ? Дочь торпаря, хоть и служила въ столицѣ. Правда, онъ мужикъ, но домохозяинъ.

— Да или нѣтъ?

— Нѣтъ, голубчикъ Гейки, — промолвила она, удерживая рыданіе,—не носить мнѣ твоего кольца.

— Такъ?!—сказалъ Гейки и всталъ.

Такого отвѣта онъ не ожидалъ. Казалось, дѣло было слажено. У него явилось смутное подозрѣніе, не замѣшанъ ли тутъ другой.

— Послушай, Яна! Что съ тобой? Ужъ не случилось ли грѣха?

— Случился грѣхъ,—отвѣтила Яна.

— А, вотъ что!

Бракъ съ Яною сталъ для Гейки невозможнымъ дѣломъ. Казалось бы, дѣлу и конецъ, но онъ все-таки спросилъ какъ бы по старому знакомству:

— Баринъ или крестьянинъ?

Яна не отвѣтила. Вся любовь разомъ слетѣла съ Гейки. Но въ сердцѣ у него зашевелилась ревность.

— Должно быть, изъ тѣхъ... изъ подмастерьевъ, — сказалъ онъ презрительно.

Яна не отвѣтила.

— Ну, прощай! — сказалъ Гейки и пошелъ.

— И прощай навѣки! — продолжалъ онъ уже за дверью.

И Гейки не хотѣлъ больше и вспоминать о коварной подругѣ дѣтства.

XXV.

Однако отказъ Яны сильно затронулъ Гейки. Образъ Яны стоялъ передъ его глазами. Въ концѣ концовъ онъ передалъ хозяйство младшему брату, выдѣлился и отправился въ Америку. Можетъ быть, нѣкоторую роль играло тутъ и опасеніе, что уклоненіе отъ призыва не останется безъ послѣдствій.

Яна родила. Ребенокъ тотчасъ же умеръ. Бабушка едва успѣла наскоро окрестить его.

Дѣло не возбудило особенныхъ разговоровъ: незаконнорожденныя дѣти были у нихъ въ деревнѣ обычнымъ явленіемъ. Удивлялись только, кто же отецъ.

Разсказу Яны объ изнасилованіи ея въ участкѣ никто не вѣрилъ. Однако Икка счелъ долгомъ разсказать объ этомъ лавочнику.

Луйкариненъ, вопреки ожиданіямъ, отнесся къ дѣлу вполнѣ серьезно.

— Пришли-ка дочку ко мнѣ побесѣдовать, — сказалъ онъ.

Яна не хотѣла идти, но отецъ заставилъ.

— Это дѣло не твое личное, оно касается всѣхъ насъ. Ты получишь удовлетвореніе: порукой въ этомъ я, купецъ Луйкариненъ изъ Ленту.

Дивились всѣ, что̀ тутъ можетъ сдѣлать купецъ.

Онъ сдержалъ слово: совѣтовался въ городѣ съ адвокатами и знакомыми, но ничего утѣшительнаго не услыхалъ. Предать суду чиновника нельзя безъ согласія его начальства; а если и получишь это согласіе, докажешь ли виновность? Въ этомъ всѣ сомнѣвались. Совѣтовали бросить дѣло и просто сдѣлать, если ему такъ хочется, что-нибудь въ пользу Яны.

Купецъ раздумывалъ. Нѣсколько разъ онъ призывалъ къ себѣ [illegible], и каждый разъ она казалась ему все красивѣе и красивѣе. Мало-по-малу, онъ забылъ объ ея дѣлѣ и влюбился въ нее.

А что̀ еслибы онъ самъ на ней женился?

Лавочнику рѣдко приходили въ голову благородныя мысли, но когда это случалось, собственное благородство возносило его на головокружительныя высоты. Развѣ это не его прямая обязанность? Развѣ Яна не дочь его собственнаго торпаря? Оскорбленіе, нанесенное одному изъ Рёнтю,—оскорбленіе и ему. Онъ обѣщалъ Янѣ удовлетвореніе.

Сгоряча онъ готовъ былъ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Но потомъ успокоился: человѣкъ онъ старый, не пристало ему дурить. Янѣ онъ ни слова не сказалъ объ этомъ. Онъ сталъ ухаживать за ней, предлагалъ ей садиться, угощалъ конфетами, заигрывалъ.

XXVI.

Купецъ часто ѣздилъ въ городъ. На обратномъ пути онъ заѣзжалъ въ избушку Рёнтю, просиживалъ нерѣдко съ Иккою за пуншемъ дни и ночи.

Однажды Яна, проходя черезъ сѣни, услыхала слѣдующій разговоръ:

— Послушай, Икка! Жалкій ты человѣкъ!

— Что̀ подѣлаешь,—бѣдность.

— Нѣтъ, тутъ дѣло не въ бѣдности. Вотъ что̀ я тебѣ скажу, Икка: только тому человѣку и почетъ, кто почета требуетъ. Въ этомъ весь секретъ. А у тебя его никогда не будетъ. Сидишь ты сложа руки и ждешь, когда онъ самъ къ тебѣ придетъ.

— Да коли у меня въ бумагахъ-то такое пятно: въ тюрьмѣ я сидѣлъ.

— А кто тебѣ велитъ ихъ показывать! Развѣ я, напримѣръ, спрашивалъ ихъ у тебя? Сказалъ когда-нибудь хоть одно слово?

— Нѣтъ, никогда.

— Ну, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Характеръ тебѣ, Икка, перемѣнить надо! Свѣтъ созданъ для волковъ, а не для людей.

— Истинная правда.

— Ну, такъ отбрось свой стыдъ. И помни: нужду человѣкъ до тѣхъ поръ терпитъ, пока самъ не помирится съ нуждою. Не мои это слова, а одного изъ величайшихъ писателей Финляндіи.

Слова купца врѣзались въ память Яны. Свѣтъ созданъ для волковъ, а не для людей. Человѣкъ до тѣхъ поръ терпитъ нужду, пока самъ съ ней не помирится. Довольно она терпѣла и пла-

кала. Изъ-за чего? Для кого? Развѣ она не такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе? Не хуже она другихъ.

Яна и сама порою смутно сознавала это. Слова купца уяснили ей ея собственныя мысли.

XXVII.

Весной умерла бабушка.

Купецъ все чаще и чаще навѣщалъ избушку Рӧнтю, приглашалъ и къ себѣ Яну, разспрашивалъ ее о ея планахъ. Яна и сама не знала, на чемъ она остановится; вѣроятно,—вернется въ столицу.

Въ деревнѣ стали уже перешептываться по поводу визитовъ Яны къ купцу. Разъ Икка услыхалъ, проходя по деревнѣ, что Яну называютъ любовницей Луйкаринена, услыхалъ и ужасно обрадовался. Вѣдь тогда будущность ето съ семьей была бы обезпечена, долговъ купцу платить не пришлось бы, а можетъ быть тотъ отдалъ бы и домишко въ вѣчное владѣніе.

Осторожно заговорилъ Икка объ этомъ съ дочерью, но Яна стиснула губы и ничего не отвѣтила.

Прошло лѣто и осень.

Яна замѣтно измѣнилась. Правда, порой она еще плакала, но по временамъ гордо закидывала голову и разражалась такимъ смѣхомъ, какого никогда не слыхивали въ избушкѣ Рӧнтю. Она поняла, что̀ думаютъ и чего хотятъ ея родные и купецъ.

Однажды купецъ пріѣхалъ къ нимъ. Былъ пасмурный осенній вечеръ. Напившись пьянъ, онъ запросилъ бани. Истопили баню. Янѣ велѣли идти мыть его.

— Не пойду,—сказала Яна.

— Кто же пойдетъ?—спросилъ Икка и почувствовалъ, что у него внутри закипаетъ.

— Пусть идетъ мать... Не умѣетъ онъ быть скромнымъ, вашъ купецъ.

Икка разозлился страшно, однако сдержался.

Но Рета схватила Яну за косу и посулила задать ей такую трепку, что она и до страшнаго суда не забудетъ, какъ нарушать четвертую [1]) заповѣдь.

Яна вскочила. Она помнила отлично тотъ зимній вечеръ, когда отецъ избилъ ее въ конюшнѣ, и она убѣжала изъ дому.

---

[1]) По финскому катехизису четвертая заповѣдь: „Чти отца и т. д.“.—*Прим. перев.*

Тогда родительская власть жестоко оскорбила ее; потомъ она узнала другую власть, которая ее обезчестила. Обѣ, говорятъ, отъ Бога. Обѣ дѣйствуютъ насиліемъ.

Любви къ отцу она уже и прежде не чувствовала никакой; теперь у нея порвалась всякая связь и съ матерью.

Она почувствовала, что она одна на бѣломъ свѣтѣ.

Еслибы у нея было оружіе, она вступила бы въ бой; еслибы у нея оказалось подъ рукой ружье, она стала бы стрѣлять. Но у нея не было ничего.

Въ глазахъ у нея сверкнулъ огонь; она разразилась проклятіями.

— Ну, пойду!—сказала она.—Попарю купца!

Она ушла.

Въ эту ночь она въ первый разъ отдалась купцу.

XXVIII.

Яна ненавидѣла всѣхъ вокругъ; теперь къ ненависти прибавилось презрѣніе.

Передъ Рождествомъ Яна внезапно уѣхала въ Гельсингфорсъ. Ея прежнее мѣсто было занято. Она устроилась банщицей въ одной изъ самыхъ крупныхъ столичныхъ бань.

Съ угрюмымъ видомъ стояла она съ шайкой въ рукахъ и просила моющихся повернуться то на тотъ, то на другой бокъ. Господа пробовали заигрывать съ ней, но безуспѣшно.

Она дѣлала свое дѣло спокойно и аккуратно. Жесткая складка была у нея около губъ, а въ глазахъ—такая ледяная холодность, которая дѣлала невозможнымъ всякое заигрываніе.

Домой она не писала.

Долго спустя, она услыхала, что въ Ленту произошло что-то очень странное. Ночью пришли изъ города вооруженные люди, ворвались къ купцу въ домъ, перевернули все вверхъ дномъ и арестовали самого хозяина.

Ей разсказала это жена какого-то сапожника. Родомъ она была изъ Ленту. Яна иногда навѣщала ее по праздникамъ вечеромъ.

Сапожникъ по убѣжденіямъ былъ соціалистъ, жена его—тоже. Здѣсь Яна впервые въ жизни услыхала, что всѣ капиталисты—грабители, что буржуазный строй надо уничтожить, что всѣ должны быть равноправны, и многое такое, чего она не въ состояніи была и понять.

Принципъ безусловнаго равенства особенно пришелся по душѣ Янѣ. Сапожникъ и его жена были уже близки къ анархизму, но все-же до нѣкоторой степени признавали необходимость власти. Яна ушла дальше ихъ. Къ чему законы и учрежденія? Почему каждый не можетъ дѣлать, что хочетъ? Кто имѣетъ право ограничивать свободу другого? Бога нѣтъ, повидимому,—значитъ, нѣтъ ни рая, ни ада, ни страшнаго суда. Зло должно быть наказываемо, а добродѣтель награждаема здѣсь на землѣ. А кто больше всего дѣлаетъ зла, какъ не богатые и тѣ, кто стоятъ у власти? Нѣтъ никакого грѣха—всѣхъ ихъ вздернуть на висѣлицу.

Сапожникъ далъ ей почитать исторію французской революціи. Яна жадно проглотила ее. Значитъ, былъ же народъ у власти. Было время, когда сильные міра сего дрожали. Но развѣ гильотина сдѣлала свое дѣло? Развѣ народы еще не изнываютъ въ рабствѣ?

Новыя мысли словно весенніе потоки проносились въ головѣ Яны; мятежное чувство пылало въ груди. Ей мерещились картины кровавой революціи.

Но глубоко въ сердцѣ дремало у нея унаслѣдованное отъ дѣдовъ міровоззрѣніе, дремало, какъ дремлетъ въ землѣ ледъ въ отдаленныхъ захолустьяхъ Финляндіи, гдѣ темныя воды неподвижно стоятъ въ промерзшихъ болотахъ.

XXIX.

Много народу ходило въ бани, гдѣ служила Яна, мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ.

Были и знакомые у нея. Одинъ изъ нихъ былъ магистръ Поуту, толстый, широкоплечій мужчина, съ мускулами атлета, глубокій басъ. Онъ бесѣдовалъ съ Яной объ ея ремеслѣ, разспрашивалъ, сколько она можетъ заработать въ день, каковъ ея бюджетъ.

— Я пишу большую книгу о положеніи рабочихъ въ Гельсингфорсѣ,—объяснялъ онъ.

Другой былъ молодой актеръ, никогда не позволявшій себѣ токъ. Повидимому, онъ былъ влюбленъ въ Яну. Иногда онъ тавалъ ей билетъ въ театръ.

Театръ производилъ потрясающее впечатлѣніе на Яну. Акъ презиралъ комедію, и потому Яна смотрѣла только великія гедіи. Она сидѣла, скрестивъ руки, и не переводя духу слѣ-

дила за развитіемъ благородныхъ чувствъ и пламенныхъ страстей, плакала вмѣстѣ съ плачущими и пылала священной ненавистью, когда злыя силы одолѣвали героевъ и героинь.

Однажды актеръ попросилъ позволенія придти къ ней въ гости.

— Приходите пожалуй,—сказала Яна.

Она жила въ маленькой комнатѣ во дворѣ. Тамъ было все необходимое: кровать, столъ, комодъ, два стула и плита. На окнѣ стоялъ бальзаминъ, на комодѣ цвѣлъ тернъ Христовъ, подарокъ жены сапожника.

Актеръ пришелъ въ воскресенье вечеромъ. Онъ былъ очень застѣнчивъ. Яна приготовила для него кофе и съ трудомъ поддерживала разговоръ.

Уходя, онъ захотѣлъ поцѣловать Яну.

Яна позволила, но словно изъ милости, презрительно сжавши губы. Почему ей не хотѣлось самой? Хорошій онъ парень, только больно ужъ застѣнчивъ.

Но когда онъ хотѣлъ обнять ее, Яна рѣшительно оттолкнула его руку. Глаза блеснули такой злобой, что молодой человѣкъ низко опустилъ голову и побрелъ съ сокрушеннымъ видомъ.

Яна, наморщивъ лобъ, провожала его глазами. Но потомъ ей вспомнились умоляющіе глаза юноши, и она почувствовала въ груди смѣшанное чувство гордости и жалости.

— „Славный юноша былъ!“—подумала Яна.

Актеръ больше не показывался въ баняхъ.

XXX.

Однажды пришелъ въ бани старый баронъ Манфельтъ.

Яна тотчасъ узнала его. Но баронъ, очевидно, не помнилъ ее.

Янѣ хотѣлось поблагодарить его. Она могла бы теперь заплатить и долгъ. Но она не посмѣла этого сдѣлать. У барона былъ такой строгій видъ.

Баронъ замѣтно постарѣлъ. Въ волосахъ показалась сѣдина. У него было тяжкое горе: его сынъ, русскій офицеръ, примкнулъ къ революціонерамъ, попалъ подъ военный судъ и былъ разстрѣлянъ.

Баронъ спросилъ Яну, какъ ее зовутъ, но все-таки ничего не припомнилъ.

Яна чувствовала инстинктивно, что для нея лучше не напоминать.

— Откуда родомъ?—спросилъ баронъ.

Яна сказала.

— О, какъ далеко!—удивился баронъ, сидя въ ваннѣ.

Дѣвушка съ длинной косой на окраинѣ города совсѣмъ улетучилась у него изъ памяти, но вдругъ онъ вспомнилъ что-то совсѣмъ другое.

— А не было ли у васъ тамъ голода?—спросилъ онъ.

— Много разъ бывалъ.

— Да, но я говорю о голодѣ... лѣтъ десять тому назадъ. Подъ-рядъ два года?

— Да, да, былъ.

— Изъ какой ты деревни?

Яна, собственно говоря, не была ни изъ какой деревни, но она назвала Ленту.

— Вотъ именно въ Ленту моя дочь устроила тогда школу,—сказалъ баронъ, оживляясь.

— Да можетъ ли это быть?!

Яна такъ была удивлена, что на минуту позабыла даже про мытье.

— Вѣдь я сама училась въ этой школѣ.

Баронъ разспрашивалъ о школѣ. Яна отвѣчала, какъ умѣла. Ей было пріятно вспоминать тетю изъ Гельсингфорса.

— Велика была у сельскаго общества потребность образованія?

— Что?

Яна не понимала.

— Я хочу сказать, нужна была школа?

— Ну, да,—сказала Яна неувѣренно.

Она не могла понять подобнаго вопроса. Нужна ли большая дорога? Нужны ли звѣзды на небесахъ или купецъ Луйкаринень? Была школа и нѣтъ ея. Еслибы закрыли большую дорогу, стали бы ѣздить по проселочнымъ. Увели купца Луйкаринена въ тюрьму,—ну, что-же! стали ѣздить за покупками въ городъ. Что нужно и что не нужно?

— Я хочу сказать, понимали ли деревенскіе, зачѣмъ имъ школа?

— Сначала не понимали,—объясняла Яна.—А когда стали раздавать даромъ одежду и обувь,—наперебой стали посылать ребятишекъ.

Баронъ усмѣхнулся. Это была его мысль; ребятъ надо сперва кормить, а ужъ потомъ учить.

— Ну, а кормили?

— Кормили. Кто хотѣлъ, могъ и домой уносить.

Можетъ быть, его Сигне и принесла имъ тогда пользу, думалъ баронъ. Тогда она была теософка, толстовка; теперь у

нея—обширные соціалистическіе планы; изъ-за нихъ, можетъ быть, она и обручилась съ изучающимъ политическую экономію магистромъ. Баронъ не одобрялъ дочь и ея выборъ. Женихъ былъ не дворянинъ.

XXXI.

Положеніе дѣла было совсѣмъ иное, чѣмъ въ тѣ времена, когда Мина Рёнтю бѣжала съ сыномъ изъ своей избушки отъ неминуемой голодной смерти.

Отовсюду шла помощь. Давала казна, давала община, давали добрые люди. Учреждали комитеты, устраивали вечера, танцовали, пѣли, играли—все въ пользу пострадавшихъ отъ голода. Ни одинъ человѣкъ въ Финляндіи не долженъ умереть отъ голода—это стало вопросомъ національной чести.

Въ захолустьяхъ Финляндіи стали устраивать читальни, народныя библіотеки, ясли для младенцевъ, богадѣльни для стариковъ. Завели аптеки и сельскихъ врачей.

Обѣщали даже желѣзную дорогу.

Муку повсюду раздавали даромъ.

— За тощими годами послѣдовали тучные,—острилъ впослѣдствіи купецъ Луйкариненъ.

Во многихъ избушкахъ, гдѣ и въ хорошіе годы пекли хлѣбъ пополамъ съ сосновой корой, теперь цѣлый годъ ѣли чистый ржаной. Имъ ничего не оставалось желать, какъ только того, чтобы милосердный Богъ почаще посылалъ голодные года.

Плохія времена настали для помѣщиковъ и собственниковъ. Бѣднота совсѣмъ перестала работать. Поденная плата страшно поднялась. Торпари заважничали. Бѣднота сидѣла за казеннымъ горшкомъ каши и въ грошъ не ставила домохозяевъ. Ропотъ и жалобы слышались повсюду среди помѣщиковъ.

И у нихъ морозъ побилъ хлѣба. Надо было платить долги. Началась продажа съ молотка: усадьбы шли за безцѣнокъ.

Собрались умные люди въ Гельсингфорсѣ, наморщили озабоченно лбы и говорятъ:

— Нѣтъ, такъ не годится. Бѣднота привыкнетъ жить за счетъ государства и общества. Надо имъ дать работу, кустарныя издѣлія, лыжи, грабли, шайки, ведра. Мы будемъ у нихъ покупать и посылать на продажу въ городскіе магазины хозяйственныхъ принадлежностей. Такъ мы разомъ трехъ, а пожалуй и четырехъ зайцевъ убьемъ: сумерки на сѣверѣ продолжительныя; разъ народъ привыкаетъ къ кустарной промышленности,—

поднимется его благосостояніе, зажиточность, нравственность и культурность.

И вышло такъ, что всѣ обитатели захолустій принялись за кустарныя издѣлія, кто умѣлъ и кто не умѣлъ. Взапуски выдѣлывали лыжи, которыя шли вкось и вкривь; грабли, изъ которыхъ зубья тотчасъ же вываливались; посуду, которая еле держалась. У чулокъ пятка всегда была не на мѣстѣ, у варежекъ большой палецъ посрединѣ ладони. И никто не старался работать лучше, потому что за все платили одинаковую цѣну и все принимали въ комитеты. Отечественная кустарная промышленность быстро пошла назадъ.

— Главное, чтобы никто не умеръ отъ голода,—заключилъ баронъ цѣпь пессимистическихъ мыслей.

Безъ сомнѣнія, онъ былъ правъ.

XXXII.

Яна умѣла массажировать. Она научилась этому отъ бабушки. Сначала она массажировала только въ баняхъ, потомъ стала находить работу и въ городѣ. Въ домъ барона Манфельта она ходила разъ въ недѣлю. Тамъ она встрѣтилась съ барышней, своей прежней учительницей. Иногда видала тамъ и жениха барышни, толстаго магистра Поуту.

У магистра часто возникали споры съ барономъ.

Жизнь, по мнѣнію барона—величайшій даръ милосерднаго Творца. Магистръ утверждалъ, что тутъ нѣтъ ни милости, ни дара, и благодарить некого.

Значитъ, это—право. Значитъ, каждый человѣкъ имѣетъ право на жизнь. Но при современномъ положеніи дѣла,—баронъ зналъ это изъ исторіи,—правомъ этимъ пользуются далеко не всѣ равномѣрно. У однихъ больше права на жизнь, у другихъ—поменьше, у третьихъ—чуточку, а у иныхъ—ровно ничего.

Какъ же это случилось? Не отняли ли сильнѣйшіе это право у слабѣйшихъ?

Съ этимъ баронъ никакъ не хотѣлъ согласиться. Въ душѣ онъ признавалъ за каждымъ право жить. Но если оно не у каждаго есть,—кто его можетъ дать?

Богъ? Въ личнаго Бога онъ не вѣрилъ. Правительство? Оно не справится со всѣми частными дѣлами.

Люди сами должны дать его. Тотъ, у кого его больше, пусть дастъ тому, у кого меньше. Ни въ какому другому заключенію

баронъ не могъ придти. Состраданіе добрыхъ людей улучшитъ положеніе дѣлъ.

А магистръ говорилъ, что состраданіе унижаетъ того, на кого оно направлено. Пролетаріатъ желаетъ не милости, а права. А не дадутъ,—онъ самъ возьметъ. Жизнь—борьба. Кто же слабѣе, кто сильнѣе? По простому ариѳметическому разсчету тѣ слабѣе, которыхъ меньше. Съ такимъ взглядомъ баронъ ни за что не соглашался. Сила не зависитъ исключительно отъ количества людей, но еще и отъ ихъ качества. Этому онъ научился еще въ молодости, въ военной службѣ.

Собесѣдники начинали горячиться.

Вмѣшалась Сигне:

— Почему жизнь должна быть непремѣнно борьбой? У человѣка достаточно внутренней борьбы съ самимъ собой. Пусть онъ научится управлять собой. Управлять другими такъ же стыдно, какъ и быть управляемымъ.

— Ну, ужъ это толстовство!—улыбнулся баронъ.—Значитъ, всякая власть—излишняя?

— Ну, конечно,—сказала Сигне.

— Такой взглядъ правильнѣе называть анархизмомъ,—сказалъ магистръ.—Къ счастью, его по нѣкоторымъ практическимъ соображеніямъ нельзя осуществить.

Яну, какъ массажистку барона и бывшую ученицу Сигне, нерѣдко приглашали къ семейному столу; такіе споры часто происходили при ней. Трудно было ей разобраться въ нихъ; и баронъ правъ, и магистръ правъ, а всѣхъ больше права Сигне: безъ сомнѣнія, всякая власть — излишняя, и всѣ управляющіе заслуживаютъ висѣлицы.

Но Сигне говоритъ: „нельзя противиться злу зломъ".

Этой истины Яна никогда не могла усвоить. По ея мнѣнію, это—такая же болтовня, что и пасторскія проповѣди: этимъ прикрываются всякія несправедливости.

XXXIII.

По временамъ буйное мятежное настроеніе покидало Яну. Тогда она по цѣлымъ вечерамъ сидѣла дома и заливалась слезами. Она вспоминала свою жизнь, свою несчастную участь, свой первый пріѣздъ въ Гельсингфорсъ и свое безчестье, своего ребенка.

Однажды послѣ такой тяжелой ночи она разсказала все

Сигне. Та ужаснулась. При первомъ же свиданіи она разсказала все магистру.

Магистръ рѣшилъ взяться за это дѣло, совѣтовался съ товарищами. „Что подѣлаешь—говорили они—съ негодяями, когда сама администрація въ союзѣ съ ними"!?

Но администрація сама пожелала очиститься,—слишкомъ много было по этому поводу разговоровъ, компрометировавшихъ ее. Полицеймейстеръ говорилъ магистру:

— Виновный понесетъ наказаніе. Но не можете ли вы указать виновнаго?

— Еслибы я могъ!

— Въ такомъ случаѣ администрація сама возьмется за это дѣло.

Онъ обѣщалъ это подъ честнымъ словомъ.

Магистръ продолжалъ разслѣдовать дѣло. Разъ на городскомъ вокзалѣ, въ группѣ подозрительной наружности людей, нахально оглядывавшихъ проходящихъ, онъ узналъ по примѣтамъ, описаннымъ Яною, ея кавалера, обѣщавшаго свести ее въ циркъ.

— Арестуйте этихъ людей!—сказалъ онъ проходившему полицейскому коммиссару.—Мое имя Юрьё Антеро Поуту, магистръ философіи.

Коммиссаръ взглянулъ на него, какъ на сумасшедшаго, съ улыбкой сожалѣнія.

— Эти люди мнѣ не подвластны,—сказалъ онъ тихо.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я телефонирую полицеймейстеру.

Коммиссаръ дружески подмигнулъ ему.

— Они не обратятъ никакого вниманія и на приказъ полицеймейстера.

— Такъ прямо губернатору?

— Выше.

— Генералъ-губернатору?

— Выше.

— Этого быть не можетъ! Русскому министерству внутреннихъ дѣлъ?

Коммиссаръ шепнулъ ему что-то на ухо. Магистръ остолбенѣлъ.

— Это неправда!

— Правда,—улыбнулся коммиссаръ.

Магистръ выбѣжалъ вонъ.

Неужели это дѣйствительно такъ? Неужели какое-нибудь правительство на свѣтѣ можетъ пользоваться услугами подобныхъ людей?

Магистръ долженъ былъ сознаться, что положеніе—безнадежное. Ничего нельзя сдѣлать, пока законъ бездѣйствуетъ и пока

Финляндія не получитъ опять права политическаго самоопредѣленія. Надо вести конституціонную борьбу; пассивное сопротивленіе облегчитъ побѣду, а можетъ быть понадобится и активное выступленіе.

Неужели нѣтъ другихъ способовъ?

Въ этотъ вечеръ Яна сидѣла дома и старалась разучить марсельезу.

XXXIV.

Развѣваются флаги... Воля народа стала верховнымъ закономъ для Финляндіи.

Народъ захотѣлъ, и колесо власти остановилось. Народъ захотѣлъ, и весь общественный механизмъ пересталъ работать. Народъ захотѣлъ, и управленіе оказалось въ его рукахъ. Народъ захотѣлъ, и поѣзда, пароходы — все повиновалось его распоряженіямъ.

Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé...

Старый баронъ Манфельтъ тоже напѣвалъ марсельезу.

Онъ стоялъ близъ памятника Александра II и смотрѣлъ на развѣвавшійся надъ сенатомъ, университетомъ и полицейскимъ управленіемъ финскій флагъ со львомъ. Станъ у него выпрямился, глаза блестѣли.

Несомнѣнно—это революція. Но гдѣ же пушки и солдаты?

Рота народной гвардіи молодцевато прошла черезъ площадь. „Славно отбиваютъ тактъ!“—улыбнулся баронъ. Но гдѣ же у людей ружья? Не намѣрены ли они съ голыми руками вступить въ борьбу съ русской артиллеріей, пѣхотой и казаками? Развѣ не развѣвается надъ Свеаборгомъ государственный флагъ? Развѣ не стоятъ въ гавани военныя суда, изготовившись къ стрѣльбѣ?

— Стой!—крикнули ему по-русски.

Въ задумчивости онъ прошелъ два переулка и очутился около нюландскихъ казармъ.

Улица была забаррикадирована. Русскій солдатъ подставилъ штыкъ.

Contre nous de la tyrannie
L'étendard sanglant est levé...

Ему пришлось повернуть назадъ. Нѣтъ, это совсѣмъ не революція. Это—весенній народный праздникъ, въ программѣ котораго послѣдній нумеръ—пальба и блестящій фейерверкъ.

Наступила ночь.

Городъ утопалъ въ абсолютной темнотѣ. Электричество не горѣло, газъ не горѣлъ. Только прожекторы съ русскихъ военныхъ судовъ по временамъ нащупывали верхушки крышъ.

Баронъ былъ дома одинъ. Онъ подошелъ къ окну и открылъ его. Рѣзкій холодный вѣтеръ ворвался въ комнату. Дома дремали въ темнотѣ. Казалось, весь міръ уснулъ. Не трещали извозчичьи пролетки, не сновали трамваи. Глубокая тишина царила повсюду.

Кто это ходитъ тамъ ночью?.. Снизу слышались шаги; то тамъ, то сямъ мелькали потайные фонари.

Что они тамъ дѣлаютъ? Какіе планы строятъ? Революція ли это? Если да, то почему не гремитъ рѣшительный кличъ:

Aux armes, citoyens! Formez vos batallions!...

Тогда это была бы настоящая революція. Тогда, быть можетъ, и онъ самъ опоясался бы мечомъ.

Еслибы весь народъ возсталъ,—кто могъ бы устоять?

Но если настоящая революція невозможна, такъ зачѣмъ же играть въ революцію?

Однако, баронъ и самъ сознавалъ, что это не игра. Но какъ же они намѣрены бороться? Ужели безъ оружія? Не хотятъ ли они осуществить революцію безъ кровопролитія?

Было что-то гнетущее и удушливое въ ночной тишинѣ. Каково-то будетъ утро? Придетъ ли праздникъ? Наступитъ ли для народа разсвѣтъ? Зазвучитъ ли единодушный кличъ, несущій съ собою жизнь и смерть:

Amour sacré de la Patrie,
Conduis, soutiens nos bras vengeurs!
Liberté! Liberté chérie,
Combats avec tes défenseurs!..

XXXV.

Яна ходила словно въ жару. Наступилъ, наконецъ, этотъ великій моментъ.

И ея бани были закрыты по постановленію главнаго забастовочнаго комитета.

Никто не долженъ работать въ эту недѣлю святой народной мести, въ недѣлю отмщенія тысячелѣтнихъ обидъ.

Сапожникъ принадлежалъ къ народной гвардіи. Его жена,

членъ какого-то важнаго центральнаго комитета, была отправлена внутрь страны съ какимъ-то порученіемъ. У Яны не было опредѣленнаго дѣла. Она записалась въ „Красный-Крестъ", но только за неимѣніемъ лучшаго. Она ждала. Вѣдь это было только начало. Гдѣ же гильотины и висѣлицы?

Яна слышала, что полиція устранена. Это было вполнѣ естественно съ ея точки зрѣнія. Но почему же не уничтожены тотчасъ же всѣ правительственныя учрежденія? Къ чему теперь какая бы то ни было власть?

Она сама охотно давала свою лепту въ общую забастовочную кассу, но она не могла понять, зачѣмъ теперь нужно собирать деньги. Почему не ограблены банки? Почему не произведено тотчасъ же всеобщее уравненіе?

Все-таки она была въ ликующемъ, праздничномъ настроеніи.

Ей казалось, что теперь весь свѣтъ принялъ къ сердцу ея дѣло, что она-то и составляетъ центръ всего этого великаго и могучаго движенія.

Она одѣлась во все красное и бродила по желѣзнодорожной площади, вслушиваясь въ слова зажигательныхъ рѣчей, и ждала, когда же грянетъ первая пушка.

Гдѣ-то сапожникъ говорилъ рѣчь. Яна протиснулась къ самой эстрадѣ. Сапожникъ громилъ господъ за ихъ гнетъ и насилія. Вдругъ мысль у него оборвалась, и онъ безпомощно уставился глазами въ пространство. Случайно онъ встрѣтился взоромъ съ Яной.

— Вотъ тутъ стоитъ одна изъ жертвъ насилія! — выкрикнулъ онъ.

Онъ указалъ пальцемъ на Яну и разсказалъ въ двухъ словахъ о ея несчастіи.

Всѣ оглянулись на Яну. Она вспыхнула. Ей стало такъ стыдно, что хотѣлось провалиться на мѣстѣ. Какъ смѣлъ сапожникъ говорить? Почему онъ не спросилъ сперва, желаетъ ли она, чтобы ея несчастіе стало предметомъ всеобщаго вниманія?

Но сапожникъ продолжалъ еще горячѣе. Онъ говорилъ о мученицѣ. Яна подняла голову. Безъ сомнѣнія, мученица—это она. Тутъ нѣтъ ничего позорнаго, изъ-за чего слѣдовало бы краснѣть. Это—честь, самая большая честь, какая только можетъ выпасть на долю человѣка. Мученики прокладываютъ пути толпѣ. Яна чувствовала, что у нея съ души свалился камень.

Яна пришла въ этотъ вечеръ домой съ блестящими глазами. Она готова была выстрадать и вытерпѣть все, что угодно, лишь бы это послужило къ счастью народа.

Какой-то кузнецъ, съ которымъ она познакомилась на желѣзнодорожной площади, пришелъ къ ней. Они пробесѣдовали до поздней ночи. Кузнецъ былъ,—какъ, безсознательно, и сама Яна,—анархистъ. Разставаясь уже за полночь, они крѣпко, потоварищески, пожали другъ другу руки.

— Итакъ, до завтра!

— До завтра,—отвѣтила Яна.

Но въ эту минуту кузнецъ вспомнилъ, что у него, въ сущности, нѣтъ квартиры. Его выгнали за неплатежъ квартирной платы, и онъ проводилъ одну ночь тамъ, другую—здѣсь, поглощенный своими собственными великими мыслями.

— Надо терпѣть ради освобожденія,—сказалъ онъ.

Въ глазахъ Яны это было геройство, и она тотчасъ же предложила кузнецу ночлегъ въ своей комнатѣ.

XXXVI.

На слѣдующій день говорили, что забастовка прекращается. Для Яны это было совершенно непонятно. Прекращается? Почему? Вѣдь только-что началась.

Говорили, что господа предали народное дѣло. Они получили какія-то права. Но какое до этого дѣло ей, Янѣ? Пролетаріатъ вѣдь ничего не получилъ.

Кузнецъ говорилъ, что забастовку надо продолжать. Никто не долженъ идти на работу.

— Я не пойду ни за что,—говорилъ онъ.

— И я,—подтверждала Яна.

— Въ единеніи сила пролетаріата,—пояснялъ кузнецъ.

Они отправились вмѣстѣ гулять. На сенатской площади раздавали какіе-то листки, молодежь кричала „ура“.

Говорили, что Финляндія снова пріобрѣла политическую независимость. А имъ какое до этого дѣло! Они сознавали, что ихъ положеніе не улучшилось.

Встрѣтили сапожника.

— Забастовку надо прекратить,—сказалъ онъ.—Таковъ приказъ центральнаго комитета; кромѣ того, мы получили все, что̀ мно было въ данную минуту получить.

— Что̀ же мы получили?

— Общее и равное право голоса!—Онъ пошелъ дальше.

— Сапожникъ въ союзѣ съ господами, — сказалъ кузнецъ.

— Никогда онъ и не былъ настоящимъ товарищемъ, — добавила Яна.

— Мы побѣдили!—крикнулъ имъ мимоходомъ магистръ Поуту.

„Вы побѣдили“,—подумала Яна, но не сказала этого вслухъ.

Она рѣшила сообща съ кузнецомъ, что революцію надо продолжать, но не вмѣшивать въ нее господъ.

— Къ чорту всѣхъ господъ!—говорилъ кузнецъ.

— Голову прочь, а туловище въ воду,—поправила Яна.

Кузнецъ остался у Яны. Они зажили какъ мужъ и жена.

У Яны были кое-какія сбереженія, на нихъ и жили. Кузнецъ былъ пьяница и любилъ общество. У нихъ собирались единомышленники. Здѣсь не было ни господъ, ни рабовъ; здѣсь царили свобода, равенство и братство. Все было общее: и сама Яна, и ея деньги. Ожидали, что вотъ-вотъ загорится заря демократической республики.

У нихъ и была демократическая республика. Но она окончилась, какъ только опустѣла касса Яны.

Администрація разузнала про нихъ, накрыла всю компанію разомъ и упрятала въ тюрьму.

Яну скоро выпустили.

Она осталась чуть не нагишомъ. Однако, ей удалось найти снова мѣсто въ маленькихъ баняхъ на окраинѣ города.

XXXVII.

Въ душѣ Яны произошло какое-то раздвоеніе.

Въ тюрьмѣ у нея пробудилась религіозность, унаслѣдованная отъ предковъ, но по выходѣ изъ тюрьмы вновь овладѣлъ ею мятежный духъ.

Она одѣвалась то во все черное, то во все красное.

Въ черные дни она читала Библію, плакала, ходила въ церковь, посѣщала Сигне, говорила о благости Божіей.

Въ красные дни ей мерещилась кровь. Она проводила время среди подонковъ общества и строила съ ними планы насильственнаго и безпощаднаго уничтоженія существующаго порядка.

Яна посѣщала иногда семью сапожника. Онъ сдѣлался мирнымъ соціалистомъ, какъ и его жена. Здѣсь иногда получались вѣсти изъ Ленту. Яна узнала, что Луйкаринен вернулся изъ тюрьмы, и что всѣ жители Ленту примкнули къ соціалъ-демократической партіи.

Семья сапожника не удовлетворяла Яну. Недовольною воз-

вращалась она отъ своей бывшей учительницы, гдѣ ей предлагали тепленькую, безцвѣтную набожность и человѣколюбіе. Ей больше приходился по душѣ Богъ гнѣва и мести, Богъ Авраама, Исаака и Іакова. Ей мерещились потоки крови, бичи и скорпіоны.

Былъ одинъ изъ красныхъ дней. Въ Свеаборгѣ гремѣли пушки. Дрогнуло сердце у Яны, когда она услыхала, что красная гвардія призвана подъ знамена.

Яна стояла съ ранняго утра на Обсерваторной горѣ въ густой толпѣ. Надъ зеркально-спокойными водами ярко горѣло солнышко. На островахъ, то тутъ, то тамъ, вспыхивали бѣлыя облачка дыма. По временамъ между зеленѣющими островами падалъ артиллерійскій снарядъ; падавшіе на рейдѣ снаряды поднимали каждый высокій водяной столбъ.

Яна стояла скрестивъ руки и читала про себя „Отче нашъ“. Толпа вокругъ нея безмолвствовала.

Къ вечеру все измѣнилось. Небо покрылось облаками, сѣрыя волны тяжело ударяли въ берега. На рейдѣ появились огромныя военныя суда. Съ горящими глазами, сдерживая дыханіе, съ полуоткрытымъ ртомъ и раздувающимися ноздрями стояла Яна, зорко всматриваясь въ темноту.

На другой день говорили, что бунтъ подавленъ.

Яна одѣлась въ черное, вечеромъ сидѣла дома и читала Библію.

XXXVIII.

На слѣдующій день она снова одѣлась въ красное.

Она стояла на одной изъ площадей и смотрѣла, какъ толпа не пускала вагонъ трамвая, какъ промаршировала съ ружьями на-перевѣсъ общинная гвардія; слушала, какъ трещатъ револьверы, слушала отвѣтный огонь красной гвардіи.

Вдругъ откуда-то крикнули:

— Прочь съ дороги!

Яна вытянула шею. Прибѣжало человѣкъ десять съ ружьями, остановились, прицѣлились, грянулъ залпъ. Нѣсколько общинногвардейцевъ упало. Въ толпѣ раздался ликующій крикъ:

— Прочь! Наши стрѣляютъ!

Яна тоже кричала вмѣстѣ съ другими. Едва-ли она сама знавала это. У нея раздувались ноздри отъ запаха крови; валявшіяся на землѣ тѣла приковывали къ себѣ ея взоры. Она была, кто она и гдѣ она; она понимала только одно, что наступилъ свѣтъ для пролетаріата, что насталъ часъ кроваваго отмщенія.

Новый залпъ, новые трупы и раненые.

Общинногвардейцы разсѣялись. Люди съ ружьями повернулись и исчезли.

Въ толпѣ на троттуарѣ выдѣлялся какой-то старый, сѣдоволосый господинъ подъ-руку съ молодой дамой. Это былъ баронъ Манфельтъ. Баронъ былъ совершенно сбитъ съ толку. Онъ не могъ понять этого. Все это казалось ему чѣмъ-то безумнымъ, безсмысленнымъ, безпримѣрнымъ въ исторіи. Финскіе граждане заводятъ междоусобную войну, и когда? Когда Финляндія снова получила свободу и свою прежнюю независимость!..

Вдругъ у барона потемнѣло въ глазахъ. Онъ ухватился рукою за сердце и увидѣлъ нѣчто неслыханное.

Трупы онъ видѣлъ и раньше, залпы слышалъ и раньше. Онъ увидалъ нѣчто такое, чего онъ никогда не видалъ, что̀ даже и во снѣ онъ счелъ бы невѣроятнымъ. Онъ увидѣлъ, какъ молодая женщина съ длинной косой носится по улицѣ и бьетъ мертвыхъ, валяющихся на мостовой, общинногвардейцевъ ногами въ лицо.

Это была Яна. Она уже не могла остановиться. Она обезумѣла отъ запаха крови и пороху; она бѣгала, плясала среди дымящихся труповъ и била ихъ ногами въ лицо, въ грудь, куда попало, съ крикомъ, съ визгомъ. Это было что-то ужасное, что-то отвратительное, звѣриное. Баронъ пошатнулся и безпомощно хваталъ руками воздухъ. Ему казалось, что онъ воочію видитъ вавилонскую блудницу и змія, извивающагося въ ликующей плискѣ смерти на развалинахъ превратившейся въ прахъ вселенной.

Но эта длинная коса? Гдѣ онъ видѣлъ ее раньше?

И онъ припомнилъ эту косу въ домикѣ на окраинѣ города, затѣмъ на улицѣ близъ полицейскаго участка, волочащуюся по землѣ. И эта дѣвушка мыла и массажировала его! Бывала у него въ домѣ!

Баронъ упалъ. Его разбилъ параличъ, но онъ былъ еще живъ.

— Отецъ умираетъ! — кричала дочь. — Помогите, помогите!

Никто не помогъ. Послышалось грубое ругательство.

Баронъ слышалъ. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на дочь печальнымъ взоромъ. Онъ сознавалъ, что пришелъ его часъ, снова закрылъ глаза и опустилъ сѣдую голову на жесткій камень мостовой.

Яна вдругъ остановилась,—она пришла въ себя и украдкой отошла прочь, усталая и обезсилѣвшая.

— Казаки ѣдутъ!

Толпа, какъ стадо, бросилась во всѣ стороны.

XXXIX.

Яна быстро опускалась.

Въ ней словно что-то переломилось. Она какъ-то одеревенѣла, впала въ апатію.

Она еще служила въ банѣ. Вяло она работала, вяло ѣла, пила. Ей все стало безразлично. Единственно, что̀ ее нѣсколько подкрѣпляло,—это водка, и она мрачно пила каждый день для подкрѣпленія. Нельзя сказать, что она очень страдала. Она не была ни счастлива, ни несчастна. Она ни на что̀ не надѣялась и ничѣмъ не огорчалась.

Однажды Яна выпила больше обыкновеннаго и пошла гулять. Пошатываясь, брела она черезъ какой-то паркъ и, наконецъ, присѣла на сугробъ отдохнуть. Лѣнь ей было идти дальше. Вотъ тутъ бы и конецъ. Умереть тутъ въ сугробѣ.

Снѣжинки падали ей на лицо и таяли. Скоро все тѣло покрылось снѣгомъ. Ей снился сонъ, что она умерла и уже на небѣ. Тамъ много народу, господа и барышни, но есть и мужики, среди нихъ — бабушка. Въ глубинѣ залы сидитъ кроткій и сіяющій Богъ...

Она очнулась, наконецъ, оттого что кто-то встряхивалъ ее. Это былъ какой-то деревенскій пасторъ. Онъ проходилъ черезъ паркъ и увидалъ бѣлую женскую фигуру, скорчившуюся на снѣгу.

Онъ говорилъ кротко, и Яна слушала. Онъ обѣщалъ пріютить ее на ночь, и Яна хотѣла подняться. Но не могла. Пастору пришлось поднять ее и вести подъ-руку.

Яна стала всматриваться въ него. Ей показалось, что она видала его и раньше. Не тотъ ли это пасторъ, который когда-то спорилъ съ Луйкариненомъ, а еще раньше причащалъ ее?

Но она слишкомъ устала, чтобы припоминать. Невольно она позволяла вести ее въ темноту снѣжной ночи, въ которой оба они и исчезли...

Съ финскаго Вяч. Б.

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ

ЧЕХОВЪ

ЛАВОЧНИКЪ

I.

Антоша—ученикъ 1-го класса таганрогской гимназіи—недавно пообѣдалъ и только-что усѣлся за приготовленіе уроковъ къ завтрашнему дню. Передъ нимъ латинская грамматика Кюнера. Урокъ по-латыни трудный: нужно сдѣлать переводъ и выучить слова. Потомъ—длинная исторія по Закону Божію. Придется посидѣть за работою часа три. Зимній короткій день уже подходитъ къ концу; на дворѣ почти темно, и передъ Антошей мигаетъ сальная свѣчка, съ которой приходится то-и-дѣло снимать щипцами нагаръ.

Антоша обмакнулъ перо въ чернильницу и приготовился писать переводъ. Отворяется дверь, и въ комнату входитъ отецъ Антоши, Павелъ Егоровичъ, въ шубѣ и въ глубокихъ кожаныхъ калошахъ. Руки его—сѣро-синія отъ холода.

— Тово...—говоритъ Павелъ Егоровичъ:—я сейчасъ уйду по дѣлу, а ты, Антоша, ступай въ лавку и смотри тамъ хорошенько.

У мальчика навертываются на глаза слезы, и онъ начинаетъ усиленно мигать вѣками.

— Въ лавкѣ холодно,—возражаетъ онъ,—а я и такъ озябъ, пока шелъ изъ гимназіи.

— Ничего... Одѣнься хорошенько—и не будетъ холодно.

— На завтра уроковъ много...

— Уроки выучишь въ лавкѣ... Ступай, да смотри тамъ хорошенько... Скорѣе!.. Не копайся!..

Антоша съ ожесточеніемъ бросаетъ перо, захлопываетъ Кюнера, напяливаетъ на себя съ горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаныя рваныя калоши и идетъ вслѣдъ за отцомъ въ лавку. Лавка помѣщается тутъ же, въ этомъ же домѣ. Въ ней—невесело, а главное—ужасно холодно. У мальчиковъ-лавочниковъ Андрюшки и Гаврюшки — синія руки и красные носы. Они поминутно постукиваютъ ногою объ ногу и ёжатся, и сутуловато жмутся отъ мороза.

— Садись за конторку!—приказываетъ Антошѣ отецъ и, перекрестившись нѣсколько разъ на икону, уходитъ.

Мальчикъ, не переставая плакать, заходитъ за прилавокъ, взбирается съ ногами на ящикъ изъ-подъ казанскаго мыла, обращенный въ сидѣнье передъ конторкой, и съ досадою тычетъ безъ всякой надобности перомъ въ чернильницу. Кончикъ пера натыкается на ледъ: чернила замерзли. Въ лавкѣ такъ же холодно, какъ и на улицѣ, и на этомъ холодѣ Антошѣ придется просидѣть, по крайней мѣрѣ, часа три: онъ знаетъ, что Павелъ Егоровичъ ушелъ надолго... Онъ запихиваетъ руки въ рукава и съёживается такъ же, какъ и Андрюшка и Гаврюшка. О латинскомъ переводѣ нечего и думать. Завтра—единица, а потомъ—строгій нагоняй отъ отца за дурную отмѣтку...

Едва-ли многимъ изъ читателей и почитателей покойнаго Ант. П. Чехова извѣстно, что судьба въ ранніе годы его жизни заставила его играть за прилавкомъ роль мальчика-лавочника въ бакалейной лавкѣ средняго разряда. И едва-ли кто повѣритъ, что этотъ строгій и безусловно честный писатель-идеалистъ былъ знакомъ въ дѣтствѣ со всѣми пріемами обмѣриванія, обвѣшиванія и всяческаго торговаго мелкаго плутовства. Покойный Антонъ Павловичъ прошелъ изъ-подъ палки эту безпощадную подневольную школу цѣликомъ и вспоминалъ о ней съ горечью всю свою жизнь. Ребенкомъ онъ былъ несчастный человѣкъ.

Въ его произведеніяхъ внимательному читателю бросается въ глаза одна, не особенно замѣтная съ перваго взгляда черта: всѣ выведенныя имъ дѣти—существа страждущія или же угнетенныя и подневольныя. Варькѣ, отданной въ услуженіе къ мастеровому, нѣтъ времени выспаться, и она душитъ ребенка ъ колыбели, чтобы сладко заснуть („Спать хочется“). Егорушка, ораго родственникъ и сельскій священникъ везутъ въ городъ иться,—не выдается во всемъ длинномъ разсказѣ („Степь“) одной чертой, которая говорила бы о его жизнерадостности. же группа дѣтей, такъ оживленно играющая въ лото („Дѣт-

вора"), играетъ не въ силу потребности дѣтски-беззавѣтно повеселиться, а отъ гнетущей скуки, на которую обрекли эту дѣтвору уѣхавшіе въ гости родители. Большинство чеховскихъ дѣтей нарисовано авторомъ такъ, что читателю, познакомившемуся съ ними, невольно дѣлается какъ-то жаль ихъ и грустно.

Этотъ тонъ и эти мастерски написанные, съ оттѣнкомъ грусти, портреты дѣтворы выхвачены прямо изъ жизни и находятъ себѣ объясненіе въ далекомъ прошломъ автора и въ его собственномъ дѣтствѣ. Въ зрѣлые годы своей жизни онъ не разъ говаривалъ въ интимномъ кружкѣ родныхъ и знакомыхъ:

— Въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства...

Антонъ Павловичъ только издали видѣлъ счастливыхъ дѣтей, но самъ никогда не переживалъ счастливаго, беззаботнаго и жизнерадостнаго дѣтства, о которомъ было бы пріятно вспомнить, пересматривая прошлое. Семейный укладъ сложился для покойнаго писателя такъ неудачно, что онъ не имѣлъ возможности ни побѣгать, ни порѣзвиться, ни пошалить. На это не хватало времени, потому что все свое свободное время онъ долженъ былъ проводить въ лавкѣ. Кромѣ того, на всемъ этомъ лежалъ отцовскій запретъ; бѣгать нельзя было потому, что „сапоги побьешь"; шалить запрещалось оттого, что „балуются только уличные мальчишки"; играть съ товарищами—пустая и вредная забава: „товарищи Богъ знаетъ чему научатъ"...

— Нечего баклуши бить на дворѣ; ступай лучше въ лавку, да смотри тамъ хорошенько; пріучайся къ торговлѣ!—слышалъ постоянно Антонъ Павловичъ отъ отца.—Въ лавкѣ, по крайней мѣрѣ, отцу помогаешь...

И Антону Павловичу приходилось съ грустью и со слезами отказываться отъ всего того, что̀ свойственно и даже настоятельно необходимо дѣтскому возрасту и проводить время въ лавкѣ, которая была ему ненавистна. Въ ней онъ, съ грѣхомъ пополамъ, училъ и не доучивалъ уроки, въ ней переживалъ зимніе морозы и коченѣлъ и въ ней же тоскливо, какъ узникъ въ четырехъ стѣнахъ, долженъ былъ проводить золотые дни гимназическихъ каникулъ. Товарищи въ это время жили по-человѣчески, запасались подъ яркимъ южнымъ солнцемъ здоровьемъ, а онъ сидѣлъ за прилавкомъ отъ утра до ночи, точно прикованный цѣпью. Лавка эта съ ея мелочною торговлей и уродливой, односторонней жизнью отняла у него многое.

Сидя у конторки за прилавкомъ, получая съ покупателей деньги и давая сдачу, Антоша видитъ постоянно одни и тѣ же, давно знакомыя и давно уже надоѣвшія лица съ однѣми и

тѣми же рѣчами. Это — мелкіе хлѣбные маклера-завсегдатаи, свившіе себѣ гнѣздо въ лавкѣ Павла Егоровича. Лавка служитъ для нихъ клубомъ, въ которомъ они за рюмкою водки праздно убиваютъ время. А зимою дѣла у нихъ нѣтъ никакого: привоза зернового хлѣба изъ деревень нѣтъ, имъ покупать и перепродавать нечего. Купля и перепродажа идутъ у нихъ только лѣтомъ и осенью. Перехвативъ ѣдущаго въ городъ съ хлѣбомъ мужика еще на дорогѣ, они покупаютъ у него товаръ, перепродаютъ съ надбавкою крупному экспортеру въ родѣ Вальяно или Скараманги—и этимъ ремесломъ и живутъ. У каждаго изъ нихъ есть квартира и семья, но они предпочитаютъ проводить время въ лавкѣ Павла Егоровича и отъ времени до времени выпивать въ круговую по стаканчику водки,—благо хозяинъ вѣритъ имъ въ долгъ и почти всегда составляетъ имъ компанію. Говорятъ они обо всемъ, но большею частью пробавляются выдохшимися и не всегда приличными анекдотами, и при этомъ всегда прибавляютъ:

— А ты, Антоша, не слушай. Тебѣ рано еще...

Павелъ Егоровичъ — отецъ Антоши — торговалъ бакалейнымъ товаромъ. На его большой черной вывѣскѣ были выведены сусальнымъ золотомъ слова: „Чай, сахаръ, кофе и другіе колоніальные товары". Вывѣска эта висѣла на фронтонѣ, надъ входомъ въ лавку. Немного ниже помѣщалась другая: „На выносъ и распивочно". Эта послѣдняя обозначала собою существованіе погреба съ сантуринскими винами и съ неизбѣжною водкой. Внутренняя лѣстница вела прямо изъ погреба въ лавку, и по ней всегда бѣгали Андрюшка и Гаврюшка, когда кто-нибудь изъ покупателей требовалъ полкварты сантуринскаго, или же кто-нибудь изъ праздныхъ завсегдатаевъ приказывалъ:

— Принеси-ка, Андрюшка, три стаканчика водки, а вы, Павелъ Егорычъ, запишите за мной...

Оба торговыя заведенія—и бакалейная лавка, и винный погребъ—были тѣсно связаны между собою и составляли одно цѣлое, и въ обоихъ Антоша торговалъ, отвѣшивая и отмѣривая и даже обвѣшивая и обмѣривая, насколько ему позволяли его дѣтскія силы и смекалка. Потомъ уже, когда онъ подросъ и вошелъ въ разумъ, мелкое плутовство стало ему противнымъ и онъ началъ съ нимъ энергичную борьбу, но, будучи мальчикомъ-подросткомъ, и онъ подчинялся безсознательно общему ходу торговли, и на немъ лежала печать мелкаго торгаша со всѣми его недостатками.

Тѣмъ лицамъ, которыя знакомы лишь съ столичными коло-

ніальными магазинами въ родѣ Милютиныхъ рядовъ на Невскомъ, едва-ли удастся составить себѣ представленіе о томъ, что такое бакалейная лавка въ провинціи, да еще въ то отдаленное время, когда Антоша былъ подросткомъ. Даже столичную овощную лавочку, въ которой торговля ведется по мелочамъ, нельзя сравнить съ бакалейною лавкой Павла Егоровича. Это было весьма своеобразное торговое заведеніе, вызванное къ жизни только мѣстными условіями. Здѣсь можно было пріобрѣсти четверку и даже два золотника чаю, банку помады, дрянной перочинный ножикъ, пузырекъ касторового масла, пряжку для жилетки, фитиль для лампы и какую-нибудь лекарственную траву или цѣлебный корень въ родѣ ревеня. Тутъ же можно было выпить рюмку водки и напиться сантуринскимъ виномъ до полнаго опьяненія. Рядомъ съ дорогимъ прованскимъ масломъ и дорогими же духами „Эссъ-Букетъ", продавались маслины, винныя ягоды, мраморная бумага для оклейки книгъ, керосинъ, макароны, слабительный александрійскій листъ, рисъ, аравійскій кофе и сальныя свѣчи. Рядомъ съ настоящимъ чаемъ продавался и спитой чай, собранный евреями въ трактирахъ и гостинницахъ, высушенный и подкрашенный. Конфекты, пряники и мармеладъ помѣщались по сосѣдству съ ваксою, сардинами, сандаломъ, селедками и жестянками для керосина или коноплянаго масла. Мука, мыло, гречневая крупа, табакъ-махорка, нашатырь, проволочныя мышеловки, камфора, лавровый листъ, сигары „Лео Виссора въ Ригѣ", вѣники, сѣрныя спички, изюмъ и даже стрихнинъ (кучелеба) уживались въ самомъ мирномъ сосѣдствѣ. Казанское мыло, душистый кардамонъ, гвоздика и крымская крупная соль лежали въ одномъ углу съ лимонами, копченой рыбой и ременными поясами. Словомъ, это была смѣсь самыхъ разнообразныхъ товаровъ, не поддающихся никакой классификаціи. Лавка Павла Егоровича была въ одно и то же время и бакалейной лавкой, и аптекой безъ разрѣшенія начальства, и мѣстомъ распивочной торговли, и складомъ всяческихъ товаровъ,— до аѳонскихъ и іерусалимскихъ, будто бы, святынь включительно,— и клубомъ для праздныхъ завсегдатаевъ. И весь этотъ содомъ, весь этотъ хаосъ ютился на очень небольшомъ пространствѣ обыкновеннаго лавочнаго помѣщенія съ полками по стѣнамъ, съ страшно грязнымъ поломъ, съ обитымъ рваною клеенкою прилавкомъ и съ небольшими окнами, защищенными съ улицы рѣшетками, какъ въ тюрьмѣ.

Въ лавкѣ, несмотря на постоянно открытыя двери на улицу, стоялъ и смѣшанный запахъ съ преобладающимъ букетомъ де-

ревяннаго масла, казанскаго мыла, керосина и селедокъ, а иногда и сивухи. И въ этой атмосферѣ хранился чай—продуктъ, какъ извѣстно, очень чуткій и воспріимчивый къ постороннимъ запахамъ. Были ли покупатели Павла Егоровича людьми нетребовательными и не особенно разборчивыми, или же чай, лежа цѣлыми мѣсяцами рядомъ съ табакомъ и мыломъ, удачно сохранялъ свой ароматъ — сказать трудно. Но покупатели не жаловались. Бывали, правда, случаи, что сахаръ отдавалъ керосиномъ, кофе—селедкою, а рисъ—сальною свѣчкою, но это объяснялось нечистотою рукъ Андрюшки и Гаврюшки, которые тутъ же и получали возмездіе въ формѣ подзатыльниковъ или оплеухъ—и нарочно въ присутствіи публики, чтобы покупатель видѣлъ, что съ виновныхъ взыскивается неукоснительно и строго.

То были блаженныя, патріархальныя времена, когда не существовало ни санитарныхъ правилъ, ни разныхъ обязательныхъ постановленій, и когда представитель пожарной команды, на котораго былъ возложенъ надзоръ за храненіемъ въ лавкахъ керосина и огнеопасныхъ веществъ, дѣлалъ періодическіе набѣги и, выпивъ нѣсколько рюмокъ водки и получивъ два-три двугривенныхъ, мирно уходилъ и только на порогѣ вспоминалъ:

— А какъ у васъ... тово?..

— Слава Богу, все хорошо-съ...

— Безопасно?

— Вполнѣ безопасно-съ...

— Ну, то-то же... А то вѣдь сгорите...

Существовала одна лишь торговая депутація, но и та преслѣдовала однѣ только фискальныя цѣли: всѣ ли торговые документы на лицо; а до остального ей не было дѣла. Торгуй хоть хлѣбомъ съ тараканами—это ея не касалось.

Антоша, сидя въ лавкѣ, долженъ былъ знать, гдѣ, на какой полкѣ и въ какомъ ящикѣ хранится такой-то товаръ. Павелъ Егоровичъ требовалъ, чтобы все отпускалось покупателю безъ замедленія и моментально. Если покупатель требовалъ сальную свѣчу за три копѣйки, перцу на копѣйку и за двѣ копѣйки селедку, то Андрюшка стремглавъ летѣлъ внизъ по лѣстницѣ въ погребъ за свѣчкой, Гаврюшка лѣзъ подъ самый потолокъ за перцемъ, а Антоша вылавливалъ крючкомъ на палкѣ изъ боченка жавую астраханку.

Назначеніе многихъ товаровъ было для Антоши-гимназиста олгое время загадкою.

— Папаша, для чего продается семибратняя кровь?—спрашивалъ онъ у отца.

— Отъ лихорадки.

— А гнѣздо?

— Когда выростешь, тогда и узнаешь...

Семибратняя кровь — это известковый скелетъ привозимаго изъ-за-границы коралла. Это — трубчатый камень темно-малиноваго цвѣта, совершенно нерастворимый въ водѣ. Отъ такого лекарства всякій докторъ пришелъ бы въ ужасъ. Но обыватели толкли его въ порошокъ, пили съ водкою во время лихорадки и... слава Богу, оставались живы. А пресловутое „гнѣздо" такъ и осталось для Антона Павловича неразгаданнымъ даже и тогда, когда онъ уже самъ былъ врачомъ. Въ составъ этого удивительнаго лекарства входило многое множество какихъ-то травъ, порошковъ и минераловъ. Антонъ Павловичъ уже въ зрѣлые годы пробовалъ записать по памяти составъ этого „гнѣзда" и вспомнилъ, между прочимъ, что туда входили: нефть, металлическая ртуть (живое серебро), азотная кислота (острая водка), семибратняя кровь, стрихнинъ (кучелеба), сулема, какой-то декоктъ въ видѣ длинныхъ сѣрыхъ палочекъ и цѣлая уйма всякой дряни. Все это настаивалось на водкѣ и давалось внутрь столовыми ложками.

Употребленіе этого лекарства Антоша узналъ случайно раньше того времени, которое Павелъ Егоровичъ опредѣлилъ словами: „когда выростешь, тогда и узнаешь". Вошелъ однажды въ лавку хохолъ и потребовалъ у Павла Егоровича „четверть гнѣзда". Антоша былъ тутъ же.

— Для какой вамъ надобности?—освѣдомился Павелъ Егоровичъ.

— Жинка родила, и теперь у нея въ животѣ уже третій мѣсяцъ золотникъ ходитъ,—отвѣтилъ хохолъ.

Антоша тотчасъ же вообразилъ, что хохлушка, о которой шла рѣчь, вѣроятно нечаянно проглотила тотъ самый мѣдный золотникъ, который кладется на вѣсы, когда отвѣшивается на двѣ копѣйки чаю. Но для Павла Егоровича этого діагноза было совершенно достаточно, и онъ немедленно принялся за приготовленіе лекарства.

— А будетъ ли „гнѣздо" дѣйствовать?—усумнился хохолъ.

— Непремѣнно подѣйствуетъ,—увѣренно отвѣтилъ Павелъ Егоровичъ.—Самъ видишь, тутъ разныя спеціи: одно потянетъ сюда, другое—туда; золотникъ и перестанетъ ходить по животу...

Хохолъ удовлетворился вполнѣ этимъ отвѣтомъ, уплатилъ деньги и ушелъ совершенно довольный. Но Антонъ Павловичъ

потомъ, уже изучая въ университетѣ химію, никакъ не могъ додуматься до того, какую пользу могла принести роженицѣ металлическая ртуть, принятая внутрь въ смѣси съ нефтью и азотной кислотой.

— Много, вѣроятно, отправило на тотъ свѣтъ людей это „гнѣздо“,—говаривалъ онъ, уже будучи врачомъ.

А между тѣмъ въ дни дѣтства онъ отвѣшивалъ разныя снадобья для этого лекарства съ такою спокойною совѣстью, съ какою отвѣшивалъ кофе или отмѣривалъ конопляное масло...

Долго помнилъ Антонъ Павловичъ и какой-то „сорокатравникъ“, продававшійся въ пакетахъ, завернутыхъ въ выцвѣтшую золотую и серебряную бумагу. Что это были за травы—такъ и осталось неизвѣстнымъ; извѣстно было только одно, что водочный настой ихъ рекомендовался, буквально, отъ всѣхъ болѣзней, особенно же при горячкѣ. Помнилъ Антонъ Павловичъ также и „всеисцѣляющій пластырь доктора Алякринскаго“, продававшійся въ круглыхъ картонныхъ коробочкахъ. Съ этимъ пластыремъ, между прочимъ, на глазахъ у Антоши былъ произведенъ экспериментъ. По Таганрогу ходилъ и нищенствовалъ дурачокъ Климка. Зашелъ онъ за милостыней и въ лавку къ Павлу Егоровичу какъ разъ въ то время, когда компанія праздныхъ маклеровъ-завсегдатаевъ была уже порядочно на взводѣ. Отъ нечего-дѣлать эта милая компанія предложила Климкѣ стаканъ водки и пятакъ подъ условіемъ, что онъ закуситъ выпивку пластыремъ Алякринскаго. Дурачокъ согласился и съѣлъ цѣлую коробочку. Послѣ этого его еще много лѣтъ видѣли на похоронныхъ и свадебныхъ процессіяхъ здравымъ и невредимымъ...

Несмотря, однакоже, на такой удачный исходъ, пластырь этотъ находилъ себѣ мало покупателей. Одну коробку его взялъ полицейскій чиновникъ для своей опаршивѣвшей охотничьей собаки, но денегъ не заплатилъ, а Павелъ Егоровичъ напомнить ему о долгѣ не рѣшался, и только однажды, при встрѣчѣ на базарѣ, заискивающимъ тономъ спросилъ:

— Что, какъ собачка ваша? Поправилась отъ пластыря?

— Издохла,—отвѣтилъ угрюмо полицейскій.—У нея въ животѣ завелись черви...

II.

— Антоша, бери ключи и ступай съ Андрюшкой и Гаврюшкой отпирать лавку! А я къ поздней обѣднѣ пойду, — отдастъ приказъ Павелъ Егоровичъ.

Мальчикъ съ кислою миной поднимается изъ-за стола, за которымъ только-что пилъ чай, и безъ возраженій идетъ исполнять приказаніе, хотя ему и очень грустно. Онъ еще вчера условился съ товарищемъ-сосѣдомъ придти къ нему играть въ мячъ.

— Павелъ Егоровичъ, пожалѣй ты ребенка! — вступается Евгенія Яковлевна, мать Антоши. — Вѣдь ты его чуть-свѣтъ разбудилъ къ ранней обѣднѣ... Онъ обѣдню выстоялъ, потомъ домашній акаѳистъ выстоялъ... Ты ему не далъ даже и чаю напиться, какъ слѣдуетъ... Онъ усталъ...

— Пускай пріучается, — отвѣчаетъ Павелъ Егоровичъ. — Я тружусь, пускай и онъ трудится... Дѣти должны помогать отцу.

— Онъ и такъ всю недѣлю въ лавкѣ сидитъ. Дай ему хоть въ воскресенье отдохнуть.

— Вмѣсто отдыха онъ баловаться съ уличными мальчишками начнетъ... А если въ лавкѣ никого изъ дѣтей не будетъ, такъ Андрюшка съ Гаврюшкой начнутъ пряники и конфекты лопать, а то и деньги воровать станутъ... Сама знаешь, безъ хозяина товаръ плачетъ...

Противъ этого аргумента даже и Евгенія Яковлевна ничего возражать не можетъ, и ея доброе материнское чувство невольно отступаетъ на второй планъ. Она также, какъ и Павелъ Егоровичъ, убѣждена въ томъ, что Андрюшка и Гаврюшка — страшные воры и что за ними нужно смотрѣть и смотрѣть, хотя ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ еще не былъ уличенъ.

Бакалейная торговля въ своей внутренней жизни имѣетъ довольно больное мѣсто: мелкія хищенія — съ одной стороны и болѣзненная подозрительность — съ другой. Хозяину кажется, что пряники, орѣхи, конфекты и всякій съѣдобный товаръ очень соблазнительны для мальчиковъ-лавочниковъ, а дорогіе деликатесы въ родѣ икры и балыка — для приказчиковъ. Поэтому у него всегда болитъ сердце. Онъ не можетъ отлучиться изъ лавки ни на одну минуту безъ того, чтобы его не преслѣдовала мысль о расхищеніи его добра. Ему вѣчно грезится, что его служебный персоналъ безъ него набиваетъ себѣ рты и карманы самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Павелъ Егоровичъ на этотъ счетъ не составлялъ исключенія, и всегдашней его поговоркою было:

— Безъ хозяина товаръ плачетъ... Свой глазъ всегда нуженъ...

Въ виду этого всѣ дѣти Павла Егоровича испытали на себѣ каторжную тяготу сидѣнія въ лавкѣ въ качествѣ „своего глаза". Но болѣе всего доставалось двумъ старшимъ сыновьямъ — Сашѣ и Антошѣ. Эти съ самыхъ дѣтскихъ, юныхъ лѣтъ сдѣлались

постоянными и неотлучными сидѣльцами за прилавкомъ. Боязнь хищеній была такъ велика, что если Павлу Егоровичу нужно было отлучиться, когда дѣти были въ гимназіи, то онъ обращался къ женѣ:

— Иди хоть ты, посиди, покамѣстъ я вернусь...

Пока Андрюшка и Гаврюшка отпирали лавку, выметали полъ и приводили въ порядокъ мѣшки и ящики съ товаромъ, придавая имъ приличный видъ, Антоша безучастно смотрѣлъ на ихъ работу и думалъ только о себѣ, объ игрѣ въ мячъ, съ которой теперь нужно было распроститься, и о своей каторжной жизни. Потомъ его мысли перешли на гимназію, и онъ съ ужасомъ вспомнилъ, что, благодаря лавкѣ же, получилъ вчера двойку, и что за эту подлую отмѣтку ему еще придется отвѣчать передъ отцомъ. Павелъ Егоровичъ никакъ не могъ допустить, чтобы въ лавкѣ нельзя было приготовить какой-нибудь глупой латыни, и объяснялъ дурныя отмѣтки дѣтей лѣностью и разсѣянностью.

— Вѣдь нахожу же я время прочитать за конторкою двѣ каѳизмы изъ Псалтири, а ты не можешь маленькаго урока выучить!..—упрекалъ онъ виновнаго сына. — Если еще разъ принесешь дурныя отмѣтки, я тебя выдеру, какъ Сидорову козу...

Павелъ Егоровичъ, какъ религіозный человѣкъ, дѣйствительно имѣлъ обыкновеніе прочитывать каждый день по главѣ Евангелія и Апостола и по двѣ каѳизмы изъ Псалтири, но это была работа механическая, безъ пониманія и безъ смысла, — лишь бы было вычитано до конца. Такъ, если вѣрить разсказамъ, калмыки въ степяхъ заставляютъ вѣтеръ вертѣть мельнички, нутро которыхъ начинено бумажками съ молитвами. Чѣмъ больше разъ обернется мельничка, тѣмъ ближе калмыкъ къ Богу... Уходя изъ дому надолго, Павелъ Егоровичъ сплошь и рядомъ обращался къ Сашѣ или къ Антошѣ съ приказаніемъ:

— Вычитай безъ меня двѣ каѳизмы съ того мѣста, гдѣ ленточкою заложено... Все-таки не праздно сидѣть будешь...

И на этотъ разъ, уходя къ поздней обѣднѣ и уводя съ собою прочихъ дѣтей, отецъ обратился къ Антошѣ съ тою же фразой:

— Почитай Псалтирь, пока мы будемъ въ церкви...

Съ уходомъ хозяина, Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ стало вдругъ веселѣе. Они уже не такъ усердно приводили лавку въ порядокъ и даже пустились съ Антошей въ разговоры.

— А знаешь, Антоша,—заговорилъ таинственно Гаврюшка,— воробьиное гнѣздо нашелъ.

— Гдѣ?—живо встрепенулся Антоша.

— Въ сарайчикѣ. Пошелъ туда за углемъ и слышу—подъ

крышей: цвиринь-цвиринь... Полѣзъ туда, а тамъ — гнѣздо и пять маленькихъ-маленькихъ яичекъ...

— Покажи мнѣ...

— Послѣ когда-нибудь покажу... Когда въ другой разъ папаши не будетъ дома.

Теперь Антоша забылъ все: и двойку, и мячъ, и Псалтирь, которую съ такою неохотой и досадой взялъ было въ руки. Теперь онъ весь поглощенъ интереснымъ открытіемъ Гаврюшки.

Андрюшка и Гаврюшка — его друзья, настолько, конечно, насколько допустима дружба между хозяйскимъ сыномъ и мальчиками-лавочниками, состоящими и обязанными состоять въ подчиненіи и не зазнаваться.

Андрюшка и Гаврюшка — родные братья, привезенные матерью-крестьянкой изъ Харьковской губерніи и отданные къ Павлу Егоровичу въ „ученье на года“. Когда-ихъ привезли, первому было двѣнадцать, а второму—только десять лѣтъ. Еслибы ихъ мать-хохлушка, задавшаяся цѣлью „вывести своихъ дѣтей въ люди“, знала заранѣе, на какую жизнь она ихъ обрекаетъ,— то оба они навѣрное ходили бы до конца дней въ своей родной слободѣ за плугомъ. Она, эта мать, увидѣла бы, что самая тяжелая крестьянская жизнь во-сто разъ легче той, которую вели въ городѣ эти два несчастные хохленка. Они были отданы, или, вѣрнѣе, закабалены на пять лѣтъ каждый, безъ всякаго жалованья, за одни только харчи и платье. Жалованье начиналось только на шестой годъ, и то—по усмотрѣнію хозяина.

Лавка открывалась и лѣтомъ, и зимою въ пять часовъ утра, а запиралась не ранѣе одиннадцати часовъ вечера, а если завсегдатаи засиживались въ пріятной бесѣдѣ,— то и въ первомъ часу ночи. Поэтому Андрюшка съ Гаврюшкою никогда не высыпались и ходили вѣчно сонные и способные спать среди дня въ какомъ угодно положеніи—и сидя, и стоя. Все свое свободное время они должны были стоять въ дверяхъ лавки, высматривать покупателей и зазывать ихъ. Но они, прислонившись къ дверным косякамъ, превосходно спали. При этомъ у нихъ подкашивались въ колѣняхъ ноги; они присѣдали и опять, во снѣ же, нервно вскакивали и выпрямлялись. Хожденіе на базаръ за провизіей, черныя работы по дому и бѣготня по порученіямъ лежали на ихъ обязанности. Какъ они выдерживали все это—трудно сказать. Если же прибавить къ этому, что при такой работѣ ходить въ баню было некогда и оба они представляли собою подобіе ходячихъ звѣринцевъ, то можно смѣло сказать, что

едва-ли нашелся бы въ мірѣ человѣкъ, который позавидовалъ бы этимъ хохлятамъ...

Антоша чувствовалъ къ нимъ симпатію, потому что ихъ на его глазахъ били. Онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ матери не могъ видѣть равнодушно жестокаго обращенія съ животными и почти плакалъ, если видѣлъ, что ломовой извозчикъ бьетъ лошадь. А когда били людей, то съ нимъ дѣлалась нервная дрожь. Въ обиходѣ же Павла Егоровича оплеушины, подзатыльники и порка были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ, и онъ широко примѣнялъ эти исправительныя мѣры и къ собственнымъ дѣтямъ, и къ хохлятамъ-лавочникамъ. Передъ нимъ всѣ трепетали и боялись его пуще огня. Евгенія Яковлевна постоянно возставала противъ этого, но получала всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— И меня такъ же учили, а я, какъ видишь, вышелъ въ люди. За битыхъ двухъ небитыхъ даютъ. Оттого, что дурака поучишь,—ничего худого, кромѣ пользы, не сдѣлается. Самъ же потомъ благодарить будетъ...

Павелъ Егоровичъ говорилъ это искренно и вѣрилъ въ то, что говорилъ. По природѣ онъ былъ вовсе не злымъ и даже скорѣе добрымъ человѣкомъ, но его жизнь сложилась такъ, что его съ самыхъ пеленокъ драли и въ концѣ концовъ заставили увѣровать въ то, что безъ лозы воспитать человѣка невозможно. Разубѣдился онъ въ этомъ уже въ глубокой старости, когда жилъ на покоѣ у Антона Павловича—тогда уже извѣстнаго писателя—въ Мелиховѣ, подъ Москвою. Въ Мелихово часто съѣзжались изъ Петербурга и изъ Москвы всѣ дѣти Павла Егоровича — уже женатые и семейные люди. Самыя интересныя бесѣды въ тѣсномъ семейномъ кругу, подъ предсѣдательствомъ Антона Павловича, велись большей частью за столомъ и особенно—за ужиномъ, послѣ дневныхъ трудовъ и работъ. Однажды стали въ присутствіи Павла Егоровича вспоминать прошлое и, между прочимъ, вспомнили и лозу. Лицо старика опечалилось.

— Пора бы ужъ объ этомъ и позабыть,—проговорилъ онъ виноватымъ тономъ. — Мало ли что было въ прежнее время?! Прежде думали иначе...

Проводивъ отца и братьевъ къ обѣднѣ и выслушавъ отъ [illegible] зрюшки исторію о найденномъ воробьиномъ гнѣздѣ, Антоша [illegible] пробовалъ было заняться Псалтирью, но это ему показалось [illegible] чнымъ. Онъ переложилъ ленточку за нѣсколько листковъ [illegible] редъ и отложилъ книжку въ сторону. Все равно, отецъ по- [illegible] аетъ, что эти листки прочитаны...

Скучно. Покупателей еще нѣтъ. Андрюшка усѣлся въ сосѣдней съ лавкою комнатѣ, на ящикѣ изъ-подъ мыла, облокотился объ столъ и сладко спитъ. Гаврюшка тоже дремлетъ и присѣдаетъ колѣнками въ дверяхъ. Отъ нечего-дѣлать Антоша начинаетъ наблюдать надъ мухоловкой и слѣдить, какъ гибнутъ въ ней мухи. Въ лѣтнее время въ лавкѣ мухъ — милліарды. Отъ нихъ весь товаръ завѣшивается сплошнымъ кускомъ зеленой марли отъ потолка и почти до пола. Но пряный запахъ лавки и сластей привлекаетъ тучи этихъ насѣкомыхъ. Чтобы хоть немного избавиться отъ нихъ, придуманъ нехитрый, но, по правдѣ сказать, отвратительный способъ ихъ ловли. Большая стеклянная банка изъ-подъ варенья наливается до половины подслащенной медомъ водою и плотно закрывается сверху коркою чернаго хлѣба, въ центрѣ которой просверлена небольшая дырочка. Мухи пролѣзаютъ въ эту дырочку въ банку и уже назадъ не возвращаются—почему-то тонутъ въ водѣ. Часа черезъ три воды уже нѣтъ: вмѣсто нея — отвратительная каша изъ мертвыхъ и раздувшихся мухъ... Антоша смотритъ, какъ мухи вползаютъ въ дырочку и смотритъ долго-долго...

Является первый покупатель — еврейскій мальчикъ лѣтъ шести.

— Дайте на двѣ копѣйки чаю и на три копѣйки сахару,— говоритъ онъ съ акцентомъ и выкладываетъ на прилавокъ пятакъ.

Антоша достаетъ изъ ящика уже развѣшанный въ маленькіе пакетики товаръ и подаетъ. Но Гаврюшка не прочь позабавиться надъ маленькимъ покупателемъ и загораживаетъ дорогу къ дверямъ:

— Хочешь, я тебя свинымъ саломъ накормлю? — говоритъ онъ.

Еврейчикъ пугается, собирается заплакать и взываетъ къ отсутствующей матери:

— Маме!..

— Лучше отрѣжемъ ему ухо! — добавляетъ проснувшійся Андрюшка.

— Маме!—уже совсѣмъ плачетъ ребенокъ.

Антоша въ свою очередь не выдерживаетъ и прибавляетъ отъ себя уличную пѣсенку:

— Жидъ-капсанъ, свинью сосалъ, да не высосалъ...

Напуганный еврейчикъ стремглавъ выбѣгаетъ изъ лавки, и можно быть увѣреннымъ, что онъ за слѣдующей покупкой пойдетъ уже въ другую лавку. Еслибы Павелъ Егоровичъ зналъ,

что въ его отсутствіе такъ обращаются съ покупателями, то порка была бы неизбѣжною. Впрочемъ и на этотъ разъ Немезида не дремлетъ. Съ маленькимъ еврейчикомъ въ дверяхъ сталкивается завсегдатай, маклеръ Николай Стаматичъ, о которомъ даже самые близкіе къ нему люди говорили, что онъ—грекъ-не-грекъ, русскій-не-русскій, армянинъ-не-армянинъ, а такъ чортъ его знаетъ, что̀ онъ такое... Онъ слышалъ разговоръ съ еврейскимъ мальчикомъ и уже на порогѣ съ торжествующимъ видомъ восклицаетъ:

— Хорошо же вы безъ хозяина торгуете, нечего сказать! Этакъ вы покупателей только отбиваете. Погоди, Антоша, а это папашѣ разскажу. Онъ тебя березовой кашей покормитъ...

Антоша блѣднѣетъ и душа его забирается въ пятки.

— Андрюшка, подай стаканчикъ водки!

Николай Стаматичъ усаживается на стулъ и долго читаетъ нравоученіе, отъ котораго всѣхъ троихъ мальчугановъ бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ. Проповѣдникъ видитъ произведенный эффектъ и все больше и больше воодушевляется. Антоша начинаетъ горько плакать. По счастью является другой завсегдатай—грекъ Скизерли, тоже требуетъ водки, и между пріятелями завязывается бесѣда. Непріятная исторія позабыта.

Входитъ прислуга съ грязною керосиновою бутылкой.

— Дайте хунтъ газу.

Хохлы долго называли керосинъ газомъ. Андрюшка беретъ бутылку, взвѣшиваетъ ее и затѣмъ изъ большой жестянки начинаетъ наливать керосинъ. Хохлушка, закинувъ голову и раскрывъ ротъ, слѣдитъ за стрѣлкою вѣсовъ. Андрюшкѣ это недовѣріе не нравится, и онъ незамѣтно подталкиваетъ чашку вѣсовъ. Покупательница за свои четыре копѣйки получаетъ меньше фунта, но не замѣчаетъ этого и уходитъ. Антоша видитъ, что Андрюшка сплутовалъ, но молчитъ. Обвѣшиваніе и обмѣриваніе—въ порядкѣ вещей. Онъ уже давно привыкъ къ этому и думаетъ, что такъ и надо. Андрюшка съ Гаврюшкою даже споры ведутъ между собою на тему: кто изъ нихъ лучше и искуснѣе сплутуетъ.

Мало-по-малу начинаютъ появляться покупатели, и торговля оживаетъ:

— Фунтъ соли за двѣ копѣйки... За три копѣйки селедку... копѣйку перцу... Четверть фунта рису... На три копѣйки ...

Андрюшка и Гаврюшка суетятся съ самымъ дѣловымъ видомъ, а Антоша едва успѣваетъ получать деньги, сдавать сдачу

и записывать проданный товаръ въ разграфленную длинную и узкую книгу. Но цифры—все мелкія: двѣ, три копѣйки; рѣдко попадается пятакъ. Но вотъ Антоша съ удовольствіемъ и съ гордостью записываетъ сразу восемьдесятъ копѣекъ. Чиновникъ коммерческаго суда купилъ полфунта табаку перваго сорта...

Къ двумъ завсегдатаямъ прибавляется третій, тоже усаживается и тоже требуетъ водки, а затѣмъ начинаетъ разговоръ о похожденіяхъ своей кухарки. Всѣ трое хохочутъ, а Николай Стаматичъ прибавляетъ:—Ты, Антоша, не слушай... Тебѣ еще рано...

Антоша не знаетъ, какъ ему быть и что отвѣчать. Ему хочется сказать:

— А вы не говорите того, чего мнѣ слушать нельзя. Ушей не оторвешь...

Но онъ боится сказать это, потому что завсегдатаи могутъ обидѣться и нажаловаться отцу, что онъ отбиваетъ покупателей. Вдругъ онъ прыскаетъ со смѣху и скорѣе нагибается и дѣлаетъ видъ, будто онъ ищетъ на полу что-то, а самъ такъ и закатывается. Дѣло въ томъ, что грекъ Скизерли во время самаго разгара бесѣды внезапно вскочилъ на ноги, быстро нагнулся надъ ящикомъ, на которомъ сидѣлъ, и сталъ водить по его поверхности ладонью.

— Что такое?—освѣдомляются остальные завсегдатаи.

— А цортъ ево знаить, сто такое... Кололо мине, какъ съ иголкомъ. Крѣпко кололо...

— Можетъ, блоха укусила?

— Нѣтъ, блаха ни такъ кусаити...

— Ну, можетъ, тебѣ дѣтишки дома булавку въ сюртукъ воткнули... Или самъ какъ-нибудь на булавку сѣлъ...

— А мозеть бить, мозеть бить,—соглашается Скизерли, успокоивается и опять садится.—У мене зена всегда булавки и иголки на диванѣ теряеть...

У Андрюшки во все это время—самая невинная и самая невозмутимая и серьезная физіономія. Онъ стоитъ за прилавкомъ какъ-разъ за спиною Скизерли и о чемъ-то размышляетъ. Но его серьезность еще болѣе смѣшитъ Антошу, и онъ никакъ не можетъ успокоиться. Онъ знаетъ, что Андрюшка такъ приладилъ внутри ящика иголку, что стоитъ только издали потянуть за незамѣтную ниточку, какъ она вопьется въ тѣло сидящаго и затѣмъ моментально исчезнетъ... Узнай объ этой штукѣ Павелъ Егоровичъ—охъ-охъ-охъ, что было бы!...

Кстати онъ и легокъ на поминѣ. Стоящій у дверей Гаврюшка оборачивается къ Антошѣ и заявляетъ:

— Папаша идутъ!...

Все въ лавкѣ принимаетъ степенный и серьезный видъ. Антоша берется за Псалтирь, Андрюшка начинаетъ оправлять мѣшокъ съ мукою, а Гаврюшка весь превращается въ олицетворенную бдительность, отъ которой не ускользнетъ ни одинъ проходящій мимо покупатель...

Павелъ Егоровичъ входитъ вмѣстѣ съ Сашей и прочими дѣтьми и начинаетъ степенно молиться на лавочный образъ. На лицѣ его—благочестіе и строгое умиленіе человѣка, два раза въ одинъ день побывавшаго у обѣдни; но лица у дѣтей выражаютъ крайнее утомленіе. По ихъ замученнымъ фигурамъ и блѣдной кожѣ видно, что спасеніе души дается имъ не легко. Помолившись вмѣстѣ съ отцомъ на икону, они уходятъ въ домъ, къ матери, а Павелъ Егоровичъ, раскланявшись съ завсегдатаями и покосившись не безъ зависти на стоящіе передъ ними стаканчики, обращается къ Антошѣ съ вопросомъ:

— Что, починъ былъ?

— Былъ, папашенька. Рубля полтора торговали...

— Починъ—всегда дороже денегъ,—замѣчаетъ Павелъ Егоровичъ, заходитъ за прилавокъ и провѣряетъ книгу съ цифрами и кассу.

Антоша внутренно трепещетъ, не ошибся ли онъ въ какой-нибудь копѣйкѣ...

— А какъ, Палъ Егорчъ, насчетъ червячка заморить?— спрашиваетъ Николай Стаматичъ, указывая глазами на водку.

— Рановато будто бы,—благочестиво скромничаетъ Павелъ Егоровичъ.—Только-что обѣдня отошла... Проповѣдь была...

— Какое же рано? Самый адмиральскій часъ... Мы уже тутъ безъ васъ начали.

— Если такъ, то пожалуй,—уступаетъ Павелъ Егоровичъ.— Андрюшка, принеси четыре стаканчика водки!

Андрюшка стремглавъ бросается по лѣстницѣ въ погребъ.

— Папаша, мнѣ теперь можно идти?— робко спрашиваетъ Антоша.—Мнѣ надо уроки учить...

— А катехизму прочиталъ?

— Немножко прочиталъ...

— Иди. Только смотри, уроки учи, а не балуйся, а то...

Антоша степенно и благонравно выходитъ изъ лавки; но шь только за нимъ, скрипя на блокѣ, захлопнулась дверь, ведущая въ жилую половину дома, и лишь только открылся проъ большого двора, на которомъ уже раздавались голоса тьевъ, какъ вся степенность исчезла, и онъ помчался на го-

лоса и на просторъ, какъ птичка, долго томившаяся въ клѣткѣ...

Едва-ли въ торговомъ дѣлѣ найдется другое заведеніе, которое, подобно бакалейной лавкѣ, такъ наталкивало бы молодежь на лганье, воровство и мелкое жульничество. Недоѣданіе и постоянный здоровый юношескій аппетитъ сами собою позываютъ на кражу съѣстного и лакомаго, а въ каждомъ незаконно съѣденномъ бубликѣ, пряникѣ или орѣхѣ хозяинъ видитъ для себя убытокъ и строго преслѣдуетъ. Торговля ведется по мелочамъ, и торговецъ стремится съ каждаго золотника товара взять барышъ. Андрюшка и Гаврюшка быстро проникаются этимъ духомъ и начинаютъ помаленьку обвѣшивать и обмѣривать покупателя. Сначала они думаютъ, что поступаютъ хорошо, потому что дѣйствуютъ въ интересахъ хозяина, но потомъ мало-по-малу входятъ во вкусъ и изощряются уже ради искусства. Не забываютъ они при этомъ и себя. Хозяинъ борется съ ними тѣмъ, что шьетъ имъ платье совсѣмъ безъ кармановъ. Но и эта мѣра не ведетъ ни къ чему. Дѣлая иногда по ночамъ періодическіе обыски, хозяинъ находитъ въ убогихъ сундучкахъ мальчиковъ банки помады, куски яичнаго мыла и двугривенные. Это возмущаетъ его, и онъ поретъ виновныхъ нещадно. Но еще болѣе возмущаетъ его та тонкость, съ которою помада и деньги похищены у него подъ носомъ. Онъ рветъ и мечетъ. Достается и „хозяйскому глазу“ за недосмотръ.

— Сидишь въ лавкѣ, свинья ты этакая, и ничего не видишь! — ворчитъ Павелъ Егоровичъ, грозно обращаясь къ Антошѣ.—Ты долженъ смотрѣть!.. Не стоитъ васъ, скотовъ, и въ лавку сажать послѣ этого...

Павелъ Егоровичъ и не подозрѣвалъ, какъ были бы счастливы его дѣти, еслибы ихъ избавили отъ сидѣнія въ лавкѣ, отъ упрековъ, отъ вѣчнаго страха быть высѣченными и отъ созерцанія порки, которую задаютъ Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ за всякій пустякъ. Антонъ Павловичъ разсказывалъ потомъ, какъ анекдотъ изъ своей дѣтской жизни, что, будучи ученикомъ перваго класса, онъ „подружилъ“ съ однимъ изъ товарищей, такимъ же ученикомъ, какъ и онъ самъ,—и первый вопросъ, заданный другу, былъ такой:

— Тебя часто сѣкутъ дома?

— Меня никогда не сѣкутъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Антонъ Павловичъ удивился и не повѣрилъ. Подростая и присматриваясь къ царящей кругомъ фальши, онъ однажды задалъ Андрюшкѣ вопросъ:

— Зачѣмъ ты обвѣшиваешь и обмѣриваешь покупателей?

Андрюшка широко раскрылъ глаза.

— А какъ же иначе? — отвѣтилъ онъ. — Если не обвѣшивать, такъ папашѣ никакой пользы отъ лавки не будетъ...

Въ головѣ гимназиста возникъ цѣлый рядъ вопросовъ и сомнѣній, и онъ пошелъ съ ними къ матери.

— Боже сохрани обманывать и обвѣшивать! — отвѣтила Евгенія Яковлевна.—Если папаша узпаетъ объ этомъ, то страшно разсердится... Торговать нужно честно... Такъ и скажи Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ.

Будущій писатель возвращался въ лавку успокоенный и убѣжденный въ томъ, что отецъ его—безусловно честный человѣкъ, и что Андрюшка и Гаврюшка плутуютъ отъ себя. Оно такъ и было на дѣлѣ: Павелъ Егоровичъ не допустилъ бы обвѣшиванія. Но Антошу поражало противорѣчіе въ родѣ того, что въ лавку возвращается возмущенная покупательница, только пять минутъ тому назадъ купившая полфунта колбасы, и съ гнѣвомъ заявляетъ Павлу Егоровичу, что она, придя домой, взвѣсила покупку, и что полнаго вѣса въ ней нѣтъ. Покупательница была права. Антоша самъ видѣлъ, какъ Андрюшка, отрѣзавъ колбасу и положивъ на вѣсы, подтолкнулъ незамѣтно пальцемъ чашку съ гирями. Но, къ его удивленію, Павелъ Егоровичъ, вмѣсто того, чтобы извиниться и удовлетворить обманутую покупательницу, очень своеобразно вступился за честь своей лавки.

— У насъ, сударыня, товаръ вѣшается вѣрно, — отвѣтилъ онъ.—Это у васъ, а не у насъ ошибка вышла. Это у васъ вѣсы не вѣрны. А можетъ вы дома отрѣзали кусочекъ и скушали?..

Женщина возражаетъ; возраженія принимаютъ острый характеръ и переходятъ въ крупный разговоръ. И все это изъ-за такого ничтожнаго ломтика, который не стоитъ и четвертой доли копѣйки. Но въ этомъ случаѣ Павелъ Егоровичъ твердо отстаиваетъ свой принципъ.

— Тутъ грошикъ убытка, да тамъ полушка,—смотришь, и набѣжитъ цѣлый гривенникъ убытка. А гривенники на улицѣ не валяются... Копѣечка рубль бережетъ...

Самъ по себѣ Павелъ Егоровичъ былъ безусловно честенъ, о жизнь свою былъ увѣренъ, что торговалъ честно, и умеръ этимъ убѣжденіемъ. Совѣсть его до конца дней была совершенно спокойна. Къ тому же и религіозныя убѣжденія отрицали какое бы то ни было завѣдомое плутовство. Но при взглядѣ со стороны дѣло освѣщалось нѣсколько иначе: выходило, что со-

вѣсть и религія—сами по себѣ, а торговое дѣло—само по себѣ, и одно другому не мѣшаетъ.

Антоша да и вся дѣтвора Павла Егоровича отлично помнили своего рода праздникъ, нѣсколько оживлявшій однообразную и скучную лавочную жизнь. Это былъ любопытный праздникъ самыхъ неожиданныхъ находокъ. Въ какой-нибудь знойный іюньскій или іюльскій день, когда отъ томящей жары прячется въ тѣнь все живое и самъ Павелъ Егоровичъ дремлетъ, сидя за конторкой, на порогѣ лавки показывается длинный, сухой и весь покрытый пѣтомъ еврей Хаймъ. На плечѣ у него полный мѣшокъ. У Хайма такой страдальческій видъ, какъ будто бы въ мѣшкѣ—не менѣе десяти пудовъ, и онъ обязанъ за чьи-то грѣхи таскать эту тяжесть по городу въ такую адскую жару. Сваливая мѣшокъ на полъ, онъ произноситъ тономъ умирающаго человѣка:

— Уфъ! Ужарился... Только для васъ и принесъ у въ таково погодэ...

Проснувшійся отъ дремоты Павелъ Егоровичъ окидываетъ лѣнивымъ взглядомъ мѣшокъ и лаконически спрашиваетъ:

— Сколько?

— Двадцать хвунтовъ... Хоть свѣшайте,—отвѣчаетъ Хаймъ.

— Не надо,—зѣвая, говоритъ Павелъ Егоровичъ.—Еще старый не проданъ.

На лицѣ Хайма изображается разочарованіе, но потомъ смѣняется надеждою.

— Возьмите, пожалуйста,—проситъ онъ.—Теперичкэ я дешевле отдамъ, чѣмъ тотъ разъ...

— Нѣтъ, не надо. Неси назадъ...

— Накажи мине Богъ, за дешево отдамъ!..

Начинается торгъ. Хаймъ запрашиваетъ два съ полтиною. Павелъ Егоровичъ даетъ рубль. Послѣ долгихъ и усиленныхъ переговоровъ, сопровождаемыхъ божбою и клятвами, сходятся на полутора рубляхъ.

— За пустымъ мѣшкомъ завтра придешь. Сегодня пересыпать некому.

— Хорошо,—соглашается Хаймъ.—Дайте хоть капелькэ воды напиться. На дворѣ все равно, какъ у въ пеклѣ...

По уходѣ Хайма, по всему дому и по двору раздается кличъ:

— Дѣти! Саша, Коля, Антоша! Идите чай выбирать!

Дѣти гурьбою устремляются въ комнату и усаживаются съ шумомъ вокругъ обѣденнаго стола. На серединѣ стола, на листѣ оберточной сѣрой бумаги возвышается гора чая, купленнаго у Хайма.

— Выбирайте хорошенько, почище, — приказываетъ отецъ.

Начинается веселая и шумная работа. Дѣти свертываютъ изъ бумаги тоненькія палочки, послюниваютъ кончики ихъ и, отсыпавъ по небольшой щепоткѣ чая, начинаютъ выбирать изъ него соръ. Каждому любопытно, что̀ именно судьба пошлетъ ему на долю.

— Я нашелъ кусокъ ногтя!—восклицаетъ одинъ.

— У меня двѣ сухія мухи и щепочки,—хвастаетъ второй.

— А я нашелъ камень и куриное перо!..

Всѣ эти любопытныя находки каждый откладываетъ въ сторону, и скоро этихъ находокъ набирается довольно богатая коллекція: здѣсь и камешки, и перья, и щепочки, и мелкіе гвозди, и ногти, и обгорѣлыя спички, и волосы, и всякая дрянь. Но для дѣтей это очень любопытно. Для нихъ это—праздникъ. Они не понимаютъ, почему это старая нянька, выходившая четырехъ самыхъ младшихъ дѣтей, брезгливо сплевываетъ, отворачивается и съ упрекомъ говоритъ:

— И какъ не грѣшно Павлу Егоровичу торговать такой дрянью?!

И въ самомъ дѣлѣ это не чай, а дрянь и даже нѣчто похуже дряни. Еврей Хаймъ собираетъ спитой чай по трактирамъ и гостинницамъ и не брезгаетъ даже и тѣмъ, который половые выбрасываютъ изъ чайниковъ на полъ, когда метутъ. Хаймъ какъ-то искусно подсушиваетъ, поджариваетъ и подкрашиваетъ эту гадость и продаетъ въ бакалейныя лавки, гдѣ съ этимъ товаромъ поступаютъ точно такъ же, какъ и Павелъ Егоровичъ.

Пока дѣти отдѣляютъ соръ отъ чаинокъ, Павелъ Егоровичъ сидитъ за конторкою съ карандашомъ въ рукѣ и вычисляетъ. Потомъ, когда работа дѣтей кончается, онъ отвѣшиваетъ купленный у Хайма продуктъ, прибавляетъ въ него, по вѣсу же, небольшое количество настоящаго, хорошаго чая, тщательно смѣшиваетъ все это и получаетъ товаръ, который поступаетъ въ продажу по 1 руб. 20 коп. за фунтъ. Продавая его, Павелъ Егоровичъ замѣчаетъ покупателю:

— Очень хорошій и не дорогой чай... Совѣтую пріобрѣсти для прислуги...

Дѣйствительно, этотъ чай давалъ удивительно крѣпкій настой, а за то вкусъ отзывался мастерскою Хайма. Антоша не разъ задавалъ матери вопросъ: можно ли продавать такой чай?—и всякій разъ получалъ уклончивый отвѣтъ:

— Должно быть, дѣточка, можно... Папаша не сталъ бы продавать скверная чая...

Антоша и вѣрилъ, и не вѣрилъ, и въ душѣ у него одинъ за другимъ начинали зарождаться назойливые вопросы, отъ которыхъ лавка дѣлалась ему все противнѣе и противнѣе...

III.

Особенно поразилъ Антошу и надолго остался въ памяти одинъ случай. Однажды лѣтомъ Евгенія Яковлевна, обшивавшая всю семью, сидѣла по своему обыкновенію за старинной, первобытной швейной машиной Гау и шила. Антоша сидѣлъ подлѣ нея и читалъ. Онъ уже перешелъ изъ второго класса въ третій. Вошелъ Павелъ Егоровичъ съ озабоченнымъ лицомъ и сообщилъ:

— Этакая, подумаешь, бѣда: въ бакѣ съ деревяннымъ масломъ нынѣче ночью крыса утонула...

— Тьфу, гадость какая!—брезгливо сплюнула Евгенія Яковлевна.

— А въ бакѣ масла болѣе двадцати пудовъ,—продолжалъ Павелъ Егоровичъ. — Забыли на ночь закрыть крышку,—она, подлая, и попала... Пришли сегодня въ лавку, а она и плаваетъ сверху...

— Ты ужъ, пожалуйста, Павелъ Егоровичъ, не отпускай этого масла намъ для стола. Я его и въ ротъ не возьму и обѣдать не стану... Ты знаешь, какъ я брезглива...

Павелъ Егоровичъ ничего не отвѣтилъ и вышелъ. Потерять двадцать пудовъ прекраснаго галипольскаго масла было бы черезчуръ убыточно. Масло было въ самомъ дѣлѣ превосходное и шло одинаково и въ пищу, и въ лампады. Въ тѣ отдаленныя времена фальсификаціи еще не были въ ходу и минеральныя масла изъ нефти не были еще вовсе извѣстны. Деревянное масло привозилось огромными партіями изъ Турціи и изъ Греціи на парусныхъ судахъ и мало чѣмъ отличалось по вкусу отъ французскаго прованскаго масла. Привозилось оно бочками и полубочками, и весь югъ Россіи ѣлъ его и похваливалъ. Теперь этого масла уже не найти ни за какія деньги: условія рынка измѣнились, и фальсификаторская дѣятельность проникла и въ Грецію, и въ Турцію...

Какъ же быть съ злополучнымъ масломъ, въ которомъ утонула крыса? Не пропадать же ему; не терпѣть же изъ-за какой-то глупой крысы крупнаго убытка!..

Въ наше время торговецъ рѣшилъ бы задачу просто: онъ вытащилъ бы крысу за хвостъ, забросилъ бы ее куда-нибудь

подальше и промолчалъ бы, а на уста мальчиковъ-лавочниковъ наложилъ бы строжайшую печать молчанія. Тѣмъ бы дѣло и кончилось, и никто не зналъ бы ничего. Но Павелъ Егоровичъ поступилъ иначе, и побудило его къ этому религіозное чувство въ смѣси съ нежеланіемъ терпѣть убытокъ. Послѣ очень коротказо раздумья онъ рѣшилъ, что крыса—животное нечистое, и что ею масло вовсе не испорчено, а только „осквернено“ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ въ одной изъ молитвъ говорится: „и избавимся отъ всякія скверны“. Павелъ Егоровичъ былъ большимъ знатокомъ священнаго писанія и зналъ, что существуютъ „очистительныя“ молитвы, парализующія всякую „скверну“. Этого было совершенно достаточно для возстановленія доброй репутаціи масла. Въ тотъ же самый день Андрюшка обходилъ всѣхъ извѣстныхъ покупателей и вездѣ произносилъ одну и ту же стереотипную фразу:

— Кланялись вамъ Павелъ Егорычъ и просили пожаловать въ воскресенье въ лавку. Будетъ освященіе деревяннаго масла...

— Какое такое освященіе? Что за освященіе?—удивлялись покупатели.

— Въ масло дохлая крыса попала, — наивно пояснялъ Андрюшка.

— И вы это масло продавать будете? Скажи своему хозяину, что послѣ этого я у него ничего покупать не стану.

Павелъ Егоровичъ былъ пораженъ такими неожиданными отвѣтами. Тѣмъ не менѣе, „очищеніе“ состоялось.

Торжество было устроено великое. На прилавкѣ, на постланной бѣлоснѣжной скатерти, были установлены двѣ иконы—одна лавочная, безъ ризы, другая—въ серебряной, вызолоченной ризѣ, вынутая изъ семейнаго кіота. Передъ иконами поставлена на самомъ видномъ мѣстѣ суповая миска, наполненная „оскверненнымъ“ масломъ. По сторонамъ миски — горкою уложены нарѣзанные французскіе хлѣбы, называемые на мѣстномъ языкѣ „франзолями“. Между миской и иконою—большая восковая свѣча въ маленькомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Лавка убрана, выметена и вычищена на славу. Мѣшки съ мукою, пшеномъ и крупою—подвернуты изящно и товаръ въ нихъ взбитъ красивыми горками. На Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ—праздничное платье, изъ котораго они давно уже выросли, такъ какъ оно было сшито два года тому назадъ и надѣвалось только по очень большимъ праздникамъ. Павелъ Егоровичъ одѣтъ въ черный сюртукъ, а дѣти—въ новенькіе гимназическіе мундирчики и рубашечки. Вся семья въ сборѣ. Явился и кое-кто изъ приглашенныхъ—человѣка два-

три. Прибыли они изъ простого любопытства—посмотрѣть, какъ они сами потомъ говорили: — „что дальше будетъ и чѣмъ кончится комедія".

Павелъ Егоровичъ былъ настроенъ торжественно и благочестиво. Онъ со старшими дѣтьми только-что вернулся отъ поздней обѣдни и тотчасъ же принялся за приготовленіе закусокъ въ комнатѣ при лавкѣ, и всѣ соленыя блюда, требовавшія приправы, обильно поливалъ „осквернеинымъ" масломъ.

Въ первомъ часу дня пріѣхалъ на собственныхъ дрожкахъ соборный протоіерей о. Ѳеодоръ Покровскій съ дьякономъ. Онъ былъ приглашенъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что онъ протоіерей и при томъ—соборный, и, во-вторыхъ, потому, что онъ былъ законоучителемъ въ гимназіи. (Это тоже принималось въ разсчетъ!). О. Ѳеодоръ покосился на обстановку и въ особенности на миску съ масломъ, облачился и началъ служить молебенъ. Павелъ Егоровичъ вмѣстѣ съ дѣтьми пѣлъ и дирижировалъ важно и прочувствованно. Въ концѣ молебна о. протоіерей прочелъ очистительную молитву, отломилъ кусочекъ хлѣба, обмакнулъ въ миску и съѣлъ съ видимымъ отвращеніемъ. Павелъ Егоровичъ сдѣлалъ то же и заставилъ продѣлать ту же церемонію и дѣтей, а затѣмъ, обратившись къ публикѣ, пригласилъ:

— Пожалуйте, господа: масло теперь чистое...

Но изъ публики никто не шевельнулся.

Освященное и очищенное масло торжественно вылили въ бакъ и даже взболтали, а затѣмъ гостепріимный хозяинъ пригласилъ всѣхъ къ закускѣ. Протоіерей о. Ѳеодоръ, всегда воздержный по части выпивки, на этотъ разъ прикладывался довольно усердно, вѣроятно для того, чтобы заглушить тошноту, вызванную воспоминаніемъ о крысѣ. Прочіе гости тоже не отставали, но, какъ бы сговорившись, упорно избѣгали тѣхъ закусокъ, въ которыхъ было масло, хотя Павелъ Егоровичъ и неоднократно спрашивалъ:

— Что же вы, господа не кушаете? Вѣдь теперь все освящено и очищено...

По окончаніи торжества, всѣ разошлись и разъѣхались, но съ этого момента, къ величайшему удивленію и недоумѣнію Павла Егоровича, торговля сразу упала, а на деревянное масло спросъ прекратился совсѣмъ. Стали обнаруживаться даже и явно прискорбные факты. Является какая-нибудь кухарка за селедкою и держитъ въ рукѣ бутылку.

— А это что у васъ?—любопытствуетъ Павелъ Егоровичъ.

— Деревянное масло. У Титова брала, у вашего сосѣда,— отвѣчаетъ кухарка.

— Отчего же не у насъ? Прежде вы у насъ брали...

— У васъ масло поганое: съ мышами...

Купецъ пріунылъ, и въ глубинѣ души у него стало иногда пошевеливаться сомнѣніе, не далъ ли онъ маху со своимъ благочестіемъ, тѣмъ болѣе, что среди покупателей встрѣчались и юмористы, не упускавшіе случая кольнуть. Является, напримѣръ, господинъ за бутылкою сантуринскаго вина въ четвертакъ цѣною и иронизируетъ:

— А въ этомъ винѣ никакой посторонней твари нѣтъ? Впрочемъ извините, забылъ: у васъ только въ маслѣ крысы плаваютъ...

Павелъ Егоровичъ проглатываетъ обиду и уже болѣе не заикается объ обрядѣ очищенія. Однажды онъ попробовалъ было урезонить чиновника коммерческаго суда, забиравшаго товаръ на книжку, но получилъ жестокій отвѣтъ:

— Васъ за ваше масло надо подъ судъ отдать, чтобы не смѣли народъ гадостью травить...

— Помилуйте, масло освящалъ самъ о. протоіерей.

— И попа не мѣшало бы пробрать за кощунство. Архіерею слѣдовало бы написать...

— Значитъ, вы въ Бога не вѣруете?

— Вѣрую или не вѣрую—это мое дѣло; только настойкой изъ крысъ никого не угощаю. Вотъ возьму и напишу во Врачебное Управленіе,—тогда и узнаете, какъ гладятъ по головкѣ за богохульство...

Павелъ Егоровичъ струсилъ и нѣсколько ночей спалъ безпокойно. Онъ не зналъ, что̀ такое Врачебное Управленіе, и ждалъ всяческихъ отъ него напастей...

Но скоро дѣло вошло опять въ прежнюю колею. Потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы благочестивая исторія была позабыта и торговля возстановилась. Но злополучное масло пошло въ ходъ только тогда, когда и Павелъ Егоровичъ, и Андрюшка съ Гаврюшкой стали клятвенно увѣрять всѣхъ и каждаго, что на дняхъ только у Вальяно куплена бочка самаго свѣжаго масла, — и даже показывали бочку... Подозрительное масло спускали потомъ помаленьку чуть ли не цѣлый годъ...

Антоша былъ свидѣтелемъ всей этой нелѣпой исторіи, и потомъ, въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, никакъ не могъ уразумѣть, какія побужденія руководили Павломъ Егоровичемъ, когда онъ затѣвалъ всю эту вредную для своего кар-

мана шумиху. Одно только не подлежало сомнѣнію, что онъ самъ лично твердо вѣровалъ въ силу и дѣйствіе очистительной молитвы. Онъ упустилъ только изъ виду понятную брезгливость толпы.

— Какъ было бы хорошо, еслибы торговля у отца была поставлена на честныхъ началахъ!—говаривалъ не разъ Антонъ Павловичъ, уже будучи писателемъ. — Какъ его дѣла шли бы блестяще!.. И краха не было бы... А всему виною — узость кругозора и погоня за копѣйкой тамъ, гдѣ пролетали мимо рубли...

Павелъ Егоровичъ, дѣйствительно, окончилъ свою торговлю крахомъ. Каждый годъ лавка давала ему убытки, но онъ объяснялъ ихъ не такъ, какъ слѣдовало, и не догадывался поставить свою лавку лучше и заручиться довѣріемъ покупателей. Онъ думалъ, что убытки происходятъ оттого, что семья многочисленна и расходы велики. Но объ этомъ рѣчь—впереди.

IV.

Чередуя гимназію съ лавкой, Антонъ Павловичъ имѣлъ возможность наблюдать не мало типовъ, изъ которыхъ многіе пригодились ему, какъ писателю. Мастерски зарисовано имъ очень много фигуръ, проходившихъ передъ его глазами въ дѣтствѣ. Грекъ Дымба („Свадьба“) срисованъ имъ съ одного изъ завсегдатаевъ, съ утра до ночи засѣдавшихъ въ лавкѣ Павла Егоровича. Не зарисовалъ онъ только аѳонскихъ монаховъ—и то, вѣроятно, по цензурнымъ условіямъ. А это были очень интересные типы, которые врѣзались въ его память еще съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Монаховъ этихъ было двое: о. Ѳеодосій и о. Филаретъ. Первый изъ нихъ былъ въ мірѣ мужикомъ-крестьяниномъ, а второй даже и подъ рясой сохранилъ всѣ грубыя черты отставного николаевскаго солдата. Въ Таганрогъ являлись они по два раза въ годъ посланцами одного изъ русскихъ аѳонскихъ монастырей. Проживали они на монастырскомъ парусномъ суднѣ.

Въ тѣ времена сборъ пожертвованій „на Святую Аѳонскую гору“ производился по всей Россіи безъ всякихъ формальностей, и пожертвованія стекались въ Таганрогѣ въ руки особаго агента—свѣтскаго человѣка. Дѣло велось просто: монахи, сидя у себя дома, разсылали съ Аѳона въ закрытыхъ письмахъ „боголюбивымъ жертвователямъ“ по всей Руси (адреса поставлялъ агентъ) „благословеніе Святой Аѳонской горы“ въ видѣ иконки, аляпо-

вато оттиснутой на кусочкѣ коленкора, и призывъ къ посильному пожертвованію „на вѣчное поминовеніе души". Простодушныхъ людей, вѣрившихъ въ вѣчность этого поминовенія, находилось не мало, и пожертвованія стекались въ руки агента настолько обильныя, что монастырь присылалъ за ними свое судно по разу въ каждую навигацію.

Пріѣзжая въ Россію, отцы Филаретъ и Ѳеодосій на время забывали всѣ тяготы строгой аѳонской жизни и нѣсколько уклонялись отъ своихъ иноческихъ обѣтовъ. Это были два противоположные характера и, пожалуй даже, два непримиримыхъ врага. Вѣроятно, монастырь и посылалъ ихъ на суднѣ въ Россію вдвоемъ, чтобы они взаимно контролировали другъ друга. Оба они очень часто посѣщали Павла Егоровича и даже иногда и проживали у него по нѣсколько дней. Когда они были вмѣстѣ, то оба вели себя корректно и упорно отказывались отъ всякихъ приглашеній выпить и закусить. Но если дѣла и обязанности разлучали ихъ, приходилось наблюдать и довольно комичныя сцены.

— Паша, дай-ка ты мнѣ стаканчикъ сантуринскаго, покаместъ Филарета нѣту,—обращался о. Ѳеодосій къ Павлу Егоровичу.—У насъ въ монастырѣ въ этотъ часъ завсегда вино даютъ стомаха ради и отъ немощей.

О. Филаретъ, въ свою очередь, передъ тѣмъ какъ выпить, оглядывался по сторонамъ и говорилъ:

— Давай скорѣе горілки, пока Хведосія нема...

— А при о. Ѳеодосіѣ развѣ вы не можете выпить? — задаютъ ему вопросъ.

— Хведосій—ябеда! — слѣдуетъ лаконическій отвѣтъ Филарета.

Если же подобный вопросъ задать о. Ѳеодосію,—онъ начинаетъ усиленно мотать головою, закрываетъ глаза и подъ строжайшимъ секретомъ сообщаетъ:

— Такой наушникъ, что и не приведи Господь... Ежели въ монастырѣ какая каверза вышла, то вся братія уже такъ и знаетъ, что тутъ безъ Филарета не обошлось... Осудилъ, прости меня, Богородица Одигитрія... Искушеніе...

Приходя въ лавку и просиживая въ ней по цѣлымъ часамъ [illegible] сантуринскимъ, о Ѳеодосій любилъ повѣствовать объ Аѳонѣ. [illegible] слушателями обыкновенно являлись завсегдатаи и Антоша.

— На Аѳонѣ благодать почіетъ, — повѣствуетъ онъ. — На [illegible]онѣ — все иначе, лучше. Вотъ, къ слову сказать, аѳонскій [illegible]цкій орѣхъ. Скушай, Антоша, и посмотри, что за сладость... [illegible]аръ, а не орѣхъ... Такъ и все тамъ—одна сладость...

Антоша съѣдаетъ орѣхъ и не находитъ въ немъ ничего особеннаго. Монахъ тоже съѣдаетъ штуки три и, затѣмъ, обращается съ просьбою:

— Дай-ка, Антоша, пряничка сладенькаго—горечь заѣсть...

Завсегдатаи любятъ спорить съ о. Ѳеодосіемъ, и сейчасъ же одинъ изъ нихъ придирается къ нему.

— Какъ же вы, батюшка, говорили, что на Аѳонѣ у васъ сладость, а сами горечь пряникомъ заѣдаете?

— Это я—отъ немощи, а у насъ, дѣйствительно, все сладость,—нисколько не смущается монахъ.

— А какъ у васъ производится вѣчное поминаніе усопшихъ жертвователей?—продолжаетъ завсегдатай.

— А такъ: ты пожертвуешь, а мы твое имя въ книгу запишемъ и будемъ поминать до скончанія вѣка. У насъ этихъ книгъ—многое множество: два подвала большихъ отъ пола до потолка завалены. Есть которыя даже и сгнили отъ ветхости... Во время проскомидіи становится передъ царскими вратами душъ десятокъ монаховъ, развертываютъ книги и начинаютъ читать: Анны, Маріы, Никифора, Митрофана... Ежели ты тутъ, то и тебя прочтутъ... И такъ до конца вѣка...

— И много душъ помянутъ?

— А сколько успѣютъ...

— Какъ же съ тѣми книгами поступаете, которыя въ погребахъ сгнили?

— По тѣмъ книгамъ самъ Господь поминаетъ во царствіи своемъ...

— Значитъ, вы—жулики и мошенники!—рѣшаетъ злорадно завсегдатай.—Берете съ меня деньги, чтобы поминать меня вѣчно, а я у васъ въ погребѣ сгнилъ... Пропали мои деньги и душа пропала... Мошенники вы и есть...

О. Ѳеодосій озадаченъ и не знаетъ, что отвѣчать.

— Монахъ есть свѣтъ міру! — вдругъ выпаливаетъ онъ.— Безъ монаха міръ давно пропалъ бы.

— Свѣтъ или не свѣтъ, а вы—мошенники,— стоитъ на своемъ завсегдатай.

— Монахъ есть столпъ!—продолжаетъ о. Ѳеодосій.

— Мало ли столбовъ! Вонъ и фонарь на столбѣ стоитъ,— потѣшается завсегдатай.

— Монахъ есть свѣтильникъ! — надрывается инокъ.—Онъ вамъ всѣмъ свѣтитъ...

— Хорошъ свѣтильникъ!—иронизируетъ противникъ.—Пріѣдетъ сюда—водку пьетъ, вино пьетъ и до отвала ѣстъ...

— Неправда! — хрипитъ о. Ѳеодосій. — Инокъ есть ангельскій чинъ. Онъ есть постъ и воздержаніе...

— Какое же это воздержаніе, коли ты на нашихъ глазахъ четвертый стаканъ сантуринскаго хлещешь?..

— А хоть бы и пятый?! — начинаетъ уже злиться о. Ѳеодосій.—Если тебѣ Богъ ума не далъ, то и молчи!

— Ладно. Я безъ ума, да честный человѣкъ, а ты съ умомъ, да мошенникъ и обманщикъ... Вѣчное поминовеніе выдумали...

— Ежели я—мошенникъ, то ты—дуракъ. И за эти слова съ тебя на страшномъ судилищѣ взыщется...

О. Ѳеодосій брызжетъ слюною. Всѣ завсегдатаи дружно хохочутъ. Смѣются и Андрюшка съ Гаврюшкой. Одинъ только Антоша дѣлаетъ надъ собою усиліе, чтобы не засмѣяться. Онъ чувствуетъ, что монахъ прижатъ къ стѣнѣ,—и ему жаль его.

— Что, отче, съѣлъ? — допекаетъ торжествующій завсегдатай.—Уже до судилища договорился...

О. Ѳеодосій растерянно смотритъ по сторонамъ, какъ бы ища защиты, и потомъ вдругъ, точно озаренный свыше, отвѣшиваетъ земной поклонъ обидчику.

— Прости Христа ради... Я, грѣшный, ввелъ тебя въ искушеніе...

Теперь завсегдатай чувствуетъ страшное смущеніе и даже неожиданный испугъ.

— Что ты, что ты, о. Ѳеодосій!—бормочетъ онъ.—Зачѣмъ въ ноги?.. Это у насъ только такъ разговоръ былъ...

Монахъ поднимается и обводитъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ: онъ побѣдилъ и побѣдилъ—смиреніемъ, какъ и подобаетъ иноку...

— Прикажи-ка, Антоша, подать на мировую еще стаканчикъ сантуринскаго,—говоритъ онъ примирительнымъ тономъ.

Вино приносятъ. Въ дверяхъ вдругъ совершенно неожиданно появляется Филаретъ и устремляетъ грозный солдатскій взглядъ на стаканъ.

— Мы тутъ... тово... богомысліемъ... богомысліемъ занимаемся,—начинаетъ лепетать о. Ѳеодосій.

— Вижу, що богомысліемъ,—круто обрываетъ о. Филаретъ.—Давай и мінѣ вина! Чѣмъ я хуже Хведосія?!..

Приносятъ вина и о. Филарету. Завсегдатай вступаетъ съ имъ въ разговоръ.

— О. Ѳеодосій говоритъ, что у васъ на Аѳонѣ...

— Бреше!—обрываетъ, не дослушавъ, о Филаретъ.

— Что у васъ на Аѳонѣ всенощная тянется...

— Бреше, якъ сивый меринъ,—не даетъ договорить о. Филаретъ.

— Отъ вечера и до утра будто бы тянется всенощная...

— Бреше... Вінъ все бреше...

— А правда, что во всей Турціи только у васъ на Аѳонѣ колокола дозволены?

— Бреше, бреше, бреше... Хведосій все бреше...

— Да это не о. Ѳеодосій говорилъ, а я въ книжкѣ читалъ...

— А якъ читавъ, то—правда...

О. Филаретъ тоже выпиваетъ нѣсколько стакановъ сантуринскаго и разговоръ ведетъ отрывисто и желчно: всѣ у него брешутъ. И весь міръ брешетъ. Больше отъ него нельзя добиться ничего. Изъ его разговора вытекаетъ, что не брешетъ только онъ одинъ. Почувствовавъ въ головѣ хмель, онъ поднимается и направляется къ выходу.

— Куда теперь, о. Филаретъ?—спрашиваютъ его завсегдатаи.

— Піду на судно въ гавань. На суднѣ у насъ всеношна скоро начнется.

О. Филаретъ, ни съ кѣмъ не простившись, уходитъ. Вскорѣ, вслѣдъ за нимъ поднимается и о. Ѳеодосій.

— Пойти и мнѣ на наше суденышко помолиться!—рѣшаетъ онъ.—Благолѣпная у насъ нынче будетъ всенощная... Канонъ трогательный... Стоишь, слушаешь—и какъ бы на небеси...

Вздохнувъ нѣсколько разъ отъ умиленія, монахъ уходитъ. Вскорѣ уходятъ одинъ за другимъ и завсегдатаи. Лавка пустѣетъ, и Антоша погружается въ чтеніе Майнъ-Рида. Вскорѣ приходитъ и Павелъ Егоровичъ.

— О. Ѳеодосій и о. Филаретъ были здѣсь безъ васъ,—докладываетъ Антоша.

— А ты ихъ угостилъ чѣмъ-нибудь?—озабоченно спрашиваетъ Павелъ Егоровичъ.

— Сантуринское пили...

— Ну, это хорошо... Гдѣ же они теперь?

— Ушли къ себѣ въ гавань на судно, ко всенощной. О. Ѳеодосій говорилъ, что у нихъ сегодня канонъ будетъ читаться очень трогательный...

На лицѣ Павла Егоровича выражается сокрушеніе.

— Какъ жаль, что я ихъ не засталъ, а то и я отправился бы съ ними... Я давно уже собираюсь помолиться у нихъ на кораблѣ... Служба у нихъ—умилительная, по аѳонскому уставу... Сходить развѣ?..

Павелъ Егоровичъ погружается въ глубокое раздумье. Въ

это время въ лавку входитъ старая нянька, Александровна, которая выходила и выростила Антошу.

— Антоша, иди, тебя мамаша зоветъ,—обращается она къ нему, а затѣмъ, по его уходѣ, говоритъ Павлу Егоровичу:—А у насъ—чудеса, Павелъ Егоровичъ. Нарочно пришла вамъ сказать... Вы бы вашихъ монаховъ хоть бы въ комнату взяли, а то вѣдь срамъ: оба — выпивши и спятъ нивѣсть гдѣ: одинъ приткнулся въ курятникѣ, а другой—въ конюшнѣ, прямо въ стойлѣ заснулъ...

— Не можетъ быть?!—удивляется Павелъ Егоровичъ.—Вѣдь у нихъ на кораблѣ сегодня всенощная...

— Вотъ вамъ и всенощная... Срамъ одинъ только... Право, ихъ бы въ комнату взять... Не дай Богъ, кто увидитъ...

Нянька ушла, но черезъ минуту является улыбающійся Антоша.

— О. Ѳеодосій и о. Филаретъ у насъ на дворѣ всенощную служатъ,—говоритъ онъ.

— Не твое дѣло! Дуракъ! Пошелъ вонъ!—обрушивается на него отецъ и задумывается...

— За что же вы бранитесь?—обиженно протестуетъ Антоша.

— Это врагъ рода человѣческаго надъ ними смущается и искушаетъ ихъ, а ты смѣешься. У монаха на каждомъ шагу искушеніе. Почитай-ка житія святыхъ отецъ,—такъ и узнаешь... Осуждать ихъ нельзя и грѣшно...

По мѣрѣ того какъ Антоша подросталъ и входилъ въ разумъ, торговля въ лавкѣ дѣлалась для него все тяжелѣе и противнѣе. Подъ вліяніемъ гимназіи у него уже начинали появляться и другія понятія, и другіе интересы. Начали постепенно пробиваться наружу и такіе запросы, какихъ раньше не было. Потянуло къ свободѣ, къ самостоятельности и къ защитѣ своихъ правъ. Все это совсѣмъ уже не вязалось съ тѣми требованіями, которыя предъявляли къ нему отецъ и лавка.

А торговыя дѣла Павла Егоровича не по годамъ, а уже по мѣсяцамъ становились все хуже и хуже. Явился конкуррентъ, открывшій такую же точно лавку на углу черезъ дорогу и пустившій товаръ дешевле; и самъ Павелъ Егоровичъ нечаянно рвался, закупивъ въ кредитъ такую партію вина, какой онъ могъ продать и въ десять лѣтъ; подошло еще что-то подобное же—и дѣла пошатнулись. Надо было искать какого-нибудь выхода. И этотъ выходъ былъ найденъ опять-таки въ ущербъ ...ному Антошѣ...

Въ Таганрогъ провели желѣзную дорогу — и торговые порядки въ немъ естественно измѣнились. Гужевая доставка зернового хлѣба на волахъ сразу значительно сократилась. Сократился и главный покупатель Павла Егоровича—мужикъ-хохолъ, привозившій этотъ хлѣбъ. Перетянула желѣзная дорога.

На окраинѣ города выросъ каменный вокзалъ. Подлѣ вокзала сейчасъ же образовался на площади маленькій базаръ, а ближайшіе къ этому мѣсту домовладѣльцы передѣлали свои деревянные сарайчики подъ торговыя помѣщенія, въ которыхъ предпріимчивые сыны израиля немедленно открыли кабаки—бокъ-о-бокъ и нисколько не боясь конкурренціи. Теперь весь этотъ торговый людъ сталъ разсчитывать уже не на мужика-чумака, а на пассажира.

Такой же разсчетъ зародился и въ головѣ Павла Егоровича.

— Идетъ человѣкъ на вокзалъ, видитъ бакалейную лавку—зайдетъ, что-нибудь купитъ,—разсудилъ онъ. — Пріѣдетъ человѣкъ по желѣзной дорогѣ, выйдетъ съ вокзала, увидитъ лавку—тоже зайдетъ и купитъ..

Мысль эта такъ понравилась ему, что онъ, не задумываясь и не наводя справокъ, нанялъ сарайчикъ рядомъ съ кабакомъ, перевезъ въ этотъ сарайчикъ немножко товару изъ своей лавки—и открылъ новую лавку.

Кого же посадить въ нее? Андрюшку и Гаврюшку нельзя, потому что они — воры и за ними нуженъ присмотръ. Ясное дѣло, что торговлю въ новой лавкѣ можно поручить только дѣтямъ—Сашѣ и Антошѣ.

Несчастные гимназисты къ этому времени только-что окончили экзамены, и Саша перешелъ въ шестой, а Антоша — въ четвертый классъ. Оба они разсчитывали на каникулахъ отдохнуть; но разсчетъ юношей не оправдался. Отслужили въ новой лавчонкѣ молебенъ и обрекли гимназистовъ сидѣть безвыходно рядомъ съ кабакомъ и улавливать пассажировъ. Саша, у котораго уже начиналъ пробиваться пушокъ на верхней губѣ, съ геройствомъ, приличнымъ ученику пятаго класса, пообѣщалъ достать пистолетъ и застрѣлиться, а Антоша только съ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Господи, что мы за несчастный народъ! Товарищи на каникулахъ отдыхаютъ, ходятъ купаться и удить рыбу, бываютъ по вечерамъ въ казенномъ саду и слушаютъ музыку, а мы — какъ каторжные...

Но ни угроза Саши, ни отчаяніе Антоши—не помогли. Ка-

торжная жизнь началась. По заведенному обычаю надо было вставать въ пять часовъ утра и запирать лавчонку около полуночи. Но Павелъ Егоровичъ не понялъ и не взвѣсилъ той тяготы, которую онъ взвалилъ на плечи дѣтей, а наоборотъ, весело потирая руки, сказалъ Евгеніи Яковлевнѣ:

— Вотъ, слава Богу, уже и дѣти помогаютъ! Если торговля пойдетъ хорошо, то я возьму ихъ изъ гимназіи и оставлю въ лавкѣ.

— Боже сохрани!—всплеснула руками Евгенія Яковлевна.— Ни за что не позволю взять дѣтей изъ гимназіи! Богу буду на тебя жаловаться...

Съ первыхъ же дней оказалось, что разсчетъ Павла Егоровича былъ созданъ на пескѣ. Пассажиръ оказался неуловляемымъ и потянулъ съ вокзала совсѣмъ въ другую сторону. Вмѣсто грудъ золота, истомленныя дѣти приносили отцу по ночамъ выручку всего только полтора, два и рѣдко-рѣдко три рубля. Простая ариѳметика показывала, что такая торговля не оплачивала даже наемной платы за лавчонку, но Павелъ Егоровичъ былъ неумолимъ и все надѣялся. На мольбы Саши и Антоши прекратить безцѣльную муку—онъ отвѣчалъ:

— Дальше лучше будетъ. Покупатель еще не познакомился съ лавкою...

Антоша неудержимо плакалъ, а Саша обѣщалъ покончить съ собою двадцатью способами сразу, но до августа все-таки дотянули. Молодежь сильно осунулась и похудѣла и пошла въ гимназію не отдохнувшей, а наоборотъ, страшно утомившейся за лѣто. Павелъ Егоровичъ закрылъ лавчонку и сталъ подводить итоги. И—о, ужасъ!—въ итогѣ получился убытокъ! Одного керосина сгорѣло въ двухъ лампахъ за лѣто на тридцать рублей, а остальные ничтожные барыши поглотила наемная плата.

— Зачѣмъ же вы насъ мучили цѣлое лѣто?! Зачѣмъ отняли у насъ цѣлыя каникулы, когда убыточность была видна уже въ самомъ началѣ дѣла?! — воскликнулъ Саша, узнавъ о результатахъ.

— Вы не умѣли торговать, какъ слѣдуетъ,—отвѣтилъ Павелъ Егоровичъ. — Еслибы вы хотѣли помогать отцу, такъ у васъ торговля шла бы иначе... Зачѣмъ понапрасну керосинъ въ лампахъ жгли?

— Вѣдь вы же сами, несмотря на наши протесты, не позволили намъ запирать лавку раньше полуночи!..

— Можно было держать въ лампахъ огонекъ маленькій—ь-чуть; а придетъ покупатель—прибавить посвѣтлѣе... Свиньи и больше ничего...

У Павла Егоровича была своя логика...

Долго, однакоже, уродливую коммерческую канитель тянуть было нельзя. Съ лавкою пришлось покончить, хотя и не безъ попытокъ вынырнуть вновь. Павелъ Егоровичъ перевезъ жалкіе остатки товаровъ въ новую лавку на базарѣ, но и тутъ не повезло. Пришлось окончательно ликвидировать дѣло. Старшій сынъ Саша окончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ университетъ въ Москву. На послѣдніе ничтожные гроши потянулся за нимъ туда же и Павелъ Егоровичъ и перевезъ семью.

Антонъ Павловичъ остался въ Таганрогѣ оканчивать гимназическій курсъ. И только съ этого времени начались для него новые дни и онъ вздохнулъ свободно: надъ нимъ перестали висѣть кошмаромъ спѣвки, пѣніе въ безголосомъ хорѣ въ церквахъ и внушавшая отвращеніе лавка со всѣми тѣми ненормальностями и мученіями, вспоминая о которыхъ, покойный писатель съ горечью говорилъ:

— Въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства...

А. С — ой.

ПРОПОВѢДНИКЪ

Романъ Маргариты Беме.

„*Apostel Dodenscheit*“, v. Margarete Böhme. Berlin, 1908.

Окончаніе *).

Берлинъ. Февраль.

Дорогой другъ.

Ваше нетерпѣливо ожидаемое мною письмо—оказалось книгою за семью печатями. Читаю его, перечитываю и—не нахожу разгадки, но чувствую, что между строкъ его есть нѣчто, имѣющее ко мнѣ отношеніе. Согласенъ, что вы имѣете право считать меня человѣкомъ увлекающимся, впадающимъ въ крайности, но я полагалъ, что моя исповѣдь дастъ вамъ обо мнѣ болѣе точное понятіе и измѣнитъ ваше мнѣніе обо мнѣ къ лучшему.

Вы пишете, что философія счастья—это праздничная философія, на первомъ же планѣ долженъ стоять будничный трудъ съ обычнымъ кругомъ его обязанностей; но неужели вы думаете, что я былъ бы еще въ состояніи сидѣть за конторкою и вести книги? Нѣтъ, я уже неспособенъ на это, у меня пропала память на числа. Дорогой другъ, люди слишкомъ о многомъ пекутся. Я не боюсь работы, но желалъ бы, чтобы трудъ былъ въ то же время и благословеніемъ. Заботы о хлѣбѣ насущномъ? Скорбь по умершимъ? Но они живутъ въ насъ, и мы съ ними неразлучны. Вы думаете, что я—вызова ради—готовлюсь къ какому новому призванію среди голода и нищеты? Но увѣряю васъ, я не могу иначе, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть.

*) См. выше: октябрь, стр. 672.

Нѣсколько дней тому назадъ я, по желанію фрау Авенаріусъ, выказывающей мнѣ особое благоволеніе, прочелъ въ домѣ ея, въ присутствіи довольно большого круга ея знакомыхъ, рефератъ, въ которомъ изложилъ мои мысли и воззрѣнія. Аудиторія состояла преимущественно изъ дамъ. Я говорилъ безъ подготовки. Утомленныя, блѣдныя, нервныя лица осыпанныхъ брилліантами элегантныхъ дамъ вдохновляли меня,—они дали мнѣ тему. Этому обществу, согласно общеустановившимся понятіямъ, можно только позавидовать, и все же оно чувствуетъ себя усталымъ, несчастнымъ, неудовлетвореннымъ. Оно должно измѣнить свою жизнь, поставить себѣ новыя цѣли. Хотя я впервые говорилъ передъ большимъ собраніемъ, я не ощущалъ страха, я увлекся самъ и увлекъ слушателей. Когда я кончилъ—въ залѣ царила тишина. Фрау Авенаріусъ первая подошла ко мнѣ, пожала мнѣ руку и поблагодарила. Затѣмъ меня окружили, говорили лестныя слова, я видѣлъ взволнованныя лица, словомъ—это былъ настоящій успѣхъ. Сужу не по однимъ внѣшнимъ проявленіямъ его, но по замѣчаніямъ и разспросамъ присутствующихъ. И Кристофъ Гроссъ пожалъ мнѣ руку и назвалъ меня „братомъ во Христѣ“. Г. Авенаріусъ, вошедшій уже во время реферата, дружелюбно похлопалъ меня по плечу.—„Прекрасно, превосходно, милый г. Доденшейтъ. Я не любитель всего такого, но вы говорите очень интересно—дамы наши внѣ себя отъ восторга“.

Затѣмъ онъ прибавилъ другимъ тономъ:

— Жена сейчасъ сказала мнѣ, что вы привезли фрау Мальтонъ. Пріятельница? Ага! Знаемъ мы это... Но я радъ, что, не взирая на проповѣдничество, вы отдаете дань земному. А кто эта очаровательная особа рядомъ съ нею?

Онъ говорилъ о Регинѣ. Этотъ человѣкъ всегда былъ мнѣ несимпатиченъ.

Послѣ Авенаріуса мною завладѣли братъ и сестра Фабриціусъ: онъ—красивый, симпатичный господинъ лѣтъ тридцати; она—очень интересная особа, возраста которой не могу опредѣлить. Г. Фабриціусъ—владѣлецъ богатыхъ заводовъ, но имѣетъ видъ знатнаго барина; онъ изучалъ теологію и интересуется вопросами этики. Я переходилъ изъ рукъ въ руки, покуда Кристофъ Гроссъ не увлекъ меня въ нишу окна. Онъ казался очень взволнованнымъ.

— Пользуйтесь благопріятно сложившеюся конъюнктурой... Куйте желѣзо, пока горячо...

Я слушалъ его, не понимая, что онъ говоритъ. Тѣмъ временемъ среди публики ходила по рукамъ бумага; дамы пере-

шептывались, и черезъ нѣсколько времени ко мнѣ подошла фрау Авенаріусъ, произнесшая небольшую рѣчь.

Уже давно она лелѣяла мысль создать новый органъ печати, посвященный вопросамъ этики и религіи, соціальному и женскому вопросамъ. Подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ моимъ рефератомъ, присутствующіе рѣшили осуществить эту мысль съ помощью подписки; они собрали извѣстную сумму на веденіе дѣла и уполномочили ее просить г. Николая Доденшейта принять на себя редактированіе этого журнала.

Я былъ совершенно оглушенъ. Фрау Авенаріусъ, вручивъ мнѣ бумагу, улыбаясь, отошла. Кристофъ Гроссъ смотрѣлъ черезъ мое плечо, когда я развернулъ бумагу. Не понимаю, какъ они рѣшились довѣрить бѣдняку, который уже цѣлую недѣлю не ѣлъ ничего горячаго, такую сумму! Фрау Авенаріусъ подписалась во главѣ подъ цифрою въ двадцать-пять тысячъ марокъ; въ общей сложности сумма составляла восемьдесятъ тысячъ.

— Не говорилъ ли я вамъ, что вы — счастливецъ? — повторилъ Кристофъ Гроссъ.

— Да, это очень лестное довѣріе, но я не могу оправдать его, — сказалъ я: — рѣчь идетъ о дѣловомъ предпріятіи, оборудованіе и веденіе котораго требуетъ извѣстныхъ спеціальныхъ и техническихъ знаній. Я не имѣю понятія о типографскомъ дѣлѣ, о рекламѣ. Я могу быть только сотрудникомъ, но не болѣе.

— Не дѣлайте глупостей! — шепнулъ онъ: — найдутся другіе, которые помогутъ вамъ своимъ опытомъ и знаніями. Откровенно говоря, я всегда мечталъ о такомъ органѣ. Я этого не допущу. Я не завистливъ. Наши интересы — общіе, мы должны быть солидарны...

Въ своемъ волненіи онъ заговорилъ другимъ голосомъ — уже не такимъ мягкимъ и елейнымъ:

— Какъ вы думаете, что тутъ собрались за капиталы? Фабриціусы — милліонщики, а они отвалили жалкія три тысячи марокъ...

Прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, онъ протиснулся впередъ и воскликнулъ:

— Другъ нашъ Доденшейтъ проситъ меня выразить отъ его имени обществу глубокую благодарность за лестное довѣріе. Онъ будетъ имѣть честь просить васъ на собраніе для обсужденія разныхъ вопросовъ.

Покуда разносили чай и фрукты, я видѣлъ Ганса фонъ-Гогендорфа разговаривавшимъ съ фрау Авенаріусъ; она, улыбаясь, наклонила голову въ знакъ согласія. Онъ — все равно, что на-

сыщенная водою губка: при малѣйшемъ нажимѣ вода краснорѣчія льется изъ него потокомъ. Онъ вошелъ на эстраду и принялся развивать свои теоріи счастья. Къ сожалѣнію, онъ говорилъ не очень связно, и слушатели никакъ не могли уловить нить его мысли. Онъ громилъ долгъ и называлъ его „насмѣшкою надъ свободою человѣчества".

Въ обществѣ почувствовалось безпокойство, имѣвшее оппозиціонный характеръ. Полная, туговатая на ухо дама воскликнула:

— Что̀ такое? Онъ не признаетъ долга? Сумасшедшій!

Счастье—любовь, которой мѣшаютъ развернуться, которую топчутъ въ болотѣ пошлости наши современные предразсудки и глупѣйшія условія жизни. Первое изъ нихъ—бракъ, этотъ величайшій врагъ любви. Кто даетъ клятву любить вѣчно, тотъ сознательно лжетъ, и т. д.

Дамы обезпокоились, и вдругъ изъ ихъ среды раздалось звонкое сопрано:

— Значитъ, вы отрицаете святость брака? Мужъ можетъ бросить жену и „полюбить" первую встрѣчную?

— Я говорю не о мужѣ, но о человѣкѣ. Неужели вы желаете приковать его къ себѣ насильно?

— Ого!.. Благодарю васъ! Вотъ удобная для мужчинъ философія!—раздались дамскіе голоса.

Гогендорфъ отвѣчалъ имъ. Стоя на эстрадѣ и задорно потряхивая хохолкомъ, онъ походилъ на пѣтуха, окруженнаго разсерженными, разкудахтавшимися курицами...

— Задалъ я имъ перцу! — говорилъ ораторъ по дорогѣ домой.

— Да, задалъ онъ имъ!—повторила Ганнеле.

— Оно все-таки подѣйствовало!

— Оно замѣчательно подѣйствовало! — вторила маленькая жена.

Кристофъ Гроссъ шелъ впереди съ фрау Розаурой; мы съ Региною шли послѣдними. Ночь была холодная и звѣздная. Я радовался успѣху, но рѣшилъ отклонить отъ себя устройство газеты; Регина вывела меня изъ раздумья вопросомъ: считаю ли и я долгъ несуществующимъ? Я отвѣтилъ, что Гансъ понимаетъ этотъ вопросъ не совсѣмъ такъ. Человѣку совершенному незачѣмъ думать о долгѣ, такъ какъ онъ и безъ того знаетъ, что̀ онъ долженъ дѣлать. Затѣмъ Регина неожиданно спросила меня: можетъ ли быть счастливъ человѣкъ, если онъ безнадежно любитъ кого-нибудь, а тотъ даже не замѣчаетъ его? У меня едва

не сорвался съ губъ нетерпѣливый отвѣтъ. Обидно наталкиваться на такія чисто внѣшнія узкія понятія о счастьи! Но я замѣтилъ въ свѣтлыхъ глазахъ Регины такую мольбу, что отвѣтилъ ей дружелюбнѣе, чѣмъ намѣревался. Она выслушала меня и сказала со вздохомъ:

— Ваша философія счастья—для сытыхъ и богатыхъ въ родѣ сегодняшней публики!

Ея противорѣчіе не разсердило меня; я обрадовался открытію, что Регина умѣетъ мыслить.

Кристофъ Гроссъ предложилъ зайти въ кафѣ на Потсдамской улицѣ. У входа мы встрѣтили брата и сестру Фабриціусъ и сѣли съ ними за одинъ столъ.

Гансъ-Леонгардъ снова обрѣлъ свое хорошее настроеніе; его наивные голубые глаза сіяли. Фрау Ганнеле спросила меня: не могу ли я доставить ея мужу мѣсто въ редакціи? Ихъ опять гонятъ съ квартиры. Имѣть бы хоть небольшой заработокъ!

— Пустое! Я найму теперь квартиру въ пять комнатъ.

— А плата?

— Все равно. Или я получу массу денегъ, и тогда буду въ состояніи имѣть большую квартиру, или мнѣ нечѣмъ будетъ платить и за маленькую.

— Вы правы. Счастье — въ самочувствіи и въ довольствѣ собою,—улыбнулся г. Фабриціусъ.

— Я доволенъ. Мой прадѣдъ спустилъ тридцать-два рыцарскихъ помѣстья, но тутъ—онъ постучалъ себя по лбу—сидятъ еще тридцать-два другихъ.

— Послушай... Вотъ чудаки! — сказала дама за сосѣднимъ столомъ своему спутнику.

А у веселыхъ чудаковъ сидѣла на порогѣ настоящая нужда. Фрау Ганнеле съ величайшимъ трудомъ добывала нѣсколько пфениговъ на лапшу, и они ходили по цѣлымъ часамъ для того, чтобы согрѣться, твердо вѣря, что современемъ...

И послѣ этого вы еще будете сомнѣваться, что счастье зависитъ отъ насъ самихъ? Къ сожалѣнію, фрау Ганнеле слабаго здоровья и она становится все блѣднѣе и прозрачнѣе, что̀ меня нѣсколько тревожитъ.

Я долженъ вамъ передать привѣтъ отъ друга моего Розауры. Вчера я былъ у нея. Она была нѣсколько не въ духѣ и дала мнѣ это почувствовать. Я въ первый разъ увидѣлъ, что и эта ивная женщина не всегда владѣетъ своими нервами, что̀ меня болѣзненно кольнуло. Розаура играетъ большую роль въ моей изни. Любовь къ прекрасной, умной женщинѣ служитъ для

человѣка своего рода компасомъ, регулирующимъ его духовную и умственную дѣятельность, и потрясенія, въ родѣ вчерашняго, выбиваютъ ее изъ колеи... На сегодня—довольно.

Шлетъ вамъ привѣтъ вашъ вѣрный—К. Д.

12-го марта.

Дорогая, многоуважаемая фрау.

Очень благодарю васъ за ваше доброе письмо и за дозволеніе чаще писать вамъ.

Я многое пережила за это время. До сихъ поръ я думала, что призваніе Коли—одна мечта, которая рушится отъ перваго столкновенія съ дѣйствительностью; но съ вечера у фрау Авенаріусъ, бывшаго двѣ недѣли тому назадъ, я убѣдилась, что идеи его—не безуміе, что онъ принадлежитъ къ избранникамъ, призваннымъ сказать новое слово. Во время его рѣчи отъ него исходило своеобразное очарованіе. Были ли этому причиною слова его, голосъ, его блѣдное, одухотворенное лицо съ черными, сверкающими глазами, или особая его власть надъ людьми, но только слушатели дѣйствительно ощутили какое-то вѣяніе мира, похожее на близость великаго счастья. Въ этотъ же день я окончательно убѣдилась, что для меня надежды нѣтъ; мнѣ показалось, что ножъ вошелъ мнѣ прямо въ рану, но операція совершилась, остается только перенести острую боль... Итакъ, Коля одержалъ блестящую побѣду. Единственная, кто остался недоволенъ, это—фрау Мальтонъ. По возвращеніи домой, она не отпустила меня спать; она бѣгала по комнатѣ, требовала, чтобы я утѣшала ее, и говорила возмутительныя вещи... Это бабьѣ готово повѣситься ему на шею! Старая карга Авенаріусъ не желаетъ ли купить его своими двадцатью-пятью тысячами? А старая дѣва, таращившая на него свои глаза въ кафѣ? А всѣ другія?..

Эти слова относились къ фрейлейнъ Фабриціусъ, которая, наоборотъ, показалась мнѣ очень милой и изящной. Наконецъ, фрау Мальтонъ разрыдалась: она такъ одинока!—и затѣмъ, успокоившись, отпустила меня, запершись, по обыкновенію, на своей половинѣ.

Въ два часа меня разбудилъ звонокъ. Я наскоро одѣлась, боясь, не случилось ли несчастья? Къ моему изумленію, мнѣ отворилъ дверь мужчина въ пальто, сообщившій мнѣ, что фрау Мальтонъ дурно, онъ ѣдетъ за докторомъ, а меня проситъ побыть покуда съ нею. Я нашла ее безъ чувствъ на кушеткѣ; тутъ же валялась пустая стклянка... Мы провозились съ нею всю ночь. Оказалось, что она морфинистка и приняла для успо-

коенія черезчуръ большую дозу морфія. Поутру, придя въ себя, она стала просить меня ничего не говорить Колѣ, и я сдержала обѣщаніе. Она устроила ему сцену ревности; онъ ушелъ и нѣсколько дней не показывался; тогда она, растревожившись, послала меня къ нему въ Штеглицъ съ письмомъ.

Передъ домомъ стоялъ собственный экипажъ. Я прошла сначала къ Гогендорфамъ и нашла тамъ фрейлейнъ Фабриціусъ. Фрау Ганнеле радостно объявила мнѣ, что ихъ бѣдствія кончились: сегодня поутру ихъ собирались выгнать изъ квартиры, но вотъ является многоуважаемая фрейлейнъ въ роли ангела-хранителя и предлагаетъ Гансу-Леонгарду мѣсто въ конторѣ.

— Къ сожалѣнію—въ конторѣ!—элегически вздохнулъ Гогендорфъ, а фрейлейнъ Фабриціусъ улыбнулась.

— Вы оба мнѣ очень понравились. Мнѣ кажется, что вы—такіе дилетанты въ жизни. Постараемся не обременять васъ работою и разнообразить ваши занятія, г. фонъ-Гогендорфъ, но изъ любви къ вашей женѣ вы должны сдѣлать надъ собою маленькое усиліе...

— Высокій умъ призванъ къ высокимъ цѣлямъ, уважаемая фрейлейнъ.

— Это эгоистично.

— При извѣстныхъ обстоятельствахъ эгоизмъ становится идеализмомъ. Христосъ сказалъ: „Оставьте все и слѣдуйте за Мною"!

Фрейлейнъ Фабриціусъ покачала головою. Спросивъ о Колѣ, я съ изумленіемъ узнала, что онъ поступилъ разсыльнымъ въ миссію и разноситъ по домамъ книги религіознаго содержанія и библіи! Подходящее ли это для него занятіе? Подумайте сами.

Фрейлейнъ Фабриціусъ отвезла меня домой. Дорогою она много разспрашивала о Колѣ, и когда на ея вопросъ: нравится ли мнѣ фрау Мальтонъ, я запнулась, она сказала, что въ случаѣ если я вздумаю уйти оттуда, она просила бы меня жить у нея, такъ какъ она давно уже ищетъ дѣвушку, которая была бы ей симпатична. Я считала бы это большимъ для себя счастьемъ, но изъ-за Коли я не могу уйти отъ фрау Мальтонъ. Въ будущій четвергъ я обѣщала быть у фрейлейнъ Фабриціусъ въ пять часовъ. Въ воскресенье Коля пришелъ къ намъ, и они помирились. Онъ кажется очень утомленнымъ. Эта бѣготня по лѣстницамъ изнуряетъ его съ непривычки, но онъ очень доволенъ своимъ занятіемъ, которое вводитъ его въ соприкосновеніе со множествомъ людей.

Теперь я не боялась бы за будущность Коли, еслибы не

его отношенія къ фрау Мальтонъ. Повѣрьте, не ревность заставляетъ меня видѣть все въ черномъ цвѣтѣ. Еслибы онъ былъ счастливъ, я со всѣмъ примирилась бы, но въ жизни этой женщины есть что-то темное, подозрительное, а она имѣетъ на него огромное вліяніе: онъ всецѣло находится подъ ея властью.

Въ домѣ у Фабриціусъ я провела нѣсколько пріятныхъ часовъ. Они, кажется, страшно богаты, но домъ ихъ не поражаетъ сразу такою роскошью, какъ вилла Авенаріусъ; тамъ царитъ какой-то почти патріархальный уютъ и, лишь осмотрѣвшись, замѣчаешь размѣщенныя со вкусомъ и пониманіемъ рѣдкія произведенія искусства. Я мало понимаю въ немъ, но тутъ я ощутила при видѣ картинъ и статуй истинный восторгъ,—г. Фабриціусъ показывалъ мнѣ ихъ и разъяснялъ каждую въ отдѣльности. Вообще, оба они такъ привѣтливы, что я невольно забываю, насколько ниже ихъ я стою по моему общественному положенію.

Около шести часовъ зашелъ Коля, пріѣхало много дамъ, среди нихъ были извѣстныя феминистки. Разговоръ коснулся женскаго труда и вознагражденія за него. Я могла сказать на основаніи личнаго опыта, что мать моя шила галстухи по двадцати-пяти пфенниговъ за дюжину, а тетя Труда шила прежде простыя блузки, но по тридцати пфенниговъ за штуку,—теперь же шьетъ шолковыя, очень сложныя, по пятнадцати и двѣнадцати марокъ за дюжину. Торговые дома продаютъ между тѣмъ каждую блузку не дешевле двѣнадцати марокъ за штуку. Дамы ужаснулись. Среди присутствующихъ оказалась владѣлица одного изъ такихъ домовъ, г-жа Гейманъ, которая, эксплоатируя бѣдныхъ женщинъ, отдаетъ въ распоряженіе Кристофа Гросса крупныя суммы.

Я снова замѣтила исключительное вниманіе, оказываемое дамами Колѣ. Не будь онъ такъ страшно гордъ и щепетиленъ, онъ могъ бы получить мѣсто, болѣе соотвѣтствующее его дарованіямъ. Камнемъ преткновенія на его пути является Розаура Мальтонъ. Послѣ визита къ Фабриціусъ она опять сдѣлала ему сцену. Чѣмъ все это кончится?

Благодарю васъ за разрѣшеніе писать вамъ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ—ваша Регина.

Берлинъ. Май.

Дорогая, многоуважаемая фрау.

Неужели прошло уже три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я былъ лишенъ радости бесѣдовать съ вами? Я принялъ мѣсто разносчика духовныхъ книгъ при миссіи и знакомлюсь съ людьми нуждающимися и несчастными, болѣе интересными для меня,

чѣмъ общество, которое я встрѣчаю у Авенаріусъ. Съ самой фрау Авенаріусъ и фрейлейнъ Евою Фабриціусъ у меня сохранились дружескія отношенія, но мы не очень часто видимся.

Осенью нашъ журналъ, вѣроятно, выйдетъ въ свѣтъ; всѣ хлопоты беретъ на себя Кристофъ Гроссъ, которому я искренно за это признателенъ. Онъ—самый подходящій человѣкъ и умѣетъ пользоваться прессою.

Въ мартѣ со мною случилась маленькая непріятность. Газекіиль, старый ростовщикъ, у котораго живетъ тетя Труда, былъ найденъ убитымъ, а такъ какъ я—единственный бывавшій въ его домѣ человѣкъ, то меня безъ дальнихъ разговоровъ арестовали и посадили въ тюрьму. Слѣдователь былъ, кажется, eo ipso, убѣжденъ въ моей виновности, и, пожалуй, дѣло затянулось бы, еслибы не мой добрый геній—Розаура. Она явилась къ слѣдователю и заявила, что ночь, въ которую произошло убійство, я провелъ у нея.

Хотя мое заключеніе длилось всего нѣсколько дней, но я съ восторгомъ очутился на свободѣ. Розаура пріѣхала за мною. Она кинулась мнѣ на шею,—никогда не была она такъ молода и обворожительна. Мы поѣхали за городъ,—вы знаете, я обожаю это первое дуновеніе весны. Какъ близки мы съ Розаурой другъ другу, хотя у нея иногда въ тяжелыя минуты раздумья вырываются слова: „Если бы я могла все сказать тебѣ!“—Но я люблю ее и буду любить, еслибы она даже оказалась преступницею.

Когда мы вернулись домой, Регина выбѣжала намъ навстрѣчу. Она была блѣдна какъ покойница, глаза ея горѣли, голосъ обрывался, и покуда я здоровался съ нею, она вдругъ покачнулась и упала на полъ. Ей уже нѣсколько дней нездоровилось, но она все перемогалась; къ вечеру у нея открылся сильнѣйшій тифъ. Розаура самоотверженно ухаживала за нею, но Регина постоянно требовала тетю Труду и умоляла взять ее отсюда. Бредъ ея усиливался, какъ только Розаура подходила къ ея постели, и мы были принуждены перевезти ее въ Елизаветинскую больницу. Непонятная антипатія! Уже и ранѣе у меня на языкѣ вертѣлся вопросъ: что она имѣетъ противъ Розауры?

Теперь Регина на пути къ выздоровленію, и ея маленькое исхудалое личико напоминаетъ мнѣ подругу моихъ дѣтскихъ лей. Фрау Авенаріусъ и фрейлейнъ Фабриціусъ часто ее на-щаютъ; первая встрѣтилась у ея постели съ тетею Трудой, —странное дѣло—обѣ женщины отнеслись другъ къ другу съ льшой симпатіей, хотя фрау Агнеса, кажется, догадывается, мъ была для ея мужа тетя Труда, и жалѣетъ ее.

Супружество Авенаріусъ похоже на элегантное купэ съ опущенными шторами: съ виду все прилично, и никто не возмущается тѣмъ фактомъ, что мужъ развлекается на сторонѣ, а жена мечтаетъ о любви, не рѣшаясь протянуть руку къ запретному плоду.

За это время мнѣ приходилось присматриваться къ феминисткамъ и спорить съ ними. Женское движеніе въ Германіи похоже на широкое бурное озеро: много шуму и плеску, но вся эта сила остается безъ примѣненія. Нѣтъ организаціи и весь пылъ изливается въ словахъ. Исключеніе среди такихъ дѣятельницъ составляетъ фрейлейнъ Ева Фабриціусъ; несмотря на свой сильный дѣятельный темпераментъ, она далека отъ слѣпого фанатизма,—она твердо и неуклонно идетъ къ цѣли. Въ Эдуардѣ Фабриціусъ есть, наоборотъ, нѣчто—но въ лучшемъ смыслѣ слова—женственное. Онъ слабаго здоровья, мало понимаетъ въ дѣлахъ, знатокъ искусства и литературы. Его участіе въ дѣлахъ ограничивается „пристройствомъ“ какого-нибудь бѣдняка, который, подобно Гогендорфу, оказывается совершенно непригоднымъ къ какому бы то ни было дѣлу и кончаетъ бѣгствомъ изъ конторы.

Обезпеченность моихъ друзей длилась ровно двѣ недѣли, хотя, конечно, онъ получилъ жалованье за мѣсяцъ. Бо́льшая часть денегъ была истрачена въ первые же дни; на оставшіеся гроши они перебивались въ теченіе трехъ недѣль, а затѣмъ Гогендорфъ исчезъ съ горизонта, и жена его не знала, куда онъ дѣвался? Фрау Ганнеле, вѣроятно, умерла бы съ голоду, если-бы я не взялъ у нея квартиру. Въ концѣ концовъ доброе сердце фрейлейнъ Евы побѣдило, и она заѣхала узнать, что̀ съ нею? Бѣдняжка сокрушалась о своемъ мужѣ,—она уже цѣлую недѣлю не имѣла о немъ вѣстей,—но покуда мы совѣтовались о томъ, что̀ предпринять, дверь отворяется и входитъ распредовольный и сіяющій—самъ Гансъ-Леонгардъ! Фрау Ганнеле кинулась ему на шею—и всѣ тревоги были позабыты.

Онъ поспѣшилъ повѣдать намъ о своихъ приключеніяхъ: его пріютилъ у себя одинъ пріятель, кафе-шантанный рецензентъ, у котораго онъ познакомился съ „артисткою“ фрейлейнъ Лолою Грейфъ, захватившею все его существо.

— Я люблю ее, безумно люблю!—восклицалъ онъ въ порывѣ восторга.

— Господи Боже мой!—воскликнула фрау Ганнеле, и крупныя слезы заструились у нея изъ глазъ.

— Въ теоріи только, по всей вѣроятности?—спросила фрейлейнъ Ева.

— Въ теоріи?— повторилъ непринужденно Гансъ-Леонгардъ: —Какъ такъ? Почему? Я надѣюсь найти въ ней спутницу жизни. Развѣ любовь не есть нѣчто дивное, восхитительное, божественное?

— Или все это—очень плохая шутка съ вашей стороны, или измѣна!—воскликнула она возмущенно.

— На это я могу вамъ отвѣтить, милая фрейлейнъ, что вы совершенно не знаете любви!—отвѣтилъ онъ съ дружелюбною кротостью:—Это—величайшая милость Божія, и вы унижаете себя тѣмъ, что называете подобное чувство—измѣною!

— Онъ правъ! Это не измѣна!—воскликнула Ганнеле, рыдая.

— Любовь—удѣлъ избранныхъ; она не подлежитъ критикѣ, она зарождается какъ голодъ и жажда...

— Нѣтъ, я не стану упрекать его!—воскликнула Ганнеле грознымъ голосомъ трагической актрисы. — Человѣкъ долженъ нести свой крестъ... Вѣдь ты все-таки будешь любить меня немножко, Гансъ-Леонгардъ?

— Ну, конечно, мышка! — воскликнулъ онъ съ сіяющимъ лицомъ и прижалъ ее къ себѣ.—Сердце мое подобно семейному дому: лучшая комната въ немъ принадлежитъ моей женѣ, но кто можетъ ставить мнѣ въ вину, если я вздумаю заглянуть и въ другую комнату, когда тамъ свѣтитъ солнце?

— Очень остроумно! А вы что скажете на это, г. Доденшейтъ?—спросила фрейлейнъ Ева.

— Это—личный вопросъ,—отвѣтилъ я уклончиво, и она съ нѣкоторой демонстративностью встала, со словами:

— Какимъ образомъ намѣрены вы позаботиться о вашей женѣ, г. Гогендорфъ?

— Это какъ-нибудь устроится... Въ настоящее время я ищу капиталистовъ. Я основываю общество для устройства чтеній, собраній, концертовъ, а вслѣдъ затѣмъ и кружокъ, гдѣ мои теоріи о любви будутъ примѣняться на практикѣ.

— Желаю вамъ успѣха!

Дорогою фрейлейнъ Ева негодовала. Я попробовалъ заступиться за Ганса-Леонгарда, но она прервала меня:

— Послушайте, г. Доденшейтъ, вы—человѣкъ, къ которому относится серьезно. Ваши планы—какъ бы фантастичны они ни были—благородны и возвышенны. Неужели вы можете опра[ды]вать этого человѣка, бѣдная маленькая жена котораго готова [с] улыбкою голодать ради него, а онъ разбиваетъ ей сердце [р]ѣстіемъ о своей новой любви и спутницѣ жизни? Потому [что] она глупа и лишена чувства собственнаго достоинства... Я [об]ъясню ей...

Я взялъ ее за руку.

— Вы этого не сдѣлаете! Вы не отнимете у нея послѣднюю иллюзію, эту спасительную ложь: ея вѣру въ мужа и въ его исключительность. Несмотря на кафешантанное интермеццо, она любитъ его, и онъ любитъ ее. Теперь она счастлива возможностью пострадать за него, быть мученицей великой идеи...

Она съ секунду помолчала.

— Странный вы человѣкъ, г. Доденшейтъ! Но вы правы,— къ этимъ людямъ нужно подходить съ особою мѣркою. Эдуардъ навѣрное заинтересуется этою средой.

Мы простились. Я посмотрѣлъ ей вслѣдъ, и видѣлъ, какъ удалялась ея стройная, гибкая фигура. Я думаю, что Ева Фабриціусъ могла бы дать человѣку большое счастье. Говорю это вамъ, а не Розаурѣ, такъ какъ она, къ сожалѣнію, страдаетъ ревностью.

Розаурѣ сначала не хотѣлось быть на художественномъ вечерѣ у г. Монблатта, друга Гогендорфа, но я убѣдилъ ее пойти, а также—и тетю Труду, которая жизнерадостна, несмотря на свои пятьдесятъ-четыре года, и всегда благодарна за маленькое развлеченіе.

Подниматься на пятый этажъ было трудновато, но квартира оказалась очень миленькой, убранной въ декадентскомъ стилѣ стараніями хозяина и двухъ его пріятелей-художниковъ.

Публика оказалась въ полномъ смыслѣ „пестрая“: дамы въ театральныхъ туалетахъ и въ „реформахъ“, напомнившихъ мнѣ „союзъ мудрыхъ“, справлявшихъ свои мистеріи въ Грунвальдѣ. Мужчины были во фракахъ, смокингахъ, курткахъ и даже—въ тогахъ.

Гансъ-Леонгардъ принималъ гостей съ любезностью вельможи прежнихъ временъ и съ величайшею непринужденностью рекомендовалъ имъ „свою дорогую подругу“, Лолу Грейфъ, очень высокую, рыжеволосую, накрашенную дѣвицу. Ганнеле была въ изумительномъ нарядѣ, представлявшемъ на мой малоопытный взглядъ комбинацію изъ бѣлой короткой юбки и ночной рубашки. Волосы ея, распущенные по спинѣ, были украшены вѣнкомъ розъ, бывшимъ прежде на шляпкѣ. Она держалась и говорила въ духѣ Ифигеніи, а такъ какъ она привыкла за эти годы смотрѣть на все глазами своего мужа, то и сама она была въ восторгѣ отъ Лолы Грейфъ.

— Она замѣчательная, выдающаяся женщина!—говорила она каждому, кто подходилъ къ ней.—У меня нѣтъ предразсудковъ,

но что за польза въ словахъ, если мы не проводимъ нашихъ принциповъ на дѣлѣ? Я нахожу удовлетвореніе въ томъ, что служу примѣромъ для другихъ женщинъ. У мужа моего новая избранница,—что же дѣлать? Любовь—священна...

Сознаніе, что она поступаетъ какъ героиня, было такъ сильно, что на ряду съ нимъ стушевывалось чувство истиннаго страданія.

Въ одной изъ комнатъ былъ буфетъ съ самою разнообразною ѣдою: г. Фабриціусъ прислалъ корзину съ шампанскимъ, сестра его—гигантскую бомбу ананаснаго мороженаго; тутъ же рядомъ красовались колбасы, шоколадъ, печенье, пряники и многое другое.

Въ одной изъ комнатъ устроили эстраду; пѣніе и декламація серьезнаго и веселаго характера—слѣдовали одно за другимъ, и Фабриціусъ замѣтилъ, что онъ давно уже такъ не веселился, какъ на этомъ вечерѣ берлинской богемы. Фрейлейнъ Ева была нѣсколько сдержанна, на лицѣ Розауры выражалось неудовольствіе, но тетя Труда съ дѣтскимъ интересомъ слѣдила за всѣмъ происходившимъ на сценѣ.

Гансъ-Леонгардъ и рыжая Лола составляли центръ. Вечеръ сводился въ сущности къ празднованію этой „помолвки“. Г. фонъ Вильде произнесъ рѣчь о значеніи „свободной, единственной, истинно-божественной и человѣческой любви“. При громкихъ кликахъ восторга, подъ громъ рояля, визгъ скрипокъ и царапанье арфъ, Гансъ-Леонгардъ появился на эстрадѣ со своими двумя женами—по правую и лѣвую руку. Ганнеле улыбалась—гордая и счастливая, Гансъ-Леонардъ сіялъ, а Лола напустила на себя трагическій видъ...

Фрейлейнъ Ева поднялась и демонстративно отодвинула стулъ.

— Противно глядѣть на это! — громко проговорила она, обернувшись спиною къ сценѣ. Я пошелъ за нею, она продолжала возмущаться. Она пріѣхала сюда съ самымъ искреннимъ намѣреніемъ относиться ко всему снисходительно, но возможно ли видѣть безъ отвращенія эту комедію, это глумленіе надъ всѣмъ, что есть у человѣка святого и завѣтнаго?

— Они относятся къ этому вполнѣ серьезно,—возразилъ я,— и несмотря на всю путаницу понятій, быть можетъ, въ душахъ ихъ бываетъ иногда чище, нежели въ душѣ истинно бурзнаго человѣка...

— Можетъ быть... У брата моего есть нѣкоторая слабость къ богемѣ. А кто такая въ сущности эта фрау Мальтонъ?

— Моя подруга.

— Вотъ какъ!—отвѣтила она коротко.—Мнѣ хотѣлось знать: принадлежитъ ли она тоже къ этой компаніи?

— Насколько мнѣ извѣстно—нѣтъ,—отвѣтилъ я и невольно обернулся въ сторону Розауры.

Хотя она сидѣла въ сосѣдней комнатѣ, я замѣтилъ, что она была блѣдна какъ смерть. Передъ нею стоялъ человѣкъ, размахивавшій руками какъ безумный и восклицавшій:

— Розаура, ангелъ мой! Какъ намъ пришлось свидѣться!

Я поспѣшилъ къ нимъ и схватилъ ея похолодѣвшую руку.

— Поѣдемъ домой?—спросилъ я, но она покачала головою. Кто-то закричалъ:

— Сейчасъ будетъ читать фрейлейнъ Лола Грейфъ!

На эстраду поставили стулъ съ высокою спинкой, набросили на него красный плюшъ. Лола Грейфъ опустилась въ него, откинула рыжеволосую голову на спинку, глубоко вздохнула и проговорила голосомъ слабымъ какъ дыханіе.

— „Убійца дѣвушекъ"!

Гробовымъ голосомъ, съ паузами, вздохами, заламываніемъ рукъ и вращаніемъ глазъ, разсказала она страшную повѣсть о Джекѣ-потрошителѣ, упивающемся агоніей своихъ жертвъ, о сладострастномъ палачѣ. Нумеръ этотъ былъ такъ ужасенъ, что мнѣ вдругъ неудержимо захотѣлось расхохотаться... Въ ту же минуту позади меня раздалось подозрительное всхлипываніе... Я обернулся и увидѣлъ веселые глаза Евы Фабриціусъ. Долго сдерживаемый заразительно-веселый смѣхъ ея звонко раздался на всю залу и былъ дружно подхваченъ большинствомъ публики...

Лола Грейфъ поднялась и, бросивъ въ нашу сторону уничтожающій взглядъ, покинула эстраду, несмотря на убѣжденія поклонниковъ ея таланта.

Лицо ея искривилось, она готова была заплакать. Ея „боевой" нумеръ! Гансу пришлось утѣшать ее.

— Теперь я намѣрена читать!—заявила громко Розаура:—нѣчто драматическое, трагическое даже.

Она кинула аккомпаніатору: „Лиза-бродяжка!" и, выдернувъ пару стрѣлъ изъ волосъ, распустила ихъ по плечамъ шелковистымъ покрываломъ, дико-живописно обрамившимъ ея тонкое личико. Это — извѣстная пѣсенка, слышанная мною ранѣе десятки разъ, но теперь я слышалъ ее впервые,—исторію найденыша съ горячею кровью, озлобленнаго, безшабашнаго существа.

Воровкой мать моя была,
Она въ больницѣ умерла;
Отъ пьянства умеръ мой отецъ, —
Такой же будетъ мнѣ конецъ.
Ни съ кѣмъ не стану подъ вѣнецъ,
Я полюблю—кого хочу,
И съ горя только хохочу,
И хохочу!.. И хохочу!

Въ биткомъ набитыхъ комнатахъ царила полная тишина, и каждое слово падало какъ ударъ бича. Что-то особое чувствовалось въ этомъ исполненіи и хватало за сердце. Тутъ не было погони за эффектомъ, но скорѣе угадывалось нѣчто пережитое, перечувствованное. Сильные аккорды участились.

Пускай я зла—не я виной
Тому, что сдѣлали со мной!

Успѣхъ былъ оглушительный. Розаура равнодушно раскланялась, подобрала волосы и вернулась на свое мѣсто. Я хотѣлъ заговорить съ нею о томъ, что проснулось во мнѣ подъ впечатлѣніемъ ея пѣсенки, и—не посмѣлъ...

Но письмо рискуетъ обратиться въ цѣлый фоліантъ, и тогда вы не прочтете его. Привѣтъ и до свиданія.—Вашъ К. Д.

Heiligendamm, 4-го іюля.

Дорогая, многоуважаемая фрау.

Не знаю, писалъ ли вамъ Коля, что я нѣсколько мѣсяцевъ проболѣла тифомъ и поправлялась такъ медленно, что фрейлейнъ Ева перевезла меня сюда, гдѣ мы находимся уже три недѣли, и я чувствую, что становлюсь крѣпче съ каждымъ днемъ. У насъ настоящая кукольная вилла, и я живу какъ въ раю. Со вчерашняго дня и г. Фабриціусъ съ нами. Утромъ я лежу по цѣлымъ часамъ на пескѣ, и море улыбается мнѣ своимъ яснымъ синимъ взоромъ. Теперь, ближе узнавъ фрейлейнъ Еву, я на многое смотрю ея глазами, въ томъ числѣ—и на женское движеніе, которое я была склонна считать чуть ли не вздоромъ, хотя мы съ тетей Трудой работали изъ-за куска хлѣба и насъ также эксплоатировали, какъ сотни тысячъ другихъ женщинъ, пользуясь ихъ безпомощностью и безправностью. Я не подозрѣвала, до какой степени женщина безправна передъ закономъ, до какой степени она беззащитна. Что вы объ этомъ думаете, многоуважаемая фрау?

Фрейлейнъ Ева практически работаетъ надъ осуществленіемъ плана для облегченія участи женщинъ. Она намѣрена основать

преимущественно въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ сосредоточивается ночная жизнь Берлина, мастерскія женскаго труда и пріюты, куда будутъ приниматься женщины безъ всякихъ предварительныхъ о нихъ справокъ. Дѣло задумано на широкихъ основаніяхъ, и она вкладываетъ въ него всю свою душу.

Здѣсь много берлинцевъ, между прочимъ—фрау Авенаріусъ и Кристофъ Гроссъ. Она гораздо болѣе расположена въ сущности къ Колѣ, но Кристофъ Гроссъ не даетъ ей покоя, и осенью онъ, вѣроятно, заберетъ изданіе въ свои руки. Вчера вечеромъ мы встрѣтили ихъ въ темной рощѣ, они шли рука-объ-руку, какъ заблудившіяся дѣти; онъ все говорилъ, а она слушала его какъ лунатикъ — даже страшно было глядѣть на нее...

Вы подумаете, что отъ праздности я начинаю сплетничать? Но у меня мало новостей. Могу только сказать, что второй незаконный бракъ г. фонъ-Гогендорфа скоро разстроился: его псевдо-супруга сбѣжала отъ него съ актеромъ, и онъ вернулся къ своей женѣ. Фрейлейнъ Ева убѣдила ее поступить на курсы—освѣжить ея познанія во французскомъ и англійскомъ языкахъ; осенью она обѣщаетъ достать ей учениць. Сначала онъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы жена его „работала“, но фрейлейнъ Ева съумѣла убѣдить и его.

О Колѣ я на этотъ разъ немногое могу сообщить вамъ. Онъ въ В. съ фрау Мальтонъ и на мои письма отвѣчалъ парою небрежно нацарапанныхъ открытокъ.

Я не скрыла отъ фрейлейнъ Евы моего мнѣнія о фрау Мальтонъ, но она считаетъ ее скорѣе нравственно исковерканной и несчастной, чѣмъ дурною женщиной.

Хотѣла бы еще поболтать съ вами, но я скоро устаю, а потому кончаю просьбою о нѣсколькихъ строкахъ отвѣта.—Сердечно преданная вамъ Регина.

Heiligendamm, 16 августа.

Вчера вечеромъ мы получили извѣстіе, что Коля женился на фрау Мальтонъ.

Дорогая, уважаемая фрау, что вы на это скажете? Я боялась этого, но не смѣла самой себѣ признаться въ своихъ опасеніяхъ. Письмо его совершенно меня оглушило; я молча подала его фрейлейнъ Евѣ. Она спокойно его прочитала, только сильно поблѣднѣла при этомъ и сказала мнѣ:—„Не волнуйтесь, Регина: вашъ братъ знаетъ, что дѣлаетъ“.

Я не волнуюсь. Мнѣ только безконечно жаль его, но я не

страдаю отъ мысли о томъ, что онъ женился на другой женщинѣ. Вѣроятно, въ концѣ концовъ, я любила его только сестринскою любовью. Онъ былъ для меня идеаломъ, и я внушила себѣ любовь къ нему, но затѣмъ я долго боролась съ собою и побѣдила это чувство. Мнѣ кажется, что люди носятъ въ самихъ себѣ способность быть счастливыми.

Нѣкоторымъ людямъ самая малость доставляетъ удовольствіе, другихъ же ничѣмъ нельзя удовлетворить. Счастье—даръ, который волшебница кладетъ въ колыбель ребенку, и, между нами говоря, Коля именно потому пожелалъ быть проповѣдникомъ счастья, что самъ онъ никогда не будетъ чувствовать себя счастливымъ. Фрейлейнъ Ева—счастливая натура, братъ ея—нѣтъ. Г. Эдуардъ—мечтатель и склоненъ къ меланхоліи, хотя онъ молодъ, богатъ, здоровъ. Порою онъ сидитъ съ такимъ видомъ, словно на плечахъ его лежитъ бремя цѣлаго міра, и когда я вывожу его изъ задумчивости какимъ-нибудь простымъ вопросомъ, онъ весь вздрагиваетъ. На дняхъ онъ поглядѣлъ на меня и сказалъ:—„Какой запасъ свѣта накопился въ васъ, фрейлейнъ Регинхенъ! Ваши глаза такъ и брызжутъ весельемъ и смѣхомъ!“

Да, слава Богу! Я часто бываю такъ весела, ощущаю такой приливъ силъ, что мнѣ хочется широко раскинуть руки и вскрикнуть отъ восторга! Дома у меня столько работы накопилось, а я сижу здѣсь, бездѣльничаю и позволяю себя баловать. Я хотѣла вернуться въ Берлинъ, но меня еще не пускаютъ. Г. Ари—уменьшительное отъ Эдуарда — пишетъ трактатъ о воспитаніи человѣчества въ духѣ этики. Иногда онъ прочитываетъ мнѣ отрывки изъ него, и не сердится, если я рѣшаюсь высказывать свои сужденія. Иногда мнѣ удается разсмѣшить его. Онъ часто говоритъ мнѣ: —„Смѣйтесь, фрейлейнъ Регинхенъ, смѣхъ — гигіена души. А вашъ смѣхъ — музыка и укрѣпляющее средство для больныхъ и слабыхъ нервовъ“.

Но я обо всемъ болтаю съ вами. Простите. Тысяча привѣтствій.—Глубокоуважающая васъ ваша Регина.

Берлинъ. Сентябрь.

Ваше поздравленіе, дорогой другъ, имѣетъ привкусъ горечи и пахнетъ соболѣзнованіемъ и иммортелями,—нечего грѣха таить. и самъ не безъ нѣкотораго скептицизма отношусь къ брач-ымъ узамъ, но такъ *нужно* было поступить.

Вы спросите: почему? Этотъ вопросъ касается въ сущности ько меня и моей жены, но исповѣдь моя была бы неполна, ибы я скрылъ отъ васъ истину.

Годъ тому назадъ я разсказалъ вамъ о моемъ знакомствѣ въ лѣтнюю ночь съ женщиной, въ которой, подъ покровомъ нѣкоторой таинственности, я угадалъ человѣка выдающагося. Съ теченіемъ времени наша связь все крѣпла, хотя я не скрывалъ отъ себя чисто человѣческихъ недостатковъ моей подруги. Я чувствовалъ, что въ жизни у нея есть большое горе, но не торопилъ ее признаніемъ, зная, что минута для этого придетъ. И она пришла — іюньской лунной ночью на балконѣ нашей дачи въ Ваннзее.

Мальтонъ — ея настоящая фамилія; она была замужемъ за барономъ, носившимъ эту фамилію, — онъ былъ ея единственнымъ законнымъ мужемъ. Послѣ его разоренія и смерти, она вела многіе годы довольно безпорядочную жизнь, „жизнь въ стыдѣ и грѣхѣ" — сказали бы люди, но я скажу: несчастную и тревожную жизнь. Случай свелъ ее съ человѣкомъ нравственно погибшимъ, бывшимъ адвокатомъ, и она долго съ нимъ жила. Затѣмъ они разошлись, но по временамъ сходились снова. У него были непріятныя столкновенія съ закономъ, и она оказалась въ это замѣшана. Ея состояніе — она получила большую сумму въ видѣ отступного отъ семьи человѣка, желавшаго на ней жениться, — почти растаяло въ его рукахъ. У нея осталась лишь небольшая рента. При этомъ онъ билъ ее, даже угрожалъ ея жизни, и несмотря на это, она не имѣла мужества съ нимъ порвать, что по-моему психологически вѣрно. Этотъ человѣкъ словно загипнотизировалъ ее. Она собиралась покончить съ собою, но это показалось ей малодушіемъ.

Чувствуя однако, что она стоитъ на краю гибели, она открылась мнѣ. Конечно, она погибла бы, еслибы я не предложилъ подать ей руку помощи и защитить ее отъ козней и вліянія злого генія ея жизни.

Разумѣется, я не задумался ни на одну минуту и просилъ ее быть моею женой.

Я не отрицаю, что мнѣ было тяжело пожертвовать моею личною свободой. Но что это значитъ? Не первое ли это условіе для общечеловѣческаго счастья — жертвовать въ пользу другихъ своими личными склонностями и желаніями? Какъ могъ я не исполнить желаніе Розауры? Вѣдь я люблю ее. Она на двѣнадцать лѣтъ старше меня, но что же изъ того? Для долгой семейной жизни важнѣе всего внутренняя зрѣлость насъ обоихъ и духовныя качества, которыя не вянутъ и не старѣются. Или ея прошлое должно было оттолкнуть меня? Но вѣдь вамъ извѣстны мои взгляды на то, что называютъ грѣхомъ.

Послѣ признанія Розауры я понялъ, что намъ необходимо обвѣнчаться. На слѣдующій же день я предпринялъ необходимые шаги, и мѣсяцъ спустя мы сыграли тихую свадьбу.

Гансъ фонъ-Гогендорфъ и издатель „Хрустальнаго Зеркала“,— маленькое изданіе по вопросамъ этики, въ которомъ я работаю,— были моими единственными свидѣтелями. Это избавило меня отъ предупрежденій, соболѣзнованій, выраженій изумленія и совѣтовъ (отъ послѣднихъ не воздержались бы и вы).

Нашъ такъ называемый медовый мѣсяцъ мнѣ пришлось посвятить не особенно пріятной задачѣ — распутыванію финансовыхъ дѣлъ моей жены. Въ итогѣ получается крупный дефицитъ. Съ 1-го октября мы переѣзжаемъ на маленькую дешевую квартиру, а продажею обстановки надѣемся временно удовлетворить кредиторовъ. Я готовъ довольствоваться самымъ малымъ, но боюсь, что для моей жены, привыкшей къ комфорту, трудно будетъ отъ него отказаться.

Во всякомъ случаѣ мы довѣрчиво и бодро смотримъ впередъ.

Вы спрашиваете меня: счастливъ ли я? Да. Я былъ счастливъ, и это не измѣнилось. Мнѣ хотѣлось бы только одного: заинтересовать мою жену хорошимъ настоящимъ дѣломъ, которое захватило бы ее всю. Она все еще терзается внутренней тревогой, которая порою не даетъ ей спать по ночамъ и заставляетъ ее цѣлыми часами бѣгать по комнатамъ. Трудъ — единственное средство забвенія, онъ одинъ отвлекаетъ отъ мучительныхъ мыслей...

Фрейлейнъ Фабриціусъ вся поглощена теперь устройствомъ мастерскихъ для погибшихъ женщинъ, этихъ „несчастнѣйшихъ изъ несчастныхъ“, которымъ дается такимъ образомъ возможность вернуться на честный путь, но она жалуется на недостатокъ энергичныхъ, преданныхъ дѣлу помощницъ. Къ сожалѣнію, Розаура совсѣмъ на это не реагируетъ; ею овладѣла idée fixe, что дамы изъ общества относятся къ ней нехорошо и не прощаютъ ей уклоненія въ сторону отъ буржуазной морали. Это предположеніе дѣлаетъ ее рѣзкою и заставляетъ сторониться отъ людей, и я былъ бы очень доволенъ, еслибы могъ переубѣдить ее.

Въ „Хрустальномъ Зеркалѣ“ я состою теперь помощникомъ редактора — дѣятельность скромно оплачиваемая, но вполнѣ меня удовлетворяющая. Издатель — другъ г. фонъ Вильде, основателя трехъ-степеннаго „кружка мудрыхъ“; онъ заинтересовался моею брошюрой „Мысли о счастьи“ и пригласилъ меня работать у него. Это для меня тѣмъ удобнѣе, что Кристофъ Гроссъ окон-

чательно беретъ на себя веденіе новаго журнала. Въ іюнѣ фрау Авенаріусъ часто вызывала меня къ себѣ, и хотя мнѣ, буквально, приходилось урывать для этого часы, я охотно бывалъ у нея, такъ какъ она находилась въ очень подавленномъ состояніи, и я считалъ своею обязанностью дать ея мыслямъ другое направленіе.

Мало-по-малу мнѣ удалось глубже заглянуть въ ея душу, и я убѣдился въ полномъ крушеніи ея семейнаго счастья, а также и въ томъ, что я недостаточно высоко цѣнилъ ее. Хотя она была мнѣ очень симпатична и очень интересовалась отвлеченными вопросами, она показалась мнѣ недостаточно глубокою натурой. Я не такъ глупъ и самонадѣянъ, чтобы вообразить, что такая очаровательная, элегантная, окруженная поклоненіемъ женщина, какъ фрау Агнеса, больше заинтересована моею личностью, чѣмъ моими идеями. Если же то и другое сливается въ ея глазахъ въ нѣчто цѣльное, то причиною этому—лишь болѣзненное исканіе, неудовлетворенность въ семейной жизни и сильный индивидуализмъ, который я подмѣтилъ въ ней. Ея настойчивые вопросы, пылкость ея рѣчей — часто смущали меня. Но это—общая черта всѣхъ нравственно неудовлетворенныхъ женщинъ ея круга, отчасти эгоистокъ по природѣ. Эгоизмъ присущъ имъ настолько же, насколько пушокъ на верхней губѣ—сильнымъ брюнеткамъ.

Фрау Авенаріусъ и Розаура—двѣ различныхъ по воспитанію, образу жизни, привычкамъ и соціальному положенію женщины, но у нихъ есть много общаго.

Въ обѣихъ—то же мучительное исканіе, тревога, полная неуравновѣшенность въ вопросахъ духа и плоти. Если бы Розаура была поставлена въ тѣ же условія какъ и фрау Агнеса, она была бы во всемъ схожа съ нею, и — наоборотъ.

Однажды фрау Авенаріусъ предложила мнѣ поѣхать съ нею къ морю или еще куда-то. Я отклонилъ это,—во-первыхъ, потому что средства мои не позволяютъ мнѣ такого дорогого развлеченія, а быть гостемъ дамы, хотя бы въ лестномъ качествѣ ея секретаря,—я не могу, и наконецъ потому еще, что здѣсь есть люди, которымъ я необходимъ.

Она обидѣлась, сдѣлалась рѣзка, и я ушелъ отъ нея съ сознаніемъ, что дружбѣ нашей—конецъ, что доставило мнѣ тайное облегченіе...

Прошла недѣля. Я полагалъ, что фрау Агнеса находится уже въ Нордернеѣ или въ Сенъ-Морисѣ, какъ вдругъ однажды вечеромъ, возвращаясь часовъ въ одиннадцать, страшно усталый, въ свою „мансарду“, я встрѣтилъ даму подъ вуалью, которая

быстро подошла ко мнѣ, взяла меня подъ-руку и стала просить меня провести ее въ мою комнату. Я былъ пораженъ, узнавъ фрау Авенаріусъ. Оказалось, что она два часа проходила по улицѣ, ожидая моего возвращенія...

Пробормотавъ что-то непонятное, я отворилъ дверь моимъ ключомъ, взялъ огарокъ, и мы стали подниматься вверхъ по узкой лѣстницѣ въ пятый этажъ.

Когда мы добрались до верху, огарокъ погасъ, но въ косое окно мансарды глядѣлъ мѣсяцъ, и его серебристое сіяніе словно разливало благоуханіе въ моемъ невзрачномъ жилищѣ и настраивало нервы на особый ладъ. Положеніе было странное,—я какъ-то не могъ выговорить ни слова, хотя чувствовалъ необходимость облегчить моей гостьѣ неловкость первыхъ мгновеній... Я сталъ шарить, ища спичекъ, но она схватила мою руку—я услышалъ ея прерывистое дыханіе и не былъ въ силахъ произнести глупѣйшее условное: „уважаемая фрау"...

Я спросилъ тихо и мягко, насколько могъ:

— Что съ вами? Что привело васъ ко мнѣ, фрау Агнеса?

Тогда она воскликнула:

— Вы, вы сами! Мнѣ недоставало васъ... Я должна была пойти къ вамъ, хотя бы мнѣ пришлось идти двадцать часовъ... Къ вамъ... къ тебѣ... Ради тебя...

Она упала ко мнѣ въ объятія и рыдала, и въ безсвязныхъ словахъ шептала мнѣ на ухо страстныя спутанныя признанія, говорила о борьбѣ, о побѣдѣ любви, о томъ, какъ она стыдилась и готова была почти возненавидѣть меня за то, что я не понялъ ее, и какъ она все-таки не выдержала и собственными руками приноситъ мнѣ въ даръ свою любовь...

Обстановка у меня очень скудная: ни софы, ни стола, ни стульевъ. На единственной табуреткѣ лежатъ книги. Поэтому я посадилъ фрау Агнесу на кровать рядомъ съ собою, взялъ ея маленькія руки лѣвою рукою, а правою обнялъ ее и, прислонивъ ея головку къ моему плечу, заговорилъ съ нею успокоительно, утѣшительно, ласково, какъ говорятъ съ плачущими дѣтьми...

Не хочу выставлять себя лучше, чѣмъ я — въ дѣйствительности. Я—не святой, я—человѣкъ, какъ и всѣ. Мнѣ ничего бы не стоило отблагодарить эту милую женщину за ея смѣлый поступокъ—искренней нѣжностью... Тихій полночный часъ способствовалъ настроенію; комната моя была полна цвѣтовъ, на подоконникѣ благоухали бѣлыя розы и анемоны, стоялъ букетъ сирени, принесенный мнѣ Розаурой. Цвѣты изливали свою благодатную жизнь,—я ослабѣлъ, и мнѣ трудно было бороться про-

тивъ искушенія. Будь міръ такимъ, какимъ онъ долженъ быть, т.-е. Эдемомъ, полнымъ добрыхъ, веселыхъ, счастливыхъ, чуждыхъ злу людей, радующихся жизни и незнакомыхъ съ угрызеніями и душевнымъ разладомъ — я безъ раздумья взялъ бы то, что принесла мнѣ лѣтняя ночь, и далъ бы взамѣнъ такое же счастье. Но вслѣдъ за лунной ночью съ ея волшебными чарами — я уже видѣлъ сѣрыя будни съ ихъ разочарованіемъ, и ради нея,— не ради себя,—я сталъ пытаться успокоить ее. Я убѣждалъ ее, что ея влеченіе ко мнѣ было ошибкою, тоскою по счастьи, но счастье придетъ къ ней, когда она этого пожелаетъ...

Сначала она слушала меня, потомъ вырвалась и внѣ себя, хрипло и громко заговорила, почти закричала:

— Все это—неправда!.. Всѣ ваши рѣчи—туманъ... Вздоръ! Одни слова... Вы никого не можете убѣдить въ томъ, что онъ счастливъ... Духъ и тѣло неразрывно связаны, ихъ нельзя отдѣлить одно отъ другого. Впрочемъ—нѣтъ! Человѣкъ можетъ жить безъ духа, сдѣлавшись подобенъ животному. Но духъ безъ тѣла— ничто, обманъ, призракъ... Вся ваша отвлеченная теорія счастья— хороша для разговоровъ за чайнымъ столомъ, но сердце тутъ ни-причемъ. Я голодаю, а ты предлагаешь мнѣ цвѣты! Я жажду, а ты развертываешь передо мною чудную книгу, говорящую о томъ, какъ можно утолить жажду! Я хочу жить, хочу извѣдать счастье—настоящее, человѣческое...

Я хотѣлъ схватить ея руку, но она отдернула, все ея нѣжное личико было искажено, истерическія рыданія закипали у нея въ горлѣ, ея изящное самообладаніе, ея благовоспитанность покинули ее, и та врожденная пошлость, которая присуща—увы!— почти каждому человѣку,—вырвалась наружу.

— Вотъ благодарность за все, что я для васъ сдѣлала! Я готова была жертвовать какія угодно суммы для вашего дѣла, я приняла васъ — никому невѣдомаго человѣка—въ мой кругъ! И все это — для того, чтобы вы теперь отвергли меня, унизили меня, какъ самую послѣднюю?.. О, Боже! Чего бы я только не сдѣлала для васъ! На какую высоту я хотѣла поставить васъ! А вы промѣняли меня на женщину, которая отличается отъ самыхъ презрѣнныхъ тварей только своими претензіями... Вотъ вашъ вкусъ! Какая гадость!..

Я отказался отъ надежды успокоить взволнованную женщину. Она кинулась къ двери, я проводилъ ее внизъ, и мнѣ удалось схватить ея руку, но она рѣзко вырвала ее у меня и со словами: „Мы никогда больше не увидимся!“—быстро побѣжала по улицѣ и сѣла въ стоявшій неподалеку экипажъ.

Я долго просидѣлъ безъ сна; у меня было тяжело на душѣ. Моя радостная увѣренность въ себѣ была потрясена. Моя теорія—тѣнь и призракъ! Словами никого нельзя сдѣлать счастливымъ. И это сказала мнѣ она, — въ обращеніи которой я былъ почти увѣренъ.

Недѣли двѣ спустя, Гроссъ написалъ мнѣ съ морскихъ купаній, что онъ принимаетъ на себя веденіе изданія по желанію фрау Авенаріусъ, которая находитъ, что я мало интересуюсь этимъ дѣломъ, и надѣется, что я ничего не буду имѣть противъ этого. Разумѣется, я ничего не имѣю...

„Хрустальное Зеркало“ — выходитъ дважды въ мѣсяцъ. Его задача—служить объективнымъ отраженіемъ политическихъ, соціальныхъ и этическихъ вопросовъ, волнующихъ наше время. Ничего положительно объективнаго въ мірѣ нѣтъ, и въ „Зеркалѣ“, конечно, отражаются воззрѣнія его издателя и редактора—Теобальда Кринаки.

Этотъ человѣкъ слыветъ чудакомъ, что означаетъ во всякомъ случаѣ отличіе отъ людей заурядныхъ. Онъ живетъ Діогеномъ—не въ бочкѣ, но въ мансардѣ, подобной моей, питается исключительно хлѣбомъ, овощами и молокомъ; онъ не пьетъ вина и взялъ съ меня обѣщаніе, что я не буду пить. У себя на чердакѣ онъ ходитъ почти безъ одежды, такъ какъ считаетъ грѣхомъ прикрывать „всякими лохмотьями и лоскутьями“ тѣло, созданное по образу и подобію Божію.

Я получаю сто-пятьдесятъ марокъ въ мѣсяцъ, но работаю всего часа три въ день. Разъ въ мѣсяцъ я пишу обозрѣніе на современныя темы. Затѣмъ я могу писать что угодно и сколько угодно,—за статьи платится особо. Нынѣшнія газеты и еженедѣльники такъ составляются, что они способствуютъ оглупѣнію и опошленію читателя; онѣ подаютъ ему умственную пищу въ такомъ видѣ, что ему уже не надъ чѣмъ задумываться, онъ совершенно избавленъ отъ процесса мышленія. Быть можетъ, въ этомъ кроется помѣха широкому распространенію нашего органа, который все-же предъявляетъ къ читателю извѣстныя требованія и разсчитанъ на самостоятельное его сужденіе.

Издатель очень благоволитъ ко мнѣ. Онъ выпустилъ мои „Мысли о счастьи“ отдѣльною брошюрою, и я постоянно получаю письма—преимущественно отъ читательницъ. Одна изъ нихъ попросила меня посѣтить ее, такъ какъ она стара, больна и почти никуда не выходитъ.

Она живетъ на Nollendorfplatz во второмъ этажѣ большого

дома. Я замѣтилъ, что на окнахъ нѣтъ занавѣсокъ и квартира имѣетъ нежилой видъ. Узнавъ, къ кому я иду, портье былъ до того пораженъ, что схватилъ меня за рукавъ и остановилъ.

Еще ни разу не случалось, чтобы у фрау Виндъ бывали гости. Она живетъ здѣсь семь мѣсяцевъ, но ей уже отказали отъ квартиры. Она срамитъ весь домъ своею неопрятностью, занимаетъ восемь большихъ комнатъ, гдѣ помѣщаются собаки, кошки, птицы, мыши; прислуги не держитъ, и всѣ жильцы жалуются на ужасный запахъ. Не знаю ли я—въ своемъ умѣ эта барыня или нѣтъ?

Я ничего не могъ сказать ему и поспѣшилъ наверхъ.

Въ отвѣтъ на три условленныхъ удара въ дверь мнѣ отворила старая толстая женщина въ обшмыганной нижней юбкѣ. Сѣдые волосы ея были непричесаны и висѣли прядками. Грязная кофточка изъ пестрой шолковой матеріи была незастегнута на груди, такъ какъ на шеѣ бѣдной женщины сидѣла громадная и очевидно затвердѣлая опухоль — нѣчто въ родѣ зоба, не позволявшая ей наклонять голову. Страннымъ контрастомъ съ ея одеждою были драгоцѣнные перстни на ея пальцахъ.

Воздухъ былъ удушливый, тяжелый, на полу—невообразимая грязь, и тутъ же—масса книгъ, бумагъ, брошюръ. Обивка на дорогой мебели висѣла въ лохмотьяхъ, словомъ — я никогда не видывалъ подобной грязи и хаоса. Тутъ же лаяли собаки, заливались канарейки, кричалъ попугай, толстыя сѣрыя мыши преспокойно бѣгали по полу.

Дама очистила мнѣ стулъ у окна и сѣла напротивъ меня.

— Вы—тотъ Доденшейтъ, который написалъ замѣчательную статью о счастьи? Значитъ, вы полагаете, что всѣ люди могутъ быть счастливы—стоитъ только захотѣть? Я—бѣдная, несчастная старуха... Что сдѣлать мнѣ для того, чтобы стать счастливою?

Я посмотрѣлъ на нее. За исключеніемъ мягкихъ грустныхъ глазъ, въ ней не было ничего симпатичнаго.

— Постарайтесь немножко повѣрить въ людей, фрау Виндъ!—сказалъ я.

Она вспыхнула.

— Нѣтъ! Отъ этого избавьте... Я сыта по горло такъ называемыми людьми. Если они приходятъ ко мнѣ, то исключительно въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь отъ старухи Виндъ...

— Въ такомъ случаѣ, вѣруйте въ Бога.

Она закусила губы, скрестила руки и съ минуту помолчала.

— Я была набожна,—кажется, ужъ больше нельзя. По цѣлымъ годамъ не пропускала ни одной обѣдни, тысячи раздала

попамъ, всѣ колѣни стерла себѣ, моля Господа хотя о крошечкѣ счастья... И все напрасно!

— Вы молились не настоящему Богу, — сказалъ я и отворилъ окно. Былъ полдень, солнце высоко стояло на ярко голубомъ небѣ, и вмѣстѣ съ цѣлымъ снопомъ лучей въ вонючую комнату ворвалась струя чистаго воздуха. Изъ корзинъ продавщицъ цвѣтовъ пахло розами и левкоями. Я указалъ на солнце.

— Вотъ Богъ свѣта, которому издавна молятся народы, — Онъ не скрывается во мракѣ и тайнѣ, мы видимъ Его, мы дышемъ Имъ, Онъ живетъ въ насъ, мы—въ Немъ. Солнце—источникъ свѣта, жизни. Свѣтъ—радость... Радость при видѣ свѣта—есть уже предвкушеніе счастья...

— Говорите!—сказала старуха, когда я остановился:—у васъ пріятный голосъ. Я не думаю, чтобы въ вашихъ словахъ заключалось что-нибудь особенное, но мнѣ доставляетъ удовольствіе слышать пріятный голосъ и смотрѣть въ честные свѣтлые глаза...

Я спросилъ ее: въ чемъ состоитъ ея горе?

— Мы задыхаемся въ деньгахъ,—сказала она, и разсказала свою несложную исторію.

Мужъ ея нажилъ громадныя деньги на спекуляціяхъ съ земельными участками, все удавалось ему, но золотой потокъ унесъ ея счастье: мужъ сталъ пренебрегать ею, повелъ безпорядочный образъ жизни и умеръ отъ страшной болѣзни. Трое сыновей пошли по его слѣдамъ и умерли отъ сухотки спинного мозга. Младшій, ея любимецъ, умеръ сумасшедшимъ и въ страшныхъ мученіяхъ, полтора года тому назадъ.

Она показала мнѣ ихъ фотографіи въ дѣтскомъ возрастѣ: милыя, цвѣтущія здоровьемъ лица. Ихъ сгубило богатство, которое она ненавидитъ. Горькій опытъ оттолкнулъ ее отъ людей; она сдѣлалась нелюдимою, окружила себя животными и проводитъ многіе часы за чтеніемъ и размышленіями о томъ, какъ нужно воспитывать дѣтей для того, чтобы оградить ихъ отъ вредныхъ вліяній и сдѣлать счастливыми.

Я отвѣтилъ, что вполнѣ вѣрю въ возможность этого. Нужно только съ самаго дѣтства вложить въ нихъ стремленіе къ высшимъ цѣлямъ, къ благороднымъ идеаламъ, а для этого воспитаніе ихъ должно быть поручено самымъ выдающимся людямъ, такъ какъ воспитаніе въ дѣтскіе годы—тотъ базисъ, на которомъ строится все зданіе жизни. Даже дѣтей съ такъ называемыми дурными наклонностями можно воспитать въ духѣ добра. Будь я во главѣ правительства, я прежде всего учредилъ бы всюду

дѣтскіе сады, я разыскивалъ бы грязныхъ, одичалыхъ дѣтей по чердакамъ и подваламъ и выводилъ бы оттуда на свѣтъ Божій дѣтскія души, поставивъ ихъ въ здоровыя, нормальныя условія... И я готовъ ручаться чѣмъ угодно, что количество преступниковъ сократилось бы до минимума...

Фрау Виндъ назвала меня идеалистомъ... Она сказала, что мысль о томъ, чтобы государство воспитывало дѣтей—не болѣе какъ прекрасная утопія. Я сталъ спорить съ нею, доказывая, что это дѣло сторицею принесетъ выгоды государству. Мы говорили очень долго, и когда я собрался уходить, она стала почти умолять меня — снова ее посѣтить.

Съ тѣхъ поръ я нѣсколько разъ былъ у нея, хотя сидѣть въ этой атмосферѣ—не особенное удовольствіе (между нами говоря)... Послѣдній разъ я даже принесъ съ собою за подкладкою кармана откормленную сѣрую мышь, забравшуюся туда во время разговора. Когда она выскочила и побѣжала—съ Розаурой чуть не сдѣлались судороги отъ страха. Вотъ съ какими людьми приходится сталкиваться!—Шлю сердечный привѣтъ.

Вѣрнѣйшій другъ вашъ К. Д.

Берлинъ. Февраль.

Дорогая, многоуважаемая фрау.

Сколько разъ я бралась за перо, чтобы написать вамъ, и снова откладывала его! О мелкихъ непріятностяхъ труднѣе писать, чѣмъ о настоящемъ горѣ. Какъ насморкъ въ осеннюю погоду, онѣ отравляютъ всякую жизнерадостность.

Фабриціусы очень просили меня остаться у нихъ, даже — г. Ари, и мнѣ трудно было отъ этого отказаться, но вмѣсто меня къ нимъ переѣзжаетъ—въ качествѣ компаньонки и домоправительницы—тетя Труда. Слава Богу, что ей больше не придется сидѣть за шитьемъ на старости лѣтъ!

Съ октября мѣсяца я живу у Коли, и, говоря откровенно, мнѣ не легко было на это рѣшиться, но я сочла это своею обязанностью, такъ какъ заранѣе знала, что за хозяйство пойдетъ тамъ, гдѣ фрау Розаурѣ придется вести его самой съ помощью одной служанки! Коля увѣрялъ, что она привыкнетъ къ новымъ условіямъ жизни; онъ самъ можетъ со всѣмъ свыкнуться, но въ ея годы, послѣ столькихъ лѣтъ роскошной праздной жизни, переходъ къ подобному существованію долженъ былъ оказаться для нея чрезвычайно тяжелымъ.

Уже при устройствѣ квартиры начались исторіи. Она держалась за каждую вещь руками и зубами и отказалась пожерт-

вовать своими брилліантами, хотя они составляютъ самую цѣнную часть ея имущества.

Въ сущности мнѣ ее жаль, мое прежнее нерасположеніе къ ней мнѣ удалось совершенно побороть. Она не виновата въ томъ, что она—именно такая, а не другая. Сердце у нея не злое, но очень жаль, ради Коли, что она ничуть не желаетъ мѣняться.

Нельзя ставить ей въ вину того, что она ничего не понимаетъ въ хозяйствѣ и не занимается имъ: человѣкъ—рабъ своихъ привычекъ. Жаль только, что она такъ эгоистична и лѣнива! Иногда по цѣлымъ часамъ она говоритъ какъ книга о духовныхъ потребностяхъ, о путяхъ къ счастью, но думаетъ при этомъ только о себѣ; для нея жизнь—*ея* жизнь, горе—*ея* горе; она умѣетъ выражать свои мысли, и человѣкъ, мало ее знающій, можетъ счесть ее за глубокую, чуткую натуру. По всей вѣроятности, Колю и привлекаютъ въ ней ея загадочность и кажущаяся глубина. При извѣстныхъ обстоятельствахъ изъ нея могла бы выйти хорошая женщина, но безпорядочная жизнь отравила чистый источникъ.

Быть можетъ, размышленія „маленькой Регины“, какъ называетъ меня Коля, вызовутъ у васъ улыбку, но если я за послѣднее время много думаю и стремлюсь добраться до сути вещей, то причиною этому—Коля. Чѣмъ болѣе стараешься понять себя, тѣмъ снисходительнѣе начинаешь относиться къ людямъ.

Кругъ моихъ обязанностей весьма ограниченъ, но онъ отнимаетъ у меня весь день. Я приготовляю нашъ несложный обѣдъ, держу квартиру въ порядкѣ и стараюсь поддержать хорошее настроеніе у Розауры, для того, чтобы она привѣтливо встрѣтила Колю, когда онъ—усталый и заработавшійся—возвращается домой.

Къ сожалѣнію, это не всегда мнѣ удается: она недовольна собой, и этимъ все объясняется. Кромѣ того, она мучитъ себя и Колю безпричинною ревностью и упрекаетъ его за то, что онъ недостаточно ею занимается. Иногда я не понимаю: откуда у него берется терпѣніе? Или—нѣтъ, я понимаю: онъ смотритъ на нее какъ на „душевно-больную“. Прежде фрау Розаура посвящала, по крайней мѣрѣ, три часа своему туалету,—теперь, когда у нея нѣтъ средствъ хорошо одѣваться, она не знаетъ, чего начать свой день. Но довольно объ этомъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ Коля состоитъ редакторомъ „Хрустальго Зеркала“, такъ какъ издатель его находится въ колоніи рузей природы“ въ Швейцаріи. Коля сдѣлался мало-по-малу ентромъ цѣлаго кружка людей—неизвѣстно откуда явившихся

и приведшихъ съ собою единомышленниковъ. Его „Мысли о счастьи“ пріобрѣли ему много друзей и почитателей. Одна изъ его пріятельницъ—старуха, большая оригиналка—предоставила въ его распоряженіе двѣ большихъ пустыхъ комнаты, въ которыхъ еженедѣльно онъ устраиваетъ чтенія и собесѣдованія.

Къ сожалѣнію, Розауру нельзя убѣдить побывать тамъ. Она увѣряетъ, что Коля и безъ того приноситъ съ собою оттуда „запахъ бѣдноты“, что̀ отчасти вѣрно... Аудиторія его непохожа на первую блестящую его аудиторію въ Маргаретенъштрассе, у фрау Авенаріусъ. Мнѣ знакомы въ лицо почти всѣ посѣтители, но я не знаю ни имени ихъ, ни общественнаго положенія. Большинство мужчинъ—молодые люди, которые могутъ быть и студентами, и художниками, и писцами; затѣмъ—люди зрѣлыхъ лѣтъ и пожилые, очевидно не одѣленные съ избыткомъ земными благами, отнюдь не мечтатели, но принужденные считаться съ суровою дѣйствительностью. Но у всѣхъ у нихъ есть нѣчто общее: какой-то восторженный, чуждый міру взглядъ; они ищутъ счастья, которое не встрѣчается на большой дорогѣ.

Я не подумала бы, что въ поверхностномъ, эгоистическомъ, жаждущемъ наслажденій Берлинѣ могутъ встрѣтиться подобныя натуры. Уже тотъ фактъ, что „Мысли о счастьи“ выдержали въ короткое время десять изданій, указываетъ на то, какъ велика потребность въ новомъ словѣ. Вмѣстѣ съ успѣхомъ являются, конечно, и враги, но чего нельзя было предвидѣть, такъ это превращенія его бывшихъ друзей и единомышленниковъ—въ ожесточенныхъ его враговъ. Фрау Авенаріусъ и ея нынѣшняя правая рука—Кристофъ Гроссъ—открыли противъ него походъ. Фрейлейнъ Ева спрашивала меня: почему Коля совершенно разошелся съ фрау Авенаріусъ, но я ничего не могла ей на это отвѣтить. Какъ бы то ни было, этотъ quasi-Мессія первымъ дѣломъ въ своихъ „Лучахъ“ подвергъ жесточайшему осмѣянію идеи Коли, обзывая при этомъ его самого „пьяницей, отягченнымъ наслѣдственными пороками“, а жену его—„публичной женщиной“, и предостерегая почтеннѣйшую публику отъ этого „страннаго святого“.

Не знаю, какое впечатлѣніе произвела на Колю эта статья,—онъ далъ мнѣ ее уже черезъ двѣ недѣли послѣ ея напечатанія и только пожалъ плечами, сказавъ:

— Я считалъ Гросса умнѣе!

Фабриціусы стали на сторону Коли и совершенно порвали съ фрау Авенаріусъ. Я очень сожалѣю, что онъ изъ-за болѣзненной ревности фрау Розауры рѣдко видится съ ними. Но хо

рошо, что онъ не страдаетъ самъ тою же болѣзнью: она идетъ „своимъ путемъ“ и, зачастую, не оставляя никакихъ указаній на то, гдѣ можно ее найти...

Письмо мое пролежало два дня. За это время у меня много было дѣла и затѣмъ произошли новыя непріятности, о которыхъ трудно было писать. Изъ моего разсказа передъ вами предстанутъ воочію всѣ подробности нашего семейнаго быта.

У Коли за эти дни накопилась масса работы; по вечерамъ онъ часто бывалъ у Фабриціусовъ, такъ какъ г. Ари окончательно рѣшилъ ликвидировать свое дѣло, и при его отвращеніи къ финансовой сторонѣ онъ свалилъ массу хлопотъ на фрейлейнъ Еву, и безъ того занятую устройствомъ своихъ мастерскихъ. Первая изъ нихъ все-же открывается въ началѣ марта; тетя Труда принимаетъ на себя завѣдываніе отдѣленіемъ блузъ, для другихъ отдѣловъ пріискиваются подходящія завѣдующія. Но самое важное — пропаганда. Тысячи карточекъ, объясняющихъ цѣли этого предпріятія, будутъ на дняхъ раздаваться во всѣхъ ночныхъ кафѣ, танцклассахъ, на улицахъ, словомъ—всюду, гдѣ появляются эти „отверженныя“.

Въ нѣсколькихъ газетахъ появились фельетоны, гдѣ говорится о культурныхъ цѣляхъ новаго дѣла, словомъ — все уже налажено. Конечно, Кристофъ Гроссъ не могъ упустить случая, чтобы не выпустить струйки яда. Подъ названіемъ „Утопическая прихоть“ —появилось такое собраніе мерзостей, передъ которыми первая статья кажется невинной шуткой. Конечно, жало было направлено противъ Коли — „духовнаго отца всей этой затѣи“ — и противъ его жены — „вполнѣ компетентной въ обращеніи съ дамами улицы“.

Я не понимаю, какимъ образомъ Гроссъ рискуетъ своимъ ореоломъ идеалиста, опускаясь до такихъ грязныхъ выходокъ? Онѣ идутъ въ разрѣзъ съ его медоточивой, осторожной, выжидательной манерою; наконецъ, онъ не имѣетъ никакихъ поводовъ ненавидѣть Колю. Я склонна думать вмѣстѣ съ фрейлейнъ Евою, что его „вдохновляетъ“ на такія выходки фрау Авенаріусъ.

Къ сожалѣнію, № „Лучей“ попалъ въ руки Розаурѣ. Я была на кухнѣ и, услышавъ дикій крикъ, бросилась къ ней въ комнату и нашла ее бившеюся на полу въ припадкѣ... Никогда не видѣла я ничего подобнаго. Она была блѣдна какъ смерть, глаза у нея, буквально, вышли изъ орбитъ; она билась руками и

ногами, разбрасывая все стоявшее по близости: книги, вазы, бездѣлушки, и мнѣ приходилось уклоняться въ сторону, чтобы не придти въ соприкосновеніе съ предметами, взлетавшими на воздухъ...

Это продолжалось съ четверть часа. Когда первый пароксизмъ бѣшенства прошелъ, она начала плакать и осыпать ругательствами Колю, Фабриціусовъ, фрау Авенаріусъ. Всѣ они составили противъ нея заговоръ, чтобы осрамить ее, они попрекаютъ ее ея прошлымъ!

Изъ этого я узнала, что у нея есть „прошлое", въ которомъ, безъ сомнѣнія, ключъ къ ея трагической судьбѣ. Я охотно ее утѣшила бы, но она принялась кричать, что я тоже принадлежу къ „ихъ" числу, и выгнала меня вонъ. Сначала я слышала ея рыданія, затѣмъ она стихла; когда же я черезъ нѣсколько времени къ ней заглянула, ея уже не было въ комнатѣ.

Когда Коля вернулся поздно вечеромъ, ея все еще не было дома. Онъ ужаснулся, узнавъ о случившемся. Цѣлую ночь мы ожидали ея возвращенія; погода была адская: снѣгъ, вѣтеръ, буря... Она явилась часовъ въ пять утра въ ужасномъ видѣ: платье въ грязи до колѣнъ, перья на шляпѣ повисли, лицо ея было зеленовато-блѣдное, глаза—потухшіе. Мнѣ было безконечно жаль ее; я уложила ее въ постель и пошла заварить чай, но когда я вернулась, она уже спала: она приняла морфія и проспала до поздняго вечера.

Она—несчастная, глубоко несчастная женщина, но Коля еще несчастнѣе — оттого, что онъ связанъ съ нею. Слѣдующіе дни были ужасны. Она осыпала его ругательствами, угрозами, и однажды лицо у него такъ страшно исказилось, что я испугалась. Мнѣ показалось, что онъ готовъ задушить ее... Но вмѣсто этого онъ выбѣжалъ на кухню, гдѣ я застала его передъ шкафчикомъ. Онъ держалъ въ рукѣ бутылку съ ромомъ и стаканчикъ; трясущеюся рукою онъ наливалъ себѣ и пилъ, и снова наливалъ... Когда я попробовала взять у него бутылку, то почувствовала, что рука его была холодна какъ ледъ.

— Оставь меня, Регина!—прошепталъ онъ.

Онъ взялъ бутылку и стаканъ, заперся у себя въ комнатѣ, а вечеромъ я нашла бутылку на полу—пустою.

Я не могла не высказаться и пошла къ Фабриціусамъ. Фрейлейнъ Ева вполнѣ сочувствуетъ мнѣ. Не знаю, какимъ образомъ я очутилась въ ея объятіяхъ и почувствовала безумное біеніе ея сердца, сдавленныя рыданія въ горлѣ и ея горячія слезы — на моемъ лицѣ. Мы обѣ плакали, и тутъ только я поняла, что въ

своихъ мечтахъ о всеобщемъ счастьи—Коля прошелъ мимо своего собственнаго великаго счастья, даже не замѣтивъ его.

Надъ нашимъ домомъ нависли тучи... Фрау Розаура снова наряжается и выѣзжаетъ. Она сказала мнѣ между прочимъ, что примирилась со своимъ прежнимъ другомъ, докторомъ Фальеромъ. Онъ во многомъ передъ нею виноватъ, но чести ея онъ все-таки не затрогивалъ... Разумѣется, я не передала этого Колѣ. Въ виду ея ненормальнаго состоянія ей можно простить такія заявленія.

Жить очень тяжело, и мало есть счастливцевъ, улавливающихъ солнечную сторону жизни. Гогендорфы—исключеніе. Фрау Ганнеле бросила свои курсы языковъ; они снова сошлись, живутъ какъ птицы небесныя и сіяютъ счастьемъ. Но пора и кончить. До свиданія.—Преданная вамъ ваша Регина.

Берлинъ. Іюнь.

Дни исчезаютъ какъ дымъ. Когда по временамъ я останавливаюсь и перевожу духъ, меня охватываетъ глубокая грусть: въ сущности, ни одна минута не должна была бы пропадать даромъ, а между тѣмъ какъ мало мы живемъ—въ настоящемъ, лучшемъ смыслѣ слова!

Кажется, я писалъ вамъ о моей старой пріятельницѣ—фрау Аннѣ Виндъ? Она принадлежала къ числу натуръ, съ которыми надо сблизиться для того, чтобы оцѣнить ихъ благородство, и дѣлается обидно при мысли, что глупое стеченіе обстоятельствъ мѣшаетъ имъ проявить себя въ настоящемъ свѣтѣ. Ко мнѣ она, при всей своей нелюдимости, очень привыкла и просила ежедневно навѣщать ее. Она предоставила часть своей квартиры для собраній нашего кружка и порою совѣтовалась со мною о томъ, на какія цѣли завѣщать ей свое состояніе.

Въ апрѣлѣ она заболѣла инфлуэнцою, и несмотря на всѣ убѣжденія—отказалась лечь въ больницу или взять сидѣлку. Однажды утромъ она не открыла мнѣ, въ полдень—тоже. Растревоженный, я послалъ за слесаремъ, и мы нашли ее мертвою у постели: она умерла отъ разрыва сердца во время одѣванія...

Послѣ погребенія меня вызвали къ нотаріусу, отъ котораго я узналъ, что она назначила меня своимъ единственнымъ наслѣдникомъ.

Увѣряю васъ, что въ первую минуту я былъ болѣе пораженъ, чѣмъ обрадованъ. Меня пугала отвѣтственность. Какое употребленіе сдѣлаю я изъ такого большого состоянія? Съумѣю ли исполнить то, о чемъ она мечтала? Страшила меня также и

собственная моя, свойственная человѣку слабость передъ искушеніями. Но затѣмъ я успокоился и ощутилъ живѣйшую радость. Въ банкѣ лежали сто тысячъ на „текущіе расходы“. Взявъ изъ нихъ двѣ тысячи золотомъ, я поѣхалъ прежде всего къ Гогендорфамъ. Фрау Ганнеле была одна и отчаянно кашляла, но радостно заявила мнѣ, что Гансъ-Леонгардъ пріобрѣтаетъ большую практику въ качествѣ „психіатра“ — безплатную, конечно. Не можетъ же онъ, при его благородствѣ, брать деньги съ людей, которые къ нему обращаются! При видѣ дождя золотыхъ монетъ, глаза ея округлились; Гансъ-Леонгардъ, вошедшій въ эту минуту, нахмурился-было и заявилъ, что подарковъ они не принимаютъ, но я успокоилъ его соображеніемъ, что на моемъ мѣстѣ онъ поступилъ бы точно такъ же по отношенію ко мнѣ.

Отъ Гогендорфовъ я проѣхалъ къ ювелиру и купилъ нѣсколько бездѣлушекъ для моей жены. Нужно было видѣть ея дѣтскую радость! Вечеромъ я побывалъ въ ночлежныхъ домахъ и роздалъ бѣднякамъ по золотой монетѣ, хотя знаю, что существенной помощи въ этомъ нѣтъ.

Я окончательно остановился на мысли учредить домъ призрѣнія для осиротѣлыхъ, больныхъ, нравственно испорченныхъ дѣтей. Боюсь только, удастся ли мнѣ довести мой трудъ до конца? Всю нынѣшнюю зиму я былъ не особенно здоровъ, и послѣ этого у меня осталось ощущеніе безконечной усталости, разбитости, и я порою отчаиваюсь въ себѣ.

Вамъ я скажу то, въ чемъ боюсь сознаться самому себѣ: привести людей къ вѣрѣ въ счастье—труднѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Только тотъ, кто ищетъ—находитъ. Нужны убѣжденность и твердость, ясное пониманіе искомаго, полное отрѣшеніе отъ увлеченія земными благами. А часто ли это встрѣчается?

О происходящемъ вокругъ меня — могу сообщить вамъ немногое. Другъ мой Ева Фабриціусъ очень довольна своими „общественными мастерскими“, хотя хлопотъ и непріятностей у нея масса. Но приливъ ищущихъ работы такъ великъ, что половинѣ приходится отказывать за неимѣніемъ мѣста. Прибылей, конечно, нѣтъ—въ виду высокой заработной платы, но все дѣло ведется исключительно на средства фрейлейнъ Евы.

Очень трудно имѣть дѣло съ людской душою. Это — самый нѣжный, чуткій матеріалъ. Сразу наталкиваешься на недовѣріе. По-моему, для этого есть три пути: трудъ, искусство и литература. Иногда фрейлейнъ Ева устраиваетъ для своихъ работницъ литературно-музыкальные вечера,—я пробовалъ излагать передъ

ними мои мысли. Нѣкоторыя остаются совершенно равнодушными, но въ глазахъ у другихъ мелькаетъ лучъ вниманія. Бывало и такъ, что нѣкоторыя изъ нихъ приходили на мои понедѣльничныя собесѣдованія въ квартирѣ покойной фрау Виндъ, остающейся за мною до 1-го октября. Ея четвероногихъ и пернатыхъ любимцевъ я устроилъ въ пріютахъ для животныхъ.

„Хрустальное Зеркало“ переходитъ въ мою собственность; я купилъ его у издателя. „Лучи“ фрау Авенаріусъ угасли недѣли двѣ тому назадъ, и, кажется, публика ничего при этомъ не потеряла. До сихъ поръ не понимаю роли Кристофа Гросса: какъ ни какъ, я считалъ его порядочнѣе и неспособнымъ снизойти до такихъ дрязгъ. Въ настоящее время chronique scandaleuse Берлина сильно занимается имъ и духовною матерью „Лучей“. Они вмѣстѣ живутъ въ Цюрихѣ, и фрау Авенаріусъ начала дѣло о разводѣ. Я нахожу, что для этого нужно большое мужество, такъ какъ уже съ полдюжины дамъ развелись ради него съ мужьями, не достигнувъ при этомъ желаннаго результата. Я искренно желаю, чтобы эта мятущаяся духомъ женщина обрѣла, наконецъ, успокоеніе. Много есть теперь такихъ нервныхъ, неуравновѣшенныхъ женщинъ...

Розаура уже вторую недѣлю въ Дрезденѣ, въ санаторіи „Weisser Hirsch“. Хорошо, что она уѣхала,—ея нервность дошла до крайней степени и сдѣлала нашу жизнь настоящимъ мученіемъ. Я все еще люблю ее, и въ этомъ именно — трагизмъ нашей жизни. Иногда мнѣ кажется, что намъ лучше разойтись, и вмѣстѣ съ тѣмъ я боюсь остаться одинъ, боюсь своихъ мыслей, настойчивыхъ, неотвязныхъ, говорящихъ мнѣ, что человѣка пересоздать нельзя... Воспитаніе его должно начинаться съ колыбели, а потому я горю нетерпѣніемъ, я жажду приняться за воспитаніе дѣтей, работать вмѣстѣ съ ними, для нихъ... Весною почва еще воспріимчива для сѣмянъ... — Привѣтъ! Вашъ К. Д.

Берлинъ. Августъ.

Дорогая, уважаемая фрау!

Вчера Ари Фабриціусъ написалъ мнѣ, что онъ купилъ имѣнье въ Целендорфѣ, куда онъ хотѣлъ бы переѣхать съ октября. Сестра не можетъ поселиться съ ними въ деревнѣ, такъ какъ ея интересы сосредоточиваются въ городѣ, но онъ чувствовалъ бы себя вполнѣ счастливымъ, еслибы я согласилась раздѣлить его уединеніе—въ качествѣ его жены, разумѣется. Уже въ прошломъ году, на морскихъ купаньяхъ, онъ готовъ былъ заговорить объ этомъ, но не рѣшался. Ему казалось грѣхомъ

предъявить свои права на мою молодость и свѣтлую жизнерадостность, предложивъ мнѣ раздѣлить съ нимъ его уединенную жизнь, такъ какъ онъ можетъ дать мнѣ слишкомъ мало сравнительно съ богатствомъ, которое я приношу ему въ моемъ лицѣ.

Два-три года тому назадъ подобное предложеніе показалось бы мнѣ почти обидою, такъ какъ въ тѣ годы помолвка представляется намъ апоѳеозомъ въ розовомъ блескѣ романтики. Теперь я думаю объ этомъ иначе. Я не люблю Ари Фабриціуса пламенною любовью, но онъ дорогъ мнѣ какъ хорошій человѣкъ; это—прочнѣе, и мнѣ кажется, что мы будемъ счастливы. Я воспитана въ бѣдности и къ роскоши не привыкла, но я радуюсь предстоящимъ путешествіямъ, наслажденію природой и произведеніями искусства, которыя собираетъ Ари. Итакъ, я—невѣста. Въ сентябрѣ—наша свадьба. Вмѣсто меня, у Коли будетъ жить тетя Труда,—иначе я тревожилась бы за него.

Коля боленъ. Что съ нимъ—не знаю, и когда я пытаюсь его разспрашивать, онъ сердится; невозможно убѣдить его—показаться врачу. Фрау Розаура путешествуетъ уже съ начала іюня; сначала она была въ санаторіи у Ламана, теперь живетъ въ Швейцаріи и присылаетъ по временамъ открытки. Мы даже не знаемъ ея адреса.

Передъ ея отъѣздомъ я видѣла у нея того господина, котораго ранѣе встрѣтила у нея ночью, когда она едва не отравилась морфіемъ. До сихъ поръ я не знаю, говорить ли объ этомъ Колѣ?

Наслѣдство фрау Виндъ не сдѣлало его счастливѣе. Онъ самъ ничѣмъ не пользуется; я должна напоминать ему о томъ, чтобы онъ купилъ себѣ новую шляпу или заказалъ сюртукъ. До пищи онъ едва дотрогивается и движется какъ автоматъ, но хуже всего то, что онъ снова началъ пить, и я не смѣю дѣлать ему никакихъ замѣчаній—онъ не переноситъ. Недавно въ „Хрустальномъ Зеркалѣ“ появилась совершенно безумная статья его, въ которой онъ ставитъ вверхъ дномъ всѣ свои утвержденія. Думаю, что она написана подъ непосредственнымъ вліяніемъ алкоголя. Онъ увѣряетъ, что уже трижды жилъ на свѣтѣ, въ первый разъ—въ царствованіе Александра Македонскаго, былъ воиномъ, сражался и воспринялъ вѣрованія буддистовъ—три великихъ истины: 1) дѣлай добро, гдѣ можешь; 2) избѣгай несправедливости; 3) сохраняй чистоту сердца. Затѣмъ онъ жилъ во времена Спасителя, помнитъ всѣ подробности того времени и собирается написать объ этомъ книгу. Въ третій разъ онъ жилъ въ эпоху гоненій на гугенотовъ и былъ убитъ въ домѣ католическаго священника...

Я пришла въ ужасъ при чтеніи этого бреда, но Коля усмѣхнулся и объяснилъ, что это кажется дико лишь для непосвященныхъ,—остальные же поймутъ, что рѣчь идетъ о безсмертіи души.

Недѣлю спустя, Коля устроилъ въ квартирѣ покойной фрау Виндъ большое собраніе. Къ радости домохозяина, комнаты были провѣтрены и вычищены. Г. фонъ-Вильде, на правахъ стараго знакомаго Коли, отвелъ меня въ сторону и посовѣтовалъ мнѣ убѣдить его поѣхать въ какую-нибудь санаторію—отдохнуть и полечиться отъ больныхъ нервовъ. Его послѣдняя статья производитъ впечатлѣніе бреда. Но что могу я сдѣлать? *Я* звала его съ нами въ Италію; онъ не хочетъ и слышать объ отъѣздѣ.

Любопытно видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ тѣснится вокругъ него кружокъ его почитателей; они такъ и смотрятъ ему въ ротъ, ожидая отъ него „откровенія". Но онъ не довольствуется малымъ, онъ желалъ бы осчастливить весь міръ, и это удручаетъ его, отнимаетъ у него мужество.

Г. фонъ-Гогендорфъ заговорилъ на тему о томъ, что абсолютной истины нѣтъ,—существуютъ лишь два понятія: радость и горе.

Когда онъ кончилъ, всталъ Коля и заявилъ, что онъ подписывается подъ этимъ обѣими руками.

— Горе и радость — великіе факторы жизни. Въ горѣ заключается принципъ уничтоженія, въ радости — идея жизни. Горе—разрушеніе, радость—зиждительство. Душа не зависитъ отъ тѣла, но тѣло зависитъ отъ души. Горе можетъ убить организмъ, измѣнить его и состарить, радость можетъ помолодить: счастливые люди не старѣются, они властны не умирать; силою духа можно современемъ совсѣмъ побороть смерть...

Онъ говорилъ больше часа съ такимъ огнемъ вдохновенія, съ такою силою, убѣжденностью и громаднымъ подъемомъ, что слова его, буквально, опьяняли, какъ волшебное питье. Рѣчь его звучала непреложною истиной, а все это, вмѣстѣ взятое, походило на наркозъ, отъ котораго просыпаешься съ тупою болью въ головѣ и спрашиваешь себя: что такое это было?

Коля получилъ телеграмму отъ жены. Она пріѣзжаетъ завтра. свиданія. — Сердечно преданная вамъ—ваша Регина.

Берлинъ. Октябрь.

Дорогой другъ!

Не сердитесь на меня. Въ днѣ всего двѣнадцать часовъ. ерное раздѣленіе. Почему должна быть ночь? По-моему, пусть

бы ея совсѣмъ не было. Зачѣмъ человѣку нужно спать? Человѣку нужно жить, а мы не живемъ, когда спимъ. Я мало сплю, а времени все-же не хватаетъ.

Трудъ—нѣчто божественное. Трудъ—жизнь, трудъ—исцѣленіе. Право на трудъ—первое, священнѣйшее изъ человѣческихъ правъ.

Я—снова холостякъ. Въ сентябрѣ я получилъ девяносто тысячъ за продажу участка земли въ Рикдорфѣ, и на другой день намѣревался отвезти ихъ въ банкъ. Жена была при получкѣ и принялась осаждать меня просьбами: нанять дачу въ Тиргартенѣ, роскошно обставить ее, завести автомобиль и прочій вздоръ. Я объяснилъ ей, что наслѣдство фрау Виндъ предназначено не для такихъ цѣлей. Тогда съ нею сдѣлался припадокъ бѣшенства; среди рыданій она кричала, что я сдѣлалъ ее еще несчастнѣе, чѣмъ она была, что я бросаю ее ради безумныхъ фантазій и т. д. Видя, что она не способна выслушать меня, я ушелъ, а когда, къ вечеру, я вернулся, ея уже не было. Она исчезла, а въ волненіи своемъ захватила съ собою и девяносто тысячъ.

Затѣмъ она написала мнѣ изъ Гамбурга, что уѣзжаетъ въ Америку, и, можетъ быть, вернется, а можетъ быть—и нѣтъ... Я не съумѣлъ исцѣлить ея больную душу...

Она права. Это—горькая истина. Я очень ее любилъ, и если она могла меня оставить,—значитъ, во всемъ виноватъ я одинъ.

Во мнѣ совершилась большая перемѣна. Я долженъ заново перестроить всѣ мои принципы.

Всѣ жизни, которыя переживаетъ человѣкъ въ теченіе цѣлаго столѣтія, это—процессъ развитія, совершенствованія. Если-бы человѣкъ могъ извлечь изъ каждой такой жизни самое важное, нужное и усвоить его себѣ,—онъ сдѣлался бы нравственно совершеннымъ и вполнѣ счастливымъ человѣкомъ.

Въ этомъ—тайна жизни и одновременно—ключъ ко всѣмъ ея загадкамъ и также—къ счастью. Принципъ вселенной—движеніе, развитіе. Душа человѣческая—атомъ духа вселенной. Изъ атомовъ составляется цѣлое.

Когда я закрываю глаза и углубляюсь въ себя, во мнѣ воскресаютъ тысячелѣтнія воспоминанія... Я ощущаю въ себѣ присутствіе тѣхъ, кого уже давно нѣтъ. Когда человѣкъ рождается—душа его не есть чистая страница. Она уже покрыта іероглифами, и карандашъ новой жизни неустанно дѣлаетъ на ней новыя начертанія. Я полагаю, что можно установить связь между двумя жизнями. И я этимъ займусь...

Берлинъ. Декабрь.

Простите меня, дорогая, уважаемая фрау, за мое долгое молчаніе. Еще разъ сердечно васъ благодарю за поздравленіе ко дню свадьбы.

Свадьба была самая тихая, и свою поѣздку мы отложили, по разнымъ причинамъ, до весны. На зиму мы остаемся въ Берлинѣ.

Вы пишете, что послѣднее письмо Коли очень обезпокоило васъ своею безсвязностью. Развѣ онъ не написалъ вамъ, что жена уѣхала отъ него, да еще—со своимъ бывшимъ другомъ? Мнѣ кажется, что все это было условлено заранѣе; во всякомъ случаѣ, это поразило его какъ громомъ. Я всегда боялась, что она его погубитъ; такъ оно и случилось.

Послѣ ея письма онъ запилъ и пилъ цѣлыхъ восемь дней. Какъ-разъ въ это время была моя свадьба.

Ева пожелала непремѣнно устроить у себя завтракъ; приглашенныхъ было очень мало, и на всѣхъ насъ лежалъ гнетъ: мысли тети Труды, Евы и мои все время были съ Колею.

У меня такой чудный мужъ, а Ева—такая милая сестра, наша обстановка такъ гармонична и привѣтлива, что я была бы вполнѣ счастлива, еслибы не страдала за Колю.

Только теперь я вижу, какъ онъ любилъ эту женщину. Съ тѣхъ поръ онъ утратилъ интересъ къ окружающему. Его удрученное состояніе все увеличивалось. По цѣлымъ часамъ онъ стоялъ у окна, и казалось, что въ такія минуты душа его покинула его тѣло, губы его были плотно сжаты, глаза потухали, а руки—холодныя, какъ у мертвеца. По вечерамъ онъ выходилъ изъ дому, набивъ карманы золотыми монетами, и раздавалъ ихъ направо и налѣво...

Наконецъ, двѣ недѣли тому назадъ, катастрофа разразилась. Онъ вздумалъ вечеромъ произнести рѣчь на площади; вокругъ него собралась толпа, изумленно внимавшая его словамъ. Онъ говорилъ долго и восторженно, покуда къ нему не подошелъ полицейскій и не попросилъ перестать. Онъ продолжалъ говорить,—тогда его арестовали и повели. По дорогѣ у него обнаружилось религіозное помѣшательство, и вечеромъ его пришлось перевести въ больницу для душевно-больныхъ.

Тамъ онъ находится и въ настоящее время. Онъ не узнаетъ Евы, ни меня, и все говоритъ о томъ, что онъ видѣлъ во имена Христа... Это такъ печально, что нѣтъ силъ писать... Но все-же надѣемся, что время поможетъ ему. Какъ только ему станетъ легче, мы увеземъ его въ горы въ Тироль.

Наша Ева состарѣлась за эти недѣли на нѣсколько лѣтъ. Кто бы могъ подумать? Такой страшный конецъ!—Ваша Регина.

Берлинъ. 1-е января.

Дорогой другъ.

Изъ объявленій въ газетахъ вы уже знаете, что Коля безболѣзненно скончался на второй день Рождества отъ паралича мозга. Ева присутствовала при его послѣднихъ минутахъ. Когда мы пріѣхали, то нашли ее у изголовья кровати. Она, не отрываясь, смотрѣла въ его восковое улыбающееся лицо.

— Я любила его. Онъ—мой. Теперь онъ мой!—сказала она тихо.

Въ субботу мы его похоронили.

Снѣжныя хлопья кружились бѣлымъ вихремъ надъ его могилою. Вокругъ нея стояли его послѣдователи и друзья, и слезы его падали на вѣнки, покрывавшіе ее...

Въ моей душѣ было великое, торжественное спокойствіе.

Мнѣ кажется, что такъ лучше. Жизнь не принесла бы ему ничего кромѣ разочарованій. Мнѣ и самой приходитъ иногда въ голову, что жизнь его была дѣйствительно переходомъ къ лучшей, свѣтлой жизни. Ему всегда чудилось благоуханіе райскихъ цвѣтовъ и душа его не мирилась съ грубыми жизненными условіями.

Мы умоляли Еву поѣхать съ нами въ Целендорфъ, но она отказалась. Ея трудъ есть въ то же время его завѣщаніе. Она—твердая, самоуглубленная натура и вернетъ себѣ душевное равновѣсіе. Истинное счастье, о которомъ мы только мечтаемъ, оно—тамъ, по той сторонѣ жизни, въ лазурной дали, и лишь душа, достигшая совершенства, можетъ постичь его.—Ваша вѣрная Регина.

Съ нѣм. О. Ч.

УГОЛОКЪ РОДИНЫ

Путевые очерки и замѣтки.

I.

Какъ-то лѣтомъ, прокатившись по Волгѣ и Камѣ до Перми, мы вздумали навѣстить нашихъ знакомыхъ, жившихъ въ городѣ Чердыни.

Изъ Перми въ Чердынь ежедневно ходятъ пароходы. Всего часовъ сорокъ пути вверхъ по Камѣ, Вишерѣ и Колвѣ, на которой и стоитъ Чердынь. Пароходная пристань—въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Сереговѣ, откуда приходится ѣхать вдоль берега на лошадяхъ.

Чердынь—какъ о томъ повѣствуется въ „Пермскихъ Лѣтописахъ"—была нѣкогда главнымъ городомъ области Біарміи, которая занимала все пространство къ западу отъ Урала между рѣками Печорой, Камой и Вишерой.

Въ XIII-мъ вѣкѣ въ грамотахъ, данныхъ новгородцами князю Ярославу Ярославовичу, въ первый разъ упоминается о пермскомъ краѣ, какъ о подвластномъ Новгороду.

Съ этого времени новгородцы начали заводить торговыя сношенія съ зауральскими племенами и вывозили изъ пермской страны мѣха, золото и серебро.

Чердынь, или, какъ она тогда называлась, „Пермь, великая Чердынь", основана (точныхъ данныхъ о времени основанія не [illegible]ется) новгородскими купцами съ коммерческой цѣлью и [illegible]ела въ то время большое значеніе, такъ какъ не только была [illegible]адочнымъ мѣстомъ мѣновой торговли Азіи и Европы, но и [illegible]а торговыя сношенія не только съ Новгородомъ, но и съ [illegible]ной Азіей. Караваны арабскихъ и персидскихъ купцовъ хо-

дили изъ Каспійскаго моря по Волгѣ и Камѣ черезъ Чердынь на Печору. Это доказываютъ находимыя при раскопкахъ близъ Чердыни на Колвѣ древнѣйшія арабскія и персидскія монеты. Въ первые года послѣ завоеванія Сибири сообщеніе ея съ Европейской Россіей велось также только черезъ Чердынь: путешественники плыли вверхъ по Вишерѣ, затѣмъ переваливали черезъ Уралъ къ городу Лозьва, который былъ выстроенъ въ верховьяхъ рѣки того же имени. Здѣсь путешественники отдыхали, запасались новыми судами и плыли къ Тобольску внизъ по Лозьвѣ, Сосвѣ, Тадвѣ и Тоболу. Этотъ чрезвычайно трудный путь существовалъ не долго, но слѣды его видны и до сихъ поръ.

Нынѣшній городъ Чердынь живописно разбросанъ на очень высокомъ берегу Колвы. Подъемъ съ рѣки чрезвычайно крутой и длинный, и въ дождливое время чердынцы въ теченіе сотни лѣтъ ежедневно мучились, калѣчили лошадей и ломали телѣги, чтобы привезти бочку воды, а въ случаѣ пожара при вѣтрѣ городъ могъ выгорѣть до тла. Обыватели прекрасно это понимали, но надѣялись на русское „авось“ и жалѣли денегъ на водопроводъ. Только лѣтъ десять тому назадъ городскому головѣ съ большимъ трудомъ удалось собрать нужную сумму, и въ настоящее время водопроводъ проведенъ и дѣйствуетъ прекрасно.

Въ Чердыни всего четыре улицы параллельно Колвѣ и нѣсколько переулковъ. Жителей 4.000: купцы, крестьяне и преимущественно мѣщане. Интеллигенціи очень мало: нѣсколько лѣсничихъ, три врача, учителя, земскіе начальники, судейскіе, податной инспекторъ.

Въ городѣ семь церквей, изъ которыхъ самая древняя—Богословская; двѣ приходскихъ школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, городское четырехклассное училище для мальчиковъ, низшее ремесленное училище съ общежитіемъ, женская гимназія, земская больница, недурная земская библіотека, археологическій музей, общественный садъ и клубъ, гдѣ довольно часто устраиваются любительскіе спектакли.

Въ общемъ о Чердыни можно сказать, что это городокъ довольно культурный, но слишкомъ отдаленный: за нимъ только еще верстъ на триста существуетъ почтовый трактъ, а дальше уже нѣтъ путей сообщенія, кромѣ жалкихъ тропинокъ, протоптанныхъ звѣроловами и обозами кулаковъ, скупающихъ за безцѣнокъ у жителей Печоры пушнину и дорогую рыбу.

Небольшое общество чердынскихъ интеллигентовъ живетъ довольно дружно; квартиры безъ всякихъ удобствъ, но за то и не дороги (пять комнатъ рублей 12), провизія дешевая, особенно

рыба и дичь. Осенью рябчики привозятся возами и до наступленія холодовъ продаются обывателямъ по 10 и 15 коп. пара; но какъ только начнутся морозы, купцы тотчасъ же скупаютъ весь товаръ, годный для вывоза, и подымаютъ цѣну до 45 и даже до 60 коп. за пару.

Въ Чердыни до 50-ти лавокъ, въ которыхъ можно достать все необходимое, но обыватели предпочитаютъ покупать въ общественной лавкѣ, открытой лѣтъ пятнадцать тому назадъ нѣсколькими чиновниками по иниціативѣ одного сосланнаго въ Чердынь польскаго ксендза. Собравъ тысячи двѣ, основатели общественной лавки выписали изъ Москвы разнаго товара и открыли сначала маленькую лавочку. При добросовѣстномъ управленіи дѣло пошло прекрасно, и въ настоящее время общественная лавка ведетъ оборота на сотни тысячъ. Снабжая всевозможнымъ товаромъ не только жителей окрестныхъ селъ, но — пермяковъ и вогуловъ отдаленныхъ волостей уѣзда, эта лавка поддерживаетъ цѣны и умѣряетъ аппетиты купцовъ, которые ее ненавидятъ.

Въ былое время они продавали все, что хотѣли, назначая цѣны по произволу, и случалось, что купецъ, разсердившись на кого-нибудь изъ чиновниковъ, совсѣмъ отказывался продавать ему самое необходимое,—напримѣръ, бутылку вина для больного.

Въ Чердыни много богатыхъ купцовъ, между которыми есть даже милліонеры. Въ старѣйшихъ фирмахъ встрѣчаются типы комедій Островскаго: гнетъ надъ домашними, алчность, самодурство и скупость, а въ то же время добродушіе и широкое гостепріимство; пожалѣетъ купецъ дать рубль въ долгъ бѣдняку или пожертвовать сотню на какое-нибудь общественное дѣло и не поскупится по случаю именинъ или свадьбы устроить гостямъ лукулловское угощеніе съ разливаннымъ моремъ шампанскаго, а для простого народа выкатитъ бочки пива. Обрадовавшись даровщинѣ, бѣдные люди напиваются до безчувствія; а полиція подбираетъ ихъ на улицахъ и отвозитъ въ больницу на попеченіе медицинскаго персонала.

Наиболѣе состоятельные изъ купцовъ не особенно стремятся дать дѣтямъ высшее образованіе и находятъ вполнѣ достаточнымъ курсъ четырехкласснаго училища, а тѣмъ болѣе гимназіи.

Нельзя того же сказать о чердынскихъ мѣщанахъ; они готовы вынести всевозможныя лишенія, чтобы дать дѣтямъ высшее разованіе, а уѣздное земство—нужно отдать ему справедливость—никогда не отказываетъ въ стипендіяхъ бѣднѣйшимъ изъ ивателей.

Говоря о чердынскихъ купцахъ, нельзя не упомянуть о Пе-

чорѣ, съ которой тѣсно связано благосостояніе не только торговаго люда, но и всего края. Рѣка эта течетъ на протяженіи двухъ тысячъ верстъ между высокими, утесистыми берегами, мелководна, порожиста и несудоходна почти до Якшинской пристани. Отсюда Печора течетъ спокойнѣе и судоходна всѣ 400 верстъ до ея впаденія въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Якша, первый жилой пунктъ на Печорѣ, не можетъ быть названа деревней, потому что домовъ здѣсь почти нѣтъ, а стоятъ только сараи и амбары, охраняемые сторожами.

Внизъ по Печорѣ везется хлѣбъ, соль, одежда, обувь, колоніальные и мануфактурные товары; вверхъ по рѣкѣ—пушнина, пухъ, перья, ворвань, а преимущественно рыба: прекрасная печорская семга, сельди, омули, нельма и друг.

При такомъ рыбномъ богатствѣ Печора могла бы имѣть огромное торговое значеніе и снабжать рыбой не только Сибирь, но и Европейскую Россію.

Для этого нужно соединить Печорскій бассейнъ съ Камой. Былъ когда-то проектъ прорыть каналъ въ волокѣ или перешейкѣ длиною четыре версты между рѣками Волосницей и Вогулкой. Волосница—притокъ Печоры, а Вогулка—притокъ Еловки, впадающей въ Березовку, притокъ Вишерки, которая впадаетъ въ Колву. Тогда возстановилось бы прямое сообщеніе между Ледовитымъ океаномъ и Каспійскимъ моремъ. Этотъ грандіозный проектъ не приведенъ въ исполненіе, такъ какъ требуетъ огромныхъ затратъ.

Одно время предполагалось провести желѣзную дорогу отъ Якши до Усть-Еловки и расчистить рѣку Березовку, но и этотъ проектъ не осуществленъ; печорскіе грузы провозились зимою, когда замерзнутъ болота съ Якши на Усть-Еловку шестьдесятъ верстъ сухимъ путемъ.

Много лѣтъ чердынцы ведутъ торговлю съ Печорой черезъ Якшу, но не далѣе, какъ восемь лѣтъ тому назадъ, между Чердынью и Якшинской пристанью не было даже колесной дороги. Грузы шли отъ села Ныроба, гдѣ кончался земскій трактъ по протоптанной тропѣ, по замерзшимъ болотамъ, черезъ такія высокія и крутыя горы, что при спускѣ возы привязывали къ стволамъ деревьевъ и осторожно спускали ихъ внизъ на веревкахъ, какъ по блоку. Такимъ образомъ, грузовъ отъ Чердыни на Якшу проходило каждую зиму до полумилліона пудовъ.

Только семь лѣтъ тому назадъ, чердынскому уѣздному земству удалось, наконецъ, добиться разрѣшенія губернскаго собранія на проведеніе колеснаго пути отъ Ныроба до Якши. В

настоящее время дорога эта въ 139 верстъ уже проведена, и благодаря этому край нѣсколько оживится.

Изъ-за отсутствія путей сообщенія въ уѣздѣ и населеніе не увеличивается: въ среднемъ, на квадратную версту приходится 2,1 человѣка, а въ сѣверо-восточной части, съ болѣе суровымъ климатомъ,—всего только 0,4 человѣка.

Въ восточной части уѣзда живутъ вогулы и зыряне, а пермяки и русскіе—повсюду. При суровости климата земледѣліе не составляетъ главнаго занятія крестьянъ; травосѣяніе уже кое-гдѣ начинается, огороды разводятъ только для себя. Главный заработокъ населенію доставляютъ охота, рыбная ловля, выжиганіе угля для заводовъ, сплавъ лѣсныхъ матеріаловъ на Волгу и дровъ на солеварни и работа на чугуноплавильныхъ заводахъ. Имѣя столько заработка, чердынцы не только никогда не голодаютъ, но даже не терпятъ нужды. Безлошадныхъ дворовъ менѣе пяти процентовъ на весь уѣздъ.

Чердынскій край мало изслѣдованъ, но и по тому, что о немъ извѣстно, можно съ увѣренностью сказать, что это—богатый край: нефть на Печорѣ, о которой жители знали еще въ началѣ прошлаго столѣтія; рыбы, птицы, звѣри, золото, богатая желѣзная руда и милліоны десятинъ лѣса представляютъ немалую цѣнность, а какія богатства еще хранятся въ нѣдрахъ земли—останется неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока не обратятъ вниманія на этотъ край, не проведутъ въ немъ дорогъ, не изслѣдуютъ его и не заселятъ удобныя для поселеній мѣста.

Теперь слѣдуетъ сказать о томъ, что осталось въ Чердыни отъ ея далекаго прошлаго. Время сохранило намъ на восточной сторонѣ города валъ, съ котораго, говоритъ преданіе, чердынцы скатывали на непріятеля бревна; остатки Бабиновской дороги, проложенной при Ѳедорѣ Іоанновичѣ отъ Соликамска до Верхотурья черезъ Чердынь крестьяниномъ Бабинымъ и (самую древнюю въ Пермской губерніи) Богословскую церковь. Церковь эта строилась шведскими плѣнниками по обѣту сибирскаго губернатора, Матвѣя Петровича Гагарина, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Въ 1718 году постройка окончена, и во вновь выстроенный храмъ перенесли всѣ церковныя принадлежности изъ старой деревянной церкви, которая осталась отъ Богословскаго монастыря, основаннаго въ XV-мъ вѣкѣ вскорѣ послѣ того, какъ пермяки приняли крещеніе.

Богословская церковь имѣетъ два предѣла: внизу предѣлъ во имя Іоанна Богослова, вверху—во имя Вознесенія. Нижняя Богословская церковь раздѣлена на двѣ половины поперечной

каменной стѣной съ тремя проходами соотвѣтственно тремъ вратамъ иконостаса. Стѣны выбѣлены и не имѣютъ никакихъ украшеній. Лики святыхъ на образахъ давно выцвѣли; въ алтарѣ хранится Евангеліе, печатанное при Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ задней половинѣ храма еще недавно стояли лавки для сидѣнья и трапезы. Устройство верхней церкви Вознесенія—такое же, какъ и въ Богословской.

Въ настоящее время въ Богословской церкви служатъ пять разъ въ годъ; она не имѣетъ причта и приписана къ Богоявленскому приходу.

Кромѣ упомянутыхъ выше памятниковъ, о быломъ значеніи Чердыни свидѣтельствуютъ монеты X и XI вѣковъ и разныя серебряныя и мѣдныя вещи съ изображеніемъ звѣрей, птицъ и змѣй, находимыя при раскопкахъ въ городищахъ Покчи, Вильгорда, Искора и на Колвѣ. Однажды близъ Чердыни найденъ былъ кладъ въ 6.000 руб. азіатскими монетами, въ другой разъ—кольчуга изъ чистаго серебра.

II.

Какъ только мы познакомились кое съ кѣмъ изъ общества, то сейчасъ же стали разспрашивать, нѣтъ ли въ окрестностяхъ Чердыни какихъ-нибудь достопримѣчательностей.

— О, конечно, есть и даже нѣсколько! — былъ отвѣтъ. — Первая достопримѣчательность—у васъ передъ глазами. Это гора Полюдъ или какъ ее обыкновенно называютъ—„Полюдовъ камень".

Мы взглянули по указанному направленію: по горизонту шла невысокая цѣпь горъ; вершина одной изъ нихъ, самой высокой, напоминала своей формой скалу памятника Петра I; это и есть Полюдовъ камень.

— Съ Полюда,—говорили намъ чердынцы,—открывается чудный видъ на десятки верстъ. Кромѣ Полюда, стоитъ еще посмотрѣть историческое село Ныробъ и рѣку Вишеру съ ея величественными камнями и быстрымъ теченіемъ.

Любопытство туриста не давало намъ покоя, и мы съ нетерпѣніемъ ждали удобнаго случая предпринять поѣздку для осмотра чердынскихъ красотъ.

Скоро два знакомыхъ земца предложили намъ и одной молоденькой, жизнерадостной учительницѣ поѣхать съ ними 5-го іюля въ Ныробъ и въ деревню Бахари, находящуюся на берегу Вишеры, у подножія Полюда.

Пропустить такой случай было бы преступленіемъ, и въ назначенный день, рано утромъ, несмотря на проливной дождь и безнадежно сѣрое небо, мы вчетверомъ въ двухъ тарантасахъ выѣхали изъ Чердыни. Въ уѣздѣ мало земскихъ дорогъ, но тѣ, которыя проведены, содержатся въ образцовомъ порядкѣ. Экипажъ нашъ катился какъ по аллеѣ парка. Мы подняли верхъ, застегнули фартукъ и чувствовали себя вполнѣ комфортабельно.

Въ пяти верстахъ отъ Чердыни находится большое селеніе Покча—въ древности крѣпость и резиденція воеводъ, а въ настоящее время резиденція богачей Чердынскаго уѣзда, ведущихъ торговлю съ печорскимъ краемъ. Всю зиму въ Покчѣ идетъ постройка баржъ, которыя, по вскрытіи рѣки, спускаются въ Колву и отправляются внизъ на Каму и Волгу. Обыкновенно строители изъ страха, какъ бы кто не сглазилъ, скрываютъ день спуска въ виду готовой баржи, и только когда она уже спущена, начинаютъ праздновать событіе выпивкой хозяевъ и рабочихъ.

Въ Покчѣ два начальныхъ училища для мальчиковъ и для дѣвочекъ, иконостасная мастерская, изъ которой образа развозятся въ сосѣднія губерніи, и церковь съ очень дорогими церковными принадлежностями. Отъ Чердыни до первой станціи Вильгорда—17 верстъ; еще 17 верстъ—и мы въѣзжаемъ въ Искоръ — въ древнія времена большой городъ, нынѣ — ничѣмъ не замѣчательное село.

Въ десяти верстахъ отъ Искора находится село Ныробъ. Здѣсь рѣшено было остановиться. На земской почтовой станціи мы съ удовольствіемъ напились чаю и отдохнули, а затѣмъ пошли осматривать достопримѣчательности Ныроба: часовню въ память Михаила Никитича Романова и двѣ древнія церкви—зимнюю Никольскую и лѣтнюю Богоявленскую.

Ныробъ—село историческое. Сюда, по приказанію Бориса Годунова, въ 1601 году, сосланъ былъ бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, братъ митрополита Филарета и родной дядя царя Михаила Ѳедоровича.

Преданіе говоритъ, что Михаилъ Никитичъ былъ красавецъ, огромнаго роста и необыкновенный силачъ. Скованнаго по рукамъ и ногамъ, его привезли въ Ныробъ въ глухой кибиткѣ со стражей, подъ начальствомъ Романа Андреевича Тушина, и посадили на желѣзной цѣпи въ яму, куда подавали ему хлѣбъ и воду.

Ныробцы жалѣли несчастнаго плѣнника и, чтобы какъ-нибудь облегчить его участь, посылали къ тому мѣсту, гдѣ была яма,

играть дѣтей, которымъ давали провизію для заключеннаго; дѣти, бѣгая и играя, спускали незамѣтно въ яму то, что̀ получали отъ родителей. Наконецъ, кто-то изъ ныробцевъ донесъ объ этомъ Тушину, который засталъ дѣтей на мѣстѣ преступленія, узналъ, что они это дѣлали по приказанію родителей, и сообщилъ Борису Годунову. Годуновъ приказалъ отвезти пять ныробцевъ въ Казань и пытать.

Михаилъ Никитичъ прожилъ въ ямѣ около года и умеръ съ голода.

Григорій Отрепьевъ приказалъ перевезти его тѣло въ Москву и похоронить въ монастырѣ у Спаса-на-Новомъ.

Ныробцы чтутъ Михаила Никитича, какъ святого, и богомольцы надѣваютъ на себя его оковы и простаиваютъ въ нихъ всю длинную великопостную службу.

За сердечное отношеніе къ Михаилу Никитичу ныробцы пользовались разными царскими милостями: Михаилъ Ѳедоровичъ сложилъ съ ныробскихъ крестьянъ всѣ подати и пожаловалъ селу церковныя принадлежности, т.-е. иконы, ризы и книги; Алексѣй Михайловичъ надѣлилъ причтъ землей. Петръ Великій отнялъ льготы у крестьянъ, но ныробское духовенство до 1852 г. оставалось въ привилегированномъ положеніи.

5-го іюля, въ день нашего пріѣзда, въ Ныробѣ было уже много богомольцевъ, ожидавшихъ крестнаго хода въ Чердынь съ иконой Николая Чудотворца. Въ церквахъ весь день горѣли свѣчи, и трудовыя народныя копѣйки, какъ изъ рога изобилія, сыпались въ церковныя кружки.

Шествіе съ иконой начинается 6-го утромъ, при колокольномъ звонѣ съ обѣихъ церквей. Къ этому времени въ село собирается до шести тысячъ богомольцевъ.

Изъ Ныроба мы поѣхали обратно въ Искоръ, такъ какъ другого проѣзднаго пути до Бахарей нѣтъ.

Дождь пересталъ. Незамѣтно сплошныя сѣрыя покрывала обратились въ группы густыхъ, причудливыхъ облаковъ и въ небольшой просвѣтъ показался клочокъ голубого неба; онъ сталъ быстро оттѣснять полчища своихъ воздушныхъ враговъ, развертываться шире и шире, и наконецъ солнце залило всю окрестность яркимъ свѣтомъ. Дорога и мокрый лѣсъ блестѣли какъ покрытые лакомъ. Капли дождя сверкали на высокой травѣ и на множествѣ цвѣтовъ, окаймлявшихъ дорогу.

Отъ Искора мы проѣхали семнадцать верстъ на югъ, до села Оралова, гдѣ остановились на часъ, чтобы осмотрѣть земскую школу. Школа произвела хорошее впечатлѣніе. Помѣщается

она въ двухъ-этажномъ деревянномъ домѣ; вверху—три свѣтлыхъ, довольно большихъ комнаты для трехъ отдѣленій; внизу—квартира учителя. При школѣ есть маленькая библіотека съ книгами для дѣтей и для народа. Учениковъ обоего пола въ ораловской школѣ бываетъ до пятидесяти человѣкъ, преимущественно мѣстные жители, но есть нѣсколько и изъ сосѣдней деревни; учатся дѣти охотно.

Нужно сказать въ похвалу чердынскому земству, что оно старается обставить школы какъ слѣдуетъ и никогда не отказываетъ въ присылкѣ нужныхъ учебниковъ и школьныхъ принадлежностей. Учителя получаютъ тридцать рублей жалованья и даже болѣе, при готовой квартирѣ, и хотя пенсій имъ не давалось, а только пособія, но въ принципѣ земство признаетъ необходимость обезпечить учительскій персоналъ на старости, и теперь, быть можетъ, этотъ вопросъ уже рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Въ Чердынскомъ уѣздѣ есть нѣсколько церковно-приходскихъ школъ, но жители предпочитаютъ земскія, потому что священники часто пропускаютъ уроки, тогда какъ на земскихъ учителей почти никогда не бываетъ жалобъ. Въ такомъ уѣздѣ, какъ Чердынскій, гдѣ много раскольниковъ, церковно-приходскія школы—только помѣха грамотности и обремененіе земскаго бюджета. Такъ, напр., въ сѣверной части уѣзда, въ одномъ селѣ, гдѣ много сектантовъ, по желанію архіерея открыта была церковно-приходская школа, но населеніе не пожелало посылать въ нее своихъ дѣтей, и учениковъ оказалось всего человѣка четыре. Земство сочло невозможнымъ расходовать четыреста рублей для такого количества учащихся, и на эти деньги открыло въ сосѣдней деревнѣ земскую школу; тогда желающихъ учиться оказалось больше, чѣмъ можно было принять.

III.

Отъ Оралова до Бахарей — всего десять верстъ. Было три часа, когда мы въѣзжали въ эту небольшую, заурядную деревеньку, разбросанную по берегу Вишеры у подножія Полюда. Остановились мы на земской квартирѣ, въ ветхомъ домишкѣ.

Есть преданіе, что Полюдъ получилъ свое названіе отъ сича Полюда, жившаго когда-то недалеко отъ этой горы. Вѣрность преданія подтверждается тѣмъ, что въ новгородскихъ лѣтописяхъ 1268 года въ числѣ новгородскихъ гражданъ упоминается Полюдъ, а потому можно предположить, что близъ Полюда было

какое-нибудь новгородское поселеніе, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ упомянутыхъ гражданъ.

Пока наши спутники хлопотали о наймѣ лошадей для поднятія на Полюдъ, мы съ учительницей вышли на балконъ полюбоваться Вишерой. Боже! какой чудный воздухъ вдохнули мы! Какая-то особенная свѣжесть и въ то же время удивительная мягкость! Внизу струилась Вишера; на противоположномъ берегу между двумя зелеными холмами ютилась деревенька.

Скоро вернулись наши спутники, а минутъ черезъ десять у воротъ стояли уже двѣ телѣги, запряженныя въ пары. Закусивъ наскоро для подкрѣпленія силъ, мы покатили на Полюдъ. Широкая дорога шла по смѣшанному лѣсу, подымаясь совершенно для насъ незамѣтно. Мы бесѣдовали съ нашимъ возницей, забавляясь его своеобразной рѣчью. Въ Чердынскомъ уѣздѣ говорятъ чрезвычайно оригинально: довольно вяло, уснащая рѣчь маленькими частичками, какъ-то: *де*, *ка*, *ну*, *то*, и удивительно разнообразно протягивая концы фразъ. Это распѣваніе концовъ придаетъ рѣчи нѣкоторую музыкальность, особенно когда нѣсколько чердынцевъ соберутся вмѣстѣ побесѣдовать и каждый кончаетъ фразу, разнообразя подпѣваніе на всѣ лады. Нашъ возница, къ тому же, „цокалъ“, т.-е. употреблялъ *ц* вмѣсто *ч*, что дѣлало рѣчь его еще забавнѣе.

Сначала дорога была хорошая, потомъ—сносная, такъ что лошади могли трусить мелкой рысцой, но черезъ часъ деревья стали сдвигаться все ближе и ближе, чаще попадались корни и упавшія лѣсины и, наконецъ, ѣзда сдѣлалась мученьемъ. Мы стоически подпрыгивали чуть не на полъ-аршина, стараясь легче упасть въ кузовъ телѣги и цѣпляясь за что попало, чтобы не ушибиться. Наконецъ, терпѣніе наше истощилось; мы вышли изъ телѣги и заявили, что пойдемъ пѣшкомъ. Тотчасъ же распрягли и спутали лошадей, одного возницу оставили сторожить, такъ какъ по близости попадаются медвѣди, другого взяли съ собой и пошли дальше. Скоро дорога превратилась въ узкую тропинку, которая круто подымалась вверхъ между двумя стѣнами высокаго, густого лѣса. Такой запущенный, сырой лѣсъ на мѣстномъ нарѣчіи называется „парма“. Мы шли молча и поднимались все выше и выше по извивавшейся лѣсной тропинкѣ.

Мы ощущали какой-то трепетъ ожиданія; казалось, что намъ предстоитъ увидѣть что-то необыкновенно величественное и красивое, и мы поминутно обращались къ своимъ спутникамъ съ вопросомъ: скоро ли вершина? Надъ нашимъ нетерпѣніемъ подсмѣивались и говорили, что уже недолго осталось идти. На

одномъ изъ поворотовъ высокій, безконечный лѣсъ пресѣкся, и мы увидѣли внизу что-то чудное, широкое, особенно заманчивое сквозь блестящую дымку, но минута—и за поворотомъ видѣніе исчезло.

Мы шли уже среди приземистыхъ березъ и сосенъ, среди начинавшей желтѣть травы; характеръ растительности указывалъ на то, что мы близки къ вершинѣ. Тутъ часто попадались деревья съ отрѣзанными бурей верхушками; вмѣсто зеленой травы росъ мохъ и истрепанный желтый кустарникъ.

Еще нѣсколько сотъ шаговъ, и мы—на вершинѣ Полюда, на высотѣ 1.720 футовъ.

Прежде всего намъ бросились въ глаза раскиданные по всей вершинѣ, точно нарочно высѣченные изъ камня, огромные кубы и параллелопипеды.

Среди нихъ возвышается скала, на которой лежитъ большой камень; въ одномъ мѣстѣ онъ отстаетъ отъ скалы и образуетъ какъ бы навѣсъ.

Намъ сказали, что подъ этимъ навѣсомъ жилъ какой-то геологъ, занимавшійся изслѣдованіями на Полюдѣ.

Какъ только мы оглядѣлись вокругъ себя, въ нашей памяти почему-то ясно встала картина изъ Мильтоновскаго рая; какая—уже не помнимъ, но общій характеръ грознаго величія былъ налицо: кругомъ—угрюмыя, сѣрыя скалы, а внизу—море темнаго сосноваго лѣса; вблизи различаются отдѣльные кедры и сосны; дальше—темнозеленая масса. Глазъ обнимаетъ далекое пространство, и кажется, что передъ вами лежитъ огромная географическая карта; синими пятнами представляются озера; зелеными кучками—лѣса; бѣлесоватыми линіями извиваются Колва и красавица-Вишера. Можно было прекрасно оріентироваться съ высоты Полюда. Мы отыскали Чердынь, отъ нея—окрестныя деревни, озера и мѣста, которыя только-что проѣхали. Села и рѣки, знакомыя намъ и учительницѣ только по имени, намъ указали наши спутники. Насмотрѣвшись вдоволь, мы сѣли на краю обрыва, чтобы насладиться ощущеніемъ высоты. Недолго пришлось отдыхать. Солнце стояло уже низко, и пора было спускаться съ Полюда. Сошли мы быстро и, среди разговора, незамѣтно; лошадей нашли цѣлыми и невредимыми, хотя по близости виднѣлись свѣжіе слѣды медвѣдя. Очевидно, онъ бродилъ здѣсь поутру. Когда мы въѣзжали въ Бахари, то уже вечерѣло. Вишерѣ угасалъ послѣдній отблескъ зари.

На берегу уже были приготовлены для насъ двѣ лодки—очень длинныя и узкія,—называемыя „душегубками“ (выдолблен-

ныя толстыя бревна съ набитыми маленькими бортиками, отесанныя на концахъ такъ, чтобы образовались носъ и корма). Дно лодокъ было устлано соломой, по серединѣ сдѣланы соломенныя горки, къ которымъ мы прислонили подушки и, устроивъ такимъ образомъ комфортабельныя ложа, расположились по два человѣка въ лодкѣ, головами вмѣстѣ, а ногами врозь. Стоймя поставленныя подушки служили спинками, и сидѣть было удобно. Хотя видѣть своего сосѣда нельзя, такъ какъ двигаться въ такой узкой и валкой лодкѣ не позволяется, но разговаривать ничто не мѣшаетъ.

Вишера такъ быстра, что грести противъ теченія невозможно, и потому приходится идти на шестахъ около берега, упираясь въ дно рѣки. Вишерцы отталкиваются такъ искусно, что лодка идетъ прямо какъ стрѣла и очень плавно. Толчки чувствуются только на камняхъ, гдѣ вода пѣнится и вздувается. Мы плыли противъ теченія; коренастый, загорѣлый старикъ стоялъ на носу и равномѣрно, какъ маятникъ, махалъ шестомъ.

Между тѣмъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ занималъ насъ разсказами, и сообщилъ, что, ночуя какъ-то въ пермятской деревушкѣ, онъ пораженъ былъ неимовѣрнымъ количествомъ таракановъ въ избѣ, и на вопросъ, почему ихъ не выводятъ, получилъ такой оригинальный отвѣтъ: „Вѣдь тараканъ больно чисто обиходитъ посуду; нѣшто можетъ человѣкъ такъ изобиходить горшки, какъ изобиходятъ тараканы?“

Таково убѣжденіе хозяекъ, и потому онѣ никогда не моютъ посуды, а ставятъ ее грязной на полку и ждутъ, пока тараканы ее очистятъ.

Другой разсказъ еще ужаснѣе. Какъ-то на масляницѣ, которую пермяки очень чтятъ, нашъ знакомый попалъ въ отдаленную пермятскую деревню. Войдя въ какую-то избу, онъ засталъ всю семью за столомъ. Въ углу, на почетномъ мѣстѣ сидѣла женщина съ открытыми глазами, распухшая и посинѣвшая; оказалось, что это—трупъ умершей въ тотъ день роженицы.

— Зачѣмъ вы посадили за столъ покойницу?—спросилъ нашъ знакомый.—Вѣдь это ужасно!

— А пусть съ нами масляницу справлятъ,—отвѣчали ему.

Гробъ на мѣстномъ нарѣчіи называется „домовищемъ“, и его обыкновенно начинаютъ дѣлать тутъ же при больномъ, когда онъ еще въ полномъ сознаніи и далекъ отъ смерти. Въ подобныхъ благодатныхъ уголкахъ Чердынскаго уѣзда нѣтъ телѣгъ, а ѣздятъ всегда на волокушахъ (двѣ длинныхъ палки съ перекладиной, къ которой привязываютъ грузъ), и не далѣе, какъ лѣтъ

пятнадцать тому назадъ, не знали употребленія спичекъ. И все-таки, несмотря на поразительную некультурность нѣкоторыхъ мѣстъ, въ Чердынскомъ уѣздѣ не слыхать, чтобы люди голодали или даже терпѣли особенную нужду, потому что всюду есть какой-нибудь заработокъ.

Вишерцы развитѣе жителей сѣверныхъ волостей. Въ былое время они отличались честностью и чистотой нравовъ, занимались земледѣліемъ, были неутомимые охотники, искусные рыболовы и имѣли большіе заработки: отъ сплава лѣсныхъ матеріаловъ, отъ перевозки грузовъ и пассажировъ въ душегубкахъ, а также отъ продажи кедровыхъ орѣховъ, при сборѣ которыхъ часто срубались столѣтніе кедры.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Чердынскій уѣздъ объявили открытымъ для горной промышленности, и съ той поры стали открываться въ верховьяхъ Вишеры, по ея притокамъ, Велсу, Улсу и Кутиму, сначала золотые пріиски, а затѣмъ чугуноплавильные заводы. Въ разсчетѣ на легкій заработокъ вишерцы забросили поля, ружья и рыболовныя снасти и бросились на заводы. Здѣсь они научились пить, потеряли честность и нравственность. „Отпѣтый народъ вишерцы!“ — говорятъ теперь о нихъ въ уѣздѣ.

Вишера течетъ на протяженіи пятисотъ верстъ и прежде была судоходна, на небольшомъ разстояніи; но лѣтъ десять тому назадъ ее очистили отъ камней, углубили въ мелкихъ мѣстахъ, и въ настоящее время отъ Чердыни до Усть-Ульса (послѣдней деревнѣ на Вишерѣ) двѣсти верстъ ходятъ пароходы съ баржами; благодаря этому, вишерскія душегубки потеряли большую часть заработка, такъ какъ перевозить приходится только почту, чиновниковъ да кое-какихъ пассажировъ.

Нашъ спутникъ продолжалъ занимать насъ разсказами, и, не замѣчая времени, мы двигались все дальше между зелеными пушистыми стѣнами лѣса, среди безлюдья и тишины. Но вотъ мы подъѣзжаемъ къ высокой сѣрой крѣпостной стѣнѣ съ круглыми выступающими башенками; по хребту ея стоятъ щеткой темныя сосны.

Долго тянулся Ветланъ, наконецъ оборвался — и снова пошли зеленыя горки. Изрѣдка попадались деревушки съ прилегающими къ нимъ желтоватыми четырехугольниками полей.

Скоро мы опять увидали еще одинъ камень, отвѣсной стѣной ускающійся къ рѣкѣ.

Нашъ спутникъ сообщилъ намъ, что этотъ камень носитъ наіе „Говорливаго“, благодаря его необыкновенному эхо. Мы

проплыли подъ нимъ, такъ какъ онъ значительно выступаетъ надъ водой и образуетъ какъ бы навѣсъ. Остановиться, чтобы послушать эхо, было неудобно; это дѣлаютъ обыкновенно плывя по теченію.

Скоро мы пристали къ селу Говорливому; на берегу Вишеры намъ разостлали коверъ и принесли самоваръ. Гребцы ушли на село отдыхать, а мы занялись закуской и чаепитіемъ.

Мы проѣхали только одну станцію въ восемнадцать верстъ. Этого разстоянія достаточно, чтобы познакомиться съ характеромъ рѣки и насладиться ея красотами. Часа черезъ два явились наши гребцы, и, угостивъ ихъ чаемъ, мы поѣхали обратно.

Теперь лодка шла по теченію, по серединѣ рѣки; грести почти не приходилось. Противъ „Говорливаго“ камня мы остановились и начали кричать; сначала—отдѣльныя слова: „Здравствуй! Кто ты?“ Эхо повторяло ихъ отчетливо, громко, точно передавая тэмбръ голоса. Казалось, что въ широкой башнѣ Говорливаго заключенъ кто-то—до того былъ реаленъ исходившій изъ нея голосъ. Попробовали спѣть короткую музыкальную фразу, и эхо повторило ее со всѣми оттѣнками голосовъ.

Когда мы подплывали къ Бахарямъ, уже взошла луна, и изъ мрачной лѣсной чащи неслось уханье филина...

Уѣзжая изъ Чердыни, мы думали о томъ, какое будущее у этого заброшеннаго богатаго края. Невольно являлась мысль, во что̀ бы онъ обратился въ рукахъ предпріимчивыхъ американцевъ или трудолюбивыхъ японцевъ, и чѣмъ будетъ у насъ, если судить по тому, какъ велись здѣсь наши дѣла до сихъ поръ. Все это предсказать не трудно: вырубятъ и выжгутъ лѣса, перебьютъ звѣря и птицу, выловятъ въ рѣкахъ рыбу, а добывать богатства изъ нѣдръ земли предоставятъ иностраннымъ капиталистамъ.

Всѣ чугуноплавильные заводы — въ устьяхъ притоковъ Вишеры, — Улса, Велса и Кутима,—прежніе владѣльцы которыхъ вели дѣло неумѣло и халатно,—въ настоящее время куплены французской компаніей, получившей разрѣшеніе на эксплоатацію вишерскихъ богатствъ. Золотое дѣло, которое начато русскими въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, до сихъ поръ не можетъ наладиться; все время ведутся развѣдки, но богатыхъ розсыпей пока не найдено, и на существующихъ пріискахъ золота вымывается очень небольшое количество.

Р. Ф.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБМАНЪ.

Слѣпца отрада—въ тайномъ царствѣ тѣней.
Лишь ночь ему приноситъ свой привѣтъ.
Ее онъ ждетъ, чтобъ въ мірѣ сновидѣній
Увидѣть свѣтъ.

Но рой видѣній, дивно-прихотливый,
Разсѣялся, какъ только лучъ проникъ,
И пробужденья мигъ, намъ радостно-счастливый,
Ему—печальный мигъ.

Міръ такъ же слѣпъ... И вольный хоръ видѣній—
Изъ милой лжи предательскихъ огней—
Ума холодныхъ пробужденій
Ему прекраснѣй и роднѣй.

Жди, жди, слѣпецъ, благословенной ночи,
Какъ я жду сновъ обманчивой мечты!
Тогда опять твои прозрѣютъ очи
Для созерцанья красоты.

А. Мейснеръ.

СѢВЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ

XVII-мъ ВѢКѢ

Древне-русскій сѣверный поморскій [1]) монастырь не разъ уже привлекалъ къ себѣ вниманіе нашей исторической литературы, которая хорошо выяснила его значеніе и какъ просвѣтительно-нравственнаго учрежденія въ окружающей его темной средѣ, подававшаго обществу назидательный примѣръ высокаго нравственнаго совершенствованія и упорной борьбы съ человѣческой природой путемъ аскетическаго подвига и, съ другой стороны, какъ хозяйственной организаціи, землевладѣльческой или промышленной, сыгравшей видную колонизаторскую роль въ сѣверномъ краѣ, нерѣдко руководившей обществомъ въ его борьбѣ съ суровой внѣшней природой. Нѣсколько вновь найденныхъ неизданныхъ документовъ, относящихся къ XVII в., даютъ оправданіе нашей попыткѣ еще разъ возвратиться къ этому далеко не новому вопросу о значеніи монастыря въ исторіи нашего Сѣвера.

I.

Прежде всего является возможность бросить нѣкоторый свѣтъ именно на хозяйственное, землевладѣльческое значеніе монастыря

[1]) „Поморскими городами“, Поморьемъ на административномъ языкѣ XVI и XVII вв. назывались мѣстности на сѣверѣ Европ. Россіи по берегамъ Бѣлаго моря, по Онежскому озеру и по рѣкамъ Онегѣ, Сѣверной Двинѣ, Мезени, Печорѣ и Камѣ съ Вяткой.

на Сѣверѣ, указавъ положеніе, которое онъ занималъ среди другихъ землевладѣльцевъ края. Въ древности въ Поморьѣ земля распредѣлялась между тремя разрядами собственниковъ: наибольшая ея часть принадлежала государству, была государственной „черной" землей, какъ тогда выражались; другая часть принадлежала частнымъ лицамъ; наконецъ, третья составляла собственность церкви, церковныхъ учрежденій и въ томъ числѣ монастырей. Благодаря свойству матеріала, къ которому обыкновенно обращаются за статистическими свѣдѣніями по древне-русскому землевладѣнію—„писцовымъ" книгамъ разныхъ видовъ, т.-е. поземельнымъ и подворнымъ переписямъ, предпринимавшимся время отъ времени московскимъ правительствомъ,—приходится отказаться отъ мысли узнать точное отношеніе между тремя указанными видами землевладѣнія, такъ какъ писцовыя книги не представляютъ полныхъ данныхъ для пространственныхъ опредѣленій. Однако нѣтъ основаній отказываться отъ надежды вычислить это отношеніе, хотя бы очень приблизительно, въ грубыхъ очертаніяхъ. Названный выше матеріалъ даетъ для такого вычисленія средства. Отношеніе видовъ землевладѣнія можно приблизительно выразить по даннымъ о населеніи каждаго вида земель, по цифрамъ дворовъ разныхъ категорій крестьянъ, записанныхъ на этихъ земляхъ. Правда, сравненіе этихъ цифръ дворовъ не дастъ намъ представленія о сравнительной величинѣ земельныхъ площадей. Оно покажетъ только распредѣленіе народнаго труда по разнымъ категоріямъ землевладѣнія, но этимъ трудомъ и измѣрялись встарину земли гораздо чаще, чѣмъ земельными мѣрами, такъ какъ цѣнилась только та земля, къ которой прилагался трудъ. Припомнимъ, что еще въ первой половинѣ XIX в. размѣры имѣній выражались не количествомъ земли, а количествомъ приложенной къ ней рабочей силы,—значащихся въ имѣніи крѣпостныхъ душъ. Въ общемъ распредѣленіе, по крайней мѣрѣ, обрабатываемыхъ земель по тремъ категоріямъ землевладѣльцевъ, конечно, будетъ соотвѣтствовать этому распредѣленію дворовъ.

Сравненіе цифръ дворовъ показываетъ намъ, что церковное землевладѣніе на сѣверѣ XVII в. занимаетъ второе мѣсто, уступая первенство черной государственной землѣ, составлявшей по ѣльнымъ тогдашнимъ уѣздамъ отъ 65% до 99% всей земли.

Изъ 15 уѣздовъ, составъ землевладѣнія которыхъ намъ извѣстенъ по писцовымъ книгамъ XVII в., только въ двухъ преимущественно черносошныхъ: Мезенскомъ (по р. Мезени) и такъ ываемыхъ Устьянскихъ волостяхъ (по верховьямъ рѣки Ваги

и ея притокамъ Устьѣ и Пежмѣ) не было церковныхъ владѣній, если не считать небольшого количества земель, отведенныхъ приходскимъ церквамъ, которыя правильнѣе относить къ чернымъ же землямъ, такъ какъ ихъ хозяевами были тѣ же общества—міры государственныхъ крестьянъ, которые распоряжались черною землею. Въ остальныхъ мѣстностяхъ владѣнія церковныхъ учрежденій, т.-е., главнымъ образомъ, монастырей, съ присоединеніемъ сюда сравнительно съ монастырями небольшого количества земель архіерейскихъ каѳедръ, составляли отъ 32,8% до 5%. Церковными землями особенно изобиловали: Заонежье—мѣстности вокругъ Онежскаго озера (2.431 дворъ въ 1646 г.—32% всѣхъ дворовъ уѣзда), гдѣ находились вотчины новгородскаго митрополита и крупныхъ новгородскихъ монастырей, Вятская земля (2.089 дворовъ въ 1678 г.—24,3%), Двинскій уѣздъ съ громадными территоріями Соловецкаго монастыря и съ вотчинами множества поморскихъ монастырей, среди которыхъ наиболѣе крупнымъ былъ Антоніевъ-Сійскій (всего 777 дв. въ 1678 г.—21% дворовъ всего уѣзда). Въ остальныхъ уѣздахъ доля церковнаго землевладѣнія среди другихъ категорій землевладѣній была гораздо меньше, спускаясь отъ 13%—въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ до 5% въ Кайгородскомъ и Чердынскомъ по книгамъ 1678 г.

Въ Поморьѣ владѣли землями въ XVII в. нѣкоторые не поморскіе иногородные монастыри. Такъ Кириллову Бѣлозерскому монастырю принадлежали рыбные промыслы на южной части Кольскаго полуострова въ волости Умбѣ. Крупные новгородскіе монастыри: Никольскій Вяжицкій, Спасовъ Хутынскій и Ростовинъ Дѣвичій владѣли вотчинами въ Заонежьѣ; московскіе монастыри Троице-Сергіевскій и Новоспасскій были вмѣстѣ съ поморскими Соловецкимъ и Николо-Корельскимъ дольщиками во владѣніи другою волостью на южномъ берегу Кольскаго полуострова—Варзугой, доходной заморской колоніей крупнѣйшихъ русскихъ монастырей, составлявшихъ во главѣ съ патріархомъ какъ бы своего рода промысловое товарищество для ея эксплоатаціи. Можно замѣтить, что по преобладающему характеру своихъ владѣній новгородскіе монастыри оказывались въ Поморьѣ преимущественно сельскими хозяевами, тогда какъ московскіе владѣли здѣсь, главнымъ образомъ, соляными и рыбными промыслами.

Мѣстные поморскіе монастыри, не говоря пока о Соловецкомъ, въ виду несоизмѣримости его владѣній съ владѣніями всѣхъ остальныхъ, можно подраздѣлить на двѣ категоріи: къ первой

можно отнести крупные монастыри, ко второй — пу́стыни. Въ каждомъ краю Поморья была своя выдающаяся, наиболѣе чтимая обитель, знаменитая подвигами основавшаго ее святого, мощи котораго тамъ иногда покоились, или славившаяся какой-нибудь чудотворной иконой. Эти святыни привлекали къ монастырямъ богомольцевъ, а также пожертвованія деньгами и землей, изъ которыхъ составлялось и росло богатство монастыря. По описаніямъ, сохраненнымъ намъ писцовыми книгами, мы можемъ возстановить видъ такого крупнаго сѣвернаго монастыря. Онъ стоитъ обыкновенно на берегу рѣки, озера или на морскомъ берегу при рѣчномъ устьѣ; въ немъ двѣ или три церкви; при одной изъ нихъ трапезная, гдѣ сходится братія, и иногда „келарская", гдѣ принимаютъ и угощаютъ знатныхъ посѣтителей. Церкви всегда деревянныя, только въ двухъ монастыряхъ по писцовымъ книгамъ XVII в. показаны каменныя: въ Антоніевомъ-Сійскомъ упоминается уже въ 20-хъ годахъ каменная церковь о пяти верхахъ и въ Архангельскомъ монастырѣ на Устюгѣ по описанію 1678 г. — „церковь холодная, каменная на палатахъ о пяти главахъ съ двумя придѣлами; около церкви кругомъ паперть каменная жъ. У паперти на переднемъ углу съ сѣвера колокольня каменная шатровая. На церкви и на колокольнѣ главы опаяны бѣлымъ желѣзомъ". Каменная колокольня также рѣдкость; обыкновенно она деревяная „рубленая" и на ней иногда „часы боевые". Писцовая книга подробно перечисляетъ колокола, большіе и малые, съ указаніемъ ихъ вѣса и именъ жертвователей. Такія же подробныя описанія даетъ она для церковной утвари, иконъ, облаченій, а въ нѣсколькихъ случаяхъ переписана даже металлическая, оловянная и мѣдная монастырская посуда, служившая признакомъ достатка по тому времени: блюда, тарелки, судки, кандеи, кумганы, ендовы, котлы и т. д. „На монастырѣ", т.-е. около церквей, расположены кельи братіи, причемъ высшіе чины монастыря—игуменъ, строитель, келарь, казначей, соборные старцы—живутъ въ особыхъ кельяхъ, остальная братія—въ нѣсколькихъ общихъ, но иногда каждый инокъ помѣщается въ особой, вѣроятно очень небольшихъ размѣровъ кельѣ. Тутъ же находятся и необходимыя службы: хлѣбня, поварня и, по большей части, „больничная келья". Монастырь обнесенъ деревянной оградой, „заборомъ", „заметомъ". За оградой расположены обыкновенно конный и скотный дворы и мельница, при которыхъ живутъ монастырскіе слуги, дѣтеныши или наемные работники. Иногда за монастыремъ устроенъ особый „дворъ гостинъ" или „дворъ для пріѣзжихъ людей", т.-е. гостиница для

богомольцевъ. Нерѣдко у монастыря ютится еще особая слободка, населенная монастырскими вкладчиками и бобылями-ремесленниками, работающими на монастырь.

Таковы были въ заонежскихъ погостахъ монастыри: св. Александра Свирскаго, расположенный по рѣкѣ Свири въ 35-ти верстахъ отъ города Олонца, владѣвшій 85 крестьянскими и бобыльскими дворами, Муромскій—на Онегѣ-озерѣ съ 30-ю дворами и Рождественскій Палеостровскій, въ вотчинахъ котораго числилось 11 дворовъ по переписи 1648 г. Богатѣйшимъ монастыремъ Каргопольскаго уѣзда былъ Ошевенскій-Успенскій на рѣкѣ Чурьюгѣ (лѣвомъ притокѣ Онеги). Второе мѣсто въ томъ же уѣздѣ занималъ Кожеозерскій монастырь на берегу Кожеозера въ Турчасовскомъ стану, владѣвшій 33 крестьянскими дворами въ разныхъ волостяхъ этого стана и рыбными промыслами въ Керетской волости Кольскаго уѣзда. Въ Кольскомъ уѣздѣ почитался Печенгскій монастырь на Мурманскомъ берегу — самый сѣверный изъ всѣхъ русскихъ монастырей, основанный преподобнымъ Трифономъ въ 1533 г. на р. Печенгѣ при впаденіи въ нее р. Имани. Черезъ нѣкоторое время по основаніи, онъ раздвоился: часть его была перенесена къ самому устью Печенги. Въ 1590 г. монастырь былъ сожженъ норвежцами; братія принуждена была искать спасенія въ Кольскомъ острогѣ, гдѣ пріобрѣла себѣ дворъ. Въ 1606 г. монастырю было отведено другое мѣсто у самаго города Колы; на старомъ же пепелищѣ на р. Печенгѣ были поставлены двѣ часовни: одна—на мѣстѣ первоначальнаго основанія надъ мощами преподобнаго Трифона, другая—при устьѣ Печенги „для лопскаго крещенія и вѣры православной“, какъ замѣчаетъ писцовая книга 1608 г., т.-е. для поддержанія православія среди окрестныхъ лопарей. При этихъ часовняхъ жило по два ежегодно смѣнявшихся старца, пріѣзжавшихъ изъ монастыря. Въ обители по описанію 1608 г. значились: игуменъ, 5 іеромонаховъ, 1 дьяконъ, 52 старца, 61 дьячковъ и трудниковъ, до 150 наемныхъ казаковъ (работниковъ). Владѣнія монастыря были значительны. Ему принадлежали рыбныя ловли по Мурманскому берегу, къ востоку и западу отъ Колы. „Всего“—заканчиваетъ книга описаніе владѣній монастыря—„съ тѣхъ угодьевъ, что Печенгскаго монастыря за старцы съ рыбныхъ ловель, съ рѣкъ и съ тонь, и съ ручьевъ, и съ сѣнныхъ покосовъ, съ поженъ и съ росчистей, и съ теребовъ, съ Печенгскіе губы, и съ рѣки Печенги, и съ иныхъ рѣкъ и тонь, и съ Колы рѣки съ половины забора (т.-е. съ половины рыбнаго улова, производившагося посредствомъ устройства

забора въ рѣкѣ), и съ тонь, и съ рѣчки, и съ варницы, что въ Кольской губѣ и съ Туломскихъ рыбныхъ ловель, и съ сѣнныхъ покосовъ, что на Туломѣ рѣкѣ и по Колѣ и въ Кольской губѣ, и съ мельницею, и съ луговыхъ угодій, на которыхъ нынѣ оброкъ положенъ... было прежде всего въ государеву казну дани и оброку 17 р. 11 алт. на годъ". Но по жалованной грамотѣ Василія Шуйскаго монастырь былъ освобожденъ отъ платежа этихъ денегъ. Мало того, въ его пользу шли дань и оброкъ съ трехъ погостовъ, населенныхъ крещеными лопарями, которые, по замѣчанію писцовой книги, „промышляютъ въ лѣтѣ на морѣ, удятъ рыбу, а живутъ на морскомъ берегу въ вежахъ; а въ осень по лѣшимъ мѣстомъ, по озеркамъ, по монастырской вотчинѣ ловятъ бѣлую рыбу, да по лѣсу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ, тѣмъ ся и кормятъ".

Съ такою же физіономіей рыбопромышленнаго предпріятія, только меньшихъ размѣровъ, выступаетъ и другая обитель Кольскаго полуострова—Кандалашскій монастырь, расположенный при устьѣ рѣки Нивы, впадающей въ Кандалашскую губу. Монахъ-рыболовъ чувствуется здѣсь изъ-за тѣхъ отрывистыхъ сухихъ данныхъ, которыя приводятся писцовой книгой, описавшей монастырь въ 1608 году. Здѣсь видимъ также церковь съ трапезной и келарской, среди келлій—двѣ больницы, поварню, хлѣбню, швальню, дружинную (дружинами называются на сѣверѣ рыболовные отряды), скотный дворъ, амбары съ монастырскими запасами „да за монастыремъ на другой сторонѣ отъ моря амбаръ монастырскій же, а держатъ въ немъ судовую снасть". Въ монастырѣ было тогда 31 человѣкъ трудниковъ, „да по службамъ наемныхъ соловаровъ и дровосѣковъ, и дрововозовъ—70 человѣкъ". Изъ этихъ цифръ о личномъ составѣ сѣверныхъ промышленныхъ монастырей Печенгскаго и Кандалашскаго видно, въ какой широкой степени примѣнялся на ихъ промыслахъ вольнонаемный трудъ.

Въ Двинскомъ уѣздѣ доминирующую роль, конечно послѣ Соловецкаго, игралъ Антоніевъ-Сійскій монастырь, основанный въ двадцатыхъ годахъ XVI в. на островѣ озера Михайлова, вблизи рѣки Сіи, впадающей въ Двину, одинъ изъ богатѣйшихъ древнерусскихъ монастырей. По писцовой начала двадцатыхъ годовъ XVII в. въ немъ считалось 89 чел. монаховъ. Въ складахъ монастыря на Вологдѣ лежало въ моментъ описи 14.000 пудовъ соли, да на Холмогорахъ 10.000 пудовъ. Монастырь велъ значительныя соляныя операціи, пуская ежегодно по Двинѣ два дощаника съ солью, вмѣстимостью въ 8.000 пудовъ каждый. Всего

за монастыремъ въ его деревняхъ Двинскаго уѣзда по переписи 1622—24 гг. значилось 180 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и это число возросло до 309 къ 1678 г.

Изъ остальныхъ монастырей Двинскаго уѣзда наиболѣе крупными были Архангельскій, древнѣйшій монастырь края, основанный, по преданію, въ XII вѣкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ городъ Архангельскъ, такъ что монастырь оказался потомъ въ чертѣ города; Николо-Корельскій—на одномъ изъ острововъ Пудожемскаго устья Двины, основанный Маѳою Борецкою надъ могилами ея погибшихъ здѣсь на морѣ сыновей. Изъ описанія Корельскаго монастыря въ писцовой книгѣ видно, что онъ игралъ роль крѣпости: онъ былъ обнесенъ деревянной стѣной, а въ монастырской казнѣ хранилось 25 нѣмецкихъ самопаловъ и пудъ зелья.

На сѣверо-востокѣ Поморья, въ Кеврольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ на рѣкѣ Печорѣ и въ обширномъ Яренскомъ уѣздѣ значительныхъ монастырей мы не встрѣчаемъ; тамъ были только небольшія пустыни. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ XVII в. было всего два монастыря, оба крупныхъ, поддерживаемыхъ пожертвованіями Строгановыхъ: Николо-Коряжемскій—при впаденіи Коряжемы въ Вычегду, и Введенскій, находившійся въ самомъ посадѣ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ—цѣлая группа крупныхъ монастырей; два изъ нихъ—на посадѣ: Архангельскій и Ивановскій; Троицкій-Гледенскій—при сліяніи Юга съ Сухоной въ Быкокурскомъ стану; Телѣговъ—на Двинѣ, при впаденіи рѣчки Телѣговки въ волости Канзѣ Комарицкаго стана; Николо-Прилуцкій—на Двинѣ въ Ярокурскомъ стану. Устюжскіе монастыри занимаются преимущественно сельскимъ хозяйствомъ. Ихъ владѣнія состоятъ изъ пахотныхъ земель, сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодій; рыбные промыслы въ рѣкахъ, при которыхъ расположены монастыри, служатъ лишь потребностямъ монастырскаго обихода.

Монастырскія владѣнія достигаютъ громадныхъ размѣровъ въ Вятской и Пермской земляхъ, и ихъ колоссальный ростъ совершается въ теченіе XVII в., параллельно съ тѣмъ, какъ колонизуется эта страна. Главной обителью Вятской земли былъ Успенскій-Трифоновъ монастырь, основанный по ходатайству вятскаго земскаго міра. При основаніи ему было пожаловано нѣсколько пригородныхъ пустошей. Въ 1678 г. писцы насчитали въ двухъ слободкахъ, расположившихся подъ оградой монастыря, 57 дворовъ, а въ его вотчинахъ, раскиданныхъ по всему Хлыновскому уѣзду, 1.090 крестьянскихъ дворовъ съ населеніемъ

въ 5.276 чел. мужского пола. Въ Пермской землѣ крупнѣйшимъ былъ Пыскорскій монастырь въ Соликамскомъ уѣздѣ, основанный Строгановыми въ 1558—60 годахъ и бывшій для нихъ семейной святыней. Строгановы уже при основаніи отвели ему обширныя земли по обоимъ берегамъ рѣки Камы и впослѣдствіи увеличивали ихъ количество новыми пожертвованіями. Вотчина монастыря представляла сплошную территорію и была выдѣлена въ особый административный округъ, независимый отъ уѣзднаго управленія. По переписи 1624 г. въ ней считалось 35 дворовъ. Перепись 1647 г. насчитывала уже 365 дворовъ; это число понизилось къ 1678 г. до 271, что объясняется переселеніемъ крестьянъ съ монастырскихъ земель въ Кунгурскій край, которое было предпринято правительствомъ съ цѣлью колонизаціи этого края межъ переписями 1647—1678 гг.

Всего въ XVII столѣтіи въ Поморьѣ, кромѣ уѣздовъ Важскаго края (по рѣкѣ Вагѣ, притоку Сѣв. Двины) и Чарондскаго (по берегамъ озера Воже), писцовыя книги которыхъ не сохранились, можно насчитать 76 монастырей, не включая сюда Соловецкаго и нѣсколькихъ зависимыхъ отъ него ближайшихъ къ нему скитовъ.

Соловецкій монастырь по размѣрамъ своихъ владѣній стоялъ совершенно особнякомъ между сѣверными монастырями. Достаточно простого перечня его вотчинъ и промысловъ, чтобы составить себѣ представленіе объ ихъ размѣрахъ.

Монастырь участвовалъ въ промыслахъ на Мурманскомъ берегу въ Кольскомъ уѣздѣ, гдѣ держалъ свои избы и амбары. Въ томъ же Кольскомъ уѣздѣ ему была пожалована вся Керетская волость, гдѣ, кромѣ охоты, рыбной ловли, солеваренія, жители и прихожіе промышленники занимались добычей жемчуга и слюды. „Въ Керети, — говорится въ писцовой книгѣ Кольскаго уѣзда 1608 г.,—тутошніе жильцы и прихожіе люди промышляютъ жемчугъ, а изъ тое добычи идетъ на государя десятое лучшее зерно“... „Въ Керетской волости, на Пулонгскомъ озерѣ тутошніе керетскіе жильцы и чюпляне, и чернорѣчане (погосты въ Чюпѣ и на Черной рѣкѣ) прихожіе люди промышляютъ въ каменныхъ горахъ—бьютъ слюду“. Въ концѣ XVI в. монастырь пріобрѣлъ небольшое владѣніе и въ другой Кольской волости—Кандалакшѣ. Монастырь былъ также дольщикомъ въ эксплоатаціи выше упомянутыхъ промышленныхъ волостей—Варзуги и Умбы на южномъ берегу Кольскаго полуострова. Особенно крупныя владѣнія были монастыря по западному берегу Онежской губы, гдѣ хозяйничала нѣкогда Марѳа Борецкая. Можно сказать, что весь этотъ

такъ называемый Корельскій берегъ на всемъ протяженіи отъ рѣки Кеми до рѣки Куши, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, принадлежавшихъ находившемуся здѣсь Николо-Корельскому монастырю, составлялъ сплошную вотчину Соловецкой обители. Въ 90-хъ годахъ XVI столѣтія въ собственность ей была отдана вся Кемская волость подъ условіемъ постройки тамъ для защиты отъ нападенія шведовъ—„каянскихъ нѣмцевъ"—крѣпости-острога, которую монастырь и сооружалъ на свои средства, содержа тамъ свой стрѣлецкій гарнизонъ. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Двинскаго уѣзда Соловецкому монастырю принадлежалъ погостъ Яренга съ 17-ю дворами по переписи 1678 г. Такихъ тянувшихся сплошными пространствами волостей, какъ въ Онежской губѣ, по берегу Двинской губы у монастыря не было, но его владѣнія: дворы, амбары, мельницы, соляныя варницы и рыбныя ловли, встрѣчаются въ каждомъ сколько-нибудь важномъ промышленномъ пунктѣ и этого побережья: въ Лудѣ, Унской губѣ, Неноксѣ, на рѣкѣ Солзѣ и на рѣкѣ Куѣ. Во внутренней части Двинскаго уѣзда, за монастыремъ, по книгамъ 1678 г. было въ Куреской волости и у церкви на погостѣ на берегу Двины три двора бобыльскихъ, принадлежавшихъ монастырю, и три двора „монастырскихъ", въ одномъ изъ которыхъ жили „приказные старцы, да служки монастырскіе для судовой пристани". Очевидно, что это была монастырская пристань, необходимая для монастырской флотиліи „дощаниковъ" и „карбасовъ", на которыхъ монастырь возилъ свою соль по Двинѣ. Роль такой же пристани, но болѣе крупной, съ торгомъ и ярмаркой, играло другое владѣніе монастыря на верхней Двинѣ въ предѣлахъ Устюжскаго уѣзда—Красноборскій погостъ съ 47-ю бобыльскими дворами, пріобрѣтенный монастыремъ въ концѣ XVII в. На погостѣ, по описанію 1676 г., значилось 66 лавокъ и амбаровъ, принадлежавшихъ, кромѣ монастыря, еще церкви Спаса Красноборскаго, Строгановымъ и устюжанамъ: посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ. Погостъ славился чудотворной иконой, привлекавшей богомольцевъ и содѣйствовавшей оживленію торга.

Изъ этого обзора видно, что Соловецкій монастырь предпочиталъ пріобрѣтать владѣнія по берегу моря, а не внутри поморскихъ уѣздовъ, такъ какъ въ Поморьѣ морскіе промыслы неизмѣримо доходнѣе сельскаго хозяйства и на ихъ эксплоатацію и была направлена хозяйственная дѣятельность монастыря. Изъ этихъ промысловъ выварка соли была главнымъ экономическимъ рессурсомъ монастыря. Въ XVII вѣкѣ онъ былъ, можетъ быть,

главнѣйшимъ поставщикомъ соли на русскій рынокъ. Онъ продавалъ ея до 130.000 пудовъ ежегодно [1]).

Въ число указанныхъ выше 76 монастырей входятъ какъ крупные монастыри, съ которыми мы уже познакомились, такъ и мелкіе—пустыни, къ категоріи которыхъ мы относимъ монастыри незначительные по составу братіи, бѣдные владѣніями или хотя и обладающіе значительными имуществами, но несамостоятельные, „приписанные“ къ большимъ монастырямъ и находящіеся отъ нихъ въ зависимости. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта цифра монастырей, записанныхъ въ писцовыя книги, должна быть далека отъ дѣйствительности и на самомъ дѣлѣ ихъ было больше. Не всегда монастырь былъ постояннымъ и прочнымъ учрежденіемъ; иногда существованіе его было мимолетно: онъ появлялся и исчезалъ въ той или другой мѣстности вмѣстѣ съ появленіемъ и исчезновеніемъ своего основателя, не успѣвая вырости, пустить прочныхъ корней въ той землѣ, гдѣ возникалъ, и попасть въ описаніе писцовой книги. Впрочемъ, описаніе такихъ микроскопическихъ монастырей, все-таки, встрѣчается въ писцовыхъ книгахъ XVII в. Такъ, описывая въ 1648 г. Александровъ Ошевенскій монастырь на р. Чюрьюгѣ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, писецъ отмѣтилъ и зависѣвшую отъ него „пустыньку“ на рѣчкѣ Шелтомѣ, „а въ ней церковь Преображенія Спасова, да дворъ монастырской, а въ немъ старецъ“. Вотъ и весь составъ этой пустыньки, которая, быть можетъ, со смертью этого старца запустѣетъ и совсѣмъ исчезнетъ. Таковы монастырьки: Троицкій, въ Удорской волости, Яренскаго уѣзда, на р. Удорѣ, гдѣ въ 1616 г. жилъ всего одинъ вкладчикъ, совсѣмъ запустѣвшій къ 1676 г., а также, обозначенная пустою въ этомъ году, пустынька Спасская при устьѣ р. Куломы, впадающей въ Вычегду въ томъ уѣздѣ.

II.

Въ XVII в. развитіе на сѣверѣ монастырской жизни продолжалось. Шелъ тотъ же процессъ монастырской колонизаціи края, который можно наблюдать и въ предыдущее время. Новые монастыри продолжали возникать на сѣверѣ въ теченіе вѣка, и это отмѣчалось иногда писцовыми книгами, какъ, напримѣръ,

[1]) *Ключевскій.* Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ. Моск. Универс. Изв. 1866—67 г. № 7, стр. 554 и слѣд.

было отмѣчено возникновеніе въ Каргопольскомъ уѣздѣ пустыней Кодлозерской и Богоявленской, „ставшей вновь въ Мошенскомъ стану надъ Елгомскимъ озеркомъ“. Въ Устюжскомъ уѣздѣ по описанію 1622—26 г. „стала ново“ въ 1618 г. пустынь Зосимы и Савватія въ Ярокурскомъ стану на р. Двинѣ. Описаніе Тотемскаго уѣзда, произведенное въ 1622—25 гг., отмѣтило въ качествѣ новой („стала лѣтъ 15“) пустыню такъ же во имя Зосимы и Савватія, святыхъ, особенно чтимыхъ на сѣверѣ, въ Заозерской волости, а слѣдующее описаніе того же уѣзда въ 1646 г. нашло уже новую пустынь, ставшую послѣ предыдущихъ писцовъ, въ честь Срѣтенія Владимірской иконы. Основаніе этихъ пустыней совершается при тѣхъ же обстоятельствахъ и въ той же обстановкѣ, какъ это было и въ болѣе раннія времена, о которыхъ повѣствуютъ житія святыхъ. Изъ большого монастыря уходитъ инокъ, а иногда и простой трудникъ, которому даже и монастырская жизнь кажется слишкомъ шумной, и ищетъ уединенія въ лѣсной глуши, въ мѣстѣ, которое „непроходимыя дебри и лѣсы темные, и чащи, и дрязги великія имать и мхи и блата непостоянныя“. Тамъ онъ строитъ себѣ келью и часовню. Рисуя такую картину природы, окружающей пустыню, воображеніе составителя житія не на много отступало отъ оффиціальнаго отчета писца, начинавшаго свое описаніе, напримѣръ, такъ: „Въ Устюжскомъ уѣздѣ, за Ягрышскою волостью, за лѣсомъ, за болоты въ 40 верстахъ пустыня Соезерская надъ Соезерскимъ озеромъ и на рѣчкѣ Сойгѣ“. Далѣе идетъ извѣстный процессъ: вокругъ отшельника собираются послѣдователи, строится церковь и кельи, начинается хозяйственная разработка дебрей, о которой составитель житія скажетъ: „святый труждашеся вельми, лѣсы сѣчаше и нивы насѣваше“ и которая является сюрпризомъ для наѣзжающаго писца. Иногда писецъ захватитъ этотъ процессъ въ самомъ началѣ. „Займище Блохина гора на дикомъ, на большомъ, на черномъ лѣсу, на рѣчкѣ на Воймонгѣ“,—читаемъ мы въ писцовой книгѣ Тотемскаго уѣзда 1625 г.,—„межь Печенгскіе и Вотченскіе волости и отъ тѣхъ волостей верстъ 20 и больши. А на томъ займищѣ стоитъ часовня да келья, да житница, да овинъ. Пашни новорочистныя по смѣтѣ 10 четвертей. А строили тое часовню и келью и подъ пашню разчищали лѣсъ на томъ займищѣ съ Тотьмы Спаса Суморина монастыря Ѳедосьевы пустыни трудникъ старецъ Александръ, да черной попъ Тихонъ“.

Писецъ, утверждая это займище за занявшими, продолжаетъ: „И тѣмъ старцамъ на томъ займищѣ дворы строить и

крестьянъ безпашенныхъ и вольныхъ охочихъ людей называть и лѣсъ подъ пашню и сѣнные покосы разчищать". Иногда писцу приходится, сдѣлавъ настоящее открытіе, занести въ книгу уже самые результаты колонизаторской дѣятельности монастыря. „Въ Тотемскомъ же уѣздѣ у Галицкаго рубежа",—читаемъ мы въ той же писцовой,—„*сыскано*" въ Илеской волости, въ урочищахъ и угодьяхъ межъ болотъ и отъ людей со всѣхъ сторонъ отдалѣло, у Бабья озерка стала пустыня нова лѣтъ съ 20, монастырь чудотворца Николы, а строилъ ту пустыню старецъ Сергій изъ Важскаго уѣзда отъ Николы чудотворца съ Маркуща собою по явленію образа Николы же чудотворца", т.-е. подвигнутый чудеснымъ явленіемъ ему иконы св. Николая. Пустынь ко времени описанія достигла уже значительныхъ размѣровъ и получила обычный видъ сѣвернаго монастыря. У основателя монастыря, чернаго старца Сергія, хозяйственные колонизаторскіе интересы, повидимому, не были отодвинуты на задній планъ заботами о спасеніи души. Монастырю по писцовой книгѣ принадлежало 7 деревень съ 35-ю крестьянскими дворами. „А ссаживалъ (т.-е. устраивалъ) тѣ деревни"—замѣчаетъ писцовая книга—„строитель старецъ Сергій не въ давнихъ годѣхъ лѣтъ съ 15, призвавъ крестьянъ изъ Вологодскаго и изъ Тотемскаго, и изъ Устюжскаго, и изъ Галицкаго уѣздовъ, изъ государевыхъ черныхъ волостей и изъ-за помѣщиковъ съ пашенъ".

Выбравъ мѣсто, устроивъ церковь или часовню съ кельей, основатель монастыря обращается тотчасъ же къ правительству съ просьбой утвердить за нимъ занятую землю или пожаловать ему тѣ или иныя угодья въ окрестностяхъ или оказать какую-либо другую помощь и поддержку. Въ 1606 г. черный попъ Макарій основалъ монастырь на р. Пинегѣ близъ Волока Пинежскаго въ дикомъ лѣсу, въ отдаленномъ отъ людей мѣстѣ на Черной горѣ, желая восполнить недостатокъ, который чувствовали крестьяне той мѣстности, не имѣвшіе по близости обители, гдѣ бы они могли постригаться подъ старость. Основатель подалъ челобитную царю, прося утвердить за нимъ занятое мѣсто подъ условіемъ платежа съ него оброка. Донесеніе земскихъ властей, отводившихъ занятую землю по распоряженію приказа, куда была направлена челобитная, рисуетъ намъ возникающую обитель. Отправившись на Черную гору, земскій судья нашелъ тамъ строящуюся церковь, уже оконченную трапезу, и двѣ кельи 6 человѣкъ собранной братіи, въ томъ числѣ трехъ старцевъ и трехъ трудниковъ. „А земли на той Черной горѣ"—писалъ судья—„пашенныя и непашенныя десятинъ съ десять, а чищено про-

гализнами промежу лѣсомъ, съ половины тое земли пахано, а другая впустѣ, а иная земля подъ лѣсомъ не чищена". Въ 1614 г. подалъ царю челобитную строитель Ламбасской пустыни на р. Пинегѣ въ Кеврольскомъ уѣздѣ, основанной также „на дикомъ лѣсу". По челобитной было предписано воеводѣ ту пустынь „дозрить" и прилегающія къ ней пашни и угодья написать за нею на пропитаніе братіи.

Въ 1653 г., обратился къ царю Алексѣю основатель Неглимозерской пустыни Каргопольскаго уѣзда „убогій чернецъ Тимофеище съ братіей". Своей просьбѣ онъ предпослалъ автобіографическія свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что онъ болѣе 30-ти лѣтъ служилъ стрѣльцомъ въ Архангельскѣ, бывалъ въ отъѣзжихъ заморскихъ службахъ, участвовалъ въ войнѣ съ поляками, былъ подъ многими городами на приступахъ, сидѣлъ въ осадѣ, много разъ былъ раненъ и, наконецъ, послѣ такой бурной военной жизни отъ тѣхъ ранъ и болѣзней постригся и воздвигъ монастырь на пустомъ мѣстѣ, которое „отъ людей удалѣло" такъ, что не было надежды на притокъ милостыни. „Питаемся мы, нищая братія",— продолжаетъ въ своей челобитной основатель—„въ той пустынѣ своими трудами, чистимъ пустой черный лѣсъ... Священники и дьяконъ служатъ безъ доходу, и безъ доходу скучаютъ". Между тѣмъ въ пустынѣ оказалась чудотворная икона, которая уже совершила много замѣчательныхъ чудесъ: воскресила изъ мертвыхъ младенца, пробывшаго мертвымъ болѣе двухъ часовъ, дала прозрѣніе слѣпому, сохранила невредимымъ хлѣбъ въ загорѣвшейся ригѣ и сама осталась нетронутой случившимся въ церкви пожаромъ, истребившимъ находящуюся подъ нею пелену. Подробно описывая эти чудеса, основатель ходатайствовалъ о выдачѣ погодной милостыни изъ государевыхъ каргопольскихъ доходовъ, въ чемъ и успѣлъ, такъ какъ государь велѣлъ давать въ монастырь по 6 р. въ годъ изъ таможенныхъ сборовъ по Каргополю [1]).

Непрерывный ростъ числа небольшихъ монастырей и кратковременность существованія многихъ изъ нихъ затрудняютъ ихъ статистику. Трудно ихъ сосчитать и тѣмъ болѣе указать, хотя бы и очень неточно, размѣры недвижимыхъ имуществъ, находившихся въ ихъ владѣніи. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ монастырь XVII в., какъ бы онъ ни былъ малъ, не имѣлъ такого имущества, „питался своими труды и прихожены обѣтники, кто что на милостыню дастъ". Обыкновенно даже и мелкій монастырь является землевладѣльцемъ или, по крайней мѣрѣ, владѣетъ ка-

[1]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Прик. Дѣла 1653 г., № 59.

кими-нибудь промыслами. Землю и промыслы онъ эксплоатируетъ трудомъ самой братіи, если за нимъ не значится крестьянъ, снимающихъ участки.

III.

Выше уже замѣчено, что въ нашей литературѣ хорошо выясненъ вопросъ о значеніи, какое имѣлъ сѣверный монастырь въ нравственной и матеріальной, хозяйственной жизни древней Руси, какъ религіозный и культурный центръ. Дѣйствительно, нельзя не признать за сѣверно-русскимъ монастыремъ значительнаго нравственнаго вліянія на окружающее его общество. Обросшая свѣтлой легендой память о христіанскихъ иноческихъ подвигахъ ея пустынника-основателя, теплившаяся непрерывно въ монастырѣ, подобно той неугасимой лампадѣ, которая мерцала надъ его гробомъ, и слава о такихъ же подвигахъ его преемниковъ и подражателей среди братіи озаряли темную окружающую среду съ ея мелкими заботами и интересами, внося нѣкоторый лучъ идеализма въ грубую жизнь XVII в. Самая красота монастырскаго богослуженія и весь обиходъ жизни иноковъ, „пріявшихъ ангельскій образъ", дѣйствовали на воображеніе и чувства богомольца, на время отрывавшагося отъ своей будничной сѣрой обстановки и попадавшаго въ какой-то иной, какъ бы неземной міръ, о которомъ онъ уносилъ потомъ яркое воспоминаніе, не потухавшее, быть можетъ, до конца дней и не разъ передававшееся близкимъ. Монастырь былъ не только средствомъ спасенія для тѣхъ, кто отрекался навсегда отъ міра, но и мѣстомъ для нравственнаго отдыха отъ ежедневной дѣйствительности для мимолетнаго гостя съ котомкой за плечами, котораго онъ манилъ издалека именно этой возможностью хотя бы на время подняться надъ обычными житейскими буднями. Сѣверный монастырь могъ быть также и источникомъ нѣкотораго книжнаго просвѣщенія. Среди братіи были всегда грамотные люди; монастырь всегда владѣлъ книгами, притомъ не только богослужебными. Въ большихъ монастыряхъ библіотеки достигали обширныхъ размѣровъ. Но есть указанія, что иногда и малыя обители обладали значительными книжными богатствами. Такъ, въ первой половинѣ XVII в., не позже 1636 г., небольшому и недавно основанному Красногорскому монастырю на Пинегѣ усердный жертвователь этого монастыря, ярославскій купецъ Егоръ Лытинъ, прислалъ „книгъ разныхъ печатныхъ и письменныхъ, и чаменныхъ числомъ сто". Другой документъ, относящійся къ

концу столѣтія, подтверждаетъ это извѣстіе о значительномъ количествѣ книгъ, которымъ обладалъ Красногорскій монастырь. Въ описи монастыря 1689 г. замѣчено, что бывшій на Двинѣ воевода думный дворянинъ И. В. Чаадаевъ взялъ изъ монастыря всякихъ книгъ числомъ сорокъ и возвратилъ только десять, остальныя удержалъ за собою, можетъ быть „зачиталъ", какъ мы бы сказали, выражаясь языкомъ нашего времени. Писцовыя книги, описывая монастырскую утварь, даютъ, повидимому, далеко не полные перечни монастырскихъ книгъ, указывая главнымъ образомъ богослужебныя книги. Но и среди этихъ перечней вдругъ мелькнетъ „Степенная книга" или „Просвѣтитель" — Іосифа Волоцкаго, или „Книга Максимъ Грекъ".

Не слѣдуетъ, однако, идеализировать сѣверный монастырь и преувеличивать его нравственное вліяніе. Онъ отражалъ въ себѣ всю грубость окружавшей его среды, которая входила въ него подъ черной рясой и продолжала сквозить изъ-подъ этой смиренной рясы прежними безобразными пятнами. Соловецкій обиходъ былъ изъ самыхъ строгихъ, и однако въ 1647 г. игуменъ монастыря жаловался царю Алексѣю, что „которые братья охочи пьянаго питья пить и они своихъ мѣръ за столомъ не пьютъ и носятъ по кельямъ, и напиваются допьяна; и отъ того пьянства бываютъ вражда и мятежи, а иные священники и крылошане, и простая братія въ томъ обычаѣ закоснѣли". Основанный на отдаленномъ крайнемъ сѣверѣ Россіи среди дикой Лопи Печенгскій монастырь долженъ былъ по мысли основателя преп. Трифона подвизаться суровымъ миссіонерскимъ подвигомъ, распространять христіанскую вѣру среди язычниковъ лопарей. Но вотъ какая характеристика братіи этого монастыря была представлена въ концѣ XVII в. преосвященному Аѳанасію, архіепископу холмогорскому, по поводу назначенія новаго игумена. „Въ Печенгскомъ монастырѣ братіи монаховъ 14 человѣкъ, да вкладчиковъ 12 человѣкъ. Въ томъ числѣ: 1) Монахъ Тихонъ, породою Керечанинъ, лѣтъ совершенно престарѣлъ и очми мало видитъ, грамотѣ не ученъ... и во нравѣ мало постояненъ. 2) Монахъ Алипій, породою и прозваніемъ Лопинъ — живетъ въ монастырѣ казначеемъ года четыре, хмельнаго питья держится не въ малѣ. 3) Монахъ Сильвестръ, житіе живетъ своевольное, съ братіею мало согласное и пьянственнаго питья держится не въ малѣ. 4) Монахъ Илья кузнецъ, живетъ житіе совершенно пьянственное. 5) Монахъ Серафимъ, житель былъ Кольскаго острога, и есть у него въ Кольскомъ острогѣ посестріе и дѣти сыновья женатые и дочери замужнія и зятья...

Лѣты престарѣлъ, житіе живетъ къ воздержанію посредственное и въ трудѣхъ послушенъ, только де къ посестріямъ и къ дѣтямъ его дачею монастырскаго избытка желаніе имѣетъ. 6) Монахъ Арсеній, житель Кольскаго острога, монашествуетъ лѣтъ 5 или 6, житіе живетъ къ пьянству желательное и на кабакъ для напитку бываетъ нерѣдко и на ту потребу чинитъ изъ монастырскихъ избытковъ похищеніе. 7) Монахъ Іаковъ, заонежанинъ, Корелянинъ, породою отъ рожденія лѣтъ двадцати, грамотѣ неученъ... а пьянства держится съ желаніемъ. 8) Монахъ Калистъ, въ мірѣ былъ Кольскаго острога стрѣлецъ, лѣты средовѣченъ, житіе живетъ совершенно пьянственное, мало и съ кабака сходитъ, грамотѣ неученъ и монастырскаго ничего вѣрить ему невозможно. 9) Монахъ Гурій, Мезенскаго уѣзда, живучи въ братствѣ послушенъ, только человѣкъ онъ пьянственной же, грамотѣ не умѣетъ. 10) Монахъ Ефремъ, вышеписанному старцу Каллисту братъ родной... житіе преходитъ онъ пьянственное и непотребное, во всемъ подобное вышеписанному брату его Каллисту монаху. 11) Монахъ Исаія былъ стрѣлецъ Кольскаго жъ острога... и въ Кольскомъ острогѣ есть у него дѣти и внучата и иные сродники, и къ тѣмъ своимъ сродникамъ онъ прибѣгаетъ и человѣкъ онъ упьянчивой. 12) Іеромонахъ Геронтій, въ мірѣ былъ житель Кольскаго острога, а постригся онъ по нуждѣ отъ начетнаго на него хлѣба, какъ онъ въ прошлыхъ годѣхъ у пріему и раздачи государева хлѣба на жалованье служащимъ людемъ былъ цѣловальникомъ. А въ мірѣ житіе онъ жилъ пьянственное жъ. 13) Монахъ Павелъ, былъ въ мірѣ того жъ Кольскаго острога священникъ Петръ. Житіе онъ въ монашествѣ нынѣ преходитъ доброе. 14) Монахъ Иринархъ, житіе живетъ межъ братствомъ ропотливое, и изъ монастыря въ мірскіе домы ходитъ по часту". Единственный монахъ „преходящій доброе житіе" и былъ назначенъ игуменомъ.

Если даже предположить, что эта характеристика, авторомъ которой былъ „посыльщикъ" города Колы, священникъ кольской Борисоглѣбской церкви, грѣшитъ преувеличеніемъ, то все же трудно подумать, чтобы Печенгскій монастырь въ концѣ XVII в. могъ выполнять свое миссіонерское назначеніе. Перенесенный изъ прежняго пустыннаго уединенія на р. Печенгѣ въ Кольскій посадъ, онъ ишкомъ съ нимъ сблизился: составъ братіи, какъ мы видимъ, въ ачительной мѣрѣ пополняется изъ жителей посада. Около поло-ны живущихъ въ монастырѣ—не монахи, свѣтскіе люди-вкладки, разумѣется, изъ кольскихъ же жителей, не прекращающіе язи съ внѣшнимъ міромъ, да и сами монахи не разрываютъ дственныхъ связей со своими „посестріями" и семьями.

IV.

То же происходитъ и въ другихъ монастыряхъ. Пустыня съ суровыми нравами и подвигами постепенно обращается въ богатую обитель съ разнообразными и тѣсными связями съ окружающей средой по тому имуществу, которымъ обитель владѣетъ. Аскетическіе идеалы подавляются мірскими, матеріальными интересами, и шумъ житейской суеты начинаетъ заглушать тихую молитву инока. Если монастырь оказывалъ вліяніе на окружающее его общество, быть можетъ, одухотворяя его и содѣйствуя возвышенію помысловъ надъ житейскимъ уровнемъ, то, съ другой стороны, и общество не оставалось безъ воздѣйствія на монастырь, матеріализуя и втягивая его въ водоворотъ житейскихъ отношеній и хозяйственныхъ интересовъ. Общество горячо поддерживало монастырь, какъ мѣсто, гдѣ жили молитвенники міра, преемники и продолжатели святыхъ угодниковъ, основавшихъ монастырь, какъ учрежденіе, обладавшее могущественными средствами для спасенія души, и какъ мѣстную святыню, которую чли и которой гордились. Входя въ славу, монастырь быстро богатѣлъ: къ нему притекали пожертвованія, завязывались прочныя связи съ мѣстными капиталистами, которые становились его покровителями, и поддерживали его не только изъ побужденія богоугоднаго дѣла, но иногда также изъ чувства нѣкотораго мѣстнаго патріотизма. Покровительствуемый монастырь становился семейной святыней, какъ бы продолженіемъ домашней церкви и мѣстомъ благочестиваго путешествія на богомолье, а затѣмъ и фамильной усыпальницей. Такъ, Строгановы поддерживали пермскіе и сольвычегодскіе монастыри, обстановка которыхъ созидалась ихъ „строеніемъ“. Изобразительную картину отношеній главныхъ устюжскихъ монастырей къ кружку видныхъ устюжскихъ коммерческихъ фамилій даютъ описанія этихъ монастырей, которыя мы находимъ въ писцовыхъ книгахъ. Обители щедро украшаются ихъ доброхотными даяніями. Та новая каменная о пяти главахъ церковь, которую мы видѣли въ устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ, бывшая такою рѣдкостью для сѣвернаго края въ XVII вѣкѣ, оказывается „строеніемъ по вѣрѣ гостиныя сотни упокойнаго Никифора Ревякина“, одного изъ крупнѣйшихъ представителей устюжскаго купечества. Въ другомъ устюжскомъ монастырѣ—Троицкомъ Гледенскомъ—„евангеліе и крестъ благословящій—положеніе гостя Силы Грудцына,

окладъ на образѣ именитаго человѣка Максима Строганова, разныя книги — положеніе гостя Аѳанасія Гусельникова, гостя Василія Грудцына, гостиной сотни Ивана Грудцына, Исаака да Никифора Ревякиныхъ и т. д. Колокола — также положеніе Грудцыныхъ, Цыбиныхъ, Пеуновыхъ. Въ числѣ жертвователей третьяго крупнаго монастыря, Телѣгова, значатся гости Гусельниковъ и Ѳедотовъ. Монахи хорошо умѣютъ заводить знакомства и поддерживать связи и вдали отъ монастыря и пріобрѣтаютъ иногородныхъ жертвователей. Такъ небольшая Красногорская пустынь на р. Пинегѣ нашла себѣ покровителей въ средѣ ярославскаго купечества.

Эта поддержка общества, оказываемая монастырю, преслѣдовала иногда особыя цѣли, и по самымъ своимъ задачамъ сѣверный монастырь имѣлъ иногда гораздо болѣе мірской житейскій, чѣмъ чисто религіозный характеръ. На сѣверѣ монастырь не разсматривался только какъ мѣсто аскетическаго подвига; онъ былъ въ значительной мѣрѣ заведеніемъ общественнаго призрѣнія. Онъ давалъ пріютъ и пропитаніе множеству нищихъ, которыхъ древняя Русь считала не соціальнымъ зломъ, а скорѣе полезнымъ орудіемъ нравственнаго совершенствованія общества. Въ описаніяхъ монастырей, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ, въ очень многихъ случаяхъ упоминаются „больничныя кельи“, „больницы“. Очевидно, монастырь оказывалъ окружающему населенію не только духовно-нравственную, но и врачебную помощь, какую могъ по уровню медицинскихъ знаній того времени, замѣняя теперешнюю городскую или земскую больницу и лечебницу. Наконецъ, монастырь игралъ роль пріюта или богадельни. Посадскій человѣкъ или крестьянинъ находилъ себѣ прибѣжище и успокоеніе на старости лѣтъ подъ монашеской рясой или въ качествѣ бѣльца, живущаго въ тиши монастырской ограды. Съ этою именно цѣлью — доставить пріютъ своимъ членамъ — хлопотали иногда объ основаніи монастырей и давали имъ средства на содержаніе сами городскія и сельскія общества, подобно тому, какъ теперь богадельни и пріюты учреждаются и содержатся городами и земствами. Не разъ уже приводились примѣры основанія такихъ монастырей на сѣверѣ. Такъ, въ 1580 году, отъ всей Вятской земли была подана челобитная Ивану Грозному о томъ, что въ Вятской землѣ монастыря нѣтъ, и вятчанамъ увѣчнымъ людямъ и находящимся при смерти постригаться негдѣ. Результатомъ ходатайства было основаніе въ Хлыновѣ Успенскаго монастыря, которому были отведены пригородныя земли. Въ 1599 году, жители города Слободскаго и

его уѣзда, недовольные порядками хлыновскаго монастыря, приговорили „всѣмъ посадомъ и уѣздомъ, т.-е. на уѣздномъ земскомъ собраніи, основать въ городѣ Слободскомъ свой отдѣльный монастырь, гдѣ бы могли постригаться слободскіе посадскіе люди и волостные крестьяне, которые „во ангельскій чинъ постричься желаютъ", на что и испрашивали патріаршаго благословенія. Такъ возникъ слободской Богоявленскій монастырь. Въ Двинскомъ уѣздѣ, въ Чухченемской волости существовалъ въ XVII в. Никольскій монастырь такого же земскаго происхожденія. Онъ былъ учрежденъ крестьянами этой волости и еще четырехъ сосѣднихъ, и на его содержаніе крестьяне выдѣлили 14 деревень. Еще въ 1582 г. крестьяне этихъ волостей писали царю, что Никольскій монастырь „строили и деревни къ тому монастырю подпущали и прикупали прадѣды и дѣды, и отцы ихъ и прочили себѣ и своимъ дѣтемъ, и внучатомъ на постриганье и на поминокъ". Слѣдовательно, монастырь былъ основанъ въ очень древнее время и именно съ цѣлью общественнаго призрѣнія „для душевнаго своего спасенія и на поминокъ родителей своихъ и для постриганія безвкладныхъ нищихъ, нужныхъ (нуждающихся) людей, которые ходя по міру скитаются", какъ опредѣляли назначеніе монастыря крестьяне тѣхъ же волостей въ половинѣ XVII в. Но такимъ же задачамъ общественнаго призрѣнія служили и всѣ другіе сѣверные монастыри, основанные не земскими мірами, а отдѣльными сподвижниками. Они играли роль своеобразныхъ страховыхъ учрежденій, страховавшихъ какъ на случай смерти, такъ и на случай старости. Значеніе такого страхового договора имѣла особая юридическая сдѣлка—вкладъ. Вкладомъ называлось условное пожертвованіе въ монастырь движимаго или, по большей части, недвижимаго имущества. Вклады бывали двоякаго рода: на поминъ души и на постриженіе. За вкладъ на поминъ души монастырь обязывался вписать имя вкладчика или также имена его родныхъ въ свой синодикъ и поминать эти имена на различныхъ болѣе или менѣе важныхъ службахъ, смотря по условію. Это и было, такимъ образомъ, страхованіе души въ загробномъ мірѣ. Вкладъ на постриженіе былъ страхованіемъ на случай старости, или вообще инвалидности. Чувствуя приближеніе старости, а иногда и очень заблаговременно, посадскій человѣкъ или крестьянинъ дѣлалъ монастырю вкладъ, за который монастырь обязывался принять жертвователя въ тотъ моментъ, какъ жертвователь пожелаетъ, и постричь его или содержать безъ постриженія. Размѣры вкладовъ, какъ и ихъ условія, разно-

образились въ отдѣльныхъ случаяхъ. Иногда монастырь обязывался принять на свое содержаніе: поить, кормить, обувать и одѣвать какъ самого вкладчика, такъ и всю его семью; иногда сила договора распространялась не только на наличный составъ семьи вкладчика, но и на его будущихъ отдаленныхъ потомковъ при ихъ желаніи. Самое постриженіе нерѣдко откладывалось до послѣднихъ минутъ жизни, иногда и совсѣмъ не совершалось, и вкладчикъ оставался бѣльцомъ въ монастырѣ, получалъ келью, снабжался одеждой, питался за монастырской трапезой. Число такихъ призрѣваемыхъ въ монастыряхъ росло къ концу XVII вѣка, а въ началѣ слѣдующаго стало даже превышать число самой братіи. „Въ Холмогорской епархіи“,—читаемъ мы въ донесеніи „инквизитора“ холмогорскому архіепископу въ 1724 г.,—„во многихъ монастыряхъ и пустыняхъ содержатся многіе вкладчики съ женами и дѣтьми... и таковыхъ вкладчиковъ и совершенныхъ монастырямъ разорителей, жительство имѣющихъ въ таковыхъ пустыняхъ, множество, а въ оныхъ монастыряхъ и пустыняхъ братіи по малому числу и таковыхъ разорителей и тунеядцевъ человѣкъ 50 съ женами и дѣтьми, при монастыряхъ живущихъ и за трапезу ходящихъ съ братіею“. Такъ сѣверный монастырь изъ религіозной общины сталъ обращаться въ многолюдную мірскую богадельню, оказывающую пріютъ лицамъ, вступившимъ съ нимъ въ особую сдѣлку.

V.

Матеріальные интересы, житейскія отношенія, хозяйственныя заботы, возникавшія въ монастырѣ по мѣрѣ того, какъ въ немъ скоплялись богатства, отвлекали его отъ религіознаго назначенія и мѣняли его характеръ. Монастыри становились владѣльцами земель и промысловъ, которые надо было эксплоатировать и продукты которыхъ надо было сбывать. Они вели крупныя коммерческія дѣла: отправляли къ московскому центру сотни тысячъ пудовъ соли и рыбы, будучи главными поставщиками этихъ продуктовъ на московскій рынокъ и крупными участниками общаго торговаго оборота страны. Къ этой эксплоатаціи земель и промысловъ и должна была приспособляться религіозная община, чуждая ей по своимъ задачамъ, и монастырь превращается въ землевладѣльческое или промышленное товарищество, ведущее иногда большія операціи. Товарищество выбираетъ игумена, какъ директора-распорядителя, казначея-завѣ-

дующаго финансами, келаря, на которомъ лежитъ монастырское хозяйство, стряпчаго, которому поручается веденіе многочисленныхъ и нерѣдко сложныхъ процессовъ, въ какіе вступаетъ монастырь по своему имуществу, „купчину", завѣдующаго торговыми операціями, назначаетъ „приказныхъ" и „посельскихъ" старцевъ для управленія монастырскими имѣніями.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что организація монастырскаго управленія отражаетъ на себѣ устройство управленія земскихъ міровъ, волостей, которыми были окружены сѣверные монастыри и откуда приходили члены братіи. Дѣйствуетъ выборное начало. Должностныя лица избираются всей братіей, вкладчиками и старцами, иногда на годъ, какъ это было обыкновенно съ земскими должностями. Избранное лицо должно было находиться подъ непрестаннымъ контролемъ братіи „все дѣлати съ братскаго совѣту, а безъ совѣту ничего не дѣлати",— условіе, которое мы встрѣчаемъ и на земскихъ выборахъ,—вступая въ должность, расписаться и счесться съ тѣмъ, кто ее исполнялъ въ прошломъ году, а по истеченіи срока дать братіи отчетъ въ приходѣ и расходѣ монастырскихъ денегъ. Пишется актъ избранія, такъ называемый „выборъ за руками", скрѣпленный рукоприкладствомъ избирателей, которымъ обыкновенно сопровождались и земскіе выборы, и по этимъ актамъ виденъ характеръ дѣлъ, которыя возлагаются на избранныхъ и которыя особенно интересуютъ братію: „и быти ему"—читаемъ мы въ нихъ—„въ той пустынѣ строителемъ и казначеемъ и всякое ему монастырское дѣло вѣдати, казну и книги, и колокола вѣдати, и о всякомъ монастырскомъ дѣлѣ строеніе имѣти, и братіями и вкладчиками наряжати... А будетъ что продати или купити, или вкладчика приняти, или кого на починокъ порядити, или въ деревню послати посельщика"... и далѣе, указанія, какъ вести приходорасходныя книги, считать казначея, какъ вынимать казну изъ кувшина въ присутствіи братіи... все чисто хозяйственныя дѣла и—ни слова о религіозныхъ обязанностяхъ настоятеля монастыря. Въ монастырѣ развиваются чисто промышленные коммерческіе аппетиты, жажда къ пріобрѣтенію, прибылямъ; онъ дѣлается алчнымъ пріобрѣтателемъ главнаго капитала страны, какимъ была въ то время земля, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ большіе земельные участки, привлекая ихъ разными путями: посредствомъ пожалованія отъ правительства, уступокъ отъ земскихъ міровъ и посредствомъ частныхъ сдѣлокъ: вкладовъ, купли, залога, не смотря при этомъ на неоднократныя запрещенія монастырямъ пріобрѣтать земли.

Впрочемъ, и само правительство много разъ пытавшееся присѣчь все болѣе тревожившій его ростъ монастырскихъ имуществъ, продолжаетъ въ теченіе XVII в. жаловать земли монастырямъ, правда—съ тою разницею, что теперь, въ особенности во второй половинѣ столѣтія, оно становится осторожнымъ и разсчетливымъ въ этихъ земельныхъ дачахъ, не означаетъ уже жалуемыхъ земель въ такихъ круглыхъ выраженіяхъ, какъ „на пять“, или, „на десять верстъ во всѣ стороны вокругъ монастыря“, а получивъ отъ монастыря просьбу объ отводѣ земель, предписываетъ мѣстнымъ властямъ предварительно „дозрить“ землю, навести о ней справки, не принадлежитъ ли она кому-нибудь другому, и не такъ охотно освобождаетъ монастыри отъ платежа податей съ ихъ земель. Изъ частныхъ сдѣлокъ болѣе всего монастыри обогащались вкладами по душѣ и на постриженіе, а также пріобрѣтеніемъ земель въ качествѣ просроченныхъ залоговъ.

VI.

Сдѣлки этого послѣдняго рода — выдача денежныхъ ссудъ подъ залогъ земель—рисуютъ намъ сѣверный монастырь съ новой стороны, какъ кредитное учрежденіе, какъ своего рода банкъ. На ряду съ земельными богатствами монастырь скопляетъ значительные капиталы, которые охотно пускаетъ въ оборотъ, отдавая ихъ на проценты. Къ нему обращаются за ссудами земскіе міры, которые нерѣдко ведутъ свои дѣла при помощи займовъ. Такъ, напр., въ 1638 году Архангельскій-Устюжскій монастырь производитъ взысканія по выданнымъ имъ ссудамъ съ Вондокурскаго стана Орловской и Ерогоцкой волостей, Устюжскаго уѣзда. Къ монастырскому кредиту прибѣгаютъ и частныя лица, которыхъ монастырь ссужаетъ подъ залогъ земель, играя такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ роль современнаго намъ земельнаго банка. Закладывались земельные участки, цѣлыя деревни, по большей части доли деревень, а также пустоши и разныя угодья. Писался особый актъ — закладная. Неуплата денегъ въ срокъ вела къ потерѣ залога, поступавшаго въ пользу монастыря. До насъ дошелъ любопытный документъ, позволяющій взглянуть на степень развитія такого рода операцій въ устюжскихъ и сольвычегодскихъ монастыряхъ. Это—выписка изъ устюжскихъ крѣпостныхъ книгъ о поземельныхъ сдѣлкахъ этихъ монастырей: залогахъ, вкладахъ и куплихъ, по которымъ не взыскано ка-

венныхъ пошлинъ [1]). Выписка обнимаетъ періодъ времени въ 24 года, съ 1624 по 1648 г., и можно думать, что кромѣ означенныхъ въ ней сдѣлокъ были и другія, по которымъ пошлины взысканы, что она такимъ образомъ изображаетъ не всѣ сдѣлки.

Изъ этой выписки видно, что Архангельскій монастырь на Устюгѣ совершилъ всего 50 безпошлинныхъ земельныхъ пріобрѣтеній, изъ которыхъ 47 залоговъ, 2 вклада и 1 куплю. Ссуды выдавались устюжскимъ крестьянамъ и посадскимъ людямъ, владѣвшимъ деревнями въ уѣздѣ. Въ качествѣ залоговъ только въ трехъ случаяхъ было принято по цѣлой деревнѣ. Обыкновенно же принимались 1/2 1/3 1/4 и другія болѣе мелкія дроби деревни. Наибольшій размѣръ ссуды было 800 руб. (единственный случай), наименьшій — 14 руб. Наиболѣе часты были мелкія ссуды, отъ 50 р. и ниже. Всего монастырь пріобрѣлъ по этимъ 50-ти сдѣлкамъ земель на 7.008 руб. За то же время другой изъ устюжскихъ монастырей, Троицкій-Гледенскій, совершилъ 42 сдѣлки, преимущественно залоги на сумму 4.114 руб. 16 алт. 4 деньги, Никольскій-Прилуцкій—на 1.076 р., Ивановскій—на 995 р., Телѣговъ—на 228 р. Изъ двухъ сольвычегодскихъ монастырей Введенскій—на 200 р. и Николо-Коряжемскій—на 100 р. Всѣми этими сдѣлками: вкладами, куплями и залогами, монастырь съ какою-то силою магнита тянетъ къ себѣ мелкими частицами земли, и справедливо писали еще въ 1627 г. крестьяне нѣсколькихъ волостей Устюжскаго уѣзда въ своей коллективной жалобѣ царю на старцевъ Телѣгова монастыря, которые не послушали указа о запрещеніи монастырямъ пріобрѣтать черныя земли: „и нынѣ безпрестанно въ черныхъ волостяхъ у тяглыхъ крестьянъ деревни и пожни, и пашни, и всякія угодья покупаютъ и за вклады емлютъ, и что, Государь, было въ тѣхъ волостяхъ лучшихъ деревень и крестьянъ, то они старцы все побрали къ себѣ за монастырь“.

Хозяйственныя операціи, предпринимавшіяся монастырями, и многочисленныя юридическія сдѣлки, въ которыя они вступали, создавали для нихъ постоянныя и неизбѣжныя отношенія съ сосѣдями, съ цѣлыми земскими мірами, посадами, сельскими волостями, какъ и съ отдѣльными ихъ членами, окутывая монастыри сложной мелкой паутиной житейскихъ, привязывавшихъ ихъ къ земнымъ интересамъ, нитей. Нельзя сказать, чтобы эти отношенія были всегда гладки. Даже болѣе того, нерѣдко они были прямо враждебны. Въ отношеніяхъ къ монастырю древне-русское

[1]) Моск. Арх. Иностр. Д. Прик. Дѣла 1652. № 138.

общество обнаруживаетъ ту же двойственность, которую оно проявляло вообще къ духовенству, безъ котораго не могло обойтись и которое часто не уважало. Чтя святыню монастыря и неся въ монастырь обильныя пожертвованія, оно постоянно споритъ, ссорится и судится съ монастыремъ. Хорошо извѣстно изъ житій, какъ недружелюбно встрѣчали отдѣльные сельчане и цѣлыя деревенскія общества святыхъ отшельниковъ, пытавшихся основаться въ предѣлахъ ихъ владѣній, какъ искони ненавидящій благо человѣческаго рода дьяволъ влагалъ въ сердца этихъ сельчанъ размышленія въ родѣ такихъ, что „аще не престанутъ бывати чудеса... и состроится монастырь, и вселятся ту мниси, по малѣ времени совладѣетъ нами и селы нашими“..., и какъ эти неблагодарные люди „отъ прилежащія веси“ обращались къ святому отшельнику со словами: „отче, неугодно намъ твое здѣ пребываніе“, а иногда и выгоняли его отъ себя силой.

Съ той же тревогой смотрятъ деревенскіе жители на монастырь и позже, чуя отъ него постоянную опасность для своихъ землевладѣльческихъ правъ, и это заставляетъ ихъ зорко слѣдить за каждымъ юридическимъ шагомъ монастыря. Въ 1608 г. четверо крестьянъ складниковъ, которымъ принадлежала деревня Льняникова и при ней находившійся въ ихъ общемъ пользованіи выгонъ, заключаютъ межъ собой любопытный договоръ: „Слыхъ до насъ доходитъ“,—пишутъ они въ этомъ договорѣ,—„сказываютъ, на ту нашу вопчую землю (выгонъ) привезли государеву грамоту Живоначальные Троицы съ Гледена старцы“... Участники договора постановляютъ сообща стоять противъ монастыря, защищать землю на судѣ и вмѣстѣ нести судебныя издержки въ случаѣ судебнаго процесса, котораго они ожидаютъ и къ которому заблаговременно готовятся и принимаютъ свои мѣры. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такая тревога перейдетъ иногда въ раздраженіе, которое выскажется въ рѣзкомъ словѣ по адресу монастыря, по поводу его постоянныхъ земельныхъ пріобрѣтеній. Игуменъ и братія Кожеозерскаго монастыря въ 1644 г. бьютъ челомъ на каргопольца посадскаго человѣка Романа Ватагина государю въ томъ, что онъ бранитъ ихъ всякою неудобною бранью и называетъ ихъ ворами: „всѣ де чернецы собрались въ монастырь воры и холопи и государевы де грамоты добываютъ [illegible]ныя и будто мы, нищіе, по тѣмъ грамотамъ всякія угодья и [illegible]евни отымаемъ сильно“ [1]).

[1]) Акты Холмогорской и Устюжской епархіи. II. Б. № VIII. — М. Арх. Мин. Д. Прик. Дѣла 1644, № 15.

Столкновенія монастырей съ сосѣдними земскими мірами часты и происходятъ по разнымъ поводамъ. Въ особенности часто ведутъ къ ссорамъ три вопроса: о переходѣ крестьянъ изъ-за монастыря въ волость и, наоборотъ, изъ волости въ монастырь, споры о землѣ и вопросъ о разверсткѣ и платежѣ податей и повинностей. Иногда монастырю приходится жаловаться на черную волость, пріютившую бѣжавшихъ изъ-за монастыря крестьянъ, и требовать ихъ возвращенія. Гораздо чаще, однако, обратное явленіе: переходъ за монастырь волостныхъ крестьянъ, которыхъ волость отыскиваетъ. Черные крестьяне разрываютъ связи со своею волостью тонкимъ образомъ: или уходятъ изъ волости, бросая свои участки, поряжаясь на монастырскую землю, привлекающую ихъ своими льготами, или отчуждаютъ свои участки монастырю и, оставаясь на нихъ, „отымаются“ отъ мірскихъ повинностей, считая себя выбывшими изъ волостной общины, или, наконецъ, закладываются лично за монастырь, становятся монастырскими „закладнями“, и на этомъ основаніи отказываются принимать участіе въ дѣлахъ волостного міра. Въ 1630 году черные крестьяне Камарицкаго стана, Устюжскаго уѣзда, жалуются, что послѣ переписи 1624 года и послѣ состоявшагося тогда запрещенія монастырямъ пріобрѣтать черныя земли, а чернымъ крестьянамъ ихъ отчуждать въ монастыри, у нихъ на Камарицѣ и въ Юрьевѣ Наволокѣ, и на Бѣлой Слудѣ, и въ иныхъ многихъ станахъ и волостяхъ, многіе крестьяне отбывая государевыхъ службъ и податей, деревни и пожни, и пашни и всякія угодья продаютъ въ монастырь, закладываютъ и даютъ вкладами. „А иные крестьяне опричь деревень сами закладываются въ Телѣговъ монастырь на Двинѣ и Новую пустынь Соловецкихъ Чудотворцевъ. Старцы тѣхъ монастырей по волостямъ ѣздятъ со спискомъ съ жалованной грамоты и тѣхъ крестьянъ отъ волостей отымаютъ, къ государевымъ службамъ выбирать не даютъ, податного платежу платить имъ не велятъ“ и объявляютъ ихъ неподсудными волостной администраціи. При этой жалобѣ приведены и цифровыя данныя о такихъ переходахъ крестьянъ за два названные выше монастыря послѣ писцовъ 1624 г. Оказывается, что изъ Камарицкаго стана Верхняго конца „порядились“ за монастырь волостныхъ крестьянъ трое, „заложили“ и „положили“ деревни за монастырь трое и сами лично заложились семеро. За то же время изъ Бѣлослудской волости вышли такими же путями за монастыри 15, изъ Юрьева-Наволока 2 и изъ сосѣдней съ Камарицкимъ станомъ Пермогорской волости 33 крестьянина.

Поземельныя тяжбы между черными волостями и монастыремъ возникаютъ обыкновенно изъ споровъ о землѣ между черными крестьянами и монастырскими, причемъ монастырь держитъ сторону послѣднихъ и защищаетъ ихъ интересы на судѣ. Тяжбы эти въ XVII в. такъ многочисленны, что примѣровъ ихъ можно привести сколько угодно. Обладая значительными денежными личными средствами, имѣя въ своей средѣ опытныхъ „стряпчихъ“-спеціалистовъ юридическаго дѣла, располагая притомъ связями и въ мѣстныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ, и въ московскихъ приказахъ, монастыри, повидимому, не боялись процессовъ съ черными волостями, будучи заранѣе увѣрены въ выигрышѣ дѣла. Вообще они обнаруживали значительную склонность къ сутяжничеству по поземельнымъ дѣламъ съ сосѣдями, лучшимъ примѣромъ чего могутъ служить процессы Пыскорскаго монастыря, начатые имъ противъ своихъ же создателей и благотворителей—Строгановыхъ. Идея „мертвой руки“ еще не сложилась въ церковномъ землевладѣніи XVII в., но эти монастырскія тяжбы вскрываютъ намъ ту жадность, съ которою монастырь поглощалъ окрестную землю, и цѣпкость, съ которою обмирающая рука хваталась за каждый клочокъ земли, попадавшій такъ или иначе въ ея владѣнія.

Третій случай—разверстка и платежъ податей—былъ едва-ли не самымъ частымъ поводомъ къ столкновенію между монастыремъ и земскими мірами. Въ составѣ монастырскихъ владѣній надо различать два рода земель. Была часть земли, которая не несла тягла и называлась бѣлой. Сюда относилась площадь, занятая самимъ монастыремъ, и монастырская пашня, воздѣлывавшаяся личнымъ трудомъ братіи: монастырскими вкладчиками, слугами и дѣтенышами, а также барщиной монастырскихъ крестьянъ, подобно тому какъ въ служилыхъ вотчинахъ отъ податей освобождались барская усадьба и барская запашка. Въ другую категорію монастырскихъ земель входили земли, отдававшіяся участками крестьянамъ и половникамъ; онѣ разсматривались какъ тяглыя, подлежавшія обложенію, если онѣ только не были освобождены отъ платежа нѣкоторыхъ податей особыми въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ жалованными грамотами, тарханами, которыя съ началомъ XVII в. выдаются все рѣже, а къ концу вѣка совсѣмъ прекращаются. Монастыри, крестьянскія земли которыхъ пользовались никакими льготами, носили въ XVII в. названіе ерныхъ тяглыхъ монастырей“. Эти монастырскія владѣнія, на торыхъ сидѣли крестьяне или половники, слѣдуетъ представ- ь въ двухъ видахъ. Они бывали иногда такихъ обширныхъ

размѣровъ, что составляли цѣлые особые земскіе міры, волости. Такія волости становились монастырскими вотчинами путемъ пожалованія: такъ, напр., Шунгскій погостъ въ Заонежьѣ былъ одно время вотчиной Тихвина монастыря. Подобными же волостями владѣлъ Соловецкій монастырь. Монастырская волость была законченнымъ цѣлымъ, подчиненной монастырю административной и финансовой единицей, округомъ, обособленнымъ отъ сосѣднихъ такихъ же округовъ, населенныхъ черными крестьянами, съ которыми у такой волости были отношенія двухъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ и равноправныхъ областныхъ единицъ. Другія владѣнія монастыря состояли изъ деревень, или частей деревень, иногда очень небольшихъ, разбросанныхъ по чернымъ волостямъ и пріобрѣтенныхъ монастыремъ отъ черныхъ же крестьянъ путемъ частныхъ сдѣлокъ. Такія земли означались въ писцовыхъ книгахъ въ выраженіяхъ: „Николы жъ Чудотворца... деревни, что они (старцы) купили изъ черныхъ волостей“... „Въ Окологородной же волости деревни монастырскія, а бывали волостныя тяглыя деревни и владѣютъ ими монастыри по купчимъ и по даннымъ“. Вотъ эти-то инкорпорированные въ черныхъ волостяхъ клочки монастырской земли въ видѣ отдѣльныхъ деревень или частей деревни и вели обыкновенно къ препирательствамъ монастырей съ черными волостями изъ-за разверстки и платежа податей. Участки черной земли, пріобрѣтаемые монастыремъ, выходили изъ владѣнія черныхъ крестьянскихъ обществъ, но тягло, наложенное на эти участки, продолжало входить въ составъ волостного тягла, и крестьяне, на нихъ сидѣвшіе, становясь съемщиками монастырской земли, продолжали оставаться членами волостного міра, какъ тяглой организаціи.

Изъ такой двойственности положенія крестьянъ и возникали раздоры. Черные крестьяне жаловались правительству, что монастыри съ своихъ земель податей не платятъ, что прежде старцы всякія государевы подати платили съ ними, крестьянами, вмѣстѣ, „а нынѣ никакихъ податей съ ними платить не учали, невѣдомо для чего“, что на нихъ, крестьянахъ, однако, тѣ деньги казна ежегодно взыскиваетъ, и что они, платя за монастырскія вотчины, въ конецъ погибли. Въ свою очередь, монастыри были недовольны финансовыми порядками, царившими въ черныхъ волостяхъ, и жаловались, что эти волости разверстываютъ подати не по вытямъ, которыя обозначены въ писцовыхъ книгахъ, а вводятъ свой произвольный „бѣлочный окладъ“ (бѣлка—особая мірская единица обложенія); что при этомъ монастырскія земли облагаютъ вдвое, втрое и даже впятеро про-

тивъ земель своей братіи; что подвергаютъ немилосердному правежу монастырскихъ посельскихъ и ключниковъ, управляющихъ монастырскими деревнями, также и монастырскихъ половниковъ, устанавливаютъ мірскіе поборы на кормы и разносы въ почесть воеводамъ и приказнымъ людямъ", въ которыхъ монастыри не были заинтересованы, такъ какъ, очевидно, могли снискивать расположеніе администраціи иными путями; собранными деньгами распоряжаются недобросовѣстно, задерживаютъ ихъ у себя—„на винѣ пропиваютъ и на харчу проѣдаютъ", сами корыстуются и расписываютъ въ бездѣльныя издержки; заключаютъ мірскіе займы безъ вѣдома и согласія монастырей, причемъ выдаютъ на себя двойныя и тройныя кабалы и потомъ взыскиваютъ съ монастыря деньги для расплаты по нимъ; не сообщаютъ монастырямъ никакой отчетности, не приглашаютъ монастырскихъ крестьянъ на совѣты и обходятъ ихъ избраніемъ на вліятельныя должности.

Челобитныя съ жалобами и взаимными упреками летятъ съ той и другой стороны въ московскіе приказы и наполняютъ собой теперь ихъ архивы. Монастырь заканчиваетъ каждую челобитную неизбѣжнымъ ходатайствомъ, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ ему выдать „особную отпись", т.-е. приказалъ отписать монастырскія владѣнія отъ волостей въ платежѣ сборовъ. Наоборотъ, волости, которымъ было невыгодно лишаться такихъ сильныхъ плательщиковъ, постоянно просятъ, чтобъ государь предписалъ сохранить прежній порядокъ: монастырямъ платить вмѣстѣ съ волостными людьми. Правительство, по большей части, поддерживало міры, стояло за старый порядокъ, предписывая монастырямъ „платить съ волостными людьми вмѣстѣ всякіе денежные доходы по прежнему, какъ то изстари повелось". Иногда, впрочемъ, требовало уплаты и отбыванія въ рядъ съ міромъ только нѣкоторыхъ податей и повинностей, а именно: ямскихъ денегъ, ямскихъ и стрѣлецкихъ запасовъ и городового дѣла, разрѣшая всѣ остальныя подати платить отдѣльно въ однихъ случаяхъ прямо въ Москвѣ, въ другихъ—въ мѣстную воеводскую избу.

Иногда же монастырю удавалось совершенно обособиться отъ міра въ платежѣ податей. Безконечныя пререканія и взаимныя жалобы устюжскихъ и сольвычегодскихъ монастырей съ земскими мірами въ платежѣ податей побудили правительство выработать общія нормы для разверстки податей между ними. Но изданные указы не внесли, однако, успокоенія. Въ 1692-мъ году, хлопоталъ объ умиреніи монастырскихъ властей съ земскими мірами устюжскій архіепископъ Александръ, поручая своему казначею устроить соглашеніе мірскихъ представителей съ монастырями при по-

средствѣ виднаго устюжскаго коммерсанта, гостя Василія Грудцына, пользовавшагося, повидимому, расположеніемъ архіепископа и несомнѣнно большимъ вліяніемъ въ устюжскихъ и сольвычегодскихъ сферахъ. Соглашеніе имѣло цѣлью производство окончательнаго разсчета въ платежахъ прежнихъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы впредь „въ платежахъ верстаться и покладываться по доходамъ, по правдѣ". Оно, однако, не состоялось, и въ 1695 году мы видимъ опять столкновеніе земскаго міра съ монастырями.

Итакъ, сѣверный монастырь возникалъ либо какъ уединенная пу́стыня среди глухого, дикаго лѣса, или на берегу негостепріимнаго моря, гдѣ одинокій отшельникъ совершалъ аскетическіе подвиги; такія пу́стыни не перестаютъ возникать вновь и въ теченіе XVII в., либо какъ учрежденіе общественнаго призрѣнія, сооружавшееся по близости посада или волости, поддерживаемое земскимъ міромъ, интересамъ котораго это учрежденіе должно было служить. Въ дальнѣйшемъ развитіи, тѣ и другіе монастыри на сѣверѣ пріобрѣтали одну и ту же черту—убѣжищъ, гдѣ находили себѣ пріютъ, заполняя собой монастырь, мірскіе люди—вкладчики, не порывавшіе своихъ отношеній съ внѣшнимъ міромъ,—пріобрѣтали характеръ промышленныхъ или землевладѣльческихъ компаній, которыя вели коммерческія, а также банкирскія операціи, торговали не только продуктами эксплоатаціи своихъ владѣній, но и деньгами. Путемъ правительственныхъ пожалованій, а затѣмъ все болѣе путемъ частныхъ сдѣлокъ—вклада, купли и залога—монастыри скопляли въ своихъ рукахъ большія количества земли на сѣверѣ и становились могущественными, опасными и безпокойными сосѣдями „черныхъ" волостей, съ которыми постоянно приходили въ столкновеніе и вели тяжбы изъ-за крестьянскихъ побѣговъ, земельныхъ владѣній, и т. п.

Монастырь, такимъ образомъ, получилъ двойственный характеръ учрежденія, гдѣ аскетическіе идеалы должны были уживаться съ хозяйственною дѣйствительностью. Вотъ почему и отношеніе общества къ монастырю на сѣверѣ было также двойственнымъ. Находя душевный миръ и тѣлесный покой подъ сѣнью монастырскихъ святынь, къ которымъ оно благоговѣйно притекало, оно постоянно опасалось монастыря, какъ экономическаго конкуррента, и, неся ему обильныя приношенія деньгами и землею, оно постоянно ссорилось и судилось съ монастыремъ изъ-за тѣхъ же земель и денегъ въ составѣ земскаго міра.

М. Богословскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1908.

Судьба нѣкоторыхъ думскихъ „пожеланій“. — Начало второй сессіи третьей Государственной Думы. — Закрытіе польскихъ школъ въ Варшавѣ. — Прошлое высшей школы и печати. — Проектъ новаго университетскаго устава. — Автономія или подначальность? — Избраніе или назначеніе? — Роль, предназначаемая совѣту, ректору, деканамъ. — Возстановленіе инспекціи. — Отношеніе проекта къ учащимся. — Министерство просвѣщенія, опережаемое министерствомъ торговли.

Открытію второй сессіи третьей Государственной Думы предшествовали печальныя предзнаменованія. Въ концѣ апрѣля Дума, послѣ продолжительныхъ преній (во время которыхъ произнесены были министромъ финансовъ знаменитыя слова: „слава Богу, у насъ парламента нѣтъ“), приняла предложенную бюджетною коммиссіею резолюцію, которою признано желательнымъ учрежденіе, *въ законодательномъ порядкѣ*, особой коммиссіи для всесторонняго обслѣдованія желѣзнодорожнаго хозяйства. Этимъ рѣшеніемъ своимъ думское большинство прямо высказалось противъ мнѣнія министра финансовъ, стоявшаго за образованіе, для той же цѣли, коммиссіи *въ порядкѣ управленія*, т.-е. коммиссіи обычнаго бюрократическаго типа, въ родѣ работавшей еще недавно, безъ всякихъ результатовъ, надъ изученіемъ желѣзнодорожнаго дѣла. Случилось, однако, то, чего не хотѣла Дума: 21-го сентября, за три недѣли до открытія сессіи, изслѣдованіе желѣзнодорожнаго дѣла возложено именно на правительственную коммиссію, изъ представителей вѣдомствъ (въ числѣ шестнадцати) лицъ по Высочайшему назначенію (въ томъ числѣ трехъ членовъ сударственной Думы и трехъ членовъ Государственнаго Совѣта). извѣстно, будетъ ли предоставлено Государственной Думѣ и Госуственному Совѣту самимъ намѣтить тѣхъ изъ числа своихъ членъ, которыхъ желательно видѣть въ составѣ коммиссіи; неизвѣстно

также, какъ вообще отнесется Дума къ коммиссіи, учрежденіе которой идетъ въ разрѣзъ съ ясно выраженнымъ ею взглядомъ. На ближайшее будущее этотъ эпизодъ бросаетъ, во всякомъ случаѣ, свѣтъ далеко не розовый...

Неисполненными остаются и многія другія пожеланія, высказанныя Думой при обсужденіи бюджета. Укажемъ, для примѣра, на одно изъ нихъ, отвергнуть которое было, повидимому, весьма трудно. Высочайше утвержденнымъ 1-го мая 1905-го года положеніемъ комитета министровъ было постановлено возстановить въ девяти западныхъ губерніяхъ производство дворянскихъ выборовъ (прекращенное въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время происходившихъ тогда волненій), съ предоставленіемъ министру внутреннихъ дѣлъ внести въ Государственный Совѣтъ, въ возможно непродолжительномъ времени, предположенія свои, касающіяся дворянскихъ собраній и предводителей дворянства названныхъ губерній. Предположенія эти были составлены и внесены, въ томъ же 1905-мъ году, въ Государственный Совѣтъ, который не успѣлъ разсмотрѣть ихъ до измѣненія законодательнаго порядка и возвратилъ ихъ министру, для внесенія въ Государственную Думу. На этомъ ходъ дѣла и остановился. Въ засѣданіи Думы 2-го мая бюджетная коммиссія указала на неисполненіе Высочайшей воли. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ оправдывался съ одной стороны тѣмъ, что Государственнымъ Совѣтомъ, при возвращеніи дѣла въ министерство, не была отмѣчена его спѣшность (какъ будто недостаточно было ея установленія положеніемъ комитета министровъ), съ другой стороны—тѣмъ, что въ западномъ краѣ еще не совсѣмъ изгладились слѣды польской смуты шестидесятыхъ годовъ (какъ будто положеніе 1-го мая не исходило изъ признанія ихъ вполнѣ изглаженными). Понятно, что такія объясненія не удовлетворили Думу и не помѣшали ей подать голосъ, согласно съ предложеніемъ бюджетной коммиссіи, за скорѣйшее исполненіе Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ. Теперь мы узнаёмъ, что это пожеланіе Думы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ оставлено безъ вниманія. Та же судьба постигла пожеланіе, клонившееся къ упраздненію въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ должностей постоянныхъ генералъ-губернаторовъ...

Мало отраднаго, съ занимающей насъ точки зрѣнія, обѣщаетъ и инцидентъ, происшедшій въ самый день открытія Думы. Не останавливаясь на всѣмъ извѣстныхъ его подробностяхъ, напомнимъ только одно: ничего не возразивъ въ Думѣ противъ запроса, даже когда онъ былъ признанъ спѣшнымъ, министерство, въ тотъ же вечеръ, выступило съ опроверженіями противъ него черезъ посредство освѣдомительнаго бюро. Едва ли этотъ способъ полемики по вопросамъ, раз-

смотрѣннымъ Думою, можетъ быть признанъ правильнымъ и корректнымъ. Что касается до единодушія, проявленнаго Думой въ принятіи запроса, то оно могло бы считаться хорошимъ признакомъ, еслибы въ основаніи его лежало сближеніе партій на почвѣ не только внѣшней, но и внутренней политики. Какъ бы то ни было, не лишено значенія уже и то, что *формально* вся Дума стала на защиту одного изъ правъ, обѣщанныхъ манифестомъ 17-го октября, плохо огражденныхъ послѣдующимъ законодательствомъ и безпрестанно нарушаемыхъ на практикѣ. Не такъ уже легко будетъ теперь правымъ группамъ отрицать свободу собраній, центру — воздерживаться отъ осужденія исключительныхъ положеній. Это тѣмъ болѣе важно, что никогда, кажется, весь ужасъ экстраординарныхъ охранъ не чувствовался такъ сильно, какъ теперь—и никогда не обнаруживалась такъ ярко ихъ безплодность. Каждый день приноситъ съ разныхъ концовъ Россіи вѣсти о поразительно странныхъ, чтобы не сказать болѣе, распоряженіяхъ администраціи, не считающихся ни съ справедливостью, ни съ достоинствомъ отдѣльныхъ лицъ, ни съ правами и интересами цѣлыхъ группъ населенія. Чего стоитъ, напримѣръ, одна такая мѣра, какъ закрытіе въ Варшавѣ цѣлаго ряда польскихъ школъ, съ пятью слишкомъ тысячами учащихся! За преступленія отдѣльныхъ лицъ тяжкая кара возложена на цѣлое общество, на массу дѣтей. Оффиціозная газета, съ свойственною ей безстѣнчивостью, рѣшается утверждать, что къ этой мѣрѣ „не могла не прибѣгнуть государственная власть, обязанная обезпечить каждому гражданину безопасность на улицѣ и въ каждой школѣ“. Но что же общаго между обезпеченіемъ безопасности, достигаемой предупрежденіемъ и преслѣдованіемъ преступленій — и закрытіемъ среднихъ учебныхъ заведеній? Если виновниками возмутительныхъ насилій, жертвами которыхъ, въ послѣднее время, становились въ Варшавѣ русскіе учащіеся, являлись иногда ученики частныхъ польскихъ школъ, то развѣ отвѣтственность за это можетъ пасть на цѣлыя школы? И развѣ страхъ даже передъ такой тяжкой бѣдой, какъ внезапное прекращеніе учебныхъ занятій, можетъ обратить родителей въ добровольныхъ сотрудниковъ полиціи, выслѣживающихъ преступные замыслы и раскрывающихъ совершившіяся преступленія? Отъ польскаго общества можно было требовать только одного: громкаго, рѣшительнаго осужденія насилій. Это требованіе имъ исполнено. „Неожиданно“—читаемъ мы въ воззваніи польской печати къ обществу и молодежи—„ударилъ въ насъ громъ именно въ тотъ моментъ, когда польская молодежь, отрекшись отъ того, что въ бурное время оторвало ее отъ науки, съ воодушевленіемъ стремится къ знанію, и только ему посвящаетъ свои силы и время. А потому, къ чувству боли присоединяется

общее изумленіе. Почему намъ причинили такую огромную боль? Почему за поступки безъимянныхъ виновниковъ, которые чужды польской школѣ и которыхъ *осудило все общественное мнѣніе* единственнымъ способомъ, имѣющимся у него въ рукахъ въ данное время,—почему за нихъ должны быть приговорены къ духовному голоду тысячи ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей"? Неужели происходящее въ Варшавѣ не найдетъ отклика въ Государственной Думѣ? Неужели она, по меньшей мѣрѣ, не воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказаться, въ принципѣ, за прекращеніе дѣйствія военнаго положенія, чрезвычайной и усиленной охраны? Неужели она не ускоритъ, на сколько это отъ нея зависитъ, проведеніе законопроекта объ исключительномъ положеніи — конечно не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и принятъ думскою коммиссіею?

Предсѣдателю Думы приписывается слѣдующій отвѣтъ на вопросъ о томъ, чего можно ожидать отъ только-что начавшейся сессіи: „у насъ старое правительство, старые министры, старая Дума — и результаты, должно быть, будутъ старые". Старые результаты—синонимъ отсутствія результатовъ, сколько-нибудь плодотворныхъ. Трудно примириться съ такой перспективой. Отъ Думы зависитъ доказать, что, даже оставаясь въ томъ же составѣ, она способна измѣнить, хотя бы отчасти, свой прежній образъ дѣйствій. Нѣкоторую на то надежду даетъ избраніе депутата Колюбакина въ одну изъ думскихъ коммиссій—избраніе, заставляющее предполагать, что на вопросъ о положеніи депутата, присужденнаго къ лишенію свободы, большинство Думы смотритъ не глазами министерства. Въ другихъ случаяхъ проявить свою самостоятельность Дума также не встрѣтитъ недостатка: назовемъ хотя бы вопросъ объ очереди разсмотрѣнія законопроектовъ, вопросъ о направленіи предложенія, касающагося отмѣны смертной казни, вопросъ объ измѣненіи бюджетныхъ правилъ, переданный въ бюджетную коммиссію еще въ февралѣ мѣсяцѣ и съ тѣхъ поръ не двинувшійся ни на шагъ впередъ. Не говоримъ уже о такихъ пробныхъ камняхъ, какъ реформа мѣстнаго суда и мѣстнаго самоуправленія, какъ вѣроисповѣдные законопроекты, получившіе особенную важность въ виду недавнихъ постановленій кіевскаго миссіонерскаго съѣзда.

Скоро минетъ два вѣка съ тѣхъ поръ, какъ положеніе высшей школы стало у насъ однимъ изъ главныхъ показателей правительственныхъ настроеній и общественнаго развитія. Преобразовательная дѣятельность Петра завершилась учрежденіемъ университета при академіи наукъ. Продолженіемъ петровской традиціи явилось основаніе, въ царствованіе дочери Петра, московскаго университета. Чего не успѣла

сдѣлать Екатерина II, то было предпринято ея внукомъ, въ первые, „прекрасные“ годы его правленія. Одновременно съ открытіемъ новыхъ университетовъ изданъ былъ (1804) первый въ Россіи университетскій уставъ. Автономія, данная университетамъ на бумагѣ, плохо привилась на практикѣ, сначала вслѣдствіе недостатка научныхъ силъ, потомъ вслѣдствіе реакціи въ правительственныхъ сферахъ: слишкомъ хорошо извѣстна дѣятельность Магницкаго въ Казани, дѣятельность Рунича въ Петербургѣ. Второй университетскій уставъ (1835) былъ произведеніемъ той эпохи николаевскаго царствованія, когда просвѣщеніе было уже „взято подъ сомнѣніе“, но еще не было признано рѣшительно опаснымъ и вреднымъ. Выборное начало, введенное уставомъ 1804-го года, было сохранено, но рядомъ съ нимъ усилена власть попечителя и создана инспекція, независимая отъ совѣта. Обрисовалась нѣкоторая аналогія между отношеніемъ правительства къ высшей школѣ и отношеніемъ его къ печати; и тамъ, и тутъ зарождались и усиливались подозрѣнія, но не совершался еще переходъ къ крайнимъ мѣрамъ. Въ университетѣ сравнительно свободно говорилъ Грановскій, въ журналистикѣ — Бѣлинскій. 1848-ой годъ принесъ съ собою рядъ репрессивныхъ мѣръ въ обѣихъ областяхъ, гдѣ работала русская мысль. Вскорѣ послѣ того, какъ надъ печатью былъ поставленъ комитетъ 2-го апрѣля, число студентовъ было ограничено невысокимъ максимумомъ, плата за ученье — повышена, выборные ректоры и деканы—замѣнены назначенными, преподаваніе—урѣзано и подвергнуто строгому надзору. Перемѣну къ лучшему принесло съ собою воцареніе Александра II-го—принесло еще раньше, чѣмъ начались законодательныя реформы. Какъ и печать, университеты могли вздохнуть свободно. Фактически осуществимымъ оказалось многое, на чемъ оффиціально тяготѣлъ запретъ. Наряду съ либеральными цензорами (Крузе, Бекетовъ) появились либеральные попечители учебныхъ округовъ (кн. Щербатовъ и Деляновъ въ Петербургѣ, Ковалевскій въ Москвѣ, Пироговъ въ Одессѣ и Кіевѣ). Въ университеты хлынули вольнослушатели и вольнослушательницы; открыто функціонировали студенческія учрежденія (кассы, читальни, товарищескій судъ). Политическая весна была непродолжительна: въ 1861-мъ году она миновала для университетовъ, въ 1862-мъ году—для печати. „Эпоха великихъ реформъ“, однако, только что начиналась. Въ 1863-мъ году обнародованъ былъ новый университетскій уставъ; меньше, чѣмъ черезъ два года, за нимъ послѣдовалъ законъ 6-го апрѣля о печати. И тотъ, и другой давали многое, о вмѣстѣ съ тѣмъ отказывали въ необходимомъ: печать не была свобождена отъ административнаго произвола, студенчество разсматривалось только какъ совокупность ничѣмъ не связанныхъ между

собою единицъ. Учащимъ была предоставлена широкая автономія, но цѣлой стѣной они были отдѣлены отъ учащихся. Вскорѣ по всей линіи прозвучалъ отбой: печать, которой была обѣщана болѣе полная свобода, подверглась, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, новымъ, тяжелымъ стѣсненіямъ, а противъ основныхъ началъ университетскаго устава былъ предпринятъ походъ, медленный, но упорный. Благодаря „диктатурѣ сердца“ высшая школа, какъ и печать, увидѣла лучшіе дни — но не надолго. Надъ печатью разразился ударъ въ 1882-мъ году, надъ университетами — въ 1884-мъ. Новый уставъ, сохраняя и обостряя разобщенность студентовъ, внесъ разъединеніе въ среду профессоровъ и положилъ конецъ самостоятельности высшей школы. Наступилъ сначала періодъ зловѣщей тишины, потомъ — періодъ усиленнаго броженія. Быстро смѣнялись министры; правительственная политика колебалась между строгостью, иногда доходившею до жестокости, и терпимостью, непослѣдовательною и невыдержанною. Наконецъ, въ критическій моментъ, не случайно совпавшій съ окончаніемъ несчастной войны, состоялись Высочайшіе указы 27-го августа и 17-го сентября 1905-го года. Автономія высшей школы опередила на три мѣсяца уничтоженіе цензуры и отмѣну административно-карательной власти надъ печатью. Теперь, когда утихла политическая буря, высшей школѣ, какъ и печати, угрожаетъ частичный возвратъ къ прошедшему. За актами охраны, парализующими, фактически, свободу печати, за министерскими циркулярами, посягающими, фактически, на права профессорскихъ корпорацій, виднѣются проекты, узаконяющіе „новый“ — въ сущности очень старый — „курсъ“. И это неудивительно. Свобода печати и автономія высшей школы — могущественные двигатели впередъ, трудно обходимые камни преткновенія на пути регресса. Ни съ той, ни съ другой не могъ мириться абсолютизмъ; ни съ той, ни съ другой не можетъ идти рука объ руку мнимый конституціонализмъ... Особенно опасна ломка высшей школы. Печать сравнительно выносliва; въ періоды гоненій она терпитъ, конечно, много потерь, но все же сохраняетъ нѣкоторую живучесть и не прекращаетъ своей работы. Повтореніе ретроградныхъ экспериментовъ надъ высшей школой слишкомъ легко можетъ повлечь за собою перерывъ или крайнее ослабленіе ея дѣятельности, т.-е. оскудѣніе научнаго творчества и пониженіе образовательнаго уровня страны. Отсюда протестъ противъ проекта университетскаго устава, страстный — въ печати, сдержанный, но не менѣе рѣшительный — въ оффиціальныхъ отзывахъ. Между послѣдними особенно выдается записка ректора московскаго университета, А. А. Мануйлова, прочитанная въ засѣданіи совѣта министра народнаго просвѣщенія и напечатанная in extenso въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

Всего меньше значенія имѣютъ, въ законопроектахъ, тѣ статьи, которыми опредѣляются, въ общихъ чертахъ, задачи и цѣли даннаго учрежденія. Законъ, собственно говоря, можетъ обойтись безъ такого опредѣленія: для чего существуетъ, къ чему должно стремиться учрежденіе—это вытекаетъ съ достаточною ясностью изъ подробнаго перечня его функцій, его правъ и обязанностей. Если, однако, общее опредѣленіе признается необходимымъ, то оно должно отличаться точностью и полнотою. Этому требованію, какъ справедливо замѣтилъ А. А. Мануйловъ, не отвѣчаетъ проектъ г.г. Ульянова и Шварца: указывая, въ ст. 2-ой, на роль университетовъ, какъ *учебныхъ* заведеній, онъ не говоритъ ни слова о ихъ *ученомъ* назначеніи. Что такое опредѣленіе не имѣетъ исчерпывающаго характера—это признаютъ и „Московскія Вѣдомости"; но онѣ идутъ слишкомъ далеко, находя, что въ немъ упущены изъ виду „соотношенія науки и школы съ культурными задачами народа, съ высшими цѣлями государства, съ долгомъ патріотизма". Примѣромъ, достойнымъ подражанія, газета г. Будиловича считаетъ формулу, изображенную на зданіи страсбургскаго университета: Litteris et patriae. Намъ думается, что отечеству служатъ всѣ общеполезныя учрежденія — служатъ, конечно, не искусственнымъ насажденіемъ патріотизма, цѣннаго лишь какъ свободное чувство, а честнымъ исполненіемъ своего призванія. Подчеркивать отношеніе университета къ отечеству нужно было, можетъ быть, въ Страсбургѣ, только-что присоединенномъ къ Германіи, но совершенно излишне у насъ въ Россіи. Другое дѣло—отношеніе университета къ наукѣ: оно вполнѣ реально, оно въ значительной мѣрѣ предрѣшаетъ дѣятельность университета—и потому не должно быть обойдено молчаніемъ въ опредѣленіи, вносимомъ на страницы закона.

Ничего не говоря объ одномъ, статья 2-ая говоритъ о другомъ слишкомъ много и едва ли правильно. Университеты—гласитъ она—имѣютъ цѣлью „способствовать приготовленію къ дѣятельности на различныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія, требующихъ научной подготовки". Раньше было сказано, что университеты даютъ какъ общее, такъ и спеціальное высшее образованіе; нужно ли было, затѣмъ, говорить особо о подготовкѣ къ служебной дѣятельности? Такая прибавка была бы, пожалуй, понятна, еслибы съ окончаніемъ университетскаго курса по прежнему предполагалось связать право вступленія на государственную службу; но проектъ становится на иную точку зрѣнія. Университетскій дипломъ, по ст. 107-ой, не даетъ никакихъ служебныхъ и иныхъ правъ и преимуществъ; для пріобрѣтенія такихъ правъ лица, успѣшно окончившія университетскій курсъ, подвергаются особымъ испытаніямъ въ вѣдомственныхъ коммиссіяхъ. Противъ такого порядка можно было бы не возражать,

еслибы установленіе его имѣло послѣдствіемъ освобожденіе университетскаго преподаванія отъ избытка правительственной регламентаціи. На самомъ дѣлѣ проектъ не только не ослабляетъ ее, но усиливаетъ и обостряетъ. „Общіе учебные планы, одинаковые для всѣхъ университетовъ"—читаемъ мы въ ст. 97-ой, — „установляются министромъ народнаго просвѣщенія. Программы преподаванія предметовъ, входящихъ въ общіе учебные планы, а равно распредѣленіе обязательныхъ практическихъ занятій, связанныхъ съ курсами по этимъ предметамъ, составляются факультетами и представляются на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія". Такъ далеко не шелъ даже уставъ 1884-го года, по которому учебные планы не установлялись, а только утверждались министромъ, программы же вовсе не требовали властнаго утвержденія. „Если вмѣшательство министерства"—говоритъ А. А. Мануйловъ—„не сведется на практикѣ къ формальности, оно будетъ наносить неисчислимый вредъ учебной дѣятельности университета, подавая поводъ къ нескончаемымъ пререканіямъ, преніямъ и неудовольствіямъ. Регламентація университетскаго преподаванія, втискивая его въ неподвижныя рамки, не соотвѣтствуетъ самой его природѣ, отражающей въ себѣ никогда не прекращающееся движеніе науки". Неужели многолѣтнимъ опытомъ не раскрыта еще съ полною убѣдительностью вся безцѣльность регламентаціонныхъ эксцессовъ? Никакими манипуляціями надъ учебными планами и программами нельзя вытравить живой духъ профессорскихъ лекцій, нельзя сдѣлать ихъ отголоскомъ измѣнчивыхъ правительственныхъ тенденцій. Допустимъ даже, что за университетскими дипломами будетъ сохранено—какъ предлагаютъ „Московскія Вѣдомости"—прежнее ихъ значеніе; и въ такомъ случаѣ для регламентаціи, проектируемой министерствомъ, не имѣлось бы достаточныхъ основаній. Одно дѣло—предписывать детально, что̀ и какъ читать; другое дѣло — заботиться о томъ, чтобы университетъ оставался вѣрнымъ своему призванію. Московская газета впадаетъ въ ошибку, утверждая, что система, защищаемая А. А. Мануйловымъ, примѣнима только къ *вольнымъ* университетамъ, основываемымъ безъ участія государства и содержимымъ не на государственный счетъ. Нѣтъ, автономность университета вполнѣ совмѣстима съ его государственностью. Законъ можетъ и долженъ опредѣлить условія вступленія въ университетъ, перечислить предметы, обязательно преподаваемые на томъ или другомъ факультетѣ, назначить число лекцій, обязательно читаемыхъ профессоромъ, установить, въ главныхъ чертахъ, отношенія учащихъ къ учащимся; органы государственной власти могутъ и должны наблюдать за исполненіемъ закона. Указку не слѣдуетъ смѣшивать съ контролемъ. Свобода преподаванія — не синонимъ свободы отъ преподаванія. Въ автономномъ университетѣ профессоръ, игно-

рирующій или нарушающій свои обязанности, по меньшей мѣрѣ столь же немыслимъ, какъ въ университетѣ подначальномъ.

Сохранить за университетомъ характеръ подначальнаго учрежденія, данный ему уставомъ 1884-го года—такова, вообще, одна изъ задачъ проекта. Университеты „состоятъ подъ главнымъ начальствомъ и общимъ руководствомъ министра народнаго просвѣщенія". Попечитель учебнаго округа не только „наблюдаетъ за исполненіемъ всѣми университетскими установленіями и должностными лицами законовъ и правилъ", но и „принимаетъ, въ случаяхъ нарушенія правильнаго хода дѣятельности университета, всѣ нужныя, по его усмотрѣнію, мѣры къ возстановленію порядка". Иначе смотрѣлъ на дѣло уставъ 1863-го года, *вѣрявшій* университетъ попечителю, т.-е. возлагавшій на послѣдняго, въ полномъ согласіи съ наименованіемъ его должности, лишь *попеченіе* о пользахъ и нуждахъ университета. При изданіи университетскаго устава 1804-го года рѣшено было даже назначать мѣсто жительства попечителя не въ мѣстѣ нахожденія подвѣдомственнаго ему университета, именно съ цѣлью предупредить слишкомъ усердное вмѣшательство попечителя въ университетскія дѣла и оградить необходимую самостоятельность университета. На практикѣ, правда, эта цѣль достигнута не была; но невозможное сто лѣтъ тому назадъ было бы теперь вполнѣ осуществимо и вполнѣ цѣлесообразно... Мы увидимъ ниже, что значеніе начальника—начальника, если можно такъ выразиться, второй или третьей величины,—проектъ даетъ и ректору университета.

Одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ проекта А. А. Мануйловъ видитъ въ томъ, что университетъ, въ противность основному началу его существованія, перестаетъ быть единымъ цѣлымъ (universitas litterarum). „Московскія Вѣдомости" возражаютъ на это, что объединяющее значеніе въ научной сферѣ университеты въ послѣднее время все больше и больше теряютъ, особенно вслѣдствіе быстраго роста высшихъ техническихъ школъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явнымъ недоразумѣніемъ. Рѣчь идетъ не о монополіи университетовъ, не о какомъ-то превосходствѣ ихъ передъ высшими техническими или вообще профессіональными школами, а о сохраненіи той внутренней связи между факультетами, которая составляетъ одну изъ лучшихъ университетскихъ традицій. Указываютъ на то, что въ Сѣверной Америкѣ въ составъ университетовъ кое-гдѣ вводятся политехникумы; но вѣдь это—шагъ въ сторону объединенія, а не въ сторону раздробленія высшей школы. Отдѣльность факультетовъ сравнительно долго держалась во Франціи, но именно тамъ всего ярче обнажились ея недостатки,—и французскіе университеты все больше и больше приближаются къ германскому или русскому типу тѣсно свя-

занныхъ между собою факультетовъ. Органомъ, осуществляющимъ эту связь—одинаково важную и для профессоровъ, и для студентовъ,—является совѣтъ. Умаленіе его роли равносильно колебанію единства университета. Если проектъ, оставляющій за совѣтомъ небольшое число второстепенныхъ по значенію дѣлъ [1]), получитъ силу закона, университетъ, по выраженію А. А. Мануйлова, „превратится въ совокупность механически и слабо соединенныхъ между собою спеціальныхъ школъ". Не будетъ больше профессорской коллегіи, въ смыслѣ „единаго съорганизованнаго цѣлаго", какъ не было ея при дѣйствіи устава 1884-го года.

Сравнительно умѣренные и благоразумные защитники проекта, пишущіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и приличіемъ тона выгодно отличающіеся отъ близкихъ имъ по духу сотрудниковъ „Россіи", любятъ, какъ мы уже видѣли, ссылаться на примѣръ Западной Европы: Находя, что А. А. Мануйловъ—какъ и сходящійся съ нимъ въ отрицательномъ отношеніи къ проекту профессоръ-октябристъ графъ Камаровскій—преувеличиваетъ значеніе и роль совѣта, они указываютъ на то, что западные университеты давно уже начали выдѣлять изъ своей среды небольшое число профессоровъ, которые, въ качествѣ академическаго сената, завѣдуютъ текущими дѣлами академической жизни. Этотъ порядокъ, по мнѣнію московской газеты, имѣетъ то серьезное преимущество, что не отрываетъ массу профессоровъ отъ научныхъ занятій, не вовлекаетъ ихъ въ „партійныя злободневности", не лишаетъ ихъ необходимаго для ученой дѣятельности спокойствія и безпристрастія. Хвалители заграничнаго обычая упускаютъ изъ виду, что нѣчто подобное существуетъ и у насъ: значительную часть своихъ дѣлъ совѣты, особенно въ послѣднее время, передаютъ на рѣшеніе или предварительное разсмотрѣніе совѣтскихъ коммиссій, облегчая этимъ свою задачу, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняя въ своихъ рукахъ общее направленіе университетской жизни. Рядомъ съ совѣтомъ, притомъ, дѣйствуетъ правленіе, и посѣщеніе совѣтскихъ засѣданій вовсе не является тяжкимъ бременемъ, отвлекающимъ отъ производительной научной работы. Чѣмъ больше у совѣта серьезныхъ дѣлъ, тѣмъ менѣе вѣроятно увлеченіе его „партійными злободневностями". Если и допустить, что наши совѣты не всегда оставались чуждыми политики или, по выраженію „Московскихъ Вѣдомостей", „политиканства",—то это зависѣло, конечно, не отъ того, что указъ 27-го августа ввѣрилъ имъ руководство университетами, а отъ того,

[1]) Почти по всѣмъ этимъ дѣламъ совѣтъ постановляетъ, притомъ, не окончательныя рѣшенія, а только мнѣнія, идущія на утвержденіе попечителя или министра. Не лишено значенія и уменьшеніе состава совѣта, изъ котораго предполагается исключить экстраординарныхъ профессоровъ.

что какъ разъ въ это время интересъ къ политической жизни, долго таившійся подъ спудомъ, проникъ всюду, вездѣ властно овладѣлъ умами. Когда свобода установится у насъ такъ же прочно, какъ, напримѣръ, въ Германіи, тогда политическая жизнь сама собою войдетъ въ свои нормальные берега и въ охранительныхъ плотинахъ не будетъ никакой надобности.

Тяжесть удара, наносимаго университету въ лицѣ его совѣта, раскрываютъ съ особенною ясностью тѣ постановленія проекта, которыя касаются порядка замѣщенія профессорскихъ каѳедръ. За силою ст. 127-ой, при открывшейся вакансіи профессора министръ народнаго просвѣщенія или замѣщаетъ ее по собственному усмотрѣнію, или предоставляетъ подлежащему факультету избрать одного или нѣсколькихъ кандидатовъ на вакантную должность и представить ихъ на утвержденіе. А. А. Мануйловъ видитъ въ этомъ шагъ назадъ даже сравнительно съ уставомъ 1884-го года. И дѣйствительно, между уставомъ и проектомъ существуетъ важное различіе. И тотъ, и другой признаютъ за министромъ право назначать профессоровъ по собственному усмотрѣнію; но на тотъ случай, если министръ не пожелаетъ воспользоваться этимъ правомъ, уставъ предоставлялъ *университету* избраніе *кандидата* на профессорскую должность, а проектъ предоставляетъ *факультету* избраніе одного *или нѣсколькихъ* кандидатовъ, причемъ опредѣленіе ихъ числа должно зависѣть, очевидно, отъ министра. Понятно, что указаніе *одного* кандидата больше стѣсняетъ произволъ министра, чѣмъ указаніе *нѣсколькихъ* лицъ, изъ числа которыхъ министромъ можетъ быть выбрано именно то, чьи заслуги цѣнятся факультетомъ всего ниже. Еще серьезнѣе другая перемѣна. По уставу 1884-го года кандидата на профессорскую должность избиралъ университетъ, т.-е. *совѣтъ*, по представленію факультета. Теперь выборъ кандидата—или кандидатовъ—предполагается поручить *факультету*, мнѣніе котораго представляется непосредственно на утвержденіе министра. Совѣтъ, слѣдовательно, устраняется отъ всякаго участія въ одномъ изъ самыхъ важныхъ актовъ университетской жизни. Ненормальность такого порядка ярко выставлена на видъ въ запискѣ А. А. Мануйлова. „Отдѣльныя отрасли знанія, распредѣленныя между разными факультетами“,—читаемъ мы здѣсь,—„часто близко соприкасаются между собою (напр. предметы факультетовъ естественнаго и медицинскаго, юридическаго и историко-филологическаго). Съ другой стороны и факультеты отнюдь не являются обраніями близкихъ другъ къ другу спеціалистовъ (напр. математики и естественники входятъ въ составъ физико-математическаго факультета). Сужденіе о достоинствахъ кандидата можетъ только выиграть въ своей полнотѣ и разносторонности, будучи перенесено въ совѣтъ

послѣ разсмотрѣнія кандидатуры факультетомъ. Совершенно ошибочно предполагать, будто оцѣнка научныхъ достоинствъ кандидата безусловно недоступна представителямъ другихъ спеціальностей. Изъ преній въ совѣтѣ и доклада факультета относительное достоинство кандидатовъ выясняется и для членовъ коллегіи, не принадлежащихъ къ спеціалистамъ по данной отрасли знанія; единство научнаго знанія обнаруживается въ этомъ случаѣ въ единствѣ научныхъ критеріевъ, создающемъ общую для научныхъ дѣятелей почву для сужденій по научнымъ вопросамъ". Убѣдительность этихъ соображеній бросается въ глаза. Подтвержденіе ихъ можно найти въ самомъ проектѣ: онъ относитъ къ вѣдѣнію совѣта утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ, присужденныхъ факультетами, а также предположенія факультетовъ о соединеніи и раздѣленіи каѳедръ, о замѣнѣ одной каѳедры другою, объ открытіи новыхъ каѳедръ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ совѣтъ признается компетентнымъ судьею по вопросамъ, непосредственно связаннымъ съ тою или другою научною спеціальностью.

Если уставомъ 1884-го года вопросъ о порядкѣ назначенія профессоровъ разрѣшается нѣсколько болѣе удовлетворительно, чѣмъ проектомъ, то отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы рѣшеніе, данное уставомъ, было единственнымъ правильнымъ или наиболѣе правильнымъ. Напротивъ того, оно вовсе не отвѣчаетъ интересамъ науки и народнаго образованія. Уставъ 1884-го года былъ однимъ изъ первыхъ проявленій реакціи, разразившейся надъ Россіей и принесшей съ собою столько бѣдъ для государства и для народа. Въ самомъ уставѣ эта реакція выразилась всего яснѣе въ уничтоженіи выборнаго начала. Уже тогда слишкомъ легко забывалось, что это начало вовсе не было созданіемъ шестидесятыхъ годовъ, съ духомъ которыхъ велась ожесточенная борьба. Теперь, по прошествіи четверти вѣка, еще нужнѣе точная историческая справка; еще нужнѣе напомнить, что выборное начало было введено въ наши университеты первымъ, по времени, ихъ уставомъ. „Внутреннее устройство университетовъ по уставу 1804-го года"—сказано было въ представленіи, при которомъ внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ уставъ 1863-го года,—„имѣло форму коллегіальную и основано было на началахъ совершенной автономіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся быта университетской корпораціи... Средоточіе университетскаго самоуправленія образовалъ совѣтъ, съ выборнымъ своимъ головою — ректоромъ. Совѣтъ самъ комплектовался посредствомъ выбора на вакантныя каѳедры кандидатовъ, которыя утверждались въ этомъ званіи министромъ". Выборъ профессоровъ оставленъ былъ за совѣтомъ и уставомъ 1835-го года, къ которому непосредственно примкнулъ, въ этомъ отношеніи, уставъ 1863-го года. Уставъ 1884-го года знаменовалъ собою, такимъ образомъ, разрывъ съ

традиціею, почти вѣковою, съ порядкомъ, благодаря которому русскій университетъ выросъ изъ болѣе чѣмъ скромнаго учебнаго заведенія въ настоящую высшую школу. И этотъ разрывъ предполагается теперь закрѣпить и обострить—теперь, когда Россія вступаетъ въ новый періодъ своей государственной жизни, требующій свободнаго развитія всѣхъ народныхъ и общественныхъ силъ!.. Въ 1884-мъ году система назначенія профессоровъ мотивировалась аргументами, очень слабыми по существу, но подходившими къ тогдашнему оффиціальному настроенію: указывалось съ одной стороны на несовмѣстимость выборнаго начала съ господствовавшимъ въ то время государственнымъ строемъ, съ другой—на разладъ и интриги въ средѣ профессоровъ и на часто повторявшіеся студенческіе безпорядки. Первое указаніе потеряло, съ 17-го октября 1905-го года, всякую силу: въ противорѣчіи съ новымъ строемъ, далеко не вполнѣ осуществившимся на практикѣ, но признаннымъ въ принципѣ, оказалось бы не выборное начало, а министерское „усмотрѣніе", переходящее за свои естественные предѣлы. Въ свое время мы возражали подробно противъ мнѣнія, приписывавшаго выборному началу деморализующее вліяніе на профессуру [1]); теперь достаточно констатировать тотъ безспорный фактъ, что система назначенія понизила авторитетъ профессоровъ, подъемъ котораго начался лишь послѣ изданія указа 27-го августа. Что касается до студенческихъ волненій, то кому же неизвѣстно, что они шли почти непрерывно съ самаго введенія въ дѣйствіе устава 1884-го года и достигли, къ концу 90-хъ годовъ (т.-е. еще раньше, чѣмъ началось „освободительное движеніе"), такихъ размѣровъ и такой остроты, какихъ раньше не было и въ поминѣ?.. Меньше чѣмъ гдѣлибо принципъ назначенія профессоровъ можетъ быть признанъ подходящимъ именно у насъ. Наша бюрократія не привыкла уважать науку, прислушиваться къ ея голосу, ставить ея интересы выше собственнаго властолюбія и тщеславія. Въ ея исторіи нѣтъ такихъ именъ, какъ Цедлицъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Альтенштейнъ. Трудно ожидать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ она стала видѣть въ профессорахъ самостоятельныхъ дѣятелей науки, а не чиновниковъ, всецѣло подходящихъ подъ общую служебную мѣрку. Только на русской почвѣ могъ возникнуть и укрѣпиться взглядъ, въ силу котораго судить объ ученыхъ заслугахъ не компетентенъ университетскій совѣтъ, но компетентенъ министръ, хотя бы онъ не получилъ высшаго образованія до своего назначенія стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ учебнаго дѣла. Немногимъ лучше положеніе вещей и тогда, когда министръ

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1884-ый годъ, посвященное разбору только-что обнародованнаго тогда университетскаго устава.

является спеціалистомъ по какой-нибудь отрасли знанія: внѣ знакомой ему сферы онъ все же вынужденъ полагаться на мнѣніе двухъ-трехъ негласныхъ совѣтниковъ, конечно не равносильное открыто постановленному рѣшенію многочисленной профессорской коллегіи.

Уставъ 1884-го года, отступая и въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ ему предшествовавшихъ, предоставилъ органамъ министерства народнаго просвѣщенія назначеніе ректора и декановъ, до тѣхъ поръ (за исключеніемъ короткаго промежутка времени въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ) выбиравшихся по принадлежности совѣтомъ и факультетами. Проектъ, по примѣру указа 27-го августа, возстановляетъ выборный характеръ этихъ должностей; выбирается совѣтомъ и проректоръ. Значеніе этой мѣры, однако, не такъ велико, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Оно умаляется, прежде всего, тѣмъ, что въ случаѣ двукратнаго неутвержденія выборовъ ректоръ, проректоръ и деканы назначаются министромъ. Практика земскихъ и городскихъ учрежденій, гдѣ существуетъ аналогичный порядокъ, показываетъ наглядно, какъ легко, съ его помощью, обратить выборы въ мертвую букву. Въ предсѣдатели и члены земскихъ и городскихъ управъ могутъ быть избираемы частныя лица, не состоящія и не состоявшія ни на государственной, ни на общественной службѣ; этимъ, конечно, не оправдывается, но хоть сколько-нибудь объясняется правило, требующее утвержденія ихъ административною властью. Въ иномъ положеніи находятся возможные кандидаты на должности ректора, проректора, декана: они всѣ принадлежатъ къ числу профессоровъ, всѣ прикосновенны, въ этомъ качествѣ, къ завѣдыванію университетскими дѣлами, всѣ имѣютъ равное право занять, въ случаѣ избранія, ту или другую отвѣтственную университетскую должность. Для дискреціонной власти министра, идущей въ разрѣзъ съ двукратнымъ постановленіемъ большинства, здѣсь нѣтъ и не должно быть мѣста. Назначенный ректоръ или деканъ—назначенный вопреки ясно выраженной волѣ его товарищей—не можетъ пользоваться въ ихъ средѣ авторитетомъ, необходимымъ для „перваго между равными“... Это еще не все. Ректору и декану, хотя бы они и были выборными, проектъ отводитъ роль, совершенно несвойственную предсѣдателю коллегіи. Ректору предоставляется не только наблюденіе за правильнымъ ходомъ учебнаго дѣла и за надлежащимъ исполненіемъ всѣми служащими въ университетѣ возложенныхъ на нихъ обязанностей,—но и право дѣлать должностнымъ лицамъ, служащимъ по учебной части (слѣдовательно—и профессорамъ) указанія, напоминанія и замѣчанія [1]); декану поручается ближайшее наблю-

[1]) Это право принадлежало ректору и по уставу 1884-го года, но тамъ оно было болѣе понятно, такъ какъ ректоръ *назначался* министромъ. Уставъ 1863-го

деніе за преподаваніемъ учебныхъ предметовъ въ факультетѣ... Указъ 27-го августа хотя и подчинялъ инспекцію непосредственно ректору, но разрѣшалъ послѣднему предлагать указанія, преподаваемыя инспекціи въ видахъ поддержанія порядка, на предварительное разсмотрѣніе совѣта или совѣтской коммиссіи. Ничего подобнаго проектъ не установляетъ: воскрешая инспекцію — въ лицѣ факультетскихъ приставовъ, подчиненныхъ ректору и отчасти деканамъ, — онъ возлагаетъ составленіе для нихъ инструкціи (утверждаемой попечителемъ) на ректора и декановъ, безъ всякаго участія совѣта. Указъ 27-го августа уполномочилъ совѣтъ, дѣйствующій въ полномъ составѣ или черезъ посредство выбранной имъ коммиссіи, заботиться о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни и принимать съ этою цѣлью соотвѣтственныя мѣры; проектъ переноситъ это право и эту обязанность на ректора, разрѣшая ему даже превышеніе власти, подъ условіемъ лишь немедленнаго доведенія о томъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа. Черезъ ректора, а не черезъ совѣтъ, производятся всѣ сношенія факультетовъ съ попечителемъ. Ректору и деканамъ передаются функціи университетскаго суда, совершенно упраздняемаго проектомъ.' За первое нарушеніе университетскихъ правилъ—напоминаніе, дѣлаемое деканомъ; за второе—напоминаніе, дѣлаемое ректоромъ; за третье—увольненіе изъ университета: вотъ лѣстница взысканій, установляемая проектомъ. Во вниманіе принимается, вообще, только число, а не свойство нарушеній; но въ случаѣ важныхъ нарушеній ректоръ можетъ немедленно уволить студента, а при нарушеніи порядка „дѣйствіями скопомъ“ увольненіе всѣхъ его виновниковъ обязательно для ректора. Столь же обязательно для него, въ послѣднемъ случаѣ, немедленное сообщеніе о безпорядкѣ подлежащей административной власти, „которая принимаетъ нужныя для возстановленія порядка мѣры“.

Остановимся на только-что приведенныхъ постановленіяхъ проекта. Почему предназначается къ уничтоженію университетскій судъ, много разъ и подолгу входившій въ составъ университетскаго организма? Не потому ли, что это—именно судъ, заботящійся не столько о быстротѣ, сколько о полнотѣ разбирательства, не столько о строгости, сколько о справедливости рѣшенія? Не имѣется ли въ виду внести въ взысканія, налагаемыя на студентовъ, суворовскій принципъ „глазомѣра и натиска“, цѣлесообразный во время военныхъ дѣйствій, но мало подходящій къ задачамъ мирнаго научнаго учрежденія? Незавидно будетъ положеніе ректора, поставленнаго лицомъ къ лицу съ альтернативой: или уволить студента, два раза подвергша-

года предоставлялъ ректору только *сообщать* (совѣту, факультету или попечителю) о неисправности или неправильныхъ дѣйствіяхъ преподавателей.

гося напоминанію, и испортить этимъ, быть можетъ, всю его будущность—или нарушить прямое, категорическое предписаніе устава. Всякій судья, всякій судъ, достойный этого имени, старается, при наличности нѣсколькихъ обвиняемыхъ, установить степень отвѣтственности, упадающей на каждаго изъ нихъ, и опредѣлить сообразно съ этимъ, отдѣльно по отношенію къ каждому, долженъ ли онъ быть подвергнутъ карѣ, и если долженъ, то какой именно; ректору проектъ вмѣняетъ въ обязанность при нарушеніи порядка скопомъ примѣнять ко всѣмъ участвовавшимъ въ немъ одну и ту же, и притомъ наиболѣе острую дисциплинарную мѣру. Еще тяжелѣе другое требованіе, предъявляемое къ ректору: оно лишаетъ его права сдѣлать, единолично или при помощи совѣта, все возможное для мирнаго прекращенія безпорядковъ, производимыхъ скопомъ, обязывая его немедленно передавать все дѣло въ руки подлежащей административной власти, т.-е. полиціи. Это значитъ, что безъ предварительныхъ попытокъ *успокоенія*, прямо будетъ начинаться *усмиреніе*. Что самые рѣшительные способы усмиренія сплошь и рядомъ ни къ чему не приводятъ—это показалъ опытъ конца 90-хъ годовъ и начала нынѣшняго вѣка; а стоютъ они всегда дорого, очень дорого. Что безъ нихъ, при нѣкоторой выдержкѣ, можно обойтись, что порядокъ можетъ быть возстановленъ безъ тяжелыхъ жертвъ—объ этомъ свидѣтельствуютъ недавнія событія въ Москвѣ и Петербургѣ. Конечно, именно отсутствіемъ жертвъ могутъ быть недовольны любители „энергичной" расправы; но вѣдь нельзя же допускать ихъ къ возобновленію столько разъ терпѣвшихъ фіаско экспериментовъ надъ высшей школой.

Чѣмъ-нибудь, однако, долженъ же будетъ руководствоваться ректоръ, налагая, своею дискреціонною властью, взысканія на студентовъ и сообщая администраціи о дѣйствіяхъ скопомъ, направленныхъ къ нарушенію порядка. Основой для его распоряженій должны будутъ служить, очевидно, донесенія факультетскихъ приставовъ и подвѣдомственныхъ имъ низшихъ служителей. Появляются вновь, подъ другимъ именемъ, инспектора, субъ-инспектора и педеля, оставившіе такой печальный слѣдъ въ исторіи нашихъ университетовъ. Въ патріархальныя времена возможны были такіе представители инспекціи, какъ Нахимовъ, пользовавшійся уваженіемъ и любовью московскихъ студентовъ; но этотъ типъ давно отошелъ въ прошлое и никогда не воскреснетъ — слишкомъ измѣнились условія, слишкомъ измѣнились сами студенты. Отъ инспекціи, какъ бы она ни называлась, можно ожидать скорѣе подачи поводовъ къ безпорядкамъ, чѣмъ ихъ предупрежденія. Не поможетъ, въ этомъ отношеніи, и высшее образованіе, которое проектъ признаетъ хотя и не необходимымъ, но желательнымъ условіемъ назначенія на должность факультетскаго пристава.

Еще большее значеніе, чѣмъ возстановленію инспекціи, проектъ придаетъ, повидимому, безусловному удаленію изъ стѣнъ университета какъ студенческихъ обществъ, такъ и студенческихъ собраній. Трудно понять, почему отъ этой мѣры ожидается обезпеченіе порядка и спокойствія въ средѣ студентовъ: вѣдь она дѣйствовала до самыхъ послѣднихъ лѣтъ и была проводима съ такою неуклонностью, съ такою строгостью, о какихъ едва ли можетъ быть и рѣчь при новомъ государственномъ строѣ. Ни собраній, ни какихъ бы то ни было студенческихъ организацій не допускалъ даже уставъ 1863-го года—и это, быть можетъ, было самою слабою его стороною: собранія, не смотря на всѣ запреты, происходили, общества или кружки слагались и функціонировали, возбуждая самымъ существованіемъ своимъ репрессивныя и карательныя мѣры, становившіяся, затѣмъ, поводомъ къ волненіямъ и безпорядкамъ. Все это повторялось и при дѣйствіи устава 1884-го года. Когда разстройство университетской жизни, въ первыхъ годахъ текущаго вѣка, достигло крайней степени, студенческія сходки и студенческое представительство получили право на существованіе. Чѣмъ они могли бы стать при другихъ условіяхъ — объ этомъ возможны лишь догадки: ихъ захлестнула, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, бурная волна, вліяніе которой чувствуется и до сихъ поръ. Одно не подлежитъ сомнѣнію: потребность въ студенческихъ собраніяхъ и обществахъ существуетъ и существовать не перестанетъ—а нормальное удовлетвореніе она можетъ получить только въ стѣнахъ университета. Не говоримъ уже о несовершенствѣ дѣйствующаго законодательства, относящагося къ собраніямъ и обществамъ; не говоримъ о томъ, какъ оно понимается и примѣняется на практикѣ полицейскою властью. Допустимъ, что законъ, въ не очень отдаленномъ будущемъ, будетъ пересмотрѣнъ, что въ исполненіи его не будетъ господствовать произволъ, неизбѣжный при дѣйствіи исключительныхъ положеній; даже тогда запрещеніе собираться и вести коллективную работу въ самомъ университетѣ будетъ источникомъ серьезныхъ, не всегда преодолимыхъ затрудненій. Не странно ли, что университетскія аудиторіи и залы будутъ по вечерамъ стоять пустыми, а студентамъ придется искать для своихъ собраній – и, можетъ быть, искать напрасно—помѣщеній, наемъ которыхъ былъ бы имъ по средствамъ? Съ другой стороны, какихъ усилій и расходовъ стоила бы организація такого надзора, который могъ бы предупреждать сходки въ стѣнахъ университета? Вѣдь мѣстомъ сходки можетъ служить каждая аудиторія, гдѣ студенты ожидаютъ профессора, каждый корридоръ, по которому они ходятъ въ промежутки между лекціями. Какъ уловить и опредѣлить моментъ, когда обыкновенный разговоръ превращается въ систематическое обсужденіе извѣстнаго вопроса, без-

форменная толпа—въ организованную сходку? Посильной ли будетъ такая задача для факультетскихъ приставовъ и, тѣмъ болѣе, для ихъ помощниковъ—низшихъ служителей? Не слѣдуетъ ли опасаться возникновенія на этой почвѣ болѣе или менѣе острыхъ столкновеній, легко могущихъ принять видъ „дѣйствія скопомъ"? Недавній опытъ показалъ, что сходка, разрѣшенная университетскимъ начальствомъ, происходящая въ присутствіи и при участіи профессоровъ — лучшее средство возстановить, безъ ненужныхъ и безплодныхъ жертвъ, нормальный ходъ университетской жизни.

Разобщенные другъ отъ друга, студенты, по мысли проекта, должны быть какъ можно больше отдалены и отъ профессоровъ. Назначеніе стипендій и пособій изъ средствъ государственнаго казначейства передается изъ рукъ университета въ руки попечителя учебнаго округа. За правленіемъ университета обязательно остается только назначеніе стипендій, предоставленныхъ формальными актами въ исключительное распоряженіе университета. Безусловно устраняется освобожденіе отъ платы за ученье, на почвѣ котораго также происходили сношенія между профессорами и студентами. Какое значеніе послѣдняя мѣра имѣетъ сама по себѣ—это не требуетъ поясненія. Она обостряется повышеніемъ платы, составляющей теперь 50 руб. въ годъ, до 150 руб. въ Петербургѣ и Москвѣ и 100 руб. въ другихъ городахъ. Правда, проектомъ уничтожается профессорскій гонораръ, вносимый теперь сверхъ платы за ученье; но онъ составляетъ обыкновенно меньше 50 рублей въ годъ, такъ что въ столичныхъ университетахъ расходъ, падающій на каждаго студента, увеличивается во всякомъ случаѣ весьма значительно. Предполагается, очевидно, что благодаря этому уменьшится наплывъ студентовъ въ университеты вообще и въ столичные университеты въ особенности. Аналогичныхъ мѣръ исторія нашихъ университетовъ представляетъ немало. Увеличеніе общаго числа студентовъ онѣ задерживали только на время; но какъ опредѣлить сумму горя, причиненнаго ими множеству отдѣльныхъ лицъ, множеству семействъ, сумму вреда, нанесеннаго ими народному образованію? Замѣтимъ, притомъ, что до сихъ поръ широко практиковалось освобожденіе отъ платы, противъ котораго съ такою неумолимою строгостью вооружается проектъ.

Противъ увеличенія числа студентовъ направлена и та статья проекта, на основаніи которой въ студенты университета принимаются только окончившіе курсъ—или выдержавшіе соотвѣтствующее испытаніе—въ мужскихъ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Доступъ въ университетъ закрывается, такимъ образомъ, не только для лицъ женскаго пола, но и для молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ реальномъ училищѣ или въ духовной семинаріи.

Однимъ почеркомъ пера покончено, въ рестриктивномъ смыслѣ, съ вопросомъ, долго занимавшимъ общественное мнѣніе и приближавшимся, повидимому, къ противоположному разрѣшенію... Въ посторонніе слушатели могутъ быть допускаемы окончившіе курсъ какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не иначе, какъ на одно полугодіе или на одинъ учебный годъ. Другими словами, посторонній слушатель никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что ему удастся прослушать полный университетскій курсъ. Достаточно, въ добавокъ, *одного* случая нарушенія постороннимъ слушателемъ университетскихъ правилъ — и ему можетъ быть немедленно, безъ всякихъ предварительныхъ напоминаній, воспрещено ректоромъ дальнѣйшее посѣщеніе университета. При такихъ условіяхъ число постороннихъ слушателей значительнымъ, очевидно, быть не можетъ.

Таковы главныя черты проекта университетскаго устава. Обращая университетъ въ подначальное учрежденіе, до крайности уменьшая значеніе совѣта, допуская выборное начало лишь на столько, на сколько это угодно министерству, извращая роль ректора и декановъ, подчиняя преподаваніе административной регламентаціи, возстановляя инспекцію, уничтожая, въ стѣнахъ университета, всякое общеніе между студентами, отдаляя ихъ отъ профессоровъ, ставя судьбу каждаго студента и посторонняго слушателя въ зависимость отъ единоличнаго усмотрѣнія, затрудняя и ограничивая доступъ въ число учащихся — онъ соединяетъ въ себѣ всѣ худшія стороны устава 1884-го года, нѣсколько лишь прикрашенныя и прикрытыя, и представляетъ собою громадный шагъ назадъ сравнительно съ указомъ 27-го августа. Если ему суждено стать закономъ, хотя бы съ кое-какими поправками въ деталяхъ, это будетъ началомъ новой серіи „преобразованій на оборотъ“ — преобразованій, идущихъ въ разрѣзъ съ настоятельными требованіями времени. Трудно допустить, чтобы даже въ нынѣшней Государственной Думѣ не нашлось большинства, способнаго понять всю опасность подобной мѣры. Противъ нея, судя по слухамъ, высказались октябристы, наиболѣе компетентные въ вопросахъ высшаго образованія — профессоръ (и бывшій попечитель) Анрепъ, профессоръ Капустинъ. Еще болѣе знаменательно пламенное сочувствіе, съ которымъ относится къ образу дѣйствій министра народнаго просвѣщенія союзъ русскаго народа. Неужели это сочувствіе— недостаточно ясный показатель пути, котораго *не* слѣдуетъ держаться?

Но, можетъ быть, настроеніе, вызванное въ вліятельныхъ членахъ думскаго центра первою вѣстью о намѣреніяхъ А. Н. Шварца, измѣнилось вслѣдствіе недавнихъ студенческихъ забастовокъ? Мы этому не можемъ и не хотимъ вѣрить. Законъ пишется не для настоящей

минуты, а для многихъ лѣтъ или десятилѣтій; содержаніе его не должно зависѣть отъ случайныхъ, мимолетныхъ событій. Забастовки въ высшей школѣ — наслѣдіе долгаго прошлаго; ихъ причины, ближайшія и отдаленныя, не имѣютъ ничего общаго съ автономіей. Напротивъ того, именно благодаря послѣдней онѣ окончились на этотъ разъ такъ скоро и благополучно, какъ не оканчивались въ былое время никогда. Весьма возможно, притомъ, что и не начались бы онѣ вовсе, еслибы миръ, только что водворившійся въ высшей школѣ, не былъ нарушенъ распоряженіями новаго министра народнаго просвѣщенія. Величайшей, непростительной ошибкой было бы, поэтому, обратить разрѣшеніе университетскаго вопроса какъ бы въ кару для непокорныхъ студентовъ. Вѣдь учащаяся молодежь не только осталась бы тѣмъ, чѣмъ ее сдѣлали безконечно тянувшіеся годы суроваго гнета и послѣдовавшіе за ними короткіе мѣсяцы революціоннаго экстаза: ко всѣмъ прежнимъ элементамъ броженія присоединились бы въ ея средѣ еще новые—и оказали бы свое дѣйствіе, не смотря ни на какія предохранительныя и репрессивныя мѣры. Еслибы, паче чаянія, въ самый разгаръ забастовокъ между депутатами центра и зарождалось недоброе чувство противъ высшей школы, то оно, по всей вѣроятности, исчезло уже теперь — или исчезнетъ раньше чѣмъ проектъ университетскаго устава поступитъ на обсужденіе Думы.

Основаніемъ надѣяться, что проектъ университетскаго устава, въ настоящемъ своемъ видѣ, никогда не получитъ силу закона, служитъ, въ нашихъ глазахъ, и тотъ проектъ устава донского политехническаго института, слабая сторона котораго (стремленіе разобщить студентовъ между собою и съ профессорами) была отмѣчена, нѣсколько недѣль тому назадъ, прогрессивною печатью. Этотъ проектъ, составленный въ министерствѣ торговли и промышленности, предоставляетъ избраніе профессоровъ совѣту института, а составленіе учебныхъ плановъ—факультетамъ; составленные факультетомъ учебные планы признаются окончательными и ничьему утвержденію не подлежатъ. А между тѣмъ, окончаніе курса въ институтѣ, по мысли проекта, должно давать служебныя права, которыхъ, какъ мы видѣли, не предполагается соединять съ университетскимъ дипломомъ. Противорѣчіе между обоими проектами оказывается, такимъ образомъ, весьма глубокимъ. Оно свидѣтельствуетъ, во всякомъ случаѣ, о томъ, что въ средѣ совѣта министровъ существуютъ мнѣнія, далеко не согласныя со взглядами А. Н. Шварца.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1908.

I.

— П. Бирюковъ. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Т. II-й. Изданіе „Посредника". Москва. 1908. Стр. 483.

Рѣдко можно встрѣтить бо̀льшую литературную неумѣлость, нежели та, которую обнаружилъ г. Бирюковъ въ двухъ томахъ своей біографіи Толстого. Онъ самъ съ трогательнымъ смиреніемъ признаетъ это въ своемъ предисловіи. И все-таки русское общество будетъ ему вѣчно благодарно за предпринятую имъ работу, потому что, какъ говоритъ опять же онъ самъ, въ его лицѣ соединилось нѣсколько такихъ благопріятныхъ условій для написанія біографіи Толстого, „которыя, быть можетъ, болѣе не повторятся". Благодаря своей личной близости къ Л. Толстому и его семьѣ, онъ не только имѣлъ доступъ къ семейному архиву, но могъ въ затруднительныхъ случаяхъ получать и спеціальныя, часто письменныя разъясненія какъ отъ самого Л. Н., такъ и отъ близкихъ къ нему лицъ. Цѣнность его труда и сводится къ обилію интимнаго матеріала, и эта цѣнность очень велика. Ради этихъ драгоцѣнныхъ отрывковъ—выдержекъ изъ дневника Толстого, изъ писемъ и пр.—можно простить г. Бирюкову тяжеловѣсность и наивность его связующаго текста. Книга была бы еще лучше, если бы авторъ не загромоздилъ ее пересказомъ изданныхъ произведеній Толстого и историко-литературнымъ матеріаломъ, всѣми этими случайными выписками изъ печатныхъ отзывовъ о „Войнѣ и Мирѣ", „Аннѣ Карениной" и пр. (причемъ, напр., одна страница изъ Михайловскаго приводится даже дважды въ разныхъ мѣстахъ, стр. 162—3 и 221—222). И вообще онъ поступилъ бы правильнѣе, если бы съузилъ свою задачу до размѣровъ чисто-личной біографіи Толстого, совершенно обойдя ея общественную сторону. Наконецъ,

еще одно замѣчаніе мы должны сдѣлать по адресу книгоиздательства, печатающаго эту книгу: цѣна обоихъ первыхъ томовъ непомѣрно высока; нельзя брать по 2 р. 25 коп. за книгу въ 480 очень небольшихъ страницъ, дурно сброшюрованную и снабженную весьма плохими портретами. Теперь книга г. Бирюкова доступна только богатымъ людямъ.

Вышедшій теперь второй томъ обнимаетъ важнѣйшій періодъ въ жизни Толстого — отъ женитьбы (1862 г.) до конца 1884 года, т.-е. періодъ обоихъ большихъ романовъ, „Азбуки", московской переписи и религіознаго перелома. Обо всемъ этомъ книга г. Бирюкова сообщаетъ бездну новаго, какъ по внѣшней, такъ и по внутренней біографіи Толстого. Чрезвычайно важны многочисленныя письма Толстого къ Н. Н. Страхову и В. И. Алексѣеву, появляющіяся здѣсь впервые; впервые же напечатанъ текстъ письма Л. Н. къ Александру III о помилованіи виновниковъ 1-го марта, и письмо Побѣдоносцева къ Толстому съ отказомъ передать это письмо государю (потому что „нашъ Христосъ—не вашъ Христосъ. Своего я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющимъ разслабленныхъ, а въ вашемъ показались мнѣ черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія"); замѣчательно также обширное письмо Толстого къ г. Бирюкову, отъ 24 мая 1908 года, въ отвѣтъ на запросъ послѣдняго объ участіи Л. Н. въ дѣлѣ рядового Шибунина; не говоримъ уже о многочисленныхъ выдержкахъ изъ дневниковъ Л. Н., его переписки съ женою и свояченицей, и пр., и пр. Вкратцѣ изложить богатое содержаніе книги невозможно. Мы остановимся только на немногихъ частностяхъ, представляющихъ, какъ намъ кажется, наибольшій интересъ.

Что всего больше останавливаетъ на себѣ вниманіе въ этомъ второмъ томѣ біографіи, это, разумѣется, исторія нравственнаго перелома, совершившагося въ Толстомъ съ конца семидесятыхъ годовъ. Давно признано, что переломъ этотъ подготовлялся издавна и былъ обусловленъ задатками, присущими Толстому съ самаго начала. Но отъ этого признанія еще далеко до конкретной картины развитія, приведшаго къ перелому. Матеріалы, собранные г. Бирюковымъ, до нѣкоторой степени позволяютъ подсмотрѣть этотъ внутренній процессъ. Мы не знаемъ ничего увлекательнѣе этихъ страницъ, гдѣ личное такъ чудно сливается съ общечеловѣческимъ въ одинъ ослѣпительный пламень. Въ мартѣ 1863 года, тотчасъ послѣ женитьбы, въ счастливѣйшіе дни своей жизни, Толстой заноситъ въ дневникъ: „Мысль о смерти". Осенью того же года онъ пишетъ въ дневникѣ: „Я качусь, качусь подъ гору смерти и едва чувствую въ себѣ силы остановиться. А я не хочу смерти, я хочу и люблю безсмертіе. Выбирать незачѣмъ. Выборъ давно сдѣланъ—литература, искусство, пе-

дагогика, семья. Непослѣдовательность, робость, лѣнь, слабость— вотъ мои враги". Это еще не то безсмертіе, котораго онъ пожелаетъ впослѣдствіи: здѣсь онъ говоритъ еще только о земныхъ путяхъ къ безсмертію; во всякомъ случаѣ, страхъ смерти уже на лицо. Таково одно изъ двухъ сильнѣйшихъ чувствъ, которыя привели его къ перелому. Другое также обнаруживается очень рано, и если о первомъ мы знали и раньше, то второе тутъ выясняется въ первый разъ: это—отвращеніе къ собственному эгоизму и жажда любви. Въ началѣ 1865 года онъ пишетъ сестрѣ жены: „Да, вотъ я разсуждаю ужъ 2-й день, что очень грустно оттого, что на свѣтѣ всѣ эгоисты, изъ которыхъ первый я самъ. Я не упрекаю никого, но думаю, что это очень скверно и что нѣтъ эгоизма только между мужемъ и женой, когда они любятъ другъ друга... Какъ хорошо тому жить и съ тѣмъ жить, кто умѣетъ любить!.. Я Дорку (собачку) полюбилъ за то, что она не эгоистка. Какъ бы это выучиться такъ жить, чтобы всегда радоваться другому счастью".

Всякая нравственная философія вырастаетъ въ своемъ творцѣ изъ глубоко-интимной личной потребности, и личный элементъ въ ней несравненно значительнѣе, нежели историческій. Въ этомъ—сходство нравственнаго творчества съ художественнымъ: оба въ первой линіи опредѣляются индивидуальностью создающаго. Такъ и философія Толстого можетъ быть правильно понята только изнутри его личности, а не сама въ себѣ, какъ отвлеченная доктрина; слѣдовательно, на первый планъ въ ея изученіи выступаетъ изслѣдованіе тѣхъ личныхъ элементовъ, изъ которыхъ она выросла, ихъ роста, осложненія, столкновеній и пр. Когда-нибудь это, безъ сомнѣнія, и будетъ сдѣлано; но уже теперь можно съ достаточной вѣроятностью утверждать, что позднѣйшее міровоззрѣніе Толстого было обусловлено преимущественно сказанными двумя чувствами. И это понятно a priori, ибо они представляютъ собою двѣ сильнѣйшія тенденціи человѣка, какъ отдѣльной особи (страхъ смерти) и какъ части цѣлаго (жажда сліянія съ остальными людьми). Будущему біографу Толстого предстоитъ благодарная, но и трудная задача показать, какъ эти два начала на первыхъ порахъ періодически оттѣсняли другъ друга или сливались въ Толстомъ. Выдержки, приводимыя г. Бирюковымъ, кажется, даютъ право думать, что сначала, когда эти мысли еще только смутно бродили въ Толстомъ, первое чувство было сильнѣйшимъ, и даже въ теченіе многихъ лѣтъ. Упорная мысль о смерти, повидимому, дала первый толчокъ къ переоцѣнкѣ *земныхъ* цѣнностей и привела Толстого къ религіи. Г. Бирюковъ приводитъ чрезвычайно замѣчательное начало предисловія къ книгѣ, которую Толстой задумалъ писать въ 1874 году и которая не была написана; здѣсь читаемъ: „Матеріалистамъ я дол-

женъ возразить въ предисловіи. Они говорятъ, что, кромѣ земной жизни, ничего нѣтъ. Я долженъ возразить потому, что если бы это было такъ, то мнѣ бы и не о чемъ писать. Проживя подъ 50, я убѣдился, что земная жизнь ничего не даетъ, и тотъ умный человѣкъ, который вглядится въ земную жизнь серьезно: труды, страхъ, упреки, борьба,—зачѣмъ? родъ сумасшествія,—тотъ сейчасъ застрѣлится, и Гартманъ... Шопенгауэръ правъ. Но Шопенгауэръ давалъ чувствовать, что есть что-то, отчего онъ не застрѣлится. Вотъ это-то что-то есть задача той книги. Чѣмъ мы живемъ?—Религія". Мысль о смерти съ особенной силой овладѣла Толстымъ, повидимому, въ концѣ 1875 и въ началѣ 1876 г., какъ видно изъ его писемъ и изъ относящагося къ этому же времени описанія смерти Николая Левина. Какъ-разъ осенью 1876 года и начинается тотъ періодъ нравственнаго умиранія, который, какъ извѣстно, предшествовалъ обновленію Толстого; въ сентябрѣ Софья Андреевна пишетъ сестрѣ: „Левочка постоянно говоритъ, что все кончено для него, скоро умирать, ничто не радуетъ, нечего больше ждать отъ жизни", и самъ онъ, два мѣсяца спустя пишетъ, Страхову: „Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, унынie. Отчаяніе въ своихъ силахъ. Что мнѣ суждено судьбой, не знаю, но доживать жизнь безъ уваженія къ ней—а уваженіе къ ней дается только извѣстнаго рода трудомъ — мучительно. Думать даже—и къ тому нѣтъ энергіи". Центральнымъ пунктомъ все еще остается личный вопросъ, и даже въ половинѣ 1878 года, т.-е. еще полтора года спустя, Толстой такъ опредѣляетъ задачу, безъ малѣйшаго намека на „любовь": „а) Зачѣмъ я живу? б) какая причина моему и всякому существованію? в) какая цѣль моего и всякаго существованія? г) что значитъ и зачѣмъ то раздвоеніе добра и зла, которое чувствую въ себѣ? д) какъ мнѣ надо жить? е) что такое смерть? Самое же общее выраженіе этихъ вопросовъ и полное есть: какъ мнѣ спастись? Я чувствую, что погибаю. Живу и умираю, люблю жизнь и боюсь смерти—какъ мнѣ спастись?"

По книгѣ г. Бирюкова нельзя прослѣдить тотъ сложный процессъ мысли, которымъ Толстой пришелъ къ отожествленію обоихъ своихъ вопросовъ, личнаго и соціальнаго,—къ любви, какъ рѣшенію задачи личной жизни; для этого надо обратиться къ писаніямъ самого Толстого, къ „Исповѣди", „Въ чемъ моя вѣра" и др. Но самое обнаруженіе этихъ двухъ зародышей позднѣйшаго ученія Толстого впервые сдѣлалось наглядным именно благодаря матеріаламъ, собраннымъ въ этой книгѣ.

Еще и другая важная сторона дѣла впервые ярко освѣщается ею. Толстой со своей проповѣдью похожъ на человѣка, который вмѣстѣ со всей толпою стоитъ по сю сторону пропасти и указываетъ на

мость, перекинутый имъ черезъ пропасть: „зачѣмъ вы гибнете, обрываясь? смотрите, какой чудесный мостъ ведетъ на ту сторону“, — но самъ онъ остается тутъ же, не занося ногу на мостъ. Кто же повѣритъ ему, что мостъ и крѣпокъ, и дѣйствительно ведетъ на ту сторону?

Книга г. Бирюкова показываетъ, что это раздвоеніе между проповѣдью и собственной жизнью съ самаго начала является источникомъ величайшихъ страданій для Толстого, и она также до извѣстной степени вскрываетъ причины этого раздвоенія. Главной причиной являлась, конечно, натура Толстого, полная кипучихъ страстей. Поразительна слѣдующая запись, сдѣланная Толстымъ въ его дневникѣ осенью 1879 года, т.-е. еще въ началѣ перелома: „Есть люди міра, тяжелые, безъ крылъ. Они внизу возятся. Есть изъ нихъ сильные— Наполеонъ, пробиваютъ страшные слѣды между людьми, дѣлаютъ сумятицу въ людяхъ, но все по землѣ Есть люди, равномѣрно отращивающіе себѣ крылья и медленно поднимающіеся и взлетающіе. Монахи. Есть легкіе люди, воскрыленные, поднимающіеся легко отъ тѣсноты и опять спускающіеся — хорошіе идеалисты. *Есть съ большими сильными крыльями, для похоти спускающіеся въ толпу и ломающіе крылья. Таковъ я.* Потомъ бьется съ сломаннымъ крыломъ, вспорхнетъ сильно и упадетъ. Заживутъ крылья, воспарю высоко. Помоги Богъ. Есть съ небесными крыльями, нарочно изъ любви къ людямъ спускающіеся на землю (сложивъ крылья), и учатъ людей летать. И когда не нужно больше,—улетятъ. Христосъ“. Тутъ онъ еще надѣется, что ему удастся „воспарить“. Впрочемъ, на первыхъ порахъ онъ былъ всецѣло поглощенъ стремленіемъ обосновать и формулировать свое новое ученіе, т.-е. чисто-умозрительной работой; онъ писалъ „Исповѣдь“, „Толкованіе Евангелія“ и пр. Но уже въ 1881 году онъ пишетъ Алексѣеву, что пережилъ эпоху теоретической работы, что теперь по его указаніямъ всякій можетъ узнать истину, и ему остается только вторая—главная часть задачи: показать людямъ путь, а показать путь, т.-е. доказать возможность христіанской жизни при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, можетъ только „примѣръ жизни“,—„и это одно нужно и мнѣ, и вамъ“. Познакомившись въ Москвѣ съ извѣстнымъ Н. Ѳ. Ѳедоровымъ, человѣкомъ святой, аскетической жизни, онъ съ удивленіемъ лаконически записываетъ въ своемъ дневникѣ его простыя слова: „Исполнять? это само собою разумѣется“ (т.-е. исполнять жизни Христово ученіе). Самъ онъ мучительно ищетъ выхода въ другую жизнь. Но тутъ, кромѣ собственныхъ страстей и слабости, онъ встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія—въ волѣ своей жены, во всемъ укладѣ своей семейной жизни. Первымъ шагомъ къ освобожденію ему представляется отреченіе отъ собственности; онъ помирился бы даже

на меньшемъ—на отреченіи отъ ненужной роскоши и раздачѣ свободныхъ средствъ нуждающимся; но и это онъ не можетъ провести. — „У насъ обѣдъ огромный съ шампанскимъ. Тани наряжены. Пояса пятирублевые на всѣхъ дѣтяхъ. Обѣдаютъ, а ужъ телѣга ѣдетъ на пикникъ, промежду мужицкихъ телѣгъ, везущихъ измученный работой народъ. Пошелъ къ нимъ, но ослабѣлъ". Это крикъ души, и такихъ записей много. Онъ пытается взять хозяйство по имѣнію въ свои руки, чтобы, по крайней мѣрѣ, вести его справедливо, но изъ этого ничего не выходитъ. Для него жизнь въ городѣ, въ Москвѣ,—ужасъ и отвращеніе, а онъ принужденъ ради семьи проводить въ Москвѣ ежегодно по нѣскольку мѣсяцевъ, и каждый разъ въ этихъ случаяхъ онъ пишетъ въ дневникѣ слова вродѣ слѣдующихъ: „Опять въ Москвѣ. Опять пережилъ муки душевныя, ужасныя, больше мѣсяца". Всего откровеннѣе онъ высказался объ этомъ своемъ личномъ дѣлѣ въ 1882 году въ письмѣ къ одному революціонеру (М. А. Энгельгарту). Онъ идетъ здѣсь навстрѣчу естественному вопросу: вы все проповѣдуете,—почему же вы не исполняете? „Я отвѣчаю,—пишетъ онъ,—что виноватъ и гадокъ и достоинъ презрѣнія за то, что я не исполняю"; правда, онъ пытается исполнить: это видитъ всякій, кто сравнитъ его прежнюю жизнь съ теперешней. „Я не исполнилъ и $^{1}/_{10.000}$, это правда, и я виноватъ въ этомъ, но я не исполнилъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ. Научите меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ, и я исполню; но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить".

Въ книгѣ г. Бирюкова мало указаній на то, какъ Толстой пытался осуществлять истину, но есть кое-что характерное. Въ сентябрѣ 1883 г., Толстой въ Крапивнѣ отказался быть присяжнымъ, сославшись на свои религіозныя убѣжденія. Дѣло ограничилось наложеніемъ на него штрафа въ 100 руб., а онъ готовился къ этому поступку съ большимъ волненіемъ; онъ даже не предупредилъ жену: „ты бы волновалась, меня бы встревожила, а я и такъ тревожился и всѣми силами себя успокаивалъ". Біографъ Толстого видитъ въ этомъ поступкѣ „важный шагъ", еще мало оцѣненный современниками. Самъ Толстой теперь, вѣроятно, отнесся бы къ этому иначе.

II.

— Т. Ганжулевичъ. „Записки Охотника" И. С. Тургенева. Изданіе т-ва „Прогрессъ нашей жизни". Спб., годъ не обозн. Стр. 176.

Бываютъ хорошія книги, бываютъ дурныя, но такой растрепанной, какъ эта, намъ не встрѣчалось. Совѣстно смѣяться надъ нею — она

проникнута искренней любовью къ Тургеневу, но легкомысліе автора таково, что многія мѣста нельзя читать безъ улыбки. Если повѣрить Т. Ганжулевичъ, разсказъ „Хорь и Калинычъ“ написанъ Тургеневымъ подъ вліяніемъ Гоголевской „Переписки съ друзьями“—какъ протестъ противъ Гоголевскаго пониманія русской жизни: „Попираемое въ Гоголевскихъ письмахъ достоинство человѣческой личности крестьянина здѣсь опровергается тѣмъ достоинствомъ, которое вложено въ нее самой природой“. Бѣда въ томъ, что это остроумное соображеніе опровергается хронологіей: разсказъ „Хорь и Калинычъ“ былъ напечатанъ въ январьской книгѣ „Современника“ за 1847 годъ, а „Переписка съ друзьями“ вышла въ свѣтъ въ послѣдніе дни 1846 г. Еще забавнѣе другое замѣчаніе автора—о томъ, что сороковые годы были ознаменованы усиленнымъ интересомъ къ народной жизни во всѣхъ литературахъ: „Дача на Рейнѣ“ Ауэрбаха, произведенія Жоржъ-Зандъ подняли этотъ интересъ“. — „Дача на Рейнѣ“ — и сороковые годы! „Дача на Рейнѣ“ вышла въ 1869 году (не говоря уже о томъ, что авторъ, очевидно, не имѣетъ никакого понятія о содержаніи этого романа). Какъ могъ романъ Ауэрбаха подвернуться автору?—Но дѣло объясняется просто. Авторъ нашей книги много пользовался работой Н. Гутьяра о Тургеневѣ; здѣсь, на стр. 95-й, онъ встрѣтилъ указаніе на то, что самъ Тургеневъ *въ предисловіи къ переводу „Дачи на Рейнѣ“*, печатавшемуся въ „Вѣстникѣ Европы“, свидѣтельствовалъ объ оживленіи интереса къ народу, вызванномъ *Шварцвальдскими разсказами Ауэрбаха* и произведеніями Жоржъ-Зандъ въ сороковыхъ годахъ. Подъ легкомысленнымъ перомъ Т. Ганжулевичъ „Шварцвальдскіе разсказы“ исчезли, и на ихъ мѣстѣ очутился другой романъ, не имѣющій ничего общаго съ возбужденіемъ интереса къ народу. На стр. 13-й авторъ заявляетъ, что „Сороку-Воровку“ Герцена можно считать „прямой *преемницей* „Записокъ Охотника“ Тургенева по силѣ и правдивости художественнаго изображенія“, а на стр. 82-й, приступая къ характеристикѣ *предшествовавшей* „Запискамъ Охотника“ народнической литературы (Радищева, Фонвизина и др.), онъ пишетъ: „Литературные типы Тургенева въ предшествующей имъ русской литературѣ преемниковъ не имѣютъ, если не считать небольшой разсказикъ Герцена „Сорока-Воровка“. Такъ и остается неизвѣстнымъ, что̀ чему предшествовало: „Сорока-Воровка“ „Запискамъ Охотника“, и наоборотъ (а по существу дѣла надо замѣтить, что разсказъ Герна, напечатанный только въ 1848 г., былъ написанъ въ январѣ 46 года, т.-е. почти за годъ до перваго изъ разсказовъ Тургенева [1]).

[1]) См. помѣтку подъ подлинной рукописью „Сороки-Воровки“, „Русск. Стар.“ 9 г., апрѣль, стр. 82.

Подъ преемниками въ послѣдней цитатѣ надо понимать, разумѣется, предшественниковъ. Слогъ Т. Ганжулевичъ вообще оригиналенъ до крайности. Тутъ можно собрать цѣлый букетъ юмористики: „Въ первомъ очеркѣ, открывающемъ собою „Записки Охотника“ — „Хорь и Калинычъ“—мы видимъ черты этнографическаго очерка, отмѣченнаго особенностями данной мѣстности и быта“... „По своему мягкосердечію и прекраснодушію творчество Карамзина старалось увѣрить, что все благополучно“... „Но вполнѣ оцѣнилъ и предугадалъ сразу значеніе идущихъ за этимъ разсказомъ подобнаго типа лагерь славянофиловъ съ его стремленіемъ сблизиться съ землей и народомъ“, и т. п.— такими фразами пестритъ вся книга.

А жаль: книга написана съ любовью и могла бы быть интересна. Это—не историко-литературное изслѣдованіе; историческая освѣдомленность автора ничтожна, — въ этомъ отношеніи книга ничего не даетъ, кромѣ общихъ, крайне банальныхъ разсужденій, способныхъ больше засорить, чѣмъ просвѣтить умъ читателя. Но центръ ея тяжести не въ этомъ; авторъ задался цѣлью—путемъ анализа „Записокъ Охотника“ со стороны содержанія и формы выяснить ихъ гуманитарно-воспитательное значеніе, и надо признать, что съ этой задачей онъ справился въ общемъ удачно. Основная мысль книги не нова. Авторъ хочетъ показать, что „Записки Охотника“, будучи произведеніемъ не тенденціознымъ, а чисто-художественнымъ, оказали глубокое вліяніе на общество тѣмъ теплымъ гуманнымъ чувствомъ, которымъ проникнута ихъ поэзія. Авторъ тонко и вѣрно опредѣляетъ это чувство, какъ пантеистическій гуманизмъ. На цѣломъ рядѣ примѣровъ онъ показываетъ, что главнымъ источникомъ вдохновенія служила для Тургенева жизнь—жизнь природы и человѣка,—безкорыстное, любовное наслажденіе ея ходомъ, ея многообразіемъ и яркостью. Онъ дѣлаетъ цѣнное наблюденіе, что въ этой жизни Тургенева интересовалъ не моментъ, застывшій въ неподвижности, а всегда только движеніе, такъ что даже въ описаніяхъ природы онъ изображаетъ всегда не одно какое-нибудь состояніе, а рядъ смѣняющихся моментовъ, т.-е. вѣчный, неустанный ходъ жизни. Отсюда авторъ естественно переходитъ къ характеристикѣ гуманности Тургенева, заставляющей его съ любовью вглядываться во всякую человѣческую индивидуальность и видѣть въ ней самоцѣнную красоту. Наконецъ, важную роль онъ приписываетъ художественной манерѣ Тургенева, и страница, посвященная этому предмету, настолько интересна, что на ней стоитъ остановиться. Авторъ мѣтко опредѣляетъ разницу между манерой Тургенева и художественными пріемами позднѣйшаго натурализма. Въ то время какъ натурализмъ, вырисовывая всѣ детали, предоставляетъ читателю одно созерцаніе, Тургеневское творчество всегда стыдливо прикрываетъ о-

ленную дѣйствительность и, не поражая взоръ рѣзкими линіями, оставляетъ часть творческой работы за читателемъ: „Неизбѣжный при чтеніи такихъ произведеній процессъ интуиціи заставляетъ переработать въ себѣ художественный процессъ, и такъ какъ на долю интуиціи остаются скрытые за изображеніями дѣйствительности, отвѣчающіе ей идеалы, то онъ всегда связанъ съ чувствомъ красоты". Изъ этихъ трехъ элементовъ (любовь къ жизни въ движеніи, гуманность и идеалистическая манера творчества) и слагается, по мнѣнію автора, художественная цѣнность „Записокъ Охотника": „тихо журчащая всюду жизнь, и на фонѣ ея—человѣческая личность, связанная съ окружающимъ тысячью живыхъ нитей, красота единства, облагораживающая и смягчающая всѣ недочеты жизни", и „сопутствующее этому чувство всепроникающаго гуманизма"—такъ опредѣляетъ Т. Ганжулевичъ художественный смыслъ „Записокъ Охотника" и въ этомъ справедливо видитъ ихъ общественно-воспитательное значеніе.

III.

— Эмиль Бутру. Вильямъ Джемсъ и религіозный опытъ. Пер. съ франц. подъ редакціей Н. М. Соловьева. Книгоиздательство „Творческая мысль". Москва. 1908. Стр. 42.

Эта небольшая книжечка богаче живыми и глубокими мыслями, нежели многія толстыя книги. Но прочтутъ ее у насъ, вѣроятно, немногіе: она разсчитана на публику, болѣе освоенную съ отвлеченнымъ мышленіемъ, чѣмъ наша, да и предметъ ея таковъ, что можетъ только отпугнуть нашего средняго интеллигента. Она трактуетъ о сущности и цѣнности религіи. Попробуйте заговорить объ этомъ съ любымъ врачомъ, адвокатомъ, учителемъ: онъ пренебрежительно пожметъ плечами. Онъ знаетъ слово, при звукѣ котораго все религіозное разсѣевается, какъ дымъ; это слово—наука.

Обосновать религію научно—это въ нашъ вѣкъ научнаго фанатизма большая общественная заслуга; но это заслуга и для всѣхъ временъ, потому что этимъ самымъ устраняется всякій расколъ между вѣрою и разумомъ, отъ вѣка раздирающій человѣческое сознаніе. И если мы должны видѣть здѣсь пока не болѣе, какъ гипотезу, то въ [illegible]лахъ такой неизмѣримой важности первый, еще неувѣренный шагъ [illegible]ть уже великое завоеваніе.

Ученіе Джемса о религіозномъ опытѣ, которое излагаетъ и комментируетъ Эмиль Бутру, исходитъ изъ пониманія религіи, какъ нѣкотораго чув[illegible]твованія. Для Джемся религія—прежде всего внутреннее [illegible]о личности; всякая религія, какъ учрежденіе, и началомъ своимъ,

и устойчивостью обязана личности: ее создалъ религіозный геній, и существуетъ она лишь постольку, поскольку ее поддерживаютъ вѣрующіе. Въ чемъ же заключается сущность религіи? Это—особенное чувствованіе внутренней гармоніи и радости, проистекающее изъ увѣренности въ томъ, что принимаешь участіе въ мощи высшей, чѣмъ наша. Это подлинное ядро религіи обростаетъ въ каждомъ вѣрующемъ всевозможными интеллектуальными элементами, которые и приводятъ къ образованію догматовъ, религіозныхъ учрежденій и пр.; но основою религіи неизмѣнно остается указанное чувствованіе, т.-е. эмоціональный и волевой элементъ, неотдѣлимый отъ личности.

Очевидно, что чувствованіе это, являющееся корнемъ всякой религіи, всецѣло зиждется на вѣрѣ въ бытіе высшаго и лучшаго, чѣмъ мы, существа, т.-е. на утвержденіи о нѣкоторомъ объективномъ фактѣ. Здѣсь, слѣдовательно, самъ собою напрашивается вопросъ: имѣетъ ли эта вѣра какія-нибудь законныя основанія, или она—не что иное, какъ субъективная догадка, иллюзія? Нечего говорить, что отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ вся судьба религіи передъ трибуналомъ разума. Отвѣтъ, даваемый Джемсомъ, въ высшей степени замѣчателенъ.

Онъ опирается на открытіе, сдѣланное только въ 1886 году,—на ученіе Майерса о подсознательныхъ психическихъ состояніяхъ. Уже Лейбницъ зналъ, что арена нашей психической жизни несравненно больше того освѣщеннаго круга, который мы называемъ сознаніемъ. Онъ утверждаетъ, что въ нашей душѣ совершается неисчислимое множество мелкихъ перцепцій, ускользающихъ отъ сознанія, и что при помощи этихъ неуловимыхъ перцепцій человѣкъ находится въ непрерывномъ общеніи со вселенной. Это воззрѣніе Майерсъ обосновываетъ экспериментальнымъ путемъ. Онъ утверждаетъ, что человѣческая психика не ограничивается фокусомъ, т.-е. центральной частью, и болѣе или менѣе освѣщеннымъ полемъ, простирающимся вокругъ этого центра. За предѣлами этихъ двухъ круговъ, различающихся только по степени и образующихъ въ совокупности такъ называемую область сознанія, онъ считаетъ экспериментально доказаннымъ существованіе другого *я*—подсознательнаго или сублиминальнаго. Всѣ факты такого рода наводятъ на мысль, что частью своего существа, переходящей за сознательное *я*, человѣкъ находится въ отношеніи къ міру иному, чѣмъ тотъ, который воспринимается его чувствами. Это наблюденіе бросаетъ яркій свѣтъ на природу религіознаго чувства. Послѣднее, какъ сказано, заключаетъ въ себѣ утвержденіе о существованіи внѣшней силы, подъ дѣйствіемъ которой находится вѣрующій. По ученію Майерса, наша психика заключаетъ въ себѣ большое количество сублиминальныхъ побужденій, не объясняющихся ея исторіей. Эти подсознательныя побужденія, разумѣется, под-

чинены общему закону перцепцій: они принимаютъ въ своемъ носителѣ объективную форму и сообщаютъ ему впечатлѣніе того, что онъ управляется посторонней силой. И такъ какъ подсознательное *я* обладаетъ свойствами болѣе высокими, болѣе мощными, чѣмъ *я* обыкновенное, то послѣднее совершенно правильно приписываетъ свои вдохновенія вмѣшательству существа не только внѣшняго, но и высшаго, чѣмъ оно. „Слѣдовательно, — говоритъ Бутру, — можно сказать, что, утверждая свое отношеніе къ *я* бо́льшему, чѣмъ оно,—отъ котораго исходитъ къ нему спасеніе, сила и радость, религіозное сознаніе по истинѣ выражаетъ фактъ"; другими словами, вѣрованіе, лежащее въ основѣ религіознаго чувства, получаетъ, благодаря доктринѣ субликинальнаго *я*, объективное основаніе и научное значеніе; религіозный опытъ съ непосредственной очевидностью доказываетъ реальность своего объекта.

Таково въ главныхъ чертахъ ученіе Джемса о религіозномъ опытѣ. Очевидно, что подъ „опытомъ" здѣсь разумѣется нѣчто иное, чѣмъ въ наукѣ, такъ какъ здѣсь отсутствуетъ главный элементъ научнаго опыта—раздѣленіе, по крайней мѣрѣ идеальное, субъекта познающаго и субъекта наблюдаемаго. Позитивистъ на этомъ основаніи сочтетъ себя вправѣ отвергнуть ученіе Джемса. На этотъ доводъ Бутру отвѣчаетъ такъ: есть всѣ основанія думать, что опытъ, предполагающій двойственность субъекта и объекта,—вовсе не представляетъ собою единственный видъ опыта. По теоріи подсознательнаго *я* полная перцепція характеризуется, прежде всего, безконечностью и непрерывностью запечатлѣнія; отсюда слѣдуетъ, что наши ясныя перцепціи являются только урѣзаннымъ и переработаннымъ извлеченіемъ изъ полной перцепціи, и, слѣдовательно, научный опытъ оказывается производнымъ и искусственнымъ по отношенію къ истинному опыту, единому съ реальностью. При такихъ условіяхъ традиціонное противопоставленіе религіи наукѣ—падаетъ. Онѣ мирно размежевываются. Наука дѣйствуетъ путемъ абстракціи, религія имѣетъ дѣло съ конкретнымъ, ея исходный пунктъ—фактъ въ своей полнотѣ, включающій въ себя вмѣстѣ съ мыслью чувствованіе и, можетъ быть, скрытое ощущеніе причастія къ жизни вселенной. И оттого понятно, что человѣкъ не можетъ довольствоваться наукой, т.-е. абстрактнымъ: ему нужна религія, ею онъ живетъ, а наукою пользуется для жизни. Религія и наука, говоритъ Джемсъ, обладаютъ разными средствами воздѣйствовать на міръ и достигать эффектовъ, нужныхъ человѣку. Наука дала человѣчеству телеграфъ и средства противъ извѣстныхъ болѣзней, религія обезпечиваетъ человѣку моральное равновѣсіе и счастіе; это— два одинаково подходящихъ ключа, которыми мы располагаемъ для того, чтобы открыть сокровища вселенной.

IV.

— Шарль Ванъ-Лербергъ. Панъ. Въ переводѣ С. А. Полякова. Книгоиздательство „Скорпіонъ". Москва. 1908. Стр. 186.

Въ этой книгѣ помѣщены четыре произведенія недавно умершаго бельгійскаго поэта: сатирическая комедія „Панъ", двѣ крошечныя драмы—„Они почуяли" и „M-lle Коси-сѣно"—и сказка „Сверхъестественный отборъ". Это не лучшія вещи ванъ-Лерберга: наибольшей извѣстностью пользуются среди знатоковъ его двѣ книги—„Entrevisions" и „La Chanson d'Eve"; но и по тому, что̀ переведено теперь на русскій языкъ, можно составить себѣ представленіе о силѣ и характерѣ его дарованія.

Этотъ переводъ появляется не вò-время: мы слишкомъ устали отъ утонченностей нашей родной словесности, слишкомъ жаждемъ простыхъ и сильныхъ словъ. И въ духовномъ мірѣ есть роскошь, какъ въ бытѣ; роскошь красива, она даже увлекаетъ впередъ искусство, но она—для немногихъ, для сытыхъ. Духовно-сытые—это тѣ, кого не волнуютъ ни зло, царящее въ мірѣ, ни вопросъ о назначеніи человѣка; такихъ людей много въ культурныхъ обществахъ Европы, и утонченнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ свою поэзію, поэзію-роскошь, непонятную и ненужную массѣ. Мы не отрицаемъ ея правъ на существованіе; мы только говоримъ, что она оставляетъ насъ холодными; она интересна сама по себѣ и полезна для искусства въ будущемъ—но и только. Есть другая поэзія, высокая, какъ молитва вѣрующаго, и вмѣстѣ простая и нужная, какъ насущный хлѣбъ; она одна можетъ насытить алчущихъ истины.

Тонкая, болѣзненно-нѣжная поэзія ванъ-Лерберга вся соткана изъ ощущеній и напоминаетъ радужную на солнцѣ паутину. Это—настоящій поэтъ, форма его произведеній совершенна, но его духовный міръ слишкомъ изысканъ, аристократиченъ, интименъ, чтобы рождать вѣчное, нужное всѣмъ. Странно сказать: въ этихъ произведеніяхъ царитъ молчаніе. Ванъ-Лербергъ одинокъ, какъ немногіе поэты; даже въ его пьесахъ, гдѣ идетъ непрерывное движеніе и разговоръ, чувствуется глубокое одиночество и рѣчи странно звучатъ въ тишинѣ. Онъ производитъ впечатлѣніе одинокаго странника, который идетъ, ничего не видя вокругъ, весь во власти своихъ ощущеній. Его „сказка", помѣщенная въ этой книгѣ, повидимому, очень характерна для него. Это—сказка о человѣкѣ, который пустился въ море, чтобы отыскать иную страну, „кусочекъ крылатаго пространства", потому что, какъ онъ ни далекъ отъ остальныхъ живущихъ,—онъ все еще недостаточно

далекъ отъ нихъ. Его душа полна, а онъ молчитъ, ибо не словами онъ можетъ выразить свою душу; и онъ безъ сожалѣнія пригоршнями выбрасываетъ за бортъ всѣ драгоцѣнности, которыми нагруженъ его корабль,—всѣ слова, которыя Богъ сотворилъ по своему образу и подобію, и радостно пріемлетъ только одно послѣднее уцѣлѣвшее слово: стремлюсь, т.-е. стремлюсь къ свѣту. Такова одинокая, утонченная до безплотности душа ванъ-Лерберга.

Но, съ увлеченіетъ вслушиваясь въ самого себя, онъ умѣетъ порою очень зорко видѣть и то, что совершается вокругъ него: ваше первое впечатлѣніе обманчиво. Онъ тонко-наблюдателенъ. Эта внѣшняя жизнь, разумѣется, груба и безобразна въ его глазахъ; но онъ такъ мало интересуется ею, что даже не чувствуетъ къ ней негодованія или отвращенія: онъ смотритъ на нее съ улыбкою легкой иронiи. Таковъ его „Панъ", полный очаровательнаго, хотя неглубокаго юмора, безъ единой трагической нотки. Въ обыкновенную фламандскую деревню съ первымъ днемъ весны приходитъ воскресшій богъ Панъ, и семья мѣстнаго пастуха гостепріимно принимаетъ его; съ его приходомъ мгновенно расцвѣтаетъ вся природа; объ этомъ узнаютъ власти—и начинается суматоха. Собираются на совѣщаніе — кюрэ, аббатъ, капуцинъ, бургомистръ, коммунальный секретарь и прочіе; послѣ долгихъ и глубокомысленныхъ преній о томъ, дьяволъ ли это, или нѣтъ, вопросъ рѣшается положительно. Итакъ, что дѣлать? По евангельскому примѣру рѣшаютъ вогнать дьявола въ какое-нибудь животное; пробуютъ со свиньей, съ кошкой, жабой, совой—но все безуспѣшно. Дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, власти встревожены и въ концѣ концовъ рѣшаются на компромиссъ: заключить мирный договоръ съ Паномъ, предписавъ ему, *подъ страхомъ изгнанія*, правила поведенія. Сцена, гдѣ вырабатывается эта конституція,—лучшая въ пьесѣ: она вся искрится яснымъ, тонкимъ комизмомъ. Съ величайшей тщательностью предусматриваются всѣ детали. Панъ и его жена (дочь пастуха, которую онъ увелъ въ лѣсъ), должны, прежде всего, повѣнчаться, по крайней мѣрѣ, гражданскимъ бракомъ; Панъ долженъ одѣться благопристойно и притомъ такъ, чтобы скрыть свои копытца и рожки; чтобы не искушать молодежь, онъ долженъ принять видъ человѣка лѣтъ девяноста; онъ не долженъ разговаривать о политикѣ, религіи, морали и пр.; онъ не долженъ дѣлать чудесъ, не долженъ танцовать и играть на флейтѣ; наконецъ, онъ назначается хранителемъ коммунальнаго козла. Договоръ этотъ заносится на бумагу, подписывается всѣми присутствующими, и секретарю—такъ какъ это гражданскій актъ — поручается получить подпись другой стороны — Пана. А нагой Панъ съ нагой Паниской въ это время вышелъ изъ лѣсу, увѣнчанный цвѣтами, и весь народъ идетъ за нимъ, оглашая

воздухъ кликами: „Эвоэ, Вакхъ! Панъ воскресъ!“—и онъ проповѣдуетъ имъ вѣчную радость и любовь, и возвѣщаетъ, что на землѣ начинается новое царство — царство Пана.—Надо самому прочитать эту пьесу, чтобы оцѣнить ея граціозность, чистоту и нѣжность линій и тонкое мастерство въ характеристикѣ бургомистра, кюрэ, учителя и другихъ. Это—шутка, но цѣнная, какъ чистой воды бриллiантъ.

Остальныя двѣ статьи, переведенныя г. Поляковымъ, незначительны. Маленькая драма „Они почуали“ интересна только тѣмъ, что она была написана за годъ до „Втируши“ Метерлинка, которой она является какъ бы прообразомъ. Вторая маленькая драма представляетъ собою остроумный и отлично сдѣланный пустячокъ.

V.

— Альманахъ „Шиповника“. Книга шестая. Спб. 1908. Стр. 262.

„Синяя птица“ Метерлинка, большой разсказъ Л. Андреева, два прозаическихъ эскиза К. Д. Бальмонта и разные стихи—таковъ пестрый составъ этого сборника. Лучшее въ немъ—конечно, разсказъ Андреева, или „повѣсть“, какъ она произвольно названа авторомъ. Озаглавлена она—„Мои записки“.

Пишетъ эти записки шестидесятилѣтній старикъ, болѣе тридцати лѣтъ находившійся въ тюрьмѣ, въ одиночномъ заключеніи; онъ былъ приговоренъ къ смерти, но помилованъ: его обвинили въ звѣрскомъ убійствѣ отца, брата и сестры съ цѣлью присвоенія огромнаго наслѣдства. По всему видно, что это была богатая и сильная натура, соединявшая въ себѣ кипучую страстность съ исключительной силою логическаго сознанія (онъ былъ докторъ математики). Совершилъ ли онъ убійство?—Онъ все время отрицаетъ это, но сомнѣнія не можетъ быть: это онъ убилъ. Его мать была увѣрена въ этомъ—и черезъ три года умерла съ горя. У него была невѣста, она считала его невиннымъ, но черезъ годъ послѣ его заточенія вышла замужъ; а онъ такъ любилъ ее, что не переставалъ любить всѣ тридцать лѣтъ, и когда, выйдя изъ тюрьмы старикомъ, встрѣчается съ нею, его неугасшая любовь вспыхиваетъ страстью.

Таковы данныя. Во что долженъ былъ превратиться *такой* человѣкъ подъ дѣйствіемъ *такой* судьбы?—это психологическая задача, которую взялся рѣшить г. Андреевъ. Мы не знаемъ, хотѣлъ ли онъ, ставя и рѣшая ее, провести какую-нибудь положительную идею; по крайней мѣрѣ, мы не нашли таковой. Для насъ это—художественный образъ, психологическая картина, лишенная всякой тенденціи. Дѣло худож-

ника—нарисовать; найти въ нарисованной имъ картинѣ нѣчто общее, идею—дѣло критика и читателя или зрителя.

Можно подумать, что Л. Андреевъ задался цѣлью воплотить въ живой образъ ученіе Л. Шестова. Этотъ замѣчательный мыслитель утверждаетъ, что человѣчество, не имѣя мужества прямо смотрѣть въ глаза ужасной правдѣ бытія, создало себѣ безчисленныя иллюзіи, долженствующія симулировать осмысленность и пріятность жизни; оно окружило себя цѣлымъ облакомъ лжи, сначала наивной, а на высшихъ ступеняхъ сознательной: эта сознательная ложь—идеализмъ, въ который не вѣрятъ сами учителя его. И ложь эта, говоритъ Шестовъ, въ общемъ отлично исполняетъ свое назначеніе: не только образованная толпа, но и сами учители чувствуютъ себя за нею уютно и покойно. Но бываютъ минуты, когда она внезапно отказывается служить: голая правда жизни такъ рѣзко встаетъ передъ человѣкомъ, что всѣ иллюзіи, идеализмъ, альтруизмъ и пр., исчезаютъ какъ дымъ, человѣкъ безпомощный стоитъ передъ сфинксомъ; онъ долженъ самъ въ себѣ, не кривя душой (не предъ кѣмъ кривить, а передъ собою безцѣльно), найти отвѣтъ на проклятые вопросы: зачѣмъ мнѣ жить? для чего страдать? Обыкновенно, замѣчаетъ Шестовъ, учитель, оказавшійся въ такомъ положеніи, отвѣта на эти вопросы не находитъ, а такъ какъ умереть страшно, то, побившись немного, онъ кончаетъ тѣмъ, что не только возвращается къ прежней лжи, но начинаетъ еще изступленнѣе и крикливѣе проповѣдовать ее, чтобы оглушить себя. Таковъ Л. Толстой послѣ перелома, таковъ Достоевскій послѣ „Записокъ изъ подполья“, и пр.

Повѣсть Л. Андреева удивительно похожа на эту схему. Онъ оголилъ своего героя до конца. Онъ отнялъ у него все, за что можетъ цѣпляться иллюзія: дѣятельность, общеніе съ людьми, даже вообще соприкосновеніе съ дѣйствительностью, притокъ внѣшнихъ впечатлѣній; онъ отнялъ у него, наконецъ, и послѣднюю, внутреннюю опору — чувство своей правоты (ибо онъ убійца). И все отнявъ у него, онъ оставилъ его въ живыхъ и въ полномъ обладаніи его незаурядной духовной силой. Все отнялъ и поставилъ передъ собою и сказалъ: „Ну-ка, посмотрю, чѣмъ ты теперь станешь жить? Я знаю, сначала ты будешь, какъ всѣ,—будешь переходить отъ бѣшенства къ надеждѣ, отъ надежды къ отчаянію, и этимъ проживешь нѣсколько времени. Но я выдержу тебя долгій срокъ: что потомъ? У тебя глубокая душа сильный умъ; ты не погрузишься въ тупое равнодушіе, не станешь жить изо дня въ день; равновѣсіе твоихъ страстей и ума не дастъ себѣ покончить съ собою. Тебѣ, стало быть, не миновать рѣшенія этихъ вопросовъ; безъ всякихъ опоръ, безъ всякихъ иллюзій ты долженъ будешь искать объясненія и оправданія своей жизни“.

Андреевъ показываетъ намъ своего героя уже въ самомъ концѣ пути,—о всѣхъ предшествующихъ этапахъ мы узнаемъ только изъ намековъ и воспоминаній. Случилось то, что̀ непремѣнно должно было случиться: жажда жизни санкціонировала жизнь. Это—элементарный законъ самосохраненія. Если бы этотъ человѣкъ, разсуждая трезво, вывелъ изъ размышленій о своей судьбѣ то заключеніе, что жизнь — хаосъ и ужасъ, ему нельзя было бы послѣ этого прожить и дня: онъ долженъ былъ бы тотчасъ прекратить эту нестерпимую безсмыслицу. Но такіе, какъ онъ, не кончаютъ съ собою. И дѣйствительно, когда однажды, подъ вліяніемъ потрясающаго случая, онъ рѣшилъ умереть и уже надѣлъ на шею петлю,—въ послѣднюю минуту, „съ непокидавшею его даже въ эти минуты наклонностью къ мышленію“, — онъ спросилъ себя: что̀ такое смерть, куда я иду? и долженъ былъ сказать себѣ: не знаю. Таковъ человѣкъ; Андреевскій герой, мыслящій даже въ такую минуту — не исключеніе; скорѣе исключеніе—тѣ, у кого мысль умолкаетъ.

Итакъ, онъ долженъ жить—значитъ, онъ долженъ оправдать свою жизнь. И онъ оправдываетъ ее „священной формулой желѣзной рѣшетки“. Міръ раздѣлился для него на двѣ неравныя части: на тотъ, свободный міръ — и тюрьму, гдѣ онъ заключенъ. Въ томъ мірѣ—говоритъ онъ — царитъ изначальный, страшный хаосъ, источникъ всякаго зла и страданій, здѣсь—закономѣрность, гармонія и порядокъ. Итакъ, тюрьма—идеалъ. Отъ вѣка въ мірѣ и въ человѣческой душѣ идетъ ожесточенная борьба между хаосомъ и неудержимымъ стремленіемъ къ гармоніи и порядку; эта послѣдняя мечта человѣка осуществлена въ тюрьмѣ; символъ ея—желѣзная рѣшетка въ окнѣ, заключающая безграничность въ строгую рамку и дѣлящая ее на равные квадраты.

Придя къ этой мысли, узникъ почувствовалъ глубокое удовлетвореніе и покой. Онъ не только оправдалъ свою ужасную участь: онъ благословляетъ ее, потому что она вывела его изъ хаоса въ царство порядка. Онъ съ сожалѣніемъ смотритъ на людей, живущихъ въ томъ мірѣ, и не устаетъ восхищаться и благоговѣть предъ цѣлесообразностью тюрьмы. Весь распорядокъ тюремной жизни, невозмутимая правильность въ распредѣленіи дня, даютъ ему глубокое удовлетвореніе; онъ съ упоеніемъ говоритъ о томъ, что элементъ случайнаго и неожиданнаго совершенно устраненъ изъ тюрьмы, что она избавляетъ человѣка отъ несносныхъ колебаній и ошибокъ, которыми богата „свободная“ жизнь; онъ зоветъ всѣхъ своихъ ближнихъ, измученныхъ хаосомъ жизни, въ спасительную и радостную сѣнь желѣзной рѣшетки. И когда потомъ обстоятельства складываются такъ, что онъ получаетъ свободу,—ея буйная неурядица, даже ея радости,

тоже безпорядочныя, ему уже нестерпимы, и онъ спѣшитъ опять уйти въ царство неумолимыхъ законовъ и правилъ: онъ на волѣ выстраиваетъ себѣ тюрьму и нанимаетъ для неукоснительнаго надзора за собою одного изъ своихъ бывшихъ тюремщиковъ.

Изъ этой повѣсти, какъ изъ всякаго художественнаго произведенія, можно вывести разныя „идеи“: каждый мыслящій читатель выведетъ свою. Между прочимъ, изъ нея можно вывести слѣдующую мысль: человѣкъ *долженъ* оправдать свою жизнь, — это біологическій законъ, обусловленный инстинктомъ самосохраненія,—и нѣтъ такого положенія, въ которомъ человѣкъ не съумѣлъ бы освятить свою участь высшимъ принципомъ. Принципъ, которымъ освятилъ свою участь герой Андреевскаго разсказа, безуменъ; но что въ этомъ!—онъ исполняетъ свое назначеніе не хуже всякаго другого—онъ даетъ человѣку силу жить. И, сдается, г. Андреевъ спрашиваетъ каждаго изъ насъ своимъ разсказомъ: не всѣ ли наши принципы такъ же фантастичны, какъ тотъ, который создалъ себѣ этотъ страдалецъ? Все — иллюзія и призракъ, но безъ этого жить нельзя.

Объ остальныхъ произведеніяхъ, напечатанныхъ въ сборникѣ, мы не станемъ говорить. Рядомъ съ глубокой и сильной въ художественномъ отношеніи повѣстью Л. Андреева ничтожными кажутся и мнимофилософская феерія Метерлинка, и заурядные, написанные нестерпимо-дѣланнымъ стихомъ разсказики Бальмонта, и плохіе, полные аффектаціи стихи.—М. Г.

VI.

— Борьба за землю (индуктивно-статистическое изслѣдованіе). Томъ I. Общее введеніе. Часть I. Захватъ, капиталъ и трудъ въ земледѣліи и землевладѣніи. Спб. 1908.

Эта книга составляетъ начало коллективнаго труда, выполняемаго по плану, подъ руководствомъ и редакціею извѣстнаго своими изслѣдованіями общины г. К. Качоровскаго. Предметомъ коллективной работы служитъ тотъ же „аграрный вопросъ“, которому такъ много вниманія посвящала и посвящаетъ наша литература. Но тогда какъ до сихъ поръ этотъ вопросъ разрабатывался отдѣльными лицами независимо другъ отъ друга и поэтому уяснялся не систематически, по частямъ и на основаніи частичнаго же матеріала—въ данной работѣ предполагается изслѣдовать его планомѣрно, утилизируя по возможности весь обширный статистическій матеріалъ, относящійся къ предмету. При такомъ заданіи болѣе или менѣе быстро работа и можетъ быть выполнена лишь коллективнымъ трудомъ.

Общій смыслъ процесса, изслѣдуемаго авторами, они опредѣлили какъ „борьбу за землю“ въ смыслѣ „борьбы за существованіе въ сферѣ производства въ различной степени приспособленныхъ хозяйственныхъ организмовъ“. Идея „объ историческомъ процессѣ, какъ выживаніи соціальныхъ приспособленностей“ въ примѣненіи къ экономической области и въ частности о томъ, что въ сферѣ добывающей промышленности, въ томъ числѣ въ земледѣліи, хозяйственнымъ организмомъ наиболѣе приспособленнымъ къ тому, чтобы не только извлекать въ данный моментъ изъ земли возможно больше продуктовъ, но и сохранить и даже увеличить запасъ послѣднихъ для будущихъ поколѣній—настолько такая задача разрѣшима—можетъ быть только организація трудового характера,—эта идея развивается во введеніи къ разсматриваемому труду, составленномъ г. Качоровскимъ. Нынѣшній властитель міра, капитализмъ, не въ состояніи, по его мнѣнію, разрѣшить эту задачу. Естественная стихія этого хозяйственнаго фактора—обрабатывающая промышленность, гдѣ нечего сохранять и гдѣ онъ можетъ, поэтому, безгранично развивать—ради прибыли—присущую ему тенденцію увеличенія производительности труда. Задача же возвышенія производительности земли, для того, чтобы она могла удовлетворять возрастающія требованія размножающагося людского рода, требуетъ примиренія производителя съ возможнымъ пониженіемъ при этомъ производительности труда, а на это пойдетъ лишь представитель трудового хозяйства, работающаго не ради прибыли, а для удовлетворенія своихъ потребностей. Роль же капитала „въ общемъ оказывается чисто хищнической: развивая производительность труда, онъ истощаетъ производительность земли“.

Слѣдующій за введеніемъ, первый отдѣлъ книги, принадлежащій г. Быковскому, разсматриваетъ высказанную выше идею въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Авторъ задался здѣсь цѣлью „на основаніи имѣющейся въ настоящее время обширной литературы, во-первыхъ, установить и сгруппировать всѣ намѣченныя разными изслѣдователями наиболѣе существенныя особенности земледѣльческаго производства, которыя отличаютъ его отъ производства индустріальнаго; во-вторыхъ, путемъ технико-экономическаго анализа условій земледѣльческаго производства выяснить, какая форма земледѣльческаго хозяйства —капиталистическая крупная или некапиталистическая мелкая— является наиболѣе выгодной съ точки зрѣнія раціональнаго земледѣлія и производительности, и каково, слѣдовательно, практическое положеніе и вѣроятное будущее капиталистическаго и некапиталистическаго производства“. Вопросъ разрѣшается, конечно, въ пользу послѣдняго. Слѣдующіе два отдѣла, касающіеся земледѣлія и землевладѣнія въ Россіи и составленные г. Огановскимъ и г-жей Форту-

натовой, провѣряютъ это общее заключеніе на примѣрѣ Россіи. Въ работѣ г. Огановскаго „прослѣживается эволюція сельскаго хозяйства за послѣднія десятилѣтія, какъ она выразилась въ измѣненіи процентовъ разныхъ угодій, въ распространеніи разныхъ культуръ, въ примѣненіи разныхъ способовъ обработки и удобренія, въ урожайности и т. п., причемъ во всемъ этомъ разграничивается развитіе производительности труда отъ производительности земли и проводится сравненіе между помѣщичьимъ и крестьянскимъ хозяйствами и отчасти между разными группами въ крестьянствѣ. Этотъ конкретный статистическій анализъ показываетъ, что выводы предыдущаго отдѣла вполнѣ оправдываются для Россіи: развитіе производительности труда и особенно производительности земли идетъ успѣшнѣе въ мелко-трудовомъ, чѣмъ въ крупно-капиталистическомъ хозяйствѣ". Въ работѣ г-жи Фортунатовой разсматривается процессъ мобилизаціи земли въ пореформенный періодъ и доказывается, между прочимъ, положеніе, что переходъ земли изъ дворянскихъ рукъ въ руки капитала въ общемъ не имѣетъ цѣлью организацію на ней постояннаго капиталистическаго производства; земля задерживается въ рукахъ капиталистовъ на время, а затѣмъ она перепродается и попадаетъ преимущественно въ руки лицъ, обрабатывающихъ ее собственнымъ трудомъ. „Послѣдней формулой нашихъ выводовъ—заключаетъ по этому предмету г. Качоровскій—является слѣдующая: въ экономической борьбѣ за землю, разыгравшейся за послѣднія 4—5 десятилѣтій на 100 милліонахъ десятинъ бывшаго захватнаго (дворянскаго) землевладѣнія, въ Россіи побѣждали: крестьянское сословіе, трудовое хозяйство, коллективная форма владѣнія". Заключеніе перваго тома коллективнаго труда о побѣдѣ въ области аграрныхъ отношеній Россіи трудового начала надъ капиталистическимъ предопредѣляетъ содержаніе второго тома, который будетъ посвященъ анализу данныхъ о крестьянскомъ хозяйствѣ и выясненію вопроса о характерѣ и направленіи совершающихся въ немъ процессовъ.

Наиболѣе законченной и опредѣленной по заключеніямъ — достаточно притомъ обоснованнымъ — является глава о мобилизаціи поземельной собственности — по причинѣ и простоты задачи статистическаго учета даннаго явленія, и однородности и большей или меньшей законченности соотвѣтствующихъ матеріаловъ. Съ большими оговорками это можно приложить къ заключеніямъ относительно сравнительнаго состоянія земледѣльческаго хозяйства на крестьянскихъ и помѣщичьихъ земляхъ. Начать съ того, что, вопреки заявленію на стр. LV, Огановскій совсѣмъ почти не разсматриваетъ вопроса о сравнительной производительности труда въ мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ сосредоточиваетъ свое вниманіе на признакахъ производительности

земли. По отношенію же къ послѣднему предмету г. Огановскій приходитъ къ заключенію „о большей интенсивности“ крестьянскаго полеводства, „объ общей отсталости помѣщичьихъ системъ полеводства сравнительно съ крестьянскими“, о томъ, что „крестьянская масса значительно болѣе способствуетъ развитію производительности земли въ Россіи, чѣмъ капиталистическое землевладѣніе“. Основанія для такихъ заключеній авторъ находитъ главнымъ образомъ въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что въ крестьянскомъ хозяйствѣ подъ пашню и посѣвъ отводится сравнительно бо́льшая площадь, нежели въ помѣщичьемъ. Между тѣмъ, самъ авторъ указываетъ, что чрезмѣрное развитіе запашекъ привело не только къ истощенію земли, но и къ распространенію овраговъ и засыпанію пескомъ чернозема, и что переходъ въ нѣкоторыхъ районахъ къ болѣе интенсивному хозяйству сопровождается не расширеніемъ, а сокращеніемъ посѣвовъ. Въ частности, изъ того, напр., факта, что владѣльцы засѣваютъ на 7,9% менѣе пашни, чѣмъ крестьяне, врядъ-ли можно вывести заключеніе о сравнительной отсталости помѣщичьяго полеводства (стр. 146), хотя бы потому, что болѣе тщательной обработкой и примѣненіемъ удобренія и при меньшей площади посѣва можно получить болѣе высокій валовой сборъ.

Г. Огановскій въ этомъ вопросѣ недостаточно разграничиваетъ примѣненіе понятія интенсивности въ болѣе общемъ и частномъ смыслѣ. Можно говорить объ интенсивности въ смыслѣ преобладанія угодій, требующихъ большей затраты труда и капитала, и объ интенсивности эксплоатаціи отдѣльныхъ угодій. Въ первомъ случаѣ, приложенія этого понятія болѣе интенсивнымъ представляется крестьянское хозяйство; во-второмъ—помѣщичье. Недаромъ самъ г. Огановскій — какъ бы въ противорѣчіе съ предыдущими заявленіями о сравнительной отсталости помѣщичьяго хозяйства, — на стр. 165 выражаетъ, что крестьяне, „несмотря на всю свою бѣдность, отсталость и невѣжество, въ дѣлѣ развитія производительности земли *догоняютъ* носителей высшей культуры“.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь долѣе на существѣ содержанія разсматриваемаго труда и, лишь замѣтивъ, что еслибы г. Огановскій не ограничивался статистическими матеріалами, а использовалъ описательные, то нѣкоторые вопросы получили бы у него иное освѣщеніе,—скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ пользованія авторами „Борьбы за землю“ статистическими матеріалами. На стр. XLIX разсматриваемаго изданія дается обѣщаніе производить изслѣдованіе поставленныхъ вопросовъ „непремѣнно по первоисточникамъ“. Въ текстѣ же сплошь и рядомъ встрѣчаются ссылки на различные сводные сборники, а заимствованіе данныхъ изъ подобныхъ источниковъ

ведетъ къ повторенію допущенныхъ этими сборниками неточностей, ошибокъ, опечатокъ, не говоря уже о возможности иной группировки въ нихъ матеріаловъ, не соотвѣтствующей задачѣ заимствующаго. Послѣдній казусъ мы наблюдаемъ въ случаѣ сравненія въ разсматриваемомъ изданіи площадей посѣвовъ въ 1887 и 1905 гг. На стр. 114—115 приводятся цифры, доказывающія сокращеніе посѣвовъ въ нѣкоторыхъ районахъ въ 1905 году сравнительно съ 1887 г., въ томъ числѣ въ малороссійскомъ районѣ, напр., на 47 тыс. дес. Какова была площадь посѣва въ названные годы—здѣсь не указывается, но на стр. 135 значится, что въ 1905 году въ малороссійскомъ районѣ было засѣяно 5.558 тыс. дес.; изъ этого не трудно заключить, что въ 1887 г. посѣвъ занималъ 5.605 дес. Такую цифру мы находимъ въ одномъ изъ сводныхъ сборниковъ, на которые ссылался г. Огановскій (Статистическій Справочникъ), и отсюда она, вѣроятно, и была имъ заимствована. Но эта цифра не можетъ быть сравниваема съ посѣвомъ 1905 г., потому что она обнимаетъ большее число культуръ. Если же для 1887 г. взять тѣ культуры, какія входятъ въ составъ площади посѣва 1905 г., то площадь посѣва въ малороссійскомъ районѣ въ этомъ году уменьшится до 5.495 т. дес., и 1905-й г. дастъ не сокращеніе, а возрастаніе посѣвовъ на 64 т. дес. Но мы должны, кромѣ того, замѣтить, что для сужденія о томъ, какъ измѣняется со временемъ площадь посѣва, нельзя брать для сравненія 1887-й годъ, потому что данныя этого года собраны инымъ и притомъ болѣе точнымъ путемъ, сравнительно съ послѣдующими (съ 1893 г.) показаніями, исходящими отъ полицейскихъ властей. Для правильности заключеній слѣдуетъ ограничиться періодомъ, начинающимся 1893 г., когда въ малороссійскомъ районѣ считалось состоящими подъ посѣвомъ 5.224 тыс. дес. Тогда окажется, что посѣвъ здѣсь къ 1905 г. увеличился на 334 т. дес., и что относитъ этотъ районъ въ категорію мѣстностей съ сокращеніемъ посѣвовъ преждевременно. Нужно сказать вообще, что въ разсматриваемомъ изданіи мы совсѣмъ почти не видимъ критики статистическихъ матеріаловъ, а на основаніи приведеннаго выше примѣра читатель можетъ предположить, что и въ дѣйствительности критика не занимаетъ у авторовъ разсматриваемаго труда того мѣста, какое она заслуживаетъ. Несмотря, однако, на все высказанное, коллективный трудъ, составляющій предметъ настоящей замѣтки, нельзя не признать выдающимся явленіемъ въ нашей экономической литературѣ, и не только по разработкѣ весьма важныхъ вопросовъ въ текстѣ, но и по причинѣ обилія таблицъ, сводящихъ, между прочимъ, малодоступный матеріалъ такъ назыв. земской статистики и облегчающихъ такимъ образомъ разработку соотвѣтствующихъ вопросовъ другимъ изслѣдователямъ. Еще большаго интереса въ этомъ отношеніи можно ожи-

дать отъ второго тома данной работы, въ которомъ будутъ разсматриваться тѣ процессы, какіе совершаются въ новѣйшее время въ средѣ крестьянскаго хозяйства.

VII.

— А. Губаревичъ-Радобыльскій. Чай и чайная торговля. Опытъ изслѣдованія основъ обложенія чая въ Россіи. Спб. 1908.

Заглавіе этой книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Въ первомъ значится, что данная работа есть „опытъ изслѣдованія основъ обложенія чая въ Россіи"; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности обложенію чая въ Россіи отведено въ книгѣ всего нѣсколько страницъ; затѣмъ авторъ занимается обоснованіемъ своего предположенія о введеніи казенной продажи чая; большая же часть книги посвящена культурѣ и приготовленію чая въ разныхъ странахъ и торговлѣ этимъ важнымъ предметомъ народнаго потребленія. Тема эта сама по себѣ представляетъ такой интересъ, что можетъ смѣло составить предметъ самостоятельнаго изслѣдованія; своевременность же такой работы доказывается тѣмъ фактомъ, что послѣднее произведеніе по этому предмету—А. Субботина—вышло въ 1892 г., когда цейлонскій чай только еще начиналъ входить въ употребленіе въ Россіи и не существовало сибирской желѣзной дороги, сильно измѣнившей условія доставки въ Европейскую Россію многихъ азіатскихъ товаровъ. Г. Губаревичъ-Радобыльскій и задался цѣлью показать, въ какомъ положеніи находится чайное дѣло въ настоящее время.

Главнымъ райономъ культуры чая является, какъ извѣстно, Китай, гдѣ этотъ продуктъ служитъ предметомъ всенароднаго потребленія. Нѣкогда Китай былъ и единственнымъ рынкомъ закупки чая для Европы; но съ теченіемъ времени культура этого растенія водворилась въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, и въ послѣдніе годы на первомъ мѣстѣ по экспорту чая стоитъ Индія, отпускающая 240 милл. фунтовъ въ годъ, на второмъ—Китай, вывозящій 220 милл. фунтовъ, и на третьемъ — Цейлонъ, экспортирующій 180 милл. фунтовъ. Изъ остальныхъ странъ-производителей можно указать, пожалуй, на Японію, отпускающую до милліона пудовъ чая въ годъ. Чайныя плантаціи въ Россіи (около Батума) даютъ всего лишь 4 тыс. пудовъ чая въ годъ. Культура чая въ Китаѣ находится въ рукахъ мелкихъ хозяевъ; въ остальныхъ странахъ она составляетъ предметъ капиталистической эксплоатаціи. Главнѣйшими странами потребленія чая являются Англія, Голландія, Соединенные Штаты и Россія; при

этомъ въ Англіи потребляется, въ среднемъ, около 7 фунтовъ на одного жителя въ годъ, въ Голландіи и Соединенныхъ Штатахъ—около $1^1/_2$ фунта, а въ Россіи—лишь около фунта. Малое потребленіе чая въ Россіи, несмотря на то, что онъ входитъ въ общее употребленіе и становится даже ежедневной пищей простого народа, объясняется высокимъ его обложеніемъ. Таможенная пошлина на чай въ Россіи въ два раза выше, чѣмъ въ Австріи, въ $3^1/_2$ раза выше, нежели въ Англіи, и въ 4 раза выше, чѣмъ въ Германіи. Въ послѣдніе годы Россія получаетъ для потребленія ея жителей около $3^1/_2$ милл. пудовъ чая въ годъ. Въ прежнее время весь почти чай она получала изъ Китая; теперь же до 20% потребляемаго количества идетъ къ намъ изъ Цейлона, Индіи и т. п. Распространеніе цейлонскаго чая въ Россіи обязано главнымъ образомъ новой торговой фирмѣ „Высоцкій и К°“, подмѣшивающей цейлонскій чай къ китайскому. Такая смѣсь оказывается выгодной для небогатаго потребителя, потому что цейлонскій чай крѣпче и потому дешевле въ потребленіи. Цѣна фунта китайскаго чая съ доставкой въ Москву обходится въ 28 коп., пошлину же онъ уплачиваетъ 81 к. или въ три раза больше собственной стоимости. Такимъ образомъ, стоимость фунта чая самому торговцу (оптовому), безъ расходовъ на общую администрацію и магазинъ, равняется 1 р. 10 к. Продавать низшіе сорта чаю, составляющіе предметъ потребленія простого народа, оптовымъ торговцамъ приходится, поэтому, почти безъ всякой прибыли, и послѣдняя получается ими лишь отъ чаевъ средняго и высшаго достоинства. Весь барышъ импортеровъ и оптовыхъ торговцевъ чаемъ г. Губаревичъ-Радобыльскій опредѣляетъ въ 10 милл. р., а прибыли мелочной торговли—свыше 20 милл. р.

„Оптовая и розничная торговля наша чаемъ была съ поконъ вѣку монополизирована“. Первоначально торговля съ Китаемъ велась правительствомъ, а затѣмъ кяхтинскіе торговцы чаемъ были имъ организованы въ особую общину. Въ рукахъ этихъ торговцевъ чайное дѣло осталось и послѣ того, какъ въ 1861 г. былъ разрѣшенъ ввозъ чаевъ морскимъ путемъ и даже когда Кяхта потеряла всякое значеніе въ торговлѣ чаемъ. Только десять лѣтъ тому назадъ появилась новая крупная фирма торговаго международнаго характера, и „эта фирма („Высоцкій и К°“) сразу отвоевала себѣ львиную долю участія въ торговлѣ“. Ограниченіе конкурренціи въ оптовомъ чайномъ дѣлѣ о условливается тѣмъ, что для успѣха послѣдняго требуются крѣпкія с язи на мѣстахъ приготовленія чая и внутри страны, гдѣ онъ по т ебляется, большая опытность въ дѣлѣ и крупные капиталы. Мел ъ торговцамъ нужно отпускать чай въ кредитъ, а этихъ торгов ъ въ—тысячи, и слѣдить за кредитоспособностью каждаго — весьма

трудно. Вслѣдствіе высокаго обложенія чая таможенной пошлиной низшіе сорта его, распространяющіеся среди народныхъ массъ, могутъ продаваться лишь съ небольшой надбавкой противъ стоимости его самой фирмѣ. Здѣсь, поэтому, имѣетъ немаловажное значеніе всякое сокращеніе накладныхъ расходовъ и всякое расширеніе рынка для сбыта товара данной фирмы. Естественно ожидать, поэтому, усиленія концентраціи чайнаго дѣла, и дѣйствительность оправдываетъ эти предположенія. Процвѣтающими въ послѣдніе годы можно считать лишь двѣ фирмы — Кузнецовъ и К° и Высоцкій и К° — продающія третью часть чая, потребляемаго въ Россіи. Что же касается другихъ, нѣкогда благоденствовавшихъ фирмъ, то надъ дѣлами, напр., товарищества „Василій Перловъ съ С-ями“ и фирмы Расторгуевыхъ уже учреждена администрація.

Монопольное состояніе оптовой чайной торговли благопріятно защищаемой авторомъ мысли о введеніи казенной продажи чая. Этотъ продуктъ обладаетъ и другимъ свойствомъ, дѣлающимъ его удобнымъ для казенной торговли. „Вкусы потребителей относительно чая постоянны, чай можетъ храниться въ обыкновенномъ сухомъ помѣщеніи нѣсколько лѣтъ, безъ ущерба для его качества. Развѣшиваться онъ можетъ и дробиться на любыя доли, не теряя въ цѣнѣ. Но, главное, товаръ этотъ уже обложенъ такою пошлиною, что двѣ трети рыночной стоимости его въ настоящее время заключаются въ размѣрѣ казенной пошлины, а потому легко сдѣлать государственной и остальную долю его рыночной цѣны“. Съ другой стороны, въ своихъ винныхъ лавкахъ казна имѣетъ готовыя заведенія для продажи чая, а развѣшиваніе и обандероленіе подъ надзоромъ правительства всего продаваемаго чая организовано уже въ настоящее время. Введеніе казенной мелочной продажи чая, даже при сохраненіи существующей оптовой торговли, перевело бы въ руки казны болѣе 20 милл. рублей барышей розничныхъ торговцевъ, и на этотъ счетъ могла бы быть понижена цѣна дешеваго чая. Это повело бы къ расширенію народнаго потребленія даннаго продукта и къ увеличенію доходовъ отъ него казны“. Продажа чая въ винныхъ лавкахъ, равно какъ и расширеніе потребленія этого вкусового и нѣсколько возбуждающаго напитка, служили бы, по мнѣнію автора, и средствомъ отвлеченія народа отъ употребленія водки. Замѣтимъ, кстати, что въ литературѣ высказано и какъ-разъ обратное мнѣніе: сосредоточеніе чайной торговли въ винныхъ лавкахъ послужитъ къ вящшему распространенію потребленія крѣпкихъ напитковъ. Предстоящее въ обновляемой Россіи увеличеніе государственныхъ расходовъ для удовлетворенія многочисленныхъ ея культурныхъ нуждъ не можетъ быть покрыто напряженіемъ податныхъ источниковъ, заключающихся въ доходахъ ея слишкомъ еще бѣднаго

населенія; и дополненіе государственныхъ рессурсовъ налоговаго характера поступленіями отъ хозяйственныхъ казенныхъ предпріятій—при цѣлесообразной организаціи послѣднихъ—является желательнымъ средствомъ облегченія финансовой тяготы, лежащей на населеніи. Мысль г. Губаревичъ-Радобыльскаго о чайной монополіи заслуживаетъ, поэтому, вниманія общества и дальнѣйшей ея разработки и критической оцѣнки.

VIII.

— Слюнинъ. Современное положеніе Дальняго Востока. Спб. 1908.

Послѣ роковой русско-японской войны вопросъ о нашей дальневосточной окраинѣ получилъ первостепенное политическое значеніе. Но безъ экономическаго устройства этого края онъ не можетъ служить и политическимъ нашимъ оплотомъ на Дальнемъ Востокѣ; обсужденіе же вопроса объ амурской желѣзной дорогѣ въ Государственной Думѣ еще разъ показало, насколько скудны наши свѣдѣнія объ экономическихъ рессурсахъ этой области. Книга, о которой идетъ у насъ теперь рѣчь, имѣетъ задачей „пополненіе отчасти этого пробѣла“ и описаніе перемѣны въ экономическомъ положеніи Дальняго Востока за послѣдніе годы. Ея авторъ (извѣстный прежними наблюденіями на Дальнемъ Востокѣ) провелъ $9^1/_2$ мѣсяцевъ въ Приамурскомъ краѣ и свои наблюденія сгруппировалъ въ общемъ очеркѣ, изъ котораго,—какъ онъ полагаетъ,— „читатель самъ, на основаніи приводимаго фактическаго матеріала, могъ бы составить себѣ вѣрное понятіе о современномъ положеніи Дальняго Востока“. Книга г. Слюнина безъ сомнѣнія будетъ встрѣчена и прочтена съ большимъ интересомъ; но къ сожалѣнію она не удовлетворяетъ цѣлямъ, поставленнымъ авторомъ, и вызываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ недоумѣній. Причина сказаннаго заключается въ томъ, что по крайней мѣрѣ въ отдѣлѣ о сельскомъ хозяйствѣ авторъ даетъ намъ не столько описаніе тѣхъ явленій жизни, которыя онъ самъ, такъ сказать, осязалъ, сколько изложеніе и манипуляціи надъ оффиціальными цифрами, методъ полученія коихъ намъ неизвѣстенъ, а степень достовѣрности не установлена. И эти полученныя изъ различныхъ учрежденій цифры служили автору не предварительными указаніями того, въ какомъ направленіи слѣдовало бы производить личныя изслѣдованія, а самостоятельнымъ матеріаломъ для заключеній, причемъ въ годности этого матеріала у автора, повидимому, не возбуждается сомнѣнія, несмотря на то, что онъ самъ замѣтилъ противорѣчіе нѣкоторыхъ его цифръ. Автора не смущаетъ, напримѣръ, то обстоятельство, что для площади земли, обработанной въ 1905 г.

казаками Амурской области, оффиціальныя учрежденія даютъ пять различныхъ величинъ, колеблющихся между 24 т. и 47 т. десятинъ. Онъ не пытается объяснить, почему данныя о посѣвахъ и сборахъ хлѣбовъ въ Амурской области въ 1899 г. сразу болѣе чѣмъ удвоиваются и въ послѣдующее время держатся на этихъ высокихъ цифрахъ; на основаніи этихъ цифръ онъ даже выводитъ заключеніе о прогрессѣ здѣсь сельскаго хозяйства, хотя скорѣе всего слѣдуетъ предположить, что прыжокъ въ 1899 объясняется чѣмъ-нибудь въ родѣ измѣненія системы собиранія свѣдѣній. По отношенію къ Забайкальской области авторъ приходитъ, напротивъ того, къ заключенію объ упадкѣ хлѣбопашества, хотя такіе, напримѣръ, прыжки цифръ относительно запашекъ забайкальскихъ казаковъ, какъ 148 т. дес. въ 1892 г., 234 т. дес. въ 1897 г. и 85 т. дес. въ 1905 г., или указываемое оффиціальными данными сокращеніе крестьянскихъ запашекъ въ теченіе 1892—1905 гг. съ 258 т. до 122 т. дес. (при неподвижности данныхъ о сборѣ хлѣбовъ), должны бы, казалось, вызвать въ изслѣдователѣ или сомнѣніе въ правильности оффиціальныхъ данныхъ, или изслѣдованіе причинъ указываемаго ими сокращенія хлѣбопашества. Такое изслѣдованіе даннаго явленія, равно какъ и объясненіе, путемъ разспроса на мѣстахъ, причинъ удвоенія запашекъ въ Амурской области въ 1899 г.—если такіе факты имѣли мѣсто въ дѣйствительности—пролило бы много свѣта на условія сельско-хозяйственной дѣятельности на дальней нашей окраинѣ. Дѣйствительно, если, напримѣръ, запашки въ Забайкальской области въ теченіе 13 лѣтъ въ самомъ дѣлѣ сократились вдвое, количество же собираемаго съ нихъ хлѣба — какъ это усматривается изъ приводимыхъ Слюнинымъ данныхъ—не только не сократилось, но даже увеличилось (стр. 69), т.-е. урожайность полей болѣе чѣмъ удвоилась, то мы имѣли бы передъ собою весьма интересный и важный фактъ быстраго поднятія на Дальнемъ Востокѣ интенсивности земледѣлія, способный повліять на измѣненіе обычныхъ нашихъ представленій о колонизаціонной его емкости. Въ этомъ освѣщеніи и провѣркѣ собственными наблюденіями голыхъ оффиціальныхъ цифръ и должна, казалось бы, заключаться задача личнаго посѣщенія столь отдаленныхъ районовъ, потому что извлеченіе самыхъ цифръ изъ оффиціальныхъ отчетовъ и канцелярій могло бы быть сдѣлано кѣмъ-либо изъ мѣстныхъ жителей.

Значеніе выводовъ г. Слюнина умаляется не только вслѣдствіе неизвѣстности того, какого довѣрія заслуживаютъ оффиціальныя цифры, надъ которыми онъ оперируетъ, но и по причинѣ ненадежности примѣняемыхъ имъ методовъ обработки этихъ цифръ и небрежности въ обращеніи съ ними. Достойно удивленія уже то обстоятельство, что одну и ту же цифру авторъ относитъ то къ площади обработанной

земли, то къ посѣву, то къ площади запашки, какъ будто все это—однозначащія понятія. Основываясь, затѣмъ, на приводимыхъ имъ въ текстѣ свѣдѣніяхъ объ урожаѣ хлѣбовъ въ 1905 г. у забайкальскихъ крестьянъ (самъ 3,6—4,2) и казаковъ (самъ 2,6—3,5), авторъ выводитъ заключеніе, что „казачье земледѣліе стоитъ ниже крестьянскаго" (стр. 61); между тѣмъ какъ изъ данныхъ Приложенія № 7 видно, что общій урожай хлѣбовъ у забайкальскихъ казаковъ опредѣлился въ этомъ году въ самъ 5,3, т.-е. выше крестьянскаго (если крестьянскіе урожаи показаны у г. Слюнина правильно). Къ такому же заключенію мы будемъ приведены и собственными вычисленіями надъ основными данными, находящимися въ разсматриваемомъ сочиненіи. Крестьяне и казаки Забайкальской области собрали въ 1905 г. 9.317 т. п. разныхъ хлѣбовъ (Приложеніе № 7); а такъ какъ результаты крестьянскаго хозяйства опредѣлены на стр. 60 въ 4.750 т. п., то на долю казаковъ остается 4.564 т. п. Площадь же посѣва принята авторомъ для крестьянъ 122 т. дес. (стр. 59), для казаковъ 88 т. п. (стр. 61). Десятина посѣва дала, слѣдовательно, крестьянамъ около 40 пудовъ, казакамъ—54 пуда. Эти вычисленія не доказываютъ, конечно, что хозяйство казаковъ въ самомъ дѣлѣ интенсивнѣе хозяйства крестьянъ; въ дѣйствительности наблюдается, нужно полагать, совершенно обратное. Указанныя нами противорѣчія заключеній, вытекающихъ изъ оффиціальныхъ цифръ, свидѣтельствуютъ лишь о сомнительности данныхъ, на которыхъ строятся выводы автора разсматриваемаго труда. Въ слѣдующемъ случаѣ неправильное заключеніе обязано исключительно небрежности самого автора въ обращеніи съ цифрами. На стр. 61 площадь пашни, приходящаяся на душу казачьяго населенія Забайкальской области, опредѣляется дѣленіемъ не площади земли на число душъ, а наоборотъ; и на каждую душу этого населенія пало, поэтому, не 0,4 дес., а 2,6 дес., т.-е. не наименьшая площадь сравнительно съ Приморской и Амурской областями, а наибольшая; и этотъ результатъ неправильнаго исчисленія авторъ закрѣпилъ выводомъ, что „въ отношеніи казачьяго населенія Забайкальская область выдѣляется на первое мѣсто".

Каждый изслѣдователь какой-либо области явленій ищетъ прежде всего болѣе точнаго матеріала, и по отношенію къ предмету изслѣдованій г. Слюнина матеріалъ этотъ заключается въ данныхъ всероссійской переписи 1897 г. (относительно хотя бы распредѣленія населенія о занятіямъ) и въ изданіяхъ Куломзинской коммиссіи о хозяйственномъ положеніи сельскаго населенія Забайкальской области въ 896 году. Но о первомъ источникѣ авторъ и не упоминаетъ; для торого же онъ нашелъ лишь опорочивающее замѣчаніе относительно

противорѣчія его заключеній выводамъ, истекающимъ изъ сомнительныхъ, какъ мы видѣли, данныхъ оффиціальнаго происхожденія.

Другія части книги г. Слюнина, касающіяся рыбопромышленности, индустріи, путей сообщенія и торговли, не вызываютъ столь рѣшительныхъ возраженій съ статистической точки зрѣнія. Здѣсь, однако, особенно выдвигается точка зрѣнія самого автора, защищающаго опредѣленную экономическую политику.

IX.

Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за 1905 г. Составилъ фабричный ревизоръ В. Е. Варзаръ. Спб. 1908 г.

1905-й годъ не будетъ забытъ въ русской исторіи. Это былъ годъ позорнѣйшихъ пораженій Россіи во внѣшней войнѣ, огромнаго политическаго возбужденія народа внутри страны, годъ потока аграрнаго движенія и примѣненія забастовокъ, какъ орудія политической борьбы, годъ 17-го октября, радикально измѣнившаго, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, форму нашего государственнаго строенія. Отраженіемъ рисуемаго указанными чертами настроенія народа служитъ и составленный В. Е. Варзаромъ скромный очередной Отчетъ министерства торговли и промышленности о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, составляющій предметъ настоящей замѣтки. Этотъ Отчетъ впервые даетъ возможно точныя цифровыя свѣдѣнія хотя бы объ одномъ рукавѣ того движенія, апогеемъ котораго была желѣзнодорожная забастовка и забастовка почтово-телеграфныхъ чиновниковъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1905 г., ближайшимъ образомъ связанныя съ манифестомъ 17 октября. Отчетъ говоритъ подробно о забастовкахъ на фабрикахъ и заводахъ, подчиненныхъ фабричной инспекціи, т.-е. собственно о крупной обрабатывающей промышленности, но даетъ нѣкоторыя общія цифры и относительно горнаго дѣла, и не заключаетъ никакихъ свѣдѣній объ аграрныхъ, желѣзнодорожныхъ и другихъ забастовкахъ, со многими сотнями тысячъ участниковъ. Въ предѣлахъ же, очерченныхъ выше, т.-е. въ сферѣ крупной добывающей и обрабатывающей промышленности Европейской Россіи и Закавказья, въ 1905 г. было зарегистровано до 14 тысячъ стачекъ (заведеній) съ тремя милліонами участниковъ. Что представляютъ собою эти цифры въ смыслѣ широты движенія—можно судить по сравненію ихъ съ данными, касающимися главнѣйшихъ другихъ государствъ. Если взять четыре страны, отличающіяся особеннымъ развитіемъ стачекъ (С.-А. Соединенные Штаты, Италію, Германію и Францію), и сосчитать число ихъ рабочихъ, принимавшихъ участіе въ забастовкахъ

въ годъ наибольшаго напряженія стачечнаго движенія въ каждой странѣ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, то мы получимъ цифру, не достигающую 2 милліоновъ, и число участниковъ въ стачкахъ одной Россіи въ $1^1/_2$ раза, слѣдовательно, превышаетъ максимальное число забастовщиковъ въ четырехъ другихъ промышленныхъ государствахъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Приведенныя цифры обнимаютъ, конечно, не вполнѣ одинаковыя категоріи явленій. Стачки въ иностранныхъ государствахъ были выраженіемъ борьбы рабочихъ и предпринимателей; забастовки рабочихъ въ Россіи имѣли также и политическій характеръ. Въ работѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь, подраздѣленіе забастовокъ на экономическія и политическія проведено лишь для заведеній, подчиненныхъ фабричной инспекціи; но въ этихъ заведеніяхъ въ 1905 г. было болѣе 13 тыс. стачекъ, и охватывали онѣ 2.710 тыс. участниковъ. Изъ того числа—чисто и узко экономическихъ стачекъ было болѣе четырехъ тысячъ, съ милліономъ слишкомъ участвующихъ. Если ограничиться данной цифрой, то и тогда забастовки 1905 г. только въ области крупной обрабатывающей промышленности охватили у насъ почти вдвое большее число рабочихъ, чѣмъ то, какое принимало участіе въ годъ наибольшаго напряженія стачечнаго движенія въ странѣ (С.-А. Соед. Шт.) съ наибольшимъ числомъ стачекъ.

Вышеприведенныя цифры о числѣ стачекъ и участниковъ въ нихъ не даютъ точнаго понятія о стачечномъ движеніи 1905 г., потому что онѣ сложились путемъ прямого подсчета и стачекъ, и участниковъ, безъ выдѣленія предпріятій, не участвовавшихъ въ движеніи. Если же сосчитать не стачки, а бастовавшія заведенія и бастовавшихъ рабочихъ, то окажется, что изъ 14.066 подчиненныхъ фабричной инспекціи предпріятій съ 1.652 тыс. рабочихъ въ забастовкахъ принимали участіе 4.766, или $^1/_3$ часть фабрикъ и заводовъ, и 997 тыс. рабочихъ, или $60^0/_0$ общаго числа послѣднихъ, причемъ волна движенія обошла только двѣ губерніи (Псковскую и Олонецкую) громаднаго района, подчиненнаго инспекціи. И въ этихъ границахъ стачечное движеніе представляется все-таки грандіознымъ. Сопоставленіе обоихъ рядовъ цифръ, относящихся къ стачкамъ 1905 г., указываетъ другую ихъ характерную черту: повторяемость забастовокъ въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ. Въ среднихъ величинахъ, на одно заведеніе падаетъ нѣсколько менѣе трехъ стачекъ и одинъ рабочій участвовалъ приблизительно въ трехъ забастовкахъ. Болѣе точно явленіе повторяемости стачекъ рисуется слѣдующими цифрами: изъ 4.766 бастовавшихъ заведеній 1.874 (около $40^0/_0$) бастовали одинъ, а 2.892—два и болѣе разъ. Эти 2.892 предпріятія перенесли 11.236 стачекъ, т.-е., въ среднемъ, по 4 стачки, при чемъ дѣйствительное число заба-

стовокъ одного и того же заведенія колебалось между 2 и 26, и въ 150 заведеніяхъ было болѣе 7-ми забастовокъ!

По вопросу о территоріальномъ распространеніи стачекъ мы ограничимся замѣчаніемъ, что въ отношеніи числа бастовавшихъ рабочихъ и повторяемости забастовокъ на первомъ мѣстѣ стоятъ западныя окраинныя и закавказскія, на второмъ — центральныя промышленныя губерніи. Въ первомъ районѣ въ забастовкахъ участвовало болѣе 75%, во второмъ—отъ 50 до 75% общаго числа фабрично-заводскихъ рабочихъ. Въ Лифляндской, Петроковской и Тифлисской губерніяхъ забастовками были охвачены почти всѣ рабочіе крупныхъ заведеній.

Стачечное движеніе 1905 г. характеризуется не только частой повторяемостью забастовокъ на однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ, но и сложностью мотивовъ одной и той же забастовки. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ особенно затруднительнымъ классификацію стачекъ по ихъ причинамъ. Выше мы приводили цифровыя свѣдѣнія относительно чисто экономическихъ забастовокъ; къ этимъ послѣднимъ принадлежало около $^1/_3$ части стачекъ и участвовавшихъ въ нихъ рабочихъ, $^2/_3$ забастовокъ отнесены въ разсматриваемомъ изданіи къ политическимъ, но этотъ послѣдній терминъ примѣняется здѣсь очень широко, обнимая и предъявленіе програмно-соціалистическихъ требованій, и празднованіе 1 мая, и нормированіе заработка, коллективный договоръ и т. п. требованія, касающіяся отношеній между предпринимателями и рабочими, стачки по сочувствію, подъ вліяніемъ угрозъ и пр. Но не всѣ эти забастовки были исключительно политическими даже въ принятомъ, условномъ смыслѣ этого слова. Около 1.700 такихъ стачекъ имѣли смѣшанный экономическо-политическій характеръ. Комбинируя относящіяся сюда цифры и соображая различныя обстоятельства дѣла, г. Варзаръ приходитъ къ заключенію, что, въ общемъ, стачки 1905 г. „возникали въ равной мѣрѣ какъ по побужденіямъ экономическимъ, такъ и по мотивамъ политическимъ“.

Мы не можемъ познакомить въ краткой замѣткѣ со всѣмъ содержаніемъ изслѣдованія г. Варзара о забастовочномъ движеніи 1905 г. Мы можемъ только замѣтить, что и по интересу текста, и по обилію и детальной группировкѣ соотвѣтствующихъ матеріаловъ въ приложеніяхъ,—открывающей возможность дальнѣйшей ихъ разработки всякому желающему,—это изслѣдованіе относительно характерной черты только-что пережитаго нами освободительнаго движенія заслуживаетъ (и, конечно, получитъ его) самаго широкаго распространенія.—В. В.

Въ теченіе октября мѣсяца поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алексѣевъ, А. А.—Къ ученію о парламентаризмѣ. Спб. 908.

Берентамъ, М., и *Новиковъ*, В.—Судебные Уставы. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Съ алфавитнымъ указателемъ. Спб. 908. Ц. 80 к. въ пер.

Бланкъ, Р. М.—Роль еврейскаго населенія въ экономической жизни Россіи. Спб. 908. Ц. 20 к.

Блиновъ, Н. — Сарапулъ и среднее Приволжье. Былое и современное. 2-е изд. съ рис.

Богдановъ, В.—Приключенія одной философской школы. Спб. 908. Ц. 30 к.

Булгаковъ, А. И. — Верховье Енисея въ Урянхаѣ и Саянскихъ горахъ. Спб. 908.

Вань-Лерберъ, Шарль.—Панъ, въ переводѣ С. А. Полякова. М. 908. Ц. 1 р.

Введенскій, Арс. И.—Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Вережниковъ, А.—Тамъ, гдѣ золото. Разсказъ. Спб. 908.

Веселовскій, Борисъ. — Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Т. I. Спб. 909. Ц. за 2 т. 12 руб.

Вормсъ, Рене. — Мораль Спинозы. Съ франц. Л. Богушевскій. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Геделундъ, Л. И. — Исторія Даніи. Съ датск. перев. гр. Н. Пратасовъ-Бахметевъ. Съ рис. и карт. Спб. 907. Ц. 1 р. 20 к.

Геккель, Э. — Естественная исторія міротворенія. Кн. I. Общая исторія происхожденія видовъ. Перев. А. Геккеля. Спб. 908. Ц. 3 р.

Глазуновъ, Н. Л.—Декламаціонная хрестоматія. Матеріалъ для систематическихъ занятій выразительнымъ чтеніемъ на драматическихъ курсахъ, въ театральныхъ училищахъ и др. учебныхъ заведеніяхъ. Ч. I—II. Спб. 908. Ц. 1 р. 20 к. и 80 к.

Гольбовъ, Н.—Координаты. Введеніе. Спб. 908. Ц. 1 р.

Гюйо, М. — Безвѣріе будущаго. Съ франц. Я. Сакеръ, съ предисловіемъ Д. Овсянико-Куликовскаго. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Драгомировъ, М. И.—Одиннадцать лѣтъ. 1895—1905 гг. Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей, съ портретомъ и рисунками. Кн. I и II. Спб. 909. Ц. за оба тома 3 р.

Дружининъ, К.—Воспоминанія о русско-японской войнѣ, 1904 — 1905 гг., участника-добровольца. Спб. 909. Ц. 3 р. 50 к.

Закъ, С.—Статистическій Ежегодникъ соціально-политическихъ таблицъ всѣхъ странъ міра. Годъ второй, 1908—1909 гг. Од. 908. Ц. 1 р.

Зезюлинскій, Н.—Неравная борьба. Волынскій и Биронъ. По первоисточникамъ. Спб. 908. Ц. 30 к.

Ивановъ-Разумникъ.—О смыслѣ жизни Ѳ. Сологубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

Игнатьевъ, Е.—Въ царствѣ смекалки или ариѳметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы. Опытъ математической хрестоматіи. Ч. I. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 коп.

——— Безъ руля и безъ вѣтрилъ. Повѣсти и разсказы.

Іонъ, О.—О султанатѣ Сіакъ и его обитателяхъ. Спб. 908.

Кичуновъ, Н. И.—Прививка и размноженіе различныхъ грунтовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Практическое руководство для садовниковъ и любителей. Изд. 2-е, съ 269 рис. въ текстѣ. Спб. 908. Ц. 2 р. 25 к.

Кротковъ, Н.—Урумчійскій консульскій округъ и русская торговля въ немъ въ 1906 году. Спб. 908.

Лель, Ад.—Записки студента 1900—1903 гг. Спб. 908. Ц. 40. к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.—Черты изъ жизни Пепко. Романъ. Изд. 3-ье, Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

——— Зимовье на Студеной. Разсказъ. Спб. 908. Ц. 5 к.

——— Старина и новинка. Сборникъ разсказовъ для дѣтей школьнаго возраста. Съ иллюстраціями. Спб. 909. Ц. 1 р. 75 к.

Мижуевъ, П.—Счастливая Австралія. Спб. 909. Ц. 1 р.

Михайловскій, Н. К.—Полное собраніе сочиненій. Т. V. Изд. 3-ье. Спб. 908. Ц. 2 р.

Наживинъ, Ив.—Письма къ молодежи о половомъ вопросѣ. М. 908.

Немировичъ-Данченко, В.—На міру: I. Вордоны.—II. Въ чужой клѣткѣ.—III. Золото... золото... золото.—IV. Израиль воинствующій. М. 909. Ц. 1 р.

Петровъ, проф. М. Н.—Лекціи по всемірной исторіи. Т. II. Исторія среднихъ вѣковъ. Ч. 2: отъ крестовыхъ походовъ до исхода XV-го столѣтія. Изд. 2-е, исправл. и дополн. проф. А. Вязигинымъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

Потенполь, Н.—Къ истокамъ Муксу черезъ горную область западнаго Памира. Спб. 908.

Погодинъ, А. Л., проф.—Почему не говорятъ животныя. Изд тов. Вольфъ. („Свободное знаніе"). Спб. 909. Стр. 89. Ц. 60 к.

Редлихъ, Іос.—Англійское мѣстное управленіе. Съ нѣм. Ф. Ельяшевичъ, со вступит. статьей проф. оксфорд. универс. П. Виноградова. Т. II. Спб. 909. Ц. 3 р.

Сажинъ, д-ръ И. В.—Наслѣдственность и спиртные напитки. Спб. 908. Ц. 30 к.

Сергѣевскій, Н. Д.—Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ проф. Спб. университета. Часть общая. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Сиротининъ, Андрей.—Бесѣды о русской словесности. Спб. 909. Ц. 1 р. 35 к.

Соловьевъ, Влад. Серг.—Письма. Т. I. Подъ ред. Э. Радлова. Спб. 908. Ц. 2 р.

Спальвинъ, Е.—Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Д. Позднѣева въ области японовѣдѣнія. Владив. 908. Ц. 50 к.

Стоюнинъ, В. Я.—О преподаваніи русской литературы. Изд. 7-е. Спб. 908. Ц. 75 к.

Сырошевскій, В.—Разсказы, тт. II, III, IV и VI. Спб. 908. Ц. каждаго тома 1 р.

Темниковскій, Евг.—О высшихъ органахъ церкви. Харьковъ. 908.

Толстой, гр. А. К.—Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Изданіе С. П. Хитрово. Спб. 908. Въ богатомъ переплетѣ (съ портретомъ автора и иллюстраціями)—5 рублей.

Фальевъ, Н.—Иммортели. Спб. 803. Ц. 50 к.

Фаресовъ, А. И.—Голоса земли. Очерки съ натуры. Юбиляру свѣтлой жизни Л. Н. Толстому. Спб. 909. Ц. 1 р.

Фюстель-де-Куланжъ.—Римскій колонатъ. Перев. п. р. проф. И. М. Гревса. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Шестовъ, Л.—Начала и концы. Сборникъ статей. Спб. 908. Ц. 1 р.

Шнейдеръ, В. П.—Памяти Ольги Петровны Семеновой. Спб. 908.

Шпрингеръ, Руд.—Національная проблема. Борьба національностей въ Австріи. Съ нѣм. перев. М. Брагинскій и И. Брумбергъ, п. р. и съ предисловіемъ М. Ратнера. Спб. 909. Ц. 2 р.

Hartung, I.—Splitter und Späne aus Geschichte und Gegenwart, Berl. 908.

— Всеобщая Библіотека: № 11. В. Аловъ, Русскіе еретики XIV—XVI вв., ц. 10 к.—№ 12 и 13. Де-Фо, Робинзонъ Крузе. ц. 20 к.—№ 14. В. Кудрявцевъ, Римскія женщины, ц. 10 к.—№ 15. Метерлинкъ, М., Слѣпые.—Внутри.—Сестра Беатриса, ц. 10 к.—№ 16, 17 и 18. Рембо. Исторія французской революціи, ц. 30 к.—№ 31. П. Чайковскій, Краткія либретто операъ: Евгеній Онѣгинъ, Пиковая дама и др., ц. 10 к.—№ 22. М. Загоскинъ, Кузьма Рощинъ, ц. 10 к.—№ 32, 33. Театральный отдѣлъ.—Гамлетъ, принцъ Датскій, ц. 20 к. Спб. 908.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана 1907—1908 г. Годъ XIII. Кіевъ. 1908 г.

— Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла Импер. Русск. Географ. Общества.—Научные результаты Аральской экспедиціи. Вып. VIII. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія русской литературы XIX вѣка, п. р. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 3. М. 908.

— Каталогъ избранныхъ книгъ для дѣтей. Составленъ „Коммиссіей по дѣтскому чтенію“ при Учебномъ Отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. М. 908. Ц. 30 к.

— Кризисъ театра. Сборникъ статей. М. 908. Ц. 1 р. 75 к.

— Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Импер. Русск. Географ. Общества. Подъ руковод. П. К. Козлова. Т. VII, вып. 1. Спб. 908.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Томъ IV, выпускъ 3-й. Спб. 908.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1905 годъ. Спб. 908.

— Сборникъ Имп. Русскаго Общества. Т. 126-й. Юрьевъ. 907.—Т. 127-й. Спб. 908. Ц. по 3 рубля.

— Страница изъ половой исповѣди студенчества. М. 908. Ц. 20 к.

— Труды Геологическаго Комитета: 1) Геологическія изслѣдованія въ районѣ рудниковъ Архангельскаго завода въ южномъ Уралѣ, Л. Конюшевскаго. Ц. 1 р. 10 к.—2) Фауна Донецкой Юры: I. Cephalopoda. А. Борисяка. Спб. 908. Ц. 2 р. 70 к.

— Тысяча девятьсотъ восьмой (1908) въ сельскохозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Спб. 908.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1908 г.

Австрійская политика въ боснійскомъ вопросѣ.—Дипломатическія странности и недоразумѣнія. — Традиціонные взгляды относительно правъ народовъ и національностей. — Историческія справки о „правахъ“ на Боснію. — Объявленіе болгарской независимости.—Толки о конференціи.—Неосторожныя бесѣды и вмѣстѣ дѣйствія императора Вильгельма II.

Необычайное оживленіе въ международныхъ дѣлахъ Европы и въ дѣятельности ея дипломатіи за послѣднее время носитъ на себѣ какой-то странный характеръ. Съ одной стороны, это оживленіе внесено политикой кабинета, считавшагося издавна воплощеніемъ консервативныхъ дипломатическихъ традицій, въ силу которыхъ высшая мудрость внѣшней политики выражалась въ принципѣ status quo. Австрійская дипломатія строго и неуклонно слѣдила за соблюденіемъ этого принципа на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ она играла руководящую роль со времени берлинскаго трактата; теперь же она явилась нарушительницей этого трактата и внезапно поставила на очередь вопросы, наиболѣе щекотливые и опасные съ международной точки зрѣнія—вопросы національнаго существованія и соперничества славянскихъ народностей. Въ теченіе тридцати лѣтъ вѣнскій кабинетъ фактически укрѣплялъ и поддерживалъ свое владычество въ Босніи и Герцеговинѣ, вводилъ въ нихъ свою культуру и промышленность и пользовался вообще полной свободой дѣйствій въ этихъ провинціяхъ, безъ всякихъ возраженій или протестовъ со стороны другихъ державъ, при видимомъ спокойствіи и внѣшней удовлетворенности туземнаго населенія. Никто уже не придавалъ значенія номинальной связи Босніи и Герцеговины съ Турецкой имперіей, и не было никакого повода напоминать объ этой связи, о которой въ сущности основательно забыла и должна была поневолѣ забыть сама Турція. Отъ Австро-Венгріи зависѣло на дѣлѣ окончательно включить обѣ провинціи въ составъ монархіи, одаривъ ихъ надлежащими конституціонными учрежденіями, и такимъ образомъ временная оккупація, установленная берлинскимъ конгрессомъ, незамѣтно уступила бы мѣсто дѣйствительному и прочному присоединенію. Ни балканскіе славяне, ни Турція не могли бы ничего сдѣлать противъ совершившагося

факта, и вопросъ о судьбѣ Босніи и Герцеговины самъ собою исчезъ бы изъ круга заботъ европейской дипломатіи. Что побудило Австро-Венгрію выйти изъ этого выгоднаго положенія и притомъ въ такой неблагопріятный для нея моментъ, какъ настоящій, когда славянское чувство, подавленное русскими пораженіями на Дальнемъ Востокѣ, успѣло вновь оживиться,—остается загадкой.

Съ другой стороны, нельзя не видѣть значительной доли лицемѣрія въ томъ искусственномъ возбужденіи, которое вызвано было неожиданнымъ рѣшеніемъ Австро-Венгріи. Многіе заговорили объ австрійскомъ захватѣ въ такомъ тонѣ, точно этотъ захватъ совершился только теперь, а не тридцать лѣтъ тому назадъ, и какъ будто онъ не былъ предметомъ особаго международнаго соглашенія при руководящемъ участіи Россіи. Всѣмъ извѣстно, что Боснія и Герцеговина, возставшія противъ турецкаго ига подъ знаменемъ славянской идеи, были заранѣе преданы въ руки „швабовъ“ во время переговоровъ, предшествовавшихъ началу русско-турецкой войны; въ этомъ смыслѣ состоялось соглашеніе въ Рейхштадтѣ, при свиданіи императора Александра II съ Францемъ-Іосифомъ, 8-го іюля (26-го іюня) 1876 года, подтвержденное затѣмъ конвенціею 15 (3) января 1877 года. Въ этихъ секретныхъ сдѣлкахъ говорилось именно о „земельномъ вознагражденіи“ и „земельныхъ приращеніяхъ“ Австро-Венгріи въ Босніи и Герцеговинѣ при новомъ устройствѣ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. На берлинскомъ конгрессѣ русскіе уполномоченные молчали, когда Англія и Германія высказались за безсрочную австрійскую оккупацію обѣихъ турецкихъ провинцій; берлинскимъ трактатомъ (ст. 25) постановлено, что Боснія и Герцеговина „seront occupées et administrées par l'Autriche-Hongrie“. Въ силу той же 25-й статьи берлинскаго трактата австро-венгерскому правительству предоставлено право содержать гарнизоны и имѣть дороги военныя и торговыя въ предѣлахъ Новобазарскаго санджака, входившаго прежде въ составъ боснійскаго вилайета и простирающагося между Сербіею и Черногоріею, по направленію на юго-востокъ за Митровицу. Въ тайной декларації, подписанной графомъ Андраши 13 (1) іюля 1878 года, по требованію турецкихъ уполномоченныхъ, признанъ былъ „временный“ характеръ оккупаціи, съ принципіальнымъ сохраненіемъ верховныхъ правъ султана; въ договорѣ, заключенномъ 21-го апрѣля 1879 года въ Константинополѣ между Австро-Венгріей и Турціей, было также повторено увѣреніе, что оккупаціей не будутъ нарушены верховныя права ттоманской имперіи, но управленіе должно оставаться въ рукахъ встро-Венгріи и доходы провинцій должны идти исключительно на къ мѣстныя нужды; сверхъ того, допускалось свободное обращеніе трецкой монеты, мусульманамъ гарантировалась полная свобода вѣро-

исповѣданія, имя султана могло упоминаться въ публичныхъ молебствіяхъ магометанъ и на минаретахъ позволялось вывѣшивать турецкіе флаги. Закономъ 20-го декабря того же 1879 года вводилась въ занятыхъ провинціяхъ австрійская денежная система, а дальнѣйшій законъ опредѣлялъ подробности мѣстнаго управленія и между прочимъ устанавливалъ правило, что всякая перемѣна въ существующихъ отношеніяхъ Босніи и Герцеговины къ монархіи требуетъ утвержденія со стороны законодательныхъ собраній обѣихъ половинъ имперіи. Съ самаго начала, очевидно, вовсе и не предполагалось, что Австро-Венгрія обязана когда бы то ни было возвратить занятыя провинціи туркамъ; для „временной“ (буквально—„провизорной“ или предварительной) оккупаціи не назначалось никакого срока, и оговорка на счетъ сохраненія верховныхъ правъ султана имѣла лишь смыслъ невиннаго дипломатическаго утѣшенія для Турціи. Формальная замѣна оккупаціи присоединеніемъ не вносила въ сущности ничего новаго въ дѣйствительное положеніе вещей: Боснія и Герцеговина были и остались областями, всецѣло подчиненными владычеству Австро-Венгріи и безусловно потерянными для сосѣднихъ славянскихъ государствъ—Сербіи и Черногоріи; вырвать же эти области изъ австрійскихъ рукъ можно было бы теперь, какъ и раньше, не иначе какъ путемъ побѣдоносной войны.

Вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ ложный и ненужный шагъ, нарушивъ самовольно международный трактатъ, служащій основою всего существующаго политическаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ; этимъ шагомъ ярко освѣтилось безнадежное состояніе международнаго права при современныхъ политическихъ условіяхъ, когда старыя привилегіи монарховъ фактически отнимаютъ у народовъ право голоса и участія въ дѣлахъ внѣшней политики. Какое значеніе имѣютъ торжественно заключенные международные договоры, если каждая изъ участвующихъ въ нихъ державъ можетъ своею собственною властью отмѣнить невыгодныя для данной страны постановленія и отказаться отъ принятыхъ на себя обязательствъ? Но этотъ вопросъ—очень важный для кабинетовъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ и заинтересованныхъ въ его формальномъ соблюденіи — не могъ самъ по себѣ взволновать славянскіе народы, для которыхъ судьба Босніи и Герцеговины представляется близкимъ національнымъ дѣломъ. Берлинскій трактатъ вообще неблагопріятенъ для славянства; онъ не только не давалъ удовлетворенія законнымъ интересамъ и стремленіямъ балканскихъ народностей, но сознательно приносилъ ихъ въ жертву искусственнымъ дипломатическимъ комбинаціямъ, въ которыхъ не оставлялось никакого мѣста политическимъ желаніямъ народовъ. Сербія и Черногорія, наиболѣе обиженныя берлинскимъ трактатомъ, возмущаются его на-

рушеніемъ со стороны Австро-Венгріи, конечно, не по формальнымъ причинамъ, не изъ уваженія къ международнымъ договорамъ и обязательствамъ великихъ державъ, а единственно подъ вліяніемъ живого національнаго чувства, оскорбленнаго безцеремоннымъ обращеніемъ съ сербскою народностью Босніи и Герцеговины. Въ разсужденіяхъ газетъ и дипломатовъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ вѣнскаго кабинета совершенно упускалось изъ виду одно обстоятельство,—что предметомъ этихъ неправильныхъ дѣйствій былъ живой народъ, имѣющій также нѣкоторое право голоса въ устройствѣ своей будущности. Возмутительно не то, что нарушенъ трактатъ, а то, что населеніемъ двухъ бывшихъ турецкихъ провинцій распоряжаются какъ стадомъ барановъ. Возмутительно то, что Боснія и Герцеговина, безъ спроса ихъ населенія, отданы были правительству Австро-Венгріи въ видѣ какого-то вознагражденія, и что теперь это правительство считаетъ возможнымъ окончательно рѣшить судьбу обѣихъ провинцій, независимо отъ желаній и чувствъ жителей. Послѣ берлинскаго конгресса австрійцы насильственно, при помощи войскъ, осуществили оккупацію, опираясь на авторитетъ международнаго соглашенія, а теперь они, вопреки этому соглашенію, превращаютъ оккупацію въ завоеваніе и пріобрѣтеніе. Босняки и герцеговинцы, бывшіе до сихъ поръ только фактически подвластными Австро-Венгріи, внезапно становятся ея подданными, помимо ихъ воли и участія. Быть можетъ, сами они мечтали сдѣлаться гражданами родственныхъ государствъ—Сербіи и Черногоріи, или, быть можетъ, они предпочли бы сохранить свое неопредѣленное положеніе обывателей занятаго австрійцами края, въ надеждѣ на будущую автономную организацію; но во имя какого права они произвольно лишены своего обособленнаго положенія и зачислены въ подданные австро-венгерской монархіи? Неужели въ наше время, при видимомъ господствѣ демократическихъ идей и учрежденій, при всеобщемъ избирательномъ правѣ, позволительно рѣшать и устраивать судьбу народовъ безъ ихъ спроса? Можно ли считать нормальнымъ такое отношеніе къ цѣлымъ народностямъ и племенамъ, какъ къ безправнымъ объектамъ секретныхъ дипломатическихъ плановъ и мѣропріятій? Въ этомъ истинный узелъ вопроса, поднятаго Австро-Венгріей и возбудившаго такіе горячіе споры въ европейской печати.

Права національностей признаются дипломатіей на словахъ, а не на дѣлѣ. Австрійскій императоръ, по совѣту своего министра иностранныхъ дѣлъ, объявляетъ о распространеніи своихъ имперскихъ правъ на Боснію съ Герцеговиною, и всѣ находятъ въ этомъ явное грубое нарушеніе берлинскаго трактата, но не замѣчаютъ еще болѣе яваго и грубаго нарушенія правъ босняковъ и герцеговин-

цевъ. Средневѣковые взгляды на государство, на территорію и населеніе, какъ на предметы наслѣдственныхъ правъ тѣхъ или другихъ династій, далеко еще не утратили своей силы для публицистовъ и государственныхъ дѣятелей современной Европы. Австрійскіе ученые историки и дипломаты давно уже доказывали, что Боснія нѣкогда входила въ составъ Хорватскаго королевства, которое въ свою очередь подчинялось венгерскимъ королямъ, и что поэтому присоединеніе Босніи къ австро-венгерской монархіи возстановляетъ историческое право, существовавшее еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Одни утверждаютъ, что король Бела II, царствовавшій въ Венгріи съ 1131 по 1141 годъ, получилъ Боснію въ приданое за дочерью мѣстнаго правителя; другіе говорятъ, что венгерскіе короли пріобрѣли Боснію не посредствомъ брачнаго союза, а силою оружія; третьи полагаютъ, что Боснія добровольно подчинилась венгерскимъ королямъ, чтобы заручиться ихъ покровительствомъ и поддержкою противъ Византіи. А что Боснія въ той или другой формѣ принадлежала венгерскимъ королямъ или состояла въ вассальной отъ нихъ зависимости, — это съ несомнѣнностью выводится изъ того факта, что венгерско-хорватскіе короли съ 1135 года включаютъ въ свой титулъ страну Рама или Боснію. Въ обстоятельномъ историческомъ изслѣдованіи, посвященномъ этому любопытному предмету и вышедшемъ въ свѣтъ въ Загребѣ десять лѣтъ тому назадъ, собрано много архивныхъ данныхъ въ подтвержденіе того, что венгерскіе короли имѣли или пріобрѣли въ разное время безспорныя права на Иллирію или Славонію, обнимавшую между прочимъ и Боснію. „Поэтому — заключаетъ авторъ, — когда его величество, нашъ благополучно царствующій король (венгерскій) въ 1878 году занялъ Боснію, онъ не совершилъ ничего незаконнаго, точно такъ же, какъ не будетъ незаконнымъ тотъ актъ, которымъ когда-нибудь Боснія будетъ окончательно присоединена къ монархіи. Кто пожелалъ бы выставить оккупацію и присоединеніе, какъ незаконные акты, долженъ былъ бы прежде доказать, что Леопольдъ I, законный преемникъ Фердинанда I, дѣйствовалъ незаконно, когда въ 1687 году обратно завоевалъ у турокъ Славонію и присоединилъ ее къ Хорватіи; что незаконно было со стороны Габсбургской династіи отнимать у турокъ захваченныя ими земли, и что, наконецъ, Габсбурги не имѣютъ также права на Далматію. Все это надо было бы предварительно доказать, если кто захотѣлъ бы отрицать право нашего короля на Боснію, ибо Боснія есть только часть или провинція Иллиріи или Славоніи въ обширномъ значеніи этого слова. Именно то, что сдѣлалъ нашъ король Францъ-Іосифъ I въ 1878 году, собирался исполнить уже Іосифъ II. И точно такъ же, какъ Іосифъ II мотивировалъ свое желаніе, съ такимъ же правомъ могъ сказать и его преемникъ, нынѣ цар-

ствующій король: „Мое предпріятіе противъ османовъ—писалъ императоръ Іосифъ II къ королю Фридриху II прусскому—есть не что иное, какъ законная попытка вновь завладѣть провинціями, которыя въ теченіе времени и вслѣдствіе несчастныхъ событій были оторваны отъ моей короны. Турки — и, я думаю, не они одни,—держатся того государственнаго принципа, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ вновь отбирать то, что̀ потеряно въ несчастныя времена". Еслибы Іосифу II дѣйствительно удалось завоевать Боснію, онъ несомнѣнно включилъ бы ее туда же, куда включена была Славонія; и еслибы это случилось сто лѣтъ тому назадъ, то едва ли кто-нибудь сказалъ бы тогда: „неправое дѣло не имѣетъ успѣха", какъ говорится теперь въ извѣстныхъ кругахъ относительно присоединенія Босніи. И однако нынѣшнее присоединеніе ни формально, ни съ правовой стороны не отличалось бы отъ тогдашняго. Въ заключеніе этого изслѣдованія мы ставимъ вопросъ: если Хорватія и ея династія, слѣдовательно въ данное время нашъ король Францъ-Іосифъ I, не имѣли бы права на Боснію, когда все прошлое Босніи и Хорватіи доказываетъ тѣсную связь этихъ странъ,—то кто же во всемъ мірѣ можетъ имѣть на Боснію какое бы то ни было право?" [1])

Мы привели эту длинную цитату, какъ наиболѣе характерный образчикъ разсужденій и доводовъ австрійскихъ „лояльныхъ" истолкователей историческихъ и національныхъ правъ. Что̀ можетъ быть наивнѣе и въ то же время нелѣпѣе этого заключительнаго вопроса: кому же должна по праву принадлежать Боснія, если на нее не имѣетъ права хорватско-венгерскій король? Автору не приходитъ въ голову самая простая мысль, что Боснія должна прежде всего принадлежать боснякамъ,—и это забвеніе жизненныхъ народныхъ правъ составляетъ рѣзкую и непріятную отличительную черту всего боснійско-герцеговинскаго инцидента, созданнаго Австро-Венгріею. Въ частности для Россіи этотъ инцидентъ напоминаетъ одну изъ печальнѣйшихъ страницъ ея внѣшней политической исторіи, когда самодержавная дипломатія предпринимала тяжелую „освободительную" войну безъ опредѣленной идеи и безъ сознательнаго плана, заранѣе выдавая освобождаемыхъ славянъ австрійцамъ и отрекаясь отъ всякой солидарности съ русскимъ національнымъ чувствомъ. Боснія и Герцеговина были заранѣе уступлены Австро-Венгріи безъ всякаго разумнаго основанія, единственно вслѣдствіе полнаго пренебреженія тогдашней официальной Россіи къ интересамъ и чувствамъ народовъ. Этотъ изводъ прошлаго значительно облегчаетъ правильное пониманіе новѣйшей дипломатической кампаніи по боснійскому вопросу.

[1]) Bosnien und das Kroatische Staatsrecht. Eine historische Studie, von Dr. etrinjensis. Agram, 1898, стр. 251—253.

Одновременно съ провозглашеніемъ австрійской „аннексіи“ совершилось еще другое существенное нарушеніе берлинскаго трактата: болгарскій князь, Фердинандъ Кобургскій, объявилъ себя королемъ или „царемъ“ Болгаріи. До первыхъ чиселъ октября (нов. ст.) тянулся сложный конфликтъ между болгарскимъ правительствомъ и Турціею по поводу желѣзнодорожнаго кризиса, вызваннаго забастовкою служащихъ „общества восточныхъ желѣзныхъ дорогъ“. Чтобы возстановить и обезпечить правильное желѣзнодорожное движеніе въ предѣлахъ своей страны, правительство взяло въ свое завѣдываніе мѣстныя желѣзнодорожныя линіи, съ ихъ подвижнымъ составомъ и инвентаремъ, не обращая вниманія на протесты „общества“, имѣющаго свои права и привилегіи по контракту съ Портою. Захвативъ дорогу въ южной части княжества, составляющей номинально особую турецкую провинцію подъ именемъ Восточной Румеліи, гдѣ князь считается лишь генералъ-губернаторомъ, болгарское правительство рѣшительно отказалось исполнить требованія Турціи о возстановленіи правъ „общества“ и выразило готовность вступить съ послѣднимъ въ переговоры о выкупѣ; „общество“ ссылалось на то, что оно не можетъ вести подобные переговоры безъ согласія и участія турецкихъ властей, а Болгарія твердо отклоняла всякій намекъ на турецкое вмѣшательство. Положеніе было крайне щекотливое и двусмысленное именно потому, что дѣло шло о южной Болгаріи, не признанной еще законною составною частью княжества, а между тѣмъ прежняя желѣзнодорожная зависимость отъ Турціи признавалась опасною и недопустимою на будущее время. Формально князь Фердинандъ и его министры не имѣли ни права, ни возможности настоять на своемъ, при существованіи вассальной зависимости отъ султана; эта зависимость давала себя чувствовать самымъ обиднымъ образомъ при всякомъ столкновеніи или разногласіи съ Турціею, тѣмъ болѣе что рядомъ живетъ и дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельная Сербія. Будучи самымъ сильнымъ и крѣпкимъ изъ балканскихъ государствъ, Болгарія незаслуженно отстала отъ нихъ по своимъ отношеніямъ къ Турціи, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что княжество воспользовалось первымъ подходящимъ случаемъ для пріобрѣтенія внѣшняго равноправія съ Сербіею, Черногоріею, Румыніею и Греціею. Князь Фердинандъ, узнавъ во время своего пребыванія въ Австріи о предстоявшемъ шагѣ вѣнскаго кабинета относительно Босніи и Герцеговины, рѣшилъ съ своей стороны покончить съ ненормальнымъ положеніемъ своей страны и провозгласить ея независимость. Такъ какъ это провозглашеніе послѣдовало въ одно время съ австрійскимъ дипломатическимъ актомъ, то между обоими событіями можно было предполагать прямую связь: Болгарія какъ будто

условилась съ Австро-Венгріею, чтобы озадачить Европу совмѣстнымъ энергическимъ выступленіемъ противъ берлинскаго трактата. Болгарское выступленіе отвлекало вниманіе отъ австрійскаго и отчасти ослабляло его эффектъ,—и наоборотъ.

Идея „аннексіи“ выплыла наружу въ видѣ газетныхъ извѣстій отъ 4-го октября (нов. ст.) о какомъ-то собственноручномъ письмѣ императора Франца-Іосифа къ президенту Фальеру; вслѣдъ затѣмъ совершившіеся факты стали предметомъ публичнаго обсужденія, и австрійская дипломатія, разумѣется, съ особенною охотою и многорѣчивостью останавливалась на дѣйствіяхъ Болгаріи, принимая ихъ отчасти подъ свою защиту. Однако, болгарское нарушеніе берлинскаго трактата не имѣетъ ничего общаго съ австрійскимъ уже потому, что Болгарія этого трактата не подписывала и участія въ немъ не принимала; она открыто возстаетъ противъ него во имя своихъ національныхъ правъ, снимая съ себя обязательства, наложенныя на нее принудительно или насильно, противъ ея воли. Для Болгаріи нарушеніе чуждаго и враждебнаго ей международнаго договора есть актъ національнаго освобожденія и торжества,—тогда какъ поступокъ Австро-Венгріи, неправильный по существу и по формѣ, оскорбляетъ національное чувство сербской народности, безъ всякой пользы для другихъ племенъ австрійской монархіи. Болгарскіе патріоты, политическіе дѣятели и министры оказались въ полномъ единодушіи съ своимъ народомъ и не нуждались ни въ какихъ искусственныхъ аргументахъ для оправданія своихъ дѣйствій; здѣсь все было ясно, и нѣтъ мѣста для недоумѣній. Болгарія стряхнула съ себя послѣдніе остатки вѣковой турецкой опеки, и противъ этого ничего нельзя сказать съ точки зрѣнія здраваго смысла и справедливости.

Австрійскій актъ „аннексіи“ производилъ особенно непріятное впечатлѣніе вслѣдствіе той неумѣлой и сбивчивой мотивировки, которая давалась ему въ оффиціальныхъ объясненіяхъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ коммиссіяхъ австрійской и венгерской делегацій, засѣдавшихъ въ Будапештѣ, баронъ Эренталь утверждалъ, что Австро-Венгрія въ данномъ случаѣ доказала, во-первыхъ, свое полнѣйшее безкорыстіе, во-вторыхъ, свою дружбу и уваженіе къ обновленной или возрождающейся Турціи, въ-третьихъ, свое уваженіе къ международнымъ трактатамъ, и наконецъ, въ-четвертыхъ, свое неизмѣнное согласіе и солидарность съ другими державами; турки должны признать, то добровольное очищеніе Новобазарскаго санджака отъ австрійскихъ ойскъ есть великодушная уступка, значительно превышающая фиктивную потерю турокъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Необходимость формальнаго присоединенія вызывалась будто бы тѣмъ, что въ обѣихъ ровинціяхъ надо было ввести мѣстныя представительныя учрежде-

нія,—хотя остается непонятнымъ, почему нельзя было вводить эти конституціонные порядки при прежней системѣ оккупаціи; право самостоятельнаго управленія, принадлежавшее австрійцамъ, заключало въ себѣ и право организовать мѣстное самоуправленіе на началахъ выборнаго представительства, и никто въ Европѣ не сталъ бы возражать противъ такой полезной реформы, еслибы даже она не вытекала изъ постановленій берлинскаго трактата. Баронъ Эренталь заявилъ также, что Австро-Венгрія дѣйствовала и продолжаетъ дѣйствовать на ближнемъ Востокѣ заодно съ Россіею, и что о планѣ присоединенія было заблаговременно сообщено кабинетамъ парижскому и петербургскому, причемъ не получено никакихъ отвѣтныхъ замѣчаній или возраженій;—но это увѣреніе оказалось явно ошибочнымъ и было тотчасъ же категорически опровергнуто компетентными органами печати. Баронъ Эренталь не обнаружилъ ни дальновидности, ни находчивости, ни остроумія; и если онъ неожиданно взялъ на себя роль австрійскаго Бисмарка, то ему пришлось убѣдиться на дѣлѣ, что не всякая смѣлость внушаетъ уваженіе.

Очень много толковъ и споровъ вызывалось въ Европѣ вопросомъ о томъ, какъ должны остальные кабинеты отнестись къ нарушенію берлинскаго трактата Австро-Венгріею. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ объѣздилъ главные европейскіе дворы, чтобы подготовить почву для международной конференціи и условиться относительно программы ея занятій, — ибо созывъ конференціи есть такой же незамѣнимый способъ разрѣшенія всякихъ трудныхъ дѣлъ внѣшней политики, какъ учрежденіе особыхъ коммиссій для сложныхъ вопросовъ внутренней бюрократической практики. Вѣнскій кабинетъ далъ понять, что онъ не допуститъ включенія въ программу конференціи боснійскаго вопроса; то, что̀ сдѣлано Австро-Венгріею, можетъ быть только принято къ свѣдѣнію, но не должно обсуждаться по существу. Это австрійское заявленіе характеризуетъ всю безцѣльность и безплодіе подобныхъ международныхъ совѣщаній. Что̀ можетъ рѣшить конференція, если у нея заранѣе отнимается право высказать самостоятельное сужденіе о данномъ вопросѣ? Оставалось бы только признать и санкціонировать совершившійся фактъ, сдѣлавъ изъ него извѣстные практическіе выводы для другихъ заинтересованныхъ государствъ,—напр., выводы о необходимости соотвѣтственныхъ „компенсацій“; но зачѣмъ давать международную санкцію тому, что̀ всѣми признается грубымъ правонарушеніемъ, и умѣстно ли связывать такую санкцію съ требованіемъ какихъ-либо вознагражденій и компенсацій? Не лучше ли, не достойнѣе ли игнорировать провозглашенное правонарушеніе, считать его какъ бы несуществующимъ, до тѣхъ поръ, пока оно не урегулировано общимъ соглашеніемъ? Неопре-

дѣленность положенія неудобна только для державы, произвольно нарушившей свои обязательства, а для другихъ она вполнѣ безразлична; и еслибы фактически большинство кабинетовъ считало, что въ Босніи и Герцеговинѣ продолжается прежняя оккупація, то это пассивное отрицаніе послѣдовавшей „аннексіи" могло бы быть нежелательно или стѣснительно для одной лишь Австро-Венгріи. Такой способъ дѣйствій внесъ бы нѣкоторое успокоеніе и въ умы славянскихъ патріотовъ, выведенныхъ изъ состоянія душевнаго равновѣсія безцеремонными австрійскими посягательствами.

Въ Германіи все чаще и убѣдительнѣе проявляются послѣдствія преувеличеннаго монархизма, воплощеннаго въ лицѣ Вильгельма II. Энергическій и безпокойный императоръ, привыкшій постоянно мѣнять свое мѣстопребываніе и встрѣчаться и бесѣдовать съ разными знатными иностранцами, ставитъ иногда въ большое затрудненіе не только своихъ министровъ и совѣтниковъ, но и всю страну. Недавно въ лондонскомъ „Daily Telegraph" (отъ 28 октября) напечатаны были заявленія и замѣчанія Вильгельма II, высказанныя въ разговорѣ съ однимъ извѣстнымъ англичаниномъ, бывшимъ дипломатомъ. Императоръ доказывалъ, что онъ всегда питалъ къ Англіи самыя дружественныя и доброжелательныя чувства, и въ видѣ примѣра онъ, между прочимъ, сообщилъ собесѣднику слѣдующее: „Во время бурской войны Франція и Россія предложили германскому правительству совмѣстно побудить Англію положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ. Эти державы находили, что пришла пора не только спасти бурскія республики, но и повергнуть въ прахъ Англію. Что отвѣчалъ я тогда? Я сказалъ, что Германія никогда не примкнетъ къ коллективнымъ европейскимъ мѣрамъ съ цѣлью оказать давленіе на Англію и привести ее къ паденію, а напротивъ, будетъ всегда держаться въ сторонѣ отъ политики, способной вовлечь насъ въ столкновеніе съ такою морскою державою, какъ Англія. Въ архивѣ Виндзорскаго замка хранится телеграмма, въ которой я сообщилъ британскому монарху содержаніе моего отвѣта державамъ, стремившимся тогда погубить Англію... Позднѣе, когда военныя неудачи обрушились на англичанъ, я сдѣлалъ больше. Я поручилъ одному изъ моихъ офицеровъ собрать возможно точныя свѣдѣнія о численности и расположеніи военныхъ силъ обѣихъ враждующихъ сторонъ въ южной Африкѣ; на основаніи этихъ цифръ я выработалъ наилучшій, по моему мнѣнію, при данныхъ обстоятельствахъ планъ кампаніи и передалъ его на разсмотрѣніе моего генеральнаго штаба. Затѣмъ я послалъ его въ Англію, этотъ документъ также хранится въ числѣ государственныхъ бумагъ

въ Виндзорѣ и спокойно ожидаетъ тамъ безпристрастнаго суда исторіи. И я долженъ упомянуть о замѣчательномъ совпаденіи: формулированный мною планъ въ главныхъ своихъ чертахъ соотвѣтствовалъ тому, который генералъ Робертсъ дѣйствительно принялъ и успѣшно привелъ въ исполненіе".

Это „императорское интервью", когда подлинность его оффиціально подтвердилась, произвело цѣлую бурю въ Германіи. Во-первыхъ, всѣхъ поразило явно невѣрное и одностороннее освѣщеніе событій, связанныхъ съ бурскою войною: Франціи и Россіи приписаны враждебные и губительные замыслы противъ Англіи, тогда какъ дѣло шло только о дружескомъ посредничествѣ съ цѣлью положить конецъ безплодному кровопролитію; это предложеніе, обращенное къ Германіи, во всякомъ случаѣ носило на себѣ строго-конфиденціальный характеръ, и если оно тотчасъ же было передано по телеграфу въ Англію съ соотвѣтственными враждебными комментаріями, то это былъ поступокъ едва ли допустимый для дипломата. Во-вторыхъ, лойяльные нѣмцы страшно сконфужены разсказомъ о военномъ планѣ императора, посланномъ въ Виндзоръ и давшемъ поводъ къ „замѣчательному совпаденію" съ дѣйствіями лорда Робертса. Давно извѣстно, что Вильгельмъ II считаетъ себя спеціалистомъ по всѣмъ областямъ искусствъ и техники, и что онъ даетъ руководящія указанія и наставленія инженерамъ, архитекторамъ, живописцамъ; онъ все можетъ сдѣлать лучше другихъ, и нѣмецкіе патріоты охотно согласятся признать, что онъ въ состояніи выработать такой планъ кампаніи, до котораго никогда не додумаются англійскіе генералы. Но показаться въ смѣшномъ видѣ передъ всѣмъ міромъ не было ни малѣйшей надобности, и положеніе правителя великой имперіи должно бы совершенно исключать возможность подобныхъ нескромностей передъ иностранцами.

Нѣмецкія газеты разныхъ направленій высказываются по этому поводу вполнѣ откровенно и съ удивительною по нашимъ понятіямъ смѣлостью; всѣ спрашиваютъ: какъ могло случиться, что императоръ разговаривалъ о политикѣ съ посторонними лицами безъ вѣдома и участія отвѣтственнаго министра? Если же такіе разговоры происходили, то кто допустилъ опубликованіе ихъ? Для избѣжанія непріятныхъ толковъ имперскій канцлеръ, князь Бюловъ, взялъ отвѣтственность всецѣло на себя и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ прошеніе объ отставкѣ; но въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не о формальной отвѣтственности, а о чемъ-то другомъ, болѣе общемъ и важномъ. Престижъ монархіи подвергается труднымъ испытаніямъ даже среди такого вѣрноподданнѣйшаго народа, какъ нѣмецкій.

ИСТОРІЯ

„ДОНЪ-ЖУАНСТВА“

ЗАМѢТКА.

— George Gendarme de Bevotte, docteur ès lettres, Professeur au lycée Louis le Grand: La légende de Don-Juan, son évolution dans la littérature des origines au romantisme. Paris, 1906.

Изслѣдованіе Жоржа Жандармъ де-Бевотта о Донъ-Жуанѣ и по объему своему (547 страницъ убористой печати), и по содержанію, до сихъ поръ представляетъ собою одно изъ выдающихся и замѣчательныхъ явленій въ области историко-литературной монографіи недостаточно обратившихъ на себя вниманіе въ нашей литературѣ. Эта, такъ сказать, международная, общечеловѣческая литературная тема—тема о Донъ-Жуанѣ—нашла въ авторѣ весьма даровитаго и подготовленнаго историка. Литература о Донъ-Жуанѣ, какъ извѣстно, весьма обширна, и г. Бевоттъ даетъ намъ библіографическій обзоръ всѣхъ или почти всѣхъ работъ о Донъ-Жуанѣ. Отсутствуетъ славянская, въ частности русская, литература. Слѣдовало бы указать на небольшую книгу г. Евг. Брауна и статью г-жи Соломонъ, недавно (1907 г., октябрь и ноябрь) помѣщенную въ „Вѣстникѣ Европы“ и заключающую довольно интересный историческій очеркъ—легенды о Донъ-Жуанѣ. Однако авторъ этой послѣдней статьи, имѣя въ виду спеціальную задачу (опредѣленіе значенія „Донъ-Жуана“ гр. Алексѣя Толстого), полнаго очерка литературы о Донъ-Жуанѣ не представилъ.

Книга г. Бевотта состоитъ изъ двѣнадцати главъ. Первая—вступительная—посвящена опредѣленію понятія о „донъ-жуанствѣ“ (donjuanisme). Авторъ указываетъ на универсальный характеръ сказанія

о Донъ-Жуанѣ, на обстоятельства, благопріятствовавшія его развитію, на типичныя и характерныя черты этого типа, физическія и нравственныя. Опредѣляя ближе эти черты, онъ находитъ въ Донъ-Жуанѣ: эгоизмъ, сильное развитіе индивидуализма и злобы.

Вторая глава—одна изъ интереснѣйшихъ—начинается съ анализа пьесы „Burlador de Sevilla"; въ ней отмѣчаются ея всевозможные источники. Въ вопросѣ о томъ, кто былъ авторомъ „Burlador", авторъ монографіи склоняется къ признанію авторства Тирсо-де-Молина. Глава оканчивается подробной характеристикой пьесы и ея главныхъ персонажей.

Съ третьей главы начинается изложеніе видоизмѣненій, которыя принимаетъ Донъ-Жуанъ въ различныхъ странахъ. Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ Италіи. Онъ отмѣчаетъ путь, по которому легенда перешла изъ Испаніи въ Италію, и тѣ формы, которыя она тамъ приняла. Отъ „Burlador" происходятъ три итальянскія драматическія пьесы: „Convitato di pietra" Чиконьини, потерянная пьеса Джилиберто и пьеса Боколелли. Испанская драма превращается въ арлекинаду въ сценаріи Доминико, Баянколетти и др. Само собою разумѣется, что итальянскіе нравы и обычаи запечатлѣли свой рѣзкій слѣдъ на испанской комедіи о Донъ-Жуанѣ.

Наиболѣе интересная, четвертая, глава излагаетъ исторію „Донъ-Жуана" Мольера. Исторія эта весьма разработана въ литературѣ и для самостоятельности автора здѣсь было весьма мало мѣста. Очень интересны, однако, страницы, излагающія источники пьесы. Мольеръ не зналъ „Burlador"'а, онъ пользовался пьесой Чиконини и сценаріемъ, а также пьесами французскихъ авторовъ, Даримона и Виллье. Затѣмъ авторъ опредѣляетъ степень оригинальности Мольера, измѣненія, внесенныя имъ въ легенду, значеніе интриги. Г. Бевоттъ не считаетъ Донъ-Жуана Мольера портретомъ, и разсматриваетъ пьесу, какъ отраженіе нравовъ XVII ст. и сатиру на эти нравы. Исторія гоненія, воздвигнутаго на Донъ-Жуана ханжами, изложена весьма интересно. Характеристики Эльвиры и Сканарелля сдѣланы живо и наглядно.

Глава пятая трактуетъ объ исторіи Донъ-Жуана во Франціи послѣ Мольера. Первая обработка этого сюжета принадлежитъ Томасу Корнейлю. Затѣмъ другая, болѣе грубая переработка — Рошмонда. Въ XVIII вѣкѣ мы не находимъ во Франціи ни одной серьезной пьесы, вдохновленной легендой. Нѣкоторыя стороны донжуанизма можно указать въ пьесахъ Барона, Бьевра, Монвеля, Лякло. Но пониманіе Донъ-Жуана было частичное и одностороннее: онъ былъ слишкомъ индивидуальной и цѣльной натурой для XVIII вѣка. Кромѣ того, современникамъ Вольтера и Дидро казалось страннымъ наказаніе грѣшника Провидѣніемъ, имъ была чужда и фантастическая обста-

новка „Burlador“. „Каменнаго гостя“ воспроизводили во Франціи въ XVIII ст. итальянскіе и вообще чужестранные актеры, ставили и маріонеточныя пьесы на этотъ сюжетъ.

Въ Испаніи легенда о Донъ-Жуанѣ въ поэтической обработкѣ продолжаетъ развиваться въ XVII и XVIII вѣкѣ. Такова пьеса „Venganza en il sepulcro“—комедія въ 3-хъ актахъ Мальдонадо. Она была написана въ концѣ XVII в. Сюжетъ заимствованъ у Тирсо, но сильно видоизмѣненъ.

Въ комедіи Мальдонадо Донъ-Жуанъ и Мота спорятъ изъ-за руки доньи Анны. Такимъ образомъ, имѣется единство дѣйствія. Число персонажей значительно сокращено: оставленъ Донъ-Жуанъ, маркизъ, донья Анна, Уллоа и лакей. Донъ-Жуанъ предлагаетъ руку Аннѣ; она, желая отъ него отвязаться, обѣщаетъ. Ночью Донъ-Жуанъ проникаетъ въ жилище Командора, гдѣ, во время схватки, убиваетъ его. Маркиза хватаютъ, считаютъ убійцей и заключаютъ въ тюрьму. Анна спасается отъ преслѣдованій Донъ-Жуана въ церковь. За ней слѣдуетъ Донъ-Жуанъ. Въ одной изъ часовенъ находится статуя Командора; Донъ-Жуанъ издѣвается надъ ней и приглашаетъ обѣдать. Командоръ приходитъ. Послѣ обѣда онъ въ свою очередь приглашаетъ своего собесѣдника ужинать. Передъ ужиномъ Донъ-Жуанъ старается убѣдить Анну выйти за него замужъ. Она отказывается. Послѣ ужина въ часовнѣ Донъ-Жуана поглощаетъ адскій огонь.

Въ половинѣ XVIII ст. (1744 г.) появилось второе подражаніе „Burlador“'у—Заморы.

Пьеса Заморы по содержанію очень сходна съ пьесой Тирсо. Донъ-Жуанъ умираетъ съ надеждой на спасеніе. Этимъ заключеніемъ существенно видоизмѣняется первоначальный смыслъ пьесы, по которому Донъ-Жуанъ наказуется за богохульство. Пьеса Заморы—пьеса банальная, лишенная истиннаго комизма, комедія неостроумно выдуманныхъ интригъ. Тѣмъ не менѣе, до появленія знаменитой пьесы Зорилли (2-я половина XIX ст.), она держалась на испанской сценѣ.

Невысокаго достоинства и итальянскія переработки „Burlador“'а XVII ст. Такова пьеса Перуччи „Convitato di Pietra“. Въ ней можно отмѣтить три составныя части: взятую изъ пьесы Чиконини, изъ „Burlador“'а и свои собственныя изобрѣтенія—не представляющія особеннаго интереса.

Особенный успѣхъ имѣла въ Италіи въ XVII и XVIII вв. опера а тему о Донъ-Жуанѣ. Такъ, въ Болоньѣ, въ 1709 году, ставилась а сценѣ опера „Il convitato di Pietra“, а въ 1739—„Gran convitato Pietra“. Въ 1746 г. „Convitato di Pietra“. Тоже—въ 1788 и 1820 гг.) спектаклей). Затѣмъ Донъ-Жуанъ даетъ сюжетъ многочисленнымъ ommedia dell' Arte. Послѣдняя серьезная обработка сюжета при-

надлежитъ Карлу Гольдони. Основная тема пьесы подверглась весьма серьезнымъ измѣненіямъ. Особенно много новаго внесъ Гольдони въ изображеніе Донъ-Жуана. Гольдони сдѣлалъ изъ него не героя предшествующихъ обработокъ, а заурядnаго сластолюбца, который любитъ пожить, но боится при томъ смерти. О кощунствѣ и дерзости прежняго Донъ-Жуана нѣтъ и рѣчи.

Седьмая глава книги Жандармъ де-Бевоттъ заключаетъ сводъ драматическихъ обработокъ мотива о Донъ-Жуанѣ въ Англіи, въ XVII и XVIII ст. Хотя Донъ-Жуанъ въ сущности—дитя юга, но нѣкоторыя черты его душевнаго уклада могли усвоиваться и сѣверными націями, въ томъ числѣ и Англіей. Особенно благопріятствовали популярности типа Донъ-Жуана тѣ условія жизни, которыя мы видимъ въ эпоху реставраціи. „Burlador" долго былъ неизвѣстенъ въ Англіи. Первая попытка познакомить англійскую публику съ Донъ-Жуаномъ принадлежитъ Кокэну. Но это—лишь случайная, эпизодическая вставка въ „Трагедіи объ Овидіи". Полную обработку мотива о Донъ-Жуанѣ мы находимъ въ пьесѣ „Libertine" Шадуэлля (1676). Изъ-подъ пера этого драматурга Донъ-Жуанъ и другіе персонажи пьесы вышли крайне грубыми и пошлыми. Авторъ заимствуетъ ихъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Пьеса Шадуэлля теперь вполнѣ забыта.

Другія англійскія пьесы о Донъ-Жуанѣ подражаютъ итальянскимъ и французскимъ образцамъ. Въ одной изъ нихъ участвовалъ Гаррикъ (музыка Глюка). Эта пьеса имѣла очень большой успѣхъ. Другая пьеса—водевиль 1820 г. Томаса (псевдонимъ Монкрифъ).

Восьмая глава заключаетъ свѣдѣнія о Донъ-Жуанѣ въ Германіи. Впервые Донъ-Жуанъ проникаетъ въ Германіи—въ кукольные театры, наряду съ Фаустомъ. Съ теченіемъ времени интересъ къ Донъ-Жуану сталъ возрастать среди образованной публики, и передѣлки Мольера пріобрѣли популярность. Мольеру болѣе повезло въ Германіи, нежели во Франціи. Его Донъ-Жуана ставятъ въ 1674 г. въ нѣсколькихъ переработкахъ (Таубера, Дельтона и др.). Нѣкоторую популярность имѣла и пьеса Корнеля (1730 г.). Не столько сценическія передѣлки французскихъ пьесъ о Донъ-Жуанѣ способствовали популярности этого героя, сколько такъ называемая „Hauptactionen" и „Puppenspiele"; особеннымъ успѣхомъ пользовались послѣднія: онѣ до сихъ поръ не прекратили своего существованія.

До насъ не дошли тексты народныхъ и полународныхъ нѣмецкихъ пьесъ; содержаніе же ихъ сохранилось.

Въ „Zuote" (Тироль) знатная молодежь ставила любительскіе спектакли, полудидактическіе, полукомическіе. Среди нихъ есть передѣлка изъ „Cicognini" (1673 г.)—лишенная всякаго художественнаго значенія. Отъ начала XVIII ст. (1730) сохранилась пьеса вѣнскаго

актера Курца. Пьеса составлена изъ мотивовъ Вилльера, Чиконини и Жилиберта. Было еще нѣсколько подражаній Жилиберту болѣе поздняго времени. Особенно же богатъ мотивами о Донъ-Жуанѣ маріонеточный отдѣлъ конца XVIII и начала XIX ст. въ Австріи и Тиролѣ.

Глава девятая говоритъ о Донъ-Жуанѣ въ Голландіи. Въ этой странѣ существовали лишь подражанія пьесамъ Доримона, Вилльера и Мольера. Авторъ монографіи обстоятельно излагаетъ обработки Мотера, Пейса, Сегерса, Рьека и Риндорпа.

Особенно интересно содержаніе десятой главы. Идетъ рѣчь объ отношеніи къ Донъ-Жуану предшественниковъ романтизма въ Германіи. Послѣдней принадлежитъ честь идеализаціи Донъ-Жуана. Здѣсь онъ изъ легкомысленнаго развратника, изъ богохульника, превращается мало-по-малу въ мистическаго любовника, ищущаго той идеальной красоты, которую создало его воображеніе. Онъ не встрѣчаетъ искомаго и идетъ отъ разочарованія къ разочарованію. Когда онъ убѣдится въ недостижимости своихъ стремленій, онъ испытаетъ всѣ муки отчаянія. Такимъ образомъ, такой Донъ-Жуанъ станетъ рядомъ съ Фаустомъ, Вертеромъ и Рене.

Не подлежитъ сомнѣнію, что сближеніе Донъ-Жуана съ Фаустомъ произошло подъ вліяніемъ романтизма; оно совершалось медленно, исподоволь. И Фаустъ, и Донъ-Жуанъ охвачены духомъ протеста и неумѣренными желаніями. И Фаустъ, и Донъ-Жуанъ преисполнены жажды любви.

Первая, довольно слабая, попытка сближенія Фауста съ Донъ-Жуаномъ принадлежитъ Бенцели Штернау (1808 г.). Гораздо выше стоитъ и драматическое произведеніе Фохта (1809). Возвышенность философскихъ стремленій автора и его желаніе привлечь всю фантастику легенды о Донъ-Жуанѣ дали въ результатѣ очень фантастичное, странное и даже дѣтски-наивное произведеніе. Тѣмъ не менѣе, первый шагъ былъ сдѣланъ.

Честь художественнаго соединенія Фауста и Донъ-Жуана принадлежитъ Гофману. Пьеса Гофмана появилась въ 1813 году. Гофманъ придаетъ Донъ-Жуану новыя совершенно субъективныя черты характера. Донъ-Жуанъ, много выстрадавшій и пережившій глубокій психологическій процессъ, видитъ въ своей послѣдней возлюбленной идеалъ красоты и добродѣтели. У Гофмана Донъ-Жуанъ становится настоящимъ романтическимъ героемъ.

И одиннадцатая глава является также не менѣе интересной и отлично разработанной. Здѣсь авторъ останавливается на Донъ-Жуанѣ Байрона.

Весьма подробно изложены условія возникновенія Донъ-Жуана

Байрона въ связи съ личными моментами его жизни и нѣкоторыми литературными впечатлѣніями (Дельпини). Не подлежитъ сомнѣнію, что венеціанская жизнь Байрона дала много матеріала поэмѣ. Авторъ монографіи разъясняетъ постепенный процессъ созданія поэмы, въ связи съ личной судьбой Байрона. Конечно, многое въ изложеніи автора не ново. Біографы Байрона давно уяснили автобіографическое значеніе поэмы „Донъ-Жуанъ". Зато тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о названіи поэмы, какъ о сатирѣ, авторъ монографіи даетъ цѣнныя соображенія и указанія. Онъ вполнѣ вѣрно отмѣчаетъ три элемента сатиры въ „Донъ-Жуанѣ": общечеловѣческій, европейскій и спеціально англійскій. Особенной рѣзкостью и яркостью отличается послѣдній. Интересный отдѣлъ о Байронѣ даетъ всестороннюю характеристику какъ самого поэта, такъ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, общественныхъ сферъ и сословій.

Въ заключеніе, авторъ монографіи говоритъ о причинахъ того сравнительно небольшого вліянія на континентѣ, которое имѣла поэма Байрона.

Двѣнадцатая — заключительная — глава посвящена, такъ сказать, философіи легенды о Донъ-Жуанѣ. Авторъ указываетъ на слѣдующія причины необыкновеннаго распространенія легенды о немъ: 1) элементъ чудеснаго въ легендѣ, постепенно исчезающій; 2) элементъ поучительный и нравственный; 3) характеръ героя, допускающій возможность воплощенія въ него типовъ различныхъ эпохъ; 4) индивидуализмъ Донъ-Жуана во всякое время и олицетвореніе въ немъ протеста личности противъ гнета общества. Въ развитіи типа Донъ-Жуана можно отмѣтить два основные періода: 1) Донъ-Жуанъ опасный, преступный и антипатичный; 2) Донъ-Жуанъ привлекательный и обворожительный.

Нашъ краткій обзоръ содержанія объемистой книги г. Бевотта дастъ возможность читателю оріентироваться въ богатомъ ея содержаніи. Необыкновенная полнота матеріала, большое критическое остроуміе, тонкость анализа и очень доступное, изящное изложеніе,—всѣ эти качества заставляютъ признать этотъ трудъ весьма интересной и цѣнной монографіей, посвященной притомъ первостепенной историко-литературной темѣ.

Л. Шепелевичъ.

МАНЧЖУРСКІЯ ПИСЬМА

Изъ эпохи войны съ Японіею

I.

Мы уже третій мѣсяцъ стояли въ бездѣйствіи. Послѣ Шахэ нашъ полкъ, вошедшій въ составъ правой колонны отряда генерала Ренненкампфа, общее начальство надъ которой принялъ начальникъ 2-й бригады забайкальской казачьей дивизіи генералъ-маіоръ Любавинъ — отошелъ въ деревню Гаолиндзы, гдѣ и расположился на зимнія квартиры. Пѣхота помѣщалась въ землянкахъ,—мы же, кавалерія, расположились по квартирамъ, занявъ бо̀льшую часть фанзъ деревни. Фанзы эти приспособили, какъ умѣли, собственными средствами для жилья; двери обили китайскими одѣялами, замазали оконныя рамы, а въ нѣкоторыхъ фанзахъ сложили настоящія печи, которыя хотя и дымили немилосердно, но все же согрѣвали помѣщенія болѣе, чѣмъ китайскіе каны. Лошади стояли на коновязяхъ во дворахъ и, привычныя къ суровымъ зимамъ Забайкалья, легко переносили морозныя ночи. Днемъ же, при ясномъ небѣ и безвѣтренной, тихой погодѣ, было совсѣмъ тепло, а на солнцѣ, въ шубахъ, даже жарко.

Мы несли сторожевую службу, держа рядъ постовъ по правому берегу рѣки Тайдзихэ и поддерживая посредствомъ разъѣздовъ связь съ нашей лѣвой колонной, расположенной въ 35-ти верстахъ къ востоку, въ деревнѣ Цинхэченъ, и съ западнымъ отрядомъ генерала Самсонова. Кромѣ того, нами высылались ежедневно періодическіе разъѣзды вверхъ по теченію рѣки Тайдзихэ вплоть до деревни Сяо-Сыръ, лежащей въ узлѣ дорогъ на города Цзянъ-Ченъ и Саймадзы, пункты, занятые значительными силами непріятеля. Послѣднее время наши разъѣзды сильно безпокоили хунхузы, дерзость которыхъ стала простираться до того, что они рѣшались нападать даже на разъѣзды силою въ цѣлую сотню. Правда, серьезныхъ потерь они намъ нанести

не могли и при первыхъ же нашихъ выстрѣлахъ скрывались въ сопки, гдѣ для кавалеріи были недосягаемы, но сильно досаждали намъ, постоянно тревожа наши посты, препятствуя службѣ и нападая на нашу летучую почту. Дѣйствующіе противъ насъ хунхузы состояли на службѣ у японцевъ и во время предпринимавшихся нами изрѣдка усиленныхъ рекогносцировокъ дѣйствовали совмѣстно съ нашимъ противникомъ большею частью гдѣ-либо на его флангахъ. По свѣдѣніямъ нашихъ шпіоновъ-хунхузовъ, здѣсь было около 2.000, сведенныхъ въ отряды по 200 человѣкъ и вооруженныхъ отчасти винчестерами, отчасти нашими трехлинейными винтовками, изъ числа взятыхъ японцами при Шахэ у нашихъ убитыхъ и раненыхъ, попавшихъ въ плѣнъ. Общее начальство надъ хунхузами имѣлъ державшій эту мѣстность много лѣтъ въ полномъ подчиненіи извѣстный хунхузъ Тя-фу, еще молодой человѣкъ, знаменитый своею жестокостью. Не довольствуясь, повидимому, скуднымъ содержаніемъ, уплачиваемымъ японцами, хунхузы жестоко грабили китайское населеніе, орудуя главнымъ образомъ въ нейтральной полосѣ, между нашими и японскими постами, причемъ безпощадно выжигали цѣлыя деревни и вырѣзывали жителей. Нѣсколько разъ нами дѣлались попытки преслѣдовать эти шайки, но каждый разъ при нашемъ приближеніи хунхузы или разсѣивались, скрываясь въ сопки, гдѣ были для насъ недосягаемы, или спѣшили отойти за линію непріятельскихъ постовъ.

10-го декабря, поздно вечеромъ, составивъ проектъ приказа (я состоялъ въ то время полковымъ адъютантомъ) и отправивъ почту, я легъ спать. На сильно натопленномъ канѣ было жарко, въ головѣ ощущалась нѣкоторая тяжесть отъ тлѣющихъ углей въ китайской жаровнѣ (этимъ способомъ китайцы согрѣваютъ воздухъ въ помѣщеніяхъ). Мысли одна за другой лѣзли въ голову, вызывая далекія, родныя картины, столь чуждыя окружающей обстановкѣ. На бумагѣ, оклеивавшей оконныя рамы, краснымъ отблескомъ игралъ разложенный снаружи, во дворѣ, костеръ, у котораго грѣлись дневальные казаки и слышался ихъ говоръ. Гдѣ-то, въ темнотѣ, скреблась мышь. Постепенно тяжелая дремота слѣпила усталые глаза, и крѣпкій сонъ охватилъ утомленное тѣло...

Вдругъ яркій свѣтъ блеснулъ въ глаза и разбудилъ меня. Передо мною стоялъ съ электрическимъ фонаремъ въ рукахъ командиръ 3-й сотни нашего полка, князь Оболенскій. Въ темнотѣ вырисовывалась его полная фигура въ папахѣ и черкескѣ.

— На заставѣ что-то неладно, — сообщилъ Оболенскій, — вотъ уже минутъ двадцать какъ слышны залпы... Донесенія до сихъ поръ нѣтъ. Да и стрѣльба какая-то странная, временами прекращается совсѣмъ. Выстрѣлы какъ будто не наши.

Я всталъ, одѣлся и вышелъ съ княземъ на дворъ.

Стояла ясная, безлунная ночь. Звѣзды какъ-то особенно ярко блистали. Въ тихомъ, морозномъ воздухѣ слухъ особенно ясно улавливалъ звуки. Все тихо. Потрескиваетъ, мигая краснымъ пламенемъ, костеръ, да слышно, какъ кони лѣниво жуютъ солому. Изрѣдка въ спящей деревнѣ залаетъ собака... Но вотъ рѣзко, отрывисто въ морозномъ воздухѣ прокатился залпъ. За нимъ—еще и еще... Ясно было, что стрѣляютъ на заставѣ, и стрѣляетъ не нашъ взводъ, а значительно бо̀льшая часть. Въ сторожевое охраненіе назначалась ежедневно сотня, высылавшая въ охраненіе три взвода; четвертый же взводъ при командирѣ сотни оставался въ резервѣ въ самой деревнѣ Гаолинцзы. Ближайшая застава, откуда слышалась стрѣльба, находилась всего верстахъ въ двухъ, и ясно было, что ежели за двадцать минутъ донесеніе не было доставлено, то тамъ происходило что-то особенное. Сторожевое охраненіе въ этотъ день занимала пятая сотня князя Масалова, и на ближайшей заставѣ находился его субальтернъ-офицеръ, хорунжій графъ Бенкендорфъ со взводомъ. Разбуженный нами, Масаловъ рѣшилъ, не дожидаясь донесенія, немедленно со своимъ взводомъ выдвинуться къ заставѣ.

Съ сонными лицами, надѣвая на ходу винтовки, торопливо выходили изъ фанзы казаки, подтягивали подпруги посѣдланнымъ конямъ дежурнаго взвода и выводили лошадей со двора. Неуклюжіе силуэты людей въ теплушкахъ и „яманьихъ“ [1]) папахахъ и коренастыхъ, разномастныхъ, мохнатыхъ забайкальскихъ лошадокъ мелькали, на минуту освѣщенныя неровнымъ свѣтомъ костра, и быстро исчезали въ ночной мглѣ. Слышался лишь гулкій стукъ копытъ по мерзлой, безснѣжной дорогѣ да отдѣльныя, отрывистыя фразы, которыми обмѣнивались казаки. „Смирно! Садись! Справа по три рысью маршъ!“—донеслась изъ темноты команда, и частый, дробный стукъ копытъ, постепенно отдаляясь и затихая, долго еще доносился изъ черной ночной мглы... На заставѣ выстрѣловъ больше не было слышно.

Мы вышли съ Оболенскимъ на околицу деревни. Насъ окутала ночная мгла. Милліарды звѣздъ искрились блѣднымъ свѣтомъ на темномъ далекомъ небосводѣ. Высокіе глинобитные заборы вдоль улицъ деревни съ массивными, окованными желѣзомъ воротами, причудливые коньки на гребняхъ черепичныхъ крышъ, высокіе рѣзные столбы у кумирни—все это принимало въ темнотѣ ночи какія-то фантастичныя, причудливыя очертанія. Глухо журчалъ, катясь по каменистому ложу, протекающій черезъ деревню быстрый незамерзающій ручей. Сухой морозный воздухъ былъ неподвиженъ, и вся природа, казалось, оцѣпенѣла, скованная тяжелымъ зимнимъ сномъ.

[1]) „Яманъ“—молодой козёлъ.

Но вотъ на темномъ небосклонѣ, тамъ, откуда недавно гремѣли залпы, взвилось кверху красное огненное зарево, вспыхнуло и, расплываясь кровянымъ пятномъ, поползло по небосводу. Ясно было, что сразу загорѣлось на значительной площади. И въ ту же минуту въ ночной мглѣ отрывисто прозвучало нѣсколько залповъ,—прокатились рѣзко и ясно въ морозномъ воздухѣ и сразу оборвались, уступивъ мѣсто прежней глубокой тишинѣ...

До насъ донесся, быстро приближаясь, звукъ конскаго топота, и вскорѣ изъ темноты выплыли конные силуэты князя Масалова и его вѣстового.

— Хунхузы подлецы напали на деревню, грабятъ китайцевъ,— сообщилъ Масаловъ.—Вонъ пожаръ видно, деревню запалили... Каковы нахалы, вѣдь отъ заставы совсѣмъ близко, подъ самымъ переваломъ...

Зная по опыту, насколько безполезна была бы попытка преслѣдовать этихъ хищниковъ, мы, досадуя на напрасную тревогу, разошлись по своимъ помѣщеніямъ...

Я всталъ поздно и, умывшись принесенной мнѣ казакомъ въ китайской корчагѣ водой, сѣлъ пить чай. Со двора за окномъ доносился оживленный говоръ казаковъ, собиравшихся на фуражировку. Въ фанзѣ за перегородкой слышался разговоръ „джангуйды“ и пощелкиванье китайскихъ счетовъ. Въ дверяхъ фанзы показался вѣстовой.

—Ваше высокородіе, командиръ полка васъ требуютъ.

Я надѣлъ чекмень и пошелъ къ командиру полка, который помѣщался въ другой половинѣ фанзы.

Командиръ пилъ чай, сидя, поджавши ноги, на канѣ у низенькаго китайскаго столика съ большимъ закоптѣлымъ чайникомъ, эмальированной потрескавшейся кружкой и наложеннымъ на китайское блюдечко мелко-наколотымъ сахаромъ. Передъ командиромъ стоялъ нашъ китаецъ-переводчикъ Андрей и съ ужимками и гримасами на своеобразномъ „воляпюкѣ“ что-то оживленно разсказывалъ. Интересный типъ былъ этотъ Андрей! Длинный, тощій, лѣтъ тридцати-пяти, съ лицомъ, изъѣденнымъ оспой, съ измызганной косичкой, вѣчно въ сѣромъ шолковомъ засаленномъ халатѣ и черной шапочкѣ съ краснымъ, изъ коралловыхъ бусъ, шарикомъ, вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ онъ находился неотлучно при нашемъ отрядѣ въ качествѣ переводчика. Предыдущая судьба его была покрыта мракомъ неизвѣстности; достовѣрно лишь было то, что онъ нѣсколько лѣтъ служилъ „бойкой“ (слугой) у офицера одного изъ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и съ нимъ совершилъ походъ въ китайскую кампанію, а послѣднее время, до настоящей войны, занимался мелочной торговлей въ Куанчендзахъ. Злой, хитрый и крайне алчный Андрей глубоко презиралъ китайское населеніе, изъ котораго самъ вышелъ, и,

пользуясь своимъ положеніемъ переводчика, гдѣ могъ безжалостно надувалъ и обсчитывалъ своихъ единоплеменниковъ, за что всѣми китайцами былъ крайне ненавидимъ. Задушевная мечта Андрея была: сколотивъ себѣ капиталъ, открыть послѣ войны въ Владивостокѣ публичный домъ, или сдѣлаться, какъ онъ говорилъ, „публичный хозяинъ". Со всѣмъ тѣмъ Андрей былъ безусловно не трусъ и, побуждаемый, вѣроятно, отчасти и корыстолюбивыми цѣлями, въ ожиданіи щедраго вознагражденія, не задумывался не разъ проникать подъ видомъ китайскаго нищаго въ самое расположеніе непріятеля, откуда доставлялъ намъ, подчасъ, весьма цѣнныя свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти въ дальнѣйшемъ всегда подтверждались, и, несмотря на всѣ недостатки Андрея, мы имъ очень дорожили. Говорилъ Андрей съ нами на своеобразномъ русско-китайскомъ жаргонѣ, для вящшей убѣдительности рѣчи жестикулируя и страшно гримасничая, причемъ косые глаза его безостановочно бѣгали, какъ испуганныя мыши...

— Вотъ послушайте, что онъ разсказываетъ!—обратился ко мнѣ командиръ полка.

Андрей быстро закивалъ головой и, безпрестанно испуганно оглядываясь на дверь, таинственнымъ шопотомъ началъ свой разсказъ. По его словамъ, хунхузы, подъ предводительствомъ самого Тя-фу, напали наканунѣ на небольшую деревушку, близъ нашей заставы, разграбили и сожгли ее, зарѣзали старшину деревни, а шестнадцатилѣтнюю дочь его, славившуюся своей красотой, Тя-фу увезъ съ собой, рѣшивъ взять себѣ въ жены. Отправивъ свой отрядъ въ дер. Сяо-Сыръ, Тя-фу съ четырьмя хунхузами-пріятелями и похищенной дѣвушкой остановился въ небольшой, лежавшей въ сторонѣ отъ дороги, впереди нашихъ постовъ всего въ 3—4 верстахъ, деревушкѣ у стараго китайца, тоже бывшаго хунхуза, и здѣсь намѣренъ былъ справлять свадьбу. Расходы по торжеству обязаны были, изъ страха ужасной мести, принять на себя жители деревушки. Все сказанное сообщили Андрею два китайца, бѣжавшіе изъ разграбленной наканунѣ хунхузами деревни. Они ручались, что Тя-фу и его сообщники, занятые пиршествомъ, совсѣмъ не ожидаютъ насъ и могутъ быть захвачены врасплохъ, но сами отказывались провести насъ, боясь, въ случаѣ нашей неудачи, страшной мести грознаго Тя-фу. Въ проводникахъ мы не имѣли особой необходимости, ибо мѣстность впереди нашихъ постовъ мы знали хорошо, и найти указанную китайцами деревушку не представлялось особенно затруднительнымъ.

— Пошлите сейчасъ приказаніе прислать отъ всѣхъ сотенъ, кромѣ дежурной, по три казака въ штабъ полка и отправляйтесь съ ними; можетъ быть, и удастся поймать этихъ негодяевъ,—приказалъ командиръ полка, и менѣе чѣмъ черезъ часъ мы уже выступали, оставивъ

подъ карауломъ китайцевъ-доносчиковъ съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ ложныхъ свѣдѣній, они будутъ казнены.

Нашъ небольшой разъѣздъ, справа по три, вытянулся по дорогѣ. Бодро мелкой „хлиной“ [1]), звонко стуча копытами о мерзлую безснѣжную дорогу, шли отдохнувшіе кони. Казаки, освѣдомленные о цѣли разъѣзда, перекидывались веселыми замѣчаніями:

— Ишь ты, свадьбу играть задумалъ!—Тутъ-то его и захватимъ...

— Китайцы бы только не дали знать, проклятые...

Рядомъ со мной, на мохнатомъ, сѣромъ „манзюкѣ“ съ стриженной гривой, посѣдланномъ китайскимъ сѣдломъ, ѣхалъ Андрей; онъ плавно покачивался въ сѣдлѣ и пятками обутыхъ въ теплые китайскіе сапоги ногъ безпрестанно колотилъ по тощимъ ребрамъ своего коня. По обѣ стороны дороги тянулась однообразная безснѣжная, широкая долина, ограниченная безлѣсными скалистыми хребтами; по гребню праваго хребта кое-гдѣ виднѣлись, какъ черныя точки, наши посты. Изрѣдка попадались по пути священныя тутовыя рощицы да бѣдныя, въ двѣ-три фанзы, сѣрыя деревушки. Эти деревушки, разоренныя и жалкія, были почти безлюдны и казались оцѣпенѣвшими въ мертвомъ непробудномъ снѣ. Лишь изрѣдка перебѣжитъ улицу мохнатая тощая собака, или промелькнетъ во дворѣ фигура манзы въ синей ватной куртцѣ и войлочной шапочкѣ съ наушниками.

Вотъ и наша застава, расположенная въ небольшой деревушкѣ подъ самымъ переваломъ. Во дворѣ стоятъ посѣдланные разномастные кони. Тутъ же „чаютъ“ казаки. Синій дымъ костра тонкой прямой струей тянется кверху.

На перевалѣ у полуразрушенной маленькой кумирни стоитъ постъ. Зоркими глазами вглядывается часовой въ синѣющую даль широкой долины, что потянулась отъ подошвы скалистаго перевала, туда вдаль, гдѣ на горизонтѣ блещутъ едва замѣтно быстрыя воды р. Тайдзихэ. Все тихо. Ведя скользившихъ и падавшихъ коней въ поводу, мы спустились съ скалистаго перевала и, выславъ дозоры, тронулись дальше. Андрей сталъ видимо волноваться и обращался съ разспросами къ немногимъ попадавшимся намъ навстрѣчу китайцамъ.

— Чичасъ видай. Ланча ли (двѣ версты),—вскорѣ сообщилъ онъ.

Мы толкнули коней, и черезъ нѣсколько минутъ за небольшимъ мыскомъ въ глухомъ отпадкѣ показалась маленькая, въ три-четыре фанзы деревушка, издали казавшаяся такой же мертвой, какъ и попадавшіяся намъ по пути. Быстро высланъ наблюдательный постъ на сосѣднюю сопку, и мы наметомъ подскакиваемъ къ деревнѣ. Казавшаяся мертвой деревушка по мѣрѣ нашего приближенія оживала,

[1]) Особый, свойственный забайкальскимъ конямъ, ходъ, родственный тропотѣ.

Оттуда доносились звуки китайской музыки, звонъ бубенъ и визжащій звукъ китайской скрипки. Ворота одной изъ фанзъ были убраны краснымъ кумачомъ и красными длинными бумажными полосами, испещренными письменами. Отсюда со двора неслись звуки музыки.

Казаки быстро спѣшились и окружили фанзу, а я съ четырьмя людьми поспѣшно вошелъ въ помѣщеніе. При нашемъ появленіи музыка сразу оборвалась. Съ испуганными, блѣдными лицами въ сѣняхъ толпились музыканты. Ихъ было человѣкъ шесть; тутъ были и бубны, и скрипка, и родъ цитры, и трехструнная гитара... Во всю длину фанзы, въ проходѣ между канами тянулся столъ, уставленный безконечнымъ количествомъ маленькихъ фарфоровыхъ блюдцевъ со всевозможными кушаньями, съ грудами всякихъ сластей... Въ противоположномъ концѣ фанзы толпились человѣкъ 20 китайцевъ; они жались другъ къ другу съ испуганными лицами, растерянно глядя на непрошенныхъ гостей. Между ними невольно бросалось въ глаза нѣсколько человѣкъ, богато одѣтыхъ, въ шолковыхъ разноцвѣтныхъ халатахъ...

На мой окрикъ: „Джатуйда!“ [1])—изъ толпы вышелъ старый, подслѣповатый, съ козлиной бородкой китаецъ; онъ видимо робѣлъ, усиленно кланялся и быстро бормоталъ: — Шанго капитана, шибко знакома, та-таде капитана [2])...

Въ эту минуту изъ толпы быстро выскочилъ высокій молодой китаецъ въ сѣромъ шолковомъ халатѣ и шапкѣ и, прежде чѣмъ мы опомнились, ударомъ плеча вышибъ оклеенную бумагой раму и выскочилъ въ окно. Въ ту же минуту на дворѣ послышались крики: „Стой, держи его!.. Нѣтъ, братъ, попался — не уйдешь...“, топотъ многочисленныхъ ногъ и шумъ борьбы.

Поставивъ у окна и дверей казаковъ и предупредивъ, что будемъ стрѣлять при первой попыткѣ къ бѣгству, мы приступили къ обыску. Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ шарили казаки въ китайскихъ ларяхъ и шкафахъ, заглядывая во всѣ углы и закоулки. При каждомъ найденномъ предметѣ, представляющемъ какой-либо интересъ, раздавались оживленные возгласы:

— Ваше высокородіе! Ваше высокородіе! Винтовки ихнія—шесть штукъ... Да и дрянныя же — какъ только изъ нихъ стрѣляютъ... удивительно!

— Смотри, смотри, паря, сѣдло наше—русское. Должно, съ артилеріи...

Перевернувъ все вверхъ дномъ, разыскали шесть ружей всевоз-

---

[1]) Хозяинъ!

[2]) Хорошій офицеръ, хорошій знакомый, большой офицеръ...

можныхъ старыхъ системъ—одни въ родѣ винчестровъ, другія—напоминающія наши берданки, почти новое артиллерійскаго образца сѣдло, полевую офицерскую сумку съ компасомъ и солдатскую рубаху со слѣдами крови. На вопросъ о томъ, какъ очутились здѣсь эти вещи, хозяинъ-китаецъ моталъ лишь головой и повторялъ: „нуджидау“ (не знаю); онъ видимо совсѣмъ растерялся и не могъ сообразить, что̀ сказать въ свое оправданіе. Приказавъ казакамъ имѣть строгое за нимъ наблюденіе, я вышелъ во дворъ. Остававшіеся здѣсь казаки уже успѣли обшарить всѣ амбары и клѣтушки и въ сосѣднемъ дворѣ нашли лошадей хунхузовъ, двухъ сѣрыхъ и трехъ бѣлыхъ „манзюковъ“, посѣдланныхъ китайскими сѣдлами съ длинными расписными чепраками. Заморенные, тощіе, съ потертой шерстью, эти манзюки, даже рядомъ съ нашими маленькими забайкалками, казались до-нельзя жалкими. Тутъ же во дворѣ группа казаковъ окружала высокаго, молодого китайца въ шолковомъ сѣромъ халатѣ, котораго урядникъ держалъ за косу. По близости суетился и что-то кричалъ Андрей. Въ группѣ казаковъ слышались отдѣльныя замѣчанія:

— Ишь ты, какъ одѣтъ,—всё на ёмъ шолковое!..

— Должно, самый главный фунфузъ и есть...

Я подошелъ и пристально взглянулъ на китайца. Это былъ тотъ самый, который выскочилъ при моемъ появленіи въ окно. Я тотчасъ призналъ его:

— Шима минза? [1])—строго спросилъ я его.

— Тя-фу,—безъ колебанія, глядя мнѣ прямо въ лицо, отвѣчалъ онъ.

Такъ вотъ онъ, грозный, ужасный Тя-фу, столько разъ ускользавшій изъ нашихъ рукъ, жестокій извергъ, имя котораго стало почти легендарнымъ среди китайцевъ окрестныхъ деревень!.. Я съ любопытствомъ разглядывалъ его. Это былъ молодой типичный манчжуръ лѣтъ двадцати-восьми, высокаго роста, сильный и стройный. Продолговатое, лишенное растительности лицо было довольно красиво. Оно было покрыто, также какъ и руки, матовой тонкой кожей. Горбатый узкій носъ и плотно сжатый ротъ придавали лицу какое-то жесткое и рѣшительное выраженіе. Но особенно поражали глаза, или, вѣрнѣе, ихъ блескъ,—холодный, чисто металлическій. Отъ взгляда этихъ глазъ становилось какъ-то жутко и холодно на душѣ.

Одѣтъ Тя-фу былъ въ сѣрый плотнаго шолка халатъ и такіе же штаны. Поверхъ надѣта была въ рукава шубка изъ такого же шолка, подбитая рысьимъ мѣхомъ, съ серебряными филигранной работы застежками. На головѣ красовалась маленькая, круглая шапочка, отороченная куньимъ мѣхомъ и украшенная спереди нѣсколькими цвѣтными граненными бусами.

[1]) Какъ звать?

Понявъ, видимо, что ему нечего сказать въ свое оправданіе, Тя-фу на дальнѣйшіе мои вопросы отвѣчалъ полнымъ молчаніемъ...

Въ сосѣдней фанзѣ раздавались плачъ и крики. Я пошелъ туда и нашелъ цѣлую толпу „бабушекъ“ и дѣтей. Все это въ ужасѣ пряталось по угламъ, кричало и плакало. Отдѣльно отъ другихъ женщинъ, прижавшись къ стѣнѣ, стояла молодая, довольно красивая китаянка. Изъ-подъ слоя бѣлилъ и румянъ густо намалеваннаго лица выглядывали два большихъ испуганныхъ глаза.

— Дѣфыка! Той самый дѣфыка... — тыкая въ нее пальцемъ, пояснилъ вошедшій за мною Андрей. Я понялъ, что это была похищенная хунхузами дѣвушка. Выславъ изъ фанзы воющихъ „бабушекъ“ и дѣтей, я оставилъ ее одну и приказалъ Андрею передать ей, что отнынѣ она свободна и, если желаетъ, можетъ идти съ нами въ Гаоленцзы, откуда будетъ доставлена въ родную деревню. Она благодарила и просила передать мнѣ, что съ уходомъ хунхузовъ здѣшніе жители не сдѣлаютъ ей зла, идти же съ нами отказалась, ибо, узнавъ объ этомъ, товарищи Тя-фу сочли бы ее за предательницу и ей не миновать было бы страшной смерти. Она указала намъ на остальныхъ четырехъ хунхузовъ, тѣхъ самыхъ китайцевъ, которые бросились мнѣ уже въ глаза своей относительно богатой одеждой. Все это были молодые люди 25 — 30 лѣтъ, ничѣмъ особеннымъ, кромѣ одежды, не отличавшіеся. Встрѣтивъ ихъ гдѣ-либо на улицахъ китайскаго базара, я принялъ бы ихъ, конечно, за мирныхъ китайскихъ „купеза“...

Солнце замѣтно склонилось къ западу. Ежеминутно могъ подойти непріятельскій разъѣздъ, или значительный отрядъ хунхузовъ, и я приказалъ, не теряя времени, собираться въ обратный путь. Посадивъ хунхузовъ на ихъ коней, которыхъ казаки взяли на чумбуры, и взгромоздивъ стараго „джангуйду“ на найденнаго въ деревнѣ мула, мы тронулись въ дорогу, провожаемые ревомъ и плачемъ выбѣжавшихъ на околицу членовъ семьи стараго китайца. Весь западъ былъ охваченъ краснымъ заревомъ заката. Высокіе скалистые гребни хребтовъ въ потухающихъ лучахъ заходившаго солнца казались серебристо-розовыми. Широкія лиловыя тѣни легли въ глубинѣ долины. Вдали, тамъ, гдѣ катила воды быстрая незамерзающая Тайдзихэ, густой пеленой подымался туманъ. Температура быстро понизилась, и воздухъ сталъ особенно сухъ и ясенъ. Мы шли молча, торопя коней, спѣша до полной темноты достичь нашихъ постовъ. Лишь изрѣдка казаки обмѣнивались отрывистыми замѣчаніями. Молчали, думая, вѣроятно, невеселую думу, и хунхузы.

Вотъ и перевалъ. На фонѣ догорающаго заката ясно вырисовывалась на вершинѣ хребта полуразрушенная кумирня со стоящей

по близости темной фигуркой часового. Мы поднялись на перевалъ, и, опередя мой разъѣздъ, я рысью поѣхалъ доложить начальнику отряда о нашей экспедиціи. Вскорѣ вѣсть о поимкѣ Тя-фу облетѣла весь лагерь, и къ подходу разъѣзда дворъ штаба отряда наполнился офицерами и солдатами, съ любопытствомъ разглядывавшими хунхузовъ. У воротъ толпились китайцы, съ почтеніемъ и страхомъ глядѣвшіе на столь грознаго для нихъ Тя-фу. Послѣдній по прежнему на предлагавшіеся ему вопросы отвѣчалъ молчаніемъ и въ холодномъ, безстрастномъ взглядѣ его нельзя было уловить и тѣни колебанія или страха. Остальные хунхузы клялись и божились въ своей невинности, увѣряя, что „мею хунхуза, манза шанго“ [1])... По приказанію начальника отряда они всѣ были оставлены подъ карауломъ, съ тѣмъ чтобы утромъ отправить ихъ въ штабъ корпуса, въ дер. Цинхэченъ. Едва мы усѣлись ужинать, какъ на дворѣ раздался страшный плачъ и вой. Мы вышли и увидѣли цѣлую толпу китайцевъ, которые при появленіи начальника отряда упали ницъ и завопили пуще прежняго. Оказалось, что это—жители деревни Гаолинцзы, которые, узнавъ о поимкѣ Тя-фу, пришли просить начальника отряда немедленно казнить хунхузовъ, изъ боязни, что тѣ, сбѣжавъ, поспѣшатъ выместить свою злобу на мѣстномъ населеніи, ихъ предавшемъ. Съ трудомъ удалось успокоить этихъ оригинальныхъ просителей.

На утро подъ сильнымъ конвоемъ хунхузы были отправлены въ Цинхэченъ. Дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. По слухамъ, они были „не хунхузы,—хорошіе китайцы“, выданы китайскимъ властямъ и казнены. Послѣ поимки Тя-фу, дѣйствовавшіе противъ насъ хунхузы распались на отдѣльныя мелкія шайки, и наши разъѣзды и посты уже ими не тревожились.

II.

Теплая іюльская ночь смѣнила невыносимо жаркій день. Вечерняя мгла спустилась въ широкую долину рѣки Као-Хе, проникла въ многочисленные, глубокіе пади и отпадки горъ и постепенно окутала высокіе, скалистые хребты. На далекомъ небосводѣ одна за другой зажглись и заискрились мерцающимъ блескомъ милліарды звѣздъ... Освѣщая голубовато-серебристымъ свѣтомъ зубчатый гребень скалистаго хребта, выплылъ блѣдный дискъ луны, и голубой лунный свѣтъ попалъ по склонамъ горъ, гоня вглубь долины черныя ночныя тѣни. Все тихо. Утомленная зноемъ іюльскаго дня, природа спитъ; лишь

[1]) „Не хунхузы,—хорошіе китайцы“.

монотонно журчитъ горный ручей, да изрѣдка пронесется вѣтерокъ и зашелестятъ высокіе серебристые стебли гаоляна...

Спитъ и нашъ бивакъ [1]), разбитый на днѣ глубокой долины у небольшой, въ три фанзы, деревушки. На фонѣ ночной мглы выдѣляются сѣровато-бѣлыми пятнами полотнища палатокъ. Свѣтлыми струйками тянется сверху дымъ догорающихъ костровъ. Слышно, какъ кони лѣниво жуютъ солому; изрѣдка взвизгнетъ разсерженная лошадь, или послышится чей-то безсвязный, сонный бредъ...

Но вотъ неясная сѣрая тѣнь выросла на биваке и, мелькая на фонѣ бѣлыхъ полотнищъ палатокъ, направилась къ дорогѣ. Еще и еще; точно изъ-подъ земли выростаютъ эти тѣни, выплываютъ, освѣщенныя блѣднымъ луннымъ свѣтомъ, и двигаются безшумно къ дорогѣ, на околицу деревни. Поправляя на ходу винтовки и прилаживая аммуницію, собираются вызвавшіеся охотниками на трудное ночное дѣло люди.

Уже неоднократно изъ штаба арміи присылались въ наши передовыя части требованія о доставкѣ плѣнныхъ, или, по крайней мѣрѣ, оружія и частей обмундированія непріятеля, по которымъ можно было бы опредѣлить, какія части противъ насъ дѣйствуютъ. Требованія эти были вызваны полученными черезъ шпіоновъ свѣдѣніями о появленіи у противника вновь прибывшихъ, свѣжихъ частей, и выясненію этого обстоятельства придавалось большое значеніе. Къ сожалѣнію японцы, бывшіе и ранѣе крайне осторожными, за послѣднее время обнаруживали особую осмотрительность. Ихъ передовыя части проявляли крайне малую подвижность, и разъѣзды выдвигались лишь подъ прикрытіемъ сильныхъ пѣхотныхъ частей. Нашими передовыми частями предпринимались неоднократно усиленныя рекогносцировки съ цѣлью захвата плѣнныхъ, но до сего времени это не удавалось. Наконецъ, встревоженные, видимо, нашей безпокойностью, японцы рѣшили нѣсколько продвинуться впередъ, дабы имѣть за нами болѣе бдительное наблюденіе, и съ нашихъ постовъ были замѣчены наканунѣ ихъ люди, производившіе окопныя работы на одномъ изъ ближайшихъ къ нашимъ постамъ хребтовъ. Съ наступленіемъ сумерекъ работавшая часть отошла на линію непріятельскихъ постовъ, и являлось

---

[1]) Бивакъ отряда подполковника генеральнаго штаба Цѣховича, высланнаго изъ штаба 1-й арміи 22-го іюля 1905 г. въ районъ деревни Нанчензы, при сліяніи рр. Тунъ-Хе и Као-Хе у большой Мандаринской дороги, съ спеціальной цѣлью добычи плѣнныхъ. Въ составъ отряда входили: конно-охотничьи команды Иркутскаго и Красноярскаго полковъ, сборная сотня штаба 1-й арміи, изъ 2-хъ взводовъ дивизіона развѣдчиковъ и 2-хъ взводовъ амурцевъ изъ конвоя командующаго, и сотня донцовъ. Позднѣе отрядъ усиленъ двумя сотнями донцовъ и конно-пулеметной командой 8-го Сибирскаго казачьяго полка.

весьма вѣроятнымъ, что она завтра выдвинется вновь для продолженія начатыхъ окопныхъ работъ. Въ виду возникшаго предположенія, начальникъ отряда приказалъ вызвать охотниковъ, дабы ночью продвинуться до хребта, гдѣ были замѣчены работавшіе люди, и здѣсь устроить засаду. Въ прикрытіе охотникамъ предполагалось выдвинуть нѣсколько впередъ линію нашихъ постовъ, двѣ сотни донцовъ и конно-пулеметную команду 8-го Сибирскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ л.-гв. гусарскаго полка поручика Смецкаго. Предпріятіе являлось весьма смѣлымъ, ибо мѣсто засады находилось на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ линіи непріятельскаго сторожевого охраненія, засада легко могла быть обнаружена съ постовъ противника, а отступать приходилось подъ сильнымъ огнемъ. Опасность предстоящаго дѣла, однако, не могла смутить нашихъ молодцовъ, и охотниковъ вызвалось болѣе чѣмъ требовалось... Тихо, обмѣниваясь лишь изрѣдка отрывистыми замѣчаніями, собираются люди на дорогѣ. Каждый сознаетъ трудность предстоящей задачи, въ каждомъ гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ, что-то безсознательно болѣзненно шевелится: „Можетъ быть, ужъ не вернусь... Можетъ быть, въ послѣдній разъ вижу остающихся товарищей, слышу ихъ голоса“...

— Ну, съ Богомъ! Шагомъ маршъ!—Обнажаются головы, и, истово осѣня себя крестнымъ знаменемъ, мы трогаемся въ путь. По узкой, вьющейся змѣей, каменистой тропѣ втягиваемся мы въ горы. Освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ луны, безмолвно двигаются сѣрые силуэты охотниковъ, отбрасывая на дорогу длинныя, колеблющіяся тѣни. Шашки, мѣшающія при движеніи пѣшкомъ въ горахъ, оставлены на бивакѣ, и люди идутъ съ однѣми винтовками. Привычные къ хожденію по горамъ, мы двигаемся быстро и вскорѣ подходимъ къ нашей заставѣ, укрытой за гребнемъ хребта въ небольшой рощицѣ. Между рѣдкими деревьями чернѣютъ темные, неуклюжіе силуэты казачьихъ коней и казаковъ, ожидающихъ нашего прихода.

— Со стороны японцевъ ничего новаго не замѣтили, — сообщаетъ начальникъ заставы.—Будьте осторожны, не оставлены ли у нихъ секреты,—предупредительно добавляетъ онъ.

Мы поднимаемся на хребетъ и пристально вглядываемся въ даль. Спитъ широкая долина съ разбросанными кое-гдѣ китайскими деревушками, потонувшими среди засѣянныхъ высокимъ гаоляномъ полей, съ монотонно журчащей, извилистой рѣчкой; спятъ высокіе, покрытые рѣдкими кустами, изрѣзанные многочисленными падями хребты. Гдѣ-то далеко въ глубинѣ долины блеснулъ красный огонекъ, блеснулъ, на мгновенье нарушивъ однообразіе ночи, и такъ же быстро погасъ...

Минуя постъ, мы спускаемся съ хребта и двигаемся далѣе. Мы крадемся безмолвно, крѣпко сжимая винтовки, пристально вгляды-

ваясь въ ночную мглу, всѣмъ существомъ стараясь проникнуть неизвѣстность ночи. Осторожно, шагъ за шагомъ, мы подвигаемся безшумно впередъ. Груда камней, одинокій разросшійся кустъ принимаютъ во тьмѣ ночи фантастическія, причудливыя очертанія, заставляя воспаленное воображеніе невольно отыскивать въ нихъ затаившагося врага. Изрѣдка сорвется изъ-подъ ноги камень, и неожиданный шумъ заставитъ вздрогнуть, больно ударивъ по настороженнымъ нервамъ. Но вотъ, наконецъ, и мѣсто нашей засады — каменистый, заросшій кустами высокій кряжъ. Далеко внизу подъ нами тянется слѣва широкая долина рѣки Као-Хе, дебушируюшая на большую Мандаринскую дорогу; справа—широкая глухая падь, упирающаяся въ высокій, занятый японцами и укрѣпленный хребетъ, зубчатый гребень котораго грозно чернѣетъ на фонѣ неба. Ближе къ намъ, отдѣленная отъ насъ глубокой поперечной падью, высится отдѣльная конусовидная сопка, куда, по нашимъ наблюденіямъ, противникъ выдвигаетъ днемъ свой наблюдательный постъ. Кругомъ насъ все напоминаетъ о недавнемъ присутствіи непріятеля: при свѣтѣ луны свѣтлыми пятнами выдѣляется глина свѣже-вырытыхъ окоповъ, на примятой травѣ валяются коробки изъ-подъ папиросъ, обрывки японской газеты...

Большая Медвѣдица склонилась къ горизонту, звѣзды одна за другой стали блѣднѣть и гаснуть, и небосводъ на востокѣ замѣтно поблѣднѣлъ. Времени терять нельзя, надо по возможности ознакомиться съ обстановкой и расположить людей въ засадѣ. Опытные въ подобныхъ экскурсіяхъ люди сами выбираютъ себѣ закрытія, удивительно приспосабливаясь къ окружающей обстановкѣ, укрываясь кто въ окопахъ, кто за грудой камней, кто въ разросшемся кустѣ. Черезъ полчаса всѣ размѣстились, и занятый нами кряжъ кажется такимъ же безжизненнымъ, какъ и часъ тому назадъ. Плотно прижавшись къ землѣ, склонивъ надъ собою густыя вѣтви кустовъ, залегли охотники. Всѣ замерли, затаивъ дыханіе, ни одинъ не обнаружитъ себя неосторожнымъ движеніемъ врагу, и лишь подъ каждымъ кустомъ, за каждымъ камнемъ горитъ лихорадочнымъ блескомъ пара пытливыхъ, горячихъ глазъ.

Освѣженная благодѣтельнымъ сномъ, природа просыпается; бѣгутъ далеко ночныя тѣни, и сѣрые силуэты, выступая изъ предразсвѣтной мглы, принимаютъ ясныя, опредѣленныя очертанія. Передъ нами, не далѣе какъ въ двухъ тысячахъ шаговъ, высится отдѣльная сопка, куда непріятель ежедневно выдвигаетъ постъ. Она имѣетъ видъ громаднаго сосца и почти лишена растительности. Ясно видны сложенные изъ вѣтвей два шалаша—мѣсто, гдѣ обыкновенно располагается постъ. Внизу подъ нами въ широкой долинѣ виднѣется китайская деревушка, раскинувшаяся по обѣ стороны быстрой извилистой рѣчки. Вдоль

единственной улицы лѣпится десятокъ сѣрыхъ фанзъ, окруженныхъ глинобитными заборами, съ дворами, застроенными всевозможными амбарами и клѣтушками. Деревушка кажется потонувшей среди моря высокаго гаоляна окрестныхъ полей. Какъ густой паръ поднимается съ рѣчки сѣрый туманъ. Вотъ гдѣ-то, совсѣмъ близко, въ высокой травѣ рѣзко прокричалъ фазанъ; ему откликнулся другой, третій...

Первые лучи восходящаго солнца ударили въ грозно чернѣющій вдали, занятый японцами хребетъ и озарили яркимъ свѣтомъ его скалистый гребень. Въ бинокль ясно виденъ этотъ гребень, изрытый на всемъ протяженіи значительными окопами. Отъ этого хребта потянулся къ намъ невысокій холмистый кряжъ, заканчивающійся впереди насъ высокой сопкой, куда выдвигается непріятелемъ постъ.

Я достаю книжку донесеній и спѣшу набросать крокй видимыхъ отсюда непріятельскихъ позицій. Мое занятіе прерывается сдавленнымъ шопотомъ лежащаго со мною рядомъ въ кустахъ подпоручика Выкрестова:

— Смотрите! Японцы...

Освѣщенные косыми лучами восходящаго солнца, движутся по холмистому гребню кряжа, направляясь къ намъ одинъ за другимъ, девять конныхъ силуэтовъ. Въ бинокль ясно видны небольшія гнѣдыя лошадки съ стриженными хвостами, всадники въ „хакки", въ фуражкахъ съ назатыльниками. На солнцѣ изрѣдка блеснутъ металлическія ножны сабли... Это, несомнѣнно, выдвигается наблюдательный постъ. Вотъ одинъ за другимъ всадники скрываются за складкой мѣстности, и нѣсколько минутъ спустя на виднѣющейся передъ нами сопкѣ показываются двѣ маленькихъ желтыхъ фигурки пѣшихъ японцевъ; медленно, шагъ за шагомъ, поминутно останавливаясь и осматривая окружающую мѣстность, поднимаются они на вершину сопки. Замерли, затаивъ дыханіе, охотники, плотно прижавшись къ землѣ, точно желая въ нее врости. Рѣзкими толчками громко стучитъ въ груди сердце.

— Вотъ замѣтятъ... Начнутъ стрѣлять... Всѣ старанія, всѣ усилія пропали даромъ...

Нѣтъ! Все спокойно. Не обнаруживъ, видимо, ничего подозрительнаго, японцы останавливаются на вершинѣ сопки. Одинъ, повернувшись назадъ, машетъ рукой, и вскорѣ на сопкѣ показываются еще четыре маленькія желтыя фигурки. Остальные японцы остались, повидимому, въ лощинѣ съ лошадьми. Часовой становится на свой постъ, укрывшись за кустомъ; остальные разсаживаются въ шалашахъ. Они видны въ бинокль отсюда совсѣмъ ясно: вотъ одинъ, согнувшись, поправляетъ что-то на обуви; другой, присѣвъ на корточки, повидимому что-то оживленно разсказываетъ, размахивая руками.

— Не замѣтили. Здòрово мы укрылись!—шопотомъ дѣлится своими впечатлѣніями Выкрестовъ.

Волненіе понемногу улеглось, и я принимаюсь доканчивать начатые кроки. Внизу въ долинѣ начинается движеніе; проснулась китайская деревушка, по улицамъ замелькали синія куртки китайцевъ. Вотъ изъ деревни, сѣменя ногами, быстрымъ шагомъ направляется по дорогѣ какой-то манза съ двумя корзинами на концахъ коромысла, положеннаго на одно плечо. Вотъ другой гонитъ передъ собою пару нагруженныхъ до самыхъ ушей осликовъ. На околицѣ деревни копошатся въ лужѣ нѣсколько черныхъ китайскихъ „гушекъ".. Мирной сельской жизнью дышитъ вся эта картина, пригрѣтая утренними лучами жаркаго іюльскаго солнца. Но вотъ въ концѣ долины изъ-за поворота дороги показывается нѣсколько пѣшихъ японцевъ. Ихъ появленіе сразу вноситъ новую нотку въ окружающую обстановку, нарушая мирную сельскую жизнь и напоминая грозную дѣйствительность. Бодрымъ шагомъ движутся по дорогѣ желтыя, одѣтыя въ „хакки" фигуры, направляясь къ убогой фанзушкѣ, одиноко пріютившейся въ глухомъ отпадкѣ. Они подходятъ къ ней и разспрашиваютъ о чемъ-то копошащагося во дворѣ китайца. Китаецъ машетъ руками, показывая куда-то по направленію нашихъ постовъ. Бодро одинъ за другимъ по едва замѣтной извилистой горной тропинкѣ потянулись японцы въ горы, мелькая межъ зеленыхъ кустовъ сѣро-желтыми „хакки". Они поднимаются на лѣсистый хребетъ, ограничивающій съ противоположной отъ насъ стороны лежащую подъ нами широкую долину. Теперь они находятся справа отъ насъ, на одной съ нами высотѣ, отдѣленные отъ насъ широкой, въ 1—$1^1/_2$ версты долиной. Сердце снова начинаетъ стучать въ груди, снова въ голову, гоня одна другую, быстро лѣзутъ безпокойныя мысли...

— Увидали! Смотрите, двое идутъ обратно—навѣрное предупредить своихъ,—слышу взволнованный шопотъ Выкрестова.

Два японца спускаются обратно по тропинкѣ въ долину; остальные размѣстились на гребнѣ, укрывшись въ кустахъ. Впившись глазами, слѣдимъ мы за двумя маленькими, бодро шагающими, энергичными фигурками, стараясь не упустить изъ виду ни одного ихъ движенія, стремясь всѣмъ существомъ отгадать ихъ намѣренія. Вотъ они спустились въ долину и зашагали по дорогѣ. Они идутъ бодро, но не спѣша, изрѣдка видимо обмѣниваясь разговорами; вотъ одинъ свернулъ съ дороги и о чемъ-то разспрашиваетъ работающаго въ полѣ китайца; другой японецъ ожидаетъ товарища на дорогѣ.

— Нѣтъ, не видѣли. Еслибъ замѣтили, посланные бы спѣшили, а эти идутъ не спѣша,—дѣлюсь я съ Выкрестовымъ наблюденьями, все еще не смѣя вѣрить въ успѣхъ. Японцы скрываются за поворо-

томъ дороги, и въ долинѣ наступаетъ прежняя мирная тишина. Солнце поднялось высоко; его отвѣсные лучи жгутъ немилосердно. Во рту отъ волненія и жажды совсѣмъ пересохло; отъ продолжительнаго неподвижнаго лежанія ломитъ въ костяхъ. Со стороны непріятеля все тихо. Японцы на посту, укрываясь отъ палящаго зноя, залѣзли въ шалаши,—виднѣется лишь, полуприкрытая кустомъ, желтая фигурка часового. Я вынимаю часы.

— Который часъ?—спрашиваетъ шопотомъ Выкрестовъ.

— Скоро одиннадцать. Видно, сегодня не придутъ.

— Ужасно обидно. Такъ удачно укрылись.

— Придется обождать до темноты, сейчасъ отходить нельзя, напрасно потери понесемъ...

Легкій шорохъ раздвигаемыхъ кустовъ и звукъ катящихся подъ гору камней прервали нашъ разговоръ. На обращенномъ въ сторону непріятеля склонѣ занятаго нами хребта, всего въ какихъ-нибудь тридцати шагахъ ниже насъ, въ кустахъ показывается фигура японца. Онъ появляется какъ-то сразу, точно выростаетъ изъ подъ-земли. Ясно, до мельчайшихъ подробностей, видно его молодое, смуглое, лишенное растительности лицо съ узкими черными глазами и широкимъ приплюснутымъ носомъ, фуражка съ сѣрымъ холщевымъ назатыльникомъ, желтые кожаные подсумки. Онъ стоитъ, раздвинувъ вѣтки, пытливо вглядываясь въ лежащую впереди его чащу кустовъ, быть можетъ, инстинктомъ чуя грядущую опасность.

Забывъ весь окружающій міръ, затаивъ дыханье, впились въ него глаза охотниковъ. Сердца громко стучатъ въ грудяхъ, нервные спазмы сжимаютъ горла, взоры блестятъ лихорадочнымъ блескомъ. Такъ тигръ, затаившись въ чащѣ джонглей, ждетъ бредущее на водопой стадо антилопъ.

Опять зашевелились кусты—и въ десяти шагахъ правѣе перваго показывается второй японецъ; этотъ—немолодой уже, тучный, съ жесткими, точно обкусанными, усами. Осторожно раздвигая вѣтви, проницательнымъ взоромъ вглядываясь въ чащу кустовъ, японцы медленно подымаются къ намъ. Это, несомнѣнно, дозорные; за ними далѣе слѣдуетъ часть, идущая оканчивать начатыя окопныя работы. Тихо, шагъ за шагомъ, японцы приближаются къ намъ; теперь ясно видны каждая складка ихъ одежды, каждая пряжка ихъ аммуниціи. Всего нѣсколько шаговъ отдѣляютъ ихъ отъ насъ...

Но вотъ зоркій взглядъ молодого японца на мгновеніе скрещивается съ блестящимъ взоромъ пары горящихъ глазъ затаившагося въ чащѣ врага. Внезапно судорога искажаетъ его лицо. Сжавшись какъ кошка, готовящаяся къ прыжку, онъ дѣлаетъ движенье броситься въ кусты. „Трахъ!“—рѣзко щелкаетъ одиночный выстрѣлъ, и,

вскинувъ руки, японецъ, повернувшись на самомъ себѣ, падаетъ навзничь. „Трахъ-трахъ!"—гремятъ выстрѣлы, и другой, толстый японецъ, повернувшій было назадъ, грузно, какъ куль овса, грохается о земь. Нѣсколько охотниковъ выскакиваютъ изъ засады и бросаются снимать оружіе и аммуницію съ убитыхъ. Внизу въ кустахъ слышится громкая отрывистая команда, и черезъ мгновенье раздается быстрая трескотня выстрѣловъ. Слѣдовавшая за дозорными часть, разсыпавшись на склонѣ горы, открываетъ по занятому нами гребню бѣглый огонь. Стрѣляетъ по насъ съ сопки и находящійся тамъ непріятельскій постъ. Пули рѣзко свищутъ въ воздухѣ, звонко щелкаютъ о груды щебня, срываютъ листья и вѣтки кустовъ. Нѣсколько японцевъ, находящихся на хребтѣ черезъ долину правѣе насъ, открываютъ намъ во флангъ дальній огонь. Пренебрегая ими, мы сосредоточиваемъ весь огонь противъ залегшей ниже насъ на склонѣ горы части, бѣшенымъ огнемъ стараясь задержать ее и дать время нашимъ смѣльчакамъ снять съ убитыхъ оружіе, аммуницію, а главное, металлическія бирки, которыя каждый японскій солдатъ носитъ на шеѣ и на которыхъ обозначена часть, гдѣ онъ служитъ.

— О-о-хъ!..—раздается близъ меня глухой стонъ. Молодой казакъ-амурецъ Самсоновъ выронилъ винтовку и схватился обѣими руками за животъ; лицо его сразу посѣрѣло, губы стали бѣлыя какъ бумага...

Японцы начинаютъ наступать перебѣжками. Все ближе и ближе въ чащѣ кустовъ щелкаютъ ихъ выстрѣлы. Аммуниція съ убитыхъ снята—пора отходить.

Мы отступаемъ, унося двухъ тяжело раненыхъ. Японцы, быстро занявъ оставленный нами гребень, преслѣдуютъ насъ бѣглымъ огнемъ. Пригнувшись, стараясь воспользоваться каждой складкой мѣстности, каждымъ незначительнымъ закрытіемъ, отходимъ мы, и, обгоняя насъ, несутся, жужжа какъ рой пчелъ, пули. То и дѣло рѣзко разсѣкаютъ онѣ воздухъ... Поминутно спотыкаясь, обливаясь потомъ и тяжело дыша, нѣсколько казаковъ несутъ тяжело раненаго вахмистра. Его широкое загорѣлое лицо со слипшимися на лбу волосами и всклокоченной русой бородой искажено страданіемъ. Крѣпко охвативъ рукою шею одного изъ несущихъ его казаковъ, онъ безпокойно мотаетъ головой и хрипло стонетъ.

— Не оставьте, братцы... Богъ вамъ поможетъ... Не бросайте...—безпрестанно упавшимъ голосомъ умоляетъ онъ.

— Не бойсь, Иванъ Петровичъ, не бойсь! Гдѣ-жъ это видано—своего бросить... — успокаиваютъ его казаки и, задыхаясь, спѣша и спотыкаясь, несутъ дальше, не обращая вниманія на то и дѣло разсѣкающія воздухъ пули.

Медленно, опираясь на прикладъ винтовки и часто останавливаясь,

пробирается между кустовъ раненый въ ногу подпоручикъ Выкрестовъ. Онъ мужественно отказывается отъ помощи предлагающихъ нести его охотниковъ...

„Трахъ-трахъ!“ — гремятъ какъ-то особенно густо впереди насъ залпы оставленныхъ намъ въ прикрытіе сотенъ. Не сладко отъ этихъ залповъ становится, повидимому, японцамъ,—ихъ огонь слабѣетъ, а затѣмъ и прекращается совсѣмъ.

Выбившіеся изъ силъ, усталые и запыхавшіеся выходимъ мы на линію нашихъ постовъ. Насъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ радостныя, сочувствующія лица. Каждый старается чѣмъ-нибудь помочь, оказать вниманіе. Кто хлопочетъ доставить носилки для раненыхъ, кто тащитъ изъ колодца холодную воду. Поручикъ Смецкой поитъ ослабѣвшихъ раненыхъ изъ фляжки коньякомъ. Всѣ поздравляютъ съ успѣхомъ, разспрашиваютъ, опять поздравляютъ. Какъ радостно, тепло на сердцѣ отъ этихъ ласковыхъ, участливыхъ словъ, какими близкими, родными кажутся всѣ эти озабоченныя, загорѣлыя лица!.. Счастливыми, веселыми глазами, точно очнувшись отъ тяжелаго кошмара, смотришь на нихъ, и безконечная радость, чисто животная радость—опасность-молъ далеко, самъ живъ, здоровъ и невредимъ—охватываетъ все существо и наполняетъ сердце безконечнымъ ликующимъ счастьемъ...

Бар. Петръ Врангель.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1908.

Еще одна годовщина.—Итогъ и перспективы.—Конецъ университетской забастовки.—Рапортъ министра народнаго просвѣщенія въ сенатъ. — Возмутительный фактъ и печальное явленіе. — Исторія введенія, упраздненія и возстановленія земства на Дону. — Своевременно ли теперь ставить вопросъ на очередь? — Актъ мщенія. — Алексѣй Потѣхинъ †.

Больно было на душѣ, когда мы отмѣчали первую годовщину 17 октября 1905 г. Тогда испытывалось ощущеніе острой, жгучей боли. Когда прошелъ второй годъ, на душѣ было не такъ больно, какъ тяжело. Теперь боли ощущается еще менѣе. На душѣ одна тяжесть, но тяжесть гнетущая, давящая. Практика „успокоенія“ сдѣлала свое дѣло.

Не хочется ни вспоминать, ни заглядывать впередъ. Позади—разбитыя надежды. Впереди—ни малѣйшей вѣры. Бюрократическій режимъ, казалось, побѣжденный и сдавшійся, возродился съ новой силой. Онъ торжествуетъ въ данный моментъ такъ, какъ не торжествовалъ при Сипягинѣ и Плеве. Въ первое междудумье правительство встало на путь его возрожденія временно, въ виду боевой цѣли минуты: осилить революціонный взрывъ. Но скоро борьба съ революціей обратилась въ борьбу съ обществомъ. Теперь революціи нѣтъ, ни въ дѣйствіяхъ, ни въ общественномъ настроеніи. Власть же съ избраннаго ею на время пути не сходитъ. И не сходитъ не столько потому, что не хочетъ, сколько потому, что психологически не можетъ. Она попала въ заколдованный кругъ формулы „сперва успокоеніе—потомъ реформы“. Изъ прошлаго и настоящаго боевая цѣль сама собою передвинулась къ будущему. Нѣтъ революціи теперь, но революціонный взрывъ можетъ повториться. И предупрежденіе возможности взрыва стало такой же боевой задачей, какою было подавленіе революціи.

„Главное зло бюрократическаго режима въ томъ—писали мы въ ноябрѣ 1906 г.,—что его основа—противоположеніе и борьба: противоположеніе власти народу и народа власти; борьба съ одной стороны за свободу, съ другой—за порядокъ. Бюрократическій режимъ разбиваетъ власть и народъ на два враждебныхъ стана. Онъ отри-

цаетъ общность ихъ задачъ". 17-го октября борьбѣ и противоположенію былъ объявленъ конецъ. „Первую задачу *правительства* — значилось во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте—должно составить стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности". Этими словами власть объявляла, три года назадъ, свою готовность слиться съ народомъ и общественнымъ сознаніемъ въ единое неразрывное цѣлое. Общество тогда—и въ этомъ его роковая ошибка—не отвѣтило на призывъ выраженіемъ признанія, что *его* задачу должно составлять стремленіе къ сохраненію и поддержанію порядка. Охваченное революціоннымъ угаромъ, русское общество въ дни, непосредственно слѣдовавшіе за 17-мъ октября, не приняло протянутой руки. Въ лицѣ представителей печати, приглашенныхъ къ себѣ графомъ Витте, оно потребовало увести войска изъ Петербурга, т.-е. потребовало отъ власти формальной капитуляціи. Въ лицѣ ноябрьскаго земскаго съѣзда въ Москвѣ, оно, вмѣсто отвѣта, выработало длинную резолюцію, не говорившую ни да, ни нѣтъ. Но такъ было лишь на первыхъ порахъ. Ко времени открытія первой Думы чувство отвѣтственности стало проникать въ сознаніе общества. И еслибы не боевая нота, взятая правительствомъ по отношенію къ Думѣ,—еслибы не телеграммы союза русскаго народа, появившіяся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", не отказъ остановить казни и не знаменитая фраза о „безусловной недопустимости" разрѣшенія земельнаго вопроса способомъ, который рисовался Думѣ единственно цѣлесообразнымъ,—то можно съ увѣренностью думать, что это чувство проникло бы во всѣ слои общества, нереволюціонные по программнымъ принципамъ.

Роспускъ первой Думы былъ, въ сущности, такимъ же требованіемъ къ обществу, чтобы оно капитулировало, какъ требованіе петербургскихъ представителей печати вывести войска изъ Петербурга. Но, конечно, второе требованіе—были слова, а первое стало теперь осуществившимся фактомъ. Общественное сознаніе, какъ творческая созидательная сила государственной жизни, отошло въ сторону. Работаетъ ли теперь общественная мысль надъ исканіемъ формъ и средствъ обновленія? Въ печати, чѣмъ тяжелѣе становятся день ото дня ея условія, тѣмъ ярче дѣлается замѣтной нота голаго протеста. Въ собраніяхъ—тоже. Одна половина общества вернулась къ обывательской пассивности. Другая—къ критикѣ и протесту. Правительство вернулось въ изолированное отъ народа положеніе. У него своя единственная задача: вырывать корни крамолы. Ей оно подчинило идею народнаго представительства и во имя ея создало „послушную" Думу.

Ей оно подчинило „допустимыя" грани гражданской свободы. Но что же дальше?..

Одно только теченіе политической мысли имѣетъ позади себя правительство—практическій октябризмъ, т.-е. безнадежно утратившій свое знамя „союзъ 17 октября". Члены Думы, принадлежащіе къ союзу, вспомнили о знамени и чествовали день изданія манифеста. Они начали его дѣловымъ засѣданіемъ, продолжили шампанскимъ и рѣчами и кончили пѣніемъ нелѣпой пѣсни, сложенной г. Ждановымъ на мотивъ „Дубинушки". Все вышло скромно, безъ помпы, но и такъ же мало внушительно, какъ вся дѣятельность главенствующей думской партіи. Иниціаторы чествованія дѣловымъ началомъ очевидно желали подчеркнуть, что ихъ партія—дѣловая. Но едва ли въ ихъ намѣренія входило подчеркиваніе главной заслуги октябристовъ, заключающейся въ томъ, что они сблизили Государственную Думу съ присутственнымъ мѣстомъ. Черезъ три года послѣ дарованія конституціи и послѣ восьми мѣсяцевъ первой сессіи Думы, октябристы, наконецъ, удосужились начать сужденія о первомъ существенно-важномъ дѣлѣ—о реорганизаціи мѣстнаго суда. И при этомъ не остановились даже передъ праздничнымъ днемъ. Ну, чѣмъ не чиновники, желающіе, чтобы всѣ—и, главное, начальство—видѣли ихъ усердіе? Мало того: они проявили усердіе сугубое. При открытіи думской сессіи раздались голоса справа и слѣва, что на первую очередь слѣдуетъ поставить вопросъ о земельной реформѣ—именно, обсужденіе закона 9 ноября. Министерство же высказалось за скорѣйшее разсмотрѣніе вопроса о мѣстномъ судѣ. И октябристы именно этому вопросу посвятили дѣловую часть собранія 17 октября.

Въ рѣчахъ за бокаломъ шампанскаго говорилось, что „въ началѣ дѣйствія манифеста 17-го октября партія октябристовъ не пользовалась достаточнымъ сочувствіемъ страны. Но черезъ три года октябристы несутъ уже отвѣтственную роль руководящей партіи Думы" („Слово", № 593). Это связанное словомъ „но" противопоставленіе двухъ положеній, рѣшительно не имѣющихъ между собою ничего общаго, чрезвычайно характерно. Еще годъ назадъ, октябристы либо скромно умалчивали объ избирательномъ законѣ 3 іюня, либо, признавая его мудрымъ актомъ, все-таки, помнили, что страна и ея сочувствіе сами по себѣ, а руководящая роль ихъ партіи въ Думѣ—тоже—сама по себѣ. Теперь они уже начинаютъ забывать условія избранія. А пройдетъ еще годъ-другой—и пожалуй окончательно убѣдятъ себя въ томъ, что только въ началѣ дѣйствія манифеста „партія октябристовъ не пользовалась достаточнымъ сочувствіемъ страны". Мы готовы допустить, что формальная правильность избранія—дѣло второстепенное. Странѣ нужно обновленіе, нуженъ право-

вой строй, нуженъ экономическій подъемъ. А избраніе и Дума—лишь формы. Мы готовы допустить, что и страна черезъ годъ-другой могла бы забыть условія, въ силу которыхъ, вопреки волѣ народа, октябристы получили роль руководящей партіи въ Думѣ. Но для этого нужно, чтобы они дѣйствительно дали странѣ обновленіе. А возможно ли ожидать плодотворности ихъ „спокойной“ работы?

Съ глубокой грустью приходится признать, что Россія въ настоящій моментъ такъ же далека отъ коренныхъ реформъ, какъ была далека въ эпоху реакціи восьмидесятыхъ годовъ. Правительство уже ясно и категорично показало, что его проекты — тотъ крайній предѣлъ „допустимаго“ движенія влѣво, въ сторону прогресса, переходъ за который оно считаетъ невозможнымъ. Что же касается перемѣщенія предѣла вправо, въ сторону регресса, то правительство также уже засвидѣтельствовало готовность легко и скоро на него соглашаться. О какихъ коренныхъ реформахъ, при такихъ обстоятельствахъ, можетъ идти рѣчь? Право созидательнаго творчества правительство рѣшительно признало своей исключительной привилегіей, раздѣляемой съ одними представителями правыхъ политическихъ теченій, принципіально отвергающихъ реформы. Обществу не возбранено — и то, впрочемъ, условно—вкладываться въ творческую работу. Но общество знаетъ, что все, имъ сдѣланное въ направленіи прогресса, будетъ отвергнуто. Какая же цѣль работать? Какой смыслъ тратить энергію? А безъ активнаго содѣйствія общественныхъ силъ никакое законодательное творчество невозможно. Канцелярія не можетъ творить права. Еще слишкомъ недавно это считалось всѣми признанной аксіомой, чтобы было нужно приводить доказательства и иллюстраціи.

Въ Думѣ нынѣшняго состава общественныя силы занимаютъ скамью оппозиціи. Кадетская фракція настойчиво стремится отдѣлить себя отъ другихъ оппозиціонныхъ группъ и въ отчетѣ о своей дѣятельности въ теченіе первой сессіи утверждаетъ, что она что-то дѣлала и даже что-то сдѣлала. Но развѣ это объективно вѣрно? Развѣ ея роль не ограничивалась критикой? Развѣ въ глазахъ министерства кадетскіе идеалы не такъ же покрываются краткимъ „недопустимо“, какъ и идеалы другихъ представителей оппозиціи? Октябристы ихъ „послушаніемъ“ вырыли изъ-подъ себя почву. Какая они самостоятельная общественная сила, когда ихъ основнымъ лозунгомъ стало послушаніе? Они могутъ проводить министерскіе законопроекты, могутъ ихъ технически исправлять, но вносить идейное творчество въ законодательную работу они отказались. Своимъ „послушаніемъ“ они лишили свою работу всякой идейной цѣнности. Они не слились съ правительствомъ въ единствѣ идеаловъ, а подчинили себя правительству и обрекли свою дѣятельность на помощь канцеляріи, вмѣсто

того, чтобы быть содѣйствующей, но независимой и самостоятельной общественной силой.

Все больше и больше становится популярной мысль о томъ, чтобы Государственная Дума такъ и зарылась въ мелочи текущаго законодательства и въ платоническія бюджетныя пожеланія. Какъ въ былое время, когда Д. С. Сипягинъ смѣнялъ И. Л. Горемыкина, а В. К. Плеве—Д. С. Сипягина, никто не мечталъ, что станетъ лучше, а всѣ задавались вопросомъ: не станетъ ли хуже?—такъ и теперь, въ третью годовщину возвѣщенной гражданской свободы и предуказаннаго обновленія, со страхомъ приходится думать о новомъ законѣ для печати, о реформѣ мѣстнаго суда, объ аграрномъ законѣ, о законѣ о неприкосновенности личности и т. д., и т. д. Проектъ университетскаго устава ясно говоритъ, чего можно ожидать подъ флагомъ автономіи высшей школы. Пусть лучше останется нынѣшній пестрый мѣстный судъ, чѣмъ если результатомъ реформы окажется расширеніе компетенціи и упроченіе положенія земскихъ начальниковъ, какъ того требуютъ объединенные дворяне. Пусть лучше останется нынѣшнее земское положеніе, чѣмъ если его замѣнитъ положеніе, составленное по указаніямъ торжествующей въ земствѣ реакціи. Земскіе начальники, все-таки, пока-что остаются подъ сомнѣніемъ. Губернаторы и правые дворяне, все-таки, пока-что еще не всевластны въ земствѣ...

Лучшаго не жди! Таковъ итогъ трехъ лѣтъ конституціонной жизни. А каково настоящее—сказали газетныя телеграммы, имѣвшія на себѣ дату 17 октября: двадцать-два смертныхъ приговора и шесть смертныхъ казней...

Когда въ прошломъ мѣсяцѣ мы заканчивали хронику, студенческая забастовка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ была еще въ начальной стадіи развитія. Теперь о ней можно говорить, какъ о фактѣ, отошедшемъ въ прошлое. Кризисъ для студентовъ, по счастью, разрѣшился благополучно. Нигдѣ не было стрѣльбы. Не было ни массовыхъ арестовъ, ни массоваго исключенія забастовщиковъ. Забастовка все время оставалась явленіемъ академическимъ. Со стороны власти ей не было придано политическаго значенія. Со стороны студентовъ не было ни одной попытки вынести волненіе за стѣны учебныхъ заведеній. Поразительно дружно принятая студенчествомъ, забастовка самими же студентами и была прекращена. Занятія сразу возстановились и сразу пошли нормальнымъ ходомъ.

Но забастовочные дни, все-таки, тянулись цѣлыхъ три недѣли. И былъ моментъ, когда забастовка вызывала самыя серьезныя опасенія. Именно тогда, когда среди студентовъ стали раздаваться голоса, что пора кончить, академисты-союзники приложили всѣ усилія,

чтобы не дать понизиться забастовочному настроенію. На сходкахъ они ставили вопросъ такъ, что большинство должно вотировать за прекращеніе забастовки потому, что того требуютъ они, союзники. „Вы не смѣете", „мы заставимъ", „мы требуемъ"—эти и подобные крики неумолчно оглашали стѣны петербургскаго университета. На сходкѣ 30-го сентября союзниками была сдѣлана попытка ввести полицію. Но результатомъ усилій союзниковъ было только продленіе забастовочныхъ дней. Студенческія массы нашли въ себѣ достаточно силъ, чтобы преодолѣть естественную реакцію на все, что говорили и кричали союзники, подкрѣплявшіе крики угрозой мести миѳическихъ милліоновъ членовъ союза русскаго народа. Гдѣ причина благополучнаго конца кризиса? Она, во-первыхъ, въ томъ, что совѣтъ министровъ предоставилъ полностью принятіе мѣръ къ возстановленію занятій усмотрѣнію профессорскихъ коллегій. Она, во-вторыхъ, въ томъ, что студенты не были лишенной всякой организаціи многотысячной толпой. „Бывшіе" старосты если и сыграли роль въ объявленіи забастовки, то сыграли еще бо́льшую роль въ томъ, что забастовка протекала мирно, безъ крайнихъ эксцессовъ, и что тонъ настроенія все время держался на извѣстномъ уровнѣ. Забастовочные дни лишній разъ подтвердили фактическую необходимость какъ автономнаго строя управленія университетами, такъ равно студенческихъ организацій и представительства.

Съ окончаніемъ забастовки, университетская жизнь вернулась въ то самое неопредѣленное положеніе, въ какомъ находилась передъ ея началомъ. Автономны университеты или нѣтъ? Проектъ университетскаго устава говоритъ, что они не должны быть автономны, или что автономными они не будутъ—по мысли и по предположеніямъ министерства народнаго просвѣщенія. Но каково ихъ юридическое положеніе въ настоящее время? Сенатъ на этотъ вопросъ отвѣта еще не далъ. А потому вполнѣ сохраняетъ интересъ рапортъ А. Н. Шварца отъ 12-го сентября, текстъ котораго впервые появился въ газетахъ 21-го октября („Рѣчь", № 253).

Министръ народнаго просвѣщенія формулировалъ свое обращеніе къ сенату въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Совокупность приведенныхъ данныхъ обязываетъ его, министра народнаго просвѣщенія, на точномъ основаніи пункта 6 ст. 176 учр. министерства и пункта 6 ст. 19 учр. прав. сената, ходатайствовать передъ правительствующимъ сенатомъ о поясненіи и подтвержденіи указаннаго закона (27-го августа 1905 г.), дабы онъ, министръ, имѣлъ возможность сдѣлать соотвѣтственное общее (циркулярное) предписаніе въ подтвержденіе и поясненіе правилъ и учрежденій по ввѣренному ему министерству, основанное на непререкаемомъ сужденіи верховнаго мѣста, коему въ по-

рядкѣ управленія подчинены всѣ мѣстныя управленія въ Имперіи". Далѣе, въ своихъ соображеніяхъ, А. Н. Шварцъ пишетъ: „Доказательствомъ того, что совѣты университетовъ не получили никакихъ исключительныхъ „автономныхъ правъ", служитъ сохраненіе въ сводѣ законовъ, по продолженію 1906 г., всѣхъ статей т. XI ч. I устава учебн. зав., опредѣляющихъ права министра народнаго просвѣщенія и попечителя округа по управленію высшими учебными заведеніями". Въ частности, министръ подчеркиваетъ, что до настоящаго времени остается неотмѣненною „ст. 430 уст. учебн. зав., въ силу которой совѣты университетовъ обязаны представлять черезъ попечителя округа, на усмотрѣніе или утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, проекты правилъ о пріемѣ въ университетъ постороннихъ слушателей, объ обязанностяхъ учащихся и порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ ими въ университетскихъ зданіяхъ". Отсюда сдѣланъ конечный выводъ: совѣты университетовъ „призваны закономъ въ помощь высшей администраціи, въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія и попечителя округа".

Какъ знакомъ этотъ выводъ нашему земству! Сколько разъ бюрократія пыталась въ этомъ именно смыслѣ „разъяснить" предѣлы и задачи органовъ земскаго самоуправленія! Графъ Д. А. Толстой предполагалъ эту мысль включить даже въ текстъ закона. Но, конечно, она заключаетъ въ себѣ не что иное, какъ полное отрицаніе идеи самоуправленія. Что идею самоуправленія отрицаетъ въ примѣненіи къ высшей школѣ А. Н. Шварцъ—дѣло его воззрѣній. Но чтобы ее отрицалъ законодатель въ моментъ изданія указа 27-го августа—это опровергается и обстоятельствами того момента, и исторіей происхожденія указа, и, наконецъ, тѣмъ пониманіемъ дарованныхъ университетамъ правъ, котораго держался В. Г. Глазовъ, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія. Теперь автономія высшей школы почему-то связывается съ именами двухъ послѣдующихъ министровъ—гр. И. И. Толстого и П. М. фонъ-Кауфмана—и еще съ именемъ гр. Витте. Забыто, что министромъ народнаго просвѣщенія въ то время былъ В. Г. Глазовъ, а вдохновителемъ политики — Д. Ѳ. Треповъ. Между тѣмъ, помнить это необходимо, ибо два послѣднія имени служатъ вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ, что еслибы законодатель не имѣлъ въ виду даровать университетамъ „автономныхъ правъ", то это было бы съ полной опредѣлительностью выражено въ указѣ.

Съ юридической точки зрѣнія аргументація А. Н. Шварца построена весьма оригинально и совсѣмъ не убѣдительно. Въ ея основу положено то, что опредѣленія устава учебныхъ заведеній оставлены безъ измѣненія въ сводѣ законовъ *по продолженію 1906 года*. Слѣдовательно, подсказываетъ рапортъ, и послѣ 27 августа 1905 г., сводъ

законовъ подтвердилъ ихъ силу. Но развѣ изданіе продолженія есть законодательный актъ? Дѣло кодификаціи у васъ вѣдаетъ государственная канцелярія. Періодическое изданіе отдѣльныхъ томовъ свода и продолженій суть акты ея дѣятельности — и только. И, какъ учрежденіе кодификаціонное, государственная канцелярія не могла, напр. въ отношеніи ст. 430, поступить иначе, какъ ее перепечатать. Для какого бы то ни было измѣненія ея текста указъ 27 августа не давалъ государственной канцеляріи ни малѣйшаго основанія, ибо онъ ни звукомъ не касается ни порядка пріема въ университетъ, ни порядка, который долженъ быть соблюдаемъ учащимися въ университетскихъ зданіяхъ. Болѣе чѣмъ странно—изъ кодификаціонной работы дѣлать выводъ о внутреннемъ смыслѣ законодательныхъ актовъ и изъ нея раскрывать тайну заложенной въ тотъ или другой законодательный актъ идеи.

Въ рапортѣ А. Н. Шварца объясненъ и политическій мотивъ обращенія къ сенату. „Совѣты нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній — говорится въ концѣ рапорта — повидимому считаютъ, что правильный ходъ учебныхъ занятій долженъ быть достигнутъ уступками всѣмъ требованіямъ и желаніямъ учащейся молодежи, не справляясь съ тѣмъ, соотвѣтствуютъ ли таковыя требованія и желанія дѣйствующему закону. На почвѣ такихъ уступокъ появились въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ различныя, явно незаконныя студенческія организаціи, допущены постороннія слушательницы, проявлено явное нежеланіе университетскаго начальства исполнять законныя требованія администраціи и полиціи; наконецъ, какъ изложено выше, совѣты университетовъ отказываются или затрудняются принять къ руководству и исполненію предложенія министра народнаго просвѣщенія“.

Еще въ сентябрѣ, въ „Рѣчи“ (№ 229) была напечатана замѣтка о происходившемъ будто бы частномъ совѣщаніи сенаторовъ перваго департамента по поводу рапорта министра народнаго просвѣщенія, причемъ въ замѣткѣ были приведены слова, будто бы сказанныя однимъ изъ сенаторовъ „старой школы“. Впослѣдствіи все содержаніе замѣтки было объявлено „совершеннымъ вымысломъ“ ея автора. Допустимъ, что такъ и повторимъ слова сенатора „старой школы“, какъ мысли, принадлежащія самому автору замѣтки. Вотъ они: „Система обращеній въ сенатъ за разъясненіями начинаетъ принимать слишкомъ, такъ сказать, злободневный политическій характеръ. Большинство обращеній возникаетъ и обусловливается стремленіемъ подкрѣпить въ тотъ или иной моментъ тотъ или другой политическій шагъ правительства. Благодаря тому, что сенатъ ставится въ крайне щекотливое положеніе, свободное, чисто юридическое сужденіе въ зна-

чительной степени стѣсняется серьезными политическими соображеніями, не дозволяющими сенату выступать противъ видовъ и намѣреній правительства... Это не можетъ не отразиться на рѣшеніяхъ сената, которыя должны исходить, конечно, только изъ смысла закона. Особо печальными были прецеденты съ разъясненіями избирательнаго закона. Нынѣшнее обращеніе за разъясненіемъ указа 27 августа сенатъ снова вовлекаетъ въ острый вопросъ, по существу не юридическій"...

Кстати, одинъ штрихъ, характерный, какъ для общей политики даннаго момента, такъ, въ частности, для политики въ отношеніи высшей школы и „лѣвыхъ" профессоровъ. За отказомъ князя Е. Н. Трубецкого отъ званія члена Государственнаго Совѣта, на дняхъ производились дополнительные выборы выборщиками отъ академіи наукъ и отъ университетовъ. До сихъ поръ ученыя коллегіи давали въ Государственный Совѣтъ представителей лѣвыхъ политическихъ теченій. На этотъ же разъ избраннымъ оказался правый. И число полученныхъ имъ голосовъ показываетъ, что какъ ни странно сказать, но избрали его не университеты и академія, а какъ бы единолично избралъ одесскій генералъ-губернаторъ, генералъ Толмачевъ. Устраненіемъ отъ участія въ совѣтѣ новороссійскаго университета профессоровъ: Занчевскаго, Васьковскаго, Коссинскаго и Ярошенко — ген. Толмачевъ измѣнилъ партійное соотношеніе состава совѣта, который послалъ правыхъ выборщиковъ, обезпечившихъ избраніе праваго члена Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ, еслибы не имѣло мѣста устраненіе четырехъ профессоровъ нововороссійскаго университета, то не только не былъ бы вновь избранъ ректоромъ г. Левашевъ, но и въ Государственномъ Совѣтѣ академическая группа имѣла бы однимъ членомъ больше, а группа правыхъ — однимъ членомъ меньше.

Мы далеки отъ мысли утверждать, чтобы такъ далеко шли намѣренія ген. Толмачева, когда онъ сдѣлалъ свое распоряженіе, и предсѣдателя совѣта министровъ, когда онъ послѣ „очень любезнаго" пріема, оказаннаго въ августѣ изгнаннымъ профессорамъ, все-таки санкціонировалъ это распоряженіе. Но фактъ остается фактомъ. Опять приходится вспомнить слова доклада графа С. Ю. Витте: „Положеніе дѣла требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу"....

Ровно годъ назадъ, въ ноябрьской хроникѣ 1907 года, мы отмѣчали приказъ одного военнаго начальника, который изъ „случая“ нанесенія офицеромъ ударившему его частному лицу „незначительной“ раны усмотрѣлъ, что офицеры ввѣренной тому начальнику воинской части „плохо владѣютъ оружіемъ“. Мы называли приказъ „яркой, кричащей иллюстраціей“ и писали: „Онъ не представляется единичнымъ. Помнится, въ газетахъ появлялись однородные приказы. Помнится также, что въ послѣдніе два года было не мало подобныхъ „случаевъ“, кончавшихся смертельнымъ исходомъ, и законъ во всей суровости своей на нихъ не реагировалъ“.

Новый „случай“ имѣлъ мѣсто въ Петербургѣ 21-го октября. Молодой офицеръ, корнетъ К., съ братомъ, воспитанникомъ выпускного класса пажескаго корпуса, ѣхали на извозчикѣ. На нихъ наскочилъ автомобиль. Лошадь испугалась, шарахнулась, и сѣдоки были выброшены на мостовую. Вскочивъ на ноги, офицеръ и пажъ бросились бить шоффера. За шоффера вступился пассажиръ автомобиля. Офицеръ обнажилъ шашку и двинулся на него, угрожая „превратить въ котлету“. Затѣмъ офицеръ выхватилъ револьверъ и открылъ стрѣльбу. Въ результатѣ тяжело ранены городовой, пытавшійся остановить офицера, дворникъ, случайный свидѣтель возмутительной сцены, г. Санинъ, и извозчикъ. О „случаѣ“ немедленно было дано знать властямъ. Газеты писали, что въ „сферахъ“ и въ высшемъ обществѣ на дѣло обращено серьезное вниманіе.

Если бы виновникомъ дикой расправы былъ не офицеръ, а простой обыватель, то его ждала бы смертная казнь. Ст. 18 положенія объ охранѣ прямо относитъ къ числу дѣяній, за которыя должна быть назначаема смертная казнь, нападеніе на чиновъ полиціи при исполненіи ими обязанностей службы, коль скоро нападеніе сопровождалось не только убійствомъ, но хотя бы нанесеніемъ ранъ. И практика безчисленное число разъ свидѣтельствовала, что для примѣненія этого закона отсутствіе политическихъ мотивовъ не имѣетъ никакого значенія. Но ст. 18 не заключаетъ въ себѣ нормы, обязательной для власти, предающей суду. Петербургскій градоначальникъ можетъ и не направить дѣла въ порядкѣ ст. 17 и 18 положенія объ охранѣ, и тогда корнетъ К. будетъ судиться на общемъ основаніи. Не будетъ рискованнымъ предположить, что сколь ни серьезное вниманіе обращено на дѣло, но наиболѣе вѣроятенъ второй исходъ. А потому въ смыслѣ возможности еще одного новаго смертнаго приговора „случай“ не можетъ вызывать тревоги. Онъ, главнымъ образомъ, вызываетъ тревогу, какъ фактъ крупнаго бытового и общественнаго значенія.

Нельзя закрывать глазъ на то, что склонность офицеровъ къ саморасправѣ иногда входитъ въ нравы нашей военной среды. Конечно,

армія должна занимать въ государствѣ почетное положеніе. Конечно, офицеры не могутъ не быть щепетильны въ охраненіи своей чести. Но на рядъ рѣзкихъ фактовъ неуважительнаго отношенія къ арміи и къ офицерамъ, которые имѣли мѣсто въ революціонное время, былъ данъ отвѣтъ боевой, и съ плодами этого отвѣта теперь приходится считаться. Во многомъ, чрезвычайно во многомъ, офицеры были поставлены въ отношеніи обывателей въ надзаконное положеніе. Развѣ не болѣе чѣмъ яснымъ намекомъ были разрѣзы на пальто для эфесовъ оружія? Развѣ не подтверждалось офицерамъ, что они всегда обязаны носить отточенныя шашки? Развѣ не объявлялось, что ограниченія въ правѣ хранить и носить при себѣ огнестрѣльное оружіе не касаются офицеровъ? Развѣ не выслушивали офицеры упрековъ, подобныхъ тому, который сдѣлалъ за „незначительную“ рану упомянутый выше начальникъ? И на офицеровъ высшихъ степеней, на людей въ зрѣломъ возрастѣ, всѣ эти прямыя и косвенныя указанія произвели большее дѣйствіе, чѣмъ то признавалось и могло признаваться нужнымъ и желательнымъ. Не всѣ, быть можетъ, еще забыли грубаго оскорбленія генераломъ на Невскомъ проспектѣ околоточнаго надзирателя, когда генералъ желалъ ѣхать по той сторонѣ Невскаго, по которой ѣзда была запрещена, и когда околоточный надзиратель остановилъ его экипажъ. Затѣмъ, недавно, адмиралъ прибилъ кондуктора трамвая. Молодежь же офицерская, какъ и всякая другая, экспансивна и впечатлительна. Молодежь вообще не умѣетъ соразмѣрять свои дѣйствія съ значительностью вызвавшаго ихъ повода. И когда весь тонъ указаній, взамѣнъ сдерживанія, подсказываетъ допустимость отдавать себя во власть порыву, то на этой почвѣ создается возможность самыхъ крайнихъ эксцессовъ.

„Случай“ корнета К. насколько возмутителенъ, настолько же и печаленъ. Юноша, съ искусственно поднятымъ до болѣзненнаго предѣла представленіемъ о себѣ и о достоинствѣ носимаго имъ званія и мундира, упалъ на мостовую по неосторожности шоффера. Онъ бросается „наказать“ виновника паденія. Встрѣтивъ препятствіе—выхватываетъ шашку. Дальнѣйшія препятствія со стороны „какого-то“ дворника, „какого-то“ городового, „какого-то“ студента,—и онъ хватаетъ револьверъ, стрѣляетъ... Развѣ не глубоко печальное явленіе?.. Мы говорили, что насъ не волнуетъ судьба корнета К. въ смыслѣ возможности новаго смертнаго приговора. Не ироніей намъ были продиктованы эти слова. Нѣтъ, чувство искренняго удовлетворенія мы будемъ испытывать, если связи и положеніе К. спасутъ ему жизнь. Его смерть не нужна. Нужно только, чтобы его дѣяніе было признано преступнымъ и, какъ таковое, влекущимъ осужденіе и кару. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы говорили и повторяемъ, что если бы на мѣстѣ

К. былъ рядовой обыватель, то онъ былъ бы повѣшенъ. Пусть тѣ, кто будутъ рѣшать судьбу К., вспомнятъ Кобловыхъ и Тараканниковыхъ, повѣшенныхъ за нанесеніе раны городовому, тоже не по политическому побужденію. Пусть встанутъ предъ ними живыми людьми тѣ, о повѣшеніи которыхъ ежедневно приноситъ извѣстія телеграфъ. Рядомъ съ разсказомъ о „случаѣ" корнета К. мы читали: въ Екатеринбургѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Верещагинымъ, Порываевымъ, Сергѣевымъ и братьями Шиловыми; въ Ревелѣ повѣшенъ Старинъ, осужденный за вооруженное нападеніе; въ Одессѣ повѣшены трое; въ Пензѣ приговорены къ смертной казни двое; въ Кіевѣ—тоже двое...

Лѣтомъ въ газетахъ какъ-то была помѣщена короткая замѣтка о томъ, что въ военное министерство поступило ходатайство наказного атамана области войска Донского о желательности введенія въ области земскихъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со словъ начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, сообщалось, что военное министерство „намѣрено прибѣгнуть къ опросу населенія о желательности или нежелательности введенія земства". По всей вѣроятности—говорилось далѣе—земскія учрежденія будутъ введены согласно проекту, выработанному коммиссіей генерала Грекова, т.-е. на основѣ Положенія 1890 г.

Вопросъ о земскомъ самоуправленіи въ Донской области—не новый. Онъ имѣетъ свыше чѣмъ тридцатилѣтнюю исторію. Земскія учрежденія на Дону были и дѣйствовали шесть лѣтъ. Затѣмъ, въ 1882 г., они были упразднены. Но, при этомъ, какъ ни странно, выборы земскихъ гласныхъ были сохранены и производятся до настоящаго времени каждые три года. Еще бо̀льшая странность: эти выборы производятся до настоящаго времени по правиламъ земскаго положенія 1864 г. Такимъ образомъ, хотя въ Донской области земскихъ учрежденій нѣтъ, но это—единственная мѣстность въ Россіи, гдѣ имѣются земскіе гласные, выбираемые безсословными земскими избирательными собраніями.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ было распространено на Донскую область, по иниціативѣ мѣстнаго дворянства, закономъ 1 іюня 1875 г. Первое трехлѣтіе прошло благополучно, но уже и въ теченіе этого перваго трехлѣтія поступленіе земскихъ сборовъ со станичныхъ земель было крайне неудовлетворительное. Среди казаковъ сразу же стали обнаруживаться признаки движенія противъ земства. А передъ началомъ второго трехлѣтія станичныя общества Хоперскаго округа категорически отказались, какъ уплачивать какіе бы то

ни было сборы въ земскую кассу, такъ и производить выборы гласныхъ. Возможно было ожидать, что и другіе округа послѣдуютъ примѣру хоперцевъ.

Въ основѣ такого отношенія казаковъ къ земству лежало требованіе, чтобы земскіе сборы со станичныхъ земель уплачивались изъ войскового капитала. Непосредственную уплату земскаго обложенія казаки сочли посягательствомъ на ихъ историческія привилегіи. Съ другой стороны, станичныя общества имѣли основаніе считать, что войсковой капиталъ обладаетъ достаточными средствами для уплаты земскихъ сборовъ. Еще въ 1843 г., при введеніи откуповъ, станицы были лишены права свободной торговли виномъ, и доходъ отъ откупа сталъ полностью зачисляться въ войсковой капиталъ. А когда въ 1863 г. откупная система была замѣнена акцизной, то войсковой капиталъ получилъ ежегодную субсидію отъ казны въ 1.239.000 рублей. Но общая реакція конца семидесятыхъ годовъ использовала протестъ донскихъ казаковъ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Забывая, что выборное начало столь же исторически свойственно казакамъ, какъ и свобода отъ налоговъ, реакціонная печать стала настойчиво говорить, что казаки не желаютъ никакихъ выборовъ, никакого самоуправленія и никакой другой власти, кромѣ правительственной. Эти утвержденія нашли прямой отголосокъ въ коммиссіи, образованной въ 1879 г. „для обсужденія вопроса о болѣе прочномъ устройствѣ земскаго дѣла на Дону". Пока, однако, военнымъ министромъ былъ графъ Д. А. Милютинъ, военное министерство не внимало голосамъ реакціи. Оно признало нужнымъ, прежде принятія какого-либо рѣшенія, выслушать мнѣніе выборныхъ представителей отъ всего населенія области. Съ этой цѣлью, подъ предсѣдательствомъ генерала Ѳомина, 17 марта 1881 г. была образована вторая коммиссія изъ 106 лицъ. Коммиссія высказалась за сохраненіе земства и за нѣкоторыя лишь частныя измѣненія положенія въ видахъ бо̀льшаго его приспособленія къ дѣйствительно во многомъ своеобразнымъ условіямъ казачьяго быта. Но когда коммиссія кончила работы, гр. Милютина уже смѣнилъ П. С. Ванновскій, и польза земскаго самоуправленія уже была подвергнута сомнѣнію, даже въ отношеніи центральныхъ губерній, управляемыхъ на общемъ основаніи. Въ результатѣ, 24 марта 1882 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта о временномъ, „впредь до дальнѣйшихъ повелѣній", пріостановленіи дѣйствія закона 1 іюня 1875 г. Но мировые судьи одновременно упразднены въ Донской области не были. Остались выборные мировые судьи—должны были остаться и учрежденія, ихъ выбирающія. Не были на Дону упразднены мировые судьи также въ 1889 г. при введеніи въ земской Россіи института земскихъ начальниковъ. Для

избранія мировыхъ судей разъ въ три года и созываются окружныя земскія собранія, а для образованія послѣднихъ избираются земскіе гласные. Естественно спросить: почему же до сихъ поръ земскихъ гласныхъ выбираютъ въ Донской области по положенію 1864 г.? Отвѣта въ оффиціальныхъ данныхъ не найти. Должно быть просто забыли измѣнить порядокъ выборовъ.

Съ 1882 г. вопросъ о земствѣ въ Донской области вступилъ въ полосу канцелярской волокиты, безпрерывно тянущейся до настоящаго времени. Въ 1885 г. былъ составленъ и разосланъ на заключеніе вѣдомствъ проектъ положенія о донскомъ земскомъ управленіи, сущность котораго сводилась къ образованію областного собранія депутатовъ отъ земскихъ плательщиковъ и довѣренныхъ отъ станичныхъ и сельскихъ обществъ, въ качествѣ совѣщательнаго органа при наказномъ атаманѣ. Относительно порядка обложенія земель, по проекту было установлено, что юртовыя земли станичныхъ обществъ облагаются сборомъ наравнѣ со всѣми остальными землями, но падающія на нихъ суммы всецѣло уплачиваются земству войскомъ изъ субсидіи, въ суммѣ 190.874 руб., отпускаемой ежегодно въ пользу казачьихъ обществъ изъ питейныхъ доходовъ. При этомъ проектъ опредѣлялъ, что общая сумма сборовъ, падающихъ на юртовыя казачьи земли, ни въ какомъ случаѣ не должна превышать размѣра субсидіи изъ войскового капитала.

Вѣдомства съ отвѣтами не торопились. Такъ, министерство финансовъ доставило заключенія только въ 1892 году. Главное управленіе казачьихъ войскъ на обсужденіе заключеній употребило еще годъ и въ 1893 году обратилось къ наказному атаману съ запросомъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ, взамѣнъ проекта 1885 года, приступить къ составленію предположеній о примѣненіи къ Донской области земскаго положенія 1890 года, которое устранило „недостатки“ положенія 1864 года. Хотя наказной атаманъ вполнѣ раздѣлилъ мысль главнаго управленія, но на переписку между Новочеркасскомъ и Петербургомъ о составѣ и порядкѣ образованія коммиссіи потребовалось пять съ половиною лѣтъ. Только въ 1899 году коммиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Грекова начала занятія. Въ томъ же году она составила предположенія. Опять военное министерство запросило заключенія вѣдомствъ. Въ это время С. Ю. Витте только-что одержалъ побѣду надъ И. Л. Горемыкинымъ на однородномъ вопросѣ о введеніи земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, Д. С. Сипягинъ, изготовлялъ проектъ земскаго управленія для всѣхъ вообще неземскихъ губерній — проектъ, по образцу котораго онъ предполагалъ и тамъ, гдѣ земство уже непрерывно существовало почти сорокъ лѣтъ, если не сразу, то со време-

немъ, замѣнить представительство по избранію представительствомъ по назначенію. До конца 1901 года Д. С. Сипягинъ не давалъ отвѣта, а затѣмъ обратился къ военному министру съ просьбой отсрочить работы до окончанія разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ проекта земскаго управленія въ 13-ти неземскихъ губерніяхъ. Со смертью Д. С. Сипягина и съ назначеніемъ В. К. Плеве, обстоятельства перемѣнились. Проектъ земскаго управленія былъ замѣненъ не имѣющимъ принципіальнаго значенія проектомъ объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ губерніяхъ западнаго края. Въ январѣ 1903 года, наконецъ, было образовано междувѣдомственное совѣщаніе для разсмотрѣнія проекта коммиссіи генерала Грекова. Военный министръ А. Н. Куропаткинъ въ это время былъ, повидимому, исключительно заинтересованъ вопросомъ и скорѣйшимъ его разрѣшеніемъ въ положительномъ смыслѣ. Совѣщаніе собиралось два раза въ недѣлю и работало съ той энергіей, которая всегда появляется у чиновниковъ, когда они знаютъ, что того желаетъ министръ. Такъ продолжалось до мая. Наступило лѣто, а съ осени А. Н. Куропаткинъ къ вопросу охладѣлъ. За нимъ охладѣло и совѣщаніе. Засѣданія стали откладываться и вдругъ вовсе оборвались. Въ общемъ, совѣщаніе стояло на точкѣ зрѣнія полной возможности и безусловной необходимости введенія земскихъ учрежденій общаго типа въ Донской области. Оно считало своей задачей лишь приспособленіе дѣйствующаго въ земскихъ губерніяхъ положенія къ условіямъ казачьяго быта. Въ этихъ видахъ, совѣщаніе, между прочимъ, проектировало устраненіе участія администраціи въ выборѣ гласныхъ отъ станичныхъ сходовъ и главное—возложеніе части земскихъ сборовъ, падающихъ на станичныя земли, на войсковой капиталъ.

Съ началомъ войны все было брошено. Затѣмъ наступилъ періодъ освободительнаго движенія, которое однимъ изъ первыхъ лозунговъ выставило созданіе во всѣхъ безъ изъятія областяхъ и губерніяхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія на совершенно новыхъ началахъ. Это требованіе нашло себѣ мѣсто во всѣхъ партійныхъ программахъ и встрѣтило наиболѣе, пожалуй, сочувственный, сравнительно съ другими требованіями, откликъ въ правительственныхъ сферахъ. Вплоть до роспуска второй Думы казалось, что реформа мѣстнаго самоуправленія, съ распространеніемъ ея на всю Россію, есть только вопросъ времени, притомъ самаго краткаго. При условіяхъ такого рода, вопросъ о введеніи въ областяхъ казачьихъ войскъ учрежденій, не сегодня-завтра подлежащихъ коренной реорганизаціи, самъ собою пересталъ быть очереднымъ законодательнымъ вопросомъ. Теперь вопросъ снова возникъ. Своевременно ли? Своевременно ли писать и говорить о необходимости введенія земства на Дону?

Предсѣдатель Государственной Думы, Н. А. Хомяковъ, какъ со-

общалось въ бесѣдахъ съ нимъ газетныхъ корреспондентовъ, говорилъ въ сентябрѣ, что имѣетъ въ виду поставить реформу мѣстнаго самоуправленія на первую очередь занятій второй сессіи Государственной Думы. Но и тогда уже было извѣстно, во-первыхъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ взяло изъ Государственной Думы внесенный имъ проектъ реформы; во-вторыхъ, что то же министерство еще только опрашиваетъ земскія управы съ цѣлью полученія данныхъ, на основѣ которыхъ будетъ разрабатываться новый проектъ; въ-третьихъ, что парламентской фракціей октябристовъ самостоятельно изготовленъ лишь проектъ земскаго избирательнаго закона, т.-е. одна часть проекта реформы мѣстнаго самоуправленія. Слѣдовательно, было полное основаніе думать, что Н. А. Хомякову едва ли удастся осуществить его предположеніе о проведеніи реформы черезъ Думу не только въ первую очередь, но и вообще въ теченіе второй сессіи. Съ другой стороны, если принять во вниманіе партійный составъ членовъ Думы, политическое настроеніе, господствующее въ Государственномъ Совѣтѣ, и отношеніе къ объему и задачамъ мѣстной реформы, опредѣлившееся въ нынѣшнихъ земскихъ сферахъ, то придется признать, что реформа вовсе не будетъ далека отъ земскаго положенія 1890 г., какъ это думалось и предполагалось въ періоды первой и второй Думы. А потому даже возбужденіе вопроса о введеніи земства на Дону въ той постановкѣ, которая ему дана наказнымъ атаманомъ и главнымъ управленіемъ казачьихъ войскъ, отнюдь нельзя считать практически безцѣльнымъ и безполезнымъ.

Своевременно вызвать вниманіе къ вопросу о земствѣ въ казачьихъ областяхъ и въ принципіальномъ отношеніи. Нынѣ мы вступили въ ту полосу политическаго теченія, когда подвергаются самой рѣшительной переоцѣнкѣ сужденія и выводы, о которыхъ еще недавно никто не спорилъ. Кто возвышалъ голосъ два или полтора года назадъ за сохраненіе соединенія въ лицѣ земскихъ начальниковъ власти судебной съ административной? На полномъ отдѣленіи судебной власти былъ построенъ разсматривавшійся во второй Думѣ проектъ министра юстиціи о мѣстномъ судѣ. То же начало было категорически положено въ основу проекта министерства внутреннихъ дѣлъ о правительственныхъ коммиссарахъ. А теперь, въ настоящій моментъ, къ чему мы ближе: къ тому ли, что институтъ земскихъ начальниковъ будетъ упраздненъ, или къ тому, что онъ будетъ сохраненъ? Нынѣ уже раздаются голоса, что однѣ окраины не доросли до самоуправленія, что въ другихъ оно политически опасно, въ третьихъ — не нужно. Нынѣ есть полное основаніе ожидать, что вспомнится протестъ казаковъ Хоперскаго округа и что реакція торжествующе повторитъ: „казаки не хотятъ земскаго самоуправленія и не хотятъ

никакой другой власти, кромѣ правительственной". Эта нота уже явственно звучитъ въ словахъ начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, что военное министерство „намѣрено прибѣгнуть къ опросу населенія о желательности или нежелательности введенія земства".

Зачѣмъ, въ сущности, такой опросъ? Приведенная историческая справка совершенно ясно свидѣтельствуетъ, въ чемъ лежитъ причина неудовольствій казаковъ, которыя они заявляли тридцать лѣтъ тому назадъ. И она также ясно свидѣтельствуетъ, что̀ именно—технически немногое — должно сдѣлать, чтобы этихъ неудовольствій не было. Зачѣмъ производить опросъ, разъ законодательное разрѣшеніе вопроса будетъ принадлежать Государственной Думѣ, гдѣ казачество имѣетъ своихъ выборныхъ представителей? Всѣ три раза выборы въ Думу давали представителей отъ казаковъ самаго разнообразнаго образа мыслей, начиная отъ крайнихъ правыхъ и кончая крайними лѣвыми. Но различіе общихъ политическихъ убѣжденій не мѣшало казакамъ, ни въ первой Думѣ, ни во второй, ни въ третьей, соединяться въ особую казачью фракцію и съ полнымъ единодушіемъ высказываться по спеціальнымъ запросамъ и нуждамъ казачества. И среди казачьихъ представителей не было и нѣтъ разногласія о настоятельной необходимости органовъ самоуправленія, которыми уже давно настало время смѣнить существующіе архаическіе порядки по удовлетворенію мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Такъ какой же еще можетъ требоваться опросъ? Отвѣтъ есть, и отвѣтъ совершенно опредѣленный. Скажутъ: если такъ и если представители казаковъ въ Думѣ вѣрно выражали и выражаютъ воззрѣнія казачества на вопросъ о земствѣ, то предполагаемый опросъ и дастъ тотъ же самый отвѣтъ. Совершенно справедливо. Но черезъ сколько времени отвѣтъ получится? Сколько не мѣсяцевъ, а лѣтъ, уйдетъ на переписку по опредѣленію порядка производства опроса, на систематизацію отвѣтовъ и на канцелярскую ихъ обработку? Опытъ прошлаго, въ этомъ отношеніи, достаточно краснорѣчивъ.

Въ Донской области введеніе земства необходимо, какъ въ интересахъ казаковъ, такъ и въ интересахъ весьма значительнаго неказачьяго населенія, или, такъ называемыхъ, „иногородныхъ". По даннымъ къ 1 января 1902 г., въ области числилось 1.147.051 душа обоего пола войскового сословія и 1.539.645 душъ — невойскового. Нельзя забывать эту послѣднюю половину населенія, потребности которой вовсе не получаютъ удовлетворенія за счетъ суммъ войскового капитала. Нельзя забывать, что и потребности населенія, принадлежащаго къ войсковому сословію, удовлетворяются далеко не въ мѣрѣ необходимости.

Исторія вопроса уже намѣтила основную особенность „приспособленія“ общихъ началъ земскаго самоуправленія къ казачьему быту. Это именно: перенесеніе обязанности платежа земскаго поземельнаго сбора со станичниковъ на войсковой капиталъ, — если не полностью, то въ извѣстной, опредѣленной долѣ. Конечно, было бы нецѣлесообразно фиксировать платежъ за 7 милліоновъ десятинъ станичныхъ земель суммою въ 190.874 р., т.-е. менѣе трехъ копѣекъ съ десятины, какъ проектировалось въ 1885 году. При такомъ размѣрѣ принимаемаго на войсковой капиталъ обложенія, эта мѣра имѣла бы не реальный, а фиктивный характеръ. На данный предметъ слѣдовало бы перечислять по крайней мѣрѣ всю казенную субсидію въ капиталъ въ суммѣ 1.239.000 рублей. Другая особенность при безсословномъ земскомъ строѣ не имѣетъ значенія. Въ отношеніи же земскаго положенія 1890 г. она представляется существенно важной. Общія сословныя дѣленія — на дворянъ, купцовъ и т. п. — среди казаковъ покрываются идеей единаго казачества, противополагаемаго неказачьему населенію, опять-таки безъ различія сословій. На Дону есть мѣстное дворянство. Но это донское дворянство есть въ то же время и крестьянство, если прилагать къ казачеству общіе термины и проводить параллель между станичными обществами у казаковъ и крестьянскими обществами въ центральной Россіи. Дворянинъ, купецъ, почетный гражданинъ въ центральныхъ губерніяхъ не могутъ входить въ составъ крестьянскаго общества. А потому въ сословномъ смыслѣ крестьянскія общества, во-первыхъ, однородны, во-вторыхъ, обособленны. Въ составъ же станичнаго общества входятъ, участвуютъ на сходахъ съ правомъ голоса и имѣютъ пай въ станичномъ земельномъ надѣлѣ всѣ казаки станицы, т.-е., на ряду съ рядовыми казаками и урядниками, служащіе и неслужащіе генералы, офицеры и чиновники. У казаковъ есть свой группирующій населеніе признакъ: порядокъ отбыванія воинской повинности. Кто отбываетъ ее по спеціальнымъ казачьимъ правиламъ, тотъ — казакъ. А генералъ онъ или урядникъ, дворянинъ или не имѣющій иного, кромѣ казачьяго, званія, все это — на второмъ планѣ. Это своеобразіе казачьяго быта, само собою разумѣется, дѣлаетъ логически невозможнымъ примѣненіе къ Донской области выборнаго земскаго закона 1890 г., построеннаго на руководительствѣ дворянскимъ сословіемъ крестьянскаго. Но если задаваться немедленнымъ введеніемъ земства, то нѣтъ надобности и примѣнять этотъ законъ. На Дону по счастливой случайности сохранилось производство выборовъ по безсословному земскому положенію 1864 г. Тамъ есть земскіе гласные. Тамъ можно хоть завтра созвать соотвѣтствующія казачьему быту земскія собранія.

Злобствующей и торжествующей реакціи всего мало. Ей мало, что первые избранники народа сидѣли въ тюрьмѣ и выброшены за бортъ политической жизни страны. Ей мало того, что тѣ изъ нихъ, которые до избранія единственнымъ источникомъ существованія имѣли свой трудъ, лишены заработка и находятся въ крайней нуждѣ. Она простираетъ свою мстительность и на дѣтей членовъ первой Думы...

Въ засѣданіи послѣдняго александровскаго уѣзднаго земскаго собранія (Екатеринославской губ.) обсуждалось предложеніе о назначеніи стипендіи студенту кіевскаго политехникума, сыну члена первой Думы, П. И. Чижевскаго, въ теченіе долгаго времени занимавшаго должность секретаря александровской земской управы. Сынъ г. Чижевскаго, еще до избранія его отца депутатомъ, получалъ отъ земства стипендію. Но въ прошломъ году она была отнята, такъ какъ П. И. Чижевскій своей дѣятельностью въ Думѣ „обнаружилъ враждебное отношеніе къ земству“ (!). Въ нынѣшнемъ году собраніе снова отказало назначить стипендію. При этомъ, предсѣдатель управы, по словамъ „Южной Зари“, говорилъ: „Поощрять лицъ, подписавшихъ выборгское воззваніе, лицъ, которыя потрясли устои государства и желали остановить всю государственную жизнь,—такихъ лицъ намъ поощрять неудобно“...

Потѣхинъ, Алексѣй Антиповичъ, скончался въ С.-Петербургѣ 16-го октября, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, въ преклонномъ возрастѣ, на восьмидесятомъ году отъ рожденія (родился въ г. Кинешмѣ, Костромской губерніи, въ іюлѣ 1829 года), и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Окончивъ курсъ въ Демидовскомъ лицеѣ, въ Ярославлѣ, онъ не тотчасъ остановился окончательно на выборѣ поля для своей дѣятельности. Прослуживъ короткое время въ военной службѣ, въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ вскорѣ попалъ совершенно случайно въ этнографическую экспедицію, снаряженную въ 1856 году Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ для всесторонняго изслѣдованія Поволжья и его берегового населенія. Можно думать, что такое обстоятельное ознакомленіе съ народнымъ бытомъ повліяло на то направленіе, какимъ долгое время отличался онъ въ литературѣ, какъ „народникъ“, — въ началѣ съ сильною наклонностью къ славянофильству; дѣйствительно, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ А. А. Потѣхинъ отдался въ своихъ разсказахъ и повѣстяхъ всецѣло описанію наружнаго быта деревни, и помѣщалъ ихъ преимущественно въ Погодинскомъ „Москвитянинѣ“. Съ половины 70-хъ годовъ онъ перешелъ въ нашъ журналъ; хотя его повѣсти и разсказы имѣли по прежнему главнымъ предметомъ народный и провинціальный міръ, но уже съ болѣе реальною окраскою, безъ

прежняго преувеличеннаго и потому искусственнаго народничества, во вкусѣ славянофильства. Первая повѣсть А. А. Потѣхина въ нашемъ журналѣ появилась въ 1875 году—„Хай-дѣвка"; затѣмъ въ слѣдующемъ, 1876 году: „Хворая", повѣсть (февраль и мартъ) и „Около денегъ", романъ (окт., нояб. и дек.). Въ 1877 г., повѣсть „На міру" (апр. и май). Въ 1878 г., комедія „Выгодное предпріятіе" (янв.), и повѣсть „Молодые побѣги" (окт., нояб. и дек.), а послѣдняя ея часть—въ 1879 г. (мартъ, апр. и май). Въ 1880 г., „Деревенскіе міроѣды: I. Дѣдушка Николай Иванычъ, и II Старый Покровскій дьяконъ". Начиная съ этого года, какъ извѣстно, А. А. Потѣхинъ отдался весь русской сценѣ, успѣвъ уже составить себѣ къ тому времени извѣстность своими драматическими произведеніями и занявъ между нашими драматургами видное мѣсто. Долгое время и послѣ 80-хъ годовъ обращали на себя вниманіе особенно двѣ капитальныя его пьесы: „Мишура" и „Отрѣзанный ломоть", хотя имъ и не посчастливилось на сценѣ: и та, и другая, послѣ нѣсколькихъ представленій, были сняты по цензурнымъ соображеніямъ со сцены; а комедія „Вакантное мѣсто" и совсѣмъ не могла появиться на сценѣ, по условіямъ той же театральной цензуры. И въ своей драматургіи А. А. Потѣхинъ не забывалъ свой любимый предметъ—крестьянскій міръ, которому и были имъ посвящены нѣсколько драмъ: „Судъ людской не судъ Божій", „Чужое добро въ прокъ нейдетъ" и др. Успѣхи А. А., какъ драматурга, привели его къ тому, что еще въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ ему было поручено завѣдываніе репертуаромъ столичныхъ театровъ, и будетъ справедливо сказать, что имя А. А. Потѣхина сохранитъ по заслугамъ за собою надолго почетное мѣсто въ исторіи русской сцены, въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашими первоклассными драматургами.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Высочайше утвержденнаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года.

По мысли Императора Александра I-го воздвигнутъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя въ память двѣнадцатаго года, но до сего времени не осуществлена мысль и пожеланіе того же Императора воздвигнуть другой памятникъ, имѣющій вещественную связь съ событіями Отечественной войны.

Нынѣ съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія въ Москвѣ учрежденъ Комитетъ по устройству Музея 1812 года. Музей этотъ будетъ посвященъ памяти Отечественной войны. Все относящееся до участниковъ и свидѣтелей этой войны, все относящееся до пребыванія французской арміи и все связанное съ могучимъ подъемомъ народныхъ силъ въ эту знаменательную въ жизни Россіи годину, все это должно найти себѣ мѣсто въ Москвѣ, въ стѣнахъ новаго хранилища народной славы. Предки наши принесли въ 1812 году безпримѣрныя жертвы для блага и спасенія Родины. Наши жертвы должны явиться данью уваженія памяти ихъ великихъ дѣяній для увѣковѣченія славнѣйшихъ событій Русской Исторіи. Къ близящемуся столѣтію двѣнадцатаго года желательно видѣть Музей оконченнымъ, заполненнымъ и открытымъ.

Помощь нужна всяческая. Нужны и деньги прежде всего, дорога всякая копѣйка доброхотная, но и нужна помощь въ собираніи всякихъ вещей, книгъ, записокъ участниковъ войны, картинъ во всѣхъ ихъ видахъ и всего имѣвшаго касательство до Отечественной войны. Если у кого лично ничего не найдется, то онъ, можетъ быть, укажетъ Комитету, гдѣ у кого что̀ сохранилось.

Комитетъ покорнѣйше проситъ всѣ посылки и сообщенія направлять непосредственно по указанному ниже адресу; туда же проситъ онъ направлять и денежныя пожертвованія. Для удобства жертвователей деньги могутъ вноситься и во всѣ мѣстныя казначейства, отдѣленія Государственнаго банка и Государственныя сберегательныя кассы, на имя Комитета.

Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ будутъ публиковаться Комитетомъ ежемѣсячно.

Комитетъ помѣщается: Москва, Чернышевскій переулокъ, домъ Московскаго Генералъ-Губернатора.

Предсѣдатель Комитета: генералъ-отъ-инфантеріи Владиміръ Гавриловичъ Глазовъ.

Перечень предметовъ, особо желательныхъ для Музея 1812 года въ Москвѣ.

1) Портреты героевъ, военачальниковъ и дѣятелей 1812 года русскихъ и иностранныхъ.

2) Бюсты, статуи отдѣльныхъ лицъ, боевыя группы и другія скульптурныя произведенія.

3) Военныя карты и планы полей сраженія и похода.

4) Картины: масляныя, акварели, рисунки, эстампы, гравюры, литографіи сраженій и отдѣльныхъ эпизодовъ, а также виды мѣстности.

5) Манекены воиновъ двѣнадцатаго года русскихъ и иностранныхъ.

6) Боевое оружіе и снаряды.

7) Трофеи разнаго рода и модели памятниковъ.

8) Вещественные памятники: ордена, медали, мундиры, предметы снаряженія, деньги и другіе предметы.

9) Различныя воззванія, афиши и объявленія. Ассигнаціи Наполеона.

10) Рукописи, мемуары, письма, документы и записки, принадлежащіе участникамъ эпохи.

11) Книги, брошюры, газеты русскія и иностранныя, атласы и вообще печатныя изданія эпохи.

12) Каррикатуры, лубочныя изданія, игральныя карты, посуда, стекло, фарфоръ съ изображеніями лицъ 1812 года и прочіе предметы, не вошедшіе въ предшествующіе пункты, но имѣющіе отношеніе къ эпохѣ приснопамятнаго года.

Въ Музей также принимаются предметы, относящіеся къ годамъ 1811, 1813 и 1814 и имѣющіе непосредственную связь съ Отечественной войной 1812 года.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Томъ IV, выпускъ третій. Спб. 908.

Въ предшествующей книжкѣ журнала у насъ только-что было объявлено о выходѣ второго выпуска „Русскихъ портретовъ", какъ уже появился и предпослѣдній выпускъ четвертаго тома, которымъ заканчивается это интересное во многихъ отношеніяхъ и вмѣстѣ роскошное изданіе, которымъ не разъ воспользуются біографы многихъ русскихъ дѣятелей двухъ послѣднихъ столѣтій, и которое вмѣстѣ служитъ собраніемъ лучшихъ образцовъ портретной живописи за то же время. Настоящій выпускъ посвященъ преимущественно портретамъ высшей аристократіи конца XVIII и начала XIX вѣка, и между прочими тамъ можно встрѣтить портреты графовъ Хрептовича, Рибопьера, Камкрина, Віельгорскаго, Дибича-Забалканскаго, Бирона, барона Николая и мн. др.

— Князь Серебряный.—Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. А. К. Толстого. Спб. 1909. Цѣна, въ роскошномъ переплетѣ, съ серебрянымъ обрѣзомъ и съ приложеніемъ портрета автора и иллюстрацій—5 рублей.

Наконецъ, классическое произведеніе гр. А. К. Толстого получило вполнѣ достойное этого произведенія роскошное изданіе. Впервые оно вышло въ свѣтъ въ 1863 году, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, но его первенствующее мѣсто въ нашей исторической литературѣ остается за нимъ и до сихъ поръ; не даромъ, какъ говоритъ самъ авторъ въ своемъ предисловіи къ нему, онъ началъ свой трудъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Помимо личнаго таланта автора, причина такой—если можно такъ выразиться—живучести этой повѣсти временъ Іоанна Грознаго и ея свѣжести заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что авторъ задался цѣлью имѣть въ виду—„не столько описаніе какихъ-либо событій, сколько изображеніе общаго характера цѣлой эпохи и воспроизведеніе (прибавимъ: вѣрное) понятій, вѣрованій, нравовъ и степени образованности русскаго общества во вторую половину XVI-го столѣтія". Благодаря этому, читатель, вмѣстѣ съ авторомъ, переживаетъ описываемую эпоху, какъ будто все это совершалось на его глазахъ. Приложенный портретъ гр. Алексѣя Константиновича изображаетъ его еще молодымъ человѣкомъ.

Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева. Т. I. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб. 908.

Нельзя не одобрить вполнѣ того, что почтенный издатель писемъ Влад. С. Соловьева не остановился предъ высказаннымъ ему, съ нѣкоторыхъ сторонъ, сомнѣніемъ относительно „своевременности такого изданія, такъ какъ эти письма способны только увеличить ту симпатію къ ихъ автору, какою онъ пользовался при жизни, да иначе это и не могло бы быть, въ виду того, какъ охарактеризовалъ покойнаго хорошо знавшій его знаменитый епископъ Штроссмайеръ: „Соловьевъ — это чистая, благочестивая и, по истинѣ, святая душа", — а потому и въ письменной бесѣдѣ съ своими друзьями и пріятелями онъ оставался тѣмъ же, какимъ являлся въ обществѣ и въ печати. Во всякомъ случаѣ, эти письма могутъ дать богатый матеріалъ для біографіи ихъ автора,—и этого одного достаточно, чтобы выразить признательность тому, кто взялъ на себя трудъ собиранія писемъ и редакціи ихъ изданія; прошло бы еще нѣсколько лѣтъ, и эти письма могли бы безвозвратно погибнуть. Въ вышедшемъ первомъ томѣ помѣщены письма: Н. Н. Страхову, особенно многочисленныя, Н. Я. Гроту, М. М. Стасюлевичу, А. Н. Пыпину, епископу Штроссмайеру, С. М. Лукьянову, Э. Л. Раллову и др. Чистый доходъ отъ изданія предназначается на стипендію имени Вл. С. Соловьева тому, кто будетъ, по окончаніи имъ университетскаго курса, оставленъ при университетѣ, съ цѣлью приготовленія его на каѳедру философіи.

М. Драгомировъ. Одиннадцать лѣтъ; 1895—1905 г.г. Книга I и II. Спб. 1909. Ц. 3 руб. за обѣ тома.

Это собственно весьма обширный сборникъ статей, оригинальныхъ и переводныхъ, за послѣднія одиннадцать лѣтъ жизни (род. въ 1830 г.; скончал. въ 1905 г.) нашего весьма извѣстнаго военнаго писателя, бывшаго одно время профессоромъ въ военной академіи. При своей жизни М. Драгомировъ издалъ такихъ три сборника (начиная отъ 1858 по 1894 г.). Сверхъ того, онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько отдѣльныхъ трудовъ по военному дѣлу, изъ которыхъ одно обратило на себя вниманіе спеціалистовъ, а именно „Учебникъ тактики", въ двухъ томахъ. Настоящій посмертный сборникъ снабженъ превосходно выполненнымъ портретомъ М. Драгомирова и разнообразными рисунками.

Гюйо, М.—Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе. Съ біографической замѣткой о Гюйо Ал. Фуллье и съ предисловіемъ Д. Овсянико-Куликовскаго. Перев. съ франц. (11-ое изданіе) п. р. Я. Сахера. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Въ самомъ заглавіи книги читатель предупреждается, что предъ нимъ не богословскій трактатъ, а „соціологическое изслѣдованіе", входящее въ область философіи религіи, какъ на то указываетъ и авторъ предисловія къ русскому переводу книги, говоря, что результатомъ этого изслѣдованія не можетъ быть созданіе какой-нибудь новой секты, которая, по справедливому замѣчанію предисловія, какъ и всякое сектантство, съуживаетъ религіозную мысль, создаетъ обязательную догму, вѣроученіе, кодексъ, и такимъ образомъ связываетъ совѣсть и парализуетъ свободу религіознаго творчества". Самая книга Гюйо состоитъ изъ трехъ частей: 1) Происхожденіе религій въ первобытныхъ обществахъ; 2) Разложеніе и упадокъ религій въ современномъ обществѣ; и 3) Безвѣріе будущаго, гдѣ разсматривается подробно религіозный индивидуализмъ и рѣшаются два вопроса: а) что въ соціальной жизни останется отъ религій, и б) каковы тѣ главныя метафизическія гипотезы, которыми замѣнятся догматы?

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1909 г.

(Сорокъ-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ, ОТЪ 27 ДО 28 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННАГО ЖУРНАЛЬНАГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	6 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 80 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписки на полугодіями: на январь и на іюль, и по четвертямъ года: на январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Циммерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. Н. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Л. Осколкина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ П. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ выраженіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, *гдѣ* (NB) *допускается* выдача журнала, если объ этомъ учрежденіи въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неаккуратность доставки посылаются исключительно въ Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ до полученія слѣдующей книги журнала. — 4) *Подписныя квитанціи* высылаются исключительно тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовыя марками.

Издатель: В. И. Коналевскій. Редакторъ: К. К. Арсеньевъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Знаменская, 34.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Пас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 12.

ДЕКАБРЬ, 1908.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Пас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1908.

стр.

I.—ИВ. АЛ. ГОНЧАРОВЪ И НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ.—II—IV.—Окончаніе.—**М. Суперанскаго** 417

II.—КАПЛЯ ВЪ МОРѢ.—Очерки изъ недавняго прошлаго.—Окончаніе.—**Л. Авиловой** 461

III.—ПЕРЕСЕЛЕНЕЦЪ БѢЛОКРОВНОВЪ.—Очеркъ съ натуры.—**С. Васюкова** . 582

IV.—НА ЛИНІИ.—Разсказъ.—I-X.—**Н. Зорочъ** 556

V.—„СЛѢПЫЕ ВОЖДИ"...—Очеркъ.—I-V.—**Л. Снегирева** 607

VI.—ОРЕОЛЪ.—Эскизъ по роману баронессы ф. Гуттенъ.—„The halo", by Baroness v. Hutten.—I-XII.—**О. Ч.** 619

VII.—ПРИГОВОРЪ ПРИВЕДЕНЪ ВЪ ИСПОЛНЕНІЕ.—Сцена изъ разсказа Кюэсти Вилькуна.—Съ финск. **Вяч. Б.** 653

VIII.—ТОРЕАДОРЪ.—Повѣсть.—Vincente B. Ibanez. Sangre y Arena.—Окончаніе.—II-IX.—Съ испанск. **З. В.** 659

IX.—СОВРЕМЕННОМУ ГРАЖДАНИНУ.—Изъ посмертнаго стихотворенія.—**А. М. Жемчужникова** 716

X.—ХРОНИКА.—„Фабрика" дипломовъ.—По поводу нашего школьнаго вопроса.—**Ег. Швахгеймъ** 718

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Характерные эпизоды засѣданій Государственной Думы.—Дворянство въ рѣчахъ П. Н. Милюкова и князя Голицына.—Временное устраненіе члена Госуд. Совѣта Марина и вопросъ объ исключеніи А. М. Колюбакина изъ числа членовъ Государственной Думы.—Московская рѣчь А. И. Гучкова.—„Административные преступники".—Возбужденіе преслѣдованія противъ бывшаго московскаго градоначальника 735

XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Письма Влад. Серг. Соловьева. Т. I. Подъ редакціей Э. Л. Радлова.—II. Рене Вормсъ, Мораль Спинозы. Съ франц. Л. Л. Богушевскій.—III. О. Пфлейдереръ, Подготовка христіанства въ греческой философіи. Перев. И. Наумова, п. р. Н. Никольскаго.—IV. Записки С. А. Тучкова: 1766—1808 гг. П. р. Военскаго.—V. Яльмаръ Бергстремъ, Голосъ жизни, пьеса въ 4-хъ д. Съ датскаго А. и П. Ганзенъ, съ вступленіемъ проф. Геффдинга.—VI. Ал. Лель, Записки студента 1900—1903 г.г.—**М. Гершензона**.—VII. Ушинскій, Матеріалы для педагогической антропологіи.—VIII. Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси, сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій, изд. Имп. Ак. Н.—**И. Ж.** IX. Викторъ Черновъ, Соціалистическіе этюды.—X. Поль Дюбуа, Пропорціональное представительство въ опытѣ Бельгіи. Перев. Ив. Блинова и З. Дзичканецъ.—XI. А. Ярошевичъ, Очерки экономической жизни юго-западнаго края. Вып. 1.—XII. Статистическій Ежегодникъ. Годъ второй.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры 753

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Императорскій кризисъ въ Германіи.—Парламентскія пренія о личномъ режимѣ.—Князь Бюловъ и Вильгельмъ II.—Политика и національные споры въ Австро-Венгріи.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ штатахъ.—Перемѣны въ Китаѣ 791

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. A. Sakheim. T. A. Hoffmann. Studien seiner Persönlichkeit u. Werke.—II. F. T. Marinetti. Les Dieux s'en vont, d'Annunzio reste.—**З. В.** 805

XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Великій Князь Алексѣй Александровичъ †.—Тяжелѣе или легче стало жить въ конституціонной Россіи?—Положеніе, создавшееся для православнаго духовенства.—Добровольческій пискъ: дѣло Бродскихъ, запрещеніе „Саломеи" и лишеніе ученой степени г. Коновалова.—Убійство городовымъ двухъ офицеровъ.—Еще по поводу дѣла братьевъ Коваленскихъ.—Педагоги пажескаго корпуса.—Изъ практики „успокоенія".—Десятилѣтіе газеты „Право".—Юридическій вопросъ.—Письмо гр. Л. Н. Толстого въ столичныя и провинціальныя газеты . . . 814

XVI.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", въ 1908 г. 881

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Въ приложеніи: 1) Каталогъ книгоиздательства А. Ф. Девріенъ — „Книги-подарки", 1908—1909 гг.—2) Объявленіе о подпискѣ на „Низу" 1909 г. и „Иллюстрированную библіотеку Низы" 1909 г., „Большой Всемірный Настольный Атласъ Маркса" и о др. изданіяхъ Т-ва А. Ф. Марксъ въ Спб.—3) Объявленіе о подпискѣ на газеты, журналы и паи товарищества „Наша Жизнь" (проф. Л. В. Ходскаго).—4) Переводный бланкъ.

Объ условіяхъ подписки на журналъ въ 1909-мъ году см. на послѣдней страницѣ обертки.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

I. — Начиная съ 1-го декабря сего 1908 года, помѣщеніе Редакціи журнала переводится изъ прежняго — Галерная, 20, на *Знаменскую улицу, 34*, куда и слѣдуетъ обращаться письменно.

II. — Для личныхъ объясненій по дѣламъ журнала съ его редакторомъ (Знаменская улица, 34), время пріема назначено: *по средамъ, отъ 11 часовъ до 1 ч. дня.*

III. — Условія подписки въ Главной Конторѣ журнала (Вас. Остр., 5 лин., 28) и въ ея отдѣленіяхъ, какъ въ городѣ, такъ и въ губерніяхъ, а равно другія необходимыя свѣдѣнія помѣщаются на послѣдней страницѣ обертки каждой книжки журнала.

Издатель М. М. **Ковалевскій**. — Редакторъ К. К. **Арсеньевъ**.
Моховая, 32. Знаменская, 34.

ИВ. АЛ. ГОНЧАРОВЪ

И

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ

I. Воспоминанія А. Н. Гончарова и Е. А. Гончаровой.—II. Письма И. А. Гончарова къ Кирмаловымъ и Музалевской.—III. Письма его къ А. Г. Тройницкому.—IV. Письмо И. С. Тургенева къ И. А. Гончарову.

Окончаніе.

II *).

Вдова Александра Николаевича, Елизавета Александровна Гончарова, дополнила воспоминанія своего мужа объ Иванѣ Александровичѣ собственными, которыя мы считаемъ весьма цѣнными, какъ выраженіе непосредственнаго впечатлѣнія, какое производилъ онъ на людей, не близко его знавшихъ.

„Первое мое знакомство съ И. А. Гончаровымъ — говоритъ она — было въ 1874 году, когда я сдѣлалась невѣстою его племянника, и когда онъ, изъ родственныхъ чувствъ, счелъ своимъ долгомъ сдѣлать визитъ нашему семейству. Я была смущена, когда пришелъ этотъ знаменитый писатель; интересно было видѣть его такъ близко, не оффиціально,—говорить съ нимъ и знать, что онъ пришелъ посмотрѣть именно тебя. Онъ былъ любезенъ, очень разговорчивъ; онъ желалъ убѣдиться собственными глазами, что̀ за семья роднится съ нимъ, каковы достоинства дѣвушки, которая будетъ носить его фамилію.

„Очевидно, наша семья произвела на него благопріятное впе-

*) См. выше: ноябрь, 5.

чатлѣніе. Выраженіе его лица изъ строгаго сдѣлалось мягкимъ, онъ улыбался и старался обворожить насъ своимъ обхожденіемъ, мѣткими словами. На другой день онъ прислалъ, по моей просьбѣ, свой портретъ съ надписью: „Елизаветѣ Александровнѣ Уманецъ отъ стараго Гончарова усердное приношеніе".

„Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я была уже женою его племянника, мы были у него съ мужемъ, на Моховой, съ визитомъ (1883 г.). За это время онъ сильно подался, постарѣлъ, плохо видѣлъ на правый глазъ и потому сидѣлъ спиной къ свѣту, въ кабинетѣ, около своего письменнаго стола, на которомъ красовалась большая роскошная серебряная, вызолоченная чернильница, съ эмалью и инкрустаціями, весь письменный приборъ къ ней и подсвѣчники — подарокъ императора Александра III. Кажется, ему очень льстило вниманіе государя, и онъ охотно разсказывалъ подробности самаго торжества этого подношенія. Онъ былъ въ ударѣ и говорилъ много интереснаго о своихъ знакомствахъ и объ отношеніяхъ къ Толстому и Тургеневу, между которыми онъ проводилъ параллель, ставя Толстого неизмѣримо выше Тургенева, по философскимъ идеямъ и по его вліянію во всемъ мірѣ. Онъ особенно подчеркивалъ именно всемірное значеніе Толстого; о Тургеневѣ же онъ говорилъ, какъ о близкомъ родномъ, хорошемъ знакомомъ [1]).

„Снова мы посѣтили его черезъ два года. Тогда онъ началъ терять зрѣніе: несмотря на операцію, глазъ отказывался ему служить, и онъ находился подъ гнетущимъ, тяжелымъ чувствомъ утраты зрѣнія. Ему было не по себѣ. Хотя онъ угостилъ насъ чаемъ съ какими-то сухарями, но это дѣлалось какъ будто à contre coeur, по провинціальной привычкѣ угощать пріѣзжихъ родственниковъ. Мужъ уѣхалъ отъ него раньше, я же осталась посидѣть и услышала безконечную, старческую жалобу на потерю зрѣнія. Онъ говорилъ, что къ нему очень любезна императорская фамилія, что его приглашаютъ ко двору, „все-таки не забываютъ", ему кланяются, съ нимъ говорятъ, а онъ не видитъ, не замѣчаетъ никого. Незадолго предъ тѣмъ онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ принцу Лейхтенбергскому; противъ него сидѣла принцесса Ольденбургская, которая обратилась къ нему съ словами: — „Иванъ Александровичъ, вы не хотите узнать меня, почему такая немилость?" — Онъ извинился: — „Слѣпну, ничего не вижу", — сказалъ онъ. Рядомъ сидитъ князь Х., заговаривалъ съ нимъ, но онъ его не узналъ. Въ этомъ родѣ

[1]) Ср. отзывъ о Тургеневѣ въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда" (I, 84).

тянулся длинный рядъ сѣтованій о томъ, что ему трудно бывать въ обществѣ, гдѣ раньше онъ былъ желаннымъ гостемъ; приходится отказаться отъ посѣщенія двора и большого свѣта, къ которому онъ такъ привыкъ. Обидно было за него, слушая эти старческія жалобы изъ устъ крупнаго писателя; чуялось разложеніе великой мысли. Его рѣчь оставила во мнѣ тяжелое впечатлѣніе осиротѣлости, одиночества среди массы поклонниковъ.

„Черезъ мѣсяцъ я опять зашла къ нему. Онъ встрѣтилъ меня совсѣмъ оффиціально, холодно. Когда я сѣла въ его кабинетѣ, онъ, стоя, облокотившись на столъ, нагнулся ко мнѣ, строго смотря изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей. „Чаю, можетъ быть, желаете?“—спросилъ онъ. Я отказалась, чувствуя что-то враждебное ко мнѣ въ этомъ вопросѣ. Онъ какъ бы съ облегченіемъ вздохнулъ — отъ того ли, что я не засижусь, или отъ чего другого, и точно успокоенный сѣлъ въ свое кресло. На этотъ разъ рѣчь его была безъ жалобъ, спокойная, даже сердечная. Онъ заинтересовался служебнымъ положеніемъ моего мужа, входилъ въ наши дѣла и вдругъ, какъ бы руководясь минутнымъ влеченіемъ, сказалъ:—„Я бы, можетъ быть, могъ вамъ помочь: меня все-таки знаютъ, иногда слушаютъ. Я знаю многихъ, могу сказать кому слѣдуетъ, располагайте мною“... Прощаясь, онъ еще разъ напомнилъ мнѣ, чтобы я написала ему, въ случаѣ надобности, что онъ охотно поможетъ мужу въ его служебныхъ дѣлахъ, и подарилъ мнѣ свой послѣдній портретъ“.

Отсюда видно,—замѣтимъ мы,—что А. Н. Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ слишкомъ сгущаетъ краски, говоря объ индифферентномъ и даже злобномъ отношеніи своего дяди къ родственникамъ. Въ частности, въ отношеніи къ его женитьбѣ Иванъ Александровичъ проявилъ трогательное вниманіе, хотя племянникъ даже не увѣдомилъ его объ этомъ. Е. А. Гончаровою намъ доставлены четыре письма Ивана Александровича къ ней. Въ первомъ изъ нихъ—17 февраля 1883 года—онъ пишетъ:—„Я узналъ отъ одной своей знакомой... о вашемъ бракосочетаніи съ Александромъ Николаевичемъ и былъ очень радъ, что это дѣло, наконецъ, устроилось... Теперь, по полученіи вашего любезнаго письма, за которое вамъ очень благодаренъ, я считаю пріятнымъ долгомъ поздравить васъ и пожелать вамъ прочнаго счастія въ этомъ союзѣ. Къ сожалѣнію, я теперь страдаю сильной болѣзнью глаза и не могу, какъ бы хотѣлось, собственноручно прибавить къ этому письму, которое долженъ диктовать, болѣе живыя выраженія моихъ добрыхъ пожеланій вамъ обоимъ съ мужемъ. Благодарю васъ за присылку превос-

ходно сдѣланныхъ и схожихъ фотографическихъ портретовъ". Во второмъ, уже собственноручномъ, письмѣ, отъ 3-го января 1884 г., читаемъ:—„Я очень радъ, что могъ сдѣлать вамъ нѣкоторое удовольствіе присылкою моихъ книгъ. Не знаю, будете ли вы ихъ читать, онѣ очень устарѣли, но во всякомъ случаѣ, надѣюсь, онѣ найдутъ скромный уголокъ въ вашей библіотекѣ". Въ двухъ послѣднихъ письмахъ—отъ 27 февраля и 22 іюля 1886 года—рѣчь идетъ о переводѣ Александра Николаевича въ Калугу. Иванъ Александровичъ выразилъ полную готовность оказать племяннику посильную помощь въ этомъ дѣлѣ; но не могъ ничего сдѣлать частію „по своему нездоровью, а еще болѣе потому, что тѣ лица, которыя могли оказать содѣйствіе, (были) тоже больны": одинъ лежалъ въ тифѣ и никого не принималъ, а другой, хотя и поправлялся, но „не выѣзжалъ" — О себѣ онъ писалъ:—„А я всю зиму хвораю бронхитомъ—и въ настоящее время принимаю пилюли. Морозы мнѣ не по лѣтамъ переносить, а зима, какъ на грѣхъ, стоитъ постоянно морозная. Между тѣмъ, необходимо выходить на воздухъ—и безпрестанно простуживаться" (27 февраля). Въ письмѣ, отъ 22 іюля, изъ Дуббельна (близъ Риги), читаемъ:—„Живу по-стариковски, но не жалуюсь: многіе моложе меня и дряхлѣе, а я еще кое-какъ держусь на ногахъ; скучаю только, что, по слабости зрѣнія, веду праздную жизнь. Уже осьмой годъ я ѣзжу на здѣшнее взморье запастись въ здѣшнемъ воздухѣ и морскихъ купаньяхъ силами, чтобы переносить петербургскія осень и зиму".

Со словъ симбирскихъ родныхъ своего мужа, Е. А. Гончарова передаетъ, что, будучи въ Симбирскѣ, Иванъ Александровичъ часто бывалъ въ семействѣ Рудольфъ, гдѣ были двѣ сестры жены его брата—дѣвицы. Старшая изъ нихъ, Аделаида Карловна (вышедшая потомъ замужъ за Дмитріева, брата поэта), очень ему нравилась своей серьезностью, начитанностью и свѣтлымъ и правдивымъ умомъ. Онъ одно время увлекался ею и проводилъ цѣлые часы въ разговорахъ съ ней. Она поразила его своею силой воли и характера, и ея черты находили впослѣдствіи въ его „Вѣрѣ", героинѣ „Обрыва". Другая, младшая сестра, Эмилія Карловна, была беззаботное, веселое существо, любила заниматься хозяйствомъ, кормить куръ и коровъ. У нея до сихъ поръ хранится какой-то старый календарь, на которомъ сдѣлана Иваномъ Александровичемъ надпись: — „Кузинѣ миленькой, — Кузинѣ маленькой, — Кузинѣ пьющей молоко!" — Вмѣстѣ съ ними онъ совершалъ большія прогулки и проводилъ въ ихъ домѣ цѣлые вечера. Когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ,

между нимъ и Аделаидой Карловной завязалась дѣятельная переписка. Но когда онѣ посѣтили его въ столицѣ, то онъ принялъ ихъ сухо и далъ понять, что въ глухой провинціи одни отношенія, а въ Петербургѣ — другія, что „никогда ничто не повторяется".

Мы уже имѣли случай познакомиться съ письмами Ив. А. Гончарова, принадлежащими: 1) женѣ его племянника, Дарьѣ Леонтьевнѣ *Кирмаловой*, и 2) пріемной дочери А. А. Музалевской, Евдокіи Петровнѣ *Левенштейнъ*.

У Д. Л. Кирмаловой хранятся двадцать писемъ къ Кирмаловымъ, въ с. Хухорево, Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи, и одно письмо къ Музалевской, въ Симбирскъ. Они относятся къ разнымъ періодамъ его жизни, а именно къ 1861, 1862, 1863, 1865 и 1888 годамъ и представляютъ собою нѣсколько интересныхъ страницъ изъ семейной хроники Гончаровыхъ-Кирмаловыхъ. Изъ нихъ, — какъ и изъ писемъ, отрывки изъ которыхъ были напечатаны нами ранѣе, — видно, что Иванъ Александровичъ былъ связанъ крѣпкими нитями съ своей родной семьей, съ своими сестрами, племянниками и племянницами. И связь эта сохранилась до конца жизни. Цѣлые десятки компатно исписанныхъ его мелкимъ почеркомъ страницъ заняты сообщеніями его сестрѣ, Александрѣ Александровнѣ, о ея старшемъ сынѣ, о его служебномъ и матеріальномъ положеніи, его настроеніяхъ и время препровожденіи, о его женитьбѣ, и совѣтами, какъ ей поступить въ томъ или другомъ затруднительномъ случаѣ, какъ вывести въ люди дѣтей. Сколько самой нѣжной заботливости о сестрѣ, о ея сыновьяхъ, о молодой женѣ одного изъ нихъ! Эти письма краснорѣчиво говорятъ о рѣдкихъ родственныхъ привязанностяхъ Гончарова, обязательно отвѣчавшаго *на каждое* письмо родныхъ, безпокоившагося вслѣдствіе продолжительнаго ихъ молчанія и аккуратно поздравлявшаго ихъ съ Новымъ Годомъ, съ праздниками, днемъ ангела и т. п. Онъ высылаетъ въ Хухорево свои новыя произведенія и при этомъ объясняетъ, какъ они писаны, какъ приняты читателями. И не только родныхъ помнитъ онъ, но и свою старую няню, которой шлетъ поклоны и которую желаетъ видѣть, пріѣхавъ въ Симбирскъ. Автобіографическое значеніе этихъ писемъ усиливается сообщеніями его о состояніи своего здоровья, поѣздкахъ за-границу, о своихъ намѣреніяхъ и планахъ въ отношеніи службы и литературы, а также и о своихъ матеріальныхъ средствахъ. Изъ нихъ видно также, что Гончаровъ не былъ озлоб-

леннымъ человѣкомъ и до глубокой старости (послѣднее изъ этихъ писемъ относится къ марту 1888 г.) сохранилъ свойственный ему добродушный юморъ.

Далѣе, мы заимствуемъ изъ нихъ „извлеченія и выписки", какія онъ самъ считалъ возможными публиковать по смерти писателя, руководствуясь тѣми же началами, какъ и при печатаніи выдержекъ изъ его писемъ въ первой нашей статьѣ, *не нарушая* существа его *воли* [1]), расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1) 7 января 1861 года—къ А. А. Кирмаловой, обширное письмо, посвященное обсужденію положенія служившаго въ то время въ сенатѣ ея сына, Виктора Михайловича. Въ началѣ его читаемъ:—„Я получилъ вчера твое письмо, милый другъ Александра Александровна, и благодарю тебя за поздравленіе. Поздравляю опять тебя съ Новымъ Годомъ: дай Богъ, чтобъ онъ принесъ больше счастья, нежели прошлый, который для всѣхъ, отъ кого ни послышишь, былъ неудаченъ, а еще высокосный! Я бросилъ службу, потомъ не совсѣмъ удачно съѣздилъ за-границу, пилъ воды, купался въ морѣ, а осенью опять возобновились припадки печени, желчь, и полнокровіе не даетъ покоя" [1]).

2) 26 февраля 1861 г.—къ ней же; это письмо также наполнено разсужденіями о племянникѣ, который задумалъ въ то время жениться, но къ этому встрѣтились препятствія. Въ концѣ письма Гончаровъ говоритъ о своемъ намѣреніи побывать на родинѣ и о своей неудовлетворенности жизнью:—„Можетъ быть, не пріѣду ли я на лѣто въ Симбирскъ по Волгѣ: тогда, Богъ дастъ, увидимся. Виктору такъ нравится лѣтомъ здѣсь, что онъ не хочетъ со мной. Впрочемъ, я не навѣрное пріѣду. *Мнѣ вездѣ все скучно и я не знаю, что съ собой дѣлать.* — Здорова ли старая нянька Анна? Кланяйся ей".

3) 7 мая 1861 года. Гончаровъ пишетъ сестрѣ о томъ же намѣреніи ея сына жениться, чему препятствовало отсутствіе у него средствъ. О себѣ же сообщаетъ:—„Я, кажется, уѣду за-

[1]) См. первую нашу статью, стр. 584—585.

[1]) *Е. Соловьевъ* (op. cit., стр. 78) замѣчаетъ, что нездоровье „начало безпокоить его съ семидесятыхъ годовъ"... Изъ этого же письма видно, что уже въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ Гончарова одолѣвали различные недуги. Не излишне сопоставить здѣсь его слова изъ письма къ Писемскому по поводу его „полнокровія": никто не можетъ опредѣлить причины болѣзни. Одна знаменитость утверждаетъ, что приливы крови къ головѣ происходятъ отъ малокровія, другая — что отъ полнокровія. Первая знаменитость совѣтуетъ ѣхать за-границу на воды, гдѣ крови прибавляется, другая—въ такой курортъ, гдѣ крови убываетъ. „Чортъ ихъ знаетъ, а только скучно это, да и вообще все, вмѣстѣ съ погодой—отвратительно".

границу недѣли черезъ двѣ — *конечно, уже въ послѣдній разъ*, полѣчиться и поработать".

4) Предстоявшая женитьба племянника сильно озабочивала Ивана Александровича. Это видно изъ письма его къ другой сестрѣ, Музалевской, отъ 20 сентября 1861 года (который не обозначенъ). Серьезность его содержанія смягчается юмористической формой. — „Получила ли ты два или три письма отъ меня изъ-за-границы, милый другъ Анна Александровна? Одно, кажется, изъ Швейцаріи, другое—изъ Парижа, а если не изъ Парижа, то изъ Булони? Вотъ тебѣ извѣщеніе о моемъ возвращеніи въ предѣлы отечества. Зачѣмъ я ѣздилъ и зачѣмъ возвратился? — Спрашиваю себя и не знаю, что отвѣчать на это. „Поѣхалъ нѣ-по-что, не привезъ ничего",—говорила, бывало, маменька, не помню, по какому случаю. То же могу сказать и о себѣ. *Дѣла у меня теперь ни литературнаго, ни служебнаго нѣтъ*, и я только даромъ небо копчу. О чемъ вамъ и доношу, государыня-сестрица.—Я полагаю, что вслѣдъ за симъ письмомъ, или недѣлю-другую спустя, вылѣзетъ на симбирской пристани съ парохода, или же прибудетъ другимъ какимъ путемъ туда племянникъ нашъ Викторъ Михайловичъ, для дальнѣйшаго слѣдованія въ свои маетности. О немъ-то хочу перемолвить слова два, государыня моя.—По возвращеніи моемъ сюда, засталъ я его блѣдна, изнуренна, крайне лохмата, мѣстами, подъ мышцами болѣе, въ издранномъ одѣяніи и при томъ безъ калошъ по грязи ходяща, такъ что еслибъ онъ выучился мѣрно произносить: *би, би, би, бо, бо, бо* — такъ могъ бы съ большимъ успѣхомъ поступить въ должность симбирскаго Андреюшки, которую тотъ съ такимъ успѣхомъ исправлялъ въ теченіе 30 или 40 лѣтъ [1]). По тщательнымъ справкамъ оказывается, что онъ любитъ и любимъ нѣжно, страстно и возвышенно—все болѣе и болѣе. *Онъ, она, они, онъ* [2])—вотъ все его блаженство. Онъ уже и женихъ, отецъ согласенъ, дочь согласна, и мать—тоже... А у жениха то шинель пришла въ ветхость, то панталоны или сапоги — въ скорбномъ видѣ... Но Викторъ Михайловичъ, убѣжденный, что если не теперь, то современемъ у него будетъ кусокъ хлѣба, частію отъ имѣнія, частію отъ службы, и при томъ сладостно любя Дашеньку [3]), которой, по словамъ его, нѣтъ равной и не было въ мірѣ, хочетъ взять ее... Для сего онъ ѣдетъ къ своей

---

[1]) Вышеупомянутый юродивый Андрей Ильичъ.

[2]) Слова эти подчеркнуты Гончаровымъ.

[3]) Впослѣдствіи жена его—Дарья Леонтьевна Кирмалова.

родительницѣ, чтобы все это ей объяснить потомъ чтобы узнать, на какіе домашнія средства можетъ онъ разсчитывать и когда, а также чтобъ попросить ее снабдить его необходимыми деньжонками, а потомъ, возвратясь, жениться.—Можете вы, государыня моя, себѣ представить, какіе громы, въ теченіе двухъ лѣтъ, бросалъ я на безумную главу его, какой молніей опыта, краснорѣчія опоясывалъ его, какую картину жалкой бѣдности... изображалъ передъ нимъ — но онъ сначала таилъ, молчалъ, потомъ отвѣчалъ рѣшительно, чтобы я не трудился тратить силъ, что это его судьба, больше, чѣмъ судьба, что онъ, она и даже я, всѣ умремъ, если дѣло не состоится, что онъ чувствуетъ, что здоровье его гаснетъ и проч., и проч., что онъ будетъ работать, будетъ жить въ крайней скудости, а все-таки женится. Я махнулъ рукой и объявилъ, наконецъ, что пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ... У меня, правда, сапоги крѣпки (и то не всегда) и квартира прилична, но если кто-нибудь захотѣлъ бы пріютиться ко мнѣ, то уже у обоихъ были бы худые сапоги, и пришлось бы носить одну шинель двоимъ. *А квартиру я скоро сдамъ и найму себѣ щель, въ какой жилъ прежде: однимъ словомъ, года два-три протянусь на тѣ деньжонки, которыя достались отъ Обломова, а потомъ самъ поступлю въ разрядъ нищихъ...* Мнѣ *жаль его:* онъ терпитъ молча, въ самомъ дѣлѣ измѣнился ужасно, сталъ блѣденъ, молчаливъ, пожалуй, заболѣетъ серьезно. Желалъ бы помочь ему, но все, что могу—это вырѣзать кусокъ мяса и дать ему какихъ-нибудь рублей сто... Я не знаю, какъ онъ начнетъ жить на другой же день съ женой. Я, говоритъ, уѣду въ деревню, жена у меня... неприхотлива, любитъ меня, она все снесетъ, а тамъ, говоритъ, вступлю въ дворянскую службу, въ посредники, что-ли—ужъ право не знаю. Можетъ быть, дадутъ ему мѣсто секретаря; но вѣдь и это 750 рублей жалованья и больше ничего, а взятокъ брать онъ, конечно, не станетъ. Жалко и больно это видѣть: винить его, бранить—языкъ не ворочается, *а чувствую, что помочь надо.* Теперь, на бѣду, я самъ безъ мѣста и нѣтъ надежды вступить мнѣ на службу. *Не брани и ты его, а прими его поласковѣе. Помочь ты ему—поможешь,* чѣмъ можешь. Онъ дѣлаетъ то, что большая часть дѣлаютъ въ его лѣта. Это не любовь, или любовь, доходящая до болѣзни. Не одну тысячу увлекла она въ семейную жизнь, на путь труда, лишеній, заботъ. Онъ современемъ расплатится за это... Зачѣмъ же намъ еще казнить его? Все то, что я писалъ тебѣ въ этомъ письмѣ, хотѣлъ бы я сказать и сестрѣ Сашенькѣ, но повторять мнѣ некогда да и скучно одно и то же.

Поэтому потрудись, моя милая, прочитавши это письмо со вниманіемъ, отправить его къ Александрѣ Александровнѣ [1]). Викторъ Михайловичъ просится на мѣсяцъ въ отпускъ и хочетъ ѣхать отсюда дней черезъ десять. Я еще не знаю, состоится ли это, нѣтъ ли, но онъ такъ говоритъ. О, обломовское воспитаніе! А все-таки мнѣ очень жаль его, потому что—отними эту обломовщину—онъ славный малый".

5) Хотя Иванъ Александровичъ и просилъ Музалевскую переслать его письмо Александрѣ Александровнѣ, чтобы не повторять одного и того же, но на слѣдующій же день—21 сентября (годъ также не обозначенъ) пишетъ той обширное письмо, въ которомъ, въ сущности, повторяетъ то же самое, что̀ имъ высказано въ предыдущемъ письмѣ и что̀ составляетъ содержаніе и нѣсколькихъ послѣдующихъ писемъ. О себѣ онъ здѣсь говоритъ:—„Послѣ многаго шатанія по Европѣ, воротился я сюда такимъ же противнымъ старичишкой, какимъ поѣхалъ. Съ наступленіемъ осени, начинаю испытывать тѣ же лихія болѣсти, какъ и прежде, слѣдовательно, ѣздилъ напрасно. Ты, душа моя, какъ поживаешь? Вѣроятно, еще хуже моего: у тебя бремя заботъ съ имѣніемъ, съ мужиками, а также и съ дѣтками. Все это я понимаю и глубоко о тебѣ жалѣю".

6) 19 октября 1861 года.—„Я получилъ сегодня твое письмо, милый другъ Александра Александровна, недавно писалъ и еще одно—все о Викторѣ Михайловичѣ. Что̀ съ нимъ дѣлать: я и другіе пріятели мои и жены ихъ говорили ему, что надо бы ему подождать, что нужно прежде устроить свое положеніе, знать, на что̀ онъ способенъ, чѣмъ прокормить себя и жену, и тогда уже жениться. Но онъ, какъ ты пишешь, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ слабъ, потому что лѣзетъ, какъ бабочка въ огонь, таетъ и худѣетъ и думаетъ все объ одномъ—жениться. Со всѣми это случалось, всѣ умѣли перетерпѣть, а онъ—нѣтъ. Конечно, это честно и не худо, да онъ едва ли вытерпитъ всю тяжелую школу нужды и лишеній... Но, можетъ быть, женится и перемѣнится... Я съ нимъ ссорился, по ниткѣ разобралъ ему все, что̀ его ожидаетъ, но розы загораживаютъ ему все. Въ свои лѣта онъ еще все какой-то юноша. Будь у него средства или будь твердый мужской характеръ, я бы первый посовѣтовалъ ему жениться, потому что онъ домосѣдъ, людей дичится и бѣгаетъ и, кажется, способенъ къ семейной жизни. Но дѣло въ томъ, что онъ непрактиченъ,

[1]) Письмо это, дѣйствительно, было отправлено въ Хухорево, почему оно тамъ и сохранилось.

не знаетъ жизни и ея горькихъ уроковъ, и когда постигнетъ его серьезное горе, онъ не найдетъ въ себѣ ни воли, ни мужества, ни умѣнья извернуться... *Вотъ чего я боюсь за него. А за женитьбу бранить его нельзя:* въ бракѣ сохраняется чистота души и тѣла, не истаскаетъ ни того, ни другого. Можетъ быть, Богъ его благословитъ: прежде онъ твердо надѣялся на свой клочокъ земли, но теперь, кажется, сталъ тише и смирнѣе. Я писалъ тебѣ, *чтобы ты не пробовала отклонять его отъ брака:* онъ слушать не станетъ, а только будетъ спорить. Лучше подумай, что ты можешь для него сдѣлать, а въ остальномъ поможетъ, вѣроятно, тетка [1]). Словомъ, я спорилъ, говорилъ, представлялъ ему свудость его средствъ, потомъ махнулъ рукой, и уже теперь мнѣ становится смѣшно и жалко. Я хлопоталъ вчера, чтобы ему хоть поскорѣе дали мѣсто секретаря—вотъ все, чѣмъ я могу быть ему полезенъ. Еслибы я служилъ, то, конечно, могъ бы быть и еще полезнѣе, но у меня мало надежды найти себѣ порядочное мѣсто, и я самъ помышляю спрятаться куда-нибудь въ уголъ, уѣхать отсюда, словомъ, не знаю, что будетъ со мной.—Жалѣю, другъ мой, что у тебя столько хлопотъ, но, Богъ дастъ, все пройдетъ. Можетъ быть, онъ и будетъ счастливъ... Не унывай—повторяю—онъ способный и честный малый, слѣдовательно, не пропадетъ, если будетъ построже смотрѣть за собой.—Онъ только завтра выѣзжаетъ черезъ Владиміръ, Муромъ и Арзамасъ".

Это письмо хорошо характеризуетъ „практичнаго" и „брюзгливаго" дядю-Гончарова: онъ, какъ бы порицая племянника, въ то же время старается подготовить свою сестру ко встрѣчѣ съ сыномъ, убѣждая ее не „отклонять его отъ брака", во избѣжаніе ссоры. Самъ ничего не имѣя противъ этого брака, онъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не оправдались его небезосновательныя опасенія относительно будущности молодой четы. Намъ передавали, что подобнымъ же образомъ относился онъ и къ женитьбѣ другого своего племянника, автора вышепомѣщенныхъ воспоминаній: онъ боялся легкомысленнаго вступленія въ бракъ и могущаго произойти отъ этого несчастія и для него самого, и для его жены. Молодые люди не могли, конечно, стать на его точку зрѣнія и обвиняли его въ непріязненномъ отношеніи къ нимъ. У Гончарова-племянника такое пониманіе Ивана Александровича осталось до конца жизни и выразилось въ его вос-

[1]) Т.-е., Анна Александровна Музалевская, обладавшая въ то время хорошими средствами, которую Иванъ Александровичъ и просилъ о помощи племяннику.

поминаніяхъ. Эту менторскую роль онъ выполнялъ совершенно сознательно: „Судьба—пишетъ онъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ—назначила мнѣ *роль выколотить изъ него бабушкино баловство:* я прочелъ ему (Виктору Михайловичу) *полный курсъ жизни*, теперь ужъ онъ далеко не то, что былъ, а будетъ еще лучше".

7) 3 апрѣля 1862 года. Изложивъ свои соображенія относительно будущности племянника, свадьба котораго должна была состояться въ самомъ непродолжительномъ времени, Иванъ Александровичъ пишетъ сестрѣ:—„Я надѣюсь скоро уѣхать куда-нибудь, или за-границу, въ Богемію, къ Карлсбадскимъ минеральнымъ водамъ, недѣль на шесть, полѣчиться отъ желчи; а если не поѣду туда, то явлюсь въ Симбирскъ, и тогда заѣду повидаться къ тебѣ. Теперь отсюда хорошо ѣздить за-границу: желѣзная дорога ведетъ прямо изъ Петербурга въ Берлинъ, Парижъ и всюду. Отсюда въ Парижъ можно доѣхать въ трое сутокъ. Но въ Парижъ я не хочу, онъ мнѣ надоѣлъ, и вообще за-границей мнѣ все знакомо и новаго ничего нѣтъ; вотъ только въ Италіи не былъ, да и не поѣду, далеко и по-итальянски не знаю".

8) 14 апрѣля 1862 года—очень длинное письмо, въ которомъ Гончаровъ старается успокоить сестру, весьма встревоженную предстоящимъ пріѣздомъ къ ней сына, съ молодой женой, отправлявшагося въ Ардатовскій уѣздъ на службу по акцизному вѣдомству.—„Я не понимаю, отчего ты очень тревожишься... Ты сдѣлала не только, какъ отличная мать, все для него, но даже сдѣлала больше: сберегла крохи, себѣ во всемъ отказывала и дала имъ (дѣтямъ) способы получить прекрасное образованіе, помогала имъ, поддерживала ихъ до сихъ поръ"... Женитьба—„дѣло почтенное, семейная жизнь удерживаетъ отъ безпорядковъ... его положеніе можетъ быть очень хорошо, если, 1-ое, онъ точно любитъ жену и готовъ жить малымъ вездѣ, гдѣ придется, а не прихотничать, и 2-ое, если онъ получитъ мѣсто и будетъ заниматься какъ слѣдуетъ. Съ полутора тысячами содержанія можно безбѣдно жить въ Ардатовѣ и даже въ Симбирскѣ съ женой и дѣтьми, а здѣсь нельзя".—Особенно безпокоило Ивана Александровича намѣреніе сестры уѣхать изъ своего имѣнія, когда пріѣдутъ сынъ и невѣстка. Ему больно за молодыхъ людей, и онъ убѣждаетъ ее не дѣлать этого: — „Ты напрасно хочешь уѣхать отъ его молодой жены: ее обидишь понапрасну, вѣдь она не виновата; говорятъ, что она дѣвушка очень хорошая. И его оскорбишь безъ всякой надобности. *Ты не ссорься съ ними*,

ради Бога, не бранись, не горячись, а будь покойна и хладнокровно тверда, объяви разъ напрямикъ, что ты можешь для нихъ сдѣлать"...

9) 22 мая 1862 года. Это письмо писано Иваномъ Александровичемъ въ Симбирскѣ (всѣ же прочія—изъ Петербурга). „Здравствуй, любезный другъ, Александра Александровна! Завтра будетъ ровно недѣля, какъ я пріѣхалъ сюда, чуть ли не въ твои именины, съ которыми тебя и поздравляю. Хотѣлъ тогда же написать, но тотчасъ же былъ охваченъ, въ добавокъ къ своей, еще собственною (sic!—Вѣроятно, авторъ хотѣлъ написать: „симбирскою"—М. С.) лѣнью, и вотъ насилу въ седьмой день принялся за бумагу и перо.—Мнѣ очень хочется повидаться съ тобой, но въ Ардатовъ ѣхать не хочется, и Анна Александровна говоритъ, что можно выманить тебя сюда, что было бы для всѣхъ насъ великимъ удовольствіемъ.—Я поживу здѣсь, пока поживется, и, можетъ быть, вмѣстѣ съ Анной Александровной, поѣду въ Москву, а оттуда, если успѣю, въ половинѣ іюля или въ августѣ въ Карлсбадъ. Впрочемъ, ничего еще не знаю. Вѣроятно, въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣдетъ и Викторъ Михайловичъ съ женой. Надѣюсь, ты уже примирилась съ мыслью объ этой женитьбѣ и *встрѣтишь свою невѣстку, какъ дочь*. Встрѣтить молодую женщину, почти дитя, холодно и сурово—было бы безполезнымъ варварствомъ и повело бы къ враждѣ между родными. Ты, увидя ее, какъ она молода, проста и какъ любитъ его, не скажешь, чтобы тутъ былъ умыселъ войти къ вамъ въ родню и завлекать его. Да и не изъ чего... изъ чего бы хлопотала она, какъ не изъ привязанности къ нему. Отталкивать ее, дѣлать ей грубости—было бы дикостью, которая напоминаетъ тѣ времена, когда еще родители *приказывали* [1]) жениться или *запрещали* [1]) по своему усмотрѣнію, проклинали дѣтей и проч. Но вѣдь ты новаго времени женщина, и при томъ добрая мать, какою и не перестанешь никогда быть... Ты жалѣла, что онъ идетъ по *кабацкой* [1]) части: вотъ знатность одолѣла, аристократическая спесь! Совсѣмъ не по кабацкой: до кабаковъ ему дѣла не будетъ; онъ будетъ смотрѣть, чтобы на винокуренныхъ заводахъ выкуривали опредѣленное количество вина и опредѣленной крѣпости, чтобы не было злоупотребленій—вотъ и все! Туда поступаетъ много честныхъ, умныхъ и порядочныхъ людей". — „Я живу у нея (т.-е. у сестры, Анны Александровны Музалевской; ср. выше, воспоминанія А. Н. Гончарова), она балуетъ меня, какъ покой-

[1]) Подчеркнуто авторомъ письма.

ница маменька; мнѣ такъ же хорошо, тепло, какъ тогда. Когда поѣдешь сюда, вези и старую Аннушку съ тобой. Здѣсь бы вы съѣхались съ Викторомъ и вмѣстѣ поѣхали бы въ деревню“ [1]).

10) 1 сентября 1862 года.—„Милый другъ, Александра Александровна! Дождалась ли ты, наконецъ, своихъ дѣтокъ? Если еще нѣтъ, то, вѣроятно, уже знаешь, что они въ Симбирскѣ и скоро къ тебѣ будутъ. Я думаю, что все это дѣло кончится тѣмъ, что ты сама будешь довольна, пріобрѣтя еще четвертую милую дочь, которая будетъ служить тебѣ пріятнымъ обществомъ въ твоей пустынѣ... Если Виктору покажется скучно жить въ деревнѣ, въ провинціи,—то что̀ на это сказать?—Сказать, что живутъ-де милліоны людей по провинціямъ и деревнямъ и скучаютъ: чѣмъ же они хуже его?.. Мнѣ бы вотъ тоже не хотѣлось жить въ Петербургѣ, а въ Парижѣ бы или Италіи, какъ Боткинъ, Тургеневъ и другіе: но я—или хуже ихъ, или денегъ у меня нѣтъ—и живешь, гдѣ указала судьба, а не бабушка“.—„*Володя* (второй сынъ Александры Александровны, см. о немъ выше, въ воспоминаніяхъ А. Н. Гончарова — М. С.) умный малый и съ дарованіями, но, къ сожалѣнію, ничего не дѣлаетъ и не расположенъ дѣлать; надѣется на продажу какого-то лѣса, чтобы ѣхать заграницу—учиться какъ будто бы языкамъ, а послѣ, вотъ видишь ли, онъ ужъ и примется за дѣло. А языкамъ можно выучиться даже въ Ардатовѣ, кто захочетъ; а кто говоритъ: *выучусь*, потомъ *начну работать*, тотъ большею частью никогда не начнетъ.—Всѣ его теоріи, вся эта гордость, рѣзкіе обо всемъ и обо всѣхъ отзывы — все это не что иное, какъ слова, слова и слова. Не начавши еще жить, онъ настроилъ въ головѣ множество программъ жизни и воображаетъ, что такъ онѣ и исполнятся. А чуть начнется серьезная жизнь — всѣ эти программы разлетятся отъ прикосновенія дѣйствительности. Въ сущности, онъ добрый, и мягкій, и честный малый, но малый съ большими кулаками, здоровымъ желудкомъ и не малымъ самолюбіемъ. Просто студентъ еще о сю-пору, кипучій, бурливый — все это устоится и изъ него будетъ большой прокъ, если онъ не полѣнится. — Я отъ души полюбилъ твоихъ дѣвочекъ [2]), но Катя меня серьезно безпокоитъ. Она нервная и черезчуръ чувствительная дѣвочка, да къ тому же еще и золотушная. У ней подъ

[1]) А. А. Кирмалова дѣйствительно пріѣхала тогда въ Симбирскъ и привезла съ собой старую няню Ивана Александровича, Аннушку. Онъ былъ очень радъ ихъ пріѣзду и снялъ съ обѣихъ фотографіи.

[2]) Рѣчь идетъ о Софьѣ Михайловнѣ и Екатеринѣ Михайловнѣ Кирмаловыхъ, дочеряхъ Александры Александровны, воспитывавшихся въ Москвѣ, въ институтѣ.

языкомъ уже съ годъ образовалась опухоль или нарывъ, который то исчезаетъ, то появляется — и дѣвочка страдаетъ отъ этого. Вотъ, когда тебѣ будетъ на кого покинуть домъ и хозяйство, т.-е. когда пріѣдетъ Викторъ съ женой, тебѣ бы не мѣшало съѣздить самой до Москвы — и посмотрѣть, что у ней такое. Говорятъ, этотъ нарывъ называется grenouille и его легко вырѣзать, но надо поручить эту операцію хорошему оператору — тамъ есть Басовъ, — а дурной, пожалуй, испортитъ на вѣкъ языкъ. Не пренебрегай этимъ. Лѣтомъ ее непремѣнно надо взять на Сергіевскія воды, чтобы выгнать золотуху; послѣ труднѣе будетъ. Это мѣшаетъ ей учиться, а она дѣвочка умная, серьезная, съ чувствомъ, и имѣетъ страсть къ занятіямъ. Ты дай ей кончить полный курсъ... Меня очень порадовало посѣщеніе Анны Александровны и Сонички: онѣ видѣли Петербургъ, мое житье-бытье, мы ногуляли по окрестностямъ — и послѣ ихъ отъѣзда мнѣ долго было скучно. Надѣюсь, что и ты, какъ будешь въ Москвѣ, заглянешь и сюда".

11) Надежды Ивана Александровича на то, что молодая жена Кирмалова, Дарья Леонтьевна, сойдется съ его сестрой и будетъ ей „дочерью", вполнѣ оправдались. Ея жизнь тѣсно слилась съ жизнью прочихъ членовъ семьи, она вошла въ ихъ интересы, и для Гончарова она сначала являлась такою же представительницей любимой имъ группы ардатовскихъ родственниковъ, какъ и сама Александра Александровна, а впослѣдствіи заняла мѣсто послѣдней. Онъ писалъ свои письма въ Хухорево, обращаясь прежде всего къ тому изъ членовъ семьи, отъ котораго получилъ послѣднее письмо. Корреспондентками его съ 1862 года были сестра и ея невѣстка, на имя которыхъ онъ и адресовалъ свои письма, а потомъ — одна Дарья Леонтьевна. Однимъ изъ первыхъ его писемъ къ ней было письмо, отъ 5 декабря (безъ обозначенія года), писанное имъ во время редактированія „Сѣверной Почты", т.-е. въ 1862 году. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: — „Ну, что сказать? Сказалъ бы: скучно, пора перестать жить, да некогда и подумать объ этомъ. Работа поглощаетъ меня всего, а это имѣетъ именно ту хорошую сторону, что не даетъ замѣчать времени, жизни. *Равнодушіе ко всему* дѣлаетъ меня до того прилежнымъ, что министръ третьяго дня выразилъ удивленіе, сказавъ, что онъ не ожидалъ отъ меня или что ожидалъ всего, кромѣ трудолюбія, считая меня за Обломова. А я ему давно сказалъ, чтобы онъ не ожидалъ отъ меня ничего, кромѣ этого, и до сихъ поръ пока держу слово. Никуда не хожу, ничего не читаю, кромѣ „Сѣверной Почты", а тамъ,

какъ видишь, читать нечего, да и не нужно. Эта газета не для чтенія, а для узнанія оффиціальныхъ новостей и кое-какихъ статистическихъ свѣдѣній.—Ну, когда ты пріѣдешь водить старика подъ-руку по саду и по набережной"...

12) 27 января 1863 года.—„Твое письмо, милый другъ Александра Александровна, я получилъ и благодарю за память. Я очень радъ, что тебѣ пришлась по нраву невѣстка; впрочемъ, я это предвидѣлъ. Она умна и кротка, и жаль, если Викторъ не оцѣнитъ ее вполнѣ... Дай Богъ, чтобы онъ серьезно и строго понялъ и выполнилъ обязанности мужа и отца семейства.—Ты говоришь, что онъ интересуется моими письмами: неправда. Еслибъ онъ интересовался, то знаетъ секретъ, какъ ихъ получить: это написать ко мнѣ, а *я никогда не оставляю самъ безъ отвѣта* и отвѣчаю тотчасъ.—Ты мнѣ ни слова не написала о Дашенькѣ: здорова ли она, была ли она дома, когда ты писала, и отчего не приписала ни словечка. Развѣ такъ скоро забыла *стараго брюзливаго дядю*, или сердится за что-нибудь?.. Владиміръ славный, т.-е. умный и добрый малый, да толку отъ него нѣтъ: шатается праздно, дѣла не дѣлаетъ, пренебрегая занятіемъ посредника или подобной должностью, носясь съ своимъ ребяческимъ чванствомъ и гордостью, а еще болѣе лѣнью. Все выдумываетъ и ждетъ какого-то небывалаго дѣла и занятія — все это штуки, дѣло въ лѣни и праздности. Я бы радъ быть ему полезнымъ, но видишь сама, онъ отдѣлывается подъ разными предлогами отъ занятій, стыдится, гордится, а не стыдится тащить деньги изъ семьи, чтобы шататься по свѣту. У меня большая симпатія къ нему, и я душевно сожалѣю, что онъ лишаетъ себя случая избрать себѣ дѣло, пока я могъ бы помочь ему. Не знаю, какъ онъ сладитъ одинъ — дай Богъ ему удержаться честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ.—Я крѣпко занятъ, но за то *не скучаю*".

13) 5 февраля 1863 года.—„Милыя мои, Александра Александровна и Дарья Леонтьевна! Получилъ я ваше письмо, радъ, что вы обѣ здоровы, что вы другъ друга любите, что вамъ живется хорошо: не будь Ардатовъ въ такой глуши и вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, я бы пріѣхалъ взглянуть на васъ и понянчить своего будущаго внука или внучку... Вотъ жучить-то буду, когда привезете его въ Петербургъ, какъ не жучилъ и отца!—Мимишка здравствуетъ и каждый день гуляетъ со мной по саду, а когда не возьму, то воетъ на всю квартиру.

Елена любитъ ее безъ ума. Обѣ онѣ вамъ обоимъ съ Викторомъ кланяются. Я ей купилъ золотой съ бархатомъ ошейникъ" [1]).

14) 26 апрѣля 1863 года. Письмо это, какъ и большая часть другихъ, касается всегдашняго больного мѣста семьи — служебныхъ отношеній племянника: Ивана Александровича безпокоятъ недоразумѣнія, возникшія между послѣднимъ и его начальникомъ, Лахтинымъ. При этомъ онъ не преминулъ еще разъ высказать свой взглядъ на необходимость упорнаго труда и вспомнить о другомъ племянникѣ, Владимірѣ, который принадлежалъ къ людямъ, которые „по свѣту рыщутъ—дѣла себѣ исполинскаго ищутъ": — „Братъ Володя лѣнится подъ предлогомъ ожиданія какого-то новаго, неслыханнаго дѣла: что жъ это такое? А все-таки надо не только дѣлать дѣло, но и проникнуться сознаніемъ необходимости его, даже нѣкоторою любовью къ нему, для чего каждый и старается избрать себѣ дѣло по нутру. Все это составляетъ обязанность честнаго человѣка". По поводу болѣзни жены племянника, Гончаровъ пишетъ, что онъ понимаетъ безпокойство Виктора Михайловича, и прибавляетъ: — „Да что жена: если Мимишка сильно захвораетъ, я думаю, въ тотъ день и газета не выйдетъ, а если бы она околѣла, я все продамъ и уѣду за-границу... Ты собираешься, Викторъ Михайловичъ, въ концѣ мая пріѣхать сюда и спрашиваешь, радъ ли я буду тебя видѣть: еще бы! Не только радъ, но дамъ тебѣ и деньжонокъ на проѣздъ изъ Москвы и обратно. Скажу даже тебѣ, что мнѣ очень часто скучно бываетъ, что васъ нѣтъ съ Дашенькой здѣсь, и что при васъ мнѣ было бы гораздо веселѣе, какъ съ близкимъ и милымъ роднымъ семействомъ. Къ сожалѣнію, трудно и даже невозможно и подумать пристроить тебя къ какому-нибудь мѣсту здѣсь, которое бы давало возможность, при нынѣшней дороговизнѣ, прожить въ Петербургѣ безбѣдно. — Кланяюсь вамъ всѣмъ, цѣлую Мишу [2]) и прошу писать мнѣ чаще, здоровъ ли онъ и Дашенька, и всѣ вы.—Обнимаю Аннушку.—Я мечталъ было и за-границу ѣхать, да происшествія на границѣ, въ Польшѣ, вѣроятно, помѣшаютъ. — Напиши, когда пріѣдешь въ Москву; можетъ быть, и я загляну туда на нѣсколько дней, или теперь, или въ августѣ, когда тетка туда пріѣдетъ. А собираешься ли въ Москву ты,

[1]) *Мимишка* — небольшая собачка, которую случайно у уличныхъ мальчиковъ купилъ Викторъ Михайловичъ и подарилъ дядѣ. Тотъ очень къ ней привязался, и когда она околѣла (по словамъ Е. М. Кирмаловой)—даже плакалъ. Елена—прислуга Ивана Александровича.

[2]) Новорожденный *внукъ*, объ ожиданіи котораго говорится въ предыдущемъ письмѣ.

Александра Александровна, и когда соберешься, напиши: я тоже пріѣду тогда туда. — Я радъ, что мои очки пригодились тебѣ, Александра Александровна; если разобьешь стекло или сломаешь какъ-нибудь, напиши, я тотчасъ пришлю тебѣ двои или трои новыхъ". — Послѣдняя приписка показываетъ, что Гончаровъ, несмотря на то, что былъ „крѣпко занятъ", находилъ время для исполненія порученій хухоревскихъ родныхъ по части покупокъ. Между прочимъ, и въ началѣ этого письма говорится о такихъ покупкахъ: — „Не браните за гнусность платьевъ: я думалъ, зачѣмъ вамъ богаче одѣваться, вѣдь вы живете въ деревнѣ. Что касается до выбора, то помогала мнѣ, т.-е. больше мѣшала, твоя тетка, Дашенька, Луиза Христофоровна".

15) 6 іюля 1863 года. Здѣсь особенно проявилось заботливое вниманіе Ивана Александровича къ Дарьѣ Леонтьевнѣ, по поводу серьезной болѣзни ея отца. Онъ пишетъ сестрѣ:— „Такъ какъ это огорчитъ Дашеньку, то ты покажи это письмо только Виктору, а онъ, какъ хочетъ, такъ пусть и дѣлаетъ, т.-е. скажетъ ей или нѣтъ. Отецъ ея нездоровъ уже четвертый мѣсяцъ, у него постоянный бредъ или что-то въ родѣ горячки, такъ что онъ изрѣдка приходитъ въ себя. Доктора, впрочемъ, подаютъ надежду, что это можетъ пройти... Если можно, вы бы лучше ничего этого Дашенькѣ не говорили: можетъ быть, болѣзнь пройдетъ и она узнаетъ о ней послѣ, когда онъ будетъ здоровъ. Я обѣщалъ теткѣ написать объ этомъ къ Виктору, но не знаю, гдѣ онъ теперь, въ деревнѣ или въ Ардатовѣ; писемъ своихъ онъ меня не удостаиваетъ. — Если сестра Анна Александровна поѣдетъ сама въ Москву, и я пріѣду туда недѣли на двѣ, и еслибъ вы жили не въ трущобѣ, а тамъ, гдѣ люди живутъ, т.-е. на желѣзной дорогѣ или на большой рѣкѣ, то я бы заглянулъ и къ вамъ дня на три. — Цѣлую васъ всѣхъ — Александру Александровну, Соню, Дашу, Катю, Мишу — а гнуснаго тептеря Виктора и знать не хочу".

16) 19 января 1865 года. — „Я очень жалѣю, милая Александра Александровна, если растревожилъ тебя своимъ письмомъ... Что касается до Владиміра Михайловича, то ни я, никто другой не виноватъ, что у него до сихъ поръ нѣтъ мѣста. Причина этому онъ самъ и его непроходимая лѣнь. Ему нравится бить баклуши и получать отъ тебя хоть маленькую, да готовую пенсію. Все лучше, чѣмъ за такое же маленькое жалованье работать. Еслибъ у него было хоть маленькое влеченіе къ труду, развѣ это статочное дѣло, чтобы онъ, шатаясь столько времени въ Москвѣ, не нашелъ себѣ мѣста, занятій, уроковъ?.. Я напишу

въ Москву, къ одному пріятелю, чтобы Владиміру поискали мѣста или въ палатѣ гдѣ-нибудь, или на купеческой конторѣ, но не ручаюсь, что найдутъ, а если и найдутъ, то этотъ избалованный господинъ, который, съ своими новыми идеями, хочетъ быть барченкомъ, едва ли примется за работу, а даромъ денегъ не даютъ. Перевести его сюда, въ Петербургъ, некуда; жалованья дадутъ рублей 300, этимъ онъ прожить не съумѣетъ, да и дѣломъ не станетъ, пожалуй, заниматься, тогда куда его дѣнешь"...

17) 26 декабря 1865 года.—„Поздравляю тебя, милая Александра Александровна, съ праздникомъ и Новымъ Годомъ — и конечно отъ всей души желаю тебѣ и дѣвочкамъ счастья. О сыновьяхъ тебѣ горевать нечего: одинъ пристроенъ, получаетъ хорошее содержаніе, о которомъ я въ его лѣта и мечтать не смѣлъ; пусть же съумѣетъ поддержать себя честностью, трудолюбіемъ и трезвостью; если есть дѣло да семья, то и въ провинціи некогда скучать. Тамъ онъ проживетъ лучше, нежели въ Петербургѣ: здѣсь бы онъ терпѣлъ безпрестанно нужду, а столичныхъ удовольствій ему не удалось бы и понюхать. Впрочемъ, пусть устраиваетъ самъ свою судьбу, пусть работаетъ... О Владимірѣ ты не горюй: жаль только, что онъ тащитъ изъ дома крохи; я уже не мало стыдилъ его, что дѣтина въ двадцать-пять лѣтъ не можетъ промыслить себѣ куска, а тащитъ съ матери или ждетъ подачки отъ тетки... Но Владиміръ ловокъ и не пропадетъ; если не трудомъ возьметъ, то пріятели поддержатъ; онъ веселый, живой... съ лѣтами увидитъ, что даромъ жить нельзя, и примется за дѣло. Конечно, тогда труднѣе привыкать, но кто жъ виноватъ?

„Здѣсь была сестра Анна Александровна: она пріѣзжала немного развлечься. Я послалъ съ ней письмо къ одному своему пріятелю въ Москвѣ, старому, со всѣми знакомому москвичу и богатому, чтобы онъ постарался куда-нибудь пристроить Владиміра въ Москвѣ. Больше ничего не могу сдѣлать. *Самъ я сталъ старъ, опустился, скучаю и занятъ сильно по службѣ, такъ что отъ Владиміра Гончарова* [1]) *отказался и просилъ, чтобы ко мнѣ не обращались больше племянники. Я сижу дома, пересталъ со всѣми видѣться и кое-какъ самъ держусь въ службѣ*... Поздравляю тебя еще съ внучкой. Я отдалъ сестрѣ Аннѣ Александровнѣ крестикъ, чтобы она отослала въ Алатырь".

18) 12 января 1888 года. Это, — какъ и два послѣднихъ письма, писанныхъ въ томъ же году, — адресовано Дарьѣ Леонтьевнѣ

[1]) См. о немъ выше, въ воспоминаніяхъ А. Н. Гончарова.

Кирмаловой, которая къ тому времени сдѣлалась настоящею хозяйкою ардатовскаго имѣнія, много имъ занималась и на своихъ плечахъ вынесла бремя воспитанія и матеріальнаго обезпеченія дѣтей. Всегда любившій „Дашеньку“, Иванъ Александровичъ высоко цѣнилъ ее теперь за все, что̀ сдѣлала она для семьи. Въ письмахъ своихъ онъ называетъ ее теперь уже не прежнимъ ласкательнымъ именемъ, а Дарьей Леонтьевной.—„Я очень радъ твоему доброму письму, милая Дарья Леонтьевна, и дружескимъ, выраженнымъ въ немъ чувствамъ, въ которыхъ отнюдь не сомнѣваюсь, какъ и сказалъ тебѣ при свиданіи. — Изъ родныхъ, кромѣ сестеръ, Александры и Анны Александровны, вы съ Викторомъ Михайловичемъ ближе мнѣ другихъ племянниковъ, изъ которыхъ однихъ я почти вовсе не знаю,—напримѣръ, Владиміра Гончарова; Владиміра Кирмалова, твоего beau frère, такъ давно не видалъ, что забылъ совсѣмъ, а Александръ Гончаровъ, тершійся тутъ около меня лѣтъ десять, порядочно надоѣлъ мнѣ своей суетой, навязчивостью, пустотой и тщеславіемъ. Я радъ, что его тутъ нѣтъ; онъ служитъ, кажется, въ Калугѣ, въ Дворянскомъ Банкѣ. — Миша твой былъ у меня: онъ такой хорошій, скромный молодой человѣкъ — и мнѣ остается повторить съ тобою: „дай Богъ, чтобъ онъ такимъ и остался!“—Ты кстати написала мнѣ и приложила адресъ: я хотѣлъ посылать всѣмъ вамъ въ деревню иллюстрированный журналъ „Нива“ за нынѣшній годъ, съ 1-го января, да не зналъ, какъ адресовать, въ Ардатовъ или въ Талызино. Теперь адресую на Талызинскую станцію, а вы тамъ велите справляться и получать. Недѣли черезъ полторы по почтѣ пришлютъ номера три заразъ, а потомъ каждую недѣлю по одному номеру до будущаго года... Въ первыхъ трехъ номерахъ помѣщены мои новые разсказы, подъ заглавіемъ „Слуги“. Твой мужъ узнаетъ, конечно, кого я изобразилъ въ третьемъ номерѣ подъ именемъ *Матвѣя*. Вѣрно, онъ не забылъ Филиппа [1]). Къ первому номеру приложенъ и мой портретъ... А въ февралѣ я пришлю вамъ другое мое сочиненіе, называется „На родинѣ“. Тамъ я припоминаю, какъ я послѣ университета пріѣхалъ домой и какъ прожилъ на Волгѣ. — Тамъ сестра Александра Александровна и Викторъ Михайловичъ узнаютъ, подъ именемъ *Якубова*, нашего крестнаго, котораго мы всѣ такъ любили и который сдѣлалъ намъ много добра.

---

[1]) *Филиппъ* служилъ у Гончарова нѣсколько лѣтъ, сначала до путешествія его на фрегатѣ „Палладѣ“, а затѣмъ—по возвращеніи его изъ этого путешествія. Ср. XII, 240—241.

Статья „На родинѣ“ печатается въ „Вѣстникѣ Европы“: въ январской книжкѣ напечатана половина, а другая выйдетъ въ февралѣ. Я пришлю вамъ обѣ заразъ.—Отъ чего Викторъ Михайловичъ не порадовалъ меня ни строчкой? Грѣхъ ему! Меня огорчаютъ твои извѣстія о болѣзни Анны Александровны: она давно страдала ожирѣніемъ, мало всегда дѣлала движенія и никакихъ мѣръ не принимала противъ болѣзни. Впрочемъ, и старость беретъ свое. Я тоже часто простуживаюсь, кашляю, при движеніи, и у меня дѣлается одышка — что дѣлать?— Обними пожалуйста за меня—отъ всего сердца всѣхъ, всѣхъ— Александру Александровну, Соню съ Катей, а Виктора Михайловича побей, что даже поклона не написалъ“.

19) 6 февраля 1888 года.—„Я получилъ отъ Дарьи Леонтьевны письмо и отвѣчалъ на него. Вмѣстѣ съ тѣмъ я распорядился, чтобы вамъ посылали на Талызинскую станцію журналъ „Нива“... Написавъ обо всемъ этомъ къ Дарьѣ Леонтьевнѣ, я просилъ ее увѣдомить меня, какъ о полученіи моего письма, такъ и о томъ, доставляетъ ли почта журналъ „Ниву“ еженедѣльно на Талызинскую станцію, или нѣтъ: если не доставляется, то надо справиться здѣсь, въ конторѣ „Нивы“, отъ чего, и распорядиться, чтобы доставляли... Между тѣмъ, я *ни отъ кого изъ васъ не получаю ни строки и не знаю, что подумать:* доходятъ ли до васъ и вашей глуши письма и вѣсти откуда-нибудь, или такъ вы погрязли тамъ въ деревенской лѣни и апатіи, что никто не потрудится отвѣтить *да* или *нѣтъ?* Наконецъ, живы ли, здоровы ли, дышутъ ли, есть ли чернила и перья въ Кухаревѣ (т.-е. въ Хухоревѣ—М. С.)? Я хотѣлъ послать еще брошюру своего сочиненія, но не пошлю до тѣхъ поръ, пока не получу вѣсти отъ васъ. Если нѣтъ Дарьи Леонтьевны тамъ, такъ есть Соня, Катя—о Викторѣ Михайловичѣ уже не говорю. Прощайте. Напишите хоть два слова, а если нѣтъ, то будьте здоровы и благословитъ васъ всѣхъ Господь“.

20) 28 февраля 1888 года. „Я получилъ твое письмо, милая Дарья Леонтьевна, и даже два: одно на другой или третій день послѣ того, какъ написалъ ко всѣмъ вамъ сердитое письмо за ваше молчаніе, за неувѣдомленіе о томъ, получается ли „Нива“ или нѣтъ. Это всегда такъ бываетъ: ждешь-ждешь—нѣтъ: разсердишься и напишешь, а тутъ вдругъ и придетъ отвѣтъ.—Получилъ я и другое твое письмо недавно: „была-де въ Алатырѣ и еще гдѣ-то, потому и не отвѣчала“,—пишешь ты. Да другіе-то что же въ домѣ у васъ дѣлаютъ: Соня, Катя? О Викторѣ Михайловичѣ я уже не говорю... Да что онъ дѣлаетъ? Статью

„На родинѣ“ я еще не посылалъ вамъ. Редакторъ далъ мнѣ 25 отдѣльныхъ оттисковъ, и ихъ въ нѣсколько дней расклевали у меня такъ называемые почитатели и почитательницы, но я уберегъ для всѣхъ васъ одинъ экземпляръ, который отдамъ переплесть и потомъ пришлю. Я не ожидалъ, чтобы эта статья и особенно „Слуги“ произвели такой шумъ. Лишь только появились они въ печати, какъ повалили ко мнѣ посѣтители, посыпались со всѣхъ сторонъ письма съ просьбой о разрѣшеніи переводить на разные языки и т. д. *А мнѣ вовсе не до того, мнѣ нездоровится, слабѣю*, черезъ день отъ этихъ морозовъ простуживаюсь, запираюсь и никого къ себѣ не пускаю. *Плохо старичку.* Вчера скончался германскій императоръ и указалъ путь и всѣмъ намъ, старикамъ.—Если новый императоръ уволитъ Бисмарка, спроси своего супруга, не хочетъ ли онъ на его мѣсто: я бы похлопоталъ. Кланяйся Александрѣ Александровнѣ и лѣнивымъ моимъ племянницамъ, а Виктору Михайловичу—какъ хочешь.—Недѣли черезъ двѣ, вѣроятно, я пришлю вамъ книгу. А теперь будь здорова и посовѣтуй то же самое свекрови и ея—а также и твоимъ дѣтямъ. Твой дядя и общій вашъ“.

21) 9 марта 1888 года. „Прекраснѣйшая Дарья Леонтьевна. На дняхъ я послалъ на Талызинскую станцію обѣщанную мною статью „На родинѣ“... Читая ее, помните, что тамъ, въ статьѣ, не все такъ написано точь-въ-точь, какъ было на самомъ дѣлѣ. Кое-что прибавлено, кое-что убавлено, иное прикрашено или измѣнено. *Цѣликомъ съ натуры не пишется*, иначе ничего не выйдетъ, никакого эффекта. Все равно, что сырую говядину на столъ подать. Словомъ — надо обработать, очистить, вымести, убрать.—Лжи никакой нѣтъ: многое взято вѣрно, прямо съ натуры, лица, характеры, напримѣръ крестнаго Якубова, губернатора [1]) и другихъ, даже разговоры, сцены. Только кое-что украшено и покрыто лакомъ. *Это и называется художественная обработка.* Поѣздка съ пьянымъ чиновникомъ до Петербурга и многое другое почти цѣликомъ фотографически *сняты съ натуры.*—Такъ и объявите всему вашему дому передъ тѣмъ, какъ станете читать, если только станете.—Не забудь, душа моя, увѣдомить меня о полученіи книжки—и кланяйся отъ меня сестрѣ, мужу, свояченицамъ, золовкамъ, свекрамъ, деверямъ, тещамъ, зятьямъ и всему родному люду.—Обнимаю всѣхъ ихъ и тебя тоже.—Дядя И. Гончаровъ“.

[1]) О губернаторѣ Углицкомъ (Загряжскомъ) см. нашу первую статью, стр. 573—574): не будучи знакомы съ настоящимъ письмомъ, мы указали тогда *на близость къ фактической правдѣ* этого разсказа.

Здѣсь Гончаровъ дѣлаетъ попытку наиболѣе простымъ и общепонятнымъ образомъ опредѣлить процессъ художественнаго творчества. Взгляды его по этому, постоянно интересовавшему его, вопросу, выраженные имъ въ печатныхъ произведеніяхъ, приведены нами въ первой статьѣ (стр. 567—574). Дополненіемъ къ нимъ могутъ служить слѣдующія мѣста изъ переписки его съ гр. Валуевымъ:—„У дѣйствительности свои законы, а у искусства — свои“... Художнику безъ психологіи нельзя сдѣлать ни одного вѣрнаго шага, несмотря на всю вѣрность фактовъ“. Адвокатъ „ищетъ правды въ душахъ своихъ кліентовъ, а художнику не нужно и этого, ибо онъ долженъ писать не съ событія, а съ отраженія его въ своей творческой фантазіи, т.-е. долженъ создать правдоподобія, которыя бы оправдывали событія въ его художественномъ произведеніи. До дѣйствительности же ему мало дѣла“ (стр. 32—33). Когда сюжетомъ произведенія является дѣйствительное событіе, то художникъ-авторъ прежде всего долженъ „исключить все личное, всѣ портреты, замѣнить ихъ типами“ (стр. 47). Не воспроизводя фактической правды, не фотографируя событій и лицъ, художникъ-реалистъ, тѣмъ не менѣе, изображаетъ дѣйствительность, какъ онъ ее понимаетъ:—„какъ прудъ въ саду, отражаетъ вѣрно только то, что видитъ, знаетъ, переживаетъ, т.-е. то, что глядится въ этотъ прудъ, будь это деревья, ближайшій холмъ, клочокъ неба и т. п., и что потомъ перерабатывается въ его фантазіи. Слѣдовательно, ему нельзя ни задать темы, ни указать со стороны на тотъ или другой образъ, событіе, къ чему не привелъ его самого его художническій инстинктъ. Еслибъ онъ и вздумалъ для какой-нибудь цѣли сдѣлать насиліе надъ собой и подчиниться указанію, ничего не вышло бы изъ того: онъ не могъ бы подчинить фантазію, и искусство измѣнило бы ему.—Такимъ художникамъ необходима авторская независимость, не имѣющая ничего общаго съ разными другими независимостями. Въ этомъ смыслѣ, кажется, и назывались когда-то искусства *свободными*, даже *вольными* (курсивъ автора). Но это забыто теперь“ (стр. 50—51). Придавая важное значеніе художественной техникѣ, Гончаровъ, тѣмъ не менѣе, отводитъ ей второстепенное мѣсто: „она никогда не прикроетъ собою и не выполнитъ отсутствія идей, серьезнаго и глубокаго взгляда на жизнь—и вообще скудости содержанія“. По поводу романовъ Флобера „Bouvard et Pécuchet“ и Гюисмана „En ménage“—онъ пишетъ:—„Техника доведена до изумительной вѣрности рисунка... и между тѣмъ болѣе 20 страницъ ни той, ни другой книги прочесть нельзя! Нѣтъ мысли, нѣтъ цемента, никакого свѣта и тепла!

Пустота во всемъ этомъ—такая же, какъ пустота въ головахъ авторовъ" (стр. 59).

Читая переписку Ивана Александровича съ Кирмаловыми, нельзя не удивляться тому, какъ близки были ему интересы родной, затерявшейся въ глухой провинціи, семьи: въ теченіе всей его жизни радости сестры и ея семейства были его радостями, ихъ горести—его горестями. Занятый службой, литературой, часто сильно больной, онъ находилъ возможность на всякое письмо изъ Ардатовскаго уѣзда немедленно отвѣчать длиннымъ письмомъ. Иногда долго, по его мнѣнію, не получая отвѣта на свое письмо, онъ безпокоился и вновь писалъ полу-сердитое, полу-шутливое письмо... И онъ вполнѣ правъ, говоря:—„Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго я бы ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки" (V, 81); въ молодости, на всю послѣдующую жизнь, *запахалъ* онъ въ Петербургъ, но кровная связь его съ семьей не порывалась.

Какъ было сказано нами выше, Анна Александровна Музалевская, по прочтеніи статьи Гончарова „Нарушеніе воли", уничтожила его письма къ ней. Но, по счастливой случайности, у ея пріемной дочери, Евдокіи Петровны Левенштейнъ, сохранилось шесть писемъ Ивана Александровича, писанныхъ имъ изъ Петербурга къ своей младшей сестрѣ. Всѣ эти письма относятся къ московскому періоду жизни Музалевской. Они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что, вопреки утвержденію А. Н. Гончарова, ея знаменитый братъ не измѣнилъ своихъ отношеній къ ней и къ ея семейству послѣ ихъ разоренія, вслѣдствіе недобросовѣстности Алаева, которому они ввѣрили свой капиталъ: онъ попрежнему часто пишетъ Аннѣ Александровнѣ, обязательно отвѣчая на каждое ея письмо и стараясь утѣшить и поддержать ее въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Чѣмъ же можно объяснить огорченіе, причиненное ей однимъ изъ писемъ Ивана Александровича, о которомъ разсказываетъ А. Н. Гончаровъ?—Убитая горемъ, болѣзненно-раздражительная сестра, вѣроятно, была непріятно поражена сравнительно спокойнымъ тономъ своего брата, его резонерствомъ, шутками, которыя имѣли цѣлью, конечно, не увеличить ея горе...

1) Первое (по времени написанія) изъ этихъ писемъ сохранилось безъ начала, почему и невозможно точно опредѣлить его дату. По нѣкоторымъ, заключающимся въ уцѣлѣвшей его части, даннымъ, можно полагать, что оно написано около

1865 года. Въ припискѣ къ этому письму Гончаровъ благодаритъ Е. П. Левенштейнъ за присланное ею письмо на англійскомъ языкѣ:—„Тебя, милая Дунечка, очень за твое англійское письмо благодарю—оно премилое и такое англійское по стилю и тону, что я дерзаю подозрѣвать значительную помощь со стороны учительницы. Въ этомъ дурного нѣтъ—потому что я за тебя не боюсь, зная, что ты черезъ какой-нибудь годъ и сама будешь писать такъ же правильно и мило, какъ написано это письмо. Не оставляй учиться, это пригодится и въ счастьѣ, и въ невзгодѣ. Теперь всѣ учатся и знаютъ языки, особенно женщины, такъ что жаль было бы отстать. Ты уже теперь меня перегнала, а я отъ старости и отъ другихъ занятій мало даже по-англійски читаю".

2) Второе письмо помѣчено 27 сентября, безъ обозначенія года. По мнѣнію Е. П. Левенштейнъ, оно относится къ концу 60-хъ годовъ.—„Давно Варвара Лукинишна [1]) передала мнѣ твое письмо, милая Анна Александровна, гдѣ ты манишь меня въ Москву, въ свой уединенный переулокъ, пожить. Я все молчалъ отъ лѣни, во-первыхъ, и отъ того, во-вторыхъ, что не могъ сказать ничего положительно о томъ, могу ли я осчастливить Москву своимъ пріѣздомъ. И теперь скажу не больше того, что прежде, но мнѣ совѣстно долѣе молчать на твое любезное приглашеніе—и я, на вопросы твои о томъ, побываю ли въ Москвѣ, скажу—не знаю. Если вздумаю пріѣхать, то увѣдомлю тебя заранѣе. Мнѣ иногда приходитъ въ голову *заключиться въ этомъ твоемъ переулкѣ навсегда—такъ мнѣ все и вездѣ надоѣло:* да боюсь, что и въ переулкѣ мнѣ не будетъ легче, а тебѣ станетъ тошно на меня смотрѣть, и ты—или выгонишь меня, или сама уѣдешь оттуда.—Отъ этой *хандры* не спасаетъ меня и занятіе, нѣкогда любимое, т.-е. *литература*. Я было усердно сталъ работать лѣтомъ, подвелъ свой старый трудъ къ концу и даже уговорился съ однимъ редакторомъ печатать его. Да недостало терпѣнія. Начало залежалось и теперь старо, а вновь написанное надо много отдѣлывать—и я махнулъ рукой и бросилъ [2]). Редакторъ сердится на меня, я сержусь на себя и на свою старость—и ничего теперь не дѣлаю, гляжу только задумчиво въ окно и ковыряю въ носу... Я теперь бѣдненькій старичокъ, живущій весьма ограниченными средствами въ обрѣзъ. Помогать протекціей тоже не могу: ни къ кому не хожу и никто не ходитъ ко мнѣ. Я

[1]) См. о ней ниже.

[2]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ „Обрывѣ".

очень хорошаго мнѣнія о Володѣ [1]), что онъ не ходитъ ко мнѣ: значитъ, онъ хочетъ дѣлать себѣ дорогу собственными силами. Такъ лучше: и честно, и полезно тѣмъ, что, работая умомъ и руками, онъ пріобрѣтаетъ опытность, характеръ и не будетъ никому обязанъ своимъ будущимъ... Володю я не желаю видѣть потому только, что никого не желаю видѣть. Всякое другое лицо меня тяготитъ, и я дорожу своимъ уединеніемъ. А онъ же вовсе не близкій и даже незнакомый почти мнѣ человѣкъ. *Родства я близкой связью не считаю, если оно не укрѣплено симпатіей и согласіемъ.* Вонъ мы съ братомъ жили вѣкъ розно, особенно дружны никогда не были, и теперь—какъ чужіе другъ другу. А впрочемъ, дай Богъ имъ всѣмъ здоровья, добра и всякаго имущества, только чтобы они не ходили ко мнѣ!" [2])

3) 25 іюля (годъ не указанъ; по сообщенію Е. П. Левенштейнъ — 1874 г.).—„Викторъ Михайловичъ и Дашенька были у васъ—и дали мнѣ нѣсколько успокоительныхъ извѣстій о вашемъ здоровьѣ и расположеніи духа. Я впрочемъ и безъ нихъ былъ увѣренъ, что вы бодро переносите ваше положеніе. Да и дѣлать больше нечего,—если люди не ребята и въ своемъ умѣ,—какъ сидѣть смирно, когда судьба посылаетъ такъ называемый „крестъ". И какъ это она дѣлаетъ аккуратно и со всѣми по очереди — и какое у ней разнообразіе этихъ „крестовъ", такъ что для всякой шеи пригонитъ, что называется—въ самый разъ! Говоря о племянникахъ, прибавляю, что оба [3]) появились у меня и оба скрылись. Александръ до свадьбы уѣхалъ въ Самару, не совсѣмъ довольный мной за то, что я не бросился, по первому его слову, знакомиться съ родными его невѣсты [4]), хотя и самъ онъ получилъ согласіе ея отца только за нѣсколько дней до своего отъѣзда. А Викторъ Михайловичъ, сдавъ жену и дѣтей въ деревню, пріѣхалъ сюда искать мѣста. Онъ посмотрѣлъ около меня, походилъ недѣли двѣ ко мнѣ — и видя, что я мѣста ему доставить не могу и что своими средствами едва кое-какъ существую самъ, скрылся — и теперь не знаю, гдѣ онъ. Онъ и правъ. На что я ему? *Только ворчу иногда правду...* Самъ на старости оперся бы на кого-нибудь — да не на кого! — Такимъ

[1]) Т.-е., о племянникѣ Владимірѣ Николаевичѣ Гончаровѣ.

[2]) Понятно, что это—одна изъ бутадъ больного человѣка: и въ это время, и позднѣе онъ хлопоталъ о племянникахъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ самъ предлагаетъ побывать въ министерствѣ юстиціи, чтобы попросить кого слѣдуетъ за того же Владиміра Гончарова.

[3]) Т.-е. Александръ Гончаровъ и Викторъ Кирмаловъ.

[4]) Какъ видно изъ вышепомѣщенныхъ воспоминаній Е. А. Гончаровой, онъ вскорѣ посѣтилъ домъ ея родителей.

образомъ, я попрежнему одиночествую, сижу дома, много хожу да читаю. Вотъ и все.—Дай Богъ имъ счастья и удачи во всемъ и поменьше „крестовъ“ судьбы... Иногда мнѣ приходитъ въ голову заглянуть въ Москву — да не знаю, будешь ли ты рада моему пріѣзду!“

4) 7 іюня 1877 г.—„Вчера я получилъ твое письмо, любезная сестра Анна Александровна,—съ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Петра Авксентьевича [1]). Грустный подарокъ въ день моего рожденія! Да утѣшитъ, успокоитъ и благословитъ тебя Богъ! Вѣроятно, на здоровье П. А. имѣлъ, кромѣ преклонныхъ лѣтъ его, дурное вліяніе и перенесенный вами переворотъ въ жизни. Меня нѣсколько успокоиваетъ за тебя твое извѣстіе о тѣхъ ласкахъ, заботахъ и дружбѣ, какими окружаютъ тебя добрая Дунечка и ея мужъ [2]). Кланяйся имъ обоимъ отъ меня.—Радуюсь, что, живучи съ ними, ты пользуешься всѣми благами семейной жизни, какъ добрая мать, какою ты всегда и была относительно самой Дунечки, а теперь, вѣроятно, сдѣлалась для дѣтей ея такою же бабушкой!—Обнимаю тебя отъ всей души и глубоко сожалѣю о твоей потерѣ. — Ты пишешь, что не получила моего письма — а я тотчасъ же отвѣчалъ тебѣ, когда ты меня увѣдомила о новомъ своемъ жилищѣ. Пожалуйста, увѣдомь о полученіи этого моего письма. Будь здорова и не забывай любящаго тебя брата И. Гончарова“.

5) 26 іюня 1877 года [3]).—„Я получилъ твое письмо, милая сестра Анна Александровна, и благодарю за память о моихъ именинахъ. Я вижу изъ него, что ты напрасно тревожишься какою-то (извини) мечтою, что будто и ты виновата въ вашихъ несчастныхъ обстоятельствахъ! [4]) Этакая странная мысль заберется съ горя въ голову! Грѣхъ напускать ее на себя... Можетъ быть, вашъ „злодѣй“ [5]), когда бралъ деньги, то надѣялся разбогатѣть и возвратить. А когда пустился въ рискованныя обстоятельства и ему не повезло, онъ поспѣшилъ самъ на берегъ, а другихъ утопилъ. На то онъ и „злодѣй“! Честный человѣкъ самъ разорился бы, но отдалъ бы чужое: такіе рѣдки, а А—вы встрѣчаются на каждомъ шагу, т.-е. при хорошихъ обстоятельствахъ — честные, а при дурныхъ — нѣтъ. Есть без-

[1]) Музалевскаго, мужа Анны Александровны.

[2]) Левенштейны.

[3]) Письмо это сообщено намъ Е. П. Левенштейнъ въ копіи; остальныя пять писемъ доставлены подлинныя.

[4]) Т.-е. въ разоренія.

[5]) Алаевъ.

честные и при тѣхъ, и при другихъ обстоятельствахъ; но я А—ва не знаю—и Богъ съ нимъ!—Тутъ ни ты, ни мужъ твой ничѣмъ не провинились. Это всегда и всюду случается и со всѣми съ нами случалось. Такъ ужъ сложена жизнь, что если кто чѣмъ счастливъ, чѣмъ гордится, на что̀ больше всего опирается, то и измѣнитъ, особенно если еще хоть немного заважничаешь, забудешься! Чуть оплошалъ, судьба и отберетъ лакомый кусокъ, да еще велитъ сносить горе съ терпѣніемъ, съ достоинствомъ, не падая духомъ и безъ ропота! — Вотъ и вы съ мужемъ сидѣли, какъ въ неприступной крѣпости, за вашимъ капиталомъ—ну и отняла судьба. Это ея манера и обыкновенная программа для всѣхъ безъ исключенія! Человѣчество учится жить и платитъ за эту науку тѣми страданіями, какія несешь ты, *несу я* и всѣ—всѣ *караси*. Въ омутѣ, называемомъ жизнью—только и есть, что щуки да караси. Караси не должны дремать, потому что на каждаго приходится по щукѣ или по „злодѣю", иногда и больше. Но не смотря на пословицу, запрещающую дремать, караси все-таки дремлютъ, а щуки нѣтъ. Все это, конечно, не утѣшительно для тебя (и для меня тоже, и для многихъ — многихъ карасей); но не будемъ завидовать и щукамъ. Боже сохрани! Щукамъ худо, пожалуй и хуже. На нихъ, въ свою очередь, являются щуки еще зубастѣе и прожорливѣе. Кромѣ того, какъ бы ловко воръ и негодяй ни своровалъ—все это открывается, а если и не откроется, то онъ долженъ носить нѣкоторый адъ въ душѣ и мысленно плевать себѣ въ бороду, сознавая себя плутомъ и негоднемъ. Какъ ни безсовѣстенъ человѣкъ, а все же душно, должно быть, и мерзко у него на душѣ!—Впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ, какъ щуки и злодѣи справляются съ своей совѣстью, только ты, *мой милый карасикъ*, пожалуй, вздыхай, плачь, а пустяковъ на себя не выдумывай,—Богъ да успокоитъ тебя!.. Кланяйся своимъ, пиши мнѣ, а я сейчасъ же отвѣчу,—и обнимаю тебя".

6) 18 апрѣля (годъ не проставленъ, но, вѣроятно, 1878).—„Благодарю тебя, Анна Александровна, за память обо мнѣ и тоже поздравляю съ праздникомъ. Пожелалъ бы и тебѣ „душевнаго спокойствія", какъ ты мнѣ желаешь, но его, кажется, не бываетъ нигдѣ, развѣ рѣдко и понемногу, и потому ограничусь пожеланіемъ „добраго здоровья". Впрочемъ, теперь никому не покойно: смотри, какія тучи повисли надъ нами, русскими, тучи, въ родѣ саранчи, или англичанъ — на этотъ разъ все равно! Ужъ куда намъ роптать на свои личныя горести! Смолчимъ пока до по́ры, до времени и подождемъ солнечнаго луча—авось

и всѣ тогда согрѣемся и отдохнемъ. На насъ напираютъ — но „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“, или „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“:—эти мудрыя истины правъ и силы своей не потеряли.—Не только наши общія дѣла мрачны, и погода здѣсь холодная, жестокая: зима не уходитъ, весна медлитъ — все это давитъ и сокрушаетъ человѣка. Кромѣ раненыхъ воиновъ, много больныхъ отъ тифа, отъ непогоды. Даже какъ-то совѣстно не имѣть какого-нибудь, хоть легкаго, катарра или насморка.—И у меня, въ маленькомъ углу, переболѣли сначала дѣти моего человѣка, а потомъ, къ самому празднику, свалился и онъ самъ— и Богъ знаетъ, встанетъ ли. Давно онъ страдалъ катарромъ, кашлялъ, желтѣлъ, блѣднѣлъ, синѣлъ и зеленѣлъ, и не смотря на мои просьбы, упреки, наконецъ приказанія лѣчиться, отказывался пригласить доктора — и теперь свалился и лежитъ. Можетъ быть, еслибъ захватить въ началѣ болѣзни, онъ и оправился бы, а теперь едва ли у него не горловая чахотка. Сколько безпокойства это внесло въ мой уголъ — и сказать не умѣю! Кое-какъ, съ помощью еле двигающей ноги, нервной и болѣзненной жены его, да дворника, приносящаго дрова, управляюсь я съ грѣхомъ пополамъ, — и не знаю, что̀ изъ этого выйдетъ. Умри онъ—останется больная вдова съ тремя ребятишками, изъ которыхъ одну старшую дѣвочку, мою любимицу, я кое-какъ могу куда-нибудь пріютить, а на всѣхъ не хватитъ у меня ни средствъ, ни попеченій! Мнѣ надо взять другого слугу, а куда они дѣнутся! Вотъ тебѣ и душевное спокойствіе! — Теперь я и самъ старъ и нуждаюсь въ попеченіяхъ. Видишь — всѣмъ не хорошо!.. Съ Александромъ Гончаровымъ я давно не видался и не плачу о томъ. Мнѣ и смѣшно и жаль слышать отъ тебя, что третьему нашему племяннику, Владиміру Гончарову, не удалось получить хорошее назначеніе по какой-то нелѣпой ошибкѣ: какъ это могло случиться, что назначили на должность его, а вызвали другого Гончарова? Нельзя ли узнать это повѣрнѣе и написать мнѣ? Я попросилъ бы въ министерствѣ юстиціи — вѣроятно ошибку исправили бы, если это ошибка. Онъ, кажется, хорошій и дѣльный малый — мнѣ его жаль! Ну, прощай, мой другъ.—Братъ твой И. Гончаровъ“.

III.

Въ маѣ 1907 года въ симбирскую архивную коммиссію переданы Г. А. Тройницкимъ (съ разрѣшеніемъ использовать для

печати) четыре письма И. А. Гончарова къ *А. Г. Тройницкому* изъ-за границы (1866—1868 гг.). Съ Тройницкимъ Иванъ Александровичъ познакомился въ 1862 году, когда онъ былъ назначенъ главнымъ редакторомъ „Сѣверной Почты"; Тройницкій же былъ въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Служебныя отношенія ихъ прекратились въ мартѣ 1867 года, когда послѣдній былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта; отношенія же добрыхъ знакомыхъ продолжались и впослѣдствіи, до смерти Тройницкаго (въ мартѣ 1871 года). Письма эти—болѣе оффиціальнаго характера, чѣмъ письма къ родственникамъ, но написаны они съ обычною *гончаровскою* обстоятельностью, спокойствіемъ и тонкимъ юморомъ. Дополняя біографію нашего писателя нѣкоторыми новыми данными, они содержатъ въ себѣ отзывъ его о „Дымѣ" Тургенева и свѣдѣнія о томъ, какъ писался имъ послѣдній романъ его знаменитой трилогіи—„Обрывъ".

Мы печатаемъ ихъ съ очень незначительными сокращеніями и съ нѣкоторыми примѣчаніями, отчасти заимствуя свѣдѣнія объ упоминаемыхъ въ нихъ лицахъ изъ письма Г. А. Тройницкаго (сына А. Г. Тройницкаго) отъ 3-го мая 1907 года.

I. Парижъ, 19-го (31-го) іюля 1866.—„Наконецъ, я въ Парижѣ",—такъ начинаетъ свое письмо Гончаровъ,—въ томъ городѣ, за „излишнее пристрастіе" къ которому упрекалъ его А. Г. Тройницкій. Онъ не писалъ ранѣе потому, что „недавно только вступилъ на нейтральную землю, а до тѣхъ поръ былъ все въ воюющихъ владѣніяхъ, откуда письма или вовсе не доходили, или доходили, напримѣръ, отъ Маріенбада до Петербурга, вмѣсто четырехъ, въ одиннадцать и болѣе дней".—„Я даже участвовалъ отчасти, хотя пассивно, въ военныхъ дѣйствіяхъ, а именно бѣжалъ, вмѣстѣ съ саксонцами и другими нѣмецкими національностями, отъ прусаковъ, съ которыми наканунѣ пилъ въ Берлинѣ за ихъ первый успѣхъ. Не доѣхавъ за одну станцію до Маріенбада, я узналъ, что оттуда всѣ разъѣзжаются, и что никого, и даже докторовъ, тамъ не найду, я въ тотъ же вечеръ пустился назадъ черезъ Лейпцигъ въ Берлинъ, чтобъ выждать тамъ, чѣмъ рѣшится дѣло и куда можно ѣхать. Но въ ту же ночь прусаки заняли лейпцигскую дорогу и сняли рельсы, а къ утру вошли въ самый Лейпцигъ. Не доѣзжая до него часа за два, намъ всѣмъ, пассажирамъ, объявили, что дальше ѣхать нельзя, и чтобъ мы шли, куда хотимъ. Тутъ же выложили на платформу и нашъ багажъ. Пассажиры стали было

приставать къ кондукторамъ съ вопросомъ, что имъ дѣлать, и получили въ отвѣтъ: „Zum Teufel! Мы и сами не знаемъ, что съ нами будетъ черезъ часъ. Ступайте вонъ туда или туда". И указали на зеленыя поля съ хлѣбомъ и на городокъ Рейхенбахъ. Однако я еще не успѣлъ окончить свою mauvais quart d'heure, сидя на чемоданѣ, какъ тѣ же кондукторы, потолкавъ всѣхъ насъ назадъ въ вагоны, помчали поѣздъ обратно на всѣхъ парахъ, захватывая по дорогѣ пустые вагоны, чтобы прусаки не могли воспользоваться ими и настичь насъ. Виноватъ: мы еще часа полтора подавались впередъ, и бѣгство наше началось не въ Рейхенбахѣ, а въ Kössnitz, гдѣ получена была телеграмма о томъ, что прусаки очень близко и идутъ къ Рейхенбаху. Въ полдень я опять пріѣхалъ въ Эгеръ, а въ четыре часа, bon gré mal gré, пріѣхалъ въ Маріенбадъ и нашелъ тамъ, вмѣсто обыкновеннаго числа посѣтителей, т.-е. 1.500 человѣкъ, всего 250 партій, и изъ нихъ около десяти русскихъ.—Мы жили тамъ и лѣчились подъ самыми дурными впечатлѣніями. Каждый день получались тревожныя извѣстія о томъ, что прусаки обходятъ насъ кругомъ, что дороги будутъ сняты, такъ что нельзя было предвидѣть, когда и куда и какимъ путемъ можно будетъ оттуда выѣхать. Послѣднее обстоятельство приводило меня въ отчаяніе—и подъ вліяніемъ всего этого и лѣченье мое, а еще менѣе (sic) писанье—пошли прахомъ. *А эти двѣ цѣли только и побудили меня поѣхать нынѣшній годъ.* Другихъ у меня нѣтъ, да и быть не можетъ. Собственно же шатанье безъ цѣли, хотя его и возводятъ въ степень путешествія, для меня теперь не имѣетъ никакого смысла. *Я не нахожу нигдѣ никакого удовольствія*, не исключая и Парижа. Въ Баденъ-Баденѣ я провелъ пріятно время потому, что нашелъ тамъ *Тургенева*, *Боткина*, вашего сосѣда, и много другихъ знакомыхъ. Изъ Маріенбада прямымъ путемъ на западъ ѣхать было нельзя, и я долженъ былъ взять на Мюнхенъ и Штуттартъ.—Теперь я отправляюсь къ морю—въ Boulogne-sur-mer, на которое и возлагаю всѣ свои надежды, т.-е. на избавленіе меня *отъ тика и отъ ревматизмовъ или подагры*: доктора *все еще не могутъ разобрать—отъ чего мнѣ больно, отъ того или отъ другого.* Я уже самъ убѣдился, что послѣ морскихъ ваннъ у меня перестаютъ болѣть и виски, и ноги.—Здѣсь, въ Парижѣ, такъ же теперь нехорошо, какъ въ Петербургѣ: духота, постройки, передѣлки и пустота. Говорятъ, есть и холера, но о ней мало слышно. Докторъ сказывалъ, что она появляется въ простомъ народѣ, отъ дурной пищи, отъ спанья на травѣ и отъ пьянства. Поэтому здѣшніе городовые не позво-

ляютъ въ Тюльерійскомъ саду и въ Булонскомъ лѣсу даже сѣсть на траву.—Чтобъ окончательно оправдаться въ слабости къ Парижу, скажу, что я такъ же провожу здѣсь время, какъ у себя въ Моховой,—съ тою только разницею, что въ Моховой мнѣ покойнѣе. Я никуда, кромѣ Тюльери и Champs-Elysées (для моціона) не хожу и никого не вижу... Я даже иногда мысленно переношусь въ совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія, и именно перенесся въ ту минуту и жадно мечталъ о немъ, когда насъ выгнали изъ вагоновъ, въ ожиданіи приближавшихся прусаковъ. Я тогда завидовалъ и вамъ, и Григорью Павловичу [1]), и мысленно гулялъ съ вами задумчиво подъ липами Лѣтняго сада [2]). Это часто случалось въ Маріенбадѣ, когда, живши въ центрѣ войны, мы не знали, что̀ вокругъ насъ дѣлается. Иностранные журналы приходили рѣдко, а австрійское главное управленіе по дѣламъ печати не очень давало волю своимъ журналамъ сообщать слухи о пораженіяхъ. Теперь многіе изъ нихъ, говорившіе слишкомъ откровенно о послѣдствіяхъ мира, просто запрещены".

II. Boulogne-sur-mer, 12-го (24-го) августа 1866. Въ началѣ письма Гончаровъ выражаетъ Тройницкому и гр. П. А. Валуеву благодарность за ихъ вниманіе къ нему и къ его „литературнымъ занятіямъ", а затѣмъ продолжаетъ:—„Я бы послѣдовалъ вашему пріятному совѣту и выпросилъ бы себѣ мѣсяцъ отсрочки, еслибъ надѣялся *кончить свой трудъ* [3]). Но этой надежды у меня нѣтъ, да и быть не можетъ: нельзя сказать себѣ сегодня, будешь ли работать завтра: можно принудить себя ко всякой работѣ, *кромѣ той, въ которой должна участвовать фантазія*, эта слишкомъ нѣжная и капризная способность [4]).—Я

[1]) *Г. П. Небольсинъ*, товарищъ министра финансовъ, потомъ членъ Государственнаго Совѣта († 1896 г.).

[2]) Весною, въ послѣобѣденное время, въ Лѣтнемъ саду часто сходились И. А. Гончаровъ, Г. П. Небольсинъ и А. Г. Тройницкій; иногда къ нимъ присоединялся В. А. Цеэ. Они гуляли вмѣстѣ часа 1½—2.—*Примѣчаніе* Г. А. Тройницкаго.

[3]) Т.-е. романъ „Обрывъ".

[4]) Въ другомъ мѣстѣ онъ развиваетъ эту мысль такъ:—„Литература поглощаетъ, требуетъ художника всего. Пишется обыкновенно быстро, но обдумывается, обработывается и отдѣлывается медленно, оглядчиво, вдумчиво, въ глубокомъ спокойствіи. Живописецъ отходитъ безпрестанно отъ своей картины то назадъ, то въ сторону, становится на разные пункты, потомъ оставляетъ кисть иногда надолго, чтобы запастись новою энергіей, освѣжить воображеніе, дождаться счастливой творческой минуты. Отъ этого и долго. Отдѣлка—половина труда, говорятъ; по моему—это все, не только въ искусствѣ, но и въ сферѣ мысли. Тезисовъ новыхъ нѣтъ; все дѣло въ изложеніи, группировкѣ, большей или меньшей горячности ихъ защиты, въ новомъ, бросаемомъ на нихъ свѣтѣ, въ искусномъ его поставленіи и т. д." (Письма къ Валуеву, стр. 36—37).

бодро работалъ прошлую недѣлю, листы плодились подъ рукой; время было, т.-е. погода свѣжая и прохладная. А теперь наступили опять жары, у меня стали дѣлаться приливы къ головѣ, и я опять положилъ перо. При морскихъ купаньяхъ запрещаютъ и вовсе умственныя занятія, но я этихъ совѣтовъ не очень слушаю, хотя и чувствую по временамъ головныя боли. У полнокровныхъ людей, и безъ занятій, а просто отъ морскихъ ваннъ дѣлаются иногда удары: напримѣръ, у нашего общаго знакомаго, Дюкруасси, отъ нихъ покривился ротъ. Но я все же постараюсь написать здѣсь, сколько могу, а если приливы къ головѣ не прекратятся, то сяду въ Парижѣ, который не имѣетъ для меня ничего привлекательнаго (le bal Mabille у comptis), что̀ могло бы отрывать меня отъ дѣла. И чего не кончу, то, можетъ быть, кое-какъ, clopin-clopant, удастся додѣлать въ Петербургѣ. Если бы меня увлекла слишкомъ эта работа (чего впрочемъ не надѣюсь, по преклонности лѣтъ и охлажденію), то я рѣшусь на преступленіе: просрочу недѣли двѣ—и думаю, что Россія снесетъ терпѣливо этотъ ударъ, т.-е. двухъ-недѣльное мое отсутствіе. Зла себѣ большого я тоже не ожидаю, особенно послѣ того, какъ у насъ отмѣнено тѣлесное наказаніе. Одного боюсь: свирѣпаго нрава Михаила Павловича, и особенно если прогнѣвается на меня самъ Викторъ Яковлевичъ!.. [1]) Я здѣсь одинъ затерялся между англичанами и англичанками: французовъ почти нѣтъ. Прекрасныя, въ полномъ смыслѣ, лэди [2]), видя, что я одинъ русскій въ ихъ толпѣ, очень внимательно стараются занять меня, полагая, что мнѣ одному скучно, и вѣрить не хотятъ, когда я говорю противное. Я однако же избѣгаю ихъ—по весьма простой причинѣ: потому что потерялъ и ту маленькую привычку болтать по-англійски, которую имѣлъ, а онѣ не ладятъ съ французскимъ и еще менѣе съ нѣмецкимъ языкомъ.—Зато веду живую бесѣду за столомъ съ однимъ итальянскимъ эмигрантомъ, котораго выгнали изъ Италіи, осудили на смерть въ Австріи, удалили за дуэль изъ Испаніи, не позволили жить во Франціи, и котораго, наконецъ, приняла въ свои широкія, космополитическія объятія Англія, гдѣ онъ женился и натурализовался“...

III. Baden-Baden, Hôtel de l'Europe, 25 іюня (7 іюля)

---

[1]) *Михаилъ Павловичъ Щербининъ*, первый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. *Викторъ Яковлевичъ Фуксъ*.

[2]) Ср. т. V, 62—63: объ англійскихъ женщинахъ—„онѣ *прекрасны*, стройны, съ удивительнымъ цвѣтомъ лица... Едва-ли въ другомъ народѣ разлито столько красоты въ массѣ, какъ въ Англіи“...

1867 г.—„Уѣзжая изъ Маріенбада недѣлю тому назадъ, я оставилъ на почтѣ свой адресъ и этой предосторожности обязанъ тѣмъ, что получилъ ваше любезное письмо, всѣми вообще и мною въ особенности много и достойно уважаемый Александръ Григорьевичъ! Не я, а Саксонская Швейцарія, какъ я теперь вижу, виновата тѣмъ, что я не буду, можетъ быть, имѣть удовольствія встрѣтить васъ лѣтомъ. Вашему пріѣзду не предшествовало никакого слуха—и я уже думалъ, не измѣнили ли вы вашего первоначальнаго маршрута. Еслибъ я зналъ, что вы такъ скоро послѣ моего отъѣзда пріѣдете въ Карлсбадъ, я бы шестую недѣлю своего водяного карантина провелъ тамъ, гдѣ повидался бы и съ М. Н. Похвисневымъ, и съ хорошимъ своимъ пріятелемъ, гр. Апраксинымъ, съ которымъ мы строили планы встрѣтиться въ Парижѣ и потомъ вмѣстѣ отправиться къ морскимъ купаньямъ. Можетъ быть, и вы дали бы мнѣ надежду на встрѣчу съ вами въ Парижѣ, куда я по этой причинѣ поѣхалъ бы гораздо охотнѣе, нежели поѣду теперь, если только поѣду, что во всякомъ случаѣ ранѣе трехъ недѣль не послѣдуетъ. Сюда я забрался потому, что нѣтъ мѣста удобнѣе и пріятнѣе для отдыха послѣ водъ, въ ожиданіи срока морского купанья. Здѣсь и зелень, и тѣнь, и удивительный воздухъ, суета и роскошь вмѣстѣ съ уединеніемъ и скромностью—и наконецъ—толпа знакомыхъ, которыхъ легко находишь, когда хочешь ихъ видѣть, и еще легче избѣгать, если захочется быть одному. Вѣроятно, вы знаете этотъ зеленый уголокъ, гдѣ среди всевозможныхъ національностей нѣмецкая составляетъ меньшинство, въ чемъ заключается немалая выгода для уставшаго отъ Германіи путешественника. Если же не знаете Бадена, то позвольте посовѣтовать вамъ отдохнуть здѣсь; зову, приглашаю, маню васъ сюда. Васъ ожидаетъ рядъ прелестнѣйшихъ прогулокъ—не среди угрюмыхъ горъ и скалъ, а среди холмовъ, зеленыхъ луговъ и виллъ, а для нервъ Вѣры Ильинишны [1]) (покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать ей мое глубокое почтеніе) — рѣшительно нельзя найти мѣста болѣе злачнаго и покойнаго. Здѣсь все зелено: рѣчка увѣшана фестонами зелени, — дома, улицы убраны ею, даже столы — и тѣ зеленые. Къ сожалѣнію, послѣдніе не успокаиваютъ нервъ. Я захожу туда, просовываю иногда сквозь толпу руку съ золотымъ, клюну на него другой золотой и ухожу — какъ будто воръ. Такъ наклевалъ я до 160 фр., но 60 возвратилъ опять. Вѣроятно возвращу и остальные сто,

[1]) Жена А. Г. Тройницкаго, рожд. Булацель († 1893 г.).

можетъ быть, не безъ придачи, хотя небольшой, ибо, къ счастью, среди многихъ бѣсовъ, которыми я одержимъ, бѣсъ игры меня никогда не мучалъ [1]). Викторъ Яковлевичъ, успѣвшій уже, послѣ Италіи, заглянуть сюда, имѣлъ успѣхъ и за этимъ зеленымъ столомъ. Онъ наклевалъ 600 фр. и окупилъ этой суммой наряды хорошенькой своей супруги. Онъ съ нею, да еще вашъ сосѣдъ *Боткинъ* и *Тургеневъ* обѣдали вчера у меня, по случаю моихъ именинъ, при чемъ я немного отступилъ отъ режима, предписаннаго послѣ водъ, и согрѣшилъ тремя рюмками шампанскаго, каковое прегрѣшеніе тотчасъ же и простилъ себѣ, какъ это обыкновенно дѣлаю во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.— И вашъ голосъ противъ „*Дыма*“: значитъ, я пріобрѣтаю все болѣе и болѣе правъ не читать его. Вы окончательно утвердили меня въ этомъ намѣреніи. Но у меня есть и еще причина, своя, особенная—не читать этой повѣсти. Я въ своемъ романѣ [2]) еще въ прошломъ году дошелъ до страстныхъ сценъ и остановился надъ ними, чувствуя, что раздраженіе фантазіи скверно дѣйствуетъ на нервы, когда самъ человѣкъ устарѣлъ и когда это надо разжигать въ себѣ искусственно. И въ „Дымѣ“ я пробѣжалъ первыя главы и лишь только дошелъ до *любви* [3]), мнѣ стало частію безпокойно, частію противно. И вотъ, книжка лежитъ недочитанная, о чемъ я и объявилъ вчера откровенно автору. Первыя же сцены возмущаютъ меня не тѣмъ, что рус-

---

[1]) Во время этого пребыванія Ивана Александровича въ Баденъ-Баденѣ пріѣхалъ сюда и *Ѳ. М. Достоевскій*, который писалъ по этому поводу А. Н. Майкову изъ Женевы 16 (28) августа 1867 года:—„Въ Баденѣ мы промучились, въ этомъ адѣ, 7 недѣль. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только что *я* пріѣхалъ, на другой же день *я* встрѣтилъ въ вокзалѣ *Гончарова*. Какъ конфузился меня въ началѣ Иванъ Александровичъ! Этотъ статскій или дѣйствительный статскій совѣтникъ тоже поигрывалъ. Но такъ какъ оказалось, что скрыться нельзя, а къ тому же *я* самъ играю съ слишкомъ грубою откровенностью, то онъ и пересталъ отъ меня скрываться. Игралъ онъ съ лихорадочнымъ жаромъ (въ маленькую, на серебро), игралъ всѣ двѣ недѣли, которыя прожилъ въ Баденѣ, и, кажется, значительно, проигрался. Но дай Богъ ему здоровья, милому человѣку! когда *я* проигрался до тла (а онъ видѣлъ въ моихъ рукахъ много золота), онъ далъ мнѣ по просьбѣ моей 60 франковъ взаймы. Осуждалъ онъ, должно быть, меня ужасно. „Зачѣмъ я все проигралъ, а не половину, какъ онъ?“—*Гончаровъ все мнѣ говорилъ о Тургеневѣ*, такъ что *я*, хотя и откладывалъ заходить къ Тургеневу, рѣшился, наконецъ, ему сдѣлать визитъ“... („Русскій Архивъ“, 1902 г., № 9, стр. 144). Такимъ образомъ, Гончаровъ отчасти былъ виновникомъ этого рокового свиданія двухъ великихъ писателей, имѣвшаго столь важное значеніе для ихъ послѣдующихъ отношеній.—Сравн.: *Н. М. Гутьяръ*, „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ, 1907“, стр. 335 и далѣе.

[2]) „Обрывъ“.

[3]) Подчеркнуто Гончаровымъ.

ское перо враждебно относится къ русскимъ людямъ, безпощадно казня ихъ за пустоту, а тѣмъ, что это перо измѣнило тутъ автору, искусству. Оно грѣшитъ какою-то тупою и холодною злостью, грѣшитъ невѣрностью, т.-е. отсутствіемъ дарованія. Всѣ эти фигуры до того блѣдны, что какъ будто онѣ выдуманы, сочинены. Ни одного живого штриха, никакой мѣткой особенности, ничего, напоминающаго физіономію, живое лицо: просто, по трафарету написанная кучка нигилистовъ. *Это я тоже сказалъ автору.* — Изъ русскихъ я видѣлъ здѣсь, между прочимъ, Скрыпицына и Милютина, больного, который, узнавъ, что я тутъ, просилъ зайти. Я никогда у него не бывалъ въ Петербургѣ, но теперь, и здѣсь, съ удовольствіемъ отозвался на его приглашеніе — и онъ оцѣнилъ это. Онъ очень на взглядъ свѣжъ: кромѣ пораженной части, организмъ его, кажется, въ хорошемъ состояніи. Но улучшеній въ его болѣзни не замѣчается. Онъ говоритъ ясно, сознательно, только сбивается въ именахъ и вообще въ названіяхъ... Про Парижъ сегодня мнѣ говорили недоброе, что будто тамъ отъ жаровъ дѣлается какая-то новая болѣзнь: человѣкъ вдругъ падаетъ полумертвымъ. Впрочемъ, это извѣстіе передалъ мнѣ одинъ русскій купецъ, который еще въ Маріенбадѣ распустилъ слухъ, что Рейнскій водопадъ — провалился. Поэтому, и извѣстіе о новой болѣзни въ Парижѣ требуетъ, какъ извѣстіе о смерти Максимиліана, подтвержденія въ „Монитёрѣ“. Во всякомъ случаѣ въ Парижъ ѣхать рано. — Не знаю, куда вы направитесь изъ Карлсбада: вы хотѣли и въ Венецію — и еще куда-то на югъ: значитъ, не только здѣсь, въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ по преимуществу пріятно бы было погулять съ вами по Лихтентальской долинѣ, но и въ Парижѣ нѣтъ надежды увидѣться. Я останусь здѣсь недѣли три и потомъ, если получу изъ Парижа обѣщаніе найти мнѣ квартиру и если слухъ о падающихъ отъ жаровъ на улицѣ людяхъ не подтвердится, то отправлюсь на недѣлю туда, чтобъ пробраться къ морю, а затѣмъ домой — можетъ быть раньше срока. — Позвольте просить васъ передать мой поклонъ М. Н. Похвисневу и Людмилѣ Николаевнѣ [1]), а если встрѣтитесь съ гр. Апраксинымъ, то и ему. Его легко узнать: свѣжій, здоровый, bouche en coeur, но скорбная постоянно мина отъ печали и заботы о мнимо-разстроенномъ здоровьѣ, аппетитъ — какъ слѣдуетъ у старшины англійскаго клуба; при всемъ томъ очень уменъ и милъ. — Я бы просилъ

[1]) *Похвиснеевой*, сестрѣ М. Н. Похвиснева, преемника Щербинина, по должности начальника главнаго управленія по дѣламъ печати.

передать мое почтеніе и Петру Александровичу [1]), если онъ пріѣдетъ туда; да боюсь, узнавши, что я въ Баденъ-Баденѣ, онъ не пуститъ больше никогда, хотя это будетъ несправедливо. Если я ѣмъ здѣсь 12 блюдъ за table-d'hôte, такъ это поневолѣ, а въ рулетку играю даже не на казенныя деньги, потому что мнѣ ихъ не дали впередъ".

IV. Bayern, Kissingen, 19 іюня (1 іюля) 1868. Barrikadenstrasse, Haus Büdel. — „Я пребываю въ злачномъ и покойномъ Киссингенѣ, пью воду, и еще болѣе исполняю совѣты многихъ доброжелателей литературы и моихъ, въ томъ числѣ и вашъ совѣтъ—ѣхать и доканчивать трудъ, о которомъ, къ горю моему, возникли въ публикѣ какія-то, распущенныя злокачественными людьми, преувеличенныя ожиданія. И вотъ я царапаю этимъ самымъ перомъ, которымъ пишу письмо, въ своихъ тетрадяхъ, и иногда до того усердно царапаю, что вся пріобрѣтенная отъ питья воды польза уничтожается неумѣреннымъ сидѣньемъ за письменнымъ столомъ [2]). Докторъ сталъ было противъ этого возставать, но я далъ ему злата... и прогналъ его. И теперь, безъ доктора, чувствую себя легче, еслибъ, къ сожалѣнію, вдругъ наступившій холодъ и тучи не превратили моего тихаго, мирнаго, почти счастливаго расположенія духа *въ черную тоску*, заставляющую меня сильно задумываться о предстоящемъ въ октябрѣ возвращеніи въ Петербургъ, къ его холоднымъ дождямъ *и къ моей безысходной тамошней хандрѣ и нервнымъ раздраженіямъ*. — Меня мучаетъ значительно еще одно обстоятельство невиннаго свойства: это именно то, что я передъ отъѣздомъ не успѣлъ ни съ кѣмъ проститься, и даже не забѣжалъ къ вамъ. Забѣжать бы я могъ, потому что нѣсколько разъ, какъ заяцъ, пробѣгалъ мимо вашего подъѣзда. Но я хотѣлъ бы забѣжать не такъ, чтобъ отдать карточку швейцару и уйти, а забѣжать и видѣть васъ, для чего нужно бы было выбрать удобное время. А у меня въ распоряженіи ни удобнаго времени, ни не-удобнаго времени не было. Редакторъ „Вѣстника Европы" (бывшій профессоръ, а теперь идеальный, честный, просвѣщенный и добро-

---

[1]) Валуеву.

[2]) *П. Д. Боборыкинъ* говоритъ, что Гончаровъ — „истый Кунктаторъ, писалъ свой романъ болѣе десятка лѣтъ? Я говорю: „писалъ". Это невѣрно. Обдумывалъ, дожидался расположенія къ работѣ, досуга—да, но писалъ очень быстро. Одно изъ первыхъ авторскихъ сообщеній намъ былъ разсказъ самого И. А. о томъ, какъ онъ на водахъ, а потомъ, если не ошибаюсь, въ Парижѣ, такъ быстро писалъ „Обрывъ", что у него затекала рука, и онъ сидѣлъ часами за письменнымъ столомъ, написывая до печатнаго листа въ сутки и болѣе". См. *Евг. Ляцкій*, op. cit., стр. 85.

совѣстный редакторъ) Стасюлевичъ, выталкивалъ меня съ такою энергіею, съ какою онъ издаетъ свой журналъ. Онъ и велѣлъ мнѣ не только приготовить первую, уже давно написанную мною, но и дописать вторую, еще несуществующую половину моего труда и представить все ему къ январю будущаго года. На дорогу выхлопоталъ мнѣ особое помѣщеніе въ вагонѣ—и чтобъ я не сидѣлъ праздно тамъ, купилъ и вручилъ мнѣ записную книжку съ карандашомъ, которую я всю и исписалъ до Берлина, а въ Берлинѣ самъ купилъ еще три и до Киссингена исписалъ и ихъ и теперь перевожу на бумагу. Да не знаю, добреду ли до конца — скажу только, что въ этомъ трудѣ моемъ переложены въ образы и мои убѣжденія, и правила, и впечатлѣнія, и все это почерпнуто изъ добрыхъ, здоровыхъ и — смѣю сказать — честныхъ источниковъ жизни. Невольно, безсознательно,

Im Scherz und unbewusst
Ich sprach, was ich gefühlet,—

какъ говоритъ Гейне,—высказалась тамъ и объяснилась и мнѣ самому — и любовь къ людямъ, и къ Россіи, и, кажется, сама Россія выглядываетъ оттуда на меня, *въ видѣ одной бабушки* [1]), и добродушно смѣется надъ моими усиліями сказать ей „люблю“. Можетъ быть, мои идеалы и стремленія покажутся смѣшны, какъ, напримѣръ, смѣшонъ Обломовъ, но они честны и искренни, какъ онъ же. Новый мой герой еще смѣшнѣе — онъ поэтъ, а героини... Но смѣю думать, что вы сами не пренебрежете прочесть, если удастся кончить, и тогда рѣшите лучше меня самого, достигъ ли *я*, чего хотѣлъ, или нѣтъ, но вѣроятно, надѣюсь, согласитесь, что намѣренія у меня были добрыя, хотя бы исполненіе и было слабо. — О томъ, что̀ я просилъ васъ передать *П. А. Валуеву*, написалъ я ему самъ, узнавши, что онъ уже

[1]) Такимъ образомъ, аллегорическое значеніе „бабушки“ не было чуждо Гончарову во время самаго созданія романа „Обрывъ“, который оканчивается словами: „А за ними (героями) стояла и сильнѣе ихъ влекла его (Райскаго) къ себѣ — еще другая, исполинская фигура, другая великая „бабушка“—Россія (X, 319). – „Добрая критика,—писалъ авторъ гр. Валуеву,—напримѣръ, хоть бы въ „Обрывѣ“ указала бы, что въ бабушкѣ (какъ клочокъ неба въ прудѣ) отразилась сильная, властная, консервативная часть Руси, которой эта старуха есть миніатюрная *аллегорія*. Она идетъ впередъ медленно, съ оглядкой, нѣ-хотя уступая времени, но идетъ, потому что, не смотря на старыя, вѣковыя свои привычки, она честна и практически мудра, и знаетъ, что—ни стоять, ни назадъ идти нельзя. Она властная – и любитъ держать дѣтей въ рукахъ и въ своей волѣ, стараясь водить на дѣтскихъ помочахъ не только младшую, робкую и покорную внучку Марѳиньку, но и самостоятельную, пытливую и смѣлую Вѣру (молодую интеллигенцію)“. Стр. 51—52.

въ Карлсбадѣ, и получилъ отъ него благосклонный и успокоительный отвѣтъ. Я поблагодарилъ его и получилъ новый отвѣтъ, и такимъ образомъ мы размѣнялись тремя-четырьмя письмами — и такъ какъ переписка грозила затянуться, то я испугался, попросилъ извиненія и замолчалъ [1]).—Теперь позвольте перейти къ случаю, подавшему мнѣ поводъ напомнить о себѣ. Вы теперь — какъ я слышалъ—опекунъ Николаевскаго института [2]). А тамъ есть у меня старая моя знакомая, нѣкто Варвара Лукинишна *Лукьянова*, классная дама. Она нѣкогда была въ Симбирскѣ гувернанткой, знала мою мать, сестеръ и брата — и въ теченіе 20 лѣтъ извѣстна мнѣ своимъ образованіемъ, отличнымъ характеромъ, распорядительностью, трудолюбіемъ и женскимъ умѣньемъ дѣлать всякое хорошее женское дѣло. Она была два раза замужемъ и имѣетъ пару дѣтей. Ни тотъ, ни другой мужъ ничего ей не доставили — и она ѣстъ институтскій хлѣбъ и работаетъ усердно и для института, и занимается своими дѣтьми, все это непокладывая рукъ. Кажется, m-me Шостакъ [3]) мало цѣнитъ ее, а она, судя по отзывамъ самой же m-me Шостакъ—и также другимъ—о классныхъ дамахъ этого института, едва-ли не лучшая и не первая изъ всѣхъ этихъ институтскихъ дамъ во всѣхъ отношеніяхъ: и по уму, по образованію, по знанію жизни и по умѣнью обходиться съ дѣтьми. Должность классной дамы становится ей не подъ силу, она устаетъ чрезъ мѣру:—въ институтѣ, я слышалъ, открывается вакансія инспектрисы—и я убѣжденъ, что ни въ институтѣ, ни на сторонѣ назначенія лучше г-жи Лукьяновой не можетъ быть. Я знаю всю вашу осторожность и не смѣю рѣшительно просить васъ замолвить за нее слово: я только прошу васъ повѣрить мнѣ и обратить на эту даму ваше проницательное вниманіе, и если оно подтвердитъ сказанное мною о ней, то тогда уже благоволите указать на нее и госпожѣ Шостакъ, какъ на достойную. — Позвольте сказать еще, что я никогда не слушаю въ рекомендаціяхъ своихъ одного только голоса дружбы или личнаго моего пристрастія, если лицо не отвѣчаетъ само за себя и своими качествами. Напомню, что я когда-то ходатайствовалъ у васъ о Леонидѣ *Майковѣ* въ статистическомъ

---

[1]) Впослѣдствіи онъ ближе сошелся съ Валуевымъ и въ 1877—1882 гг. написалъ ему нѣсколько обширныхъ писемъ.

[2]) Въ званіи почетнаго опекуна Тройницкій около четырехъ лѣтъ былъ управляющимъ петербургскими сиротскими заведеніями, главное изъ которыхъ — Николаевскій институтъ.

[3]) Екатерина Николаевна Шостакъ была около сорока лѣтъ начальницей петербургскаго Николаевскаго института.

комитетѣ и хлопоталъ объ опредѣленіи *Богушевича* моимъ помощникомъ по редакціи „Сѣверной Почты“: смѣю думать, что объ мои рекомендаціи оправдались. То же будетъ и тутъ навѣрное“.

Варвара Лукинишна *Лукьянова*—одна изъ женщинъ, игравшихъ замѣтную роль въ жизни Гончарова. Есть основаніе полагать, что она была героиней одного изъ „старыхъ эпизодовъ“, имѣвшихъ мѣсто въ жизни автора „Обрыва“ (VIII, 135). Молодой дѣвушкой она поступила гувернанткой въ домъ Кирмаловыхъ, къ дѣтямъ сестры Гончарова, Александры Александровны. По воспоминаніямъ симбирскихъ родственниковъ Ивана Александровича, это „была красивая смольнянка, за которою онъ ухаживалъ; она также была неравнодушна къ нему“. Г. Н. Потанинъ разсказываетъ, что на письменномъ столѣ Гончарова въ Петербургѣ онъ видѣлъ „прелестный акварельный портретъ Варвары Лукинишны, красивой, молодой, въ бархатной рамкѣ“ [1]). Въ одномъ изъ его писемъ въ Хухорево (17 декабря 1849 г.) читаемъ:—„...адресую письма на Варвару Лукинишну, да она и отвѣчать не лѣнива: пишетъ живѣй любого секретаря и лучше всѣхъ нашихъ литераторовъ, въ томъ числѣ и меня“. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ онъ выслалъ „книги для Варвары Лукинишны“. „Съ Новаго года,—говорится въ концѣ этого письма,—вы будете получать опять „Современникъ“: это мой подарокъ тоже Варварѣ Лукинишнѣ; ей же дарю и старый прошлогодній журналъ“.—Вскорѣ послѣ этого она переѣхала въ Петербургъ, гдѣ часто видѣлась съ Иваномъ Александровичемъ. Когда она была вдовой, онъ помогалъ ей въ дѣлѣ образованія дѣтей и,—какъ видно изъ послѣдняго письма къ Тройницкому,—въ устройствѣ ея собственной судьбы.

IV.

Въ заключеніе настоящей статьи, мы печатаемъ *письмо И. С. Тургенева* къ И. А. Гончарову. Оно было случайно найдено авторомъ вышепомѣщенныхъ воспоминаній, А. Н. Гончаровымъ (въ книгахъ послѣдняго, которыми нѣкогда пользовался Иванъ Александровичъ), который, незадолго до своей смерти, предоставилъ его въ наше распоряженіе. Оно представляетъ со-

---

[1]) *Г. Н. Потанинъ*. Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ. „Историч. Вѣсти.“, 1903 г., № 4, стр. 121; ср. тамъ же, стр. 102, 109, 116.

бою документъ, дополняющій ранѣе опубликованные матеріалы для характеристики взаимныхъ отношеній двухъ знаменитыхъ современниковъ и того „литературнаго недоразумѣнія", въ которомъ такъ ярко сказалась болѣзненная мнительность Гончарова.

Какъ извѣстно [1]), начало знакомства Гончарова съ Тургеневымъ относится къ половинѣ сороковыхъ годовъ; особенно же близко сошлись они по возвращеніи Гончарова изъ путешествія, въ 1855 году. „Въ то время,—разсказываетъ Л. Н. Майковъ,—дружескія связи ихъ были настолько тѣсны, что они не только читали другъ другу свои уже написанныя, но еще не напечатанныя произведенія, но и сообщали на общій судъ программу сочиненій, только-что задуманныхъ; такъ, по всему вѣроятію, не позже 1857 года Гончаровъ показывалъ Тургеневу программу романа, которому предполагалось дать заглавіе: „Эпизоды изъ жизни Райскаго" и который былъ впослѣдствіи названъ „Обрывомъ", а Тургеневъ въ 1858 году прочелъ Гончарову „Дворянское Гнѣздо" и далъ понятіе о содержаніи романа „Наканунѣ". Выслушавъ „Дворянское Гнѣздо", Гончаровъ высказалъ автору мысль о сходствѣ этого произведенія съ сюжетомъ задуманнаго имъ „Райскаго", и Тургеневъ—какъ утверждалъ впослѣдствіи Иванъ Александровичъ—не только согласился съ этимъ замѣчаніемъ, но и рѣшился исключить изъ своего романа одно мѣсто, слишкомъ живо напоминавшее одну изъ сценъ въ будущемъ романѣ Гончарова. „Я успокоился",—говорилъ впослѣдствіи Гончаровъ, припоминая это обстоятельство. Но когда „Дворянское Гнѣздо" было напечатано и своимъ громаднымъ успѣхомъ заслонило (временно—М. С.) успѣхъ начавшаго печататься „Обломова", Гончаровъ не выдержалъ и снова затѣялъ счеты съ Тургеневымъ. Впрочемъ, эта попытка личныхъ объясненій не имѣла рѣшительнаго характера и не привела еще къ разрыву между старыми пріятелями, такъ что, когда Тургеневъ, въ мартѣ 1859 года, собрался съѣздить въ свое Спасское, Гончаровъ пришелъ проводить его на Николаевскую станцію, и они разстались болѣе или менѣе дружески; но вслѣдъ затѣмъ сомнѣнія снова овладѣли Гончаровымъ, и онъ рѣшился возобновить свои объясненія на письмѣ". Его „длинное" (какъ онъ самъ говоритъ) письмо, отъ 28 марта 1859 года, опубликовано Л. Н. Майковымъ, который вполнѣ справедливо называетъ его „замѣ-

---

[1]) *П. В. Анненковъ.* Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ. („Вѣстникъ Европы", 1885 г., № 3). — *Л. Майковъ.* Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859 и 1860 годахъ („Русская Старина", 1900 г., № 1).

чательнымъ, какъ попытку Гончарова объяснить свою личность", а вмѣстѣ съ тѣмъ и „уязвить" соперника.

Отвѣчая Гончарову 7 апрѣля того же года, Тургеневъ, не входя въ подробности, ограничился краткимъ объясненіемъ по поводу его обвиненій. Онъ, „очевидно, избѣгалъ ссоры, замѣчая, съ одной стороны, преувеличенную придирчивость своего корреспондента, а съ другой — пожалуй, чувствуя, что упрекъ Гончарова можетъ имѣть нѣкоторое, впрочемъ только призрачное основаніе"... Такое отношеніе Тургенева на время обезоружило Гончарова, и они дружелюбно встрѣчались въ Петербургѣ весной и осенью того же 1859 года. Но въ слѣдующемъ году отношенія ихъ обострились и между ними произошелъ временный разрывъ. 3-го марта 1860 года Гончаровъ написалъ Тургеневу письмо, въ которомъ, по прочтеніи тридцати или сорока страницъ изъ „Наканунѣ", отдавая справедливость дарованію автора, говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „какъ въ человѣкѣ, цѣню въ васъ одну благородную черту — это то радушіе и снисходительность, пристальное вниманіе, съ которымъ вы выслушиваете сочиненія другихъ и, между прочимъ, недавно выслушали и расхвалили мой ничтожный отрывокъ все изъ того же романа, который былъ вамъ разсказанъ уже давно, въ программѣ". Тургеневъ понялъ язвительный смыслъ этихъ словъ: упоминаніе объ его „пристальномъ вниманіи" было, очевидно, намекомъ на такія же заимствованія въ „Наканунѣ", какія Гончаровъ находилъ прежде въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ". Не выдержало добродушіе Ивана Сергѣевича, и онъ потребовалъ третейскаго суда, на что послѣдовало согласіе и Гончарова.

Экспертами были избраны люди, благожелательно относившіеся къ обѣимъ сторонамъ, а именно: С. С. Дудышкинъ, А. В. Дружининъ и П. В. Анненковъ. По словамъ послѣдняго, они пришли къ такому заключенію: — „Произведенія Тургенева и Гончарова, какъ возникшія на одной и той же русской почвѣ, должны были тѣмъ самымъ имѣть нѣсколько схожихъ положеній, случайно совпадать въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ, что оправдываетъ и извиняетъ обѣ стороны". — И. А. Гончаровъ, казалось, остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ экспертовъ. Не то, однако же, случилось съ Тургеневымъ. Лицо его покрылось болѣзненною блѣдностью; онъ пересѣлъ на кресло и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ слѣдующее: „Дѣло наше съ вами, Иванъ Александровичъ, теперь кончено; но я позволю себѣ прибавить къ нему одно послѣднее слово. Дружескія наши отношенія съ этой минуты прекращаются. То, что произошло

между нами, показало мнѣ ясно, какія опасныя послѣдствія могутъ являться изъ пріятельскаго обмѣна мыслей, изъ простыхъ, довѣрчивыхъ связей. Я остаюсь поклонникомъ вашего таланта, и, вѣроятно, еще не разъ мнѣ придется восхищаться имъ, вмѣстѣ съ другими, но сердечнаго благорасположенія, какъ прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не можетъ съ этого дня". — Сказавши это, Тургеневъ поклонился присутствовавшимъ и удалился.

Впослѣдствіи, въ январѣ 1864 года, на похоронахъ Дружинина, произошло между ними примиреніе, которое,—по замѣчанію Анненкова,—„къ сожалѣнію, все же не могло возстановить вполнѣ прежнихъ добрыхъ отношеній". Они вновь вступили въ переписку другъ съ другомъ, къ которой и относится печатаемое нами письмо Тургенева.

Возникшія между двумя знаменитыми писателями недоразумѣнія и вызванный ими третейскій судъ породили много толковъ въ литературной средѣ того времени. Нѣкоторые изъ циркулировавшихъ въ обществѣ слуховъ попали современемъ и въ печать, при чемъ въ послѣдней нашли себѣ мѣсто и совершенно невѣрныя сообщенія. Такъ, покойный *Д. В. Григоровичъ*,—считавшій яблокомъ раздора одинъ изъ эпизодовъ „Дворянскаго Гнѣзда",— въ числѣ третейскихъ судей, разбиравшихъ дѣло Гончарова и Тургенева, ошибочно называетъ Никитенка, и о самомъ судѣ и его послѣдствіяхъ говоритъ:—„ничего изъ этого, конечно, не вышло, кромѣ смѣху; но съ тѣхъ поръ Гончаровъ пересталъ не только видѣться, но и кланяться съ Тургеневымъ" [1]).

Между тѣмъ, находящееся въ нашемъ распоряженіи письмо свидѣтельствуетъ о „возобновленіи дружескихъ отношеній" между Тургеневымъ и Гончаровымъ черезъ четыре года послѣ этого суда, — отношеній, прерванныхъ „недоразумѣніемъ". Эти „дру-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій *Д. В. Григоровича*. Спб., 1896, стр. 396—397.— *А. Н. Гончаровъ*, какъ мы видѣли выше, причину непріязненныхъ отношеній своего дяди къ Тургеневу также указываетъ въ томъ, что первый подозрѣвалъ второго въ плагіатѣ сюжета „Дворянскаго Гнѣзда". — *П. Д. Боборыкинъ* говоритъ „объ инцидентѣ, какой омрачилъ отношенія Гончарова къ своему собрату и — до того времени — пріятелю Тургеневу, по появленіи „Отцовъ и Дѣтей", и прибавляетъ:— „Намъ было жаль автора „Обрыва" въ томъ смыслѣ, что онъ могъ, дѣйствительно, задумать типъ „нигилиста" раньше Тургенева. Но кто же былъ виноватъ въ томъ, что онъ, какъ истый Кунктаторъ, писалъ свой романъ болѣе десятка лѣтъ?"

жескія отношенія",—хотя, можетъ быть, и болѣе холодныя, чѣмъ ранѣе,—продолжались между ними и позднѣе. Въ 1867 году въ Баденъ-Баденѣ Тургеневъ обѣдалъ у Гончарова „по случаю его именинъ", причемъ хозяинъ не постѣснился откровенно высказать своему гостю свое мнѣніе о послѣднемъ его произведеніи [1]). Тогда же Гончаровъ, по словамъ Достоевскаго, „все говорилъ о Тургеневѣ",—очевидно, не въ „недоброжелательномъ" смыслѣ, потому что Достоевскій, вслѣдствіе его словъ, не смотря на все свое нерасположеніе къ автору „Дыма", „рѣшился ему сдѣлать визитъ". Такимъ образомъ, объ окончательномъ разрывѣ между Тургеневымъ и Гончаровымъ „съ тѣхъ поръ", о которыхъ говоритъ Григоровичъ, не можетъ быть и рѣчи.

Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь еще на двѣ неточности въ „Воспоминаніяхъ" Д. В. Григоровича, допущенныя имъ, вѣроятно, вслѣдствіе измѣны памяти и подъ вліяніемъ нѣкотораго „недоброжелательства" его самого къ автору „Обломова". Онъ дѣлаетъ, между прочимъ, намекъ, будто типъ Обломова заимствованъ Гончаровымъ у Гоголя:—„Задача характера Обломова цѣликомъ выражена въ лицѣ помѣщика Тентетникова, во второй части „Мертвыхъ Душъ"; не будь Тентетникова, не было бы, можетъ быть, и Обломова" (стр. 297). — Между тѣмъ, второй томъ великаго произведенія Гоголя опубликованъ уже по смерти автора, въ 1855 году, тогда какъ „Сонъ Обломова", въ которомъ „характеръ" героя „выраженъ" яснѣе, чѣмъ „въ лицѣ Тентетникова", появился еще при жизни Гоголя, въ литературномъ сборникѣ, изданномъ редакціей „Современника" въ 1849 году.— Не правъ Григоровичъ и тогда, когда утверждаетъ, что никто въ теченіе многихъ лѣтъ не слыхалъ отъ Гончарова „похвалы чужому произведенію". Гончаровъ высоко цѣнилъ Л. Толстого и высказывалъ похвалы его произведеніямъ, въ частныхъ разговорахъ, въ письмахъ къ знакомымъ и въ печати,—напримѣръ, въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда". И не только „великому писателю русской земли" отдаетъ онъ должное въ этой статьѣ, но и другимъ своимъ современникамъ, какъ-то: Островскому, Достоевскому, Щедрину и, наконецъ, тому же Тургеневу (стр. 84—85). — Если въ концѣ жизни онъ дѣйствительно сталъ „отдаляться" отъ послѣдняго, то причина этого гораздо глубже, чѣмъ зависть къ его литературнымъ успѣхамъ, какъ и вообще пси-

[1]) Неправъ, слѣдовательно, и *Майковъ*, который въ цитированной нами статьѣ (стр. 23) замѣчаетъ, что послѣ примиренія съ Тургеневымъ Гончаровъ „избѣгалъ говорить о новыхъ произведеніяхъ автора „Дыма"... О „Дымѣ"-то именно онъ и говорилъ самому Тургеневу и писалъ своимъ друзьямъ.

хика Гончарова несравненно глубже, многограннѣе и сложнѣе, чѣмъ принято думать. И это понималъ, вѣроятно, самъ Тургеневъ, такъ снисходительно относившійся къ его страннымъ, несомнѣнно болѣзненнымъ, поступкамъ.

„Парижъ. Rue de Rivoli, 210.
„Суббота, 14 (26) марта 64.

„Любезнѣйшій Иванъ Александровичъ. Я третьяго дня добрался досюда—и пользуюсь первой свободной минутой, чтобы написать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на Вашу послѣднюю записку.—Если Вы порадовались моему пріѣзду, потому что онъ положилъ конецъ возникшему между нами недоразумѣнію—то и я съ своей стороны не менѣе Васъ порадовался возобновленію дружескихъ отношеній съ человѣкомъ, къ которому—не говоря уже объ уваженіи къ его таланту—я стою очень близко—въ силу общаго прошедшаго, однородности стремленій и многихъ другихъ причинъ.—Мы вѣдь тоже немножко съ вами послѣдніе Могикане.—Повторяю—я душевно радъ тому, что чувствую снова Вашу руку въ моей—и съ удовольствіемъ думаю объ обѣщанномъ Вами посѣщеніи меня въ Баденѣ.

„Благодарю Васъ за помѣщеніе статеечки въ „Голосѣ“; будьте такъ добры, не забудьте и „Сѣв. Почты“; а если это уже сдѣлано, примите мое спасибо.

„Я остаюсь здѣсь около пяти недѣль—и очень мнѣ было бы пріятно получить отъ Васъ письмо.—Мнѣ приходится немедленно засѣсть за статью о Шекспирѣ, которая, если будетъ найдена удобной, прочтется въ день его годовщины. Сообщите, какія Вы найдете интересными новости.—Не продернула ли меня „Искра“ за мое летаніе? Появилась ли „Эпоха“?—Что происходитъ въ университетѣ?—Здѣсь умы заняты послѣдними весьма радикальными выборами:—но о Польшѣ ни слуху, ни духу: c'est, какъ говорятъ французы, une question coulée:—даже не совсѣмъ прилично упоминать о ней, какъ о прошлогоднемъ нарядѣ. Впрочемъ, я еще не успѣлъ почти ни съ кѣмъ видѣться: просидѣлъ часа два съ Мериме.

„Пока прощайте; крѣпко и дружески жму Вамъ руку и остаюсь преданный Вамъ Ив. Тургеневъ“.

М. Супѣранскій.

КАПЛЯ ВЪ МОРѢ...

ОЧЕРКИ

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

Окончаніе *).

Прасковья Павловна, все такая же озабоченная и угнетенная, дѣйствительно, ждала гостей за самоваромъ въ саду.

— Ужъ вы извините,—съ церемонной улыбкой обратилась она къ молодымъ людямъ,—не ждала гостей, запасовъ у меня нѣтъ. Хлѣбъ да масло. Кто хочетъ чаю, а кто кофе?

— О, кофе у ma tante такой, что я нигдѣ такого не пилъ!—съ восторгомъ вскрикнулъ Сергѣй.—Только она и умѣетъ такой варить.

Старушка прояснилась.

— Ахъ, какъ вретъ! Все вретъ.

Но когда всѣ стали пить и хвалить ея кофе—всю ея озабоченную натянутость какъ рукой сняло.

— Милые вы мои! — дрожащимъ голосомъ ласково заговорила она.—Просто хотите вы потѣшить старуху. Ну, и спасибо вамъ! Да развѣ бы такъ я хотѣла васъ принять и угостить? А когда-то я это могла и умѣла. Не хвастаясь скажу: умѣла.

— Я помню ваши пріемы,—сказала Юлія.

Прасковья Павловна обрадовалась.

— Вы помните? Да?

Она точно нашла стараго друга, и воспоминанія хлынули неудержимой волной. Нѣсколько разъ слезы навертывались на ея глаза, но лицо казалось счастливымъ.

*) См. выше: ноябрь, стр. 49.

— Да, вотъ какъ было раньше!—заключила она.—А теперь? Старость, немощь и—чего скрывать!—нужда. Я въ ней не виновата. Сижу я на своей землѣ, а мнѣ говорятъ, что и земля не моя, и сама я лишняя, и жить мнѣ довольно, потому что ни на что я не годна и зарабатывать я не могу. Вѣдь вы давеча пріѣхали, а мнѣ васъ въ домъ совѣстно ввести. Какой теперь домъ? Пустые сараи. Мебель свою я тутъ одному кулаку продала. Вы думаете, это легко? Смотрѣть не могла, какъ ее выносить стали. Въ хамскія руки-то этакія для меня священныя воспоминанія отдала! А самый хамъ еще съ любезностью подсмѣивается: „Просторно вамъ теперь, сударыня, будетъ!“—Такъ я, все-таки, душу отвела и изъ его же денегъ ему на чай кинула.

— Молодецъ, ma tante!—одобрилъ Сергѣй.

Она обняла его за плечи и любовно засмѣялась.

— Юлія Сергѣевна! Это—хорошій малый!—отрекомендовала она.—Сердечный, славный. Я его очень люблю.

— А отчего вы меня не похвалите? Чѣмъ я хуже?—съ лукавой улыбкой спросилъ Павликъ.

— Ты?

Старуха вдругъ стала серьезна.

— Ты, можетъ быть, даже еще лучше,—медленно и вдумчиво сказала она,—да есть у тебя какой-то шипъ... Не простой ты, какъ Сережа, и... Богъ тебя знаетъ! Только не дай Богъ никому крѣпко привязаться къ тебѣ. Не надо тебѣ этого.

— Не надо?—переспросилъ Павликъ, и его только-что веселое лицо вдругъ стало печальнымъ.

— Трудно съ тобой!—махнула рукой старуха.

— И не стóитъ брать на себя этого труда?—съ горькой усмѣшкой спросилъ Павликъ.

Прасковья Павловна встрепенулась и пристально взглянула на него.

— Милый! да развѣ я тебя обидѣла?—съ порывомъ нѣжности потянулась она къ нему.—Не знаешь ты своей старой тетки? Чтò думаю, тò скажу. Ну, случится, и не такъ скажу. Умъ меня выдастъ, а сердце не выдастъ, Павликъ. Нужно тебѣ будетъ это старое сердце, оно труда и боли не побоится.

Онъ угадалъ ея намѣреніе поцѣловать его, и, наклонившись, холодно подставилъ ей свою щеку.

Въ Грачевкѣ Ивковыхъ удержали ночевать.

— Ни къ чему вы дома не нужны!—заявила Кира.

— Мы-то—несомнѣнно, а лошадь, пожалуй, нужна,—объ-

яснилъ Сергѣй, но сейчасъ же энергично махнулъ рукой съ папиросой и закричалъ:

— Остаемся!

На крылечкѣ флигеля сидѣлъ землемѣръ и болталъ длинными ногами въ высокихъ сапогахъ. Павликъ подошелъ къ нему поздороваться и сейчасъ же исчезъ вмѣстѣ съ нимъ въ сѣняхъ и вернулся къ дому долго спустя. Киры и Сергѣя не было. Юлія сидѣла на ступенькѣ балкона, а на площадкѣ передъ ней ходилъ взадъ и впередъ Юрій Платоновичъ и что-то развивалъ.

Какъ только Юлія увидала Павлика, она быстро встала и протянула ему руку.

— Пойдемте въ садъ!—предложила она.

— Прекрасно!—согласился Юрій Платоновичъ.—Пусть молодой человѣкъ приведетъ мнѣ свои возраженія.

— Нѣтъ!—сухо отрѣзала Юлія:—мы пойдемъ только вдвоемъ и будемъ говорить о чемъ-нибудь болѣе интересномъ. Вѣдь я, Юрій Платоновичъ, достаточно вижу и слышу васъ, когда мы одни.

Онъ развелъ руками и склонился передъ ней съ ироническою почтительностью.

— Простите... Не намѣревался вамъ мѣшать...

Она прошла мимо него, какъ бы даже не замѣчая его.

Было уже темно, звѣзды высыпали на темномъ чистомъ небѣ, а между вѣтвей неподвижныхъ деревьевъ низко къ горизонту блестѣлъ рогъ молодого мѣсяца.

— Наши катаются на лодкѣ,—сказала Юлія.—А мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы лучше погуляли со мной. Вамъ это не будетъ скучно?

— Мнѣ все равно,—отвѣтилъ Павликъ.

Юлія засмѣялась.

— Это не особенно любезно.

— Простите. Но я уже говорилъ вамъ, что я не умѣю быть любезнымъ.

— Да. Тогда... ночью. Вотъ именно объ этомъ я и хотѣла поговорить съ вами, Павликъ. Что это у васъ за дружба съ докторомъ и землемѣромъ?

— Дружбы никакой нѣтъ, Юлія Сергѣевна.

— Тѣмъ хуже. Значитъ, общность мыслей; дѣла, можетъ быть?

Онъ слегка замялся.

— Можетъ быть.

— Вы не можете мнѣ разсказать, въ чемъ же... эта общность?

— Увѣряю васъ, что вамъ это мало интересно. Докторъ далъ мнѣ небольшое порученіе. Вотъ и все.

— Но мнѣ хотѣлось бы знать суть порученія?

Онъ опять отвѣтилъ не сразу.

— Позвольте мнѣ объ этомъ не говорить.

Она вздохнула, и потомъ они долго молчали.

— Павликъ, у васъ есть близкіе, любимые люди?

— Несомнѣнно,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Люди, которые имѣютъ на васъ вліяніе?

— О, нѣтъ!

— Нѣтъ? Васъ, какъ будто, даже возмущаетъ такое предположеніе?

— Да, потому что я этого не хочу. Я не допущу, чтобы на меня кто-нибудь имѣлъ вліяніе.

Его тонъ былъ такъ самоувѣренъ и заносчивъ, что Юліи стало непріятно.

— Вы такъ высоко ставите собственное мнѣніе?

— Нѣтъ,—спокойно возразилъ онъ,—я нисколько не ставлю себя выше другихъ, но я думаю, что непремѣнно надо быть собственнымъ строгимъ судьей и только тогда себѣ ничего не простишь и не пропустишь. Я замѣтилъ, что можно себя красиво вести, и всѣ замѣчаютъ эту красоту и внѣшнее благородство ея, а за этой красотой часто такая пустота или ложь!.. Я этого не хочу. Я всегда строго провѣряю себя и знаю, что не ошибусь.

— Но почему же вы думаете, что люди, которые захотятъ вліять на васъ, не будутъ считаться съ вашей и со своей совѣстью, не внесутъ еще больше свѣта въ ваше сознаніе?

— Мнѣ этого не надо. Да развѣ я не понимаю, Юлія Сергѣевна, что̀ значитъ то вліяніе, которое оказали бы на меня близкіе, любимые люди? Оно всегда одинаково: щадить ихъ чувство, беречь себя, дѣлать уступки, привыкать къ тому, къ чему они привыкли. Больше всего дорожить жизнью. Зачѣмъ? Любить жизнь—это мириться со всѣми ея темными сторонами, это перестать мучительно ненавидѣть ихъ. Я теперь не люблю жизнь; я не хочу привыкать... Я ненавижу... И такъ—мнѣ лучше... легче...

Юлію поразилъ страстный тонъ его тихаго, сдержаннаго голоса. Досада на его самоувѣренность прошла.

— Павликъ! Въ ваши годы это часто такъ кажется... Кажется, что не хочется жить. Я это тоже испытала, я знаю. Кажется, что нельзя преодолѣть какого-то отвращенія...

— И не надо! — высокимъ, почти радостнымъ возгласомъ вырвалось у Павлика. — И не надо! Останешься жить и тоже сдѣлаешься злымъ, грубымъ, ничтожнымъ... Зачѣмъ?

Подъ группой старыхъ кленовъ стояла скамейка, мягко освѣщенная еще слабымъ свѣтомъ молодого мѣсяца. Юлія сѣла.

— Это проповѣдь самоубійства, Павликъ?

Онъ остановился передъ ней, и теперь она ясно видѣла его высокую, тоненькую фигуру и изящную голову съ закинутыми свѣтлыми волосами. Онъ улыбнулся.

— Но зачѣмъ убивать себя?—спросилъ онъ.—Теперь можно не брать на себя этого труда. Пропадешь безъ пользы, какъ что-то совершенно лишнее, ненужное... Теперь все обставлено очень удобно: будь искренень, честенъ, смѣлъ; исполни то, что выпало на твою долю во имя великаго и святого дѣла, и не безпокойся: тебя поспѣшатъ убрать изъ жизни... Не дадутъ задуматься. Все сдѣлаютъ чисто и быстро.

Онъ вдругъ засмѣялся страннымъ нервнымъ смѣхомъ.

— И ихъ бояться! ради нихъ свыкаться, мириться, унижаться? Нѣтъ!

„Что мнѣ сказать ему?—мучилась Юлія.—Что сказать?"

Мысли ея бѣжали быстро и безпорядочно, и было только одно ясное сознаніе: этотъ мальчикъ вдругъ сталъ ей необъяснимо близокъ и дорогъ, и надо было сдѣлать что-то, чтобы спасти его. Невыносимо было думать, что онъ погибаетъ, что его „поспѣшатъ убрать".

— Павликъ! а ваша мать?—спросила она.

Онъ сѣлъ и опустилъ голову.

— Ей будетъ тяжело...—тихо отвѣтилъ онъ. Юлія возмутилась.

— Тяжело?! Вы это говорите такъ спокойно и просто... Развѣ вы не чувствуете, что на нее, только на нее, обрушится весь ужасъ этого насилія? Она нервная, больная... Теперь она боится за ваше здоровье, заботится о немъ... А что вы ей готовите?

— Не надо говорить объ этомъ,—нехотя отозвался онъ.

— Не надо? Нѣтъ, именно надо! и не только говорить, а вдуматься, представить себѣ все...

Онъ поднялъ голову, и Юлія увидала упрямое блѣдное лицо, похожее на лицо куклы,—такъ оно было безжизненно и лишено всякаго выраженія, кромѣ безнадежнаго упорства.

— Нельзя считаться со всѣми,—сухо сказалъ онъ,—достаточно считаться съ самимъ собой. У Христа тоже была мать. Онъ пошелъ на распятіе. Вы это забыли?

— Христосъ! — вскрикнула Юлія. — И вы ставите себя ря-

домъ? Оставимъ Христа! Есть у васъ жалость, состраданіе? Есть у васъ сердце?

— Пусть поймутъ,—глухо проговорилъ онъ.

— А вы сами не знаете?

Онъ промолчалъ.

— Павликъ!—сильно волнуясь, проговорила она.—Я вамъ скажу свое впечатлѣніе: вы сами не знаете, гдѣ граница вашей искренности. Вы еще очень молоды... Это тревожное время застало васъ врасплохъ: ничего опредѣленнаго изъ васъ еще не сложилось. И вотъ вы захотѣли избрать себѣ образъ и избрали его. И образъ, и роль уже знакомые. Но вамъ они нравятся и даже не жалко жизни, чтобы довести ихъ до конца. И вы воображаете, что это искренно, честно и красиво. Кругомъ васъ—настоящая жизнь, съ настоящими чувствами, настоящей болью и кровавыми слезами, а вы играете свою роль, и чтобы кто-нибудь не помѣшалъ вамъ — вы дѣлаете вотъ это каменное лицо и убиваете въ себѣ искренность, чувства, мысли... Вотъ та красота, за которой — пустота и ложь! Вы ея боялись и къ ней пришли.

Онъ сидѣлъ неподвижно и равнодушно.

— Павликъ! Вѣдь если вы поймете вашу ошибку, вы исправите ее. Я вѣрю, что вами руководитъ желаніе выбиться изъ мелочности, пошлости и застоя жизни. Но для этого мало поступковъ, Павликъ. Мало даже цѣли. Какая заслуга въ томъ, что̀ вы сдѣлаете, что̀ вамъ легко было сдѣлать? Одна эта легкость... потому что ничѣмъ не дорожишь, ничего не любишь, никого не жалѣешь... Развѣ это цѣнно?

Онъ еле слышно повторилъ:

— Легкость...

Юлія остановилась. Ей вдругъ показалось, что она говоритъ что-то жестокое и несправедливое.

— Ну, простите меня, если я не права! — послѣ долгаго молчанія попросила она.

— Все равно!—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ все равно! Я не дорожу...

Она оглянулась, увидала то же лицо красивой каменной куклы—и встала.

— Пойдемте къ нашимъ!—предложила она.

— Вы думаете, что они еще на пруду? — спокойно спросилъ онъ.

Было очень жарко и душно. Гдѣ-то вдали, то съ одной стороны, то съ другой, погромыхивалъ громъ, а солнце свѣтило не-

ярко, точно затуманенное чѣмъ-то, но зато проникало всюду, и теперь казалось, что даже подъ деревьями нѣтъ тѣни, а всюду одинаковый, тусклый, но горячій свѣтъ. Въ этотъ день пріема въ больницѣ не было. Щуповы пообѣдали раньше обыкновеннаго, и докторъ легъ спать, такъ какъ всю ночь ему пришлось провести около больной. Въ маленькомъ палисадничкѣ докторскаго дома Настасья Захаровна варила варенье. Таганчикъ стоялъ на узкой песчаной дорожкѣ, а кругомъ въ незатѣйливыхъ клумбахъ цвѣли яркіе грубые цвѣты циннiи, петуній, георгинъ. Подъ таганомъ огонь горѣлъ блѣдно-желтымъ пламенемъ, а мѣдный тазъ ярко и горячо блестѣлъ и отъ него далеко разносился горячій сладкій ароматъ. На перилахъ балкона сидѣлъ землемѣръ, болталъ ногами и ѣлъ горячее варенье съ чайнаго блюдечка.

— Василій Игнатьевичъ! — окликнула его Настасья Захаровна:—хоть бы разсказали что-нибудь!

Она вытерла фартукомъ потное красное лицо, разстегнула еще одну пуговицу у ворота и показала старую жилистую шею, по которой капельками стекалъ потъ. Рукава ея были засучены до локтей и руки тоже были худы, красны и жилисты. Вся она была или казалась неопрятной, и на головѣ волосы были тусклаго, неопредѣленнаго цвѣта и взбиты въ неопрятную прическу.

— Разсказывать нечего,—отозвался землемѣръ.

— Не хотѣть,—такъ и нечего. Чего вы-то прятаться отъ меня стали? Отставала я отъ васъ когда-нибудь? Малодушничала, болтала лишнее?

— Ничего подобнаго,—пробасилъ землемѣръ.

— Такъ чего же? — продолжала она, мѣшая ложкой въ тазу.—Знаю я, у васъ тутъ что-то затѣвается. Мальчика этого привлекли... Андрей съ нимъ ходитъ, говоритъ... А я? Сложа руки я сюда сидѣть пріѣхала?

— Вы бы не такъ громко,—посовѣтовалъ Воздвиженскій.

— Не такъ громко?—переспросила она и вдругъ повернула къ нему пылающее отъ жара и негодованія лицо.—Нѣтъ, буду такъ громко... Буду скоро кричать о томъ, какъ меня обидѣли, обездолили. Кричать буду!

— Да что же такое? Господь съ вами!—удивился землемѣръ.—Кто же васъ обидѣлъ?

Она вдругъ опомнилась, боязливо оглянулась на окна дома и опять занялась вареньемъ.

— Была я учительницей,—тихо, точно думая вслухъ, заговорила она.—Хорошо было. Самостоятельна, обезпечена. Днемъ—

работа, по вечерамъ—сборища, споры, разговоры. У меня и сбирались чаще всего. Молодежь, учителя, доктора... „Настенька, Настенька“... Я очень недурна была, многіе мной увлекались. Голова молодая, горячая. Взяла и замужъ вышла. И вышла-то изъ жалости, изъ великодушія. Осчастливить человѣка хотѣла. Вѣдь вы помните моего мужа?

— Помилуйте, да какъ же не помнить?!

— Ну, вотъ. Дрянь человѣчишко вышелъ. А все-таки я долго терпѣла. Ну, и онъ терпѣлъ: не все я его по шерсти гладила. Все разбудить его надѣялась. На курсы тогда ушла... Тоже хорошее было время! Дома двухъ дѣтей оставила. Вотъ какъ велика была жажда знанія! Одинъ безъ меня и померъ...

Она остановилась, вздохнула и нѣкоторое время глядѣла куда-то вдаль.

— Курсы-то вы кончили?—спросилъ землемѣръ.

— Нѣтъ, не кончила. Много тутъ всякихъ препятствій было... Пришлось вернуться домой, къ мужу. Здоровье у меня расшаталось, работать я не могла. Вотъ тутъ ужъ началась не жизнь, а каторга. Мужъ безъ меня еще больше опустился. Такое мѣщанство въ мысляхъ, во взглядахъ... Скажешь что-нибудь, а онъ сейчасъ: „Оставьте ваши фразы!“ Каждое такое слово для него было „фразой“, каждое проявленіе индивидуальности—ломаніемъ, духовные запросы—притворствомъ. Развѣ я могла себя подчинить?! Дочь у меня росла. Ужъ на что материнское чувство сильно, а и оно меня въ это трудное время не поддержало. Да и чувствовала я, что мужнино вліяніе на дочь уже отняло у меня мое дитя. Никого у меня не было. Никого и ничего. А тутъ началась подготовительная работа къ революціи. Все зашевелилось, заторопилось, загорѣлось... Конечно, я съ головой такъ и ушла въ это движеніе. Собираться у меня было уже невозможно; я ходила къ другимъ. Дома, само собой, сцены, крики, скандалы. Мужъ надѣялся въ это время мѣсто инспектора получить, и онъ боялся, что я съ чѣмъ-нибудь попадусь и помѣшаю ему. Могла ли меня удержать такая меркантильная цѣль? Я шла полнымъ ходомъ. И вотъ въ это время я встрѣтилась съ Щуповымъ... Подождите, сейчасъ вернусь!

Она ушла съ тазомъ въ кухню и долго не возвращалась. Землемѣръ болталъ ногами и курилъ.

— Скоро Андрей Николаевичъ проснется? — спросилъ онъ, когда она, наконецъ, опять показалась въ палисадникѣ.

— Пусть спитъ!—сказала она и опять боязливо покосилась на окна.—На чемъ это я остановилась? Да... Шла я полнымъ

ходомъ и... встрѣтилась съ Андреемъ Николаевичемъ. Онъ меня сразу оцѣнилъ.

— Знаете, я пойду его побужу. Вѣдь мнѣ тутъ сидѣть некогда. Я тоже на работѣ.

— Не спѣшите вы съ работой-то, — засмѣялась Настасья Захаровна.—А вотъ кстати: вы бы мнѣ про вашихъ баръ поразсказали. Барышенъ я видала. Куколки. Какъ вы думаете: вредныя это куклы? Ужъ мнѣ такъ досадно, такъ досадно! Пріѣзжали онѣ вродѣ какъ съ требованіемъ. Старшая мнѣ говоритъ: „У меня просьба къ вашему мужу". А у самой такой тонъ, что, молъ, моя просьба—это все одно, что приказаніе. Ну, думаю, Андрей тебѣ покажетъ, какъ исполняются твои приказанія. А онъ тутъ-то и сдѣлалъ по ея. На зло мнѣ, что-ли? Вы что о нихъ скажете, Василій Игнатьевичъ?

Землемѣръ бросилъ окурокъ, плюнулъ и нахмурился.

— Говорить-то не стоитъ. Есть изъ этого сословія получше, есть похуже, а въ общемъ все дрянь. Есть дрянь ядовитая, какъ почтенная тетушка извѣстнаго вамъ Павла Валентиновича; есть дрянь рыхлая, безцвѣтная, какъ уважаемый Зуевъ; есть забавныя гадинки, есть отвратительныя...

Настасья Захаровна захохотала.

— Охъ, до чего вы непримиримы! Вотъ Андрей тоже такой; только вы простите, а онъ умнѣй васъ. Вы все только ругаетесь и злости въ васъ—страсть! А у Андрея ума больше, а злости меньше. Я его даже упрекала: ненависти, говорю, настоящей въ тебѣ нѣтъ. Вотъ Воздвиженскій, говорю... А онъ, знаете, что мнѣ на это сказалъ? Злость, говоритъ, отъ оскорбленнаго самолюбія; кто посмѣлѣе и не позволяетъ наступать себѣ на ногу, тому и злиться нечего. А правда, Воздвиженскій,—Андрей смѣлый и гордый?..

— Я пойду его побужу,—съ нетерпѣніемъ повторилъ Василій Игнатьевичъ, но въ ту же минуту дверь на балконъ съ шумомъ отворилась и изъ комнаты вышелъ Щуповъ въ синей косоворотнѣ, подпоясанной ремнемъ, съ сбившимися кудрявыми волосами на лбу и съ полотенцемъ въ рукахъ.

— А! шагомѣръ!—сказалъ онъ покровительственно и привѣтливо, протягивая Воздвиженскому еще влажную руку.—Давно ли?

Онъ оглянулся въ сторону Настасьи Захаровны, и по лицу его пробѣжало враждебное, раздражительное выраженіе.

— Опять эта возня и мазня!—проворчалъ онъ.

— А самъ только и пьетъ чай, что съ вареньемъ!—съ притворной развязностью откликнулась Настасья Захаровна.

— Ну, и пью. И мало ли что я пью и ѣмъ, и это не значитъ, что надо тащить сюда рѣзать куръ, колоть поросятъ, стирать бѣлье... Ненавижу эту бабью суетню съ засученными рукавами и распаренными лицами. Противно мнѣ это. Пойми ты, наконецъ!

— Да ужъ кончила, кончила!—примирительно и стараясь улыбаться, говорила Настасья Захаровна.—Сейчасъ самоваръ и... чай со свѣжимъ вареньемъ.

— Да попудрись ты, что-ли!—брезгливо замѣтилъ ей Щуповъ, когда она уходила.

— Андрей Николаевичъ! — заговорилъ Воздвиженскій. — Вы не будете завтра въ городѣ?

— Завтра?—Нѣтъ, невозможно.

— Знаете, я думаю тогда хорошо бы откомандировать Павла Валентиновича. Непремѣнно надо заручиться обѣщаніемъ Зуева присутствовать на нашемъ собраніи. Мѣшать онъ намъ не будетъ, а впечатлѣніе будетъ другое, такъ сказать успокоительное для крестьянъ. Присутствуетъ начальство. Какъ вы скажете?

Щуповъ глядѣлъ въ сторону и думалъ.

— Повѣстки всѣ розданы?

— Немного еще осталось.

— Какъ слышно: собираются крестьяне?

— Валомъ привалятъ, Андрей Николаевичъ. Они, слышно, такъ понимаютъ, что ихъ тутъ же землей одѣлять будутъ. Народъ! Только и ждутъ, что имъ жареные рябчики сами собой...

— Программа нашего союза у васъ еще есть?

— Есть и у меня, и у Павла Валентиновича. Со мной, кажется, парочка.—Онъ поспѣшно полѣзъ въ карманъ.

— Дайте мнѣ! — потребовалъ Щуповъ. — Съ Павломъ Валентиновичемъ сегодня у васъ ничего не условлено?

— Онъ хотѣлъ быть въ Грачевкѣ.

— А хотѣлъ, такъ и будетъ. Малый усердный. Такіе птенцы въ дѣлѣ всегда очень полезны. Не надо только болтать съ нимъ лишняго, однако, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ему казалось, что довѣріе неограниченное.

Воздвиженскій усмѣхнулся, показавъ рядъ гнилыхъ зубовъ.

— Вы это очень умѣете, Андрей Николаевичъ. Барченокъ упоенъ. Говоритъ въ такомъ тонѣ, что хоть на музыку перекладывай. Потѣха!

— Никакой потѣхи!—строго заявилъ Щуповъ.—Настоящій малый! славный малый!

Воздвиженскій сразу сталъ серьезенъ.

— Да я ничего... Только дамы грачевскія имъ очень интересуются. Какъ бы съ этой стороны какого осложненія не вышло.

— Дамы?—переспросилъ Щуповъ.

— Юлія Сергѣевна...

— Да ну!—весело крикнулъ докторъ и захохоталъ.

Воздвиженскій опять показалъ зубы и, замѣтивъ, что тема для Щупова интересна, рѣшилъ продолжать:

— Мальчикъ красивенькій. Блондинчикъ. Она — дѣва на возрастѣ. Вотчимъ, я слышалъ, въ нее влюбленъ, но она къ нему шибко неблагосклонна. А Павла Валентиновича все по саду водитъ и допрашиваетъ.

— А на здоровье! Что онъ ей ни разскажи—намъ-то что?

— Да оно такъ. По существу Павелъ Валентиновичъ ничего сказать опаснаго для насъ не можетъ. Боюсь я только тумановъ.

— Это еще что? Какихъ тумановъ?

— А такихъ, Андрей Николаевичъ... Молодой человѣкъ, замѣтно, больше для картины работаетъ. Хочетъ изъ себя настоящаго героя представить. Я это по разговору замѣчаю. Какъ что скажешь, что опасно, такъ онъ сейчасъ: „Дайте мнѣ! пошлите меня!“ Ужасно опасность любитъ. Ужъ я думаю, что Юліи Сергѣевнѣ онъ себя такъ распишетъ... Помилуйте! она имъ интересуется, за него боится... Тутъ такого эффекту напустить можно! А какъ она очень-то испугается, да бросится его спасать? Ужъ она на меня, я замѣчаю, сильно коситься стала.

— На васъ? И вы думаете, что это по разсказамъ Павла?

— Пожалуй, что и такъ. А пожалуй этотъ слизнякъ Зябловъ что-нибудь со страху нагородилъ.

Щуповъ задумался.

— Надо бы мнѣ познакомиться съ этой Юліей,—медленно сказалъ онъ.—Непремѣнно надо такъ сдѣлать. Да.

— Вотъ это бы расчудесно! — одобрилъ Воздвиженскій. — Блондинчика-то вы бы немного развѣнчали...

— Самоваръ поданъ!—крикнула Настасья Захаровна.

— А! Значитъ, чай подъ липками. Идемте! — предложилъ докторъ. — Только какъ бы поскорѣй найти предлогъ для знакомства? И сейчасъ вмѣшается Настасья Захаровна... Ахъ, чортъ бы побралъ этихъ бабъ, съ ихъ нѣжностями и ревностями!

За столъ онъ сѣлъ мрачный и хмурый. И когда Настасья Захаровна, пріодѣтая и освѣжившаяся, съ игривой развязностью откинула съ его лба назадъ свѣсившуюся прядь, онъ наградилъ ее такимъ злымъ взглядомъ и такъ внушительно прибавилъ: „отстань!“, что она только растерянно улыбнулась и черезъ пудру покраснѣла пятнами.

Къ воротамъ подъѣхалъ кабріолетъ, и кучеръ, не слѣзая съ сидѣнья, сталъ вызывать сторожа.

— Ахъ, за тобой!—съ отчаяніемъ сказала Настасья Захаровна.—Ночь не спалъ и днемъ отдохнуть не дадутъ.

— Кучеръ-то — грачевскій, — шопотомъ сообщилъ землемѣръ.—Не слѣдуетъ, чтобы онъ меня здѣсь видѣлъ.

— Навѣрное знаете, что—грачевскій?—оживленно справился докторъ.

— Еще бы! Никита...

— Ага! — Онъ перешагнулъ черезъ скамью и быстро направился къ воротамъ. Изъ-подъ липокъ видно было, какъ кучеръ передалъ ему письмо, какъ онъ пробѣжалъ его и затѣмъ поспѣшно пошелъ къ дому.

— А вѣдь это его въ Грачевку требуютъ,—упавшимъ голосомъ замѣтила Настасья Захаровна.

— Не иначе,—согласился землемѣръ.

Она кинула чайное полотенце и побѣжала въ домъ.

Воздвиженскій остался одинъ. Долго сидѣлъ онъ, сперва прихлебывая чай, потомъ надъ пустымъ стаканомъ, когда, наконецъ, показался Андрей Николаевичъ, одѣтый по городскому, причесанный и франтоватый.

— Можетъ быть, еще увидимся... тамъ,—сказалъ онъ, поспѣшно пожимая его руку.—А если нѣтъ, пошлите Павла Валентиновича къ Зуеву. Да облагоразумьте вы немного эту... бабу!—съ раздраженіемъ въ голосѣ прибавилъ онъ и ушелъ.

Шарабанъ отъѣхалъ, а Воздвиженскій налилъ себѣ еще чаю, наложилъ варенья и закурилъ папиросу.

Настасья Захаровна пришла съ распухшимъ лицомъ и заплаканными глазами. Она тоже налила себѣ чаю и молча стала пить.

— Дайте папироску! Есть?

Онъ далъ и даже предупредительно зажегъ спичку.

— Плюньте! — коротко посовѣтовалъ онъ, вспомнивъ порученіе Щупова.

Она вся встрепенулась и руки ея задрожали.

— Нѣтъ! — крикнула она: — это ему даромъ не пройдетъ! Увезъ жену у мужа, мать отъ дочери... Забава я ему? забава? Я ему, видите ли, на шею повисла. Ахъ, такъ? Я—старая, навязчивая, безтолковая... Я его жизнь бабьими пустяками заткнула... Я своей любовью ему поперекъ горла встала... Ахъ, такъ? Прекрасно! Чудесно! Увидимъ... Посмотримъ... Анастасія Захаровна—либо другъ, либо врагъ. Середины у нея нѣтъ. Анастасія Захаровна или любитъ, или ненавидитъ...

Она злобно захохотала и вдругъ схватила полотенце, уткнулась въ него лицомъ и заплакала, какъ плачутъ бабы: съ тягучимъ горловымъ звукомъ, съ громкими всхлипываніями.

— Плюньте!—съ безмятежнымъ спокойствіемъ еще разъ посовѣтовалъ Воздвиженскій.

— ...Никого не пощадила, ничего для него не пожалѣла! — причитала Настасья Захаровна. — Унижалась передъ нимъ, любовь, какъ милость, вымаливала...

— Вотъ ужъ это и напрасно! — флегматически замѣтилъ Воздвиженскій.

— Да что вы знаете! что вы знаете! — съ гнѣвомъ накинулась она на него. — Вы спросите у него, что я для него сдѣлала? Я ему, можетъ быть, жизнь спасла. Безъ меня онъ бы теперь давно тамъ былъ, откуда Макаръ телятъ не гонялъ. А я предупредила, отстранила. И не одного его спасла, а цѣлую организацію: всѣ документы, бумаги... И тогда я была „Настенька", тогда я была „дорогая, милая"... Тогда я не казалась старой, навязчивой, безтолковой. Вотъ за что онъ меня полюбилъ. А я ему повѣрила. Въ благородство и благодарность его повѣрила...

Еще долго пилъ чай Воздвиженскій. Настасья Захаровна умолкла, задумалась и глядѣла вдаль покраснѣвшими, печальными глазами. Самоваръ заглохъ. Смолкли далекіе раскаты грома и солнце свѣтило ярче, и ярче пестрѣли грубые цвѣты циннiи, петуніи и георгинъ.

Марьѣ Несторовнѣ еще съ вечера нездоровилось.

— Я не выношу этой жары, — объясняла она. — Она дѣйствуетъ мнѣ на нервы, ослабляетъ. Нѣтъ ни одного освѣжающаго дуновенія. Мнѣ кажется, что всюду пахнетъ землей, крапивой... Ахъ, дивная brise de mer, съ легкимъ соленымъ вкусомъ! Какъ это оживляетъ, возстановляетъ, бодритъ. Помнишь, Юрій?

Юрій Платоновичъ уже нѣсколько дней былъ не въ духѣ, закатывалъ глаза, принималъ утомленныя позы.

— Да... прошлое...—томно отозвался онъ.

— Прошлое!.. — скорбно качая головой, повторила Марья Несторовна. — Роскошный отель, тонкій обѣдъ, дивныя promenades, изысканное общество...

— Культура... — вздохнулъ Ливскій и закрылъ глаза, какъ бы для того, чтобы не видѣть окружающаго.

— Я отвыкла говорить,—жаловалась Марья Несторовна.— Здѣсь нѣтъ разговора; здѣсь какое-то скучное, тяжелое, вѣчное перечисленіе нуждъ, обидъ, убѣжденій. Точно люди боятся забыть—и твердятъ, твердятъ...

— Здѣсь люди стараются сохранить дурное расположеніе духа для того, чтобы ихъ считали серьезными и возвышенными,— искривляя губы въ ироническую дугу, добавилъ Ливскій.

— О, я знаю одно: здѣсь такъ скучно, такъ скучно!

Юрій Платоновичъ открылъ глаза, провелъ рукой по волосамъ и многозначительно поднялъ брови.

— Не всѣмъ, chère amie.

— Vous supposez?

Они перешли на французскій языкъ, какъ на болѣе культурный и привычный. По-французски они говорили другъ другу „вы“.

— Кто же, по-вашему, не скучаетъ?

— Я не вѣрю, чтобы вы этого не замѣтили. Cela crève les yeux.

— Кира? Вы придаете такое значеніе ея невинному кокетству съ этимъ маленькимъ Сережей?

— Боже меня сохрани! Я радъ, что дѣвочкѣ есть маленькое развлеченіе... Меня удивляетъ ея старшая сестра.

— А-а!—съ оттѣнкомъ неудовольствія протянула Марья Несторовна.

Юрію Платоновичу стало неловко подъ ея подозрительнымъ, пристальнымъ взглядомъ, и онъ всталъ и, дѣлая видъ, что онъ засидѣлся и ему надо размять ноги, небрежно прошелъ по терасѣ.

— Ваша дочь дѣлается революціонеркой.

У Марьи Несторовны вдругъ стало кислое, скучающее лицо.

— Я такъ предполагаю, потому что не могу же я допустить, что она увлекается не идеями молодого человѣка, а имъ самимъ. Въ сравненіи съ ней онъ—еще ребенокъ.

— Какія у васъ фантазіи!

— Фантазіи? Чѣмъ же вы объясните ея поведеніе? Одно изъ двухъ, и я затрудняюсь сказать, что было бы лучше.

— Юлія—холодная, сухая натура.

— Вы въ этомъ увѣрены?—съ живымъ любопытствомъ спросилъ онъ.

— Ничѣмъ и никѣмъ она увлечься не можетъ.

— Это не мое мнѣніе!—горячо возразилъ онъ.—Согласитесь, по крайней мѣрѣ, что ея поведеніе за послѣднее время крайне странно. Говорилъ ли я вамъ, что она категорически отказала мнѣ въ деньгахъ для газеты?

— Я въ этомъ была увѣрена заранѣе.

— Не знаю, почему вы были такъ увѣрены. Когда рѣчь заходила объ этомъ раньше, она выражала опасенія, что дѣло не пойдетъ, что капиталъ будетъ затраченъ непроизводительно. Она разсчитывала, она искала гарантій. Все это было понятно. На-дняхъ, когда я опять старался убѣдить ее, она вдругъ вскрикнула: „Дать денегъ для распространенія вашихъ гнусныхъ идей? Дать денегъ, чтобы создать обманъ, ложь, вредъ? Никогда!“ Затѣмъ она сказала мнѣ, кстати, еще нѣсколько комплиментовъ. „Вы—полная бездарность, полное ничтожество. Лично вы не можете быть ни опасны, ни вредны, но люди, которые будутъ руководить вами, могутъ быть умнѣе, талантливѣе...

— И вы позволяете ей говорить вамъ все это въ лицо?—возмутилась жена.

— Какъ я могу иначе поступить? Я хлопочу не о себѣ одномъ... Не говоря о томъ, что газета несомнѣнно обезпечитъ существованіе моей семьи, мнѣ дорого дѣло. Наперекоръ мнѣнію г-жи Ильинской я, именно, человѣкъ идеи. Я не могу отнестись хладнокровно къ бѣдственному положенію моей родины; я не могу не любить ея друзей и не ненавидѣть ея враговъ. Я хочу помочь первымъ и помѣшать замысламъ вторыхъ. Для этого мнѣ нужны деньги. Онѣ близко, онѣ есть, и я не могу отнестись равнодушно къ тому, что онѣ пройдутъ мимо меня въ руки моихъ противниковъ.

— И этимъ противникомъ вы считаете маленькаго Павлика?

— Если хотите—да. Имъ воспользуются какъ приманкой. Золотой рыбкой завладѣютъ тѣ, кто держитъ уду. На вашихъ глазахъ, chère amie, разыгрывается наглая и жестокая драма, а вы не хотите ничего видѣть; и только когда Грачевка будетъ продана, а деньги переданы кому слѣдуетъ,—вы убѣдитесь, что я видѣлъ и говорилъ правду. Но будетъ поздно...

Марья Несторовна заволновалась и сейчасъ же приняла жалкій, безпомощный и слезливый видъ.

— Я ничего не понимаю,—заявила она.—Вы меня такъ поразили... Кто держитъ уду?

— А! Этого я не знаю. Но онъ намъ опасенъ только пока мы не устранимъ его приманку.

— Если Юлія хочетъ принимать Павлика, она будетъ его принимать. Она здѣсь хозяйка.

— Прекрасно! Значитъ, вы умываете руки? Вы, мать, будете спокойно слѣдить за тѣмъ, какъ вашу дочь будутъ соблазнять, обманывать, обирать... Быть можетъ, будутъ еще болѣе важныя послѣдствія...

— Зачѣмъ вы меня пугаете? — вскрикнула Марья Несторовна. — Что я могу? Зачѣмъ вы мнѣ все это разсказали? Все это одни предположенія...

Юрій Платоновичъ повернулъ къ ней блѣдное, искаженное злобой лицо.

— Такъ почему же ваша дочь гуляетъ съ этимъ мальчикомъ по ночамъ? Я видѣлъ ихъ. Я видѣлъ ихъ вмѣстѣ, когда вы, я, Кира, всѣ мы были убѣждены, что его нѣтъ въ Грачевкѣ, что онъ — за десять верстъ. Зачѣмъ онъ здѣсь былъ и никто объ этомъ не зналъ, кромѣ Юліи Сергѣевны? Еслибы я ихъ самъ не видѣлъ, я бы не повѣрилъ. Но я видѣлъ...

— И это васъ взволновало, мой другъ! — опять внезапно мѣняя тонъ, замѣтила Ливская. — Я вижу. Я тоже вижу... Это васъ сильно взволновало.

Она засмѣялась непріятнымъ, тонкимъ смѣшкомъ.

Онъ гордо откинулъ голову и всталъ передъ ней въ величественной позѣ, но лицо его слегка порозовѣло.

— Вы убаюкиваетесь вашими ревнивыми предположеніями...

— Убаюкиваюсь! — вскрикнула она.—А! вы хотѣли, чтобы я помогла вамъ убрать съ вашей дороги соперника, и говорили о рыбкахъ и приманкахъ, чтобы испугать меня. Вы такъ увлечены, такъ ослѣплены, что боитесь призраковъ, созданныхъ вашимъ нечистымъ воображеніемъ... Вы шпіоните даже по ночамъ и осмѣливаетесь пугать меня своимъ бредомъ. Когда это кончится? Я спрашиваю васъ: когда это кончится?

Она стояла, вытянувъ шею, впивалась въ него злобнымъ взглядомъ и сопровождала каждую свою фразу сухими ударами сгибовъ пальцевъ по столу.

— Это я бы спросилъ васъ: когда это кончится? — съ бѣшенствомъ и ненавистью проговорилъ Юрій Платоновичъ.—Не кричите, по крайней мѣрѣ: васъ могутъ услышать.

Но она продолжала кричать, и тогда онъ, заткнувъ уши, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и заперъ дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ Кира уже была въ комнатѣ матери,

считала капли, готовила компрессы. Ей было весело, и нездоровье Марьи Несторовны не нарушило ея хорошаго настроенія: оно было слишкомъ привычно.

За Щуповымъ послали только на другой день, и то по настоянію Юліи, которая на этотъ разъ какъ будто не понимала того, что̀ всѣмъ остальнымъ было ясно: Юрій Платоновичъ заупрямился и не хотѣлъ просить прощенія у жены; поэтому Марья Несторовна не хотѣла выздоравливать.

— Не стоитъ посылать за докторомъ изъ-за мигрени, — слабо стонала больная.

— Нѣтъ, мама, стоитъ, если она продолжается второй день, твердо заявила Юлія.

— Ахъ, мнѣ непріятно...

— Еще непріятнѣе страдать.

— Юличка! Зачѣмъ тебѣ нуженъ Андрей Николаевичъ? — спросила Кира и засмѣялась. Юлія тоже засмѣялась и схватила сестру за руки.

— А какъ ты теперь съ нимъ встрѣтишься?.. Помнишь, какъ ты ему нагрубила?

— Но зачѣмъ ты за нимъ посылаешь?

— Я ему напишу, что у мамы нервы. Если онъ не хочетъ, онъ не пріѣдетъ.

— Ты мнѣ не отвѣчаешь на вопросъ.

Юлія крѣпко сжала руки сестры и бросила ихъ.

— Мы его позондируемъ, — сказала она. — Не говори ему больше дерзостей, Кира: онъ можетъ намъ пригодиться. Я только боюсь, что онъ не захочетъ пріѣхать.

Но онъ пріѣхалъ и, къ удивленію сестеръ, заговорилъ сразу такъ просто и мягко, что онѣ не узнали въ немъ того Щупова, съ которымъ познакомились въ докторскомъ домѣ.

— Я васъ нарочно предупредила, что болѣзнь не серьезная, сказала ему Юлія. — Я не хотѣла, чтобы вы могли упрекнуть меня, что я безпокою васъ изъ-за пустяковъ.

— О, это лишняя деликатность! Нервныя страданія не легче органическихъ. Нельзя относиться къ нимъ легкомысленно. Даже воображаемые больные—несомнѣнно страждущіе люди, и имъ нужна помощь не менѣе, чѣмъ дѣйствительно больнымъ.

Марью Несторовну онъ обворожилъ своимъ серьезнымъ, внимательнымъ отношеніемъ. Онъ даже слегка испугалъ ее: оказалось, что она страдаетъ серьезнѣе, чѣмъ она сама предполагала.

— Ничего опаснаго, — успокаивалъ онъ, — но, несомнѣнно, состояніе мучительное. Вашу болѣзнь я охотно бы промѣнялъ

на легонькій тифъ или даже на хорошую инфлуэнцу. Съ ними легче имѣть дѣло и врачу, и паціенту.

— Ахъ, я очень страдаю!—пожаловалась Ливская.

— Мало того, что вѣрю,—я знаю. И хуже всего, что страданія—неопредѣленныя, расплывчатыя. Я увѣренъ, что вы иногда сами сомнѣваетесь, не преувеличиваете ли вы своей болѣзни? Такъ? Я успокою васъ. Такое сомнѣніе — излишняя добросовѣстность. Надо ее откинуть и заняться собой серьезно, безъ предубѣжденія, что если нѣтъ ничего органическаго, то нѣтъ и опасности.

Когда онъ писалъ рецептъ, Ливская слѣдила за нимъ съ умиленной благодарностью и чувствовала, что на ея душѣ вдругъ стало тихо, тепло и только немного печально. Сознаніе, что она больна, что она терпѣливо, не жалуясь, сносила эту болѣзнь, сдѣлало ее кроткой, и она сразу все и всѣмъ простила — такъ мелки показались ей всѣ недостатки окружающихъ сравнительно съ ея собственнымъ превосходствомъ. Прощать было такъ легко и пріятно!

— Докторъ,—вы спѣшите?—спросила она.

— Нѣтъ!—заявилъ онъ.—Я сегодня свободенъ.

— Побудьте у насъ... сколько можете. Ваше присутствіе придаетъ мнѣ столько бодрости... Julie!

— Не безпокойся, мама. Я увѣрена, что Андрей Николаевичъ не откажется остаться у насъ обѣдать.

— А вамъ слѣдовало бы вздремнуть,—посовѣтовалъ докторъ.—Вы плохо спали ночь. У васъ упадокъ силъ.

Она блаженно улыбнулась.

— Да. Постараюсь. Но скажите Юрію Платоновичу, что онъ можетъ ко мнѣ зайти. Онъ безпокоится, бѣдный...

— А я, барышня, не забылъ, какъ вы меня отдѣлали на всѣ корки! — нѣсколько позже говорилъ Щуповъ Кирѣ. — Ахъ, какъ ловко! Да неужели я, дѣйствительно, былъ невѣжливъ и даже грубъ?

— А вы не помните?

— Да сохрани меня Матерь Божія и Святая Троица! Просто, должно быть, усталъ, какъ песъ. Ночь не спалъ. А потомъ совѣсть мучила и опять не спалъ. Только ужъ это днемъ совѣсть-то мучила. По ночамъ я ей не позволяю.

Всѣ весело смѣялись.

— А у меня знакомецъ тутъ живетъ,—между прочимъ замѣтилъ Щуповъ, указывая на флигель. — Какъ же. Изловили вы насъ, Юлія Сергѣевна. Пробираемся мы этакъ, какъ тати въ нощи, и вдругъ строгій окликъ: „кто идетъ?“...

— Испугались?

— Испугались. Еще хорошо, что Воздвиженскій насъ проводить пошелъ. А то, помилуйте, какое положеніе! Ясно: яблоки воровать пришли. Я думалъ, Павелъ Валентиновичъ выручитъ, а онъ молчитъ. Больше всѣхъ струсилъ. Ай да герой!

— А почему онъ герой?—спросила Кира.

— Кто? Павелъ Валентиновичъ? А я его всегда такъ зову. Мы пріятели. У него такая геройская ухватка. Другой и впрямь подвигъ совершитъ, а никто и не замѣтитъ; а Павелъ Валентиновичъ только пройдется и ужъ восторгъ какой-то возбуждаетъ. Какъ, дескать, человѣкъ ходить можетъ! А одинъ разъ онъ при мнѣ на собаку замахнулся. Ну, бери медаль и вѣшай!

— Ну, я опять повторю, что вы злой,—смѣясь, сказала Кира.

— Да ужъ это вамъ понравилось, что я изъ-за васъ весь день не спалъ... Почему я злой? Жалко, самого Павла Валентиновича здѣсь нѣтъ. Я бы вамъ сразу все доказалъ... Да не вѣрю я вамъ, барышня, что вы сами не замѣтили, какая въ немъ поразительная красота. Я, мужчина, и то умиляюсь. Архангелъ Гавріилъ... Какъ-то онъ сидѣлъ смирно, задумался, а я, по разсѣянности, взялъ полотенце и хотѣлъ стереть съ него пыль, какъ со статуи. Пыли-то хотя и не видно было, а такъ, знаете, изъ любовности.

Кира хохотала, а Юлія улыбалась, но глаза ея были серьезны и строги.

— Онъ черезъ васъ познакомился съ Воздвиженскимъ?—спросила Ливская.

— Встрѣтились у меня. Да ужъ я и не радъ!—махнулъ онъ рукой.—Знаете Дунечку-то? Она ко мнѣ Павла Валентиновича лечить привезла. Малокровіе у него... такъ... пустяки... Молодому человѣку дома скучно. Сдружились они теперь съ вашимъ шагомѣромъ—и водой ихъ не разольешь. Узнаетъ Дунечка, и мнѣ же трепка будетъ. Вы, Юлія Сергѣевна, хорошо дѣлаете, что Воздвиженскаго дальше передней не пускаете: отъ него самого—соціализмомъ, а отъ его сапогъ—какой-то дрянью такъ и несетъ.

Юлія пристально взглянула на веселое красивое лицо доктора и встрѣтилась съ его смѣлымъ, смѣющимся взглядомъ.

— Наши отношенія ограничиваются дѣловыми разговорами,—сказала она.—Но не въ передней... Это мнѣ самой было бы неудобно...

— Вотъ развѣ что вамъ самой неудобно,—добродушно продолжалъ Щуповъ.—Я его тоже къ себѣ скоро перестану пускать.

Безпокойный господинъ. И вѣдь что странно: сидитъ человѣкъ и молчитъ, а васъ вотъ такъ и поводитъ... Такъ и хочется ему крикнуть: „Перестанешь ты, наконецъ, вольнодумствовать? За что ты меня-то подводишь? Вѣдь, не дай Богъ, урядникъ мимо пройдетъ и твой духъ услышитъ“!..

— Вотъ, сойдутся они вдвоемъ съ Павломъ Валентиновичемъ,—продолжалъ балагурить докторъ,—и этакъ другъ-дружку дополняютъ. Одинъ молча протестуетъ, а другой, тоже молча, геройствуетъ. Любопытно. Смотришь на нихъ, смотришь, да нечаянно и крикнешь: караулъ! Вотъ какой народъ. Серьезный. А я сильныя ощущенія люблю. Трусы всегда сильныя ощущенія любятъ. Въ особенности когда только кажется, что страшно, и знаешь навѣрно, что ничего страшнаго нѣтъ. Ну, а Павелъ Валентиновичъ такъ мастерски и обстановочку устроитъ, и настроеніе дастъ... Славный парень! Страсть интересный! Будь я женщиной—безъ ума бы въ него врѣзался.

Къ обѣду Марья Несторовна не вышла, но нѣсколько разъ присылала горничную спросить Щупова, можно ли ей того или другого. Онъ разрѣшалъ. Юрій Платоновичъ, благодарный за неожиданный переворотъ въ настроеніи жены, былъ очень любезенъ и благосклонно смѣялся разсказамъ и шуткамъ доктора, а тотъ сыпалъ ими непрерывно. Онъ разсказалъ про свои встрѣчи съ Прасковьей Ѳедоровной, съ Дунечкой, и теперь Юлія тоже искренно смѣялась.

— Я и съ матушкой Павла Валентиновича знакомъ, — сообщилъ онъ, и лицо его сразу стало серьезнымъ.—Очень больная женщина, но очень симпатичная. Она тутъ весной жила, и меня раза два къ ней вызывали. Кажется, она скоро опять пріѣдетъ. Съ Дунечкой онѣ ужъ очень не гармонируютъ.

— А почему вы дружны съ Павликомъ, а не съ Сергѣемъ?— спросила Кира.

— А у насъ обоихъ слишкомъ развита критическая способность,—засмѣялся докторъ.—Онъ эстетъ, и мнѣ очень смѣшно, когда онъ кричитъ: „красота!“ и машетъ папиросой, да какъ-то передъ самымъ носомъ, точно крестится. Любитъ онъ еще о будущихъ и предшествующихъ жизняхъ потолковать, а мнѣ завидно. Ему это все ясно, а я ничего не понимаю. Настолько ничего, что вотъ чувствую себя только Андреемъ Николаевичемъ Щуповымъ, да и баста! И ужасно это мизерно, когда передъ тобой такой человѣкъ, который, глядь, десятую жизнь живетъ и когда-то римскимъ императоромъ былъ. Восчувствуешь и... къ сторонкѣ.

Передъ отъѣздомъ докторъ опять пошелъ къ Марьѣ Несторовнѣ и долго толковалъ съ ней о режимѣ. Когда онъ уѣхалъ, Кира и Юлія остались стоять у подъѣзда.

— Вотъ веселый-то! Я никакъ не ожидала,—сказала Кира.

У Юліи какъ-то загадочно блеснули глаза.

— Да... Съ этимъ стоитъ посчитаться,—тихо замѣтила она.

— Посчитаться? Это что?

Кира хотѣла обнять Юлію и приласкаться къ ней, но та поспѣшно отстранила ее: мимо нихъ, приподнимая фуражку, прошагалъ землемѣръ и скрылся во флигелѣ.

Сергѣй привезъ Юліи записку отъ Дунечки, въ которой та просила ее уступить ей на нѣсколько часовъ Зяблова. „Я верну вамъ его къ вечеру, а онъ мнѣ нуженъ для совѣта".

— Попросите его сами,—сказала Юлія Сергѣю.—Конечно, онъ не откажется, но я не имѣю права посылать его.

Зябловъ спалъ, когда Ивковъ вошелъ въ его комнату. Жирное, дряблое лицо покоилось на грязной розовой наволокѣ подушки, ротъ былъ открытъ и издавалъ странные всхлипывающіе звуки.

Сергѣй уже попятился въ двери, но задѣлъ за стулъ, и Иванъ Емельяновичъ вскочилъ и испуганно вытаращилъ на него глаза.

— Кто? Зачѣмъ?—забормоталъ онъ.

— Простите! Я не зналъ, что вы почиваете, — извинился Ивковъ и назвалъ себя, объяснивъ, что онъ зашелъ по дѣлу. Физіономія Зяблова быстро видоизмѣнилась; онъ приторно-любезно заулыбался, нѣжно захихикалъ, какъ отъ большой сердечной радости, и крѣпко сжалъ руку молодого человѣка въ своихъ обѣихъ мягкихъ рукахъ.

— Садитесь, Сергѣй Валентиновичъ, садитесь, пожалуйста... Простите великодушно: вздремнулъ... Хи-хи!.. Радъ служить вашей тетушкѣ, чѣмъ могу. Очень радъ! Вотъ стульчикъ... Фуражечку вашу мнѣ позвольте. Вотъ я ее здѣсь на подоконничекъ положу...

Сергѣй изложилъ просьбу Дунечки и ея обѣщаніе доставить его обратно въ этотъ же вечеръ, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что маленькіе глазки Зяблова быстро забѣгали, избѣгая его взгляда, а лицо стало еще слащавѣе и любезнѣе.

— Такъ-съ... такъ-съ... хи-хи! Тетушку вашу имѣю честь знать. Какъ же! И наслышанъ. Рѣдкая по нынѣшнимъ временамъ дама... Достойная глубокаго уваженія.

— Такъ, если можно, Иванъ Емельяновичъ, поѣдемте сейчасъ же. Лошадь не распрягали.

— Въ шарабанчикѣ лошадка?

— Да, въ шарабанѣ. Я васъ и привезу, и отвезу.

— Ахъ-ахъ!—съ нѣжнымъ упрекомъ заговорилъ Зябловъ и покачалъ головой.—Безъ кучера ѣздите. Молодежь... Ничего вы не боитесь.

— Да чего же бояться, Иванъ Емельяновичъ: неужели я съ лошадью не справлюсь?

— Ну, кто же говоритъ!.. Какъ вамъ съ лошадкой не справиться! Этакій молодецъ!

— Вамъ, вѣроятно, все-таки надо собраться. Вы какъ будете готовы—выйдите на крыльцо. А я сбѣгаю въ домъ.

— За барышнями ухаживать? Ай-ай! Только, видите, дорогой Сергѣй Валентиновичъ, ѣхать-то мнѣ будто и неудобно.

— Вотъ тебѣ разъ! А я ужъ думалъ, мы поѣхали.

Зябловъ такъ и залился тонкимъ, деликатнымъ смѣхомъ.

— Скоро это все у васъ, у молодежи. Поѣхали! А обсудить? А обдумать?

— Да, помилуйте, Иванъ Емельяновичъ, какой же это важный вопросъ?

— А все такъ кажется, все такъ кажется. Все съ виду просто...

Онъ случайно встрѣтился со взглядомъ Сергѣя, и того поразило подозрительное выраженіе его глазъ.

— Чего же вы боитесь?

— Я боюсь?! Ахъ, какой вы шутникъ, Сергѣй Валентиновичъ! Дѣйствительно, чрезвычайно смѣшно... — Онъ перегнулся черезъ столъ, вытянулъ губы и съ таинственнымъ видомъ прошепталъ:

— Неловко мнѣ ѣхать. Юлія Сергѣевна—такая милая она и добрая—можетъ быть недовольна.

— Юлія Сергѣевна сама меня къ вамъ прислала.

Онъ хитро подмигнулъ.

— О, конечно, конечно... Сама прислала. И, вообразите, сама можетъ быть недовольна.

— Значитъ, вы, по-просту, отказываетесь ѣхать?

— Я! — въ ужасѣ вскрикнулъ онъ. — Да есть ли хоть что-нибудь, въ чемъ бы я могъ отказать достоуважаемой Евдокіи Александровнѣ?

— Ну, въ такомъ случаѣ, рѣшено и подписано: ѣдемъ. Собирайтесь!—рѣшилъ Сергѣй и уже хотѣлъ выйти изъ комнаты, какъ жирная фигура Зяблова встала на его дорогѣ.

— Сергѣй Валентиновичъ!—потирая руки, точно намыливая ихъ, заговорилъ онъ:—только ужъ если будетъ съ той или дру-

той стороны неудовольствіе... непріятность, я ни при чемъ! Ужъ засвидѣтельствуйте! И на обратный путь разсчитываю на васъ, согласно вашему обѣщанію, а не на братца вашего, скажемъ. Прелестный молодой человѣкъ—вашъ братецъ. Любуюсь...

Дорогой, когда ѣхали по селу, Иванъ Емельяновичъ поминутно оглядывался и вытиралъ лобъ платкомъ.

— Жаркое время,—усталымъ голосомъ говорилъ онъ.—По моей комплекціи—жары не выношу.

— Что вы все оглядываетесь?

— А по привычкѣ. Привычка у меня такая съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ одинъ разъ камнемъ въ спину пустили. Долго болѣла. Хорошо, знаете, въ голову не попали. Вѣдь у насъ какой народъ? Вотъ въ этомъ селѣ такъ человѣкъ десять настоящихъ каторжниковъ. Ему ножомъ пырнуть, что водки глотнуть.

— Чего же они васъ-то пырять будутъ? Съ какой стати?

— А за что они меня камнемъ чуть не убили?

— Развѣ это здѣсь было?

— Нѣтъ, не здѣсь, но и здѣсь всегда можетъ быть. На всякій случай у меня револьверецъ всегда подъ рукой. И сейчасъ... Только для безопасности, конечно, для спокойствія.

Около волостного правленія стояла группа мужиковъ. Зябловъ заволновался.

— Не лучше ли намъ объѣздной дорожкой къ шоссе проѣхать? Оно и не дальше, и пріятнѣе.

— Да вы, Иванъ Емельяновичъ, прямо скажите: насолили вы, что-ли, мужикамъ, что у васъ такой ужасъ передъ ними?—рѣзко спросилъ Сергѣй.

Зябловъ такъ и заёрзалъ на своемъ мѣстѣ.

— Должно быть, ужъ нажаловался вамъ кто-нибудь?—предположилъ онъ.—А вы вѣрите? Да такое ли теперь время, чтобы такому маленькому человѣчку, какъ мнѣ, мужика обижать? Лишь бы меня никто не обидѣлъ. Ужъ такъ трудно, такъ трудно дѣло съ ними имѣть. Вѣрите: ничего теперь заработать не могу. Семья, дѣти и... просто хоть ложись и умирай. Какъ я, скажемъ, хоть Юліи Сергѣевнѣ признаюсь, что я за одно это время ея крестьянамъ больше четвертной на водку роздалъ? „А я, скажетъ, васъ уполномачивала?“—Справедливо. А если я знаю, что безъ этого нельзя? Ну, и пою ихъ водкой на свой счетъ. Собственная семья въ нуждѣ, а на водку мужикамъ — вынь да положь. И что же вы думаете? Они же меня взяточникомъ зовутъ и за взяточничество грозятся убить. Вотъ какое время. Вотъ какіе люди.

Унынiе съ него какъ рукой снило, лишь только выѣхали въ поле. Онъ пересталъ оглядываться и утираться, и его жирное лицо сiяло улыбкой.

— Вашъ братецъ, кажется, меня недолюбливаетъ,—между прочимъ предположилъ онъ.—Очень скорблю, но знаю, что не по заслугамъ, а по злому наущенiю. Воздвиженскiй, конечно, на меня въ большой претензiи. Юлiя Сергѣевна, при всей своей добротѣ, желала бы поскорѣй покончить съ крестьянами, и проситъ меня поторопиться, а я ничего не могу сдѣлать, потому что Воздвиженскiй задерживаетъ планы, занимаясь своимъ посторонимъ дѣломъ. Мнѣ даже совѣстно, что я здѣсь живу, пользуюсь, такъ сказать, гостепрiимствомъ... Воздвиженскiй вообразилъ, что я наклеузничалъ. Боже меня сохрани! Я, знаете, ужъ такъ привыкъ жить тихохонько да смирнехонько... Моя вина, не моя—я все терплю, все сношу. Только бы чего-нибудь не вышло. А вѣдь теперь какъ? Не донесъ — потворщикъ, донесъ — доносчикъ. Не знаешь, какъ и повернуться, задомъ ли, передомъ ли. Я объ одномъ молю: не говорите мнѣ ничего! Я глухъ и нѣмъ. Я глухъ и нѣмъ!

Чтобы доказать это, онъ зажалъ уши и закрылъ глаза.

Сергѣй оглянулся на него, и ему стало смѣшно и противно.

Дунечку они встрѣтили немного не доѣзжая усадьбы за плотиной. Она кричала что-то бабѣ, которая бѣжала подъ гору съ хворостиной въ рукѣ. Сергѣй остановилъ лошадь.

— Молодыхъ утокъ, подлая, въ мужицкiй прудъ упустила,— объяснила Дунечка.—Вотъ только не досчитайся я хоть одного утенка...

Зябловъ съ непостижимой ловкостью выскочилъ изъ шарабана и, согнувшись, мелкими шажками подбѣжалъ къ Дунечкѣ.

— Здравствуйте! — по своему обыкновенiю точно пропѣла она, но руки не подала. — Пріѣхали? Вы вотъ что: вы опять садитесь и поѣзжайте, а я приду. Подождите тамъ...

Онъ потеръ руки и засмѣялся, какъ будто услыхалъ что-то очень любезное.

— Помилуйте... какъ угодно...

Но она уже не глядѣла на него и все ея вниманiе было поглощено тѣмъ, что дѣлалось у пруда.

Ждать Зябловъ сѣлъ на крыльцѣ. Павликъ увидалъ его въ окно и вышелъ.

— Почему вы не войдете въ домъ? — съ ледяной вѣжливостью спросилъ онъ, пожимая его руку.

— Помилуйте, да тутъ такъ чудесно!..

— Чего тутъ чудеснаго... на солнцѣ! Вы запылились. Хотите умыться?

Они прошли въ одну изъ комнатъ съ окнами во дворъ.

— Тутъ все есть,—сказалъ Павликъ, кивнувъ на умывальный столъ, и ушелъ. Зябловъ слегка попрыскалъ водой лицо и руки и присѣлъ у окна. Теперь лицо его было серьезно и не казалось ни добродушнымъ, ни глупымъ, ни даже слишкомъ толстымъ. Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и сталъ что-то озабоченно считать, подводя итоги тоненькимъ карандашомъ.

— Гдѣ нотаріусъ? — громко крикнула Дунечка со двора. Зябловъ вскочилъ и, весь сіяющій и улыбающійся, высунулся въ окно.

— Я здѣсь... Къ вашимъ услугамъ, добрѣйшая Евдокія Александровна.

— Какая я вамъ добрѣйшая?! Идите ко мнѣ. По корридору налѣво послѣдняя дверь.

Онъ засталъ ее уже въ комнатѣ, похожей на контору, почти безъ мебели, съ крашенымъ столомъ, покрытымъ листомъ промокательной бумаги, съ полками по стѣнамъ, заваленными толстыми книгами и бумагами.

— Ну, садитесь!—пригласила она тоненькимъ голоскомъ и, сощуривъ глаза, окинула его немного насмѣшливымъ взглядомъ.— Правду я про васъ слышала, что вы—дока?

Онъ смутился и сталъ бормотать что-то любезное и непонятное.

— Вы Воробьину какой-то контрактъ писали, и онъ васъ за него хвалилъ. Мнѣ надо расторгнуть два условія, да такъ, чтобы еще получить неустойку. Вотъ проглядите и посовѣтуйте. Я знаю, что вы даромъ не сдѣлаете, и о цѣнѣ мы условимся впередъ.

— За одну честь быть вамъ полезнымъ приложу всѣ усилія, достоуважаемая... Съ мужичками условьице?

— Съ мужичками.

Зябловъ захихикалъ.

— Трудновато оно... съ мужичками... Но для васъ...

Онъ взялъ у нея бумаги, надѣлъ очки и углубился въ чтеніе. На его лбу залегли морщины и выраженіе стало напряженнымъ, жаднымъ. Онъ вдругъ сталъ похожъ на большую сову, выслѣживающую свою добычу. Дунечка пристально глядѣла на него и ждала. Наконецъ, онъ кончилъ читать и поднялъ на нее глаза.

— Прекрасное условіе,—сказалъ онъ.

— Что же въ немъ прекраснаго?

— Все ясно, точно... Комаръ носу не подточитъ. Если нѣтъ нарушеній пунктовъ, то...

— А вы думаете, что еслибы были явныя нарушенія, я обратилась бы къ вамъ?—насмѣшливо спросила Дунечка.—Какой наивный! Ну, слушайте: со мной притворяться не стоитъ. Играйте на чистоту. Можно или нельзя? И если можно—сколько? Будете слишкомъ запрашивать—не дамъ и другого доку найду. Ихъ теперь много развелось. Въ мутной водѣ рыбу ловятъ...

— Да все это напрасно, Евдокія Александровна,—взволнованно запротестовалъ Зябловъ.—Въ законномъ нарушеніи контракта ничего предосудительнаго нѣтъ. Что законно, то свято. А незаконно нарушить нельзя. Наша задача только найти эту почву законности. Никакой мутной воды тутъ нѣтъ.

Онъ взялъ карандашъ и поставилъ на поляхъ двѣ едва замѣтныя черточки.

— Чего это вы?—спросила Дунечка.

— Нѣтъ-съ, это такъ... Если вы позволите, я прогляжу другое условьице.

Опять наступило длинное молчаніе.

— И тутъ явныхъ нарушеній нѣтъ?—спросилъ Зябловъ.

— Ну, надоѣли вы мнѣ!—нетерпѣливо крикнула Дунечка.—Вѣдь знаю я, что вы понимаете, въ чемъ дѣло. Хочу я доказать вашимъ мужичкамъ, что я что хочу, то и дѣлаю, а что они, какъ были дураками и баранами, такъ и останутся, несмотря на всѣ ихъ претензіи.

Зябловъ такъ и залился восторженнымъ смѣхомъ.

— Охъ, Евдокія Александровна! Охъ, досточтимая...

— Ну, ладно, говорите: можно или нельзя?

— Доказать мужичкамъ, что они дураки и бараны? Думается мнѣ, что это всегда можно...

— А мнѣ думается, что вы этихъ барашковъ уже много стригли.

Они пристально, съ взаимнымъ недовѣріемъ, глядѣли другъ другу въ глаза.

Зябловъ взялъ карандашъ и поставилъ еще одну еле-замѣтную черточку.

— Интересныя условьица,—сказалъ онъ.—Вы не разрѣшите мнѣ прихватить ихъ съ собой для ближайшаго ознакомленія? А впрочемъ,—какъ бы спохватился онъ,—я уже доложилъ вамъ, что все ясно и точно.

Они говорили еще больше часа, а потомъ Дунечка ходила въ свою спальную, щелкнула замкомъ и опять вернулась къ Зяблову, который въ это время равнодушно смотрѣлъ въ окно и потиралъ руки.

— А теперь разскажите мнѣ, что̀ это мои племянники въ Грачевку повадились? Вѣдь вы, небось, за всѣми шпіоните и подглядываете?

— Я?... Ни-ни!—съ притворнымъ испугомъ запротестовалъ Иванъ Емельяновичъ.—Да и какое же шпіонство, Евдокія Александровна? Прекрасная, уважаемая семья, честнѣйшіе, благороднѣйшіе люди. Я какъ-то имѣлъ честь бесѣдовать съ самимъ Юріемъ Платоновичемъ Ливскимъ. Просвѣщеннѣйшій человѣкъ. Говоритъ такъ плавно и красиво, мысли здравыя, не зараженныя нынѣшнимъ верхоглядствомъ. Былъ удостоенъ представиться Маріи Несторовнѣ. Все больше встрѣчи въ саду. Иногда, знаете, между дѣломъ пойдешь выкупаться или промяться.

— А дѣвицы?

— Барышни прекрасныя. Кира Юрьевна—настоящій цвѣтокъ.

— Я ихъ видѣла. Знаю. Правда, что онѣ себя очень вольно ведутъ?

— Ни-ни! — уставляя глаза и поднимая указательный палецъ, строго сказалъ Зябловъ.

— Да вы врете!—усомнилась Дунечка.—Про Юлію много говорятъ... Очень она мнѣ не понравилась, эта Юлія. Гордячка, фыркалка.

Зябловъ стыдливо засмѣялся.

— Любятъ про людей дурно говорить, Евдокія Александровна. А я вотъ не вѣрю, не могу вѣрить дурному. Сколько за это страдалъ!

— Тра-та-та!—пропѣла Дунечка.—Святая невинность какая! А чего мои шалопаи тамъ околачиваются?

— А не знаю, Евдокія Александровна, не знаю!—поспѣшно отвѣтилъ Зябловъ.

— И опять врете. Сергѣй ужъ, конечно, влюбленъ. А Павла зачѣмъ туда тянетъ?

Иванъ Емельяновичъ отвернулся.

— А у Павла Валентиновича, должно быть, другой интересъ.

— Другой? То-то мнѣ и казалось... Вы, значитъ, знаете, какой?

— Боже меня сохрани! Ничего не знаю.

— Экая у васъ манера какая! Что-нибудь сказать—и скорѣй назадъ: будто и ничего не сказалъ. Точно кошка съ мышкой играетъ. Да вѣдь я захочу—все узнаю.

— И хорошо сдѣлаете, Евдокія Александровна. Прекрасно сдѣлаете. Молодыхъ людей въ наше время безъ присмотра оставлять нельзя. Мало ли что: предосудительное знакомство, дурное вліяніе... Глядишь—ай-ай!—этакой прекрасной семьи молодой человѣкъ, а запутался въ такихъ дѣлахъ, что просто неприлично. Прямо не боюсь сказать: неприлично! Какому-нибудь Воздвиженскому, конечно, терять нечего...

— А кто такой Воздвиженскій?—быстро спросила Дунечка.

— Да я не про него, въ сущности. Я только къ примѣру. Воздвиженскій — молодой землемѣръ и живетъ сейчасъ вмѣстѣ со мной въ Грачевкѣ. Кто онъ, что онъ—я не знаю и не интересуюсь. Мнѣ все равно. Я здѣсь на время и по дѣлу... То уѣду, то пріѣду, смотря по надобности.

— И Павелъ познакомился съ этимъ Воздвиженскимъ?

— Да, кажется, они изрѣдка бесѣдуютъ. У меня своя комнатка, у Василія Игнатьевича—своя. Иногда, конечно, слышу, что пришелъ тотъ или другой. Но вѣдь мнѣ случается уѣзжать, и всегда какъ-то такъ совпадаетъ, что безъ меня и докторъ приходитъ, и Павелъ Валентиновичъ.

— А-а! миленькіе!—ласково протянула Дунечка.—И Юлія на этихъ собраніяхъ бываетъ?

— При мнѣ ни разу не была! Не была!—поспѣшно отвѣтилъ Зябловъ.

— А-а, миленькіе! — еще ласковѣе и нѣжнѣе пропѣла Дунечка, и опять взгляды двухъ собесѣдниковъ встрѣтились и съ обоюднымъ недовѣріемъ впились другъ въ друга.

— Вы видите, Евдокія Александровна, что я такъ занятъ, что я рѣшительно, рѣшительно ничего не знаю, что дѣлается даже около меня,—съ невинной улыбкой сказалъ Зябловъ.

— Только не воображайте, пожалуйста, что меня тоже можно надуть, провести и вывести!—со смѣхомъ попросила Дунечка.

Вечеромъ Сергѣй везъ Зяблова обратно. Онъ былъ не въ духѣ и молчалъ. Только одинъ разъ онъ повернулъ къ нему голову и внимательно поглядѣлъ ему въ лицо.

— Я теперь знаю навѣрно, почему вы такой трусъ,—сказалъ онъ.—Знаю навѣрно. Понимаете?

Глаза Зяблова забѣгали, и онъ нерѣшительно захихикалъ. Онъ даже не старался смѣяться правдоподобно, и казалось, будто

онъ дыханіемъ подражаетъ звукамъ гармоники. Въ завечерѣвшемъ воздухѣ, среди тишины и простора полей, эти фальшивые звуки пронеслись какъ какая-то неясная, противная и возмутительная угроза.

Павликъ теперь часто бывалъ въ Грачевкѣ. Иногда онъ являлся прямо въ домъ, а иногда сидѣлъ во флигелѣ у Воздвиженскаго и видался только съ Юліей, которая всегда знала о его приходѣ. Юлія все больше и больше привязывалась къ Павлику, и эта привязанность была странная, безпокойная и часто мучительная. Ея отношеніе къ нему мѣнялось почти каждый разъ, какъ она его видала: то онъ казался ей ребенкомъ, нѣжнымъ, нервнымъ и несчастнымъ; то она начинала подозрѣвать, что въ немъ нѣтъ уже ничего дѣтскаго и что подъ закупающею наружностью таится такое черствое, себялюбивое сердце и такое развращенное воображеніе, что ей становилось жутко и хотѣлось такъ или иначе ограничить ихъ знакомство самыми необходимыми сношеніями. То она беззавѣтно вѣрила въ его искренность, въ его чистоту и своеобразный идеализмъ, то, вдругъ, чувствовала какую-то фальшь, рисовку, возмущалась его нравственнымъ и физическимъ кокетствомъ и съ досадой, почти съ отвращеніемъ отвертывалась отъ него. И, все-таки, ни на минуту она не переставала интересоваться имъ, бояться за него и желать сдѣлать все возможное, чтобы помочь ему легче переносить жизнь. Она знала, что про ея отношенія къ этому мальчику уже стали ходить двусмысленные слухи. Первымъ довелъ объ этомъ до ея свѣдѣнія Юрій Платоновичъ. Онъ вдругъ сталъ фамильярнѣе, развязнѣе и часто, оставшись съ ней съ-глазу-на-глазъ, насмѣшливо посмѣивался, глядѣлъ на нее наглымъ взглядомъ и называлъ ее уже не кусочкомъ благороднаго металла, а своей красавицей, утѣшеніемъ страждущихъ и новой женщиной. Юлія говорила ему дерзости, кричала на него, прогоняла отъ себя, а онъ сталъ встрѣчаться ей все чаще и чаще тамъ, гдѣ она не ожидала его встрѣтить, и ясно показывалъ, что онъ пересталъ бояться и уважать ее. Кира тоже какъ будто что-то подозрѣвала, и въ ея отношеніи къ старшей сестрѣ произошла неуловимая перемѣна. Она стала неровнѣе, порывистѣе и то явно избѣгала Юлію, то восторженно говорила о своей любви къ ней, осыпала ее ласками и поцѣлуями. О Павликѣ онѣ не говорили, и казалось, что Кира гораздо больше интересуется Сергѣемъ, чѣмъ имъ. Сергѣй совсѣмъ не скрывалъ своего увлеченія. Онъ совершенно пересталъ распространяться о политикѣ и, гуляя съ

Кирой по саду или катаясь въ лодкѣ, декламировалъ съ чувствомъ стихи, восхищался природой, а потомъ, отъ избытка невыраженныхъ чувствъ, махалъ руками, крутилъ головой и начиналъ пѣть: „Si tu m'aimais"!.. Павликъ избѣгалъ приходить вмѣстѣ съ нимъ, и когда это случалось, почти всегда былъ мраченъ, задумчивъ и старался держаться въ сторонѣ. Но иногда и на него находилъ веселый стихъ, и тогда онъ болталъ съ Кирой и шалилъ, какъ ребенокъ, а Юлія съ любопытствомъ слѣдила за нимъ, стараясь понять, что̀ въ немъ непритворно: это ли дѣтское веселье, или та суровая печаль, которую онъ такъ часто повѣрялъ ей. Между ними ничего не было условлено заранѣе, но когда Павликъ засиживался у Воздвиженскаго, Юлія шла въ садъ одна, а онъ вскорѣ нагонялъ ее. Съ перваго взгляда на его лицо она уже знала, въ какомъ онъ настроеніи. Начинала говорить и говорила больше всегда Юлія.

— Павликъ! Разскажите мнѣ что-нибудь изъ вашей жизни.

— Мнѣ нечего разсказывать.

— Про дѣтство свое разскажите.

— Я не люблю вспоминать. Не надо.

— Отчего не любите?

— Тяжело.

— Про дѣтство-то тяжело?

— Да. Очень.

— Что̀ же вы любите?

— Спать.

— Павликъ! Ну, какъ вамъ не стыдно!

— Это правда.

— Что же, вы сны свои любите?

— Я не вижу сновъ. Я радъ. Сны—это та же жизнь.

Юлія начинала досадовать.

— Вы знаете, почему вы не любите жизни? Потому что вы не умѣете ею пользоваться. Вы непремѣнно хотите для себя чего-то необыкновеннаго, исключительнаго, и вамъ кажется ниже своего достоинства быть именно тѣмъ, кто вы есть.

— Ну, начали!—со скукой говорилъ Павликъ.

— Хорошо, не буду. Давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Что̀ вы дѣлали сегодня?

— Ничего.

— Вы сидѣли дома? Читали?

— Нѣтъ. Я не люблю читать.

— Отчего?

— Очень мало книгъ, которыя меня интересуютъ.

— Это книгъ-то мало?!

— Книгъ много, но онѣ меня злятъ. Любовь, описанія природы, фальшивая психологія...

— Что же вамъ надо?

— Я не знаю.

— Вы и природу не любите?

— Что же въ ней любить?

— Какъ что? Красоту. Ея впечатлѣніе на насъ. Ея вліяніе на насъ.

— Нѣтъ, я этого не чувствую.

У нея точно опускались руки.

— Мнѣ кажется, вы ничего не чувствуете. Знаете, вы—больной, вы—ненормальный.

— Можетъ быть.

Бывали разговоры болѣе остраго характера.

— Вамъ нравится Воздвиженскій?

— Нѣтъ, нисколько.

— Почему же вы такъ много бываете съ нимъ?

— Потому что у насъ общее дѣло, общая цѣль.

— Но какъ можно идти рука объ руку съ человѣкомъ, который не нравится? Цѣль — это не вѣшка. Ее можно и понимать иначе, и идти къ ней разными путями.

— У меня нѣтъ выбора. Я иду, съ кѣмъ могу.

— Вы и со мной теперь идете, потому что нѣтъ выбора?

— Съ вами мнѣ легче, чѣмъ съ другими. Это, кажется, уже выборъ.

— Но и со мной не легко?

— Не всегда. Вы часто мнѣ совсѣмъ чужая и непонятная.

— Когда?

— Когда вы стараетесь наставить меня на путь истинный. Когда вы хотите, чтобы я восхищался кваканьемъ лягушекъ, ухаживалъ за барышнями и наслаждался бы жизнью, закусывая ее малиновой карамелькой.

— А отчего бы вамъ не ухаживать за барышнями?

— Просто потому, что это скучно, а иногда противно. Я пробовалъ. Я надѣюсь, что вы не считаете себя барышней и не думаете, что я за вами ухаживаю?

— Этого вы могли бы и не говорить.

— Если это лишнее — я очень радъ. Кира Юрьевна, кажется, увѣрена, что я влюбленъ въ васъ. Можно мнѣ сдѣлать вамъ одно признаніе?

— Какое?—съ легкой тревогой спросила Юлія.

— Я очень не люблю вашу сестру. Я ее очень не люблю!— почти страстно повторилъ онъ.

— Но за что, Павликъ? Почему?

— И вы скажите ей, что я ее не люблю. Пожалуйста, скажите!

— Я даже не понимаю, зачѣмъ вы говорите это мнѣ?—съ горечью замѣтила Юлія. — Ну, не любите. Кто васъ проситъ? Но говорить объ этомъ... Зачѣмъ? Вѣдь это обидно... Это... грубо.

— Да? А мнѣ это нужно! Это нужно! — съ раздраженіемъ крикнулъ онъ.—И я самъ скажу, если вы не скажете.

— Павликъ! Что съ вами? Вы похожи на Чеховскаго доктора изъ „Иванова“. Вы тоже хотите оскорблять людей и думаете, что это удивительно честно и хорошо.

— А если меня оскорбляютъ? Терпѣть?—уже съ отчаяніемъ закричалъ онъ.—Если оскорбляютъ то, что во мнѣ самаго дорогого и... и...

У Юліи почему-то замерло сердце и похолодѣли руки. Она не могла бы объяснить, почему, но Павликъ вдругъ сталъ ей такъ непріятенъ и несимпатиченъ, что ей захотѣлось сейчасъ же доказать ему это.

— Вы, кажется, съ ума сошли! — холодно сказала она. — Кому и про кого вы говорите? Надо знать мѣру. Это еще одна изъ вашихъ позъ. Опомнитесь. Она неприлична. И не мѣшало бы вамъ думать немного меньше о себѣ и немного больше о другихъ. А то все вы, вы, вы... Васъ угнетаютъ, васъ оскорбляютъ, васъ не понимаютъ... Берегитесь: не становитесь ли вы смѣшны съ вашимъ самообожаніемъ?

Она повернула къ дому, увѣренная, что онъ не пойдетъ за ней, но онъ пошелъ.

— Юлія Сергѣевна!—послѣ долгаго молчанія позвалъ онъ.— Вы еще можете выслушать меня? Всего нѣсколько словъ. Я не буду оправдываться...

— Ну, выслушаю. Что же вамъ еще надо сказать?

Но ему трудно было говорить—такъ онъ волновался.

— Юлія Сергѣевна... Вы спрашивали меня о моемъ дѣтствѣ... Я помню вотъ что... Я помню отца... Онъ не умеръ. Онъ разошелся съ матерью, бросилъ и ее, и насъ. Я помню, что онъ не любилъ мать. Мнѣ было десять лѣтъ, когда я зналъ, кто его любовница. И она жила у насъ въ домѣ. А потомъ была другая, третья. Онъ пилъ и билъ при насъ мать, и мать цѣловала его руки. Въ десять лѣтъ я зналъ, что такое страсть. Отецъ часто былъ пьянъ, и я выучился пить. Онъ поилъ меня для забавы. Я видѣлъ... я видѣлъ и испыталъ такъ много грязнаго... отвра-

тительнаго... И забыть я не могу! И не прощу ни ему, ни матери... Дѣтство! мое дѣтство! Били и... поили... Я не могу больше сказать! Если я не погибъ, я только себѣ обязанъ. Никому больше. Все — только себѣ. Когда отецъ ушелъ — мать только рыдала и ѣздила его искать, его молить... Я ненавидѣлъ ее за это! Я и въ ней чувствовалъ страсть. Слыхали вы теперь про мое дѣтство? И въ немъ опять я, я, я! И это тоже поза...

Онъ вдругъ повернулся и побѣжалъ.

— Павликъ!—вскрикнула Юлія.—Павликъ! Вернитесь!

Она прислушалась, но въ саду все было тихо.

Упало яблоко на куртинѣ, и ей почему-то представилось, какъ будто капнула большая тяжелая слеза.

„Ему все надо прощать“, — рѣшила она, и вдругъ сердце ея испуганно сжалось.

„Да развѣ онъ вернется — послѣ всего, что я сказала?.. послѣ всего, что онъ не хотѣлъ сказать, и сказалъ?!“

И невольно она протянула руки и съ нѣжностью, съ болью, съ мучительнымъ состраданіемъ позвала:

— Павликъ! вернись!

Она еще долго сидѣла въ саду, и то ей казалось, что она слышитъ поспѣшные легкіе шаги,—и она оглядывалась съ надеждой увидать Павлика,—то ей казалось, что кто-то шепчетъ и плачетъ. Но въ темнотѣ только осторожно шелестѣли листья тополей и изрѣдка, то здѣсь, то тамъ, падало яблоко.

„Дать себѣ волю полюбить его, — мечтала она. — Полюбить такъ, чтобы онъ былъ какъ мой... сынъ. Чтобы это странное, ожесточившееся сердце согрѣлось и отошло. Чтобы жизнь не была больше пустой и холодной ни ему, ни мнѣ. Показать ему и свою душу, такую же одинокую и печальную“...

Юлія вдругъ встала и поспѣшно пошла къ дому. Наверху, у Киры, еще свѣтилось окно. Юлія поднялась по лѣстницѣ и постучалась въ дверь.

— Кто тамъ?—слегка испуганно спросила дѣвушка.

— Не бойся, это я,—отвѣтила она и вошла.

Кира лежала подъ нарядным свѣтлымъ одѣяломъ. На ней была нѣжно-розовая батистовая сорочка, вся въ прошивкахъ и кружевахъ, а передъ ней на столикѣ стояло зеркало, окруженное разнообразными флаконами, склянками и баночками.

— Я знала, что ты не спишь,—сказала Юлія.—Но, Кира, что это за лабораторія?

— Что случилось? Почему ты поднялась?

Она бросила на столъ маленькую пуховочку, которую держала въ рукѣ, закрыла какую-то баночку и съ спокойнымъ любопытствомъ повернулась къ сестрѣ.

Юлія сѣла на край ея постели въ ногахъ.

— Кира, что у тебя было съ Павликомъ?—строго спросила она.

Дѣвушка не смутилась, а только удивилась. — Съ Павликомъ? А что?

— Что ты сдѣлала? Говори правду.

— Юличка, это странно. Ты допрашиваешь и такъ волнуешься...

— Да, да. Мнѣ надо знать. Что-то было, что-то въ твоемъ родѣ...

— Какъ это—въ моемъ родѣ?

— Ты какъ-нибудь непозволительно кокетничала съ нимъ. Сдѣлала что-нибудь... вызывающее.

— И онъ, бѣдненькій Іосифъ Прекрасный, прибѣжалъ жаловаться къ тебѣ?!

Она засмѣялась.

— Кира, зачѣмъ ты это сдѣлала?!

— Но, Юличка, клянусь тебѣ, что не стоитъ принимать такого трагическаго вида. Видишь ли, я могла бы прекратить этотъ разговоръ, напомнивъ тебѣ, что мое поведеніе тебя совсѣмъ не касается. Но я—bonne enfant... И мнѣ жаль, что ты такъ разстроена. Я даже не спрошу тебя, почему и гдѣ ты его сейчасъ видѣла. Правда, со мной легко имѣть дѣло? А вѣдь онъ мнѣ нравится. Онъ мнѣ очень нравится.

Она опять засмѣялась.

Юлія взяла ея руку и сжала ее.

— О, милая! у меня руки намазаны кремомъ!—со смѣхомъ вскрикнула Кира.—Этотъ лѣтній загаръ и комары—отъ нихъ такъ трудно уберечься...

— Кира, я знаю, что не имѣла права говорить съ тобой такимъ тономъ. Но мнѣ тяжело предполагать... Я Богъ знаетъ что себѣ представила; а ты къ тому же признаешься, что онъ тебѣ нравится, очень нравится.

— О, не будемъ создавать драмъ! Ужъ не думаешь ли ты, что я погибаю отъ несчастной любви? Взгляни на меня: похожа ли я на это? Я сдѣлала маленькую пробу, вотъ и все. Кажется, она вышла не совсѣмъ неудачной, хотя... хотя—прости меня—твой Павликъ оказался не на высотѣ положенія. Онъ не уменъ.

— Я не понимаю, какую ты могла сдѣлать пробу?

— Ахъ, ты многаго не понимаешь! Ты старше меня на одиннадцать лѣтъ, а наивнѣе и невиннѣе на десять. Но мнѣ очень интересно, что онъ тебѣ сказалъ? Вѣдь теперь это не секретъ?

— Онъ сказалъ, что не любитъ тебя,—очень не любитъ. И даже просилъ тебѣ это передать.

Кира весело расхохоталась.

— Ахъ, глупый мальчишка! Я тебя предупреждаю, Юлія: онъ совсѣмъ не такой холодный и безстрастный, какъ кажется. И онъ далеко не равнодушенъ къ женской ласкѣ. Не вѣрь его презрительнымъ гримасамъ: это—скрытность и маска.

— Какъ ты можешь это знать!

— Это? Это я сейчасъ же распознаю. У меня на это чутье... безошибочное. Вѣдь я никогда не витала въ облакахъ съ ангелами. Я живу на землѣ, и мнѣ здѣсь прекрасно, когда не скучно.

Юлія думала и молчала.

— Сергѣй гораздо... какъ это сказать?—ну, скажемъ, спокойнѣе. Это ничего, что онъ тоже уже не невиненъ и, навѣрно, всегда и во всѣхъ влюбленъ. Стихи, романсы... Онъ, просто, какъ всѣ не очень страстныя и не очень чистыя натуры. А у Павлика за этой его ледяной корочкой...

Юлія порывисто встала.

— Я не понимаю, откуда ты это берешь? Какъ ты можешь такъ говорить?

— А, мой другъ, видѣть и знать всѣ стороны людей—совсѣмъ не лишнее. Такимъ образомъ не такъ легко попадаешься въ просакъ. Я хочу жить съ открытыми глазами, а не съ повязкой изъ мечты и сентиментальности, какъ ты.

Она взяла щеточку и принялась полировать свои ногти.

— Скажи мнѣ: въ чемъ женскій умъ? Читать тѣ же лекціи, которыя читаютъ студенты? разсуждать о томъ, о чемъ разсуждаютъ мужчины? требовать избирательныхъ и иныхъ правъ? Далеко съ этимъ уйдешь! Въ лучшемъ случаѣ—не будешь глупѣе и безправнѣе мужчинъ. Нѣтъ, меня это не удовлетворяетъ! Такъ много труда и скуки для достиженія такого пустяка, такого ничтожества! Женскій умъ, Юличка, это—пользоваться всѣми слабостями, недостатками и достоинствами тѣхъ, кто считаетъ себя нашими хозяевами и руководителями; это—хитрость, или искусство, называй какъ хочешь... Это—тонкое проникновеніе не въ душу человѣка, а въ его природу. Всѣ вѣрятъ въ какую-то душу, хотя ее никто никогда не видалъ, не знаетъ. Я въ нее не вѣрю. Природа, да! Parlez-moi de ça!

Юлія слушала ее и смотрѣла въ окно.

— Кира!—мягкимъ, умоляющимъ голосомъ позвала она.— Не мучай его. Оставь. Еслибы ты знала, какой онъ... страдающій!

— И какъ ты любишь его!—съ снисходительной и ласковой улыбкой прибавила дѣвушка.—Юличка! да?

— Да. Люблю. Но не такъ, какъ ты думаешь.

Младшая сестра махнула рукой со щеточкой.

— Это всегда „такъ“,—увѣренно сказала она.—Можно это сознавать, или не сознавать... до поры до времени, но въ концѣ концовъ оказывается, что это всегда „такъ“. Для тебя это очень серьезно, Юля. Съ твоими взглядами и принципами... это очень серьезно.

Она озабоченно покачала головой, не переставая заниматься своими ногтями.

— Думай, какъ хочешь,—гордо сказала Юлія.—Но если бы я почувствовала, что я... что моя близость съ этимъ мальчикомъ не только духовная,—я бы ея не вынесла.. Я не могу презирать себя!

Кира опять покачала головой.

— Ужасно у васъ все это сложно. Глядя на тебя, начинаешь вѣрить въ гипнозъ, который можетъ пересилить даже природу. Юля, я обѣщаю тебѣ не пачкать больше своимъ прикосновеніемъ твое чистое сокровище. Ну! ты довольна? Я достаточно великодушна? Я должна тебѣ, все-таки, поставить на видъ, что мнѣ это не очень легко. Начиналось что-то забавное. За это ты обѣщаешь мнѣ не скрывать отъ меня, если ты будешь очень счастлива или очень несчастна. А мнѣ ужъ придется ограничиться однимъ Сережей и его стихами. Скажи послѣ этого, что я тебя не люблю!

Юлія ушла отъ сестры, когда было уже совсѣмъ свѣтло. Въ своей спальнѣ она нашла на столѣ записку.

„Вы не будете теперь отрицать, что одиночество не всегда пріятно? Мнѣ кажется, что съ нѣкотораго времени вы разлюбили его, по крайней мѣрѣ по вечерамъ, когда оно было вамъ такъ дорого. Металлъ превращается въ лаву, когда вулканъ дѣйствуетъ. Я зашелъ къ вамъ, чтобы сообщить эту замѣчательную мысль“.

Юлія съ отвращеніемъ разорвала записку и бросила ее на полъ. Комната уже была полна дневнымъ свѣтомъ, но онъ казался тусклымъ и скучнымъ. За окномъ скучно стояли деревья, кусты, цвѣты.—Въ концѣ концовъ оказывается, что это всегда

„такъ"!—сквозь зубы, злобно проговорила она и швырнула свой кушакъ такъ, что пряжка громко стукнула о спинку стула. Острое ощущеніе брезгливости гримасой скривило ея губы. Почему-то вспомнилась розовая, въ прошивкахъ, ночная сорочка Киры. Не раздѣваясь, она бросилась на постель лицомъ въ подушки, чтобы не видѣть дня, скучнаго неба, скучныхъ цвѣтовъ и кустовъ, не видѣть противныхъ обрывковъ бумажекъ на полу...

Ольга Трофимова забѣжала въ докторскую кухню—попросить рублишко взаймы. Настасья Захаровна стряпала какое-то печенье, особенно любимое Андреемъ Николаевичемъ, и въ кухнѣ, кромѣ нея, никого не было. Ольга, кланяясь, извиняясь и лукаво поблескивая глазами, изложила свою просьбу.

— Ужъ вы, барынька милая, не сумлѣвайтесь, я отдамъ. Завсегда я тутъ у васъ передъ глазами. А нужда такая... такая нужда!

— Ладно, дамъ,—согласилась Настасья Захаровна,—а ты мнѣ дровецъ въ печку подложи. Кухарка въ полѣ, къ стаду ушла...

— Да не помочь ли еще вамъ въ чемъ, сударынька? Я съ превеликимъ удовольствіемъ.

— Ну, ставь самоваръ. Сейчасъ Андрей Николаевичъ долженъ вернуться. Печенье къ чаю готовлю.

Ольга опять стала толковать о своихъ нуждахъ. Она не ныла, не жаловалась, и казалось, что не могло быть такого горя, которое бы придавило ее. По одному проворству, съ которымъ работали ея руки, можно было судить о томъ, какъ много въ ней силы и жизнеспособности. Опять выражала она опасеніе, что ея мужъ неожиданно объявится, и это обстоятельство казалось ей самымъ непереноснымъ ужасомъ ея жизни.

— Что тогда будетъ! — крутила она головой. — Что тогда будетъ—подумать невозможно.

— Да вѣдь и теперь трудно жить?

— Да кто говоритъ не трудно! А живу—Бога не гнѣвлю. Вотъ бы еще мое дѣло вышло. Отвѣта еще нѣтъ никакого.

— Какое дѣло?

— А бумагу-то я подавала на портного. Кабы присудили—все бы я кругомъ себя справила, во всемъ бы оправдалась. Я съ этимъ прошеніемъ къ барышнѣ Ильинской ходила. Сказала—правильно написано. Прямо, говоритъ, въ точку.

Настасья Захаровна оживилась.

— Отчего это такая богатая, красивая барышня замужъ не выходитъ?

— Красивая?—удивилась Ольга.—И-и, что̀ вы, барыня-матушка! На что въ ней прельститься? Одни глаза горятъ большущіе да суровые. По нашему понятію и взглянуть-то не на что.

Настасья Захаровна засмѣялась.

— А все-таки странно, что у нея жениховъ нѣтъ. Теперь она землю продаетъ. Вѣдь сколько получитъ!

Ольга съ таинственнымъ видомъ подошла къ ней и, оглянувшись, нагнулась къ ея уху.

— А правду я, барынька, слыхала, будто у нихъ клятва такая, чтобы не выходить замужъ, а не въ законѣ жить?

— У кого—у нихъ?—спросила докторша.

— А вотъ у этихъ самыхъ, которыя мутятъ. Какъ ихъ? революціонеры, что-ли?

— Да какая же Юлія Сергѣевна революціонерка?

— И-и, милая! — протянула Ольга. — Да теперь объ этомъ всѣ знаютъ. Урядникъ намедни говорилъ: „кабы въ другомъ мѣстѣ—давно бы ихъ накрылъ“. Вы Андрея-то Николаевича остерегите...

— А при чемъ тутъ Андрей Николаевичъ? — все больше изумляясь и интересуясь, допытывалась Настасья Захаровна.

— Вмѣстѣ они. Вотъ что. Евдокію Александровну Ивкову знаете?

— Ну, знаю.

— Такъ ея горничная намедни приходила, зубъ у нея рвали. Сидѣла она у меня и разсказывала. „Наша барышня, говоритъ, все отъ нотаріуса вывѣдала, и теперь, говоритъ, скоро всѣхъ накроютъ“.

Настасья Захаровна безсильно опустилась на табуретъ.

— И это они безъ меня!—съ отчаяніемъ вырвалось у нея.— Цѣлый кружокъ и Юлія Сергѣевна, а я... я ничего и не знаю. Не нужна стала. Юлія Сергѣевна...

Ольга еще что-то долго и съ упоеніемъ шептала, но Настасья Захаровна уже плохо слушала и понимала: обида, гнѣвъ и ревность душили ее.

— Говорилъ, что ходитъ къ землемѣру въ гости! Говорилъ, что съ Юліей Сергѣевной только и видался, когда къ старухѣ вызывали.

— Нѣтъ, барынька, нѣтъ. Не вѣрьте. Завсегда вмѣстѣ... Мужчины, извѣстно, нашу сестру обманываютъ, что воду пьютъ.

Вернулся откуда-то Андрей Николаевичъ, и видно было изъ окна, какъ онъ поговорилъ во дворѣ съ какимъ-то мужикомъ и вмѣстѣ съ нимъ прошелъ въ больницу.

— Рубликъ-то мнѣ...—напомнила Ольга.

Настасья Захаровна принесла деньги, молча, съ поджатыми губами, отдала ихъ Ольгѣ и сунула листъ съ печеньемъ въ духовую печь.

Разсыпаясь въ благодарностяхъ, Ольга ушла и, взглядывая мимоходомъ на больницу, весело и лукаво усмѣхнулась.

— Будетъ тебѣ теперь на орѣхи! Не важничай больно. „Съ пустяками лѣзете“...

Андрей Николаевичъ пришелъ домой въ томъ раздражительномъ настроеніи, которое всегда овладѣвало имъ, когда ему приходилось оставаться съ глазу на глазъ съ Настасьей Захаровной.

— Гдѣ газета?—крикнулъ онъ изъ комнатъ.

— А я не знаю, куда ее сторожъ положилъ,—кричала она изъ спальни, наскоро умываясь и оправляя свой туалетъ.—Посмотри на перилахъ балкона.

— На перилахъ балкона! — передразнилъ онъ. — Въ политику лѣзете, а газетъ не читаете.

Слышно было, какъ онъ громко хлопнулъ балконной дверью.

„Ну, если и уличу я его, что онъ мнѣ лгалъ, что онъ увлеченъ Юліей Сергѣевной, что онъ скрывается отъ меня, какъ отъ врага, — вдругъ подумала Настасья Захаровна, — что же дальше? Опять просить у него прощенія? молить, чтобы онъ меня терпѣлъ рядомъ съ собой? унижаться?“

Она сѣла и, облокотившись о колѣни, закрыла лицо руками.

„Неужели никогда онъ меня не любилъ и не любитъ? Вышла какая-то ошибка... Связался изъ-за оказанной услуги, въ минуту радости и благодарности, а я повѣрила... Счастлива была. Боже мой! Душу отдала. Изъ такой идейной, новой женщины—какой-то кухаркой стала. Только бы угодить, быть ему полезной, чѣмъ-нибудь побаловать, угостить... Украдкой его одежду цѣловала, когда онъ дулся. Всю меня къ нему тянетъ и нѣтъ силъ удержаться. А ему это противно. „Газетъ не читаешь“!.. Читала я ихъ въ свое время! Все читала, обо всемъ говорить могла, а теперь точно камень на меня навалился. Андрюша! только любить тебя мнѣ хочется. Проснулось мое сердце“...

Къ чаю она вышла робкая, точно чѣмъ-то испуганная. Онъ и не взглянулъ на нее, углубившись въ чтеніе газеты. Зато она глядѣла на него съ той быстрой смѣной мыслей и чувствъ, которая доступна только несчастной любви, и ей мучительно хотѣлось подойти и провести рукой по его волосамъ, поправить эту непослушную вьющуюся прядь, которая всегда спускалась къ нему на лобъ. И вдругъ у нея явилась ни на чемъ неосновательная надежда: а вдругъ онъ сейчасъ засмѣется, будетъ веселый, ласковый, прежній?

И подъ вліяніемъ этой мечты она вдругъ кокетливо засмѣялась и дернула за край газеты.

— Ну, надоѣлъ съ своимъ чтеніемъ! Поговори.

— Что?—удивленно спросилъ онъ и повернулъ къ ней лицо.

— Хочу, чтобы ты былъ немного полюбезнѣе со мной. Вотъ что. Развѣ мы опять не въ духѣ? А у меня Ольга была и все мнѣ разсказала.

— Кто?—спросилъ онъ громче и нетерпѣливѣе.

— Ольга Трофимова... изъ барака.

— Ну?

— Такъ она мнѣ разсказала, что у васъ съ Юліей Сергѣевной чуть не тайное общество, и что урядникъ хочетъ васъ накрыть...

— А вотъ я ее по шеямъ со двора... твою Ольгу!—спокойно пообѣщалъ Андрей Николаевичъ и опять сталъ читать.

Опытъ показался Настасьѣ Захаровнѣ довольно удачнымъ, и она стала смѣлѣе.

— Какой ты смѣшной, что скрывалъ это отъ меня!—замѣтила она. — Это изъ-за того, что я тогда немножко приревновала? Боишься меня? Да?

Онъ бросилъ газету въ сторону и порывисто повернулся къ ней.

— Что такое? Какая еще ерунда?

Легкій непріятный холодокъ сжалъ ея сердце, но она продолжала бодриться.

— Я говорю, что ты напрасно скрывалъ отъ меня, что Юлія Сергѣевна раздѣляетъ наши убѣжденія и что ты близко сошелся съ ней на этой почвѣ. Ты знаешь, что я сама всегда... Подожди! Въ чемъ это ты запачкалъ себѣ плечо?

Она быстро встала и подошла къ нему.

— Паутина... Должно быть, гдѣ-нибудь прислонился...

Она стала бережно обирать паутинки, но онъ нетерпѣливо дернулъ плечомъ.

— Ни на какой почвѣ мы съ Юліей Сергѣевной не сходились,—рѣзко сказалъ онъ,—и убѣжденій ея я не знаю. Полагаю, что никакихъ и нѣтъ. А тебя прошу не приваживать сюда сплетницъ и, по крайней мѣрѣ, не передавать мнѣ ихъ бредни. Вѣдь это пошло!

Онъ сказалъ это такъ брезгливо, что ее всю передернуло.

— Чего же отъ меня и ждать!..—начала она, но вдругъ замолчала и вернулась къ своему мѣсту за самоваромъ.

Такое чувство, какое она испытала сейчасъ, было ей уже знакомо, и оно было все еще неожиданно и страшно. Она сама не знала, когда и откуда оно взялось. И являлось оно помимо ея воли, какъ что-то роковое и непреодолимое, противъ чего ей самой хотѣлось защититься. Это было ощущеніе неизбѣжности близкой развязки. Какой — она еще не знала. Но чувствовала, что уйти отъ нея уже нельзя, что она сама придетъ и все рѣшитъ за нее. Рѣшитъ жестоко и безповоротно.

Въ это утро Андрей Николаевичъ узналъ, что то собраніе, о которомъ онъ такъ хлопоталъ и на которое такъ разсчитывалъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ состояться. Зуевъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи у предводителя дворянства, но тотъ отказалъ. Такія партійныя собранія были довольно обычны въ прошлое лѣто, благодаря сочувствію предводителя, но и тогда одно изъ нихъ, послѣднее, чуть не кончилось крупнымъ скандаломъ. Кто-то организовалъ черную сотню, которая—подъ видомъ возмущенныхъ и патріотически-настроенныхъ гражданъ—должна была окружить собраніе и попробовать выколотить изъ собравшихся ихъ освободительныя мысли. Къ счастью, предводитель узналъ объ этомъ проектѣ настолько вѣ-время, что успѣлъ телеграфировать губернатору, а тотъ отвѣтной телеграммой рѣшительно воспретилъ возмущеннымъ жителямъ волноваться, и тѣ сейчасъ же успокоились и разошлись. Ограничились только тѣмъ, что описали всѣхъ присутствующихъ, а потомъ кое у кого произвели обыски. Теперь губернаторъ былъ другой, со дня на день ждали роспуска Думы, и вся деревенская и уѣздная полиція особенно усердствовала... Приходилось „играть назадъ“, какъ выражался Щуповъ, и это было ему тяжело. Онъ зналъ, что противъ него насторожилось бдительное вниманіе „возмущенныхъ гражданъ“, и его бѣсила мысль, что, быть можетъ, придется насильно сложить руки и порадовать „гражданъ“ подневольнымъ смиреніемъ и покорностью.

— Нѣтъ, я раньше потѣшу свою душу, даромъ не сдамся,— злобно мечталъ онъ. — Пусть помнятъ дружочка и благодарятъ. Нашего брата теперь бить, что яйца сбивать: изъ ничего много выйдетъ. Вотъ истинно русскіе люди, тѣ, небось, отлично знаютъ, что изъ нихъ развѣ только лопухи выростутъ. Жизнь имъ куда дороже: только своя одна и есть.

Онъ излагалъ эти свои мысли Павлику, который такъ кстати зашелъ въ то время, какъ самоваръ еще не успѣлъ остыть, а Настасью Захаровну позвали по хозяйству. Павликъ сидѣлъ блѣдный, вялый и казался совсѣмъ больнымъ.

— Гдѣ это говорится о драконѣ, у котораго одну голову отрубишь—десять выростетъ? А вотъ у меня одинъ проектъ не удастся — сразу десять на смѣну возникнутъ и одинъ зубастѣе другого. Поработаемъ! Книжечки-то еще у васъ остались?

— Остались. Ихъ ребятишки охотно берутъ на цигарки. Но какой же толкъ?

Онъ закинулъ голову и полузакрылъ глаза.

— Вы что... такой? Нездоровится?

— Усталъ.

— Съ Юліей Сергѣевной вчера долго забесѣдовались?

— Не знаю... Нѣтъ, кажется, не очень долго. Но я хотѣлъ остаться ночевать, а ушелъ домой и не прямымъ путемъ, а дальнимъ.

— Вы должны знать... У Юліи Сергѣевны есть какія-нибудь убѣжденія? Я знаю, что какія бы они ни были, они гроша не стоятъ, и не интересовался. Но все-таки?

— Платформы у нея нѣтъ,—скучающимъ голосомъ сказалъ Павликъ, — но она возмущается взглядами Юрія Платоновича.

Щуповъ засмѣялся.

— О, ужъ это много значитъ! Я смѣюсь, потому что я вспомнилъ, какъ я разговаривалъ въ Петербургѣ съ двумя дамами... За ужиномъ въ семейномъ домѣ. Посадили меня между двухъ такихъ... розъ. Обѣ, вообразите, кадэтки, и одна, надо признаться, прехорошенькая. Въ тюляхъ, въ перьяхъ, въ брилліантахъ... Обѣ говорили: „наша партія“, и чувствовали, что принадлежатъ къ господствующей кастѣ. Ну, понимаете, конечно, и я сейчасъ же сталъ кадэтомъ. Мнѣ это ни чертà не стоило. Бесѣдовали мы такъ оживленно, что на насъ оглядывались. И все, знаете, въ этомъ родѣ: „Ахъ, я такъ люблю нашу партію! Всѣ остальныя противныя, правда?“ — „Ахъ, очень противныя! И какъ не стыдно быть крайнимъ правымъ? Вѣдь это отсталость!“ — „А крайнимъ лѣвымъ неудобно, потому что надо браниться и

одѣваться въ костюмъ товарища".—„А вотъ жалко, что кадэты не зовутъ другъ друга „товарищъ"! Я была бы товарищъ Зозо, такъ интересно!" Я имъ сказалъ, что цѣлый нашъ кружокъ хочетъ возбудить ходатайство, чтобы кадэтамъ утвердили какой-нибудь знакъ отличія. То-то поднялся щебетъ! „Непремѣнно значокъ! Непремѣнно шапочку!" Чуть не поссорились, потому что я настаивалъ на томъ, что рѣшено утверждать шпоры. Серьезный народъ—политическія дамы и дѣвицы въ декольтахъ!

Павликъ лѣниво улыбнулся.

— А Юлія Сергѣевна не возстаетъ противъ вашего знакомства со мной?—спросилъ докторъ.

— Съ какой стати? Это ея не касается. Впрочемъ...

— Что впрочемъ?

— Нѣтъ, ничего. Я хотѣлъ сказать, что мы съ ней врядъ-ли еще увидимся.

— Это какъ?—удивился Андрей Николаевичъ.

— Я больше туда не пойду,—упрямо заявилъ Павликъ.

Андрей Николаевичъ свистнулъ.

— Такъ!—коротко сказалъ онъ.

Они долго сидѣли молча.

— А я тамъ старуху очаровалъ,—вдругъ похвастался Андрей Николаевичъ.—Безъ ума отъ меня. Сегодня опять за мной пришлетъ—такъ ужъ у насъ условлено. Махнемъ, что-ли, вмѣстѣ?

— Нѣтъ!—рѣшительно отказался Ивковъ и сталъ еще болѣе мрачнымъ.

— Такъ серьезно?—со смѣхомъ спросилъ докторъ. Онъ пристально поглядѣлъ на собесѣдника своими умными насмѣшливыми глазами.—Знаете, какъ рисуютъ свинью грустную и свинью веселую? Скажемъ, что мы не свиньи, а революціонеры. Я—веселый, вы—грустный, а Воздвиженскій—еще третій типъ: свирѣпый. Сыграемъ, что-ли, въ шашки?

Къ Зуеву пріѣхалъ верховой съ письмомъ отъ Прасковьи Павловны.

„Ты мужчина, George,—писала старуха.—Умоляю тебя, пріѣзжай и защити меня. Еслибы у меня было куда уѣхать, я, конечно, давно уѣхала бы. Но мнѣ некуда и не на что. Я больше не могу жить отъ страха. Вчера голуби разбили мое окно, а ночью былъ вѣтеръ и во всемъ домѣ что-то выло и свистѣло. Я пережила всѣхъ, кто любилъ меня, и не боюсь умереть, но я не хочу, чтобы меня убивали. Пріѣзжай и скажи мужикамъ,

что они отвѣтятъ за мою кровь. Они будутъ знать, что я не беззащитна. Пока у меня гоститъ Сергѣй, но онъ очень молодъ и увѣряетъ, что я все преувеличиваю. Однако, въ Грачевкѣ мужики чуть не побили помощника нотаріуса, Зяблова. Такой прекрасный, тихій, милый человѣкъ! Все это мутитъ докторъ и его пріятель, землемѣръ. Я все это теперь навѣрное и хорошо знаю. Умоляю тебя, пріѣзжай. Арендаторъ моего сада загородилъ мою выѣздную дорогу возомъ съ яблоками, а когда я замѣтила ему, дерзко отвѣтилъ мнѣ, что все равно ко мнѣ никто не пріѣдетъ. Возъ онъ принялъ, но какъ онъ смѣетъ мнѣ говорить, что ко мнѣ никто не пріѣдетъ? Значитъ, онъ думаетъ, что я совсѣмъ безпомощна и одинока. Пишу тебѣ потихоньку отъ Сергѣя, и прошу тебя, чтобы онъ ничего не зналъ. Когда голуби разбили окно, я очень плакала, а потомъ поѣхала въ Грачевку, а тамъ былъ Сережа и, увидавъ, въ какомъ я состояніи не захотѣлъ оставить меня одну. Онъ добрый, сердечный мальчикъ. Но ты знаешь, что у меня нѣтъ кухарки, а просто женщина, поэтому я уговариваю его, чтобы онъ ѣхалъ домой. Онъ привыкъ и къ котлеткамъ, и къ пирожнымъ, а я ѣмъ только самое что-нибудь обыкновенное, потому что трудно достать провизіи и некому готовить. Да и мнѣ самой такъ удобнѣе и пріятнѣе. Подумать не могу, что Сережа уѣдетъ, и я опять останусь совсѣмъ одна. George, не услышишь ли ты, что-кому нибудь нужна экономка? Я могу разливать чай и выдавать провизію. Я буду трудиться усердно и честно. Другъ мой, пожалуйста пріѣзжай! Если ты объяснишь мужикамъ—они поймутъ. Они всѣ добрые и жалѣютъ меня, а бабы иногда приносятъ мнѣ яичекъ и молочка. Они вѣдь тоже помнятъ, какъ я жила прежде, и видятъ, какъ я живу теперь. Но когда они пьяные—они ничего не помнятъ, не видятъ и не понимаютъ. А про мѣсто экономки непремѣнно узнай. Я думаю, что больше дворянскаго достоинства зарабатывать свой хлѣбъ, чѣмъ выпрашивать его Христа ради. Я еще настолько горда, что помощи я ни отъ кого не приму".

Зуевъ на другой же день поѣхалъ въ Высокое.

— Такъ тебя голуби обидѣли? — спросилъ онъ, когда они сѣли вдвоемъ опять на ту же скамейку въ саду. Она повернула къ нему старое измученное лицо, губы ея некрасиво скривились, и вдругъ она припала головой къ его плечу и судорожно, мучительно заплакала.

— За что?.. за что?..—повторяла она.—George... милый... за что?

Онъ вздыхалъ, цѣловалъ ея голову, ея руку, но въ этихъ

ласкахъ было больше состраданія, чѣмъ участія, и она это почувствовала.

— Ну, спасибо, что хоть жалѣешь,—тихо сказала она. — George, ты мнѣ скажи: есть хоть въ чемъ-нибудь отрада? есть? Хотя кому-нибудь стало лучше, легче?

Онъ улыбнулся, обрадованный, что она перестала плакать.

— Pauline, ты—удивительная женщина!—своимъ высокимъ молодымъ голосомъ заговорилъ онъ.—Вѣдь какъ ты сейчасъ поставила вопросъ... Вѣдь это такъ хорошо, что ты и сама не знаешь.

— Не знаю, George. Какъ я поставила вопросъ?

— А вотъ про отраду и про то, легче ли теперь кому-нибудь. Помнишь, Pauline, севастопольскую войну? шестидесятые годы? Ты тогда, помнится, уже подросточкомъ была.

— Помню, да только слабо. Какъ крестьянъ освободили — помню.

— А чувство у тебя тогда было?

— Какое чувство?

— Ну, такое свѣтлое, радостное? Наконецъ, дескать, и у насъ дѣлается что-то очень хорошее, высокое, справедливое.

— А вѣдь было, было! Папенька тогда рвалъ и металъ, а, я помню, меня такъ и подмывало высунуть ему языкъ. А горничнымъ я на шею бросалась и цѣловала ихъ.

— А теперь у тебя ничего похожаго на это чувство нѣтъ?

Она подумала и отвѣтила:

— Нѣтъ. Теперь нѣтъ. Вотъ, когда еще только слухи ходили и все про весну печатали... И стихи, и проза — все про весну. И когда новую жизнь ждали, и я думала, что правда— что-то новое идетъ все ближе и ближе... Потомъ, я помню, 17-ое октября, когда еще стрѣлять не начали... Тогда я радовалась. И тоже, знаешь, хотѣлось кому-то языкъ высунуть.

Зуевъ засмѣялся.

— Такъ отчего же теперь не хочется? Отчего теперь ты перестала радоваться? Оттого, что голуби окно разбили? Ахъ, Полинька, Полинька! Вѣдь намъ только отсюда не видно, а все, что̀ мы ждали, что̀ насъ радовало и восхищало, все это сбывается, входитъ въ жизнь.

— Я не вижу, George.

— Да, Полинька, ты не видишь, и я... я тоже не вижу, но я вѣрю. Я вѣрю! И вотъ мнѣ радостно. Иногда совѣстно, какой на душѣ восторгъ. Точно, знаешь, я вдругъ превратился въ старую бабу, которая не чаяла дожить до Свѣтлаго Христова

Воскресенія, но дожила и притащилась въ церковь и слышитъ, какъ запѣли „Христосъ Воскресъ". Слышитъ и плачетъ отъ счастья. Она вѣритъ, и я вѣрю... Намъ съ ней все равно: какъ поютъ, кто поетъ. Мы дожили, мы испытали великую радость, и такъ велика эта радость, что забыли мы съ ней, съ этой старой бабой, забыли на время про всѣ наши горести и печали. Забыли даже про то, что наша пѣсенка спѣта, что чѣмъ дальше, тѣмъ хуже намъ будетъ жить, и что праздникъ только яснѣе подчеркнетъ нашу старость, наше одиночество...

Онъ оборвалъ свою рѣчь, и его ясные дѣтскіе глаза точно заволоклись дымкой печали.

— Развѣ и ты одинокъ, George? — спросила старуха. — У тебя жена, дѣти.

— Быть одинокимъ среди своихъ близкихъ, любимыхъ—это, Полинька, пожалуй еще хуже, чѣмъ не имѣть никого,—печально сказалъ Зуевъ.—Впрочемъ, я, вѣроятно, ошибаюсь. Не подумай, что я жалуюсь на свою семью. Такъ, какъ-то фраза сорвалась. Очень мы разно думаемъ, разно чувствуемъ, и мнѣ, старику, это тяжело. Я думаю, и имъ всѣмъ очень непріятно, но ни я, ни они не виноваты. Мнѣ, вотъ, радостно и хочется свои послѣднія силы отдать, чтобы чѣмъ-нибудь, какъ-нибудь помочь наступленію новой жизни, а они видятъ въ ней только личные убытки, непріятности, неудобства. Бранятъ меня, что я землю продаю, считаютъ меня чуть не революціонеромъ и бунтовщикомъ. Рознь между нами. Тяжело. Вотъ мнѣ и кажется, Полинька, что придавило насъ съ тобой какими-то старыми обломками и ничего живого и новаго намъ изъ-подъ нихъ не видно, и слишкомъ мы стары и слабы, чтобы изъ-подъ нихъ освободиться. А то, чего мы ждемъ, чего искренно желали всей душой, то уже близко. Мы слышимъ, какъ поютъ „Христосъ Воскресъ".

— Жоржъ, а я вѣдь не знала, милый, я не знала, что и у тебя свое горе. И ты говоришь, что это только насъ, старыхъ, придавило, а что польза есть и будетъ?—оживляясь, допытывалась Прасковья Павловна.—Значитъ, все хорошо?

— Да какъ же не хорошо? — засмѣялся Егоръ Васильевичъ. — Какъ же не хорошо, если все двинулось впередъ сильнымъ, могучимъ движеніемъ? Не надо отчаяваться и опускать руки. Мы оставимъ свой слѣдъ, и если наше дѣло затормозится на время, то не погибнетъ. Слишкомъ оно жизненное, слишкомъ справедливое дѣло. А личныя непріятности и затрудненія— да Богъ съ ними, Полинька! Я ихъ несу, и со мной они кончатся... И развѣ можно обращать серьезное вниманіе на нихъ теперь?

Прасковья Павловна жадно слушала его.

— Ахъ, Жоржъ, но какъ же это прекрасно! — заволновалась она. — Признаться тебѣ сказать, я очень мало поняла изъ того, что ты говорилъ, но, видишь ли ты, я чувствую, что это благородно. Я это всегда чувствую. И, правда, что за важность — наши личныя непріятности и огорченія! И, откровенно говоря, развѣ было время, когда ихъ не было? Все что-нибудь... Ахъ, какъ ты правъ! какъ я тебѣ благодарна! Только жалко мнѣ ужасно, что я ничего не могу. Вотъ, ты хочешь послѣднія силы отдать. А я что отдамъ? Ахъ, Жоржъ, какъ это обидно, что я ничѣмъ не могу быть полезной! Я, голубчикъ, отъ тебя теперь ничего скрывать не буду. Вѣдь я съ чего такъ разнервничалась? Ты думаешь, изъ малодушія? Совѣстно только признаваться... У меня, голубчикъ, сахару не на что было купить эти дни. Хлѣбъ занимала. Пріѣхалъ Сережа, а я... а у меня... Бѣгали, бѣгали по селу...

Она опять заплакала.

— Полинька! Да какъ же тебѣ не совѣстно! Да ты бы взяла у меня. Написала бы съ тѣмъ же посыльнымъ...

— Какой ты богачъ! Я знаю! — махнула рукой старушка.

— Ну, да... И у меня тонко. Очень тонко. Но выручить тебя въ такомъ остромъ случаѣ не сотни нужны.

— Не могу, Жоржъ. Не могу просить и одолжаться. И прямо говорю: самъ мнѣ предложишь — не возьму. Не твои только деньги, а и жены твоей, и дѣтей. Имъ много нужно. Я знаю, какъ ты бьешься, чтобы эти нужды удовлетворять. А теперь у тебя еще нелады, рознь. Да я теперь уже устроилась.

— А это ты уже выдумываешь. Какъ ты устроилась?

Она помолчала и отвѣтила съ видимымъ трудомъ:

— Продала еще кое-какую мебель и... лошадку свою.

Онъ опустилъ голову и задумался.

Засиживаться ему было некогда, и его тройку не распрягали. Скоро онъ сталъ прощаться.

— Спасибо тебѣ, Жоржъ! — горячо благодарила Прасковья Павловна.

— Да не за что и благодарить, если я ничѣмъ не могу тебѣ быть полезнымъ.

— Нѣтъ, ты меня оживилъ. Мнѣ теперь кажется, что я не одна на свѣтѣ. Это такъ хорошо чувствовать! И я буду думать, что на свѣтѣ, все-таки, дѣлается что-то хорошее, свѣтлое. Да?

Онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

— Думай еще о томъ, что ты сама хорошая, свѣтлая. Удивительная у тебя душа!

Она нервно, со слезами, засмѣялась.

— Никогда мнѣ никто этого не говорилъ. Никогда...

— Соня пріѣхала! — крикнула она ему вслѣдъ, когда онъ уже отъѣзжалъ. Онъ не понялъ.

— Соня Ивкова. Съѣзди! Навѣсти!

Онъ радостно закивалъ и скрылся за поворотомъ. Вся подъѣздная дорога заросла травой. Въ сторонѣ стояла телѣга, и старикъ въ валенкахъ и съ большой шишкой подъ глазомъ наблюдалъ, какъ ребята ссыпали въ телѣгу мелкія зеленыя яблоки. Онъ обѣими руками снялъ шапку и поклонился.

„Это тотъ садовникъ, который дерзко увѣрялъ, что къ Полинькѣ никто не пріѣдетъ“, — подумалъ Зуевъ, и печально-ласковая улыбка застыла на его лицѣ.

Вызвать мужиковъ, чтобы объяснить имъ, что они будутъ отвѣчать за кровь Прасковьи Павловны, никто и не вспомнилъ.

Софья Николаевна Ивкова вернулась неожиданно и не застала дома ни одного изъ сыновей. Дунечка была занята хозяйствомъ и только забѣжала въ домъ поздороваться съ невѣсткой.

— Вылечилась? — съ своей ядовитой ласковостью спросила она. — А вотъ мнѣ некогда и похворать. Съ подлецами-мужиками такая возня... Не идутъ на работу, хлѣбъ застоялся въ полѣ... Всякія требованія, грубости, непріятности... Ну, да ты ничего не понимаешь, и не стоитъ тебѣ разсказывать. Но, спрашивается: за что я колочусь? Имѣніе у меня съ братцемъ общее и моя часть маленькая. Онъ себѣ и въ усъ не дуетъ. Доходы идутъ тебѣ... Кажется, могли бы твои мальчишки мнѣ помогать. А спроси, гдѣ они? Я ихъ теперь никогда больше и не вижу. Прекрасными дѣлами они занимаются!

Софья Николаевна съ дороги пила кофе, и Дунечка тоже налила себѣ чашку. Украдкой она окинула пріѣзжую недружелюбнымъ лукавымъ взглядомъ. Она знала, что Павликъ — любимецъ матери, и ея сходство съ нимъ бросалось въ глаза. Та же фигура, высокая и стройная, тѣ же тонкія, изящныя черты лица; только волосы у нея были не бѣлокурые, а почти черные, съ легкой просѣдью, хотя въ молодости она была блондинкой. Каждое ея движеніе выдавало нервность, доведенную до трепетности, и пока Дунечка говорила, лицо ея то вспыхивало румянцемъ, то рѣзко блѣднѣло.

— Какими дѣлами?—спросила она.

Дунечка засмѣялась.

— Сережа, кажется, просто ухаживаетъ за барышнями, а твой Павликъ революціонные кружки устраиваетъ, пропагандой занимается.

Софья Николаевна опустила глаза и вздохнула.

— Это теперь-то, когда и безъ того отъ мужиковъ житья нѣтъ! Прасковью Павловну, знаешь, совсѣмъ выживаютъ. Въ Грачевкѣ недавно какой-то скандалъ былъ, и говорятъ, тамъ чуть не избили помощника нотаріуса Зяблова. Тотъ ихъ же дѣла устраиваетъ, а они его бьютъ. Хороши? У Воробьина уланы стоятъ, а то бы отъ усадьбы камня на камнѣ не осталось. Какъ меня еще Богъ миловалъ? Все стараются доказать, что мужики только тогда бунтуютъ, когда съ ними несправедливы и слишкомъ строги. Въ такомъ случаѣ, за что же Прасковью Павловну преслѣдуютъ?

— Павликъ? — тихо спросила Софья Николаевна. — Это правда, Дунечка?

— Ну, не вѣрь, если не хочешь. А вотъ его поймаютъ и арестуютъ, тогда повѣришь... Ахъ, киса! — вдругъ нѣжно пропѣла она. — Идетъ моя киса! моя радость!

Кошка прыгнула къ ней на колѣни, а она охватила ее обѣими руками, прижалась къ ней щекой и томно закрыла глаза.

— Но какъ же?.. Съ кѣмъ же?—продолжала допытываться Софья Николаевна.—Какіе у него здѣсь знакомые?

— Было бы болото, черти найдутся, — не открывая глазъ и покачиваясь вмѣстѣ съ кошкой, протянула Дунечка.—О, блаженство мое!

— И онъ веселъ?.. доволенъ?

— Худящій и злющій.

— Боленъ, значитъ? боленъ? да?

Въ ея голосѣ уже дрожало отчаяніе.

— Чего тамъ боленъ! — неожиданно рѣзко сказала Дунечка.—Шляется. Лошадей свободныхъ у меня теперь нѣтъ къ его услугамъ. Все пѣшкомъ. Десятки верстъ отмахиваетъ. Дома цѣлыми днями лежитъ, отдыхаетъ. Этакъ никакихъ силъ не хватитъ. А развѣ я могу его удержать? Попробуй сама.

Она поспѣшно встала и начала повязывать голову ситцевымъ платкомъ.

— Со вчерашняго вечера оба пропали. Ну, сиди и жди ихъ, а я пойду. У меня работаютъ.

Софья Николаевна тоскливо ходила по большимъ запущеннымъ комнатамъ и прислушивалась. Все кругомъ было мертвенно-тихо. Только чирикали воробьи на балконѣ, только жужжали мухи и чуть слышно, точно шутя, стучались въ окна залы тонкія вѣтки плакучей березы. Проклятый домъ! Какъ она мало была здѣсь счастлива и какъ много и жестоко страдала! Здѣсь родились оба ея сына. Зачѣмъ? Чтобы заставить ее жить въ то время, когда у нея хватило бы силы умереть насильно? Для того, чтобы жить самимъ и тоже страдать и мучить другихъ? Ничего нѣтъ страшнѣе жизни! Она тянется вдаль, переходитъ къ дѣтямъ, потомъ къ дѣтямъ дѣтей, и нѣтъ конца этому ужасу, этой нити безплодныхъ страданій...

„Зачѣмъ Павликъ?—безсвязно думала она.—Зачѣмъ—онъ? Ну, Сережа, тотъ еще можетъ приспособиться... У такихъ и счастье бываетъ. Зачѣмъ Павликъ? Это моя живая мука... Дитя моего горя, моей неудачной жизни, безсилія и безволія“...

Она подошла къ роялю, открыла крышку клавишей и долго смотрѣла на нихъ. Музыки она не переносила уже давно. Слишкомъ больно напрягались нервы: кричало что-то внутри, кричало страшнымъ крикомъ. И опять она принялась ходить, безцѣльно и тоскливо, убаюкивая на ходу жестокія воспоминанія, пугающія мысли и ноющее чувство.

Вдругъ какой-то далекій звукъ остановилъ ея вниманіе. Это было со стороны дома, гдѣ жили мальчики. Она знала ихъ манеру возвращаться не въ дверь, а въ окно. Въ корридорѣ ей подъ ноги попалась рыжая кошка и съ сердитымъ мяуканьемъ шмыгнула мимо. Софья Николаевна испугалась и съ суевѣрнымъ страхомъ отшатнулась отъ нея. Дверь Павлика была пріоткрыта; она толкнула ее и сейчасъ же увидала сына и кинулась къ нему.

Они сѣли рядомъ на кровать.

— Ты усталъ?—съ грустью спрашивала она и жадно разглядывала его лицо, любовно трогала волосы, застегнула пуговицу рубашки.

— Да,—сказалъ онъ.

— Отчего? отчего? Знаешь что? Лягъ, а я посижу съ тобой, посмотрю на тебя. Да, ты блѣдный. Ты нисколько не поправился и, кажется, еще похудѣлъ. Павликъ, отчего?

Онъ старался не глядѣть на нее.

— Такъ. Не знаю.

— Дунечка мнѣ говорила, что ты все ходишь, слишкомъ много ходишь. Отчего ты не хочешь себя беречь, мой милый?

Она хотѣла поцѣловать его руку, но онъ во-время вырвалъ ее и покраснѣлъ.

— Мама, зачѣмъ такъ волноваться? Это тяжело.

Она сдѣлала надъ собой усиліе и улыбнулась.

— Все такой же строгій? Ходишь по солнцу, а совсѣмъ не загорѣлъ. Павликъ, мнѣ тетя говорила, что ты очень неосторожень...

Она хотѣла сказать это просто, шутливо, но голосъ выдалъ ея тревогу.

— Да? уже успѣла?—съ досадой замѣтилъ онъ.—И ты, конечно, огорчена, встревожена? Сейчасъ будешь читать мнѣ мораль и требовать всякихъ зароковъ?

Двѣ схожихъ пары глазъ глядѣли другъ на друга; но одни были полны нѣжности и мольбы, а другіе пусты и упрямы.

— Павликъ, я ничего не буду... Я вѣрю, мой дорогой, что ты ничего не сдѣлаешь противъ совѣсти, и что все, что ты дѣлаешь, хорошо. Я вѣрю въ твою честную, чистую душу, и не мнѣ, я знаю, тебѣ совѣтовать, направлять... Я только боюсь, что найдется другое вліяніе, и что ты его не замѣтишь... Я боюсь, что ты самъ себя обманываешь.

Онъ поднялъ голову и самоувѣренно улыбнулся.

— Пожалуйста, хоть этого не бойся!

— Ахъ, Павликъ, и мнѣ ли тебя не знать? Откуда у тебя вдругъ убѣжденность? желаніе вмѣшаться въ это сложное, страшное дѣло, и вмѣшаться, не жалѣя своей головы?..

— Мама! тутъ ясно, кто правъ и кто не правъ.

— Да, милый, да. Но можно ли тѣмъ путемъ, которымъ ты хочешь идти, служить одной правдѣ? Ясно ли тебѣ это? Правда—требовательная, мой мальчикъ: она требуетъ не только хорошихъ цѣлей, но и хорошихъ средствъ. Она ничего не проститъ, Павликъ, такой чуткой душѣ, какъ твоя. Ей мало того, что ты будешь правъ,—ты долженъ быть святъ.

Онъ нетерпѣливо отвернулся отъ нея.

— Я все обдумалъ,—глухо сказалъ онъ.—Все! Такъ жить, какъ ты, какъ Дунечка, какъ Сережа,—я не могу!

— И живи лучше, мой ангелъ! — съ восторгомъ пожелала она.—Живи лучше! Ты еще не начиналъ, у тебя все впереди. Ну, скажи мнѣ: что ты дѣлаешь? что тебя такъ увлекаетъ?

— Увлекаетъ? нѣтъ еще... Вотъ именно это и ужасно. Дунечка, ты,—вы уже бьете тревогу, уговариваете, удерживаете, а я чувствую, что еще совсѣмъ и не началось настоящее, что все какіе-то пустяки, мелочи.

Она опять завладѣла его рукой и крѣпко держала ее.

— Это потому что у тебя нѣтъ духовной связи... Внутренней связи, понимаешь? Въ любимомъ, дорогомъ дѣлѣ пустяки и мелочи радуютъ, даютъ часть удовлетворенія. Ты сразу хочешь чего-то большого. Подвига? да? Ты хочешь не щадить себя? никого?

Онъ оглянулся на нее немного удивленный.

— Почему ты это подумала? Это странно.

— Нѣтъ, это не странно. Когда такъ любишь и такъ знаешь, какъ я тебя... Павликъ! можешь ты мнѣ повѣрить, что за твое счастье я готова все вынести, все перетерпѣть? Можешь ли повѣрить, что то, что я сейчасъ скажу, я скажу не изъ эгоизма? Не ищи подвига, Павликъ. Это обманъ. Я знаю все, что будетъ. Ты, мальчикъ, пойдешь на вѣрную муку и смерть не хуже любого мужчины. Но у тебя еще дѣтское, нѣжное, правдивое сердце. Ты побѣдишь свои сомнѣнія только на время. Они воспрянутъ. И ты спросишь себя: за что я погубилъ свою жизнь? И не будетъ идеи. Будетъ безпомощность, страстная жажда жизни, которой ты еще не зналъ, раздирающая жалость къ самому себѣ, возмущеніе и ужасъ передъ страданіемъ и смертью. Нѣтъ, не отъ такихъ подвиговъ умираютъ съ радостью и благодатью въ душѣ! Павликъ! не ищи подвига. Люби свою идею и иди къ ней своимъ путемъ, долго и терпѣливо. Иди къ ней самъ, а не толкай другихъ. Живи лучше насъ! Живи... а не умирай!..

Онъ чуть-чуть приподнялъ брови и выраженіе его лица стало каменное, непроницаемое.

— Отчего ты молчишь? Отвѣть мнѣ что-нибудь.

— Я усталъ,—холодно сказалъ онъ.—И, Бога ради, мама... Такъ тяжелы эти сцены! Я рѣшилъ. Я твердо рѣшилъ.

Онъ опять отвернулся, а она долго, не отрываясь, глядѣла на его профиль, на блѣдную, чуть-чуть ввалившуюся щеку съ едва пробивающимся пушкомъ.

— Павликъ, отчего ты не спросишь про бабушку, про тетю Таню? Ты знаешь, что я была у нихъ...

— Ахъ, да. Что же онѣ? здоровы?—равнодушно спросилъ онъ.

Она не отвѣтила, и все продолжала смотрѣть.

Удивленный ея долгимъ молчаніемъ, онъ оглянулся на нее.

— Что съ тобой?

— Ничего!—глухо отвѣтила она.

— Отчего же ты не отвѣчаешь?

— Тебѣ не надо.—Она выпустила его руку, встала и медленно направилась къ двери.

— Мама!—смущенно позвалъ онъ. Софья Николаевна остановилась, а Павликъ подошелъ къ ней, взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Не надо огорчаться, — сказалъ онъ. — Бабушка, мама... мнѣ мѣшаютъ любить людей такъ, какъ вы обѣ хотите. Нѣтъ, я не погублю даромъ свою жизнь! Я знаю.

Она слабо улыбнулась и опустила голову.

— Павликъ, я тоже устала. Когда Сережа вернется—пришли его ко мнѣ. И ложись самъ, милый. Ложись. Отдохни.

Сергѣй вернулся вечеромъ на грачевскихъ лошадяхъ и разсказалъ, что ночевалъ у Прасковьи Павловны. Матери онъ очень обрадовался, сѣлъ на полъ у ея ногъ и прижался къ ея колѣнямъ. На дворѣ вдругъ стало холодно и заморосилъ дождь, и всѣ собрались въ комнату Софьи Николаевны, гдѣ горѣла лампа и было теплѣе и уютнѣе. Дунечка сердилась на погоду и, отъ нечего дѣлать, ѣла яблоки. Павликъ сидѣлъ въ темномъ углу, закинувъ голову и прислонившись затылкомъ къ стѣнѣ. Софья Николаевна поминутно оглядывалась на него и видно было, что ее угнетаетъ и его поза, и его молчаніе. Она полулежала въ большомъ креслѣ, съ заложенной за спиной подушкой, и слушала Сережу, который оживленно разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Высокомъ.

— Сама себѣ страхи выдумываетъ, а мужики ее жалѣютъ и любятъ, ей-Богу!

— Ну, и врешь! — сказала Дунечка. — Знаю я тамошнихъ мужиковъ: пьяница на пьяницѣ и мошенникъ на мошенникѣ.

— Тѣмъ болѣе это умилительно,—засмѣялся Сережа.—Если у такихъ людей жалость и состраданіе есть, то отъ другихъ, лучшихъ, еще бо̀льшаго ждать можно.

— Да какіе тамъ лучшіе и худшіе!—крикнула Дунечка.— Между самымъ лучшимъ и самымъ худшимъ разница та, что одинъ тебя ограбитъ и убьетъ только въ пьяномъ видѣ, а другой и въ трезвомъ не постѣснится. Что̀ же,—вѣдь и наши сознательные, освободительные, революціонные, пролетаріальные товарищи тоже не считаютъ нужнымъ напиваться, чтобы убивать людей.

— Когда ты хочешь сказать что-нибудь возмутительное и нелѣпое, ты подбираешь даже нелѣпыя слова,—замѣтилъ Сергѣй.

— Я не знакома съ вашимъ лексикономъ. У васъ ваши титулы, и мнѣ наплевать, вѣрно или невѣрно я ихъ произношу. Я знаю только, что дурацкое слово „товарищъ“ требуетъ особаго почтенія—и въ вашемъ присутствіи не смѣю употреблять его безъ разныхъ дурацкихъ прилагательныхъ.

— Мерси за вниманіе.

— Не стоитъ. Рада стараться.

Онъ опять сталъ говорить о Прасковьѣ Павловнѣ, о Лившихъ и Юліи Сергѣевнѣ.

— Ты что же не скажешь, что ты въ Киру влюбленъ?— опять вмѣшалась Дунечка.—Или я не тотъ терминъ употребляю? Какъ это у васъ, по-новому?

Сергѣй слегка покраснѣлъ и засмѣялся.

— Я и въ Юлію влюбленъ. Обѣ разныя, и въ обѣихъ своего рода пикантность. Юлія даже лучше тѣмъ, что некрасива. Кира нѣсколько искупаетъ свою красоту массой недостатковъ. Вѣдь это что̀ за безобразіе—не умѣетъ даже правильно выражаться по-русски! И никакого образованія, никакого! Одна грамотность, которую она употребляетъ на чтеніе самыхъ невозможныхъ книгъ.

— Да, я думаю, ей очень не хватаетъ знанія высшей математики,—насмѣшливо замѣтила тетка.

— Но зато она часто говоритъ такія неожиданныя вещи! У нея на все свой взглядъ, немного порочный, но несомнѣнно вѣрный.

— Счастливая мать, слушай своего сына!—вскрикнула Дунечка.—„Порочный, но вѣрный“! Это великолѣпно! Ты дуракъ, но уменъ. Прости мнѣ эту параллель.

— Ты знаешь, тетя Дунечка, что всѣхъ, кого ты считаешь умными, я считаю прохвостами, и поэтому горжусь, что не попалъ въ ихъ число.

— Нѣтъ, миленькій,—нѣжно протянула Дунечка,—куда тебѣ въ прохвосты! Это, голубчикъ, надо быть чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, а ты еще не въ тѣхъ и не въ сѣхъ.

— Ну, довольно комплиментовъ!—рѣшилъ Сережа.—Мама, разскажи про бабушку.

— Бабуся васъ цѣлуетъ,—тихо сказала Софья Николаевна.— Я сказала, что не могла прислать васъ на лѣто къ ней, потому что боюсь для Павлика лихорадки. Она пріѣдетъ къ намъ зимой. Но она стала старенькая, слабенькая... У нея болятъ глаза и часто болитъ голова. Она разспрашивала о васъ каждую мелочь... Она... она любитъ васъ...

У нея подозрительно дрогнулъ голосъ. Сережа поднялъ голову и съ безпокойствомъ взглянулъ на нее. Но она глядѣла черезъ его голову на Павлика.

— Она любитъ васъ, вспоминаетъ васъ маленькими. Она спрятала ваши игрушки, какой-то маленькій пестренькій пѣту-

шокъ, котораго Павликъ очень любилъ и одинъ разъ горько плакалъ, когда онъ пропалъ. Сережа! слѣпнетъ наша бабушка, надвигается на нее вѣчная ночь. И одно для нея утѣшеніе— знать, что ее помнятъ и... немножко любятъ...

Она вздрогнула.

— Страшно, страшно жить въ темнотѣ! Точно это еще глубже уйти въ себя, не видѣть ничего успокоительнаго, безразличнаго, развлекающаго, а только свои мысли и чувства.

Сережа ласкалъ и цѣловалъ ея руки.

— Мамочка, но развѣ навѣрно?.. Полно, мамочка...

— А если... если ее, слѣпую, тихую, кроткую, не пощадитъ такое горе, отъ котораго... отъ котораго эти мысли и чувства станутъ пыткой? Куда дѣваться? куда уйти отъ себя?

— Мамочка! — настойчивѣе позвалъ Сережа. — Перестань! Какое горе? Зачѣмъ? Зачѣмъ ты мучишь себя?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я разсказываю тебѣ про бабушку. Ты просилъ... Ей недолго осталось жить, Сережа. Умретъ наша старушка, и не надо будетъ жалѣть и щадить ее. Пусть тогда придетъ горе. Не будетъ лишней жестокости, не будетъ упрека совѣсти, что въ это беззащитное сердце, старое, давно измученное...

Она вдругъ остановилась и, нагнувшись, вытянувъ шею, глядѣла въ уголъ. Павликъ всталъ и, пожимая плечами, точно онъ сильно озябъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Павликъ, ты что? — замирающимъ голосомъ спросила мать и протянула руку.

— Они спали и проснулись,—нѣжно и ядовито протянула Дунечка.

— Нѣтъ, я не спалъ! — хриплымъ отъ волненія голосомъ возразилъ Павликъ. — Но здѣсь душно. У меня голова разболѣлась.

Онъ какъ будто не замѣтилъ протянутой къ нему руки и поспѣшно вышелъ. Рука безсильно упала на плечо Сережи. Онъ молча прижался къ ней щекой.

— И ки-ислыя яблоки!—протянула Дунечка, морщась.

Юрій Платоновичъ разыскалъ Юлію и подошелъ къ ней съ сіяющимъ лицомъ въ то время, какъ она была занята съ Зябловымъ.

— Поздравляю! — не сдерживая своего восторга, сказалъ онъ:—Думу разогнали!

Юлія оглянулась на него широко раскрытыми испуганными глазами, а Зябловъ не удержался и сочувственно хихикнулъ.

— Давно пора!—торжествуя, продолжалъ Ливскій. — Отъ души привѣтствую мудрую смѣлость правительства!

Съ легкимъ оттѣнкомъ брезгливости подалъ онъ руку Зяблову, а тотъ такъ и расплылся въ восторженной улыбкѣ и заискивающими глазами впился ему въ лицо.

— Вы это, Юрій Платоновичъ, глубокоуважаемый, удивительно точно: „мудрая смѣлость"!—медовымъ голосомъ проговорилъ онъ и нѣжно засмѣялся.

— Не правда ли?—обрадовался Юрій Платоновичъ.—Думскіе Цицероны еще на дняхъ грозили общимъ возмущеніемъ, чуть не возстаніемъ всей страны...

— Ничего не будетъ!—успокоительно пророчилъ Зябловъ.—Помилуйте! Кому это возмущаться и возставать? Какимъ-нибудь Воздвиженскимъ? Но кто обратитъ на нихъ вниманіе? Для нихъ есть маленькое, выразительное словцо...—Онъ опять засмѣялся.

— Какое?—любезно поинтересовался Ливскій.

— Очень коротенькое-съ... „Цыцъ"!

Онъ поднялъ толстый указательный палецъ, изобразилъ на мигъ строгость и непреклонность на своемъ кругломъ жирномъ лицѣ и вдругъ опять весь размякъ, засіялъ и залился своимъ дробненькимъ смѣхомъ.

Ливскій тоже снисходительно и благосклонно смѣялся.

— Ну, довольно!—съ раздраженіемъ сказала Юлія.—Вы видите, что мы заняты.

— Спѣшилъ васъ порадовать, — насмѣшливо щуря глаза, оправдался Юрій Платоновичъ.—Теперь легче разсчитывать, что здравое слово найдетъ сочувствіе и поддержку.

— Усчитываете шансы вашей воображаемой газеты?

— Шансы перевѣса здравомыслія надъ свистоплясомъ и ухарничествомъ. По-моему, Юлія Сергѣевна, довольно торжествовали мальчишки!

Глаза Юліи злобно сверкнули.

— Вы намъ мѣшаете, Юрій Платоновичъ!

Но, всегда корректный и тактичный на людяхъ, Ливскій не могъ на этотъ разъ подавить своего возбужденія.

— Я часто вамъ мѣшаю, Юлія Сергѣевна,—приношу тысячу извиненій. Но я думалъ, что вы раздѣлите мою радость. Довольно торжествовали мальчишки!

Онъ небрежно кивнулъ Зяблову и ушелъ.

Юлія слушала объясненія Ивана Емельяновича, но ничего не слыхала и не понимала.

— Кстати, вотъ еще что̀,—съ трудомъ пересиливая унизительное чувство отвращенія и ненависти, сказала она:—если до меня дойдетъ еще хотя одинъ случай вашего злоупотребленія... я васъ попрошу немедленно сдать мнѣ дѣло и уѣхать.

— Это какая-то гнусная клевета, Юлія Сергѣевна!—вскрикнулъ Зябловъ, и его глазки забѣгали по сторонамъ.

— Я васъ предупредила. Вы берете на себя сомнительныя дѣла... Это не мое дѣло! Но у меня... относительно здѣшнихъ крестьянъ...

— Но я вамъ клянусь, добрѣйшая и глубокочтимая!.. Это—враги... Я окруженъ врагами, которымъ выгодно унизить меня въ вашихъ глазахъ, чтобы еще спокойнѣе и безсовѣстнѣе пользоваться вашимъ довѣріемъ и неопытностью.

— Я предупредила васъ,—повторила Юлія и нервно отодвинула стулъ.—Мнѣ это было противно...

— Невиненъ, какъ агнецъ, — пробормоталъ Зябловъ, тоже вставая и собирая свои бумаги.—Злоба и клевета... очень понятная... очень предусмотрительная... Зная мою преданность вамъ и вашимъ интересамъ, имѣя, можно сказать, противоположныя цѣли...

Юлія стояла и ждала, чтобы онъ ушелъ. Ея худая рука въ кольцахъ нервно сжимала спинку стула, лицо было сѣрое и казалось больнымъ. Наконецъ, онъ исчезъ, протестующій, но сгорбленный и почтительный. А она такъ и осталась стоять, и у нея было такое чувство, будто она вся окружена чѣмъ-то липкимъ и зловоннымъ, и каждое ея движеніе пачкаетъ ее...

Марія Несторовна тоже очень радовалась роспуску Думы и съ гордостью выслушивала длинныя тирады Юрія Платоновича.

— Вѣдь вотъ какъ странно!—удивлялась она: — чувствую, что рада, а почему рада—объяснить не могу. А Юрій разсказалъ—и все понятно. Часто это такъ случается.

— Это случается только съ тѣми, у кого много чуткости и непосредственной справедливости,—замѣтилъ мужъ.—Эта черта свойственна хорошимъ, умнымъ женщинамъ, у которыхъ чувство всегда идетъ впереди разсудка и ведетъ его за собой. Это—цѣнная способность!

Марья Несторовна расцвѣла.

— Нѣтъ, Юрій... Ты меня часто поражаешь своимъ умомъ. Нѣтъ вопроса, на который бы ты не пролилъ свѣта.

Кира сидѣла въ той же комнатѣ, слушала родителей и смѣялась.

— О, какъ вы трогательны съ вашимъ взаимнымъ восхищеніемъ! Мнѣ хочется броситься въ ваши объятія и плакать отъ умиленія.

— Кира!—торжественно сказала мать:—я хотѣла бы, чтобы ты нашла себѣ такого мужа, какъ твой отецъ.

— Мама!—подражая ея тону, отозвалась дѣвушка:—я желала бы во всемъ слѣдовать вашему примѣру!—Однако, я такъ растрогана,—прибавила она,—что ощущаю потребность въ свѣжемъ воздухѣ. Воркуйте, мои милые голубки! Не стѣсняйтесь.

На балконѣ она съ удивленіемъ встрѣтила Воздвиженскаго. У него былъ разстроенный видъ и очень пыльные сапоги.

— Кира Юрьевна! Вы сегодня должны бы были послать за докторомъ?

— Не знаю. Можетъ быть.

— Не посылайте. Онъ не можетъ пріѣхать. У него несчастье.

— Что такое?—живо спросила Кира.

— У него жена отравилась.

— Отравилась?

— Нечаянно, вѣроятно...

— Умерла?

— Нѣтъ... нѣтъ еще. Она сразу спохватилась, и Андрей Николаевичъ, какъ врачъ, принялъ всѣ мѣры. Нельзя теперь безпокоить его пустяками.

Онъ кинулъ презрительный взглядъ на цвѣты и обстановку террасы, скривилъ одинъ уголъ рта въ улыбку и, прикоснувшись однимъ пальцемъ къ козырьку фуражки, направился къ флигелю.

— Господинъ Воздвиженскій!—крикнула Кира.—Пожалуйста постойте!

Онъ нерѣшительно вернулся.

— Вы знаете, что разогнали Думу?

Его покоробило.

— Распустили... Да. Знаю.

— Я думала, что вы еще не успѣли прочесть, а вамъ это интересно; хотѣла сообщить,—съ любезной улыбкой сказала Кира.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ тяжелой враждой. Его некрасивое, незначительное лицо стало смѣшнымъ отъ выраженія неизвѣстно чѣмъ вызваннаго оскорбленнаго достоинства.

— Больше ничего!—съ любопытствомъ вглядываясь въ него и невольно улыбаясь, прибавила дѣвушка.

Онъ пошевелилъ губами и, явно оскорбленный, негодующій, чуть не задыхающійся отъ желанія отплатить, отомстить, побѣжалъ домой.

Юлія очень взволновалась извѣстіемъ о драмѣ въ докторскомъ домикѣ.

— Неужели умретъ? — широко раскрывая глаза, ужасалась она. — Рѣшимости принять ядъ у нея хватило, а потомъ, значитъ, испугалась? Ахъ, бѣдная, бѣдная!

Скоро откуда-то стали извѣстны новыя подробности: Настасья Захаровна жестоко страдала, и Андрей Николаевичъ отчаявался спасти ее. Она, будто бы, говорила: „развязала я тебя и себя“ и цѣловала его руки, а онъ хваталъ себя за голову, выбѣгалъ на крылечко кухни и тамъ сидѣлъ и качался.

— Вотъ это любовь! — мечтательно одобрила Марья Несторовна. — Да, въ этомъ докторѣ есть что-то... что-то, что должно нравиться женщинамъ.

— Женщинамъ нравится очень разное, — замѣтилъ Юрій Платоновичъ. — Эту бѣдную женщину я тоже понимаю: Щуповъ уменъ, довольно красивъ; у него мужественная осанка, смѣлость и своеобразная оригинальность мысли. Конечно, это можетъ нравиться... Во всякомъ случаѣ, это мужчина, а не птенецъ съ развинченными нервами и разстроеннымъ воображеніемъ. Кстати: я давно не вижу Ивковыхъ. Я надѣюсь, все обстоитъ благополучно?

Онъ мелькомъ взглянулъ на Юлію, а отвѣтила Кира.

— Къ нимъ пріѣхала мать. Но Сережа былъ совсѣмъ недавно...

— Да, да. Сергѣй былъ, но тотъ?.. Павликъ? Il se laisse désirer? Онъ заставляетъ себя желать? Одинъ изъ непереводимыхъ французскихъ оборотовъ...

Къ вечеру Юлія почувствовала себя чрезвычайно усталой. Это была не физическая усталость, а тяжелый душевный гнетъ, сознаніе безъисходности одиночества среди людей, которые умѣли говорить только то, что̀ ее мучило или возмущало, среди обстановки, которая вдругъ стала ей чужда и непріязненна. Какая-то больная обида щемила ей сердце, но она не хотѣла разбираться въ ней. Было тяжело, грустно и какъ-то безнадежно пусто, и чтобы опять не слушать разсужденій о Думѣ, о Настасьѣ Захаровнѣ, чтобы не видать ненавистнаго лица Юрія Платоновича, она ушла въ садъ, предупредивъ Киру, чтобы ее не звали къ чаю, и безсознательно пошла по той аллеѣ, гдѣ ее обыкновенно нагонялъ Павликъ. Въ самомъ концѣ ея, у пруда, скрытая въ

кустахъ и деревьяхъ, стояла скамейка. Юлія направилась прямо къ ней и, едва вѣря своимъ глазамъ, остановилась: на скамейкѣ лежалъ Павликъ и спалъ.

„Онъ ждалъ меня!“—подумала дѣвушка, и сразу вся нѣжность, которую она такъ старательно скрывала отъ себя эти дни, и жалость, и теплая, яркая радость охватили ея сердце. Она подошла, сѣла у его изголовья и стала глядѣть на его спящее лицо. Оно было красиво, спокойно и холодно. Узенькая грудь подъ синей рубашкой ровно, но еле замѣтно дышала. Одна щека разгорѣлась, а другая была блѣдна и казалась худѣе и старше.

„Положить бы его голову къ себѣ на колѣни, — думала Юлія.—Но какъ это сдѣлать и не разбудить?“

Но онъ самъ проснулся, испугался и вскочилъ.

— Кого вы ждали? Воздвиженскаго или меня? — улыбаясь, спросила Юлія, и ея глаза, ея зубы блестѣли въ этой открытой, радостной улыбкѣ.

— Я хотѣлъ видѣть васъ, — отвѣтилъ онъ, поспѣшно поправляя свои волосы.—Я здѣсь, кажется, давно. Я заснулъ.

— А-а! соскучился по мнѣ! Ну, и я вамъ рада...

Павликъ вдругъ сталъ серьезенъ.

— Дома Дунечка торжествуетъ по поводу Думы. У Щупова жена больна. Я не вынесъ...

— Не оправдывайтесь, Павликъ. Я сама все это перенесла сегодня: и Думу, и горе Щупова, и еще Зяблова на придачу.

— А что... Зяблова?

— Нѣтъ, не будемъ больше о нихъ говорить! Богъ съ ними. И мы не будемъ ссориться. Хорошо?

Онъ осторожно взялъ ея руку.

— Я только-что хотѣлъ просить васъ быть ко мнѣ сегодня снисходительнѣе. Я не знаю... Иногда бываетъ такая потребность въ добромъ словѣ, въ ласкѣ...

Сіяя глазами, она нагнула къ себѣ его лицо и поцѣловала въ лобъ.

— Мы оба будемъ сегодня кроткіе, ласковые. Вѣдь я знала, что вы можете быть такой. Должны быть именно такой... Павликъ, вы знаете, что я очень люблю васъ?

Онъ улыбнулся и лукаво посмотрѣлъ на нее.

— Знаю.

— Ахъ, вы самоувѣренный мальчишка! Ну, ничего; вѣдь это правда.

— Иначе я бы сюда и не пришелъ... Будете вспоминать обо мнѣ, когда я уѣду?

— Уѣдете? Когда?

— Скоро. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать. Я списался съ нѣкоторыми товарищами... Меня зовутъ.

Она перестала смѣяться и молча глядѣла на него.

— У насъ сонный, мертвый край. Къ чему здѣсь приложить свои силы? А я теперь знаю, что сила у меня есть. Я испыталъ себя... Я увѣренъ... Когда-нибудь, вѣроятно, вы еще услышите обо мнѣ.

— И ваша мать знаетъ, что вы уѣзжаете?

Павликъ нахмурился.

— Нѣтъ еще. Но удержать меня она не можетъ. Мнѣ здѣсь нечего дѣлать! Еслибы кто зналъ, какъ я тоскую, какъ мнѣ противна вся эта жизнь!

Онъ поднялъ глаза къ небу и задумался. Казалось, что у него не хватало словъ для выраженія своихъ чувствъ.

— У меня совѣсть чиста,—тихо, точно думая вслухъ, заговорилъ онъ. — Мать... бабушка... Развѣ я виноватъ? Мнѣ ихъ жалко, да... Но у нихъ останется Сережа. Вѣдь могъ бы я умереть отъ чахотки или отъ тифа. Я отдамъ свою жизнь не глупой случайности, а общему большому дѣлу. Я отдамъ ее съ радостью, потому что она мнѣ тяжела. Все, что даетъ радость другимъ—мнѣ ненавистно и противно. Среди всей этой грубости, жестокости, несправедливости я не нахожу себѣ мѣста, я не могу утѣшаться пустяками. Развѣ я виноватъ? Почему я эгоистъ?

Онъ развелъ руками и горько усмѣхнулся.

— Я вамъ скажу правду: меня даже не тянетъ къ тѣмъ людямъ, къ которымъ я теперь иду. Я даже мало сочувствую имъ, а духовнаго единенія у меня нѣтъ съ ними никакого. И тамъ грубость и жестокость... Я сочувствую ихъ цѣли. Я уважаю ихъ за ихъ презрѣніе къ жизни. Презрѣніе! Этого во мнѣ больше всего. Когда я жалѣю кого-нибудь, я тоже презираю. И это такъ мучительно! Мнѣ говорятъ, что я не имѣю на это права. Не знаю. Жизнь открылась мнѣ слишкомъ рано, когда у меня была еще дѣтская, очень чувствительная, очень чуткая душа. Съ тѣхъ поръ началось мое сознаніе одиночества. Съ тѣхъ поръ я обособился, и началъ страдать, и разучился любить. Я боюсь только одной своей совѣсти. Но она чиста. Я не виноватъ...

— Вы даже не сочувствуете тѣмъ, съ кѣмъ идете!—взволнованнымъ голосомъ повторила Юлія. — Такъ зачѣмъ же, Павликъ, зачѣмъ? А если впослѣдствіи ваша совѣсть возмутится? Если вы увидите, что и вы стали грубымъ и жестокимъ, потому что хотѣли быть выше и лучше другихъ?

— Тогда мнѣ ничего не останется... Тогда мнѣ не жалко будетъ убить себя.

— А теперь... теперь вы не чувствуете, какъ вы жестоки и безжалостны, какъ сухо ваше сердце? О, у васъ пощады не ищи!

Онъ вздохнулъ и тоскливо повелъ головой.

— Пощады? Зачѣмъ? Я ни у кого не прошу уступокъ. Когда со мной жестки и несправедливы, — развѣ я жалуюсь, прошу, протестую? Я ухожу.

— Да. Потому что вамъ это легко.

— Легко,—тихо повторилъ онъ.—Легко!

Они сидѣли и говорили до темноты. Павликъ разсказалъ ей и о своихъ бесѣдахъ съ матерью, и о бабушкѣ и угрожающей ей слѣпотѣ.

— Она всегда была добра ко мнѣ, — признался онъ. — Въ дѣтствѣ это мое единственное теплое, отрадное воспоминаніе. Я никогда ее не забуду, никогда! Но теперь она не понимаетъ меня и не способна понять. И любитъ она не меня, а воспоминаніе обо мнѣ, какъ о маленькомъ, миломъ, послушномъ мальчикѣ...

Все время въ этотъ вечеръ говорилъ онъ, а она молчала и слушала, и на душѣ у нея становилось все холоднѣй и темнѣй, какъ и въ природѣ, какъ и въ томъ саду, гдѣ они сидѣли.

— Пойдемте. Пора. Холодно! — сказала она, наконецъ, и зябко повела плечами. Онъ еще раньше предупредилъ ее, что будетъ ночевать во флигелѣ.

— Такъ вы будете вспоминать обо мнѣ?—прощаясь и цѣлуя ея руку, спросилъ онъ опять.

— Я жалѣю васъ, и буду жалѣть,—серьезно отвѣтила она.— Но больше всего я жалѣю тѣхъ, кто васъ любитъ.

Въ земской порѣченской больницѣ еще не начинался пріемъ, но въ просторной амбулаторной комнатѣ собралось уже много народу, и одни сидѣли на лавкахъ и покорно ждали, перешептываясь съ сосѣдями, другіе стояли въ очереди у окошечка, черезъ которое производилась запись. Слышались короткіе нетерпѣливые вопросы фельдшера, котораго не было видно, и тихіе, нерѣшительные и слишкомъ многословные отвѣты тѣхъ, кто подходилъ записываться. На дворѣ было холодно, вѣтрено и грязно, и никто не шелъ на выгонъ къ бараку, гдѣ торговала Ольга, а всѣ толпились въ комнатѣ съ грязнымъ, заплеваннымъ поломъ,

въ спертомъ воздухѣ, пропитанномъ іодоформомъ, запахами махорки, пота и еще многаго, чего нельзя опредѣлить, но что составляетъ неотъемлемую особенность одежды и жилища мужика.

Плакалъ грудной ребенокъ, и кто-то долго удушливо и мучительно кашлялъ.

— Имя!—послышался голосъ фельдшера.

— Прасковья Павловна Мережкова,—отвѣтилъ громкій отчетливый голосъ.

Фельдшеръ всталъ и выглянулъ въ окно.

— Прасковья Павловна! Я доложу Андрею Николаевичу, и онъ приметъ васъ немедленно у себя на дому.

— Очень вамъ благодарна, но я не хочу,—смущенно отвѣтила старушка.

— Но, помилуйте... И ждать долго, и помѣщеніе такое...

— Не безпокойтесь. Ничего. Мнѣ ужъ тутъ одинъ мужичокъ свое мѣстечко уступилъ... Посижу.

Она отошла и, подбирая юбки, пробралась на другой конецъ комнаты и усѣлась между двумя бабами, закутанными въ большіе байковые платки.

— Чтой-то поздно сегодня пріемка-то, — съ сокрушеніемъ сказала одна баба. — Дома-то, бѣда моя, ребята одни остались: какъ бы чего не набѣдокурили.

— Бабка-то гдѣ же?—спросила другая.

— Бабка-то? Ушла бабка-то. Богу молиться пошла. И какъ ноги несутъ? По избѣ топчется-топчется, а туда же, съ другими...

— Далеко пошла-то?

— Да далече. Въ пустынь. Дѣтей-то теперь покинуть не на кого.

Прасковья Павловна заинтересовалась. Она стала разспрашивать сколько времени надо идти до пустыни, гдѣ останавливаться, какъ надо обуться, что съ собой взять. Бабы охотно разговорились и скоро перешли на разсказы о чудесахъ, о благодати, о чемъ-то таинственномъ и непонятномъ, о чемъ нельзя говорить иначе, какъ шопотомъ, со вздохами, умиленіемъ и невольнымъ трепетомъ. Разговоръ былъ такъ интересенъ, что Прасковья Павловна и не замѣтила, какъ въ амбулаторную быстро вошелъ Щуповъ, оглянулся и направился прямо къ ней.

— Прасковья Павловна!—позвалъ онъ.—Зачѣмъ вы здѣсь? Прошу васъ, идите къ намъ; тамъ вамъ удобнѣе будетъ ждать. Я васъ приму сейчасъ же, какъ покончу здѣсь.

Прасковья Павловна опять смутилась.

— Нѣтъ ужъ, Андрей Нинолаевичъ... И зачѣмъ вамъ сказали!

— Непремѣнно идите! Жена будетъ очень рада. Вмѣстѣ чайку попьете. Пожалуйста.

— А какъ, Настасья Захаровна? Совсѣмъ оправилась?

— Теперь ничего. Почти здорова. Я васъ сейчасъ провожу къ ней.

Старушка съ умоляющимъ видомъ сложила руки.

— Нѣтъ, лучше я зайду потомъ. Потомъ... Мнѣ здѣсь прекрасно. Вотъ онѣ такія милыя, — указала она на своихъ сосѣдокъ.—Я имъ такъ благодарна... Усадили меня, гдѣ не дуетъ и почище. Нѣтъ, ужъ я не уйду. Я къ вамъ послѣ...

Андрей Николаевичъ долженъ былъ уступить.

— И очереди ждать хотите?

— Хочу, хочу,—съ веселымъ смѣхомъ заявила она.

До очереди она услыхала еще много умилительныхъ, трогательныхъ и невѣроятныхъ разсказовъ, а когда бабы ушли, она сама подсѣла къ больному старику и стала разспрашивать его про его болѣзнь, про его житье-бытье.

Андрей Николаевичъ отнесся къ ней такъ внимательно, какъ никогда не относился раньше. Это ее тоже тронуло, обрадовало, и она почувствовала такую легкость и радость на душѣ, что сама себѣ казалась счастливой.

— Вамъ надо улучшить свое питаніе, — между прочимъ сказалъ докторъ.—Это очень важно.

Она засмѣялась.

— Я ѣмъ, что̀ у меня есть,—сказала она.—Но развѣ отъ этого можно болѣть? Другіе всю жизнь и такого питанія не видали, а живы, здоровы и даже веселы.

— Вамъ выдать лекарство здѣсь? Или вы предпочитаете заказать въ аптекѣ?

— А я имѣю право получить здѣсь? Видите, Андрей Николаевичъ,—со смѣхомъ сказала она,—у меня нечѣмъ было заплатить вамъ за совѣтъ дома и нечѣмъ заплатить въ аптекѣ. Прежде бы я вамъ въ этомъ не призналась, потому что страшно, до слезъ стыдилась своей бѣдности, а теперь я горжусь. Да, я горжусь.

Въ свою очередь смутился Щуповъ.

— Вамъ все приготовятъ,—не поднимая глазъ, сказалъ онъ своимъ обычнымъ рѣзкимъ голосомъ.—А теперь надѣюсь встрѣтить васъ черезъ полчаса у себя. Жена васъ уже ждетъ. Вы насъ очень обидите, если не зайдете.

Настасья Захаровна еще больше постарѣла и подурнѣла. Волосы у нея почти всѣ вылѣзли, и она прикрывала ихъ плат-

комъ. Нервы у нея были такъ разстроены, что она часто безъ всякой причины принималась плакать.

— Голубушка, вы были очень больны?—сказала Прасковья Павловна.

Докторша крѣпко сжала зубы и кивнула головой. Старушка поняла, что передъ ней страдающая, несчастная женщина, и въ своемъ новомъ, радостномъ и умиленномъ настроеніи она вдругъ почувствовала къ ней приливъ любви и состраданія.

— Милая вы моя! Видно, никого жизнь не щадитъ... Такъ неужели... неужели правда то, что говорили? Ахъ, вы бѣдненькая моя, бѣдненькая!

Настасья Захаровна не выдержала и разрыдалась.

Обѣ женщины забыли, что онѣ едва знакомы, что до этого дня онѣ были чужія другъ другу, и обѣ плакали, крѣпко прижимаясь одна къ другой, и то, что онѣ говорили, было понятно и нужно только имъ однѣмъ.

— Я была такая смѣлая, самостоятельная, идейная...— вспоминала Настасья Захаровна.

— Я была счастливая, любимая, богатая... — вспоминала Прасковья Павловна.

— Когда онъ со мной суровъ, у меня сердце дѣлается холодное и маленькое, какъ камешекъ, и я чувствую, что оно тяжелое.

— Милая! мужчинъ не стоитъ любить. Они всѣ нашу сестру обманываютъ. Когда я была молода...

— Но какъ теперь жить? — восклицала Щупова. — Онъ со мной добръ, потому что жалѣетъ, испугался. Но онъ пересталъ быть веселымъ. Ходитъ и о чемъ-то думаетъ. Мнѣ кажется, что еслибы я когда-нибудь увидала его мысли, то... Но умирать такъ страшно, такъ страшно! И все есть какая-то надежда... Подойдетъ теперь, спроситъ меня: Ну что? въ шашки, что-ли, сыграемъ?"—а мнѣ кажется, что онъ меня приласкалъ, что онъ самъ радъ, что я жива. Ахъ, не знаю, не знаю!

Почему-то Прасковья Павловна вспомнила о бабахъ и разсказала все, что слышала отъ нихъ.

— Ахъ, какъ бы хорошо пойти на богомолье! Взять сумочку, завязать лапотки... Прощайте, голубчики! Не надо мнѣ больше суеты мірской: прислуги, мебели, провизіи, аренды. Я Христовымъ именемъ... Только для души...

— У меня нѣтъ вѣры,—сказала Щупова.

— А только захотѣть—и будетъ,—рѣшила старуха.—Когда больше ничего нѣтъ, какъ же не быть вѣрѣ? Не можетъ такъ случиться, что у человѣка не останется ничего.

Онѣ немного успокоились и стали пить кофе, продолжая оживленно разговаривать. Пришелъ Воздвиженскій и, увидавъ гостью, сказалъ, что пройдетъ къ Щупову въ больницу.

— Вы грачевскій землемѣръ? — спросила Прасковья Павловна.

Онъ весь такъ и насторожился, какъ будто сразу понялъ, что его хотятъ обидѣть.

— Нѣтъ, я уже не живу больше въ Грачевкѣ.

— А у кого же вы теперь живете?

— Какъ у кого? — переспросилъ онъ и гордо поднялъ голову.

— Я думала, что вы поступили къ кому-нибудь изъ сосѣдей.

— Я ни къ кому не поступаю! Я не прислуга!—съ дрожью негодованія въ голосѣ, отвѣтилъ онъ и хлопнулъ за собой дверью.

— Милая! да чѣмъ же я обидѣла его?—удивилась Прасковья Павловна.—Я просто хотѣла поговорить.

— Да, у него очень больное самолюбіе, — объяснила докторша.—Вы на него не обижайтесь.

— Но я хотѣла съ нимъ ласково поговорить...

Вернулся докторъ и радушно упросилъ гостью остаться обѣдать.

— Послѣ обѣда надо поѣхать къ Зуеву,—сообщилъ онъ.—Вѣдь вы знаете? Слегъ Серафимъ.

— Какой Серафимъ? Его зовутъ Егоръ Васильевичъ.

— Ахъ, ну, конечно! Я ошибся.

— А что съ нимъ?

— Да не много хорошаго. Главная причина—переутомился. Вѣдь въ его годы такъ скакать каждый день, и волноваться, и работать... Жизни много, а силы не хватило.

Онъ вдругъ разсердился.

— Безалаберщина у насъ! Не люди, а какіе-то комки нервъ. Не живутъ, а или горятъ, какъ солома, или тлѣютъ, съ копотью и вонью. Противно! Ни силишки, ни разума, ни выдержки, и то благородства черезъ край, то подлости черезъ мѣру.

— Знаете, чего намъ не хватаетъ?—спросилъ онъ и остановился передъ старухой. — Веселости! Серьезно. Да, веселости у насъ нѣтъ, и безъ нея все утомляетъ, угнетаетъ, надоѣдаетъ. Все черно, мрачно, угрюмо и не слышно смѣха ни надъ собой, ни надъ другими, а все злобность, или слюнявость, свирѣпость, или равнодушіе. Ахъ, умѣлъ я смѣяться, да забылъ!

Послѣ обѣда Прасковьѣ Павловнѣ подали ея телѣжку, запряженную наемной крестьянской лошаденкой.

— Держи! — просила она возницу, хозяина лошади.—Бога ради, держи! Охъ, боюсь я незнакомыхъ лошадей! Моя такая умница, смиренница была... Кланяйтесь отъ меня Егору!—кричала она Андрею Николаевичу.—Скажите: пріѣхала бы, да... Скажите: ласку его помню, благодарю...

Въ темную, бурную ночь конца августа на грачевскомъ подъѣздѣ стояли нѣсколько темныхъ фигуръ и молча смотрѣли на зарево.

— Мама, я съѣзжу верхомъ. Я вернусь,—умоляющимъ голосомъ говорилъ Сергѣй.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—вся дрожа и судорожно хватаясь за его руку, отвѣчала Софья Николаевна.

— Мама, но ты подумай о Дунечкѣ! Вѣдь я долженъ быть съ ней. Я долженъ!

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторяла она.—Что ты можешь одинъ? Нѣтъ, Сережа. Я съ ума сойду. Я не вынесу.

— Да не убьютъ же меня, мама!

— Если ее, то и тебя.

— Но что я—трусъ, подлецъ?—крикнулъ онъ съ отчаяніемъ и злобой.

— Ты одинъ у меня. Одинъ теперь... Сережа, если ты поѣдешь,—я побѣгу за тобой, пока не умру!

— Мама, мама!—съ горечью вырвалось у него.—Стоять... смотрѣть... Что же ты со мной дѣлаешь?!

Она вцѣпилась въ его рукавъ и дрожала.

Кровавое небо стало блѣднѣть и переливаться.

— Тушатъ,—сказалъ чей-то голосъ на дворѣ.

— Ночь-то какую вѣтреную выбрали, черти! — проворчалъ другой голосъ. — На самихъ, гляди, перекинетъ. Тутъ кто и правъ, кто и виноватъ—всѣ въ отвѣтѣ.

— Тухнетъ!—прошептала Кира.

— Воробьинская машина работаетъ, — продолжалъ голосъ со двора.—Тамъ близехонько. Мужикъ говорилъ, какъ онъ мимо ѣхалъ, она ужъ катила. Съ часъ ужъ, али больше, усадьба-то горитъ. Все хозяйственно, прочно...

— Прочно,—почему-то повторила Софья Николаевна.

— И драгуны тамъ. Чтобъ, значитъ, порядокъ въ пожарѣ былъ, чтобъ не безобразили.

— Ну, видишь! Дунечкѣ ничего не грозитъ! — съ облегченіемъ вскрикнула Ивкова.

Сынъ молчалъ.

Зарево продолжало блѣднѣть, и вдругъ пошелъ сильный дождь.

— Пойдемте!—предложила Юлія.—Промокнемъ.

Всѣ молча, другъ за другомъ, вошли въ домъ. Сережа вырвалъ свою руку у матери и пробѣжалъ въ свою комнату. Юлія обняла Софью Николаевну и стала ходить съ ней по комнатамъ.

— Примите еще капель, — просила она. — Ну, милая! ну, для меня!

Софья Николаевна ходила съ блѣднымъ, какъ у мертвеца, лицомъ, съ горящими глазами и холодными, судорожно сжатыми пальцами.

— Ну вотъ! вотъ!—изрѣдка говорила она.—Вотъ!

Юлія не знала, какъ успокоить ее, привести въ себя. Ей казалось, что Ивкова въ бреду, что у нея помутился разсудокъ. Она съ Сергѣемъ гостила здѣсь уже нѣсколько дней, послѣ отъѣзда Марьи Несторовны и Юрія Платоновича, которые такъ заскучали въ деревнѣ, что совмѣстная жизнь съ ними стала для Юліи невыносимой. Юрій Платоновичъ рвался осуществлять свою мечту о газетѣ, хотя средствъ для нея онъ такъ и не нашелъ; Марья Несторовна вдругъ поняла, что воздухъ Грачевки ей вреденъ и что въ городѣ она гораздо скорѣе оправится отъ своихъ нервныхъ недомоганій. Юлія не только не задерживала ихъ, но сдѣлала все возможное, чтобы устранить всѣ препятствія къ ихъ отъѣзду. Съ Софьей Николаевной онѣ сошлись и даже почти подружились съ перваго же дня знакомства, и Ивкова съ удовольствіемъ приняла предложеніе погостить въ Грачевкѣ. Она сильно тосковала о Павликѣ, который уѣхалъ, несмотря на ея слезы и мольбы, нисколько не скрывая, что онъ ищетъ дѣятельности, которая не могла быть безопасной. Дома Софья Николаевна не могла даже тосковать откровенно. Ей мѣшала Дунечка съ своими насмѣшками, съ своей язвительной ласковостью и нескрываемой непріязнью къ тому, о комъ такъ болѣла ея душа и кто былъ для нея дороже всѣхъ на свѣтѣ. Въ Юліи она чувствовала отголосокъ той же любви и той же печали, и ее тянуло къ ней.

— Я не могу даже жалѣть! Нѣтъ!—вдругъ громко сказала она и прижала обѣ руки къ груди.—Этотъ домъ? Нѣтъ! О, что я тамъ терпѣла! Юлія Сергѣевна! Жизнь не прощаетъ ничего,

ничего! Я любила своего мужа больше дѣтей. Я любила его унизительно, рабски. А я понимала, что онъ дурной человѣкъ... Нѣтъ, кажется, не понимала! Каждому поступку всегда находила объясненіе, оправданіе. Я иначе не могла. И дѣти чувствовали, что защищать ихъ отъ отца я не могу. Вотъ какая я была подлая! И этотъ домъ — это могила моей чистоты, моей гордости, моей правды; это—могила любви моихъ дѣтей ко мнѣ. Этотъ домъ—это проклятіе и позоръ. Жалѣть этотъ домъ? О, нѣтъ!

— Но тѣмъ лучше, Софья Николаевна!—говорила Юлія.—Это такъ хорошо, если вамъ не жаль.

— Нѣтъ, нѣтъ, не жаль. Но когда мы стояли тамъ и смотрѣли, мнѣ казалось, что я вижу, какъ онъ горитъ... Я все видѣла: каждую комнату одну за другой. И горѣли не только комнаты, а все, что въ нихъ когда-то происходило...

Она рѣзко остановилась и закрыла глаза рукой.

— Все сгорѣло! Все! Когда мы пріѣхали молодыми, наша спальня была въ угловой. Тогда былъ живъ отецъ Валентина. Сухой, высокій старикъ. Его ненавидѣли... Я его боялась. Жестокій, безпощадный въ жизни и такой любезный, обходительный въ обществѣ. Говорятъ, что его жена, мать Валентина, пила и умерла... пьяной. Воображаю, какъ онъ, этотъ мужъ, ее... истязалъ... Это было въ этомъ домѣ. Говорятъ, тамъ запарывали на смерть... въ этомъ домѣ. Когда мои дѣти были еще маленькія, у нихъ была бонна, нѣмка. Я узнала, что она—любовница мужа. Я хотѣла ее прогнать—онъ не позволилъ. И я жила съ ней и... со многими другими... въ этомъ домѣ, садилась съ ними за одинъ столъ, улыбалась имъ... И они знали, что я знаю! Тогда старикъ умеръ, и Валентинъ никого больше не стѣснялся. И онъ сталъ пить... Пьяный, онъ билъ дѣтей... Потомъ онъ бросилъ насъ, и мы остались съ Дунечкой. Хозяйкой стала Дунечка...

Она вздрогнула и открыла глаза.

— Это все горѣло сейчасъ... А гдѣ Павликъ? Гдѣ мой Павликъ?.. О, Юлія Сергѣевна! Если я не умѣла его любить, когда ему это такъ надо было,—зачѣмъ я его теперь такъ люблю, когда ему уже не надо... когда поздно! Онъ бы не ушелъ!

Онѣ опять медленно пошли.

— Знаете, какъ я его всегда вижу во снѣ?—спросила Софья Николаевна.

— Кого?

— Павлика... Мученикомъ... А недавно я видѣла, что онъ вдругъ вошелъ ко мнѣ въ мою комнату, разстегнулъ воротъ своей

рубашечки и показалъ мнѣ шейку. Шейка худенькая, дѣтская, съ синими жилками... Онъ молчитъ, а я вижу на шеѣ рубецъ...

Она замахала передъ лицомъ руками, отгоняя какое-то непереносное видѣніе.

— Зачѣмъ такъ мучиться?—крикнула Юлія.—Что вы выдумали! Зачѣмъ такіе сны!

— Юлія Сергѣевна!—опять заговорила Ивкова.—Помните, вы мнѣ говорили, что онъ не можетъ сильно страдать, что у него сердце холодное. Вотъ это холодное сердце, изъ котораго сочится такая горячая кровь... Это развѣ его вина? Съ самаго начала жизни онъ уже зналъ, что есть сила, которую надо ненавидѣть, и ненавидѣлъ ее тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ мучительнѣе она угнетала его... и другихъ. И самую муку свою возненавидѣлъ. Вотъ это холодное сердце!

— Онъ вернется,—увѣренно сказала Юлія. И вдругъ она порывисто схватила руки Ивковой и сжала ихъ.—Онъ вернется! Не для себя я этого хочу, а для васъ, для него.

Кира сидѣла въ комнатѣ Сережи.

— Это ужъ стыдно!—укоризненно говорила она.

Онъ лежалъ на диванѣ ничкомъ и плакалъ.

— Да нѣтъ... Я знаю...—измѣнившимся отъ слезъ голосомъ говорилъ онъ.—Развѣ это любовь? При Павликѣ меня почти не существуетъ. Все Павликъ. Все онъ. Вся нѣжность, вся забота, все горе и радость... Я ее люблю. Да. Но развѣ я изъза этого долженъ быть трусомъ и подлецомъ? Зачѣмъ она меня не пустила? Я даже ничѣмъ не рисковалъ. А Павликъ дѣлаетъ, что хочетъ, и онъ правъ и святъ. И еслибы еще это была любовь... Вы видѣли: что я могъ сдѣлать? что?

— Только то, что сдѣлали, исключая... вотъ этого,—отвѣтила Кира и, смѣясь, быстро провела рукой по его мокрому отъ слезъ лицу.—Стыдно! фи!

— Больно и горько,—оправдывался онъ.

— Ну, мало ли что!—равнодушно замѣтила она и стала перебирать какія-то бумаги на столѣ.

Сережа поднялся и, стѣсняясь показывать свое заплаканное лицо, подошелъ къ окну и сталъ глядѣть въ непроглядную тьму ночи.

— Вообще, Кира Юрьевна, я начинаю подозрѣвать, что жить немножко мудренѣе, чѣмъ я раньше думалъ. Помните, вы сказали: смѣлость и новость. Чорта съ два! Какъ приходится

отрываться вотъ отъ такихъ рукъ... Вотъ вы, пожалуй, какъ Павликъ, не сдѣлаете уступки?

Дѣвушка подняла глаза.

— Я? Это васъ утѣшитъ, если я вамъ скажу, что и я недавно сдѣлала уступку? О, да! И она мнѣ дорого стоила. О!..

— А можно знать—какую?

— Нѣтъ, это уже лишнее. И я была очень огорчена. Конечно, не до слезъ. Это ужъ немножко много. — Она громко вздохнула.—Но я была печальна!

Онъ, улыбаясь, повернулся къ ней.

— Долго?

— Какъ сказать? Не сразу все, но опять и опять... А вы слышали, что Воздвиженскаго арестовали?

Сергѣй удивился.

— Нѣтъ, не слыхалъ. За что?

— Искали у него и что-то нашли. У Щупова тоже искали и ничего не нашли. Вотъ такъ надо...

Она засмѣялась.

— А Зябловъ себѣ, говорятъ, домишко покупаетъ. Можно такъ сказать по-русски: онъ напотѣлъ себѣ домъ?...

Л. Авилова.

ПЕРЕСЕЛЕНЕЦЪ БѢЛОКРОВНОВЪ

Очеркъ съ натуры.

Типичное лицо великоросса! Около пятидесяти лѣтъ, фигура стройная, просѣдь почти не замѣтна въ бѣлокурыхъ волосахъ; особенно интересенъ взглядъ его голубыхъ глазъ, изъ которыхъ одинъ нѣсколько раскосый, но это идетъ къ лицу Бѣлокровнова, идетъ къ его вдумчивому выраженію, къ плотно обрисованнымъ губамъ, характеризующимъ человѣка съ твердой волей, рѣшительнымъ характеромъ, но выдержаннаго.

Бѣлокровновъ, какъ живой, стоитъ передъ моими глазами, и я съ интересомъ прислушиваюсь къ его толковой рѣчи, взвѣшиваю каждое его слово, котораго онъ на вѣтеръ не пуститъ.

— Еще много силъ, господинъ, въ русскомъ народѣ! И такое, можно сказать, трудное и непріятное время, и то народъ выдержитъ, и передъ правдой не остановится. Намъ терпѣніе Христосъ-Спаситель завѣщалъ и за правду стоять онъ же намъ повелѣлъ... Такъ неужели мы, хрестьяне, можемъ отъ этого отказаться?.. Нѣтъ, господинъ, русскій народъ устоитъ!

Я слушалъ Осипа Бѣлокровнова, и въ моемъ, смущенномъ кровавой анархіей, сердцѣ загоралась надежда, и такъ хотѣлось жить и вѣрить!

— Не надо теряться, господинъ, среди этой смуты, не надо забывать Бога, надо хранить въ Него вѣру! Россія переживала не мало горя народнаго, не сломилась подъ тяготой, и теперь выдержитъ, кабы Господь далъ вѣрныхъ руководителей... Бѣда, что народъ нашъ невыученный!.. Горе, господинъ, большое!.. Но если люди выученные помогутъ, постоятъ за народъ, тогда безпокоиться нечего!

Я любилъ, когда онъ посѣщалъ меня въ моемъ жилищѣ на

берегу моря. Онъ всегда приходилъ съ какимъ-нибудь гостинцемъ для моего мальчика, большею частью приносилъ молоко, зная, что у меня коровы нѣтъ, и что молока, притомъ хорошаго, у хохловъ достать трудно. Извѣстно, что они доятъ съ телкомъ.

— Что, хорошо здѣсь, на побережьи?—спрашивалъ я Бѣлокровнова.

Съ его лица сбѣгали нервныя тучи, постоянно оттѣнявшія выраженія и глазъ, и складокъ около рта, и суровая физіономія переселенца становилась такой простодушной, почти дѣтской.

— Тепло, хорошо и красиво, господинъ! Съ Сибирью сравнить нельзя,—говорилъ онъ, любуясь моремъ, его серебряной каймой прибоя. — Пришлось достигнуть этихъ мѣстовъ... Что Господь пошлетъ! Трудовъ мы не боимся: выросли на трудахъ и заботахъ!.. Можно жить, господинъ, если съ умомъ приспособиться!

И мы любовались моремъ и горами, любовались удивительной и разнообразной природой Черноморской губерніи, гдѣ я познакомился съ Бѣлокровновымъ и гдѣ вмѣстѣ съ нимъ, не думая, не гадая, пережилъ въ скоромъ времени его печальную исторію.

Нельзя было съ Осипомъ не познакомиться. Бѣлокровновъ былъ единственнымъ, послѣ меня и лавочника Гузкина, во всей округѣ человѣкомъ, выписывавшимъ газету, притомъ порядочную и серьезную, но, конечно, дешевую.

Поговорили случайно по дорогѣ и стали видаться. Мало-помалу скоро вся трудовая, полная исканій, бѣдствій и неудачъ, раскрылась передо мною жизнь этого человѣка. Уроженецъ Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи, Бѣлокровновъ хорошо помнилъ свое дѣтство, особенно годы ученья, отъ которыхъ остались такія свѣтлыя воспоминанія.

— И по сіе время учителя Александра—забылъ, по батюшкѣ какъ звать—на молитвѣ ежедневно поминаю,—разсказывалъ мой переселенецъ. — Такихъ людей забывать Господь не повелѣлъ, людей, которые дѣлаютъ добро народу. Онъ былъ нашъ школьный учитель и вмѣстѣ съ тѣмъ и баринъ, сосѣдній помѣщикъ. Бывало, ѣдетъ въ школу, а дѣтишки такъ и обсыплютъ его, встрѣтивъ по дорогѣ. Привезетъ съ собой разныхъ лакомствъ, пирожковъ сладкихъ, и раздастъ тѣмъ, которые хорошо учатся. Хорошій былъ человѣкъ, истинный наставникъ! Еще бы! Раздаетъ хорошимъ ученикамъ подарки и къ плохимъ подойдетъ и скажетъ: „А вы, мальчики, будете хорошо учиться?“—„Будемъ!

будемъ стараться!“—кричатъ, бывало, дѣти, и тогда получали тоже подарки. Но на хорошихъ людей всегда идутъ злые, съ навѣтами, клеузами. Таковъ у насъ былъ попъ, изъ-за котораго барину запретили учить дѣтей, а опосля куда-то нашего благодѣтеля отправили вовсе!..

— Какъ вы, Бѣлокровновъ, относитесь вообще къ духовенству?—спросилъ я, зная, что онъ религіозный человѣкъ.

— Есть пастыри добрые, — отвѣчалъ онъ, — но много и наемниковъ, господинъ! А что можно ждать отъ такихъ людей, сами знаете!

— То-есть, какъ это „наемники“?

— Тѣ, которые за деньги творятъ то, что должны дѣлать по совѣсти, а не по приказанію начальства. Я говорилъ вамъ о своемъ ходачествѣ въ Сибирь—разыскивать земли для нашего общества. Въ тотъ годъ почесть вся наша губернія снималась уходить въ Сибирь. Начальство мѣры строгія примѣняло, не пущало, значитъ!.. Архирей по селамъ и деревнямъ разъѣзжалъ, уговаривалъ, грозилъ, чтобы со своихъ мѣстовъ не уходили. „Куда вы? Подумайте! Я былъ въ Сибири... Грозна, страшна Сибирь со своими морозами лютыми!.. А даль-то какая!.. Дорогой одной чего натерпитесь... Оставайтесь!..“ Но никакого почтенія не придавалъ народъ словамъ преосвященнаго, потому что и губернаторъ, и становой, и урядники то же самое говорили и такъ же грозили. Снимались и шли... И я пошелъ!..

— Что же, не понравились сибирскія мѣста?—перебилъ я разсказчика.

— Отчего нѣтъ?—отвѣчалъ охотно переселенецъ.—Мѣста добрыя, земля хорошая... А не остался я тамъ по той причинѣ, что старшой сынокъ у меня померъ, а былъ онъ работничекъ!.. Нѣкоторая часть изъ нашего общества переселилась...

— Стало быть, вы были мірскимъ ходокомъ?

— Вѣрно, господинъ, мірскимъ, на общественныя деньги ходилъ.

— А сколько на такой предметъ вамъ выдали?

— Двадцать-восемь рублей, — скромно отвѣтилъ Осипъ. — Точно, желаніе у меня тогда было большое послужить міру.

Подумайте, читатель,—съ двадцатью-восьмью рублями въ Сибирь изъ Смоленской губерніи [1])! Правда, дешевый тарифъ, у него „ходаческое свидѣтельство“, но все-таки!.. Какое страстное исканіе земли! Какая на самомъ дѣлѣ самоотверженность!.. Онъ,

[1]) И обратно.

этотъ мірской человѣкъ, и холодалъ, и голодалъ... въ буквальномъ смыслѣ этого слова. И вездѣ въ этихъ путешествіяхъ—недоумѣніе: вездѣ стѣной стоитъ чиновникъ. Путаница... добиться трудно для простого человѣка нужныхъ ему разъясненій. Вѣдь, въ сущности, приходится только на самого себя надѣяться да на разспросы товарищей-переселенцевъ. Терпѣливъ русскій земледѣльческій народъ!

И я смотрѣлъ, слушая, на Бѣлокровнова.

Человѣкъ этотъ выкованъ, положительно, изъ стали. Чего онъ только не перенесъ, работая на заводахъ и въ шахтахъ! Онъ и падалъ съ огромной высоты, послѣ паденія не ощущая ни одного мѣста живого тѣла... и живъ! Онъ перенесъ и теплый лихорадочный климатъ, и знойную холодомъ Сибирь! Онъ шелъ безъ копѣйки денегъ въ карманѣ и прирабатывалъ, не оставляя ни на минуту мысли, что онъ *идейный*, по его словамъ *ходовой* человѣкъ!..

Страстныя исканія земли, желаніе выбрать ее себѣ и твердо сѣсть на хозяйство, заставляли Бѣлокровнова, возвращаясь изъ Сибири, заходить въ Уфимскую и поволжскія губерніи, чтобы осмотрѣть тамошнія земли и сообразить.

— Уфимская губернія мнѣ не понравилась! Урожаи тамъ неправильные, къ тѣмъ землямъ приспособиться трудно,—по Волгѣ же житье хорошее, — говорилъ онъ между прочимъ.— Послѣ этого судьба и закинула меня въ теплый край,—продолжалъ онъ,—гдѣ думалъ приспособиться въ плотную. Жить здѣсь, господинъ, можно, да вотъ сосѣди! Сами знаете!.. На что только способны дурные люди!..

Я зналъ этихъ сосѣдей, дѣйствительно несимпатичныхъ, такъ называемыхъ „захватчиковъ", но не въ нихъ, въ сущности, было дѣло, а въ самой организаціи переселенія и, главное, въ исполнителяхъ-чиновникахъ.

Я не знаю болѣе живого, увлекательнаго дѣла, какъ устройство переселенцевъ на мѣстахъ. Честная интеллигенція, желающая принести непосредственную пользу, должна удовлетвориться черной работой устройства, если искренно будетъ принимать участіе словомъ а дѣломъ. Мертвое, формальное отношеніе губитъ всякое дѣло, а переселенческое особенно; такое отношеніе—тормазъ его развитія и организаціи!

Въ чемъ тутъ дѣло—читатель увидитъ изъ моего маленькаго пересказа, какъ трудно, почти невозможно было устроиться Бѣлокровнову въ Черноморской губерніи, тоже неустроенной, при

отношеніи переселенческихъ чиновниковъ, на которыхъ вообще переселенцы возлагаютъ огромныя надежды, какъ на своихъ защитниковъ, но которые держатъ себя земскими начальниками самаго низшаго и грубаго разбора.

Правда, чудна Черноморская губернія, и Богъ знаетъ, что въ ней творится! И еслибы не жгучее солнце юга, не богатая производительная почва, не дремучіе горные лѣса, то отъ полнаго ея неустройства, мнѣ кажется, разбѣжались бы всѣ трудовые люди.

По моему глубокому убѣжденію, въ этой поразительной по природному и климатическому богатству губерніи только лавочникамъ и чиновникамъ хорошо живется.

Устроены совершенно нелѣпыя, смѣшаннаго характера общины, члены которыхъ пользуются землей до такой степени неравномѣрно, что одно семейство владѣетъ ста десятинами юртовой земли, другое—только полъ-десятиной. Это не анекдотъ, а фактъ, и я могу проставить имена и фамиліи такихъ общинниковъ. Кромѣ того, такой вражды, которую вы встрѣтите между старо- и новожилами въ черноморской общинѣ, нельзя найти ни въ одной общинѣ Россіи. Администраціей, при содѣйствіи, вѣроятно, судьбы, сдѣлано рѣшительно все, чтобы связать руки и ноги свободному земледѣльцу, который уже пересталъ ждать и надѣяться. Пути сообщенія ужасны, медицинское и судебное дѣло поставлено ниже всякой критики: за докторомъ нужно ѣхать за двѣсти верстъ; чтобы судиться — за триста.

Развѣ то и другое возможно для *трудового* человѣка, которому и время, и копѣйка дороги? „Судиться за индюка, значитъ просудить быка“. Само собой, смертность среди поселянъ огромная; особенно мрутъ маленькія дѣти.

Такого рода обстоятельства, особенно невозможность для населенія отстаивать свои законныя права, да еще при народномъ невѣжествѣ, при страшной земельной путаницѣ, все это дало возможность расплодиться по неизслѣдованной губерніи всевозможнаго рода захватчикамъ.

Не такъ давно, въ нынѣшнемъ году, въ горахъ неизвѣстно кѣмъ былъ убитъ нѣкій юридическій человѣкъ, составившій себѣ состояніе прямо-таки отъ отобранныхъ участковъ у собственниковъ, вслѣдствіе неимѣнія у послѣднихъ тѣхъ или другихъ нужныхъ по владѣнію документовъ или же, попросту, немогущихъ по безденежью судиться съ дошлымъ человѣкомъ.

Слава дѣльца-захватчика гремѣла по всей губерніи и его боялись: захочетъ—отниметъ всякую землю! Ловкій былъ человѣкъ!

Такіе захватчики называются „нахаловцами“. Въ Новороссійскѣ, въ Сочи группы людей въ одну ночь захватили земли, выстроивъ на нихъ карточные домики—и конецъ! Такія импровизованныя населенныя мѣста называются „нахаловскими-слободами“. Конечно, такіе захватчики имѣются и подъ видомъ казенныхъ арендаторовъ.

Изъ какихъ земельныхъ элементовъ состоитъ Черноморская губернія?

Прежде всего—изъ казенныхъ земель государственныхъ имуществъ. Эти земли, главнымъ образомъ, горныя, лѣсныя. Приморская ихъ часть пошла на образованіе культурныхъ участковъ, съ которыми министерство земледѣлія сдѣлало недурной гешефтъ, перепродавъ по сто и болѣе рублей за десятину совершенно бездорожныхъ участковъ земли, притомъ на тяжелыхъ условіяхъ обязательной культуры. Чтобы владѣть такимъ участкомъ, нужно имѣть солидныя деньги, ибо никакихъ рѣшительно удобствъ для построекъ и культуры нѣтъ, дороговизна матеріала страшная по бездорожью и отсутствію пароходныхъ сообщеній, а также дорогая рабочая плата. Владѣльцы культурныхъ участковъ — это люди неопытные, попавшіе въ разставленныя ловко для нихъ мышеловки, гдѣ они бьются и рвутся, пока не задохнутся или не сбѣгутъ. Настоящая система культурныхъ участковъ — это баловство, притомъ дорого стоящее и никакой культуры въ серьезномъ смыслѣ этого слова не дающее.

Очень многіе, когда вопросъ о проведеніи черноморской желѣзной дороги былъ близокъ къ разрѣшенію, спекулировали на этихъ культурныхъ участкахъ, перепродавая ихъ съ барышомъ. Само собой разумѣется, что самая лучшая спекуляція не имѣетъ ничего общаго съ самой плохой культурой. Однимъ словомъ, культурные участки — это горе-участки для трудовыхъ, образованныхъ людей безъ капитала.

За казенными землями идутъ дарственныя помѣстья „служилыхъ лицъ“ и земли, купленныя разными богачами, Поляковыми, Шильдбахами, Ахшарумовыми и друг., по баснословно дешевымъ цѣнамъ,—десять рублей за десятину,—купленныя, конечно, по протекціи. Почти всѣ такія земли идутъ по берегу Чернаго моря, захватывая горы со строевымъ дубовымъ лѣсомъ. Десять рублей десятина!

Помилуйте, какой лѣсъ, какія мѣста подъ виноградники и подъ фруктовыя насажденія! По десяти рублей продавалась земля лучшая, дорогая по производительности—и кому? Сомнительной репутаціи желѣзнодорожникамъ и разнымъ спекуляторамъ, а съ

работниковъ-культурщиковъ, при обязательной постройкѣ дома, сарая, разработкѣ половины участка, казна взимаетъ сто рублей за десятину!

Князья Трубецкіе и прочія важныя лица, получивъ тысячи десятинъ роскошныхъ земель, *до сихъ поръ* не приступали ни къ какой культурѣ, ни къ малѣйшему хозяйству: у этихъ магнатовъ не построены на ихъ огромныхъ участкахъ даже сторожки, ибо сторожами состоятъ мѣстные лавочники. Совершенно пустынны и необитаемы и купленные „десятирублевые" участки. Въ настоящее время идешь ли по берегу моря, или ѣдешь по дорогому „ремонтному" новороссійско-сухумскому шоссе, искренно любуешься чудными землями и роскошными лѣсами среди пустыни. Это—тихія жилища кабановъ и медвѣдей!

— Чьи земли?

— Князя такого-то или коммерсанта этакого! — получается отвѣтъ.

Грустно! Мало того,—печально и ужасно! Подумайте, какія богатства лежатъ втунѣ и не эксплоатируются! Урядники не только съ трудомъ, но и безъ успѣха собираютъ съ этихъ презирающихъ свои земли магнатовъ и коммерсантовъ земельныя государственныя подати или, вѣрнѣе, недоимки.

Почему же нѣтъ на роскошныхъ дарственныхъ земляхъ никакой культуры и онѣ стоятъ мрачныя, грустныя? Я думаю, что владѣльцы ждутъ повышенія цѣнъ на послѣднія,—и тогда ихъ продадутъ безъ стыда и жалости!

Юртовыя крестьянскія земли до сихъ поръ ждутъ передѣла между старо- и новожилами, составляющими одно общество, поселенное на разныхъ Положеніяхъ 1866 и 1870 годовъ. Около такихъ обществъ и дальше въ центрахъ горнаго хребта за послѣдніе три-четыре года разбросаны новыя поселенія. Пришлые люди изъ разныхъ губерній разселены на иныхъ условіяхъ, надѣлами по десяти десятинъ на каждую мужскую душу, причемъ удобные трехъ-десятинные участки находятся въ подворномъ владѣніи, а менѣе удобные, даже неудобные числятся въ общемъ юртовомъ владѣніи.

Надо прибавить, что, кромѣ поселенныхъ мѣстъ около шоссе, всѣ переселенческіе поселки находятся въ ужасномъ положеніи по отсутствію дорогъ, которыя въ зимнее время, положительно, непроѣздны.

Отъ неустройства, отъ безстрастнаго, совершенно формальнаго отношенія чиновниковъ бѣгутъ и бѣгутъ несчастные переселенцы, „текаютъ", какъ здѣсь говорятъ, куда глаза глядятъ.

Нудно, обидно приходится нѣкоторымъ,—что̀ читатель увидитъ изъ злоключеній Бѣлокровнова.

Бѣлокровновъ жилъ близъ самаго шоссе. Хата у него была неважная, новопереселенческая, на̀скоро сработанная. Неподалеку отъ нея была поставлена сносная баня, что̀ уже представляло собой въ нѣкоторомъ родѣ роскошь.

Семья Бѣлокровнова состояла изъ жены, трехъ сыновей, изъ которыхъ одинъ уже работникъ, а двое подростковъ-полуработниковъ. Надо еще прибавить старуху-мать, за которой Осипъ спеціально ѣздилъ въ Смоленскую губернію. Жила эта семья необыкновенно дружно и любовно. Мнѣ такъ хорошо чувствовалось среди искренней почтительности, которой дѣти окружали отца, а послѣдній въ свою очередь заботился, крайне вѣжливо относясь, о своей старухѣ-матери.

Несмотря на то, что весь складъ домашнихъ отношеній былъ строгій и дѣловой, непосредственная сердечность сказывалась въ каждомъ словѣ членовъ семьи, въ каждомъ ихъ движеніи.

— Матушка, присядьте ближе къ столу!—говорилъ Осипъ, и въ словѣ „матушка“ звучало что-то особенное, именно сыновнее.

Въ свою очередь дѣти Бѣлокровнова смотрѣли въ глаза отцу, стараясь предупредить его малѣйшее желаніе.

Смотря на сильныхъ, жизнерадостныхъ хлопцевъ и сравнивая ихъ со станичными хулиганами, занимающимися истребленіемъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ, невольно думалось: „Вотъ вліяніе здоровой, крѣпкой семьи! Эти молодые люди не только воровать не пойдутъ, но постѣсняются сказать грубое, рѣзкое слово. Авторитетъ отца для нихъ несомнѣненъ!“

— Хозяйство понемногу налаживается, — говорилъ Бѣлокровновъ.—Работаю и думаю о будущемъ. Не какъ другіе... знай рубятъ и сводятъ лѣсъ, да продаютъ за безцѣнокъ лавочникамъ!.. Нѣтъ, лѣсъ надо сынамъ оставить, лѣсъ надо держать въ запасѣ на плохой годъ, въ случаѣ чего...

Такъ говорилъ настоящій хозяинъ-переселенецъ, желавшій крѣпко устроиться на Черноморскомъ побережьи,—устроиться, какъ говорится, съ запасомъ. Бѣлокровновъ не прочь былъ завести и фруктовый садъ, и заложить небольшой виноградникъ, только бы освоиться съ такимъ дѣломъ... „Вотъ плохо, что научиться не у кого; кругомъ—поселяне, живущіе давно, но неумѣлые, некультурные“.

Дѣйствительно, среди новыхъ переселенцевъ, безденежныхъ и безпомощныхъ, лѣсоистребленіе практиковалось въ крупныхъ размѣрахъ: лѣсъ вырубался на продажу безсмысленно, не соображаясь съ будущими условіями хозяйства... Но едва-ли въ этомъ виновны были новые переселенцы, которыми никто не руководилъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и которымъ было трудно своими соображеніями приспособляться къ новымъ для нихъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ. Вслѣдствіе такихъ причинъ, а также дурного разселенія, происходили нежелательныя явленія безпощадной рубки лѣса и ухода переселенцевъ съ горныхъ мѣстъ и новаго исканія болѣе удобныхъ въ смыслѣ ровноты земель. Снимались и уходили переселенцы еще по причинѣ ихъ горнаго устройства на вершинахъ, самой природой предназначенныхъ для пастбищъ, а не для зерновой культуры. Такимъ мѣстомъ можно назвать Тхабъ, гдѣ вслѣдствіе дождей посѣвы пшеницы вымокали, и труженики, оставаясь безъ хлѣба, волей-неволей должны были думать о новомъ мѣстожительствѣ.

Другія горныя вершины хотя и не были такъ суровы, были болѣе производительны, но по отсутствію къ нимъ дорогъ считались трудными мѣстами и тоже покидались переселенцами при первомъ случаѣ. Они предпочитали лучше жить и бѣдствовать внизу, нежели „хозяйновать“ наверху.

Поселокъ Бѣлокровнова, положительно, находился въ лучшихъ условіяхъ, нежели другія дальнія поселенія. Правда, земля была не изъ важныхъ, горная и крѣпка на обработку, но выручала дорога-шоссе, дававшая кромѣ удобства еще и заработокъ, принимая во вниманіе непрерывный ремонтъ.

Семей двѣнадцать, составляя маленькое общество, имѣли своего выбраннаго старосту, недурного человѣка,—чего нельзя сказать о прочихъ, „съ бора да съ сосенки“ поселившихся людей. Одинъ изъ переселенцевъ былъ горькій пьяница и форменный истязатель своей семьи; другой — типичный захватчикъ, суровый хохолъ, упрямый и безсердечный. Этотъ поселенецъ былъ долгіе годы арендаторомъ участковъ, ранѣе раскорчеванныхъ прежними арендаторами и теперь вошедшихъ въ надѣлы переселенцевъ; фамилія его—Зачинайло. Сосѣдомъ Бѣлокровнова тоже былъ хохолъ Глазяко; слабый, многосемейный, онъ прежде служилъ на желѣзной дорогѣ сторожемъ. Съ нимъ Бѣлокровновъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ, нѣсколько покровительственнаго, но любовнаго характера. Вотъ надъ этой-то парой переселенцевъ на моихъ глазахъ разыгралась цѣлая исторія, вы-

бившая ихъ изъ хозяйственной колеи, разстроившая ихъ планы и даже нервы.

Въ сосѣдней отъ поселка станицѣ говорили, что у переселенцевъ что-то неладно: ѣздилъ туда урядникъ и въ полѣ арестовалъ пшеницу Бѣлокровнова и Глазяки.—„Что такое?“ думалъ я, и ждалъ разъясненія отъ переселенцевъ, которые у меня бывали по воскресеньямъ.

Пришелъ Бѣлокровновъ, видимо взволнованный.

— Что у васъ такое?—спрашивалъ я.—Съ поля пшеницу арестовали?

— Да, полъ-десятины пшеницы моей въ чужой дворъ свезли, а на овесъ запретъ наложили, — рѣзко отвѣчалъ переселенецъ.

— Почему? Съ вашихъ надѣловъ? И сѣмена ваши?

— Все наше, господинъ, и сѣмена, и труды! А вотъ вышло такое приказаніе, которому надо повиноваться!..

— Чье же такое приказаніе?

— Его высокородія завѣдующаго, нашего главнаго начальника.

— Не можетъ быть! Я слышалъ о немъ, какъ о весьма порядочномъ человѣкѣ...

— Отъ него,—горячился Бѣлокровновъ;—мнѣ урядникъ и бумагу показывалъ, я и № этой бумаги запомнилъ и записалъ.

Онъ показалъ мнѣ нумеръ предписанія.

— У меня и у Глазяки приказано взять съ поля пшеницу и свезти во дворъ Зачинайлы... Надо было повиноваться, а то по теперешнимъ временамъ какъ бы бунтовщиками не объявили! Отдали, господинъ, труды отъ рукъ своихъ!..

— Однакоже, какія основанія?

— Да никакихъ, господинъ!—отвѣчалъ, волнуясь, переселенецъ.—Землемѣръ по осени обрѣзалъ наши участки, поставилъ меня, и мы послѣ этого запахали и посѣяли. Мало что говоритъ Зачинайло,—земля наша, и посѣвъ, и все на ней намъ принадлежитъ! Мы жаловались раньше на его претензію, но начальникъ участка сказалъ намъ: „Не безпокойтесь! Кто можетъ нарушить ваши права? Гоните того въ шею!“—Одначе случилось, что права-то нарушены... Придется жаловаться, подавать въ судъ, господинъ, никакъ не иначе!

— Конечно, мировому судьѣ!—прибавилъ я.

— Не охочъ судиться-то я,—продолжалъ Осипъ.—Не даромъ говорится: судились за индюка, а просудили цѣлаго быка!

— Какое-нибудь отношеніе, вѣроятно, имѣетъ Зачинайло къ

вашимъ участкамъ?—вслухъ подумалъ я.—Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, такъ нахально...

— Посмотримъ, какъ осудитъ мировой судья, — отвѣчалъ Осипъ.—Я буду требовать свои убытки. Что же касается правъ Зачинайлы, то никакихъ, господинъ, онъ правъ не имѣетъ... Развѣ права, что прежде онъ арендовалъ эту землю, но не онъ ее расчищалъ изъ-подъ лѣса, — расчищали другіе? Не знаю, какъ онъ доказалъ переселенческому чиновнику свои права, когда земля теперь моя собственная?.. Какая тутъ можетъ быть ошибка? Одно озорство, господинъ!

Я тоже думалъ въ этомъ родѣ и былъ увѣренъ, что судья удовлетворитъ потерпѣвшихъ переселенцевъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ и свидѣтели были обстоятельные. Но, къ моему удивленію, мировой судья возвратилъ прошенія Бѣлокровнова и Глазяки съ собственной резолюціей о неподсудности ему дѣла и съ указаніемъ обратиться въ окружной судъ.

Подивились мы такому обстоятельству, и потерпѣвшіе переселенцы подали жалобу въ окружной судъ, предсѣдатель котораго очень скоро прислалъ резолюцію: подать мировому судьѣ.

— Что же это такое значитъ, господинъ?—спрашивалъ Бѣлокровновъ.—Нѣтъ для насъ и суда! Куда подавать? Одинъ говоритъ—туда, другой поворачиваетъ иначе. Думаю, надо бросить дѣло, господинъ! Ничего не выйдетъ, только расходы на себя примемъ!

Я, право, не зналъ, что и посовѣтовать. Смутились тогда переселенцы, какая-то растерянность проглядывала въ ихъ фразахъ и движеніяхъ. Но событія шли, разростались помимо ихъ воли.

Въ это время былъ отстраненъ отъ должности ближайшій переселенческій чиновникъ, довольно шустрый человѣкъ, къ которому переселенцы относились недурно. Говорятъ, что причиной его удаленія была какая-то земельная спекуляція. Дѣйствительно, чиновникъ былъ очень хозяйственный и, можетъ быть, занимался мало служебнымъ дѣломъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не мѣшалъ, какъ другіе его товарищи, устраиваться переселенцамъ, не издавалъ приказовъ снимать съ чужихъ полей чужую пшеницу. Другое обстоятельство, очень повліявшее на „исторію“ Бѣлокровнова и Глазяки, это—появившаяся въ большой вліятельной газетѣ обстоятельная корреспонденція о положеніи черноморскихъ переселенцевъ вообще и о данномъ случаѣ въ частности. Однимъ словомъ, дѣло Бѣлокровнова и Глазяки при-

ведено было, какъ примѣръ или иллюстрація чисто бюрократическаго хозяйства переселенческихъ чиновниковъ.

Потомъ стало извѣстно, кто писалъ эту и послѣдующія корреспонденціи въ петербургской газетѣ, но въ то время рѣзкая статья упала точно съ неба и произвела сильное впечатлѣніе.

Съ появленіемъ этой правдивой статьи и начались печальныя времена для Бѣлокровнова и Глазяки, началось ихъ нудное житье и озлобленное отношеніе къ нимъ переселенческихъ чиновниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на нихъ, бѣдныхъ, обрушилась вся злоба, вызванная у чиновниковъ статьей-корреспонденціей, причемъ выходило, какъ будто они, эти едва грамотные переселенцы, писали статью и они громили своихъ „благодѣтелей-чиновниковъ“.

Скоро событія приняли не то комичный, не то трагичный характеръ, впрочемъ смотря для кого. Бѣлокровновъ и Глазяко чувствовали себя, положительно, скверно.

— Уходить придется, господинъ! — говорилъ Бѣлокровновъ.

Глазяко молча смотрѣлъ на меня печальнымъ взоромъ.

Вслѣдствіе газетной корреспонденціи пріѣхали два переселенческихъ чиновника для разслѣдованія. Мнѣ пришлось случайно встрѣтить ихъ въ станицѣ. Это были еще молодые люди, одѣтые въ полувоенную форму и державшіе себя строго, почти недоступно. Урядникъ, сопровождавшій ихъ постоянно, сказалъ мнѣ, что чиновники очень добиваются, кто писалъ корреспонденцію?

Мнѣ было интересно, что̀ произойдетъ. Чѣмъ кончится, наконецъ, это дѣло самовольнаго захвата?

День слѣдствія на мѣстѣ былъ назначенъ, и я ждалъ Бѣлокровнова, признаться, съ нетерпѣніемъ. Мнѣ, впрочемъ, казалось, что̀ нетрудно устроить какое ни на есть примиреніе, только нужно къ этому проще и искреннѣе подойти. Я и раньше спрашивалъ Бѣлокровнова: „А вы, можетъ быть, какъ-нибудь помирились бы съ Зачинайлой, еслибъ онъ сознался въ своей неправотѣ и далъ вамъ нѣкоторое удовлетвореніе? — „Конечно, — говорилъ переселенецъ,—съ большой радостью, господинъ... Кому охота кляузами заниматься!“

Но произошло нѣчто иное.

Чиновники, очевидно озлобленные статьей въ газетѣ, обрушились на потерпѣвшихъ Бѣлокровнова и Глазяку, какъ на какихъ-то зачинщиковъ, людей вообще безпокойныхъ, ищущихъ земельныхъ правъ.

— Я совѣтовалъ бы вамъ помириться, — говорилъ одинъ чиновникъ.

— А то худо будетъ, — вторилъ другой.

Бѣлокровновъ и Глазяко молчали.

— Что же вы молчите, какъ пни дубовые? — уже кричали на нихъ чиновники.

— Что же намъ говорить, ваше высокородіе! — отвѣчалъ взволнованный Бѣлокровновъ.—Мы же пострадали, и намъ отвѣчать!?

— Молчать!.. Не говорить дерзостей!—вскипѣлъ одинъ чиновникъ.

— Мы удалить васъ можемъ!..—прибавилъ другой.

— Да мы и сами уйдемъ,—отвѣчалъ Бѣлокровновъ, направляясь къ своей хатѣ.

— Нѣтъ, постой, постой!—кричали ему во слѣдъ.—Ты не такъ насъ понялъ... Мы можемъ тебя вовсе удалить съ участка!

— Воля ваша!—говорилъ Бѣлокровновъ, стоя передъ чиновниками, безстрастный, невозмутимый.

Во время такого страннаго дознанія или слѣдствія находился тутъ же и Зачинайло, и другіе переселенцы. Чиновники отошли въ сторону и долго между собою вели переговоры, послѣ которыхъ подошли болѣе спокойными, корректными.

— Вотъ что, Бѣлокровновъ и Глазяко: помиритесь съ Зачинайлой, а мы его посадимъ подъ арестъ на двѣ недѣли! — предложилъ одинъ изъ чиновниковъ.

Бѣлокровновъ молчалъ.

— Ну?—крикнулъ другой чиновникъ.

— Пусть Зачинайло дастъ мнѣ запахать его землю, и я согласенъ быть арестованнымъ на цѣлый мѣсяцъ!—сказалъ Бѣлокровновъ.

— А, вотъ ты какой! Хорошо! Мы тебѣ это припомнимъ!— съ негодованіемъ говорили чиновники и закончили свое разслѣдованіе.

Недоумѣвали переселенцы, а Зачинайло, не скрывая своей радости, не утерпѣлъ, чтобы не сказать Бѣлокровнову:

— Что, братъ,—видно, не выйдетъ твое дѣло?

Грустно было Бѣлокровнову и Глазякѣ сознаться въ этомъ. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, правда? Куда она заховалась? Смутное предчувствіе бѣды закралось въ ихъ души и съ тѣхъ поръ не покидало того и другого.

— Въ такомъ сосѣдствѣ, господинъ, съ такими людьми, трудно работать! Всегда нужно быть на сторожѣ, постоянно

ждать бѣды!.. Прямо невозможно, господинъ!.. Придется поискать новыхъ мѣстовъ, а то на купчую перейти...

— Какъ на купчую?

— Купить землю, гдѣ ни на есть, когда такіе порядки на казенныхъ мѣстахъ. Что-жъ, мы выплатимъ! Силы есть, заработаемъ!

Я, какъ могъ, успокаивалъ ихъ, думая, что все пройдетъ и выяснится, наконецъ, въ ихъ пользу. Стали бесѣдовать о постороннихъ предметахъ, и Бѣлокровновъ, повидимому, успокоился.

— Времена тяжкія, — говорилъ онъ, — во всемъ неустройства, непорядки, а главное—кровопролитіе идетъ, междоусобица. Люди всякій стыдъ и страхъ потеряли... Покоя нѣтъ, убиваютъ, грабятъ, ихъ вѣшаютъ... Забыли заповѣди Христовы!

— Да, суды строгіе пошли, военные,—отвѣчалъ я.

— По христіанству не подобало бы этого! Насъ не тому Христосъ училъ, проповѣдуя милосердіе...

— Вы противъ смертной казни, Бѣлокровновъ?

— Я противъ лишенія жизни, которую человѣку далъ Господь, и Онъ одинъ ее можетъ и отнять... на то его святая воля; А что дѣлать съ заблудшими убійцами, разными грабителями и лихими людьми—вамъ лучше знать, господинъ! Только казнить не надо...

— А какъ же по-вашему?

— По-моему, всѣхъ преступниковъ опредѣлять на работы полезныя и нужныя для государства. Развѣ въ Россіи мало дѣла? Сколько земель можно бы привести въ порядокъ, дорогъ новыхъ нужныхъ построить... Вотъ и пусть работаютъ, тяжкимъ трудомъ искупаютъ грѣхи, пусть каются!.. Чѣмъ злѣе проступки, тѣмъ тяжеле должны быть работы и тѣмъ продолжительнѣе... Все-таки, господинъ, отъ всякаго и убійцы, и грабителя польза общая будетъ... А теперь что: надѣнутъ петлю, да и на висѣлицу... Никому отъ этого пользы!..

Я разсмѣялся и сказалъ:

— Вотъ какой вы, Осипъ,—даже преступленія хотите эксплоатировать, то-есть,—изъ преступниковъ извлечь пользу?

— Да, общую пользу, чтобы они работали, что имъ прикажутъ, нужное для всѣхъ свободныхъ людей... Но тоже безъ толка мучить людей не подобаетъ!.. Въ писаніи сказано, что и скотину надо миловать, а человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію... Объ этомъ надо помнить!..

— Пожалуй, вы правы, Бѣлокровновъ! Да когда это будетъ?

— Надо стремиться къ тому, господинъ, трудиться Господь

повелѣлъ, и все на трудѣ зиждется, безъ труда невозможно!.. Надо, чтобы трудъ былъ правильный, на пользу свою и другимъ человѣкамъ. Сами, господинъ, знаете...

— Что же вы скажете, Осипъ, о чиновникахъ, которые разбирали ваше дѣло?.. Не по душѣ они вамъ пришлись?

— Скажу, что они въ родѣ младенцевъ,—не понимаютъ, на что они поставлены, пользы общей не сознаютъ! Народъ теперь не тотъ, что былъ прежде... Нѣтъ! многому народъ теперь выученъ... Нельзя такъ поступать!

— Сгоряча, не разобравъ дѣла?

— Нѣтъ, не то!.. Чиновники знаютъ, въ чемъ дѣло, да гордость ихняя мѣшаетъ имъ, поклоненія требываютъ!

— То-есть, какъ это поклоненія? Я не совсѣмъ понимаю...

— А такъ, значитъ, чтобы на нихъ—хотя бы я—смотрѣлъ и думалъ, что они—самые умные и справедливые господа!.. Нѣтъ, этого никогда не будетъ! Ты заслужи, а потомъ требуй уваженія. Народъ не откажетъ, если для народа, его пользы, человѣкъ старается! Народъ это видитъ, онъ не слѣпой. Знаете что господинъ?

— Нѣтъ, не знаю... А что?

— Когда губернаторъ завѣдывалъ переселеніемъ, намъ было легче, прощѣе было, нежели теперь, при этихъ чиновникахъ... Больно они шустрые, только не на дѣла, господинъ!

Я задумался. Послѣднія слова меня удивили. Въ самомъ дѣлѣ, неужели у насъ такъ мало интеллигентныхъ людей, которые бы могли работать среди народа просто и непремѣнно искренно, не надѣвая шутовской маски?

„Поклоненія требуютъ“,—думалъ я, вспоминая слова Бѣлокровнова о переселенческихъ чиновникахъ.—„Зачѣмъ имъ это поклоненіе? Развѣ простыхъ, добрыхъ отношеній мало? Неужели это все еще пережитокъ крѣпостного права? Какой далекій пережитокъ!“

А вотъ и доказательства.

Я упоминалъ объ отрицательныхъ характерахъ переселенцевъ маленькаго посёлка, къ которому принадлежалъ Бѣлокровновъ; читатель тоже понялъ, вѣроятно, несимпатичную фигуру Зачинайлы, угрюмую и неискреннюю. Послѣдній былъ доволенъ чиновниками, которые во время слѣдствія пили у него чай и закусывали,—доволенъ тѣмъ, что они не давали хода Бѣлокровнову, его врагу. И вдругъ все это миновало, и неудовольствіе

противъ чиновниковъ появилось, и въ довольно рѣзкой формѣ, даже среди этихъ людей.

Фактъ мелкій, но характерный!

Я упоминалъ, что переселенцы рубятъ на своихъ участкахъ лѣсъ, который продаютъ, разумѣется, задешево мѣстнымъ лавочникамъ и грекамъ-спекулянтамъ. Но чтобы вывезти и сдать этотъ лѣсъ, нужно отъ переселенческаго чиновника получить квитанцію на то или другое количество кубическихъ саженъ.

Зачинайлѣ и Григорьеву нужно было получить такія квитанціи отъ временно завѣдующаго переселенческимъ участкомъ, который бывалъ наѣздами, такъ какъ жилъ далеко, въ районѣ своего участка. На мѣсто уволеннаго „переселеннаго“ другой еще не назначался.

День былъ праздничный, чиновника на квартирѣ не было, и переселенцамъ приходилось ждать. Они устроились на мостикѣ вмѣстѣ съ поселянами станицы, съ которыми „балакали“ [1]). Прошелъ мимо чиновникъ; за нимъ, спустя минутъ пять, отправились переселенцы.

— Что̀ угодно?—спросилъ онъ рѣзко вошедшихъ.

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, разрѣшеніе на продажу лѣса, будьте такіе добрые!

— А! будьте добрые!—иронизировалъ чиновникъ.—А когда я проходилъ мимо васъ, то и шапокъ не ломали?

Переселенцы, не зная что̀ отвѣтить, молчали.

— Учить васъ надо! — кричалъ чиновникъ.—Палка о васъ плачетъ. Убирайтесь!

— Позвольте на дрова разрѣшеніе! — плачутся смущенные люди. — Ей Богу, дома пригоршни муки нѣтъ! Лавочникъ не дастъ, если безъ разрѣшенія придти... Будьте добрые!

— Убирайтесь вонъ! Я васъ научу вѣжливости, научу уважать начальство, которое объ васъ заботится... Говорю, уходите!

— Ваше благородіе, не откажите! — просилъ Зачинайло.— Виноваты, что не поклонились... Если бы знали, то за версту шапки бы сняли!..

Послѣдняя фраза въ конецъ испортила дѣло, и начальникъ отказалъ выдать разрѣшеніе на продажу дровъ, которое они получили, кажется, черезъ недѣлю, несмотря на слезныя просьбы. Какія-то нервныя женщины, а не дѣятели среди народа,—капризные, раздражительные и требующіе къ себѣ внѣшняго почтенія!

Вотъ пріѣхалъ къ переселенцу чиновникъ. Тотъ курилъ па-

[1]) Бесѣдовали.

пиросу. „Переселенный“ началъ придираться. Крестьянинъ не знаетъ, какая причина,—въ чемъ онъ провинился?

— Какъ ты смѣешь курить, когда я съ тобою разговариваю?—наконецъ, разражается начальство.

Простой человѣкъ—въ недоумѣніи; онъ, дѣйствительно, не понимаетъ, что „куревомъ“ можно оскорбить чиновника, который и самъ дымитъ папиросой. Правда, все это мелочи, но если на такихъ мелочахъ строятся дѣловыя отношенія?..

Чиновника ждутъ, ему пишутъ разныя прошенія, отъ него зависитъ разрѣшеніе назрѣвшихъ потребностей, нуждъ, а онъ: „Почему не снялъ шапки? какъ смѣешь въ своемъ домѣ при моей особѣ курить?“ и т. д.

Ждутъ чиновника съ нетерпѣніемъ и надеждой, а въ результатѣ его визита остается смутное недоумѣніе. Когда, черезъ нѣсколько дней, я посѣтилъ семью Бѣлокровнова, то не нашелъ уже прежняго бодраго настроенія. Старуха молчала, забившись въ уголъ; дѣти пугливо приходили и уходили изъ хаты. Хозяина не было дома. А давно ли свѣтло и радостно было въ этой же хатѣ, когда въ головѣ Бѣлокровнова не бродило мысли объ уходѣ, объ исканіи новыхъ мѣстъ?..

— Осипъ скоро будетъ,—говорила жена.—Пообождите немного. Онъ съ дровами поѣхалъ.

Я ждалъ, и мнѣ было грустно. „Неужели—думалъ я—человѣкъ бросилъ эту недавно выстроенную хату, созданный имъ для семьи, хотя неважный, но уютный уголокъ,—и опять уйдетъ на скитанія, въ поиски за другимъ, болѣе покойнымъ, тихимъ мѣстомъ? Да найдетъ ли онъ такое? А старуха-мать, жена и дѣти, которыя стали привыкать и къ горамъ, и къ морю? Да что же, наконецъ, за судьба русскаго человѣка искать и не устраиваться?“

Пришелъ хозяинъ; у него былъ такой усталый, недовольный видъ.

— Еслибы зналъ, что вы здѣсь, то поспѣшилъ бы, господинъ! Заходилъ къ Глазякѣ. Больной совсѣмъ и духомъ упалъ!

— Что съ нимъ?

— Слабый онъ человѣкъ; непріятности эти, да еще лошадь, упавши, придавила его...

— Онъ вообще болѣзненный, — прибавилъ я. — А вы лѣсъ отвозили?

Бѣлокровновъ вдругъ оживился, глаза его засверкали, губы передернулись.

— Да, господинъ, рублю на продажу лѣсъ и буду рубить! Теперь во мнѣ нѣтъ жалости, нѣтъ думки, чтобы дѣтямъ хра-

нить и лѣсъ, и хозяйство! Надо уходить, и больше ничего! Мнѣ такіе сны стали сниться, чтобы, значитъ, оставлялъ эти мѣста...

— Полноте, Бѣлокровновъ!—говорилъ я.—Вѣдь, по правдѣ сказать, ничего особеннаго не случилось, и я не вижу причины серьезной, чтобы вамъ ломать хозяйство, заведенное и уже поставленное...

— Нѣтъ, господинъ, сердце вѣщаетъ, указуетъ другіе пути... Сердце меня не обманетъ... Увидите, господинъ!

Я разстался съ Осипомъ, смущенный его предчувствіями, и когда я ѣхалъ домой, мнѣ казалось въ сумеркахъ, что горы близятся и точно хотятъ задавить и смять жилища и людей долины.

Случилось, дѣйствительно, нѣчто, если не ужасное, то возмутительное... Я подумалъ тогда, что сердце у Бѣлокровнова — вѣщее. Подъ-вечеръ я шелъ въ станицу, чтобы купить необходимое въ лавкѣ. Дорога лежала мимо сельскаго правленія, гдѣ собралась кучка народа. Я не обратилъ на это вниманія, и уже проходилъ дальше, когда меня окликнулъ знакомый голосъ. Я остановился и увидѣлъ Бѣлокровнова, босого, въ одной рубахѣ, съ накинутой на плечи подцевкой. Около него стоялъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, тоже босой, одна нога котораго была закутана тряпками. Были и другіе люди, въ числѣ которыхъ—староста поселка. Всѣ имѣли взволнованный видъ.

— Стрѣляютъ насъ, господинъ! — говорилъ блѣдный Бѣлокровновъ.—Не даютъ жить!

— Что такое?

Я смотрѣлъ на Бѣлокровнова и на болѣзненнаго вида мальчика. Изъ отрывочныхъ отвѣтовъ дѣло представилось мнѣ въ такомъ видѣ: глухая вражда между переселенцами Бѣлокровновымъ, Глазякой, съ одной стороны, и Зачинайлой, съ другой, продолжалась, переходя въ обостренныя отношенія. Зачинайло, увидавъ, что его захватъ сосѣднихъ земель переселенцевъ прошелъ, повидимому, безнаказанно, сталъ еще дерзѣе и нахальнѣе относиться къ стоящимъ на почвѣ своихъ правъ Бѣлокровнову и Глазякѣ. Не то онъ хотѣлъ ихъ запугать, такъ какъ примиренія съ нимъ не состоялось,—не то просто не могъ сдерживать своего мстительнаго характера,—во всякомъ случаѣ онъ взялся за оружіе. Убилъ Глазякину собаку и подстрѣлилъ сына послѣдняго. Это уже было слишкомъ! Жители поселка заволновались и отправились въ станицу, къ уряднику, который приказалъ старостѣ взять у Зачинайлы ружье и представить ему.

Староста такъ и сдѣлалъ, арестовавъ ружье въ отсутствіе Зачинайлы. По какому-то случаю къ старостѣ зашелъ Бѣлокровновъ, когда, запыхавшись, влетѣлъ въ хату Зачинайло, крайне возбужденный.

— Какъ ты смѣлъ взять мое ружье?—закричалъ переселенецъ на старосту.—Ты воръ!

Староста вспыхнулъ, хотѣлъ отвѣтить, но Бѣлокровновъ перебилъ, сказавъ, что таковъ былъ приказъ урядника.

— А тебѣ какое дѣло?—рванулся горячій хохолъ къ Осипу.—Ты что мѣшаешся не въ свои дѣла?

— Когда стрѣляютъ въ людей, тогда дѣла общественныя... Разбойниковъ надо останавливать! — серьезно отвѣчалъ Бѣлокровновъ.—Постыдился бы: что ты съ хлопцемъ сдѣлалъ!

— А, ты еще смѣешь меня учить!.. — внѣ себя крикнулъ Зачинайло и бросился къ своему ружью, которое стояло въ углу хаты на видномъ мѣстѣ.

Говорятъ, онъ въ это время былъ страшенъ и походилъ на форменнаго убійцу.

— Во мнѣ сердце отъ страха захолонуло, когда онъ съ ружьемъ выскочилъ изъ хаты, ноги затряслись, — разсказывалъ староста, блѣднѣя при этомъ воспоминаніи.—Вижу, Осипъ бѣжитъ, Зачинайло—за нимъ, поднимая курки. Я тоже побѣгъ, кричу: „держи, хватай“, и, слава Богу, въ разъ человѣкъ догналъ Зачинайлу, когда тотъ прицѣливался, и вырвалъ ружье... Вотъ оно, заряженное... посмотрите!..

Я посмотрѣлъ: это было старое, широкодульное ружье, дѣйствительно заряженное картечью, со свѣжими пистонами. Пожалуй, на осѣчку разсчитывать было трудно, и жизнь Бѣлокровнова была въ несомнѣнной опасности.

— Вотъ, теперь ожидаемъ урядника, чтобы протоколъ составить,—добавилъ староста.

Въ самомъ дѣлѣ, могла случиться катастрофа—и за что погибъ бы человѣкъ?!.. Но, съ другой стороны, мнѣ казалось, что послѣдній инцидентъ послужитъ къ окончанію распрей между переселенцами, выяснитъ, наконецъ, ихъ запутанныя отношенія и послужитъ урокомъ переселенческимъ чиновникамъ, ихъ неумѣлымъ, скороспѣлымъ распоряженіямъ.

Такъ я думалъ...

Но, къ удивленію моему, ничего подобнаго не произошло. Все осталось по старому, и даже урядникъ не поторопился производить дознанія. Судебныя слѣдствія въ этой удивительной губерніи

производились рѣдко, и они лежали на обязанности мирового судьи, у котораго было пропасть своего дѣла. Спеціальныхъ слѣдователей не полагалось, такъ какъ въ губерніи не было окружного суда.

— Дѣло наше такъ и замолкнетъ, господинъ, и никакого суда не будетъ! Урядникъ и протокола еще не составлялъ,— сказалъ Осипъ.

— Ну, этого не можетъ быть!.. — говорилъ я. — Что же, Россія—безсудная страна, что-ли?!.. Людей чуть не убиваютъ, разоряютъ—и ничего!?

— А вотъ увидите...

— Я думаю, пріѣдутъ ваши чиновники... Вѣдь, въ сущности, они всю кашу заварили... имъ и расхлебывать!

— Что имъ пріѣзжать!—сомнѣвался Осипъ.

Дѣйствительно, онъ былъ правъ: никто не пріѣзжалъ, никакого слѣдствія не возникало. Мало того, на урядника было возложено завѣдываніе переселенческимъ участкомъ. Онъ выдавалъ ордера на продажу дровъ, онъ получалъ всю переселенческую корреспонденцію и въ то же время временно исправлялъ обязанности сельскаго писаря. Вотъ сколько обязанностей и должностей лежало на полуграмотномъ урядникѣ!

Я долго не вѣрилъ этому, пока во всемъ не убѣдился. Вѣлокровновъ, получивъ отъ урядника разрѣшеніе на вывозъ и продажу лѣса, показалъ мнѣ эту бумагу, написанную рукой урядника, за № и текущимъ числомъ, но подписанную переселенческимъ чиновникомъ, съ надлежащей печатью.

Стало быть, для обоюднаго ихъ удобства чиновникомъ были заготовлены чистые листы бумаги съ печатью и подписью, Предпріятіе въ нѣкоторомъ родѣ рискованное, но чисто бюрократическое. Вѣроятно, просвѣщеннымъ чиновникамъ и въ голову не приходило нанять и послать временно какое-нибудь лицо, уполномоченное принимать бумаги и выдавать переселенцамъ ордера. Вѣдь получалъ же урядникъ за свои труды вознагражденіе? Или, можетъ быть, при этомъ была своеобразная политика: стоять въ близкихъ отношеніяхъ къ администраціи? Можетъ быть, въ глубинѣ сердецъ этихъ переселенческихъ чиновниковъ скрывалась мысль, что всѣ эти бывшіе смоленскіе, курскіе, черниговскіе мужики—не кто иное, какъ бунтовщики, которыхъ придется усмирять?

Тогда дружба съ урядниками имѣетъ свою raison d'être. Но такъ ли это? И не бюрократическое ли это недомысліе? Они, отцы и благодѣтели, устроители русскаго народа—и вдругъ не

могутъ своими силами воплотить въ жизнь свою гуманную миссію и великодушно привлекаютъ къ благородному дѣлу полицейскихъ урядниковъ, отрызая, между прочимъ, послѣднихъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей!..

Между тѣмъ, переселенцы хотѣли жаловаться губернатору и совѣтовались со мной. Я, положительно, не могъ думать, чтобы покушеніе на убійство и всякія безобразія Зачинайлы можно было предать забвенію. Зачѣмъ заявлять? Начальство само должно распорядиться и принять мѣры. Однако, Глазяко написалъ жалобу о пораненіи своего сына и отправилъ ее начальнику округа. Послѣдній прислалъ своего помощника, который предложилъ уряднику произвести дознаніе.

— Бѣлокровновъ самъ въ этомъ дѣлѣ виноватъ,—говорилъ урядникъ своему начальнику.—Докладываю вамъ, что этотъ переселенецъ—безпокойный человѣкъ!

Не понимаю, почему составилось такое мнѣніе у полиціи? Вѣроятно,—по солидарности съ переселенческими чиновниками. Бѣлокровновъ замѣчательно корректно велъ себя рѣшительно во всѣхъ случаяхъ, даже и тогда, когда съ нимъ обращались и несправедливо, и вызывающе. Что за судьба такая спокойнаго, трезваго семьянина и серьезнаго человѣка! Правда, Осипъ былъ уменъ и самостоятеленъ,—черты, пожалуй, несимпатичныя для начальства, но все-таки!..

Время идетъ и народъ развивается. Надо радоваться, что въ развитіи и возрастающемъ его сознаніи онъ спокоенъ. Пора низшимъ администраторамъ и бюрократикамъ не раздражать эту спокойную мощь и назрѣвающую думу. Пора!..

— Бѣлокровновъ... о, это ужасный человѣкъ! — говорилъ переселенческій чиновникъ мѣстному врачу. — Онъ постоянно играетъ на моихъ нервахъ!..

— Да, это непочтительный переселенецъ, рѣзкій человѣкъ!— подтверждалъ врачъ, припоминая неласковый пріемъ Осипа, когда онъ навѣщалъ его больного сына.

Странно,—эти люди за свою работу, вѣрнѣе, за нѣкоторое безпокойство, требуютъ отъ народа чуть ли не поклоненія, и во всякомъ случаѣ раболѣпства, какой-то униженной благодарности, а не чувства достоинства, которое, дѣйствительно, у крестьянъ выражается нѣсколько рѣзко.

Но надо же это понять!

— Можетъ быть, господинъ,—говорилъ не разъ Бѣлокровновъ,—мы говорить не умѣемъ, народъ невыученный... Что же тогда сердиться?.. Ну, научи—какъ? Мы будемъ благодарны! Въ

трудахъ да тяжелой работѣ—до ласковыхъ ли намъ словъ,—посудите!..

Осипъ правъ, ему не до ласковыхъ словъ, когда на сердцѣ кошки скребутъ, когда цѣлую жизнь приходится устраиваться. Онъ истомился, усталъ, а отъ него еще требуютъ униженія. „Свинь-ка шапку, да пониже поклонись“! Нѣтъ, довольно! Много кланялись, шея заболѣла!

Когда же свободный крестьянинъ будетъ равенъ и передъ закономъ, и передъ людьми, кто бы послѣдніе ни были? Когда, наконецъ, исчезнетъ въ русскомъ обиходѣ позорное слово крѣпостного времени: „мужикъ“?! Когда не будетъ ни барина, ни мужика, а будутъ люди болѣе и менѣе культурные?.. Еще долго ждать, пожалуй!.. А пока-что—страдать будутъ именно Бѣлокровновы, ибо они поняли, что̀ такое достоинство и истинная гордость человѣка!..

Да, эти люди рѣзки, но—смотря для кого!

Наступила осень, впрочемъ яркая, сухая. Нордъ-остъ тянулъ упорно, но сравнительно слабо. Онъ не переходилъ въ бѣшеные порывы, порой смолкая къ утру. Море пестрѣло частымъ, трепетнымъ блескомъ. Волна была коротка, хотя интенсивна. Солнце не сходило съ горизонта, и горныя высоты еще зеленѣли, кое-гдѣ принимая желтый, а при закатѣ золотистый оттѣнокъ блекнувшей листвы.

Вся природа дышала покоемъ, наступало раздумье, стихали звуки, люди работали около хатъ, во дворахъ. Журавли и гуси подъ вечеръ спускались на отдыхъ къ морю.

Ширилась осень, короче становились дни. Долго не былъ переселенческій чиновникъ; урядникъ вершилъ дѣла. Бѣлокровновъ тоже не показывался, и я думалъ, что, можетъ быть, лихія для него времена миновали, и покой и тишина посѣтили его скромное жилище.

Но я ошибался.

Носились слухи о какихъ-то обыскахъ, производимыхъ урядникомъ, разыскивающимъ двадцати-четырехъ-зарядную винтовку. Меня спрашивали поселяне: есть ли такая винтовка?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—о такой не слыхалъ; но шестнадцати-зарядная, кажется, имѣется...

— А вотъ, говорятъ, есть такая, и начальство не приказываетъ держать... Должно, опасное орудіе!

— Можетъ быть, — отвѣчалъ я, нисколько не интересуясь винтовками.

Надо прибавить, это происходило въ виду военнаго положенія, въ которомъ объявлена была губернія и въ томъ числѣ нашъ мирный земледѣльческій уголокъ, который я описываю. Всѣ эти станицы, поселки по-прежнему жили трудовой, мирной жизнью, и люди не понимали даже, что̀ такое именно военное положеніе.

Впрочемъ, ходили какіе-то смутные толки, которые заносились прохожими людьми. Въ большинствѣ случаевъ слухи оказывались праздными, досужими разговорами. Однимъ словомъ, жили растительной жизнью, „безъ политики“, своими исключительно хозяйственными интересами.

И вотъ случилось нѣчто „военное“.—Бѣлокровновъ за эти недѣли очень похудѣлъ и сталъ мрачнымъ. Передо мной сидѣлъ какой-то неразговорчивый и сильно сосредоточенный въ себѣ человѣкъ. Не прежній Бѣлокровновъ, общественный, интересующійся живымъ міромъ и людьми. Глубокая складка на лбу, между глазъ, не сглаживалась ни на минуту, и онъ все думалъ, думалъ, какъ мнѣ казалось, о чемъ-то далекомъ.

Когда онъ пришелъ, у меня были гости, станичные поселяне, съ которыми я велъ за чаемъ тихую бесѣду. Бѣлокровновъ не принималъ въ ней участія и, повидимому, ждалъ, когда уйдутъ мои собесѣдники. Но русскіе люди любятъ „гостевать“.

Наконецъ, ушли.

— Не слыхали?—таинственно спросилъ Осипъ.

— Ничего не слыхалъ,—отвѣчалъ я тревожно.

Меня поразилъ его тонъ, мрачный, безнадежный.

— Требуютъ у меня оружія.

— Какого?—Въ головѣ моей мелькнула мысль о двадцатичетырехъ-зарядной винтовкѣ, на которой помѣшался урядникъ.

— Не знаю, какого,—продолжалъ Осипъ,—и требуетъ не урядникъ, а самъ „переселенный“ начальникъ.

— Не можетъ быть?!

— Слушайте! Пилю я съ сыномъ дрова, около шоссе... Смотрю—ѣдетъ „переселенный“ на почтовыхъ, докторъ съ нимъ и станичная учительница. Остановились. „Поди, говоритъ, сюда, Бѣлокровновъ!“ Тихимъ такимъ голосомъ. Я подошелъ, конечно, а онъ какъ закричитъ: „Гдѣ у тебя оружіе спрятано?“ Обомлѣлъ я, господинъ! Смотрю во всѣ глаза, а сказать что̀—не знаю вовсе, развелъ только руками. „Переселенный“ же тихо таково говоритъ: „Лучше мнѣ ты откройся, а то худо будетъ, признавайся“. Что̀ тутъ дѣлать? При людяхъ все это, да еще сторожъ шоссейный подошелъ, тоже слушаетъ, смѣючись; ему

что? Стороннее его дѣло! Отвѣчаю я начальнику: „Помилуйте, какое оружіе, что вы? Да если у меня, кромѣ дрянного ружья, есть что—застрѣлите на мѣстѣ!..“ Тогда онъ—кричать: „Не хочешь сказать мнѣ, смотри—бѣда тебѣ будетъ!“—Долго кричалъ... Господи, что за напасть такая! „Вы, говоритъ, всѣ въ заговорщикахъ. Пойди и скажи тому, который въ газетахъ пишетъ, что пущу ему пулю промежъ глазъ, обязательно пущу! Приказываю пойти и сказать! Слышишь!?“

— Что же, сказали?—перебилъ я.

— Не знаю, какъ...

— Не ходите и не говорите,—посовѣтовалъ я.—Не ваше это дѣло!..

— Да и я такъ думаю!—отвѣчалъ Осипъ и посмотрѣлъ на меня какимъ-то отчаяннымъ взглядомъ.

Я и самъ волновался.

— Что же теперь дѣлать, господинъ? Уходить надо! И больше ничего!

Я развелъ руками. Ну, что я скажу? что посовѣтую въ этой проклятой глуши, да еще объявленной на военномъ положеніи? Жалко мнѣ было Бѣлокровнова, жалко и обидно до боли сердечной, и я тогда рѣшилъ написать эту правдивую исторію въ связи съ условіями переселенія на южной окраинѣ, гдѣ море голубое, гдѣ край въ лазурной мглѣ работы ждетъ, труда!..

„И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ!...“

Мнѣ такъ и представляется картина: мороситъ мелкій дождь, хмуро небо, сѣры тучи. По глубокой грязищѣ бредутъ, едва вытаскивая ноги, два человѣка съ котомками за плечами. Молчатъ; изрѣдка въ мокрой тишинѣ слышатся вздохи. Кто они, эти путники?

Длинныя палки въ рукахъ, одинъ выше, сильнѣе, другой ниже, едва бредетъ. Присмотритесь! Это—старые знакомые: Бѣлокровновъ и Глазяко, переселенцы. Они идутъ искать земли, которая успокоила бы ихъ сердца. Они ищутъ, гдѣ лучше.

Найдутъ ли? Дай Богъ!

С. Васюковъ.

НА ЛИНІИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Начальникъ пути, Иванъ Павловичъ Медвѣдевъ, ласково-задумчиво глядѣлъ на молодое энергичное лицо стоявшаго, прислонясь къ столу, „инженера для техническихъ занятій", Яснецова.

— Да, да, — я тутъ, батенька, извините, уже рѣшилъ за васъ, — заговорилъ онъ своимъ жирнымъ басомъ. — Поѣзжайте-ка вы на линію; пора вамъ, такъ сказать, понюхать пороху; тутъ вы за бумагами ничего не высидите... Помощникомъ на четвертый участокъ, — тамъ у меня Стояновъ и Малевцынъ черезчуръ, я нахожу, спѣлись. Совсѣмъ спустили все, чортъ ихъ дери! Вы человѣкъ свѣжій, это хорошо. Ну, идетъ, что-ли? Тогда 25-го являйтесь къ вашему новому патрону.

Яснецовъ, видимо застигнутый врасплохъ, и самъ не могъ рѣшить, хорошо это или худо. Что скажетъ Аня — жена? — и вмѣсто отвѣта онъ молча поклонился и отдѣлился отъ стола.

— Да, да, можете идти, голубчикъ, и совѣтую брать. Нечего вамъ тутъ плѣсневѣть въ отдѣлѣ, а второго такого хорошаго случая, пожалуй, и не представится скоро.

Такъ какъ Аня все, что дѣлалъ Андрюша, находила прекраснымъ, то, предоставленный самому себѣ, Яснецовъ, спустя двѣ недѣли, уже въѣзжалъ въ громадный, но нелѣпый, похожій на балаганъ, домъ-квартиру помощника начальника четвертаго участка и „принималъ" участокъ, такъ какъ Стояновъ всѣ небумажныя дѣла фактически взваливалъ на своихъ помощниковъ.

„Сдавалъ" участокъ переводимый въ управленіе предшественникъ Андрея Антоновича, молодой инженеръ Малевцынъ,

высокій, красивый, но уже съ испитымъ, истасканнымъ лицомъ,— сдавалъ не совсѣмъ трезвый, съ лихорадочной потребностью говорить безъ конца; щуря отъ яркаго дневного свѣта словно подернутые какой-то пленкой, потускнѣвшіе, съ красными, распухшими вѣками глаза, онъ неудержимо болталъ:

— За участокъ будете благодарить почтеннѣйшаго Ивана Павловича... Нечего сказать — всучилъ вамъ мѣстечко; я самъ только-что собирался бѣжать. Глушь, яма; путь — чортъ знаетъ что — кисель. Дорожные мастера, я вамъ скажу, или пьяницы, или воръ на ворѣ, а чаще—то и другое вмѣстѣ; а остальная публика—вся по мѣрѣ разумѣнія—политическая, вплоть до переѣздной сторожихи, Аграфены Косой. Соціалъ-демократію, я вамъ скажу, развели тутъ такую, что чертямъ тошно. Въ каждой метлѣ сидитъ по Вольтеру, или какъ ихъ тамъ кличутъ— по Бебелю, что-ли, я въ этомъ не силенъ. Хорошо, что жандарму—кромѣ насъ со Стояновымъ—не съ кѣмъ выпить, а то, чего добраго, среди этой неразберихи самихъ насъ давно упрятали бы по ошибкѣ въ кутузку...

Яснецовъ слушалъ, разсѣянно улыбаясь. Онъ еще съ института хорошо зналъ Малевцына и установившуюся за нимъ вполнѣ опредѣленную репутацію отчаяннаго и неотразимаго ухаживателя и бреттера. О его похожденіяхъ складывались цѣлыя легенды; разсказывали про него, что еще студентомъ III-го курса онъ потребовалъ отъ влюбленной въ него „какъ кошка“ жены важнаго министерскаго чиновника—подъ угрозой бросить ее, а ея письма напечатать и пустить въ продажу на Невскомъ,— чтобы она прокатилась съ нимъ въ платочкѣ въ четыре часа по набережной, и обезумѣвшая женщина исполнила его приказаніе. По отношенію къ женщинамъ онъ весь былъ пропитанъ какой-то отчаянной наглостью, изъ-подъ которой сквозила болѣзненная, странная тоска, напрасно заливаемая виномъ, не поддававшаяся, повидимому, никакому угару. На такіе и подобные эпизоды Малевцынъ тратилъ всѣ свои душевныя силы, если у него таковыя были.

— Ну, а теперь пойдемъ, выпьемъ,—окончилъ онъ свой монологъ.

— Не пью, Борисъ Павловичъ.

— Какъ такъ? Вы шутите—что же это такое? Э, дорогой мой, такъ вы не поладите съ начальствомъ съ перваго абцуга. Знаете, водка—откровенно говоря—единственный цементъ, связующій всѣ направленія. Да и скажу вамъ: нельзя у насъ безъ

подпитія... „По сердцу свершаю я тризну, а тамъ—хоть трава не расти“!..

— Начальству придется примириться съ моею трезвостью.

Малевцынъ пріостановился и свистнулъ.

— Этакая, подумаешь, прямолинейность!.. Скверно вамъ тутъ будетъ. Но я не спаиваю васъ, ибо—какъ это ни жаль—сопьетесь безъ меня.

— По-вашему, это—непремѣнное условіе на участкѣ.

— Не скажу—вообще на участкѣ; на нашемъ — непремѣнное.. Вѣдь все зависитъ, дорогой мой, отъ вашего принципала, въ чьихъ вы находитесь лапахъ, безусловно и абсолютно, а нашъ пьетъ. Да что вы—ребенокъ, что-ли?

Яснецовъ пожалъ плечами.

— Впрочемъ, ей-ей, еслибы я не былъ увѣренъ, что жизнь рано или поздно васъ опоганитъ и превратитъ въ полуживотное, какъ всѣхъ насъ, — я бы преклонился предъ вашей чистоплотностью. Моя грубость васъ коробитъ? Ужъ вы меня простите. Ей-Богу, я говорю не со зла, — много-много, что немножко съ пьяныхъ глазъ... Видите, я откровененъ—и къ себѣ справедливъ. Я, конечно, какъ вамъ уже достаточно извѣстно, — животное форменное, но не лгущее никогда. Да и люди, ей Богу, не стоятъ, чтобы передъ ними надѣвали маски. Очень нужно! Весь міръ не стоитъ даже того, чтобы на него начхать.

— Міръ-то ужъ очень великъ, Борисъ Павловичъ,—на весь не начихаете—кое-что останется и внѣ.

— Слыхалъ я это, или подобное, дорогой Андрей Антоновичъ, но не видалъ; а чего не видѣлъ собственными глазами — въ то не вѣрю. Говорятъ, есть неподкупныя, пламенныя, строгія души, которыя жертвуютъ всѣмъ ради того, что считаютъ истиной. Слыхивалъ я еще по институтскимъ чертежнымъ рѣчи, которыя жглись, какъ крапива,—но... эти рѣчи не мѣшали нашимъ радикаламъ быстро превращаться въ мужей, отцовъ семействъ и благонамѣренныхъ гражданъ. Конечно, были и такіе, которые твердо шли напроломъ и горько за это платились. Но это уже герои, и на нихъ нужно смотрѣть, задравъ голову кверху... А когда стоишь на ногахъ нетвердо, — это, знаете ли, нѣсколько затруднительно. Истина, дорогой мой, должна ходить неодѣтой, а то пока ее раздѣнешь, да разсмотришь,—пожалуй, проворонишь, иной разъ. Между героями и скотами надо бы сдѣлать легкій мостикъ, а то среди двухъ враждующихъ лагерей не поставишь себѣ постели. А бываютъ минуты, когда захочется и вздремнуть, чортъ возьми! Отъ подлости, какъ отъ ге-

ройства, охъ, хочется иногда отдохнуть! Съ другой стороны, и герои вѣдь нуждаются въ массѣ. Знаете, сверхъ-человѣку необходимы подмостки, а въ пространствѣ ему незачѣмъ и кривляться. А взять-то ихъ и негдѣ. Вотъ почему „масса“ должна бы пріобрѣсть менѣе звѣриный образъ, чѣмъ настоящій. Но, конечно, я сужу близоруко и болтаю тутъ какъ пьяная сорока... Такъ вы домой?

— Да... пока.

— Ну, а я къ жандарму... Звалъ обѣдать. Какой поваръ у этого скота!—изъ бывшихъ деньщиковъ. Прежній хозяинъ-бригадный, большой гастрономъ, какъ говоритъ преданье, выбилъ ему всѣ зубы, пока научилъ дѣлать соуса, но зато—ѣшь ихъ—словно съ Кавальери цѣлуешься. А вамъ слѣдовало бы показаться.

— Не пойду.

— Напрасно. Ну, прощайте. Да! маленькая просьба: разрѣшите мнѣ пожить у васъ немножко въ крайней комнатѣ—моей бывшей пріемной,—мнѣ нельзя тотчасъ же уѣхать. Я постараюсь не стѣснять васъ.

— Что за вопросъ, Борисъ Павловичъ!

— Ну, спасибо, а управленье подождетъ — я имъ, въ сущности, ни на что не нуженъ. Съ какимъ бы удовольствіемъ далъ мнѣ Медвѣдевъ безповоротнаго подзатыльника отсюда, еслибы мой дядюшка не приходился зятемъ начальнику дороги!

II.

Переѣхавъ на участокъ, Андрюша Яснецовъ почувствовалъ себя впервые лицомъ къ лицу съ настоящею жизнью. И по мѣрѣ того, какъ она передъ нимъ развертывалась—съ него какъ рукой снимало всѣ его намѣченные теоретично взгляды, всю его безпартійность, которою онъ прежде гордился. Онъ чувствовалъ себя такъ, будто кто-то посторонній, властный, вошелъ въ его домъ, разбудилъ его, встряхнувъ за плечи желѣзной рукой, и въ отвѣтъ на его попытку протестовать—молча указалъ ему на открывшуюся передъ его прозрѣвшимъ взоромъ картину. И возразить было нечего.

Дѣйствительно, на участкѣ шла какая-то вакханалія воровства, но обворовывалось преимущественно не управленіе, не желѣзная дорога, не акціонеры,—обворовывались нищіе, или, вѣрнѣе,—не столько первые, сколько вторые.

Первое, что бросилось въ глаза Яснецову, было невозмож-

ное состояніе всѣхъ желѣзнодорожныхъ построекъ,—не показныхъ, конечно, въ родѣ вокзаловъ, депо, оранжерей и т. п.,—а преимущественно жилыхъ. Рабочія казармы были выстроены изъ гнилого стараго лѣса съ наскоро пригнанными дверями и окнами, изъ которыхъ дуло, какъ изъ пропасти, не оштукатурены и не проконопачены; нары въ нѣкоторыхъ были настланы въ два ряда, что̀ застилало свѣтъ и дѣлало казарму похожей не на жилое помѣщеніе, а на какой-то тюремный этапъ; печи плохо грѣли и разваливались, хотя въ смѣтахъ каждый годъ неукоснительно показывалась полнѣйшая ихъ переборка; попадались русскія печи, въ которыхъ нельзя было путемъ испечь хлѣба. Возлѣ казармъ не было (уже по винѣ управленія) сушилокъ, и рабочіе, возвращаясь на ночлегъ, тутъ же въ казармѣ развѣшивали для просушки свое насквозь промокшее, пахнувшее болотомъ—и еще худшимъ—платье. Воздухъ былъ такой, что однажды, зайдя въ казарму ночью, Яснецовъ отъ прилива крови къ головѣ чуть не лишился чувствъ. И линейные рабочіе — самые несчастные изъ всѣхъ рабочихъ въ мірѣ, наиболѣе эксплоатируемые, получавшіе по сорока копѣекъ, по полтиннику въ день, невѣжественные, пришибленные—смотрѣли, несмотря на свое пребываніе цѣлыми днями на воздухѣ, испитыми, истощенными, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ вялыми движеніями, апатичными, словно не жили, а вѣчно находились въ какомъ-то полуснѣ. Сразу бросалось въ глаза, что организмъ при такихъ условіяхъ никогда не отдыхалъ. Вода была та же, какой снабжались паровозы—большею частью изъ окрестныхъ болотъ; на весь четвертый участокъ была всего одна полуразвалившаяся баня.

Въ такомъ же положеніи находились дома старшихъ рабочихъ, дорожныхъ мастеровъ и остальныхъ служащихъ, въ сущности — и балаганъ Андрея; все это было построено одной и той же рукой—подрядчика Семенова, выгнаннаго уже съ трехъ или четырехъ участковъ, гдѣ сидѣли инженеры почестнѣе. Семеновъ въ свою очередь оправдывался тѣмъ, что „Антипъ Антипычъ (Стояновъ) очень ужъ много брали!“

Дѣйствительно, хотя вообще подрядчикамъ гораздо выгоднѣе было давать инженерамъ, позволявшимъ имъ въ свою очередь наживаться, чѣмъ не давать и работать у добросовѣстныхъ по желѣзнодорожнымъ смѣтамъ,—у имѣвшихъ дѣло со Стояновымъ постоянно лопалось терпѣнье, ибо онъ бралъ „грабительски“—и работать приходилось такъ беззастѣнчиво скверно, что легко можно было угодить подъ судъ за злоупотребленія. Стояновъ бралъ всѣмъ: бралъ копѣйки и рубли съ плотниковъ, землеко-

повъ и т. п. публики за принятіе ихъ на службу, бралъ съ дорожныхъ мастеровъ, съ которыми вмѣстѣ участвовалъ въ систематической приписке лишнихъ рабочихъ; бралъ со сторожихъ и стрѣлочниковъ, молокомъ, рыбой, грибами, обсчитывалъ ихъ на отводимыхъ имъ сѣнокосахъ, огородахъ и т. п. И такъ какъ право обсчитывать низшихъ служащихъ на такихъ вещахъ дорожные мастера считали своимъ — у Стоянова не любили служить и къ нему пристроивался временно всякій сбродъ, выгнанный съ другихъ участковъ.

Но несмотря на то, что не только вся линія, но и все управленіе знало, что Стояновъ кралъ, несмотря на то, что само начальство ругало его „жирной скотиной", а участокъ его слылъ подъ именемъ „Раздѣвальной" — никто не могъ его поймать, такъ виртуозно сводилъ онъ свои счета, такъ осторожно велъ онъ свои дѣла.—На бумагѣ все было чисто. И, собственно, вся его работа на участкѣ сводилась къ одному этому жонглерскому передергиванію счетовъ, за которыми онъ по нѣскольку разъ въ годъ періодически просиживалъ цѣлые дни, а иногда и ночи. Онъ не слѣдилъ ни за путемъ, ни за постройками, иначе, какъ изъ окна вагона, изрѣдка проѣзжая по участку и грубо намыливая голову Малевцыну, несмотря на пріятельскія отношенія и амикошонство въ попойкахъ, да осыпая за толчки на стрѣлкахъ дорожныхъ мастеровъ такими отборными ругательствами, что тѣ только ёжились, несмотря на то, что народъ былъ достаточно притерпѣвшійся. Кромѣ того, у Стоянова была своего рода „защитная стѣна"—его дружба съ желѣзнодорожными жандармами, не въ примѣръ прочимъ участкамъ, гдѣ жандармы и инженеры, въ порядкѣ вещей, представляли два враждующихъ лагеря, еле сдерживаясь въ предѣлахъ корректности въ „невоенное" время, а въ „военное" — первые — наверстывая свое въ открытіи всевозможныхъ, частью несуществующихъ крамолъ, и тѣмъ выдвигаясь по начальству, а вторые—наживая крупныя непріятности и даже отсиживая по тюрьмамъ. За Стоянова же жандармы стояли горой, готовые вытащить его и заслонить грудью отъ всякой исторіи въ виду обоюдныхъ выгодъ и полнѣйшаго отсутствія протеста. Двоевластіе въ Раздѣвальной, въ лицѣ двухъ отцовъ участка—Стоянова и ротмистра,—поражало трогательнымъ единодушіемъ.

Для прямолинейнаго Яснецова это былъ врагъ опасный, и Медвѣдевъ, любившій молодого инженера, долго колебался: посылать его помощникомъ на IV-й участокъ или нѣтъ, и если рѣшился, то потому, что, въ сущности, какъ хорошій психологъ, раз-

считывалъ на его горячность и неопытность, — на то, что онъ безстрашно и съ разбѣга наскочитъ на Стоянова, не въ примѣръ уклончивому и безучастному Малевцыну, а тотъ, можетъ быть, растерявшись, сдѣлаетъ въ свою очередь неосторожный шагъ, который, наконецъ, его погубитъ.

Медвѣдеву было бы не такъ трудно выжить Стоянова, еслибы самъ онъ, въ качествѣ начальника пути, не грызся съ начальникомъ дороги, который изъ принципа дѣлалъ ему все на зло и потому не уставалъ отстаивать пресловутаго начальника IV-го участка. Ни одинъ изъ двухъ враговъ не могъ съѣсть другого, такъ какъ у обоихъ была за спиною сильная протекція, и хоть Медвѣдеву нѣсколько разъ обѣщали убрать Стоянова — самому Ивану Павловичу эта отставка стала, въ концѣ концовъ, казаться миѳомъ.

Стояновъ, конечно, по собственному выраженію, „носомъ почуялъ", что̀ за человѣкъ его новый помощникъ,—но пока не протестовалъ противъ его присылки, главнымъ образомъ потому, что̀ при пьянствовавшемъ Малевцынѣ и занятомъ вѣчными хитроумными математическими выкладками его патронѣ участокъ былъ вполнѣ предоставленъ дорожнымъ мастерамъ, или, вѣрнѣе, Божьей волѣ, что̀ прекрасно понималъ и самъ Стояновъ,—и дѣльный инженеръ, а не „синекурникъ", по словамъ Медвѣдева, нуженъ былъ въ настоящую минуту самому же Антипу Антиповичу до зарѣзу. Напуская на себя старческое добродушіе, Стояновъ говорилъ Андрею:

— Да, да, путь-то мы позапустили. Борисъ Павловичъ больше насчетъ романовъ и рюмочки, а меня, грѣшнаго, астма одолѣла,—такъ ужъ я, батенька, на васъ надѣюсь; вы у насъ дѣлякъ — кто этого не знаетъ? Хорошая-то слава бѣжитъ! — И все пытался похлопать его по плечу.

Андрей, уклоняясь, отъ начальническихъ изліяній, говорилъ въ отвѣтъ что-нибудь безразличное.

На самомъ дѣлѣ „позапущенность" пути выражалась въ полнѣйшемъ его упадкѣ: на стрѣлкахъ бросало такъ, что вагоны качались, какъ пьяные; откосы кое-гдѣ сползали; показанные въ счетахъ періодически окрашиваемыми мосты на самомъ дѣлѣ нюхали краску только на видныхъ съ поѣзда мѣстахъ и покрывались ржавчиною, какъ корой; шпалы мѣстами были настолько гнилы, что, казалось, лежали на пути двойной противъ нормы срокъ.

На участокъ Андрея прислали весною, и онъ весьма ретиво принялся за дѣло, и на первыхъ порахъ, сгоряча не сразу по-

чувствовалъ на себѣ весь гнетъ заведеннаго Стояновымъ въ „Раздѣвальной“ режима, однако первыя защѣпки испыталъ скоро. Матеріалъ и рабочихъ давали ему охотно лишь на исправленіе пути, когда же Андрей говорилъ Стоянову:—Надо бы, Антипъ Антиповичъ, основательно проконопатить къ осени казармы и жилые дома,—вѣдь люди простужены всѣ до одного, нельзя рабочихъ морозить, какъ таракановъ,—толстякъ Стояновъ неизмѣнно тянулъ одну пѣсню:

— Обязательно, голубчикъ! Вѣдь говорилъ я этимъ скотамъ дорожнымъ—нѣтъ, имъ таки неймется. Вотъ Борисъ Павловичъ все съ амурами, а я хворалъ все лѣто, — да и не углядѣть одному за всѣмъ. Обязательно... Но, голубчикъ, вы ради Бога посмотрите сначала за путемъ. Путь, путь насъ погубить можетъ!

И этотъ вѣчный припѣвъ начиналъ казаться Андрею какимъ-то кошмаромъ. Онъ написалъ о положеніи дѣлъ Медвѣдеву, но и тотъ, словно загипнотизированный, отвѣчалъ: „Голубчикъ, путь, путь!“ И дѣйствительно, вскорѣ по пріѣздѣ Яснецова въ „Раздѣвальную“, на 356-й верстѣ, благодаря уширенію пути, чуть не слѣзъ какъ-то курьерскій поѣздъ; а уширеніе было неудачной фантазіей начальника дороги.

Жизнь круто измѣнилась. Новая должность Андрея отнимала все его время. Уже некогда было прочитать путемъ газету, книгу, поговорить съ Анной за обѣдомъ или вечернимъ чаемъ. Росписаніе поѣздовъ было такое, что съ утреннимъ, восьми-часовымъ, Андрей долженъ былъ выѣзжать на линію, отмѣчая въ записной книжкѣ толчки и опасныя мѣста, по поводу которыхъ разсылались потомъ телеграммы дорожнымъ мастерамъ,—останавливался на промежуточныхъ станціяхъ, провѣрялъ сдѣланное, разносилъ, сердился, волновался, такъ какъ распущенная „линія“ и въ усъ себѣ не дула, и Яснецову приходилось по нѣскольку разъ подтверждать свои распоряженія, штрафовать и увольнять. Возвратиться домой Андрей могъ только съ шести-часовымъ товарнымъ поѣздомъ, и едва, голодный и раздраженный, садился за обѣдъ, какъ въ „пріемную“ (откуда Малевцына давно уже перевели въ сосѣдній кабинетъ) набивалась масса народу.—Пронюхавъ, что новый помощникъ—протекція Медвѣдева, выживавшаго Антипа Антиповича, мелкая публика осаждала Яснецова просьбами: просили починить дома, крыши, печи, просили сложить несправедливые штрафы, просили работы и, жалко смущаясь, пробовали давать взятки, и послѣ строгихъ окликовъ Андрея, уходили съ растерянно-моргавшими глазами, недоумѣло спрашивая товарищей:

— Не беретъ, что-ли? Му-у-дреный — аль и взаправду не беретъ?

— А кто его знаетъ, паря, беретъ, или не беретъ;—може, далъ мало?

— Пятишку... не могу больше,—вотъ какъ передъ Истиннымъ,—и ту у земляковъ въ артели занялъ...

Поминутно приходили просить бюллетени на проѣздъ въ городъ, гдѣ помѣщался желѣзнодорожный пріемный покой, обслуживаемый единственнымъ на всѣ случаи жизни дешевымъ докторомъ, который, ничтоже сумняшеся, лечилъ всѣ болѣзни—отъ оперативныхъ и женскихъ до ушныхъ и глазныхъ включительно; являлись ремонтные рабочіе за билетами на проѣздъ между станціями, или на родину, и каждаго приходилось опрашивать и провѣрять, такъ какъ съ билетами происходили вѣчныя злоупотребленія; чаще всего ихъ продавали за сходную цѣну постороннимъ лицамъ или пропивали.

И, глядя на этихъ постоянно приливавшихъ къ нему посѣтителей, Яснецовъ только удивлялся,—гдѣ это Малевцыну пригрезилась „соціалъ-демократія“. Развѣ только онъ считалъ за политическіе протесты — эти вѣчныя просьбы о починкѣ квартиръ и печей,—эти жалобы о несправедливомъ распредѣленіи выгоновъ и огородовъ,—это тупое отчаяніе отъ холодной и голодной жизни. Поразвитѣе были только мастерскія, машинисты и т. п. публика, но это была уже „тяга“ и „движеніе“, съ которыми у службы пути было мало общаго.

Отпустивъ посѣтителей, Яснецовъ садился за телеграммы или „смѣты“ на ожидавшіяся на будущій годъ работы и сидѣлъ за ними цѣлый вечеръ. Составлялись онѣ на-черно, а на-бѣло передѣлывалъ ихъ собственной властью Антипъ Антиповичъ.

Такъ проходилъ день.

III.

— А вамъ, Анна Львовна, слѣдуетъ сдѣлать визиты мѣстнымъ дамамъ, — не разъ уже говорилъ Яснецовой Малевцынъ, все еще околачивавшійся въ „Раздѣвальной“.

— Это скучно, Борисъ Павловичъ.

— Мало ли что скучно, а если необходимо. Къ чему возставнавливать противъ себя публику? Вашъ мужъ и такъ ужъ заварилъ порядочную кашу. Васъ всѣ считаютъ гордячкой, преисполненной всякихъ недостатковъ и самомнѣнія.

— Мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно.

— Да, но—съ волками жить, по волчьи выть. Вы не знаете здѣшней публики: васъ просто на-просто затравятъ. Да и нельзя же вамъ вѣчно сидѣть тутъ одной: это, наконецъ, небезопасно. Мужа вашего никогда нѣтъ дома; случись что-нибудь—и вы какъ въ пустынѣ... Я и то уѣду отсюда не сегодня, завтра.

— Гдѣ вамъ уѣхать!—улыбалась Анна.

— Клянусь бородой Магомета...

У Малевцына съ Анной установились странныя отношенія. Молодая, нѣжная, чистая, съ блѣднорозовымъ лицомъ, въ тонкой шелковистой паутинѣ блѣдно-пепельныхъ волосъ, съ сѣрыми теплыми глазами, съ легкой, скользящей походкой, съ врожденной граціей движеній, съ тихимъ голосомъ, звенѣвшимъ такими чистыми серебристыми нотами, добрая, умная, чуткая, спокойная, безконечно снисходительная—она казалась ему обаятельной, трогательной, нетронутой, непохожей ни на одну изъ знакомыхъ ему женщинъ.

„Но вѣдь она замужняя,—съ недоумѣніемъ думалъ онъ,—вѣдь живетъ же она съ мужемъ; такая чистота и...“

И для него это было непостижимо, потому что любовь между мужчиной и женщиной представлялась ему только съ одной стороны — паденьемъ и позоромъ, возбуждающимъ однѣ только грубыя, низменныя страсти, клеймящемъ женщину, допустившую подобныя отношенія, вѣчнымъ клеймомъ несмываемой грязи.

Но когда онъ старался думать такъ объ Аннѣ, то не могъ. Что бы она ни говорила и ни дѣлала, она уже не могла казаться ему униженной и порочной, — и въ этомъ было что-то даже мучительное. Онъ жилъ въ ея домѣ, просиживалъ съ ней цѣлыми часами вдвоемъ, любовался ею, и ему, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни не приходило въ голову, что эту женщину рано или поздно онъ можетъ, „отбивъ“ у мужа, назвать на минуту своей. Къ ней нельзя было приходить въ „подпитіи“, отъ рискованныхъ шутокъ она краснѣла, мучилась и не знала, куда дѣвать глаза, но когда онъ, жестоко простудившись, слегъ въ инфлуэнцѣ, въ жару и съ невыносимой ломотой во всѣхъ членахъ, — Анна пришла къ нему поздно вечеромъ, испуганная и сочувствующая, въ капотѣ и съ косой, напоила его малиной, спокойно взявъ его за плечи и такъ же спокойно своими нѣжными осторожными руками обложила его согрѣвающими компрессами. И Малевцынъ смутился чуть ли не въ первый разъ въ жизни,

и опять не могъ думать о ней оскорбительно и грязно. Однако, выздоровѣвъ, онъ попрежнему принялся говорить о томъ, что не знаетъ цѣломудренныхъ, чистыхъ и строгихъ женщинъ.

— Впрочемъ одну, пожалуй, назвалъ бы,—жену моего бывшаго принципала, Стоянова, но... знаете ли, ей Богу, не могу ее уважать уже за то, что она живетъ съ такой скотиной, или, во всякомъ случаѣ, жила.

Однажды Анна, смущаясь и краснѣя, сказала за обѣдомъ мужу, разстроенная и несчастная:

— Тамъ какой-то человѣкъ принесъ полотно и оставилъ, а эта глупая Аграфена взяла, когда меня не было дома.

— Ахъ!—мгновенно раздражаясь, воскликнулъ Андрей:—я просилъ тебя быть съ этимъ осторожнѣе.

— Но вѣдь меня же не было дома.

— Взятка!—хладнокровно произнесъ Малевцынъ, запихивая въ ротъ буттербродъ съ сыромъ.

— Это ужасно, — говорилъ Андрей, весь багровый,—какіе люди! Нельзя ни о чемъ говорить, чтобы всякій не пытался купить тебя за копѣйку.

— Это потому что я бралъ, — кротко вымолвилъ Борисъ Павловичъ.

Губы Анны болѣзненно дрогнули. Андрей закусилъ усъ. Малевцыну было смѣшно, но неловко.

— Въ сущности, я больше чтобы не нарушать гармоніи,— говорилъ онъ, — бралъ безъ всякой системы, въ подпитіи и по халатности, чтобы не ссориться съ начальствомъ; въ душѣ же я, ей Богу, не воръ и не взяточникъ. Не хотите—не вѣрьте.

— Тяжело,—сказала Анна и отвернулась.

— Я просто слишкомъ дорожилъ своимъ покоемъ, чтобы протестовать; къ тому же весь міръ представляется мнѣ иногда не больше, чѣмъ помойной ямой, и всѣ люди подлецы, одни больше, другіе меньше: что же мнѣ было разыгрывать героя? Да и почему же не брать, если даютъ? Ужъ на донъ-кихотство я, конечно, рѣшительно не способенъ: смѣшно!

— Вы на себя клевещете, Борисъ Павловичъ, — грустно говорила Анна: — въ вашихъ словахъ больше цинизма, чѣмъ въ вашей душѣ... Все хочется вамъ потушить теплющійся въ ней свѣтъ—и напрасно.

— Ну, что тамъ, полноте!—бормоталъ Малевцынъ, однако ему не было уже безразлично, что думаетъ о немъ Анна, и впредь онъ старался не заводить щекотливыхъ разговоровъ о взяткахъ и другихъ своихъ подвигахъ и весь подтягивался внутренно.

Но жилъ онъ въ „Раздѣвальной“ не ради Анны. Онъ доигрывалъ опасную игру, героиней которой была дочь Стоянова, носившая странное, впрочемъ часто встрѣчающееся въ Сибири (Стояновъ былъ сибирякъ) имя—Харитины.

Когда Анна, сдѣлавшая, наконецъ, подъ давленіемъ Малевцына, визиты мѣстнымъ дамамъ, познакомилась со Стояновыми—Харитина и ея мать очень понравились ей. Стоянова, тонкая, болѣзненная, сохранившая слѣды необыкновенной красоты въ рано увядшихъ чертахъ, принадлежала очевидно до замужества, судя по разговору, тону, манерамъ, къ весьма корректному, а можетъ быть и аристократическому кругу. Она держалась необыкновенно просто и мило, нимало не разыгрывала начальницу участка, не сплетничала, не старалась залѣзть въ чужую жизнь и душу, и, кажется, одна изъ всѣхъ новыхъ знакомыхъ Анны не поинтересовалась, отчего у нея нѣтъ дѣтей. Несмотря на ея любезный пріемъ, Анна изъ разговора съ ней вынесла, однако, впечатлѣніе, что Александра Аркадьевна жила какой-то своей скрытой внутренней жизнью, очень мало интересуясь внѣшнею.

— А Харитина необыкновенно мила!—сказала не безъ лукавства Анна Малевцыну, возвратясь отъ Стояновыхъ домой.

— Да, дѣвица съ огонькомъ,—отозвался тотъ, откладывая въ сторону книгу, которую передъ тѣмъ читалъ, зѣвая.

Анна точно потухла сразу.

— Опять этотъ тонъ, Борисъ Павловичъ! И къ чему играть комедію со мной?—я не заслужила.

— Не сердитесь, Анна Львовна, я—дуракъ, но, честное слово, въ данную минуту я не играю комедіи—да, да...

— И вы дѣйствительно съ такимъ пренебреженіемъ относитесь къ Харитинѣ?

— Съ пренебреженіемъ... пожалуй, если хотите. Я ее не уважаю.

— Но за что же, Богъ мой, за что?

— А, этому есть вѣскія причины, только не знаю, какъ вамъ ихъ изложить, чтобы вы не покраснѣли, какъ это вы дѣлаете всегда.

Анна, держа въ одной рукѣ только-что снятую шляпку, а въ другой длинную изъ нея шпильку, стояла и смотрѣла на него съ величайшимъ недоумѣніемъ.

— Дѣло въ томъ, что она уже развращена до мозга костей.

Анна вспомнила цвѣтущее хорошенькое лицо Харитины и подъ этими жесткими словами нагнулась, словно кто ее ударилъ.

— Вы же сами развратили ее, Малевцынъ, ужъ если на

то пошло!—съ досадой и негодованіемъ воскликнулъ присутствовавшій при этомъ разговорѣ Андрей, въ которомъ теперь, при ближайшемъ знакомствѣ, Борисъ Павловичъ неизмѣнно возбуждалъ какое-то тяжелое, непріятное чувство.—Прошлый разъ она забыла въ вагонѣ „Нана“ Золя: на книжкѣ было ваше имя. Неужели вы не могли познакомить ее съ Золя по другимъ его произведеніямъ?

— Что Золя! Она читала самого Казанову—и... онъ ей очень понравился. Ничего, ничего, успокойтесь, я не скажу особенно лишняго, а насчетъ Казановы Анна Львовна не имѣетъ никакого понятія,—взгляните на нее.

— Я не пустилъ бы васъ на порогъ дома, гдѣ есть молодыя дѣвушки,—извините меня, Борисъ Павловичъ.

— И напрасно, Андрей Антоновичъ, ибо именно вотъ такіе, какъ я, готовы вполнѣ безкорыстно преклониться передъ чистотой, настоящей чистотой. Но, увы, вы ошибаетесь насчетъ Харитины Антиповны,—мои книги попали на слишкомъ благодарную почву; предчувствіе меня не обмануло—она могла съ ужасомъ, съ негодованіемъ отвернуться отъ моихъ книгъ, отъ моихъ рискованныхъ разговоровъ, — этого не было, — она жадно пила ихъ, какъ трава росу, они ее сладко волновали; эта дѣвушка—вся чувственность, и больше ничего.

Андрей не успѣлъ раскрыть рта, какъ Анна воскликнула, блѣднѣя отъ гнѣва:

— Такъ можно запачкать все самое чистое!

— Нѣтъ, — твердо и тихо возразилъ Малевцынъ: — есть чистое, котораго нельзя запачкать...—и взглядъ его скользнулъ по лицу Анны. Андрей понялъ, но не смягчился. Малевцынъ прибавилъ, вставая:

— Но извините меня,—я иногда бываю черезчуръ тяжелъ и грубъ. Я, кажется, совсѣмъ разучился разговаривать съ порядочными женщинами.—И онъ повернулся и вышелъ...

Харитина, познакомившись съ Яснецовой, часто приходила къ ней по вечерамъ чуть ли не за три версты, безстрашно по пустынной и темной дорогѣ, съ маленькимъ, чуть ли не игрушечнымъ револьверомъ въ карманѣ.

Это была высокая, полная, но стройная дѣвушка, съ двумя тяжелыми каштановыми косами, съ карими ясными глазами, со свѣжимъ, широкимъ, яркимъ ртомъ, всегда смѣющаяся и привлекательная, но Анна—словно отзывъ Малевцына отравилъ ее—уже не могла отнестись къ ней просто. И дѣйствительно, Малевцынъ при Харитинѣ совершенно распускался, вралъ чепуху

и всякій неприличный вздоръ, въ родѣ вопросовъ о томъ, почему это женщины такъ быстро полнѣютъ послѣ свадьбы, и еще худшее,—отчего Анна нервно поёживалась, точно ей было холодно. А Харитина—ничего,—такъ же ясно смотрѣла и звонко смѣялась. Впрочемъ, лицо ея всегда было похоже на только-что расцвѣтшую розу, умытую росой, и тѣни ложились на него только когда она пѣла. А голосъ у нея былъ славный, хотя безъ всякой школы; пѣла она все старинные, грустные, нѣсколько сантиментальные романсы: „Я помню, какъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ холодное чело твое вѣнчали“,—и Аннѣ хотѣлось тогда плакать.

— Скучно!—говорила разъ, сидя у Анны, Харитина.—Хоть бы, ей Богу, случилось что-нибудь особенное, право.

— Въ переводѣ это значитъ: эхъ, выскочить бы мнѣ поскорѣе замужъ! — отозвался, развалившись у окна въ качалкѣ, Малевцынъ.

— Не безпокойтесь! Есть въ жизни и другое. За васъ, напримѣръ, я навѣрно ужъ не пошла бы.

— Эге, сударыня, стара штука! Вотъ именно за меня, ибо я одинъ способенъ вамъ дать наиболѣе крупную сумму самыхъ острыхъ наслажденій, — и чутье васъ не обманываетъ въ этомъ смыслѣ: недаромъ вы — достойная дочь своего отца... Но, увы! я не созданъ для блаженства.

— Вы нахалъ!

Но Малевцынъ смотрѣлъ на нее съ такимъ откровеннымъ огнемъ въ своихъ цыганскихъ глазахъ, что по Харитинѣ точно электрическія искры пробѣжали. Онъ очнулся первый.

— Однако, не довольно ли оскорблять уши Анны Львовны? Пойдемте, я провожу васъ домой.

— Положимъ, я не у васъ въ гостяхъ; ну, да все равно, пойдемте.

Когда Анна, вышедшая на минуту изъ комнаты за кружевной косынкой Харитины, брошенной въ спальнѣ, вернулась въ переднюю, она врасплохъ застала ихъ цѣлующимися. Малевцынъ съ дикими глазами, запрокинувъ назадъ голову Харитины, яростно прижималъ губы къ ея розовымъ губкамъ. А Харитина, опершись рукой ему въ грудь, не то отстранялась, не то отдавалась съ тихимъ стономъ.

Когда Малевцынъ, проводивъ Харитину, вернулся домой, онъ нашелъ Анну въ столовой.

— Вы не спите?—съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Я хотѣла васъ видѣть; мнѣ... мнѣ нужно вамъ сказать.. Конечно, это не мое дѣло...

— Говорите, говорите, Анна Львовна,—вамъ все можно.

Въ глазахъ Анны стояли слезы.

— Мнѣ, можетъ быть, не слѣдуетъ... да и я не моралистка... но, Борисъ Павловичъ, во всемъ этомъ есть что-то страшно ненормальное, нездоровое, роняющее человѣка, и Харитина...

— Да, да, вы правы, — сказалъ Малевцынъ, забирая, по обычной дурной привычкѣ, въ ротъ свои усы, — слѣдуетъ мнѣ, наконецъ, съѣздить, хоть для виду, въ „Управленіе". А то я чувствую себя такъ, словно по уши завязъ въ скверномъ болотѣ.

И утромъ внезапно исчезъ, ни съ кѣмъ, кромѣ Анны, не простясь.

IV.

У Андрея вышло серьезное столкновеніе со старшимъ дорожнымъ мастеромъ Алмазовымъ. Случайно пріѣхавъ въ день расплаты въ казарму на трехсотой верстѣ, онъ напалъ на крупное мошенничество — приписку рабочихъ и подводъ въ размѣрахъ самыхъ безцеремонныхъ. Андрей принялся за разслѣдованіе.

Предварительный опросъ рабочихъ происходилъ на другой день послѣ одного изъ большихъ праздниковъ; перепившіеся и передравшіеся съ мастеромъ „ремонтные", съ хмельной слезой въ голосѣ, показывали:

— Такъ что, ваше благородіе, истинный грабитель этотъ Алмазовъ, прахъ его побери! Ну, ясное дѣло, кто же не возьметъ, ваше благородіе, если что̀ въ руки лѣзетъ—одна муха не возьметъ; одначе бери, но не грабь.

Особенно горячился худой и плюгавенькій ремонтный съ трясущейся рѣдкой бороденкой и пепельно-сѣрымъ скуластымъ, словно обглоданнымъ болѣзнью лицомъ.

— Не видано, не слыхано,—съ изумленіемъ говорилъ онъ, разводя худыми руками: — ночью, слышь ты, кирпичъ ему съ платформы таскали — домъ, слышь ты, въ Безуховѣ строилъ, фундаментъ выводилъ — а онъ, чуть что̀, сейчасъ тебѣ въ ухо. А по какому такому праву? Нѣтъ нынѣче такихъ правовъ, чтобы въ ухо; вотъ оно что̀. На расплатѣ—„Эй, Рѣдькинъ, тутъ, на табели, распишись, а тутъ, пониже, крестъ по безграмотству поставь". Изволь, изволь, милый человѣкъ, но и ты же дай православному попользоваться—ну, гривну, или хошь стакашекъ, по

малости, а не то, чтобы въ ухо. Вотъ-те разъ, а? Не видано, не слыхано...

Андрей неподвижно сидѣлъ передъ листомъ бумаги, крѣпко сжимая обѣими руками горѣвшую голову; передъ глазами его пылали красные круги. За послѣднее время, за эти мѣсяцы напряженной работы, ночныхъ разъѣздовъ, безсонницы, а главное—постояннаго глухого раздраженія и тайнаго негодованія на собственное безсиліе, нервы его жестоко разстроились. И сейчасъ у него словно стоялъ въ горлѣ какой-то твердый, надоѣдливый клубокъ, и собственный его голосъ, съ трудомъ вылетавшій изъ этого сдавленнаго горла, казался ему сегодня необыкновенно отвратительнымъ, свистящимъ и хриплымъ.

Удалось опредѣленно выяснить, что Алмазовъ систематически велъ подложныя табели работъ, показывая чуть ли не ежедневно по десятку лишнихъ, несуществовавшихъ поденныхъ рабочихъ, противъ вымышленныхъ именъ которыхъ въ табели ставились, „по безграмотности“, кресты. Артельщикъ выдавалъ деньги, контролеръ въ лицѣ представителя отъ участка—самого Алмазова—скрѣплялъ подписью вѣрность суммы, а вырученное честная компанія дѣлила по-братски.

Алмазовъ, время отъ времени пившій запоемъ, кулакъ и пройдоха, искренно удивлялся на заводимые Яснецовымъ на участкѣ новые порядки.

— Младенецъ какой выискался, поди-ка,—не понимаетъ самой сути: какъ это я бы жилъ съ семьей въ восемь душъ на сорокъ рублей въ мѣсяцъ, съ вычетами въ пенсіонную кассу—забодай ее лысые черти! Околѣвать медленною смертью только и можно. Честность, ишь ты! А что за нее платятъ, что-ли? Небось, честнымъ и безчестнымъ одинаково начальство плюетъ въ харю—ну, и выходятъ честные-то—дураки, не больше; люди добрые обхохочутъ—только и всего!

Получая около тридцати-семи рублей въ мѣсяцъ, онъ содержалъ въ ближайшемъ городѣ двухъ сыновей въ „реалкѣ“, за одной дочерью далъ въ приданое двухъ-этажный домъ въ селѣ Березновѣ съ чайнымъ заведеніемъ, а теперь въ Безуховѣ строилъ другой. Дѣти его, остававшіяся дома, были по праздникамъ чисто и даже красиво одѣты; на столъ подавались каждый день три блюда, а двоихъ ремонтныхъ рабочихъ онъ гласно держалъ на побѣгушкахъ, при домѣ и садѣ. За коровами ходила „поденная“ баба, аккуратно выводимая въ табеляхъ; огородъ и лугъ обслуживались тоже ремонтными и поденными.

Андрей терялся; уже воровство въ его кошмарныхъ снахъ

казалось ему какой-то грандіозной тучей мелкихъ воздушныхъ паразитовъ; оно лѣзло на него со всѣхъ сторонъ, лѣзло назойливо, ежеминутно, понемногу, раздробленное на сотни мелкихъ мошекъ, жалившихъ постепенно и исподтишка. Оно словно носилось въ самой атмосферѣ, окружавшей желѣзную дорогу; все, что̀ приходило въ соприкосновеніе съ ней, моментально развращалось, какъ бы зараженное невидимымъ микробомъ. Воровали всѣ: воровало начальство, воровали дорожные мастера, старшіе рабочіе, воровали по малости ремонтные, точно имъ доставляло необыкновенное наслажденіе утащить хоть десятокъ огурцовъ съ чужого огорода! Попался на воровствѣ драновъ и досокъ старый, степенный и зажиточный мужикъ-подрядчикъ на тристадевятой верстѣ, имѣвшій въ сосѣднемъ городѣ двѣ лавки, и такъ какъ не съумѣлъ или не хотѣлъ поладить съ жандармами, составившими на него протоколъ—попалъ подъ-судъ, гдѣ, чуть не плача отъ стыда, приводилъ въ свое оправданіе, что „не иначе, какъ лукавый попуталъ“.

А правда была въ томъ, что деньги лежали вотъ тутъ подъ бокомъ, манили, обнаженныя и безстыдныя, доступныя, какъ продажная женщина, всякому, имѣвшему возможность взять. А не имѣвшіе этой возможности, облизываясь злобно, жаждали, какъ послѣдній пропойца, какъ карманный воришка, урвать хоть жалкія крохи съ неопрятно объѣденнаго, залитого виномъ, отвратительнаго въ циничной безпорядочности стола.

Стояновъ, брезгливо морщась на представленіе Андрея, говорилъ:

— Удивляюсь, батюшка, вашей жаждѣ травить людей. Алмазовъ — великолѣпный дорожный мастеръ, я съ трудомъ перетащилъ его съ пятаго участка. Ну, а что онъ не институтка — это, ей Богу, не наше съ вами дѣло. Мы не попы, чтобы слѣдить за нравственностью. У всѣхъ у нихъ рыльце въ пушку—новыхъ, что-ли, намъ съ вами родить? Этакъ вы разгоните у меня весь участокъ. Какой-то вы блаженный, ей Богу.

— Я долженъ послать объ этомъ дѣлѣ разслѣдованіе по начальству,—угрюмо сказалъ Андрей.

— Сдѣлайте одолженіе! — холодно отозвался Стояновъ.—Я никого не покрываю—только прошу васъ держать это въ тайнѣ; ибо Алмазовъ можетъ намъ такую подложить свинью, о которой вамъ и во снѣ не снилось. Вы слишкомъ еще неопытны, молодой человѣкъ,—да-съ. Вотъ попляшете, какъ онъ вамъ въ отместку поѣздъ спуститъ.

И когда на станціи Безуховой дѣйствительно произошло

крушеніе, полученшій первоначально краткую о немъ телеграмму Стояновъ струсилъ до такой степени, что на него жалко было смотрѣть. Въ первомъ часу ночи онъ самъ почему-то приплелся къ Яснецову, раскисшій, покрытый крупными каплями пота, съ трясущейся нижней челюстью, жалобно приговаривая:

— Вотъ, вотъ, не говорилъ я?! Это Алмазовъ, чортъ, подстроилъ... Охъ, чуетъ мое сердце, попадемъ мы съ вами, Андрей Антоновичъ, подъ-судъ изъ-за вашего донъ-кихотства; тамъ, я знаю, у меня путепроводъ хромаетъ!.. И дернуло васъ связаться!..

Перепугавъ до смерти Анну иославъ на мѣсто крушенія Андрея, онъ просидѣлъ у Яснецовыхъ чуть не полъ-ночи, пока Андрей не прислалъ съ донесеніемъ ремонтнаго рабочаго. Оказалось, переутомленный длиннымъ переѣздомъ машинистъ пролетѣлъ закрытый семафоръ и столкнулся съ товарнымъ поѣздомъ. Трое убитыхъ, семь раненыхъ. Плаксивое настроеніе мигомъ соскочило со Стоянова.

— А! тяга, чортъ ихъ побери!—съ торжествомъ воскликнулъ онъ.—Такъ имъ и надо, прохвостамъ. Революціонеры-остолопы! лучше бы не дрыхнули, чѣмъ революцію дѣлать. Это ихъ Сѣмянинъ (начальникъ службы тяги) совсѣмъ распустилъ.—Нѣтъ, это превосходно.

— Что же тутъ превосходнаго?—сказала Анна.—Трое убитыхъ, семь раненыхъ, какой ужасъ!

— Тѣмъ лучше, милая барыня:—вѣрный признакъ, что негодяй этотъ хорошаго получитъ подзатыльника! Однимъ бомбистомъ меньше на дорогѣ. Ба-ба... да уже не Свенцяновъ ли это? Вотъ была бы штука!

— Господинъ помощникъ просятъ у вашего высокородія письменнаго распоряженія, чтобы затребовать еще два маневровыхъ паровоза расчистить путь — съ однимъ уже отправили въ городъ убитыхъ и раненыхъ!—докладывалъ присланный Андреемъ ремонтный.

— Держу пари, что „зайцевъ“ перекатало!

— Никакъ нѣтъ, ваше вскородіе, не однихъ зайцевъ; убитъ помощникъ машиниста и тяжело раненъ контролеръ.

— Да на что ему мое письменное распоряженіе? Пускай самъ дѣлаетъ, что хочетъ. Надѣюсь, скоты-движенцы на сей хоть разъ не сунутъ ему палокъ въ колеса—это вѣдь не матеріалы возить.

„Движенцы“, „путь“ и „тяга“—три различныя желѣзнодорожныя службы—вѣчно затѣвали между собою грызню. „Дви-

женцы" не давали во-время „пути" вагоновъ для подвозки матеріала, задерживали рабочіе поѣзда. „Путь" приставалъ къ другимъ службамъ, указывая на неисправность вагоновъ, выбоины въ колесахъ и т. п., медлилъ съ ремонтомъ квартиръ и зданій, словомъ—устраивалъ имъ въ свою очередь всѣ отъ него зависящія мелкія пакости.

Въ распри эти ввязывался съ наслажденіемъ даже самъ Стояновъ, обыкновенно почти не мѣшавшійся въ дѣла собственнаго участка.

— Вотъ я вамъ покажу заваливать мнѣ мусоромъ путь противъ пассажирской платформы! — кричалъ онъ на маленькихъ движенцевъ, ершившихся, не признавая въ немъ начальства. — Просилъ я вашего Ивана Ивановича честью. Вотъ я дамъ телеграмму по всѣмъ святымъ!

И между „путемъ" и „движеніемъ" возникъ по поводу мусора оживленный обмѣнъ телеграммъ, числомъ до дюжины, при чемъ Стояновъ—„неоднократно ставилъ на видъ его высокородію г—ну начальнику такого-то отдѣленія службы движенія то-то и то-то", — а тѣ откусывались со злобой и старались его „подвести" на такихъ же мелочахъ.

— Ну-съ, а теперь позвольте откланяться, дорогая барынька! Не грѣхъ пойти и соснуть маленько. Я человѣкъ сырой. Когда-нибудь меня отъ этакой передряги можетъ и ударчикъ хватить!

Прощаясь, Стояновъ, по обыкновенію, долго мялъ розовую руку Анны въ своихъ жирныхъ и мокрыхъ рукахъ и такъ скверно оглядывалъ всю ея дѣвически-стройную фигуру, что лицо ея вспыхивало пятнами, словно отъ удара. Съ нѣкоторыхъ поръ этотъ человѣкъ былъ ей противенъ и страшенъ.

V.

У начальника станціи винтили, празднуя за-одно съ именинами хозяйки ея примиреніе съ женой главнаго контролера. Въ началѣ весны обѣ дамы крупно разладили изъ-за куръ: начальницынъ русскій пѣтухъ жестоко избивалъ контролерскаго лонгшана и портилъ породу. Чахоточная, вспыльчивая контролерша каждый день, стоя за изгородью своего сада, сосѣдняго съ садомъ начальника станціи, осыпала его жену такой ядовитою бранью, что въ одинъ прекрасный день та, не выдержавъ, вцѣпилась сосѣдкѣ въ волосы. Но такъ какъ у обѣихъ было слишкомъ много точекъ соприкосновенія:—общій огородъ, общій лед-

никъ и прачешная, отъ которыхъ то одна, то другая, во время этой войны, теряла въ самые критическіе моменты ключи, такъ что вражеское бѣлье по полъ-дню стояло иной разъ подъ дождемъ на дворѣ, или передъ ужиномъ съ гостями приходилось выламывать дверь ледника и т. п. безъ конца, — сосѣдки принуждены были силою вещей помириться. Такъ какъ лонгшану его хозяйка великодушно не препятствовала больше гулять съ соединенной оравой куръ, то главный виновникъ этой исторіи, русскій пѣтухъ, жарился въ настоящую минуту на кухнѣ, начиненный каштанами, къ ужину.

На линіи любили поѣсть: къ Рождеству, Пасхѣ и т. п. праздникамъ дамы по безплатнымъ билетамъ отправлялись въ сосѣднія мѣстечки за провизіею, иногда верстъ за сто, двѣсти: въ Коневецкой экономіи откармливались хорошія утки; Безухово славилось поросятами, и такъ до безконечности. Хозяйки знали все на зубокъ и не лѣнились добывать: цѣлое лѣто убивалось на варку варенья, на соленье, мариновки, заготовку впрокъ грибовъ; приготовляли дома солонину, коптили дичь, телятину и рыбу; лѣзли изъ кожи, чтобы удивить одна другую необыкновенными квасами, кулебяками, куличами; завидовали другъ другу; сообщали невѣрные кухонные рецепты въ надеждѣ подвести. Хозяйство было главнѣйшей темой разговоровъ. При скудномъ содержаніи веденіе его требовало всевозможныхъ жертвъ—и внѣ гостей и праздниковъ жили скудно, бѣдно; ребятишки, за рѣдкими исключеніями, бѣгали оборванные, грязные, весною и лѣтомъ босые, бѣлье не мѣнялось по нѣскольку недѣль, а дома сидѣли въ такихъ костюмахъ, что заходившій не въ очередь гость поднималъ въ домѣ переполохъ, словно въ двери ломилась разбойничья шайка.

Такъ какъ Андрей, за послѣднее время особенно вспыльчивый и раздраженный, отказался отъ приглашенія наотрѣзъ— Анна, болѣе мягкая и усталая отъ намековъ и сплетенъ, которыми ее обливали съ самаго пріѣзда на участокъ,—отправилась къ начальнику станціи одна съ готовой фразой, которую ей пришлось въ этотъ вечеръ повторить разъ двадцать:

— Мужъ очень жалѣетъ и извиняется... Онъ поѣхалъ на мѣсто крушенія—тамъ ставятъ сегодня новый семафоръ.

Въ душныхъ, накуренныхъ крошечныхъ комнатахъ,—пахнувшихъ, какъ всѣ почти желѣзнодорожные дома, какой-то особой застарѣлой сыростью,—винтили за шестью столами (столы сносились обыкновенно ремонтными рабочими въ день пріема въ квартиру радушныхъ хозяевъ отъ всѣхъ сосѣдей). Не играла

одна Харитина, которая,—когда Анна вошла,—сидя за убогимъ піанино, вполголоса кончала своимъ бархатнымъ богатымъ контральто—„Лишь тотъ былъ счастливъ въ мірѣ этомъ, кто былъ любимъ и кто любилъ“,—да ухаживавшій за ней красивый техникъ-практикантъ Забѣлла, переворачивавшій ноты. Харитина не могла прожить минуты безъ того, чтобы за ней кто-нибудь не ухаживалъ.

Анна тоже не играла въ карты, и хозяйка, которую это страшно стѣсняло, урвавшаяся—несмотря на просьбы Анны не безпокоиться—изъ кухни, принялась занимать ее.

— Такъ еще ничего, туда-сюда, жили бы какъ-нибудь,—разливалась она передъ Анной,—да вотъ дѣти губятъ мою головушку... Вѣрите ли, дорогая Анна Львовна, чуть не каждый годъ сыплются, откуда берутся! Въ прошломъ году родила двойню, а теперь, кажется, ужъ опять... Хорошо еще, что не живутъ, изъ шести трое осталось; но все же расходы большіе, сами знаете. Есть, говорятъ, средства—вы не слышали?

Розовое лицо Анны покрывалось алыми пятнами—отсутствіемъ дѣтей донимала ее вся линія. Даже жена Алмазова, неоднократно приходившая къ ней, то умолять ее, чтобы Андрей не поднималъ „исторіи“ о злоупотребленіяхъ мастера, то выпрашивать какіе-то сараи, матеріалы, и т. п., и униженно кидавшаяся цѣловать ея руки,—и та не выдерживала, чтобы не кольнуть ее:

— Сжальтесь, барыня,—пятеро дѣточекъ вѣдь. Мы—люди простые, живемъ по Божьему изволенью. Господа, конечно,—хотятъ дѣтокъ—имѣютъ, хотятъ—не имѣютъ.—Ну, а мы, по невѣжеству, грѣхомъ это считаемъ...

И Анна чуть не со слезами въ голосѣ отвѣтила хозяйкѣ:

— Не знаю, право,—у меня вѣдь было неблагополучно съ первымъ, и съ тѣхъ поръ больше нѣтъ.

— Ахъ, голубушка, Анна Львовна, а я, признаться, думала, что вы знаете вѣрное средство. Ей Богу, я въ отчаяніи. Всѣхъ прошу безъ зазрѣнія совѣсти. Ужъ чего, чего я не пила—да вѣдь вредно для здоровья. Лучше всего предохранительныя... да вѣдь при этихъ средствахъ надо, чтобы мужъ былъ согласенъ... Ну, и Иванъ Карпычъ ничего, когда трезвый, а придетъ выпивши...

Анна молчала, слушала. Отъ сырости, табачнаго дыма, отъ этихъ откровенныхъ, отвратительныхъ въ своей обнаженной животной грубости, изліяній—душу ея и мозгъ словно обволакивала какая-то сѣрая липкая пелена; сердце ея, съ которымъ давно

творилось что-то неладное, безумно колотилось, отдавая въ грудь острой болью, словно правильно перемежавшимися уколами длинной острой булавки.

Уже въ ушахъ ея звучало словно издали:

— А я еще женщина молодая—этакъ я, пожалуй, до двухъ дюжинъ догоню...

И полное, широкое, красное отъ кухонной жары лицо хозяйки, безъ шеи, нелѣпо сидѣвшее на похожей на обрубокъ фигурѣ, уже стало словно въ туманѣ расплываться передъ нею.— „Ужъ не обморокъ ли?“ —съ ужасомъ подумала Анна, боясь внести разстройство въ этотъ праздникъ, и опять послужить благодарной темой для безконечныхъ разговоровъ по линіи. Но въ эту минуту Стояновъ, кончивъ робберъ, съ ругательствомъ всталъ изъза стола.

— Трехъ тузовъ показалъ вамъ, батенька,—пушилъ онъ телеграфиста, — а вы прете на свои червы—безъ козырей-съ— вотъ игра! Ну, ради какихъ лысыхъ чертей мы потеряли двадцать тысячъ на записи? Соской вамъ баловаться, а не въ винтъ играть. Это вѣдь не бирюльки. Помните, что вы подводите партнера, милостивый государь!

— Прошу въ столовую, закусить!—засуетилась хозяйка.— Анна Львовна, прошу...

Стояновъ, быстро, насколько позволяла его толщина, обернулся и, переставъ ругаться, галантно подставилъ Аннѣ руку калачикомъ.

Изъ открытыхъ дверей столовой, которую только-что освѣжили, вырвалась ароматная струя вечерней прохлады, напоенной тепловатой чистой влагой весенняго вечера, и Анна, съ наслажденіемъ вдохнувъ ее, нѣсколько оправилась. Она покорно положила свою тонкую руку на горячую, похожую на бревно ручищу Антипа Антиповича.

Въ столовой гости застали маленькое несчастіе: семилѣтній сынишка хозяйки, пользуясь удобной минутой, залѣзъ грязными ручонками въ коробку съ сардинами и забывъ въ блаженномъ упоеніи все на свѣтѣ, запихивалъ въ ротъ одну рыбку за другой, пачкая масломъ скатерть, стулъ и чистыя, по случаю гостей, курточку и штанишки. Разсвирѣпѣвшая мать тутъ же жестоко отхлопала его по щекамъ и ревущаго вытолкала въ спальню, пока гости со смѣхомъ разсаживались за столомъ.

Ужинъ тянулся длинно, ѣли жадно и много, еще больше пили.

— Ну и кулебяка же у васъ, Марья Петровна!—слышались возгласы.

— Нѣтъ, а вы паштетъ попробуйте — это нѣчто превосходительное.

— Ананасной наливочки! прошу!

— Пріятно играть съ вами, Антонъ Митрофановичъ: не пойди вы съ пики—вѣдь мы бы были безъ трехъ.

— Эге!—съ набитымъ ртомъ отзывался счастливый партнеръ: — меня словно что̀ свыше осѣнило—думаю, бубны объявляли—чѣмъ чортъ не шутитъ!

— Говорятъ, Павелъ Ивановичъ, пробный паровозъ опять не дошелъ до Кузьминки?

— Ужъ эта тяга, забодай ихъ лягушки—этакіе идіоты!

— Какъ желудочекъ вашей Катюши, Марѳа Николаевна?

— И не говорите—поносъ и поносъ; пеленки зеленыя какъ шпинатъ, къ носу поднести невозможно!

— Здоровье супруги вашей какъ, Антипъ Антиповичъ?—подобострастно освѣдомлялся у Стоянова обруганный имъ телеграфистъ.

— Да, здоровье у нея того... Передайте-ка мнѣ, милѣйшій, коньяку!

— Столы, поди, вертитъ,—вполголоса прошипѣла сидѣвшая рядомъ съ Анной контролерша.

— Что̀ такое?—удивилась та.

— Какъ?—оживилась контролерша:—да неужели вы, уважаемая Анна Львовна, не знали? Да что̀ вы—какъ же это, Господи? Да вѣдь она у насъ спиритка.

Анна вспомнила тонкую, гибкую фигуру Стояновой съ ея устало-скорбнымъ лицомъ, и ей стали сразу ясны и ея медлительныя разсѣянныя рѣчи, и ея отсутствующіе взгляды. Обѣ онѣ съ Харитиной, при всемъ несходствѣ ихъ натуръ, одинаково отгораживались отъ скучной, грубой жизни—одна блаженнымъ бредомъ больного духа, другая—жадными поисками всепоглощающаго чувства.

— Нѣтъ женщинъ кромѣ блондинокъ!—говорилъ тѣмъ временемъ, наклоняясь къ Аннѣ съ другой стороны, успѣвшій „хватить“ Стояновъ.—Въ такихъ свѣжихъ, воздушныхъ фигуркахъ, какъ ваша, есть что-то сливочное!

Анна, задерживая дыханіе, замѣтно отворачивалась отъ его дурно пахнувшаго маслянаго рта, отъ его узкихъ, блестѣвшихъ жидкимъ блескомъ тусклаго бутылочнаго бисера, глазъ.

— Ну, папашка, намъ пора!—безцеремонно сказала Харитина.—Играть вѣдь больше не будешь? — Надо освободить отъ него публику,—прибавила она вполголоса своему сосѣду—Забѣлѣ.

— Не желаю съ такими сапогами...

— Ну и того... идемъ-ка! Марья Петровна, позвольте встать. Анна Львовна, мы съ Забѣллой васъ проводимъ,—хотите?

— Очень хочу, милочка, — съ искренней благодарностью отвѣтила усталая Анна.

По уходѣ инженера, всѣ вздохнули свободно. Полились легендарные разсказы о его взяткахъ, плутняхъ, умѣ, скупости, богатствѣ,—завистливые и жалкіе. Распустились языки слегка и насчетъ политики, чего пуще всего остерегались при Стояновѣ, въ виду его тѣсной дружбы съ жандармами.

А подвыпившій Стояновъ все норовилъ поровняться съ Анной.

— Я рабъ женщины,—пытался онъ заговорить съ нею.

Харитина толкнула локтемъ Забѣллу.

— Анна Львовна, вы плохо видите, тутъ ямы; вотъ Алексѣй Викторовичъ проведетъ васъ.

Забѣлла предложилъ Аннѣ руку.

— Ну, что ты врешь, шельма!—забормоталъ Антипъ Антиповичъ:—гдѣ тутъ ямы? Да, чортъ, въ самомъ дѣлѣ яма!—промолвилъ онъ, споткнувшись о камень, который безшумно толкнула ему подъ ноги Харитина.—Да мы никакъ въ сторону свернули. Прямѣе намъ было бы по лощинѣ, мимо дома этого краснаго дьявола, Свенцянова.

— Почему же дьявола?—поинтересовался Забѣлла.

— Революціонеръ — негодяй — ишь, видно издали — огонь ночью жгутъ, когда спятъ добрые люди.

— У нихъ сегодня...—началъ Забѣлла...

— Винтятъ,—живо сказала Харитина, добавивъ злымъ шопотомъ:—Молчите! Съ ума вы, что-ли, спятили?

Но, видно, близость Анны и пряный, сырой запахъ весенней, разогрѣтой дыханіемъ пробуждающейся жизни, ночи совсѣмъ разморили Стоянова; онъ чуть не дремалъ на ходу.

Придя домой, Анна нашла Андрея въ спальнѣ и почти со страданіемъ въ голосѣ воскликнула:

— Ахъ, какъ глупо я провела этотъ вечеръ, милый!

— Нечего тебѣ было туда и таскаться! — грубо, какъ еще никогда онъ не говорилъ съ ней, отозвался Яснецовъ.—Къ чему эта недостойная игра? Мы и они—два враждебныхъ лагеря—тутъ нечего смягчать и смазывать. Не хочешь ли ты барахтаться въ грязи, какъ Малевцынъ?

Но такъ какъ Анна едва замѣтнымъ движеніемъ невольно положила руку на сердце, — Андрей мгновенно смягчился, усадилъ ее, обнявъ за плечи, на стулъ, и принялся заботливо освобождать ея пушистую головку отъ тонкаго кружевного шарфа.

VI.

Въ Безуховѣ и окрестностяхъ 9-го мая справляли храмовой праздникъ. Андрей, поѣхавшій утромъ на станцію Яблоновскую, гдѣ у него открывали движеніе по только-что перестроенному мосту, почему-то не возвращался, и Анна сидѣла одна съ запертыми окнами, въ которыя назойливо съ утра словно стучались дикіе крики пьянаго разгула,—и вся холодѣла. Былъ моментъ, когда крики эти совсѣмъ близко, какъ показалось Аннѣ, смѣнились такими рѣжущими стонами животной боли, не имѣвшими въ себѣ ничего человѣческаго, что Анна не выдержала и послала за мѣстнымъ дорожнымъ мастеромъ, Татаровымъ.

— Послушайте, Сидоръ Семеновичъ, но тамъ что-то неладное творится, право,—слышите?

— Ничего, барыня,—пробасилъ тотъ, слегка выпивши, но еще приличный.—Я уже посылалъ узнавать. Это такъ кажется, что близко — пьяный стрѣлочникъ и ремонтные дерутся за семафоромъ.

— Но вѣдь они убьютъ другъ друга!

— Ну, какое же намъ дѣло! Это ужъ не мой околотокъ. Это жандарму смотрѣть—унтеру. А онъ пьянъ, какъ стелька.

— Какъ кричатъ!

— Вѣтеръ сюда относитъ, а дерутся за семафоромъ. Я посылалъ: спрашиваю, гдѣ? Говорятъ: за семафоромъ. Ну, пущай дерутся; кабы ближе, ну, точно, мнѣ слѣдуетъ пойти,—ну, а за семафоромъ—не мое дѣло.

— Опять кричатъ...

— Да вы, барыня, не безпокойтесь. Ужъ сегодня такой день — благополучно не прòйдетъ, — говорилъ Татаровъ, дѣлая удареніе на первый слогъ.—Ужъ это извѣстно. Все пьянехонько. У сторожихи на сосѣднемъ переѣздѣ, говорятъ тутъ, ребенка поѣздомъ раздавило — некому протокола составить, послали за унтеромъ, а онъ папу-маму выговорить не можетъ; ротмистра вызвали по телефону, со Стояновскаго обѣда. Всѣхъ чертей его благородіе перебралъ, словно старая баба упокойниковъ въ поминаньи,—одначе, поѣхалъ—ничего не пропишешь. Вѣрно и вашъ баринъ тамъ задержался.

— О, Господи,—сказала Анна,—опять!

Желѣзнодорожныхъ ребятишекъ, роковымъ образомъ привыкшихъ къ поѣздамъ и вѣчно шлявшихся, за недосмотромъ по не-

досугу матерей, по полотну, поѣзда давили сплошь да рядомъ, какъ лягушекъ. Дорога, нерѣдко и сами родители—считали это чуть ли не въ порядкѣ вещей, — и мастеръ продолжалъ:

— Пріѣдетъ домой его благородіе, ротмистръ, потѣха! — „птичка“ его пьяная — ужъ теперь лѣзетъ посудой швыряться. И Боже мой, какъ они промежъ себя живутъ, барыня, худо — тверёзую онъ ее дуетъ, а пьяная—она его; сильная дѣвка и ловкая, какъ чортъ. Нехорошо; у родителей честныхъ онъ ее сманилъ. Какая дѣвка была—король, румянецъ во всю щеку, а коса до пятъ.

— Ну, больше ничего, Сидоръ Семеновичъ, я васъ задержала,—дипломатично сказала Анна.

— Ничего, Господи помилуй, да я со всей душою... Можетъ, вамъ боязно, такъ я еще посижу.

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо: у меня сторожъ.

— Да ужъ никакъ затихаетъ...

Отвязавшись кое-какъ отъ него, Анна рѣшилась, наконецъ, открыть окно. Дѣйствительно, „затихало“. Только-что разыгравшаяся, можетъ быть, за семафоромъ драма разрѣшалась неяснымъ гуломъ не то растерянныхъ, не то пристыженныхъ, удалявшихся голосовъ. За шумливой весной и пересыхавшей лѣтомъ рѣчкой опускался волшебный розовый вечеръ. Мягкіе полутона ложились на трепетавшую мелкую струю, на узенькую лощину, на низкіе кусты вербы и тальника. Запоздалая птичка, успокоенная и разнѣженная теплomъ и тишиной, выводила послѣднія замиравшія трели. Тамъ, за кустами, чернѣлъ пятномъ на нѣжномъ фонѣ полянки и неба маленькій частный домикъ машиниста Свенцянова. Стоялъ онъ за рѣкой, одинокій и суровый; сегодня въ немъ словно вовсе не было жизни и вѣяло отъ него, какъ всегда, какой-то молчаливой, подавленной, но непримиримой угрозой.

Про Свенцянова ходили по линіи всевозможные слухи: говорили, что онъ бѣглый политическій интеллигентъ, — это было сущимъ вздоромъ, ибо такой не продышалъ бы и дня на глазахъ мѣстной жандармеріи, — что у него жена—парижская студентка, что было правдой. Свенцяновъ былъ одинъ изъ лучшихъ машинистовъ, и возилъ самые отвѣтственные поѣзда, когда бывали проѣзды начальства, или высокіе гости ѣздили на охоту въ богатые Безуховскіе графскіе лѣса; онъ побивалъ рекорды на скорость, и его зналъ лично и цѣнилъ начальникъ дороги, а потому терпѣли и прочіе, несмотря на непріятный характеръ и угрюмую рѣзкость обращенія. Давно ужъ онъ былъ бѣльмомъ

на глазу у Стоянова и жандарма, но если занимался политикой, то такъ чисто, что не давалъ ни малѣйшаго повода себя „сцапать“.

Видѣла Анна мелькомъ и его жену. Парижская студентка была подъ стать своему машинисту, — „въ одномъ дышлѣ ходятъ“,—говорили про нихъ линейные. Холодная, молчаливая, она рѣдко показывалась въ народѣ, хозяйствомъ не занималась, не держала ни куръ, ни коровы, жила безъ прислуги, хотя Свенціановъ и получалъ до ста рублей въ мѣсяцъ, ни съ кѣмъ не сходилась; дѣтей у нихъ не было.

Наступившую тишину прорѣзали вдругъ низкіе чарующіе звуки знакомаго Аннѣ голоса, полные какого-то трепетнаго надрыва, живой, страстной, непоправимой печали. За рѣкой Харитина пѣла:

У тоски моей нѣтъ крыльевъ полетѣть,
У души моей нѣтъ силы потерпѣть,
У любви моей нѣтъ воли умереть...

— Харитина!—крикнула Анна въ окно.

— Ау!—бархатомъ зазвенѣло изъ-за рѣки.—Иду-у!

Анна ждала и думала—о томъ, какъ это было странно, что никто не звалъ Харитину уменьшительнымъ именемъ, даже мать и отецъ, и о томъ, что въ сущности это къ Харитинѣ шло, и странно было бы, еслибы было иначе,—когда двѣ тяжелыя жаркія открытыя руки нѣжно легли ей на плечи. Анна даже вскрикнула отъ неожиданности.

— Какъ это вы вошли отсюда?

— А очень просто: у васъ дверь на черномъ крыльцѣ не заперта; я обошла лощиной—это, дорогая Аня, лишняя храбрость въ престольный праздникъ.

— Какая тамъ храбрость!—возразила Анна: — сторожъ не заперъ за Татаровымъ.

— Все пьяно! — слабо и равнодушно сказала Харитина, садясь на окно.—Я давно порывалась придти—вы, можетъ быть, не знаете — Андрея Антоновича задержали на разъѣздѣ — но это животное, любовница жандарма, представьте, допилась до бѣлой горячки, влѣзла къ намъ въ садъ... и вылила на меня цѣлый ушатъ помой-ругани... Насилу ее убрали.

— Чего же это ради? — спросила до-нѣльзя изумленная Анна.

— Ахъ, подлая вещь—жизнь, наша жизнь!—вмѣсто отвѣта съ тоской сказала Харитина и, нагнувшись, такъ что ея тяжелыя косы легли за окномъ на землю, сорвала вѣтку жасмина

и, набравъ полную горсть смоченныхъ уже слегка росою блѣдныхъ, нѣжныхъ и крѣпкихъ, какъ дорогой атласъ, цвѣтовъ, погрузила въ нее лицо.

Анна молча смотрѣла на нее съ сожалѣніемъ и глубокой, истинно-сестринской нѣжностью. Какая тутъ крылась тайна? Что общаго могло быть у нея съ жандармской „птичкой", которую дружно презирало все мѣстное общество, низшее и высшее, презирало, впрочемъ, можетъ быть, незаслуженно, и только потому что самъ жандармъ не церемонился называть ее во всеуслышаніе: „моя дѣвка". Это была врожденная, пропитавшая всю плоть его и кровь, уничижительная, характерная, домостроевская враждебность къ женщинѣ, и къ женщинѣ „потерявшей себя" въ особенности. А еслибы, серьезно убѣжденный, что стоитъ ему мигнуть—и весь участокъ провалится въ преисподнюю, жандармъ захотѣлъ навязать общество своей „крали" участковой публикѣ—нечего и говорить, что загипнотизированный его личностью участокъ носилъ бы ее на рукахъ. А теперь она скучала, отводя душу въ томъ, что таскала по пыли, передъ лишенными тротуаровъ желѣзнодорожными домами, шолковые шлейфы своихъ яркихъ, мѣщански-безвкусныхъ нарядовъ, причемъ мѣстныя дамы лопались отъ злости,—спала до полудня и на глазахъ у всѣхъ неимовѣрно толстѣла отъ жирной и пряной пищи, такъ какъ ѣсть она могла съ утра до вечера.

Бросивъ за окно раздавленный въ рукахъ жасминъ, Харитина запѣла было: „Любовь-мечта, любовь-мгновенье"... — но вдругъ задохнулась... Малевцынъ открывалъ калитку сада.

— Откуда онъ взялся? — съ возраставшимъ удивленіемъ спросила Анна.

— Онъ у насъ обѣдалъ; съ утреннимъ пріѣхалъ, — сквозь зубы процѣдила Харитина.—Пропуститъ ли онъ престольный праздникъ въ Безуховѣ!

— Я, представьте, только за обѣдомъ узналъ, что Андрея Антоновича нѣтъ дома и вы одна, Анна Львовна,—взволнованно говорилъ Малевцынъ.—Я бы давно пришелъ, но...

— Насъ немножко задержали... — раздраженно-насмѣшливо сказала Харитина, раздувая тонкія ноздри своего тупого хорошенькаго носа.

— Я надѣялся васъ встрѣтить у Стояновыхъ...—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на Харитину, но, точно вспомнивъ что-то, оборвалъ свою рѣчь, смутясь.

— Въ пьяной компаніи!.. Это я не передала ей приглашенія

папашки,—сказала Харитина:—она въ самомъ дѣлѣ увидѣла бы и услышала слишкомъ много назидательнаго.

— Отстаньте, Харитина!

Но она уже не владѣла собою. Смертельно блѣдная, не замѣчая, что держала въ каждой рукѣ по косѣ, она судорожно и больно вцѣпилась ногтями и пальцами въ ихъ шелковистую каштановую массу и, вся дрожа, двинулась къ нему:

— Нѣтъ, скажите мнѣ ужъ прямо—вы дѣйствительно жили съ... съ любовницей жандарма?

— Харитина, мы не одни...

— Ничего. Анна уже успѣла привыкнуть подъ вашимъ руководствомъ... Ну, я жду.

— Какое вамъ дѣло, Харитина? Обязанъ я отчетомъ?

— Господа, прекратите, ради Бога, этотъ разговоръ!—упавшимъ голосомъ сказала Анна.—Богъ знаетъ что!

Малевцынъ и Стоянова разошлись въ разныя стороны. Наступило тяжелое, гнетущее молчаніе.

— Ну, я пойду,—сказала, наконецъ, Харитина.

— Никуда вы не пойдете,—возразилъ Малевцынъ.—Сидите, пока не пріѣдетъ Андрей Антоновичъ, а тогда я васъ провожу... Она пойдетъ по лощинѣ и канавамъ, гдѣ пьяные валяются какъ упы!

Харитина молча повернулась, прошла въ гостиную, и вскорѣ низкій ея, сейчасъ словно придушенный голосъ тихо запѣлъ подъ слабый аккомпаниментъ: „Душа моя мрачна“... Но по мѣрѣ того, какъ она слушала себя, этотъ голосъ крѣпчалъ и росъ, и послѣднія слова—„страданьями была упитана она“—прозвучали настоящей тяжкой мстительной силой.

Когда она замолкла, оборвавъ аккомпаниментъ,—не проронившая за эти минуты ни одного слова Анна быстро пошла къ ней въ гостиную, наклонилась поцѣловать ее въ голову и, съ восторгомъ глядя въ ея безкровное сегодня лицо, сказала:

— Харитина, — вы сами не можете найти себя до сихъ поръ. Вы—талантъ, Харитина! Вѣдь онъ звенитъ и рвется наружу въ каждой взятой вами нотѣ!

Харитина, неподвижно сидѣвшая у рояля, безсильно уронивъ руки, вдругъ навострила ушки...

— Андрей! — и Анна съ радостнымъ крикомъ замерла у него на груди.

— Я такъ безпокоился,—заговорилъ тотъ, наскоро сбрасывая пальто.—Ну, какъ ты тутъ?

Ну, идемте-ка, Харитина Антиповна,—мнѣ вѣдь еще разъ

придется продѣлать эту дорогу. Вы мнѣ дадите ключъ, милые хозяева?

Глядя въ ихъ полныя тайнаго нетерпѣливаго гнѣва лица, Анна робко сказала Андрею:

— Хорошо ли, что мы отпустили ихъ вмѣстѣ?

— Э, споются, оставь...

Но Анна угадала. Между Малевцынымъ и Харитиной произошла безобразная сцена не дальше какъ въ противоположномъ дому углу Яснецовскаго сада.

Харитина первая остановилась и заговорила:

— Вы хотѣли дать мнѣ понять, что я не имѣю права спрашивать,—но вы сами знаете, что это право у меня есть!

— А, это интересная новость!

— У насъ были минуты... Не можете же вы отрицать все, все!

— Я только отрицаю какія бы то ни было ваши на меня права. Я не бралъ на себя никакихъ обязательствъ.

— Правà... Вамъ вездѣ грезятся посягательства на вашу драгоцѣнную свободу. Если бывали минуты, когда я унижалась передъ вами, когда я умоляла какъ нищая... то, въ самомъ дѣлѣ, не имени же вашего я жаждала—оно далеко не такъ много стоитъ, а только одного—одной милостыни, которую вамъ, если вы не вовсе человѣкъ безъ сердца, такъ легко было мнѣ подать... вмѣсто жандармской Фроси.

Подъ ея оскорбительными словами, которыя она ему сегодня кидала въ лицо, какъ хлесткіе комья липкой весенней грязи, Малевцына разбирало какое-то холодное раздраженіе. И онъ отвѣтилъ ей грубымъ и пошлымъ издѣвательствомъ:

— Знаемъ мы эти романы съ такъ называемыми барышнями изъ семьи. Глазомъ не успѣешь мигнуть, какъ потащатъ на „дугундеръ“.

Этого было слишкомъ даже для Харитины. Задохнувшаяся отъ изумленія и злобы, она обернулась къ Малевцыну съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ стояли слезы безсильнаго истеричнаго гнѣва, и, не отдавая себѣ отчета, рванулась на него съ жестомъ безумной угрозы.

— Дьяволъ!—хриплымъ звукомъ вырвалось изъ ея сдавленной груди.

Но Малевцынъ, высокій, стройный и гибкій, какъ шпага, спокойнымъ и увѣреннымъ движеніемъ сжалъ ея руку около кисти своей худой и крѣпкой, словно желѣзной рукой.

— Вотъ вамъ любовь изъ Стояновскаго Назарета...—заговорилъ онъ медленно и раздѣльно, словно жаждая продлить

острое наслажденіе этой необыкновенной, даже для его похожденій, минуты. — До жестовъ не доходила еще сегодня даже пьяная Фроська.

Но Харитина, словно окончательно обезсиленная своимъ нелѣпымъ порывомъ, уже потухла. Она отступила и, схвативъ рукой тонкій стволъ бѣлѣвшей на тѣни кустовъ березы, прислонилась къ ней всѣмъ тѣломъ тяжело, словно брошенная со стороны. Она опустила глаза, и на блѣдномъ, бѣломъ какъ мѣлъ лицѣ ея рѣзкой полукруглой линіей выдѣлялись теперь однѣ только чудесныя длинныя черныя рѣсницы, да на правой сторонѣ лба, повернутой къ Малевцыну, слабо темнѣла узкая правильная полоска черной брови.

Но Малевцынъ продолжалъ добивать ее, уже не находя въ себѣ силы остановиться:

— Я не хочу еще примѣшать третьяго къ нашимъ отношеніямъ, ибо отъ такого отца и матери можетъ произойти только чудовище—а вѣдь это можетъ случиться—вы вѣдь все-таки дѣвица.

Харитина съ тихимъ жалкимъ стономъ схватилась за голову, стараясь скрыть въ рукахъ свое искаженное подавленными рыданіями безъ слезъ лицо, повернулась и, пошатываясь, но быстро пошла прочь.

Въ груди Малевцына какъ будто что̀ оборвалось — острая жалость какой-то горячей волной словно пролилась по немъ,— но это былъ слишкомъ рѣшительный моментъ. Остатокъ способности размышлять остановилъ его, и онъ далъ ей уйти, забывъ о томъ, что отпускаетъ ее одну въ темноту и зловѣщую тишину этой опасной ночи.

Рано поутру, проходя мимо Стояновскаго сада, онъ увидѣлъ ее въ гамакѣ въ томъ же платьѣ, въ которомъ она была наканунѣ, съ распустившимися наполовину косами, съ лицомъ, измятымъ безсонницей и волненіемъ. Она, очевидно, такъ и не ложилась сегодня. Когда Малевцынъ направился къ ней, она отвернулась.

— Харитина Антиповна,—сказалъ Малевцынъ,—я пришелъ просить прощенія.

— Можете не просить — мнѣ отъ васъ ничего не нужно. Прошу васъ впредь смотрѣть на меня, какъ на совершенно чужую вамъ женщину.

— Я готовъ исполнить ваше желаніе,—сказалъ Малевцынъ съ почти нѣжной улыбкой, покорившей ему столько сердецъ,— но я уйду съ чувствомъ истиннаго облегченія только услышавъ, что вы все-таки прощаете меня.

Харитина слабо махнула рукой, и въ ея поблѣднѣвшихъ чертахъ промелькнуло что-то покорное, мягкое, безсильное, удивительно напомнившее въ это мгновеніе Малевцыну скорбное, одухотворенное лицо ея матери.

— Если намъ еще суждено встрѣчаться, — заговорила она медлительно своими самыми грудными низкими нотами,—совѣтую вамъ вспоминать, Борисъ Павловичъ, что я „все-таки дѣвица“ и при другихъ обстоятельствахъ.

— Не говорите, Харитина,—я животное!

— Удобный способъ оправдываться,—промолвила она, вставая съ гамака и въ первый разъ за все время этого разговора поднимая на него свои большіе каріе глаза. И Малевцынъ въ это мгновеніе съ необычно мягкимъ выраженіемъ на красивомъ смугломъ лицѣ и теплымъ лучомъ въ узкихъ карихъ глазахъ— показался ей такимъ обаятельнымъ, такъ горячо, безнадежно-страстно она его любила и такъ безповоротно теряла, что глухое отчаяніе настоящей физической болью сдавило ей грудь. Силы ее оставляли. За эту ночь она словно подтаяла, сдѣлалась меньше. И торопясь кончить это тяжелое объясненіе, она прибавила, удаляясь:

— Богъ съ вами, я не сержусь. Сама виновата,—слишкомъ раскрылась вамъ и... прощайте.

Ея суровое полотняное шелестящее платье и тяжелыя каштановыя косы еще разъ мелькнули за молодымъ деревцомъ сирени и скрылись.

Малевцынъ стоялъ, тяжело дыша, и въ головѣ его мелькало:

„А что если это счастье, настоящее счастье уходитъ отъ меня прочь въ это прозрачное, пронизанное, пропитанное солнцемъ, юное утро?.. настоящая великая любовь?...“

Но тутъ же вспомнилъ о могущихъ быть дѣтяхъ, о томъ, что его отецъ сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ, о своемъ пьянствѣ, цинизмѣ; о всей своей безобразнымъ кошмаромъ промелькнувшей жизни.

„Еслибы можно было жить такими трогательными мгновеніями!—уже насмѣшливо думалъ онъ.—Но увы! мы съ Харитиной навѣрное шлепнулись бы въ грязь не далѣе какъ завтра. Да и какой я къ чорту семьянинъ? Это Анна Яснецова испортила меня“.

А вечеромъ онъ засталъ Харитину въ сосѣдней рощѣ съ Забѣллой. Хорошенькій техникъ нѣжно обнималъ ее за плечи, а она, прислонясь щекой къ его виску, сидѣла неподвижно и молча, съ какой-то застывшей улыбкой.

И Малевцынъ ушелъ со злорадствомъ, стараясь подавить циничными, безстыдными, насмѣшливыми мыслями зашевелившееся подъ этимъ злорадствомъ горькое чувство.

Послѣ чаю, у Стояновыхъ, онъ подошелъ къ отошедшей на минуту къ окну Харитинѣ.

— Можно поздравить васъ?

— Спасибо,—спокойно сказала она.

— Какъ это понять?

— Я думала, что вы поняли какъ слѣдуетъ: я выхожу замужъ за Алексѣя Викторовича и васъ приглашаю шафером. Не откажите, — въ этой ямѣ некому даже подержать вѣнецъ надо мною.

— Это шутка! Да у Забѣллы нѣтъ даже будущаго.

— Ничего, я его вытащу: онъ энергичный и прилежный, можетъ держать на инженера; это — выкупъ за меня, если я захочу; но мы еще посмотримъ, куда пойдемъ.

— Вы его любите? Впрочемъ, извините, я не имѣю права спрашивать.

— Нѣтъ, отчего же... Онъ меня любитъ, и я имѣю малодушіе принять эту любовь. Всякому человѣку необходимъ въ мірѣ уголокъ, гдѣ бы онъ могъ укрыться. И ужъ будьте увѣрены — я не погублю и не покрою позоромъ эту дорогую, довѣрчивую душу. Я скверно жила. Вѣрнѣе, не жила, а смотрѣла, какъ жизнь, настоящая жизнь, идетъ мимо. У меня такое чувство, что мы съ Алешей поможемъ другъ другу выйти на настоящую дорогу, которой я не могла найти самостоятельно и безъ поддержки.

— Это что-то новое,—сказалъ Малевцынъ.

— Не такъ ужъ новое. Я все-таки лучше своей репутаціи, Борисъ Павловичъ. Все-таки я немножко дочь своей матери и за послѣднее время столько пережила... Мнѣ кажется, уже сейчасъ, вотъ въ эту минуту, я чувствую тутъ около себя что-то иное, значительное — уфъ!.. Она будетъ, можетъ быть, холодная, суровая, эта новая жизнь, но зато много чище... Ну, да что говорить... Споемъ-ка, господа, что-нибудь!—крикнула она, обращаясь къ сидѣвшимъ за столомъ Забѣллѣ, Аннѣ и двумъ телеграфистамъ.

VII.

— На кой чортъ вы подвозите песокъ изъ Богоспасскаго карьера, когда Антипомъ Антиповичемъ открытъ съ осени но-

вый, въ Выселкахъ?—кричалъ Андрей на Татарова на станціи, куда зашелъ съ Забѣллой и техникомъ посмотрѣть ремонтъ на товарной.—Я говорилъ, чтобы начинали подвозить изъ новаго. Кто распорядился? Позвать сюда Алмазова! Это—ваше идіотское распоряженіе, Алмазовъ? Хотите въ тройной перерасходъ вогнать?

Алмазовъ, — съ той поры, какъ Андрей поднялъ противъ него разслѣдованіе, требуя его удаленія,—считавшій, что Стояновъ неблагородно его предалъ, и, бросивъ дѣло, цѣлые дни проводившій на постройкѣ своего дома, — необыкновенно обнаглѣлъ.

— Я тутъ, ваше благородіе, совершенно ни при чемъ-съ,— отвѣтилъ онъ, насмѣшливо оглядывая Яснецова своими водянистыми, бѣгающими глазками, — даромъ вы кричите—видно, вы не въ курсѣ,—вы ужъ къ Антипу Антиповичу обратитесь за разъясненіями... Ты! куда съ кирпичомъ прешься!? — закричалъ онъ тутъ же на ремонтнаго, пользуясь случаемъ отойти: — На товарную, на товарную, а не на пассажирскую, дьяволъ безрукій!

— Бросьте, Андрей Антоновичъ!—говорилъ тѣмъ временемъ Забѣлла, отходя съ Яснецовымъ къ ремонтирующимся помѣщеніямъ товарной станціи. — Не успѣлъ я васъ предупредить; я думалъ, вы еще въ управленіи слыхали эту штуку. Вѣдь этотъ второй карьеръ—фиктивный.

— Какъ фиктивный?—спросилъ Андрей, не вѣря собственнымъ ушамъ, и смуглое лицо его съ рѣшительными, рѣзкими чертами покраснѣло пятнами...

— Ну, да! какой тамъ къ бѣсу песокъ! Пескомъ-то только сверху посыпано—чистѣйшая глина. Стояновъ на этомъ карьерѣ разомъ тысячъ двадцать хапнулъ.

— Но вѣдь за это подъ-судъ попадаютъ!..

— Не безпокойтесь—обдѣлано чисто. „Пробы“, въ пьяномъ видѣ, Малевцынъ одобрилъ и самъ свозилъ въ управленіе. Попался, въ сущности, какъ куръ во щи; на этотъ разъ даже ни грошика не получилъ, конечно. Ну, однако, для него это дѣло замяли. Малевцына-то тоже не возьмешь голыми руками. А теперь этотъ карьеръ считается использованнымъ, а Богоспасскій—новымъ; такъ ловко были составлены бумаги. Теперь ужъ чисто; подите-ка, докажите.

— Вы мнѣ, Алексѣй Викторовичъ, шехерезаду какую-то разсказываете—вѣдь это уголовщина!

— А гдѣ, скажите, въ Россіи нынѣ не уголовщина?—воз-

разилъ, пожавъ плечами, техникъ. Однако, живемъ и благоденствуемъ, — добавилъ онъ, повидимому равнодушно, прищуривъ глаза на качавшагося въ люлькѣ у стѣны склада маляра, и только чуть замѣтно скривился на сторону въ судорожной, злой усмѣшкѣ его энергичный, съ тонкими губами ротъ подъ узенькимъ, темно-каштановымъ, словно кистью художника намѣченнымъ усомъ.

— Чего они тамъ торчатъ у дрезиноваго сарая?—сказалъ вдругъ Андрей.—Эй, Максимовъ, кто требуетъ дрезину?

Ремонтный доложилъ, что его благородіе, жандармъ, арестовалъ маляра Свистунова—такъ „въ городъ, въ участокъ отправить".

— За что же это?—спросилъ насторожившійся Забѣлла.

— Да подъ хмелькомъ они, Свистуновъ-то; извѣстно, понедѣльникъ... ну...—мялся Максимовъ.

— Ну... да не тяни, чортъ тебя забирай, разсказывай!

Оказалось, что, качаясь въ люлькѣ подъ потолкомъ товарной, не проспавшійся съ вечера Свистуновъ благимъ матомъ оралъ марсельезу,—такъ, впрочемъ, неразборчиво и скверно, что только охотничій, жандармскій нюхъ уловилъ какимъ-то верхнимъ чутьемъ мотивъ крамольной пѣсни.

— И-ихъ!.. упрячутъ парня!..—почесалъ въ затылкѣ Максимовъ.—Въ разговорѣ-то онъ полѣзъ-было унтеру въ зубы дать... А теперь и „самъ" (ротмистръ) тутъ.

— Лучшій маляръ!—вздохнулъ Забѣлла.

Вдругъ достаточно уже взвинченный Андрей вышелъ изъ себя.

— Да какъ они смѣютъ безъ спроса брать дрезину! Есть правила на то. Пускай, чортъ ихъ дери, тащутъ его въ участокъ хоть на воздушномъ шарѣ, а я не дамъ дрезины. Доложите ротмистру.

Ротмистръ, высокій и основательный мужчина съ рачьими глазами, недавно распоряжавшійся у Стоянова на участкѣ, какъ въ собственномъ хозяйствѣ, отъ удивленія не могъ даже долго понять смыслъ того, что̀ ему докладывалъ трясущійся отъ страха ремонтный, и отправился объясняться.

— Что̀ за нововведеніе, молодой человѣкъ?

— Я вамъ, г-нъ ротмистръ, не молодой человѣкъ: у меня есть имя и оффиціальное положеніе на участкѣ. Существуетъ инструкція — дрезины на участкѣ предназначены для служебныхъ разъѣздовъ, а въ прочихъ случаяхъ—пользуются поѣздами.

— Мнѣ Антипъ Антиповичъ разрѣшилъ... Пустяки какіе! И что̀ толковать изъ-за выѣденнаго яйца. Поѣздъ еще черезъ три часа придетъ.

— Антипъ Антиповичъ третій день въ городѣ, и хозяиномъ на участкѣ пока состою я... Я не дамъ вамъ ни дрезины, ни рабочихъ и мастера, чтобы ее сопровождать, ибо это противъ правилъ, и мы съ Антипомъ Антиповичемъ за это отвѣчаемъ. Имѣю честь кланяться.

И, сорвавъ сердце въ этомъ нелѣпомъ порывѣ мелкой мести, Андрей, при видѣ разсвирѣпѣвшаго въ свою очередь лица жандарма, даже почувствовалъ на секунду что-то въ родѣ облегченія.

VIII.

Дня два спустя послѣ этихъ событій, Харитинѣ пришла сумасшедшая мысль поиграть въ лаунъ-тэннисъ на такъ называемомъ ею „парапетѣ“: это была четырехъ-угольная площадка около путепровода, какъ-разъ надъ лощиной и высохшей рѣчкой, гдѣ стоялъ угрюмый домикъ Свенцянова.

Послѣ своей помолвки съ Забѣллой, Харитина смотрѣла такъ, словно ее подмѣнили: она уже не валялась цѣлыми днями въ гамакѣ со своими нелѣпыми романами, не слонялась лѣниво по дому и саду со спущенными волосами, вялая и скучающая, а ходила по утрамъ къ Аннѣ заниматься языками, потомъ шила или цѣлыми часами просиживала за роялемъ, за заброшенными этюдами и гаммами. Какая-то тяжелая внутренняя работа происходила въ ней. Она выросла, похудѣла, и въ новой, гладкой прическѣ съ заложенными корзиночкою косами лицо ея уже не походило на только-что расцвѣтшую розу; полудѣтская его полнота пропала и линіи опредѣлились строже и рѣзче.

Хрупкая Анна, у которой теперь почти постоянно лицо и уши заливались нѣжной розовой краской—результатъ неправильнаго обращенія крови—казалась рядомъ съ нею на пять лѣтъ моложе, и ей почти жаль было прежней легкомысленной Харитины—испорченнаго, можетъ быть, но беззаботнаго, жаднаго до жизни ребенка.

Она охотно согласилась исполнить фантазію Харитины, и, спустя полчаса, вся компанія—Забѣлла, Анна, Харитина и братъ начальника станціи, пріѣхавшій на каникулы гимназистъ—устроили на парапетѣ импровизированную площадку. Малевцына давно уже не было въ „Раздѣвальной“.

— Но шары будутъ падать внизъ,—сказала Анна.

— А! за это лишній штрафъ! — звонко отозвалась Хари-

тина.—Три мѣсяца играемъ—пора научиться артистически. Я съ тѣмъ и выдумала всю эту штуку.

Но во время первой же партіи она сама—подъ дружный смѣхъ остальныхъ—не только не успѣла отдать удара, но самая ракетка вырвалась у нея изъ рукъ и вслѣдъ за мячомъ полетѣла внизъ черезъ впадину, по направленію къ Свенцяновскому дому.

Прежде чѣмъ играющіе успѣли оглядѣться, Харитина по откосу, какъ кошка, пустилась внизъ; привлеченная смѣхомъ и шумомъ, на крыльцѣ выросла въ ту же минуту сумрачная фигура жены машиниста.

— Извините,—говорила Харитина, подбѣгая,—мы забросили сюда мячъ!—и, почти не мѣняя тона, прибавила:—Берегитесь, Свистуновъ сболтнулъ что-то въ городѣ — у васъ можетъ быть обыскъ.

— А, хорошо,—сказала Свенцянова:—спасибо; вашъ мячъ въ палисадникѣ.

Но кубаремъ скатившійся вслѣдъ за Харитиной гимназистъ уже несъ мячъ и ракетку.

— Воля ваша, Харитина, нельзя тутъ играть,—говорила Анна сверху.—Пойдемъ на поляну; помогите мнѣ спуститься кто-нибудь.

— Однако, Аня, какъ вы поблѣднѣли!—сказала Харитина.—Дѣйствительно, дурацкая затѣя,—пойдемъ домой.

— У меня голова закружилась, но это пройдетъ.

— Скоро ужъ начнетъ темнѣть,—сказала Харитина,—вернемся.

— „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда"...—вдругъ запѣла она.

Забѣлла и Анна подхватили мотивъ, и пѣснь полилась, расплываясь и замирая въ лиловатомъ, сумеречномъ воздухѣ.

Проводивъ Андрея на ночныя работы, Анна распахнула на минуту окно спальной и, прислонившись къ косяку своей серебристой головкой, жадно открыла навстрѣчу ароматному ночному воздуху свои пересохшія отъ дневной жары губы.

Но ночь стояла за окномъ душная и неподвижная; воздухъ словно висѣлъ густой пеленой; далеко въ темныхъ небесахъ, словно въ истомѣ, словно зноемъ пылали звѣзды. Прохлады не было.

Анна закинула тонкія горячія руки за верхнюю перекладину низкаго окна и вздохнула въ тяжелой тоскѣ. Вдругъ неудержимо потянуло ее отсюда дальше на сѣверъ, къ прежней спокойной и чистой, замкнутой жизни, къ прохладѣ и блѣднымъ

краскамъ петербургской ночи, подъ легкимъ покровомъ которой чувствовалось дыханіе могучаго организма, живущаго такими разнообразными напряженными духовными интересами большого волнующагося города.

Въ „Раздѣвальной“ уже становилось ей нечѣмъ дышать. Со времени столкновенія Андрея съ жандармами арестовывалась даже прогрессивная газета Анны, чуть ли не всѣ письма приходили съ самыми безцеремонными слѣдами вскрытія и жирныхъ пальцевъ, такъ что было противно читать. А главное, окружающее терзало Анну; не проходило дня, чтобы она не плакала безмолвно, въ горькомъ сознаніи собственной ненужности, полнаго безсилія передъ тѣмъ, что давило ее извнѣ. Узнавъ о добротѣ и доступности Анны, вся участковая бѣднота осаждала ее просьбами. Получавшія по четыре рубля въ мѣсяцъ на переѣздахъ сторожихи приходили къ ней, прося ее выхлопотать черезъ Андрея прибавку, въ тысячный разъ и на всѣ лады принимаясь доказывать ей и безъ того резонную истину, что жить на эти деньги нельзя, да еще съ ребятишками, и никакъ не могли взять въ толкъ, что ни Анна, ни Андрей, ни прочее начальство, еслибы даже захотѣло, не въ силахъ было имъ помочь, потому что этимъ нарушалась вся, такъ сказать, система желѣзнодорожныхъ окладовъ. Приходили просить за мужей, подвергшихся штрафу и увольненію, съ плачемъ, съ униженными причитаніями, надрывавшими ей сердце, а когда Анна пыталась ходатайствовать за нихъ у Андрея—онъ раздражался:

— Оставь ты меня, ради Бога! Если я штрафую, или увольняю, значитъ—за дѣло. Жена, дѣти! А если пьяная эта скотина перепутаетъ сигналы, да мнѣ поѣзда другъ о друга стукнетъ? Видала, какіе ходятъ? Биткомъ набиты рабочими и переселенцами. Ну-ка, тогда, кто подсчитаетъ женъ и дѣтей этихъ перекалѣченныхъ и перебитыхъ отцовъ и братьевъ? Этому положенію дѣлъ, моя милая, не поможешь съ бухты-барахты, а то бы вся Россія теперь не кипѣла, какъ въ котлѣ,—ясно?

Отъ этой ясности Аннѣ было не легче. Не легче было и оттого, что она раздавала деньги. Въ этомъ было что-то даже унизительно-горькое...

— Анна Львовна,—тихо сказалъ вдругъ рядомъ съ нею незнакомый женскій спокойный голосъ.

Анна затрепетала отъ неожиданности.

— Не бойтесь: я отъ Свенціановыхъ; вамъ ничего не сказала Харитина Антиповна? Говорите тише.

— Нѣтъ, — съ изумленіемъ отозвалась Анна, напряженно

всматриваясь въ темноту и припоминая, гдѣ она слышала этотъ голосъ:—„Да, это портниха Дуня“,—подумала она. Дуню эту, дочь желѣзнодорожнаго слесаря, она видѣла раза два за шитьемъ въ домѣ начальника станціи.

— Сегодня ожидаются обыски у нашихъ, изъ мастерскихъ и тяги, у Свенціановыхъ въ первую голову, конечно. Это такъ внезапно! Не спрячете ли вы бумаги? Разную литературу они уже того... а это жаль уничтожить: переписка нашихъ съ центральнымъ и другими бюро; да и поздно пожалуй; на дорогѣ не бросишь! Свенціановы на свою отвѣтственность рѣшили отдать ихъ въ надежныя руки. Имъ необходимо быть чистыми, а не то рухнетъ большая организаціонная работа. Они считаютъ, что вы, пожалуй, единственная здѣсь,—не предадите.

— Гдѣ же бумаги?

— Со мною,—мнѣ удалось перехватить ихъ тутъ... у одного, возвращаясь съ работы. Я вѣдь еще не была дома. Меня не подозрѣваютъ. Да я и не принимала участія. Кромѣ того, мы съ вами совсѣмъ не знакомы. Надѣюсь, это пройдетъ благополучно,—задумчиво говорила она.—Сюда за мною никто не слѣдилъ, развѣ ваша прислуга увидитъ?

— Намъ прислуживаетъ сторожъ съ женой, они помѣщаются во дворѣ за чернымъ крыльцомъ. Ну, давайте.

Она съ трудомъ приняла въ окно объемистую пачку, аккуратно завязанную тесьмой и запечатанную, и тотчасъ же отнесла ее въ мезонинъ, пустую, нежилую комнату, гдѣ стояли послѣ перевозки ящики и корзины и окованный желѣзомъ сундукъ, въ которомъ въ нафталинѣ хранились у Яснецовыхъ зимнія теплыя вещи Андрея, пріобрѣтенныя для разъѣздовъ по линіи.

Кое-какъ добравшись обратно до спальни, усталая и нѣсколько встревоженная съ непривычки, Анна едва нашла въ себѣ силы намочить въ водѣ полотенце, чтобы наложить компрессъ на безумно бившееся сердце и—лечь.

Дома Дуня уже застала обыскъ: всѣ квартиры тяги и мастерскихъ были оцѣплены вызванными изъ города войсками. Обыскъ не далъ никакихъ серьезныхъ результатовъ, и Свенціановъ, у котораго разворотили, буквально, весь домъ, вломился въ амбицію.

— Собачья жизнь, ей Богу!—ворчалъ онъ.—Нѣтъ тебѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Почему я на замѣчаніи, прошу васъ объяснить? Десять лѣтъ служу на дорогѣ, литерные поѣзда вожу—нѣтъ, разбираетъ ихъ...

— Ну, легче, легче,—отозвался раздосадованный ротмистръ.—Ловкіе дьяволы, нечего сказать.—Поговори еще—арестую!

Но вмѣсто ареста организовалъ шпіонство.

Спустя нѣсколько дней, въ тягу поступилъ новый оцѣнщикъ, на видъ весьма придурковатый и неспособный малый, вислоухій, вѣчно подергивающій носомъ. Увидавъ его, Свенцяновъ только свистнулъ.

IX.

Мало-по-малу ухаживанья Стоянова сдѣлались такъ назойливы и грубы, что Аннѣ представлялся одинъ только выходъ—уѣхать хоть на время изъ „Раздѣвальной".

Съ самой, ранней юности чувствовала себя Анна предметомъ какой-то неистовой охоты, но никогда еще до такой степени безцеремонной. Ея хрупкая, нѣжная женственность, ея теплые, наивно удивленные глаза, ея чистыя, гордыя губы, ея невинныя полудѣтскія плечи, словно въ насмѣшку, будили самыя разнузданныя желанія, грязь и ужасъ которыхъ она чувствовала инстинктомъ. Вся сжимаясь внутренно, она долго боролась, отклоняя всякія искательства, несмотря на представлявшіяся ей блестящія партіи, возбуждая удивленіе и гнѣвъ опекуна и его жены, замкнутая, недовѣрчивая и холодная, противопоставляя всему этому враждебному стану спокойное упрямство нетронутой и незапятнанной души, и тѣмъ еще пуще разжигая страсти, пока не встрѣтилась съ Андреемъ, одинокая, цѣльная и какимъ-то чудомъ сохранившаяся чистая душа котораго, очаровавшая ее чисто-человѣческимъ, осторожнымъ, нѣжнымъ чувствомъ первой любви, показалась ей родною и близкою.

Однако, какъ бы тамъ ни было, съ такимъ холоднымъ цинизмомъ, какъ Стояновъ, еще никто ее не преслѣдовалъ. Каковы бы ни были разсчеты ея поклонниковъ, они прикрывались, по крайней мѣрѣ, передъ ея дѣвственной чистотой—хоть наружнымъ и искреннимъ уваженіемъ, хоть красивыми нѣжными словами. Стояновъ же прямо шелъ къ цѣли—онъ караулилъ ее по вечерамъ, по темнымъ закоулкамъ „Раздѣвальной", въ рощѣ, гдѣ она любила, бывало, бродить, въ собственномъ ея саду и домѣ, ругаясь съ Харитиной, которая теперь постоянно увязывалась за нимъ по пятамъ. Анна чувствовала себя плѣнницей въ собственной квартирѣ.

— Опомнись, Антипъ Антиповичъ!—уговаривалъ его закадычный другъ, ротмистръ.—Ты совсѣмъ взбѣсился. Смотри, въ такую влѣзешь исторію, что не выцарапаешься. Да что тебя разобрало? Экую, подумаешь, нашелъ красоту—такъ себѣ, щупленькая и только.

— Молчи, Ефимъ Ивановичъ, не понимаешь ты самой сути!

А Яснецова все не могла выбрать удобной минуты, чтобы поговорить съ Андреемъ, который пропадалъ днями и ночами изъ дома въ разгарѣ работъ и велъ борьбу на два фронта — и съ уходившимъ Алмазовымъ, который каждую минуту могъ устроить ему какую-нибудь непредвидѣнную гадость, а кромѣ того организовалъ систематическое расхищеніе матеріаловъ, причемъ никто не хотѣлъ помочь Андрею накрыть его съ поличнымъ,—и со Стояновымъ, который упорно тормазилъ его работы по ремонту жилыхъ домовъ и рабочихъ казармъ. Онъ являлся домой на минуту, голодный, раздраженный и усталый, чтобы уснуть нѣсколько часовъ тяжелымъ, почти не освѣжавшимъ организмъ сномъ,—и каждый день Анна говорила себѣ:

— Завтра, завтра...

Ей казалось безчеловѣчнымъ взваливать на его плечи еще свои заботы; ей было совѣстно за свою слабость, за неумѣнье защитить себя самой, а главное, она боялась, что ея признанья будутъ послѣдней каплей, переполнившей чашу, и вызовутъ какое-нибудь страшное столкновеніе между двумя непримиримыми врагами. А отношенія Андрея и Антипа Антиповича обострились до того, что они уже не могли болѣе или менѣе спокойно разговаривать другъ съ другомъ, въ особенности послѣ того, какъ,ославъ — съ согласія Стоянова, который всегда былъ не прочь отъ новыхъ „хлѣбныхъ“ работъ — въ управленіе проектъ сушилокъ возлѣ рабочихъ казармъ, Андрей получилъ категорическій отказъ.

— Вотъ вамъ отвѣтъ, батенька, на всѣ ваши миндальничанія съ рабочими! — говорилъ послѣ этого Стояновъ Яснецову при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. — Эхъ, лупить бы ихъ, пьяныхъ скотовъ, а не сушилки имъ строить—англичане какіе выискались...

— Quel maître, tel valet,—дерзко сказалъ однажды Яснецовъ.

— Э, батенька, забылъ я французскую-то грамоту давно: мало за нее въ дѣтствѣ драли, такъ ужъ вы меня этимъ не угощайте.

— Я могу перевести...

— Молоды вы больно... мало каши ѣли, — со злобой отзывался, отдуваясь, Антипъ Антиповичъ.

Новый помощникъ давно уже сдѣлался ему слишкомъ неудобенъ. Весною, пользуясь тѣмъ, что Стояновъ сидѣлъ за смѣтами, Андрей провелъ перераздѣлъ покосовъ и пастбищъ, принадлежавшихъ полосѣ отчужденія, забралъ нѣсколько незначи-

тельныхъ отрѣзковъ у самого Стоянова, которому неловко было спорить изъ-за какого-нибудь десятка рублей, а главное, отнялъ больше половины земли, захваченной Алмазовымъ, который, держа — противно желѣзнодорожнымъ правиламъ — цѣлое стадо коровъ, — уже заплатилъ Стоянову за огромный лугъ впередъ, передавъ извѣстную часть дохода съ приписанныхъ рабочихъ. Яснецовъ распредѣлилъ участки между желѣзнодорожной мелкотой, которая зубами держалась за нихъ. Всѣ отношенія запутались, и Стояновъ уже багровѣлъ при одномъ имени своего помощника. Анна сама не подозрѣвала, какой взрывъ могли вызвать ея признанія.

Генеральное столкновеніе вышло, однако, безъ Анны.

Осмотрѣвъ на 409-ой верстѣ ремонтируемую рабочую казарму, Андрей вызвалъ подрядчика Семенова.

— Послушайте, вы это что же, подъ-судъ, что-ли, захотѣли? Развѣ это называется капитальнымъ ремонтомъ? Вы обязались проконопатить, обшить все заново досками, смѣнить всѣ рамы, двери и косяки, переложить всѣ печи, сдѣлать тамбуръ при входѣ... А сдѣлано чортъ знаетъ что такое, — только дыры заткнуты какимъ-то мякишемъ да помазано сверху. Я на васъ подамъ.

Семеновъ, сначала долго ухаживавшій за Андреемъ, предлагавшій ему „процентъ“, пытавшійся угостить его то обѣдомъ, то ужиномъ съ цыганами въ городѣ и т. п., видя, что молодой инженеръ не подается ни туда, ни сюда, — на этотъ разъ окрысился.

— Да что вы на меня кричите! Нельзя же такъ, господинъ. Берете съ Антипомъ Антиповичемъ, а требуете съ меня такъ, какъ будто не берете. Что-нибудь одно-съ. Дьявольщина какая пошла на участкѣ. Что вы меня жмете! Изъ своего кармана, что-ли, буду я процентъ-то платить. Вотъ вамъ документикъ, почитайте-ка!

Андрей съ удивленіемъ увидѣлъ подписанный Стояновымъ и уплаченный уже управленіемъ счетъ, изъ котораго слѣдовало что ремонтъ казармъ и жилыхъ домовъ на „Яблоновской“ подрядчикомъ Семеновымъ произведенъ и законченъ согласно заключенному тогда-то условію — вполнѣ.

— Вотъ вамъ и все-съ! Совѣтую не подавать-съ, ибо безполезно: условія-то мы съ Антипомъ Антиповичемъ полтора дня кряхтѣли, писали, комару некуда носа сунуть, потому спеціалистъ Антипъ Антиповичъ на такія вещи. А если желаете знать подробности, то деньги имъ на свадьбу дочери понадобились, а изъ банка они брать не любятъ-съ!

Вечеромъ того же дня, возвратясь, Андрей зашелъ въ контору и объявилъ Стоянову:

— Антипъ Антиповичъ, я съ вами больше не служу.

— Это вы, драгоцѣнный мой, ужъ оформите пожалуйста, подайте мнѣ бумажку.—И сейчасъ я васъ не могу отпустить — пусть вамъ замѣстителя пришлютъ — стоверстные участки не бросаютъ въ разгарѣ работъ на одного больного человѣка... А почему такое скоропалительное рѣшеніе, смѣю спросить?

— А потому, — теряя всякое самообладаніе, закричалъ Андрей, — что я работникъ, а не судебный слѣдователь, чтобы вести съ вами исподтишка борьбу, сталкиваясь сто разъ на дню съ вашими безчисленными злоупотребленіями. Я не желаю безсильно барахтаться тутъ въ грязи, изображая изъ себя какую-то ширму, пѣшку, волчокъ, который вамъ угодно, по собственному капризу, то заводить, то останавливать своими запачканными руками.

— Да вы въ умѣ ли? Чего вы орете? Чего вы прете на рожонъ? Да я пошлю за жандармомъ: пускай онъ протоколъ составитъ,—чего вы оскорбляете меня? Вонъ контора—свидѣтели!

Но, взглянувъ въ сосѣднюю комнату, онъ никого не увидѣлъ: юный конторщикъ, не желая впутываться въ исторію, благоразумно улизнулъ черезъ дверь чулана, на дворъ, гдѣ и подслушивалъ у окошка, что будетъ дальше. Стояновъ сейчасъ же остылъ.

— Ну его къ чорту съ протоколомъ! — тутъ же рѣшилъ онъ, здраво разсуждая:—лишній разъ напоминать о себѣ управленію. Разъ эта бѣшеная собака уходитъ, и прекрасно...

И повернувъ къ Андрею спину, сказалъ:

— Больше ничего не имѣю!—и вышелъ.

Съ этого дня начальникъ участка и помощникъ больше не разговаривали между собою, а сообщались черезъ третье лицо или путемъ оффиціальныхъ телеграммъ.

За день до Харитининой свадьбы, на станціи Богоспасской паровозъ влетѣлъ въ стѣну багажной конторы, и Стояновъ прислалъ къ Аннѣ человѣка спросить: дома Андрей Антонычъ—такъ пусть поѣдетъ на крушеніе, а нѣтъ, такъ „сами Антипъ Антиповичъ должны ѣхать“,—доложилъ ремонтный.

Анна сказала, что Андрей съ утра уѣхалъ на Яблоновскую и хотѣлъ вернуться только съ трехъ-часовымъ ночнымъ поѣздомъ.

Убѣжденная, что Стоянова нѣтъ дома, Анна вышла, захвативъ на всякій случай маленькій револьверъ, какими запасались на „Раздѣвальной“ почти всѣ мѣстныя дамы, живя вблизи часто

бастующихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, повальнаго пьянства и тронутыхъ аграрными безпорядками деревень. Томившаяся нездоровьемъ и скукою, она пошла вечеромъ къ Харитинѣ.

Не успѣла она спуститься къ лощинѣ за парапетъ, какъ передъ нею выросла безформенная фигура Стоянова. Отъ неожиданности и ужаса Аннѣ показалось, что сердце ея оторвалось въ груди съ безумной болью и куда-то покатилось. Но она громаднымъ усиліемъ воли побѣдила боль и слабость, и, остановясь, незамѣтно опустила руку въ карманъ.

— Анна Львовна, я хочу съ вами объясниться—почему вы избѣгаете меня?

Онъ двинулся къ ней. Страхъ, безумный, безсмысленный страхъ охватилъ все существо Анны. Какъ молнія пронеслось въ ея головѣ воспоминаніе о томъ, какъ весною, въ первую же недѣлю послѣ ея переѣзда на участокъ, вотъ тутъ, за путепроводомъ, Антипъ Антиповичъ подсторожилъ дочь ея кухарки, жены одного изъ сторожей, чудомъ вырвавшуюся изъ его рукъ. Когда оскорбленная дѣвушка потребовала составленія протокола, жандармы только смѣялись.

— И, матушка барыня,—разсказывала Аннѣ эту исторію плачущая мать:—мастеръ нашъ Антипъ Антиповичъ на эти дѣла. Жена-то съ нимъ вѣдь не живетъ. Что у него дѣтей по участку—словно солью посыпано!

„Въ крайнемъ случаѣ застрѣлюсь“,—подумала Анна.

— Что я вамъ сдѣлалъ!—продолжалъ Стояновъ, все придвигаясь. Аннѣ послышался въ кустахъ какой-то подозрительный шорохъ. Мысль о томъ, что онъ можетъ быть не одинъ, что онъ захватилъ съ собою на подмогу какого-нибудь хулигана, придала ей рѣшимости. Она выхватила изъ кармана револьверъ, и высокая и тонкая, быстро отклонясь, приставила его почти вплотную къ виску толстяка—такъ близко онъ стоялъ.

— Если вы дотронетесь до меня—я выстрѣлю.

Онъ растерялся и попятился.

— Да я и не думаю,—забормоталъ онъ,—что вы въ самомъ дѣлѣ!..

Но Анна уже не слушала.

— А если вы погонитесь за мною—я себя убью.

И кинулась по лощинѣ такъ стремительно, какъ только ей позволяло дыханіе, къ ближайшему пріюту—домику Свенцянова, на порогѣ котораго она и грохнулась въ обморокѣ.

Очнулась она уже дома, съ ледянымъ мѣшкомъ на сердцѣ, на собственной постели, въ которую она неизвѣстно какъ по-

нала, и въ ногахъ которой она увидѣла на-смерть перепуганнаго Андрея.

Къ вечеру слѣдующаго дня она немного отдышалась. Пришла Харитина, блѣдная и суровая,—знала она, или нѣтъ?

— Слушайте, Аня, — сказала она, едва успѣвъ поздороваться:—у васъ Свенцянова бумаги—давайте ихъ скорѣе! Я знаю, тутъ остался чемоданъ Малевцына,—запремъ ихъ туда, а ключъ бросимъ. Я уже переговорила съ ними: за Малевцына я поручилась, да и дѣлать нечего: за ними всѣми такъ слѣдятъ. Я боюсь, что когда на участкѣ узнали о вашемъ обморокѣ у Свенцяновыхъ, жандарма словно что осѣнило: они подозрѣваютъ, что у васъ были сношенія. Для меня это ясно. Они еще не рѣшаются... Ахъ, еслибы дотянуть до завтра! Малевцынъ пріѣдетъ и увезетъ во время свадебнаго обѣда чемоданъ и васъ: я уже всѣ устроила. Андрею Антоновичу необходимо остаться. Его отъѣздъ подтвердилъ бы ихъ подозрѣнія—они, пожалуй, рѣшатся арестовать его. Конечно, это кончится въ концѣ концовъ ничѣмъ, но съ какой стати!..

— А если Малевцынъ не успѣетъ увезти бумаги и ихъ найдутъ у него?

— Вылѣзетъ!—съ какой-то легкомысленной жестокостью сказала Харитина. — Но этого не должно быть. Его не станутъ обыскивать—это ясно... Бумаги важныя: оттого-то ихъ и берегутъ! Сегодня у Забѣллы мальчишникъ: надѣюсь, они тамъ напьются. Неужели сорвется? Нѣтъ, нѣтъ!

— Гдѣ тебя носило?—спросилъ ее дома Стояновъ.

— Была у Анны Яснецовой. Ты слышалъ? Какой-то хулиганъ напугалъ ее вчера—лежитъ, и очень ей скверно.

— А что съ ней такое?—спросилъ ротмистръ, сидѣвшій со Стояновымъ за шахматами.

— Вѣдь у нея сердце не въ порядкѣ. Сейчасъ послали за докторомъ,—соврала Харитина.

Ночь прошла спокойно.

А на слѣдующій день, въ четыре часа, Харитина вѣнчалась... Въ шесть, въ разгарѣ обѣда, на которомъ присутствовало все мѣстное общество, слегка уже подвыпившее и развернувшееся во всю, изощрялись въ шуточкахъ насчетъ новобрачныхъ, во время рѣчи какого-то мелкаго движенскаго начальства о томъ, что истинный строитель въ мірѣ—не инженеръ и не архитекторъ, а женщина, ибо она внутри себя строитъ... и такъ далѣе,—Харитина вдругъ объявила, что у нея закружилась голова, и вышла въ свою комнату, изъ которой вылѣзла черезъ окно въ огромный,

славившійся по всей линіи, роскошный Стояновскій садъ, занимавшій съ парниками и оранжереями около десятины. Съ одной стороны, гдѣ онъ кончался небольшимъ обрывомъ, на краю котораго кусты отцвѣтшей и разросшейся сирени образовали что-то въ родѣ естественной бесѣдки, со скамьей въ глубинѣ, Харитина встрѣтилась, какъ было условлено, съ Малевцынымъ.

— Борисъ Павловичъ! Я въ послѣдній разъ хотѣла проститься съ вами. Вы сейчасъ уѣдете?

— Да, я все сдѣлаю, какъ вы хотите, Харитина.

— Торопитесь! Я боюсь за Анну. Ее могутъ жестоко оскорбить... Ну, что я хотѣла сказать? Боря, ахъ, я такъ безумно, безмѣрно васъ любила, такъ мучительно и страстно, да, страстно,— къ чему лгать?—но и такъ просто, по-человѣчески тоже... Ахъ, я не умѣю говорить... Ну, такъ хоть простимся тутъ въ саду, гдѣ я цѣлыми часами мечтала о вашихъ глазахъ, о вашихъ поцѣлуяхъ, но также и о вашей больной, одинокой душѣ. Вы были неправы, когда сказали мнѣ... я „потащу“ васъ... Жестокое слово, нѣтъ силъ повторить его. Нѣтъ, нѣтъ, въ ту минуту я была безкорыстна, я горѣла огнемъ, можетъ быть не очень возвышенной, но простой, человѣческой любви. Но я поняла, что все напрасно, все кончено, что вы никогда мнѣ не повѣрите. Ну, Боря, слушайте... не знаю, какъ сказать! Да ужъ все равно теперь, что бы вы обо мнѣ ни думали — вы... ужъ поцѣлуйте меня... въ послѣдній разъ—въ послѣдній разъ въ жизни. Теперь ужъ не страшно—я чужая, и кромѣ послѣдняго поцѣлуя я сама не... Вѣдь онъ ко мнѣ пришелъ съ такою вѣрою въ меня... Они тамъ... тѣ... считаютъ, что я могу быть полезной дѣлу жизни... Но я хотѣла взглянуть на тебя еще—это сильнѣе меня!

Малевцынъ рванулся къ ней съ безумною болью въ сердцѣ.

— Харитина, жизнь моя!

Изъ-подъ ея полузакрытыхъ вѣкъ покатились, какъ крупныя капли неожиданно налетѣвшаго лѣтняго дождя, тяжелыя, отчетливыя, частыя слезы. А лицо было неподвижно, какъ каменное, губы словно застыли въ холодныхъ, рѣзко очерченныхъ линіяхъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ такъ поздно узналъ я тебя, Харитина!

— Зналъ и раньше, но не вѣрилъ. Теперь, когда между нами глухая стѣна—чужая благородная душа, которую не обману—вы повѣрили.

— Харитина!

— Прощай, прощай навсегда... Уходи, моя любовь, моя лучшая сладкая мечта! Ужъ никогда не буду я больше любить такъ, какъ васъ любила. Будетъ моя любовь, можетъ быть, лучше,

чище, но блѣднѣе—и это хорошо. Такихъ порывовъ не выдержитъ ни одна душа. Это была тяжелая болѣзнь, говоритъ Алеша; да, болѣзнь, конечно...

— Харитина, въ тотъ вечеръ, когда ты все такъ неожиданно рѣшила...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не говори!.. Да, вспомните, чего вы боялись—вѣдь это правда все; все это было и осталось—какая семья была бы наша? Вдвоемъ что мы сдѣлали бы изъ жизни? Болѣзнь! Это слово врѣзалось мнѣ въ душу. Нѣтъ, нѣтъ, не надо мертворожденнаго счастья. Одинъ еще поцѣлуй—вотъ все, что намъ позволено. Прощай, забудь!

Она слабо оттолкнула его, и какъ въ тотъ знаменательный день ихъ перваго рѣшительнаго разговора, шелестъ ея платья по песку отдался въ сердцѣ Малевцына тупой болью чувства непоправимой, невознаградимой утраты.

Не больше, какъ черезъ двадцать минутъ, Анна и Малевцынъ со своимъ чемоданомъ уже ѣхали съ товарнымъ поѣздомъ на передаточную станцію въ городъ.

На Андреѣ лица не было, когда онъ отпускалъ Анну; онъ чувствовалъ себя запертымъ въ какую-то ловушку, и молчаливое бѣшенство грызло его, и онъ рвалъ и металъ, и готовъ былъ на самые необдуманные порывы.

И Анна цѣлые часы успокаивала его нѣжными словами, какъ ребенка, держа въ рукахъ его голову... Другого выхода не было... Онъ еще не зналъ о ея встрѣчѣ со Стояновымъ—Анна повторила ему басню о хулиганѣ, а объ ухаживаніи Стоянова старалась говорить какъ можно меньше. Она знала: скажи она,—и Андрей способенъ убить этого человѣка. Съ другой стороны, она дрожала за себя. На участкѣ противъ Стоянова въ союзѣ съ жандармами не было, въ сущности, защиты.

— Я превосходно чувствую себя,—повторяла въ сотый разъ Анна:—великолѣпно доѣду, а ты останешься здѣсь совершенно чистый—это лучшій исходъ. И мы поможемъ тѣмъ...

— Да въ чемъ, въ сущности, дѣло?—спросилъ Малевцынъ, зайдя къ нимъ за пять минутъ до поѣзда, съ перекошеннымъ отъ страданія лицомъ.—Развѣ вы не видите, что вамъ уже просто некуда податься?

Дорогой Анна почти не видѣла его. Устроивъ ее въ петербургскомъ поѣздѣ, въ купэ, онъ явился къ ней только на слѣдующій день къ вечеру, передъ самымъ Петербургомъ.

На вокзалѣ Малевцынъ вдругъ сказалъ:

— А куда же я васъ, собственно говоря, дѣну? Въ гостинницу вѣдь нельзя безъ паспорта.

Они посмотрѣли другъ на друга. Въ суетѣ этихъ послѣднихъ горячечныхъ дней никому изъ нихъ не пришло въ голову этой простой мысли.

— Мой опекунъ въ Финляндіи, на дачѣ, — слабо сказала Анна.

— Ко мнѣ тоже нельзя. При моей репутаціи... Эврика! Заѣдемъ къ Медвѣдеву; у него тутъ сестра замужемъ, въ Павловскѣ лѣтомъ живетъ,—еще поспѣете на послѣдній поѣздъ; у нея вамъ будетъ хорошо.

X.

Финалъ этой исторіи, спустя мѣсяцъ, разыгрался въ кабинетѣ Медвѣдева.

— Ну, Андрей Антоновичъ,—говорилъ Иванъ Павловичъ,— какъ же это вы влопались въ такую исторію со Стояновымъ? Вѣдь онъ послалъ на васъ форменный доносъ начальнику дороги. Говорятъ, вы его чуть не воромъ во всеуслышаніе обозвали! Нужно же имѣть нѣкоторую выдержку.

— Онъ и есть воръ и послѣдній негодяй!

— Эге, голубчикъ, подумаешь, какую вывезъ изъ Раздѣвальной новость! А вы его поймайте на воровствѣ — вотъ мы вамъ будемъ благодарны. А крикомъ вы ничего не возьмете.

— Пошлите ревизора.

— Да эти героическія средства мнѣ и безъ васъ извѣстны. Еслибы это отъ меня зависѣло! Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя. Задрались со всѣмъ участкомъ, а главное—съ жандармами. Ну, хорошо, мнѣ удалось васъ выцарапать и даже выхлопотать вамъ самостоятельный участокъ, но будьте же осторожнѣе.

— Не усижу я на участкѣ, Иванъ Павловичъ.

— Ну, ну, голубушка, глупости! Вы теперь крещеніе приняли—будете тактичнѣе, а кромѣ того, въ качествѣ начальника участка, вамъ будетъ легче. Но скажите — въ этомъ вашемъ столкновеніи съ жандармами чѣмъ-то даже какъ будто политическимъ пахло?

Андрей замедлилъ отвѣтомъ.

— Вотъ этого именно еще недоставало! — воскликнулъ съ изумленіемъ Медвѣдевъ.

— Успокойтесь, Иванъ Павловичъ, пока я еще не „политическій“, какъ это у васъ принято тутъ называть, но не ру-

чаюсь, что не превращусь въ политическаго, можетъ быть, даже завтра. Нельзя жить при такихъ условіяхъ, нельзя. Охъ, не мѣшаетъ хорошенько встряхнуть за шиворотъ это безстыдное, безнаказанное палачество, называемое желѣзнодорожнымъ міромъ!

— Ахъ, отцы святые!—сказалъ Медвѣдевъ, зажимая уши.— Нѣтъ, ужъ вы мнѣ, пожалуйста, не говорите такихъ вещей даже въ частномъ разговорѣ. Анархію, что-ли, вы собираетесь заводить на участкѣ?

— Не безпокойтесь... это сдѣлается и безъ меня. Перестроится жизнь и на желѣзнодорожномъ участкѣ... Заведется, охъ, заведется, и уже заводится—не анархія, конечно, а свободный, наконецъ, человѣкъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, съ уваженіемъ, съ любовью къ себѣ, къ своей даромъ сгорающей жизни, къ своей безъ цѣли увядающей со всѣми неопознанными сокровищами чувства и мысли душѣ, къ своему поруганному, оплеванному, разрушенному тысячью медленныхъ пытокъ тѣлу. Уже довелось и мнѣ посмотрѣть въ лицо этому человѣку,— жаль—мелькомъ, но онъ понравился мнѣ. И это хорошо, что я его увидѣлъ. Видите ли,—много еще падетъ раздавленныхъ между двумя плотно сдвигающимися, при малѣйшей попыткѣ раздвинуть ихъ шире, стѣнами... двумя, одинаково увязшими въ прошломъ рабствѣ, преградами для всякаго полета сильнаго, смѣлаго духа: господствующихъ—узкихъ, идіотски-жадныхъ и грязныхъ и нахальныхъ передъ безсильемъ и безвольемъ; и подчиненныхъ—дѣтски-безпомощныхъ, растерянныхъ, подавленныхъ и невѣдущихъ... Были минуты, я доходилъ до того, что начиналъ спрашивать себя: да, полно — дѣйствительно ли мы на порогѣ обновленной жизни, или это—только прекрасная, неосуществимая сказка?

— Всѣ мы прошли, въ свое время, черезъ это,—сказалъ Медвѣдевъ,—однако, вотъ, живемъ...

— Спасибо за такую перспективу! Я отвѣчу вамъ, Иванъ Павловичъ, какъ орелъ изъ дѣтской басни: не стоитъ питаться мертвечиной, борясь за эту пошлую, чуть теплющуюся жизнь. Но вы не дослушали меня... Я успѣлъ понять, что не въ сказкѣ, а наяву — она уже не теплится, а пылаетъ. Да, да... Вотъ я и раздумываю: брать ли мнѣ участокъ... Жизнь слишкомъ размѣнивается...

— Да вы съ ума, что-ли, спятили, молодой человѣкъ? — сказалъ Иванъ Павловичъ.—Что же вы будете дѣлать?

— Да и жена...—произнесъ съ тоской Яснецовъ.

Медвѣдевъ вспомнилъ хрупкую, нѣжную Анну, одну изъ

тѣхъ женственныхъ, кроткихъ, уже сходящихъ со сцены жизни натуръ.

— Да, да, жизнь—не легкое дѣло, голубчикъ, — помолчавъ съ минуту, заговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ. — Аннѣ Львовнѣ необходимо отдохнуть—ну, вотъ, я вамъ устрою шестинедѣльный отпускъ,—увезите ее куда-нибудь на югъ, въ какой-нибудь заброшенный уголокъ Крыма! Пусть подышетъ моремъ, солнцемъ и розами. Это—увы!—все, что мы можемъ для нея сдѣлать,—подлечить немного слишкомъ разбереженныя раны.— Такія, какъ Анна Львовна, къ сожалѣнію не могутъ ни ожесточиться, ни закалиться въ страданіи. А жизнь пошла жестокая.

Яснецовъ отвернулся и, прислонившись лбомъ къ стеклу, вынулъ украдкой платокъ изъ кармана...

— Ну, ну, голубчикъ! — ласково, почти нѣжно заговорилъ опять Медвѣдевъ, незамѣтно оглянувшись на него.—Вѣдь ужъ и такъ трагично нельзя смотрѣть на вещи. Ну, скажите сами, способны вы вернуться на покой въ управленіе?

— Нѣтъ, конечно!—отвѣтилъ Яснецовъ своимъ глуховатымъ голосомъ.—Объ этомъ не можетъ и рѣчи быть... Ужъ я достаточно отравился этой, насыщенной страданіемъ и враждой, атмосферой протеста. Я самъ также оплеванъ, оскорбленъ и униженъ; съ какой же стати стану я кланяться занесенной надо мною палкѣ? Нѣтъ ужъ, будь что будетъ, а я хоть съ голыми руками, да полѣзу на нее, пробиваясь ближе къ огню своихъ надеждъ. Это ясно мнѣ. И все, что вышло — къ лучшему. Одно мнѣ горько, что эта грязь, дрязги которой, разъѣдающія плоть и духъ, запятнали случайно душу Анны, ужъ никогда не смоются съ нея — вотъ въ чемъ дѣло: она не забудетъ; ничто не выжжетъ изъ ея души того, что она видѣла, и впередъ она пойдетъ, оглядываясь на прошлое. А это мучительно и не нужно.

— Плохо то, что мы съ нею, милѣйшій Андрей Антоновичъ, застряли въ прошломъ вѣкѣ — вотъ весь мой отвѣтъ на это; настоящее положеніе дѣлъ требуетъ сердецъ изъ стали.

— Я-то люблю ее такой, какова она есть, и ужъ вѣрно не пожелалъ бы рядомъ съ собою женщины съ сердцемъ изъ стали.

— Кто говоритъ! Да, видно, насъ не спрашиваютъ, Андрюша,— отозвался Медвѣдевъ, впервые называя молодого человѣка этимъ именемъ, въ которомъ послышалась почти отеческая нѣжность.— Есть вещи, передъ которыми безсильна наша воля. А вы старайтесь какъ-нибудь отнять у Молоха эту жертву; создайте для Анны Львовны надежную стѣну, чтобы закрыть отъ нея хоть на время весь этотъ мутный колейдоскопъ, называемый совре-

менной дѣйствительностью — семью, что-ли, исключительную личную жизнь.

— Эхъ, Иванъ Павловичъ, падаютъ нынче самыя надежныя, казалось бы, стѣны. Изъ семьи и личной жизни не сдѣлаешь тоже тюрьмы. Попала и моя Анна въ лавину. Не вырвать мнѣ ее теперь уже изъ этого бѣшенаго потока.—Когда прикажете явиться сдать бумаги?

— Да такъ, черезъ недѣльку... Ну, до свиданья, до свиданья, голубчикъ. Какъ-нибудь все обойдется еще, быть можетъ...

Андрей взялъ со стола портфель и, молча пожавъ ему руку, вышелъ.

Медвѣдевъ откинулся назадъ въ свое удобное спокойное кресло и, машинально вертя передъ собою шнурокъ pince-nez, глубоко задумался. Онъ не слышалъ, какъ шумѣли въ корридорѣ, какъ входилъ и выходилъ сторожъ, унесшій у него изъ-подъ носу стаканъ невыпитаго холоднаго чаю.

— Иванъ Павловичъ, ихъ превосходительство начальникъ дороги васъ просятъ къ себѣ,—упорно, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ пытался втолковать ему курьеръ.

— Что, что такое?—спросилъ, наконецъ, Медвѣдевъ, какъ бы проснувшись, и понявъ, въ чемъ дѣло, болѣзненно сморщился.

— Доложи, что я уже ушелъ.

— Никакъ невозможно: ихъ превосходительство видѣли только-что вашу лошадь у подъѣзда.

— Э, отвяжись, братецъ! — къ величайшему изумленію курьера, готоваго, казалось, обратиться въ колоссальный вопросительный знакъ,—равнодушно промолвилъ Медвѣдевъ, и, захвативъ, не оборачиваясь, съ окна фуражку, направился къ выходу своими обычными, грузными, шлепающими шагами.

Н. Зоричъ.

„СЛѢПЫЕ ВОЖДИ“...

ОЧЕРКЪ.

„Слѣпые вожди слѣпыхъ, а если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму“ (Матѳ., 15).

„Слѣпые вожди“—таково заглавіе книги [1]), авторъ которой, профессоръ церковной исторіи въ московскомъ университетѣ, А. П. Лебедевъ—извѣстенъ какъ знатокъ церковной жизни. Его многочисленныя сочиненія по исторіи церкви читаются съ большимъ интересомъ и большою публикою, начиная съ его докторской диссертаціи о вселенскихъ соборахъ. Одинъ любитель рѣшительныхъ мѣръ, въ 80-хъ годахъ, когда начались репрессіи, легшія тяжелымъ гнетомъ на только-что начавшуюся у насъ науку церковнаго права, указывая на эту диссертацію въ печати, взывалъ къ карающимъ властямъ: „обуздайте его“... „Но никакой синій мундиръ и никакой синій клобукъ,—пишетъ авторъ „Слѣпыхъ вождей“,—не отозвался на зовъ непрошеннаго охранителя православія“. Сочиненіе это не было изъято изъ обращенія. Запрещено было лишь давать читать эту диссертацію семинаристамъ.

„Слѣпые вожди“—крайне любопытная и поучительная книга переживаемаго нами времени переоцѣнки всѣхъ цѣнностей въ сферѣ общественной жизни. Она также очень своевременно появилась въ свѣтъ въ виду ожидаемаго всероссійскаго собора, на который многіе возлагаютъ большія надежды въ смыслѣ улуч-

[1]) „Слѣпые вожди“. — Четыре момента въ исторической жизни церкви. Профессора А. П. Лебедева. Москва. 1907 г.

шенія церковныхъ дѣлъ. Профессоръ Лебедевъ въ этомъ отношеніи не принадлежитъ къ оптимистамъ, и, намъ кажется, по совершенно основательнымъ соображеніямъ.

„Высшею церковною властью для дѣятельности этого собора—пишетъ онъ—указаны такія задачи, которыя не принадлежатъ къ *центру* (курсивъ нашъ) церковной жизни, а касаются лишь ея *периферіи*, внѣшней стороны. Во всякомъ случаѣ, было бы очень благодѣтельно для церкви, если этотъ или ближайшій къ нему по времени русскій церковный соборъ ввелъ бы избраніе архіереевъ путемъ народнаго голосованія, точно и разумно урегулированнаго. Это, безъ сомнѣнія, повело бы къ сближенію и установленію болѣе теплыхъ отношеній между епископомъ и его подчиненными.

„Конечно, избраніе епископа народомъ не есть панацея въ отношеніи къ церковнымъ болѣзнямъ. Но съ этого, безъ сомнѣнія, нужно начать церковную реформу въ Россіи. Это избраніе должно положить начало серьезному контролю общества, т.-е. духовенства и вѣрующихъ, надъ архіереями, нерѣдко забывающими въ настоящее время, что они существуютъ для служенія церкви. Но этого одного мало. Нужно, чтобы наши архіереи всегда, т.-е. и по избраніи ихъ голосомъ общественнымъ, оставались подъ бдительнымъ контролемъ народа и духовенства своей епархіи. Нужно, чтобы архіереи помнили и знали, что въ случаѣ, если они перестанутъ отвѣчать своему назначенію, они могутъ лишиться своей каѳедры, какъ и всякій другой общественный дѣятель".

Но, разсуждая такъ, авторъ вовсе не требуетъ чего-либо необыкновеннаго, введенія какого-либо новшества. По его словамъ, церковная исторія показываетъ, что подобнаго рода контроль былъ извѣстенъ въ древности. Въ доказательство авторъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ своего предшествующаго труда: „Духовенство древней церкви". Въ I-мъ и II-мъ вѣкахъ мы встрѣчаемъ не только пресвитеровъ, но и епископовъ, лишившихся своихъ должностей, какъ скоро они впадали въ немилость у управляемаго ими народа по „неработоспособности" и „лѣности", по „нерадѣнію", по „отчужденности"...

Авторъ „Слѣпыхъ вождей" въ началѣ своего труда задаетъ вопросъ о томъ, какъ нужно смотрѣть на тѣ болѣзненныя проявленія, на тѣ недостатки, которые обнаружились у насъ въ настоящее время въ положеніи дѣлъ церковныхъ? Они не есть—по мнѣнію автора — только продуктъ тѣхъ исключительно неблагопріятныхъ условій, благодаря которымъ церковь дошла до

такого печальнаго положенія, какъ думаетъ большинство публики, не обладающее церковно-историческими свѣдѣніями. Исторія показываетъ, что церковь сама неоднократно принималась къ леченію своихъ болѣзней, подвергая себя самоанализу съ цѣлью искоренить вкравшіеся недостатки.

Въ своемъ трудѣ проф. Лебедевъ останавливаетъ вниманіе читателя на четырехъ моментахъ такого самоанализа.

I.

Начинаетъ авторъ свою рѣчь издалека, съ первыхъ моментовъ, съ первыхъ шаговъ христіанства. Здѣсь онъ превосходно иллюстрируетъ книжниковъ и фарисеевъ,—которыхъ Христосъ называетъ „слѣпыми“ вождями, но все же—вождями. Они возсѣдали на каѳедрахъ съ большимъ сознаніемъ своего достоинства, почитая себя учителями народа. Но Христосъ даетъ уразумѣть, что на самомъ дѣлѣ они заняли это мѣсто безъ всякихъ правъ, путемъ беззастѣнчивой „узурпаціи“. Всѣ дѣла они дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди. Они расширяютъ хранилища (по-гречески филактеріи) и увеличиваютъ воскрилія одеждъ своихъ.

Эти филактеріи и воскрилія—замѣчаетъ мимоходомъ авторъ—въ мысли невольно сближаются съ нашими монашескими клобуками и мантіями, этими внѣшними отличіями монаховъ отъ остальныхъ смертныхъ.

Не къ лицу книжникамъ были и другіе ихъ навыки и пристрастія. Они любили „предвозлежанія“ на пиршествахъ и „предсѣданія“ въ синагогахъ. Это славолюбіе—говоритъ Златоустъ—сводило ихъ съ ума. „Горе вамъ,—возглашаетъ Христосъ,—книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ; ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете“... „Берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемѣріе“, нерѣдко внушалъ Христосъ. Любопытно, что еврейскій талмудъ даже женамъ фарисеевъ приписываетъ лицемѣріе: „жена фарисея, играя роль благотворительницы, въ тиши же приготовляетъ бѣдствіе“. Они поѣдали дома вдовъ. „Были обманщиками, смѣявшимися надъ простодушными людьми, и потому прямо обирали ихъ“ (Бл. Ѳеофилактъ). Христосъ ставитъ имъ въ укоръ, и справедливо—говоритъ авторъ — „лицемѣрныя ихъ долгія молитвы“. Слишкомъ длинная молитва, какую любили фарисеи, есть принадлежность культа идолопоклонническаго. „Какъ бы назвалъ Христосъ нашу современную молитву, переполненную многосло-

віемъ?"—спрашиваетъ авторъ [1]). Этого мало: молитва фарисейская прямо была карикатурна (Лук. 18, 10—12). Фарисеи были безмѣрно требовательны въ вопросахъ о пищѣ и питаніи. „Это были—замѣчаетъ авторъ—какіе-то необузданные критиканы, въ родѣ нашихъ необразованныхъ монаховъ".

Религіозно-умственный кругозоръ книжниковъ и фарисеевъ былъ ограниченный и низменный.

Обличая ихъ, Христосъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеймить ихъ жестокость, бездушіе, лицемѣріе и ханжество. Онъ уподобилъ ихъ „окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты". Они „слѣпы, безумны, эхидны. Ихъ отецъ—діаволъ".

Любопытная подробность. Въ эпоху переоцѣнки дореформеннаго крѣпостного быта послѣ Севастопольскаго погрома, когда въ обществѣ заговорили о необходимости коренныхъ реформъ въ нашей государственно-общественной жизни, извѣстный протоіерей гор. Калязина Беллюстинъ составилъ записку о нашемъ сельскомъ духовенствѣ и произвелъ „самоанализъ" церковный. По условіямъ цензурнымъ, трудъ этотъ могъ быть напечатанъ только за границею, въ Парижѣ, въ 1858 году. Оттуда онъ контрабандно, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, распространенъ былъ въ большомъ количествѣ и у насъ среди интеллигентныхъ читателей.

Всѣ, кто знакомъ съ трудомъ Беллюстина, согласятся съ тѣмъ, что онъ представляетъ собою колкую и рѣзкую правду о

[1]) Профессоръ с.-петербургской духовной академіи Ник. Ник. Глубоковскій, въ недавно вышедшей книгѣ „По вопросамъ духовной школы и объ учебномъ комитетѣ при св. Синодѣ", указывая на существующія церковныя настроенія, приводитъ практиковавшійся при бывшемъ товарищѣ оберъ-прокурора В. К. Саблерѣ такой случай игры церковною службою, гдѣ ее, по волѣ „слѣпыхъ вождей", то затягиваютъ на три часа, то сокращаютъ до ¾ часа, смотря по присутствію или отсутствію высокопоставленнаго лица изъ Петербурга. „Нѣкоторые духовно-педагогическіе начальники—разсказываетъ проф Глубоковскій—иногда прямо тиранили училищныхъ малышей ежедневными церковными службами передъ началомъ уроковъ и, конечно, съ успѣхомъ воспитывали измлада *нелюбіе* къ храму въ духовномъ юношествѣ. Тутъ была хоть ревность не по разуму, но случалось и хуже, когда ради симпатіи чиновнаго синодскаго повелителя всенощныя въ столичной семинаріи затягивались чуть не на три часа, а въ его отсутствіе сокращались до минутныхъ измѣреній. Однажды вышло такъ, что разъ этотъ синодскій властитель нагрянулъ въ неурочную субботу, желая похвалиться передъ своимъ московскимъ соратникомъ (кн. Ширинскій-Шихматовъ), гордившимся истовой уставностью Успенскаго собора. Между тѣмъ оказалось, что еще въ седьмомъ часу высокіе посѣтители уже пришли къ „Утверди Боже" (т.-е. къ концу). Ректоръ неожиданно получилъ оскорбительный реприманъ"...

современныхъ и прежнихъ нашихъ „вождяхъ“ народа, которые „уклонялись — по словамъ автора — отъ своего истиннаго пути и образа великаго архіерея и первосвященника Христа, Который не только не заставлялъ никого пресмыкаться передъ Нимъ, но всѣмъ говорилъ и особенно апостоламъ, что Онъ пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но чтобы всѣмъ послужить, и что въ христіанской церкви кто первый, тотъ да будетъ всѣмъ слуга“.

Протоіерей Шёвницкій, авторъ любопытныхъ записокъ, напечатанныхъ имъ въ „Русской Старинѣ“ за 1905 г., вспоминая о 60-хъ годахъ, удостовѣряетъ, что Александръ II, прочитавъ „записку“ Беллюстина, не нашелъ, какъ говорили тогда, никакой хулы на церковь, и затѣмъ,—вотъ что особенно замѣчательно,—приказалъ секретнымъ порядкомъ разослать по экземпляру этой книги каждому архіерею съ наказомъ: „имѣть ее у себя, какъ книгу настольную“. А въ этой книгѣ Беллюстинъ, на основаніи собраннаго имъ, строго провѣреннаго, матеріала, часто называетъ нѣкоторыхъ архіереевъ русской церкви „*книжниками и фарисеями*, возсѣдающими на Моисеевомъ сѣдалищѣ“, а то и „*Макіавелями и сатрапами въ рясахъ*“, у которыхъ одинъ принципъ: „Pereat ecclesia, fiat nostra voluntas“, т.-е. пусть гибнетъ церковь, лишь бы исполнялась наша воля.

II.

Второй историческій моментъ оцѣнки церкви самой себя авторъ книги „Слѣпые вожди“ сосредоточиваетъ на цвѣтущей эпохѣ византійской жизни второй половины IV-го вѣка, которую историки признаютъ „одною изъ самыхъ выдающихся по своему внѣшнему блеску и значенію“. И, тѣмъ не менѣе, Григорій Богословъ, видный и наблюдательный отецъ церкви того времени, не обинуясь, называетъ эту эпоху — временемъ „епископскаго омраченія“. Онъ приписываетъ „вождямъ“ церкви „гнѣвъ, презорство (наглость), взаимную зависть, двоедушіе, тщеславіе и страсть къ богатству“. У византійскихъ епископовъ „одно только мірское превозмогаетъ надъ духомъ“, они „пасутъ самихъ себя, а не овецъ“. Имъ очень нравилось, чтобы ихъ „встрѣчали и принимали съ подобострастіемъ, чтобы всѣ давали имъ дорогу и разступались передъ ними, лишь только издали увидятъ ихъ грядущихъ“. Они знали толкъ и любили „мягкія одежды“. Какъ хорошіе гастрономы, они отдавали должное „поварскимъ, искусно при-

готовленнымъ снѣдямъ", цѣнили роскошныя трапезы и держали патентованныхъ поваровъ. Чаще всего между ними встрѣчались „всегдашніе слуги человѣческаго могущества"... „Смотря по обстоятельствамъ, какъ трость колеблемая вѣтромъ, они склоняются „туда и сюда", и подаютъ не врачество, но образецъ всякаго порока". Епископы старались соблюдать внѣшній декорумъ, „носили, по выраженію Григорія Богослова, кожу могущественнаго, царственнаго льва".

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти „епископскія омраченія", какія-то „смрадныя дѣла" византійскихъ епископовъ, человѣкоугодничество, расхищеніе церковныхъ денегъ, сребролюбіе, погоня за земными выгодами, чванство и тщеславіе, пристрастіе къ „первосѣданіямъ" и льстивымъ привѣтамъ, лицемѣріе, ярко возродились, какъ увидимъ, мѣстами и въ нашей церкви, начиная съ царствованія Николая I,—что, между прочимъ, подтверждается архивными данными, собранными покойнымъ церковнымъ писателемъ М. Я. Морошкинымъ. Только въ настоящее время этотъ матеріалъ увидѣлъ свѣтъ и далъ возможность автору „Слѣпыхъ вождей" представить яркую картину образа жизни и дѣятельности не кого другого, какъ именно „вождей" церкви. Портреты архіереевъ тѣхъ временъ рисуются въ обширномъ трудѣ Морошкина во весь ростъ, съ указаніемъ многихъ недостатковъ въ ихъ жизни, недостатковъ, оффиціально засвидѣтельствованныхъ. Странно одно,—замѣчаетъ проф. Лебедевъ,—богословская литература прошла молчаніемъ это замѣчательное твореніе. Намъ думается,—по очень простой причинѣ: „Боятся, какъ бы гусей не раздразнить", а можетъ быть, и по цензурнымъ соображеніямъ.

III.

Третій моментъ въ книгѣ „Слѣпые вожди" переноситъ насъ къ положенію дѣлъ церковныхъ во времена царствованія Петра I, когда, по словамъ преобразователя, въ церковныхъ дѣлахъ обнаружилось много „нестроенія", и „великой въ дѣлахъ его скудости". Когда русскіе вожди церкви впали въ „спѣсь" — эту характерную черту „епископскаго омраченія"—и въ послѣдующее время.

„Выступая въ качествѣ проповѣдниковъ, нѣкоторые епископы", безъ сомнѣнія, — говоритъ авторъ, — въ силу той же спѣси, которая имъ свойственна, „желали слышать со стороны своихъ пасомыхъ лишь похвалы своему ораторству". И это въ

такое время „нестроенія“ церковнаго, когда „не всякъ епископъ можетъ чистое слово сложить“. Даже патріархъ вызывалъ, и со стороны свѣтскаго общества, и со стороны духовенства, нареканія и упреки въ невѣжествѣ; „не отличая обряда отъ догмата, формы отъ сущности“, онъ требовалъ перекрещивать крещенныхъ черезъ „обливаніе“, объявлялъ „бритье бороды — искаженіемъ образа Божія въ человѣкѣ“ и пр. (Рункевичъ). Кромѣ того, среди архіереевъ встрѣчались тогда и такія лица, которыя, не безъ основанія, терпѣли обвиненіе въ лихоимствѣ, потворствѣ и неправдѣ, дозволяли себѣ собственноручно расправу съ членами клира и т. д. По замѣчанію одного писателя нашего времени, „духовенство и міряне той эпохи старались превзойти другъ друга не умомъ и добродѣтелями христіанской жизни, а пороками“ (проф. И. Покровскій).

Характеристику духа того времени — пишетъ нашъ авторъ — можно найти у Ѳеофана Прокоповича въ его проповѣди въ день открытія синода. Онъ отмѣчаетъ странную самоувѣренность, господствовавшую тогда и выражавшуюся въ афоризмахъ: „у насъ, слава Богу, все хорошо“, или: „здоровые не требуютъ врача“, а между тѣмъ „все хорошее“, „все здоровье“ исчерпывалось, по словамъ проповѣдника, тѣмъ, что „слѣпые водили слѣпыхъ“. Все это напоминаетъ и болѣе позднее время, и болѣе поздніе дни.

Такіе нестроенія, пороки, огрубѣніе, суевѣріе, „ревнованіе о вельми жестокой славѣ“, чуть ли не претендующей на честь, „равную царской“, „земные поклоны отъ подчиненной братіи“, которая „стлалась на землю“, страшный упадокъ нравственности, — все это выяснено въ знаменитомъ „Духовномъ Регламентѣ“, составленномъ не менѣе знаменитымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, бывшимъ правою рукою Преобразователя Россіи въ дѣлахъ церковныхъ. Въ „Регламентѣ“ съ особенной настойчивостью архіереи приглашаются къ „смиренію“, ихъ предостерегаетъ этотъ законодательный памятникъ противъ „высокомѣрія и самомнѣнія“.

Регламентъ Духовный — говоритъ авторъ „Слѣпыхъ вождей“ — остается тѣмъ зеркаломъ, въ которое должна смотрѣться наша церковь, чтобы знать — „по одеждѣ ли она“. Онъ до сихъ поръ считается руководствомъ для высшаго духовенства и прочихъ пастырей нашей церкви. Но, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія автора, имъ руководствуются не всѣ „вожди“ церкви. „Регламентъ“ остается книгой почти запечатанною для иныхъ архіереевъ. Въ этой книгѣ они мало находятъ для себя обязательныхъ правилъ.

IV.

Послѣдній, четвертый моментъ исторической жизни церкви рисуетъ картину интеллектуально-моральнаго состоянія епископата у насъ на Руси, начиная съ царствованія Николая I и до болѣе поздняго времени.

Въ этотъ періодъ злоупотребленія властью „слѣпыхъ вождей", ихъ „спѣсь", пороки, иногда прямо свидѣтельствующіе о безуміи властей, роскошь жизни, сластолюбіе, достигли своего апогея, включительно до „землепоклоненія", несмотря на прямое запрещеніе его „Регламентомъ". Авторъ приводитъ такіе примѣры. Никаноръ, профессоръ петербургской академіи, впослѣдствіи преосвященный, падалъ ницъ передъ своимъ же сотоварищемъ по службѣ, ректоромъ Макаріемъ Булгаковымъ, впослѣдствіи митрополитомъ московскимъ. „Это уже — какъ замѣчаетъ авторъ—что-то напоминаетъ сны ветхозавѣтнаго Іосифа". Впрочемъ, онъ тутъ же замѣчаетъ, что это „распространеніе на землѣ" было въ одинъ и тотъ же разъ не однократнымъ, а многократнымъ. Земное поклоненіе ото всѣхъ лицъ духовныхъ, за исключеніемъ, однако, архіереевъ, всегда принималъ и московскій митрополитъ Филаретъ. Относительно Филарета это было—думаетъ авторъ—„не столько низкопоклонствомъ, сколько, кажется, данью величія этому святителю".

Въ описываемый періодъ непріятно поражаетъ кардинальная пышность двора одного изъ прежнихъ петербургскихъ митрополитовъ, его надменность въ обращеніи съ подчиненными, недопустимая презрительность, слишкомъ явно высказываемая ко всему, что стояло ниже его. Когда этому митрополиту по одному дѣлу заявлено было несогласіе съ нимъ и просьба внести дѣло въ синодъ, то онъ возразилъ: „А ты забылъ, что я состою президентомъ св. синода"?

Этотъ же митрополитъ былъ крайне, даже по тому времени, чревоугоденъ. Онъ любилъ жить на широкую ногу, заказывалъ всегда такой большой списокъ обѣденныхъ блюдъ, что кушанья хватило бы чуть ли не на всю лаврскую братію.

Примѣру подобныхъ митрополитовъ—удостовѣряетъ авторъ—слѣдовали архіереи и епископы ихъ времени.

Подвиги епископа Иринея Нестеровича, умершаго въ 1864 г., свидѣтельствуютъ о совершенномъ его презрѣніи къ правамъ другихъ и раздражительность, доходящую до „ярости". Онъ позво-

лялъ себѣ кричать въ церкви во время совершенія литургіи. Такъ, разъ онъ обратился въ присутствіи всѣхъ съ такими словами къ ректору семинаріи:

„Что ты много о себѣ-то думаешь, будто ты много знаешь иностранныхъ языковъ. Митридатъ-то больше тебя зналъ, а убилъ свою родную мать“.

Онъ бранился во время богослуженія, съ подчиненными обращался сурово, награждалъ и казнилъ ихъ безъ суда и причины.

Городскому благочинному, въ случаѣ архіерейскаго служенія въ соборѣ, Ириней приказывалъ встрѣчать себя на срединѣ дороги, при чемъ благочинный долженъ былъ стоять здѣсь не менѣе получаса и притомъ въ легкой одеждѣ, несмотря на самые жестокіе морозы (а дѣло было въ Восточной Сибири).

Богословское образованіе Николаевской эпохи носило своеобразный характеръ. Людей, дѣйствительно интересовавшихся наукою, было очень мало. Высшая духовная власть равнодушно смотрѣла на это дѣло. Для нея эта наука представлялась не потребностью, а какимъ-то украшеніемъ, которое нужно было лишь для того, чтобы со стороны казалось, что въ церковномъ вѣдомствѣ есть и поощряется наука. Поэтому богословская наука у насъ,—говоритъ авторъ,—въ отличіе отъ западной—была „мертвечиной“.

Профессура въ то время „мало чѣмъ отличалась отъ кабалы“.

Это все было въ отдаленныя отъ насъ времена Николая I. Но и позднѣе, въ пореформенное время, въ 80-хъ годахъ, положеніе богословской науки было немногимъ лучше. При К. П. Побѣдоносцевѣ издана была инструкція, что „можно и какъ должно писать магистерскія и докторскія диссертаціи“. Особенно преслѣдовались сочиненія профессоровъ московской академіи, которую синодъ считалъ даже „нигилистической“, о чемъ Побѣдоносцевъ и высказалъ московскому митрополиту Іоанникію. На это послѣдній только одно и нашелся сказать: „Ну, такъ закройте ее“.

А въ это-то именно время и началась въ этой академіи научная разработка. Появились труды Н. Ѳ. Каптерева, И. Г. Троицкаго, Ф. А. Терновскаго, Будрина и др. Мы не говоримъ уже о классическомъ трудѣ по исторіи церкви проф. Голубинскаго.

Профессоръ Каптеревъ за сочиненіе свое: „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII вѣкахъ“, удостоенъ былъ высшей преміи Академіи Наукъ. А за это же

сочиненіе онъ не только не удостоенъ былъ докторской степени, а долженъ былъ написать новое сочиненіе, чтобы получить степень доктора, — „очень слабое, по словамъ проф. Лебедева, но выгодно отличавшееся отъ перваго, хорошаго его труда лишь тѣмъ, что оно, по суду синода, было вполнѣ православно".

Самъ авторъ „Слѣпыхъ вождей", какъ упомянуто выше, тоже подвергся прещенію и упрекамъ за то, что, „изучая исторію вселенскихъ соборовъ, высказалъ такія еретическія мысли, что вселенскіе соборы въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ подчинялись вліянію то той, то другой богословской школы, смотря по тому, какая изъ нихъ одерживала перевѣсъ между представителями собора", а между тѣмъ, онъ высказалъ совершенно правильно научную истину.

Но какое дѣло до истины, хотя бы и богословской, „слѣпымъ вождямъ"! „Никто такъ не боится стремленія къ истинѣ,— пишетъ проф. Н. К. Никольскій, („Къ вопросу о церковной реформѣ". „Христіанское Чтеніе", 1906 г.), „какъ представители церкви". „Православіемъ они признаютъ государственно-національную религію; истиною они называютъ то, что̀ согласно съ ихъ міровоззрѣніемъ"... „Но вѣдь православіе,—протестуетъ тотъ же авторъ,—какъ пониманіе христіанства, можетъ быть пріемлемо только въ той мѣрѣ, въ какой оно есть истина. Если же православіе—ложь, оно ни для кого не обязательно".

На автора „Слѣпыхъ вождей" уже въ наши дни, въ 1905 г., сдѣланъ былъ доносъ синоду (это напечатано въ „Церк. Вѣдом." 1906, № 8), а именно, что проф. Лебедевъ—опасный либералъ, совмѣстно съ философами Вл. С. Соловьевымъ и кн. С. Н. Трубецкимъ, такъ какъ они—послѣдователи раціоналистическаго нѣмецкаго богослова Ф. Баура. На этихъ опасныхъ мужей, по словамъ доноса, „несытымъ окомъ" взираютъ профессора духовныхъ академій, желая, очевидно, одного—уподобиться имъ въ вольнодумствѣ". Но, оказывается, школа этихъ послѣдователей („Новотюбингенцовъ") давнымъ-давно отжила свой вѣкъ и давно похоронена, уступивъ мѣсто новымъ, болѣе зрѣлымъ либеральнымъ теологическимъ направленіямъ. Почтенный вождь своеобразно понимаемаго православія стрѣляетъ, какъ оказывается, въ пустое пространство. Давно сказано: „неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству, и церкви" („Духовный Регламентъ")...

V.

Протасовъ, оберъ-прокуроръ синода, въ теченіе 20-ти лѣтъ (1836—1855) занимавшій эту отвѣтственную должность и хорошо изучившій бытовую сторону жизни „слѣпыхъ вождей“, по словамъ Морошкина, смотрѣлъ на архипастырей, „какъ на *касту*, господствующую надъ бѣлымъ духовенствомъ“.

Современный духовный писатель Н. П. Поповъ, авторъ соч. „Объ отношеніи пастыря церкви къ современнымъ движеніямъ („Богосл. Вѣстн.“ 1905, т. III), аттестуетъ архипастырей, какъ „генералитетъ въ обществѣ вѣрующихъ“. Этотъ генералитетъ отдѣлилъ себя отъ клира и народа китайской стѣной. Архипастыри никогда не сливаются со средой священнослужителей и народа и не болѣютъ ихъ нуждами...

Дошло даже до того, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ одной епархіи архипастырей прозвали „поповскою смертью“, и лѣтъ семь тому назадъ одинъ діаконъ этой епархіи отъ страха дѣйствительно повалился бездыханнымъ къ ногамъ епископа, когда послѣдній торжественно вступалъ подъ кровъ деревенской церкви.

Нельзя, при всемъ этомъ, забывать предостереженій св. Іоанна Златоуста, дѣлаемыхъ епископамъ (изъ слова: „О священствѣ“, выставленнаго эпиграфомъ въ книгѣ „Слѣпые вожди“), что „подчиненный народъ привыкъ смотрѣть на поведеніе своихъ начальниковъ, какъ на нѣкоторый образецъ, и подражать имъ. Посему грѣхи людей незначительныхъ губятъ однихъ только согрѣшающихъ, а грѣхи человѣка значительнаго и многимъ извѣстнаго наносятъ всѣмъ общій вредъ, дѣлая падшихъ еще болѣе нерадивыми о добрыхъ дѣлахъ“.

Настоящая статья была уже окончена, когда появились въ печати „Положенія“ о чрезвычайномъ соборѣ русской церкви. Срокъ созванія собора не указанъ, но есть возможность думать, что онъ состоится не позднѣе наступающаго года.

Разсматривая эти положенія, мы видимъ, что задуманный соборъ—скорѣе призывный сборъ епископовъ къ очередному слушанію дѣлъ въ синодѣ.

Всѣмъ ходомъ дѣлъ будутъ завѣдывать представители и носители высшей церковной власти—епископы. На соборъ, правда, призываются къ содѣйствію и общественныя силы въ лицѣ низ-

шаго духовенства, священниковъ и даже мірянъ, выбранныхъ отъ прихожанъ. Но участіе ихъ будетъ безъ права рѣшающаго голоса. „Клирики и міряне, приглашенные на соборъ,—гласитъ четвертое положеніе о составѣ собора, — участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ соборныхъ дѣлъ и вопросовъ, но соборныя опредѣленія и постановленія составляются и подписываются одними епископами или замѣстителями ихъ".

Міряне при выборѣ подвергаются троекратному очищенію. Сначала ихъ избираетъ приходъ въ присутствіи приходскаго священника. Избранные приходами являются на благочинническое собраніе, гдѣ священнослужители избираютъ своего представителя и мірянина. А такъ какъ священнослужителей по приходамъ больше числа послѣднихъ, то міряне всегда будутъ въ меньшинствѣ. Затѣмъ, міряне прибываютъ на епархіальное собраніе, которое избираетъ для собора трехъ священниковъ и трехъ мірянъ. Но это избраніе—не окончательное. Епископъ выбираетъ изъ нихъ избранниковъ по одному изъ каждаго разряда по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ, соборъ, хотя и выборное учрежденіе, можетъ, однако, сдѣлаться просто совѣщаніемъ епископовъ и тѣхъ духовныхъ и гражданскихъ лицъ, какихъ эти епископы назначатъ. Едва ли такой соборъ будетъ тѣмъ соборнымъ „самоанализомъ" болѣзненныхъ церковныхъ проявленій, той „чистки" церковной, какъ это дѣлали лучшіе представители церкви, о которыхъ упоминаетъ проф. Лебедевъ въ своей книгѣ „Слѣпые вожди". Между тѣмъ, мы живемъ въ такое время, когда движеніе духа живого въ нашей духовной средѣ, разъ начавшись вслѣдъ за манифестомъ 17-го октября, не прекращается; когда созрѣла уже и осуществляется въ Москвѣ мысль о насажденіи „истинной богословской науки" учрежденіемъ вольнаго богословскаго факультета. Во главѣ этого движенія сталъ профессоръ Н. Ѳ. Каптеревъ, испытавшій на себѣ самомъ вліяніе стараго режима. Это движеніе духа живого не пойдетъ на встрѣчу косности, царящей въ оффиціальномъ церковномъ мірѣ. Оно найдетъ и уже находитъ иные пути къ оживленію церкви, къ необходимой реформѣ нашего церковнаго быта.

Л. Снегиревъ.

ОРЕОЛЪ

ЭСКИЗЪ

ПО РОМАНУ БАРОНЕССЫ Ф. ГУТТЕНЪ.

„The halo", by Baroness von Hutten. London, 1907.

I.

Лордъ Кингсмидъ лежалъ на животѣ въ пригрѣтой солнцемъ травѣ у пруда съ карпами и любовался лѣнивыми движеніями рыбъ, которымъ, по словамъ старожиловъ, было около двухъ сотъ лѣтъ. Кромѣ карповъ, лордъ Кингсмидъ интересовался электричествомъ, лягушками, лакомствами, конюшенными мальчиками, музыкой, оружіемъ и многимъ другимъ. За предѣлами Кингсмида ему рисовался заманчивый, неизвѣданный міръ, и онъ намѣренъ былъ посвятить его изученію каждую минуту своей жизни. Юный аристократъ принадлежалъ къ числу любознательныхъ натуръ и не упускалъ случая обогащать свой умъ познаніями. Онъ долго мучился вопросомъ: есть ли у Фледжа—буфетчика, находившагося въ Кингсмидѣ, очевидно, съ сотворенія міра—какіенибудь зубы, или за его длинными, похожими на резинку губами, скрываются только дёсны? Сегодня онъ, наконецъ, не выдержалъ и дипломатически завелъ объ этомъ рѣчь.

— Фледжъ!

— Что̀ прикажете, милордъ?

— Кажется, вы открываете ротъ только для ѣды?

— Да, милордъ.

— Вы такъ жуёте губами... Скажите, Фледжъ, у васъ есть зубы?

На это Фледжъ отвѣтилъ, что у него осталось ихъ всего три, и лордъ успокоился.

За завтракомъ произошла непріятная сцена по поводу счета отъ портнихи сестры Бикки. Мать вела себя самымъ непріятнымъ образомъ, Бикки упорно молчала, и счетъ обсуждался на самомъ безполезномъ языкѣ въ мірѣ—на французскомъ, отъ усовершенствованія въ которомъ онъ всегда уклонялся. Лордъ Кингсмидъ обдумывалъ: чѣмъ бы ему теперь заняться, какъ вдругъ его окликнули:

— Томми!

Онъ обрадовался, увидѣвъ сестру, и вскочилъ на ноги.

Лэди Бриджетъ Мидъ была въ короткой юбкѣ, шолковой мужской блузкѣ и желтыхъ ботинкахъ, обычномъ лѣтнемъ костюмѣ молодыхъ англичанокъ, но наружность ея была не англійская: загадочное, узкое, тонкое лицо, обрамленное густыми черными волосами. Она казалась скрытною, капризною, но отличалась странною, несомнѣнною красотою. Въ лицѣ и вокругъ тонкихъ яркихъ губъ была особая игра.

Кингсмидъ съ минуту изучалъ ея лицо.

— Ты плакала?

— Да.

— Изъ за счета?

— Да, изъ за-счета, противный мальчишка! У тебя въ волосахъ червякъ.

— Пускай!.. Бикки! Сегодня къ обѣду пріѣдетъ Понтифрэктъ. Онъ опять прислалъ тебѣ цвѣты. Неужели ты за него выйдешь?

— Кажется, придется. У меня нѣтъ больше силъ.

— Это изъ-за матери? Но теперь, когда пріѣхалъ Джеральдъ, она станетъ добрѣе.

— Что ты хочешь сказать этимъ, Томми?

— Ну, да вѣдь онъ былъ другомъ отца; она поэтому и слушается его. Почему я не старше лѣтъ на девять? Я былъ бы совершеннолѣтнимъ.

— Ты хотѣлъ бы мнѣ помочь? Напрасно, милый. Мы живемъ выше средствъ, и мы чертовски бѣдны, Кингсмидъ.

Она такъ рѣдко называла его этимъ именемъ, что мальчикъ встревожился. Лэди Бриджетъ зажмурила глаза; ей вдругъ представился лордъ Понтифрэктъ, краснолицый и коротконогій.

— Неужели нѣтъ никого другого съ деньгами, Бикки? Тео Жуазель, напримѣръ?

Она разсмѣялась, и лицо ея сдѣлалось привлекательнымъ.

— Глупый мальчикъ! Онъ на три года моложе меня.

— Жаль. Я хотѣлъ бы породниться съ знаменитымъ Викторомъ Жуазелемъ. Онъ сталъ бы тогда играть для меня одного.

А насъ не отпустятъ завтра на его концертъ? Честное слово, я на твоемъ мѣстѣ вышелъ бы за Тео, для того чтобы стать невѣсткой Жуазеля!

— Онъ—нормандскій крестьянинъ и ѣстъ съ ножа. Пора домой, Томми. Подъѣхалъ моторъ: это, вѣроятно, Тео.

Они пошли рядомъ. Былъ необычайно теплый октябрьскій день; мягкій солнечный свѣтъ ласково озарялъ и молодилъ старый домъ временъ Тюдоровъ. Онъ былъ ему къ лицу, какъ отблескъ свѣчей бываетъ къ лицу отцвѣтающей красавицѣ и придаетъ иллюзію молодости ея еще миловиднымъ чертамъ.

Лэди Кингсмидъ была тѣмъ несчастнымъ существомъ, которое называется молодящеюся женщиной. Ей было сорокъ-шесть лѣтъ, а издали казалось тридцать-шесть. Ея густые волосы казались не своими — вслѣдствіе подкраски, и самое лицо ея,— вслѣдствіе массажа и подрисовки — тоже казалось не своимъ. Тѣмъ не менѣе, ее находили хорошо сохранившеюся, и она нравилась сама себѣ. Сегодня она была особенно нарядна.

— Какъ ты надушилась! — сказала Бриджетъ, когда онѣ встрѣтились въ корридорѣ.

— Ничего. Джеральдъ привезъ мнѣ эти духи изъ Парижа, они называются „Souvenir de jeunesse“ и скоро вывѣтриваются!— отвѣтила мать, смѣясь.

Джеральдъ Кэрронъ—бывшій красавецъ и сердцеѣдъ, худощавый человѣкъ съ истрепаннымъ лицомъ и усталыми глазами— всталъ при ихъ входѣ. Онъ побѣдоносно прищурился при видѣ Бриджетъ.

— Поздравляю. Вы расцвѣли на славу! Берегитесь, Тони,— обратился онъ къ лэди Кингсмидъ: — у васъ въ домѣ ростетъ соперница. У красавицы должны быть дочери-уроды.

Лэди Кингсмидъ вспыхнула подъ бѣлилами, а Бриджетъ презрительно проговорила:

— Не дразните маму, она этого не любитъ, а меня ваша похвала мало интересуетъ.

Джеральдъ поблѣднѣлъ и посмотрѣлъ ей вслѣдъ со злобною улыбкою.

Собрались гости: м-ръ и м ссъ Ньюлинъ, похожіе на птицъ, Натъ Ильвертонъ, бѣлокурый гигантъ, игрокъ съ дурной репутаціей. Бриджетъ ихъ не любила, а Джеральда откровенно ненавидѣла. Она стояла у окна и смотрѣла на освѣщенную луною лужайку. Рядомъ съ нею былъ Тео Жуазель, юношеское лицо котораго пылало отъ восторга; онъ порывисто сжалъ ея руку, когда она сказала ему нѣсколько словъ по-французски.

— Пожалуйста, говорите со мною на моемъ родномъ языкѣ. Я такъ счастливъ слышать его отъ васъ!

Онъ очень мило кокетничалъ и самъ смѣялся надъ своимъ недостаткомъ. Ей нравились его красивые темные глаза, его открытое лицо. Она стала разспрашивать его объ отцѣ. Что съ нимъ?

— Здоровъ, но страшно нервничаетъ передъ концертомъ. Это у него всегда. Я жалѣю бѣдную маму, которой приходится выносить его дурное настроеніе.

— А послѣ концерта?

— О, послѣ концерта, онъ—медъ, и сахаръ, и нектаръ, и амбрррозія!

Обѣдъ былъ очень шумный. Ньюлинъ разсказывалъ сомнительные анекдоты; Ильвертонъ по временамъ говорилъ дерзости, и лэди Бриджетъ рѣзко оборвала его. Она чувствовала себя хорошо только съ Жуазелемъ; его почтительное обожаніе поднимало ее въ собственныхъ глазахъ.

Уже къ концу обѣда на порогѣ неожиданно появился краснолицый джентльменъ, замѣшкавшійся у входа не то вслѣдствіе смущенія, не то—по причинамъ физическаго свойства: походка его была нетверда.

— Понти!

— Очень извиняюсь, Тони,—обратился лордъ Понтифрэктъ къ хозяйкѣ дома,—мой оселъ Гендриксъ протелефонировалъ не то, что надо, и я уже думалъ, что не попаду къ вамъ...

— Лучше поздно, чѣмъ никогда!—воскликнули всѣ хоромъ.

Онъ тяжело опустился на мѣсто рядомъ съ Бриджетъ и сталъ ей разсказывать, что шоферъ чуть не сломилъ имъ шею на поворотѣ. Она смотрѣла на него сбоку. Очевидно, онъ выпилъ. Никто не видалъ его пьянымъ, но число людей, видѣвшихъ его вполнѣ трезвымъ, тоже быстро уменьшалось.

За дессертомъ появился лордъ Кингсмидъ; онъ имѣлъ видъ не мальчика, котораго выводятъ къ гостямъ, но скорѣе—естествоиспытателя, разглядывающаго населеніе звѣринца. О немъ говорили, не стѣсняясь, въ свою очередь, его присутствіемъ. Онъ былъ некрасивъ—съ жесткими волосами, веснущатымъ лицомъ, маленькими глазками, но его выразительный ротъ, напоминавшій ротъ фавна, придавалъ оригинальность его наружности.

Послѣ обѣда онъ шепнулъ сестрѣ, что Понти пріѣхалъ „объясниться“. Неужели она пойдетъ? У лэди Бриджетъ мелькнуло искушеніе—отправить претендента на ея руку къ чорту, но это было невозможно: они всѣ въ долгу; нельзя допустить,

чтобы домъ временъ Тюдоровъ пошелъ съ молотка. Сама она—безполезное, капризное, несчастное, изломанное свѣтской жизнью созданіе... Туда ей и дорога!

И она пошла съ лордомъ Понтифрэктомъ въ садъ, и дала ему слово. Онъ былъ на верху блаженства и попытался поцѣловать ее, но она рѣшительно его отстранила.

— Завтра. Теперь поѣзжайте домой—отдохнуть!

Когда она медленно возвращалась домой, мимо освѣщенныхъ оконъ террасы, ей попался блѣдный, съ искаженными ревностью чертами, Джеральдъ Кэрронъ, который прошипѣлъ ей на ухо:

— Не могли подождать до завтра! Онъ на половину пьянъ!

Лэди Бриджетъ, не отвѣчая, прошла мимо; къ ней робко подошелъ Жуазель.

— Я не обезпокою васъ, лэди Бриджетъ? Могу я пройтись съ вами?

— Вы? Нѣтъ. Я всегда рада вамъ.

Его симпатичное лицо успокоивало бурю гнѣва, ненависти, презрѣнія, сожалѣнія къ самой себѣ, кипѣвшую въ ея душѣ.

— Гдѣ же лордъ Понтифрэктъ?

— Уѣхалъ домой. Почему вы спрашиваете о немъ?

— Вы... вы не выходите за него замужъ?

Этотъ вопросъ вырвался у него противъ воли, и онъ весь замеръ, ожидая ея отвѣта.

— Кто вамъ сказалъ, что я выхожу за него?

— Никто. Я самъ боюсь этого.

— Боитесь?

Онъ вдругъ упалъ передъ нею на колѣни и скрылъ лицо въ складкахъ ея платья. Онъ обожалъ ее, какъ рыцарь обожаетъ даму сердца, и невыразимо страдалъ при мысли о такомъ осквернеиіи его святыни.

Она наклонилась къ нему и ласково провела рукою по его волосамъ.

— Бѣдный мальчикъ!

Тео Жуазель вскочилъ на ноги, голосъ его зазвучалъ твердо и страстно:

— Я не мальчикъ. Я люблю васъ. Онъ старъ, онъ—un vieux roué; я, по крайней мѣрѣ, молодъ и жизнь моя чиста. Выходите за меня. Я знаю, что вы не любите вашу мать... Это—великое несчастіе, вы должны вырваться отсюда. Будьте моей женой. Я не такъ богатъ, какъ онъ, но мы все же богаты... И я такъ васъ люблю!

У лэди Бриджетъ мелькнула мысль, что жизнь съ этимъ пре-

лестнымъ юношей будетъ много пріятнѣе жизни со старымъ, вѣчно пьянымъ лордомъ. Она никого не любила и думала только о себѣ; ей не пришло въ голову, что она поступаетъ нечестно, нарушая только-что данное ею Понтифрэкту слово, и она, послѣ краткаго колебанія, вложила свою руку въ руку Тео.

— Хорошо. Я согласна. Но знайте, что вы женитесь на упрямицѣ и злюкѣ...

Она не окончила; онъ схватилъ ее въ объятія и поцѣловалъ ее.

— Я буду вашимъ слугою и вашимъ рабомъ.

Когда они поднимались на террасу, навстрѣчу имъ понеслись звуки „свадебнаго марша“, исполняемаго съ большимъ мастерствомъ юнымъ лордомъ Кингсмидомъ.

II.

Лэди Бриджетъ со вздохомъ облегченія откинулась на спинку дивана. Она была одна въ купэ. Она ѣхала погостить къ друзьямъ въ Сёррей, и въ Лондонѣ ей пришлось перемѣнить поѣздъ. Вѣсть объ ея помолвкѣ съ Тео взбѣсила лэди Кингсмидъ, и Бриджетъ рѣшила, что ей лучше на время удалиться. До сихъ поръ она путешествовала одна, что̀ было для нея большимъ облегченіемъ, но вотъ уже передъ вторымъ звонкомъ дверь купэ шумно отворилась и вошло трое мужчинъ, громко и оживленно заговорившихъ по-французски. Они, очевидно, кого-то провожали. Посыпались восклицанія.

— Adieu donc, cher maître...

— Bon voyage! Au' voir, mes enfants... Merci!

Провожающіе выбѣжали, поѣздъ двинулся, и лэди Бриджетъ осталась въ полумракѣ одна съ какимъ-то высокимъ господиномъ въ мѣховомъ пальто. Онъ снялъ шляпу, отеръ лобъ платкомъ съ сильнымъ запахомъ фіалокъ и сталъ напѣвать: „Salut demeure chaste et pure!“—словно не замѣчая присутствія дамы.

Лэди Бриджетъ брезгливо съёжилась. Она принадлежала къ числу женщинъ, ненавидящихъ своихъ случайныхъ дорожныхъ спутниковъ. Притомъ этотъ человѣкъ былъ слишкомъ крупенъ, отъ него слишкомъ сильно пахло фіалками. Но голосъ у него былъ пріятный, и онъ слегка картавилъ, какъ Тео. Милый Тео! Они будутъ счастливы—на зло лэди Кингсмидъ съ ея Джеральдомъ!

И въ этотъ мигъ передъ нею словно блеснулъ свѣтъ, и она

вдругъ узнала въ своемъ спутникѣ своего будущаго свекра—Виктора Жуазеля. Онъ снялъ шляпу, и его смуглое, красивое, взволнованное лицо было ясно видно ей изъ-подъ львиной гривы густыхъ шелковистыхъ сѣдѣющихъ волосъ. Викторъ Жуазель! Она нѣсколько разъ слышала его. Вотъ эти руки въ теплыхъ перчаткахъ дѣлали такія чудеса со смычкомъ; рядомъ съ нимъ, въ стареньвомъ футлярѣ, лежала его скрипка. Темные глаза его старались разглядѣть подъ вуалью ея черты. Несмотря на свои годы, онъ былъ красивъ; его крупный носъ съ тонкими ноздрями, выразительный ротъ и ямочка на подбородкѣ, смягчавшая нѣсколько строгое выраженіе лица, понравились ей. И она будетъ его невѣсткой! Ей вдругъ захотѣлось подурачиться. Онъ заговорилъ, не будучи въ состояніи усидѣть молча.

— Простите, madame, что я позволилъ себѣ запѣть. Я позабылъ, что я здѣсь не одинъ.

Она поклонилась.

— Не прикажете ли отворить окно?—Онъ всталъ, снялъ перчатку, и на рукѣ его блеснулъ крупный брилліантъ. Затѣмъ онъ вынулъ изъ бокового кармана телеграмму и сталъ перечитывать ее, улыбаясь про себя необычайно милою улыбкой.

— Не сочтите меня за сумасшедшаго. Я—Викторъ Жуазель. Сегодня вечеромъ я, дѣйствительно, очень хорошо игралъ, а сынъ мой сообщаетъ мнѣ, что онъ помолвленъ съ самою прелестною женщиной во всей Англіи.

Повинуясь странному впечатлѣнію, производимому на нее этимъ человѣкомъ, лэди Бриджетъ откинула свой вуаль.

— Тео помолвленъ со мною!—проговорила она, по-дѣтски наслаждаясь этимъ театральнымъ эффектомъ.

Жуазель вытаращилъ на нее глаза, они загорѣлись какъ уголья. Затѣмъ онъ кинулся къ ней, схватилъ ея руки и быстро заговорилъ по-французски:

— Великій Боже! Вы—лэди Бриджетъ Мидъ? Вы—настоящая Діана? Но нѣтъ, я грежу?

— Нѣтъ, вы не грезите, monsieur Жуазель,—отвѣтила она, весело смѣясь, польщенная его восхищеніемъ.—Но вы сломаете мнѣ пальцы!

Сѣвъ рядомъ съ нею, онъ сталъ нѣжно гладить ея пальчики, приговаривая:—Chère, chère enfant! Je vous ai fait bobo? Простите глупому старому папà... Неужели вы серьезно выходите за моего Тео? Да? Могу сказать, что ему черт... простите, повезло! Онъ—счастливѣйшій юноша въ мірѣ!

Бриджетъ не скучала. Этотъ забавный, демонстративный, до-

бродушный артистъ въ атласномъ (о, ужасъ!) галстухѣ и мягкомъ воротникѣ—развеселилъ ее и даже согрѣлъ ея суровое сердце своею лаской. Почему не пошутить съ нимъ? Вѣдь онъ—будущая родня.

— Вы очень добры, что такъ этому радуетесь. Не странно ли, что намъ пришлось здѣсь встрѣтиться?

— Настоящій романъ, дорогая моя, а вы такая красавица, что я не могу оторвать отъ васъ глазъ... Я представлялъ васъ себѣ въ видѣ розовенькой и бѣленькой миссъ. Скажите мнѣ, ma fille adorée, вы не поете?

Страхъ его былъ такъ великъ, что она поспѣшила его успокоить.

— И не играете? Такъ, „для себя“? Изъ „салоннаго репертуара“?

— Нѣтъ, не играю.

— Да благословитъ васъ Богъ! Вы—совершенство!

— Далеко нѣтъ. Право, нѣтъ!—воскликнула она, но онъ отечески поцѣловалъ ее въ лобъ и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, сталъ ее разспрашивать, куда она ѣдетъ:—Къ друзьямъ? Невозможно! Оба они должны сейчасъ же вернуться въ Лондонъ и провести вечеръ у него, въ его домѣ, у его жены...

Напрасно лэди Бриджетъ смѣялась, протестовала,—на слѣдующей же остановкѣ онъ вывелъ ее изъ вагона; на платформѣ какая-то пожилая лэди толкнула футляръ со скрипкой, и надо было видѣть, что̀ сдѣлалось съ его лицомъ: какъ сдвинулись черныя брови и свирѣпо засверкали его глаза.

— Sacré nom d'une pipe! Pardon, madame! Вы не должны такъ обращаться съ моимъ футляромъ. Въ немъ—моя скрипка, madame, моя драгоцѣнная Амати!

Бриджетъ, задыхаясь отъ смѣха, положила свою руку на его руку, и онъ мгновенно стихъ. Они заняли мѣста въ обратномъ поѣздѣ и черезъ полчаса были уже въ Лондонѣ. Жуазель ликовалъ. Онъ ѣхалъ на вечеръ къ герцогу Кумберлэндскому; дома ихъ не ждутъ. Вотъ будетъ сюрпризъ для Тео и матери!

Жуазели жили на Golden-Square. Хозяинъ отворилъ дверь своимъ ключомъ и съ лукавою улыбкою на губахъ, идя на цыпочкахъ, провелъ лэди Бриджетъ по длинному корридору. Прежде всего ей бросилась въ глаза необычайная чистота выкрашенныхъ бѣлою масляною краскою стѣнъ и пола.

Освободившись отъ шубы и скрипки, онъ шелъ безшумно, какъ большой котъ.

— Вѣроятно, они теперь на кухнѣ,—шепнулъ онъ.

— Почему на кухнѣ?—удивилась лэди Бриджетъ.

— Жена готовитъ ужинъ.

Жуазель пріотворилъ дверь. Лэди Бриджетъ было интересно и весело, какъ никогда; все это походило на сказку. Она увидѣла большую комнату безукоризненной чистоты, съ громаднымъ очагомъ въ глубинѣ—копіей настоящаго нормандскаго очага, въ которомъ ярко горѣлъ огонь. У длиннаго кухоннаго стола стоялъ безъ сюртука Тео. Онъ разбивалъ яйца и выпускалъ ихъ въ миску, а г-жа Жуазель, маленькая, полная женщина въ синемъ передникѣ, что-то жарила на сковородѣ съ длиннѣйшею ручкой.

— Подожди, мама, покуда ты не увидишь ее! — говорилъ Тео, и лицо его сіяло радостной улыбкою.

Жуазель не выдержалъ; онъ вбѣжалъ въ комнату и обнялъ Тео.

— Voyons l'amoureux! Покажись-ка сюда! Давно ли ты лазалъ ко мнѣ на колѣни и обшаривалъ карманы, отыскивая лакомствъ?

Г-жа Жуазель, ловко перевернувъ яичницу, спокойно обернулась въ ихъ сторону.

— Викторъ! Какъ это случилось, что ты вернулся?

Онъ поцѣловалъ ея разгорѣвшуюся отъ огня щеку и обратился къ сыну:

— Тео, пожелай чего-нибудь невозможнаго! Чего-нибудь такого, чего не можетъ быть! Ну же, скорѣе!

Сынъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него.

— Милый папа, я радъ видѣть тебя, я... не знаю.

— Ну, такъ я знаю за тебя! — И, обернувшись къ двери, онъ проговорилъ:—Сказочная принцесса, пожалуйте!

Въ первую минуту Тео не повѣрилъ своимъ глазамъ, но затѣмъ онъ кинулся къ лэди Бриджетъ и весь вспыхнулъ, цѣлуя ея руку.

Г-жа Жуазель также раскраснѣлась отъ смущенія.

— Викторъ, какъ это ужасно! Ты привелъ ее на кухню! Дочь графа! Mon Dieu! Mon Dieu!

Но Тео прямо подвелъ свою невѣсту къ матери; его врожденный тактъ помогъ ему вывести всѣхъ изъ неловкаго положенія.

— Мама, вотъ моя невѣста. Лэди Бриджетъ, вотъ моя мать, и вы не встрѣтите болѣе любящей и нѣжной матери, чѣмъ она.

Маленькая женщина отерла правую руку о передникъ и робко протянула ее; въ ея блѣдно-голубыхъ глазахъ было столько

ласки, что гордая и капризная лэди Бриджетъ была тронута и искренно поцѣловала ее.

— Voyons, voyons!—воскликалъ Жуазель, потирая руки.— Скажи, Фелисите, развѣ она—не удивительная?

Г-жа Жуазель пригласила всѣхъ въ столовую, гдѣ служанка уже накрыла столъ. Кромѣ вкусной яичницы, затѣмъ появилась дичь съ трюфелями, заливное, холодное мясо и французское вино, которое пили за здоровье нареченныхъ.

Часъ спустя, лэди Бриджетъ сидѣла въ рабочемъ кабинетѣ Жуазеля въ креслѣ, крытомъ красною кожею. Красивыя драпировки, одноцвѣтный коверъ, большой рояль, клѣтка съ попугаемъ, гравюры и эскизы по стѣнамъ—все это было не ново для Бриджетъ, но чего она никогда не видѣла, такъ это—цѣлой стѣны, сплошь покрытой фотографіями съ автографами.

— Большинство ихъ — коронованныя особы! — объяснилъ Жуазель съ наивной гордостью.

Онъ принесъ свою Амати и заявилъ, что будетъ играть для своей „chère fille“.

Бриджетъ слушала его пораженная. Гдѣ былъ суетливый, шумливый, забавный, почти смѣшной со своими мальчишескими выходками, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ которымъ она пріѣхала въ городъ? Его лицо походило на лицо жреца, совершающаго таинственный обрядъ. Голова его была откинута назадъ, губы плотно сжаты, глаза полузакрыты.

Онъ казался существомъ внѣ времени и возраста. Сѣдые волосы не дѣлали его старикомъ, а гладкое, безъ морщинъ лицо не придавало ему иллюзіи молодости. И пока онъ игралъ, игралъ для *нея одной*, она сознавала, какъ злыя и горькія чувства умирали въ ея душѣ, а на мѣсто ихъ рождалась молодость, которой она не знала ранѣе.

III.

Великолѣпный попугай, носившій имя „Вильгельма-Завоевателя“, не спускалъ глазъ съ лэди Бриджетъ.

Она проснулась подъ отдаленные звуки чудной музыки; г-жа Жуазель сама принесла ей на подносѣ вкусный кофе съ домашнимъ печеньемъ и безупречную гарденію въ хрустальномъ бокалѣ.

— Это—отъ моего мужа,—объявила она, улыбаясь и указывая на цвѣтокъ. Вслѣдъ за хозяйкою въ комнату вбѣжала неправдоподобно-желтая собачка—„Папильонъ“, къ ошейнику которой была привязана записка.

„Chère fille, съ добрымъ утромъ и пожеланіемъ многихъ добрыхъ утръ въ нашей семьѣ! Вамъ принесетъ этотъ привѣтъ общій любимецъ нашъ „Папильонъ“, который уже любитъ васъ, какъ любитъ васъ Викторъ Жуазель. — Beau-papa“.

Лэди Бриджетъ засмѣялась и погладила собачку, представлявшую собою помѣсь всѣхъ породъ и глядѣвшую на нее умненькими, блестящими глазками. Она поспѣшила одѣться и выйти въ общую комнату. Жуазель отечески поцѣловалъ ее въ лобъ. Онъ былъ въ нелѣпомъ красномъ халатѣ и ермолкѣ съ голотою кисточкой, но Бриджетъ, отъ избытка благоволенія, простила ему и этотъ костюмъ. Она никогда не чувствовала себя такою счастливою, такою любимою, какъ въ этой простой семьѣ, происходившей отъ нормандскихъ крестьянъ. За что они любятъ ее? Только за то, что она обѣщала быть женою ихъ сына. Она вспомнила о Томми.

— Мой маленькій братъ обожаетъ васъ, м-ръ Жуазель,— сказала она вдругъ.—Какъ онъ будетъ радъ! Онъ безъ ума отъ музыки. Не правда ли, Тео?

— Сколько ему лѣтъ?—спросилъ скрипачъ.

— Двѣнадцать. Онъ страшно избалованъ и не желаетъ поступать въ школу, но онъ—милый мальчикъ.

Наканунѣ, вечеромъ, она послала матери телеграмму. Сегодня съ утра шелъ дождь, и она сидѣла, счастливая, сознавая себя здѣсь въ безопасности, отрѣзанной отъ остального міра.

Вдругъ послышался звонокъ, и Туанонъ, bonne à tout faire, появилась, встревоженная, и передала лэди Бриджетъ карточку.

— Боже, это бѣднята Понти!—воскликнула дѣвушка, инстинктивно оборачиваясь въ сторону Жуазеля. — Мама натравила его на меня. Это безсовѣстно!

— Лордъ Понтифрэктъ?— отозвался Тео, глядя на отца съ такимъ видомъ, словно вмѣшательство Жуазеля являлось неизбѣжнымъ.

— Вы не должны такъ отзываться о матери!—серьезно проговорилъ скрипачъ.—А кто такой этотъ лордъ?

Ему объяснили, и онъ предложилъ выйти поговорить съ нимъ, но Бриджетъ заявила, что она обязана сдѣлать это сама. Гость ожидалъ ее въ гостиной; одутловатый, съ влажными глазами, онъ, тѣмъ не менѣе, казался джентльменомъ.

— Я должна извиниться передъ вами,—начала дѣвушка.

— Не надо, лэди Бриджетъ. Вы написали мнѣ очень милое письмо. Но я несчастливъ. Я пріѣхалъ просить васъ измѣнить ваше рѣшеніе. Даю вамъ слово, что я брошу пить. Я люблю васъ.

— Мое рѣшеніе принято, лордъ Понтифрэктъ. Я выхожу за Тео, и думаю, что буду счастлива. Я всѣхъ ихъ очень люблю,—она протянула ему руку и прибавила:—Но мнѣ жаль, что вы страдаете изъ-за меня.

Въ эту минуту до нихъ донеслись звуки музыки; оба они вздрогнули, такъ какъ это былъ „Свадебный маршъ“ изъ „Лоэнгрина“. Лицо Бриджетъ вспыхнуло отъ гнѣва. Какъ могъ Жуазель позволить себѣ такую безтактную выходку! Проводивъ гостя, она вихремъ влетѣла въ кабинетъ. Жуазель стоялъ со скрипкою въ рукахъ и лукаво щурилъ глазъ.

— Спровадили? Parti, hein?

— Какъ вы могли, какъ вы рѣшились сдѣлать это? Ужасно! Отвратительно!

Жуазель положилъ скрипку въ футляръ.

— Вы очень грубы, mademoiselle,—сказалъ онъ,—но вы—моя гостья.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ ее въ полной растерянности.

— Въ чемъ дѣло?—спокойно спросила г-жа Жуазель, входя въ кабинетъ.

— М-ръ Жуазель оскорбилъ моего друга, а я въ свою очередь... сказала ему грубость.

— C'est ça. Забудьте объ этомъ—и онъ тоже забудетъ.

Лэди Бриджетъ молчала и смотрѣла на „Вильгельма-Завоевателя“. Выходка Жуазеля была мальчишеская, но онъ оборвалъ ее съ достоинствомъ, какъ обрываютъ надерзившую дѣвочку. Взрослые они люди или оба—дѣти? Ей хотѣлось злиться, и она кончила тѣмъ, что разсмѣялась.

Въ это время вошелъ Жуазель, и на лицѣ его она увидѣла отраженіе своихъ собственныхъ чувствъ.

— Вы смѣетесь? Bon!—воскликнулъ онъ, цѣлуя ея руки.—У belle-ange, оказывается, тоже есть характеръ. Félicité, дорогая, угости насъ нормандскимъ гидромелемъ, мы выпьемъ за мировую.—Онъ чокнулся съ нею и проговорилъ:—Забудьте, что у насъ обоихъ дурной характеръ, но помните, что, въ сущности, мы оба добры, и что отецъ съ дочерью должны быть снисходительны другъ къ другу.

Тео, заставъ ихъ за наливкою, расхохотался.

— Какъ, уже помирились?

— Да, мы разыграли сцену „Взаимное исправленіе“.

IV.

Лэди Кингсмидъ полулежала на кушеткѣ и играла съ ангорскимъ котенкомъ. Роскошная обстановка комнаты, начиная съ картинъ и персидскихъ ковровъ и кончая фамильною арфою, принадлежала частью фирмѣ Бэмптонъ и Комп., частью—м-ру Изакансу на Бэкеръ-стритъ.

Напротивъ нея сидѣлъ Кэрронъ. Они говорили о Бриджетъ, которую ждали сегодня домой изъ Сёррея. Кэрронъ хмурился и возмущался. Дочь Тони дѣлаетъ подобный mésalliance! Эта дѣвочка зла и упряма, какъ чортъ. Она ненавидитъ его за то, что онъ желаетъ ей добра.

Лэди Кингсмидъ ласково коснулась его руки; красавицы ея лѣтъ бываютъ чувствительны.

— Я знаю, дорогой мой... Но онъ нравится ей, онъ—милый мальчикъ и богатъ.

Неожиданное появленіе Кингсмида прервало дружескую бесѣду. Онъ сѣлъ на ручку кресла и объявилъ, что сейчасъ занимался спортомъ: охотился за крысами.

— Что за гадость?!

— Это—старинный спортъ, мамочка. Молодые люди моихъ лѣтъ ухаживали бы за вашими пріятельницами, но я бойкотирую женщинъ. Томасъ, лордъ Кингсмидъ, признаетъ одинъ спортъ.

— Не онѣ ли бойкотируютъ тебя?—ехидно сказалъ Кэрронъ, не терпѣвшій мальчика.

Томми весело осклабился и отпарировалъ ударъ:

— Хотя я и не красавецъ, но мнѣ все же не пятьдесятъ лѣтъ.

Чтобы заполнить непріятную паузу, лэди Кингсмидъ провела миніатюрною пуховкой по носу, а Томми вступилъ въ разговоръ невиннаго содержанія съ котенкомъ, какъ вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ показалась Бриджетъ въ ватерпруфѣ, съ капюшономъ на головѣ. Волосы и перчатки ея были мокры. На жемчужно-бѣлыхъ щекахъ горѣли пятнышки румянца.

— Вотъ дождь!—воскликнула она.—Я не могу поцѣловать тебя, мама! Какъ поживаете, Кэрронъ? Томми, приди въ объятія любящей сестры, если не боишься утонуть! Я пріѣхала въ кабріолетѣ, посланномъ за Гриномъ, а Гринъ пріѣхалъ въ каретѣ. Почему вы такъ всѣ уставились на меня?

— Ты очень... очень помолодѣла, Бикки!—сказалъ Томми.—Ты, вѣрно, очень веселилась?

— Да, милый, я чувствую себя молодою и мнѣ было весело.

Она сѣла у камина и, бросивъ испорченныя перчатки въ огонь, привлекла къ себѣ брата.

— Ну, слушай, Томми. Онъ будетъ играть для тебя, онъ... (она остановилась, ища слова) — славный! У него есть собака съ человѣческими глазами, по имени „Папильонъ", и попугай...

— И жена,—рѣзко вставилъ Кэрронъ.

Бриджетъ надменно повела въ его сторону глазами. Ея оживленное лицо застыло.

— Вы ее видѣли?

— Нѣтъ, но ее видѣлъ мой пріятель Чарльзъ Мастэртонъ. Она—опрятная старая крестьянка.

— Онъ правъ, вашъ Чарльсъ Мастэртонъ. Всѣ они — крестьяне изъ Falaise. Не дадутъ ли мнѣ чаю?

Лэди Кингсмидъ, ненавидѣвшая колкости, позвонила и спросила дочь, какъ поживаютъ ея друзья?

— Прекрасно. Они вамъ кланяются. Тео чрезвычайно имъ понравился; онъ пріѣхалъ туда въ концѣ недѣли. Пожалуйста, пригласите Жуазелей, мама. Сама она не выѣзжаетъ, а онъ— вполнѣ приличенъ.

Лэди Кингсмидъ смотрѣла на дочь, не узнавая ее; Томми былъ, по обыкновенію, правъ: она помолодѣла на нѣсколько лѣтъ, и стала гораздо симпатичнѣе.

— Я приглашу ихъ вмѣстѣ съ герцогиней. Это навѣрно будетъ ему пріятно. Артисты любятъ общество герцогинь.

— А герцогини любятъ слушать артистовъ даромъ,—отвѣтила Бриджетъ, но безъ обычной язвительности.

Герцогиня, дѣйствительно, любила музыку и артистовъ; она была стара и слабаго здоровья, но отличалась веселостью и видѣла на своемъ вѣку много интереснаго. Она сейчасъ же подѣлилась съ лэди Кингсмидъ своими воспоминаніями о Жуазелѣ, объ его романѣ съ принцессой Анастасіей-Екатериной, которая при всѣхъ подала ему красную розу. Онъ смѣло поднесъ ее къ губамъ и вдѣлъ себѣ въ петлицу. Въ то время онъ былъ удивительно хорошъ собою; ему теперь должно быть за сорокъ. Странно, что у него есть сынъ и этотъ сынъ женится на Бриджетъ!

Въ тотъ же день пріѣхалъ Жуазель и его провели въ будуаръ милэди, которая поспѣшно спрятала подъ подушку „Claudine" и взялась за томикъ Метерлинка.

Онъ поцѣловалъ ея руку и выразилъ надежду, что ихъ частная переписка была такъ же пріятна для нея, какъ для него.

— Она доставила мнѣ большое удовольствіе, monsieur Жуазель.

— Счастливъ это слышать. Но я надѣюсь, что вы не посвятили ихъ—нашихъ fiancés—въ эти скучныя дѣла? Тео—сущій ребенокъ въ вопросѣ о деньгахъ. Что до меня (онъ очаровательно улыбнулся), я хотѣлъ успокоить ваше (онъ не рѣшился сказать: материнское сердце)... вашу весьма понятную заботливость. Тео получитъ состояніе, оставленное мнѣ моимъ покойнымъ дорогимъ другомъ — лэди Изабеллою Клоу-Гарди, и я со своей стороны сдѣлаю все возможное для этихъ милыхъ дѣтей.

Онъ былъ красивъ, онъ былъ со вкусомъ одѣтъ—и онъ станетъ играть для ея гостей. Лэди Кингсмидъ растаяла и благосклонно протянула ему ручку. Но тутъ вошелъ Томми — онъ былъ взволнованъ, нервно улыбался и потиралъ руки: ему казалось, что онъ поднялся на Олимпъ и стоитъ передъ лицомъ божества.

Его маленькая рука исчезла въ сильной рукѣ Жуазеля. Они сразу подружились.

— Какъ вы играете!—пробормоталъ мальчикъ.

— Бриджитъ сказала мнѣ, что вы любите музыку. Я обѣщалъ ей сыграть для васъ.

Онъ исполнилъ свое обѣщаніе, и послѣ краткой бесѣды съ хозяйкою дома прошелъ съ Томми въ его комнаты.

За обѣдомъ, за которымъ юному лорду разрѣшено было присутствовать, Томми открылся своему другу, старой герцогинѣ, и объявилъ ей, что его завѣтная мечта — сдѣлаться знаменитымъ виртуозомъ.

— Почему вамъ это вздумалось?

— Вѣдь вы слышали, какъ *онъ* играетъ?

— Слышала.

— Ну, вотъ!—и Томми посмотрѣлъ на нее съ торжествомъ, словно желая сказать: чего же еще вамъ надо?

Послѣ обѣда герцогиня любезно заговорила съ Тео и поздравила его—не съ помолвкою только, но съ тѣмъ чудеснымъ превращеніемъ, которое, благодаря ему, совершилось съ Бриджетъ. Ее узнать нельзя. Въ послѣдній разъ она видѣла ее на скачкахъ въ Аскотѣ: это была очень хорошенькая дѣвушка, но съ такою непріятною манерою и хмурымъ лицомъ, что хотѣлось посадить ее на хлѣбъ и на воду.

— Теперь она во сто разъ милѣе, и потому ступайте къ ней,—заключила она, смѣясь, и, обратившись къ Джеральду Кэрону, прибавила:—Вотъ что̀ дѣлаетъ любовь!

— Какъ вы можете называть ея чувство къ этому мальчишкѣ тѣмъ же словомъ...

— Какимъ вы опредѣляете свои отношенія къ ея матери?— дерзко расхохоталась герцогиня.

Послѣ обѣда, противъ обыкновенія, не составился „бриджъ". Вмѣсто этого Жуазель принесъ свою скрипку.

Лэди Бриджетъ провела у Жуазелей цѣлую недѣлю, и ея будущій beau-père каждый день игралъ ей. Онъ игралъ въ утреннемъ костюмѣ, во фракѣ, даже—въ нелѣпомъ красномъ халатѣ, но теперь ей казалось, что здѣсь, въ ея собственномъ домѣ, играетъ какой-то другой человѣкъ. Дома онъ былъ beau-papa, шумный и непосредственный, странно ребячливый человѣкъ, играющій для своей семьи. Теперь онъ какъ-то преобразился. Онъ былъ Жуазель, знаменитый артистъ, котораго всѣ называли красивымъ, и онъ держался какъ джентльменъ. Она вспомнила его безтактную выходку въ день пріѣзда бѣднаго Понти, его черезчуръ громкій смѣхъ и живую жестикуляцію, его атласные галстухи и улыбнулась...

Тео нагнулся къ ней и шепнулъ:

— Бриджетъ, неужели вы дѣйствительно любите меня немножко?

— Конечно!—Она ласково поглядѣла на него. Вѣдь благодаря ему, она чувствовала себя счастливою. Но вдругъ она со странною дрожью откинулась на спинку кресла и полузакрыла глаза... Ей вдругъ стало ясно, что не помолвка съ Тео принесла ей счастье, а тотъ фактъ, что онъ былъ сыномъ Виктора Жуазеля!

Она была достаточно мужественна для того, чтобы сознаться себѣ въ этомъ. И когда Жуазель подошелъ къ ней, она постаралась ему улыбнуться, но онъ не былъ удовлетворенъ.

— Вамъ не понравилось?—спросилъ онъ просто.

— Вы чудесно играли.

— Но я не захватилъ васъ!—сказалъ онъ обидчиво.

— По правдѣ говоря, — я не слышалъ ни одной ноты, — сказалъ Тео:—я смотрѣлъ на Бриджетъ.

— Это не удивительно!—расхохотался Жуазель. Вы—славная парочка, а года черезъ два...

— Папа!—прервалъ, краснѣя, Тео.

— Я пойду къ Томми, онъ былъ такой возбужденный послѣ музыки! — сказала Бриджетъ, и, выйдя изъ гостиной, она съ бьющимся сердцемъ поднялась къ брату. Онъ лежалъ въ постели и читалъ книгу о скрипкахъ Амати.

— Бикки! Какой онъ удивительный! Не только игра, но и весь онъ. Ты согласна со мною?

— Да, Томми.

— Какъ ты счастлива, что будешь его дочерью!

— Да, Томми.

Она крѣпко стиснула зубы. Руки ея были холодны какъ ледъ. Этого не должно быть. Она должна побороть этотъ кошмаръ.

Томми сѣлъ на постели и обхватилъ своими худенькими руками острыя колѣни.

— Бикки, какъ ты думаешь: можетъ ли сдѣлаться пэръ Англіи настоящимъ великимъ артистомъ?

V.

Бриджетъ провела безсонную ночь. Вѣтеръ завывалъ за окномъ и шумѣлъ вѣтвями въ саду, и въ ея душѣ тоже была буря. Сомнѣнья нѣтъ—она любитъ его. Счастье еще, что онъ этого не знаетъ. Онъ смотритъ на себя какъ на старика, а ему нѣтъ сорока-двухъ лѣтъ, и онъ навѣрное любитъ женщинъ. Еслибы онъ не видѣлъ въ ней невѣсту Тео, онъ влюбился бы въ нее. Старый Джеральдъ — и тотъ съума по ней сходитъ. Мерзкій паукъ! Онъ осмѣлился однажды поцѣловать ее, зная, что она не посмѣетъ его выдать — изъ-за матери. Какъ же ей быть съ Тео? Если она выйдетъ за него, поможетъ ли ей это излечиться, или—наоборотъ? Жена его навѣрное пришла бы въ ужасъ... А Томми, обожающій его и мечтающій сдѣлаться скрипачомъ? Славная семейка, нечего сказать! Порвать съ Тео? Но тогда она больше не увидитъ его. Нѣтъ, нѣтъ...

Ручка ея двери дважды шевелилась, и она была увѣрена, что слышитъ крадущіеся шаги Джеральда. Какой ужасъ! Она боится оставаться въ этомъ домѣ.

Утромъ она вышла къ завтраку вялая и блѣдная; Жуазель, который противъ обыкновенія плохо спалъ, чему она втайнѣ обрадовалась,—улучивъ минуту, спросилъ ее: что съ нею?

— Vous êtes troublée, ma fille,—сказалъ онъ, взявъ ея руку въ свои,—довѣрьтесь мнѣ.

— У меня... голова болитъ! — отвѣтила она классическою отговоркою женщинъ всѣхъ временъ и народовъ.

— Нѣтъ, это не то,—покачалъ онъ головою. — Я не хочу быть нескромнымъ, Brigitte, но мнѣ, дитя мое, вы все можете сказать.

У нея перехватило горло. Съ губъ ея едва не сорвался злобный смѣхъ. Все сказать ему — значило бы сказать: милый beau-papa, помогите мнѣ, я готовлюсь стать вашею дочерью, мои дѣти будутъ вашими внуками, а я—люблю васъ!

Тео также замѣтилъ перемѣну въ настроеніи Бриджетъ, но она спокойно отвѣтила, что у нея отвратительный характеръ,— она часто бываетъ не въ духѣ, и ему придется къ этому привыкать.

Одѣваясь къ обѣду, дѣвушка все время терзалась сомнѣніями. Ея дальнѣйшія свиданія съ Жуазелемъ грозятъ опасностью не только ей самой, но и ему, не говоря уже о женѣ его и Тео. Настанетъ мигъ, когда онъ перестанетъ глядѣть на нее глазами отца и взглянетъ на нее глазами мужчины, и тогда— горе имъ обоимъ! Лучше всего—вернуть слово Тео и уѣхать съ друзьями на зиму въ Италію. Но Томми? Жуазель обѣщалъ заниматься съ нимъ, и онъ былъ на седьмомъ небѣ. Покуда дѣло въ томъ, чтобы отдалить развязку.

На третій день Жуазель явился къ обѣду въ радужномъ настроеніи. Онъ получилъ „съ родины", изъ Falaise, письмо отъ своей старушки-матери, которую чрезвычайно любилъ. Несмотря на преклонные года, она бодра и здорова; будущею осенью старики празднуютъ свою золотую свадьбу. Будетъ пиръ на весь міръ.

— И мы будемъ тамъ, моя Бриджетъ, — шепнулъ Тео.—Я хочу показать имъ мою удивительную жену.

Послѣ обѣда Жуазель подошелъ къ дѣвушкѣ и сказалъ, что долженъ поговорить съ нею.—Я завтра долженъ уѣхать раньше, чѣмъ она встанетъ, — обратился онъ къ лэди Кингсмидъ, — вы позволите?

Онъ фамильярно обвилъ рукою талію Бриджетъ и увелъ ее въ библіотеку. Тамъ она послушно сѣла; онъ обошелъ комнату, бросивъ взглядъ на полки съ книгами, и вдругъ выпалилъ:

— Ну, дорогая моя, когда же это будетъ?

— Что?

— Свадьба.

Она вспыхнула и потомъ похолодѣла, чувствуя себя такою безпомощной передъ этимъ сильнымъ человѣкомъ.

— Не думайте, что я тороплю васъ. Но почему откладывать то, что̀ сулитъ всѣмъ намъ счастье, моя Brigitte?

Бриджетъ сидѣла ни жива, ни мертва, не зная, что̀ отвѣтить, и безумно обрадовалась, когда въ комнату вошелъ Кэронъ.

— Вы за мной?—спросила она, вставая.

— Нѣтъ, я такъ.

Разговоръ былъ прерванъ,—на этотъ разъ она была спасена.

Подъ общій шумъ и говоръ она рѣшила, что покуда ничего не скажетъ ни Тео, ни Жуазелю. Ей придется объясниться съ отцомъ, такъ какъ сынъ, все равно, прибѣгнетъ къ помощи отца. Произойдетъ объясненіе, и тогда истина можетъ неожиданно открыться.

— Я ничего не скажу до отъѣзда его въ Нормандію! — рѣшила она.

VI.

Бриджетъ провела три мѣсяца въ Италіи со своими друзьями Ленскими.

Это было бѣгствомъ въ „царство мертвыхъ“, какъ называлъ Италію парадоксальный Томми, бѣгствомъ отъ „него“ и отъ самой себя. Разумѣется, Жуазель звалъ ее домой и писалъ, что Тео скучаетъ по невѣстѣ, а онъ—по дочери и жаждетъ видѣть ея прелестное лицо. Наконецъ, возмущенная собственною слабостью, она рѣшила вернуться съ тѣмъ, чтобы порвать помолвку. Но по мѣрѣ того, какъ поѣздъ уносилъ ее по направленію къ Лондону, ея настроеніе все поднималось, и помимо всего, наперекоръ всему—въ ней пробуждалась дикая, необузданная радость при мысли о томъ, что она снова увидитъ его, услышитъ его игру. Ничто на свѣтѣ не помѣшаетъ ей увидѣть его сегодня же вечеромъ. Что будетъ далѣе—объ этомъ она покуда не желала думать.

Лэди Кингсмидъ у кого-то гостила, лондонскій домъ былъ пустъ, и Бриджетъ безумно этому обрадовалась. Она рѣшила, что пообѣдаетъ у герцогини, а оттуда проѣдетъ къ Жуазелямъ. Ее не ждутъ, и ея появленіе поразитъ его. Почему онъ всегда смотритъ на нее сквозь призму ея отношеній къ Тео? Одѣваясь къ обѣду, она невольно залюбовалась своей красотою. Будь что будетъ! Сегодня—ея часъ, и она имъ воспользуется. Собираясь ѣхать, она передумала и на всякій случай послала телеграмму съ извѣщеніемъ о томъ, что будетъ вечеромъ, адресовавъ ее просто: „Жуазелю“.—„Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вернется домой: семейныя чувства такъ сильно развиты въ немъ!“—подумала она, насмѣшливо вздернувъ губку.

У герцогини она застала Джеральда Кэррона, казавшагося больнымъ и разстроеннымъ. Онъ смиренно поздоровался съ нею.

Герцогиня спросила ее о женихѣ, и удивилась, что Бриджетъ еще не видѣла его по пріѣздѣ.

— А вашему будущему отцу слѣдовало бы задать хорошій нагоняй. Кажется, у него есть жена? Неужели она не знаетъ? Онъ волочится за пріѣзжей актрисой, извѣстной... своими пластическими прелестями. Вы должны забрать его въ руки, душа моя.

Обѣдъ показался для Бриджетъ нестерпимо долгимъ, и какъ только дамы встали изъ-за стола, она простилась съ герцогиней и поѣхала на Golden-Square. Домъ былъ весь освѣщенъ: это было похоже на Жуазеля—устроить иллюминацію въ честь ея пріѣзда!

Туанонъ отворила ей дверь, изнутри слышались звуки скрипки; Бриджетъ сбросила манто и безшумно поднялась наверхъ. Музыка звучала бурно и страстно, и заставила сильнѣе забиться ея сердце. Стоя за дверью, она ждала финальнаго аккорда и затѣмъ вошла.

Минута была хорошо выбрана. Противъ двери стояло длинное простѣночное зеркало, и когда она вошла, то не только стоявшій среди комнаты Жуазель изумленно уставился на нее, но и сама она была поражена, увидѣвъ свое отраженіе въ зеркалѣ.

На ней было легкое шолковое платье, словно обливавшее ее всю золотистыми струями. На жемчужно-бѣлыхъ щекахъ горѣлъ румянецъ, руки были опущены. Она стояла улыбаясь, и онъ, глядя на нее, въ первый разъ въ жизни выронилъ изъ рукъ свою скрипку.

— Жуазель!—она тоже въ первый разъ назвала его этимъ именемъ.

— Jésus!—воскликнулъ онъ растерянно, и, подойдя къ ней, онъ неловко поцѣловалъ ея руку. — Я васъ не узналъ... Я подумалъ... Я самъ не знаю, что подумалъ? Вы такъ прекрасны, такъ...

Она тихо разсмѣялась.—Гдѣ же Тео, beau-papa?

Теперь она знала, что сегодня помолвка не будетъ нарушена. Она уже владѣла собою. Въ виду его безсознательнаго, но несомнѣннаго „пробужденія“, она была увѣрена, что не выдастъ свою тайну. Она боролась противъ его непризнанія въ ней женщины, противъ его отношенія къ ней какъ къ человѣку другого поколѣнія. Теперь, когда онъ впервые взглянулъ на нее другими глазами, она почувствовала себя сильной.

— Гдѣ же Тео?—повторила она.

— У себя. Онъ сейчасъ придетъ. Ахъ, Боже мой!—Онъ опустился на колѣни и поднялъ съ полу скрипку.—Вотъ что вы

надѣлали съ вашимъ золотымъ платьемъ! Я уронилъ мою бѣдную Амати.

Тео былъ такъ счастливъ, онъ такъ по-дѣтски обрадовался ея пріѣзду, что будь у нея въ душѣ мѣсто для другого ощущенія, она пожалѣла бы его. Онъ называлъ ее: „ma Brigitte adorée“ и со слезами на глазахъ цѣловалъ ея руки.

Вошла г-жа Жуазель, въ коричневомъ шолковомъ платьѣ; она тоже была поражена красотою Бриджетъ и ея туалетомъ. Она вся просвѣтлѣла при видѣ восторга сына.

— Лэди Бриджетъ похожа сегодня на солнечный лучъ!— сказала она.—Не правда ли, Викторъ?

— Вотъ именно, ma vieille; когда она отворила дверь, я былъ, буквально, ослѣпленъ. Знаете ли вы, дѣти мои, что̀ я сдѣлалъ? Я выронилъ Амати!

Затѣмъ всѣ заговорили объ Италіи, о здѣшнихъ новостяхъ и новинкахъ. Жуазель предложилъ Бриджетъ посмотрѣть новую пьесу, а послѣ спектакля они поѣдутъ ужинать компаніею въ удивительный маленькій ресторанчикъ...

— Не на Лейчестеръ-скверѣ? Я туда не поѣду,—сказала она съ особымъ выраженіемъ.

Жуазель вспыхнулъ, вспомнивъ актрису, за которой онъ ухаживалъ, и готовился дать гнѣвный отвѣтъ, но Бриджетъ вызывающе сощурила глаза, и онъ ничего не сказалъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго ей вдругъ пришла фантазія приготовить яичницу. Не взирая на протесты г-жи Жуазель, она подколола свой шлейфъ, надѣла большой фартукъ, и всѣ трое съ хохотомъ помчались на кухню. Бриджетъ дурачилась какъ дѣвочка, дразнила Тео, цѣловала г-жу Жуазель,—она, такая молчаливая, болтала какъ сорока, чувствуя, что всѣ окружающіе были покорными рабами, готовыми плясать подъ ея дудку.

Послѣ ужина она попросила Жуазеля сыграть ей что-нибудь „такое особенное“, что̀ будетъ сниться ей во снѣ, и онъ сыгралъ съ истиннымъ вдохновеніемъ нѣсколько своихъ любимыхъ вещей. Лицо его, какъ всегда во время игры, приняло строгое, отрѣшенное отъ міра выраженіе. Она слушала его, и сердце ея замирало; ей казалось, что она играетъ недостойную роль, что этотъ человѣкъ — большой безпомощный ребенокъ, и она должна пощадить его.

Ея безумная веселость сразу утихла; она ласково и мягко простилась съ нимъ и позволила Тео поцѣловать себя на прощанье.

VII.

Наступилъ новый, необычайный фазисъ въ жизни Бриджетъ Мидъ.

Мать ея все еще не возвращалась; въ городъ пріѣхалъ Томми со своимъ репетиторомъ, оксфордскимъ студентомъ, м-ромъ Бебингтономъ. Юный лордъ обнаружилъ внезапную склонность къ занятіямъ вслѣдствіе заявленія Жуазеля, что виртуозъ долженъ быть человѣкомъ образованнымъ. Онъ привязался къ скрипачу, какъ ни къ кому на свѣтѣ, и глядѣлъ на него съ пламеннымъ обожаніемъ. Братъ и сестра проводили цѣлые дни на Golden-Square, гдѣ всѣ, словно по взаимному соглашенію, не заводили рѣчи о свадьбѣ. Съ возвращеніемъ лэди Кингсмидъ, положеніе дѣлъ не измѣнилось; Бриджетъ выѣзжала съ обоими Жуазелями и пользовалась большою свободою.

Однажды, заставъ дома одну г-жу Жуазель, она прошла къ ней въ комнату—очень простую, съ орѣховою старомодною мебелью и множествомъ фотографій Жуазеля во всѣхъ видахъ и возрастахъ. Въ углу темнѣло старинное распятіе и передъ нимъ prie-dieu. Отъ этой совсѣмъ не аристократической комнаты вѣяло душевнымъ миромъ. Хозяйка ея сидѣла въ креслѣ съ высокою спинкой и чинила носки. Бриджетъ поцѣловала petite mère и сѣла рядомъ съ нею. Она сама штопаетъ чулки?

— А какъ же? На Жуазелѣ все словно горитъ... У него есть привычка рвать воротнички рубашекъ. Особенно передъ концертомъ. Онъ бываетъ такой потѣшный...

Бриджетъ подумала, что слово „потѣшный“ не совсѣмъ умѣстно по отношенію къ великому артисту, но г-жа Жуазель словно угадала ея мысли.

— Для всѣхъ васъ онъ—знаменитость, великій человѣкъ, а для меня онъ—мужъ мой.—Она помолчала, а потомъ проговорила какъ-то неожиданно:—Хотите, я разскажу вамъ о немъ?

— Пожалуйста... О Нормандіи, о вашей прошлой жизни.

— Bien... Это заинтересуетъ васъ. Вы очень его любите?—спросила она вдругъ, поднявъ на дѣвушку свои живые свѣтлые глаза.

— Конечно... Онъ—такой чудесный!—проговорила Бриджетъ, чувствуя, что голосъ ея звучитъ неестественно. Она привыкла видѣть г-жу Жуазель во второстепенной роли, и даже не задавалась вопросомъ, есть ли у жены великаго человѣка своя соб-

ственная индивидуальность, но теперь она начала догадываться, что у нея есть свой умъ и своя воля.

Г-жа Жуазель стала разсказывать. Они подружились, еще будучи дѣтьми; Викторъ на два года моложе ея, а поженились они, когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, и затѣмъ уѣхали въ Руанъ, гдѣ онъ заканчивалъ свое музыкальное образованіе. Это было для нея самымъ тяжелымъ временемъ жизни. Почему? У него былъ дикій, необузданный характеръ. Музыка сводила его съ ума; онъ пристрастился къ игрѣ въ карты; кромѣ того, у него постоянно бывали исторіи съ женщинами. Онъ былъ въ то время красавецъ, начиналъ входить въ славу, всѣ онѣ бѣгали за нимъ... Ему это нравилось; ей—нѣтъ...

— Бѣдняжка!—проговорила Бриджетъ сочувственно.

Г-жа Жуазель продолжала. Вскорѣ они переѣхали въ Парижъ, гдѣ родился Тео. Мужъ былъ очень добръ къ ней во время ея болѣзни, онъ самъ купалъ маленькаго, возился съ нимъ. Они очень бѣдствовали; онъ страшно много работалъ и кончилъ тѣмъ, что заболѣлъ. Его послали къ морю; тамъ онъ познакомился съ какимъ-то владѣтельнымъ княземъ, уговорившимъ его переѣхать въ Мюнхенъ. Виктору тамъ очень понравилось, имъ увлеклась какая-то графиня—блондинка, громаднаго роста, настоящій гренадеръ...

— А онъ тоже влюбился въ нее?

— Да. Онъ временно во всѣхъ влюбляется, дорогая моя, но это у него проходитъ.

— Какъ вы спокойно къ этому относитесь! — вспыхнула Бриджетъ.

Покуда онъ, очевидно, восхищается ею, не отдавая себѣ точнаго отчета въ своемъ чувствѣ, но еслибы онъ вздумалъ серьезно въ нее влюбиться,—неужели придетъ минута, когда эта невзрачная „petite mère“ также зачислитъ ее въ разрядъ женщинъ, которыми онъ „временно“ увлекался?

— Сначала я относилась иначе. Я ревновала и сердилась, но ревнивая женщина всегда смѣшна; не одна женщина потеряла любимаго человѣка только потому, что выказала ревность. Съ теченіемъ времени я... свыклась. Tout passe, tout lasse...

— И теперь вамъ было бы все равно, еслибы?..—проговорила Бриджетъ, которая сидѣла согнувшись и подпирая подбородокъ обѣими руками.

Г-жа Жуазель разсмѣялась.

— Oh, chère enfant! Передъ вами у него была исторія съ итальянской актрисою, славившейся красивыми руками. Что съ

нимъ дѣлалось! Галстухи—не галстухи, ботинки—не ботинки. Посылалъ ей вороха цвѣтовъ и письма въ лиловыхъ конвертикахъ...

— И чѣмъ же это кончилось?—прервала Бриджетъ, ненавидя въ душѣ эту итальянку.

— Концъ былъ самый простой. Явились вы!

— Я?

— И онъ пришелъ въ такой восторгъ отъ... своей будущей дочери, что позабылъ свою любовь. Она скандалила, писала, и Тео ѣздилъ объясняться съ нею. Это онъ—уже не въ первый разъ.

— Тео?—Бриджетъ расхохоталась.

— Да. Онъ очень благоразуменъ. Этотъ не измѣнитъ вамъ, можете быть увѣрены. Онъ весь въ мою родню, и онъ, слава Богу, не артистъ.

VIII.

У Джеральда Кэррона умерла жена, съ которою онъ давно разошелся, и онъ, скрѣпя сердце, счелъ долгомъ сдѣлать предложеніе „Тони“. Лэди Кингсмидъ расплакалась, сказала, что уже не любитъ его, что она бываетъ ужасна по утрамъ и никто уже не станетъ любить ее. Изъ потока ея словъ онъ понялъ лишь одно,—что она не выйдетъ за него,—и вздохнулъ съ облегченіемъ. Она знала о его любви къ Бриджетъ и даже пыталась утѣшить его: онъ казался постарѣвшимъ, больнымъ и, какъ собака, заискивающе глядѣлъ въ глаза Бриджетъ. Онъ пробовалъ въ этотъ вечеръ заговаривать съ Жуазелемъ, обѣдавшимъ у лэди Кингсмидъ, но скрипачъ былъ необычайно разсѣянъ и молчаливъ. Сидя въ углу дивана, онъ курилъ папиросу за папиросой, словно забывъ о присутствіи дамъ и Кэррона. Лэди Кингсмидъ кончила тѣмъ, что, пожавъ плечами, ушла къ себѣ въ будуаръ и увела Джеральда.

Легкій вѣтеръ шевелилъ занавѣски; было душно; вдали послышался глухой раскатъ.

— Что съ вами, maître? — спросила Бриджетъ, замѣтивъ, какъ онъ вздрогнулъ.

— Я не люблю грозы,—отвѣтилъ онъ нервно.—А если вы хотите знать, что со мною, — я вамъ скажу. Во мнѣ обитаетъ богъ, но онъ молчитъ; у меня есть геній, и онъ пропадаетъ даромъ; у меня есть душа, и я гублю ее... Я—презрѣнное, недостойное существо.

Онъ былъ вполнѣ искрененъ въ своемъ самобичеваніи, лицо его было блѣдно, глаза трагически сверкали; онъ говорилъ, не глядя на дѣвушку, и, опустившись въ кресло, закрылъ лицо руками. Уже темнѣло, съ улицы доносились порывы вѣтра, изрѣдка — стукъ колесъ.

Бриджетъ долго смотрѣла на Жуазеля и затѣмъ нѣжно положила руку ему на голову.

— Вы устали. Гроза разстроила вамъ нервы.

— Нѣтъ, я не усталъ. Для меня прямо нѣтъ оправданія... Вы очень добры ко мнѣ, Brigitte, и я этого не заслуживаю.— Онъ приложилъ ея ладонь къ своему похолодѣвшему лбу.—Вы— ангелъ.

Въ эту минуту яркій зигзагъ молніи прорѣзалъ небо, и оглушительный ударъ грома потрясъ домъ. Жуазель, какъ ребенокъ, обхватилъ Бриджетъ руками и спряталъ лицо на ея груди, крѣпко прижимаясь къ ней. Ей показалось, что прошла цѣлая вѣчность, но вдругъ онъ выпустилъ ее и вскочилъ, лицо его измѣнилось.

— Прощайте, я долженъ идти... Простите.

Онъ говорилъ, не глядя на нее, и почти выбѣжалъ изъ комнаты.

Бриджетъ не удивилась, когда рано утромъ ей принесли отъ Жуазеля письмо.

Она плохо спала и понимала, что въ ихъ отношеніяхъ наступилъ кризисъ. Что онъ сдѣлаетъ? Будетъ ли торопить свадьбою, или?.. Онъ писалъ:

„Дорогая Brigitte.

„Долженъ на время проститься съ вами. Мнѣ предлагаютъ двухъ-мѣсячное турнэ по Америкѣ на очень выгодныхъ условіяхъ. Я заработаю кучу долларовъ на свадебный подарокъ. Что вы предпочитаете: бриллианты или кружева? Кружева — поэтичнѣе. До свиданія, дорогая моя, желаю вамъ счастья.

„Жуазель“.

Бриджетъ сѣла на постели, тяжело переводя дыханіе. Бѣгство! Вотъ этого она не предвидѣла! Вчерашнее случайное объятіе открыло ему глаза. Онъ испугался, что выдалъ себя. Но она не отпуститъ его.

Полчаса спустя, она уже выходила изъ кэба у подъѣзда дома въ Golden-Square. Ей отворилъ Жуазель, отступившій при видѣ ея.

— Вы?.. Развѣ вы не получили мою записку?

Брови его были нахмурены; онъ сурово смотрѣлъ ей въ глаза.

— Какую записку?—спросила она съ превосходно разыграннымъ изумленіемъ. — Мнѣ нужно было васъ повидать. Куда это вы такъ рано собрались?

— По дѣлу,—отвѣтилъ онъ, успокоиваясь и, очевидно, повѣривъ ей.

— Поѣдемте вмѣстѣ.

Онъ сказалъ кучеру адресъ театральнаго агентства. Жуазель былъ блѣденъ; онъ словно постарѣлъ за эту ночь, и Бриджетъ сразу съ необычайною ясностью поняла, что̀ ей слѣдуетъ дѣлать и ка̀къ себя держать для того, чтобы не отпустить его. Если только онъ заподозритъ ея чувство къ нему,—ничто въ мірѣ не удержитъ его здѣсь. Поэтому она начала̀ съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа шутить съ нимъ, подсмѣиваться надъ его страхомъ. Такое ребячество въ такомъ большомъ артистѣ! Тео и petite mère стали бы дразнить его, еслибы знали, какъ онъ испугался грозы....

— Ужасное идіотство, я знаю!—пробормоталъ Жуазель.

— А я пріѣхала просить васъ поѣхать со мною куда-нибудь за̀-городъ. Я задыхаюсь отъ духоты, у насъ дома непріятности. Женихъ мой уѣхалъ. Кто же позаботится обо мнѣ, кромѣ васъ?

Она болтала безъ умолку и въ то же время словно читала его мысли: „Она ничего не подозрѣваетъ; я—сильный человѣкъ, я не выдамъ себя, бояться нечего“...

— Хорошо, ma fille,—сказалъ онъ,—это—славная мысль, но я долженъ сперва послать телеграмму, а затѣмъ вы должны мнѣ обѣщать, что вернете мнѣ мою записку непрочитанною.

Ея изумленіе было превосходно разыграно.—Почему? Развѣ въ ней—непріятныя вещи?

— Вотъ именно!—Онъ разсмѣялся, блеснувъ своими ослѣпительными зубами. Онъ повеселѣлъ, какъ помилованный преступникъ.—Гроза меня разстроила, и я написалъ глупое письмо. Кучеръ, стой! Я сейчасъ пошлю телеграмму.

Онъ легко соскочилъ на троттуаръ, а Бриджетъ съ сильно бьющимся сердцемъ ждала его. Онъ послалъ отказъ,—онъ не поѣдетъ.

Жуазель вернулся—лучезарный, преображенный. Онъ купилъ у продавщицы массу желтыхъ розъ и бросилъ ихъ на колѣни Бриджетъ.

— Въ Falaise такихъ розъ—милліоны. Какой чудный день!

Они пообѣдали вдвоемъ въ ресторанчикѣ на берегу и долго

гуляли у моря. Сознаніе, что они стоятъ надъ бездною, придавало особую острую прелесть этой прогулкѣ. Жуазель разсказывалъ ей о своей молодости, о томъ, какъ онъ пріобрѣлъ свою знаменитую Амати у стараго антикварія въ Руанѣ, который, несмотря на предложенную ему высокую цѣну, не соглашался продать ее до тѣхъ поръ, покуда онъ не услышалъ его игры. Жуазель сыгралъ ему концертъ Чайковскаго. Въ лавкѣ было полутемно; старикъ сидѣлъ, закрывъ глаза, и слушалъ...

— И когда вы кончили?..—мягко спросила Бриджетъ.

— Онъ обнялъ меня, и Амати стала моей собственностью. Судьба странно играетъ нами. Еслибы не встрѣча моя въ дѣтствѣ со старымъ слѣпымъ скрипачомъ, я былъ бы теперь нормандскимъ крестьяниномъ, и вы, быть можетъ, купили бы у меня корзинку вишенъ...

Бриджетъ нахмурилась.

— Что за мысли! Вы—вы, и я не желаю никакой перемѣны.

— Вы мною гордитесь? — послѣдовалъ неожиданный вопросъ.

Она увидѣла въ немъ ловушку и отвѣтила дипломатически:

— Конечно! Вѣдь вы—отецъ моего будущаго мужа.

Она была почти рада, когда этотъ восхитительный, но опасный день кончился, и она вернулась домой.

IX.

Нѣсколько дней спустя, лордъ Кингсмидъ вбѣжалъ къ сестрѣ съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ Тео и проситъ ее выйти къ нему. На Golden-Square произошла какая-то ссора, maître разсердился, на кого-то накричалъ и уѣхалъ въ свой домикъ въ Чельси...

— Бриджетъ, — сразу началъ Тео, очень возбужденный и блѣдный,—когда же вы, наконецъ, выйдете за меня?

— Что это съ вами, Тео? — спросила она, инстинктивно готовая обороняться.

— То же, что и всегда. Простите, дорогая, я напугалъ васъ!—онъ сѣлъ и поцѣловалъ ея руки.—Кажется, я былъ достаточно терпѣливъ? Вѣдь мы помолвлены уже восемь мѣсяцевъ, а я люблю васъ.

— Но почему именно сегодня вы проявляете такую торопливость? Вчера вы были совсѣмъ другой.

Онъ вспыхнулъ.

Сегодня они получили письмо отъ дѣдушки и бабушки изъ

Falaise: они справляютъ въ сентябрѣ золотую свадьбу и просятъ, чтобы я привезъ имъ свою молодую жену.

Бриджетъ отошла къ окну; виски у нея сильно бились. Что ей дѣлать? Она хитростью удержала Жуазеля отъ того шага, который предписывала ему сдѣлать его совѣсть;—она запутала всѣ отношенія.

— Бриджетъ, неужели мысль о нашей свадьбѣ—такъ ужасна для васъ?

— Послушайте, Тео, я скажу вамъ... сегодня вечеромъ, то-есть, я назначу срокъ. Хорошо?

— Почему не сейчасъ?

— Потому что у меня есть на это свои причины. Я вѣдь говорила вамъ, что я капризна, что у меня есть странности. Я васъ предупреждала, милый мальчикъ.

Ей удалось успокоить и выпроводить Тео.

— А теперь, жалкое созданіе, — обратилась она къ самой себѣ,—пора покончить это такъ или иначе!

Она взяла кэбъ и поѣхала въ Чельси.

У Жуазеля былъ тамъ домикъ, принадлежавшій въ XVIII-мъ вѣкѣ какому-то художнику, построившему его по своему вкусу. Когда-то тамъ происходили веселыя пирушки, и воображеніе Бриджетъ сразу населило его роемъ призраковъ въ пудреныхъ парикахъ и шолковыхъ кафтанахъ. Она услышала звуки скрипки—рѣзкіе и дикіе; казалось, что это стонетъ раненое животное. Послѣ нѣсколькихъ дней выдержки онъ далъ волю своей тоскѣ, своему отчаянію. Дверь не была заперта, Бриджетъ вошла въ первую комнату. Онъ увидѣлъ ее—и теперь онъ не выронилъ скрипки, но прижалъ ее вмѣстѣ со скрипкою къ своей груди.

— Ma Brigitte! — повторялъ онъ, страстно ее цѣлуя.—Ты пришла! Ты знаешь?

— Да,—отвѣтила она мрачно.—Пустите меня, Викторъ! Мнѣ больно.

— Значитъ, ты не сердишься. Brigitte, я люблю тебя, люблю. Я—безчестный человѣкъ, дурной отецъ, заслужившій презрѣніе всѣхъ порядочныхъ людей,—но что же мнѣ дѣлать, если я люблю тебя?!..

Онъ положилъ скрипку и подошелъ къ ней.

— А ты?—спросилъ онъ глухо.

Минута наступила, и снова у нея была одна мысль, одна забота: какъ бы не лишиться его.

Онъ опустился передъ нею на колѣни и скрылъ лицо въ складкахъ ея платья.

— Викторъ, — проговорила она, вся дрожа, — вы не оставите меня?

Онъ поднялъ ее, какъ ребенка, и сжалъ въ своихъ объятіяхъ.

Затѣмъ, успокоившись, онъ во всемъ ей сознался: въ своей борьбѣ съ собственнымъ чувствомъ, въ своемъ желаніи уѣхать въ Америку, его удержало лишь то обстоятельство,—что она ни о чемъ не догадывалась, — но послѣдняя недѣля сломила его волю. Онъ все забылъ, кромѣ того, что онъ любитъ ее.

Въ своемъ счастіи, они не говорили о будущемъ, не строили плановъ. Онъ былъ нѣженъ и кротокъ, цѣловалъ ея руки и не сталъ ее удерживать, когда она захотѣла уѣхать. Она возвращалась домой съ задумчивой улыбкою на губахъ. Будь что будетъ. Онъ сказалъ, что изъ любви къ ней онъ сдѣлается первымъ артистомъ въ мірѣ; его слова: „ради тебя, моя возлюбленная!“—пѣли у нея на сердцѣ. По дорогѣ ее обогналъ экипажъ, и ей показалось, что она видитъ лицо Джеральда. Неужели онъ слѣдилъ за нею?

— Проснитесь, Тони, и бросьте вашего кота!—грубо проговорилъ Джеральдъ, входя къ лэди Кингсмидъ, полулежавшей на кушеткѣ съ Омаромъ на колѣняхъ.

— Что случилось?

— Нѣчто интересное. Бриджетъ—любовница Жуазеля-отца.

— Вы съ ума сошли!

— Я самъ видѣлъ, какъ она выходила отъ него въ Чельси. Она пробыла съ нимъ наединѣ больше часу, и еслибы вы видѣли ея лицо...

Зубы его стучали какъ въ лихорадкѣ. Лэди Кингсмидъ встала.

— Вы пьяны, Джеральдъ, или вамъ пригрезилось. Да вы больны!—съ испугомъ воскликнула она, такъ какъ онъ, повалившись на диванъ, судорожно зарыдалъ. Она стала тереть ему виски спиртомъ и дала выпить ему успокоительныхъ капель. Въ это время вошла Бриджетъ.

— Ухаживайте за нимъ!—воскликнула она взбѣшенная:—за этимъ старымъ развратникомъ, шпіономъ, который проходу мнѣ не даетъ, который мститъ мнѣ за то, что я отвергла его гнусныя предложенія...

Она вышла изъ себя, говорила несдержанно и рѣзко, и лэди Кингсмидъ, только-что защищавшая ее, теперь обратилась противъ нея. Обѣ женщины, забывъ о свѣтскомъ лоскѣ и воспитаніи, осыпали другъ друга язвительными словами.

— Недоставало только, чтобы вы ему повѣрили!—крикнула, наконецъ, Бриджетъ.

— Я вѣрю ему!—отвѣтила выведенная изъ терпѣнія мать.

Бриджетъ поблѣднѣла и молча вышла, рѣшивъ, что не останется дольше въ этомъ домѣ. Послѣ вечера у м-ссъ Ньюлинъ она переночуетъ у Ленскихъ, а затѣмъ какъ-нибудь устроится. Одного ей жаль—Томми, но „глава семьи“ еще слишкомъ малъ и не можетъ защищать ее отъ оскорбленій.

X.

У Ньюлиновъ обѣдали за маленькими столиками, и вслѣдствіе случайной перемѣны въ составѣ гостей, Бриджетъ со своимъ кавалеромъ очутилась за однимъ столомъ съ Жуазелемъ и его дамою—лэди Софи, воздушнымъ созданіемъ, пристававшимъ къ нему съ разспросами о Роденѣ.

Тео пріѣхалъ поздно, уже къ танцамъ, и, поклонившись Бриджетъ, пригласилъ ее на вальсъ. Она опустила руку на его плечо, и они закружились. Онъ надѣется на благопріятный отвѣтъ. Что она скажетъ ему?

Они остановились у балконной двери, и онъ, наклонясь къ ней, вопросительно шепнулъ:

— Ну, что же, Бриджетъ?

И она безсознательно отвѣтила:

— Да, да... Но—спросите у папа́: чѣмъ мы съ нимъ порѣшили?

— Спросить у папа́?

— Да, мы говорили съ нимъ въ началѣ вечера. Онъ знаетъ... что нужно сдѣлать, и онъ скажетъ вамъ.

Тео ушелъ, и она прислонилась къ косяку двери, думая о томъ, что отвѣтитъ Жуазель.

Она не имѣла намѣренія возлагать на него отвѣтственность за будущее. Слова эти неожиданно сорвались у нея, но они были сказаны. Откажется ли онъ взять на себя рѣшеніе, или—худшее изъ всего—не уѣдетъ ли онъ въ Америку?

Полузакрывъ глаза, она ждала. Когда они подошли къ ней, она услышала смѣхъ Тео. Это рѣзнуло ее по туго натянутымъ нервамъ.

— Чему вы смѣетесь?

— Право, не помню. Папа́ сказалъ что-то забавное.

Жуазель подошелъ къ ней; она увидѣла, что лицо его было нѣсколько сумрачно, но глаза горѣли.

— Eh bien,—спросилъ онъ,—почему вы прислали за мной, o, belle des belles?

Значитъ, Тео еще не говорилъ съ нимъ?..

— Тео торопитъ меня, — начала она тихо: — онъ желаетъ, чтобы я назначила день свадьбы. А я... я все не могу рѣшиться, и такъ какъ мы уже говорили объ этомъ съ вами, то я хотѣла бы, чтобы вы рѣшили за насъ.

Жуазель помолчалъ. Тео ждалъ напряженно и взволнованно. Наконецъ, Жуазель заговорилъ быстро и нѣсколько спутанно:

— Тутъ есть и *за*, и *противъ*. Бриджетъ что-то говорила насчетъ платьевъ и прочаго... не правда ли? Затѣмъ, я долженъ ѣхать на мѣсяцъ въ Испанію. Можно назначить свадьбу или на іюнь, или—можетъ быть—отложить ее до осени?..

Онъ сталъ закуривать папиросу, и Бриджетъ перевела духъ. Слава Богу, онъ не торопится выдавать ее. Спичка Жуазеля упала на полъ, папироса такъ и осталась незакуренной.

— Я такъ долго и терпѣливо ждалъ,—проговорилъ молодой человѣкъ съ волненіемъ,—вѣдь *я* люблю ее, отецъ, нашей помолвкѣ скоро будетъ годъ...

Рука Жуазеля дрогнула.

— Ты правъ,—произнесъ онъ отрывисто,—я думаю...

Бриджетъ ближе подошла къ нему и судорожно сжала его руку.

— Онъ правъ, beau-père,—сказала она.—Я знаю, что я—невыносимое созданіе, но у меня есть на это причины, Тео, о которыхъ я покуда не могу вамъ говорить.

Жуазель громко разсмѣялся.

— Знаете ли что, дѣти мои,—въ спорѣ влюбленныхъ случай долженъ сыграть рѣшающую роль. Хотите, я брошу монету? Если она упадетъ лицевой стороной — свадьба въ іюнѣ. Если оборотною—свадьба будетъ осенью. Согласны?

Тео отвернулся, и Бриджетъ могла взглянуть въ лицо Жуазелю. Оно не выражало ни смущенія, ни угрызеній,—лишь одно безумное желаніе, чтобы любимая имъ женщина дольше оставалась свободною. Монета была подброшена и упала на ладонь Жуазеля.

— Оборотная сторона!

Тео молча повернулся и вышелъ въ бальную залу, а Бриджетъ очутилась на одинъ безумный мигъ въ объятіяхъ его отца.

— Мы выиграли, mon adorée, mon adorée! Слава Богу!

Она выскользнула изъ его объятій и прошептала:

— Я должна говорить съ вами завтра въ Чельси.

XI.

Бриджетъ стояла у стола—блѣдная и строгая. Она разсказала ему о разрывѣ съ матерью. Сегодня она ночевала у Ленскихъ и уже написала, чтобы ей прислали туда ея вещи. Но главное — не въ этомъ; вчерашняя сцена убѣдила ее въ томъ, что ничто на свѣтѣ не можетъ заставить ее выйти за Тео. Это — ея окончательное рѣшеніе. Довольно лжи, сдѣлокъ съ собою; какою бы то ни было цѣною она вернетъ себѣ свободу.

— Вы не выйдете за Тео?

— Нѣтъ.

Они стояли другъ противъ друга словно враги,—блѣдные, съ горящими глазами.

— Что же вы намѣрены дѣлать? — спросилъ онъ очень тихо и медленно.

— Уѣду куда-нибудь. Съ Ленскими или одна.

— За кого вы выходите замужъ? — вдругъ крикнулъ онъ бѣшено, охваченный внезапной подозрительностью.

Она задорно разсмѣялась.

— Не знаю. Можетъ быть — за лорда Понтифрэкта, когда онъ вернется изъ Индіи.

— Я убью его!..

— Вы скажете Тео?

— Нѣтъ. Я не могу. И вы никуда не уѣдете. Или нѣтъ, Brigitte, вы уѣдете со мной. Если вы не выходите за Тео — ничто не стоитъ между нами. Вы правы: довольно лжи! Я боролся съ собою, какъ только могъ, но у меня не хватаетъ силъ отказаться отъ васъ. Мы уѣдемъ вмѣстѣ...

Онъ порывисто привлекъ ее къ себѣ и сталъ нашептывать ей страстныя, безсвязныя слова.

— Ты уѣдешь со мною? Ты будешь моею? Навсегда? Скажи!

И она, обвивъ его шею руками, покорно отвѣтила:

— Мы уѣдемъ вмѣстѣ. Навсегда.

Бриджетъ Мидъ почти не ложилась въ эту ночь. Она укладывалась, рвала бумаги, писала письма,—она сжигала свои корабли. Томми она написала, что уѣзжаетъ и потомъ сообщитъ ему подробности. Ея записка къ м-ссъ Ленской была откровеннѣе.

„Дорогая моя. Я уѣзжаю съ Викторомъ Жуазелемъ. Ты

знаешь о моей любви къ нему и, можетъ быть, не осудишь меня слишкомъ сурово. Я не могу быть счастливою безъ него, и онъ не будетъ счастливъ безъ меня. Меня терзаетъ мысль о Томми, но современемъ онъ поймете и проститъ. Передъ Тео я очень виновата, но онъ такъ любитъ отца, что, вѣроятно, примирится съ тѣмъ, что случилось. Еще остается бѣдная Фелиситэ; она давно уже догадалась, но смотрѣла на нашу любовь какъ на влюбленность — съ моей стороны — и на мимолетную прихоть артиста—съ его стороны. Конечно, она будетъ страдать, но зато онъ будетъ счастливъ. Прощай.—Твоя Бриджетъ".

Бриджетъ въ капотѣ прилегла на кровать. Завтра они съ Викторомъ будутъ въ Парижѣ. Ей все равно. Пусть онъ везетъ ее куда хочетъ. Она задремала, и ей приснилось, что она стоитъ на залитомъ солнцемъ лугу и прислушивается къ отдаленнымъ звукамъ свирѣли. Нѣтъ, это не свирѣль, это—нормандская колыбельная пѣсенка, которую онъ игралъ Томми, когда мальчикъ былъ боленъ. Il était une bergère, hé ron, ron, ron!

Вдругъ она проснулась. Солнце ярко свѣтило; передъ ней стоялъ Тео.

— Бриджетъ,—проговорилъ онъ, глотая слезы,—пойдемте къ намъ. Мать моя умерла.

XII.

Фелиситэ умерла во снѣ, вѣроятно — на разсвѣтѣ, въ то время, какъ онъ мечталъ о женщинѣ, ради которой онъ собирался покинуть ее. Онъ случайно коснулся ея руки—она была уже холодная. Докторъ могъ только констатировать смерть отъ разрыва сердца. У нея было плохое сердце, но она никогда не лечилась. Наканунѣ она была весела и — что рѣдко бывало — попросила Жуазеля поиграть ей. Они рано легли спать. Отецъ казался очень усталымъ.

Бриджетъ не смѣла разспрашивать. Неужели онъ сказалъ ей, когда они остались одни? Безуміе любви его было такъ сильно, что онъ не остановился бы передъ этимъ, да и она привыкла выслушивать его признанія и даже — утѣшать своего великаго человѣка въ его любовныхъ страданіяхъ...

— Отецъ все время молчитъ. Я какъ-то боюсь за него,— сказалъ Тео.

Они безшумно вошли въ ея комнату. Фелиситэ, съ четками въ рукахъ, лежала на постели; ея маленькое восковое лицо было

спокойно. Нѣтъ, она умерла, не подозрѣвая истины! Передъ кроватью, спрятавъ голову въ подушки, стоялъ на колѣняхъ Жуазель.

При стукѣ отворившейся двери онъ вздрогнулъ и поднялся.

— Она умерла, — проговорилъ онъ медленно, — жена моя умерла.

Бриджетъ, вошедшая одна, ухватилась за стулъ при видѣ его лица. Это было лицо старика—прорѣзанное глубокими складками, съ ввалившимися, погаснувшими глазами; въ ореолѣ совсѣмъ сѣдыхъ волосъ—оно казалось старческимъ.

— Моя жена умерла!—повторилъ онъ.

Онъ отвернулся; слезы его закапали на рабочую корзину, стоявшую на столикѣ. Онѣ лились неудержимымъ потокомъ.

— Викторъ!—прошептала Бриджетъ, сжавъ руки.

Онъ обернулся къ ней и указалъ ей на постель.

— Простите,—сказалъ онъ съ видимымъ усиліемъ,—я не въ силахъ говорить. Жена моя умерла.

Бриджетъ поняла. Она тихо вышла изъ комнаты, оставивъ его наединѣ съ единственной женщиной, которую онъ любилъ настоящею любовью.

О. Ч.

ПРИГОВОРЪ
ПРИВЕДЕНЪ ВЪ ИСПОЛНЕНІЕ

Сцена изъ разсказа Кюэсти Вилькуна.

Какъ бы жалуясь на стужу, скрипѣлъ и хрустѣлъ подъ ногами хрупкій послѣ мороза снѣгъ, когда лэнсманъ [1]) отправлялся съ полицейскимъ въ одну глухую финскую деревушку по служебному дѣлу. Зимній путь извивался среди лѣса, занесеннаго снѣгомъ луговъ да деревенскихъ задворковъ и овиновъ; такъ пришлось ѣхать цѣлое утро. Морозъ щипалъ носъ; лэнсманъ закутался съ головой въ свою просторную шубу и сидѣлъ не шевелясь; лошадью правилъ полицейскій.

Лэнсманъ думалъ о цѣли своего путешествія, не совсѣмъ обыкновенной и для него совершенно новой. А именно, ему нужно было присутствовать при исполненіи приговора, вынесеннаго въ послѣднюю осеннюю сессію суда. Наказывать надо было десятилѣтняго мальчугана; отецъ въ присутствіи представителя власти долженъ былъ подвергнуть его тѣлесному наказанію за то, что мальчикъ нечаянно застрѣлилъ свою младшую сестренку.

Дѣти, когда старшихъ не было дома, стали какъ-то играть въ охоту; одинъ изъ мальчиковъ, взявши со стѣны отцовское ружье, гнался за зайцемъ, котораго изображала собою сестренка. Ружье было заряжено, раздался выстрѣлъ, пуля попала сестренкѣ въ глазъ, и она тутъ же умерла. Старшіе съ перепугу представили себѣ, что со стороны начальства послѣдуетъ ужасное наказаніе, и попытались скрыть бѣду. Сосѣдямъ разсказали, что дѣвочка

[1]) Становой.

упала въ лѣсу, острая сухая вѣтка воткнулась ей въ глазъ и причинила моментальную смерть. Но сосѣди узнали, въ чемъ дѣло, и когда трупъ дѣвочки принесли уже на кладбище въ покойницкую, слухъ о ея смерти дошелъ до начальства. Назначено было слѣдствіе, и слухъ оказался справедливымъ. Стариковъ прижали, и они съ плачемъ и стонами разсказали, какъ дѣло было въ дѣйствительности. Отца вызвали въ судъ и постановили, „въ виду смягчающихъ обстоятельствъ", высѣчь мальчика въ присутствіи представителя власти „за неосторожное обращеніе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, послѣдствіемъ чего была смерть, такъ какъ „жизнь человѣческая настолько дорога, что отнятіе ея не можетъ оставаться безнаказаннымъ": это пояснялъ во время перерыва одинъ изъ судей собравшейся публикѣ...

Дорога была длинная. Съ окоченѣвшими ногами сидѣлъ лэнсманъ въ саняхъ и обдумывалъ, какъ бы ему поприличнѣе исполнить противный долгъ. Отдѣлаться ли однимъ посѣщеніемъ дома, или дѣйствительно потребовать, чтобы отецъ въ его присутствіи высѣкъ мальчика? Это казалось ему совсѣмъ ненужнымъ и даже просто глупымъ.

Онъ вытянулъ голову изъ поднятаго воротника шубы и заговорилъ объ этомъ дѣлѣ съ полицейскимъ. Но полицейскій считалъ дѣло совершенно естественнымъ и нисколько не заботился о томъ, какъ его исполнить. Судъ приговорилъ высѣчь мальчика,—значитъ, онъ и будетъ высѣченъ. Это ясно. Отецъ охотно исполнитъ это, разъ все дѣло окончится такимъ пустякомъ. Пока они погрѣются и покурятъ, отецъ продѣлаетъ все, что̀ надо, и, значитъ, приговоръ будетъ исполненъ.

Такъ какъ полицейскій очень просто смотрѣлъ на дѣло, то и у лэнсмана совсѣмъ отлегло на душѣ, такъ что остальную дорогу они бесѣдовали о посторонникъ вещахъ.

Полицейскій остановилъ лошадь во дворѣ какого-то бѣднаго на видъ домишка, и когда лэнсманъ вылѣзъ изъ саней, онъ увидалъ сквозь оттаявшую щелку въ обледенѣломъ оконномъ стеклѣ, какъ промелькнуло удивленное лицо и тотчасъ же скрылось, точно оно испугалось привидѣнія. Когда онъ вошелъ въ избу, тамъ была исхудалая и подслѣповатая женщина съ шестерыми дѣтьми. Чуть слышно отвѣтила она на привѣтствіе лэнсмана и начала какъ-то растерянно и безпомощно раздувать тлѣвшій подъ таганомъ хворостъ. Дѣти, шумно возившіяся среди опрокинутыхъ стульевъ и разбросанныхъ по полу полѣньевъ, при входѣ лэнсмана тотчасъ же замолкли и сбились въ кучку въ дальнемъ уголкѣ, искоса поглядывая оттуда на гостя въ пышной шубѣ.

— Хозяина дома нѣтъ?—спросилъ лэнсманъ, чтобы завязать разговоръ, и подсѣлъ поближе къ огню.

— Въ лѣсу дрова рубитъ, но долженъ сейчасъ придти.

Голосъ у хозяйки дрожалъ; отвѣчая, она не взглянула на лэнсмана.

Въ избѣ было такъ тихо, что слышалось только, какъ хозяйка упорно дуетъ на хворостъ, да какъ выбиваетъ дробь вставленная вмѣсто разбитаго стекла берёста, когда во дворѣ загудитъ вѣтеръ.

Такъ какъ полицейскій все еще возился во дворѣ съ лошадью, лэнсманъ чувствовалъ себя непріятно и снова попытался завести разговоръ.

— Это все ваши дѣтки?

— Наши...

— Надо ихъ вырастить... шестеро!

— Вонъ тамъ седьмой! — и хозяйка взглянула на постель въ заднемъ углу.

Лэнсманъ посмотрѣлъ туда и увидѣлъ подъ грязно-сѣрой полостью что-то свернувшееся тихонько въ комочекъ. Это былъ десятилѣтній мальчикъ Юсси, застрѣлившій нечаянно свою сестру. Когда во дворѣ звякнулъ колокольчикъ, онъ сперва влѣзъ на лавку и взглянулъ сквозь оттаявшую въ оконномъ стеклѣ щель на дворъ, затѣмъ, перепугавшись, бросился въ кровать и зарылся съ головой подъ одѣяло.

— Да одинъ ребенокъ у васъ умеръ, — продолжалъ бесѣду лэнсманъ.

— Да.

Сказавъ это, хозяйка въ первый разъ взглянула на лэнсмана, и въ глазахъ ея мелькнулъ испугъ.

Лэнсманъ и полицейскій ждали хозяина изъ лѣса.

Съ обледенѣлой бородой и со слипшимися вѣками вошелъ онъ, распрягши лошадь, въ избу и, увидавъ лэнсмана, такъ же растерялся, какъ и хозяйка. Въ дверяхъ еще, онъ сдернулъ съ головы шапку и хотѣлъ подойти къ очагу, чтобы оттаять сосульки съ бороды, когда лэнсманъ всталъ и протянулъ ему руку, дружески здороваясь съ нимъ. Точно растерявшись отъ этого неожиданнаго обстоятельства, протянулъ и онъ дрожащую руку и поклонился неуклюже и смущенно, что̀ снова привело лэнсмана въ тяжелое настроеніе.

Хозяинъ выслушалъ, по какому дѣлу пріѣхалъ лэнсманъ, и еще болѣе растерялся. Онъ присѣлъ-было къ очагу и попытался закурить трубку, но вскочилъ, прежде чѣмъ она разгорѣлась, по-

дошелъ къ окну и заглянулъ сквозь уголокъ стекла на дворъ. Потомъ повернулся къ лэнсману и спросилъ низкимъ, неувѣреннымъ голосомъ:

— Можетъ быть, всего лучше—сейчасъ и высѣчь?

— Да... да нѣтъ...—отвѣтилъ лэнсманъ, смотря на полъ.

Хозяинъ вышелъ, вернулся съ обмерзлымъ березовымъ прутомъ и сталъ оттаивать его передъ огнемъ. Хозяйка сѣла на скамейку за загородкой и уставилась въ полъ, сложивъ руки; дѣти, по-прежнему, неподвижно стояли кучкой.

Хозяинъ оглянулъ дѣтей.

— Гдѣ же Юсси? Нѣтъ его...

— Онъ вонъ тамъ, въ постели, — объяснила старшая изъ сестеръ, вытаскивая палецъ изо рта и показывая имъ на постель.

Одѣяло на постели зашевелилось.

— Ну, иди сюда, Юсси!—сказалъ хозяинъ, и голосъ у него дрогнулъ.

Хозяйка еще больше уставила глаза въ полъ, а дѣти повернулись къ постели.

— Ну, не слышишь, что-ли!—и голосъ отца зазвучалъ повелительно.

Одѣяло снова зашевелилось, верхній край приподнялся, и льняная головка Юсси тяжело поднялась, точно налитая свинцомъ. Все стихло въ избѣ, только берёста въ окнѣ выбивала дробь, какъ будто она торопила Юсси, а тотъ необыкновенно медленно и какъ бы черезъ силу спустился съ кровати на полъ. Вставши, онъ пугливо оглянулся кругомъ, увидалъ возлѣ очага отца съ выжидательнымъ выраженіемъ лица, и пошелъ, болѣзненно искрививъ ротъ, къ нему—медленно и пошатываясь. Подойдя ближе, онъ разразился громкимъ плачемъ и прижался къ отцовскимъ колѣнямъ. Отецъ началъ дрожащими руками разстегивать штанишки Юсси и, когда ему удалось это сдѣлать, зажалъ Юсси между колѣнями, взглянулъ растерянно на лэнсмана и схватилъ розгу. Лэнсманъ смотрѣлъ внизъ; хозяйка прижала платокъ къ глазамъ, уперлась локтями въ колѣни и, опустивъ голову на руки, залилась горючими слезами. Дѣти, перепуганныя, смотрѣли то на мать, то на Юсси, бившагося подъ равномѣрными ударами розги въ колѣняхъ у отца и кричавшаго во все горло,—и одинъ за другимъ они тоже разразились громкимъ плачемъ. У отца, равномѣрно отсчитывавшаго удары, дрогнулъ подбородокъ, и вдругъ на бороду посыпались крупныя слезы. Дворовая собака, съ черной жесткой шерстью и торча-

щими ушами, усѣлась на полу, противъ хозяина, и слѣдила умными глазами, повернувъ голову на бокъ, за тѣмъ, что дѣлалъ хозяинъ. Когда хозяйка и дѣти одинъ за другимъ заплакали, то и она пришла въ безпокойство, усиленно замахала влажной мордой, вскочила, бросилась во дворъ и жалобно завыла.

Лэнсману было ужасно тяжело, и несмотря на то, что въ избѣ было холодно, руки у него стали влажными. Онъ взглянулъ искоса на полицейскаго. Тотъ сидѣлъ съ недовольнымъ видомъ и старательно разглядывалъ полъ между ногъ, — гдѣ набралась уже кучка пепла отъ его сигары, а рядомъ — лужица слюны. Когда къ раздававшимся въ избѣ воплямъ прибавился еще и собачій вой, полицейскій вдругъ началъ съ какимъ-то озлобленіемъ растирать ногой пепелъ и слюну, и продѣлалъ это такъ основательно, что и то, и другое исчезло почти безслѣдно. И озабоченный именно этой чисткой, онъ смотрѣлъ все упорно въ полъ; окончивъ чистку, онъ поднялъ голову и взглянулъ на лэнсмана. Лэнсману становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Нетерпѣливо поглядывалъ онъ на хозяина, стараясь сказать: „Да бросьте же!“—но не могъ ничего сказать. Хозяинъ иначе понималъ его сердитые взгляды и продолжалъ усердно и съ не заслуживающимъ похвалы рвеніемъ равномѣрно взмахивать розгой, увѣренный, что съ представителемъ власти не сторгуешься.

Такъ какъ взмахи розги и вопли грозили, повидимому, никогда не кончиться, лэнсманъ вскочилъ, нервно шагнулъ раза два и, остановившись около хозяина, нетерпѣливо взмахнулъ рукой и выкрикнулъ:

— Ну, довольно!

Хозяинъ удержалъ розгу, поднялъ голову и удивленно взглянулъ на лэнсмана. Какъ бы еще сомнѣваясь, онъ спросилъ:

— Будетъ ужъ съ него?

— Будетъ, будетъ ужъ!..

— Ну... коли будетъ, такъ и довольно...

Онъ выпустилъ изъ колѣнъ мальчика и бросилъ розгу въ огонь, какъ будто она вдругъ стала жечь ему руки. Юсси, очутившись на свободѣ, подхватилъ обѣими руками штанишки, поднялъ ихъ и убѣжалъ въ постель. Мелькнулъ еще разъ выставившійся изъ штанишекъ кусокъ рубахи, когда онъ нырнулъ съ головой подъ дружески укрывшее его отъ стыда одѣяло. У матери точно гора съ плечъ свалилась; она вытерла глаза и, оправивъ платокъ, поспѣшила опять къ тагану—размѣшать шипѣвшій

подъ нимъ хворостъ. Хозяинъ закурилъ трубку и спокойно началъ разговоръ... о плохой дорогѣ.

Но лэнсману хотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать. Онъ надѣлъ шубу, попрощался и вышелъ. Въ дверяхъ лэнсманъ слышалъ еще, какъ въ постели, изъ-подъ одѣяла, переходили въ икоту затихавшія всхлипыванія Юсси.

Съ финскаго Вяч. Б.

ТОРЕАДОРЪ

ПОВѢСТЬ.

— Vincente B. Ibanez. Sangre y Arena.

Окончаніе.

II *).

Когда у сеньоры Ангустіасъ умеръ мужъ, сеньоръ Хуанъ Гальярдо, почтенный сапожникъ, мастерская котораго помѣщалась въ подъѣздѣ одного изъ домовъ въ кварталѣ Ферія, она плакала и отчаявалась, какъ полагается въ такихъ случаяхъ; но въ глубинѣ ея души таилось чувство облегченія, какъ у человѣка, который можетъ, наконецъ, отдохнуть послѣ долгаго пути, освободившись отъ тяготившей его большой тяжести.

— Успокой, Господи, его душу! Какой онъ былъ честный человѣкъ! Какая добрая душа! Какой работникъ! — говорила она.

Въ теченіе двадцати лѣтъ совмѣстной жизни онъ не причинялъ ей никакого горя, кромѣ обычныхъ печалей, омрачающихъ жизнь женщинъ въ рабочихъ кварталахъ. Изъ трехъ пезетъ, которыя онъ зарабатывалъ среднимъ числомъ въ день работой, онъ отдавалъ одну сеньорѣ Ангустіасъ на всѣ расходы по дому, оставляя двѣ другія на содержаніе собственной особы и на расходы по представительству. Нужно вѣдь было имѣть, чѣмъ отплатить друзьямъ, когда они приглашали его выпить, а

*) См. выше: октябрь, стр. 719.

андалузское вино, по тому самому, что оно славитъ Создателя своимъ высокимъ качествомъ, очень дорого стоитъ. Необходимо было также ходить на бои быковъ. Вѣдь если человѣкъ не пьетъ и не ходитъ на корриды, то ему и жить на свѣтѣ не стоитъ.

Сеньорѣ Ангустіасъ, имѣвшей двухъ дѣтей, Энкарнаціонъ и Хуанильо, приходилось очень изощрять умъ и проявлять самыя разнообразныя способности для того, чтобы сводить концы съ концами. Она ходила на работу въ болѣе зажиточныя семьи въ кварталѣ, шила на сосѣдокъ, покупала старыя платья и украшенія для одной своей пріятельницы, торговавшей старымъ платьемъ, и дѣлала папиросы на заказъ. Это ей напоминало ея молодость, когда сеньоръ Хуанъ, очень пылкій ухаживатель, приходилъ за нею на табачную фабрику, въ часъ окончанія работы.

Она никогда не могла пожаловаться ни на измѣну, ни на дурное обращеніе со стороны мужа. По субботамъ, когда сапожникъ возвращался пьяный поздно ночью и его поддерживали съ обѣихъ сторонъ его пріятели, онъ вносилъ въ домъ веселье и нѣжность. Сеньорѣ Ангустіасъ приходилось вталкивать его въ домъ силой, потому что онъ упрямо стоялъ у дверей, хлопая въ ладоши и напѣвая отяжелѣвшимъ голосомъ протяжныя любовныя пѣсни въ честь своей дородной подруги. И когда, наконецъ, дверь затворялась за нимъ и сосѣди лишались веселаго зрѣлища, сеньоръ Хуанъ высказывалъ непремѣнное желаніе пойти къ дѣтямъ, уже лежавшимъ въ постеляхъ. Онъ цѣловалъ ихъ, смачивая ихъ лица слезами, и снова начиналъ пѣть хвалы сеньорѣ Ангустіасъ (первая женщина въ мірѣ!), пока, наконецъ, она переставала хмурить брови и начинала смѣяться, раздѣвая его и обращаясь съ нимъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ.

Пьянство было его единственнымъ порокомъ. Ни о женщинахъ, ни объ игрѣ бѣдняга никогда и не думалъ. Хотя онъ изъ эгоизма и любилъ хорошо одѣваться, въ то время какъ семья его ходила въ лохмотьяхъ, а также очень неравномѣрно распредѣлялъ свои заработки, но все же онъ проявлялъ иногда благородство въ обращеніи съ женой. Сеньора Ангустіасъ съ гордостью вспоминала, какъ въ дни большихъ праздниковъ Хуанъ заставлялъ ее надѣть ея манильскую шаль, мантилью, которую она носила на свадьбѣ, бралъ за руки дѣтей и шелъ рядомъ съ нею въ своей бѣлой касторовой шляпѣ. Такъ они отправлялись гулять въ Ласъ-Делиціасъ, имѣя видъ зажиточной купеческой семьи. Въ дни дешевыхъ корридъ онъ бывалъ чрезвычайно

предупредителенъ къ ней и угощалъ ее бѣлымъ виномъ въ одномъ изъ кафѣ на Плаца-Новва.

Это счастливое время осталось теперь только блѣднымъ воспоминаніемъ въ памяти бѣдной женщины.

Сеньоръ Хуанъ заболѣлъ чахоткой, и въ теченіе двухъ лѣтъ женѣ его приходилось ухаживать за нимъ, умножая свое трудолюбіе и свои таланты, чтобы самой добыть деньги, которыя прежде давалъ ей на хозяйство мужъ. Въ концѣ концовъ, онъ умеръ въ госпиталѣ, примирившись со своей судьбой, увѣренный, что жить не стоитъ безъ бѣлаго вина и боя быковъ. Его послѣдній взоръ, полный нѣжности и восхищенія, обращенъ былъ на жену. Онъ точно воскликалъ безмолвнымъ взглядомъ: „Вотъ первая женщина въ мірѣ!“

Когда сеньора Ангустіасъ осталась одна, положеніе ея не ухудшилось. Напротивъ того, ей сдѣлалось нѣсколько легче, когда она освободилась отъ человѣка, ставшаго для нея бременемъ за два послѣдніе года. Она была энергичная и рѣшительная женщина и сразу опредѣлила дорогу своимъ дѣтямъ. Энкарнаціонъ, которой было семнадцать лѣтъ, поступила на табачную фабрику; мать смогла опредѣлить ее туда, благодаря сохранившимся отношеніямъ съ подругами юности, сдѣлавшимися теперь надзирательницами на фабрикѣ. Хуанильо, который съ дѣтства проводилъ цѣлые дни въ мастерской отца и смотрѣлъ на его работу, долженъ былъ, по рѣшенію его матери, тоже стать сапожникомъ. Она взяла его изъ школы, гдѣ онъ научился лишь плохо читать, и въ двѣнадцать лѣтъ онъ поступилъ ученикомъ въ одну изъ лучшихъ сапожныхъ мастерскихъ въ Севильѣ.

Съ этого времени и началась мука несчастной женщины.

Господи, что это былъ за мальчикъ! А еще сынъ почтенныхъ родителей... Почти каждый день, вмѣсто того, чтобы идти въ мастерскую, онъ отправлялся на бойню вмѣстѣ съ другими озорниками, сходясь съ ними на бульварѣ. На радость и развлеченіе пастуховъ и мясниковъ, они шли съ плащами на быковъ, которые ихъ часто сваливали на землю и топтали. Сеньора Ангустіасъ проводила много ночей безъ сна за шитьемъ, для того, чтобы сынъ ея отправлялся въ мастерскую въ чистомъ платьѣ, и бывала въ ужасѣ, когда мальчишка возвращался домой въ разорванныхъ штанишкахъ, въ грязной куртвѣ, съ расцарапаннымъ лицомъ. Онъ тогда долго стоялъ передъ дверями, боясь гнѣва матери, и только голодъ заставлялъ его показаться ей на глаза.

Къ ударамъ, полученнымъ отъ быковъ, присоединялись коло-

тушки матери, но герой бойни готовъ былъ все снести, лишь бы его накормили. „Бей сколько хочешь, только дай ѣсть!“ Проголодавшись послѣ своихъ геройскихъ подвиговъ, онъ жевалъ черствый хлѣбъ, гнилые бобы, тухлую треску и другіе припасы, которые покупала мать, отыскивая самое дешевое въ лавкахъ, для того, чтобы прокормить семью какъ можно дешевле.

Она проводила весь день въ чужихъ домахъ и только изрѣдка имѣла возможность заняться сыномъ. Тогда она отправлялась къ его хозяину, чтобы освѣдомиться объ его успѣхахъ, и возвращалась всегда домой изъ сапожной мастерской взбѣшенная, придумывая всевозможныя наказанія, которыя могли бы исправить ея озорника.

Онъ большей частью совсѣмъ не приходилъ въ мастерскую. Утро онъ проводилъ на бойнѣ, а днемъ стоялъ часами вмѣстѣ со своими товарищами, такими же шалунами, какъ и онъ, на улицѣ Ласъ-Сіэрпэсъ, глядя съ восхищеніемъ на тореадоровъ безъ ангажемента, которые собирались тамъ, разряженные въ новые костюмы, съ шикарными шляпами, но не имѣя ни одной пезеты въ карманѣ и хвастая каждый своими подвигами на аренѣ.

Хуанильо смотрѣлъ на нихъ, какъ на высшія существа, завидуя ихъ гордому виду и свободному обращенію съ женщинами. Мысль о томъ, что у каждаго изъ нихъ есть дома шолковый костюмъ, шитый золотомъ, и что они, надѣвъ этотъ костюмъ, шествуютъ передъ толпой подъ звуки музыки, возбуждала въ немъ истинное благоговѣніе къ нимъ.

Сынъ сеньоры Ангустіасъ былъ извѣстенъ у своихъ товарищей полъ названіемъ „башмачника“, и онъ гордился тѣмъ, что у него уже есть прозвище, какъ у всѣхъ великихъ борцовъ, выходящихъ на арену. Онъ носилъ на ней красный платочекъ, который стащилъ у сестры, а изъ-подъ его бэрэта виднѣлись волосы, зачесанные на уши большими локонами, которые онъ приглаживалъ слюною. Холщевыя блузы онъ любилъ носить короткими, до таліи, со множествомъ складокъ. Панталоны ему перешивались изъ отцовскихъ, и онъ плакалъ отъ огорченія изъ-за того, что мать не шила ихъ такими узкими и высокими въ таліи, какъ онъ хотѣлъ.

Но больше всего ему хотѣлось имѣть плащъ для борьбы, для того, чтобы не выпрашивать на подержаніе у болѣе счастливыхъ товарищей цвѣтную тряпку, составлявшую предметъ его вожделѣнія... Въ одномъ изъ угловъ дома онъ нашелъ старый тюфякъ, набивку котораго сеньора Ангустіасъ продала въ дни нужды.

Хуанильо провелъ цѣлое утро, запершись въ комнатѣ; онъ воспользовался для этого отсутствіемъ матери, ушедшей на работу къ одному канонику. Съ находчивостью человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, которому приходится самому все дѣлать для себя, очутившись на пустынномъ островѣ,—онъ выкроилъ боевой плащъ изъ полинялаго холста. Потомъ онъ развелъ въ глиняномъ горшкѣ анилиновую краску, купленную въ аптекѣ, и погрузилъ въ нее свой новый плащъ. Хуанильо былъ въ восторгѣ. Теперь у него будетъ плащъ пурпурнаго цвѣта, который произведетъ фуроръ въ маленькихъ городкахъ. Нужно было только его высушить; съ этою цѣлью онъ вывѣсилъ его на солнцѣ рядомъ съ бѣльемъ сосѣдей, развѣшаннымъ для просушки. Вѣтеръ сталъ развѣвать по воздуху холщевую тряпку и запятналъ бѣлье, висѣвшее рядомъ. Тогда поднялся крикъ сосѣдокъ, которыя набросились съ кулаками и ругательствами на мальчика, обзывая его и его мать всякими оскорбительными словами. Хуанильо пришлось забрать плащъ, которымъ онъ такъ гордился, и онъ убѣжалъ, перепачканный краской, съ красными руками и лицомъ, точно онъ только-что кого-нибудь убилъ.

Сеньора Ангустіасъ, очень полная и сильная женщина, которая не боялась мужчинъ и наводила страхъ на женщинъ своей энергіей, приходила въ отчаяніе, когда дѣло шло о ея сынѣ. Что дѣлать? Руки ея прикладывались ко всѣмъ частямъ его тѣла, и она изломала на немъ не одну половую щетку, не достигая никакихъ результатовъ. У негоднаго мальчишки было положительно какое-то собачье тѣло. Онъ такъ настрадался отъ быковъ и отъ колотушекъ, достававшихся отъ мясниковъ, что побои матери казались ему самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, продолженіемъ переживаній внѣ дома; онъ принималъ ихъ безъ протеста, какъ плату за пищу, и жадно ѣлъ черствый хлѣбъ, радуясь возможности утолить голодъ, въ то время, какъ ругань и побои матери сыпались на его плечи и спину.

Утоливъ голодъ, онъ тотчасъ же бѣжалъ изъ дому, пользуясь свободой, которую ему предоставляла сеньора Ангустіасъ, занятая работой внѣ дома.

Въ „Ла-Кампана“, гдѣ собирались интересующіеся боемъ быковъ, и гдѣ можно было узнать всѣ новости, онъ услыхалъ отъ пріятелей радостную вѣсть:

— Башмачникъ, завтра коррида.

Маленькіе городки въ провинціи праздновали дни своего святого корридами, и маленькіе тореадоры отправлялись туда для того, чтобы, вернувшись домой, сказать, что бросали плащъ бы-

камъ въ знаменитыхъ циркахъ въ Азналколларѣ, Болулосѣ или Майренѣ. Они отправлялись въ путь ночью, перекинувъ плащъ черезъ плечо лѣтомъ или закутавшись въ него зимой, съ пустымъ желудкомъ и разговаривая о быкахъ.

Если приходилось идти нѣсколько дней, то они устраивались на ночь на землѣ, или же ихъ пускали изъ жалости на чердакъ въ гостинницахъ. Если имъ попадались по пути виноградъ, дыни или фиги, они все поѣдали, что могли. Единственной ихъ тревогой было то, какъ бы у другой компаніи не явилась мысль отправиться въ тотъ же городъ и составить имъ конкурренцію.

Прибывъ къ цѣли своего путешествія, запыленные, утомленные и обезсиленные ходьбой, они являлись къ алькальду, и самый дерзкій изъ нихъ, игравшій роль директора труппы, выхваливалъ свою труппу и говорилъ, что всѣ они были бы счастливы, еслибы городской совѣтъ отвелъ имъ комнату въ гостинницѣ и еще вдобавокъ накормилъ бы ихъ. Въ мѣстѣ, предназначенномъ для боя, обставленномъ повозками и досками, находились старые огромные быки, съ тѣломъ, покрытымъ рубцами и царапинами, съ огромными рогами въ зазубринахъ; они уже много лѣтъ бывали на разныхъ празднествахъ въ маленькихъ городахъ и хорошо были знакомы съ пріемами борцовъ.

Уличные мальчишки ударяли быковъ издали, съ безопаснаго мѣста, а зрители интересовались не столько быками, какъ новыми тореадорами, явившимися изъ Севильи. Они протягивали свои плащи, выступая слегка дрожащими ногами, но ободренные насыщеннымъ желудкомъ. Первое отступленіе производило скандалъ. Когда одинъ изъ борцовъ, испугавшись, бѣжалъ за ограду, жестокіе зрители преслѣдовали его оскорбленіями и насмѣшками и выталкивали его обратно на арену.

— Эй, безстыдникъ! Впередъ, обманщикъ!

Иногда кого-нибудь изъ борцовъ приходилось уносить съ арены блѣднаго какъ бумага, съ помутнѣвшими глазами, съ опущенной головой и тяжело дышавшей грудью. Приходилъ врачъ и успокаивалъ всѣхъ, говоря, что ничего серьезнаго не случилось, что мальчикъ только испугался, когда быкъ отбросилъ его на нѣсколько метровъ. Иногда маленькому тореросу становилось дурно отъ ужаса, что его схватывалъ звѣрь такихъ огромныхъ размѣровъ. Его тогда уносили, обливали голову водой и потомъ давали—для того, чтобы привести въ чувство—большой стаканъ хорошей водки. Ни. за какимъ принцемъ не могло быть лучшаго ухода.

Когда уже не оставалось быковъ для боя и начинало темнѣть, двое членовъ кадрильи брали лучшій изъ имѣющихся плащей и, придерживая его за два конца, обходили публику, прося вознагражденія. На красный плащъ падали мѣдныя монеты, сообразно съ тѣмъ, понравились ли мѣстнымъ жителямъ подвиги пришедшихъ борцовъ, и по окончаніи корриды они возвращались домой, часто ссорясь по дорогѣ, когда начиналось распредѣленіе собранныхъ и завязанныхъ въ платкѣ денегъ.

Всю недѣлю послѣ этого они разговаривали о своихъ подвигахъ передъ восхищенными товарищами, не участвовавшими въ экспедиціи. Они говорили о своихъ ударахъ пиками въ Эль-Гарробо, объ удачномъ ударѣ шпагой въ Лора, объ ужасномъ быкѣ въ Эль-Педрозо, подражая манерѣ настоящихъ тореадоровъ, которые въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ хвастались разными выдуманными подвигами, чтобы забыть объ отсутствіи ангажементовъ.

Сеньора Ангустіасъ пробыла разъ больше недѣли безъ извѣстій о сынѣ и, наконецъ, узнала, что онъ былъ раненъ во время боя въ Тоцино. — Господи помилуй, гдѣ этотъ городъ? Какъ туда отправиться?—Она считала уже, что сынъ ея умеръ, оплакивала его и приготовилась ѣхать въ поиски за его трупомъ, когда, наконецъ, Хуаниньо явился домой, блѣдный, слабый, но говорившій очень мужественно о томъ, что съ нимъ произошло.

Это были пустяки: ударъ въ мягкую часть тѣла; рана въ нѣсколько сантиметровъ глубиной. Съ безстыдствомъ побѣдителя онъ радъ былъ бы показывать сосѣдямъ свою рану, утверждая, что въ нее можно всунуть весь палецъ, не достигнувъ дна. Онъ гордился запахомъ іодоформа, который распространялъ вокругъ себя, и говорилъ о томъ, съ какимъ вниманіемъ къ нему относились въ этомъ городѣ—самомъ значительномъ во всей Испаніи, по его словамъ. Самые богатые жители города, такъ сказать мѣстная аристократія, интересовались его состояніемъ. Его навѣстилъ самъ алькальдъ, давшій ему потомъ денегъ на обратный путь. У него въ кошелькѣ осталось три дуро, и онъ отдалъ эти деньги матери. Столько славы уже въ четырнадцать лѣтъ! Но больше всего онъ возгордился, когда въ „Ла-Кампана“ нѣсколько тореадоровъ, настоящихъ тореадоровъ, обратили на него вниманіе и освѣдомились о томъ, заживаетъ ли его рана.

Послѣ этого приключенія онъ уже не возвращался въ мастерскую сапожника. Онъ уже теперь зналъ, что значитъ имѣть дѣло съ быками. Его рана подняла въ немъ духъ. Онъ рѣшилъ, что будетъ тореадоромъ и ничѣмъ другимъ. Сеньора Ангустіасъ

отчаялась въ возможности исправить его, и уже не наказывала его, считая это безполезнымъ. Ея сынъ точно не существовалъ для нея. Когда онъ возвращался вечеромъ домой, въ часъ, когда мать и сестра сидѣли вмѣстѣ за обѣдомъ, онѣ молча давали ему ѣсть, наказывая его своимъ молчаніемъ. Но ихъ презрѣніе не уменьшало его аппетита. Если же онъ возвращался поздно, то для него не оставалось ни кусочка хлѣба, и онъ долженъ былъ выходить на улицу такимъ же голоднымъ, какъ и приходилъ.

Ночью онъ гулялъ по бульвару съ другими мальчиками очень порочнаго вида, будущими тореросами—или преступниками. Его часто встрѣчали въ очень предосудительномъ обществѣ. Иногда онъ дѣлался на время газетчикомъ, а въ праздники, на Пасхѣ, продавалъ конфеты дамамъ, сидящимъ на площади святого Франциска. Или же онъ бродилъ вокругъ отелей, поджидая какого-нибудь англичанина—всѣ путешественники были въ его глазахъ англичане—чтобы служить ему проводникомъ.

— Милордъ... Я тореадоръ,—говорилъ онъ при видѣ какого-нибудь иностранца; онъ, очевидно, полагалъ, что его профессія—самая лучшая рекомендація для чужестранцевъ.

И въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ снималъ бэрэтъ, показывая „колету"—прядь волосъ, зачесанную косичкой на теменн.

Его товарищемъ въ дни невзгодъ былъ Чирипа, мальчикъ однихъ съ нимъ лѣтъ, худощавый, съ плутовскими глазами, круглый сирота, который бродилъ по севильскимъ улицамъ съ самаго дѣтства и пользовался вліяніемъ на Хуаниньо благодаря своей опытности. У него была срѣзана часть щеки послѣ удара рогомъ на аренѣ, и этотъ знакъ профессіи казался Хуаниньо болѣе замѣчательнымъ, чѣмъ его скрытая рана.

Когда у дверей отеля какая-нибудь путешественница говорила съ маленькими тореросами, разглядывая ихъ „колеты" и слушая разсказы объ ихъ ранахъ, съ тѣмъ, чтобы, конечно, дать имъ потомъ денегъ, Чирипа говорилъ ей растроганнымъ голосомъ:

— Не давайте денегъ моему товарищу, сеньора; у него есть мать; а я одинъ на свѣтѣ.

И Хуаниньо съ грустью мирился съ тѣмъ, что товарищъ забиралъ всѣ деньги для себя, и говорилъ:

— Да, это правда, правда.

Хуаниньо продолжалъ вести свой бродяжническій образъ жизни, лишь изрѣдка показываясь въ домѣ матери и часто уѣзжая далеко изъ Севильи.

Чирипа былъ опытнымъ учителемъ бродяжничества. Въ дни

боя быковъ онъ непремѣнно добивался того, чтобы попасть въ циркъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, и для этого перелѣзалъ черезъ стѣны, проскальзывалъ среди публики или надоѣдалъ служащимъ мольбами, чтобы ихъ впустили. Нельзя же, чтобы они не попали на бой быковъ, будучи сами борцами!.. Когда не предстояло корридъ въ окрестностяхъ, они отправлялись играть плащами на „новильядахъ“ [1]) по близости; но всѣ эти радости севильской жизни не могли удовлетворить честолюбіе Хуаниньо.

Чирипа побывалъ всюду и разсказывалъ своему пріятелю о многомъ, что онъ видѣлъ въ далекихъ провинціяхъ. Онъ умѣлъ мастерски путешествовать даромъ, пробираясь незамѣтнымъ образомъ въ поѣзда желѣзной дороги. Хуаниньо слушалъ съ восхищеніемъ его описанія Мадрида, волшебнаго города, гдѣ циркъ— настоящій соборъ.

Одинъ молодой человѣкъ, чтобы посмѣяться надъ ними, сказалъ имъ, стоя у входа въ кафѣ на улицѣ Ласъ-Сіэрпэсъ, что въ Бильбао они бы заработали много денегъ, потому что тамъ нѣтъ такого изобилія тореадоровъ, какъ въ Севильѣ. Польстившись на его обѣщанія, мальчики отправились туда безъ гроша въ карманѣ и не имѣя ничего при себѣ, кромѣ плащей, но зато плащей, побывавшихъ на аренѣ и купленныхъ ими за нѣсколько реаловъ у старьевщика.

Они пробирались тайкомъ въ поѣзда, прятались подъ сидѣньями, пока голодъ и другія потребности не заставляли ихъ выдать свое присутствіе путешественникамъ, которые обыкновенно относились къ нимъ сочувственно, улыбаясь при видѣ ихъ смѣшныхъ лицъ и фигуръ, ихъ колетъ и плащей, и кормили ихъ своими припасами. Когда кто-нибудь изъ служащихъ пускался въ погоню за ними на станціяхъ, они бѣгали изъ вагона въ вагонъ или забирались на крышу, надѣясь пробраться въ вагонъ, когда поѣздъ двинется въ путь. Много разъ ихъ ловили, трепля ихъ за уши, давая имъ пинки, и имъ приходилось оставаться на станціи, въ то время, какъ поѣздъ мчался дальше.

Они поджидали тогда другой поѣздъ, или же, видя, что за ними слѣдятъ, шли пѣшкомъ до слѣдующей станціи по пустыннымъ полямъ, сѣтуя на свою печальную судьбу. Такъ они прибыли въ Мадридъ послѣ многихъ дней путешествія со всяческими приключеніями и претерпѣвъ не мало колотушекъ. На Севильской улицѣ и на Пуэрта-дель-Соль они восхищались груп-

[1]) Novillada—въ противоположность корридѣ — бой съ молодыми бычками, не достигшими годоваго возраста.—*Прим. перев.*

пами тореадоровъ безъ ангажемента,—высшихъ существъ въ сравненіи съ ними, просившими милостыню, чтобы продолжать путешествіе. Одинъ мальчикъ родомъ изъ Севильи сжалился надъ ними и далъ имъ ночлегъ, а кромѣ того повелъ ихъ на новильяду въ знаменитомъ циркѣ, который, однако, показался имъ размѣрами меньше, чѣмъ севильскій циркъ.

Придя въ отчаяніе послѣ всѣхъ бѣдствій и видя, что имъ еще далеко отъ цѣли ихъ путешествія, они вернулись домой тѣмъ же способомъ, какимъ уѣхали изъ дому; но съ тѣхъ поръ они полюбили путешествовать по желѣзной дорогѣ, прячась въ вагонахъ. Они побывали въ разныхъ маленькихъ городахъ; ѣздили во всѣ города Андалузіи, какъ только узнавали о готовившихся гдѣ-нибудь бояхъ быковъ. Такъ они доѣхали до Ла-Манчи и Эстрамадуры; иногда имъ приходилось ходить пѣшкомъ, и они тогда искали пріюта у деревенскихъ жителей, довѣрчивыхъ и наивныхъ людей, изумлявшихся ихъ молодости и принимавшихъ ихъ за настоящихъ борцовъ.

Такая бродячая жизнь заставляла ихъ проявлять всѣ уловки первобытныхъ людей, обезпечивающихъ себѣ удовлетвореніе своихъ потребностей. Подходя къ деревенскимъ домамъ, они ползали на животѣ и незамѣтнымъ образомъ выкапывали все, что могли, изъ грядокъ на огородахъ. Они цѣлыми часами ждали, чтобы имъ попалась въ руки какая-нибудь заблудившаяся курица, и, свернувъ ей шею, продолжали путь. Потомъ, по срединѣ пути, они зажигали костеръ изъ хвороста и съѣдали курицу полусырою, съ жадностью маленькихъ дикарей. Больше всего они боялись собакъ, болѣе страшныхъ для нихъ, чѣмъ быки. Съ ними было трудно сражаться, когда они гнались за ними, оскаливъ зубы, видя въ нихъ враговъ собственности.

Часто, когда они спали на открытомъ воздухѣ подлѣ станцій, поджидая поѣздъ, чтобы вскочить въ него, къ нимъ подходили полицейскіе. Но при видѣ красныхъ плащей, служившихъ подушками мальчикамъ, блюстители порядка успокаивались. Они тихонько снимали со спящихъ бэрэты и, видя на головѣ косичку, отходили съ улыбкой, убѣдившись, что это не воры, а борцы, отправлявшіеся на бой быковъ. Въ этой терпимости сказывалось сочувствіе къ національному развлеченію, а также преклоненіе передъ невѣдомымъ будущимъ. Какъ знать: можетъ быть, кто-нибудь изъ этихъ мальчишекъ въ лохмотьяхъ, съ голодными лицами, сдѣлается со временемъ свѣтиломъ, великимъ человѣкомъ, который будетъ выходить на бой съ быками въ при-

сутствіи королей, будетъ жить какъ принцъ, портреты котораго будутъ печататься во всѣхъ журналахъ!

Наступилъ однажды день, когда Хуанильо потерялъ своего товарища въ одномъ городкѣ въ Эстрамадурѣ. Для того, чтобы еще болѣе ослѣпить и привести въ восторгъ публику, которая привѣтствовала аплодисментами тореадоровъ, пріѣхавшихъ „прямо изъ Севильи", мальчики рѣшили сами вонзить бандерильи въ одного стараго и отважнаго быка. Хуанильо всадилъ свою пару бандерилій и подошелъ къ барьеру, принимая овація публики. Вдругъ крикъ ужаса отрезвилъ его отъ опьяненія славой. Чирипа уже не стоялъ на аренѣ. Остались только бандерильи, упавшія на песокъ, одинъ башмакъ и бэрэтъ. Быкъ поднялъ на одинъ рогъ комокъ платья, смутно обрисовавшій очертанія человѣческой фигуры, потомъ свалилъ его, но прежде, чѣмъ онъ упалъ на землю, подхватилъ его на другой рогъ, и уже послѣ того на пескѣ очутилась влажная красная безформенная масса, похожая на мѣха, изъ которыхъ лилась потокомъ красная влага.

Пастухъ увелъ самъ быка, потому что никто не рѣшался приблизиться къ нему, и несчастнаго Чирипу унесли на тюфякѣ въ комнату, служившую лазаретомъ. Его товарищъ увидѣлъ его съ блѣднымъ какъ воскъ лицомъ, съ тусклыми глазами и окровавленнымъ тѣломъ. Платки, смоченные водой съ уксусомъ, не могли остановить кровь и облегчить его состояніе.

— Прощай!—простоналъ Чирипа.—Прощай, Хуанильо!

Онъ ничего больше не сказалъ. Товарищъ умершаго съ ужасомъ вернулся обратно въ Севилью, видя постоянно передъ глазами потускнѣвшій взоръ товарища и слыша его жалобное прощаніе. Ему сдѣлалось страшно. Онъ подумалъ о своей матери и объ ея совѣтахъ. Не лучше ли было бы сдѣлаться сапожникомъ и жить спокойно? Но эти намѣренія занимали его лишь до тѣхъ поръ, пока онъ оставался одинъ.

Вернувшись въ Севилью, онъ поддался вліянію окружающихъ. Друзья окружили его, чтобы узнать у него подробности о смерти бѣднаго Чирипы. Профессіональные тореадоры разспрашивали его въ „Ла-Кампана", вспоминая съ грустью о миломъ мальчикѣ съ полу-срѣзанной щекой, съ которымъ они часто разговаривали. Хуанъ, возбужденный общимъ вниманіемъ, далъ волю своему воображенію, и описывалъ, какъ онъ бросился на быка, увидѣвъ, что тотъ подхватилъ на рога его несчастнаго товарища, какъ онъ уцѣпился за шею быка, и какъ совершилъ много другихъ замѣчательныхъ подвиговъ, несмотря на что, однако, его товарищъ все-таки покинулъ землю.

Внушенныя страхомъ рѣшенія первой минуты разсѣялись. Онъ будетъ тореадоромъ и ничѣмъ другимъ. Вѣдь и другіе дѣлались тореадорами,—такъ почему же нельзя ему? Онъ вспомнилъ тухлые бобы и черствый хлѣбъ въ домѣ матери, вспомнилъ про то, съ какимъ трудомъ ему доставалось новое платье, про голодъ, постоянный спутникъ его жизни. Кромѣ того, онъ чувствовалъ страстное желаніе пользоваться всѣми благами жизни, смотрѣлъ съ завистью на коляски и лошадей, заглядывалъ въ подъѣзды большихъ домовъ, видя въ глубинѣ роскошные восточные дворы, выложенные мраморомъ, со сводами изъ голубыхъ плитъ, съ фонтанами, струи которыхъ падали день и ночь въ бассейнъ. Его судьба была рѣшена: или сражаться съ быками, или умереть. Онъ рѣшилъ, что будетъ богатымъ, что о немъ будутъ говорить въ газетахъ, что всѣ ему будутъ низко кланяться. Для достиженія этого онъ готовъ былъ рисковать жизнью. Онъ презиралъ всѣ низшія ступени своей профессіи. Онъ достаточно видѣлъ, что бандерильеросы также рискуютъ жизнью, какъ и эспады, получая за это всего лишь тридцать дуро за корриду. Послѣ утомительныхъ трудовъ и частыхъ паденій они старились, едва отложивъ ничтожныя средства, чтобы начать торговлю, или же поступали на службу на бойню. Многіе умирали въ госпиталѣ, а большинство жило на милостыню отъ молодыхъ товарищей. Онъ не хотѣлъ быть бандерильеросомъ и подчиняться деспотизму эспадъ. Онъ рѣшилъ съ самаго начала выходить со шпагой на быковъ и появляться на аренѣ только въ качествѣ эспады.

Несчастная судьба бѣднаго Чирипы придавала ему нѣкоторый престижъ въ глазахъ его товарищей, и онъ составилъ кадрилью изъ оборванцевъ, съ которыми являлся на бой въ маленькіе города. Къ нему относились съ уваженіемъ, потому что онъ былъ наиболѣе храбрый изъ всѣхъ и, кромѣ того, былъ лучше одѣтъ, чѣмъ другіе. Нѣкоторые мальчики, привлеченные мужественной красотой Хуанильо, которому шелъ восемнадцатый годъ, а также чувствуя почтеніе къ нему, потому что онъ носилъ колету, соперничали въ желаніи служить подъ его началомъ. Кромѣ того, у него уже былъ покровитель, одинъ старикъ, бывшій судья, который питалъ слабость къ красивымъ молодымъ тореадорамъ. Его ненавидѣла и ругала самыми отборными словами сеньора Ангустіасъ, возмущаясь его манерой баловать мальчика.

Хуанильо носилъ костюмы изъ англійскаго сукна, красиво облегавшіе его стройное тѣло, и новыя, сверкающія шляпы. То-

варищи слѣдили за тѣмъ, чтобъ у него были всегда безукоризненной бѣлизны воротники и манжеты, а по праздникамъ у него висѣла поверхъ жилета золотая цѣпочка, которую ему давалъ на подержаніе его почтенный другъ; цѣпочку эту носили до него другіе многообѣщающіе юноши.

Онъ велъ знакомство съ настоящими тореадорами и могъ уже угостить стаканомъ вина старыхъ цирковыхъ служащихъ, которые разсказывали ему о подвигахъ знаменитыхъ тореадоровъ. Шли слухи, что многіе хлопочутъ о томъ, чтобы „ребенокъ“ выступилъ въ севильскомъ циркѣ въ готовившейся „новильядѣ“.

Хуанильо уже имѣлъ нѣкоторый опытъ. Однажды, въ Лебрихѣ, когда на арену выщелъ очень смѣлый бычокъ, товарищи стали его подзадоривать.

— Ну, что, рѣшишься заколоть его?..

Онъ рѣшился. Послѣ того, ободренный легкостью перваго успѣха, онъ являлся на всѣ бои, въ которыхъ позволялось убивать молодыхъ быковъ.

Собственникъ мѣстечка Ринконада, имѣвшаго маленькій циркъ, былъ восторженнымъ поклонникомъ боя быковъ и готовъ былъ пріютить у себя въ домѣ всѣхъ голодныхъ тореросовъ, которые соглашались позабавить его, сражаясь съ его быками. Хуанильо направился туда вмѣстѣ съ товарищами въ дни нужды, чтобы поѣсть на счетъ деревенскаго рыцаря, хотя бы цѣной пораженія въ бою. Они прибыли пѣшкомъ послѣ двухъ дней пути, и хозяинъ, увидя запыленныхъ юношей со связками плащей, сказалъ имъ торжественнымъ тономъ:

— Тому, кто хочетъ сразиться съ моими быками, я заплачу за обратный билетъ въ Севилью по желѣзной дорогѣ.

Прошло два дня, и хозяинъ сидѣлъ и курилъ на балконѣ, въ то время какъ севильскіе мальчики сражались съ быками, получая отъ нихъ тяжкіе удары.

— Плохо, обманщикъ,—говорилъ онъ съ упрекомъ при каждомъ плохомъ движеніи плащомъ.—Встань, трусъ... Приди, выпей вина, чтобы страхъ прошелъ! — кричалъ онъ, когда кто-нибудь изъ мальчиковъ продолжалъ бороться, послѣ того какъ быкъ сбрасывалъ его на землю.

Хуанильо закололъ бычка такъ хорошо, что хозяинъ въ награду пригласилъ его къ своему столу, въ то время какъ его товарищи оставались въ кухнѣ и должны были ѣсть изъ общей миски съ полевыми рабочими и пастухами.

— Ты заработалъ обратный билетъ по желѣзной дорогѣ,—

сказалъ хозяинъ.—Далеко пойдешь, если не начнешь трусить. У тебя большія способности.

Хуаниньо, отправляясь въ Севилью во второмъ классѣ, въ то время какъ его кадрилья шла пѣшкомъ, рѣшилъ, что для него начинается новая жизнь, и сталъ смотрѣть жадными глазами на огромныя помѣстья съ оливковыми рощами, полями, мельницами и лугами, тянувшимися до самаго горизонта, на которыхъ паслись тысячи козъ и стояли, плотно упершись ногами въ землю, быки и коровы. Какое огромное богатство! Будетъ ли у него когда-нибудь нѣчто подобное?

Слава о его подвигахъ на новильядахъ въ маленькихъ городахъ дошла до Севильи, и на него стали обращать вниманіе любители боя; они вѣчно стремились найти новую звѣзду, которая затмитъ всѣ прежнія.

— Этотъ мальчикъ, кажется, много обѣщаетъ, — говорили они, слѣдя за нимъ глазами, когда онъ проходилъ по улицѣ Лась-Сіэрпэсъ мелкимъ шагомъ и дѣлая гордые жесты.—Стоитъ посмотрѣть на него, когда онъ покажется на настоящей аренѣ.

Настоящей ареной для самого Хуаниньо и для любителей корриды былъ, конечно, севильскій циркъ. Мальчику хотѣлось проявить себя. Его покровитель пріобрѣлъ для него костюмъ для борьбы, слегка подержанный, принадлежавшій одному тореадору, не имѣвшему большого имени. Вскорѣ устроена была „новильяда“ съ благотворительной цѣлью, и вліятельные любители, охотившіеся за новинками, включили его въ число борцовъ,—конечно, безъ вознагражденія.

Сынъ сеньоры Ангустіасъ не желалъ, чтобы его помѣстили въ афишахъ подъ кличкой „сапожника“, такъ какъ хотѣлъ заставить забыть свое происхожденіе. Онъ предпочиталъ носить фамилію своего отца, хотѣлъ, чтобы его звали Хуаномъ Гальярдо, и чтобы никакое прозвище не напоминало о его происхожденіи знатнымъ людямъ, которые въ будущемъ будутъ его друзьями.

Все населеніе квартала Ферія явилось на корриду, преисполненное патріотическимъ пыломъ, и всѣ другіе рабочіе квартала явились тоже въ восторженномъ настроеніи. Новый севильскій тореадоръ!.. Не хватило билетовъ на всѣхъ, и у входовъ цирка стояли тысячи людей въ ожиданіи извѣстій объ успѣхахъ Гальярдо.

Хуанъ вышелъ на арену, убилъ бычка, нѣсколько разъ попавши ему на рога, но счастливо спасаясь, и захватилъ публику своей храбростью, вызывавшею взрывы восторга. Многіе любители улыбались ему съ одобреніемъ. Конечно, ему нужно еще

было многому учиться, но у него было самое важное: храбрость и добрыя намѣренія.

— Главное то, что онъ сражается настоящимъ образомъ и не прибѣгаетъ ни къ какимъ хитростямъ.

Женщины, слѣдившія за тореадоромъ, казались опьяненными отъ восторга; онѣ истерически вскрикивали со слезами на глазахъ и шептали среди бѣлаго дня любовныя слова, которыя обыкновенно произносили только ночью. Одна изъ зрительницъ бросила на арену свою мантилью, другая готова была бросить ему свой корсажъ, и зрители смѣялись, ожидая, что онѣ сами бросятся на арену или же останутся въ однѣхъ рубашкахъ.

На другой сторонѣ цирка старый судья, покровитель Гальярдо, усмѣхался въ свою сѣдую бороду, восторгаясь храбростью юноши и тѣмъ, какъ ему къ лицу былъ костюмъ. Когда онъ попалъ на рога быку, старикъ вскочилъ со скамейки, чуть не теряя чувствъ отъ слишкомъ сильнаго ощущенія.

На одномъ изъ мѣстъ горделиво озирался вокругъ себя мужъ Энкарнаціонъ, сестры тореадора, сѣдельщикъ, человѣкъ почтенный, осѣдлый, не любившій бродягъ и относившійся очень неодобрительно, послѣ женитьбы, къ своему безпутному шурину.

— Пойду посмотрѣть, какъ забросаютъ апельсинами твоего негодника брата,—сказалъ сѣдельщикъ своей женѣ, отправляясь въ циркъ.

А теперь онъ со своего мѣста кланялся тореадору, называя его Хуанильо, обращаясь къ нему на „ты“, и гордясь, когда Хуанильо, привлеченный его восклицаніями, взглянулъ въ его сторону и привѣтствовалъ его движеніемъ шпаги.

— Онъ мой шуринъ, — говорилъ сѣдельщикъ, желая поразить своихъ сосѣдей.—Я всегда думалъ, что изъ этого мальчика выйдетъ настоящій тореадоръ. Мы съ женой много ему помогали.

Уходъ изъ цирка былъ настоящимъ тріумфомъ для Хуанильо. Толпа набросилась на него, шумно выражая свои восторги. Къ счастью, къ нему пришелъ на помощь шуринъ и помогъ ему спастись отъ поклонниковъ, расчистивъ ему путь къ наемной коляскѣ, въ которую они оба усѣлись.

Когда они подъѣхали къ своему дому въ кварталѣ Ферія, коляску окружила толпа, привѣтствовавшая тріумфатора. Вѣсть объ его успѣхѣ дошла раньше, чѣмъ онъ пріѣхалъ самъ; всѣ сосѣди сбѣжались и привѣтствовали его, протягивая ему руки.

Сеньора Ангустіасъ и ея дочь вышли на порогъ дома. Сѣдельщикъ упалъ въ объятія своего шурина, всецѣло завладѣвъ

имъ, и кричалъ отъ имени семьи, чтобы никто не подступалъ къ нему.

— Вотъ онъ, Энкарнаціонъ! — сказалъ онъ, толкая его къ женѣ.—Развѣ онъ не похожъ на рыцаря Рожэ де-Флора?

Энкарнаціонъ ничего не отвѣтила, зная, что ея мужъ, очень начитанный, но не всегда понимавшій, что читаетъ, считалъ именно этого рыцаря идеаломъ всѣхъ высокихъ добродѣтелей и произносилъ его имя лишь въ очень значительныхъ случаяхъ.

Нѣкоторые восторженные сосѣди, присутствовавшіе на бою въ циркѣ, поздравляли сеньору Ангустіасъ, почтительно глядя на ея дородную фигуру.

— Да будетъ благословенна мать, родившая такого храбраго сына!—говорили они.

Ея пріятельницы оглушали ее разными восклицаніями. Какое счастье! Сколько денегъ будетъ зарабатывать ея сынъ!

Бѣдная женщина смотрѣла на всѣхъ съ выраженіемъ изумленія и недовѣрія. Неужели, дѣйствительно, ея Хуаниль приводитъ людей въ такой восторгъ? Съ ума они, что-ли, всѣ сошли?

Но вскорѣ ей показалось, что все прошедшее миновало, что всѣ ея тревоги и печали были тяжелымъ сномъ и что она должна покаяться передъ сыномъ за прежнее непониманіе. Ея толстыя руки обвились вокругъ шеи тореадора, и слезы омочили его лицо.

— Сынъ мой! Хуаниль!.. Еслибы тебя увидѣлъ теперь бѣдный отецъ!..

— Нечего плакать, мама... Сегодня день радости. Если мнѣ Богъ поможетъ, я построю домъ и вы будете ѣздить въ гости къ подругамъ въ колескѣ...

Сѣдельщикъ слушалъ эти предсказанія будущаго величія съ знаками одобренія, къ изумленію жены, которая никакъ не могла понять этого внезапнаго преображенія.

— Да, Энкарнаціонъ,—говорилъ ей мужъ.—Онъ всего этого достигнетъ... Онъ—замѣчательный мальчикъ. Настоящій Рожэ де-Флоръ.

Въ теченіе всего вечера во всѣхъ кабакахъ и кафѣ рабочихъ кварталовъ только и было рѣчи, что о Гальярдо.

— Онъ сдѣлаетъ большую карьеру. Въ Кордовѣ всѣ будутъ бросать шапки на воздухъ отъ восторга, когда онъ будетъ появляться на аренѣ.

Въ этихъ увѣреніяхъ чувствовались севильская гордость и постоянное соперничество съ Кордовой, родиной самыхъ знаменитыхъ тореадоровъ.

Жизнь Гальярдо совершенно преобразилась съ этого дня. Съ нимъ раскланивались молодые аристократы и усаживали его рядомъ съ собой на террасахъ въ кафѣ. Онъ сталъ отстраняться отъ прежнихъ простыхъ подругъ. Его старый покровитель, изъ осторожности, отдалился отъ него и сталъ дружить съ другими дебютантами.

Арендаторы цирка ухаживали за Гальярдо уже какъ за знаменитостью. Стоило объявить его имя на афишѣ, чтобы всѣ мѣста были проданы. Все населеніе бѣшено апплодировало „сыну сеньоры Ангустіасъ“ и его всюду расхваливали. Слава Гальярдо распространилась по всей Андалузіи, и сѣдельщикъ—хотя никто его объ этомъ не просилъ—сдѣлался защитникомъ интересовъ своего шурина. Онъ считалъ себя опытнымъ человѣкомъ и считалъ своимъ долгомъ проявить свой опытъ для выгоды Хуанильо.

— Твой братъ, — говорилъ онъ, ложась спать, женѣ,—непремѣнно долженъ имѣть человѣка, который заботился бы о его дѣлахъ. Почему бы ему не пригласить меня въ импрессаріи? И для насъ это было бы недурно.

Сѣдельщикъ представлялъ себѣ въ воображеніи великія богатства, которыя пріобрѣтетъ Гальярдо, и думалъ въ то же время о своихъ пятерыхъ дѣтяхъ и о тѣхъ, которыя еще навѣрное у него родятся, въ виду его супружеской вѣрности. Какъ знать, можетъ быть, богатство тореадора перейдетъ къ его племянникамъ!..

Въ теченіе полутора года Хуанъ закалывалъ молодыхъ бычковъ въ самыхъ извѣстныхъ испанскихъ циркахъ. Его слава проникла въ Мадридъ. Придворное общество очень хотѣло увидѣть на аренѣ „сына Севильи“, о которомъ столько говорилось въ газетахъ и котораго такъ хвалили во всей Андалузіи.

Гальярдо, въ сопровожденіи группы друзей и соотечественниковъ, живущихъ въ Мадридѣ, стоялъ, охорашиваясь, на Севильской улицѣ вблизи Café Ingles. Проходившія женщины улыбались ему и разглядывали его тяжелую золотую цѣпь и крупные брилліанты, пріобрѣтенные на первые заработки и въ ожиданіи будущихъ успѣховъ. Тореадоръ долженъ показывать, что онъ любитъ тратить деньги на украшеніе своей особы и готовъ щедро давать всѣмъ подарки. Какъ далеки были тѣ дни, когда онъ, вмѣстѣ съ бѣднымъ Чирипой, бродилъ по той же панели, страшась полиціи, съ восторгомъ глядя на тореадоровъ и подбирая окурки ихъ сигаръ!

Его выступленія въ Мадридѣ были очень удачны. У него

было много друзей, и вокругъ него образовался кружокъ поклонниковъ, любителей новизны, которые предсказывали ему блестящее будущее и возмущались тѣмъ, что онъ еще не получилъ „альтернативу“, т.-е. не былъ посвященъ въ санъ эспады, сражающагося съ настоящими быками.

— Онъ будетъ зарабатывать много денегъ, Энкарнаціонъ,— говорилъ его шуринъ.—У него будутъ милліоны, если съ нимъ не случится несчастія.

Жизнь всей семьи кореннымъ образомъ преобразилась. Хуанъ велъ знакомство съ молодыми людьми изъ лучшаго общества и не хотѣлъ, чтобы мать его продолжала жить въ томъ же домикѣ, гдѣ жила въ дни нужды. Онъ бы желалъ переѣхать со всѣми на лучшую улицу, но сеньора Ангустіасъ хранила любовь къ прежнему кварталу, какъ всѣ простые люди любятъ мѣста, гдѣ протекла ихъ молодость.

Они поселились въ гораздо лучшемъ домѣ въ ихъ кварталѣ. Мать уже не ходила работать къ чужимъ, и сосѣдки составляли ея дворъ, прося у нея деньги въ займы въ трудныя минуты. Хуанъ, кромѣ тяжелыхъ драгоцѣнностей, которыми онъ украшалъ свою особу, имѣлъ еще то, что̀ составляетъ высшій предметъ роскоши для тореадора,—хорошаго алезанскаго коня съ великолѣпнымъ сѣдломъ. Сидя на конѣ, онъ ѣздилъ по улицамъ только для того, чтобы отвѣчать на привѣтствія друзей, восторгавшихся имъ. Иногда онъ отправлялся вмѣстѣ съ другими молодыми людьми изящнымъ эскадрономъ на луга Таблады наканунѣ корриды, чтобы осматривать быковъ, предназначенныхъ для другихъ тореадоровъ.

— Когда я получу альтернативу...—говорилъ онъ каждый разъ, соединяя съ этимъ моментомъ всѣ свои планы на будущее.

У него еще была масса плановъ, которые должны были быть сюрпризомъ для его матери. Бѣдная женщина была прямо испугана благополучіемъ, окружавшимъ ея домъ, и не считала возможнымъ еще большее возрастаніе счастья.

Наступилъ, наконецъ, день альтернативы, и Гальардо былъ признанъ тореадоромъ.

Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ тореадоровъ передалъ ему шпагу и мулету среди севильскаго цирка, и толпа бѣсновалась отъ восторга, когда онъ однимъ ударомъ шпаги повалилъ на песокъ перваго настоящаго быка, съ которымъ онъ сразился. Въ слѣдующій мѣсяцъ Хуанъ былъ окончательно утвержденъ въ своемъ званіи въ мадридскомъ циркѣ, гдѣ другой столь же зна-

менитый тореадоръ далъ ему альтернативу во время боя съ быками изъ знаменитаго завода Міуры.

Онъ превратился изъ „новильеро“, сражающагося только съ молодыми бычками, въ настоящаго матадора. Его имя значилось на ряду съ именами старыхъ тореадоровъ, которыми онъ восторгался, какъ высшими существами, когда ходилъ по маленькимъ городкамъ, принимая участіе въ играхъ, на которыхъ полагалось только играть плащомъ. Одному изъ знаменитыхъ тореадоровъ онъ напомнилъ, какъ однажды просилъ у него милостыню на станціи близъ Кордовы, когда тотъ проѣзжалъ въ поѣздѣ со своей кадрильей. Хуанъ могъ пообѣдать въ тотъ день, благодаря истинно братской щедрости, свойственной тореадорамъ относительно всѣхъ членовъ своей профессіи. Знаменитый тореадоръ далъ цѣлый дуро, а также еще сигару мальчику, начинавшему играть плащомъ.

На новаго тореадора посыпались приглашенія. По всему полуострову населеніе хотѣло его видѣть на аренѣ. Профессіональныя изданія помѣщали его портреты и описывали его жизнь, вплетая въ его біографію сказочныя подробности. У него было больше приглашеній, чѣмъ у кого-либо, и онъ могъ ожидать большихъ заработковъ.

Его шуринъ Антоніо относился къ этимъ успѣхамъ съ глухимъ недоброжелательствомъ, которое выражалъ своей женѣ и свекрови.

Неблагодарный онъ, вотъ что! Всѣ таковы, когда приходитъ удача. Мало онъ развѣ работалъ на Хуана, мало торговался съ арендаторами цирковъ, когда Хуана приглашали на новильяды? А теперь, когда онъ сдѣлался тореадоромъ, онъ взялъ въ качествѣ импрессаріо человѣка, съ которымъ недавно только познакомился, нѣкоего дона Хозе, совершенно чужого ихъ семьѣ, и котораго Гальярдо очень уважалъ, какъ бывшаго любителя и знатока боя быковъ.

— Онъ раскается,—говорилъ въ заключеніе сѣдельщикъ.— У человѣка бываетъ вѣдь только одна семья. Никто о немъ не будетъ такъ заботиться, какъ мы заботились съ дѣтства. Онъ самому себѣ вредитъ. Со мной ему было бы куда лучше.

Гальярдо, изъ доброты, порожденной успѣхомъ, утѣшилъ своего шурина тѣмъ, что поручилъ ему наблюдать за работами по предпринятой имъ постройкѣ дома. Онъ предоставилъ ему полную свободу въ отношеніи расходовъ. Видя, какъ легко ему даются деньги, онъ хотѣлъ, чтобы шуринъ его обкрадывалъ и утѣшился въ томъ, что не приглашенъ въ импрессаріи тореадора.

Хуанъ осуществилъ, наконецъ, свои мечты, строя домъ для матери. Она, бѣдная, провела всю жизнь въ домахъ богатыхъ людей, а теперь, наконецъ, имѣла собственный красивый дворъ, выложенный мраморомъ и голубыми плитами, комнаты съ богатой мебелью, какъ у настоящихъ господъ, и множество прислуги къ своимъ услугамъ. Онъ тоже чувствовалъ привязанность къ тому кварталу, гдѣ провелъ свое жалкое дѣтство. Ему пріятно было сорить деньгами передъ людьми, у которыхъ мать его была служанкой, и дарить деньги тѣмъ самымъ людямъ, которые давали чинить башмаки его отцу или давали корку хлѣба ему въ голодные дни. Онъ купилъ нѣсколько старыхъ домовъ, въ томъ числѣ и тотъ, гдѣ въ подъѣздѣ работалъ его отецъ, снесъ ихъ и сталъ воздвигать на ихъ мѣстѣ зданіе съ бѣлыми стѣнами, съ зелеными рѣшетками, съ подъѣздомъ, выложеннымъ внутри голубыми плитами, съ лѣстницей, обнесенной перилами изъ кованнаго желѣза, и въ глубинѣ со дворомъ, посрединѣ котораго должны были возвышаться мраморныя колонны, среди которыхъ предполагалось повѣсить золоченыя клѣтки съ птичками.

Радость его шурина Антоніо, которому предоставлена была полная свобода въ завѣдываніи постройкой, омрачилась черезъ нѣкоторое время ужасной вѣстью.

У Гальярдо была невѣста. Онъ ѣздилъ теперь, въ виду наступившаго лѣта, по всей Испаніи, изъ цирка въ циркъ, закалывая быковъ и вызывая оваціи, но каждый день онъ посылалъ письмо одной дѣвушкѣ ихъ квартала, и въ короткіе промежутки между двумя боями быковъ онъ оставлялъ своихъ товарищей и пріѣзжалъ въ Севилью, чтобы провести вечеръ подъ ея окнами, разговаривая, по обычаю, черезъ рѣшетку.

— Слыхали вы что-либо подобное! — кричалъ возмущенный сѣдельщикъ, обращаясь къ женѣ и свекрови. — У него невѣста, а онъ ни слова не сказалъ семьѣ. Онъ хочетъ жениться. Вѣрно, мы ему наскучили! Какой безстыдникъ!

Энкарнаціонъ одобряла его слова, покачивая въ тактъ его словамъ своимъ хорошенькимъ личикомъ и довольная возможностью возмутиться противъ брата, которому она завидовала. Ну, да, конечно; онъ былъ всегда безстыдникомъ.

Но мать запротестовала.

— Неправда, — сказала она. — Я знаю дѣвушку. Мать ея была честная женщина; мы съ ней вмѣстѣ работали на фабрикѣ. Она — чистенькая, скромная, добрая. Я говорила Хуану, что ничего не имѣю противъ нея... Чѣмъ скорѣе онъ женится, тѣмъ лучше.

Дѣвушка была сиротой и жила у своего дяди, имѣвшаго маленькую лавку съѣстныхъ припасовъ въ ихъ кварталѣ. Отецъ ея оставилъ ей два дома въ окрестностяхъ Макарены.

— Это, конечно, немного,—сказала сеньора Ангустіасъ. Но все-таки дѣвушка входитъ въ семью не нагишомъ. У нея есть приданое.

Гальярдо смутно помнилъ, что игралъ съ нею, когда они были дѣтьми около дома, гдѣ работалъ его отецъ, въ то время какъ ихъ матери болтали другъ съ дружкой. Она была сухая, смуглая дѣвочка съ цыганскими глазами: черные, какъ двѣ капли чернилъ, зрачки плавали въ голубоватомъ бѣлкѣ. Она умѣла бѣгать какъ мальчикъ, и волосы спадали у нея съ головы непослушными прядями, извивавшимися какъ черныя змѣйки. Потомъ онъ ее потерялъ изъ виду и встрѣтилъ уже много лѣтъ спустя, когда былъ новильеро и уже составилъ себѣ нѣкоторое имя.

Однажды, въ праздникъ Духа Господня, одинъ изъ немногихъ праздниковъ, когда и женщины, сидящія большей частью дома по восточному обычаю, выходятъ на улицу въ кружевныхъ мантильяхъ и съ цвѣтками гвоздики на груди, Гальярдо увидѣлъ высокую дѣвушку, стройную и въ то же время полную, съ тонкой таліей, выступавшей изъ широкихъ складокъ юбки, сіяющую въ своей молодой красотѣ. Лицо ея, цвѣта чайной розы, покраснѣло при видѣ тореадора, и густыя рѣсницы закрыли сверкающіе глаза.

„Она, видно, меня знаетъ, — подумалъ Гальярдо. — Вѣрно, видѣла на аренѣ“.

А когда онъ потомъ узналъ, что эта дѣвушка была Карменъ, подруга его дѣтства, онъ пришелъ въ восторгъ и въ нѣкоторое смущеніе отъ волшебнаго преображенія черной, смуглой дѣвочки прежняго времени.

Они сдѣлались женихомъ и невѣстой, и всѣ сосѣди одобряли ихъ отношенія.

— Я таковъ, — говорилъ Гальярдо своимъ поклонникамъ, принимая видъ великодушнаго принца.—Я не хочу подражать другимъ тореадорамъ, которые женятся на расфуфыренныхъ барышняхъ. Я предпочитаю дѣвушку моего класса: добрую, красивую...

Его друзья восхваляли Карменъ. — Это дѣвушка, такъ дѣвушка, такая красивая, что хоть кого съ ума сведетъ.—Но тореадоръ прекращалъ разговоры и шутки о ней.

По вечерамъ, когда онъ разговаривалъ съ нею черезъ рѣшетку ея окна, разглядывая ея смуглое личико между цвѣтами,

являлся слуга изъ ближайшей пивной и приносилъ бѣлое вино, присланное сидѣвшими въ пивной. Таковъ былъ обычай.

Тореадоръ, выпивъ вино, предлагалъ стаканъ невѣстѣ и говорилъ слугѣ:

— Скажи господамъ, что я очень благодарю и зайду въ пивную, когда уйду отсюда. Скажи имъ также, что не нужно платить; Хуанъ Гальярдо заплатитъ самъ за все.

Кончивъ разговоръ съ невѣстой, онъ направлялся къ ожидавшимъ его друзьямъ, къ которымъ присоединялись незнакомые съ нимъ лично поклонники, желавшіе выпить стаканъ вина съ тореадоромъ.

Возвращаясь послѣ своей первой корриды въ качествѣ матадора, онъ проводилъ вечеръ съ Карменъ, красиво закутавшись въ свой плащъ, расшитый яркими арабесками по черному шолку.

— Мнѣ говорили, что ты много пьешь, — говорила ему со вздохомъ Карменъ, прислоняя голову къ рѣшеткѣ.

— Глупости! Нужно иногда выпить съ друзьями. Тореадоръ, видишь ли... не можетъ жить какъ монахъ.

— Мнѣ говорили также, что ты ведешь знакомство съ безпутными женщинами.

— Неправда... Это было когда-то, прежде чѣмъ я познакомился съ тобою... Чортъ возьми, хотѣлъ бы я знать, кто тебѣ говорилъ такія глупости!

— А когда мы повѣнчаемся? — спрашивала она, чтобы положить конецъ негодованію жениха.

— Какъ только кончу постройку дома. Мой негодный шуринъ все не можетъ довести дѣла до конца.

— Я все приведу въ порядокъ, Хуаниньо, когда мы поженимся. Увидишь, какъ все хорошо пойдетъ. Твоя мама меня полюбитъ.

Такъ они разговаривали въ ожиданіи свадьбы, о которой говорили уже во всей Севильѣ. Дядя и тетка Карменъ и сеньора Ангустіасъ говорили объ этомъ при каждой встрѣчѣ, но все-таки Хуанъ рѣдко приходилъ въ домъ невѣсты, точно ему это запрещали. Они предпочитали говорить по обычаю изъ окна.

Прошла зима. Гальярдо ѣздилъ верхомъ и часто гостилъ у нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ общества, говорившихъ ему „ты“, съ покровительственнымъ видомъ. Ему необходимо было поддерживать легкость тѣла постояннымъ движеніемъ, въ ожиданіи начала сезона, когда онъ долженъ былъ выступать на аренѣ. Онъ все боялся потерять силу и легкость.

Самымъ неутомимымъ глашатаемъ его славы былъ донъ Хозе, занимавшійся его контрактами и называвшій его „своимъ матадоромъ". Онъ устраивалъ всѣ дѣла Гальярдо, не признавая ни за кѣмъ, даже за семьей Гальярдо, бо́льшихъ правъ, чѣмъ за собой. Онъ жилъ своей рентой, и исключительнымъ его занятіемъ были разговоры о быкахъ и тореадорахъ. Для него единственнымъ интересомъ жизни были корриды, и онъ раздѣлялъ испанскіе города на двѣ категоріи: на избранные, имѣющіе цирки, и на множество жалкихъ городишекъ, въ которыхъ нѣтъ ни солнца, ни радости, ни хорошаго бѣлаго вина, какъ бы они ни считали себя значительными и счастливыми, такъ какъ въ ихъ стѣнахъ не было даже новильяды.

Его любовь ко всему, что́ касалось боя быковъ, соединялась съ мужествомъ воина и съ фанатизмомъ настоящаго инквизитора. Толстый, еще довольно молодой, лысый, съ рыжей бородой, этотъ отецъ семейства, веселый и добродушный въ обыкновенной жизни, дѣлался жестокимъ и непримиримымъ, сидя на своемъ мѣстѣ въ циркѣ, когда сосѣди не соглашались съ его мнѣніями. Онъ былъ способенъ вступить въ драку со всей публикой, защищая тореадоровъ, съ которыми онъ дружилъ. Бурные аплодисменты чередовались у него съ внезапными протестами по адресу бойца, не заслужившаго его расположенія.

Онъ служилъ въ кавалеріи, но больше изъ любви къ лошадямъ, чѣмъ къ военному дѣлу. Его толщина, а также увлеченіе къ боямъ быковъ побудили его выйти въ отставку, и онъ проводилъ лѣто въ томъ, что бывалъ на бояхъ быковъ, а зиму—въ разговорахъ о быкахъ. Быть руководителемъ, ментóромъ, завѣдующимъ дѣлами тореадора—вотъ что́ составляло его душевное желаніе. Всѣ выдающіеся тореадоры имѣли уже импрессаріо, когда на его счастье вдругъ прославился Гальярдо. Малѣйшее сомнѣніе въ высокихъ качествахъ Гальярдо выводило его изъ себя. Онъ багровѣлъ отъ гнѣва и всегда сводилъ споръ о быкахъ на личный вопросъ. Онъ гордился тѣмъ, что однажды въ кафѣ вступилъ въ драку съ двумя любителями, которые критиковали „его матадора" за то, что онъ слишкомъ женственно красивъ!

Ему казалось недостаточнымъ прославлять въ газетахъ славу Гальярдо, и зимой онъ шелъ утромъ на улицу Ласъ-Сіэрпэсъ, куда приходили его друзья.

— Есть ли еще на свѣтѣ такой другой человѣкъ? — говорилъ онъ громко, какъ бы разговаривая самъ съ собой и дѣлая видъ, что не видитъ приближающихся людей.—Первый человѣкъ

въ мірѣ! Кто съ этимъ не согласенъ—пусть скажетъ... Единственный въ мірѣ!

— Кто это такой?—спрашивали ради шутки друзья, дѣлая видъ, что не понимаютъ.

— Какъ кто?.. Конечно, Хуанъ.

— Какой Хуанъ?

Онъ дѣлалъ негодующій жестъ.

— Какой же можетъ быть Хуанъ? Много, что-ли, такихъ Хуановъ?.. Хуанъ Гальярдо.

Видя, что приближаются другіе друзья, онъ забывалъ насмѣшки и опять повторялъ:

— Нѣтъ на свѣтѣ другого такого... первый боецъ въ мірѣ! И кто съ этимъ не согласенъ, пусть скажетъ... Я съ нимъ сосчитаюсь.

Свадьба Гальярдо отпразднована была съ большой пышностью. Она соединена была съ освященіемъ новаго дома, постройкой котораго очень гордился шуринъ Хуана. Онъ показывалъ внутренній дворъ, выложенный мраморомъ, съ голубыми изразцовыми стѣнами, точно все это было произведеніемъ его рукъ.

Вѣнчаніе происходило въ церкви святого Хиля, передъ алтаремъ Мадонны Упованія. При выходѣ изъ церкви сверкали на солнцѣ пестрые цвѣты и птицы, которыми были расшиты мантильи на подругахъ невѣсты. Посажёнымъ отцомъ былъ одинъ депутатъ. Надъ бѣлыми и черными касторовыми шляпами большинства приглашенныхъ выдѣлялись сверкающіе цилиндры импрессаріо Гальярдо и другихъ его поклонниковъ. Всѣ они улыбались, довольные вниманіемъ, которое они возбуждали, идя рядомъ съ тореадоромъ.

Передъ дверью дома въ теченіе всего дня раздавали милостыни бѣднымъ. Нищіе приходили туда изъ окрестныхъ мѣстъ, привлеченные слухами о пышной свадьбѣ.

Во внутреннемъ дворѣ собралась большая компанія. Нѣсколько фотографовъ дѣлали моментальные снимки для мадридскихъ журналовъ. Свадьба Гальярдо была національнымъ праздникомъ. До самой ночи раздавались звуки гитаръ, меланхоличное пѣніе, сопровождаемое ударами въ ладоши. Дѣвушки, поднявъ руки надъ головой, выступали по мрамору мелкими шагами, граціозно шелестя мантильей и юбкой въ широкихъ складкахъ подъ ритмъ севильянъ. Раскрывались дюжинами бутылки горячаго андалузскаго вина, переходили изъ рукъ въ руки стаканы съ пламеннымъ хересомъ, съ терпкимъ виномъ Монтильи и санлукаромъ, блѣднымъ и ароматнымъ. Всѣ были пьяны, но опьяненіе

было тихое, нѣсколько грустное, выражавшееся только во вздохахъ и пѣніи, въ грустныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ говорилось о смерти и о бѣдной мамѣ—вѣчныхъ темахъ андалузскихъ народныхъ пѣсенъ.

Въ полночь ушли послѣдніе гости, и новобрачные остались въ домѣ вмѣстѣ съ сеньорой Ангустіасъ. Сѣдельщикъ, ушедшій съ женой, былъ въ дурномъ расположеніи духа. Онъ напился и бѣсился, находя, что никто на него не обращалъ вниманія весь день. Точно его тутъ и не было! Точно семьи не было на свѣтѣ!

— Нами пренебрегаютъ, Энкарнаціонъ,—говорилъ онъ.— Эта дѣвчонка, кроткая какъ Мадонна, на самомъ дѣлѣ заберетъ все въ руки и ничего намъ не оставитъ. Вотъ увидишь, сколько у нихъ будетъ дѣтей.

Онъ возмущался, думая о будущемъ потомствѣ тореадора, которое родится на свѣтъ только для того, чтобы повредить интересамъ его семьи.

Время проходило; миновалъ годъ, а предсказанія сеньора Антоніо не сбывались. Гальярдо и его жена появлялись на всѣхъ праздникахъ, очень веселые и довольные. Она носила платья, вызывавшія крики восторга у бѣдныхъ женщинъ. А онъ сверкалъ брилліантами и всегда готовъ былъ опустошить свой кошелекъ и раздать всѣ деньги нищимъ, окружавшимъ его цѣлой толпой. Цыганки и гадалки осаждали Карменъ счастливыми предсказаніями. Да благословитъ ее Господь! У нея скоро родится сынокъ краше солнца,—это видно въ бѣлкѣ ея глазъ. Ребенокъ уже на полпути.

Но Карменъ напрасно краснѣла, опуская глаза, и напрасно гордился тореадоръ своимъ будущимъ сыномъ. Онъ не являлся на свѣтъ.

Прошелъ еще одинъ годъ, не осуществляя надеждъ молодой четы. Сеньора Ангустіасъ огорчалась, когда заходила рѣчь объ этихъ обманутыхъ надеждахъ. У нея были другіе внуки, дѣти Энкарнаціонъ, которые, по желанію ихъ отца, проводили весь день въ домѣ бабушки, чтобы возбудить привязанность дяди. Но сеньора Ангустіасъ, которая старалась теперь возмѣстить прежнее дурное обращеніе съ сыномъ горячей любовью, хотѣла бы имѣть внука отъ сына, чтобы воспитать его по-своему и посвятить ему ту любовь, которую не могла дать отцу его въ годы его тяжелаго дѣтства.

— Я знаю, въ чемъ дѣло,—грустно говорила старуха.— Бѣдняжка Карменъ не знаетъ покоя. Посмотрите на ея лицо, когда Хуанъ уѣзжаетъ изъ дому.

Въ теченіе зимы, въ мѣсяцы отдыха, когда тореадоръ оставался дома или уходилъ за городъ смотрѣть быковъ, все было благополучно. Карменъ была довольна, зная, что мужъ ея не подвергается опасности. Она смѣялась при малѣйшемъ предлогѣ, ѣла съ аппетитомъ и лицо ея цвѣло здоровьемъ. Но когда наступала весна и Хуанъ уѣзжалъ изъ дому, чтобы сражаться на всѣхъ аренахъ Испаніи, бѣдная женщина, блѣдная и ослабѣвшая, впадала въ горестное остолбенѣніе; глаза у нея расширялись съ выраженіемъ ужаса, и она готова была рыдать при всякомъ случаѣ.

— Семьдесятъ-двѣ корриды у него въ этомъ году, — говорили друзья дома, обсуждая ангажементы тореадора. — Ни за кѣмъ такъ не гонятся, какъ за нимъ.

Карменъ улыбалась съ грустнымъ лицомъ. Ей предстояло семьдесятъ-два дня мукъ, подобныхъ мукамъ осужденнаго на смерть въ ожиданіи телеграммы, которая должна была придти подъ вечеръ. Семьдесятъ-два дня ужаса, смутныхъ предчувствій, суевѣрныхъ страховъ при мысли, что какія-нибудь забытыя слова молитвы могли повліять на судьбу отсутствующаго мужа! Семьдесятъ-два дня грустной тоски въ тиши спокойнаго дома, при видѣ тѣхъ же людей, при ненарушимомъ теченіи спокойной и легкой жизни. Слушать крики дѣтей во дворѣ, точно ничего не произошло, слышать пѣніе продавца цвѣтовъ, въ то время какъ далеко, далеко, въ невѣдомыхъ городахъ, ея Хуанъ борется съ быками на виду тысячъ глазъ, и смерть проходитъ мимо самой его груди при каждомъ движеніи красной тряпки, которую онъ держитъ въ рукахъ!

Ахъ, эти дни корриды, праздничные дни, когда небо кажется еще болѣе прекраснымъ и на улицахъ раздаются быстрые шаги воскресныхъ пѣшеходовъ, раздается звукъ гитары и пѣсни въ кабачкахъ!.. Карменъ, бѣдно одѣтая, опустивъ мантилью на глаза, уходила изъ дому, какъ бы спасаясь отъ тяжелаго кошмара, и искала убѣжища въ церквахъ. Ея простая, наивная вѣра, соединенная съ суевѣрными страхами, побуждала ее идти отъ алтаря къ алтарю, взвѣшивая въ мыслякъ чудодѣйственную силу каждой иконы. Она шла въ церковь святого Хиля, гдѣ пережила самый радостный день своей жизни, опускалась на колѣни передъ Мадонной Упованія, приказавъ зажечь вокругъ нея множество свѣчей, и разсматривала въ розоватомъ свѣтѣ смуглое лицо иконы, черные глаза которой какъ будто походили на ея глаза. Этой Мадоннѣ она вѣрила и успокаивалась на мысли, что она охранитъ Хуана въ часы битвы своей небесною силой.

Но вскорѣ ея увѣренность смѣнялась страхомъ и сомнѣніями. Мадонна вѣдь женщина, а женщина мало что̀ можетъ сдѣлать. Ея назначеніе—страдать и плакать, какъ плакала она о своемъ мужѣ и какъ Мать Христа плакала о своемъ Сынѣ. Нужно поручить себя большей власти, обратиться за болѣе мощной помощью. И оставивъ безъ угрызенія совѣсти Мадонну Упованія, въ эгоизмѣ своей печали, какъ забываютъ ненужнаго друга, она отправлялась въ церковь святого Лоренцо, обращаясь за помощью къ Христу, увѣнчанному терновымъ вѣнцомъ.

Видъ Распятаго какъ будто утѣшалъ несчастную Карменъ. „Господь Всемогущій!“—Самое это обращеніе успокаивало ее. Она думала, что Онъ слышитъ ея мольбы, повторяемыя безконечное количество разъ, и увѣрена была, что Хуанъ уйдетъ невредимымъ съ арены, на которой стоялъ въ эту минуту. Иногда она давала деньги служителю, чтобы онъ зажегъ свѣчи, и проводила цѣлые часы, слѣдя за колеблющимся свѣтомъ, бросающимъ красные блики на Распятіе, видя среди колеблющихся тѣней благосклонную улыбку, предвѣщавшую ей счастье.

Вѣра во Всемогущаго не обманывала ее. Когда она возвращалась домой, ей давали голубую бумажку, которую она раскрывала дрожащей рукой: „Ничего новаго!“—Она могла свободно вздохнуть, могла спать, какъ осужденный на смерть, котораго помиловали и избавили отъ неминуемой смерти. Но черезъ два-три дня опять начиналась мука сомнѣнія, страшная пытка невѣдѣнія.

Карменъ, несмотря на всю свою любовь къ мужу, иногда чувствовала приливъ негодованія и возмущенія. Еслибы она знала, какова будетъ ея жизнь, прежде чѣмъ выйти замужъ! Иногда, подъ вліяніемъ общности горя, она шла къ женамъ другихъ тореросовъ изъ кадрильи Хуана, точно онѣ могли успокоить ее благополучными вѣстями.

Жена Національ, которая содержала таверну въ томъ же кварталѣ, принимала жену эспады очень спокойно и разсѣивала ея страхи. Она привыкла къ такой жизни. Съ мужемъ навѣрное ничего не случилось, хотя онъ не присылаетъ вѣстей. Телеграммы стоятъ дорого, а бандерильеросъ мало зарабатываетъ. Если продавцы газетъ не выкрикиваютъ, что произошло несчастье, значитъ—все кончилось благополучно. Она прислуживала посѣтителямъ, не давая себѣ времени мучиться безпокойствомъ.

Въ другіе разы Карменъ, переходя черезъ мостъ, отправлялась къ женѣ пикадора Потахе; она была цыганка и жила въ маленькомъ домикѣ, точно въ курятникѣ, окруженная грязными,

оборванными дѣтьми, на которыхъ все время кричала. Визитъ Карменъ ей льстилъ, но тревоги ея казались ей напрасными.—Нѣтъ никакого основанія бояться,—говорила она.—Тѣ, которые сражаются, стоя на ногахъ, могутъ всегда легко убѣжать отъ быка, и сеньоръ Хуанъ Гальярдо никогда не попадется быку. Быки рѣдко кого сшибаютъ съ ногъ. Самое ужасное—это паденіе съ лошади. Извѣстно, какъ кончаютъ пикадоры послѣ своей тяжелой жизни. Тотъ изъ нихъ, кто не погибаетъ на аренѣ быстрой и вовсе не почетной смертью, обыкновенно сходитъ потомъ съ ума. Такъ умретъ и бѣдный Потахе, который столько работаетъ за небольшую горсть денегъ, въ то время какъ другіе...

Она не доканчивала фразы, и въ глазахъ ея видно было возмущеніе противъ несправедливой судьбы, противъ того, что одни, взявъ въ руки шпагу, завоевываютъ и апплодисменты, и популярность, и деньги, рискуя не большимъ, чѣмъ рискуютъ ихъ подчиненные.

Мало-по-малу Карменъ привыкала къ своей новой жизни. Ужасное ожиданіе въ дни корриды, посѣщенія церквей, суевѣрія,—все это она принимала какъ необходимую часть жизни. Къ тому же удачи ея мужа и постоянный разговоръ дома о боѣ быковъ, въ концѣ концовъ, пріучили ее къ опасности. И въ ея глазахъ хорошій быкъ былъ благороднымъ и добрымъ животнымъ, назначеніе котораго въ жизни — доставлять богатство и славу матадорамъ, выступающимъ на бой съ нимъ.

Она никогда не была на боѣ быковъ. Съ того самаго дня, когда она увидѣла на первой новильядѣ, на которой присутствовала, того, кто долженъ былъ стать ея мужемъ, она ни разу не была въ циркѣ. Она чувствовала, что не сможетъ видѣть корриду даже безъ участія Гальярдо. Она бы лишилась чувствъ отъ ужаса, видя другихъ людей, совершающихъ опасные подвиги, подвергающихся той же опасности и носящихъ такое же платье, какъ ея Хуанъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени свадьбы Хуанъ только разъ попался на рога въ Валенціи. Карменъ въ этотъ день поздно вернулась домой. Телеграмма пришла въ обычный часъ съ той же фразой—„ничего новаго“. Ее послалъ донъ Хозе, который приходилъ къ Карменъ каждый день и ловкими маневрами помѣшалъ ей читать газеты, такъ что она въ теченіе недѣли ничего не знала о случившемся.

Когда Карменъ узнала о несчастіи отъ одной изъ проболтавшихся сосѣдокъ, она хотѣла сейчасъ же поѣхать къ мужу и

ухаживать за нимъ, воображая, что онъ лежитъ, брошенный всѣми. Но въ этомъ не было никакой надобности. Хуанъ вернулся домой, прежде чѣмъ она успѣла уѣхать, поблѣднѣвъ отъ потери крови, съ одной завязанной ногой, но очень веселый; онъ торопился домой, чтобы успокоить свою семью. Домъ ихъ превратился въ какой-то храмъ; черезъ дворъ проходили сотни людей, желавшихъ привѣтствовать Гальярдо, „перваго бойца въ мірѣ"; онъ сидѣлъ въ плетеномъ креслѣ, положивъ ногу на табуретъ и спокойно куря сигару, точно ужасная рана не причинила зла его тѣлу.

Докторъ Руизъ, пріѣхавъ въ Севилью, сказалъ, что Хуанъ будетъ совсѣмъ здоровъ черезъ мѣсяцъ, и поражался выносливостью его организма. Легкость, съ которой тореадоры излечиваются отъ своихъ ранъ, оставалась для него тайной, несмотря на его долгую хирургическую практику. Рогъ быка, грязный отъ крови и испражненій животнаго, расцарапанный въ разныхъ мѣстахъ отъ ударовъ, врѣзывался въ тѣло, разрывая ткани, но въ то же время предупреждая зараженіе крови. Во всякомъ случаѣ на лицо былъ тотъ фактъ, что раны, полученныя на аренѣ, легче залечивались, чѣмъ раны въ обыкновенной жизни.

— Не понимаю, въ чемъ дѣло,—говорилъ старикъ-хирургъ съ изумленіемъ. — Или у всѣхъ у нихъ тѣло какъ у собакъ, или же рогъ, какъ онъ ни загрязненъ, обладаетъ невѣдомой для насъ цѣлительной силой.

Очень недолго послѣ этого Гальярдо опять сталъ сражаться, не утративъ своего прежняго пыла.

Черезъ четыре года послѣ свадьбы, Хуанъ доставилъ неожиданную радость своей женѣ и матери. Они сдѣлались владѣльцами большого помѣстья съ необозримыми полями, оливковыми рощами, мельницами, словомъ — помѣстья, не уступавшаго самымъ богатымъ въ Севильѣ.

Гальярдо чувствовалъ тоже страстное желаніе, какъ и всѣ тореадоры, быть помѣщикомъ и владѣть лошадьми и стадами. Городское богатство, денежныя бумаги — не привлекали ихъ. Быкъ всегда возбуждалъ въ нихъ мечту о зеленыхъ лугахъ; при видѣ лошади они думали о поляхъ. Необходимость постояннаго движенія, усталость и переѣзды во время зимнихъ мѣсяцевъ—вызывали въ нихъ желаніе владѣть землею.

Въ глазахъ Гальярдо богатъ былъ только владѣлецъ помѣстья и большихъ стадъ. Отъ временъ дѣтства, когда онъ ходилъ пѣшкомъ по дорогамъ, по лугамъ и оливковымъ рощамъ, у него со-

хранилось желаніе владѣть собственными землями, окруженными стѣнами.

Его импрессаріо зналъ объ этихъ желаніяхъ. Донъ Хозе зналъ положеніе его дѣлъ и велъ разсчеты, которыхъ никакъ не могъ объяснить своему матадору.

— Я этой музыки не понимаю,—говорилъ Гальярдо, вполнѣ довольный самъ своимъ невѣжествомъ.—Я умѣю только убивать быковъ. Дѣлайте что хотите, донъ Хозе; я увѣренъ, что вы сдѣлаете все къ лучшему.

И донъ Хозе, совершенно не заботившійся о собственныхъ помѣстьяхъ, предоставляя завѣдывать всѣмъ женѣ, былъ постоянно озабоченъ интересами своего матадора, стараясь, чтобы его деньги давали какъ можно больше доходовъ.

Однажды онъ явился къ Хуану съ веселымъ лицомъ.

— Я нашелъ, что тебѣ нужно — огромное помѣстье и, къ тому же, очень дешевое. На слѣдующей недѣлѣ мы подпишемъ условіе.

Гальярдо освѣдомился о томъ, гдѣ это помѣстье и какъ оно называется.

— Оно называется „Уголокъ“.

Такимъ образомъ исполнилось его желаніе.

Когда Гальярдо отправился съ своей женой и матерью осмотрѣть помѣстье, онъ показалъ имъ чердакъ, гдѣ ночевалъ вмѣстѣ съ товарищами, показалъ, гдѣ они обѣдали съ хозяиномъ, а также площадку, гдѣ онъ закололъ быка, заработавъ въ первый разъ право путешествовать въ повздѣ, не прячась подъ скамейками.

III.

Въ зимніе вечера, когда Гальярдо оставался въ городѣ, не уѣзжая въ „Уголокъ“, у него собиралась къ ужину небольшая компанія родныхъ и друзей. Приходилъ сѣдельщикъ съ женой, дѣти которыхъ жили безвыходно въ домѣ Гальярдо. Карменъ, утративъ надежду имѣть дѣтей сама, привязалась къ дѣтямъ невѣстки, и родители дѣтей пользовались этимъ, возлагая большія надежды на покровительство бездѣтныхъ и богатыхъ родственниковъ. Двое племянниковъ Гальярдо постоянно жили у него въ домѣ и шумно выказывали свою любовь къ хорошенькой тетѣ и щедрому дядѣ.

Почетное мѣсто во главѣ стола занимала всегда мать Гальярдо, сеньора Ангустіасъ, и даже когда онъ приглашалъ къ

обѣду своихъ знатныхъ друзей и покровителей, онъ не позволялъ матери никому уступать свое мѣсто и всячески выказывалъ ей свое сыновнее почитаніе, какъ бы стараясь вознаградить ее въ старости за огорченія, которыя доставлялъ ей въ дѣтствѣ.

Общество оживлялось при появленіи Національо, котораго Гальярдо встрѣчалъ съ распростертыми объятіями, сидя у себя за столомъ въ роскошномъ домашнемъ костюмѣ, съ гладко зачесанной на темени колетой. Онъ его разспрашивалъ о слухахъ, о сплетняхъ въ мірѣ тореросовъ, и сейчасъ же принимался дразнить его, спрашивая, скоро ли объявлена будетъ республика. Національо вступалъ въ разговоръ, непреклонно отказываясь каждый разъ отъ предлагаемаго ему вина, такъ какъ считалъ вино причиной всѣхъ несчастій рабочаго класса. Изъ всѣхъ собиравшихся за столомъ у Гальярдо къ Національо относился съ дурнымъ чувствомъ только шуринъ Гальярдо, который видѣлъ въ бандерильеросѣ своего соперника. Каждый подарокъ кому-нибудь изъ дѣтей Національо, тоже крестниковъ тореадора, казался ему чѣмъ-то отнятымъ у его дѣтей. Онъ или угрюмо слушалъ Національо, ничего не говоря, или разражался проклятіями всѣмъ бунтовщикамъ, сѣющимъ смуту въ народѣ, и говорилъ, что всѣхъ ихъ нужно разстрѣлять, такъ какъ они опасны для всѣхъ благомыслящихъ людей.

Національо былъ на десять лѣтъ старше Гальярдо и въ своей молодости тоже обѣщалъ сдѣлаться первоклассникъ тореадоромъ, отличаясь въ роли бандерильероса въ Южной-Америкѣ. Но когда онъ выступилъ первый разъ въ мадридскомъ циркѣ, передъ многотысячной толпой, ожидавшей отъ него подвиговъ, у него „упало сердце“, какъ говорили профессіоналы; онъ, изъ инстинкта самосохраненія, не рѣшался близко подступить къ быку и не съумѣлъ воспользоваться своей силой и своей статной фигурой. Онъ остался простымъ бандерильеросомъ, ремесленникомъ въ своей профессіи, и заботился только о томъ, чтобы прилично содержать свою семью. Его любили товарищи за доброту, за честный, благородный характеръ, а жена Гальярдо относилась къ нему, какъ къ ангелу-хранителю своего мужа. Когда Гальярдо, путешествуя по всей Испаніи, отправлялся послѣ удачнаго боя быковъ кутить въ мѣстные кафе-шантаны, Національо удерживалъ его своимъ грустнымъ, серьезнымъ видомъ. Онъ не презиралъ несчастныхъ продажныхъ женщинъ, а жалѣлъ ихъ за ихъ невѣжество, въ которомъ видѣлъ общій источникъ горя всего народа. Онъ любилъ ораторствовать на эту тему и вести пропаганду среди простого народа. Въ молодости онъ сражался въ

батальонахъ національной милиціи, участвовалъ въ революціонномъ движеніи и потомъ только, во времена реакціи, когда онъ не могъ поступить никуда на работу изъ-за своихъ убѣжденій, онъ рѣшилъ сдѣлаться профессіональнымъ тореросомъ, такъ какъ это занятіе его привлекало. Онъ гордился тѣмъ, что хотя тауромахія считается очень реакціоннымъ явленіемъ и въ презрѣніи у передовыхъ людей, какъ пережитокъ временъ инквизиціи, все же дѣятели передовыхъ партій, его политическіе единомышленники, относились съ уваженіемъ лично къ нему. Воодушевленный духомъ прозелитизма, онъ при всякомъ случаѣ излагалъ свои убѣжденія. Во время переѣздовъ по желѣзной дорогѣ, когда вся кадрилья, съ Гальярдо во главѣ, кочевала изъ города въ городъ на предстоящіе бои быковъ, товарищи Національя любили натравлять его на какихъ-нибудь попутчиковъ, въ особенности если таковыми являлись священники. Сначала Національ не рѣшался вступать въ споръ, изъ уваженія къ Гальярдо, но постепенно не выдерживалъ и нападалъ на священника, входя въ азартъ и оглушая своего противника путанными доводами, взятыми изъ книгъ и рѣчей публичныхъ ораторовъ. Свою ненависть къ священникамъ онъ помнилъ даже на аренѣ, и когда ему попадался особенно большой, тяжеловѣсный черный быкъ, онъ подзывалъ его, величая въ насмѣшку „преподобіемъ“ и „священствомъ“. Гальярдо смѣялся надъ его безбожіемъ, но жаловался, что изъ-за него всѣхъ ихъ будутъ считать еретиками, чего онъ вовсе не желалъ. Все же онъ очень любилъ Національя, зная его большую преданность ему. Равнодушный къ свисткамъ, бандерильеръ никогда не рисковалъ жизнью ради славы, но когда, однажды, Гальярдо упалъ на арену и его чуть не подхватилъ быкъ, Національ бросился на быка, забывъ про жену и дѣтей, чтобы спасти тореадора.

Когда онъ входилъ въ столовую у Гальярдо, его встрѣчали какъ члена семьи, и сеньора Ангустіасъ освѣдомлялась о его женѣ и дѣтяхъ и о томъ, какъ идетъ торговля въ маленькой тавернѣ, которую онъ содержалъ. Національ благодарилъ, говорилъ, что хорошо бы завести еще продажу табаку въ тавернѣ. Онъ бы могъ — говорилъ онъ — даже выхлопотать себѣ право на это, но онъ считалъ, что человѣку съ его убѣжденіями не приличествуетъ обращаться къ правительству. Сеньора Ангустіасъ бранила его за чрезмѣрную совѣстливость въ ущербъ семьѣ. Остальные сидѣвшіе за столомъ добродушно подшучивали надъ друзьями и единомышленниками Національя. Пока шутилъ самъ Гальярдо и его импрессаріо, донъ Хозе, Національ тер-

чѣливо молчалъ, но когда надъ нимъ начиналъ подтрунивать и ненавистный ему сѣдельщикъ, онъ не выдерживалъ и, не обращая вниманія на мать и жену Гальярдо, обрушивался со всѣмъ запасомъ нахватанныхъ на митингахъ фразъ на „вѣрующихъ глупцовъ“, съ презрѣніемъ заявляя, что Библія, Адамъ и Ева, сотвореніе міра въ шесть дней... „все это — враки и предразсудки“...—Не могутъ всѣ быть дѣтьми одной четы,—иначе всѣ бы назывались одной фамиліей... Кажется, ясно!

Гальярдо, покатываясь со смѣху, апплодировалъ Національю, также какъ и донъ Хозе, поздравлявшій его съ выдающимся ораторскимъ талантомъ. Но сеньора Ангустіасъ приходила въ ужасъ отъ его безбожія и умоляла его замолчать. Въ душѣ она, впрочемъ, примирилась даже съ его богохульствомъ, зная, какъ онъ преданъ ея Хуану и какъ онъ его охранялъ отъ опасности на аренѣ и отъ соблазновъ жизни внѣ дома.

Національ, дѣйствительно, былъ вѣрнымъ другомъ тореадора и въ личныхъ его дѣлахъ; онъ сидѣлъ мрачный въ столовой Гальярдо, храня тайну, которая разбила бы сердце жены и матери тореадора, еслибы онѣ что-либо подозрѣвали. Самъ же онъ, не взирая на почтеніе къ маэстро, откровенно упрекалъ его наединѣ, пользуясь правами долголѣтней дружбы.

— Послушай, Хуанильо, — говорилъ онъ, — въ Севильѣ ничего нельзя скрыть. Объ этомъ всѣ говорятъ, и когда онѣ узнаютъ, то у тебя въ домѣ такое будетъ, что не дай Богъ... Бѣдная Карменъ съ ума сойдетъ.

Гальярдо дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, въ чемъ дѣло, но его сердило, что въ городѣ уже извѣстна тайна его любви.

— Не понимаю, о чемъ ты говоришь,—говорилъ онъ.

— Какъ о чемъ?.. О доньѣ Соль, о племянницѣ маркиза Мораимо...

Тореадоръ улыбался, пораженный точностью свѣдѣній Національ, и тотъ продолжалъ съ видомъ проповѣдника, разочарованнаго въ суетѣ мірской, доказывать, что человѣкъ женатый долженъ думать только о спокойствіи своего дома, что женщины... ерунда, что всѣ онѣ одинаковы, и не стоитъ портить свою жизнь, бѣгая отъ одной къ другой, что онъ самъ за два года супружества ни разу не измѣнилъ своей Терезѣ даже въ мысляхъ.

Гальярдо сталъ смѣяться надъ проповѣдническимъ тономъ бандерильероса.

— Не говори глупостей, Національ! Каждый человѣкъ долженъ жить по-своему, и отъ женщинъ отворачиваться нечего...

Нужно жить, пока живется. Все равно, не сегодня-завтра унесутъ тебя съ арены ногами впередъ... Да ты не знаешь къ тому же, что̀ такое знатная сеньора. Еслибы ты видѣлъ эту женщину!.. Я вѣдь очень люблю Карменъ, — прибавилъ онъ, глядя на печальное лицо Національя. — Но и та мнѣ страшно нравится. Это—совсѣмъ другое чувство, увѣряю тебя.

Больше ничего бандерильеросъ такъ и не узналъ.

Гальярдо встрѣтилъ въ первый разъ донью Соль за нѣсколько мѣсяцевъ до того, осенью, когда кончился сезонъ корридъ, въ церкви св. Лоренцо. Онъ отдыхалъ въ Севильѣ, въ своемъ роскошномъ и удобномъ домѣ, отъ путешествій, утомлявшихъ его въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ больше, чѣмъ работа на аренѣ. Онъ за лѣто закалывалъ болѣе ста быковъ, но самый бой утомлялъ его меньше, чѣмъ постоянная спѣшка на поѣздъ и переѣзды. Возвращаясь къ себѣ въ Севилью, онъ съ наслажденіемъ предавался покою и досугу, радъ былъ пожить съ семьей, принималъ въ своемъ роскошномъ домѣ людей, приходившихъ навѣстить знаменитаго матадора; принималъ и стекавшихся къ нему бѣдняковъ, щедро всѣхъ одѣляя; крестилъ дѣтей у всѣхъ, кто къ нему обращался съ просьбой оказать ему эту честь, ходилъ въ аристократическій „Клубъ сорока-пяти“, членомъ котораго состоялъ и въ которомъ говорили только о быкахъ и лошадяхъ. Клубъ этотъ состоялъ изъ богатыхъ любителей и содержателей бычачьихъ заводовъ. Самымъ выдающимся членомъ клуба, передъ авторитетомъ котораго всѣ преклонялись, былъ маркизъ Мораимо.

Однажды, въ пятницу вечеромъ, отправляясь въ клубъ, Гальярдо вздумалъ зайти по дорогѣ въ церковь св. Лоренцо. Передъ церковью стоялъ рядъ роскошныхъ экипажей, такъ какъ все знатное общество города отправлялось въ этотъ день поклониться чудотворной иконѣ въ этой церкви. Гальярдо вошелъ вслѣдъ за другими; ему льстило, что онъ, сынъ башмачника, знакомъ и раскланивается съ богатымъ и знатнымъ обществомъ, столпившимся въ церкви. Къ тому же его наивная вѣра влекла его къ чудесной иконѣ. Душа его жадно ожидала всегда чуднаго вмѣшательства въ свою жизнь, и онъ всегда надѣялся на покровительство свыше.

Благочестивое настроеніе Гальярдо разсѣялось, когда среди проходившихъ мимо него женщинъ появилась очень высокая, стройная, эффектная красавица, одѣтая съ вызывающей роскошью, въ шляпѣ съ большими перьями, изъ-подъ которой сверкали пышные золотые волосы. Гальярдо зналъ, что это была

донья Соль, племянница маркиза Мораимо, „посланница", какъ ее называли въ Севильѣ. Она прошла впередъ, видимо довольная вызваннымъ ею любопытствомъ, на минуту опустилась на колѣни и наклонила голову. Потомъ она подняла свои ясные зеленоватые глаза съ золотистыми отливами и обвела ими храмъ, выглядывая знакомыхъ, какъ въ театрѣ. Глаза ея улыбнулись при встрѣчѣ знакомаго лица одной пріятельницы; потомъ, продолжая блуждать, взглядъ ея остановился, наконецъ, со спокойнымъ упорствомъ на Гальярдо. Тореадоръ не страдалъ чрезмѣрной скромностью и привыкъ возбуждать вниманіе женщинъ, но взглядъ ея, при всей благосклонности, былъ такой холодный, что Гальярдо, робкій относительно людей высшаго класса, отвелъ глаза.

„Что за женщина! — подумалъ Гальярдо. — Неужели она могла бы полюбить меня?"

Онъ вышелъ изъ церкви и сталъ поджидать ее у входа. Когда она въ свою очередь вышла, то продолжала странно глядѣть на него, какъ бы понявъ, что онъ ее ждалъ. Сѣвъ въ карету, она повернулась, чтобы еще разъ взглянуть на Гальярдо, и на губахъ ея показалась легкая улыбка.

Гальярдо былъ взволнованъ весь день. Онъ вспоминалъ всѣ свои прежнія побѣды и увлеченія, и теперь онѣ вызывали въ немъ стыдъ. Побѣдить вотъ такую женщину, знатную даму, которая объѣздила весь свѣтъ и живетъ въ Севильѣ какъ развѣнчанная королева... Вотъ это, дѣйствительно, побѣда! Онъ восторгался ея красотой и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ нѣкоторое благоговѣніе передъ ея знатностью. Понравиться такой женщинѣ казалось ему величайшимъ счастьемъ.

Онъ много разъ слышалъ о доньѣ Соль отъ своего импрессаріо, друга маркиза Мораимо. Онъ зналъ, что она вернулась за нѣсколько мѣсяцевъ до того послѣ долголѣтняго отсутствія, что ей поклоняется вся аристократическая молодежь, и что она сама увлекается всѣми живописными особенностями испанскихъ нравовъ. Она ѣздила на бой быковъ въ традиціонномъ національномъ, костюмѣ въ мантильѣ, стараясь походить на женщинъ съ картинъ Гойи. Сильная и смѣлая, привыкшая ко всѣмъ родамъ спорта, отличная наѣздница, она ѣздила верхомъ въ черной амазонкѣ, въ мужской жакеткѣ съ краснымъ галстухомъ, въ бѣлой фетровой шляпѣ на золотыхъ волосахъ, по окрестностямъ Севильи, а иногда отправлялась кавалькадой со свитой друзей на пастбище быковъ, чтобы гнаться за быками и опрокидывать ихъ на земь. Она очень увлекалась этой опасной игрой.

Донья Соль была уже не слишкомъ молода. Гальярдо помнилъ, что видѣлъ ее дѣвочкой, когда она каталась въ колискѣ, а онъ, вмѣстѣ съ другими уличными мальчишками, шмыгалъ между колесъ экипажей, подбирая окурки сигаръ. Ей, вѣроятно, было теперь подъ тридцать лѣтъ, какъ и ему, и красота ея была въ полномъ расцвѣтѣ. Она уже много видѣла и испытала въ жизни, такъ какъ была замужемъ за человѣкомъ, многимъ старше ея, который возилъ ее по разнымъ европейскимъ дворамъ, при которыхъ онъ состоялъ посломъ.

— Пожила она довольно на своемъ вѣку, — разсказывалъ Гальярдо его импрессаріо.—Сколько головъ вѣдь она вскружила во всѣхъ европейскихъ столицахъ! Бѣдный посланникъ умеръ, вѣрно, отъ того, что не зналъ, куда ѣхать. Куда бы онъ ни являлся ко двору, года не проходило, какъ требовали удаленія посланника съ его ужасной женой, которую называли въ газетахъ „неотразимой испанкой“... Королевы дрожали при ея пріѣздѣ, боясь ея какъ чумы. Ему оставалось только ѣхать въ южно-американскія республики, но онъ, какъ добрый монархистъ, предпочелъ смерть... Она не довольствовалась, однако, однимъ только придворнымъ обществомъ. Она любитъ всѣ крайности. Говорятъ, что въ Россіи она влюбилась въ одного революціонера, въ Парижѣ — въ бѣднаго художника, который сдѣлалъ ея портретъ въ костюмѣ прачки, въ Германіи увлекалась какимъ-то музыкантомъ... Можетъ быть, многое и преувеличено, но во всякомъ случаѣ она—очень интересная женщина.

— Въ Севильѣ,—продолжалъ донъ Хозе,—она ведетъ образцовую жизнь. Поэтому, можетъ быть, дѣйствительно, все, что про нее говорятъ, — басни. Можешь себѣ представить, какъ здѣсь всѣ сходятъ съ ума по ней. Такая элегантная женщина, съ туалетами изъ Парижа, съ духами изъ Лондона, подруга королей... всѣ съ ума сошли. А она ведетъ себя со всѣми просто, допускаетъ легкость обхожденія, обращаясь съ мужчинами какъ товарищъ. Но чуть кто начинаетъ питать надежды, его устраняютъ. Теперь ее не такъ осаждаютъ; у нея много враговъ, распространяющихъ про нее сплетни. Изъ злости отрицаютъ даже ея красоту.

Донья Соль—по словамъ дона Хозе—въ восторгѣ отъ севильской жизни и находитъ все необыкновенно живописнымъ.

— Она восторгается нашими нравами, какъ англичанка, пріѣзжающая на Пасху, и точно видитъ все это въ первый разъ. Она настояла, чтобъ ее приняли сестрой въ одну общину, и теперь тратитъ деньги на своихъ сестеръ. Она собираетъ въ

домѣ гитаристовъ и учитъ дѣвочекъ пѣть и танцовать, устраиваетъ пикники, во время которыхъ ей поклоняются какъ королевѣ. Теперь къ ней приходитъ по утрамъ старый цыганъ и учитъ ее играть на гитарѣ.

Такъ донъ Хозе разсказывалъ Гальярдо безъ конца объ эксцентричности доньи Соль. Четыре дня спустя послѣ встрѣчи Гальярдо съ доньей Соль въ церкви св. Лоренцо, импрессаріо тореадора, донъ Хозе, подошелъ таинственно къ Гальярдо въ кафѣ и объявилъ ему съ волненіемъ, что донья Соль желаетъ познакомиться съ нимъ, такъ какъ онъ понравился ей своей оригинальностью. Она говоритъ, что восхищалась его отвагой на аренѣ.

— Подумай, какая честь!—говорилъ донъ Хозе.

Но донъ Хозе счелъ все-таки своимъ долгомъ предостеречь Хуанильо отъ всяческихъ иллюзій, и объяснилъ ему, что она интересуется имъ, какъ интересуется старымъ цыганомъ, который играетъ на гитарѣ, какъ увлекается живописностью всего въ Севильѣ.—Она просила—сказалъ онъ—привести тебя завтра на гонку за быками, которую устраиваетъ въ честь ея маркизъ Мораимо въ своей ганадеріи. Пойдемъ; я тоже приглашенъ.

На слѣдующій день состоялась гонка на лугахъ завода маркиза Мораимо, и среди свиты, сопровождавшей донью Соль, красиво выдѣлялся Гальярдо въ своемъ роскошномъ костюмѣ древняго тореадора. Когда вся кавалькада, съ доньей Соль во главѣ, проѣзжала черезъ городъ и предмѣстья по направленію къ ганадеріи, популярнаго тореадора толпа всюду привѣтствовала восторженными криками. На лугу передъ оградой, за которой паслись быки, собралась огромная толпа приглашенныхъ гостей, и донья Соль загорѣлась желаніемъ выказать мужество и ловкость истой испанки.

Опасную игру съ быками началъ первымъ старикъ-маркизъ, помчавшійся на быстромъ конѣ на встрѣчу выпущенному быку и ловко ударивъ его копьемъ по шеѣ: быкъ сразу перевернулся и упалъ на спину, упираясь рогами въ землю. Въ этомъ и заключалась цѣль игры, требующей огромной ловкости. Быстрота, съ которой старикъ повалилъ быка, не ранивъ его, вызвала громъ рукоплесканій. Вслѣдъ за нимъ выѣхала донья Соль, безстрашная наѣздница, умѣвшая управлять копьемъ какъ мужчина. Ее сопровождалъ Гальярдо, но при приближеніи быка донья Соль бросилась впередъ; въ тотъ моментъ однако, когда она направила копье на быка, лошадь ея испугалась и бросилась въ сторону. Но донья Соль не хотѣла отступать, хотя быкъ

перешелъ къ наступленію и кинулся на лошадь. Сброшенная на землю, донья Соль быстро поднялась и съ безумной отвагой направилась на быка съ копьемъ. Раздались крики ужаса, такъ какъ безстрашной амазонкѣ грозила неминуемая гибель. Но въ эту минуту Гальярдо соскочилъ съ лошади, схватилъ красную жакетку, которая висѣла у сѣдла, бросился къ быку съ копьемъ и быстро, по всѣмъ правиламъ искусства, сразился съ нимъ, отдаливъ его отъ доньи Соль. При восторженныхъ крикахъ толпы, онъ быстро усмирилъ быка и тогда только передалъ его служителямъ, явившимся убрать его съ арены. Когда Гальярдо снова сѣлъ на лошадь и выѣхалъ изъ за-ограды, ему устроена была шумная овація, и донья Соль съ улыбкой поблагодарила его и пожала ему руку, назвавъ его „безстрашнымъ Сидомъ".

Вечеромъ событіе дня горячо обсуждалось въ домѣ Гальярдо. Сеньора Ангустіасъ была очень довольна тѣмъ, что сынъ ея спасъ жизнь знатной дамѣ. Карменъ молчала, сама не зная, какъ отнестись ко всему происшедшему.

Въ теченіе слѣдующихъ нѣсколькихъ дней Гальярдо не навѣдывался къ донѣ Соль, пока къ нему не пристадъ, наконецъ, донъ Хозе, упрекая его въ невѣжливомъ пренебреженіи къ интересующейся имъ знатной сеньорѣ. Ему полагалось пойти справиться о ея здоровьи. Гальярдо откровенно объяснилъ, что его смущаетъ донья Соль, такъ какъ онъ никогда не водилъ знакомства со свѣтскими дамами, но донъ Хозе убѣдилъ его пойти, согласившись сопровождать его.

Домъ доньи Соль изумилъ тореадора своимъ великолѣпіемъ. Особенно поразили его фрески съ изображеніями святыхъ въ мраморномъ вестибюлѣ; онъ полагалъ, что такія картины годятся только въ монастырь. Обстановка комнатъ еще болѣе смутила Гальярдо. Онъ гордился тяжелой и богатой мебелью въ своемъ домѣ, а тутъ увидѣлъ какую-то невѣдомую ему изысканную роскошь и устыдился своего грубаго вкуса. Но появленіе доньи Соль заставило его забыть обо всемъ другомъ. Онъ увидѣлъ ее теперь въ первый разъ безъ мантильи и шляпы. Она вышла къ нему въ японской туникѣ, скрещенной на груди, съ открытой шеей. На рукахъ сверкали кольца и браслеты въ восточномъ вкусѣ. Она сѣла, положивъ ногу на ногу, и на кончикѣ одной ноги покачивалась маленькая красная туфля съ золотымъ каблукомъ.

Гальярдо былъ такъ пораженъ ея красотой, что видѣлъ только какъ въ туманѣ ея полувызывающій и слегка ироническій взглядъ, устремленный на него. Смущенно улыбаясь, онъ отклонялъ вы-

раженія ея благодарности за то, что онъ спасъ ее. Потомъ онъ понемногу оправился, и между ними завязался простой, довѣрчивый разговоръ. Донья Соль нѣсколько разъ видѣла Гальярдо на аренѣ, и онъ чувствовалъ теперь гордость при мысли, что она помнитъ о его подвигахъ. Она угостила его папиросами съ примѣсью опіума, и странный ароматъ табака постепенно разсѣялъ его робость. Съ приливомъ внезапной откровенности онъ сталъ, по просьбѣ доньи Соль, разсказывать о себѣ, о своей жизни, и свѣтская красавица слушала его съ видимымъ интересомъ, говоря отъ времени до времени:

— Какъ это оригинально... Какъ любопытно!

Донъ Хозе, гордясь „своимъ матадоромъ", восполнялъ разсказы Гальярдо, перечисляя его подвиги, описывая его раны и вообще изображая его героемъ, скромнымъ въ обыденной жизни, какъ всѣ сильные люди.

Донья Соль попросила обоихъ гостей остаться обѣдать. Донъ Хозе отговорился полной невозможностью. Гальярдо тоже пытался уклониться, все еще страшась остаться наединѣ съ знатной сеньорой, но потомъ устыдился своей робости и остался.

За обѣдомъ онъ сначала чувствовалъ себя не по себѣ въ слишкомъ торжественной обстановкѣ. Его смущали безмолвные, внушительные лакеи, роскошь сервировки, и онъ стыдился своей одежды, своихъ манеръ. Но донья Соль постепенно покорила его своей простотой; обнаруживая сама большой аппетитъ, она заразила его своимъ примѣромъ. Вскорѣ его стѣсненіе прошло, и онъ сталъ ей разсказывать о всѣхъ своихъ товарищахъ, и она слушала съ улыбкой о жизни этихъ сильныхъ и грубыхъ людей, всегда близкихъ къ смерти. Ей было любопытно видѣть вблизи одного изъ нихъ. Послѣ шампанскаго Гальярдо окончательно разошелся; выходя въ залу, онъ отважился предложить руку хозяйкѣ. Когда подали кофе и сигары, Гальярдо расположился удобно на диванѣ, чувствуя легкое, пріятное головокруженіе, и сидѣлъ, ничего не говоря и только улыбаясь блаженной улыбкой.

Донья Соль выкурила нѣсколько папиросъ, потомъ сѣла къ роялю и стала играть сначала севильскіе танцы, а потомъ восточныя андалузскія мелодіи, переходя затѣмъ къ медленному ритму церковныхъ хораловъ. Гальярдо сначала громко восхищался ея игрой, потомъ на него напала блаженная усталость, и, боясь заснуть, онъ сталъ разсматривать донью Соль, сидѣвшую за роялемъ. Какое тѣло! Какая красота! Знойные африканскіе глаза Гальярдо устремились на ослѣпительную бѣлизну

шеи, выступавшей изъ-подъ ореола золотыхъ волосъ. Въ его разгоряченномъ мозгу блеснула дикая мысль:

„Что бы она сказала, еслибъ я вдругъ подошелъ и поцѣловалъ ее?“

Но эта мысль только мелькнула, остановленная непобѣдимымъ благоговѣніемъ, которое внушала ему эта женщина. Прошло еще нѣсколько времени. Гальярдо почти дремалъ подъ звуки странныхъ чужеземныхъ мелодій, которыя теперь наигрывала донья Соль. Она играла пѣсню Эльзы, мечтающей о сильномъ, прекрасномъ воинѣ... Простодушный, сильный воинъ!.. Вотъ онъ теперь и передъ доньей Соль... Какъ Вагнеровскій герой, онъ сегодня побѣдилъ страшнаго дракона... Онъ—ея воинъ.

Ее охватило чувство сладостнаго страха, точно за ея плечами близилось къ ней что-то опасное и радостное. Ей казалось, что она видитъ, какъ герой ея медленно поднялся съ дивана, устремивъ на нее арабскіе глаза, медленно положилъ ей руки на плечи и бѣшено поцѣловалъ ее въ шею... Но она кончила пѣсню, и ничего не произошло изъ того, что ей рисовало воображеніе. Разочарованная почтительностью Гальярдо, она прекратила игру. Воинъ сидѣлъ на диванѣ и курилъ сигару. Но, увидѣвъ ея взглядъ, онъ быстро вскочилъ и подошелъ къ ней.

— Покойной ночи, донья Соль. Уже поздно.

Изумленная столь неожиданнымъ отступленіемъ, она тоже встала и протянула ему руку... Простъ и неразуменъ, какъ герой!

Въ умѣ ея быстро промелькнули всѣ женскіе страхи и колебанія; ихъ не забываетъ ни одна женщина, даже въ минуты полнаго безволія. Невозможно!.. Онъ въ первый разъ у нея въ домѣ... Безъ тѣни сопротивленія... Но, сжимая руку тореадора, она увидѣла его глаза, въ которыхъ сверкала сосредоточенная страсть и желанія, которыхъ онъ не смѣлъ выразить.

— Не уходи!..

Больше она ничего не сказала.

IV.

Чувство удовлетвореннаго тщеславія усиливало счастливое самосознаніе Гальярдо. Разговаривая съ маркизомъ Моранмо, онъ смотрѣлъ на него почти съ сыновней любовью и гордился его знатностью, чувствуя себя какъ бы членомъ его семьи. Его образъ жизни теперь измѣнился. Онъ пересталъ бывать въ кафѣ

на улицѣ Ласъ-Сіэрпэсъ, гдѣ собирались любители боя быковъ, такъ какъ все это были люди мелкіе, скромные чиновники, торговцы и люди безъ всякихъ занятій, интересующіеся только боемъ быковъ. Раскланиваясь со своими поклонниками, когда онъ видѣлъ ихъ черезъ открытыя окна кафѣ, онъ проходилъ дальше, въ аристократическій клубъ на той же улицѣ; членами этого клуба были молодые люди лучшаго общества и тамъ весь день занимались спортомъ или говорили о спортѣ. Гальярдо тамъ хорошо принимали, считая его очень благопристойнымъ тореадоромъ за то, что онъ хорошо одѣвался, умѣлъ тратить деньги и имѣлъ хорошія связи.

Гальярдо сталъ много играть, большею частью проигрывалъ и очень увлекался, иногда даже забывая за игрой донью Соль, которая была ему теперь дороже всего на свѣтѣ. Ему льстило, что онъ играетъ въ самомъ аристократическомъ клубѣ Севильи. Друзья дона Хозе, импрессаріо Гальярдо, разспрашивали его о потеряхъ тореадора, высказывая предположеніе, что онъ, очевидно, разорится, благодаря игрѣ, но донъ Хозе успокаивалъ всѣхъ, говоря, что въ этомъ сезонѣ Гальярдо предстоитъ еще больше корридъ, чѣмъ всегда... Пусть тѣшится игрой. Ему все дозволено.

Кромѣ игорнаго дома, Гальярдо бывалъ часто въ аристократическомъ „Клубѣ сорока-пяти“, куда стекались всѣ извѣстія о боѣ быковъ изъ разныхъ мѣстъ; тамъ создавались репутаціи тореросовъ, тамъ велись разговоры исключительно объ интересахъ тауромахіи и на всѣхъ совѣщаніяхъ предсѣдательствовалъ маркизъ Мораимо, считавшійся величайшимъ авторитетомъ въ этомъ сложномъ искусствѣ.

Въ то время, когда Гальярдо вступилъ въ „Клубъ сорока-пяти“, тамъ, какъ и во всей Севильѣ, только и было рѣчи, что о Плюмитасѣ, бандитѣ, который прославился своей смѣлостью и тѣмъ, что онъ не давался въ руки властей. Онъ сдѣлался своего рода національнымъ героемъ, грабилъ только богатыхъ; голоднымъ онъ, напротивъ того, самъ помогалъ, и поэтому слылъ мстителемъ за угнетенныхъ. Онъ являлся всюду одинъ, вооруженный ружьемъ, но умѣлъ внушать страхъ цѣлымъ отрядамъ полиціи. Въ „Клубѣ сорока-пяти“ о немъ говорили съ такимъ же интересомъ и почти съ такимъ же сочувствіемъ, какъ говорили о тореадорахъ.

Члены клуба разсказывали, какъ бандитъ появлялся въ помѣстьѣ то одного, то другого изъ нихъ, и какъ ему давали контрибуцію, которую онъ требовалъ; какъ его обыкновенно угощали завтракомъ или обѣдомъ и не выдавали властямъ, такъ какъ

это было бы и напрасно, и опасно. Маркизъ Мораимо отдалъ приказъ въ своихъ помѣстьяхъ, чтобы тамъ всегда принимали бандита, какъ пріятеля, выдавая ему все, что онъ потребуетъ; онъ зналъ, что бандитъ уважаетъ также его права, и никогда не нападетъ врасплохъ на какую-нибудь изъ его усадебъ.

— Вотъ увидишь, онъ и къ тебѣ въ „Уголокъ“ пожалуетъ,— говорилъ маркизъ Гальярдо, и тотъ увѣрялъ, что готовъ принять какъ слѣдуетъ смѣлаго героя.

Семья Гальярдо жила теперь въ „Уголкѣ“. Мать и жена его одинаково любили деревенскую жизнь. Гальярдо обѣщалъ имъ тоже пріѣхать туда какъ можно скорѣе, но подъ разными предлогами откладывалъ отъѣздъ. Онъ жилъ одиноко въ своемъ городскомъ домѣ, имѣя при себѣ только своего слугу Гаробато, и радуясь полной свободѣ, нужной ему для его отношеній къ донъѣ Соль. Онъ проводилъ у нея все время, ѣздилъ съ нею верхомъ далеко за городъ, или же они отправлялись въ ганадерію маркиза—присутствовать при отправкѣ быковъ на бой. Донья Соль слѣдила съ любопытствомъ за тѣмъ, какъ быковъ гнали по одиночкѣ черезъ рядъ съуживающихся дворовъ, хитростью заманивая ихъ въ клѣтку, черезъ раскрытыя двери которой виднѣлись по другую сторону зеленыя пастбища. Когда быкъ вбѣгалъ, дверь захлопывалась, и пойманный звѣрь оказывался запертымъ въ темной клѣткѣ, въ которой и доставлялся въ циркъ. Только при выходѣ на ослѣпительную, залитую солнцемъ арену онъ снова видѣлъ свѣтъ, идя на смерть. Донъѣ Соль, проводившей жизнь въ исканіи сильныхъ ощущеній, эта жестокая охота казалась очень интересной, очаровывая ее живописностью мѣстнаго колорита.

Послѣ перваго упоенія страстью, Гальярдо сталъ очень мрачно смотрѣть на создавшееся положеніе. Онъ совершенно терялся отъ капризовъ доньи Соль, робѣлъ передъ нею. Она обращалась съ нимъ крайне неровно, говоря съ нимъ на „ты“ наединѣ и выказывая пренебрежительную холодность при другихъ. Ему все казалось, что она тяготится имъ, его природной грубостью, а между тѣмъ она, напротивъ того, увлекалась въ немъ именно его первобытностью, его близостью къ природѣ, къ животнымъ, и протестовала противъ его любви къ духамъ, говоря, что ей больше нравится запахъ цирка, запахъ конюшни. Она пугала его истеричными проявленіями своей страсти, смѣнявшимися внезапнымъ охлажденіемъ, и онъ уходилъ отъ нея грустный и недоумѣвающій. Когда онъ пытался разспрашивать ее о ея прежней жизни, она холодно отвѣчала ему, что

это не его дѣло, сама же выспрашивала у него обо всемъ, въ особенности о всѣхъ его прежнихъ любовныхъ похожденіяхъ. Онъ не понималъ, почему она всегда вызываетъ въ немъ самые грубые инстинкты, иногда нарочно выводя его изъ себя, для того, чтобъ онъ ее ударилъ. Во время прогулокъ верхомъ по далекимъ окрестностямъ они ѣхали рядомъ; она склонялась къ нему, нѣжная и любящая, а потомъ вдругъ озадачивала его неожиданнымъ вопросомъ, не убивалъ ли онъ когда-нибудь человѣка. Глаза ея сверкали при этомъ жестокимъ блескомъ, непонятнымъ для добродушнаго внѣ цирковой арены тореадора.

На страстной недѣлѣ въ городъ вернулась семья Гальярдо. Первая коррида при участіи Гальярдо должна была состояться въ первый день Пасхи. Хуанъ рано всталъ въ этотъ день. Онъ не любилъ выступать въ Севильѣ, предпочитая готовиться къ бою въ чужомъ городѣ, въ отеляхъ, а не среди домашней обстановки, гдѣ онъ чувствовалъ волненіе всей семьи за исходъ боя. Одѣвшись, онъ прошелся по выложенному мраморомъ внутреннему двору, потомъ пошелъ въ свой кабинетъ, всѣ стѣны котораго увѣшаны были афишами о бояхъ быковъ, множествомъ портретовъ самого Гальярдо; на одной стѣнѣ висѣлъ большой портретъ Карменъ, а надъ письменнымъ столомъ прибита была къ стѣнѣ голова быка,—воспоминаніе объ одномъ изъ наибольшихъ его успѣховъ на аренѣ. Въ кабинетѣ стоялъ также наполненный книгами книжный шкапъ, но невѣжественный тореадоръ никогда въ него не заглядывалъ. Устраивая свой домъ, онъ заказалъ „на три тысячи песетъ“ книгъ, и на вопросъ книгопродавца, какія книги ему надо, потребовалъ, чтобы книги были большія и съ золотымъ обрѣзомъ.

Въ это утро ему не сидѣлось въ кабинетѣ. Онъ обрадовался приходу нѣсколькихъ друзей, въ разговорахъ съ которыми забылъ тревогу, напавшую на него. Онъ поѣлъ немного и наединѣ, какъ всегда въ день боя, а когда онъ пошелъ одѣваться, жена и мать исчезли. Онѣ ненавидѣли его расшитый золотомъ, сверкающій костюмъ, и онъ уѣхалъ съ нѣсколько тяжелымъ сердцемъ, вспоминая грустное лицо Карменъ и раздражаясь любопытствомъ дѣтей, окружившихъ его.

Выходъ его на арену сопровождался громомъ рукоплесканій. Публика восторженно привѣтствовала своего любимца. Когда наступила его очередь сразиться съ быкомъ, онъ выказалъ еще бо́льшую отвагу, еще большее умѣнье, чѣмъ всегда, такъ какъ былъ возбужденъ присутствіемъ въ циркѣ доньи Соль. Во время общаго ликованія толпы послѣ необыкновенно ловкой эстокады,

сразу уложившей быка на мѣстѣ, Гальярдо обходилъ арену, отвѣчая на привѣты поклонниковъ, и когда онъ подошелъ къ ложѣ доньи Соль, изъ ложи на арену упалъ кружевной платочекъ, въ который завернуто было брилліантовое кольцо. Этотъ подарокъ племянницы маркиза былъ принятъ публикой, какъ дань славѣ тореадора, и ликованіе толпы еще возросло. Вечеромъ въ домѣ Гальярдо всѣ съ восхищеніемъ разсматривали кольцо; только Карменъ, когда ей его показали, сказала небрежно: — Да, красивое, — и быстро передала его золовкѣ, точно оно жгло ей пальцы.

Послѣ этой первой корриды для Гальярдо начался сезонъ путешествій. Ему предстояло выступать по всей Испаніи, и онъ всюду отличался своимъ безстрашіемъ, точно въ него вселился новый духъ и новыя силы... Но внѣ цирка, когда вся его кадрилья кутила по вечерамъ, онъ едва принималъ участіе въ общемъ весельи, такъ какъ сильно тосковалъ о доньѣ Соль, открывая свою душу только своему старому другу, Національо. Преданный ему бандерильеросъ уговаривалъ его забыть женщину, нарушающую его семейную жизнь, но Гальярдо даже не слушалъ его благоразумныхъ совѣтовъ, а только доказывалъ ему, что эта женщина—единственная на свѣтѣ и внушаетъ ему безумную страсть. Гальярдо не имѣлъ даже писемъ отъ доньи Соль, такъ какъ она уѣхала за границу, и только разъ пріѣзжала изъ Біаррица въ Санъ-Себастьянъ, когда онъ тамъ выступалъ. Потомъ она уѣхала въ какіе-то фешенэбльные курорты, даже названія которыхъ Гальярдо трудно было произнести, а оттуда поѣхала въ Англію, потомъ въ Германію, слушать какія-то оперы на сценѣ, гдѣ поютъ только двѣ недѣли въ году. Она уѣхала надолго, и нельзя было надѣяться, что она вернется на зиму въ Севилью. Хуанъ былъ въ отчаяніи; ему казалось, что не стоитъ добиваться славы и рисковать жизнью въ разлукѣ съ нею. Но когда онъ вернулся въ Севилью, почти въ концѣ сезона, оставивъ семью еще на морскомъ берегу, онъ вдругъ узналъ радостную вѣсть о неожиданномъ возвращеніи доньи Соль. Онъ поспѣшилъ къ ней, но засталъ ее измѣнившеюся, холодною, и сразу почувствовалъ, что между ними разверзлась пропасть и что она говоритъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ изъ другого міра. Она начала спокойный разговоръ, какъ бы совершенно забывъ о прошломъ, и говорила, что ей скучно въ Севильѣ, и что она собирается уѣхать. Когда Гальярдо пришелъ во второй разъ, ему сказали, что донья Соль выѣхала, между тѣмъ какъ онъ навѣрное зналъ, что она — дома.

Увидавъ ее въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, Гальярдо сказалъ ей, что долженъ уѣхать на день въ „Уголокъ“, осмотрѣть оливковую рощу, пріобрѣтенную для него въ окрестностяхъ его другомъ Хозе. Тогда у доньи Соль явилась сумасшедшая мысль поѣхать вмѣстѣ съ тореадоромъ туда, гдѣ живетъ обыкновенно его семья, и совершить, такимъ образомъ, нѣчто совершенно эксцентричное. Гальярдо сначала испугался толковъ сосѣдей и того, что семья его можетъ узнать о пріѣздѣ въ „Уголокъ“ доньи Соль. Чтобы устрашить эксцентричную сеньору, онъ даже предупредилъ ее о возможности появленія въ „Уголкѣ“ бандита Плюмитаса. Но это только разожгло любопытство доньи Соль, а такъ какъ Гальярдо, вмѣстѣ съ тѣмъ, и радъ былъ совмѣстной поѣздкѣ, надѣясь на возвратъ прежнихъ чувствъ доньи Соль, то экскурсія состоялась. Гальярдо взялъ съ собой пикадора Потахе и Національ, который сильно протестовалъ противъ всей этой затѣи, но считалъ долгомъ повиноваться. Они отправились всѣ вчетверомъ въ автомобилѣ, и уже на полдорогѣ Національ былъ такъ восхищенъ разговоромъ доньи Соль, что увлеченіе Гальярдо ему казалось простительнымъ... Онъ еще разъ рѣшилъ, что главное на свѣтѣ—образованность, которая придаетъ прелесть даже самымъ большимъ грѣшницамъ.

Предсказаніе Гальярдо сбылось, и на слѣдующее же утро послѣ ихъ пріѣзда въ „Уголокъ“ явился бандитъ Плюмитасъ, вызвавъ волненіе во всемъ населеніи усадьбы. По приказу Гальярдо его приняли какъ друга; устроенъ былъ общій завтракъ, къ великому удовольствію доньи Соль, и національный герой выказалъ себя съ самой выгодной стороны въ общихъ бесѣдахъ; онъ выразилъ свое преклоненіе передъ тореадоромъ и обѣщалъ ему явиться въ циркъ смотрѣть его, не смотря на рискованность для него всякаго появленія въ общественномъ мѣстѣ. Зарабатывать деньги, рискуя жизнью, казалось ему благороднымъ занятіемъ, такимъ же, какъ и его собственное, и онъ краснорѣчиво объяснялъ доньѣ Соль, что человѣку неимущему и гордому ничего другого не остается въ Испаніи, гдѣ всѣ пути закрыты для бѣдныхъ. Когда донья Соль спросила его, почему онъ не дѣлается солдатомъ, онъ объяснилъ, что военное ремесло слишкомъ связано теперь съ униженіями и несправедливостью, что трудъ солдата эксплоатируется начальствомъ и что ему противно отношеніе къ войску какъ къ стаду. Проведя нѣсколько часовъ въ „Уголкѣ“, восхитивъ своей открытой и ясной душой донью Соль, Плюмитасъ уѣхалъ, отказавшись взять деньги у Гальярдо, такъ какъ онъ бралъ выкупъ только съ богачей, живущихъ чу-

жимъ трудомъ... Но зато онъ съ благодарностью принялъ цвѣтокъ изъ рукъ доньи Соль, которая вышла провожать его и долго слѣдила глазами за нимъ, когда онъ исчезъ изъ виду на своемъ быстромъ конѣ. Гальярдо печально взглянулъ на мечтательное лицо доньи Соль и подумалъ, что не будь Плюмитасъ такимъ некрасивымъ, и не имѣй онъ вида грязнаго бродяги, она бы навѣрное уѣхала съ нимъ.

V.

Сеньора Ангустіасъ и Карменъ узнали, конечно, о пребываніи доньи Соль въ „Уголкѣ", и прежде всего набросились на Національ за то, что онъ допустилъ это. Онъ оправдывался долгомъ послушанія своему тореадору, а затѣмъ доказывалъ, что ничего дурного въ этомъ пріѣздѣ знатной сеньоры не было. Но если мать и готова была повѣрить ему, то бѣдная Карменъ не переставала плакать и допытываться правды. Она призвала къ себѣ Національ, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ, и стала выпытывать у него правду объ отношеніяхъ мужа къ донья Соль. Онъ пробовалъ было доказывать, что они только друзья, но бѣдная женщина, заливаясь слезами, говорила ему, что уже стала тревожиться, когда увидѣла кольцо, брошенное Хуану на арену, и что съ тѣхъ поръ до нея доходили слухи объ измѣнѣ мужа. Она говорила, что никогда не огорчалась его мимолетными увлеченіями, зная, что они связаны съ его профессіей. Но эту женщину Гальярдо любитъ такъ, что онъ совершенно измѣнился, оставилъ всѣхъ прежнихъ друзей и водитъ дружбу только съ богатыми молодыми людьми, играетъ въ карты и проигрываетъ только для того, чтобы возвысить себя въ ихъ глазахъ; все ихъ состояніе пойдетъ прахомъ изъ-за его несчастной страсти.

Національ тщетно старался утѣшить бѣдную Карменъ, которая, плача, говорила, что предпочитала бы быть женой сапожника. Національ ушелъ съ тяжелымъ сердцемъ отъ Карменъ и отправился искать по городу Гальярдо. Встрѣтивъ его у двери клуба, онъ разсказалъ ему объ отчаяніи Карменъ и сказалъ, что необходимо ее успокоить. Но Гальярдо было не до того; онъ былъ въ большомъ горѣ, такъ какъ донья Соль уѣхала, даже не извѣстивъ его, и онъ проклиналъ свою судьбу, говоря, что радъ былъ бы попасть на рога быку въ ближайшее воскресенье.

Въ воскресенье была послѣдняя коррида сезона. Гальярдо

отправился въ циркъ въ очень мрачномъ настроеніи, раздраженный похороннымъ настроеніемъ въ домѣ, и ворчалъ на то, что женщины только портятъ жизнь. Циркъ былъ полонъ народа, и Гальярдо вышелъ на арену нѣсколько нервный. Въ публикѣ чувствовалось нѣсколько недоброжелательное отношеніе къ нему; несмотря на аплодисменты, Гальярдо чувствовалъ, что при первой неудачѣ половина цирка, народъ, сидящій на солнечной сторонѣ, будетъ противъ него. Дѣйствительно, ему сначала попался неудачный быкъ, съ которымъ трудно было справиться. Раздались свистки и крики: „Ишь ты, аристократъ!“—въ то время какъ вся тѣневая сторона, занятая любителями изъ общества, продолжала рукоплескать. На второмъ быкѣ, однако, Гальярдо снова завоевалъ расположеніе толпы, приблизившись въ моментъ своего выхода на быка къ скамьямъ на солнечной сторонѣ. Среди зрителей онъ увидѣлъ въ первомъ ряду бандита Плюмитаса, который исполнилъ свое обѣщаніе и явился на корриду, рискуя попасться въ руки властей. Гальярдо поклонился въ сторону толпы и, въ частности, бандита и, обратившись съ привѣтствіемъ къ демократической части публики, объявилъ, что будетъ сражаться въ ихъ честь. Но на этотъ разъ борьба кончилась несчастьемъ. Гальярдо попалъ въ неловкое положеніе, такъ какъ между нимъ и быкомъ очутился трупъ павшей лошади; несмотря на всю свою ловкость, онъ попался на рога быку. На помощь къ нему подскочилъ Національ и бѣшено бросился на быка. Ему удалось отвлечь быка въ сторону, но уже было поздно, и Гальярдо унесли съ арены тяжело раненымъ.

Его перевезли домой съ величайшими предосторожностями, и друзьямъ пришлось еще сдерживать отчаяніе жены и матери при видѣ лежащаго безъ чувствъ тореадора. Мѣстный врачъ не могъ высказаться относительно опасности раны, и сейчасъ же была послана телеграмма доктору Руизу, другу Гальярдо; уже на слѣдующее утро Руизъ былъ у постели больного. Онъ сказалъ, что рана серьезная, но обнадеживалъ больного и семью, зная выносливость тореадоровъ, и высказалъ полную увѣренность въ томъ, что Гальярдо выздоровѣетъ и сможетъ попрежнему выступать на аренѣ.

Гальярдо, дѣйствительно, сталъ поправляться, рана залечивалась, но цѣлыхъ два мѣсяца онъ чувствовалъ себя слабымъ. Въ концѣ зимы онъ отправился съ семьей въ „Уголокъ“, отпраздновалъ свое выздоровленіе молебномъ, на который собрался весь городъ, ликуя по случаю выздоровленія своего любимца.

VI.

Гальярдо долженъ былъ выступить впервые послѣ болѣзни на первой корридѣ, послѣ Пасхи. Къ великой радости и успокоенію жены и матери, онъ передъ тѣмъ участвовалъ на страстной недѣлѣ въ процессіи, устраиваемой приходомъ св. Лоренцо, въ качествѣ сочлена одной изъ мѣстныхъ церковныхъ общинъ. Обѣ женщины надѣялись, что заступничество Мадонны спасетъ тореадора, выказавшаго благочестіе. Но все-таки, когда онъ въ первый день Пасхи отправлялся въ циркъ, весь домъ былъ охваченъ ужасомъ. Жена его старалась сдержать слезы и провожала его съ блѣднымъ лицомъ, но безъ слезъ. Когда онъ прибылъ въ циркъ со своей кадрильей, его встрѣтили бурными аплодисментами. Вся Испанія знала о его несчастіи, всѣ волновались за него, и теперь женщины слѣдили за нимъ изъ ложъ въ бинокль, находили, что у него страдальческій видъ, жалѣли его и были всецѣло на его сторонѣ. Когда наступила его очередь выступить противъ быка со шпагой и мулетой, публика подмѣтила непривычную поспѣшность въ его движеніяхъ. Что это значило? Къ тореадору приблизились Національ и другіе тореросы, но онъ не крикнулъ попрежнему: „всѣ прочь!“—Знатоки улыбнулись. Напрасно онъ выступаетъ съ несовсѣмъ еще вылеченной ногой. Онъ утрачиваетъ свое главное качество—отвагу. Борьба съ быкомъ затянулась. Шпага нѣсколько разъ выпадала у него изъ рукъ; Гальярдо горячился. Ему удалось наконецъ вонзить ее въ шею быка, но недостаточно глубоко для того, чтобы быкъ сразу упалъ; Національ сталъ гнать быка по аренѣ, протягивая ему плащъ, для того, чтобы копье, благодаря этому, вонзилось глубже. Публика стала протестовать, и когда наконецъ быкъ палъ, и кровь хлынула потокомъ у него изъ горла, публика поднялась съ мѣстъ, возмущенная; раздались крики: „Трусъ! убійца!“—Публика заступалась за быка, какъ будто онъ все равно не былъ обреченъ на смерть.

Первая неудача, которую друзья Гальярдо старались затушевать, взволновала Гальярдо. Онъ старался себя увѣрить, что враждебность публики — результатъ интригъ противъ него, но внутренно чувствовалъ, что нѣтъ у него прежней силы. Онъ попрежнему крикнулъ: „Прочь всѣ съ арены!“—но окрикъ его былъ неубѣдителенъ, товарищи его не ушли, и второго быка онъ закололъ еще хуже, чѣмъ перваго. Публика на этотъ разъ выка-

зала больше снисходительности, рѣшивъ, что онъ просто еще не оправился послѣ болѣзни; за исключеніемъ нѣсколькихъ свистковъ и ироническихъ окриковъ съ солнечной стороны, весь остальной циркъ отнесся къ Гальярдо участливо. Но все-таки онъ уѣхалъ изъ цирка среди полнаго молчанія окружающей толпы и въ первый разъ въ жизни испыталъ горечь пораженія.

Въ слѣдующіе дни Гальярдо сталъ бывать въ кафѣ на улицѣ Лась-Сіэрпэсъ и говорить съ любителями, стараясь разсѣять своимъ присутствіемъ враждебные толки. Его очень успокаивалъ также его другъ донъ Хозе. За нѣсколько дней до слѣдующаго боя онъ пошелъ ужинать въ веселой компаніи, радовался успѣхамъ среди женщинъ и, противъ обыкновенія, сильно напился, чтобы заглушить горечь обиды и чтобы не думать о доньѣ Соль, которая мучительно вспоминалась ему именно среди другихъ женщинъ. Онъ пилъ все больше и больше и вернулся домой совершенно пьяный, какъ нѣкогда возвращался его отецъ въ свою лачугу. Его встрѣтилъ его вѣрный слуга Гаробато и хотѣлъ провести его наверхъ, въ спальню, но онъ отослалъ его спать и прошелъ въ кабинетъ. Тамъ онъ зажегъ всѣ электрическіе огни, сталъ разсматривать портреты и остановился противъ своего главнаго трофея — бычачьей головы съ рогами, прибитой къ стѣнѣ.

— Помню тебя,—говорилъ онъ,—помню, какъ ты меня бѣсилъ... Какъ я съ тобой справился.

Онъ смотрѣлъ на голову съ гнѣвомъ. Ему казалось, что голова смѣется... Вотъ каковы они, эти злыя животныя! Они смѣются надъ борцомъ. Они виновны во всѣхъ пораженіяхъ. Какъ возненавидѣлъ Гальярдо быковъ въ эту минуту! Съ какой злобой онъ глядѣлъ въ стеклянные глаза рогатой головы!

— Теперь ты смѣешься... будь ты проклятъ!.. Будь проклята корова, родившая тебя, и негодяй пастухъ, водившій тебя на пастбище!.. Смѣешься надо мной!

Въ припадкѣ пьянаго бѣшенства онъ нагнулся надъ столомъ, сталъ ощупью шарить по столу и потомъ поднялъ руку на высоту головы быка.

Пумъ! пумъ!—два выстрѣла.

Раздался трескъ разбитаго стекла—и мелкіе осколки посыпались на полъ. На лбу бычачьей головы осталось круглое черное отверстіе между взъерошенными волосами.

VII.

Дурная погода предоставила Гальярдо двѣ недѣли вынужденнаго покоя, и только на третье воскресенье состоялась его первая мадридская коррида. Она опять не принесла славы тореадору. Онъ прежде такъ пріучилъ публику къ своему безстрашію, что невольная осторожность, которую онъ не могъ побѣдить въ себѣ послѣ болѣзни, казалась трусостью и возмущала публику. Онъ надѣялся вновь завоевать себѣ симпатіи на второй корридѣ, и не хотѣлъ уѣзжать въ провинцію или въ Южную Америку, куда его звалъ его импрессаріо, прежде чѣмъ онъ не возстановитъ свою славу въ столицѣ. Онъ бродилъ по городу по цѣлымъ днямъ, а вечера и ночи проводилъ въ тавернахъ, стараясь заглушить тяжелыя мысли и чувства въ ожиданіи рѣшающаго боя.

Однажды, гуляя по улицамъ Мадрида подъ вечеръ, онъ увидѣлъ коляску, подъѣзжавшую къ одному изъ первыхъ отелей, и узналъ въ дамѣ, сидѣвшей въ коляскѣ, донью Соль. Эта неожиданная встрѣча такъ его взволновала, что онъ не спалъ всю ночь, а на слѣдующее утро въ немъ началась борьба между безумнымъ желаніемъ пойти къ ней и гордостью, мѣшавшей ему унизиться послѣ выказаннаго ею пренебреженія къ нему. Въ концѣ концовъ, онъ все-таки не выдержалъ и пошелъ къ ней. Она сейчасъ же приняла его и вышла къ нему въ домашнемъ роскошномъ костюмѣ, въ восточныхъ тканяхъ и восточныхъ украшеніяхъ, какъ въ первый разъ, когда онъ видѣлъ ее въ Севильѣ. Она приняла его привѣтливо, но какъ чужая, сказала ему, что видѣла его въ первой корридѣ и знала, что онъ здѣсь, и тутъ же объяснила, что была въ циркѣ съ однимъ своимъ знакомымъ, который путешествуетъ съ нею, но живетъ въ другомъ отелѣ и интересуется всѣмъ испанскимъ.

Ея непринужденный, холодный тонъ и обращеніе на „вы“ ущемили душу Гальярдо. Она освѣдомилась о его здоровьи, выслушала съ напускнымъ интересомъ его подробный разсказъ, причемъ во взглядѣ ея отражалось полное равнодушіе. Гальярдо сталъ припоминать прошлое и, чтобы какъ-нибудь пробудить въ доньѣ Соль память къ минувшему, напомнилъ ей о бандитѣ Плюмитасѣ, котораго уже не было въ живыхъ. Его поймали и казнили. Онъ напомнилъ о цвѣткѣ, который донья Соль дала бандиту. Оказалось, что донья Соль все это совершенно забыла и улыбалась теперь своей романтической выходкѣ. Узнавъ, что

Плюмитасъ казненъ, она рѣшила, что было бы романтично, еслибы бандитъ до послѣдней минуты хранилъ ея цвѣтокъ.

— Навѣрное такъ и было, Гальярдо, — сказала она. — Вы объ этомъ не читали въ газетахъ? Я буду думать, что такъ было; не разочаровывайте меня. Бѣдный Плюмитасъ! Я разскажу о немъ моему другу, который пишетъ книгу объ Испаніи.

Вторичное упоминаніе о другѣ окончательно разстроило Гальярдо, и онъ долго молчалъ съ печальнымъ видомъ; наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ сталъ разспрашивать о томъ, гдѣ донья Соль была за все это время и кто иностранецъ, сопровождающій ее. Она холодно объяснила, что это очень извѣстный человѣкъ и что она ѣдетъ съ нимъ въ Андалузію, когда они окончатъ осмотръ музеевъ въ Мадридѣ. Гальярдо, не выдержавъ, сталъ горько упрекать донью Соль за то, что она уѣхала, даже не попрощавшись съ нимъ. Она рѣшительнымъ тономъ объяснила, что уѣхала потому, что скучала. А когда Гальярдо заговорилъ о своей любви, она поднялась и сказала ему, что нужно забыть обо всемъ, что было въ Севильѣ, что это былъ сонъ, безумный капризъ, что теперь онъ для нея—хорошій знакомый и больше ничего.

Гальярдо вскочилъ и приблизился къ донѣ Соль съ протянутыми руками, съ гордой самоувѣренностью побѣдителя, но она остановила его взглядомъ холоднаго пренебреженія.

— Не будьте ребенкомъ, — сказала она. — Не думайте о томъ, что уже невозможно. У васъ—красивая, милая жена. У васъ, въ Севильѣ, много красавицъ, которыя будутъ гордиться любовью Гальярдо... А со мной все кончено. Я—другая. Я къ прошлому не возвращаюсь... Да и какъ бы вамъ объяснить,— продолжала она, глядя на Гальярдо съ сожалѣніемъ:—Вы здѣсь другой. Тамъ, въ Севильѣ, въ костюмѣ наѣздника, съ копьемъ въ рукѣ, вы были частью всего пейзажа... Ну, а въ Мадридѣ, дождливомъ и холодномъ—другое дѣло.

Она взглянула на него скучающимъ взоромъ. Въ памяти ея проносились образы волшебныхъ красотъ юга, среди которыхъ она могла нѣсколько мѣсяцевъ любить грубаго, простодушнаго сына народа, увлекаясь его невѣжествомъ, его близостью къ быкамъ и лошадямъ... На какія безумства она была тогда способна... Какъ все это было далеко теперь!

— Все кончается,—сказала она.—Испанія кажется мнѣ уже другою. Да и вы измѣнились. Мнѣ показалось, что вы на аренѣ— не такой храбрый, не такой безстрашный... Кажется, что и публика—не такая восторженная.

Она это сказала совершенно просто, но Гальярдо показалось, что въ голосѣ ея звучитъ насмѣшка, и онъ сразу вернулся къ своимъ профессіональнымъ тревогамъ. Конечно, еслибы онъ выказалъ прежнюю храбрость, она бы вернулась къ нему. Женщины любятъ только отвагу.

Тореадоръ утѣшался этой иллюзіей, принимая угасшій капризъ за временное отчужденіе.

Донья Соль поднялась, и такъ какъ Гальярдо все еще не собирался уходить, извинилась, говоря, что ей нужно выйти, что ея другъ ждетъ ее въ музеѣ Прадо. Затѣмъ она его пригласила придти позавтракать вмѣстѣ съ ея другомъ, которому интересно будетъ познакомиться съ тореадоромъ.

Когда Гальярдо ушелъ, у него отъ волненія помутился взоръ. Неужели это та женщина, которую онъ зналъ въ Севильѣ? Она приглашаетъ его завтракать со своимъ новымъ другомъ, чтобы показать его, какъ рѣдкостнаго звѣря! Нѣтъ, кончено... онъ къ ней не вернется.

VIII.

Гальярдо получалъ безконечныя письма отъ дона Хозе и Карменъ, которые оба уговаривали его не выступать болѣе въ этотъ сезонъ; а жена прямо умоляла выступить изъ сословія тореросовъ. Гальярдо и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Въ тридцать лѣтъ срѣзать колету — какое безуміе! Какой поворотъ! Всѣ сказали бы, что онъ изъ трусости уходитъ съ арены. Къ тому же онъ не считалъ себя еще достаточно богатымъ. Для его теперешней роскошной жизни, для того, чтобъ играть, какъ онъ играетъ, нужно было продолжать работать на аренѣ. Иначе пришлось бы жить уединенно въ „Уголкѣ“ и сдѣлаться помѣщикомъ, умножающимъ доходы земли. Онъ слишкомъ привыкъ къ роскоши, къ щедрости, чтобы согласиться на это. Нѣтъ... Онъ писалъ женѣ бодрыя письма, доказывая, что на слѣдующей корридѣ всѣхъ сведетъ съ ума своими подвигами, и рѣшилъ на этотъ разъ хорошо подготовиться, посмотрѣть заранѣе быковъ, что и сдѣлалъ на слѣдующій день, наканунѣ боя. Въ циркѣ онъ очутился среди профессіоналовъ, много говорилъ, увидѣлъ, что къ нему относятся еще съ довѣріемъ, и на слѣдующій день уже не чувствовалъ передъ началомъ корриды никакой тревоги. Въ душѣ у него была увѣренность въ успѣхѣ. Вернулось настроеніе прежнихъ дней славы.

Коррида началась съ приключеній. Первый быкъ въ одну секунду повалилъ трехъ лошадей, чуть не поднявъ на рога двухъ пикадоровъ. Лошадей не могли сразу убрать, публика волновалась, требуя новыхъ лошадей. Выпустили двухъ, почти умирающихъ клячъ, и кончилось тѣмъ, что все-таки одинъ пикадоръ упалъ, тяжело раненый, и его унесли съ арены. Публика была взволнована. Гальярдо старался отличиться, чтобы расположить къ себѣ публику, спасъ одного пикадора, оттащивъ быка за хвостъ, и дѣйствительно вызвалъ апплодисменты. Въ то время, какъ выступили бандерильеросы, Гальярдо оглядѣлъ циркъ и нашелъ глазами ложу доньи Соль. Она была не въ мантильѣ, не походила на картину Гойи, а сидѣла равнодушная рядомъ со своимъ новымъ пріятелемъ... Вотъ онъ ей покажетъ! Она принуждена будетъ бѣшено ему апплодировать въ присутствіи ненавистнаго иностранца.

Гальярдо выступилъ увѣренно, отогналъ своихъ товарищей въ рѣшительную минуту и очутился одинъ-на-одинъ съ достойнымъ противникомъ, могучимъ и благороднымъ быкомъ. Первыя движенія мулетой вызвали апплодисменты. Но потомъ Гальярдо почувствовалъ какую-то непонятную робость. Духомъ онъ былъ неустрашимъ по-прежнему, но его ноги не повиновались ему; онѣ какъ-то сами отступали, спасались бѣгствомъ отъ опасности. Онъ кое-какъ справился съ быкомъ послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ ударовъ шпагой и при ироническихъ возгласахъ толпы.

Когда снова пришла его очередь и на сцену выпустили пятаго быка, предназначеннаго ему, Гальярдо сосредоточилъ всѣ силы и всѣ мысли, чтобы воспрянуть и показать себя. Внутренно, однако, у него мелькнула мысль, что сегодня—его послѣдній бой. Онъ съ отчаянной рѣшимостью направился на быка, но при первомъ движеніи головой своего противника, неожиданно для самого себя, отступилъ, чѣмъ вызвалъ свистъ по всему циркѣ и крики: „Боится, трусъ!“—Вторично наступивъ, онъ опять не смогъ удержаться, и быкъ сразу повалилъ его на земь. Къ нему подбѣжали со всѣхъ сторонъ, и онъ поднялся съ земли запачканный, потерявъ колету, утративъ свой гордый и изящный видъ, сдѣлавшись жалкимъ въ своемъ оборванномъ, загрязненномъ платьѣ. Поднявшись, онъ съ внутреннимъ отчаяніемъ и твердой мыслью, что сегодня его послѣдній день, все-таки крикнулъ, чтобы всѣ ушли и оставили его одного, и вступилъ въ бѣшеную схватку съ быкомъ, каждый разъ попадая не туда, куда слѣдуетъ, муча животное неловкими ударами, пока, наконецъ, по настоянію толпы, президентъ не далъ первое предостереженіе неумѣлому борцу. И

все-таки, даже послѣ такого позора, Гальярдо долго еще не могъ покончить съ быкомъ, и чуть-чуть не раздалось уже второе предостереженіе; наконецъ, быкъ упалъ, послѣ того какъ изо рта его хлынулъ потокъ крови. Наконецъ-то!.. Публика успокоилась; но свистки продолжались, и Гальярдо ушелъ съ арены, а потомъ уѣхалъ изъ цирка совершенно убитый, прячась въ глубинѣ коляски отъ толпы, которая преслѣдовала теперь и чуть не забрасывала камнями того, кто еще такъ недавно опьянялъ восторгомъ толпу и котораго считали „первымъ человѣкомъ на свѣтѣ“.

IX.

Въ слѣдующее воскресенье передъ началомъ корриды, во внутреннюю дверь цирка, предназначенную для участниковъ боя, постучались мужчина и женщина. Это была Карменъ въ сопровожденіи своего шурина-сѣдельщика. Ей не терпѣлось въ Севильѣ отъ безпокойства, и она пріѣхала въ Мадридъ, принявъ отчаянное рѣшеніе придти въ циркъ, не показавшись мужу. Она пришла растерянная, полумертвая отъ страха, ничего не понимая, такъ какъ никогда въ жизни не была въ циркѣ на боѣ быковъ. Служитель, открывшій ей дверь, не зналъ, что дѣлать съ этой женщиной съ заплаканными глазами, и, наконецъ, рѣшилъ, что самое лучшее—провести ее въ часовню. Тамъ Карменъ, очутившись въ привычной, утѣшающей ея душу обстановкѣ храма, успокоилась. Увидѣвъ бѣдный алтарь, она потребовала восковыхъ свѣчей, щедро заплативъ за нихъ служителю, ярко освѣтила образъ Мадонны и опустилась на колѣни, слушая издали доходившій до нея изъ цирка гулъ, прерываемый минутами трагическаго молчанія. Карменъ присутствовала при коридѣ, не видя ея. Отъ времени до времени раздавались крики ужаса, потомъ тишина, потомъ снова рукоплесканія, свидѣтельствующія о томъ, что опасность миновала. Карменъ долго молилась, потомъ не могла выдержать мучительнаго одиночества и ужасныхъ представленій о томъ, что дѣлается на аренѣ, и вышла во внутренній дворъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ была кровь. Въѣзжали пикадоры съ арены; къ Карменъ приблизился Потахе и сообщилъ ей, что Хуанъ отличается, что онъ прямо лѣзетъ на рога, и всѣ отъ него въ восторгѣ. Бѣдная Карменъ увидѣла весь ужасъ закулисной жизни цирка, видѣла полумертвыхъ, истекавшихъ кровью клячъ, еще не павшихъ на аренѣ... Ихъ кое-какъ чинили, какъ старые башмаки, для того, чтобы онѣ могли

продержаться снова нѣсколько минутъ на аренѣ, пока быкъ не выпуститъ изъ нихъ внутренности. Карменъ хотѣла уйти. Она не знала порядка боя, не знала, по какому сигналу мужъ ея выступаетъ на аренѣ... Ей хотѣлось только убѣжать отъ этого ужаса. Ей становилось дурно отъ вида крови, отъ вида несчастныхъ клячъ. Она никогда не была на корридѣ и слышала только о парадной сторонѣ зрѣлища, о подвигахъ передъ толпой, о блескѣ золота и шолка на солнцѣ; а теперь она увидѣла оборотную сторону медали...

Изъ цирка раздались бѣшеныя рукоплесканія. Къ Карменъ подошелъ изъ-подъ аркады, ведущей на арену, ея шуринъ и разсказалъ съ сіяющимъ лицомъ о томъ, какъ великолѣпенъ сегодня Хуанъ. Карменъ попросила увести ее; но сѣдельщикъ заявилъ, что ни за что не уйдетъ съ такой блестящей корриды, и быстро убѣжалъ на свое мѣсто.

Гальярдо, стоя у барьера, принималъ поздравленія своихъ поклонниковъ. „Вотъ когда онъ захочетъ, то сможетъ показать себя!“—говорили его друзья. Онъ уже успѣлъ нѣсколько разъ выказать бѣшеную храбрость, бросаясь навстрѣчу быку, чтобы отвлечь его отъ кого-нибудь изъ товарищей, и пришелъ въ легкое и бодрое настроеніе своихъ лучшихъ дней. Наконецъ, вышелъ предназначенный ему быкъ, необыкновенно спокойный, и Гальярдо нѣсколько разъ игралъ плащомъ передъ самыми его рогами. Но быкъ, красивый съ виду, оказался неожиданно слишкомъ смирнымъ и бѣжалъ отъ тореросовъ, вмѣсто того, чтобы нападать на нихъ. Толпа стала волноваться, кричать, что быкъ этотъ годится только на живодерню, возмущаясь тѣмъ, что въ мадридскомъ циркѣ осмѣливаются выпускать такого теленка, и требуя огня, т.-е. стрѣлъ съ огнемъ, всаживаемыхъ въ быка для того, чтобы взбѣсить его. Президентъ согласился на эту страшную пытку, и въ животное всадили три пары бандерилій, начиненныхъ порохомъ и вспыхивавшихъ на его спинѣ, распространяя въ воздухѣ дымъ и запахъ горѣлой кожи. Гальярдо былъ взбѣшенъ тѣмъ, что ему достался такой плохой быкъ, что во всякомъ случаѣ торжество его будетъ мѣньшимъ, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ оглядѣлъ ложи, увидѣлъ донью Соль, которая поклонилась ему, встрѣтившись съ нимъ взглядомъ; Гальярдо чувствовалъ, что его отвага снова покорила ее, и рѣшилъ снова увидѣться съ нею.

Когда раздался сигналъ, ему стали кричать, чтобы онъ скорѣе справился съ быкомъ, который не заслуживаетъ большого вниманія.

Тореадоръ раскинулъ мулету передъ головой быка, и публика затаила дыханіе. Этотъ человѣкъ первымъ очутился передъ быкомъ послѣ пытки съ огнемъ. Предубѣжденіе противъ Гальярдо исчезло. Онъ не отступилъ, а нападалъ. Всѣ привѣтствовали его игру съ мулетой, рукоплеща одинаково и бойцу, и быку. Быкъ стоялъ, опустивъ голову и высунувъ языкъ. Тореадоръ поднялъ шпагу и прицѣлился. Наступило мертвое молчаніе, всѣ ждали умѣлаго удара шпагой. Но что-то случилось... У Гальярдо дрогнула рука, и быкъ не упалъ, а выскочилъ изъ рукъ бойца. Копье торчало у него въ шеѣ, едва задѣвъ ее. Публика заволновалась, усумнившись снова въ храбрости Гальярдо. Раздались крики. Гальярдо снова направился къ быку, поднявъ упавшую на землю шпагу. Около него раздался голосъ Національ, тихо говорившаго ему, чтобы онъ успокоился и не терялъ голову.

Хуанъ пришелъ въ бѣшенство.—Неужели же онъ не въ силахъ всадить шпагу до рукояти, какъ въ прежнее время?!

Онъ сталъ прямо противъ животнаго, какъ бы спокойно поджидавшаго его. Ему не хотѣлось снова начать игру мулетой; онъ поднялъ шпагу и ринулся. Весь циркъ поднялся, готовый рукоплескать Гальярдо. Но въ это время изъ-за роговъ быка вылетѣлъ и упалъ на песокъ отброшенный далеко тореадоръ, а быкъ еще метался по аренѣ, отбиваясь отъ шпаги, всаженной до рукояти. Гальярдо поднялся, и весь циркъ бѣшено зааплодировалъ „сыну Севильи“, снова выказавшему все свое мастерство. Но Гальярдо не слышалъ ничего; шатаясь, съ опущенной головой, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ пьяный, и упалъ грузно на песокъ. Публика была поражена. Она не видѣла крови и не предполагала ничего опаснаго въ паденіи тореадора. Всѣ слѣдили за агоніей быка въ то время, когда Гальярдо переносили въ лазаретъ въ сопровожденіи Національ, который сразу пришелъ въ отчаяніе, глядя на позеленѣвшее лицо матадора. Кромѣ двухъ присутствовавшихъ врачей, быстро вошелъ докторъ Руизъ. Гальярдо тѣмъ временемъ уже раздѣли,—и открылась зіяющая рана на животѣ. Докторъ грустно покачалъ головой. Кромѣ страшной, неизлечимой раны, Гальярдо получилъ еще сотрясеніе отъ удара головой быка и лежалъ бездыханный.

— Кончено, Себастіанъ!—сказалъ докторъ, обращаясь къ Національ.—Ищи себѣ другого матадора.

Національ выбѣжалъ изъ лазарета, рыдая какъ ребенокъ. Страшное извѣстіе уже облетѣло циркъ. Гальярдо умеръ. Сначала еще не вѣрили. Никто не покидалъ мѣстъ и уже готови-

лись къ бою съ третьимъ быкомъ. Съ арены доносился шумъ толпы и звуки музыки.

Національ чувствовалъ бѣшеный гнѣвъ ко всему окружающему. Онъ подумалъ о быкѣ, котораго выволакивали теперь съ арены, съ спаленной кожей, съ окоченѣлыми лапами, съ остеклѣвшими глазами, устремленными въ лазурь. И онъ увидѣлъ въ воображеніи друга, лежавшаго за стѣной, тоже неподвижнаго, съ страшной раной на тѣлѣ.

Бѣдный быкъ! Бѣдный тореадоръ!.. Съ арены раздавался радостный гулъ, привѣтствовавшій продолженіе зрѣлища. Національ закрылъ глаза и сжалъ кулаки.

Ревѣлъ звѣрь—настоящій, единственный.

Съ исп. З. В.

СОВРЕМЕННОМУ ГРАЖДАНИНУ

Изъ посмертнаго стихотворенія

Дай оглянусь...
Пушкинъ.

Ты побѣдилъ!.. Всѣ силы жизни
Ты положилъ въ борьбу... Ну, чтожъ?
Ты въ комъ обрѣлъ любовь къ отчизнѣ?
Въ комъ честь?.. Гдѣ истина? Гдѣ ложь?..
Скажи, о, „совопросникъ вѣка“,
Что̀ есть безумецъ? что̀ мудрецъ?
Гдѣ жъ отыскалъ ты человѣка
И гражданина наконецъ?..
Прочтемъ временъ недавнихъ повѣсть...
Она печальна и мрачна.
Въ ней нашъ позоръ. Предъ ней должна
Скорбѣть общественная совѣсть!
Не говори мнѣ о врагахъ,
Не говори мнѣ объ измѣнѣ...
Не трогай тѣхъ, кто въ рудникахъ;
Оставь въ покоѣ мертвыхъ тѣни...
Что̀ осужденныхъ намъ судить!?
Не будемъ плакать или охать;
Но... и довольно ихъ язвить,
Довольно тѣшить злости похоть...
Поговоримъ съ тобой о тѣхъ,
Кто, обезславленные нами,
За тотъ одинъ страдали грѣхъ,
Что не покрыты сѣдинами...

Съ какою злобою тупой,
Съ какимъ самодовольствомъ глупымъ
Мы приговоръ читали свой
Надъ пыломъ юности живой,
Какъ будто лекцію надъ трупомъ!..
Не мы ль, безумные, тогда
О здравомыслiи радѣя,
Безспорнымъ признакомъ злодѣя
Считали юные года?
Не мы ль, какъ безнадежно падшихъ,
На посрамленье всей земли
И сыновей, и братьевъ младшихъ
Къ столбамъ позорнымъ привели?
Припомнимъ подвиги другіе...
О тѣхъ съ тобой поговоримъ,
Чьи думы и дѣла благія
Теперь разсѣялись какъ дымъ.
Кто насъ вернулъ на путь обратный?
И чьей рукою святотатной
Разрушенъ жизни честный строй,
Чтобы создать на немъ другой—
Благонамѣренно-развратный?
И этой лжи, и этой тьмы,
Намъ неизвѣстностью грозящей,—
Кто ихъ виновникъ настоящій?
Мы сами! да, съ тобою мы!..
. . . . . .

А. М. Жемчужниковъ.

„ФАБРИКА“ ДИПЛОМОВЪ

По поводу нашего „школьнаго вопроса“.

Въ Варшавѣ обнаружена была не такъ давно настоящая фабрика аттестатовъ зрѣлости. Но не объ этой фабрикѣ намѣренъ я вести бесѣду, не она меня тревожитъ—полиція напала на слѣдъ, раскрыла всю организацію, преступники задержаны, и судъ воздастъ имъ должное, а мастерская будетъ, конечно, закрыта. Существуютъ другія фабрики аттестатовъ и дипломовъ, дѣятельность которыхъ болѣе опасна для общества, а въ особенности для подрастающаго молодого поколѣнія, и для борьбы съ которыми безсильна и полиція, и суды. Я говорю о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ всякихъ разрядовъ и наименованій.

Въ сравненіи съ этими заведеніями варшавская фабрика является скромнымъ, безвреднымъ учрежденіемъ. За незначительную плату она снабжаетъ желающихъ тѣми бумажками, ярлыками, безъ которыхъ люди у насъ не допускаются къ занятію какихъ-либо должностей. Не такъ просто поступаютъ наши оффиціальныя фабрики дипломовъ: тутъ уже не довольствуются однѣми денежными затратами со стороны родителей, требуется еще нѣчто несравненно болѣе существенное: въ жертву этимъ учрежденіямъ должны быть принесены всѣ дѣтскіе и отроческіе годы кандидатовъ на дипломы. Лучшіе годы жизни будущаго гражданина проходятъ въ душныхъ помѣщеніяхъ за скучными, безполезными, притупляющими занятіями. Все то, къ чему стремится, чего жаждетъ молодой, развивающійся организмъ,—все это отбрасывается въ сторону. Игры, веселье, движеніе — это считается баловствомъ. Гимназія этого не признаетъ; не признаютъ этого и родители, всѣ помыслы которыхъ сводятся къ одной главной цѣли—благополучному окончанію курса. Ярлыкъ, выдаваемый за успѣшное окончаніе университетскаго курса—вотъ тотъ свѣтъ, къ которому слѣдуетъ неуклонно стремиться и передъ которымъ все остальное стушевывается.

Если ребенокъ не доѣстъ, не доспитъ изъ-за „науки“ — не бѣда. Когда окончится ученье, можно будетъ наверстать потерянное: легкое малокровіе съ годами исчезнетъ, когда занятія окончатся, силы постепенно возстановятся. Въ такомъ духѣ отвѣтятъ вамъ на замѣчаніе о переутомленіи дѣтей нѣкоторые родители, болѣе снисходительные и вѣжливые. Но представьте себѣ слѣдующую картину: экзамены въ полномъ разгарѣ, въ послѣдней четверти появились зловѣщія двойки; сынокъ—не изъ породы „быстрыхъ разумомъ Невтоновъ“. Репетиторъ выражаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ время, оставшееся на подготовку, не соотвѣтствуетъ количеству матеріала, который необходимо еще втиснуть въ голову паціента. Зѣвать, слѣдовательно, некогда, работать надо безъ передышки. Напрягаются всѣ силы, стонетъ бѣдный мальчикъ подъ бременемъ непосильной работы. На эту картину попадаетъ свѣжее лицо и выражаетъ родителямъ неодобреніе за такое безжалостное, варварское отношеніе къ ребенку. Какъ отнесутся родители къ этому наивному фантазеру, что отвѣтятъ они ему? Да ничего не отвѣтятъ, отвернутся и пожмутъ плечами. Родители убѣждены въ томъ, что благополучный результатъ экзаменовъ—это тотъ фундаментъ, на которомъ воздвигнется благосостояніе и счастье ихъ любимаго птенчика. Нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ напряженной, можетъ быть даже чрезмѣрной работы—это ничто въ сравненіи со всей жизнью человѣка. Съ аттестатомъ въ карманѣ юношѣ уже нечего будетъ бояться, передъ нимъ всѣ дороги будутъ открыты.

Посмотримъ теперь, правы ли родители, такъ разсуждающіе, и право ли государство, культивирующее и поддерживающее въ нихъ такіе взгляды на школу.

Родители видятъ въ дѣтскомъ возрастѣ лишь переходную ступень къ будущей жизни. Все время ребенка должно быть посвящено на подготовку къ этой жизни. А такъ какъ у насъ, въ Россіи, даютъ ходъ только людямъ съ „правами“, то на пріобрѣтеніе этихъ „правъ“ и должны быть потрачены дѣтскіе годы. При этомъ совершенно упускаютъ изъ виду, что дѣтскій міръ имѣетъ нѣкоторое право на самостоятельное существованіе, что періодъ дѣтской жизни не есть преддверіе храма, а самъ является вполнѣ цѣльной, опредѣленной и лучшей частью храма, именуемаго жизнью. Дѣтскій міръ отличается совершенно своеобразнымъ характеромъ чувствъ, настроеній и стремленій. Этотъ міръ подчиненъ своимъ особымъ законамъ и существуетъ самъ по себѣ и самъ для себя. Желанье шалить, рѣзвиться, наблюдать и подражать взрослымъ — все это естественныя потребности дѣтскаго міра, и на удовлетвореніе этихъ потребностей имѣется вполнѣ законное право. Стремленье къ играмъ, забавамъ присуще не только

дѣтямъ, но и молодымъ животнымъ, и въ этомъ стремленьи заключается задатокъ правильнаго, здороваго развитія организма. Лишите молодыхъ животныхъ возможности удовлетворять вложенной въ нихъ природой потребности въ играхъ и движеніи—и получатся уроды, не приспособленные къ жизненной борьбѣ. Опытные скотоводы и коннозаводчики давно въ этомъ убѣдились. Выдающіяся качества англійской лошади достигнуты, главнымъ образомъ, благодаря примѣненію къ воспитанію жеребятъ пріемовъ, основанныхъ на внимательномъ изученіи естественныхъ потребностей организма лошади.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что дѣтскій возрастъ имѣетъ право на совершенно самостоятельное, самоцѣльное существованіе; дѣти имѣютъ законное право жить настоящимъ, пользоваться жизнью сообразно со вкусами и наклонностями, присущими ихъ возрасту. Нарушеніе этого ихъ права ведетъ къ уродованію ихъ не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Вѣдь все, чѣмъ живетъ человѣкъ, чѣмъ онъ дышитъ, всѣ его способности, его настроеніе, его симпатіи и антипатіи,—все это ведетъ начало отъ первыхъ, полученныхъ имъ въ дѣтствѣ впечатлѣній. Только въ дѣтствѣ воспринимаемъ мы всѣмъ нашимъ существомъ, всѣми нашими чувствами впечатлѣнія внѣшняго міра. Впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, все, что мы воспринимаемъ, дѣйствуетъ на нашу психику лишь настолько, насколько новыя впечатлѣнія воскрешаютъ пріобрѣтенныя нами въ дѣтствѣ чувства. Самое ничтожное явленіе, событіе, поразившее насъ въ дѣтствѣ, оставляетъ въ насъ на всю жизнь неизгладимый отпечатокъ.

Горе человѣку, лишенному дѣтства, или тому, въ комъ неблагопріятныя условія жизни заглушили дѣтскія воспоминанія. Впечатлительность, чуткость, нетронутость дѣтской души—это такая прелесть, такое благо, которое слѣдуетъ цѣнить и оберегать, какъ зѣницу ока. Самой благотворной обстановкой для сохраненія этихъ цѣнныхъ качествъ является сліяніе дѣтей съ природой. На лонѣ природы дѣти получаютъ возможность накоплять непосредственныя впечатлѣнія и удовлетворять въ полной мѣрѣ всѣмъ ихъ врожденнымъ стремленіямъ.

Какъ же поступаемъ мы въ дѣйствительности, что даетъ дѣтямъ школа? Вмѣсто веселой, манящей природы — душный классъ; вмѣсто живыхъ непосредственныхъ впечатлѣній—безсмысленное зубреніе какихъ-нибудь высоко-поэтическихъ стихотвореній, въ родѣ: ante, apud, ad, adversus и т. д. Вмѣсто веселаго, жизнерадостнаго настроенія, котораго жаждетъ здоровый ребенокъ, — скука и страхъ. А вѣдь страхъ — это самое тяжелое, самое пагубное ощущеніе, въ особенности для молодого, неокрѣпшаго организма. Насколько чувство страха вредно отзывается на здоровьи дѣтей, какія онъ можетъ вызвать вредныя послѣдствія — на это даетъ отвѣтъ статистика. Статистика

самоубійствъ въ дѣтскомъ возрастѣ своими нѣмыми цифрами краснорѣчивѣе всякихъ фразъ раскрываетъ всю мрачную картину нашего преступнаго отношенія къ учащимся. Крестьянскія дѣти, выростающія въ самыхъ суровыхъ условіяхъ и лишеніяхъ всякаго рода, выносящія побои, не прибѣгаютъ къ самоубійству. Кончаютъ счеты съ жизнью учащіяся дѣти изъ-за двоекъ... Забылъ мальчикъ, сколько было пуническихъ войнъ, или смѣшалъ Гвинею съ Гвіаной—и выпиваетъ онъ пузырекъ нашатырнаго спирта. Вѣдь это такой ужасъ, что хочется кричать: опомнитесь, безразсудные родители, поймите, что это вы собственными руками доводите вашихъ малютокъ до этого! Предъявляя къ учащимся безсмысленныя требованія, побуждая ихъ самыми разнообразными способами къ усиленнымъ занятіямъ, вы способствуете систематическому разрушенію нѣжнаго организма. Возмутительныя гигіеническія условія школы, умственныя переутомленія, вѣчныя волненія, — и всѣ эти ужасы въ теченіе 10—12 лѣтъ! Естественно, что всѣ отправленія организма становятся неправильными, кишечникъ отказывается отъ работы, кровеобращеніе нарушается, и въ результатѣ—диспепсія и неврастенія. Такой измученный, нервноразслабленный субъектъ очень склоненъ къ самоубійству. Всякое прикосновеніе къ его болѣзненно-чувствительному, легко-раздражаемому организму возбуждаетъ въ немъ болѣзненныя ощущенія, его легко довести до отчаянія. Это должно было бы быть извѣстно нашимъ педагогамъ, этимъ спеціалистамъ въ дѣлѣ воспитанія. Но бѣда въ томъ и заключается, что наши педагоги вовсе не являются такими спеціалистами: никто на нихъ такъ и не смотритъ. Учителя— это чиновники, зависимые, подначальные люди, которымъ не полагается свое сужденіе имѣть. Обязанность ихъ—подготовлять будущихъ чиновниковъ по строго установленной программѣ. Учитель, который задался бы болѣе широкими цѣлями, который вздумалъ бы вложить живую душу въ мертвое тѣло нашей школы, не былъ бы терпимъ. Всякому извѣстно, какой участи подвергся бы учитель, который не придерживался бы программы, или еслибы не признавалъ отмѣтокъ.

Программа — это главное: по программѣ производятся экзамены, результатомъ же послѣднихъ являются дипломы. Для родителей совершенно безразлично, пріобрѣтаютъ ли ихъ дѣти въ школѣ знанія; они только прикрываются любовью къ наукѣ, жаждой просвѣщенія, на дѣлѣ же относятся они къ ученію такъ же, какъ Простакова, съ тою только разницей, что Простакова была проще и искреннѣе. Ей не хотѣлось, чтобы Митрофанушка утруждалъ свою голову изученіемъ географіи, безъ которой онъ отлично можетъ обойтись. Теперь же всѣ лицемѣрно твердятъ о пользѣ науки; ученье свѣтъ, а неученье тьма—это почитается непреложной аксіомой; но почему ученье свѣтъ

и какое именно ученье является спасительнымъ свѣтомъ—надъ этимъ не задумываются. Еслибы ученье, по крайней мѣрѣ наше школьное ученье, въ дѣйствительности считалось свѣтомъ, то взрослые старались бы культивировать это самое ученье и внѣ школы, независимо отъ ея требованій.

А между тѣмъ, много ли мы видимъ людей, которые, по окончаніи школы, занимались бы саморазвитіемъ, совершенствуясь въ тѣхъ предметахъ, по которымъ ими сданы экзамены? Что видимъ мы на дѣлѣ? По окончаніи курса гимназіи, счастливцы, благополучно сдавшіе экзамены зрѣлости, съ радостью бросаютъ въ огонь ненавистные учебники. И правы они — всѣ эти учебники способны были внушить имъ лишь чувство отвращенія: не пользу они имъ принесли, а только вредъ и, притомъ, вредъ непоправимый, такъ какъ лишили ихъ самаго цѣннаго въ жизни блага—здоровья.

Но вотъ проходитъ десятокъ-другой лѣтъ, и эти самыя лица, которыя съ такимъ озлобленіемъ сжигали гимназическія книжки,—своихъ собственныхъ, любимыхъ дѣтей посылаютъ въ ту же школу и засаживаютъ за тѣ же учебники. Это считается почему-то необходимымъ; этимъ достигаются, яко-бы, какія-то возвышенныя цѣли. На самомъ же дѣлѣ совершается лишь самое гнусное, самое жестокое преступленіе. Свѣжій, неиспорченный, здоровый ребенокъ, относящійся съ такимъ довѣріемъ къ родителямъ и наставникамъ, подвергается на многіе годы систематическому истязанію, калѣченію. Иначе не могу я назвать дѣятельность нашей школы, которая нисколько не считается съ потребностями дѣтей, съ ихъ вкусами и желаніями. Даже больше—школа признаетъ всѣ эти дѣтскія стремленія, желанія, вкусы—незаконными; чѣмъ удачнѣе школа съ ними борется, чѣмъ быстрѣе и совершеннѣе достигаетъ она превращенія живого, шаловливаго ребенка въ покорнаго, серьезнаго ученика, тѣмъ больше чести школѣ. Примѣрнымъ ученикомъ считается тотъ, который не принимаетъ участія въ шалостяхъ, который не кричитъ, не дерется, а только добросовѣстно и безропотно готовитъ заданные уроки; т.-е., другими словами,—примѣрнымъ признается тотъ, въ комъ заглохло все живое, все естественное, все дѣтское. Въ одной женской гимназіи было когда-то задано сочиненіе на тему: „наука сокращаетъ опытъ скоротечной жизни“. Было это очень давно, но сохранилось это у меня въ памяти, вслѣдствіе той сенсаціи, которую произвела эта тема въ маленькомъ городѣ. Бѣдныя дѣвочки совсѣмъ растерялись—задача оказалась имъ непосильной: слишкомъ уже туманнымъ, неяснымъ представлялся имъ смыслъ этой фразы. Вѣдь, въ сущности, въ дѣйствительности никакого опыта не сокращало для нихъ то, что преподавалось имъ подъ именемъ науки. Еслибы тема гласила: наука сокра-

щаетъ дни скоротечной жизни и отравляетъ счастливое дѣтство, убивая въ дѣтяхъ все живое, то полагаю, что результатъ былъ бы иной, что даже „неуспѣвающія“ съумѣли бы разработать такую тему и написали бы блестящія сочиненія.

Чѣмъ же объяснить такое странное явленіе? Почему родители, любя дѣтей своихъ, оберегая ихъ тщательно отъ малѣйшей простуды, въ то же время такъ безжалостно относятся къ нимъ, когда дѣло касается ученія? Объясню я это тѣмъ, что большинство изъ насъ, благодаря безобразному, неправильному воспитанію, лишено весьма цѣнной способности: тонкой памяти ощущеній и душевныхъ настроеній. Память событій сохранилась: мы помнимъ числа, знаемъ, когда, какого числа поступили въ школу, когда были экзамены, помнимъ фамиліи товарищей и учителей, какія отъ кого получали отмѣтки, но мы не помнимъ тѣхъ ощущеній, которыя мы переживали, забившись въ уголокъ нашей дѣтской или сидя въ классѣ, въ тревожномъ ожиданіи вызова къ доскѣ; не помнимъ мы тѣхъ мукъ, которыя вызывали въ насъ нѣкоторыя непреодолимыя трудности, съ которыми постоянно приходилось сталкиваться. Всѣ эти тяжелыя, скажу болѣе, глубокотрагическія состоянія дѣтской души отошли для насъ въ вѣчность, съ дѣтскимъ міромъ связь у насъ порвана, другіе интересы, новыя заботы о службѣ, о содержаніи семьи заглушили въ насъ воспоминанія о пережитыхъ нами въ дѣтствѣ волненіяхъ. Теперь эти волненія кажутся намъ ребяческими, неважными въ сравненіи съ тѣми заботами, которыя вызываются тяжелой борьбой за существованіе. Существуетъ предположеніе, что хлороформъ не уничтожаетъ чувствительности, а только отнимаетъ временно память; что оперируемый подъ хлороформомъ больной во время операціи ощущаетъ боль, но затѣмъ ничего не помнитъ о томъ, что съ нимъ происходило. Въ такомъ положеніи находится большинство людей въ отношеніи перенесенныхъ въ дѣтствѣ страданій. Мученія могли быть ужасны, но мы забываемъ о нихъ, а поэтому и лишаемся возможности понимать и признавать ихъ въ нашихъ дѣтяхъ. Помнимъ мы лишь, что и мы учились, готовились къ экзаменамъ, что бывали мы подчасъ лишены прогулокъ на чистомъ воздухѣ и другихъ удовольствій, но знаемъ также, что въ награду за это мы удостоились диплома, благодаря которому и были приняты на службу съ правомъ на чинъ такого-то класса. Пусть же и наши дѣти идутъ по нашимъ стопамъ. Но для чего это нужно? Спросите любого изъ этихъ заботливыхъ родителей—дѣйствительно ли онъ такъ дорожитъ пріобрѣтенными имъ въ школѣ познаніями и не жалѣетъ ли онъ о томъ безвозвратно-утерянномъ времени, которое пожертвовано имъ было для этихъ познаній; не жалѣетъ ли онъ о тѣхъ чудныхъ майскихъ дняхъ, которыми онъ

ни разу за все дѣтство не воспользовался. Когда природа ликовала, деревья украшались свѣжей, сочной листвой, цвѣты расцвѣтали, а трели жаворонка приводили въ колебаніе ароматный, теплый степной воздухъ,—вѣдь тогда бывала самая отрадная пора—май мѣсяцъ—это мѣсяцъ экзаменовъ. Не о степномъ просторѣ, не объ ароматѣ лѣсовъ думаетъ тогда нашъ горемыка. Всѣ его мысли сосредоточены надъ вопросомъ о томъ, какъ преломляются лучи въ двояко-выпукломъ стеклѣ, и какого рода латинскія существительныя на is. При этомъ жить приходится въ покинутой квартирѣ, пропитанной запахомъ нафталина, такъ какъ свободные члены семьи поспѣшили покинуть душный городъ. Если тотъ, къ кому вы обратитесь съ такимъ вопросомъ, человѣкъ искренній, то онъ отвѣтитъ вамъ, что познаніями, пріобрѣтенными имъ такой дорогой цѣной, онъ не можетъ дорожить уже по той простой причинѣ, что эти познанія у него не сохранились все пріобрѣтенное имъ въ школѣ онъ забылъ, и въ настоящее время онъ неспособенъ выдержать экзаменъ и въ 4-й классъ. Не познаніями онъ дорожитъ, а тѣми правами, которыя онъ такимъ путемъ пріобрѣлъ. А такъ какъ нужны не знанія, а права, то для полученія ихъ приходится прибѣгать иногда и къ разнымъ вспомогательнымъ средствамъ. Самые порядочные, честные ученики бываютъ иногда вынуждены пользоваться разными „подстрочниками“, „шпаргалками“ и т. п. средствами.

Такимъ образомъ, выходитъ, что въ нашихъ школахъ не только подрывается здоровье дѣтей, но и нравственно они калѣчатся. И все это ради чего? Ради чина? Неужели это уже такое благо, что изъ-за него стоитъ жертвовать лучшими годами жизни, жертвовать здоровьемъ человѣка и развращать его нравственно, пріучая къ хитрости, ко лжи, къ обману?.. Сомнѣваюсь я въ этомъ; но еслибы даже мои сомнѣнія были неосновательны, если я просто не умѣю по достоинству оцѣнить блага, доставляемаго государственной службой, то и въ такомъ даже случаѣ я все-таки считаю опаснымъ приносить такія тяжелыя жертвы. Вѣдь положеніе на службѣ нельзя считать незыблемымъ, непоколебимымъ. Въ переживаемое нами переходное время нельзя особенно разсчитывать на прочность занимаемаго служебнаго положенія: можетъ, вѣдь, произойти переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. И что тогда, куда дѣваться человѣку, лишенному здоровья, безъ энергіи, безъ воли, не обладающему какими-либо спеціальными знаніями? Аттестатъ не накормитъ и не обогрѣетъ.

Разсмотримъ теперь, насколько государство достигаетъ намѣченной цѣли посредствомъ существующей школы. Цѣль государства заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы подготовить штатъ образованныхъ чиновниковъ, и для этого оно содержитъ среднія и высшія

учебныя заведенія. Понятіе объ образованности является по самому существу очень неопредѣленнымъ и растяжимымъ понятіемъ. Гоголь былъ исключенъ изъ школы за плохіе успѣхи по русскому языку, Пушкинъ „учился понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“; Бисмаркъ больше увлекался пивомъ и дуэлями, чѣмъ наукой; наконецъ, нашъ великій Толстой не окончилъ курса въ университетѣ,—можно ли поэтому считать этихъ геніевъ людьми необразованными? Какъ, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить степень образованности человѣка, какое требуется знаніе и знаніе какихъ предметовъ? Но у насъ надъ этимъ сложнымъ вопросомъ не задумались, и безъ труда составили точныя, опредѣленныя правила. Составлена ясная программа какъ для гимназическаго, такъ и для университетскаго курсовъ. Прошедшій по этой программѣ гимназическій курсъ получаетъ право на чинъ 14-го класса, окончившій же университетъ по 2-му разряду пользуется правомъ на 12-й классъ, а по 1-му разряду—на 10-й классъ. Коротко и ясно—степень образованности опредѣляется такимъ образомъ съ математической точностью, всякая неопредѣленность устранена. Не рѣшенъ только вопросъ—какая отъ этого польза государству. Для меня, напримѣръ, неясно, почему юристу нужно знать биномъ Ньютона и притокъ рѣки Амазонки, а технологу — исторію крестовыхъ походовъ или катехизисъ. Древніе греки поступали основательнѣе: спартанцы воспитывали дѣтей для государства и готовили подростающее поколѣніе къ вооруженной защитѣ родины. Сообразно съ этой цѣлью они создали соотвѣтствующую систему воспитанія. Нужны были сильные, здоровые юноши, отважные, храбрые воины. Во избѣжаніе изнѣживающаго вліянія семьи, государство требовало, чтобы съ шестилѣтняго возраста мальчикъ поступалъ въ общественныя школы, гдѣ онъ подвергался суровому режиму, способствовавшему развитію необходимыхъ для воина качествъ. Главныя занятія заключались въ физическихъ упражненіяхъ всякаго рода. Ставилась, слѣдовательно, ясная, опредѣленная цѣль и воспитаніемъ достигались блестящіе результаты. Аѳиняне, не отрицая пользы и значенія физическаго развитія, признавали, однако, что сила гражданина заключается главнымъ образомъ въ его ораторскомъ искусствѣ. Поэтому воспитаніе было направлено къ развитію въ юношахъ дара краснорѣчія. Заучиваніе наизусть и декламація выдающихся произведеній, диспуты на заданныя темы—это признавалось важнымъ упражненіемъ для развитія умѣнья красиво выражаться. Тутъ опять ясна была цѣль, къ ея достиженію сознательно и неуклонно стремились, и результаты получались поразительные. Можно не сочувствовать тому или иному направленію, но нельзя не признать цѣлесообразности такой системы воспитанія. У насъ же прямо становишься въ тупикъ: нельзя понять, чего именно добивается государство, какую цѣль пре-

слѣдуетъ школа. Результаты, достигнутые школой, указываютъ на то, что или цѣль намѣчена неправильно, или что средства выбраны неподходящія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы школа могла стремиться къ выработкѣ того типа людей, который создается подъ ея вліяніемъ. Наша учащаяся молодежь производитъ удручающее впечатлѣніе однимъ уже своимъ внѣшнимъ видомъ. Болѣзненный, худосочный, дряблый организмъ—узкія плечи, впалая грудь, движенія вялы, не энергичны; неряшество въ одеждѣ, неопрятное содержаніе своего тѣла. Такое небрежное отношеніе къ своей внѣшности, къ поддержанію чистоты и благообразія считается у нашей молодежи даже проявленіемъ какихъ-то особенныхъ внутреннихъ качествъ. Въ этомъ проявляется независимость передового человѣка, не считающагося съ правилами узкой, буржуазной морали.

Такое неразумное отношеніе къ своему тѣлу, такое игнорированіе основныхъ правилъ гигіены отражается не только на физической природѣ человѣка, но имѣетъ громадное вліяніе и на его психическую сторону. Древніе греки и римляне понимали уже, что существуетъ тѣснѣйшая связь между тѣломъ и духомъ: Mens sana in corpore sano. Всѣ современные культурные народы убѣждены въ глубокой мудрости этого изреченія. Увлеченіе спортомъ достигло колоссальныхъ размѣровъ. Международныя состязанія принимаютъ теперь характеръ крупныхъ политическихъ событій. Олимпійскія игры приковываютъ всеобщее вниманіе; цѣлые отряды спортсменовъ переѣзжаютъ изъ одной страны въ другую, переплываютъ океаны, чтобы участвовать въ состязаніяхъ. У насъ ничто подобное немыслимо; мы считаемъ возможнымъ и даже полезнымъ развивать духъ въ ущербъ тѣлу. Такое пагубное заблужденіе привело къ тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, которыя мы наблюдаемъ. Наше измученное, изстрадавшееся, нервно-разстроенное юношество вступаетъ въ жизнь неподготовленнымъ къ созидательной работѣ и непригоднымъ къ стойкой, упорной, но спокойной борьбѣ. Не о дѣятельности кипучей мечтаетъ нашъ юноша, а о спокойномъ, тепломъ мѣстечкѣ. Метанье дисковъ, борьба, бѣшеные прыжки на лыжахъ — это не привлекаетъ его вниманія, такія увлеченія представляются ему даже ребяческими—онъ старъ для такихъ дѣтскихъ забавъ. Зеленое поле ломбернаго стола замѣняетъ для него всякія другія арены. Вообще, настроеніе нашей молодежи вполнѣ сходно съ настроеніемъ, вызываемымъ усталостью. Утомленный человѣкъ, измученный чрезмѣрнымъ, непосильнымъ трудомъ, становится болѣзненно-раздражительнымъ, озлобленнымъ. Когда такое раздраженіе вызвано случайно, когда оно является слѣдствіемъ временнаго чрезмѣрнаго напряженія, то никакихъ особенно серьезныхъ послѣдствій оно имѣть не можетъ. Окружающіе люди видятъ, что имѣютъ дѣло

съ человѣкомъ изнуреннымъ, къ его временной раздражительности относятся снисходительно, стараются его успокоить, дать ему возможность отдохнуть. Стоитъ такому человѣку хорошенько выспаться, все дурное настроеніе проходитъ, и онъ опять способенъ относиться къ людямъ и окружающимъ его явленіямъ спокойно, добродушно, весело. Но если утомленіе принимаетъ хроническій характеръ, если оно является слѣдствіемъ систематическаго, безпрерывнаго въ теченіе многихъ лѣтъ обремененія организма непосильной для него работой, то картина существенно мѣняется. Истощеніе организма настолько глубоко, что одни органы атрофируются, другіе подвергаются перерожденію, и уже никакой сонъ не способенъ возстановить нарушенное въ организмѣ равновѣсіе. Раздраженіе превращается въ хроническую раздражительность, въ болѣзненную чувствительность. Особенность такихъ нервнобольныхъ натуръ заключается въ томъ, что онѣ крайне чувствительны ко всякимъ отрицательнымъ явленіямъ,—на положительныя же явленія онѣ не реагируютъ. Все красивое не производитъ на нихъ впечатлѣнія: красота очертаній и красокъ, красота звуковъ, благоуханіе цвѣтовъ—это ихъ не трогаетъ, къ этому они относятся равнодушно; но зато уродливыя явленія вызываютъ въ нихъ прямо-таки болѣзненныя ощущенія. Вся жизнь такихъ людей — одно страданіе; все ихъ возмущаетъ и вызываетъ въ нихъ чувство озлобленія.

И вотъ, сталкиваются такіе молодые люди съ уродливыми явленіями общественной жизни. Голова наполнена разными теоріями, часто плохо усвоенными и никогда не провѣряемыми. Для собственныхъ наблюденій, для критическаго отношенія къ чужой мысли нѣтъ ни времени, ни умѣнья работать: вѣдь все время учащагося поглощается книжкой, и книжка должна „замѣнять ему опытъ скоротечной жизни“. Какую благопріятную почву представляетъ собой такая молодежь для всякой чепухи! Одного удачно выбраннаго примѣра, одного хлёсткаго слова достаточно, чтобы увлечь этихъ пылкихъ, но болѣзненныхъ юношей, лишенныхъ воли, не дисциплинированныхъ, возбужденныхъ. Какъ легко вызвать у нихъ чувство озлобленія, негодованія, ненависти къ представителямъ началъ, противоположныхъ тѣмъ идеаламъ, которые приняты ими на вѣру. Одно названіе, одинъ эпитетъ, въ родѣ: аграрій, буржуй — уже дѣйствуетъ на ихъ воспаленные мозги, какъ красный платокъ на разъяреннаго быка. Такъ вотъ, спрашиваю: полезно ли государству создавать людей такого типа?

Въ Государственной Думѣ одинъ ораторъ указывалъ на то, что вся наша революція создана была почти исключительно зеленой молодежью.—Еслибы эти зеленые всходы—сказалъ онъ—не были отравлены прессой, они явились бы украшеніемъ цвѣтущей русской нивы. Но неужели можно допустить, что юноши, устраивавшіе баррикады и

бросавшіе бомбы, отравлены прессой, и что пресса явилась причиной того грознаго, стихійнаго бѣдствія, которое какъ пожаромъ охватило всю нашу необъятную родину? Такой взглядъ возникаетъ изъ соображенія: post hoc, ergo—propter hoc. Всякое дѣйствіе находится всегда въ полномъ соотвѣтствіи съ вызвавшей его причиной; maximum полезной работы машины опредѣляется всегда въ процентахъ, т.-е. въ дробяхъ, и никогда не можетъ быть доведено до цѣлаго. Это азбучная истина, и въ области механики никакихъ недоразумѣній не возникаетъ. Машинистъ нажимаетъ на ручку паровоза, и громадная машина двигается съ мѣста, увлекая за собою десятки груженыхъ вагоновъ. Для всякаго ясно, что причина движенія поѣзда заключается въ парѣ, получившемъ свою энергію отъ сожженнаго угля, а не въ силѣ машиниста. Когда же дѣло касается явленій общественной жизни, въ особенности современныхъ явленій, то объ этомъ соотношеніи между силой и производимымъ ею дѣйствіемъ не думаютъ. Тутъ постоянно смѣшиваютъ причину съ поводомъ. Такъ и въ данномъ случаѣ: зеленая молодежь, по мнѣнію члена Думы, создала нашу революцію вслѣдствіе того развращающаго вліянія, которое имѣли на нее подпольная литература и разнузданная повременная печать!

Разсуждая такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что крестовые походы возникли вслѣдствіе проповѣдей Петра Амьенскаго, а французская революція создана Мирабо. Теперь всякій гимназистъ знаетъ, что причины этихъ великихъ событій кроются гораздо глубже; что создавшія ихъ условія созрѣвали въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, отдѣльныя же личности, имена которыхъ случайно попали въ исторію, сыграли лишь роль машиниста, нажавшаго на ручку паровоза. Точно также нельзя объяснять возникшее у насъ въ 1905 году движеніе молодежи тѣмъ вліяніемъ, которое имѣла на нее періодическая печать. Вѣдь движеніе это не было случайнымъ, мѣстнымъ явленіемъ: революціонная волна охватила тогда всю нашу необъятную родину. Такое грандіозное, стихійное движеніе могло быть создано лишь столь же грандіозными причинами. Нельзя, конечно, отрицать вліянія прессы—но вліяніе это обусловливалось тѣмъ настроеніемъ молодежи, которое создано было въ теченіе многихъ десятилѣтій неправильнымъ воспитаніемъ. Пресса могла сыграть роль спички въ пороховомъ погребѣ. Неправильной постановкой школьнаго дѣла государство само способствовало накопленію взрывчатаго матеріала. Человѣкъ, страдающій катарромъ желудка и кишекъ, малокровіемъ, неврастеніей, становится пессимистомъ. Ему указываютъ на зло, на народное горе, на страданія голодной бѣдноты, на несправедливости—и онъ приходитъ въ ярость. Отнестись къ дѣлу спокойно, разобраться въ печальныхъ явленіяхъ дѣйствительности, раскрыть причины бѣдствія—

такой измученный юноша не можетъ, на это не хватитъ у него ни силъ, ни умѣнья, ни практичности. Утопистъ, безпочвенный мечтатель и при этомъ крайній альтруистъ, онъ не задумывается принести себя въ жертву на пользу обиженныхъ и обездоленныхъ и хватается за оружіе слабыхъ—бомбы, подкопы, поджоги,—вотъ къ чему онъ прибѣгаетъ.

Здоровый, нормальный, уравновѣшенный человѣкъ отвергаетъ такіе пріемы, считая ихъ унизительными для себя и, къ тому же, нецѣлесообразными.

Университетскія забастовки указываютъ, по-моему, на полную нелѣпость всей нашей системы просвѣщенія. Вѣдь тутъ получается какой-то non-sens. Государство идетъ на встрѣчу назрѣвшему, яко-бы, въ странѣ стремленію къ высшему образованію, затрачиваетъ громадныя средства на созданіе и содержаніе храмовъ науки, а сами „жаждущіе“, для которыхъ и принесены такія большія жертвы, бастуютъ, отказываются посѣщать храмы науки и другихъ туда не пускаютъ. Если меня мучитъ жажда, то я не отвернусь отъ источника свѣжей воды. Очевидно, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Если я отказываюсь приблизиться къ источнику и утолить жажду, то это можетъ быть слѣдствіемъ слѣдующихъ причинъ: 1) или у меня въ дѣйствительности нѣтъ жажды, а я только прикидываюсь жаждущимъ; или 2) источникъ, къ которому я стремился, оказался зараженнымъ. Такъ какъ нѣтъ основанія сомнѣваться въ доброкачественности предлагаемой университетомъ духовной пищи, то приходится остановиться на первой причинѣ. И дѣйствительно, жажда знаній, стремленіе къ наукѣ—все это только слова, которыми прикрываются другія побужденія и стремленія. Еслибы эта жажда существовала въ дѣйствительности, то не приходилось бы устанавливать надзоръ за посѣщеніемъ студентами лекцій и вести запись фуражкамъ. Громадное, подавляющее большинство молодыхъ людей поступаетъ въ университетъ исключительно ради тѣхъ правъ, которыя доставляетъ университетскій дипломъ. Да оно и понятно: стремленье къ работѣ, къ труду можетъ явиться только у человѣка свѣжаго, здороваго, въ которомъ жизнь бьетъ ключомъ, у котораго возникаетъ потребность примѣнить къ дѣлу избытокъ силъ и энергіи. Человѣку съ крѣпкими мышцами и здоровыми легкими хочется двигаться, работать; слабый же, изнуренный организмъ ищетъ отдыха, покоя. То дѣло, на которомъ онъ потерялъ силы, то занятіе, которое доставило ему столько волненій и страданій,—не можетъ казаться ему привлекательнымъ. Есть, конечно, счастливыя исключенія, но мы говоримъ о массѣ, объ общемъ типѣ.

Обвинять студентовъ за равнодушное и даже враждебное отно-

шеніе къ наукѣ нельзя,—мы сами подготовили для этого почву. Итакъ, большинство студентовъ относится къ университетскимъ занятіямъ безъ интереса, безъ любви. Наука не изучается,—готовятся лишь къ экзаменамъ. Можно ли серьезно говорить о знаніяхъ, пріобрѣтенныхъ при такихъ условіяхъ? Всѣ эти юристы, изучившіе, яко-бы, энциклопедію и философію права, исторію и догму римскаго права и т. п. премудрости, не способны бываютъ, зачастую, составить толково и грамотно протоколъ судебнаго засѣданія. Наука, въ томъ видѣ, какъ ее проходятъ наши студенты, вовсе не подготовляетъ ихъ къ ихъ будущей дѣятельности, и можно быть прекраснымъ чиновникомъ совершенно независимо отъ этой оффиціальной програмной науки.

Безъ знанія бинома Ньютона нельзя поступить въ университетъ, а слѣдовательно, нельзя и поступить на службу по судебному вѣдомству; равнымъ образомъ, безъ Кантовской философіи и римскаго права нельзя сдать государственнаго экзамена, а слѣдовательно и получить мѣсто—ну, хотя бы по акцизу. А между тѣмъ, можно очень легко представить себѣ полезнаго, безукоризненнаго акцизнаго чиновника, не имѣющаго никакого представленія ни о пандектахъ, ни о категорическомъ императивѣ, а талантливый прокуроръ мыслимъ безъ знанія бинома Ньютона. Мнѣ могутъ возразить, что я привелъ неудачные примѣры, что если и допустить, что акцизный чиновникъ можетъ обойтись безъ римскаго права, необходимо все-таки требовать отъ прокурора солиднаго юридическаго образованія. Насколько такія познанія необходимы прокурору, трудно судить, такъ какъ прокуроровъ безъ университетскихъ дипломовъ не существуетъ. Что же касается судей, то изъ многолѣтней практики моей въ должности почетнаго мирового судьи я вынесъ убѣжденіе, что степень образованія никакого значенія не имѣетъ. Лучшими мировыми судьями, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться по службѣ, были люди безъ высшаго и даже часто безъ средняго образованія. При введеніи мировыхъ учрежденій—лицъ съ университетскимъ образованіемъ было очень мало среди мѣстныхъ земскихъ людей. Кандидатами въ мировые судьи являлись преимущественно отставные офицеры, кругъ знаній которыхъ былъ крайне ограниченъ. Люди, не имѣвшіе до того понятія о томъ, что̀ такое юридическія науки, но увлеченные новыми вѣяніями и воодушевленные желаніемъ водворить въ странѣ судъ „скорый, правый и милостивый“, взялись съ увлеченіемъ за изученіе новаго для нихъ дѣла. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ необходимыя свѣдѣнія были усвоены, и лихіе кавалеристы превращались въ дѣльныхъ, толковыхъ и способныхъ судей. Всю реформу судебную вынесли на своихъ плечахъ эти люди съ „домашнимъ образованіемъ“, а вѣдь приходилось работать при очень неблагопріятныхъ условіяхъ, нужно было бороться

со старыми крѣпостническими нравами и замашками и воспитывать общество въ духѣ новыхъ принциповъ. Въ настоящее время, когда контингентъ лицъ съ высшимъ образованіемъ значительно расширился, а количество избираемыхъ судей сократилось, общество, тѣмъ не менѣе, при выборѣ мировыхъ судей не обращаетъ вниманія на образовательный цензъ кандидатовъ и продолжаетъ выбирать бывшихъ юнкеровъ, причемъ нѣкоторые изъ такихъ являются безспорно украшеніемъ мировыхъ съѣздовъ.

Но если это такъ, если самыя отвѣтственныя мѣста могутъ быть, безъ ущерба для дѣла, предоставлены лицамъ безъ высшаго образованія, то зачѣмъ предъявлять кандидатамъ такія требованія, которыя для нихъ обременительны и которыя доводятъ многихъ до отчаянія, до самоубійства? Недавно въ одной газетѣ приведены были выдержки изъ записной книжки студента петербургскаго университета, А. Л. Оказывается, что весь его бюджетъ съ 1-го января по 25-е апрѣля выразился въ суммѣ 6 р. 58 к. Результатъ—самоубійство.

Задумайтесь надъ такими явленіями, гг. родители и педагоги! Ради чего загублена такъ безжалостно жизнь этого молодого страдальца? Вѣдь это былъ юноша съ характеромъ, съ выдержкой: голодать въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ—на это не многіе способны. Что же заставляло его страдать? Нужда,—онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, пройти четырехлѣтній университетскій курсъ, чтобы стать на дорогу. Наука его, очевидно, интересовать не могла. Если не можетъ придти на умъ „на желудокъ пѣть голодный“, то тѣмъ менѣе можетъ явиться при такихъ условіяхъ желаніе изучать философію Гегеля или Спинозы. Случай съ этимъ несчастнымъ студентомъ—не единичный; имя такимъ мученикамъ на Руси—легіонъ. Къ такимъ ужаснымъ явленіямъ наше общество уже привыкло и относится равнодушно къ этому варварскому глумленію надъ молодежью. Жалкій видъ изнуренныхъ нуждой и непосильной работой юношей, облаченныхъ въ лохмотья, насъ не изумляетъ, это—въ порядкѣ вещей; велико было бы изумленіе общества при видѣ бурной, веселой толпы учащихся, отправляющихся съ пѣснями и музыкой на какую-нибудь экскурсію или устраивающихъ состязанія. Государство считаетъ своимъ долгомъ оберегать своихъ несовершеннолѣтнихъ гражданъ отъ непосильной работы на фабрикахъ и заводахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ вноситъ въ Думу законопроектъ объ огражденіи жизни и здоровья дѣтей и возбраняющій употреблять несовершеннолѣтнихъ на работы, вредныя для ихъ здоровья. А въ то же время другое министерство возстанавливаетъ экзамены. А что значатъ экзамены для дѣтей: вѣдь на нихъ уходитъ лучшее время въ году. Вмѣсто того, чтобы упиваться прелестями возрождающейся природы, дѣтямъ приходится усиленно ра-

ботать и волноваться. Какъ имъ, бѣднымъ, не дрожать? Вѣдь въ большинствѣ случаевъ двойка на экзаменахъ—это цѣлая трагедія. Почему же то государство, которое проявляетъ столько заботливости къ участи дѣтей рабочихъ, относится такъ сухо, такъ безжалостно къ учащимся? А между тѣмъ, какъ легко было бы пресѣчь въ корнѣ это страшное зло! Стоитъ лишь государству отмѣнить всякія преміи за науку и признать, что всякія научныя занятія являются дѣломъ личныхъ вкусовъ и способностей; что государству нѣтъ никакого дѣла до того, изучалъ ли человѣкъ исторію, географію, минералогію, исторію музыки. Для государства это никакого рѣшительно интереса не представляетъ — ему нужны опытные, энергичные, толковые чиновники, хорошо исполняющіе свои обязанности. Когда мы обращаемся къ сапожнику, мы не требуемъ, чтобы онъ, кромѣ своего ремесла, зналъ еще физику, исторію крестовыхъ походовъ и столярное искусство. Сапожникъ можетъ для собственнаго удовольствія, для удовлетворенія присущей ему любознательности, изучать всѣ эти предметы; послѣдствіемъ такого изученія явится, можетъ быть, то, что онъ станетъ болѣе интеллигентнымъ, что улучшится его отношеніе къ женѣ, дѣтямъ, но заказчикамъ до этого нѣтъ никакого дѣла, и заказчики будутъ обращаться не къ тому сапожнику, который лучше справляется съ рѣшеніемъ трудныхъ математическихъ задачъ, а къ тому, кто сошьетъ болѣе прочную и красивую обувь. Это такая простая, азбучная истина, что странно даже приводить доказательства въ ея подтвержденіе. А между тѣмъ, весь строй нашей жизни построенъ на такихъ нелѣпыхъ требованіяхъ. Отъ акцизнаго чиновника, отъ банковскаго чиновника требуется высшее образованіе. Слѣдовательно, требуется цѣлая масса такихъ знаній, которыя никакого примѣненія къ служебной дѣятельности не имѣютъ. Всѣ эти знанія, которыя съ такимъ трудомъ пріобрѣтаются, на усвоеніе которыхъ потрачены деньги, здоровье и лучшее время въ жизни, всѣ эти знанія оказываются совершенно лишнимъ балластомъ, который очень скоро выбрасывается за бортъ. Черезъ пять лѣтъ службы любой чиновникъ не только не знаетъ закона XII таблицъ (lex duodecim tabularum), но не рѣшитъ онъ даже самой простой алгебраической задачи. Какъ бы измѣнилось положеніе вещей, еслибы къ молодежи, съѣхавшейся со всѣхъ концовъ нашей родины въ университетскіе города, представитель власти обратился со слѣдующей рѣчью: „Привѣтствую васъ, молодые люди. Ваше стремленіе къ свѣту, ваша жажда знаній радуютъ насъ. Государство, идя на встрѣчу этому вашему похвальному стремленію, употребило всѣ мѣры къ тому, чтобы создать достойный храмъ науки. Оно не пожалѣло средствъ народныхъ на составленіе библіотекъ, музеевъ и всевозможныхъ кабинетовъ. Всѣмъ этимъ вы можете свободно пользо-

ваться. Для руководства вашими занятіями приглашены лучшія ученыя силы. Двери этого храма науки гостепріимно открыты передъ вами, будущими жрецами науки. Но помните, господа, что храмъ этотъ воздвигнутъ для науки, для чистой науки, и не долженъ служить для достиженія какихъ-либо иныхъ цѣлей. Подобно храму Божію, въ который должны съ благоговѣніемъ входить лишь вѣрующіе и нуждающіеся въ молитвѣ, такъ и этотъ храмъ науки не долженъ быть оскверненъ нечистыми руками карьеристовъ, ищущихъ не знаній, а чиновъ и орденовъ. Да и напрасны были бы старанія такихъ лицъ: за посѣщеніе этого храма государство не даетъ никакихъ наградъ, никакихъ преимуществъ. Входите же въ храмъ этотъ, всѣ жаждущіе знаній и могущіе вмѣстить его; тѣ же, которые попали сюда по недоразумѣнію, которые видѣли въ университетѣ лишь ступень къ государственной службѣ, пусть отложатъ попеченіе, такъ какъ наука имъ не нужна, а ничего иного университетъ дать не можетъ. Для тѣхъ, кто хочетъ честнымъ образомъ заработать себѣ на жизнь, для нихъ имѣются другія государственныя учрежденія. Государству нужны дѣльные, честные слуги;—пусть желающіе работать пробуютъ свои силы. Аттестатовъ никакихъ не нужно, государство не нуждается въ ярлыкахъ,—ему нужны только люди. На дѣлѣ будетъ видно, кто къ чему способенъ“.

Интересно знать, сколько тогда жаждущихъ знанія поступило бы въ университетъ!?

Извѣстно, что большинство выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей были лишены серьезнаго, солиднаго образованія. Петръ Великій, Наполеонъ, Бисмаркъ, Франклинъ, Гарибальди—всѣ они не блистали своими познаніями и врядъ-ли были бы допущены у насъ на должность помощника окружного надзирателя акцизныхъ сборовъ. Да и наше правительство предъявляетъ такія строгія требованія только къ чиновникамъ низшимъ. Когда же государство попадаетъ въ бѣду, когда приходится прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ и снабжать нѣкоторыхъ лицъ чрезвычайной властью, диктаторскими правами, то на такія должности рѣже всего попадаютъ лица съ высшимъ образованіемъ. При назначеніи лицъ съ такими широкими полномочіями вовсе не справляются съ ихъ школьными аттестатами. Въ данномъ случаѣ поступаютъ совершенно правильно и раціонально: тутъ нужны люди съ головой, съ энергіей, съ твердой волей и честные; а то обстоятельство, умѣлъ ли онъ въ молодости правильно извлекать кубическіе корни и зналъ ли онъ твердо швейцарскіе кантоны—никакого значенія не имѣетъ. На это мнѣ могутъ возразить, что если для службы въ банкѣ или таможнѣ можно обойтись безъ всякаго образованія, то есть другія профессіи, для кото-

рыхъ такое образованіе необходимо. Врачъ, учитель, профессоръ, технологъ немыслимы безъ высшаго образованія. Полагаю, что это также заблужденіе: не въ высшемъ образованіи нуждаются эти лица, а въ спеціальной подготовкѣ къ своей профессіи. Такъ смотрятъ на дѣло въ другихъ культурныхъ странахъ. Въ Америкѣ читаетъ лекціи въ университетѣ извѣстный знатокъ по культурѣ кукурузы. Въ области своей спеціальности онъ геніаленъ, его работы и изслѣдованія принесли громадную пользу странѣ; благодаря его указаніямъ удается теперь воздѣлывать кукурузу въ такихъ штáтахъ, гдѣ до того культура этого растенія считалась невозможной по климатическимъ условіямъ. Между тѣмъ, этотъ профессоръ, которому страна такъ многимъ обязана, является, вѣроятно, чуть не невѣждой по другимъ областямъ знанія. По крайней мѣрѣ, Сѣверо-Американскіе штаты не предъявляли къ нему никакихъ требованій по этой части. Какое дѣло государству, знаетъ ли такой спеціалистъ, въ какомъ году была Марѳонская битва, или сколько сыновей было у Ярослава?! Зато тамъ не допустятъ, чтобы въ избранной спеціальности, въ своемъ дѣлѣ, онъ стоялъ ниже другихъ.

Ег. Швахгеймъ.

с. Воеводское.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1908.

Характерные эпизоды засѣданій Государственной Думы. — Дворянство въ рѣчахъ П. Н. Милюкова и князя Голицына. — Временное устраненіе члена Госуд. Совѣта Марина и вопросъ объ исключеніи А. М. Колюбакина изъ числа членовъ Государственной Думы. — Московская рѣчь А. И. Гучкова. — „Административные преступники".—Возбужденіе преслѣдованія противъ бывшаго московскаго градоначальника.

По истинѣ удручающее впечатлѣніе производитъ чтеніе отчетовъ о засѣданіяхъ Государственной Думы. Пристрастіе президіума, нетерпимость большинства, крикъ и шумъ, какъ орудія борьбы съ противниками, перерывы, сбрасывающіе послѣдній покровъ съ настроенія побѣдоносныхъ партій, оскорбительные возгласы, нисходящіе иногда до уровня грубой брани, нарушенія элементарныхъ требованій парламентскаго порядка—все это, вмѣстѣ взятое, образуетъ неприглядную рамку для печальной картины, слишкомъ часто представляемой содержаніемъ преній. Предсѣдатель, терпѣливо снисходительный къ „правымъ" нарушителямъ приличій, грозитъ *вывести* изъ залы „лѣвыхъ", въ порывѣ справедливаго негодованія слишкомъ рѣзко реагировавшихъ на звуки полицейскаго свистка. Стоитъ только появиться на трибунѣ представителю одной изъ небольшихъ лѣвыхъ группъ, какъ уже раздаются ироническія восклицанія: „Ого! интересно, послушаемъ!", не останавливаемыя предсѣдателемъ. Другого оратора г. Пуришкевичъ прерываетъ возгласомъ: „скорѣе!", и когда ораторъ—а не безмолвствующій предсѣдатель—проситъ г. Пуришкевича успокоиться, послѣдній отвѣчаетъ: „кончайте пожалуйста, *меня уже тошнитъ*"! За этими невѣроятными словами слѣдуетъ звонокъ предсѣдателя, но никакого замѣчанія они со стороны г. Хомякова не вызываютъ [1]).

[1]) Менѣе чѣмъ кто-либо въ правѣ претендовать на длину рѣчей именно деп. Пуришкевичъ, говорившій прошлой весной, при обсужденіи бюджета министерства народнаго просвѣщенія, въ продолженіе почти цѣлаго думскаго дня.

Неудивительно, затѣмъ, что проходитъ безслѣдно и восклицаніе гр. Бобринскаго 2-го, прервавшее рѣчь деп. Милюкова: „Что за ребенокъ этотъ Милюковъ“! Когда деп. Милюковъ, въ засѣданіи 31-го октября, цитировалъ слова одного изъ военныхъ генералъ-губернаторовъ: „всякое покушеніе крестьянъ будетъ подавляемо оружіемъ *безъ всякой пощады*“, съ правой стороны раздался голосъ: „а какъ же иначе?“ Въ концѣ того же засѣданія деп. Милюковъ, въ объясненіи по личному вопросу, ошибочно воспроизвелъ внѣшнюю форму этой фразы, нисколько не измѣняя ея смысла (между словами „а какъ же иначе“ и „такъ и надо“ нѣтъ, очевидно, никакого существеннаго различія). На эту случайную ошибку послѣдовалъ справа отпоръ въ видѣ кликовъ: „Это ложь! Этакая глупость! Вотъ гнусность! Вотъ негодяй-то!“—а предсѣдательствовавшій (баронъ Мейендорфъ) ограничился обращеніемъ вправо съ просьбою „не вмѣшиваться въ разговоръ“. Итакъ, выраженія: „гнусность“, „ложь“, „негодяй“ не выходятъ изъ рамокъ обыкновеннаго разговора [1])?.. Перерывы въ родѣ вышеприведеннаго („а какъ же иначе“) характерны не только какъ образцы „сдержанности“ правыхъ группъ и „безпристрастія“ президіума, но и какъ показатели настроеній, распространенныхъ въ средѣ большинства. Когда деп. Милюковъ напоминаетъ объ усиліяхъ „объединеннаго дворянства“ достигнуть отмѣны, внѣ установленнаго порядка, декабрьскаго избирательнаго закона, справа слышится одобреніе этихъ усилій и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ объясненіе („васъ много попадало“!). Криками: „правильно“ отмѣчается сочувствіе правыхъ и къ тѣмъ пожеланіямъ „объединеннаго дворянства“, которыя клонились къ распространенію круга дѣйствій военно-полевыхъ судовъ. Правильнымъ господа прерыватели находятъ и распоряженіе исправника, арестовавшаго „зачинщиковъ“ совершенно легальнаго отказа въ согласіи на выдѣлъ нѣсколькихъ крестьянъ изъ общины. Въ подобныхъ возгласахъ, большею частью безъименныхъ и, слѣдовательно, безотвѣтственныхъ, чувства, волнующія многихъ изъ среды „правыхъ“, выражаются иногда еще яснѣе, чѣмъ въ рѣчахъ, произносимыхъ съ думской каѳедры.

Чрезвычайно характерны, съ занимающей насъ точки зрѣнія, слѣдующіе два эпизода думскихъ засѣданій. 10-го ноября на очереди стоялъ вопросъ, какъ поступить съ докладомъ коммиссіи по законопроекту о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ въ промышленныхъ и техническихъ заведеніяхъ вѣдомства

[1]) Свобода оскорбленій доходитъ до того, что имъ подвергаются и лица, въ Думѣ не участвующія и не имѣющія возможности постоять за себя. Когда П. Н. Милюковъ упомянулъ о бывшемъ воронежскомъ вице-губернаторѣ, благородный поступокъ котораго повлекъ за собою его отставку, кто-то изъ центра назвалъ его сумасшедшимъ!

министерства финансовъ. Законопроектъ этотъ былъ внесенъ въ Думу годъ тому назадъ; коммиссія по рабочему вопросу, не обремененная другими дѣлами, разсматривала его не торопясь — и все-таки встрѣтила надобность въ новомъ его обсужденіи, для чего и обратилась къ Думѣ съ просьбой о возвращеніи ей представленнаго ею доклада. Противъ этого возсталъ, въ прекрасно-мотивированной рѣчи, деп. Степановъ (к.-д.); онъ выразилъ надежду, что его поддержитъ центръ, и что Дума не захочетъ оставить всю массу тружениковъ вѣдомства министерства финансовъ, на неопредѣленное время, безъ всякой охраны закона". Иначе взглянулъ на дѣло представитель центра, деп. Каменскій: онъ высказался за возвращеніе доклада въ коммиссію, съ назначеніемъ ей двухмѣсячнаго срока для представленія новаго доклада. Предсѣдатель Думы совершенно основательно призналъ, что прежде, чѣмъ говорить о срокѣ, необходимо рѣшить „коренной вопросъ": передавать ли докладъ въ коммиссію или не передавать. „Когда (правильнѣе было бы сказать: *если*) будетъ рѣшено передать"—продолжалъ Н. А. Хомяковъ, — „тогда можно будетъ говорить о срокѣ. Баллотировать вопросъ о срокѣ до рѣшенія вопроса о передачѣ врядъ-ли возможно". Чтобы освѣтить со всѣхъ сторонъ вопросъ о передачѣ, необходимо было коснуться предшествующаго хода дѣла, т.-е. продолжать идти по той дорогѣ, по которой безпрепятственно шли деп. Степановъ и Каменскій. Между тѣмъ, какъ только началъ свою рѣчь деп. Покровскій 2-ой (с.-д.), предсѣдатель сталъ требовать, чтобы онъ говорилъ только о порядкѣ голосованія, т.-е. о вопросѣ, который, въ сущности, былъ уже рѣшенъ. Вслѣдъ затѣмъ, однако, это рѣшеніе было измѣнено. „Было сдѣлано заявленіе"—сказалъ предсѣдатель, — „что многіе затрудняются голосовать въ пользу передачи вопроса въ коммиссію, пока не установленъ срокъ (представленія доклада). Позвольте поэтому, вопреки тому, что я предложилъ, разрѣшить высказаться по вопросу о срокѣ". Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что такой постановки вопроса не допустилъ бы даже самый неопытный предсѣдатель земскаго собранія. Говорить о срокѣ исполненія порученія, когда идетъ еще споръ о томъ, слѣдуетъ ли вообще дать порученіе—это все равно, что обсуждать размѣръ суммы, когда оспаривается самое ея назначеніе, или разсматривать отдѣльныя статьи постановленія, когда еще не рѣшено, приступать ли вообще къ его голосованію. Совершенно очевидно, что какой бы срокъ ни былъ назначенъ, самое назначеніе его предполагало бы передачу доклада въ коммиссію, т.-е. предполагало бы именно то, что̀ еще слѣдовало установить. Въ концѣ концовъ самъ предсѣдатель возвратился къ своему первоначальному плану и поставилъ на голосованіе прежде всего вопросъ о передачѣ доклада въ коммиссію; но передъ тѣмъ онъ

велъ упорную борьбу съ тремя ораторами, настаивая на томъ, чтобы они говорили только о срокѣ, и существенно стѣсняя, тѣмъ самымъ, свободу рѣчи. Всматриваясь въ мотивъ, заставившій предсѣдателя отступить отъ перваго, совершенно правильнаго рѣшенія, мы видимъ, что кѣмъ-то было сдѣлано какое-то заявленіе (безъ сомнѣнія—закулисное, потому что въ оффиціальномъ отчетѣ оно не оставило слѣда), внушенное опасеніемъ, какъ бы неизвѣстность срока не побудила многихъ голосовать противъ передачи. Подчиняясь такому заявленію, предсѣдатель далъ поводъ считать его сторонникомъ передачи—и тѣмъ, можетъ быть противъ воли, наклонилъ вѣсы въ ея сторону. Тяжело дѣйствуетъ и настойчивость, съ которою прерывались рѣчи представителей соціалъ-демократической партіи. Чѣмъ меньше ихъ число, чѣмъ труднѣе ихъ положеніе, тѣмъ больше слѣдовало бы избѣгать „механическаго давленія“ на нихъ, о которомъ говорилъ деп. Егоровъ и подъ вліяніемъ котораго онъ закончилъ свою рѣчь рѣзкими словами по адресу „антирабочей Думы“.

Въ началѣ засѣданія 12-го ноября было доложено заявленіе 32 членовъ Думы, содержавшее въ себѣ просьбу включить въ повѣстку ближайшаго засѣданія внесенныя въ Думу восемь мѣсяцевъ тому назадъ, по иниціативѣ 47 ея членовъ, основныя положенія о надѣленіи безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ землею. Предсѣдатель предложилъ Думѣ исполнить эту просьбу, и предложеніе его было принято. Нѣсколько часовъ спустя предсѣдательствовавшій (бар. Мейендорфъ), установляя повѣстку слѣдующаго засѣданія, объявилъ, что вторымъ по очереди будетъ поставлено вышеупомянутое заявленіе. Это было, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ исполненіемъ постановленія Думы; тѣмъ не менѣе со стороны центра — отъ имени котораго выступалъ, на этотъ разъ, гр. Бобринскій 2-ой, какъ бы въ доказательство союза между умѣренно-правыми и октябристами,—поднимаются возраженія, и вопросъ ставится на баллотировку. Первое голосованіе не даетъ яснаго результата; производится второе, посредствомъ выхода въ разныя двери, и за включеніе спорнаго вопроса въ повѣстку подается 130 голосовъ, противъ — 125. Къ оппозиціоннымъ депутатамъ примкнули многіе крестьяне и священники, вотирующіе обыкновенно съ правыми или съ центромъ. Само собою разумѣется, что побѣда оппозиціи объясняется отсутствіемъ многихъ членовъ Думы и ничего не предопредѣляетъ въ будущемъ; но знаменателенъ, во всякомъ случаѣ, расколъ, вносимый земельнымъ вопросомъ въ ряды большинства. Знаменательно и отношеніе къ нему реакціонной печати. Думскій хроникеръ „Россіи“ ограничивается тѣмъ, что называетъ постановку на очередь непріятнаго вопроса „неожиданною“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была первоначально рѣшена безъ возраженій и „неожидан-

нымъ" было только противодѣйствіе, встрѣченное ею въ концѣ засѣданія. Хроникеръ „Новаго Времени" (не г. Пиленко, а г. Ксюнинъ) менѣе удачно справляется съ своимъ раздраженіемъ. Онъ приписываетъ бар. Мейендорфу „цѣлый рядъ ошибокъ" и „пунктуальность въ доведеніи ихъ до конца"; онъ ставитъ ему въ вину, что имъ не была замѣчена пустота залы, покинутой двумя третями депутатовъ—покинутой ими потому, что они не ожидали обсужденія столь важнаго вопроса. На самомъ дѣлѣ въ голосованіи участвовали 255 депутатовъ, т.-е. гораздо больше половины всѣхъ членовъ Думы. Повѣстка слѣдующаго засѣданія всегда устанавливается по окончаніи всѣхъ другихъ дѣлъ, а въ настоящемъ случаѣ содержаніе ея, какъ мы видѣли, было уже отчасти предопредѣлено. Если бар. Мейендорфъ въ чемъ-нибудь виноватъ, то развѣ во вторичной постановкѣ на голоса вопроса, уже рѣшеннаго Думой. Ему не могутъ простить, очевидно, нѣчто совершенно другое: ему не могутъ простить, что онъ не внялъ повелительному голосу гр. Бобринскаго и не предупредилъ „оказательства", огорчившаго „господъ положенія". Голосованіе 12-го ноября—это memento, непріятно нарушившее „полный гордаго довѣрія покой".

Любопытны мотивы, по которымъ гр. Бобринскій возражалъ противъ назначенія къ слушанію основныхъ положеній о надѣленіи крестьянъ землею. Онъ находилъ, что этотъ вопросъ уже обсуждался и обсуждается Думой въ связи съ закономъ 9-го ноября; отдѣльная его постановка можетъ получить характеръ обструкціи, если не будутъ даны гарантіи въ томъ, что говорить будутъ только два оратора: одинъ за, другой — противъ. Но развѣ касаться извѣстнаго вопроса мимоходомъ, при разсмотрѣніи существенно иной темы—то же самое, что разбирать прямо относящійся къ нему законопроектъ? И на чемъ основано предположеніе, что въ дебатахъ о надѣленіи землею часть Думы видѣла лишь способъ затянуть пренія о выходѣ изъ общины? Можно ли требовать отъ цѣлыхъ парламентскихъ группъ, чтобы онѣ заранѣе связали себя ненужными, ничѣмъ не вызываемыми обѣщаніями? Въ словахъ гр. Бобринскаго ясно прозвучали двѣ ноты: желаніе отложить на неопредѣленное время или свести къ минимальнымъ размѣрамъ разсмотрѣніе законопроекта, непріятнаго для большинства — и увѣренность въ численномъ перевѣсѣ объединеннаго центра, обрекающемъ его противниковъ на безнадежное безсиліе. Это хорошо поняли депутаты-крестьяне, безъ различія партій; ихъ не тронули увѣренія гр. Бобринскаго, что онъ и его единомышленники хотятъ „поднять" крестьянство, „поставить его на ноги". Слишкомъ громко говорятъ за себя факты, ведущіе къ совершенно иному заключенію. Они изложены, между прочимъ, въ заявленіи, поданномъ въ Думу, того же 12-го ноября, группою крестьянъ. „Считая первѣйшей и

важнѣйшей своей обязанностью"—читаемъ мы здѣсь—„защищать въ Государственной Думѣ интересы избравшаго насъ крестьянства, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что улучшеніе условій быта сельскаго населенія, какъ въ правовомъ, такъ и въ экономическо-политическомъ отношеніи, неразрывно связано съ поднятіемъ благосостоянія всей страны и съ укрѣпленіемъ силы и величія государства,—мы съ тяжелымъ чувствомъ удостовѣряемся, что всѣ наши попытки достичь успѣха въ многочисленныхъ нашихъ начинаніяхъ по этому поводу не встрѣчали у Государственной Думы должнаго сочувствія и поддержки. Незамедлительное удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ, скорѣйшее законодательное облегченіе тяжкихъ условій его существованія, безотлагательное улучшеніе хотя бы нѣкоторыхъ сторонъ жизни русской деревни—совершенно необходимо. Между тѣмъ, первая законодательная сессія третьей Думы удѣлила крестьянской вопіющей нуждѣ гораздо менѣе вниманія, чѣмъ она, по своей остротѣ и важности, заслуживаетъ". Безъ всякаго движенія вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею оставался съ 14-го марта; другой, также существенно важный для крестьянъ вопросъ—о крестьянскихъ платежахъ и повинностяхъ,—переданъ, въ началѣ іюня, въ особую коммиссію, которая до половины ноября къ работѣ не приступала... Довѣрять, въ виду всего этого, доброй волѣ большинства для крестьянъ довольно трудно.

Порядокъ дня, возбудившій столько споровъ въ засѣданіи 12 ноября, казался окончательно опредѣленнымъ; предсѣдательствовавшій объявилъ, что *вторымъ* пунктомъ въ повѣсткѣ на 15-ое ноября будетъ стоять вопросъ, волнующій крестьянъ. Что рѣчь шла именно о мѣстѣ, которое онъ долженъ занять, это видно, между прочимъ, изъ того, что деп. Павловичъ безуспѣшно предлагалъ поставить его въ повѣсткѣ третьимъ, т.-е. отложить его обсужденіе до окончанія преній о законѣ 9-го ноября. Въ повѣсткѣ 15-го ноября ему было отведено, однако, не второе, а именно третье мѣсто. Принадлежало ли предсѣдателю или совѣту старѣйшинъ формальное право произвести такую перемѣну—этого мы разбирать не станемъ; но тактичной и цѣлесообразной ее, очевидно, признать нельзя. Идти въ разрѣзъ съ постановленіемъ Думы—значило прямо становиться на сторону тѣхъ группъ, вопреки желанію которыхъ оно состоялось. Въ концѣ концовъ спорный пунктъ все-таки оказался вторымъ, а не третьимъ; въ пользу сохраненія за нимъ однажды назначеннаго мѣста высказались даже нѣкоторые изъ октябристовъ, и оно было принято большинствомъ Думы. Правда, крестьяне выиграли отъ того немного: предложеніе ихъ передано на разсмотрѣніе земельной коммиссіи, изъ которой оно едва-ли скоро возвратится въ Думу—и передано, притомъ, только для опредѣленія его „желательности". Все окончилось, такимъ образомъ, бурей

въ стаканѣ воды, но эта буря — довольно характерный показатель настроенія думскаго большинства [1]). Въ бесѣдѣ съ репортеромъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Н. А. Хомяковъ обвиняетъ большинство въ разжиганіи раздоровъ, мѣшающихъ думской работѣ; но не повиненъ ли онъ въ томъ, отчасти, и самъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить многое изъ сказаннаго нами выше...

Общее вниманіе къ думскимъ преніямъ о законѣ 9-го ноября поднималось особенно въ тѣ дни, когда на первый планъ выступалъ вопросъ о политическомъ значеніи закона. Кульминаціоннымъ пунктомъ, въ этомъ отношеніи, послужили рѣчи деп. Милюкова и кн. Голицына, произнесенныя въ засѣданіяхъ 31-го октября и 5-го ноября. П. Н. Милюковъ посвятилъ значительную часть своей рѣчи освѣщенію той роли, которую съиграло, въ смутную эпоху, предшествовавшую созыву и слѣдовавшую за роспускомъ первой Думы, такъ называемое „объединенное дворянство“. Намѣчая путь, на который правительство нѣсколько позже и вступило изданіемъ закона 9-го ноября—т. е. рекомендуя насажденіе среди крестьянъ права полной личной собственности,—дворянство высказывалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, за безпощадное подавленіе аграрныхъ безпорядковъ и сѣтовало на недостаточно широкое примѣненіе въ деревняхъ репрессіи военно-полевыхъ судовъ. Развивая эту тему, П. Н. Милюковъ произнесъ слова, вызвавшія цѣлую бурю: „Кутлеръ готовилъ свой проектъ (допускавшій принудительное отчужденіе), а дворянство готовило крестьянамъ разстрѣлы“. Все сказанное раньше доказываетъ несомнѣнно, что подъ именемъ дворянства ораторъ разумѣлъ здѣсь не все сословіе, а только тѣ его группы, которыя, въ лицѣ дворянскаго съѣзда и избраннаго имъ постояннаго совѣта, старались оказать давленіе на правительство и въ бо̀льшей или меньшей степени достигали своей цѣли. Этого не съумѣло или не захотѣло понять думское большинство, сперва прервавшее П. Н. Милюкова негодующимъ шумомъ, потомъ пытавшееся заставить его взять назадъ сказанныя имъ слова и, наконецъ, восторженно рукоплескавшее отвѣтной рѣчи кн. Голицына. „Не подумайте, господа“—такъ началъ представитель центра,—„что я буду выступать на защиту русскаго дворянства: оно ни въ чьей защитѣ не нуждается. Не вамъ, П. Н. Милюковъ, сдвинуть его съ того почетнаго мѣста, которое оно по справедливости занимаетъ, *какъ цѣлое*, въ исторіи. Если мы сидимъ здѣсь въ стѣнахъ Таврическаго дворца, то этимъ мы обязаны только идейнымъ и мощнымъ усиліямъ того же

[1]) Напечатанное въ газетахъ разъясненіе сеньоренъ-конвента не опровергаетъ ни одного изъ изложенныхъ нами фактовъ.

хулимаго вами дворянскаго земства... Тотъ ложный приговоръ, который вы произнесли надъ русскимъ дворянствомъ, будетъ безповоротно произнесенъ надъ вами... Не скрыть вамъ и того, что ради достиженія побѣды на выборахъ вы помѣстили въ программу партіи такіе посулы, о неосуществимости которыхъ высказались всѣ ваши же авторитеты и въ осуществленіе которыхъ вы сами не вѣрите... Не дворянство замарало кровью свои руки, а вы, въ союзѣ съ разбойниками и грабителями; въ союзѣ съ этими людьми вы несбыточными надеждами подняли темныя и неразумныя массы и подвели ихъ подъ разстрѣлы". Нѣсколько иначе, чѣмъ кн. Голицынъ, полемизируетъ съ П. Н. Милюковымъ органъ союза 17-го октября, „Голосъ Москвы". Ссылку на реакціонныя постановленія дворянскихъ организацій онъ признаетъ неудачной потому, что аналогичные акты можно привести и изъ крестьянской, и изъ какой угодно среды. „Дворянскій съѣздъ—увѣряетъ газета—такъ же мало охватываетъ собою все дворянство, какъ союзъ русскаго народа — весь русскій народъ, или крестьянскій союзъ 1906-го года—все русское крестьянство.

Остановимся, прежде всего, на замѣчаніяхъ октябристской газеты. Аналогіи, ею указываемой, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Союзъ русскаго народа, какъ и крестьянскій союзъ — организаціи совершенно частныя, не имѣющія или не имѣвшія никакой реальной связи съ тѣми силами, именемъ которыхъ онѣ себя называли или называютъ. Нельзя сказать того же самаго объ „объединенномъ дворянствѣ": оно стояло весьма близко къ дворянскимъ корпораціямъ и если не ко всѣмъ, то ко многимъ оффиціальнымъ ихъ представителямъ — предводителямъ дворянства. Отвѣтственность за его дѣйствія упадаетъ если не всецѣло, то отчасти, на дворянство — конечно, на дворянство, понимаемое какъ легально функціонирующее сословіе, а не какъ совокупность отдѣльныхъ лицъ, у которыхъ, кромѣ имени, нѣтъ ничего общаго. Въ этомъ только смыслѣ говорилъ о дворянствѣ П. Н. Милюковъ; въ этомъ смыслѣ оно и подлежитъ суду исторіи. Изъ числа дворянъ многіе пріобрѣли заслуженную славу не только въ области науки и искусства, но и въ области государственной дѣятельности; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы дворянству, *какъ цѣлому*, принадлежало почетное мѣсто въ нашемъ прошломъ. Какъ цѣлое, оно не умѣло пользоваться правами, данными ему при Екатеринѣ II-й и расширенными при Николаѣ I-мъ; какъ цѣлое, оно старалось затормазить освобожденіе крестьянъ; какъ цѣлое, оно не принимало никакого участія въ великихъ реформахъ Александра II-го и скорѣе способствовало, чѣмъ противодѣйствовало искаженію ихъ въ эпоху „преобразованій наоборотъ"; какъ цѣлое, около четверти вѣка бывшее предметомъ особаго покровительства свыше, оно ни разу не становилось посредни-

комъ между властью и непривилегированными сословіями, ни разу не являлось ходатаемъ за общество и за народъ — а для себя усердно выхлопатывало преимущества и выгоды, сплошь и рядомъ шедшія въ разрѣзъ съ общей пользой. Напрасно кн. Голицынъ старается отождествить дворянство съ дворянскимъ земствомъ, напрасно требуетъ для перваго благодарности за заслуги послѣдняго. Земство, даже при дѣйствіи положенія 1890-го года, никогда не было чисто дворянскимъ — и именно потому дѣятельность земскихъ собраній всегда стояла неизмѣримо выше, чѣмъ дѣятельность собраній дворянскихъ. Вступая въ земство, дворяне невольно отрѣшались отъ сословныхъ взглядовъ и чувствовали себя представителями не корпораціи, а цѣлой мѣстности. Этому способствовала земская избирательная система, при всѣхъ своихъ недостаткахъ ставившая дворянъ въ соприкосновеніе съ широкими слоями населенія; этому способствовалъ и кругъ дѣйствій земства, обнимающій собою интересы общіе для всѣхъ и, главнымъ образомъ, интересы народной массы. Да, земство несомнѣнно съиграло крупную роль въ измѣненіи нашего государственнаго строя—но не *потому*, что оно было „дворянскимъ", а *несмотря на то*, что въ немъ былъ сильно представленъ дворянскій элементъ. Возвышали голосъ, собственно говоря, не земскія собранія, а земскіе съѣзды, за которыми близкій единомышленникъ кн. Голицына (гр. Бобринскій 2-й) не хочетъ признать значеніе земскаго представительства. Дворянство, *какъ таковое*, сразу стало на сторону противниковъ движенія—а когда борьба пробудила дремавшіе до тѣхъ поръ сословные инстинкты, измѣнилось, существенно и круто, и настроеніе земскихъ собраній. Выборы послѣднихъ двухъ лѣтъ впервые создали возможность говорить о специфически-дворянскомъ земствѣ—и это не послужило въ пользу ни дворянства, ни земства.

Когда въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 12-го ноября разсматривался вопросъ о временномъ устраненіи члена Совѣта (по выборамъ отъ костромского земства) Марина, привлеченнаго къ отвѣтственности по ст. 129 угол. улож., М. А. Стаховичъ, отстаивая право Государственнаго Совѣта на самостоятельное рѣшеніе этого вопроса, сослался, между прочимъ, на заключеніе думской коммиссіи по дѣлу деп. Колюбакина и Косоротова. И дѣйствительно, не только думская коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ бар. А. Ф. Мейендорфа, но и сама Дума высказала широкій взглядъ на значеніе ст. 20-ой учрежденія Думы, въ силу которой членъ Думы, привлеченный къ слѣдствію или суду по обвиненію въ одномъ изъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ положеніемъ о выборахъ въ Думу, *временно устраняется*

отъ участія въ собраніяхъ Думы. Въ засѣданіи 19-го мая бар. Мейендорфъ, возражая министру юстиціи, подробно и весьма правильно развивалъ мысль, что слово *устраняется* равносильно, въ данномъ случаѣ, выраженію: *можетъ быть устраненъ*, а деп. Шубинскій (также — октябристъ) предложилъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, признававшую, что „въ дѣлахъ о временномъ устраненіи членовъ Государственной Думы Дума не ограничивается формальной стороной вопроса". Эта формула, несмотря на всѣ усилія правыхъ, была принята большинствомъ Думы. Въ сущности, она предрѣшала не только вопросъ о способѣ временного устраненія *подсудимыхъ*, но и вопросъ о способѣ исключенія *осужденныхъ* членовъ Думы. По ст. 19-ой учрежденія Думы, изъ состава Думы выбываютъ члены, обвиненные въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ преступныхъ дѣяній. За силою ст. 21-ой членъ Думы признается выбывшимъ изъ ея состава, *равно какъ* временно устраненнымъ отъ участія въ ея собраніяхъ, *по постановленію Думы*. Какъ выбывшимъ, такъ и временно устраненнымъ членъ Думы можетъ считаться, слѣдовательно, лишь тогда, когда о томъ состоялось постановленіе Думы. Оба случая предусмотрѣны въ одной и той же статьѣ учрежденія Думы, предусмотрѣны въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Если не обязательно для Думы признаніе ея члена, при опредѣленныхъ закономъ условіяхъ, временно устраненнымъ, то не обязательно, значитъ, и признаніе члена Думы, при извѣстныхъ условіяхъ, выбывшимъ. Болѣе чѣмъ странно было бы разрѣшать постановленіемъ Думы такой вопросъ, который безусловно предрѣшенъ закономъ. Чѣмъ шире кругъ лицъ, по отношенію къ которымъ возможно временное или окончательное устраненіе изъ законодательнаго собранія, тѣмъ менѣе позволительно сводить роль собранія къ исполненію простой формальности. Статьи уложенія, грозящія лишеніемъ и ограниченіемъ правъ, допускаютъ примѣненіе и такихъ наказаній, съ которыми не сопряжено никакого правопораженія; между тѣмъ, дѣйствующій законъ, въ толкованіи, которое ему далъ Сенатъ, ставитъ потерю политическихъ правъ въ зависимость не отъ *назначеннаго* судомъ наказанія, а отъ высшей кары, которую онъ *могъ назначить*. Смягчить столь явную несправедливость и несообразность можетъ только свобода дѣйствій законодательнаго собранія.

Иначе отнеслась къ дѣлу думская комиссія, разсматривавшая вопросъ объ исключеніи А. М. Колюбакина. На поставленный предсѣдателемъ ея вопросъ: является ли *обязательнымъ* для Думы, согласно 19-ой и 21-ой статьямъ ея учрежденія и 1-му пун. ст. 10-ой положенія о выборахъ въ Государственную Думу, исключеніе изъ ея состава члена ея Колюбакина,—семь членовъ коммиссіи (въ томъ числѣ

бар. Мейендорфъ и другіе видные октябристы—Гучковъ и Шубинскій) отвѣчали утвердительно. Въ меньшинствѣ остались деп. Ефремовъ (прогрессистъ), Пергаментъ (к.-д.) и Гегечкори (с.-д.). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что взглядъ большинства коммиссіи будетъ усвоенъ Думой. Крайне печальнымъ такой исходъ будетъ не только въ виду потери, которую Дума понесетъ въ лицѣ А. М. Колюбакина, но и въ виду умаленія правъ и авторитета законодательнаго собранія. Въ разговорѣ съ репортеромъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Н. А. Хомяковъ выразилъ не только свое сочувствіе лично къ А. М. Колюбакину, „сидящему невѣдомо за что“, но и желаніе „какъ-нибудь это исправить“. Исправить ошибку пока еще легко, и способствовать ея исправленію болѣе чѣмъ кто-либо могъ бы именно предсѣдатель Думы.

Возвращаемся къ вопросу о временномъ устраненіи. Если могутъ еще возникать какія-либо сомнѣнія относительно оставленія въ средѣ законодательнаго собранія лица *обвиненнаго*, то къ лицу *обвиняемому* они совершенно непримѣнимы. Въ его пользу существуетъ презумпція, давно уже выразившаяся въ прекрасной формулѣ: quilibet praesumitur bonus, donec probetur contrarium. Нужно опровергнуть эту презумпцію, чтобы ограничить права обвиняемаго; нужно признать, что тѣнь, набрасываемая на него обстоятельствами дѣла, устраняетъ возможность сохранить за нимъ исполненіе обязанностей и пользованіе правами члена законодательнаго собранія. Въ особенности необходимой такая осторожность представляется тогда, когда рѣчь идетъ о политическомъ преступленіи, въ моментъ обостренной политической борьбы. Здѣсь имѣетъ значеніе и время возбужденія обвиненія, и его источникъ, и характеръ собранныхъ доказательствъ. Необходимо убѣдиться, что дѣло начато не ad hoc, не съ предвзятою цѣлью. Чѣмъ больше промежутокъ между инкриминируемымъ поступкомъ и началомъ преслѣдованія, тѣмъ меньше основаній спѣшить съ правоограниченіемъ, тягостнымъ для подвергающагося ему лица и крайне нежелательнымъ, во многихъ случаяхъ, для самого законодательнаго собранія. Государственный Совѣтъ имѣлъ передъ собою весьма поучительный прецедентъ: годъ тому назадъ имъ былъ временно устраненъ членъ Совѣта (по выборамъ отъ земства вологодской губерніи) Кудрявый—и онъ до сихъ поръ къ суду не привлеченъ. Гдѣ же ручательство въ томъ, что аналогичная судьба не постигнетъ и г. Марина, обвиненіе противъ котораго, какъ и обвиненіе противъ г. Кудряваго, возбуждено много времени спустя послѣ событія, послужившаго для него поводомъ? Неужели нормально положеніе дѣлъ, при которомъ цѣлыя губерніи остаются по нѣскольку лѣтъ безъ представителей въ Государственномъ Совѣтѣ, а лѣвая группа Совѣта, безъ того уже крайне малочисленная, таетъ все

больше и больше? Законодательное собраніе, въ которомъ оппозиція сводится постепенно къ минимальной величинѣ, не рискуетъ ли стать похожимъ на кушанье безъ соли?.. Отмѣтимъ еще одну подробность. Когда М. А. Стаховичъ хотѣлъ упомянуть объ обстоятельствахъ, при которыхъ г. Маринъ привлеченъ къ отвѣтственности, предсѣдатель остановилъ его слѣдующими словами: „я просилъ бы васъ не касаться существа дѣла. Если вы будете настаивать на этомъ, то вопросъ о существѣ дѣла я поставлю на голосованіе, и только съ разрѣшенія Государственнаго Совѣта вы будете выслушаны". Очень жаль, что М. А. Стаховичъ не воспользовался указаніемъ предсѣдателя и не настоялъ на голосованіи спорнаго вопроса. Весьма можетъ быть, что большинство Совѣта согласилось бы съ предсѣдателемъ; но попытку достигнуть противоположнаго рѣшенія все-таки слѣдовало бы сдѣлать. По справедливому замѣчанію М. М. Ковалевскаго [1]), разъ коммиссіи личнаго состава предоставляется право пригласить заинтересованное лицо къ дачѣ объясненій по существу, то нѣтъ причинъ запрещать разсмотрѣніе дѣла по существу и въ общемъ собраніи Совѣта. Къ чему можетъ привести практика, усвоенная Государственнымъ Совѣтомъ, это М. М. Ковалевскій иллюстрировалъ слѣдующимъ примѣромъ: если противъ него предъявятъ обвиненіе въ томъ, что въ извѣстный день и часъ онъ, находясь на Исакіевской площади, призывалъ народъ къ неповиновенію властямъ, тогда какъ именно въ этотъ день и часъ онъ присутствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, то высокому собранію, прекрасно знающему его невиновность, все-таки придется временно устранить его отъ исполненія законодательныхъ обязанностей...

Дѣло А. М. Колюбакина напоминаетъ еще разъ о крайней неудовлетворительности 1-го пункта 10-й статьи положенія о выборахъ въ Государственную Думу и о необходимости замѣнить его другимъ, болѣе раціональнымъ постановленіемъ. Совершенно очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что правоограниченіе должно и можетъ быть послѣдствіемъ только *назначеннаго*, а не *возможнаго* наказанія. Важно не то, по какой статьѣ кто-либо былъ привлеченъ къ суду, а то, къ чему онъ присужденъ окончательнымъ судебнымъ приговоромъ. Это, повидимому, было сознано составителями законопроектовъ о поселковомъ и о волостномъ управленіи, внесенныхъ недавно въ Государственную Думу: изъ числа избирателей и избираемыхъ они исключили *подвергшихся* по судебному приговору *лишенію или ограниченію правъ*, т.-е. дѣйствительно *приговоренныхъ* къ наказанію, сопряженному съ пораженіемъ политическихъ и гражданскихъ правъ. И что же? Един-

[1]) См. № 267 „Русскихъ Вѣдомостей".

ственно правильное разрѣшеніе вопроса оказалось недосмотромъ: министерство измѣнило текстъ законопроектовъ, введя въ соотвѣтствующія ихъ статьи то самое правило о *подвергшихся суду* и т. д., которое, будучи употреблено въ положеніи о выборахъ въ Государственную Думу, привело къ столь печальнымъ результатамъ. Нужно надѣяться, что Дума возстановитъ первоначальную редакцію этихъ статей и тѣмъ проложитъ путь къ исправленію пункта 1-го ст. 10-й полож. о выбор. въ Государственную Думу.

Когда въ засѣданіи 15-го ноября Государственная Дума, большинствомъ голосовъ, рѣшила передать заявленіе о надѣленіи безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ землею въ земельную комиссію, деп. Крупенскій воскликнулъ: „Наконецъ-то кадеты остались одни, а прогрессисты, и мирнообновленцы, и поляки съ нами и съ центромъ! Наконецъ-то всѣ поняли, кто хочетъ работать и кто не хочетъ"! Не лишенную остроумія оцѣнку этого восклицанія далъ предсѣдатель Думы, обратясь къ г. Крупенскому съ просьбою „не шумѣть". Дѣйствительно, ничто иное, какъ шумъ, представляла собою „пѣснь торжествующаго консерватизма", пропѣтая по столь неважному поводу. Миновать земельную комиссію заявленіе, непріятное правымъ и центру, не могло ни въ какомъ случаѣ; попадетъ ли оно туда немного раньше или немного позже—это вопросъ неважный, въ разрѣшеніи котораго могли сойтись члены весьма различныхъ партій. Болѣе серьезное значеніе пріобрѣтаетъ тотъ же побѣдоносный тонъ, когда онъ звучитъ въ рѣчи одного изъ лидеровъ центра — рѣчи, являющейся въ одно и то же время и характеристикой прошлаго, и программой будущаго. Такую рѣчь произнесъ на дняхъ въ Москвѣ А. И. Гучковъ. „Октябристы" — читаемъ мы въ телеграммѣ „Новаго Времени", передающей содержаніе этой рѣчи,—„увидѣли среди правыхъ родственное теченіе, а среди лѣвыхъ—исключительно провокаціонное стремленіе, и потому пошли съ умѣренными правыми рука объ руку, игнорируя крайнихъ правыхъ и тактику оппозиціи, которая въ лицѣ кадетъ упрямо стремится къ боевому положенію. Октябристы сошлись съ польскимъ коло, пообѣщавъ полякамъ мѣстное самоуправленіе, но отнюдь не автономію. Октябристы вошли также въ переговоры съ мусульманами, которые иногда голосуютъ вмѣстѣ съ ними, такъ что кадеты остались изолированными. Тревожное чувство, однако, вызываетъ въ г. Гучковѣ тактика кадетъ, которые перестали работать въ коммиссіяхъ, отказываются выступать докладчиками и держатся исключительно агитаціонныхъ пріемовъ, стараясь вернуть отнятое у нихъ положеніе и захватить прежнюю позицію. Кадеты точно такъ же ста-

раются вернуть свои прежнія позиціи въ городскомъ управленіи и въ земствѣ, почему г. Гучковъ и предостерегаетъ москвичей не голосовать за кадетъ (при выборахъ въ московскую городскую думу).

Не вполнѣ точными кажутся намъ, прежде всего, фактическія данныя, отъ которыхъ отправляется г. Гучковъ. Можно ли утверждать, что октябристы „игнорировали крайнихъ правыхъ"? Развѣ не центру обязаны своимъ избраніемъ въ составъ президіума кн. Волконскій, г. Сазоновичъ, г. Замысловскій, и развѣ не центръ, нарушивъ состоявшееся передъ тѣмъ соглашеніе, провелъ, въ пользу г. Замысловскаго, безсмѣнность, на пять лѣтъ, старшаго товарища секретаря?.. Преждевременнымъ оказалось, далѣе, ликованіе г. Гучкова по поводу сближенія центра съ мусульманами, влекущаго за собою, будто бы, „изолированіе" кадетъ. Въ засѣданіи 17-го ноября деп. Хасмамедовъ прочиталъ, отъ имени мусульманской фракціи, заявленіе, въ корнѣ разрушающее сладкую иллюзію: фракція не только высказывается противъ дорогого центру закона 9-го ноября, но осуждаетъ его въ силу мотивовъ, вполнѣ совпадающихъ со взглядами партіи народной свободы. Мусульмане признаютъ, что законъ 9-го ноября сѣетъ раздоръ въ средѣ крестьянъ, противорѣчитъ этическимъ задачамъ государства, преслѣдуетъ политическія цѣли и затрудняетъ, ради интересовъ небольшого класса землевладѣльцевъ, разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Разсчитывать, послѣ этого, на союзъ между мусульманами и октябристами было бы болѣе чѣмъ рискованно. Странное впечатлѣніе производятъ, наконецъ, слова г. Гучкова объ обѣщаніи, благодаря которому октябристы сошлись съ польскимъ коло. Разъ что широкое распространеніе мѣстнаго самоуправленія входитъ въ программу союза 17-го октября, содѣйствіе октябристовъ введенію въ царствѣ польскомъ выборныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій разумѣется само собою и не можетъ составлять какъ бы награду за доброе поведеніе поляковъ въ Государственной Думѣ. Реформы, однажды признанныя необходимыми, не должны служить предметомъ сдѣлокъ, которыя напоминали бы мольеровское: passez-moi la rhubarbe—je vous passerai le séné.

Среди лѣвыхъ думскихъ партій октябристы, по словамъ г. Гучкова, не нашли ничего кромѣ „провокаціоннаго стремленія" и упрямаго желанія занять „боевое положеніе". Что понимаетъ ораторъ подъ именемъ „провокаціоннаго стремленія"—это для насъ совершенно неясно. Кого и къ чему хотѣла „провоцировать" партія народной свободы? Какъ совмѣстить съ провокаціонными намѣреніями серьезное участіе въ обсужденіи бюджета, контингента и многихъ другихъ правительственныхъ законопроектовъ? „Боевое положеніе" занимаетъ—и не можетъ не занимать—всякая принципіально-оппозиціонная партія; она

не можетъ не вступать въ бой, разъ что весь образъ дѣйствій правительства и руководимыхъ имъ группъ идетъ въ разрѣзъ съ исповѣдуемыми ею принципами, съ преслѣдуемыми ею цѣлями. Еслибы союзъ 17-го октября оставался вѣрнымъ своей основной идеѣ, онъ самъ долженъ былъ бы занимать хоть иногда „боевое положеніе“ и искать поддержки не справа, а слѣва. Вѣдь налѣво отъ октябристовъ, непосредственно соприкасаясь съ ними, сидятъ не кадеты, а мирнообновленцы (прогрессисты); съ ними-то ужъ во всякомъ случаѣ у октябристовъ нашлось бы больше общаго, чѣмъ съ умѣренно-правыми—еслибы манифестъ 17-го октября былъ для партіи, написавшей его на своемъ знамени, дѣйствительной, реальной основой, а не „потерянным документомъ“... Если кадеты отказываются работать въ коммиссіяхъ и выступать докладчиками, то не зависитъ ли это отъ систематически-враждебнаго пріема, встрѣчаемаго ихъ предложеніями? И что это за „агитаціонные пріемы“, которыми кадеты стараюся вернуть „отнятое у нихъ положеніе“—отнятое, этого не слѣдуетъ забывать, не чѣмъ инымъ, какъ перемѣной въ избирательномъ правѣ, произведенной 3-го іюня 1907-го года?

Рѣчь г. Гучкова была произнесена въ Москвѣ, за нѣсколько дней до выборовъ въ московскую городскую думу. Этимъ объясняется призывъ, съ которымъ лидеръ октябристовъ обратился къ московскимъ избирателямъ. Предупреждая ихъ о намѣреніи кадетъ вернуть свои прежнія позиціи въ городскомъ управленіи и въ земствѣ, г. Гучковъ очевидно забылъ о словахъ, сказанныхъ въ Государственной Думѣ однимъ изъ товарищей его по партіи. Князь Голицынъ, какъ мы видѣли выше, приписалъ обновленіе русскаго государственнаго строя „идейнымъ и мощнымъ усиліямъ дворянскаго земства“. А отъ кого шли эти усилія, кто руководилъ, въ началѣ 900-хъ годовъ, губернскими земскими собраніями, кто игралъ выдающуюся роль на земскихъ съѣздахъ 1904-го и 1905-го гг.? За немногими исключеніями—именно тѣ, кто вошелъ нѣсколько позже въ составъ партіи народной свободы и близкихъ къ ней политическихъ группъ. Быть можетъ, г. Гучкову желательно видѣть въ земскихъ собраніяхъ и въ городскихъ думахъ не тѣхъ людей, которымъ воздалъ хвалу кн. Голицынъ, а корифеевъ послѣднихъ московскихъ земскихъ съѣздовъ? Въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы прямо признать, что ошибкой были открывшія новую эпоху резолюціи ноябрьскаго земскаго съѣзда 1904-го года.

До какихъ извращеній доходитъ въ наше время политическая мысль—это видно съ поразительною ясностью изъ „законодательнаго предположенія“, внесеннаго на дняхъ въ Думу представителями пра-

выхъ и (если вѣрить сообщенію, напечатанному въ „Россіи“) октябристовъ. *Преступникомъ*, по принятой вездѣ терминологіи, считается только тотъ, кто законно состоявшимся и вошедшимъ въ окончательную силу судебнымъ приговоромъ признанъ виновнымъ въ совершеніи дѣянія, запрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія. Авторы „предположенія“, съ смѣлостью, достойною мольеровскаго доктора, ont changé tout cela: они создаютъ понятіе объ „административномъ преступникѣ“, подводя подъ него сосланныхъ, въ административномъ порядкѣ, въ отдаленныя мѣстности Россіи. Бо́льшей юридической ереси и бо́льшаго моральнаго абсурда нельзя себѣ и представить. Административная ссылка постигаетъ, сплошь и рядомъ, людей не только не изобличенныхъ, но даже не обвиняемыхъ въ преступленіи. Скажемъ болѣе: исключительно къ такимъ людямъ она, строго говоря, и примѣнима. Въ этомъ смыслѣ высказалась недавно третья Государственная Дума, осудивъ, по предложенію октябриста бар. Мейендорфа (въ засѣданіи 24-го іюня), обращеніе административной ссылки въ мѣру репрессіи за противогосударственныя дѣянія. И вотъ, подозрѣваемыхъ въ чемъ-то неуловимомъ — а можетъ быть и просто непріятныхъ для власти, въ силу угадываемаго ихъ настроенія или произвольно приписываемаго имъ образа мыслей — предполагается зачислять въ категорію преступниковъ и принимать по отношенію къ нимъ, какъ къ таковымъ, соотвѣтствующія мѣры! Вмѣсто того, чтобы положить конецъ одному изъ самыхъ вопіющихъ нарушеній личной неприкосновенности и личной свободы, предполагается обострить его до степени тяжкой кары! Авторы „предположенія“ проектируютъ для „наиболѣе важныхъ преступниковъ“ „изолированіе тюремнымъ заключеніемъ“ (ужъ не одиночнымъ ли?), для „преступниковъ“ средней важности — интернированіе въ „особыхъ колоніяхъ“, для наименѣе важныхъ — оставленіе на мѣстахъ подъ особымъ надзоромъ полиціи, но безъ денежнаго вспомоществованія со стороны правительства. Что́ такое изолированье въ тюрьмѣ — это не требуетъ объясненія; но не очень далеко отъ тюрьмы ушли бы и „особыя колоніи“, пребываніе въ которыхъ было бы, конечно, связано съ запрещеніемъ отлучки, съ подчиненіемъ строжайшей дисциплинѣ, а можетъ быть и съ обязательными работами. Это было бы чѣмъ-то въ родѣ ссылки на поселеніе, слѣдующей, какъ извѣстно, по ряду уголовныхъ наказаній, непосредственно за каторгой... Незавидна, наконецъ, была бы и участь „наименѣе важныхъ преступниковъ“: имъ угрожала бы, при отсутствіи или недостаткѣ собственныхъ средствъ — т.-е. въ большинствѣ случаевъ — голодная смерть. Авторы „предположенія“, въ объяснительной къ нему запискѣ, позволяютъ себѣ упрекать „административныхъ преступниковъ“ въ праздности, въ проживаніи на счетъ правительства, забывая или не

желая знать, что дѣйствующими постановленіями о полицейскомъ надзорѣ административнымъ ссыльнымъ закрыты почти всѣ виды дѣятельности, почти всѣ способы зарабатыванья насущнаго хлѣба. Отсюда—необходимость въ казенномъ пособіи, по истинѣ нищенскомъ и не спасающемъ отъ величайшихъ лишеній. Чтобы быть логичными до конца, изобрѣтатели „административной преступности" должны были бы дать правительству еще одинъ мудрый совѣтъ: прекратить отпускъ средствъ на кормленіе *арестантовъ*. Пускай они сами добываютъ себѣ пищу, откуда и какъ знаютъ!

Необыкновенно трогательна заботливость авторовъ „предположенія" о населеніи тѣхъ губерній, куда правительство направляетъ административныхъ ссыльныхъ. Ссылка, по словамъ объяснительной записки, является карательною мѣрою не для ссыльныхъ (чѣмъ же она служитъ для нихъ? пріятнымъ препровожденіемъ времени?), а для мѣстныхъ жителей. Подъ вліяніемъ ссыльныхъ растетъ число преступленій, растутъ цѣны на жизненные продукты; оскудѣвшее населеніе не всегда можетъ дать образованіе своему молодому поколѣнію. До этого „тормаза для дѣла народнаго просвѣщенія" не додумывался у насъ, кажется, еще никто. Много, очень много преградъ встрѣчала и встрѣчаетъ на своемъ пути русская школа, такъ много, что только съ помощью сильнаго микроскопа (т.-е. упорнаго предубѣжденія) можно усмотрѣть среди нихъ вліяніе административной ссылки—не на семьи сосланныхъ, а на мѣстное населеніе. Въ тѣхъ сферахъ, откуда идетъ „предположеніе", меньше всего проявлялась, до сихъ поръ, забота о развитіи народнаго образованія; весьма знаменательно, что она выступаетъ на сцену въ связи съ вопросомъ объ „административныхъ преступникахъ"... Растетъ ли на мѣстахъ административной ссылки преступность, растутъ ли цѣны на жизненные продукты—это вопросы, по которымъ еще не собрано достаточно фактическихъ данныхъ. Допустимъ, однако, что они разрѣшаются утвердительно; говоритъ ли это хоть сколько-нибудь за разбираемый нами прожектъ? Ларчикъ открывается гораздо проще: если административная ссылка, противорѣча основнымъ требованіямъ права и справедливости, оказывается, въ добавокъ, вредною для мѣстнаго населенія, то это — только лишній доводъ въ пользу совершенной ея отмѣны. Къ тому же заключенію ведетъ и вся ея исторія: ничего она не предупредила, ничего не остановила, ни одной изъ цѣлей, которыми задавалась, не достигла. Чѣмъ больше стараются натянуть непоправимо треснувшую струну, тѣмъ скорѣе она должна порваться. Измышленія, создающія „административныхъ преступниковъ", предвѣщаютъ близкій конецъ административной ссылки. Осужденная еще указомъ 12-го декабря 1904-го года, она должна отойти въ прошедшее, какъ только

возобновится искусственно задержанный процессъ превращенія Россіи въ правовое государство.

Еслибы еще нужны были дополнительныя доказательства тому, до какой степени необходимо скорѣйшее возобновленіе этого процесса, ихъ можно было бы найти въ ревизіи сенатора Гарина, кульминаціоннымъ пунктомъ которой является возбужденіе цѣлаго ряда тяжкихъ обвиненій противъ бывшаго московскаго градоначальника, генералъ-маіора Рейнбота. Отъ него зависѣла судьба десятковъ тысячъ мирныхъ жителей, онъ могъ, по своему усмотрѣнію, зачислять ни въ чемъ не обвиненныхъ и даже не обвиняемыхъ въ категорію „административныхъ преступниковъ"—въ то самое время, когда противъ него самого накоплялись не воображаемые, а вполнѣ реальные поводы къ обвиненію. Одна изъ опасностей чрезвычайной дискреціонной власти заключается именно въ томъ, что никогда нельзя ручаться за нравственное достоинство лица, которому она ввѣряется. Можно ожидать, наоборотъ, что даже для лицъ, раньше безупречныхъ, она сдѣлается источникомъ нравственной порчи. Отъ злоупотребленій должностного лица, дѣйствующаго на основаніи общихъ законовъ, сравнительно легко найти охрану—да и ему самому легче воздержаться отъ правонарушеній, чѣмъ калифу на часъ, высоко вознесенному надъ массой обыкновенныхъ смертныхъ. По истинѣ знаменательно, что требованіе еще болѣе обострить административную расправу совпало съ раскрытіемъ бездны, въ которую ведетъ административное полновластіе и административный произволъ.

Прошло болѣе сорока-двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ пишущій эти строки помѣстилъ свою первую статью въ „Вѣстникѣ Европы", и болѣе двадцати-восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ писать въ немъ „Внутреннее Обозрѣніе". Въ литературномъ мірѣ онъ остается единственнымъ близкимъ свидѣтелемъ начальныхъ шаговъ журнала, основаннаго и непрерывно съ тѣхъ поръ веденнаго М. М. Стасюлевичемъ. На немъ лежитъ обязанность намѣтить главныя черты лѣтописи „Вѣстника Европы", для исторіи котораго еще не настало время. Онъ исполнитъ эту обязанность въ одной изъ первыхъ книжекъ будущаго года; теперь онъ ограничивается благодарнымъ воспоминаніемъ о длинномъ рядѣ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ ему было дано работать, вмѣстѣ съ М. М. Стасюлевичемъ, надъ освѣщеніемъ очередныхъ вопросовъ русской государственной и общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1908.

I.

— Письма Влад. Серг. Соловьева. Томъ I. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб. 1908.

Кто ждетъ найти въ письмахъ Влад. Соловьева разсужденія на религіозныя или философскія темы, того этотъ первый томъ писемъ разочаруетъ. Одно большое французское письмо къ еп. Штроссмайеру о соединеніи церквей, да одно письмо къ Н. Н. Страхову о спиритизмѣ—вотъ и все, что можно здѣсь найти по части разсужденій. Разумѣется, мыслитель, и именно религіозный мыслитель, сказывается во множествѣ отдѣльныхъ замѣчаній, разсѣянныхъ по всей перепискѣ, но эти замѣчанія большею частью мимолетны и носятъ дѣловой характеръ, такъ что въ общемъ можно сказать, что письма эти не вносятъ ничего существенно-новаго въ ученіе Вл. Соловьева. Это объясняется, вѣроятно, отчасти тѣмъ, что далеко не всѣ письма Соловьева попали въ настоящій томъ; такъ, мы не находимъ здѣсь его „большихъ“ писемъ къ кн. С. Н. Трубецкому, его, какъ слышно, интереснѣйшихъ писемъ къ извѣстному библіографу Румянцевскаго музея, Н. Ѳ. Ѳедорову, и др. Но этому обстоятельству все-таки нельзя придавать большого значенія; здѣсь обнаруживается, безъ сомнѣнія, нѣкоторая общая черта характера покойнаго философа, а именно—совершенное отсутствіе доктринерства и напускного глубокомыслія, но это и составляло одну изъ самыхъ очаровательныхъ его особенностей. И въ этомъ-то и заключается главная прелесть его писемъ.

Читая эти письма, всякій, даже незнакомый съ произведеніями Соловьева, не можетъ не чувствовать, что предъ нимъ — мыслитель большого калибра. На каждомъ шагу онъ встрѣтитъ фразу, или слово, или намекъ, говорящіе о напряженной, никогда не прекращающейся работѣ ума; онъ встрѣтитъ здѣсь мелькомъ брошенныя замѣчанія, въ

которыхъ обнаруживается такая глубина мысли, такая страстность высокихъ личныхъ вѣрованій, какими можно всецѣло измѣрить душевный строй человѣка. Здѣсь въ иной фразѣ—весь Соловьевъ, какъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ, объясняя Страхову, почему онъ, Соловьевъ, *долженъ* писать противъ Данилевскаго, онъ замѣчаетъ: „Вы смотрите на исторію, какъ китаецъ-буддистъ, и для васъ не имѣетъ никакого смысла мой еврейско-христіанскій вопросъ: полезно или вредно данное умственное явленіе для богочеловѣческаго *дѣла* на землѣ *въ данную историческую минуту?*“ Или когда въ 1897 году онъ пишетъ: „Наступающій конецъ міра вѣетъ мнѣ въ лицо какимъ-то явственнымъ, хоть неуловимымъ дуновеніемъ,—какъ путникъ, приближающійся къ морю, чувствуетъ морской воздухъ прежде, чѣмъ увидитъ море“. Но это говорится мимоходомъ, промежду дѣловыхъ вопросовъ и сообщеній, и неизмѣнно въ сопровожденіи шутки. Къ этому мыслителю меньше всего можно примѣнить профессіональное званіе философа; его мышленіе не составляетъ въ немъ „государства въ государствѣ“,—напротивъ, его мысль растворена во всей его личности, и онъ живетъ ею такъ же свободно и непринужденно, какъ онъ—въ другомъ смыслѣ—живетъ физически и общественно. Поэтому, весь пропитанный своей мыслью, онъ весь насквозь свѣтелъ, и эта свѣтлость, эта ясность и чистота, сообщавшія ему при жизни такое неотразимое обаяніе, всего ярче выступаютъ и въ его письмахъ. Ничего не можетъ быть проще и непритязательнѣе этихъ дружескихъ посланій и торопливыхъ, въ нѣсколько строкъ, записочекъ; между тѣмъ, въ совокупности онѣ рисуютъ чарующій образъ свѣтлой, открытой, истинно-гуманной натуры, изъ которой все вытекаетъ свободно, и все, что вытекаетъ,—благостно: отъ мірообъемлющей мысли—до *формы*, въ которую облекается простая житейская просьба или упрекъ. Удивительная врожденная мягкость превращаетъ каждое его прикосновеніе къ человѣку въ ласку; каждое его письмо, какъ бы оно ни было незначительно, производитъ такое впечатлѣніе, точно онъ близко подошелъ къ человѣку и смотритъ ему въ глаза съ дѣтской довѣрчивостью и говоритъ что-то доброе, дружелюбное, шутливое. И однако его мягкость—отнюдь не мягкотѣлость; напротивъ, онъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и при всякихъ условіяхъ исповѣдуетъ ихъ открыто и опредѣленно. Неуступчивость въ томъ, что для него свято, естественно сочетается въ немъ съ величайшей бережностью по отношенію къ чужой личности, которая и сама для него—святыня. Такихъ образчиковъ можно найти много въ его перепискѣ. Когда ему приходится защищать свое мнѣніе и оспаривать чужое, онъ это дѣлаетъ съ неукоснительной прямотой въ идеѣ и вмѣстѣ съ необыкновенной добротой по отношенію къ личности своего антагониста. Самый трогательный примѣръ

этого рода—исторія его полемики съ Данилевскимъ, уже упомянутая выше. Задумавъ писать противъ Данилевскаго, онъ освѣдомляется у Страхова, когда выйдетъ четвертое изданіе книги Данилевскаго (такъ какъ онъ хотѣлъ пріурочить свою статью къ выходу этого новаго изданія „Россіи и Европы"). Страховъ былъ другъ и поклонникъ Данилевскаго. И вотъ, не получая отвѣта на свой запросъ, Соловьевъ, нѣкоторое время спустя, пишетъ Страхову: „Изъ умолчанія вашего о „Россіи и Европѣ" заключаю (быть можетъ, ошибочно), что мой разборъ этой книги не представляется вамъ особенно желательнымъ. Я съ своей точки зрѣнія считаю его нужнымъ, не настолько однакожъ, чтобы пренебрегать дружескимъ взглядомъ"; и онъ объясняетъ дальше, почему онъ долженъ писать противъ Данилевскаго (потому что онъ „соорудилъ нѣкоторое неуклюжее зданіе, которое стоитъ на моей дорогѣ"). Въ дальнѣйшихъ письмахъ онъ еще не разъ возвращается къ этой темѣ, разъясняя Страхову необходимость (съ своей точки зрѣнія) и цѣль своей полемики съ Данилевскимъ. „Само собою разумѣется,—пишетъ онъ,—что ничего оскорбительнаго для памяти Н. Я. Данилевскаго... въ моемъ разборѣ не будетъ, а изъ дружбы къ вамъ постараюсь исключить или смягчить все рѣзкое относительно самихъ идей и воззрѣній, излагаемыхъ въ „Россіи и Европѣ". Наконецъ, отославъ первую свою статью въ редакцію „Вѣстника Европы", онъ предлагаетъ Страхову самому исправить въ корректурѣ все непріятное ему по отношенію къ памяти Данилевскаго; когда же редакторъ журнала отказался „допустить между авторомъ и редакторомъ третье лицо", Соловьевъ самъ, читая корректуру, постарался „производить на себя мысленное внушеніе" отъ лица Страхова.

Ни въ чемъ, можетъ быть, не сказалась такъ ясно нѣжная и свѣтлая душа Соловьева, какъ въ характерѣ его шутки. Его затѣйливый, иногда лукавый юморъ удивительно добродушенъ и, главное, лишенъ всякихъ признаковъ самолюбія. Соловьевъ шутитъ не преднамѣренно, а потому что его подмываетъ сострить, и шутитъ онъ часто неудачно, но оттого не менѣе весело; его нисколько не заботитъ—блеснуть остроуміемъ, и онъ первый же весело посмѣется надъ своимъ иногда неудавшимся каламбуромъ, и чѣмъ неудачнѣе шутка, тѣмъ веселѣе слушателю, потому что эта дѣтски-беззавѣтная веселость настроенія заразительнѣе самой удачной остроты. Скажетъ: „радующійся Тертій" (изъ латинской пословицы: duobus certantibus *tertius* gaudet), и, кажется, такъ и видишь, какъ онъ зальется веселымъ смѣхомъ. Или вдругъ напуститъ на себя серьезность и въ серединѣ дѣлового письма, безъ всякихъ переходовъ, напишетъ: „Кстати о спиритизмѣ. Позвольте предложить вамъ одинъ вопросъ, который вы вполнѣ компетентны разрѣшить (это онъ пишетъ Страхову), ибо вы 1) зоологъ,

2) литературный критикъ и 3) занимаетесь послѣднее время спиритизмомъ. Итакъ, скажите мнѣ, почему Горацій называетъ медіума (птицею) *ибисомъ*, да еще безопаснѣйшимъ"? („Medio tutissimus ibis", т.-е. „Посреди безопаснѣйше пройдешь", а въ шуточномъ переводѣ: „Медіумъ—безопаснѣйшій ибисъ"). Письма Соловьева полны такихъ шутокъ. Въ шуткѣ натура человѣка обнаруживается еще ярче, чѣмъ—по старинной поговоркѣ — за картами. Отъ иныхъ остротъ вѣетъ холодомъ ума,—отъ шутокъ Соловьева вѣетъ теплотою чувства. И таково общее впечатлѣніе, которое производятъ его письма: изливается изъ нихъ какая-то благостная духовная субстанція.

II.

— Ренэ Вормсъ. Мораль Спинозы. Изученіе ея принциповъ и вліянія, произведеннаго ею въ новѣйшія времена. Перев. съ франц. Л. Л. Богушевскаго. Спб. 1908 г.

Книга Р. Вормса—типичная французская книга по исторіи философіи: неглубокая, ясная, изящная, и, прежде всего, успокоительная, одна изъ тѣхъ книгъ, которыя съ роковою неизбѣжностью носятъ на обложкѣ каноническую печать: „увѣнчана Парижской Академіей политическихъ и моральныхъ наукъ". Это не значитъ, что книга Вормса плоха; напротивъ, она представляетъ большія достоинства: превосходное знаніе предмета, обширная эрудиція, не загромождающая, однако, изложенія ученымъ аппаратомъ, стройность плана, популярность въ лучшемъ смыслѣ слова,—все это достойно всякой похвалы. Но авторъ не захваченъ предметомъ своего изслѣдованія, его интересъ — чисто-академическій, и потому его книга лишена той нравственной заразительности, которая сильнѣе всего стимулируетъ и самую мысль. Конечно, есть отдѣлы науки, не требующіе для своей разработки ничего, кромѣ эрудиціи и правильнаго метода; но здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ объ основныхъ вопросахъ метафизики и морали, формальное отношеніе къ дѣлу не только уродливо въ нравственномъ смыслѣ, но неизбѣжно умаляетъ и объективную цѣнность самыхъ выводовъ.

Предметомъ своего изслѣдованія Р. Вормсъ избралъ *мораль* Спинозы, какъ ту часть ученія Спинозы, которая въ сознаніи самого философа являлась важнѣйшей, и которая, однако, на дальнѣйшее развитіе философской мысли въ Европѣ оказала несравненно меньшее вліяніе, нежели метафизика и психологія Спинозы. Книга распадается на двѣ части: на изложеніе этики Спинозы (стр. 25—188), и на исторію ея рецепціи въ позднѣйшихъ философскихъ системахъ до послѣдней четверти XIX вѣка (стр. 191—332). Изложенію предпосланъ

сжатый, но содержательный, хотя и не заключающій въ себѣ ничего новаго, очеркъ „происхожденія морали Спинозы“. Самъ равнодушный къ великимъ проблемамъ нравственности, Вормсъ съумѣлъ, однако, оцѣнить первостепенную важность того *личнаго* запроса, изъ котораго выросло все ученіе Спинозы; онъ подробно излагаетъ знаменитое вступленіе къ трактату „объ усовершенствованіи разума“, гдѣ Спиноза самъ разсказалъ исторію своей душевной драмы, приведшей его къ рѣшимости отречься отъ суетныхъ благъ и искать вѣчнаго блага. Этимъ онъ сразу ставитъ читателя на правильную точку зрѣнія, съ которой вся философія Спинозы представляетъ собою путь къ изысканію *правилъ новой жизни*—жизни идеальной и совершенной, какъ для самого себя, такъ и для всего человѣчества“, т.-е. ученіе не метафизическое и не гносеологическое, а моральное [1]).

Этическое ученіе Спинозы Вормсъ излагаетъ чрезвычайно ясно и стройно; какъ и естественно при такомъ взглядѣ на дѣло, это — не что иное, какъ изложеніе *всей* системы голландскаго философа, но построенное такъ, что ея метафизическая и психологическая части являются лишь базисомъ, на которомъ зиждется основная часть системы—этика. Это изложеніе, несомнѣнно соотвѣтствующее сущности излагаемаго ученія, уже само по себѣ чрезвычайно цѣнно. Но въ частностяхъ Р. Вормсъ не даетъ ничего существенно новаго. Только одинъ пунктъ ему удалось выяснить полнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, именно, своеобразное пониманіе „свободы воли“ у Спинозы. Зато въ рядѣ другихъ пунктовъ его изложеніе оказывается неудовлетворительнымъ; такъ, онъ матеріализируетъ ученіе Спинозы о безсмертіи души, онъ въ сущности не дѣлаетъ никакой серьезной попытки уяснить одно изъ коренныхъ противорѣчій Спинозы—противорѣчіе между безусловнымъ детерминизмомъ и общественной отвѣтственностью, и т. п. Вся безплодность его формальнаго отношенія къ трактуемой темѣ обнаруживается тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ цѣнность этики Спинозы. Онъ ставитъ ее на пьедесталъ, но соображенія, которыми онъ оправдываетъ ея апологію, носятъ совершенно формальный характеръ. Главный его доводъ, повторяемый нѣсколько разъ,— тотъ, что мораль Спинозы счастливо сочетаетъ въ себѣ эпикуреизмъ съ стоицизмомъ; другой его доводъ—ея строгая внутренняя послѣдовательность; наконецъ, столь же формальнымъ является ея третье достоинство, выставляемое Вормсомъ,—ея соотвѣтствіе тремъ основнымъ наклонностямъ человѣческаго духа. Каковы его собственные морально-

[1]) Надо замѣтить, что въ высшей степени цѣнное противопоставленіе *моральнаго* кризиса, пережитаго Спинозою, *интеллектуальному* кризису Декарта Р. Вормсъ, не оговоривъ того, заимствовалъ у Куно-Фишера (см. „Спиноза“, русск. пер., стр. 280).

философскіе взгляды, объ этомъ можно судить по такимъ его замѣчаніямъ: говоря объ „эгоизмѣ“ у Спинозы, онъ заявляетъ: „Конечно, быть можетъ, химера предполагать существованіе абсолютной добродѣтели, долга, идеала и морали, абсолютно свободной отъ эгоистическихъ разсчетовъ. Но это—благородная химера, которую нельзя разрушить, не нанеся вреда всему человѣчеству“; и далѣе, по поводу Спинозовскаго детерминизма, онъ замѣчаетъ: „Наука, правда, не признаетъ свободы воли, но мораль необходимо должна допускать ея существованіе, ибо какимъ образомъ человѣкъ будетъ опредѣляться къ дѣйствію, которое моралистъ ему укажетъ за лучшее, если у него отнять свободу?“ Человѣкъ, исповѣдующій такую оппортунистическую ложь, сдѣлалъ бы лучше, если бы не произносилъ сужденія объ этикѣ Спинозы.

III.

— О. Пфлейдереръ. Подготовка христіанства въ греческой философіи („Религія и церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики“, кн. 8-я). Перев. И. Г. Наумова, подъ ред. Н. М. Никольскаго. Спб. 1908 г.

Работа Пфлейдерера способна удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ научности. Она обнаруживаетъ не только глубокое знаніе предмета, но и такую широту и ясность мысли, какія рѣдко можно найти у историка. Отъ орфиковъ до Плотина Пфлейдереръ прослѣживаетъ постепенное развитіе греческой мысли въ той сферѣ, которую потомъ завоевало христіанство, — въ сферѣ религіозно-мистической этики. Онъ ведетъ изложеніе безъ прямыхъ ссылокъ на аналогичныя идеи христіанства, но все время такъ, что эта связь ясна сама собою. Платоновскій идеализмъ, мораль стоиковъ, сочетаніе греческаго раціонализма съ еврейскимъ ученіемъ объ откровеніи въ философіи Филона Александрійскаго, наконецъ, мистицизмъ неоплатониковъ—таковы главные этапы изображаемаго имъ пути. При всей сжатости его изложеніе удивительно полно и наглядно, такъ что выводы, къ которымъ онъ приходитъ, естественно складываются въ умѣ читателя. Эти выводы таковы: греческая философія выработала идею бога, какъ чистаго, безконечнаго духа, и идею родственной связи человѣческой души съ богомъ; она установила высокіе принципы морали на почвѣ уваженія къ человѣческой личности, признанія ея внутренней свободы и взаимной нравственной связи между всѣми людьми; она рѣзко выдвинула идею противоположности между міромъ вещественнымъ и міромъ духа, признавъ дѣйствительное бытіе только за послѣднимъ; она пробудила въ обществѣ страстную потребность въ искупленіи, и,

наконецъ, она выработала представленіе о Логосѣ и дала матеріалъ для выработки догматовъ о богочеловѣчности, о троичности и загробномъ блаженствѣ праведниковъ, состоящемъ въ созерцаніи божества.

Для всякаго ясно, что данныя, добытыя этимъ изслѣдованіемъ, имѣютъ значеніе только для исторіи богословской системы христіанства: ядро христіанства—жизнь и ученіе Христа—остаются за предѣлами подобныхъ изслѣдованій. Эта первичная сущность христіанства, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ развитіемъ греческой метафизики,—которой даже самые далекіе отголоски не могли дойти до Христа и его бѣдныхъ послѣдователей. Пфлейдереръ вводитъ въ заблужденіе читателя не однимъ заглавіемъ своей работы („Подготовка *христіанства* въ греческой философіи"). Его книжка начинается такими строками: „Помимо религіознаго ученія Ветхаго Завѣта, между христіанствомъ и до-христіанской исторіей развитія человѣчества нѣтъ другого идейнаго пункта соприкосновенія, кромѣ греческой философіи". Это, разумѣется, глубоко невѣрно; если уже говорить о традитивномъ элементѣ въ христіанствѣ, то его надо искать въ религіозномъ опытѣ, метафизическихъ представленіяхъ и моральныхъ чувствахъ еврейской народной массы, изъ которой вышли Христосъ и его первые послѣдователи. Это слишкомъ понятно, и объ этомъ не стоило бы еще разъ говорить, если бы не существовала (особенно въ нашей публикѣ, невѣжественной по этой части) постоянная опасность смѣшенія христіанства съ христіанской теологіей, и если бы, благодаря этому смѣшенію, историческіе элементы въ христіанствѣ не затмевали его основного, внѣ-историческаго, подлинно-религіознаго содержанія.

IV.

— Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова. 1766—1808. Подъ ред. и со вступит. статьею К. А. Военскаго. Спб. 1908.

Отъ этихъ записокъ можно было ожидать бо̀льшаго, чѣмъ онѣ даютъ. Ихъ авторъ принадлежитъ къ одному изъ самыхъ образованныхъ семействъ Екатерининскаго и Александровскаго времени; онъ извѣстенъ своимъ участіемъ въ Освободительной войнѣ, гдѣ — при Бородинѣ—пали два его брата; онъ извѣстенъ также какъ писатель и переводчикъ французскихъ трагиковъ (его „Сочиненія и переводы" вышли въ четырехъ частяхъ въ 1816—17 гг.); онъ былъ свидѣтелемъ четырехъ царствованій, принималъ дѣятельное участіе въ главныхъ русскихъ войнахъ конца XVIII и начала XIX ст., прошелъ подъ военными знаменами нѣсколько странъ—отъ Швеціи на сѣверѣ до

Закавказья и Персіи на югѣ, много дѣлалъ, многое видѣлъ, сидѣлъ и за царскимъ столомъ, и на засѣданіяхъ московскаго „вольнаго россійскаго общества, пекущагося о распространеніи наукъ". Казалось бы, ему есть что̀ разсказать на старости. И съумѣй онъ разсказать свою жизнь—это было бы *для насъ* увлекательное чтеніе. Люди его времени и его круга жили полной жизнью въ дѣлахъ, въ приключеніяхъ, въ непрестанномъ движеніи; они не размышляли, а дѣйствовали, и мысли ихъ были конкретными мыслями о вещахъ и людяхъ, которые каждую минуту требовали отъ нихъ активнаго рѣшенія, акта воли. Наша жизнь бѣдна дѣйствіемъ, бѣдна конкретностью, и сравнительно рѣдко задѣваетъ нашу волю; въ наше время люди „о жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ". Поэтому активность предковъ имѣетъ для насъ большое обаяніе.

Но Тучковъ нашелъ нужнымъ разсказать только о войнахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ,—прежде всего, о походахъ и сраженіяхъ, затѣмъ немногое—о странахъ, гдѣ ему приходилось воевать, и о своихъ начальникахъ-полководцахъ. Онъ вполнѣ сынъ своего вѣка; онъ разсказываетъ только о томъ, что̀ по представленіямъ его времени единственно достойно серьезнаго общественнаго интереса: о событіяхъ внѣшне-политическихъ. Дѣйствительно, для внѣшней исторіи царствованій Екатерины, Павла и Александра I записки Тучкова представляютъ цѣнный матеріалъ. Особенно подробно и живо онъ описываетъ усмиреніе польскаго мятежа 1792—1794 гг. и присоединеніе Грузіи, въ которомъ онъ игралъ видную роль, какъ помощникъ Ципіанова. Его сужденія о людяхъ вообще здравы и безпристрастны; но Александра I онъ неутомимо чернитъ на всемъ протяженіи своихъ записокъ, можетъ быть потому, что при этомъ государѣ онъ многократно, по его словамъ, былъ обойденъ повышеніями и наградами. Онъ не устаетъ разоблачать двуличность, коварство, жестокость Александра; онъ считаетъ доказаннымъ причастность послѣдняго къ убійству Павла, сопровождаемую, притомъ, еще болѣе коварной жестокостью: „достойно примѣчанія то,—говоритъ онъ,—что по вступленіи его на тронъ знатнѣйшіе изъ заговорщиковъ, какъ-то: два брата графы Зубовы, ген. Талызинъ и многіе другіе—скоро умерли, почти скоропостижно". Любопытно слѣдующее его воспоминаніе. Въ 1790 году онъ бралъ въ Петербургѣ уроки музыки у композитора Ми, который, по желанію Екатерины, обучалъ музыкѣ ея внуковъ—великихъ князей Александра и Константина. И вотъ, этотъ Ми жаловался Тучкову: „Я напрасно беру деньги за обученіе великихъ князей; никогда не будутъ они не только знающими въ семъ, но даже любителями музыки. Старшій внукъ худо слышитъ аккордъ и кадансъ, и притомъ такъ нечувствителенъ, что хотя бы и слышалъ, то самая трогатель-

ная музыка не имѣетъ на чувства его ни малѣйшаго дѣйствія. Притомъ такъ скрытенъ въ характерѣ своемъ, что настоящихъ его склонностей примѣтить нельзя, а это худо для государя. Младшій, хотя и имѣетъ изрядный слухъ, но нѣтъ у него никакой склонности къ музыкѣ, столько же нечувствителенъ, какъ и старшій; но вспыльчивъ, горячъ и сердитъ, притомъ такъ вѣтренъ и разсѣянъ, что всякая бездѣлица отвлекаетъ его отъ предпринятаго упражненія. А наипаче если услышитъ барабанъ или увидитъ солдатъ, то, бросая все, безъ памяти бѣжитъ къ окну".

Записки Тучкова не богаты бытовыми подробностями. Любопытна исторія его воспитанія, типичная для той эпохи. Съ малолѣтства зачисленный унтеръ-офицеромъ въ артиллерію, онъ былъ, такъ сказать, откомандированъ въ родительскій домъ „для обученія наукъ". Лѣтъ четырехъ онъ носилъ французскій камзолъ, а изъ волосъ дѣлали ему большой тупей и букли и привязывали кошелекъ; нѣсколько позднѣе французскій туалетъ смѣнился прусскимъ: длинная искусственная коса, галстухъ съ пряжкой, кокетъ, тесакъ, узкія брюки и сапоги. Наукамъ обучали его сначала дьячокъ, потомъ унтеръ, „знавшій хорошо читать и писать, но безъ грамматики и орѳографіи", затѣмъ лютеранскій пасторъ и, наконецъ, иностранецъ-гувернеръ, нѣсколько поврежденный въ умѣ и любитель алхиміи. Юношей Тучковъ, въ кругу офицеровъ, наполнявшихъ военно-чертежную канцелярію его отца въ Кіевѣ, знакомится съ современной русской литературою, въ которой самыми свѣжими новинками были тогда сочиненія Ломоносова и масонскія пѣсни. Это чтеніе рождаетъ въ немъ охоту къ стихотворству, „не взирая на то,—говоритъ онъ,—что я совсѣмъ не учился *сей наукѣ*". А затѣмъ начинается и настоящее сочинительство: онъ перелагаетъ въ стихи славянскій переводъ исторіи Троянской войны, пишетъ стихотворную комедію—сатиру на одного генерала, и пр. Семнадцати лѣтъ, будучи произведенъ въ офицеры артиллеріи, онъ начинаетъ военную карьеру, не оставляя, впрочемъ, и литературной дѣятельности.

Любопытенъ и цѣненъ разсказъ автора о Зоричѣ, дающій наглядное представленіе о томъ, какъ жилъ на покоѣ отставной Екатерининскій фаворитъ. Какъ извѣстно, Зоричъ, выдвинутый Орловымъ въ пику Потемкину, пользовался расположеніемъ Екатерины всего годъ слишкомъ и былъ отпущенъ съ богатыми дарами: ему было пожаловано мѣстечко Шкловъ съ округой, всего тысячъ десять крестьянъ. Въ Шкловѣ онъ на собственный счетъ устроилъ и содержалъ кадетскій корпусъ на 400 человѣкъ. Жилъ онъ широко и хлѣбосольно. Онъ поселилъ у себя цѣлую орду бѣдныхъ родственниковъ и знакомыхъ, всѣмъ имъ выстроилъ дома и давалъ обильное содержаніе. Были вы-

строены огромный театръ и „оранжерея“, гдѣ безпрестанно давались представленія собственной труппою, балеты, музыкальные вечера. Черезъ Шковъ шла большая дорога изъ-за границы въ Москву и Петербургъ; Зоричъ не пропускалъ ни одного виднаго проѣзжаго безъ угощенія, а иностранные музыканты, пѣвцы и пѣвицы проѣздомъ непремѣнно должны были давать у него по нѣсколько концертовъ, онъ щедро одарялъ ихъ, и иные проживали у него по мѣсяцамъ. Великолѣпный столъ его былъ всегда открытъ для всѣхъ; балы, театральныя представленія, весенніе праздники, иллюминаціи, картежная игра шли безсмѣнно. Зоричъ держалъ большое количество лошадей и множество экипажей большихъ и малыхъ; съ утра всѣ экипажи должны были быть запряжены и стоять на улицѣ: всякій, кому была въ томъ надобность, требовалъ карету и ѣхалъ по своимъ дѣламъ. Въ имѣніи были всевозможныя фабрики, приносившія только убытокъ, потому что Зоричъ раздавалъ ихъ издѣлія всѣмъ, „кто только любопытенъ былъ оныя увидѣть“. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, несмотря на огромные доходы, Зоричъ завелъ у себя особыя ассигнаціи—печатныя бумажки цѣною отъ 5 до 100 руб. съ надписаніемъ—уплачивать изъ его конторы, и эти бумажки охотно брали. Будучи холостъ, онъ, по пристрастію къ женскому полу, „пользовался иногда слабостію благородныхъ женщинъ и дѣвицъ, отъ которыхъ имѣлъ дѣтей“. Дѣти эти, по мѣрѣ своего появленія на свѣтъ, поступали на воспитаніе къ шковскому аптекарю, старику-нѣмцу, очень почтенному и благочестивому человѣку. Пока Зоричъ былъ живъ, они ни въ чемъ не нуждались и даже получали хорошее воспитаніе, а когда онъ умеръ, они остались безъ всякихъ средствъ на рукахъ аптекаря, такъ какъ Зоричъ, боясь самаго слова „смерть“, не сдѣлалъ никакого завѣщанія. Къ сожалѣнію, Тучковъ не разсказываетъ романтической исторіи своей женитьбы, при живомъ мужѣ, на замужней племянницѣ Зорича, о чемъ нѣкоторыя подробности передаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Н. А. Огарева-Тучкова; это тоже былъ бы живописный эпизодъ изъ нравовъ того времени.

V.

— Яльмаръ Бергстремъ. Голосъ жизни. Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ, со вступительной статьей проф. Г. Гёффдинга. Изд. С. Скирмунта. Москва, 1908.

Пьеса Бергстрема, по словамъ переводчиковъ, выдержала на своей родинѣ, въ Даніи, шесть изданій меньше, чѣмъ въ полгода, и вызвала оживленную полемику; и у насъ, поставленная этой осенью на сценѣ, она пользуется значительнымъ успѣхомъ. Она, дѣйствительно,

заслуживаетъ вниманія. Ея художественная цѣнность не велика, но зато авторъ не претенціозенъ; онъ честно и вдумчиво обработалъ свой сюжетъ, и, не суля намъ откровеній, не затемняя жизни дѣланной символикой, съумѣлъ дать вполнѣ жизненную, ясную картину, представляющую серьезный общественный интересъ. Цѣнна именно объективность этой картины; авторъ не судитъ и не поучаетъ,—напротивъ, онъ къ обѣимъ сторонамъ въ изображаемой имъ борьбѣ относится съ истиннымъ пониманіемъ и сочувствіемъ. Одно дѣло—люди: ихъ страданія священны, чѣмъ бы ни были обусловлены эти страданія; другое дѣло—ложная идея, устарѣлый обычай, безчеловѣчный институтъ, какъ источникъ зла и страданій: противъ нихъ надо ратовать безъ пощады. Такъ—совершенно правильно—понялъ свою задачу Бергстремъ.

Голосъ жизни—это голосъ крови, непререкаемая власть естественныхъ влеченій въ человѣкѣ. Бергстремъ прямо и ясно ставитъ вопросъ о любви и бракѣ въ современномъ обществѣ. Напрасно говорятъ, что у насъ его пьеса не можетъ имѣть воспитательнаго значенія, потому что въ нашемъ обществѣ, будто бы, давно установился правильный взглядъ на эти вещи. Ничуть не бывало; безпорядочная практика, ощупью отыскивающая выходъ изъ устарѣлыхъ стѣснительныхъ формъ, еще не есть освобожденіе: освобожденіе—въ идеѣ, притомъ не въ какой-нибудь преходящей идеѣ, напримѣръ моральной или соціальной, а въ такой, которая опирается на вѣчно-неизмѣнныя свойства человѣческой природы. Только въ этой инстанціи вопросъ рѣшается окончательно, потому что отъ природы некуда аппелировать; какъ бы ни возмущался духъ, какъ бы ни чувствовалъ онъ себя униженнымъ,—этой высшей волѣ все должно покориться.

Есть глубокая ненормальность уже въ самомъ этомъ возмущеніи духа противъ естественнаго закона, какой-то болѣзненный распадъ, пережитокъ грубаго средневѣкового дуализма. У насъ ли считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ, гдѣ величайшій умъ способенъ былъ подъ видомъ разумнаго проповѣдовать дикую философію „Крейцеровой сонаты“? У насъ В. В. Розановъ *первый* поднялъ голосъ въ защиту естества, и только очень немногіе съумѣли понять его. Половая потребность присуща человѣку, и не можетъ быть рѣчи объ ея искорененіи, но можетъ и должна быть рѣчь объ очеловѣченіи формъ ея проявленія. Эти слова кажутся банальностью, но въ нихъ заключена такая же насущная и неосуществленная истина, какъ въ утвержденіи о правѣ человѣка на полный продуктъ его труда.

Пьеса Бергстрема вся построена на законности естественнаго влеченія, взятаго не въ животной формѣ, а въ человѣческой формѣ *любви*, гдѣ нѣтъ рубежа между духомъ и плотью, гдѣ духовная бли-

зость по непостижимому естественному закону влечетъ за собою физическое соединеніе. Эта двухкачественная цѣльность полового чувства дана намъ природою: кто вправѣ, кто можетъ дѣлить недѣлимое и объявлять одну половину незаконною? Въ пьесѣ Бергстрема отецъ и женихъ проклинаютъ дѣвушку за то, что у нея была внѣбрачная связь; но интересъ пьесы—не въ самомъ фактѣ столкновенія отдѣльной личности съ общественнымъ установленіемъ или предразсудкомъ, а въ томъ, какъ эта дѣвушка защищаетъ свой проступокъ. Свободную любовь защищали безчисленное множество разъ—и въ жизни, и въ романахъ и драмахъ; защищаютъ ее неизмѣнно, какъ это и само собою разумѣется, суверенитетомъ личнаго чувства, но при этомъ тщательно заботятся, чтобы, Боже сохрани, кто-нибудь не подумалъ, что подъ защиту берется половая страсть: о ней стыдливо умалчиваютъ, а вся аргументація строится, по молчаливому соглашенію, на чисто-нравственныхъ элементахъ любви. Бергстремъ смѣло—и, надо прибавить, безъ малѣйшаго цинизма, съ той серьезностью, которой требуетъ это серьезное дѣло,—идетъ наперекоръ непониманію и лицемѣрію. Для него въ истинной любви нѣтъ раздѣленія между плотью и духомъ, и онъ защищаетъ ее всю, открыто, вплоть до тѣхъ ея проявленій, которыя мы привыкли считать чисто-плотскими. Эта дѣвушка прямо говоритъ: если я полюбила, я *должна* отдаться любимому человѣку, ибо таковъ законъ человѣческой природы, и если общество запрещаетъ мнѣ это, я нарушу его велѣнія, ибо я не позволю лишить себя прекраснѣйшей страсти, дарованной людямъ. Она идетъ еще дальше: она защищаетъ бездѣтность въ любви, когда соціальныя условія ставятъ любящихъ въ такое положеніе, что имъ невозможно имѣть дѣтей. Любовь искусственно-бездѣтная представляетъ собою вопіющее нарушеніе естественныхъ законовъ, но неосуществленіе любви еще болѣе противоестественно, и потому приходится выбирать меньшее зло. Она вовсе не защищаетъ ни внѣбрачности любви, ни бездѣтности: она защищаетъ только свое право на любовь вопреки всякимъ соображеніямъ не только соціальнаго, но и моральнаго порядка, ибо это право абсолютно, какъ всякая стихія; „я хорошо знаю, — говоритъ она, — что такіе браки, какъ мой, не идеалъ, но лишь крайнее средство, нужное, пока вѣкъ снова не признаетъ за каждымъ человѣкомъ права на потомство... Насъ тысячи лишенныхъ этого права, тысячи и мужчинъ, и женщинъ; но мы вѣдь тоже люди, люди, способные любить и жаждущіе любить, и мы не позволимъ коварно лишать насъ высшаго блага жизни“,—т.-е. любви. И она не только передъ обществомъ защищаетъ физическую сторону любви (повторяемъ, истинной, очеловѣченной любви); нѣтъ, она остается честно-правдивой и въ самой любви. Она разсталась со своимъ воз-

любленнымъ, когда узнала, что онъ измѣняетъ ей. Онъ оправдывается: онъ хотѣлъ, чтобы ихъ отношенія оставались чистыми, а въ его натурѣ есть дикая чувственность, тоже требовавшая пищи,—онъ искалъ удовлетворить ее на сторонѣ изъ уваженія *къ ней*; на это она отвѣчаетъ: „Я желала тебя такимъ, какимъ ты былъ на самомъ дѣлѣ... Развѣ ты не понимаешь, что человѣкъ, давшій женщинѣ почувствовать, что она не можетъ вполнѣ удовлетворить его именно какъ женщина, оскорбляетъ ее до самой глубины ея существа? Это такой грѣхъ въ любви, который никогда не прощается... никогда!“ Это не цинизмъ, какъ можетъ показаться поверхностному взгляду; напротивъ, это—высоко-нравственное представленіе о любви, понятой правильно, какъ нераздѣльное духовно-плотское влеченіе; здѣсь во всей своей глубинѣ возстановлена органическая цѣльность любви. И когда Гёффдингъ въ своей статьѣ о „Голосѣ жизни“ опредѣляетъ героиню пьесы—дѣвушку, высказывающую эти взгляды,—какъ „серьезный и гармоническій образъ“, то онъ этими словами совершенно правильно передаетъ общее впечатлѣніе, производимое пьесой: это—серьезное, честное, истинно-нравственное произведеніе, способное благотворно повліять на общественную мысль.

VI.

— Адамъ Лель. Записки студента 1900—1903 гг. Спб. 1908.

Въ этой талантливой книжкѣ нѣтъ общихъ мѣстъ и разсужденій: это—рядъ жанровыхъ картинъ изъ жизни петербургскаго студенчества, нарисованныхъ удивительно мѣтко и живо, безъ всякихъ притязаній, безъ желанія поучать, но съ благодушно-лукавымъ юморомъ, который вѣрнѣе дидактизма попадаетъ въ цѣль. Передъ нами оживленная толпа молодежи, которая, волнуясь, шумя, непрестанно двигаясь, въ сущности топчется на одномъ мѣстѣ. „Революція“ поглотила все; главная масса этой молодежи сознательно признаетъ законными одинъ интересъ, одно занятіе, одну точку зрѣнія—„революцію“. Но что это за революція! Авторъ изображаетъ двѣ главныя группы, на которыя дѣлится психологически большинство студенчества: это—„явные революціонеры“ и „явные конспираторы“. „Что дѣлали явные „революціонеры“ — трудно сказать. Они пѣли страшныя пѣсни и „имѣли настроеніе“, которое разносили между собою. На вечеринкахъ они шумно апплодировали крайнимъ ораторамъ, даже противоположныхъ мнѣній. Революціонное настроеніе и бравировка имъ сдѣлались спортомъ. Каждый изъ нихъ хотѣлъ показать, что онъ очень опасный для правительства человѣкъ. Если у него дѣлали обыскъ,

это наполняло его гордостью. Но еще лучше было быть арестованнымъ,—конечно, только не надолго. Охрана и не подозрѣваетъ, какъ многимъ она доставила удовольствіе, и какъ несправедливо нѣкоторыхъ обошла". Въ отличіе отъ этихъ явныхъ бунтарей, „конспираторы" дѣлали революцію тайно и мрачно, съ видомъ заговорщиковъ на испанскій манеръ. И вся эта игра въ революцію сопровождалась, можно сказать, потрясающей наивностью мысли и глубочайшимъ невѣжествомъ въ области знанія вообще и соціально-политическаго въ частности. Книжка г. Леля полна самыхъ забавныхъ анекдотовъ, иллюстрирующихъ эти типическія черты нашего недавняго студенчества.

Революціонный періодъ, отдѣляющій насъ отъ того времени, къ которому относятся воспоминанія г. Леля, конечно, во многомъ измѣнилъ психологію студенчества, но общее направленіе его, повидимому, осталось тѣмъ же. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы статья г. Левченки: „Кризисъ университетской жизни", напечатанная въ майской книгѣ „Русской Мысли" за текущій годъ. Г. Левченко, обобщая, характеризуетъ студенчество совершенно тѣми же чертами, какія г. Лель показываетъ намъ на живыхъ образахъ: и теперь, какъ передъ революціей, здѣсь царятъ консерватизмъ мысли, стадность, нетерпимость,—все это, какъ и тогда, на фонѣ исключительно-политическаго интереса. Вся духовная жизнь студенческой массы (если это топтанье на одномъ мѣстѣ можно назвать жизнью) и теперь безраздѣльно поглощена „политикой".

Великое зло этого явленія—не въ томъ, какъ думаетъ г. Левченко, что политика отвлекаетъ молодежь отъ науки, отъ подготовки къ общественному служенію, и не въ самыхъ дефектахъ студенческой психики, проистекающихъ отсюда, каковы умственный застой, фанатизмъ и пр. Зло основное и непоправимое — въ томъ, что самые свѣжіе, самые пластическіе свои годы наше юношество проводитъ *внѣ себя*, въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ. Дѣло вовсе не въ томъ, что политическія идеи и политическая практика студенчества мелки, узки, наивны: дѣло въ самомъ существѣ тѣхъ интересовъ, которые наполняютъ жизнь учащейся молодежи. Нормальный юноша въ 18—20 лѣтъ весь охваченъ творческой работой сознанія. Оно только-что пробудилось; предъ нимъ быстро развертывается яркая, многосложная, таинственная жизнь, и всѣ силы духа инстинктивно сосредоточиваются на стремленіи осмыслить собственную личность и жизнь,—просто потому, что для раскрывшагося сознанія *нестерпимо* созерцать хаосъ, что по самой своей природѣ оно *должно* искать единства въ мірозданіи. Этотъ естественный внутренній процессъ неправильно называютъ выработкой міровоззрѣнія. Природные задатки, особенные у

каждаго человѣка, ставятъ каждаго въ особенное, неповторяемое отношеніе къ міру, и тотъ процессъ есть не что̀ иное, какъ сознательное опредѣленіе этого отношенія, другими словами—осмысленіе собственнаго своеобразнаго „я“, нахожденіе себя въ сознаніи. Въ наблюденіи жизни, въ собственномъ мышленіи, въ наукѣ юноша съ инстинктивной жадностью отыскиваетъ элементы *своего* сознанія, т.-е. тѣ идеи, въ которыхъ наиболѣе полно, наиболѣе точно умѣстились бы основныя склонности его натуры. Это вовсе не односторонняя работа ума: какъ-разъ въ этотъ періодъ чувственно-волевая жизнь человѣка достигаетъ наибольшей интенсивности, врожденныя тенденціи духа опредѣляются съ наибольшей яркостью, и работа совершается слитно, какъ бы съ двухъ концовъ навстрѣчу другъ другу, до полнаго совпаденія мысли и чувства, или, какъ мы сказали, до полнаго нахожденія своего раскрытаго „я“ въ сознаніи. Эта работа—не долгъ (какъ принято говорить о непремѣнной обязанности выработать себѣ міровоззрѣніе): это—такой же естественный процессъ въ духовномъ организмѣ человѣка, какъ прорастаніе усовъ, или прорѣзываніе зубовъ мудрости, или половое созрѣваніе—въ физическомъ.

Но физическое созрѣваніе человѣка не подлежитъ его вмѣшательству; въ духовномъ онъ—не только объектъ, но и свободный участникъ. Зубы мудрости непремѣнно прорѣзываются въ свое время, а нормальный ходъ духовнаго созрѣванія безконечно искажается историческими условіями, общественными предразсудками и личнымъ заблужденіемъ людей. То, что̀ уже полвѣка совершается съ нашей молодежью, представляетъ одно изъ самыхъ чудовищныхъ извращеній, какія можно вообразить. Собственная личность забыта, заброшена; думать о ней, прислушиваться къ своимъ внутреннимъ отзвукамъ на внѣшнюю жизнь, отыскивать свое мѣсто въ мірѣ идей, и для того погружаться въ этотъ міръ—никому и на умъ не приходитъ; даже просто смотрѣть на жизнь не приходится: широкая, свободная жизнь замѣнена тѣснымъ казематомъ политики, въ которомъ, не видя Божьяго свѣта, топчется толпа студентовъ и курсистокъ. „Политика“—великое, святое дѣло, и мы вовсе не согласны съ тѣми, кто утверждаетъ, что политика—не дѣло молодежи, что она требуетъ подготовки и опыта. Это не совсѣмъ вѣрно даже въ отношеніи къ политической практикѣ, и это совсѣмъ невѣрно въ отношеніи къ политическимъ чувствамъ и интересамъ; тамъ, гдѣ по политическимъ причинамъ искажена вся жизнь и милліоны гибнутъ въ нищетѣ и невѣжествѣ, тамъ молодежь съ ея свѣжей впечатлительностью не можетъ не горѣть политическимъ жаромъ; противоположное было бы неестественно и безчеловѣчно. Но ужасно, когда политика становится всѣмъ, ужасно даже въ профессіональномъ политическомъ дѣятелѣ, и сто-

кратъ ужаснѣе въ юношѣ, въ тѣ годы, когда созидается личность, потому что тогда личность остается просто несозданною. Изъ этой массы молодежи только очень немногіе, достигнувъ зрѣлости, всецѣло отдадутся политической дѣятельности,—и тѣ будутъ дурными, вредными дѣятелями, потому что они выростутъ, послѣ такой ненормальной молодости, не людьми въ настоящемъ смыслѣ слова, а калѣками. Огромное же большинство калѣками и уродами уйдутъ въ народную жизнь, на будничную культурную работу. Какъ они будутъ жить? какъ будутъ работать? Нормально жить и плодотворно работать можетъ только здоровый человѣкъ, а они больны, они даже вовсе не люди, потому что имени человѣкъ достойна только сознательно-цѣльная личность. То совпаденіе профессіи съ врожденными особенностями личности, которое дѣлаетъ работу плодотворной и даетъ удовлетвореніе человѣку, для нихъ невозможно, потому что оно осуществляется лишь тогда, когда личность ярко выражена въ сознаніи. И будутъ они стоять на самыхъ святыхъ мѣстахъ, проклиная каждый свое постылое мѣсто, и безобразна будетъ ихъ личная и семейная жизнь, и всѣ они будутъ неврастениками, въ тягость себѣ и народу, какъ дерево, въ юности искривленное вѣтромъ, само уродливое и мѣшающее расти другимъ. Выработать въ молодые годы свою личность—это законъ нашей духовной природы, и нарушеніе этого закона въ корнѣ и безповоротно искажаетъ всего человѣка. Еслибы кто-нибудь имѣлъ жестокость искусственными мѣрами предотвратить въ отрокѣ половое созрѣваніе, мы ужаснулись бы уродству, которое представлялъ бы этотъ отрокъ въ зрѣломъ возрастѣ; а наша интеллигенція вся духовно кастрируется политикой какъ-разъ въ годы духовнаго созрѣванія. Вотъ въ чемъ главное зло, а тупой консерватизмъ студенчества, узость, нетерпимость, невѣжество—только симптомы органическаго недуга. — М. Гершензонъ.

VII.

— К. Д. Ушинскій. Матеріалы для педагогической антропологіи и матеріалы для біографіи. (Собраніе неизданныхъ сочиненій). Спб. 1908 г.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, составившихъ очеркъ: „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи“, К. Д. Ушинскій мечталъ о томъ времени, когда родной его край увидитъ „типическія русскія личности въ высоко развитой, облагороженной формѣ, когда подобныя лица будутъ развивать въ воспитателяхъ благороднѣйшія черты русскаго характера, а воспитатели будутъ вызывать этотъ характеръ въ молодыхъ поколѣніяхъ русскаго народа“. Въ другомъ мѣстѣ великій пе-

дагогъ говорилъ объ исканіи „человѣка, на котораго съ гордостью можно было бы указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ и по безупречной дорогѣ котораго можно бы смѣло вести наши поколѣнія". Несомнѣнно, что мечтанія и исканія эти осуществились въ лицѣ самого Ушинскаго: именно онъ и есть тотъ человѣкъ, которымъ мы можемъ гордиться; и въ томъ, что мы смѣло не повели наши поколѣнія по безупречной дорогѣ, указанной имъ, лежитъ одно изъ наибольшихъ золъ нашей неустроенной школы и прежде, и нынѣ, и, къ глубокому сожалѣнію, впредь—кажется, на долгое время...

Недавно вышелъ томъ неизданныхъ сочиненій К. Д. Ушинскаго. Изъ нихъ только отрывки дневника о раннихъ годахъ жизни и свѣдѣнія о письмахъ по поводу воспитанія наслѣдника русскаго престола проникли въ печать. Подлинные тексты трехъ неоконченныхъ дневниковъ (о гимназическихъ и студенческихъ годахъ автора и отрывки о 1849 г.), писемъ къ „высокопоставленной" особѣ и лекцій молодого профессора по введенію въ курсъ „камеральныхъ наукъ" печатаются впервые. Бо̀льшую же часть книги занимаютъ матеріалы для третьяго тома „педагогической антропологіи". К. Д. при жизни успѣлъ обработать и издать два тома своего извѣстнаго классическаго труда: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія" (Опытъ педагогической антропологіи 1867 и 1869 гг.). Послѣдній томъ находился въ работѣ, когда Ушинскій безвременно скончался. Послѣ его смерти остались многочисленныя замѣтки, значительная часть которыхъ должна была войти въ III-й томъ изслѣдованія о воспитаніи человѣка. Эти замѣтки пересмотрѣны А. Н. Острогорскимъ и систематизированы по вопросамъ, какіе, надо полагать, должны были составить содержаніе этого тома педагогической антропологіи: свобода воли, стремленіе къ совершенству, этика и право, эстетическое чувство и отношеніе его къ морали, вѣра, языкъ и нѣкоторыя общія задачи педагогики. Конечно, любопытны и данныя выписки матеріаловъ для работы, сдѣланныя Ушинскимъ, но особенную важность представляютъ, по справедливому замѣчанію редактора, замѣтки самого ученаго педагога. Онѣ имѣютъ цѣну и для настоящаго времени, не говоря уже о томъ интересѣ, какой онѣ могутъ имѣть для біографа К. Д. и для историка педагогической литературы. Ушинскій, очевидно, не предназначалъ ихъ для печати, писалъ для себя, нерѣдко не стѣсняясь формою,—и это усугубляетъ ихъ интересъ. Эти замѣтки—то же, что этюды въ работѣ художника (стр. VII). А. Н. Острогорскій тщательно и аккуратно разобралъ и сличилъ выписки и замѣтки, сгруппировалъ ихъ, но, къ сожалѣнію, ограничился только этой внѣшне-формальной работой; „этюды" къ послѣдней работѣ знаменитаго учителя не снабжены никакими поясненіями или примѣчаніями и въ изданномъ

видѣ болѣе пригодны для спеціалистовъ, чѣмъ для широкой читающей публики.

Вторая половина книги вызываетъ общій интересъ многими мыслями, какія высказаны Ушинскимъ, особенно въ дневникахъ и письмахъ. Въ необыкновенно изящныхъ тонахъ написаны имъ отрывочныя воспоминанія о пребываніи въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка на родинѣ, въ провинціальной новгородъ-сѣверской гимназіи. Тамъ, въ этомъ захолустьѣ, гдѣ ютилось школьное зданіе, „длинное, низенькое, ветхое, почернѣвшее, болѣе походившее на паровую винокурню, чѣмъ на храмъ науки", гдѣ „въ старыхъ рамахъ дрожали окна, подгнившіе полы скрипѣли и прыгали, расколовшіяся двери притворялись плохо, длинныя старыя скамьи, совершенно утратившія первоначальную окраску, были изрѣзаны и исписаны многими поколѣніями", гдѣ на лицо были плохіе учебники и отсутствовали всякія педагогическія свѣдѣнія у преподавателей, тамъ Ушинскій и его сверстники впервые вкусили не только „сладость бытія", но и очарованіе страстной любви и уваженія къ наукѣ. „Изъ той или другой науки,—говоритъ авторъ,—мы узнавали кое-что", но любили и уважали то, что̀ узнавали, и это уже было много. И оно залегло навсегда въ юныхъ умахъ и сердцахъ учащейся братіи на-ряду съ первыми яркими впечатлѣніями почти деревенской природы и обстановки глухого уѣзднаго города. Въ этихъ дѣтскихъ переживаніяхъ К. Д. лежитъ источникъ непрестаннаго и горячаго его призыва воспитывать подростающія поколѣнія ближе къ этимъ, сильнымъ, очищающимъ и развивающимъ впечатлѣніямъ природы, которыя надо переиспытывать въ ранніе годы, такъ какъ „послѣ будетъ уже поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разсудокъ станетъ между человѣкомъ и природой". И въ душѣ великаго педагога глубоко залегли эти дѣтскія впечатлѣнія и освѣтили для него весь путь служенія подростающему молодому человѣчеству. Въ трогательныхъ и красивыхъ словахъ говоритъ Ушинскій о впечатлѣніяхъ своей ранней юности. „А воля, а просторъ, природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля; а розовая весна и золотистая осень развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головой овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго разрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, что такой день стоитъ

многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ. Толстыя каменныя стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ, дѣтскія кроватки, поставленныя необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцаръ у дверей—этотъ неумолимый церберъ дѣтскаго ада, вокругъ камень и желѣзо, желѣзо и камень не только безъ малѣйшаго обрывка зелени, но даже безъ куска земли, наверху кусокъ вѣчно закрытаго неба, внутри то гробовое молчаніе, то оффиціальный гулъ, въ которомъ исчезаетъ всякая личность, повсюду сердитые аргусовскіе глаза купленнаго надзора; повсюду форма и чинность, вѣчная чистота и лакировка—все это вѣетъ на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной безсмыслицей" (стр. 11)...

Ушинскій былъ сверстникомъ поколѣнія тѣхъ людей, о какихъ мы много хорошаго и бодраго знаемъ изъ ихъ біографій и художественныхъ воспроизведеній эпохи. Кто не помнитъ задушевныхъ словъ Ѳ. Лаврецкаго о жизнерадостной молодежи Калитинскаго дома? „Растите, молодыя силы,—думалъ онъ,—жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть! А вамъ надо дѣло дѣлать, работать, и благословеніе нашего брата, старика, будетъ съ вами" (Эпилогъ „Двор. гнѣзда"). И въ отрывкахъ университетскаго дневника за 1844—1845 гг. мы находимъ тѣ же созвучныя ноты и тѣ же думы молодого Ушинскаго. Подобно Тургеневу, онъ говоритъ: „приготовлять умы, разсѣивать идеи! Вотъ наше назначеніе. Мы живемъ не въ тѣ годы, чтобы могли дѣйствовать сами. Отбросимъ эгоизмъ, будемъ трудиться для потомства! Какъ отцы, отдадимъ себя трудамъ и страданіямъ, безплоднымъ для насъ, плодовитымъ для дѣтей нашихъ. Соберемъ неизсякаемыя сокровища, которыя пусть расточатъ наслѣдники наши. Рано еще дѣйствовать! Пробудимъ требованія, укажемъ разумную цѣль, откроемъ средства, расшевелимъ энергію,—дѣла появятся сами".

Центральнымъ моментомъ педагогической дѣятельности Ушинскаго были, какъ извѣстно, годы 1859-й—1861-й,—эпоха преобразованій Смольнаго института—„монастыря" [1]) и реформы женскаго образованія. Всѣмъ вѣдомо, что знаменитый реформаторъ и педагогъ находилъ для себя поддержку въ лицѣ императрицы Маріи Александровны. Когда, вопреки даже высокому покровительству, К. Д. принужденъ былъ оставить педагогическое поприще и жилъ за-границей, онъ видался съ императрицей въ Ниццѣ и велъ бесѣды по вопросамъ воспитанія. Эти вопросы глубоко волновали несчастную мать: у нея уми-

[1]) Объ этомъ времени см. интересныя воспоминанія Е. Водовозовой, печатающіяся въ „Русск. Богатствѣ".

ралъ сынъ-первенецъ, цесаревичъ Николай, въ *первоначальномъ* воспитаніи котораго „было много упущено“, какъ осторожно говоритъ Ушинскій. Еще въ исходѣ 50-хъ годовъ К. Д. предложено было изложить письменно для Маріи Александровны его мысли о воспитаніи наслѣдника русскаго престола. Тогда и написаны были четыре большихъ письма, не предназначавшихся къ печати и лишь нынѣ вошедшихъ въ собраніе сочиненій Ушинскаго. Много въ нихъ честныхъ, правдивыхъ мыслей, высказанныхъ настойчиво и нелицепріятно „сильнымъ міра сего“, людямъ той сферы, гдѣ „слово всегда можетъ стать дѣломъ“. Главное вниманіе автора было обращено на то, чтобы занять научными мыслями и общественными идеями умъ шестнадцатилѣтняго юноши. „Это такая пора,—говоритъ К. Д.,—когда человѣкъ, чтобы учиться, долженъ быть увлеченъ или самою наукою, или глубиною жизни, которую передъ нимъ раскроетъ наука. Въ эти годы душевной жажды всего больше надобно наблюдать за тѣмъ, чтобы эта жажда дѣйствительно удовлетворялась, но удовлетворялась тѣмъ, что должно, потому что если она не будетъ удовлетворена наукою, то все же отыщетъ себѣ удовлетвореніе, но, можетъ быть, отыщетъ самое жалкое и ничтожное“ (стр. 130). И Ушинскій набрасываетъ широкій планъ программы изученія наукъ особенно соціальныхъ или общественныхъ, т.-е. юридическихъ, политическихъ и государственныхъ, а мимоходомъ указываетъ въ своей системѣ на мѣсто, какое слѣдуетъ занять наукамъ математическимъ, а затѣмъ—знакомству съ изящной литературой, теоріей искусствъ и художественнымъ творчествомъ въ его разнообразныхъ формахъ.

Но К. Д. не ограничивается въ письмахъ одними педагогическими соображеніями; онъ много времени удѣляетъ характеристикѣ русскаго общества, монархической власти и бюрократическаго засилія. Яркая характеристика дана Ушинскимъ тремъ группамъ русскаго образованнаго слоя населенія,—людямъ съ сильными эгоистическими, антиобщественными стремленіями, людямъ со слабыми хаотическими общественными стремленіями, не выработавшимися въ убѣжденія, и мечтателямъ-утопистамъ (Письмо третье, стр. 144—149). Съ искреннею убѣжденностью и подкупающей увѣренностью напоминалъ К. Д. лицамъ, стоящимъ у власти, что „общество безъ высказанныхъ общественныхъ убѣжденій—самое опасное общество для правительства: это именно болото, зеленѣющее, гладкое, тихое, чуждое бурь, съ виду безопасное и даже заманчивое; но въ которомъ, гдѣ ни поставишь ногу, вездѣ провалишься и нигдѣ не найдешь точки опоры. Оно можетъ парализовать даже силу Геркулеса, ворочающаго горами; оно же засасываетъ и правительства понемногу, незамѣтно, посреди пышной лести, всѣхъ аттрибутовъ неограниченной власти, окружая его

кажущимся покоемъ и улыбающимися картинами мирнаго счастья". Ушинскій видѣлъ двѣ основныя причины такого государственнаго нестроенія: отсутствіе прочныхъ, постоянныхъ и ясно высказанныхъ политическихъ убѣжденій въ правительствѣ и отсутствіе общественныхъ убѣжденій въ самомъ обществѣ, что въ значительной степени зависитъ отъ воспитанія, какое получаетъ русское юношество, воспитанія, лишеннаго единства убѣжденія, не рѣшающагося ни на какое положительное направленіе, не дающаго человѣку никакихъ общественныхъ идей, которымъ бы онъ могъ всецѣло отдаться. И людямъ въ такой средѣ открываются только двѣ дороги: „или сдѣлаться эгоистомъ или утопистомъ, т.-е. или обманывать правительство и грабить народъ, или кинуться въ первую попавшуюся утопію и погибнуть безъ пользы"...

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Ушинскій писалъ: „Каждая школа, каждый педагогъ неизбѣжно выполняетъ одну изъ функцій,—или онъ готовитъ счастье своей странѣ, или несчастье". Невольно приходятъ на умъ эти слова, когда мыслью обратишься къ современной намъ педагогіи: готовитъ ли настоящій ея путь и намѣченное нынѣ направленіе спасеніе или гибель родному краю?

VIII.

— Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій. Съ 10 таблицами. Изд. Импер. Акад. Наукъ. Спб. 1907 г. Ц. 4 р. 50 к. или 10 марокъ.

Это поразительно дорогое и несовсѣмъ обычное изданіе появилось въ общей продажѣ въ началѣ текущаго года. Книга заключаетъ въ себѣ переводъ изслѣдованія чешскаго ученаго И. Режабека „Юрій II, послѣдній князь всея Малыя Руси" и „Прибавленія" къ этой статьѣ; затѣмъ, статьи С. Пташицкаго „Библіограф. обозрѣніе новѣйшей литературы о Юріи II" и „Дополнительныя замѣтки" къ ней; И. Линниченка „Замѣчанія на статьи проф. Режабека" и „Дополнительныя замѣчанія къ нимъ"; покойнаго А. Куника „Объяснительное введеніе къ грамотамъ и лѣтописнымъ сказаніямъ, касающимся Червонной Руси въ XIV в., съ приложеніемъ подлинныхъ текстовъ"; А. Лаппо-Данилевскаго „Дополнительныя замѣтки" и „Печати послѣднихъ галичско-владимирскихъ князей и ихъ совѣтниковъ". И вся эта тяжелѣйшая научная артиллерія со многими „дополненіями" ученѣйшихъ людей понадобилась для утвержденія, собственно говоря, всего лишь очень немногихъ положеній, какія мы находимъ на двухъ страницахъ основной работы И. Режабека. Онъ несомнѣнно доказалъ, что Юрій II

и Болеславъ Тройденовичъ, послѣдній князь всей Малороссіи (на грамотахъ—dux totius Russiae Minoris) есть одно и то же лицо. Болеславъ Тройденовичъ, при переходѣ въ православіе, принялъ новое имя Юрія II-го и, такъ какъ подъ этимъ именемъ вступилъ на галичско-владимирскій столъ (1325—1340), то удержалъ его даже послѣ того, какъ вернулся въ лоно католической церкви (д. б., въ 1327 г.). То, что имена Юрій и Болеславъ принадлежали одному и тому же лицу, прямо вытекаетъ изъ свидѣтельства Іоанна изъ Чарнкова (Изд. Bielowski въ „Monumenta Polon. historica“ ч. II Chronicon Polonorum) о походѣ польскаго короля Казимира на Галичъ, предпринятаго въ 1340 г. съ цѣлью отомстить за насильственную смерть Юрія-Болеслава, а затѣмъ изъ разсказа о походѣ польскаго короля на г. Владимиръ-Волынскій 1349-го г., по какому случаю авторъ „Chronic. Polon.“ опять упоминаетъ объ отравленномъ сынѣ Тройдена Болеславѣ (см. op. cit. стр. 22—23). Вотъ и все самое существенное въ работѣ Режабека, опровергнувшее утвержденіе Карамзина и другихъ историковъ, что Юрій II и Болеславъ Т.—два различныя лица. Но вѣдь это мнѣніе достаточно старое: уже 25-ть лѣтъ назадъ И. Режабекъ напечаталъ свое изслѣдованіе по-чешски въ „Часописи Чешскаго музея“ 1883 г. Съ тѣхъ поръ мнѣніе его принято историками (Дашкевичъ, Линниченко, Грушевскій, Лонгиновъ, Филевичъ и др.), и не понятно, для чего и для какой, хотя бы и ученой, публики изданъ переводъ этого труда съ обильными дополненіями и прибавленіями русскихъ ученыхъ. Положимъ, нашлись и послѣ 1883-го года три ученыхъ, утверждавшихъ о двойственности Юрія II и Болеслава Тройденовича, но двое изъ нихъ—гг. Андріяшевъ и Любавскій—не знакомы были съ работой чешскаго ученаго, а г. Ивановъ („Историч. судьбы Волынской земли“) ничего убѣдительнаго не сказалъ и ничего новаго не доказалъ въ своемъ изслѣдованіи. Считаться съ подобными историческими промахами и для ихъ исправленія издавать цѣлый томъ матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ—по меньшей мѣрѣ трудъ безполезный и непроизводительный. Мы далеки отъ мысли, что настоящее изданіе появилось для другихъ цѣлей: для установленія, напримѣръ, того „положенія, что послѣдніе князья галичско-владимирскіе, подобно польскимъ государямъ, уже слѣдовали западно-европейскимъ модамъ“ (см. итоги большого изслѣдованія академика Лаппо-Данилевскаго) или для использованія старыхъ работъ русскихъ ученыхъ, залежавшихся въ типографскихъ складахъ Академіи Наукъ, благодаря небрежности академика Куника, или, тѣмъ болѣе, для увѣковѣченія неаккуратности и разбросанности покойнаго ученаго, оставившаго неоконченные, а иногда и нецѣнные матеріалы, предпріятія и работы въ академическихъ архивахъ. Однако, для кого же и для

чего изданъ этотъ томъ трудовъ, приводящій въ недоумѣніе даже спеціалистовъ-историковъ?

Мы пишемъ эту замѣтку, руководствуясь лишь уваженіемъ къ работамъ и изданіямъ нашей Академіи Наукъ. Большихъ, серьезныхъ и важныхъ вопросовъ по русской исторіи—неисчерпаемое количество. Академически научная постановка и рѣшеніе ихъ особенно цѣнны. И ученые въ своихъ прекрасно обставленныхъ изданіяхъ несомнѣнно могли бы болѣе продуктивно и для болѣе широкаго круга читателей использовать и свои научныя знанія, и накопившіеся матеріалы, чѣмъ въ указанномъ нами случаѣ изданія старыхъ бумагъ и комментаріевъ къ нимъ.—И. Жит.

IX.

— Викторъ Черновъ. Соціалистическіе этюды. Москва. 1908.

Соціализмъ давно уже пріобрѣлъ на Западѣ опредѣленную физіономію, прочную позицію и немалое вліяніе въ области политической жизни. Явившись первоначально какъ кабинетное ученіе съ утопическимъ характеромъ и распространяясь по преимуществу въ кругу интеллигентныхъ лицъ, соціализмъ съ теченіемъ времени расширялъ свою аудиторію, проникъ въ рабочіе классы и соотвѣтственно измѣнилъ и свой характеръ, и свою тактику. Пытаясь первоначально примѣнить свои идеи на практикѣ путемъ устройства поселеній съ коммунистическимъ строемъ жизни и выступивъ затѣмъ на путь политической агитаціи для насильственнаго ниспроверженія господствующаго порядка, соціализмъ въ концѣ концовъ съ почвы утопіи перешелъ на реальную, революціонный характеръ замѣнилъ эволюціоннымъ, попытки насильственнаго ниспроверженія существующаго—мѣрами организаціи и подготовленія пролетаріата къ овладѣнію правительственной властью послѣ того, какъ естественная эволюція приведетъ къ ожидаемому имъ кризису капиталистическаго строя—знаку того, что настало время водворенія иныхъ, совершенно противоположныхъ соціальныхъ порядковъ. Соціализмъ на Западѣ имѣетъ огромную научную, критическую и пропагандистскую литературу; прямое и косвенное его вліяніе замѣтно во многихъ областяхъ мысли и жизни; съ нимъ спорятъ, его изучаютъ, объясняютъ и комментируютъ; и вліяніе его идей можно замѣтить у лицъ, выступающихъ его критиками и даже противниками.

Въ свое время соціализмъ объявился и въ Россіи. Первоначально это было чисто заимствованное ученіе утопическаго характера; но вскорѣ оно стало такъ или иначе искать для себя почвы въ явле-

ніяхъ русской дѣйствительности. Исканіе это имѣло теоретическій и практическій характеръ. Въ фактѣ существованія общины публицисты видѣли задатокъ того, что наша страна представляетъ болѣе подготовленную почву для соціалистическихъ порядковъ. Въ томъ же самомъ фактѣ, въ извѣстномъ воззрѣніи народа на землю, какъ на Божій даръ, по справедливости не подлежащій частному присвоенію,— въ связи съ недовольствомъ его крестьянской реформой, соціалистическая молодежь 60-хъ и 70-хъ годовъ усматривала благопріятную комбинацію для попытокъ насильственнаго ниспроверженія господствующаго порядка. Переходъ западно-европейскаго соціализма съ утопической на реальную и научную почву двоякимъ образомъ отразился въ Россіи. У насъ получило широкое распространеніе изученіе экономическаго строя и его эволюціи — въ связи съ общей эволюціей хозяйства цивилизованныхъ народовъ, — и результаты его пытались использовать либо для доказательства полной приложимости къ нашей странѣ ученія такъ называемаго научнаго соціализма о томъ, что путь къ соціализму идетъ черезъ капитализмъ,—либо для установленія такихъ особенностей хозяйственнаго развитія Россіи, которыя значительно измѣняютъ вѣроятный процессъ перехода одного строя въ другой, сравнительно съ тѣмъ, какой предвидѣли на Западѣ. У насъ же имѣются и попытки образованія соціалъ-демократической политической партіи по образцу Германіи. Экономическія изслѣдованія Россіи производились въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не подъ флагомъ соціализма. Для научнаго обоснованія соотвѣтствующей идеи требуется безпристрастное изслѣдованіе объективнаго порядка вещей, а таковое вовсе не требуетъ ссылки на образъ мыслей изслѣдователя. Исповѣданіе соціализма къ тому же грозило исповѣдующему полицейскими преслѣдованіями, и самое слово „соціализмъ“ еще очень недавно употреблялось въ печати съ опаской. По этимъ причинамъ произведенія печати не даютъ правильнаго понятія о распространеніи соціалистическихъ идей въ Россіи; послѣднія пользуются у насъ большой популярностью и въ той или иной степени усвоены даже писателями, не считающимися соціалистами.

Въ самые послѣдніе годы положеніе значительно измѣнилось. Несмотря на прежній произволъ администраціи, наша печать во многихъ отношеніяхъ пользуется теперь гораздо бо̀льшей свободой, нежели четыре-пять лѣтъ тому назадъ. Правительство и владѣющіе классы увидали передъ собой реальнаго и болѣе опаснаго врага, чѣмъ идеи соціализма, осуществленіе котораго въ дѣйствительности самыми горячими его приверженцами ожидается лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; и произведенія западныхъ и русскихъ соціалистовъ заняли видное мѣсто на книжномъ рынкѣ. Къ числу такихъ

произведеній относится и книга, названная въ заголовкѣ настоящей замѣтки, составленная преимущественно изъ статей, появлявшихся въ нашихъ журналахъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Авторъ принадлежитъ къ тому крылу русскаго соціализма, которое въ явленіяхъ эволюціи хозяйственныхъ (и частью политическихъ) отношеній страны усматриваетъ основанія для того, чтобы не считать путь соціальнаго развитія Россіи и обусловливаемую имъ тактику соціалистическихъ партій совершенно слѣдующими тому направленію, какое наблюдается въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ, и пытается указать нѣкоторыя особенности явленій данной категоріи. Въ этомъ вопросѣ, впрочемъ, авторъ не становится на націоналистическо-патріотическую точку зрѣнія, согласно которой Россія противополагается всему остальному человѣчеству, какъ нѣчто совершенно самобытное. Основываясь на произведеніяхъ Герца, Зомбарта и другихъ писателей, г. Черновъ лишь указываетъ, что и въ самой Западной Европѣ можно замѣтить разные типы капитализма; и тѣмъ болѣе оригинальныхъ чертъ должна заключать экономическая эволюція Россіи, выступившей на путь промышленнаго развитія позже другихъ государствъ и проходящей его при опредѣленной комбинаціи положительныхъ и отрицательныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій. Въ этомъ отношеніи Россія ближе примыкаетъ къ такимъ— въ промышленномъ отношеніи, сравнительно, отсталымъ — странамъ, какъ Венгрія и Италія, и авторъ настаиваетъ на томъ, что изученіе соціалистическаго движенія въ этихъ странахъ представляетъ, поэтому, для насъ особенный интересъ.

Главной темой данной работы являются, однако, не экономическіе, а соціально-философскіе и политическіе вопросы, при чемъ — на-ряду съ позиціей объективнаго соціолога — авторъ фигурируетъ по временамъ и въ роли защитника программы и тактики опредѣленной партіи. Онъ, поэтому, не разъ вступаетъ въ полемику съ различными теченіями нѣмецкаго (и отражающаго его русскаго) марксизма, относясь одинаково отрицательно и къ фатализму ортодоксальнаго марксизма, ожидающему, что новый соціальный строй созрѣетъ въ рамкахъ господствующихъ порядковъ чуть не такъ же естественно, какъ созрѣваетъ на деревѣ яблоко; и съ оппортунизмомъ ревизіонистскаго теченія, утверждающаго, что въ соціальной жизни движеніе — все, а предполагаемая конечная его цѣль—почти ничто. Какъ практическій политикъ, г. Черновъ никогда не теряетъ изъ виду такъ называемой „конечной" цѣли (которую онъ понимаетъ не какъ „абсолютъ, дальше котораго нѣтъ ничего, а какъ общій принципъ, суммирующій всѣ частныя цѣли"), и въ борьбѣ съ противными ему порядками считаетъ правильнымъ руководиться не соображеніями о бо̀льшей или меньшей

зрѣлости даннаго явленія, а разсчетомъ того — выполнима ли намѣченная цѣль, при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ.

Въ сборникѣ г. Чернова напечатана, между прочимъ, статья о Н. К. Михайловскомъ, какъ „политическомъ публицистѣ". Въ этой статьѣ покойный писатель рисуется „въ легальной литературѣ тѣмъ опытнымъ рулевымъ, который твердою рукою ведетъ утлую ладью нарождающагося соціально-политическаго самосознанія между подводныхъ скалъ, шхеръ и заливовъ, оканчивающихся непроходимыми тупиками, въ открытое море широкой и смѣлой борьбы" (стр. 226). Мы не можемъ здѣсь, конечно, разбирать эту статью, но считаемъ умѣстнымъ указать на недостаточное разграниченіе въ ней двухъ предметовъ: вліянія покойнаго писателя на развитіе „соціально-политическаго сознанія" и его роль кормчаго „въ открытомъ морѣ широкой и смѣлой борьбы". Выдающаяся роль Михайловскаго въ первомъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію; его значеніе какъ практическаго политика—подлежитъ еще выясненію. Недавно опубликованныя его письма къ П. А. Лаврову, напр., свидѣтельствуютъ о томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ 70-хъ годовъ Михайловскій не былъ и не могъ быть кормчимъ той „утлой ладьи", которая, въ лицѣ молодежи, беззавѣтно бросилась въ глубины народнаго моря, какъ бы выражая этимъ сознаніе необходимости въ практической работѣ въ интересахъ народа опираться на этотъ самый народъ. Какъ можно заключить изъ этихъ писемъ, онъ былъ занятъ тогда подготовкой молодого поколѣнія „къ тому моменту, когда настанетъ время дѣйствовать", или—выражаясь терминами г. Чернова—выясненіемъ вопросовъ „нарождающагося соціально-политическаго самосознанія". Что же касается „повелительнаго наклоненія", какъ обозначаетъ Михайловскій лозунгъ „широкой и смѣлой борьбы", котораго—по его словамъ—„молодежь очень ждетъ", таковое онъ выражаетъ въ совѣтѣ Лаврову: „сидите и готовьтесь" къ моменту дѣйствія, который конечно настанетъ „въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ", но въ какой формѣ онъ придетъ — ему неизвѣстно. „Я не революціонеръ, — пишетъ Михайловскій Лаврову—всякому свое" [1]; а у знаменитаго русскаго соціолога-публициста достаточно „своего", и нѣтъ надобности надѣлять его тѣмъ, что ему не принадлежало. Революціонное движеніе 70-хъ годовъ, въ концѣ концовъ, однако, увлекаетъ Михайловскаго, быть можетъ увидавшаго въ немъ „форму дѣйствія", соотвѣтствующую наступившему моменту политическаго освобожденія русскаго народа, и онъ примыкаетъ къ „Народной Волѣ". Но эта организація и представляемое ею движеніе окончательно разби-

[1]) „Минувшіе Годы", 1908 г. № 1.

ваются, а послѣ того Михайловскій могъ бы опять сказать: „я не знаю, въ какой формѣ придетъ моментъ дѣйствія". По крайней мѣрѣ, г. Черновъ не даетъ никакихъ указаній на тактику, рекомендованную покойнымъ писателемъ для восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ и на его отношеніе къ дѣйствовавшимъ тогда организаціямъ.

Но предшествовавшія движенія не прошли въ этомъ отношеніи безслѣдно. Они оставили не только отрицательныя, а и положительныя указанія тактическаго характера. И въ ряду литературныхъ представителей прежнихъ теченій могло возникнуть разномысліе по этому вопросу и повести къ разрыву. Это и было, мнѣ кажется, одной изъ важныхъ причинъ разъединенія писателей народническаго лагеря въ истекшемъ десятилѣтіи. На этомъ эпизодѣ счелъ нужнымъ остановиться и авторъ статьи о Михайловскомъ, но вмѣсто того, чтобы описать его на основаніи документовъ литературнаго или не-литературнаго характера, онъ руководствуется слухами, очень мало соотвѣтствующими дѣйствительному положенію вещей.

X.

— Поль Дюбуа. Пропорціональное представительство въ опытѣ Бельгіи. Переводъ Ив. Блинова и З. Дзичканецъ. Спб. 1908.

Во всѣхъ конституціонныхъ странахъ примѣнялась до послѣдняго времени исключительно система представительства въ парламентахъ большинства населенія, и только въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи примѣнялось пропорціональное представительство. Между тѣмъ на практикѣ примѣненіе первой системы привело къ тому, что народные парламенты сплошь и рядомъ представляли меньшинство, а не большинство населенія, а законодательные въ нихъ акты нерѣдко проводились даже представителями $^1/_4$ или $^1/_3$ части населенія. Ни одинъ парламентъ Франціи, напр., начиная съ 1877 по 1902 г., не былъ выраженіемъ той идеи—управленія большинства,—которую онъ представлялъ въ теоріи; и входившіе въ него депутаты представляли лишь отъ 43 до 49% гражданъ, пользовавшихся избирательнымъ голосомъ. Эти депутаты были избраны большинствомъ голосовавшихъ, но такъ какъ извѣстная часть избирателей не пользовалась правомъ подачи голоса, то они оказались представляющими не большинство, а меньшинство населенія страны. Такіе практическіе результаты господствующаго избирательнаго права послужили дополнительнымъ аргументомъ въ пользу мнѣнія о предпочтительности избирательной системы, которая давала бы представительство въ парламентахъ всему разнообразію мнѣній и партійныхъ группировокъ и дѣ-

лала бы изъ него по возможности точное отраженіе политическаго настроенія страны,—въ пользу мнѣнія о представительствѣ пропорціональномъ.

Первые примѣнили эту систему нѣкоторые кантоны Швейцаріи; но они представляютъ слишкомъ малыя территоріальныя единицы и слишкомъ мало интересуютъ другія страны для того, чтобы ихъ опытъ обратилъ на себя общее вниманіе. Въ послѣднее время пропорціональное представительство начинаетъ вводиться и нѣкоторыми самостоятельными, правда, второстепенными государствами. Съ 1900 г. пропорціональное представительство введено въ. Бельгіи, а съ 1909 г. по этой системѣ будутъ произведены выборы депутатовъ въ законодательное собраніе Швеціи. Кромѣ того, пропорціональное представительство принято въ 1906 г. и финляндскимъ сеймомъ. Книжка, указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки, имѣетъ задачей изслѣдовать результаты новой избирательной системы, на основаніи данныхъ о четырехъ сессіяхъ парламентскихъ выборовъ въ Бельгіи, и провѣрить справедливость тѣхъ ожиданій положительнаго и отрицательнаго характера, которыя высказывались относительно этой системы. Со вступленіемъ на конституціонный путь нашего отечества, вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ получаетъ для насъ не одинъ только теоретическій интересъ, и ознакомленіе публики съ вышеназваннымъ трудомъ Поля Дюбуа является, поэтому, вполнѣ своевременнымъ, тѣмъ болѣе что вся русская литература по данному вопросу исчерпывается двумя-тремя небольшими книжками.

Первымъ очевиднымъ результатомъ примѣненія новой системы было сокращеніе абсентеизма избирателей, и безъ того впрочемъ незначительнаго въ Бельгіи, гдѣ въ 1893 г. введена обязательная подача голосовъ. При старой избирательной системѣ отъ подачи голоса уклонялось 13%, а при новой — 5—6% избирателей. Сокращеніе абсентеизма было естественнымъ послѣдствіемъ системы пропорціональнаго представительства, потому что при этой послѣдней могли разсчитывать на представительство въ парламентѣ и сравнительно малочисленныя политическія организаціи. Указанное обстоятельство имѣло послѣдствіемъ и замѣтное улучшеніе пріемовъ предвыборной борьбы. Будучи увѣренными въ полученіи нѣкотораго числа депутатскихъ креселъ, политическія партіи не такъ нуждаются нынѣ въ привлеченіи на свою сторону безпартійныхъ избирателей, и потому предвыборная борьба потеряла прежнюю страстность; „насиліе, обманъ и подкупъ потеряли большую часть своего значенія“, и партіи избавлены отъ соблазна пріобрѣтать депутатскія мѣста путемъ сомнительныхъ компромиссовъ и безнравственныхъ союзовъ. Произошло такимъ образомъ замѣтное улучшеніе политическихъ нравовъ и „даже пресса

почти совершенно отказалась отъ личныхъ нападокъ и особыхъ пріемовъ послѣдняго часа борьбы, что̀ ранѣе составляло ея единственное оружіе и являлось основаніемъ всей избирательной стратегіи".

При господствѣ представительства большинства—если въ данномъ избирательномъ округѣ ни одна партія не могла объединить около своего знамени нужное число голосовъ — избирателямъ приходилось вступать въ соглашеніе и сдѣлки, „въ которыхъ каждый принужденъ былъ отступаться отъ части дорогихъ ему убѣжденій". Главной заботой борющихся группъ въ этихъ случаяхъ являлось „не самоопредѣленіе, не установленіе твердой и ясной программы", а угожденіе большинству, и наибольшій успѣхъ ожидалъ того кандидата, „который найдетъ новую формулу, лишенную точности и соотвѣтствующую поэтому самымъ разнообразнымъ надеждамъ", или кандидата, независимо отъ своихъ достоинствъ, извѣстнаго въ своемъ околоткѣ, кандидата, состоящаго, напр., „почетнымъ президентомъ музыкальнаго кружка своего селенія". Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства, депутатскія кресла сплошь и рядомъ занимаютъ далеко не лучшіе люди партіи, и отъ этого страдаютъ главнымъ образомъ партіи меньшинства, часто имѣющія представителями „полнѣйшихъ бездарностей, неспособныхъ защищать ихъ интересы". Введеніе пропорціональнаго представительства если не совершенно уничтожило, то значительно ограничило примѣненіе описанныхъ пріемовъ избирательной кампаніи въ Бельгіи. Партіи получили теперь возможность почти всегда проходить въ парламентъ подъ собственнымъ знаменемъ и проводить туда по крайней мѣрѣ своихъ лидеровъ. Вслѣдствіе этого избирательная борьба получила болѣе принципіальный характеръ, и умственный уровень депутатовъ значительно повысился. Новая система, наконецъ, сдѣлала положеніе партій въ парламентѣ болѣе прочнымъ, и этимъ объясняется фактъ проведенія этой системы консервативной партіей (католической), несмотря на то, что она ожидала отъ того потери нѣсколькихъ десятковъ голосовъ.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ пропорціональное представительство не лишено и нѣкоторыхъ неудобствъ. Если и можно согласиться, напр., съ мнѣніемъ Поля Дюбуа, что, при отсутствіи большинства въ странѣ, естественно, что его не будетъ и въ парламентѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать большимъ неудобствомъ управленія, если, за многочисленностью представленныхъ въ парламентѣ партій, трудно составить опредѣленное большинство. Опытъ Бельгіи не достаточенъ для разъясненія этого вопроса, потому что и при пропорціональномъ представительствѣ, какъ и при старой системѣ, большинство въ парламентѣ принадлежитъ той же католической партіи.

XI.

— А. И. Ярошевичъ. Очерки экономической жизни юго-западнаго края. Вып. I. Къ освѣщенію хуторскаго вопроса. Кіевъ. 1908.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, одинъ крупный русскій землевладѣлецъ объявилъ конкурсъ на сочиненіе о хуторскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ на премію, кажется, въ десять тысячъ рублей. Прошло десять лѣтъ, сочиненій на конкурсъ представлено не было, и наслѣдники этого помѣщика закрыли состязаніе. Такова была популярность идеи о хуторскомъ хозяйствѣ въ 70 — 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія! Въ настоящее время положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Разселеніе крестьянъ на хутора сдѣлалось лозунгомъ аграрной политики, энергично пропагандируется крупными землевладѣльцами и еще энергичнѣе проводится въ жизнь правительствомъ. Мотивомъ такого пристрастія къ хуторамъ выставляется, конечно, благо самихъ крестьянъ и польза государства отъ имѣющаго послѣдовать за разселеніемъ поднятія производительности земли. Но мнѣніе посторонникъ наблюдателей иначе расцѣниваетъ мотивы этого движенія, а авторъ вышеуказанной книжки, на основаніи документальныхъ данныхъ, объясняетъ пристрастіе западныхъ помѣщиковъ къ хуторскому разселенію крестьянъ классовыми ихъ интересами. Это открыто выражали многіе докладчики и ораторы въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ юго-западныхъ губерній, которые были учреждены въ началѣ текущаго десятилѣтія. „Съ хуторскимъ разселеніемъ—говорится, напр., въ одномъ докладѣ—самъ собою отпадаетъ наиболѣе острый вопросъ юго-западнаго края — объ общей толокѣ. Общія крестьянъ съ помѣщиками пастбища потеряютъ всякое значеніе передъ огромнымъ преимуществомъ многопольнаго—какимъ будетъ хуторское—хозяйства. Вопросъ о вознагражденіи крестьянъ со стороны помѣщиковъ за лишеніе ихъ этого миѳическаго хозяйственнаго придатка самъ собой сойдетъ со сцены. Горючій матеріалъ, взрывы котораго такъ часты и который грозитъ въ будущемъ самыми серьезными осложненіями, будетъ разъ навсегда устраненъ изъ жизни“. „Трудясь надъ своимъ хуторомъ, дорожа имъ, какъ своею собственностью, крестьянство перевоспитается и привыкнетъ уважать и чужую“—значится въ другомъ докладѣ подольскому сельско-хозяйственному комитету.

Подольскіе землевладѣльцы настолько убѣдились въ благодѣтельномъ для нихъ значеніи хуторскаго разселенія крестьянъ, что — въ лицѣ мѣстнаго общества сельскаго хозяйства—обратились къ такимъ же обществамъ сосѣднихъ губерній съ предложеніемъ присоединиться къ

данному требованію, „какъ къ объединительной программѣ землевладѣльцевъ". А послѣ того какъ возникъ вопросъ о принудительномъ отчужденіи въ пользу крестьянъ помѣщичьихъ земель, данная идея распространилась очень быстро за предѣлы того района, гдѣ она возникла, и „разселеніе крестьянъ хуторами получило значеніе политическаго лозунга, стало фигурировать въ партійныхъ программахъ, и связь его съ опредѣленными соціальными интересами проявляется еще яснѣе". Заявленіе крестьянъ о ихъ правѣ на церковную землю побудило и православное духовенство примкнуть къ этой программѣ. Такими путями скромная мѣра исправленія внѣшнихъ порядковъ землепользованія обратилась у насъ въ политическій лозунгъ, хотя и прикрывающійся разсужденіями о его благодѣтельности, но истинная природа котораго проявляется въ томъ, что эта мѣра, умѣстная при извѣстной комбинаціи естественныхъ и общественныхъ условій, рекомендуется для всей страны, со всѣмъ разнообразіемъ ея въ географическомъ, климатическомъ, почвенномъ, экономическомъ и соціально-культурномъ отношеніяхъ.

Многіе, на этомъ основаніи, относятся къ идеѣ отрубного крестьянскаго хозяйства совершенно отрицательно; но А. И. Ярошевичъ не принадлежитъ къ ихъ числу. Напротивъ того, анализируя данныя о переходѣ крестьянъ на хутора въ западныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, собранныя въ извѣстномъ трудѣ г. Кафода (о которомъ въ свое время была рѣчь и въ нашемъ журналѣ), онъ пытается выяснить естественныя условія даннаго движенія, и находитъ ихъ какъ въ особенностяхъ почвы, состава угодій и водоснабженія, такъ и въ мѣрѣ обезпеченія крестьянъ землею, а также въ исторически сложившихся, примѣнительно къ перечисленнымъ условіямъ, привычкахъ населенія. Данный край, характеризующійся равниннымъ характеромъ мѣстности, обиліемъ лѣсовъ и болотъ, разбросанностью мелкими площадями удобныхъ для поселенія и для раздѣлки подъ пашню пространствъ и страдающій скорѣе отъ избытка, чѣмъ отъ недостатка воды, „искони заселялся преимущественно мелкими и даже однодворными деревнями", а въ настоящее время покрытъ мелкими поселеніями. И когда назрѣла потребность въ перестройкѣ въ опредѣленномъ направленіи хозяйства, населеніе пошло знакомымъ ему путемъ разселенія, которое въ западной полосѣ поэтому „лишь продолжаетъ старую традицію".

Совершенно въ иныхъ условіяхъ находится, напр., юго-западный свеклосахарный районъ, гдѣ первоначально и возникла въ помѣщичьей средѣ идея о разселеніи крестьянъ. Выясненію этихъ условій посвящена вторая половина разсматриваемаго труда. Главнѣйшимъ естественнымъ препятствіемъ разселенію служитъ здѣсь холмистый ха-

рактеръ мѣстности, опредѣляющій и характеръ распредѣленія воды, легко доступной лишь въ долинахъ, которыя сдѣлались поэтому единственнымъ почти пріютомъ поселеній, и послѣднія приняли крупные размѣры. Густое населеніе при черноземной почвѣ, вмѣстѣ съ преобладаніемъ крупныхъ частныхъ имѣній, обусловили крайнюю дробность крестьянскихъ владѣній, что уже само по себѣ служитъ большимъ препятствіемъ выходу на хутора, который, кромѣ того, непосиленъ мелкому владѣльцу и по расходамъ, связаннымъ съ переносомъ усадебъ и устройствомъ на холмахъ глубокихъ колодцевъ. Но и хозяйственная потребность въ разселеніи въ этомъ черноземномъ районѣ чувствуется слабо, и приспособленіе техники крестьянскаго хозяйства къ новымъ потребностямъ и условіямъ совершается здѣсь въ формахъ, значительно отличныхъ отъ того, что наблюдается въ Полѣсьѣ, и мирящихся съ черезполосицей крестьянскихъ участковъ и вытекающимъ изъ того смѣшеніемъ хозяйственной дѣятельности земледѣльцевъ.

Хуторское разселеніе врядъ-ли, поэтому, способно привлечь симпатіи населенія юго-западнаго края, и попытки помѣщиковъ заинтересовать его въ этомъ, путемъ личнаго знакомства съ разселившимися районами, успѣха до сихъ поръ не имѣли. Но что сказано г. Ярошевичемъ относительно юго-западныхъ губерній, съ тѣми или другими поправками приложимо и ко многимъ другимъ мѣстностямъ Россіи. Между тѣмъ землеустроительныя коммиссіи, выполняющія программу аграріевъ, и другія начальствующія лица всѣми правдами и неправдами побуждаютъ крестьянъ разселяться хуторами, совершенно не думая о возможныхъ отрицательныхъ послѣдствіяхъ этого разселенія. Думать объ этомъ, впрочемъ, надлежитъ не столько имъ, сколько высшему правительству, проводящему такую политику. Между тѣмъ, успѣшное осуществленіе идеи разселенія тамъ, гдѣ оно не вызывается путемъ естественнаго развитія хозяйства, рисуя впереди нѣчто весьма неопредѣленное и проблематичное, разбиваетъ формы быта, приспособляющіяся не только къ данному состоянію хозяйства, но и къ нѣкоторому его движенію впередъ. Если имѣется въ виду облегчить крестьянамъ это движеніе — слѣдуетъ „постараться отыскать въ наличномъ строѣ крестьянской жизни отправныя нити для дальнѣйшаго здороваго развитія и всячески избѣгать болѣзненныхъ „отрубовъ“ живой ткани этого строя“. Сказанное, прибавимъ отъ себя, въ особенности приложимо къ районамъ общиннаго землевладѣнія, потому что во многихъ мѣстахъ община показала себя достойнымъ руководителемъ мелкихъ земледѣльцевъ на пути сельско-хозяйственнаго прогресса, облегчая этотъ путь не только болѣе сильнымъ (какъ хуторское разселеніе), но и слабымъ элементамъ деревни. Раз-

бить этотъ институтъ, жертвуя правами общины въ пользу отдѣльныхъ, болѣе сильныхъ ея элементовъ,—не трудно; но ручаться за то, что на мѣстѣ разсыпанной храмины будетъ воздвигнуто лучшее зданіе—никто не можетъ. Здравая аграрная политика, поэтому, не ставитъ себѣ задачей быстрое разрушеніе существующаго; она начинаетъ ощупью, и ея шаги дѣлаются увѣреннѣе, по мѣрѣ того, какъ опытъ раскрываетъ ей путь правильнаго прогрессивнаго развитія. Стремительность мѣръ правительства въ области аграрнаго вопроса яснѣе всего, поэтому, подтверждаетъ развиваемую въ разсматриваемомъ произведеніи г. Ярошевича мысль объ узко-классовомъ, а не широко-государственномъ характерѣ современной аграрной политики.

XII.

— С. Закъ. Статистическій ежегодникъ. Соціально-политическія таблицы всѣхъ странъ міра. Годъ второй. Одесса. 1908.

„Освободительное движеніе“ послѣднихъ лѣтъ принесло, между прочимъ, распространеніе въ обществѣ интереса къ такимъ вопросамъ и предметамъ, которые ранѣе того привлекали къ себѣ вниманіе лишь небольшой группы читателей, по тѣмъ или другимъ причинамъ особенно къ нимъ тяготѣвшихъ. Такая популяризація спеціальныхъ, казалось бы, предметовъ явилась послѣдствіемъ двухъ фактовъ. Призваніе, хотя бы пока больше въ принципѣ, всего народа къ участію въ управленіи страною выдвинуло на обсужденіе всего общества такіе вопросы и заставило его обратиться, для ихъ уясненія, къ такимъ матеріаламъ, которые въ прежнее время были ему извѣстны лишь по наслышкѣ. Обостреніе въ послѣдніе годы классовыхъ антагонизмовъ, выразившееся въ сферѣ землевладѣнія посягательствами крестьянскихъ массъ на помѣщичьи земли, съ одной стороны, и стремленіемъ аграріевъ разрушить общину и на ея развалинахъ создать мелкую частную собственность, по возможности отрубного характера—съ другой, и первые рѣшительные шаги правительства въ этомъ направленіи не могли не создать живѣйшаго интереса не только къ вопросамъ землевладѣнія и землепользованія вообще, но и къ такому, повидимому, узко спеціальному предмету, какъ вопросъ объ отрубномъ и черезполосномъ владѣніи, объ условіяхъ возникновенія и возможныхъ послѣдствіяхъ перваго, о причинахъ и средствахъ уничтоженія послѣдняго и т. п. Для того же, чтобы разобраться во всѣхъ вопросахъ, намѣчаемыхъ стихійнымъ развитіемъ жизни и представшихъ на разрѣшеніе не одного только правительства, а всего общества и даже всего народа, требуются такія знанія и такія фактическія справки,

какія прежде не обращали на себя вниманія широкихъ круговъ читателей. Этимъ, конечно, и вызвано появленіе въ послѣдніе годы частныхъ изданій статистическихъ справочниковъ, изъ коихъ справочникъ, составляющій предметъ настоящей замѣтки и задуманный какъ ежегодно повторяющаяся публикація, выходитъ уже вторымъ изданіемъ. Въ свое время нашъ журналъ обратилъ вниманіе на это изданіе, и мы можемъ по отношенію къ новому его выпуску ограничиться замѣчаніемъ, что, улучшивъ расположеніе матеріала, введя нѣкоторыя новыя данныя и новые отдѣлы и исправивъ нѣкоторые недочеты перваго изданія, трудъ г. Зака все-таки сохранилъ цифры, въ значительной степени искажающія дѣйствительность, или цифры, представляющія плодъ фантазіи тѣхъ оффиціальныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ по этому поводу замѣчаетъ, что онъ вышелъ бы за предѣлы своей задачи, еслибы „уклонился въ сторону оцѣнки нашей оффиціальной статистики и *однородной* съ ней въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ". Но мы, въ данномъ случаѣ, имѣемъ въ виду не свойства нашихъ источниковъ, раздѣляемыя ими съ источниками статистическихъ свѣдѣній другихъ цивилизованныхъ государствъ. Мы говоримъ о недостаткахъ нашей оффиціальной статистики, свойственныхъ ей одной и не мыслимыхъ въ болѣе благоустроенномъ государствѣ; говоримъ даже собственно о специфическихъ порокахъ нѣкоторыхъ данныхъ центральнаго статистическаго комитета, исключающихъ возможность сравненія въ этомъ отношеніи Россіи съ другими государствами. Если, напр., г. Закъ, при учетѣ самодѣятельнаго населенія въ различныхъ государствахъ, не почелъ себя въ правѣ исключить неправильную цифру для нашего отечества, и на стр. 97 показалъ, что самодѣятельное (т.-е. трудящееся) населеніе Россіи составляетъ 26,4% всего населенія, въ то время какъ для другихъ государствъ это отношеніе въ $1^1/_2$—2 раза болѣе, то ему было обязательно объяснить, что низкій процентъ лицъ, добывающихъ средства существованія въ нашемъ отечествѣ, зависитъ не отъ дѣйствительной праздности значительной части ея рабочаго народа, а отъ того, что въ число самодѣятельныхъ въ области сельскаго хозяйства не включены трудящіеся вмѣстѣ съ своими отцами младшіе члены земледѣльческихъ семей. Такой произволъ въ составленіи группы самостоятельнаго населенія свойственъ только нашей статистикѣ.

Еще менѣе умѣстно помѣщеніе на стр. 110—111 извлеченныхъ изъ статистики того же центральнаго статистическаго комитета свѣдѣній о распредѣленіи частнаго и надѣльнаго землевладѣнія по размѣрамъ единичныхъ владѣній. По отношенію къ частному землевладѣнію такія свѣдѣнія дѣйствительно имѣются, потому что наши зем-

скія и правительственныя учрежденія имѣютъ дѣло съ отдѣльными владѣльцами и регистрируютъ отдѣльныя владѣнія. Совершенно иное надлежитъ сказать о надѣльныхъ земляхъ. Оффиціальныя о томъ данныя касаются не отдѣльныхъ владѣльцевъ или пользователей общинной землей, а цѣлыхъ селеній, на которыя отведены надѣлы. Для полученія свѣдѣній объ участкахъ отдѣльныхъ хозяевъ нужно было бы произвести подворный опросъ населенія; а такъ какъ изслѣдованіе землевладѣнія въ 1905 г. (данными котораго пользовался г. Закъ) такого опроса не произведено, то оно не могло дать и свѣдѣній о подворномъ распредѣленіи надѣльныхъ земель. Это изслѣдованіе запрашивало у своихъ чиновниковъ лишь свѣдѣнія о площади надѣльной земли, состоящей въ пользованіи даннаго селенія, и о числѣ дворовъ въ этомъ послѣднемъ. Эти же свѣдѣнія давали возможность опредѣлить лишь среднюю надѣленность двора каждаго селенія. Но центральный статистическій комитетъ обратилъ эти абстрактныя среднія числа въ реальныя, и всѣхъ домохозяевъ селеній со среднимъ, напр., надѣломъ въ двѣ десятины объявилъ имѣющими именно по двѣ десятины земли. Такое обращеніе съ первичными статистическими данными мыслимо опять-таки только въ русскихъ статистическихъ учрежденіяхъ.

Мы высказываемъ эти мысли не для того, чтобы опорочить разсматриваемое изданіе. Напротивъ того, какъ единоличное предпріятіе, оно довольно удовлетворительно. Но мы полагаемъ, что статистическіе справочники, обнимающіе самые разнообразные предметы, должны быть результатомъ коллективнаго труда многихъ спеціалистовъ, потому что трудъ ихъ составленія долженъ заключаться не въ простомъ извлеченіи подходящихъ матеріаловъ изъ того или другого источника, а и въ однородной по возможности группировкѣ данныхъ, относящихся къ различнымъ государствамъ, для ихъ сравненія. Мы увѣрены, что планы такихъ справочниковъ будутъ составлены нашими учеными обществами, а пока это не будетъ исполнено—приходится довольствоваться единоличными, хотя бы и не вполнѣ удовлетворительными предпріятіями статистическаго характера, и трудъ г. Зака по праву, поэтому, можетъ разсчитывать на широкое распространеніе. — В. В.

Въ теченіе ноября мѣсяца поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовичъ, Н. — Литературно-критическіе очерки. Кн. I: Творчество и жизнь. Спб. 909. Ц. 1 р. 25 к.

Авенаріусъ, Рихардъ.—Человѣческое понятіе о мірѣ. Перев. Н. Семенова. М. 909. Ц. 1 р.

Бергъ, А.—Аральское море. Опытъ физико-географической монографіи, съ 2 картами и 78 рисунками. Спб. 908. Ц. 4 р.

Блитцъ, В.—Примѣры для упражненія по неорганической экспериментальной химіи. Съ нѣм. перев. А. Комаровскій, съ предисл. проф. Л. Писаржевскаго. Од. 908. Ц. 1 р. 90 к.

Блумбахъ, Ф., и *Стаховичъ*, Б.—Туркестанская экспедиція для наблюденія полнаго солнечнаго затменія 1 (14) января 1907 года. Спб. 908.

Бѣлокопскій, И. — Разсказы. Деревенскія впечатлѣнія. Изъ записокъ земскаго статистика. Изд. 2-е. Спб. 909. Ц. 1 р. 25 к.

Гейкингъ, бар. А.—Англія, ея государственный, общественный и экономическій строй. Изслѣдованія и наблюденія въ Имп. Россійской Консульской службѣ. Спб. 909. Стр. 688. Ц. 3 р.

Герье, Вл.—Францискъ, апостолъ нищеты и любви. М. 908.

Герцогъ Аргайльскій.—Отвѣтственность въ Восточномъ вопросѣ. Факты и воспоминанія за сорокъ лѣтъ. Переводъ М. Брянчаниновой; предисловіе Ф. Ф. Мартенса. Спб. 908. Ц. 1 р.

Голубятниковъ, Л.—Святой-Островъ, Бакинской губерніи. Спб. 908.

Заболотскій, П. А.—Н. А. Некрасовъ. Къ 30-лѣтію его смерти. Нѣжинъ. 908. Ц. 15 к.

——— Памяти „Рыцаря чуткой совѣсти". 1888—1908. Кіевъ. 908.

Дурново, Н. Н.—Русско-панславистская политика на православномъ Востокѣ и въ Россіи. М. 908. Ц. 70 к.

Жемчужниковъ, А. М.—Прощальныя пѣсни. 1900—1907 г. Съ портретомъ поэта и приложеніемъ двухъ его посмертныхъ произведеній. Спб. 908. Ц. 1 р. въ переплетѣ.

Записной, И.—О самообразованіи. Примѣры самообразованія изъ русской и иностранной жизни. Кронштт. 908. Ц. 15 к.

Іохельсонъ, В.—Этнологическія проблемы на сѣверныхъ берегахъ Тихаго Океана. Спб. 908.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изд. 7-ое. Спб. 908. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Катаевъ, И. — Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 1. Изд. 2-е. М. 908. Ц. 50 к.—Вып. 2-й, ц. 80 к.

Кашинъ, К. П. — Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго Спб. 908.

Коваленскій, Мих. — Русская исторія для средней школы. Ч. I, вып. 2: Западная Русь. Суздальская Русь. Съ 3 картами, 2 планами и 43 рис. въ текстѣ. М. 908. Ц. 1 р.

Кожевниковъ, В. — О добросовѣстности въ вѣрѣ и довѣріи. Къ учащейся молодежи. М. 909. Ц. 15 к.

Константиновъ. А. А.—Мадонны Леонардо да Винчи. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Краснопольскій, А.—Восточная часть Нижнетагильскаго Горнаго Округа. Спб. 908.

Крестовниковъ, Г.—Могутъ ли быть передѣлы надѣльной земли крестьянъ послѣ окончанія выкупной операціи? М. 908.

Кузьма Прутковъ.—Полное собраніе сочиненій, съ портретомъ, факсимиле и біографическими свѣдѣніями. 10-ое изданіе. Спб. 909. Ц. 2 р. въ переплетѣ.

Литовченко, К.—Волховъ и концессія на утилизацію его энергіи. Спб. 908.

Лозинскій, С. — Исторія Бельгіи и Голландіи въ новое время. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Михайловскій, Н. К.—Полное собраніе сочиненій. Т. III. Изд. 4-ое. Спб. 909. Ц. 2 р.

Муссоліусъ, В. Р. — Толкованіе Апокалипсиса, по I. A. Seiss. Спб. 909. Ц. 1 р.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь. — Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. Т. I. Съ 29 рис. Спб. 908. Стр. 486.

Новосельскій, д-ръ С., и *Милоновъ* В.—Къ международной статистикѣ туберкулеза и рака. Спб. 908.

Н. Ч.—Первыя ласточки. Стихотворенія для дѣтей. Съ рисунками. Спб. 908. Ц. 1 р.

Радомскій, Б.—Маленькіе разсказы. Спб. 907. Ц. 25 к.

Розановъ, Н. Н.—Рѣшеніе основныхъ задачъ качественнаго анализа. Пособіе для студентовъ. Спб. 908. Ц. 50 к.

Семеновъ Тянь-Шанскій, Андрей.—Тихонъ Сергѣевичъ Чичеринъ. 1869—1904 г.г. Его жизнь и труды. Съ портретомъ. Спб. 908.

Сенкевичъ, Генрикъ.—Трилогія, изд. для юношества съ иллюстрац. С. Панова: „Огнемъ и мечемъ"—„Потопъ"—„Панъ Володыевскій". Переводъ Леонтьевыхъ, съ изданія сокращеннаго и переработаннаго для юношества подъ руководствомъ автора. Спб. 909. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

Скопинскій, А. В. — Предсѣдатель въ уголовномъ процессѣ. Замѣтки практика. Спб. 908. Ц. 40 к.

Слонимскій, Л. — Наполеонъ и самодержавіе. Историческій этюдъ. Спб. 908. Ц. 35 к.

Сьверова, Н. Б.—Слѣдуетъ раскрѣпостить прислугу. Спб. 908.

Тимковскій, Н.—Повѣсти и разсказы. IV. М. 909. Ц. 1 р.

Тихѣевы, Е. и Л. — Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. VII: О чтеніи дѣтей. Спб. 908.—50 выпусковъ—9 рублей.

Толмѣрова, А.—Левъ Толстой для дѣтей. Спб. 909. Ц. 60 к.

Толстой, гр. А. К.—Драматическая трилогія: Смерть Іоанна Грознаго.—Царь Ѳедоръ.—Царь Борисъ. Полное собраніе сочиненій: т. III. Изданіе 23-ье. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Фаресовъ, А. — Забытая писательница и ея заслуги. Съ портретомъ. Спб. 909.

Чиркинъ, Г.—Положеніе переселенческаго дѣла въ Семирѣчьи. Спб. 909.

Янжулъ, Ив.—Въ поискахъ лучшаго будущаго. Спб. 908. Ц. 3 р.

Янтьичъ, Ор.—Опытъ объясненія легенды объ „Ивиковыхъ журавляхъ". Черниг., 908. Стр. 16.

Casanova, Sofie.—Lo Eterno. Madrid. 907.

——— Mos que Amor. Madrid. 908.

— Альманахъ. Календарь для всѣхъ на 1909 годъ. Спб. Т-во „Разумъ". 908. Ц. 20 к.

— Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ, п. р. Г. Чиркина и А. Успенскаго. № 3. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

— Иллюстрированный каталогъ учебныхъ пособій „Песталоцци". Институтъ учебныхъ пособій, дѣтскихъ занятій. Спб. 909. Казанская, 14.

— Княжество България. Земледѣлческа Статистика за 1904 година. София. 908.

— Международный союзъ. Постановленія Конференцій и Совѣта Союза.—Уставъ союза. Спб. 908. Ц. 50 к.

— Народный календарь на 1909 годъ. Годъ III. Издат. „Солнце". Спб. 908. Ц. 20 к.

— Отчетъ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассъ по сберегательной операціи за 1907 годъ. Спб. 908. Съ приложеніемъ къ Отчету.

— Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1907 годъ. Спб. 908.

— Отчетъ по лѣсному управленію. Спб. 908.

— По поводу рѣчей Протоіерея Іоанна Восторгова объ убіенномъ русскомъ Экзархѣ Грузіи Никонѣ. М. 908. Ц. 25 к.

— Пріюты-школы для дѣтей идіотовъ и эпилептиковъ въ Швеціи, Франціи и Германіи. Спб. 908. Ц. 75 к.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. VII. Изд. Акад. Наукъ. Спб. 908.

— Спасемъ отца!.. Приключенія маленькихъ героевъ. Изъ исторіи Англіи. Съ англ. Е. Ильина, съ иллюстраціями С. Панова. Спб. 909. Ц. 1 р.

— Статистика редовния военемъ наборъ прѣзъ 1901 година. София, 1907.

— Труды русскаго Энтомологическаго Общества. Т. 38-ой, № 4, п. р. Н. Я. Кузнецова. Спб. 908. Ц. 3 р.

— Фельдшерскій вопросъ въ Россіи. Изд. 2-е. Спб. 908. Ц. 1 р.

Сверхъ вышепоименованныхъ книгъ, въ самое послѣднее время доставлены были въ Редакцію нижеслѣдующія изданія А. Ф. Маркса:

В. А. Жуковскій. Полное собраніе сочиненій, въ трехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле поэта. Спб. Ц. 3 р.

Т. П. Пассекъ. Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ. 2-е изд. Въ трехъ томахъ. Спб. Ц. 5 р. 50 к.

М. Н. Альбовъ. Сочиненія: Т. I. День итога, ц. 1 р.—Т. II. До пристани, ц. 1 р.—Т. III. Ряса, ц. 1 р.—Т. IV. Юбилей, ц. 1 р.—Спб.

П. П. Гнѣдичъ. 1) На вулканѣ, пьеса въ 4 д. Ц. 1 р. 2) Холопы, пьеса. Ц. 1 р. 3) Зима, пьеса. Ц. 1 р. 4) Начало конца, пьеса. Ц. 1 р. Спб.

В. Г. Авсѣенко. 1) Изъ-за благъ земныхъ, ром. въ 4 ч. Ц. 1 р. 50 к. 2) Злой духъ, ром. въ 4 ч. Ц. 3 р. 3) Скрежетъ зубовный, ром. Спб.

А. Луговой. 1) На куриномъ насѣстѣ, ц. 1 р.—2) Озимь, ц. 1 р.—3) Pollice verso („Добей его"), ц. 1 р.—4) Нѣсколько поцѣлуевъ, ц. 1 р.—5) Грани жизни, ц. 1 р.

М. В. Соколовъ. Справочная книжка по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ. Книги и журналы съ 1870 г. по 1905.

А. Ф. Марксъ. Географическій и статистическій карманный Атласъ Россіи. Спб. Ц. 2 р.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1908 г.

Императорскій кризисъ въ Германіи.—Парламентскія пренія о личномъ режимѣ.—Князь Бюловъ и Вильгельмъ II. — Политика и національные споры въ Австро-Венгріи.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ штатахъ.—Перемѣны въ Китаѣ.

Императорская власть неожиданно очутилась въ Германіи въ крайне трудномъ и щекотливомъ положеніи. Послѣ многихъ лѣтъ безпрекословнаго „конституціоннаго“ самодержавія, Вильгельмъ II внезапно потерялъ довѣріе нѣмецкой націи и подвергся жестокой публичной критикѣ со стороны всѣхъ политическихъ партій, не исключая и самыхъ консервативныхъ. Отъ него требуютъ гарантій сдержанности и обдуманной осторожности на будущее время; на него возлагаютъ обязанность не говорить ничего о политикѣ безъ вѣдома и согласія канцлера, отвѣтственнаго предъ имперскимъ сеймомъ. Вопросъ объ отвѣтственности канцлера предъ народнымъ представительствомъ за слова и поступки императора поставленъ на очередь въ самой рѣзкой и рѣшительной формѣ, во имя внѣшней безопасности и спокойствія имперіи. Старые монархисты, убѣжденные приверженцы личнаго режима, должны были стушеваться или открыто признать ошибочность своей традиціонной точки зрѣнія; самъ канцлеръ, князь Бюловъ, не пытался оправдывать своего повелителя, или оправдывалъ его такими аргументами, которые заключали въ себѣ косвенное признаніе виновности.

Что же сдѣлалъ и въ чемъ собственно провинился предъ своимъ народомъ императоръ Вильгельмъ II? Въ сущности онъ не совершилъ ничего такого, чего не дѣлалъ раньше. Онъ всегда отличался чрезмѣрною экспансивностью, говорилъ то, чего не слѣдовало высказывать, поддавался внушеніямъ своего безпокойнаго темперамента и своими рѣчами и дѣйствіями создавалъ непріятные международные инциденты, подвергавшіе иногда опасности общій миръ имперіи и Европы. Ему все прощалось, и вѣрные нѣмцы охотно мирились съ проявленіями его властной индивидуальности; они привыкли видѣть въ немъ живое воплощеніе германскаго національнаго единства и могущества, смотрѣли сквозь пальцы на его странности и гордились его исключительною ролью въ міровой политикѣ. Онъ всегда дѣйствовалъ

самовластно, не считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ страны, и съ самаго начала своего царствованія проявлялъ тѣ качества и склонности, которыя теперь единодушно осуждаются его подданными. Онъ далъ отставку князю Бисмарку, когда тотъ былъ еще національнымъ любимцемъ и кумиромъ Германіи; онъ произносилъ воинственныя рѣчи, когда нація жаждала прочнаго мира; онъ угрожалъ Англіи своими проектами грандіозныхъ морскихъ вооруженій, систематически разстраивалъ отношенія съ Франціею, смущалъ Европу своею демонстративною дружбою съ турецкимъ султаномъ, вмѣшивался въ англо-французскіе счеты съ Марокко, посылалъ грозную карательную экспедицію въ Китай, и хотя всѣ эти личныя выступленія его несомнѣнно расходились съ общими національными чувствами и желаніями, тѣмъ не менѣе онъ пользовался широкой популярностью въ народѣ, какъ дѣятельный и авторитетный выразитель идеи величія имперіи.

Ошибки и увлеченія Вильгельма II покрывались ореоломъ традицій, связанныхъ съ династіей Гогенцоллерновъ. Въ силу этихъ традицій король-императоръ считался—и считалъ себя—первымъ патріотомъ и слугою своего отечества. Но мало-по-малу нѣмецкое общество стало убѣждаться, что личный режимъ монарха, окруженнаго тѣснымъ придворнымъ кольцомъ, несовмѣстимъ съ сознательнымъ и разумнымъ служеніемъ государству даже при той внѣшней политической свободѣ, какая существуетъ въ Германіи. Монархизмъ неизбѣжно влечетъ за собою господство камарильи, а камарилья опутываетъ самаго умнаго и даровитаго монарха непроницаемою сѣтью лжи и интригъ, причемъ льстивыя закулисныя ничтожества пріобрѣтаютъ руководящее вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, на выборъ министровъ и сановниковъ, и ставятъ отъ себя въ зависимость все высшее правительство, съ канцлеромъ во главѣ. Первый и сильный ударъ монархизму нанесли разоблаченія, приведшія къ скандальнымъ процессамъ графа Мольтке и князя Филиппа Эйленбурга. Публика узнала, какого рода люди пользуются дружбою и довѣріемъ императора и подъ какими внушеніями проходитъ его жизнь; новый любимецъ, князь Фюрстенбергъ, занималъ его обычными аристократическими развлеченіями, устраивалъ великосвѣтскія охоты, приглашалъ въ свой замокъ шансонетныхъ артистовъ и пѣвицъ изъ Берлина, въ то самое время, когда печать всего міра обсуждала поразительный отчетъ лондонской газеты о нескромныхъ бесѣдахъ Вильгельма II съ бывшимъ англійскимъ дипломатомъ. Вѣрноподданные нѣмцы внезапно почувствовали, что важнѣйшіе интересы имперіи находятся въ крайне ненадежныхъ рукахъ и ничѣмъ не ограждены отъ опасныхъ личныхъ фантазій; для всѣхъ стало ясно, что эти интересы нарушаются и могутъ нарушаться по личнымъ мотивамъ и побужденіямъ, не имѣющимъ ничего общаго

съ патріотизмомъ, и что благо Германіи вовсе не занимаетъ подобающаго мѣста въ умѣ императора. Вильгельмъ II думаетъ больше о себѣ, о своихъ чувствахъ и взглядахъ, чѣмъ о націи, судьбы которой ему ввѣрены: таковъ роковой выводъ, къ которому невольно пришло нѣмецкое общественное мнѣніе. Для того, чтобы доказать свою особенную дружбу къ Англіи, императоръ сообщилъ собесѣднику явно невѣрное свѣдѣніе, что огромное большинство нѣмцевъ относится будто бы враждебно къ англичанамъ и что онъ вынужденъ бороться противъ этого воинственнаго теченія, направленнаго противъ Англіи; въ этомъ случаѣ онъ, очевидно, обнаружилъ готовность пожертвовать репутаціею германской націи и повредить ея международнымъ отношеніямъ, чтобы выставить себя лично въ лучшемъ свѣтѣ и подчеркнуть свои спеціальныя заслуги передъ Великобританіей. Односторонній культъ монархизма въ аристократической средѣ царедворцевъ довелъ императора до прямого разлада съ государствомъ и до открытаго пренебреженія интересами имперіи. Это пренебреженіе какимъ-то страннымъ образомъ отражалось и на дѣятельности канцлера, который не могъ или не желалъ мѣшать самовластнымъ поступкамъ и заявленіямъ монарха: князь Бюловъ имѣлъ въ рукахъ рукопись съ отчетомъ о злосчастномъ „интервью“, но не ознакомился съ ея содержаніемъ и передалъ ее на разсмотрѣніе чиновниковъ, привыкшихъ благоговѣйно одобрять всякое слово его величества. Оказалось, такимъ образомъ, что личный режимъ Вильгельма II парализуетъ отвѣтственность оффиціальныхъ руководителей германской политики и превращаетъ эту политику въ предметъ случайныхъ рѣшеній и комбинацій, не поддающихся никакому разумному контролю. Многое сдѣлалось тогда понятнымъ нѣмецкой публикѣ. Частыя колебанія и перемѣны въ настроеніи германской дипломатіи, загадочные порывы ея къ безцѣльнымъ конфликтамъ,—какъ, напр., относительно Франціи по поводу ничтожныхъ мѣстныхъ происшествій въ Марокко,—получили теперь свое объясненіе. Съ точки зрѣнія здраваго смысла нельзя было понять, почему стычка между французскими солдатами и туземными служащими нѣмецкаго консула въ Казабланкѣ изъ-за пойманныхъ французами дезертировъ искусственно раздувалась на степень серьезнаго политическаго столкновенія, затрогивающаго національную честь Германіи;—въ этомъ сказался лишь темпераментъ Вильгельма II. Политикою заправляетъ не канцлеръ, а императоръ; задача Бюлова сводится только къ тому, чтобы подыскивать внѣшнія дипломатическія формулы для рѣшеній, принятыхъ монархомъ. А когда рѣшающая роль принадлежитъ темпераменту безотвѣтственнаго правителя, отчужденнаго отъ народа придворною камарильею, нація ежеминутно рискуетъ подвергнуться великимъ опасностямъ, для которыхъ

нѣтъ оправданія. Неудивительно поэтому, что всѣми классами нѣмецкаго общества овладѣло тревожное чувство, настоятельно требовавшее какого-нибудь практическаго исхода и удовлетворенія. Дѣло шло не о канцлерскомъ, а объ императорскомъ кризисѣ.

Въ этомъ смыслѣ представляли исключительный интересъ оживленныя пренія, происходившія въ имперскомъ сеймѣ 10 и 11 ноября (нов. ст.). Въ палату внесено было пять запросовъ объ „императорскихъ разговорахъ"—партіями имперскою, консервативною, національ-либеральною, свободомыслящею и соціалъ-демократическою. Имперская партія спрашивала: „намѣренъ ли имперскій канцлеръ принять мѣры, чтобы подобныя происшествія, какъ обнаруженныя публикаціею газеты „Daily Telegraph", не повторялись?" Національ-либералы формулировали вопросъ нѣсколько иначе: „готовъ ли имперскій канцлеръ принять на себя, согласно конституціи, отвѣтственность за обнародованіе ряда бесѣдъ его величества императора въ „Daily Telegraph" и за сообщенные ими факты?" Соціалъ-демократы довольствовались почти дословнымъ повтореніемъ краткой формулы имперской партіи; консерваторы не шли далѣе скромнаго желанія получить отъ правительства надлежащія разъясненія. Наиболѣе полно и опредѣленно выражали общую заботу свободомыслящіе: „Вслѣдствіе опубликованія заявленій германскаго императора въ „Daily Telegraph" и помѣщеннаго канцлеромъ въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" сообщенія объ относящихся къ этому обстоятельствахъ сдѣлались извѣстными факты, указывающіе на тяжелыя погрѣшности въ веденіи иностранныхъ дѣлъ и способные оказывать неблагопріятное вліяніе на отношенія Германской имперіи къ другимъ державамъ. Что думаетъ канцлеръ сдѣлать, чтобы устранить эти недостатки и придать полную силу возложенной на него конституціею отвѣтственности?"

Развивая свой запросъ отъ имени національ-либераловъ, депутатъ Бассерманъ въ пространной рѣчи представилъ общую картину того страшнаго недоумѣнія, которое повсюду вызвано было отчетомъ англійской газеты объ императорскихъ бесѣдахъ. „Всѣ говорятъ теперь о двойственности германской политики, что замѣчалось уже раньше въ марокканскихъ дѣлахъ; рядомъ съ оффиціальною политикою союзныхъ правительствъ—оффиціальной Германіи—идетъ противоположная императорская политика, которая постоянно вмѣшивается въ ходъ событій къ явному ущербу нашихъ интересовъ... Повсюду мы видимъ уменьшеніе довѣрія и увеличеніе разныхъ затрудненій. Сразу сдѣлалось для насъ яснымъ, почему германская политика встрѣчаетъ больше препятствій и противодѣйствій со стороны иностранныхъ державъ. Внутри страны, въ печати и въ обществѣ, слышится единодушный протестъ противъ вмѣшательства его величества въ оффиціальную

политику Германіи, протестъ противъ того, что̀ называютъ личнымъ управленіемъ. Союзныя правительства проявляютъ недовольство, такъ какъ въ извращеніи имперской политики они усматриваютъ нарушеніе своихъ собственныхъ интересовъ. И въ прошломъ случались такія нарушенія: публика еще не забыла, какъ британскій морской министръ, лордъ Твидмутъ, потерялъ свое мѣсто и вліяніе вслѣдствіе полученнаго имъ письма императора, и сколько раздраженія вызвано было въ Америкѣ непріятнымъ отзывомъ по поводу назначенія американскаго посланника Гилля. Но въ послѣднихъ „интервью“ подтвержденіе этой личной политики освѣтилось самымъ яркимъ образомъ и выяснило свои вреднѣйшія стороны... Монархическое чувство и монархическій принципъ не должны страдать въ такое время, когда въ Германіи существуетъ сильная республиканская партія. Въ качествѣ приверженцевъ монархіи, мы не можемъ допустить, чтобы его величество императоръ сдѣлался средоточіемъ отрицательной или пренебрежительной критики. Обширные слои нѣмецкаго населенія, склонные къ республиканскимъ идеямъ, видятъ въ этихъ фактахъ удобный матеріалъ для агитаціи противъ монархіи“. Бассерманъ заявляетъ далѣе, что императоръ не имѣлъ основанія говорить о враждѣ нѣмецкаго народа къ Англіи, что, напротивъ, нѣмцы всегда питали глубокую и искреннюю симпатію къ британской націи и что этому не противорѣчило сочувствіе къ самоотверженной борьбѣ буровъ за независимость ихъ родины; это всеобщее сочувствіе должно было бы исключать возможность того, чтобы германскій императоръ вырабатывалъ для Англіи планъ военныхъ дѣйствій противъ южно-африканскихъ республикъ. Невѣрно также, что нѣмецкій флотъ созданъ для осуществленія міровыхъ задачъ въ Тихомъ океанѣ; никто не думалъ объ этомъ при обсужденіи военно-морскихъ законопроектовъ въ имперскомъ сеймѣ. Германскій флотъ имѣетъ только оборонительныя, а не наступательныя цѣли; это должны твердо знать не только англичане, но и Китай и Японія. Національ-либералы не хотятъ удаленія имперскаго канцлера; они признаютъ его разнообразныя политическія заслуги и крайнюю трудность его положенія при самовластномъ и импульсивномъ характерѣ императора, но они требуютъ, „по возможности, вѣрныхъ гарантій противъ личнаго режима“. Многіе признаки указываютъ на то, что императоръ плохо освѣдомленъ о внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи страны, и особенно о настроеніи нѣмецкаго общества, и что до него не доходятъ общеизвѣстные факты, идущіе въ разрѣзъ съ его собственными идеями и желаніями. По выраженію одного консервативнаго публициста, „ядовитая атмосфера придворнаго византійства даетъ просторъ инстинктамъ и наклонностямъ самовластія“, и въ этой обстановкѣ утрачивается способность говорить и вы-

слушивать правду. Для огражденія высшихъ интересовъ имперіи отъ пагубныхъ послѣдствій личнаго режима, необходимо расширить полномочія имперскаго сейма, усилить его право контроля въ международной политикѣ и предоставить ему право голоса при выборѣ и назначеніи имперскаго канцлера. Для избѣжанія разлада между императоромъ и народомъ все управленіе имперіей должно находиться въ рукахъ отвѣтственныхъ должностныхъ лицъ. Въ заключительной деклараціи, прочитанной Бассерманомъ отъ имени національ-либеральной фракціи, выражено, между прочимъ, „серьезное пожеланіе, чтобы императоръ въ своихъ политическихъ проявленіяхъ соблюдалъ сдержанность, обязательную для конституціоннаго монарха".

Этотъ тонъ, довольно непривычный для нѣмецкихъ національ-либераловъ, говоритъ намъ гораздо больше, чѣмъ самыя рѣзкія оппозиціонныя разсужденія нѣмецкихъ республиканцевъ. Если умѣренные и осторожные оппортунисты, давно уже отрекшіеся отъ принципіальныхъ основъ либерализма, позволяютъ себѣ высказываться такимъ образомъ противъ императора, то невольно является мысль о значительномъ упадкѣ монархизма въ Германской имперіи. Очевидно, многолѣтній опытъ замаскированнаго личнаго режима Вильгельма II принесъ свои горькіе плоды, достаточно-убѣдительные даже для самыхъ благонамѣренныхъ нѣмцевъ. Нужно замѣтить, что имперскій монархизмъ имѣетъ другое значеніе и зависитъ отъ другихъ условій, чѣмъ монархизмъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Императоръ дѣйствуетъ въ имперіи не по собственному самостоятельному праву, а какъ уполномоченный представитель всѣхъ союзныхъ германскихъ странъ, входящихъ въ составъ имперіи и обладающихъ правомъ голоса въ союзномъ совѣтѣ; поэтому для Вильгельма II недовольство членовъ союзнаго совѣта несравненно важнѣе и чувствительнѣе, чѣмъ протесты рейхстага и общественнаго мнѣнія. Прусскіе подданные могутъ мириться со всякими причудами своего короля; но баварскіе, саксонскіе или вюртембергскіе нѣмцы, имѣющіе своихъ собственныхъ королей съ ихъ собственными причудами и традиціями, вовсе не обязаны терпѣть надъ собою фантазерство обще-имперскаго повелителя, на которомъ по конституціи лежатъ весьма опредѣленныя обязанности и задачи. Имперія могла бы получить республиканское устройство безъ нарушенія монархическаго строя отдѣльныхъ союзныхъ государствъ; званіе имперскаго правителя замѣщалось бы по выбору на извѣстный срокъ, и прусскій король пересталъ бы быть наслѣдственнымъ императоромъ, даже сохраняя за собою преобладающее вліяніе въ союзномъ совѣтѣ. Возникновеніе подобныхъ радикальныхъ проектовъ представляется вполнѣ возможнымъ при дальнѣйшей самовластной дѣятельности Вильгельма II, и потому болѣе консервативные элементы нѣмецкаго общества на-

стойчиво домогаются введенія императорскихъ функцій въ точныя конституціонныя рамки.

Требованіе конституціонныхъ гарантій поддерживалось почти всѣми ораторами, говорившими послѣ Бассермана. Депутатъ Вимеръ подробно доказывалъ, что нельзя обойтись безъ измѣненія конституціи, которая до сихъ поръ остается только фиктивной и должна, наконецъ, сдѣлаться реальною. Соціалъ-демократъ Зингеръ напомнилъ объ общей ненормальности существующаго личнаго режима, въ сохраненіи котораго одинаково виновны всѣ члены правительства, отъ самыхъ высшихъ до низшихъ. Еслибы какое-нибудь должностное лицо совершило нѣчто подобное тому, что̀ сдѣлалъ императоръ, то, конечно, имперскій судъ немедленно приступилъ бы къ исполненію своихъ обязанностей; но въ данномъ случаѣ дѣло не идетъ далѣе платонической критики, и нѣмецкій народъ можетъ очутиться на краю пропасти, если не будутъ приняты надлежащія предупредительныя мѣры. Къ числу этихъ мѣръ, по мнѣнію Зингера, слѣдуетъ отнести предоставленіе народному представительству рѣшающаго голоса въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ, изданіе закона объ отвѣтственности имперскаго канцлера и привлеченіе рейхстага къ участію въ избраніи этого перваго сановника имперіи. Консерваторъ фонъ-Гейдебрандтъ признавалъ серьезность „возбужденія, охватившаго весь нѣмецкій народъ“, но пытался свести вопросъ къ простому сознанію практическихъ погрѣшностей, которыя можно легко исправить въ будущемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ораторъ выразилъ безусловное довѣріе къ имперскому канцлеру. Въ такомъ же родѣ высказался и представитель имперской партіи, князь Гацфельдъ.

Отвѣтная рѣчь князя Бюлова, выслушанная всѣми съ напряженнымъ вниманіемъ, отличалась обычными дипломатическими достоинствами его ораторскаго таланта; онъ говорилъ мягкими, закругленными фразами, въ успокоительномъ тонѣ, едва касаясь щекотливыхъ вопросовъ, затронутыхъ предшествующими ораторами. Свою осторожность онъ мотивировалъ возможнымъ перетолкованіемъ его словъ за-границею и нежеланіемъ „присоединить новыя неудобства къ тому великому вреду, который уже причиненъ публикаціею „Daily Telegraph“. Относительно точности передачи императорскихъ бесѣдъ въ этомъ отчетѣ канцлеръ выразилъ нѣкоторыя сомнѣнія; объ одномъ только обстоятельствѣ онъ знаетъ, что оно изложено невѣрно,—это исторія о военномъ планѣ противъ буровъ. „Въ дѣйствительности, это не былъ разработанный, детальный планъ кампаніи, а только чисто-академическое разсужденіе, названное, кажется, прямо „афоризмами“, о веденіи войны вообще; эти замѣчанія высказаны были въ перепискѣ императора съ покойною королевою Викторіею и не имѣли никакого практи-

ческаго значенія ни для хода военныхъ операцій, ни для ихъ окончанія". Князь Бюловъ старался увѣрить своихъ слушателей, что съ одной стороны намѣренія императора были всегда самыя патріотическія и идеальныя, а съ другой — что его доброжелательныя слова были неправильно поняты. „Обнародованіе этихъ хорошихъ бесѣдъ не произвело въ Англіи того впечатлѣнія, какого ожидалъ императоръ, а въ Германіи возбудило глубокую тревогу и горькое сожалѣніе, и это сознаніе должно побудить его величество въ будущемъ соблюдать даже въ частныхъ разговорахъ сдержанность, безусловно обязательную для единства общей политики и для авторитета короны". Въ противномъ случаѣ — прибавилъ князь Бюловъ, — „ни я, ни мои преемники не могли бы нести за это отвѣтственность". Что касается прискорбнаго недосмотра при разрѣшеніи печатанія манускрипта въ „Daily Telegraph", то канцлеръ заявилъ категорически, что такая оплошность „больше не повторится". Онъ лично просилъ объ отставкѣ, но долженъ былъ, по настоянію императора, „принять тяжелое рѣшеніе—остаться на службѣ", въ виду трудныхъ обстоятельствъ даннаго момента. Онъ полагалъ, что не слѣдуетъ выказывать малодушіе передъ другими націями и „превращать несчастье въ катастрофу". Возставая противъ преувеличеній и неточностей, канцлеръ однако достаточно ясно осудилъ грѣхи личнаго режима и бралъ на себя какъ бы ручательство за устраненіе ихъ худшихъ послѣдствій; но другихъ гарантій, кромѣ словесныхъ и личныхъ, онъ представить не могъ, и въ этомъ была слабая сторона его аргументаціи. Тѣмъ не менѣе, его рѣчь въ высшей степени характерна, какъ симптомъ происшедшей въ Германіи перемѣны въ личномъ положеніи императора. Тотъ же сановникъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ почтительно склонялся передъ властнымъ темпераментомъ Вильгельма II, публично отрекается отъ своего прошлаго и стоитъ за строгое соблюденіе конституціонныхъ началъ во имя общихъ интересовъ страны. Имперскій канцлеръ явился передъ парламентомъ не въ качествѣ довѣреннаго лица и выразителя воли императора, а въ качествѣ самостоятельнаго государственнаго человѣка, отвѣтственнаго передъ всей Германіей; онъ говорилъ какъ защитникъ и въ то же время какъ обвинитель, ссылаясь на смягчающія обстоятельства, допускающія снисхожденіе къ подсудимому. Въ имперскомъ сеймѣ происходилъ судъ надъ личнымъ режимомъ, и приговоръ большинства былъ несомнѣнно и безусловно отрицательный, хотя онъ и не былъ выраженъ ни въ какой резолюціи.

Дальнѣйшія пренія, послѣ рѣчи канцлера, не прибавили уже ничего существенно новаго къ тому, что̀ высказано было раньше. Представитель центра, баронъ фонъ-Гертлингъ, и депутатъ Либерманъ

фонъ-Зонненбергъ старались по-своему пополнить пробѣлы въ объясненіяхъ князя Бюлова; депутаты Шрадеръ, Гаусманъ, соціалистъ Гейне и другіе, занявшіе еще одно засѣданіе своими рѣчами, подробно излагали мотивы, въ силу которыхъ они не могли удовлетвориться обѣщаніями и увѣреніями канцлера. Вопросъ былъ исчерпанъ, къ концу засѣданія 11-го ноября, и предложеніе объ особомъ адресѣ на имя императора отклонено большинствомъ. Въ сущности, никакого особаго адреса и не требовалось для выраженія желаній парламента, и князю Бюлову оставалось только доложить императору объ единодушныхъ и настойчивыхъ ожиданіяхъ всей германской націи.

Вильгельмъ II вернулся въ Берлинъ изъ замка князя Фюрстенберга, гдѣ среди утонченныхъ увеселеній ему пришлось быть свидѣтелемъ внезапной смерти одного изъ своихъ приближенныхъ, генералъ-адъютанта графа Гюльзена-Гезелера, занимавшаго важный постъ начальника военнаго кабинета его величества. Въ Потсдамѣ, 17-го ноября, онъ принялъ князя Бюлова и внимательно выслушалъ его подробный докладъ, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Эта аудіенція, имѣвшая значеніе крупнаго историческаго событія, должна была въ ту или другую сторону разрѣшить вопросъ, волновавшій общественное мнѣніе Германіи. На слѣдующій день появился въ газетахъ слѣдующій краткій отчетъ о результатѣ этой аудіенціи: „Имперскій канцлеръ изобразилъ предъ императоромъ настроеніе нѣмецкаго народа, выступившее наружу въ связи съ разоблаченіями „Daily Telegraph", и объяснилъ причины этого настроенія; затѣмъ онъ сообщилъ о занятомъ имъ положеніи во время преній въ рейхстагѣ по поводу предъявленныхъ запросовъ. Императоръ съ большою серьезностью принялъ объясненія канцлера и слѣдующимъ образомъ выразилъ свою волю: оставляя въ сторонѣ преувеличенія общественной критики, признаваемыя имъ несправедливыми, онъ усматриваетъ свою главнѣйшую императорскую задачу въ томъ, чтобы обезпечить постоянство имперской политики съ сохраненіемъ конституціонныхъ отвѣтственностей. Согласно съ этимъ, императоръ одобрилъ объясненія имперскаго канцлера и выразилъ ему свое продолжающееся довѣріе". Такъ окончился императорско-канцлерскій кризисъ, и эта развязка представляется вообще благополучною и единственно-возможною при современныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Канцлеръ остался на своемъ посту, прикрывая собою императора предъ общественнымъ мнѣніемъ, а императоръ, въ свою очередь, сохраняетъ своего канцлера, прикрывая своимъ довѣріемъ его конституціонныя погрѣшности. Но слѣдъ этого кризиса не скоро изгладится въ Германіи, и отложенный на время вопросъ о пересмотрѣ и обновленіи политическаго строя имперіи едва-ли можетъ считаться похороненнымъ.

Въ Австро-Венгріи внутренняя національная рознь, доходящая нерѣдко до хроническихъ междоусобій, какъ-то странно уживается съ культурно-промышленными успѣхами и съ сознательною предпріимчивою внѣшнею политикою. Въ австрійской половинѣ имперіи продолжается безконечная распря между чехами и нѣмцами изъ-за употребленія того или другого языка въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ; въ университетскихъ городахъ происходятъ стычки между студентами разныхъ національностей, причемъ разгораются страсти въ соотвѣтственныхъ слояхъ населенія, и волненіе охватываетъ цѣлые районы и провинціи, передается въ парламентскія сферы и часто даже переносится за границу, отражаясь на отношеніяхъ съ чужими дружественными и союзными державами. Недавно въ вѣнскомъ университетѣ разыгралась настоящая битва между итальянскими студентами и нѣмецкими: итальянцы устроили демонстрацію, которая вызвала энергическіе протесты нѣмецкаго большинства; нѣмцы накинулись съ палками на итальянцевъ, и послѣдніе должны были отступить, сдѣлавъ нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ. Итальянцы давно хлопочутъ объ основаніи особаго итальянскаго университета въ Тріестѣ, гдѣ большинство населенія принадлежитъ къ ихъ національности; правительство признало законность этого желанія и обѣщало удовлетворить его послѣ упраздненія итальянскаго факультета въ Инсбрукѣ, но въ теченіе двухъ лѣтъ не было предпринято ни одного шага въ этомъ направленіи. Австрійское правительство все еще находится въ рукахъ нѣмцевъ, проникнутыхъ старыми традиціями нѣмецкаго централизма; они попрежнему увѣрены, что нѣмецкій элементъ призванъ играть объединяющую роль въ монархіи, и для поддержанія своего владычества они лавируютъ между разными теченіями, откладываютъ щекотливые вопросы на будущее время, даютъ обѣщанія безъ намѣренія ихъ исполнить и живутъ временными партійными компромиссами. Недовольство усиливалось въ итальянскихъ областяхъ Тироля и Далмаціи; раздраженіе противъ австрійцевъ перешло въ Италію и вызвало въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ рядъ шумныхъ манифестацій противъ Австріи, что̀ не можетъ не отразиться и на прочности формальнаго союзнаго договора, связывающаго обѣ націи. Въ то же время разростаются волненія въ Чехіи; уличные безпорядки въ Прагѣ стали повторяться регулярно каждое воскресенье, когда нѣмецкіе студенты упорно устраиваютъ свои традиціонныя корпоративныя шествія по главнымъ улицамъ города, не обращая вниманія на возраженія и противодѣйствіе чеховъ. Чехи возмущаются этимъ пренебреженіемъ нѣмцевъ къ ихъ національнымъ чувствамъ; нѣмецкіе студенты, въ свою очередь, не хотятъ уступить, чтобы не показаться трусами, и съ обѣихъ

сторонъ ростетъ непримиримая вражда, проявляющаяся въ безобразныхъ сценахъ палочной и револьверной расправы.

Среди этихъ безысходныхъ внутреннихъ замѣшательствъ министерство барона Бека вышло въ отставку, 7 ноября, послѣ двухъ съ половиною лѣтъ искуснаго и осторожнаго управленія; при этомъ министерствѣ достигнуто было соглашеніе съ Венгріею и введено всеобщее избирательное право. Преемникомъ барона Бека назначенъ министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Бинертъ; онъ образовалъ дѣловой кабинетъ изъ высшихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, съ присоединеніемъ трехъ парламентскихъ министровъ — одного поляка, одного чеха и одного нѣмца. Австрійскій парламентъ собрался 26 ноября, послѣ четырехмѣсячнаго перерыва, и выслушалъ длинную декларацію новаго министерства, обѣщающую, по обыкновенію, разныя законодательныя и экономическія реформы; но, разумѣется, никто не думаетъ, что чиновничьему кабинету фонъ-Бинерта удастся разрѣшить сложныя и трудныя задачи, унаслѣдованныя отъ его предмѣстниковъ.

При такой неутѣшительной политической обстановкѣ императоръ Францъ-Іосифъ празднуетъ 2-го декабря шестидесятилѣтній юбилей своего царствованія, а руководитель его внѣшней политики, баронъ Эренталь, гордо отстаиваетъ право своего монарха нарушить берлинскій трактатъ и включить Боснію съ Герцеговиною въ составъ имперіи, вопреки протестамъ Англіи, Франціи и Россіи. Вѣнскій кабинетъ смѣло грозитъ войною славянскимъ государствамъ—Сербіи и Черногоріи, полагаясь на превосходство своей арміи и на политическую поддержку своего вѣрнаго германскаго союзника. Внутреннія неурядицы не мѣшаютъ Австро-Венгріи сознавать себя могущественною державою, ибо при всей своей національной розни народы монархіи пользуются свободою и не знаютъ гнета административнаго самовластія и произвола.

Въ Соединенныхъ штатахъ состоялись 3 ноября президентскіе выборы, и кандидатъ республиканской партіи, другъ Рузевельта, бывшій военный министръ, Вильямъ Говардъ Тафтъ, одержалъ блестящую побѣду надъ своимъ соперникомъ, Брайяномъ. Дѣловые, промышленные классы населенія были всецѣло на сторонѣ Тафта, какъ человѣка умѣреннаго и спокойнаго, чуждаго реформаторскихъ идей и въ то же время твердаго и энергическаго, доказавшаго на дѣлѣ свою административную ловкость и тактъ. Онъ происходитъ изъ судейской семьи и самъ былъ долго судьею; президентъ Макъ-Кинлей выдвинулъ его на политическое поприще, поручивъ ему ввести гражданское управленіе на мѣсто военнаго въ новыхъ американскихъ владѣніяхъ — на Филиппинскихъ островахъ. Тафтъ примѣнилъ тамъ систему, рѣдко

практикуемую въ завоеванныхъ краяхъ: онъ устроилъ повсюду школы, сооружалъ желѣзныя и шоссейныя дороги, подготовилъ разумныя основы самоуправленія и за время своего четырехлѣтняго пребыванія постепенно примирилъ жителей съ американскимъ владычествомъ. Въ 1904 году онъ сдѣлался военнымъ министромъ и лично сблизился съ Рузевельтомъ; два года спустя онъ принялъ на себя миссію умиротворенія на островѣ Кубѣ и успѣшно исполнилъ свою задачу. Позднѣе онъ объѣздилъ Дальній Востокъ и на обратномъ пути посѣтилъ также Россію. Въ его лицѣ американцы получаютъ истинно-республиканскаго правителя, менѣе даровитаго, чѣмъ Рузевельтъ, но болѣе сдержаннаго и уравновѣшеннаго. Рузевельту остается еще исполнять свои президентскія обязанности до конца февраля будущаго года.

Другого рода перемѣна произошла въ Китаѣ: 14 ноября умеръ несчастный императоръ Кванъ-су, проведшій послѣдніе годы въ заточеніи, а вслѣдъ затѣмъ, на другой же день, скончалась дѣйствительная правительница, „вдовствующая императрица“ Тзе-Хси, извѣстная своею непріязнью ко всему иноземному. Регентомъ назначенъ братъ умершаго богдыхана, принцъ Чунъ, а наслѣдникомъ — его малолѣтній сынъ, Пуйи. Скончавшаяся императрица въ особомъ декретѣ завѣщала правителямъ введеніе необходимыхъ реформъ и подготовленіе конституціи; но все зависитъ теперь отъ того, какія вліянія получатъ верхъ въ кругу китайскихъ мандариновъ, имѣющихъ доступъ къ новому источнику власти — принцу Чуну. Китайскій народъ пока безмолвствуетъ,—и не потому, что чувствуетъ свое благополучіе...

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *A. Sakheim.* T. A. Hofmann. Studien seiner Persönlichkeit u. Werke. Leipzig 1908. Hessel Verl.

Въ послѣднее время и въ Германіи, и во Франціи стали много заниматься исторіей романтизма съ начала XIX вѣка. Во Франціи вышла интересная книга Пьера Ласэра: „О романтическихъ идеяхъ XIX вѣка"; въ Германіи, послѣ книги Люблинскаго о литературѣ XIX вѣка, въ которой наиболѣе разработана эпоха романтизма, вышелъ очень цѣнный трудъ даровитой писательницы Рикарды Гухъ: „Развитіе и паденіе романтизма". На ряду съ этимъ появляются монографіи объ отдѣльныхъ романтикахъ. Въ Германіи стали снова изучать Новалиса, Амадеуса Гофмана. Послѣднему посвящена вышедшая въ текущемъ году въ издательствѣ Гесселя, въ Лейпцигѣ, книга Артура Закгейма: „Т. А. Гофманъ, этюды о его личности и творчествѣ".

Этотъ возродившійся интересъ къ романтикамъ начала минувшаго вѣка объясняется въ значительной степени преемственностью между ними и новѣйшей европейской литературой, той, которая смѣнила, начиная съ послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ минувшаго вѣка, пышный расцвѣтъ реализма и натурализма второй половины XIX вѣка. Много разныхъ литературныхъ формулъ смѣнилось за сравнительно короткій срокъ отъ конца 80-хъ годовъ XIX вѣка до завершающагося теперь перваго десятилѣтія XX-го вѣка... Миновало задорное декадентство; созрѣлъ символизмъ, давшій одного изъ крупнѣйшихъ писателей нашего времени, Метерлинка; пышно, но кратко развился эстетизмъ съ его экстазами самообожанія. Его вліяніе въ литературѣ отмѣчено крупными именами — изысканнаго поэта съ трагической судьбой, Оскара Уайльда, и наиболѣе избалованнаго судьбой современнаго поэта, ставшаго кумиромъ своего народа,—Габріэля д'Аннунціо.

Теперь волна декадентства, символизма, эстетизма, связанныхъ съ идеологіей философскаго культа личности, съ ученіемъ Ницше, „властителя думъ" цѣлаго поколѣнія, смѣнилась иными стремленіями и формулами. Явилась жажда объединенія съ жизнью, вмѣсто прежняго надменнаго желанія создать въ искусствѣ свой міръ, отрѣшенный отъ

дѣйствительности. Намѣчается возвратъ къ чувствамъ, объединяющимъ съ жизнью. Лозунгомъ новѣйшей европейской художественной литературы становится любовь къ людямъ, вѣра въ творческую силу идейнаго объединенія, вѣра въ общественность, не только въ ея непосредственно практическомъ, но также и въ идеалистическомъ значеніи. Назрѣваетъ въ литературѣ всѣхъ странъ новое теченіе, представляющее собой до нѣкоторой степени объединеніе, синтезъ индивидуализма и общественности.

Весь до нѣкоторой степени замкнувшійся кругъ названныхъ выше литературныхъ теченій носитъ общее названіе новоромантизма — и точки соприкосновенія его съ романтизмомъ первой четверти XIX-го вѣка и возродили интересъ къ писателямъ той эпохи.

Нельзя, конечно, провести прямой параллели между старыми романтиками и нашими современниками. Слово „романтизмъ“ примѣнимо и къ тѣмъ и къ другимъ въ обозначеніи того, что, отдѣлясь отъ дѣйствительности, они стремятся найти центръ въ себѣ, создавая для себя свой собственный міръ переживаній и ощущеній и стараясь оградить этотъ міръ отъ вторженія и даже пониманія другихъ. Но у романтиковъ первой поры желаніе это создавалось избыткомъ жизненной силы, тѣмъ, что для ихъ воображенія, для ихъ жажды изжить себя, міръ былъ тѣсенъ. Фантасмагорія Наполеоновской судьбы стерла границы между дѣйствительностью и фантазіей. Романтики—включая сюда и Байрона, и Новалиса, и Тика со всѣми сказочниками, процвѣтавшими тогда въ Германіи, значитъ и съ Амадеусомъ Гофманомъ, а также молодую Германію, Гейне, затѣмъ французовъ—Готье, Виктора Гюго и т. д.—не отрицали жизнь, а только не довольствовались ею, стремились обогатить ее еще и міромъ фантазіи, вѣрили во все воображаемое какъ въ дѣйствительное, ибо дѣйствительна была творческая сила ихъ воображенія. Неоромантики, напротивъ того, возстали на искусство, связанное съ дѣйствительностью, такъ какъ оно, въ крайностяхъ натурализма, стало подчеркивать въ жизни только чрезмѣрно будничное, только сѣрость земли. Для нихъ изысканность переживаній эстетическихъ, даже искусственныхъ, была противопоставленіемъ прекраснаго дѣйствительному. Духовная атмосфера, создавшая неоромантизмъ, была такимъ образомъ иной, чѣмъ жизнерадостность первыхъ романтиковъ. Но самый фактъ обогащенія или даже замѣны существующаго воображаемымъ создаетъ несомнѣнную общность между прежнимъ романтизмомъ и новымъ. Съ этой стороны и является у насъ теперь интересъ къ староромантикамъ. Каковъ былъ міръ, созданный ихъ мечтой? Неоромантики стали искать исхода въ красотѣ, отрѣшающей отъ жизни, послѣ того, какъ прошли черезъ скептическую философію, черезъ царство реализма, черезъ отрезвляю-

щую работу мысли. Можетъ ли поэтому быть у нихъ духовное родство съ непосредственностью первыхъ романтиковъ, у которыхъ, какъ у Байрона, даже пессимизмъ окрашивается творческой вѣрой въ будущее?

Интересно изучать теперь старыхъ романтиковъ, подходя къ нимъ именно съ этой стороны, т.-е. разсматривая соотношенія между жизнерадостнымъ пессимизмомъ прежнихъ романтиковъ и разочарованнымъ эстетизмомъ новыхъ.

Изъ всѣхъ романтиковъ первой поры для такого изученія наибольшій интересъ представляетъ Теодоръ Амадеусъ Гофманъ, съ его репутаціей чудака, съ его сказками и повѣстями, въ которыхъ чудесное сплетается съ тривіальнымъ, съ его символизаціей положительныхъ и отрицательныхъ свойствъ человѣка, возвышеннаго и безповоротно земного въ нѣсколькихъ, постоянно повторяющихся подъ разными масками, однихъ и тѣхъ же типовъ. Книга Закгейма даетъ много матеріаловъ для изученія Гофмана съ этой стороны. Это не историко-литературная монографія, щеголяющая документальностью, а скорѣе общій взглядъ на творчество Гофмана и, главнымъ образомъ, на его вліяніе. Авторъ собралъ очень интересные матеріалы относительно вліянія Гофмана за предѣлами Германіи. Онъ показываетъ, что во Франціи, въ общемъ очень равнодушной къ нѣмецкимъ писателямъ, изъ всѣхъ романтиковъ наиболѣе переводился и наиболѣе вліялъ на французовъ именно Гофманъ. Сходясь съ наиболѣе авторитетнымъ критикомъ Гофмана, Гризебахомъ, Закгеймъ отмѣчаетъ вліяніе Гофмана на Бальзака. Уже Сентъ-Бёвъ указалъ на гофмановскую струю въ „Peau de chagrin“ Бальзака, разсказѣ, начинающемся совершенно просто и естественно, и принимающемъ потомъ фантастическую оргіастическую окраску. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ другихъ фантастическихъ повѣстяхъ Бальзака, „Исканіе абсолюта“, „Луи Ламберъ“ и „Серафита“, въ которыхъ встрѣчается мотивъ магнетизерства и нѣмецкой мечтательности, сказывается, по справедливому мнѣнію Закгейма, вліяніе Гофмана. Это же вліяніе онъ отмѣчаетъ и въ Бодлэрѣ, недостаточно, однако, выясняя эту связь. Бодлэра, конечно, могъ привлекать въ Гофманѣ его эксцентричный юморъ, и онъ часто восхищался разсказами Гофмана. Но все же Бодлэръ съ его измученностью, съ его тоской о невозможномъ, слишкомъ разнится отъ ненасытнаго фантазера Гофмана, которому даже невозможное казалось вполнѣ существующимъ, и связь между ними—чисто внѣшняя. Говоря о вліяніи Гофмана, Закгеймъ часто видитъ его тамъ, гдѣ просто проявляется любовь къ фантастическимъ сюжетамъ. Онъ готовъ видѣть наслѣдіе Гофмана и въ „Horla“ Мопассана, геніальномъ произведеніи, проникнутомъ не романтическимъ бредомъ, какъ у Гофмана, а дѣй-

ствительнымъ кошмаромъ нашего времени, банкротствомъ вѣры, ужасомъ мысли передъ своимъ безсиліемъ. Нѣтъ, Мопассанъ не былъ подъ вліяніемъ богатой, но не трагической фантазіи Гофмана,—также какъ къ послѣдователямъ его нельзя причислить, какъ это дѣлаетъ Закгеймъ, эпикурейца Анатоля Франса, прежде всего скептика, въ то время какъ Гофманъ прежде всего полонъ страсти.

Интересна спеціально для насъ въ книгѣ Закгейма глава о вліяніи Гофмана въ Россіи. Нѣмецкій критикъ собралъ богатый библіографическій матеріалъ, и указываетъ на всѣ переводы и передѣлки Гофмана въ Россіи, начиная съ вышедшей въ 1828 г. книги Антона Погорѣльскаго (Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, сына графа Алексѣя Разумовскаго): „Двойникъ, или мои вечера въ Малороссіи". Эта книга была удачнымъ подражаніемъ „Serapionsbrüder" Гофмана. Перечисливъ всѣ изданія Теодора Амадеуса Гофмана по-русски, Закгеймъ подробно останавливается на сужденіяхъ о Гофманѣ трехъ русскихъ писателей, Герцена, Бѣлинскаго и Дружинина. Ему кажется чрезвычайно важнымъ, что Герценъ, при своемъ реалистическомъ складѣ ума, съумѣлъ понять художественность Гофмана, силу его углубленія въ скрытыя силы души. Вліяніе Гофмана Закгеймъ наблюдаетъ на многихъ русскихъ писателяхъ. Съ полной безпристрастностью онъ видитъ въ сходствѣ нѣкоторыхъ разсказовъ Пушкина, какъ „Выстрѣлъ", „Гробовщикъ" и въ особенности „Пиковая дама", съ Гофмановскими сюжетами скорѣе слѣдованіе литературной модѣ, чѣмъ непосредственное вліяніе. Призраки, фатализмъ царили тогда въ литературѣ. Болѣе несомнѣнную близость къ Гофману Закгеймъ находитъ у Гоголя, также любившаго перемѣшивать тривіальность съ фантазіей, какъ и авторъ „Кота Мура". Приводя изъ писемъ Достоевскаго факты, свидѣтельствующіе объ увлеченіи Достоевскаго Гофманомъ, Закгеймъ говоритъ о непосредственной преемственности между „Эликсирами дьявола" съ психологіей невиновнаго преступника и „Преступленіемъ и наказаніемъ" Достоевскаго. Когда, затѣмъ, Закгеймъ говоритъ о томъ, что̀ есть общаго между Гофманомъ и Тургеневымъ, а затѣмъ даже Чеховымъ, а въ настоящее время Леонидомъ Андреевымъ, то ужъ тутъ ни о какомъ вліяніи говорить не приходится, а можетъ быть только случайное сходство. Главу о вліяніи Гофмана въ Россіи Закгеймъ заканчиваетъ, указывая на „возрожденіе Гофмана" у Бальмонта, Брюсова и поэтессы Мирэ. Самая случайность сопоставленныхъ именъ, гдѣ рядомъ съ извѣстными поэтами названа совершенно неизвѣстная писательница Мирэ, показываетъ, что нѣмецкій критикъ пользовался относительно новѣйшей литературы лишь случайно доходившими до него свѣдѣніями. О возрожденіи Гофмана въ наше время не можетъ быть и рѣчи. Онъ интересенъ для насъ нѣкоторыми эле-

ментами своего творчества, но, какъ мы увидимъ сейчасъ, подойдя ближе къ его произведеніямъ, его фантазія, самодовлѣющая, конструктивная, успокаивающаяся на созиданіи собственнаго міра, не соотвѣтствуетъ психологіи нашего времени. Для насъ Гофманъ—художникъ, интуитивно постигшій противорѣчія душевныхъ переживаній, но не „учитель", прозрѣвшій вѣчный трагизмъ міра. Интересъ Гофмана заключается и въ его природной эксцентричности, сдѣлавшей его виртуозомъ художественнаго сказочнаго стиля, и въ его духовидчествѣ, въ томъ, что онъ осязаетъ наличность бурныхъ силъ, владѣющихъ душой, наличность всѣхъ хотѣній и всѣхъ противодѣйствій—и облекаетъ ихъ въ живыя органическія формы, сосуществующія съ будничной дѣйствительностью. Его юморъ, его иронія, его тяготѣніе къ кошмарному питаются воплощеніями этихъ враждебныхъ человѣку силъ, управляющихъ имъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Гофманъ тяготѣетъ къ наивной непосредственности, къ единенію человѣка съ свѣтлымъ солнечнымъ бытіемъ природы; онъ—сказочникъ; жизнь для него—живая сказка. Нужно сказать однако, что онъ намъ ближе своими „Elixire des Teufels", своей разорванностью, чѣмъ своимъ строительствомъ гармоничнаго міра въ своихъ сказкахъ.

Жизнь Теодора Амадеуса Гофмана была сама странная. Онъ—сынъ родителей, связанныхъ между собой тѣсной родственной связью, и по крови онъ германо-славянскаго и отчасти венгерскаго происхожденія. Съ славянствомъ соединяла его впослѣдствіи и его жена, тоже полька. Мать его была больная, истерическая женщина, и воспитаніе онъ получилъ неправильное, капризное. Въ жизни онъ проявлялъ много чудачествъ и служилъ предметомъ патологическихъ изслѣдованій. Жизнь его длилась сравнительно недолго. Родившись въ 1776 году, онъ умеръ сорока-шести лѣтъ, въ 1822 году. Живя въ Кенигсбергѣ, онъ окруженъ былъ самыми разнообразными вліяніями; раціонализмъ, буржуазное эпикурейство и мистицизмъ отмѣчали собой окружавшее его общество друзей, и все это питало его необузданную фантазію, смѣшивавшую границы существующаго и воображаемаго. Его одинаково тянуло къ тремъ областямъ искусства—къ музыкѣ, къ живописи, къ поэзіи, и когда все-таки онъ окончательно остановился на литературномъ творчествѣ, то и другія его способности сказались очень плодотворно на его произведеніяхъ. Онъ дѣлалъ каррикатурные портреты перомъ, и много его рисунковъ сохранилось для потомства,—но дѣйствительно геніальныя каррикатуры онъ дѣлалъ какъ художникъ слова, изображая „враговъ человѣка", воплощенныхъ въ злыхъ старикахъ, „похищающихъ глаза дѣтей", какъ въ „Sandmann" и т. д. Его музыкальность сказалась въ созданіи образа знаменитаго капельмейстера Крейслера, а затѣмъ его поэтическій даръ воплотилъ его

видѣнія разорванности міра и его мечты о гармоніи въ безконечномъ богатствѣ сказочныхъ и жизненныхъ фигуръ и типовъ.

Первое впечатлѣніе, которое остается отъ произведеній Гофмана—это нераздѣльность между существующимъ и несуществующимъ, ощущеніе убѣдительности его фантазіи. Вѣришь его двойникамъ, его магнетизерамъ, его людямъ, потерявшимъ свое „я", его несчастливцамъ, которымъ приписываютъ все дурное, что дѣлается вокругъ нихъ, вѣришь его автоматамъ съ стеклянными глазами, въ которыхъ влюбляются искатели красоты. А когда сживаешься съ этимъ кошмарнымъ міромъ, то начинаешь видѣть цѣльное міросозерцаніе, отраженное въ немъ. У Гофмана есть нѣсколько любимыхъ типовъ, которые онъ повторяетъ во множествѣ варіантовъ, и въ нихъ-то сказывается его міропониманіе, его „сказка о жизни". Въ его „Золотомъ горшкѣ" есть студентъ Ансельмъ, идеальный романтическій юноша, страшно неумѣлый въ жизни, и въ немъ воплощенъ идеалъ Гофмана, идеалъ, реально воплотившійся въ Новалисѣ, въ Вакенродерѣ, и который Гофманъ воспѣваетъ какъ безконечно прекрасное и потому неумѣстное въ жизни. Рядомъ съ нимъ есть архиварій Линдгорстъ—король въ области мечты, но въ жизни—жалкій нищій. Въ немъ Гофманъ отчасти воплощаетъ себя. Во множествѣ разсказовъ эти царственные мечтатели пріобрѣтаютъ очень сложный характеръ и доходятъ до преступленія во имя мечты, какъ, напримѣръ, въ разсказѣ о ювелирѣ, влюбленномъ въ свои созданія настолько, что онъ становится врагомъ всякаго, кто ихъ покупаетъ у него. Тутъ мечтатель становится разрушителемъ жизни во имя мечты. Эти два типа—чистаго принца, наивно добродѣтельнаго, и сложнаго разрушителя во имя мечты—наиболѣе распространенные и наиболѣе интересные для міросозерцанія Гофмана. Это въ отдаленности—предтечи сверхъчеловѣка, во имя котораго „все дозволено". Рядомъ съ ними идутъ всѣ злые старики, всѣ злорадные магнетизеры, всѣ враждебныя человѣку силы, заковывающія его. Кошмарный талантъ Гофмана придалъ имъ страшную осязательность, и всякій, кто читалъ его „Sandmann", на минуту чувствовалъ близость страшнаго „ловца душъ", Коппеліуса. Таковы по своей убѣдительности и другіе типы Гофмана, духовидца, прозрѣвшаго своей творческой фантазіей бездну между жаждой человѣческой души и дѣйствительностью.

II.

F. T. Marinetti. Les Dieux s'en vont, d'Annunzio reste. Стр. 200. Sansot. 1908.

Габріэль д'Аннунціо — большой писатель, съ пламеннымъ южнымъ темпераментомъ, умѣющій превращать каждое свое внутреннее и

внѣшнее переживаніе въ міровое. Эта особенность повліяла на его судьбу больше даже, быть можетъ, чѣмъ литературныя качества его произведеній. Свои внѣшнія переживанія, факты своей жизни, онъ съумѣлъ превратить въ цѣлыя легенды вокругъ своего имени. И у него это не вульгарная рекламность, какъ у нѣкоторыхъ, гораздо менѣе значительныхъ писателей и въ Западной Европѣ, и у насъ. Онъ съ несомнѣнной искренностью — въ этомъ сила его южной натуры — считаетъ важное для себя важнымъ для всего міра. Поэтому, сблизится ли д'Аннунціо съ знаменитой артисткой, разссорится ли онъ съ нею и подружится съ другой, менѣе знаменитой, но болѣе молодой, разведется ли онъ съ первою женой и женится на другой, титулованной избранницѣ, сдѣлается ли онъ изъ мимолетнаго каприза депутатомъ — на самое короткое время, — поѣдетъ ли онъ въ Южную Америку,—все это превращается въ національныя событія. Мало того, подробности его домашней жизни въ его виллѣ у моря становятся достояніемъ всей Италіи, такъ какъ онъ съумѣлъ — повторяемъ, не внѣшней рекламностью, а дѣйствительно вѣрой въ себя и особаго рода общительностью — приковать къ себѣ вниманіе своей родины. Кто не знаетъ въ Италіи знаменитыхъ собакъ д'Аннунціо и точную, хотя и баснословную цифру, которая ежегодно тратится на ихъ содержаніе? Извѣстно также баснословное число обуви поэта, для которой отведено особое помѣщеніе въ пышномъ жилищѣ д'Аннунціо, гдѣ собраны величайшія произведенія искусства и гдѣ жизнь обставлена съ богатой роскошью. Такъ же извѣстна коллекція его галстуховъ. Конечно, очень легко видѣть въ такой жизни на показъ простое и пошлое фатовство. Но если имѣть при этомъ въ виду, что д'Аннунціо при этомъ дѣйствительно большой и плодовитый писатель, постоянно занимающій вниманіе своихъ соотечественниковъ не только анекдотами о своей жизни, но и новыми значительными произведеніями, постояннымъ исканіемъ новыхъ путей, то за этой чертой чувствуется скорѣе особенность темперамента, чѣмъ практическій разсчетъ.

И не только внѣшняя жизнь д'Аннунціо имѣетъ такой исключительно показной характеръ. Всѣ его переживанія въ области мысли и творчества точно также совершались не въ душевной тишинѣ, а какъ бы передъ лицомъ всего народа. Въ то время какъ скандинавскій богатырь въ области духа, Ибсенъ, угрюмо прожилъ почти полъжизни въ мрачномъ одиночествѣ, никому невѣдомый, измышлявшій въ тиши то, что потомъ произвело переворотъ въ европейскомъ театрѣ, и только уже почти подъ старость достигъ столь долго жданнаго признанія, д'Аннунціо въ пятнадцать лѣтъ сдѣлался баловнемъ успѣха и съ тѣхъ поръ, по какому бы пути онъ ни шелъ, все обращается

во славу ему. Въ этомъ смыслѣ жизнь д'Аннунціо — поразительный примѣръ быстрой, твердой и неизмѣнной удачи и славы. Онъ выступилъ пятнадцати лѣтъ стихами, которые извѣстный, недавно умершій критикъ Кіарини призналъ предвѣщающими великаго поэта. Юношей онъ славился своей красотой и сразу сталъ любимцемъ и литературныхъ кружковъ, и свѣтскихъ салоновъ. Съ тѣхъ поръ успѣхъ не покидалъ его. Былъ одинъ критическій моментъ въ его жизни. Молодой д'Аннунціо, чрезвычайно чуткій къ духовной жизни современности, очень пламенно переживалъ всѣ литературныя вліянія. Онъ былъ послѣдовательно ученикомъ сначала Достоевскаго, потомъ французскихъ психологовъ-пессимистовъ—Мопассана, Бурже первой поры, когда, не превратившись еще въ націоналиста и клерикала, Бурже углублялся въ вопросы совѣсти; потомъ, когда вліяніе Ницше положило начало „переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей", д'Аннунціо „нашелъ себя" въ острой культѣ собственнаго „я", доведенномъ имъ, болѣе чѣмъ кѣмъ-либо изъ другихъ европейскихъ писателей, до высшей точки самообожанія. Но и на этомъ не закончились эволюціи воспріимчиваго художника и поэта. Отъ ницшеанства, отъ сверхчеловѣчества онъ перешелъ къ культу націи. Д'Аннунціо сдѣлался пѣвцомъ національной славы, сначала въ своихъ восторженныхъ и поэтически совершенныхъ „гимнахъ" (Laudi), въ которыхъ онъ воспѣваетъ все, что было великаго въ прошломъ Италіи. Затѣмъ такимъ же восторженнымъ гимномъ Италіи звучитъ его послѣдняя трагедія „Корабль", окончательно сдѣлавшая д'Аннунціо кумиромъ и славой преклоняющейся передъ нимъ родины.

Въ теченіе этихъ послѣдовательныхъ эволюцій былъ моментъ, когда слава д'Аннунціо могла пошатнуться. Его стали обличать въ чрезмѣрной воспріимчивости къ чужимъ вліяніямъ, точнѣе, просто въ заимствованіяхъ изъ разныхъ, въ особенности французскихъ писателей. Поднялась буря обличеній, которая могла бы погубить менѣе сильнаго и увѣреннаго въ себѣ писателя. Для д'Аннунціо же „исторія плагіатовъ" послужила только къ увеличенію его славы. Выяснилось, что д'Аннунціо настолько самъ творчески силенъ, что какъ бы имѣетъ право пользоваться тѣмъ, что находитъ нужнаго себѣ у другихъ писателей, такъ какъ все взятое онъ превращаетъ въ свое пламенностью своихъ переживаній. Защитники его вспоминали, конечно, знаменитую мольеровскую формулу: „я беру свое вездѣ, гдѣ нахожу его" (je prends mon bien, où je le trouve). И дѣйствительно, отдѣльныя заимствованія не мѣшаютъ д'Аннунціо быть вполнѣ оригинальнымъ поэтомъ и художникомъ, такъ какъ сила его—въ томъ, чего нельзя заимствовать, въ лиризмѣ его южной натуры, въ страстномъ чувствѣ красоты, въ языческой любви къ прекрасному бытію, къ предметному міру, а затѣмъ—и прежде всего, и больше всего—въ томъ, что среди сѣверной

разсудочной современной культуры д'Аннунціо истинный пѣвецъ страсти. Свои философскія идеи онъ беретъ изъ общей сокровищницы европейской идейной жизни. Но страсть и яркіе пламенные образы, въ которыхъ онъ ее воплощаетъ, составляютъ его собственное поэтическое достояніе. Въ этомъ онъ самобытенъ, тутъ онъ ни у кого не заимствуетъ, ни за кѣмъ не идетъ. Во Франціи есть писатели націоналисты, но пѣвцомъ своей родины д'Аннунціо можно назвать болѣе, чѣмъ кого-либо другого изъ современныхъ европейскихъ писателей.

Такимъ образомъ, можно понять, почему д'Аннунціо сдѣлался кумиромъ современной Италіи, и уже не относиться къ анекдотической сторонѣ его славы, какъ къ пустой и намѣренной рекламности и фатовству. Такъ поступаетъ одинъ соотечественникъ д'Аннунціо, Ф. Т. Маринетти, въ своей книгѣ, носящей нѣсколько загадочное названіе: „Боги исчезаютъ, остается д'Аннунціо". По заглавію можно предположить сатирическое отношеніе къ поэту, но, прочтя интересную книгу, легко убѣдиться, что добродушная сатира надъ славой д'Аннунціо соединяется у автора книги съ очень серьезнымъ признаніемъ дѣйствительнаго значенія поэта.

Маринетти—итальянецъ, который живетъ большею частью во Франціи и пишетъ по-французски. Своей поэзіей Маринетти принадлежитъ отчасти къ очень интересному, совсѣмъ новому кружку такъ называемыхъ „поэтовъ аббатства". „Аббатство" (Abbaye)—группа молодыхъ поэтовъ, отошедшихъ отъ крайностей символизма и мистицизма, увлекшихся откровеніями науки и мечтающихъ о новомъ синтезѣ, о новыхъ соединеніяхъ научной мысли и поэтическихъ эмоцій. Поэты эти рѣшили даже жить особой жизнью; оставивъ шумный Парижъ, они устроили тихое общежитіе въ окрестностяхъ столицы и тамъ жили въ строгой работѣ, причемъ даже сами печатали свои книги на ручномъ станкѣ. Книга стиховъ самаго выдающагося поэта этой группы, Вальдрака, имъ самимъ набрана и напечатана. Къ этой чрезвычайно симпатичной группѣ молодыхъ поэтовъ принадлежитъ также итальянецъ Маринетти. Его книга о д'Аннунціо вышла, конечно, не въ изданіяхъ „Аббатства", такъ какъ не имѣетъ ничего общаго съ обособленными поэтическими задачами этого кружка. Но, можетъ быть, его усмѣшка по адресу столь шумнаго въ своей славѣ д'Аннунціо объясняется до нѣкоторой степени тѣмъ, что онъ полюбилъ поэтовъ съ инымъ отношеніемъ къ толпѣ, не только не желающихъ преклоненія передъ собою, но бѣгущихъ отъ людей.

Любопытная книжка Маринетти составлена главнымъ образомъ изъ описаній, а отчасти анекдотовъ, характеризующихъ то, что можно вульгарно назвать „позёрствомъ" д'Аннунціо,—его наклонность постоянно выдѣляться какими-нибудь изысканными жестами. Маринетти

разсказываетъ о такихъ „жестахъ“, но дѣлаетъ это довольно добродушно, понимая всѣ, чѣмъ дѣйствительно цѣненъ д'Аннунціо. Онъ прибавляетъ къ ореолу національнаго поэта каррикатуры на него, а, какъ извѣстно, каррикатуры только тогда имѣютъ смыслъ, когда онѣ относятся къ тому, что̀ стоитъ на пьедесталѣ. Вышучивать мелкое ничѣмъ не интересно, но оттѣнять смѣхомъ величіе — значитъ, придавать ему должное значеніе и только выставлять противовѣсъ слѣпому преклоненію. Анекдоты, приводимые Маринетти, собраны съ большимъ вкусомъ, оттѣняя всегда, въ намѣренно каррикатурномъ видѣ, какую-нибудь дѣйствительную черту въ характерѣ поэта.

Такъ напр., разсказывая о похоронахъ одного изъ „ушедшихъ боговъ“, Кардуччи, Маринетти удивляется отсутствію среди идущихъ за гробомъ Габріэле д'Аннунціо, и приводитъ ироническій отвѣтъ студента, сообщающаго, что д'Аннунціо, вмѣсто того, чтобы явиться самому, прислалъ вѣтку сосны съ лентой, на которой было написано: „Я самъ сорвалъ эту зеленую вѣтвь на цвѣтущемъ холму около горы Габбери, которую я описалъ въ моемъ поэтическомъ обращеніи къ Джозуэ Кардуччи, въ предпослѣдней пѣсни моей поэмы „Laus Vitae“. Почему,—говоритъ Маринетти,—Габріэле не прибавилъ еще: „изд. Тревесъ, 4 франка“? Внимательное отношеніе къ себѣ поэта вышучено тутъ очень удачно.

Маринетти разсказываетъ въ такомъ же насмѣшливомъ тонѣ почти всю жизнь д'Аннунціо, его дѣтство, его первые успѣхи у женщинъ, его тяготѣніе къ эксцентричнымъ выходкамъ; въ числѣ ихъ онъ разсказываетъ о томъ, какъ Габріэле ѣздилъ, весь въ бѣломъ, на бѣлой лошади, и останавливался на площади передъ оркестромъ музыки, держа бѣлыя поводья въ бѣлой перчаткѣ, такъ что публика вокругъ говорила, что „поэтъ дѣлаетъ репетицію своей конной статуи“. Въ подробностяхъ передается процессъ съ сосѣднимъ фермеромъ, убившимъ одну изъ знаменитыхъ собакъ Габріэле, описывается его элегантность на судѣ, а также охота на него нѣмецкихъ интервьюэровъ, тщетно пытавшихся узнать точный возрастъ поэта, который скрываетъ свои годы, какъ женщина. Когда журналистъ, наконецъ, узнаетъ, что д'Аннунціо родился въ 1863 г., такъ какъ достаетъ копію метрическаго свидѣтельства, то Маринетти, въ концѣ концовъ, огорчаетъ бѣднаго нѣмца, говоря ему, что онъ знаетъ двадцать пять разныхъ метрическихъ свидѣтельствъ д'Аннунціо, и что всѣ они—апокрифическія.

Забавно разсказана исторія о первомъ представленіи драмы д'Аннунціо „Огонь подъ спудомъ“, которая провалилась на первомъ представленіи, благодаря неудачной игрѣ дебютирующаго на сценѣ молоденькаго Габріэлино, сына Габріэле. Вся зала въ одинъ голосъ называла неудачнаго молодого актера „отцеубійцей“.

Конечно, въ книжкѣ о д'Аннунціо есть достаточно упоминаній о знаменитой актрисѣ, даривше его своей любовью, и по этому случаю разсказывается множество анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о маніи величія д'Аннунціо. Маринетти разсказываетъ, напримѣръ, что д'Аннунціо будто бы наряжается въ сверкающую золотую ризу и работаетъ на террасѣ своей виллы Лакапонцина передъ готическимъ аналоемъ между двумя большими кадильницами, которыя дымятся при розовомъ свѣтѣ зари. Затѣмъ, будто бы, устраивая обѣдъ для Дузе и для своего издателя Тревеса, онъ принимаетъ ихъ въ салонѣ, засыпанномъ, вмѣсто ковра, лепестками свѣжихъ розъ, причемъ для него самого приготовленъ, вмѣсто кресла, тронъ подъ балдахиномъ... Ко всему этому, — насколько, конечно, въ этихъ легендахъ есть дѣйствительная правда,—Маринетти относится добродушно. Не все ли равно, какъ поэтъ проводитъ свои досуги, лишь бы онъ былъ настоящимъ поэтомъ! Разсказываетъ онъ также, какъ на морскихъ купаньяхъ въ Віареджіо д'Аннунціо купается на виду у всѣхъ, а на берегу его ждетъ „знаменитая актриса, его пріятельница", держа въ раскрытыхъ рукахъ пурпуровый плащъ, чтобы окутать его при выходѣ изъ волнъ. Все это—анекдоты о любви д'Аннунціо къ пышности. Очень забавно разсказана сцена, какъ д'Аннунціо говорилъ въ народномъ собраніи о соціализмѣ, когда баллотировался въ депутаты. И тутъ онъ оказался побѣдителемъ, умѣющимъ гипнотизировать всѣхъ своей увѣренностью.

Разсказавъ въ шутливомъ тонѣ о разныхъ эксцентричныхъ выходкахъ д'Аннунціо и о его любви къ пышности и славѣ, Маринетти даетъ серьезный разборъ театральныхъ пьесъ д'Аннунціо и, указывая на нѣкоторыя слабости, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что въ своемъ театрѣ, какъ и въ своей поэзіи, д'Аннунціо—великій національный поэтъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1908.

Великій Князь Алексѣй Александровичъ †.—Тяжелѣе или легче стало жить въ конституціонной Россіи? — Положеніе, создавшееся для православнаго духовенства.— Добровольческій сыскъ: дѣло Бродскихъ, запрещеніе „Саломеи“ и лишеніе ученой степени г. Коновалова. — Убійство городовымъ двухъ офицеровъ. — Еще по поводу дѣла братьевъ Коваленскихъ.—Педагоги пажескаго корпуса.—Изъ практики „успокоенія“.—Десятилѣтіе газеты „Право“.—Юридическій вопросъ.—Письмо гр. Л. Н. Толстого въ столичныя и провинціальныя газеты.

1-го ноября, въ Парижѣ, скончался одинъ изъ сыновей императора Александра II, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, стоявшій во главѣ нашихъ морскихъ силъ; имя его займетъ потому современемъ свое мѣсто въ исторіи нашего флота, въ особенности за послѣдній періодъ, предшествовавшій русско-японской войнѣ. Въ нашей печати, по поводу этой кончины, пока не появлялось никакихъ сообщеній біографическаго свойства, а потому будущему біографу покойнаго Великаго Князя придется изъ показаній современниковъ, вызванныхъ его смертью, ограничиться воспоминаніями о его отрочествѣ и годахъ ранней юности—князя В. П. Мещерскаго; онъ, по его словамъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, былъ весьма близокъ къ Великому Князю, и, какъ почти ежедневный свидѣтель эпохи его воспитанія, пишетъ теперь, по этому поводу, въ своемъ органѣ, слѣдующее какъ о самомъ Великомъ Князѣ, такъ и объ адмиралѣ Посьетѣ, его воспитателѣ [1]):

„Объ личности—такъ говоритъ князь Мещерскій,—и воспитатель, и воспитанникъ, были глубоко симпатичны; но, увы, воспитательное дѣйствіе личности перваго на личность второго было таково, что не только воспитатель не съумѣлъ характеръ своего воспитанника прочно основать на твердыхъ основахъ широкаго нравственнаго міросозерцанія и общенія съ его хорошими качествами, но испортилъ этотъ характеръ для будущей дѣятельности Великаго Князя, какъ взрослаго человѣка. Какъ это могло случиться, когда воспитатель Посьетъ былъ очень хорошій человѣкъ,—постараюсь объяснить.

---

[1]) Приводимъ текстъ „Гражданина“ по извлеченіямъ изъ него въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, отъ 13-го ноября, № 10809.

„Прежде всего, что̀ не подлежало никакому сомнѣнію, это то, что адмиралъ Посьетъ, при всѣхъ своихъ качествахъ, лишенъ былъ воспитательныхъ способностей... Великій Князь былъ милый, добрый, умный, открытый и прямой юноша, но уже съ раннихъ лѣтъ онъ былъ, съ одной стороны, скептическаго настроенія, а съ другой стороны, квіетистъ, въ смыслѣ полнаго индифферентизма ко всякимъ необиходнымъ душевнымъ настроеніямъ. Онъ не умѣлъ иначе относиться къ нимъ, какъ съ примѣсью извѣстной иронiи. Таковъ былъ воспитанникъ... Посьетъ былъ и методистъ, и педантъ, и одновременно фанатикъ не только своихъ вѣрованій, но и своихъ экзальтацій. И вотъ почва, на которой ежедневно, такъ сказать, воспитанникъ получалъ отъ своего воспитателя впечатлѣнія, которыя на него дѣйствовали какъ царапаніе ножемъ по стеклу“...

„И вотъ слѣдствіе того—говоритъ далѣе князь Мещерскій: — Великій Князь началъ службу своему отечеству, не вѣря въ людей, и съ каждымъ шагомъ на служебномъ пути это опостылое отношеніе къ жизни усиливалось, такъ что, когда его державный братъ ему довѣрилъ начальствованіе надъ русскимъ флотомъ, и вся Россія мечтала, что въ этомъ молодомъ генералъ-адмиралѣ огнемъ разгорится стремленіе къ своему священному призванію, — это невѣріе въ людей дошло въ немъ до того, что онъ не вѣрилъ и въ себя, въ свой умъ, въ свои способности, въ свою преданность Россіи. И вотъ это-то явленіе въ духовной жизни Великаго Князя и было роковою причиною всѣхъ бѣдъ, приключившихся въ морскомъ вѣдомствѣ.

„И вотъ, когда, во время доклада по морскому вѣдомству, ему докладывали или онъ со стороны узнавалъ о злоупотребленіяхъ, онъ склонялъ голову, какъ бы передъ силою рока, и вмѣсто энергичнаго дѣйствія къ пресѣченію зла и къ привлеченію виновныхъ къ отвѣтственности, онъ говорилъ незлобиво: ничего не подѣлаешь, таковы всѣ люди. А когда ему сообщали о чемъ-либо отрадномъ, онъ съ грустною улыбкою отвѣчалъ: неужели? что-то не вѣрится.

„Вслѣдствіе этого хорошіе люди въ вѣдомствѣ стали слабыми и маловѣрующими въ возможность противленія злу, а дурные люди получили въ упованіи на безотвѣтственность большую силу.

„И роковая Цусима явилась послѣднимъ словомъ этой разрушительной силы зла и безсилія хорошихъ людей“...

Тяжелѣе или легче стало жить въ Россіи конституціонной, нежели жилось во времена до-конституціонныя?

До конституціи Петербургъ, Москва и другіе большіе центры находились на положеніи усиленной охраны, теперь находятся на по-

ложеніи охраны чрезвычайной. Въ объективномъ отношеніи это исчерпываетъ отвѣтъ. Реформы, обновленіе, правовой строй—все это ушло впередъ, — вѣрнѣе, въ высь, — въ область надеждъ и ожиданій, пропасть между которыми и дѣйствительностью съ каждымъ днемъ дѣлается шире и глубже. Реальный фактъ — та же самая охрана. Какъ до конституціи она была основной, опредѣляющей жизнь страны идеей, такъ и послѣ — во имя охраны, дарованное и возвѣщенное осталось безъ осуществленія. Но до конституціи была охрана усиленная—она требовала и получала жертвы въ усиленной мѣрѣ. Теперь ей приносятся жертвы въ мѣрѣ чрезвычайной. Разница между полномочіями, которыя имѣютъ представители исполнительной власти при чрезвычайной охранѣ и при усиленной, составляетъ тотъ главный плюсъ, который — пока-что—далъ русскому обществу новый государственный строй.

Съ 1887 г. и до начала освободительнаго движенія политическіе судебные процессы были рѣдкими, исключительными явленіями. Почти всѣ дѣла оканчивались въ административномъ порядкѣ. Это было неправомѣрно. Но это влекло—за принадлежность къ соціалистическимъ партіямъ, за устройство тайныхъ типографій и т. п.—не выше ссылки или тюремнаго заключенія безъ лишенія правъ. Теперь тѣ же дѣянія таксируются наказаніями по суду, но по такому масштабу, при которомъ четыре года каторги составляютъ одну изъ низшихъ каръ. А административная расправа продолжаетъ дѣйствовать параллельно и съ еще большей энергіей. До конституціи за несдержанную рѣчь въ публичномъ собраніи можно было очутиться въ Минусинскѣ или Якутскѣ. Теперь и эту возможность вполнѣ сохранилъ за собой обыватель. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пріобрѣлъ другую: оказаться на поселеніи по суду, или по суду же въ крѣпости, или въ арестантскихъ ротахъ — съ пожизненнымъ ограниченіемъ политическихъ правъ. О положеніи печати до конституціи и теперь намъ приходилось говорить такъ часто и такъ много, что нѣтъ охоты повторять. Даже въ мелочахъ обыватель ежедневно видитъ, что конституція ему принесла одну лишнюю и докучную тяготу. Взять, напримѣръ, ученыя общества. Никогда на ихъ собраніяхъ не бывали постороннія наукѣ лица—околоточные надзиратели и полицейскіе офицеры. Референты и оппоненты знали однихъ руководителей преніями—предсѣдателей собраній. Теперь и сами предсѣдатели должны поминутно задаваться вопросомъ: а что подумаетъ помощникъ пристава? Для собраній установленъ явочный порядокъ, не требующій предварительнаго разрѣшенія. А пусть скажутъ предсѣдатели ученыхъ обществъ, когда имъ легче и проще было получать разрѣшеніе на собранія—прежде, когда разрѣшеніе требовалось закономъ, или теперь, когда законъ его не требуетъ?

Яркими примѣрами въ послѣднемъ отношеніи могутъ служить два случая, которые недавно происходили въ Петербургѣ. На 13-ое ноября назначено было очередное собраніе членовъ религіозно-философскаго общества въ помѣщеніи географическаго общества. Входъ на собраніе предполагался исключительно по именнымъ повѣсткамъ. Наканунѣ, секретарь общества, г. Философовъ, получилъ изъ канцеляріи градоначальника извѣщеніе, что собраніе не можетъ быть разрѣшено, пока не будетъ доставлено свидѣтельство, что помѣщеніе удовлетворяетъ требованіямъ обязательнаго постановленія городской думы и представляется въ техническомъ отношеніи безопаснымъ. Требованіе это, естественно, вызвало недоумѣніе, такъ какъ географическое общество существуетъ уже многіе десятки лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ его помѣщеніи сотни разъ происходили всевозможныя засѣданія и собранія. Г-нъ Философовъ долженъ былъ лично отправиться въ канцелярію. Тамъ ему удалось выяснить явную несообразность предъявленнаго требованія и получить разрѣшеніе. Но за разрѣшеніемъ послѣдовало распоряженіе о запрещеніи преній по назначеннымъ на обсужденіе докладамъ. И тутъ уже ничто не помогло. Преній не было, и вмѣсто собранія членовъ религіозно-философскаго общества въ закрытомъ для публики засѣданіи получились двѣ лекціи, которыя, при тщательномъ недопущеніи постороннихъ, членами общества были прослушаны.

Еще любопытнѣе другой случай. Религія и философія, если и не имѣютъ прямого отношенія къ политикѣ, то, все-таки, того и гляди, могутъ привести къ „потрясенію основъ"—такъ привыкла съиздавна относиться къ нимъ бюрократія, а она теперь „всемѣрно" дѣйствуетъ въ предѣлахъ старыхъ привычекъ и навыковъ. Да и „истинно-русскіе" люди неодобрительно относятся къ религіозно-философскому обществу. Но что̀ политически-опасное и потому недопустимое усмотрѣлъ петербургскій градоначальникъ въ сужденіяхъ педагоговъ о русскомъ правописаніи вообще и въ частности о буквѣ „ѣ"?

На 17-ое ноября было назначено засѣданіе секціи преподавателей русскаго языка и словесности при спб. родительскомъ кружкѣ. Предполагались доклады: В. М. Чернышева на тему: „Педагоги и ученые о русскомъ правописаніи", и А. И. Сидорова: „Буква *ѣ* въ нашемъ правописаніи". Предсѣдатель кружка усиленно ходатайствовалъ о разрѣшеніи преній по этимъ докладамъ. Всѣ его хлопоты, однако, были категорически отклонены. „Вслѣдствіе этого—заключаетъ цитируемая нами замѣтка, напечатанная въ „Рѣчи" 16 ноября,—засѣданіе секціи не состоится, и пренія по вопросу о русскомъ правописаніи, вообще, и о буквѣ „ѣ", въ частности, рѣшено отложить „до болѣе благопріятнаго времени". Борьба правительства съ врагами буквъ „ѣ" и „ъ"—

дѣло у насъ не новое. Лѣтъ восемь назадъ на защиту злосчастныхъ буквъ, какъ извѣстно, выступалъ Д. С. Сипягинъ. Но тогда не было конституціи, и онъ не имѣлъ другихъ средствъ борьбы кромѣ обращенія въ Академію Наукъ, чтобы она объявила „преступнымъ“ либерально-безразличное употребленіе „ѣ“ и „е“ и крамольное стремленіе вовсе упразднить букву „ъ“. Академія—что тоже извѣстно—отклонила отъ себя роль орудія борьбы съ посягателями на правила правописанія. Теперь—конституція. Теперь, въ порядкѣ чрезвычайной охраны, безъ всякаго обращенія къ кому бы то ни было, власть запретила говорить и спорить о буквѣ „ѣ“.

Но новыя объективныя тяготы, которыя упали на русское общество вмѣстѣ съ конституціей, раскрываютъ лишь одну сторону вопроса. Есть еще другая, субъективная — ощущенія, которыми живетъ общество и которыя опредѣляютъ его настроеніе. До конституціи было просто: эпитетъ „политическій“ имѣлъ приложеніе къ одному единственному слову „преступникъ“. Никто не имѣлъ права имѣть никакихъ своихъ собственныхъ „политическихъ“ убѣжденій. Никакихъ гражданъ въ правовомъ смыслѣ понятія не было. Было лишь состояніе потомственныхъ и личныхъ почетныхъ гражданъ, весь почетъ которыхъ заключался въ томъ, что ихъ нельзя было сѣчь. Свобода слова, печати, собраній, союзовъ—отрицалась принципіально. Словомъ, мы были именно обывателями и лишь мечтали о гражданскомъ бытіи. Затѣмъ, хотя пожалуй болѣе „явочнымъ“ порядкомъ, чѣмъ законодательнымъ, но мы на мигъ гражданское бытіе получили. Мы мнили, что уже стали гражданами. Мы уже привыкли-было пользоваться гражданскими правами и цѣнить ихъ. Мы прошли черезъ процессъ свободнаго политическаго самоопредѣленія и образованія политическихъ партій. Намъ казалось, что мы уже лично неприкосновенны, что мы уже можемъ имѣть политическія убѣжденія по неотъемлемому праву, что мы можемъ свои убѣжденія безбоязненно проповѣдывать и что все это осталось лишь оформить на началахъ, безповоротно установленныхъ.

И вдругъ, мы отброшены назадъ въ обывательское положеніе, основной регуляторъ котораго—воля начальства. „Начальство“ не воспрещаетъ намъ имѣть политическія убѣжденія, но не всякія. Оно позволяетъ и говорить, но не всѣмъ и не обо всемъ, или, вѣрнѣе, обо всемъ, только подъ раздѣляемымъ имъ самимъ угломъ зрѣнія. Дѣйствительность показала и показываетъ ежедневно, что отъ гражданъ мы такъ же далеки, какъ были далеки до конституціи. Правда, намъ еще не говорятъ, что такъ и быть должно. Намъ пока говорятъ, что мы временно возвращены къ мирному обывательскому бытію, во имя высшей задачи момента — „успокоенія“. Намъ еще сулятъ и реформы, и гражданскую

свободу. Но завѣса надъ ближайшимъ будущимъ уже пала и изъ-за нея ясно видно, что мы можемъ разсчитывать только на гражданскую свободу „совсѣмъ наоборотъ". Думская коммиссія выработала проектъ закона о неприкосновенности личности и позаботилась въ немъ, главнымъ образомъ, опредѣлить права чиновъ корпуса жандармовъ, дабы устранить въ порядкѣ примѣненія закона всякую возможность ихъ съуженія. Та же коммиссія готовитъ проектъ объединенныхъ правилъ охраны, по которому полномочія администраціи будутъ еще болѣе расширены. Наканунѣ внесенія въ Думу — новый законъ о печати, поставившій цѣлью обратить всѣ газеты въ „Новое Время" или въ „Россію". Административную ссылку, еще задолго до конституціи предназначенную къ упраздненію, рѣшено ввести въ постоянную правовую норму, съ „изоляціей" ссылаемыхъ и съ введеніемъ въ законодательство новаго понятія: „административный преступникъ". Нужны ли дальнѣйшія иллюстраціи?..

Если всѣмъ русскимъ людямъ, въ принудительномъ снѣ „успокоенія" не утратившимъ способности мыслить, чувствовать и реагировать, тяжелѣе стало жить послѣ конституціи, то есть классъ, которому конституція создала положеніе по истинѣ трагическое. Этотъ классъ—православное духовенство.

Православному духовенству даны общія со всѣми другими классами населенія политическія права. Священнослужители участвуютъ въ выборахъ въ Государственную Думу — и участвуютъ на общихъ основаніяхъ, т.-е. имѣютъ формальное право и несутъ нравственную обязанность голосовать свободно, по совѣсти, за или противъ тѣхъ или иныхъ кандидатовъ. Для нихъ, какъ и для всѣхъ избирателей, написанъ уголовный законъ, начинающійся словами: „Въ огражденіе *свободы* и правильности выборовъ" и т. д. Священнослужители, избранные въ члены Думы, читаютъ и знаютъ, что они „пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы". И вмѣстѣ съ тѣмъ православные священники не обладаютъ ни свободой при избраніи, ни свободой сужденій въ Думѣ. Подъ угрозой лишенія сана или, въ лучшемъ случаѣ, запрещенія въ священнослуженіи имъ говорятъ, кого они обязаны выбирать, какихъ политическихъ убѣжденій они обязаны держаться и какія мнѣнія и сужденія обязаны высказывать въ Думѣ. Для ихъ совѣсти конституція создала мучительныя испытанія.

И эти испытанія чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе нарастаютъ. Изъ священниковъ, членовъ первой Думы, лишены сана только подписавшіе выборгское воззваніе. А во второй Думѣ, еще до рос-

пуска ея, было поставлено требованіе священникамъ-депутатамъ, чтобы они вышли изъ фракцій нелегализованныхъ партій и публично о томъ объявили. И одинъ отказъ отъ исполненія этого требованія повлекъ лишеніе сана со всѣми его гражданско-правовыми послѣдствіями.

Послѣ выборовъ въ третью Думу изъ канцеляріи синода было послано уфимскому архіерею слѣдующее увѣдомленіе: „Изъ писемъ г. уфимскаго губернатора о результатѣ выборовъ въ уфимскомъ губернскомъ собраніи въ семъ 1907 г. видно, что священники К. и Б., принадлежащіе къ лѣвымъ партіямъ, на выборахъ въ Государственную Думу не только отдали свои голоса революціонерамъ, но и агитировали вмѣстѣ съ ними, результатомъ чего была передача половины депутатскихъ мѣстъ инородцамъ. Объ изложенномъ долгомъ поставляю сообщить вашему преосвященству для свѣдѣнія, покорнѣйше прося васъ о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ“ [1]). Какія мѣры принялъ въ отношеніи священниковъ К. и Б. уфимскій преосвященный и какъ согласовалъ онъ увѣдомленіе синодской канцеляріи съ закономъ объ огражденіи свободы выборовъ,—мы не знаемъ. Но даже и это увѣдомленіе не составило послѣдняго предѣла воздѣйствія на политическія воззрѣнія и убѣжденія священниковъ.

Въ мартѣ 1908 г. православное духовенство получило разъясненіе синода, подсказывавшее имъ, въ какія партіи они могутъ вступать. Въ этомъ разъясненіи значится: „предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ, по ближайшему ихъ усмотрѣнію, разрѣшать и благословлять участіе подвѣдомаго имъ православнаго духовенства въ дѣятельности союза русскаго народа и другихъ монархическихъ обществъ, если уставъ и дѣятельность таковыхъ обществъ остаются въ согласіи съ установленіями православной церкви и ея іерархіи и служатъ ко благу отечества нашего“. И, наконецъ, къ ноябрю 1908 г. разрѣшеніе вступать въ союзъ русскаго народа и другія крайнія правыя партіи уже обратилось въ обязанность, поставленную подъ угрозу наказанія. Въ „Голосѣ Москвы“ отъ 18 ноября читаемъ: „Четыре священника въ курской епархіи: Моляревскій, Аушевъ, Смирновъ и Красносельскій, находя, что служеніе церкви съ политической дѣятельностью несовмѣстимо, отказались вступить въ союзъ русскаго народа. Епископъ Питиримъ заявилъ имъ, что отказъ ихъ онъ понимаетъ, какъ актъ неповиновенія своему владыкѣ, и принужденъ будетъ снестись съ синодомъ о запрещеніи занимать имъ церковныя должности“.

Итакъ, для православнаго священника уже нѣтъ даже никакой альтернативы. Онъ не можетъ отойти въ сторону отъ политики и сказать:—я не желаю вступать ни въ какую политическую партію. Ду-

[1]) Въ свое время это было напечатано въ „Руси“.

ховное начальство все за него рѣшило: какія общества и союзы служатъ „ко благу отечества нашего“, и трактуетъ, какъ наказуемое неповиновеніе, желаніе служить церкви, не зная ничего кромѣ этого служенія. Развѣ это не трагедія?..

Не свободны отъ „истинно-русскаго“, ни передъ чѣмъ не останавливающагося воздѣйствія и священники, состоящіе членами Государственнаго Совѣта. Напомнимъ обошедшее лѣтомъ всѣ газеты посланіе синоду изъ Москвы, составленное и отправленное по иниціативѣ предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета, г. Назаревскаго: „Русская монархическая партія, совмѣстно съ членами союза русскаго народа, соединившись въ общее собраніе сегодня впервые послѣ отпуска Государственнаго Совѣта, глубоко возмущена рѣчью въ засѣданіи Государственнаго Совѣта протоіерея Горчакова, который открыто и громко не устыдился заявить, что онъ стоитъ за конституцію. Рѣчь его бѣшено привѣтствовали революціонныя газеты, опроверженія не было. Горчаковъ не смѣетъ говорить отъ своего имени, онъ въ Государственномъ Совѣтѣ представитель бѣлаго духовенства. Таково положеніе. Къ тому же отецъ Горчаковъ имѣлъ ничтожное число избирательныхъ голосовъ для назначенія членомъ Государственнаго Совѣта, такъ что онъ собственно назначенъ святѣйшимъ синодомъ, который можетъ потребовать объясненій у Горчакова за дерзкую возмутительную рѣчь и изгнать его изъ Государственнаго Совѣта. О вышеизложенномъ почтительнѣйше просимъ ваше высокопреосвященство доложить святѣйшему синоду въ ожиданіи справедливой кары зазнавшемуся лѣвому обновленцу и къ тому же благочинному церквей столицы. Когда же, наконецъ, перестанутъ развращать духовенство Россіи петербургскіе іереи? Силъ нѣтъ смотрѣть на ихъ безнаказанность“.

Едва привелъ къ „благополучному“ результату законъ 3-го іюня и октябристы оказались господами положенія, если не въ странѣ, то въ Думѣ,—они сейчасъ же стали отмежевывать себя отъ черной сотни. Вскорѣ отмежеваніе получило выраженіе въ надменной и неблагодарной по отношенію къ недавнимъ соратникамъ формулѣ: „негръ сдѣлалъ свое дѣло—негръ долженъ уйти“. Но „негръ“ не ушелъ, не собирается уходить и вовсе не обнаруживаетъ намѣренія отказаться отъ плодовъ своей совмѣстной съ октябристами работы. Онъ, напротивъ, продолжаетъ дѣйствовать во всю. Онъ рыщетъ безъ устали въ поискахъ крамолы и, чуть найдетъ ее, поднимаетъ неистовый крикъ. Что онъ кричитъ и вкладываетъ въ крикъ властныя ноты, въ этомъ еще нѣтъ ничего непонятнаго—на то онъ и „негръ“. Странно и граничитъ съ непонятнымъ другое: его крикъ не пропадаетъ въ про-

странствѣ. Крикъ „негра“ слушаютъ. Болѣе того: къ его крику прислушиваются.

Въ Кіевѣ присяжные засѣдатели вынесли оправдательный вердиктъ по дѣлу двухъ братьевъ Бродскихъ, обвинявшихся въ убійствѣ, которое они совершили во время погрома, обороняя себя и свой домъ отъ погромщиковъ. „Какъ могли оправдать жидовъ, проливших христіанскую кровь!“ — завопилъ самый безудержный изъ „негровъ“, г. Пуришкевичъ. Отъ лица „главной палаты союза Михаила Архангела“ онъ немедленно послалъ запросъ прокурору кіевской судебной палаты—запросъ, читая который, высшій представитель кіевскаго прокурорскаго надзора навѣрное ожидалъ увидѣть внизу подпись министра юстиціи, но никакъ не предсѣдателя хотя и легализованной, все же только политической партіи. Г. Пуришкевичъ требовалъ объясненій, ничуть не скрывая своего негодованія, и спрашивалъ, поданъ ли кассаціонный протестъ. И прокуроръ палаты не оставилъ его требованія безъ отвѣта. Въ формѣ, въ которой вѣжливость только чуть-чуть не переходила въ почтительность, онъ предложилъ г. Пуришкевичу обратиться за интересующими его свѣдѣніями въ министерство юстиціи. Г. Пуришкевичъ явился къ И. Г. Щегловитову съ депутаціей изъ членовъ Думы одного съ нимъ образа мыслей и одного настроенія. Министръ юстиціи далъ обѣщаніе познакомиться съ дѣломъ. Какъ вышло, что г. Пуришкевичъ опоздалъ съ поднятымъ имъ шумомъ—не знаемъ. Но онъ опоздалъ. Пока его „главная палата“ сносилась съ властями, истекъ кассаціонный срокъ, и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей уже отмѣнѣ по закону не подлежитъ. Такъ и остался г. Пуришкевичъ при своей клятвѣ, которую онъ сообщилъ газетному интервьюэру: „живъ не буду, а добьюсь осужденія Бродскихъ!“ Но мѣстному представителю прокурорской власти, пожалуй, придется вспоминать эту клятву „негра“: были уже извѣстія, что онъ вызванъ въ Петербургъ. А можетъ быть, и несчастнымъ Бродскимъ еще снова предстоитъ пережить судъ. Все можетъ быть!.. Конечно, законъ непоколебимъ. Конечно, судъ—„храмина правосудія“, святое мѣсто, котораго ничья рука не должна касаться. Это настойчиво повторялъ въ Думѣ И. Г. Щегловитовъ всякій разъ, когда ему слѣва говорили про судъ, судебные приговоры и даже про привлеченіе къ судебной отвѣтственности. Но развѣ не вѣрно опредѣленіе Д. И. Суботича, что переживаемое время—время *„неограниченныхъ возможностей“*?..

Проще и удачнѣе добился своего г. Пуришкевичъ съ запрещеніемъ постановки на сценѣ „Саломеи“ Оскара Уайльда. Пьеса прошла черезъ всѣ инстанціи, какъ общія, такъ и спеціальныя, установленныя для включенія пьесъ въ репертуаръ императорскихъ театровъ. Она

была подвергнута суровой цензорской чисткѣ. Она была уже разучена артистами и должна была одновременно появиться на казенной сценѣ и на сценѣ театра г-жи Коммиссаржевской. Уже и дни были назначены, и билеты проданы. „Негръ“ завопилъ—и представленія были запрещены. Образно и мѣтко излагаетъ въ немногихъ словахъ исторію запрещенія „Саломеи“ г. В. Варваринъ („Русское Слово“, № 263): „Еще наканунѣ запрещенія никто не могъ ожидать его, и оно явилось, буквально, какъ цвѣтъ на деревьяхъ въ сентябрѣ: ни погода, ни время года, ничего изъ общихъ условій жизни его не предвѣщало и не предсказывало. Событіе произошло какъ-то безшабашно,—именно какъ снѣгъ въ маѣ или цвѣтеніе вишень въ сентябрѣ. Кто запретилъ? Церковь, духовенство? Оно молчало. Вмѣшался какой-то уличный человѣкъ,—въ данномъ вопросѣ уличный, т.-е. въ высшей степени посторонній, какъ сферѣ театральнаго искусства, такъ и сферѣ религіозныхъ мотивовъ, по которымъ пьеса была запрещена. Буквально, среди представленія поднялся господинъ изъ партера и закричалъ: „Спустите занавѣсъ!“—И занавѣсъ спустили“.

Тотъ же авторъ дѣлаетъ цѣлый рядъ напоминаній по адресу не г. Пуришкевича—спорить съ нимъ или напоминать ему что бы то ни было совершенно безполезное занятіе,—а тѣхъ, кто внялъ его воплю и привелъ въ исполненіе его требованіе. „Сколько-нибудь близкіе къ церкви люди—пишетъ г. Варваринъ,—сколько-нибудь знакомые съ исторіей церковнаго воздѣйствія на народъ, религіознаго воспитанія народа,—не могли бы забыть, что *сценическое представленіе* евангельскихъ и библейскихъ сюжетовъ есть старая вещь въ Европѣ и Россіи, введенная самою же церковью или же при ея горячемъ участіи и сочувствіи: вещь народная и любимая народомъ“.

„Кто же не знаетъ—продолжаетъ онъ—той азбуки, что самое расположеніе *годового* богослуженія, какъ равно чтеній и пѣснопѣній на всенощной, заутренѣ и литургіи, символически *представляетъ* исторію спасенія рода человѣческаго, съ ветхозавѣтнымъ подготовленіемъ къ нему и съ заключительнымъ моментомъ служенія Сына Человѣческаго. Отъ этого причащеніе, передающее Тайную вечерю, и поставлено въ концѣ литургіи, а не въ серединѣ ея, какъ слѣдовало бы средоточію и важнѣйшему моменту. Но все *въ службѣ церковной* держится историческаго порядка, потому что самая идея службы—*запечатлѣть* передъ народомъ, *зрительно и въ лицахъ* повторить передъ нимъ то главное событіе, которое произошло 1900 лѣтъ назадъ и которымъ народъ питается религіозно до сихъ поръ. Отсюда понятно, что разъ самая *идея церковной службы* имѣетъ въ виду *олицетворить, представить и запечатлѣть* евангельскія событія, то духовенство не только не препятствовало, но даже старалось о по-

добномъ же олицетвореніи и прочихъ подробностей евангельскаго разсказа, не представленныхъ въ кругѣ богослуженія, въ иное время, въ другомъ мѣстѣ, другими лицами. Отсюда уже сами собою развились *средневѣковыя мистеріи* на Западѣ и у насъ. Онѣ были естественнымъ продолженіемъ и естественными варіантами церковнаго богослуженія, выросшими на церковной почвѣ, въ церковномъ духѣ, въ глубочайше религіозную эпоху".

Вообще, какъ показала и исторія съ запрещеніемъ „Саломеи", наиболѣе успѣшно чинится добровольческій сыскъ въ области, составляющей предметъ вѣдомства духовной власти. Если не ошибаемся, „слово и дѣло", которыя прокричалъ изъ Москвы г. Назаревскій, не возымѣло конечнаго дѣйствія: синодъ еще не „изгналъ" изъ Государственнаго Совѣта протоіерея Горчакова, который „открыто и громко не устыдился заявить", что онъ—по образованію, докторъ государственнаго права—стоитъ за существующій въ Россіи представительный или, по принятой въ наукѣ терминологіи, конституціонный строй. Но въ этомъ выразилось скорѣе исключеніе, нежели общее правило. Другое, не менѣе оригинальное ходатайство московскихъ монархистовъ синодъ удовлетворилъ: на дняхъ состоявшимся опредѣленіемъ синода лишенъ степени магистра богословія г. Коноваловъ.

Любопытныя фактическія данныя объ обстоятельствахъ, при которыхъ „размагистренъ" г. Коноваловъ, получившій вмѣстѣ съ тѣмъ отъ синода выговоръ, находимъ въ „Голосѣ Москвы", въ статьѣ г. Л. М—ча (№ 269). Г. Коноваловъ—молодой ученый, уже составившій себѣ имя. Его диссертація: „Экстазъ въ русскомъ сектантствѣ", въ теченіе почти двухъ лѣтъ печаталась на страницахъ духовно-академическаго журнала, выходящаго за цензорской подписью ректора академіи. По выходѣ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, работа г. Коновалова была разсмотрѣна сперва двумя оффиціальными рецензентами, потомъ всѣмъ академическимъ совѣтомъ признана выдающейся научно-богословской работой и допущена къ публичной защитѣ. Послѣ защиты, совѣтъ академіи призналъ его достойнымъ искомой степени. Но совѣтъ не справился о мнѣніи „истинно-русскихъ" людей. Черезъ нѣсколько дней „общій сходъ" московскихъ монархистовъ, „освѣдомившись о присужденіи степени магистра богословія доценту Коновалову", нашелъ въ ней „отсутствіе богословія, издѣвательство надъ православіемъ, соблазнъ вѣрующихъ" и обратился къ оберъ-прокурору синода съ просьбою „доложить о семъ синоду, вытребовать все дѣло о присужденіи степени Коновалову и, пересмотрѣвъ его вновь, отмѣнить самую автономію академій, опасную для чистоты православнаго ученія". Синодъ „самой автономіи академій" не отмѣнилъ, но дѣло, отнесенное къ числу дѣлъ, рѣшаемыхъ совѣтомъ ака-

деміи окончательно, перерѣшилъ, и, усмотрѣвъ въ диссертаціи „надруганіе надъ православной вѣрой", г. Коновалова объявилъ не удостоеннымъ степени магистра богословія.

Разбирая вопросъ по существу, г. М--чъ приводитъ возраженіе на постановленіе „общаго схода" монархистовъ одного изъ оффиціальныхъ оппонентовъ на диспутѣ, проф. Соколова. „Нелѣпость этихъ обвиненій—говоритъ проф. Соколовъ—можетъ равняться только тому легкомыслію и той наглости, съ которыми они бросаются. Сочиненіе о религіозномъ экстазѣ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ не имѣетъ богословскаго характера? Но тогда какія же сочиненія мы будемъ называть богословскими? Вѣдь если г. Коноваловъ изучаетъ проявленія сектантскаго экстаза при помощи данныхъ психологіи, психіатріи и исторіи, то лишь какая-то слѣпая ненависть ко всякой наукѣ можетъ внушить мысль, что этотъ методъ лишаетъ его изслѣдованіе богословской цѣнности. Въ диссертаціи г. Коновалова заключается издѣвательство надъ православіемъ? Гдѣ? Пусть гг. миссіонеры укажутъ хотя одно мѣсто, которымъ могло бы подтверждаться такое неслыханное обвиненіе".

21-го октября, въ Петербургѣ, корнетъ Коваленскій стрѣлялъ въ городового, а 8-го ноября, въ Одессѣ, городовой выстрѣлами изъ револьвера убилъ на повалъ одного офицера, поручика Діомидова, и смертельно ранилъ другого—прапорщика Олейникова. Подробности одесской драмы переданы были газетами въ различныхъ версіяхъ. По однимъ выходило, что первоначальный поводъ столкновенія былъ данъ жертвами драмы, по другимъ—что самое возникновеніе столкновенія падаетъ исключительно на отвѣтственность ея виновника. Съ интересующей насъ точки зрѣнія, это не имѣетъ существеннаго значенія. Для насъ важно одно: городовой пустилъ въ ходъ оружіе безъ той крайней необходимости, которая единственно можетъ оправдывать стрѣльбу въ живыхъ людей. Какъ, останавливаясь въ прошломъ мѣсяцѣ на „случаѣ" корн. Коваленскаго, мы сосредоточивали вниманіе на причинахъ глубоко вошедшаго въ жизнь печальнаго явленія, такъ и теперь въ трагически закончившейся одесской драмѣ наше вниманіе особенно приковываетъ ея внутренняя суть.

Смерть поручика Діомидова и прапорщика Олейникова—отзвукъ ничѣмъ не стѣсняющейся борьбы съ революціей. „Они тоже люди!"—говорилъ съ думской каѳедры представитель правительства про низшихъ чиновъ полиціи и про агентовъ сыска, отвѣчая на запросы объ истязаніяхъ въ рижскомъ застѣнкѣ и объ убійствахъ пересылаемыхъ арестантовъ подъ предлогомъ попытокъ бѣжать. Онъ приводилъ этотъ

аргументъ не въ оправданіе, а въ объясненіе. Но, объясняя, подсказывалъ оправданіе. Грубымъ и некультурнымъ „тоже людямъ“ власть слишкомъ долго и настойчиво внушала обязанность дѣйствовать всегда со всей „энергіей“, какъ въ огражденіе порядка, такъ равно въ огражденіе ихъ личнаго достоинства,—и они естественно воспитались на такихъ внушеніяхъ. Сколько десятковъ разъ телеграфъ сообщалъ, какъ по трафарету: „политическій арестантъ переговаривался; наружный часовой приказалъ перестать; арестантъ не послушался; часовой приложился и убилъ“! Немало было и еще болѣе краткихъ телеграммъ: „арестантъ обругалъ часового—часовой убилъ“. И всѣ подобнаго рода факты обыкновенно трактовались, какъ нормальные; часовымъ объявлялась благодарность.

Блестящей иллюстраціей общихъ причинъ убійства офицеровъ въ Одессѣ можетъ служить прямо изумительный приказъ и. д. костромского губернатора, вице-губернатора князя Оболенскаго, изданный 20 октября нынѣшняго года („Рѣчь“, 9 ноября, № 272). Приказъ начинается съ описательной части, въ которой говорится, что становой приставъ, находясь на ярмаркѣ въ Благовѣщенскомъ погостѣ, буйскаго уѣзда, „безъ достаточныхъ основаній“, приказалъ конным и пѣшимъ стражникамъ и урядникамъ разгонять толпу; когда же „изъ-за полковъ и лавокъ въ стражниковъ стали бросать камнями и ящиками, приставъ, не отдавъ никакихъ распоряженій подчиненнымъ ему чинамъ, ушелъ съ ярмарки и затѣмъ прислалъ черезъ урядника приказаніе коннымъ стражникамъ „незамѣтно уѣхать съ базара“, что стражники исполнили, позорнымъ образомъ, устремившись вскачь, преслѣдуемые пьяной толпой, кричавшей „ура“, бросавшей въ нихъ камнями и старавшейся преградить имъ дорогу“. Какую резолюцію, казалось бы, естественно было ждать въ дальнѣйшемъ изложеніи приказа? Очевидно,—касающуюся пристава. Она и есть: „Пристава П— пишетъ вице-губернаторъ,—какъ совершенно несоотвѣтствующаго занимаемой имъ должности, отчисляю отъ таковой съ причисленіемъ его къ штату губернскаго правленія“. Но вслѣдъ за нею идетъ еще болѣе суровая резолюція: „Позорныхъ трусовъ, запятнавшихъ свой мундиръ, конныхъ стражниковъ Круглова, Орлова и Разумова, предписываю немедленно уволить отъ службы съ воспрещеніемъ обратнаго ихъ пріема въ какой-либо изъ уѣздовъ губерніи“. А далѣе преподаны руководящія указанія: „Объявляя о семъ по полиціи временно управляемой мною губерніи, предлагаю всѣмъ чинамъ ея помнить и внушать своимъ подчиненнымъ, что долгъ службы обязываетъ полицейскихъ чиновъ не скрываться отъ угрожающей толпы, а прекращать безпорядокъ рѣшительными мѣрами, для чего имъ и дано оружіе, *которое они должны пускать въ дѣйствіе, не ожидая никакихъ*

приказаній, въ случаѣ проявленія противъ нихъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій. Конныхъ стражниковъ предписываю во всѣ наряды въ конномъ строю назначать вооруженными винтовками, а не револьверами, каковые присвоены лишь старшимъ стражникамъ".

Сверхъ столь характерно формулированныхъ костромскимъ вице-губернаторомъ общихъ причинъ, въ Одессѣ были и причины спеціальныя—мѣстныя. О нихъ свидѣтельствуетъ телеграмма изъ Одессы отъ 19 ноября: „Въ приказѣ по полиціи—читаемъ въ этой телеграммѣ—опубликовано сообщеніе о случаѣ нанесенія городовымъ, наблюдавшимъ за порядкомъ очереди публики у кассы городского театра, удара ножнами шашки въ високъ мѣщанину Розенфельду, который въ безчувственномъ состояніи былъ отвезенъ въ каретѣ скорой помощи въ больницу. Командированный на мѣсто происшествія помощникъ пристава доложилъ полицеймейстеру, что городовой совершенно невиновенъ въ приписываемомъ ему проступкѣ. Производившій затѣмъ дознаніе приставъ установилъ вину только отчасти. Лишь благодаря присланному полицеймейстеру по почтѣ и провѣренному заявленію, выяснилась полная виновность городового. Приказомъ полицеймейстера Кублицкаго городовой уволенъ, приставу же и его помощнику *за постоянное стремленіе обплять подвѣдомственныхъ имъ чиновъ* и за неправильные доклады объявленъ въ послѣдній разъ выговоръ".

Воспитанный на сознаніи чести полицейскаго мундира, на обязанности пускать оружіе въ дѣйствіе, не ожидая ничьихъ приказаній, и знающій „постоянное стремленіе" ближайшаго полицейскаго начальства обѣлять подчиненныхъ, — что̀ страннаго, что такой городовой совершилъ двойное уличное убійство? Какъ въ дѣлѣ корнета Коваленскаго особенно выдвинуло его случайное обстоятельство: объектомъ насилія былъ городовой, — такъ точно въ дѣлѣ одесскаго городового Фурмана подняло тревогу тоже случайное обстоятельство: убиты офицеры. Оказался бы потерпѣвшимъ въ первомъ дѣлѣ одинъ студентъ Санинъ, а во второмъ—какіе-нибудь мѣщане Розенфельды,—отношеніе къ обоимъ фактамъ было бы совершенно другое. Говорятъ, что въ связи съ убійствомъ офицеровъ будто бы рѣшена даже отставка одесскаго генералъ-губернатора Толмачева, до сихъ поръ имѣвшаго могущественную защиту со стороны мѣстнаго отдѣла „союза русскаго народа". Если только этимъ ограничится общій результатъ ужасной кровавой драмы въ Одессѣ, то будетъ очень печально. Уволятъ одного генерала—его мѣсто займетъ другой. Не съ лицами должно бороться, а съ системой. Система, послѣдовательно проводившаяся и все еще проводимая, дала Коваленскихъ и Фурмановъ и стоила жизни поручику Діомидову и прапорщику Олейникову.

Въ № 274 „Рѣчи" мы прочли замѣтку, содержаніе которой до

конца обнажаетъ внутреннія причины преступленія корн. Коваленскаго. Участникъ преступленія — его братъ, пажъ. Оказывается, что еще задолго до исторіи на Надеждинской ул. въ пажескомъ корпусѣ состоялось по отношенію къ пажу Коваленскому постановленіе въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ, если Коваленскій еще разъ будетъ замѣченъ въ пьяномъ видѣ, то онъ будетъ удаленъ изъ корпуса. На основаніи этого, дисциплинарный комитетъ корпуса и постановилъ удалить Коваленскаго изъ корпуса. Но въ постановленіи была сдѣлана оговорка, въ которой указывается, что такъ какъ пажъ Коваленскій *держалъ себя на Надеждинской ул., какъ порядочный человѣкъ и какъ будущій офицеръ*, хотя, несомнѣнно, былъ въ то время въ нетрезвомъ видѣ, то увольненіе не лишаетъ его права поступить въ любую воинскую часть. Что̀ прочли, спрашиваемъ, въ постановленіи дисциплинарнаго комитета пажи: одобреніе или осужденіе поступка ихъ товарища? Въ глазахъ педагоговъ пажескаго корпуса, уголовно-наказуемое дѣяніе, совершенное пажемъ Коваленскимъ, явилось обстоятельствомъ, смягчающимъ его виновность по отношенію къ опьяненію, т.-е. къ проступку противъ школьной дисциплины.

Изъ обвинительнаго акта узнаемъ, что пажу Коваленскому предъявлено обвиненіе въ томъ, что онъ „съ цѣлью воспрепятствовать задержанію и обезоруженію городовымъ Химичевымъ корнета Коваленскаго, только-что передъ этимъ стрѣлявшаго и ранившаго крестьянина Иванова, умышленно нанесъ названному городовому, находившемуся при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, когда этотъ послѣдній схватилъ корнета Коваленскаго за руки, рядъ побоевъ по головѣ“. Чему же удивляться, если военная молодежь воспитывается на томъ, что нанесеніе ряда побоевъ по головѣ городовому, который предупреждалъ убійство, хотя бы со стороны офицера и брата,—есть поступокъ „порядочнаго человѣка“ и „будущаго офицера“?!... Въ той же замѣткѣ сказано, что „высшее начальство“ нашло постановленіе дисциплинарнаго комитета не соотвѣтствующимъ возложеннымъ на него педагогическимъ задачамъ. Но все ли въ жизни учебнаго заведенія доходитъ до „высшаго начальства“?..

Изъ частностей, касающихся дѣла корнета Коваленскаго, немалое смущеніе вызываетъ въ обществѣ то, что, будучи немедленно по совершеніи преступленія арестованъ, онъ черезъ нѣсколько дней былъ освобожденъ, затѣмъ подвергнутъ домашнему аресту и, наконецъ, какъ сообщалось въ газетахъ, будто бы снова освобожденъ.

Конечно, если сопоставить это освобожденіе съ твердо установившимся у насъ въ судебной практикѣ обычаемъ, то оно не можетъ не казаться, по меньшей мѣрѣ, страннымъ. У насъ уже давно такъ повелось, что разъ подсудимому грозитъ каторга, то онъ обязательно

сидитъ до суда подъ стражей,—случается, мѣсяцы, а случается и годы. Ни законъ, ни смыслъ предварительнаго ареста не требуютъ его обязательнаго примѣненія. Предварительный арестъ есть мѣра пресѣченія: во-первыхъ, личнаго уклоненія подсудимаго и, во-вторыхъ, способовъ сокрытія имъ слѣдовъ преступленія. Корнетъ Коваленскій совершилъ дѣяніе такого рода и при такой обстановкѣ, которыя исключаютъ возможность сокрытія слѣдовъ. Второе основаніе содержанія его подъ стражей, такимъ образомъ, само собой падаетъ. Что же касается перваго, то едва ли можно считать достаточно обоснованнымъ предположеніе о томъ, что онъ скроется. А потому распоряженіе судебно-слѣдственной власти объ избраніи въ отношеніи его мѣры пресѣченія, не сопряженной съ лишеніемъ свободы, въ сущности, есть распоряженіе законное и цѣлесообразное. И какъ можно лишь радоваться, что корн. Коваленскій не преданъ суду въ томъ порядкѣ, въ которомъ ему грозила бы висѣлица,—такъ одинаково нельзя не привѣтствовать, что хоть въ отношеніи его законъ восторжествовалъ надъ обычаемъ. Авось судьба Коваленскаго заставитъ призадуматься надъ судьбою тѣхъ, кого вѣшаютъ и кого держатъ въ предварительномъ заключеніи до потери разсудка... Далеко, далеко мы вернулись назадъ. Вернулись и къ той степени увѣренности и надеждъ, которую даетъ „авось“...

Примѣръ, вполнѣ однородный съ одесской драмой, хотя и безъ кровавыхъ послѣдствій, заимствуемъ изъ „Вятской Рѣчи“. Учитель никуленскаго училища, слободскаго уѣзда, вятской губ., разсказываетъ въ газетѣ о слѣдующемъ происшествіи.

15 октября, вечеромъ, у воротъ школы остановилась пара гнѣдыхъ, запряженная въ повозку. Распахнулись двери, и явился приставъ 7-го стана слободскаго уѣзда. За нимъ—стражникъ. Стражникъ, оказавъ приставу помощь раздѣться, вышелъ изъ квартиры учителя въ коридоръ. Изъ коридора онъ ушелъ въ классную комнату, гдѣ собирались уже ребятишки для вечернихъ занятій. Войдя въ классъ и окинувъ взоромъ собравшихся дѣтей, онъ грузно опустился за столъ.

„Дайте мнѣ бумаги“. Подаютъ бумагу, перо. Пишетъ. „Читайте!“ Ребятишки читаютъ: написаны самыя пошлыя слова и фразы. „Всѣ ли прочитали?“ Убѣдившись, что его произведеніе прочитано всѣми, онъ рветъ исписанный лоскутъ на мелкія части и бросаетъ. Затѣмъ, поднявшись изъ-за стола и сдѣлавъ два шага назадъ, онъ крикнулъ: „Смирно!“ и, почувствовавъ въ себѣ приливъ воинственнаго настроенія, быстрымъ движеніемъ руки выхватилъ изъ кабура револьверъ и поднялъ его кверху. „Я всѣхъ васъ перестрѣляю! Учитель придетъ, и его застрѣлю: мнѣ за это ничего не будетъ. Смирно!“ Въ классѣ—ни

звука; словно никого нѣтъ; ребятишки застыли въ своихъ позахъ: они ничего подобнаго не видали и не ожидали. „Хочешь, застрѣлю тебя?“ и дуло револьвера направлено на ученика. Мальчикъ упалъ въ обморокъ... А стражникъ наслаждался созданной имъ картиной: онъ въ позѣ побѣдителя долго смотрѣлъ на упавшаго въ обморокъ и на оцѣпенѣвшія отъ страха лица дѣтей. При гробовой тишинѣ онъ вкладываетъ револьверъ обратно въ кабуръ и тихо, тихо, съ какой-то таинственностью, начинаетъ обнажать шашку. Обнаживъ и сверкнувъ ею въ воздухѣ, онъ острымъ концомъ поставилъ ее на голову ученика, слегка поддерживая вверху за рукоятку. „Хочешь, я изъ твоей головы мозгъ достану?“... Напряженные нервы ребятишекъ не выдержали дальнѣйшей пытки: послышался плачъ, а затѣмъ весь классъ оглашенъ былъ истерическими рыданіями. Подемонстрировавъ, стражникъ вошелъ въ квартиру учителя, гдѣ приставъ, получивъ числившуюся съ учителя недоимку, собирался уѣзжать... Уѣхали. „Я—заканчиваетъ авторъ разсказа—вошелъ въ классъ: картина полная ужаса. О вышеизложенномъ даю знать г. губернатору“.

Это мы прочли въ петербургской „Рѣчи“ 11 ноября, а спустя 11 дней, 22 ноября, тамъ же былъ напечатанъ и эпилогъ: „Какъ сообщаетъ „Вятская Рѣчь“, учитель никуленскаго, слободскаго уѣзда, начальнаго училища Двинянинова, по разслѣдованіи его жалобы на дѣйствія стражника въ школѣ, предложеніемъ вятскаго губернатора переводится въ другое училище, по усмотрѣнію директора народныхъ училищъ“...

Такова практика успокоенія. Принципъ охраны авторитета власти перенесенъ даже на безсмысленныя дѣйствія стражника, ополоумѣвшаго отъ сознанія, что онъ борется съ революціей, что онъ „начальство“ и что ему „все можно“. Еще болѣе получается яркая картина, если взять не отдѣльныя проявленія „практики успокоенія“, а всю ихъ совокупность въ какомъ-нибудь углу нашихъ губерній. Такую картину даетъ г. Л. Дашкевичъ въ статьѣ: „Усиленная охрана въ кирсановскомъ уѣздѣ“ („Московскій Еженедѣльникъ“, № 42).

Въ октябрскіе дни 1905 г. кирсановскій уѣздъ, тамбовской губ., былъ охваченъ аграрными погромами. Хотя безпорядки продолжались всего нѣсколько дней, но разгрому и уничтоженію подверглись до двадцати помѣщичьихъ усадебъ. Какъ пережитокъ погромной бури, остались порубки, самовольная пастьба скота, неаккуратное исполненіе работъ. Но къ 1907 г. и эти явленія, постепенно слабѣя, прекратились. Въ нынѣшнемъ же году земельныя отношенія между крестьянами и помѣщиками окончательно вошли въ прежнюю обычную колею. Въ 1905 и 1906 гг. крестьяне уѣзда, даже имѣя деньги, уклонялись отъ платежа податей. Миновало и это: въ 1905 г. ими

было внесено земскихъ сборовъ 88 тыс. р., въ 1906 г. — 16 тыс., а въ 1907 г.—214 тыс. р. Такъ же точно миновали проявленія революціи среди другихъ классовъ населенія.

„Но именно тогда-то, въ 1908 г., заднимъ числомъ, — пишетъ г. Дашкевичъ, — кирсановскій уѣздъ приказомъ по полиціи былъ объявленъ революціоннымъ и было дано предписаніе терроризировать его". Обывательскіе доносы въ цѣляхъ сведенія личныхъ счетовъ разрослись въ цѣлую систему. Стали составляться проскрипціонные списки. Появились провокаторы. Людей начали сажать въ тюрьму и ссылать по доносамъ о томъ, что они дѣлали въ 1905 г. Въ двухъ небольшихъ имѣніяхъ забастовали рабочіе. „При густотѣ населенія уѣзда — говоритъ авторъ,— дававшей возможность помѣщикамъ обратиться къ сосѣднимъ селамъ за рабочими, и очень небольшомъ районѣ, гдѣ эта экономическая забастовка имѣла мѣсто, случай улегся бы самъ собой; но губернаторъ нашелъ нужнымъ вмѣшаться съ войскомъ въ это небольшое дѣло". Тридцать человѣкъ было посажено въ тюрьму и провело въ заключеніи до трехъ мѣсяцевъ; въ ихъ числѣ—и мѣстный дьяконъ.—Другой примѣръ. Крестьяне села Уметъ заняли постройками часть большой земской дороги. Земство не протестовало. Но запротестовалъ мѣстный торговецъ, арендаторъ помѣщика, тоже занявшій „захватнымъ правомъ" сосѣднюю часть дороги. Явилось войско, начались аресты. „За нарушеніе неприкосновенности помѣщичьей собственности" (sic) было арестовано 25 человѣкъ крестьянъ. Земскій фельдшеръ и староста, послѣ двухмѣсячнаго заключенія, подверглись высылкѣ въ пензенскую губернію.

Неменьшія репрессіи обрушились на городъ Кирсановъ. Начались обыски. Были обысканы, между прочимъ, квартиры члена городской управы, отставного чиновника-пенсіонера, земскаго архитектора, двухъ членовъ земской управы и нѣкоторыя торговыя помѣщенія. По административному усмотрѣнію евреи были раздѣлены на вредныхъ и безвредныхъ. Первые были арестованы и высланы; вторые были оставлены безпрепятственно проживать въ городѣ. Признаки полезности и вредности были такъ опредѣлены, что трудно было въ нихъ разобраться. Въ числѣ другихъ, въ іюлѣ были арестованы: членъ и замѣститель предсѣдателя земской управы, онъ же членъ-казначей попечительнаго совѣта гимназіи; старшій помощникъ акцизнаго надзирателя Киселевъ, человѣкъ завѣдомо умѣреннаго образа мыслей, учредитель въ 1905 году мѣстнаго отдѣла союза 17-го октября; земскій врачъ Гостевъ; одинъ управляющій имѣніемъ, агрономъ по образованію, человѣкъ, котораго два года назадъ предшественникъ теперешняго губернатора представлялъ въ Петербургъ, какъ своего кандидата на отвѣтственную должность въ губерніи; двѣ почтенныя

женщины: завѣдующая общественной библіотекой и содержательница учебнаго заведенія въ городѣ; трое хозяевъ магазиновъ: книжнаго, часового и мебельнаго, извѣстные всему городу торговцы. „Всѣ эти лица, потревоженныя въ дни успокоенія, проживали безпрепятственно въ дни революціи въ городѣ и уѣздѣ". „Аресты—замѣчаетъ г. Дашкевичъ — совпали съ открытіемъ кирсановскаго отдѣла союза русскаго народа, — торжественно открытаго въ присутствіи губернатора и архимандрита, издалека выписаннаго, съ рѣчами и обѣдомъ".

8-го ноября исполнилось десятилѣтіе съ выхода перваго нумера газеты „Право". Газета спеціальная, юридическая, сыграла въ эти десять лѣтъ крупную общественную роль. Обстоятельства, скоро послѣ основанія газеты, вывели ее за тѣсную грань юриспруденціи, и она сдѣлалась политическимъ еженедѣльникомъ. Въ 1904 и 1905 гг. „Право" имѣло среди своихъ читателей земцевъ, врачей, педагоговъ, словомъ, всю широкую интеллигентную публику. Выхода очереднаго нумера съ нетерпѣніемъ ждали. Ежедневныя газеты всегда приводили изъ „Права" длинныя цитаты.

Въ вихрѣ дней свободы „Право" стало было забываться. Но жизнь показала, насколько преждевременно было отказываться отъ сложившагося въ тяжелые годы прошлаго и переносить симпатіи на зарождавшееся новое. Газетѣ еще предстоитъ снова и долго „бороться— какъ она сама говоритъ — съ тѣми, кто по-прежнему призываетъ къ націоналистической травлѣ, апеллируетъ къ грубой силѣ, топчетъ въ грязь тѣ великія идеи, которыми долженъ жить великій народъ, и тащитъ Россію назадъ, — бороться за новое право, за осуществленіе конституціоннаго строя, за достиженіе политической свободы". Прибавимъ отъ себя: подвергая переживаемое и совершающееся, желательное и недопустимое юридическому анализу и представляя въ юридическомъ освѣщеніи. Это у насъ было и сейчасъ остается особенно важнымъ.

„Прибалтійскому Краю" изъ Либавы сообщаютъ, что на тѣлѣ одного матроса, покушавшагося на самоубійство, была обнаружена „революціонная татуировка". На груди было: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь", на правой рукѣ — „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое", на лѣвой рукѣ—„Боже храни моряка" и государственный гербъ, а на плечахъ—контръ-адмиральскіе эполеты.

Мы прочли эту перепечатку въ одной изъ петербургскихъ газетъ, и передъ нами невольно выросъ вопросъ: какая судьба ждетъ бѣднаго матроса? Онъ не лишилъ себя жизни и, Богъ дастъ, выздоровѣетъ.

Неужели ему предстоитъ судъ по 129 ст. уголовнаго уложенія за публичное выставленіе „сочиненія", возбуждающаго къ учиненію бунтовщическаго, измѣнническаго и т. п. дѣйствій? Онъ носилъ на себѣ свое преступное дѣяніе. Онъ навѣрное бывалъ въ общей банѣ. Онъ, слѣдовательно, публично, показывая грудь и правую руку, дѣлалъ преступный, „возбуждающій" призывъ. Вѣдь привлеченъ же къ отвѣтственности прис. пов. Гиллерсонъ за то, что онъ въ рѣчи на судѣ говорилъ: „розни между рабочими—евреями и христіанами—не могло быть потому, что лозунгъ тѣхъ и другихъ—одинъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь", а не „пожирайте другъ друга" — это лозунгъ бюрократіи и буржуазіи". Разницы между возбужденіемъ публичной рѣчью и публичнымъ выставленіемъ „сочиненія" законъ не проводитъ никакой...

Въ истекшемъ мѣсяцѣ гр. Л. Н. Толстой обратился къ столичнымъ и провинціальнымъ газетамъ съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Послѣднее время, года два или три, я все въ большемъ и большемъ количествѣ получаю письма, число которыхъ доходитъ иногда до 15-ти въ день, съ просьбами о вспомоществованіи, преимущественно денежномъ. А между тѣмъ я—послѣднее лицо, къ которому можно обращаться съ такими просьбами. Уже 18 лѣтъ тому назадъ я по отношенію къ собственности поставилъ себя въ такое положеніе, какъ будто я умеръ, т.-е. передалъ все, что считалось моимъ, тѣмъ, кому оно по закону должно было перейти послѣ моей смерти. Отказался я въ то же время и отъ всякаго вознагражденія за все то, что я могъ писать и писалъ съ того времени.

„Такъ что, хорошо или дурно я поступилъ, я нахожусь въ полной невозможности удовлетворять просьбамъ о денежной помощи, достигающимъ до 1.000 и болѣе рублей въ день, а также и ходатайствамъ и просьбамъ о помѣщеніи на разныя мѣста и въ разныя учрежденія, такъ какъ живу безвыѣздно въ деревнѣ и не имѣю сношеній ни съ какими дѣловыми людьми.

„Это-то мнѣ и хочется еще разъ сдѣлать извѣстнымъ какъ можно большему количеству лицъ, для того, чтобы избавить ихъ отъ тяжелаго чувства тщетнаго ожиданія, разочарованія и осужденія.

„Очень прошу всѣ, какъ столичныя, такъ и провинціальныя газеты, перепечатать это мое письмо, за напечатаніе котораго впередъ приношу мою благодарность.—Л. Толстой".

Ясная Поляна.
4-го ноября 1908 г.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Томъ VI.—Декабрь, 1908. 53/27½

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1908 ГОДУ.

Авилова, Л.—Капля въ морѣ. Очерки изъ недавняго прошлаго (нояб., 49; дек., 461).

А—въ, Л. — „Она любила", эскизъ по польск. роману Жеромскаго (май, 191). — Дочь Туси, эскизъ по польск. ром. Г. Запольской (іюль, 199). — Ласточка, эскизъ по польск. ром. Г. Даниловскаго (окт., 620).

Арсеньевъ, К. К.—Неприкосновенность личности и исключительное положеніе. Законопроекты (февр., 782).—Возвращеніе къ выборному мировому суду (апр., 756). — Поэзія цвѣтущей старости: А. М. Жемчужниковъ (май, 353).—Выборный мировой судъ и его организація (іюнь, 796). — Двадцать-второе августа: 1883—1903 (авг., 732). —Л. Н. Толстой (сент., 330).

Б., Вяч.—Яна Рёнтю, романъ Эйно Лейно. Съ финскаго (нояб., 146). — Приговоръ приведенъ въ исполненіе, Сцена изъ разсказа Кюэсти Вилькуна (дек., 653).

Бальмонтъ, К.—Бретонскія легенды (май, 58; іюнь, 699).

Богословскій, М. — Сѣверный монастырь въ XVII вѣкѣ (нояб., 278).

Боткинъ, Евг. С. — Свѣтъ и тѣни русско-японской войны 1904—905 г.г. (янв., 54; февр., 530; мартъ, 5).

Браунъ, Ѳ. — По поводу книги С. Свириденко: „На Сѣверѣ" (апр., 833).

В. — В. Б. Антоновичъ, некрологъ (апр., 864).

В., В. — Роспись государственныхъ доходовъ за 1908 годъ (май, 371).

В. Н.—Изъ Коппе. „Печальный вечеръ", стих. (іюнь, 539).

Васильевъ, проф. А.—Первая Дума и идея международнаго парламента (авг., 640).

Васюковъ, С. И. — Въ степяхъ сѣвернаго Кавказа (іюнь, 547; іюль, 30).—Переселенецъ Бѣлокровновъ, очеркъ съ натуры (дек., 532).

Ватсонъ, М. — Изъ Петэфи, стих. (іюль, 198).

Веселовскій, А. Н.—Герценъ-писатель (мартъ, 295; апр., 533).

Врангель, бар. П. — Манчжурскія письма (нояб., 377).

Вѣтринскій, В. Е. — Ранніе годы Чернышевскаго (іюль, 5; авг., 491; сент., 214).

Гебгардъ, Р. В. — Мысли о жизни и смерти въ драмахъ Шекспира (окт., 836).

Георгіевскій, Г. П.—Герценъ, А. И., въ его письмахъ къ Н. П. Огареву (янв., 91; февр., 482; мартъ, 138).

Гершензонъ, М. О.—Сѣверная любовь А. С. Пушкина (янв., 275). — И. В. Кирѣевскій, очеркъ (авг., 613).

Голицынъ, Кн. Н. В. — По поводу новой книги Пирлинга (янв., 398).

Горяиновъ, С. М. — Стан.-Авг. Понятовскій и Вел. Кн. Екатерина Алексѣевна (янв., 5; февр., 620; мартъ, 39).

Гутьяръ, Н. — Ив. Серг. Тургеневъ и семейство Віардо-Гарсіа (авг., 417).

Доброхотовъ, Ан. — Изъ Гейне: „Мушкѣ" (мартъ, 186).

Емельянченко, Ив.—„Заграницей", романъ (янв., 155; февр., 561; мартъ, 78; апр., 572).

Жемчужниковъ, А. М. — Итоги, стих. (іюнь, 513). — Л. Н. Толстому (сент., 5). — І. Себѣ. II. За шлагбаумомъ (окт., 758).—Современному гражданину, изъ посмертнаго стихотворенія (дек., 717).

Жиркевичъ, А. В.—В. В. Верещагинъ (апр., 496; май, 153).

Житецкій, Иг.—Литературныя воспоминанія о Семидесятыхъ годахъ: Кропоткинъ, Кравчинскій, Синегубъ, Дебогорій-Мокріевичъ (окт., 598).

З. В. — Отголоски войны, съ англ., ром. Эденъ Фильпотсъ (янв., 303; февр., 733; мартъ, 227).—Тайный агентъ, ром. Ж. Конрада, съ англ. (апр., 716; май, 304; іюнь, 704).—Исторія молодой дѣвушки, съ франц. (іюнь, 251; авг., 697; сент., 297).—Тореадоръ, пов., съ испан. (окт., 719; дек., 659).

Зоречъ, II, — На линіи. Разсказъ (дек., 556).

Измайловъ, В. К.—„Огненное крещеніе" (іюль, 55; авг.. 461).

К. А.—Стихотвореніе (апр., 753).

Кашинцевъ, И. — Кризисъ въ македонскомъ освободительномъ движеніи (сент., 72).

Ковалевскій, Максимъ.—А. И. Чупровъ (апр., 773). — Портсмутъ (іюнь, 473).

Ковалевскій, П. М. — Стихотворенія (янв., 147; февр., 619).

Колюшъ, А. И.—По поводу воспоминаній А. Ѳ. Кони (іюль, 393).

Кони, А. Ѳ. — Отрывки изъ воспоминаній (май, 5). — Попеченіе о народной трезвости (іюнь, 773).

Котляревскій, Несторъ. — Новыя странички изъ воспоминаній А. Ѳ. Кони (май, 431).—Памяти А. М. Жемчужникова (іюнь, 514).

Красносельскій, А. Н. — Творчество А. П. Чехова, его мотивы и идеи (авг., 529; сент., 140).

Левко, С. Д.—Стихотворенія (апр., 681; авг., 693).

Лихачовъ, В.—Стихотворенія (май, 302; іюль, 249).

М—овъ, А.—Въ „Толстовской" колоніи. — По личнымъ воспоминаніямъ (сент., 101; окт., 417).

Мейснеръ, А.—Стихотворенія (іюль, 305).—Обманъ, стих. (нояб., 277).

Минскій, Н. — Изъ Альфреда де Мюссе (февр., 780).

Морозовъ, В. С.—„За одно слово". Разсказъ, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого (сент., 64).

Налепинскій, Тад. — Станиславъ Выспянскій (іюль, 121).

Нольде, бар. Б. Э.—Вторая конференція мира (апр., 461).

О. Ч. — Силы земли, романъ Рене Базэна, съ франц. (янв., 241; февр., 620; мартъ, 337).—Минни, повѣсть А. Лихтанбержэ, съ франц. (апр., 647; май, 268).—Предки, ром. Дж. Асертонъ, съ

англ. (іюнь, 645; іюль, 158; авг., 651; сент., 254).—Проповѣдникъ, ром. Маргариты Бёме, съ нѣм. (окт., 672; нояб., 225). — Ореолъ, по роману баронессы ф. Гуттенъ, съ англ. (дек., 619).

Обручевъ, В.—Послѣ ссылки. Личныя воспоминанія и замѣтки.—1872—1906 г.г.—I. Верхнеуральскъ и Уфа.—II. Одесса.—III. Послѣдніе годы (окт., 504).

Опроверженіе оффиціальное. — По поводу статьи С. Васюкова „Въ степяхъ Сѣвернаго Кавказа“ (окт., 777).

— Отъ новой Редакціи журнала „Вѣстникъ Европы“ (нояб., III).

— Отъ Редактора журнала „Вѣстникъ Европы“ (окт., 858). — Тоже (нояб., I).

Пинусъ, С. — Изъ стихотвореній Сюлли-Прюдома (февр., 523; апр., 491; май, 153; іюнь, 641).

Посниковъ, А. С. — Политика разрушенія въ аграрномъ вопросѣ (май, 243).

Р. Ф.—Уголокъ родины (нояб., 263).

Рапопортъ, С. И.—Рабочая партія въ Англіи и ея руководители (іюнь, 619).

С—ъ, А.—Страница изъ исторіи нашей политики въ Средней Азіи (іюнь, 685).

Семеновъ, Леонидъ. — Смертная казнь. Разсказъ съ предисловіемъ Л. Н. Толстого (авг.. 599).

Семеновъ, Сергѣй.—Изъ жизни Макарки (май, 101). — Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ (сент., 7).

Сергѣевичъ, В. И.— Реформа университетскаго преподаванія (апр., 683).

Снегиревъ, Л. — „Слѣпые вожди“, очеркъ (дек., 607).

Слонимскій, Л. З.— Наша конституція и ея особенности (іюль, 145).

С—ой, А. — Ант. Павл. Чеховъ-лавочникъ (нояб., 192).

Соловьевъ, Влад. Серг. — Кумиръ Небукаднецара, стих. (февр., 476).

Стасюлевичъ, М. — Изъ учебныхъ тетрадей покойнаго Цесаревича Николая Александровича (1862 г.). — (Окт., 490).

Суперанскій, М. — Иванъ Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи (нояб., 5; дек., 417).

Сѣверовъ, Н. — Наши въ Парижѣ, разск. (авг., 558).

Сѣверцовъ - Поливовъ, Т. — Изъ дневника юноши 30-хъ годовъ (іюль, 97).

Тарновскій, Евг. — Этическія проблемы марксизма (нояб., 110).

Тверской, П. А.—Ремесленные союзы и соціализмъ въ Америкѣ (февр., 867). — Американецъ о русско-японской войнѣ (іюль, 360). — По поводу новаго романа Черчилля (сент., 423).

Тимофеевъ, Григ.—Влад. Вас. Стасовъ (февр., 445; мартъ, 191; апр., 618; май, 64).

Тулубъ, П. — Изъ Т. Г. Шевченко (янв., 83).—Памяти А. М. Жемчужникова, стих. (май. 369).

Умановъ-Калиновскій, „На мертвомъ якорѣ“, пов. (іюнь, 571).

Х — о, Г. — Письма къ графинѣ С. А. Толстой (янв., 206; февр., 695).

Чюмина, О. Н.—Изъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ (май, 241). — Изъ пѣсенъ объ утраченной принца Шенайхъ-Каролата (сент., 294).—Въ деревнѣ, стих. (окт.. 717).

Шапиръ, Ольга.—Роза Сарона. Повѣсть (сент., 170; окт., 543).

Шепелевичъ, Л.—Исторія Испаніи въ историческихъ романахъ П. Гальдоса (іюнь, 881). — Исторія „донъ-жуанства“ (нояб., 371).

Швахгеймъ, Ег. — „Фабрика“ дипломовъ. По поводу нашего „школьнаго вопроса“ (дек., 718).

Хроника.

I. **Внутреннее Обозрѣніе.** — Январь. — Минувшій 1907-ой годъ. — Вторая Государственная Дума и ея небезпристрастный обвинитель. — Первый періодъ дѣятельности третьей Думы. — Наступило ли „успокоеніе“ страны. — Ноябрьская однодневная забастовка и процессъ соціалъ-демократовъ. — Высшая школа и реакціонная печать. — Пренія о бюджетѣ и о попечительствахъ народной трезвости. — Закрытіе польской „Матицы“. — Еще нѣсколько словъ объ оффиціозной прессѣ (стр. 348). — Февраль. — Періодическое измѣненіе состава членовъ по назначенію въ Государственномъ Совѣтѣ. — Законна ли и цѣлесообразна ли эта мѣра? — Опредѣленіе Св. Синода по вопросамъ, относящимся къ вѣротерпимости. — Снятіе духовнаго сана съ Г. С. Петрова. — Возобновленіе занятій въ Государственной Думѣ. — Отвѣтъ К. Ѳ. Головину (стр. 800). — Мартъ. — Пріемъ членовъ Государственной Думы въ Царскомъ-Селѣ. — Вопросъ о вспомоществованіи пострадавшимъ отъ террора и объ осужденіи террористическихъ актовъ. — Адресъ московскаго дворянства. — Съѣздъ „союза русскаго народа“. — Признаки времени: министерскіе циркуляры, закрытіе обществъ. — Модныя преувеличенія. — Неприкосновенность личности и думская коммиссія. — Октябристы и правыя партіи въ Государственной Думѣ (стр. 375). — Апрѣль. — Рѣчи двухъ министровъ. — Законопроектъ объ исключительномъ положеніи и думская коммиссія. — „Порученіе“ или „предоставленіе“? — Рѣчь депутата фонъ-Анрепа. — Общій ходъ дѣлъ въ Государственной Думѣ. — Всероссійскій дворянскій съѣздъ. — Вновь организованное „преддумье“. — Юбилей земскаго отдѣла. — А. И. Чупровъ † (стр. 778). — Май. — Характерный эпизодъ бюджетныхъ преній. — Историческая справка. — Внѣ-думскія вліянія. — Конституціонныя формы и анти-конституціонное содержаніе. — Степень внутренней силы, обнаруживаемой Государственною Думою. — Союзъ 17-го октября, „свободы“ и избирательное право. — „Признаки времени“ въ центрѣ и на окраинахъ (стр. 390). — Іюнь. — Союзъ 17-го октября въ третьей Государственной Думѣ. — Лѣвые и правые октябристы. — Желѣзнодорожная „анкета“. — Предѣлы власти предсѣдателя Думы. — Законопроектъ о контингентѣ и евреи. — Пренія по финляндскому вопросу. — Учащающіяся обращенія къ угрозамъ и къ грубой силѣ. — Способы ихъ предупрежденія. — Полемика между „Рѣчью“ и „Русью“. — Объясненіе генерала Думбадзе (стр. 807). — Іюль. — Первое самостоятельное выступленіе крестьянъ въ третьей Думѣ. — Характерныя черты вызванныхъ имъ преній. — Крестьяне и вѣроисповѣдныя коммиссіи. — Законопроектъ о назначеніи членамъ Думы постояннаго содержанія. — Пренія Госуд. Думы о смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія и объ университетѣ имени А. Л. Шанявскаго. — Вопросъ о вольнослушательницахъ. — Итоги перваго періода дѣятельности третьей Думы. — М. П. Щепкинъ †. — P.-S. (стр. 307). — Августъ. — Третья Государственная Дума и исключительныя положенія. — Вопросы о сыскныхъ отдѣленіяхъ и объ административной ссылкѣ. — Неосуществленное право. — Чрезвычайная охрана и печать. — Чрезвычайная охрана и смертная казнь. — Послѣдніе дни сессіи Государственнаго Совѣта. — Гр. Н. П. Игнатьевъ и В. М. Петрово-Соловово † (стр. 736). — Сентябрь. — Періодическое повтореніе тревожныхъ слуховъ. — Почему они легко находятъ вѣру. — Въ какой мѣрѣ осуществлены обѣщанія указа 12-го декабря 1904-го года. — Постановленія кіевскаго миссіонерскаго съѣзда. — Новыя теченія въ средѣ октябристовъ. — Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія. — Петиція финляндскаго сейма (стр. 341). — Октябрь. — Предстоящая сессія Государственной Думы. — Государство и правительство. — Профессора и „противоправительственныя“ партіи. — Вопросъ объ автономіи высшей школы. — Чрезвычайное проявленіе чрезвычайной охраны. — Новый законопроектъ о печати. — Саратовская городская дума и саратовскія церковныя власти. — Postscriptum (стр. 760). — Ноябрь. — Судьба нѣкоторыхъ думскихъ „пожеланій“. — Начало второй сессіи третьей Государственной Думы. — Закрытіе польскихъ школъ въ Варшавѣ. — Прошлое высшей школы и печати. — Проектъ новаго университетскаго устава. — Автономія или подначальность? — Избраніе или назначеніе? — Роль, предназначаемая совѣту, ректору, деканамъ. — Возстановленіе инспекціи. — Отношеніе проекта къ учащимся. — Министерство просвѣщенія, опережаемое министерствомъ торговли (стр. 307). — Декабрь. — Характерные эпизоды засѣ-

даній Государственной Думы. — Дворянство въ рѣчахъ П. Н. Милюкова и князя Голицына.—Временное устраненіе члена Госуд. Совѣта Марина и вопросъ объ исключеніи А. М. Колюбакина изъ числа членовъ Государственной Думы. — Московская рѣчь А. И. Гучкова. — „Административные преступники".—Возбужденіе преслѣдованія противъ бывшаго московскаго градоначальника.

II. Литературное Обозрѣніе.—Январь.—I. Мих. Лемке, Николаевскіе жандармы и литература 1826-1855 гг.—II. Ivan Tourgueneff. Lettres à Madame Viardot.—III. Литературно-художественный альманахъ, изд. „Шиповникъ".—IV. Ан. Кремлевъ, Давидъ, царь Іудейскій.—V. Архим. Анатолій, Въ странѣ шамановъ. Индіане Аляски.—VI. П. Бирюковъ, Духоборцы.—**М. Г.**—VII. П. Кропоткинъ, Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи.—VIII. Ал. Билимовичъ, Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство Россіи.—IX. Сборникъ стат.-экон. свѣдѣній по сельск. хоз. Россіи и нѣкотор. иностр. государствъ.—**В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 368).—Февраль.—I. Н. В. Загоскинъ, Исторія Имп. Казанскаго Университета: 1804 — 1904 гг. Т. IV: 1819-1827 гг.—II. Влад. Максимовъ, Литературные дебюты Н. А. Некрасова. — Вып. 1-й. — III. Пушкинъ и его современники. Вып. 5-й.—IV. Щукинскій Сборникъ, вып. 7-й. —V. Нѣмоевскій, Изъ-подъ пыли вѣковъ: II. Ашуръ и Мупуръ. Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ.—**М. Г.**—VI. Хроника моей жизни. Автобіогр. записки высокопр. Саввы, архіеп. тверского и кашинскаго. Т. VI.—**М. П—въ.**—Новыя книги и брошюры (стр. 812). — Мартъ.—I. И. М. Сѣченовъ, Автобіографическія записки.—II. Адинъ Балу, Ученіе о христіанскомъ непротивленіи злу насиліемъ. Съ англ.—III. Словарь литературныхъ типовъ. И. С. Тургеневъ. Вып. 1. — IV. Земля. Сборникъ первый.—V. С. Юшкевичъ, Король, пьеса въ 4-хъ д. — VI. С. Найденовъ, Хорошенькая, ком. въ 4-хъ д.—VII. К. Чуковскій, Отъ Чехова до нашихъ дней.—**М. Г.**—VIII. Карлъ Бюхеръ, Возникновеніе народнаго хозяйства. — IX. В. Ѳ. Тотоміанцъ, Сельско-хозяйственная кооперація. — X. П. Веніаминовъ, Крестьянская община.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 395).—Апрѣль.—I. В. О. Ключевскій, Русская исторія, ч. III. — II. В. Кн. Николай Михаиловичъ, Московскій Некрополь, т.т. I и II. — III. M. Wischnizer, Die Universität Göttingen, etc.—IV. Бѣлоруссовъ, Въ старомъ домѣ, разсказы.— V. Ернефельтъ, Чада земли. Съ финск. **М.** Благовѣщенская.—VI. Эд. Карпентеръ: 1) „Цивилизація, ея причина и излеченіе"; 2) „Я есмь"; 3) „Я поднимаюсь изъ тьмы". Съ англ.—**М. Г.** —VII. Т. Локоть, Бюджетная и податная политика Россіи. — VIII. Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи.— IX. С. Прокоповичъ, Рабочее движеніе въ Германіи.— X. В. Вовчокъ, Нѣдра земли въ Россіи и ихъ обобществленіе.—**В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 800). — Май.— I. Выборгскій процессъ. Иллюстрированное изданіе.—**Л. С.**—II. Промышленный капитализмъ въ Россіи, С. С. Зака.— III. Иванъ Янжулъ. Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. — IV. В. В. Громанъ, Организаціи работодателей въ Германіи.—V. К. А. Пажитновъ, Положеніе рабочаго класса въ Россіи.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 409).—Іюнь.—I. Сочиненія Пушкина, т. II.—II. Т. Соколовская, Русское масонство.—III. Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря, въ XVI—XIX в.в., М. Колчина.—IV. В. Вересаевъ, На войнѣ.—V. Г. Василевскій, Интеллигентная земледѣльческая община Криница.— VI. Шаломъ Ашъ, Разсказы. —VII. Ив. Бунинъ, т. IV.—**М. Г.**—VIII. Эд. Бернштейнъ, Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ.—IX. Финансы Россіи въ связи съ экономическимъ положеніемъ ея населенія, С. С. Х. — А. Кауфманъ, Аграрный вопросъ въ Россіи, вып. I. — XI. П. Осадчій, Почтовыя, телеграфныя и телефонныя сообщенія въ Европѣ. — **В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 828).—Іюль.—I. Пушкинъ и его современники, вып. VI. — II. В. Короленко, Отошедшіе.—III. Ив. Наживинъ, Голоса народовъ, вып. I.—IV. С. Кондурушкинъ, Сирійскіе разсказы.— V. М. А. Лохвицкая (Жиберъ), Стихотворенія: Передъ закатомъ. — VI. С. Ауслендеръ, Золотыя яблоки.—VII. З. Гиппіусъ, Маковъ цвѣтъ. —**М. Г.** — VIII. Н. Критская, Исторія синдикальнаго движенія во Франціи.— IX. М. Фридманъ, Современные косвенные налоги на предметы потребленія. — X. В. Денъ, Очерки по экономической географіи, ч. I: Сельское хозяйство.—Д. Моревъ, Очерки коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи. — **В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 328). —Августъ.— I. Ч. Вѣтринскій, „Герценъ, А. И.: Жизнь. Мысли. Дѣятельность". — II. Д. Мережковскій, „Павелъ I", драма. — III. „Литературно-художественные Альманахи", изд. „Шиповникъ", кн. 5-я. — IV. Сборникъ товарищества „Знаніе", кн. 22-ая.—V. Алексѣй Ремизовъ, „Часы", романъ.—**М. Г.**—VI

Письма К. Маркса и Фр. Энгельса къ Ник. —ону, перев. Г. Лопатина. —VII. Ж. Лескюръ, Общіе и періодическіе промышленные кризисы. Съ франц. — VIII. Потребительныя общества: исторія, теорія, практика, В. Тотоміанца.—С. В. Бородаевскій. Сельско-хозяйственныя кооперація въ Германіи. — IX. В. Гриневичъ, Профессіональное движеніе рабочихъ въ Россіи.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 755). — Сентябрь. — I. П. Коганъ, Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Томъ первый, вып. I.—II. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, А. И. Герценъ (характеристика). — III. К. Чуковскій, Леонидъ Андреевъ большой и маленькій. — IV. П. Засодимскій, Изъ воспоминаній.—V. А. Купринъ. Разсказы. Томъ пятый. — VI. Н. Брянчаниновъ, Скитанія.—VII. Н. Казминъ-Вьюговъ, О религіозномъ воспитаніи дѣтей. —**М. Г.**—VIII. М. П. Драгомановъ, Политическія сочиненія. Т. I: Центръ и Окраины.—IX. А. М. Лазаревскій, Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648-1783). Историко-юрид. очеркъ. — **Иги. Ж—кій.**—X. П. Никольскій, Къ вопросу о затрудненіяхъ при изученіи экономическихъ явленій.—XI. Жизнь современнаго фабричнаго рабочаго въ Германіи. Подъ ред. и съ пред. П. Гёре. Перев. съ нѣм. Э. Верштейнъ. — XII. Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ, подъ ред. А. В. Успенскаго и Г. Ф. Чиркина.—XIII. Очеркъ забастовочнаго движенія рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района. Сост. В. И. Фроловъ. —**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 360). — Октябрь. — I. Библіотека великихъ писателей, п. р. С. А. Венгерова: Пушкинъ, т. II. — II. М. Л. Виппіокъ, Лира. — В. Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русской поэзіи.—III. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола, п. р. Вл. Б.-Бруевича. Вып. 1.—IV. Ж. Эльсландеръ, Новая школа, съ франц. — V. В. Анучинъ, Казнь Якова Стеблянскаго. — VI. Б. В. Добрынинъ, Задачи современной интеллигенціи.—**М. Г.**—VII. В. Черновъ, Теоретики романскаго синдикализма. Поль Луи, Исторія синдикализма во Франціи. —VIII. Д-ръ Франке, Земельныя правоотношенія въ Китаѣ, съ нѣм. п. р. Н. И. Кохановскаго. — IX. П. И. Лященко, Очерки аграрной эволюціи въ Россіи.— X. Очерки сельско-хозяйственнаго строя въ Бельгіи.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры (стр. 780). — Ноябрь. — I. Л. Н. Толстой, П. Бирюкова, т. II. — II. „Записки Охотника“ И. С. Тургенева, Т. Ганжулевичъ. — III. Вильямъ Джемсъ и религіозный опытъ, Эмиля Бутру, съ франц. —IV. „Панъ“, Шарля ванъ-Лерберга, съ франц. — V. Альманахъ „Шиповника“, кн. 6.—**М. Г.**—VI. Борьба за землю, т. I, ч. I. — VII. Чай и чайная торговля, А. Губаревича-Радобыльскаго.—VIII. Современное положеніе Дальняго Востока, Слюнина.—IX. Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, въ 1905 г., В. Варзара. — **В. В.** — Новыя книги и брошюры (стр. 327). — Декабрь. — I. Письма Влад. Серг. Соловьева. Т. I. Подъ редакціей Э. Л. Радлова.—II. Рене Вормсъ, Мораль Спинозы. Съ франц. Л. Л. Богушевскій.—III. О. Шфлейдереръ, Подготовка христіанства въ греческой философіи. Перев. И. Наумова, п. р. Н. Никольскаго. — IV. Записки С. А. Тучкова: 1766—1808 г.г. П. р. К. Военскаго.—V. Яльмаръ Бергстремъ, Голосъ жизни, пьеса въ 4-хъ д. Съ датскаго А. и П. Ганзенъ, со вступленіемъ проф. Гёффдинга.—VI. Ад. Лель, Записки студента 1900—1903 г.г.—**М. Гершензона.** —VII. Ушинскій, Матеріалы для педагогической антропологіи.—**И. Ж.** — VIII. Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси, сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій, изд. Имп. Ак. Н. — IX. Викторъ Черновъ, Соціалистическіе этюды. — X. Поль Дюбуа, Пропорціональное представительство въ опытѣ Бельгіи. Перев. Ив. Блинова и З. Дзичканецъ.—XI. А. Ярошевичъ, Очерки экономической жизни юго-западнаго края. Вып. 1.—XII. Статистическій Ежегодникъ. Годъ второй. **В. В.**—Новыя книги и брошюры.

III. Иностранное Обозрѣніе.—Январь. — Событія въ Европѣ за истекшій годъ. — Торжество консервативныхъ теченій въ Германіи.—Особенности нѣмецкаго патріотизма.—Вильгельмъ II и камарилья.—Прусскіе либералы и реакціонные проекты.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи.—Британскія дѣла. — Международныя соглашенія и Гаагская конференція.—Французская политика.—Конституція въ Персіи (стр. 404).—Февраль. — Вопросъ о реформѣ избирательнаго права въ Пруссіи.—Отвѣтъ князя Бюлова.— Уличныя демонстраціи и партійныя пререканія.—Рѣчи въ имперскомъ сеймѣ.— Неудачный проектъ противъ польскаго землевладѣнія. — Особенности Бюлова какъ государственнаго человѣка. — Мнимая реакція въ Германіи. — Австрійскія дѣла. — Португальская катастрофа (стр. 838). — Мартъ. — Трудное международное положеніе Россіи.—Газетные патріоты и балканскій вопросъ. — Причины австро-германскихъ успѣховъ въ Турціи. — Результаты культурной дѣятельности въ Босніи и Герцеговинѣ. — Различные

методы управленія. — Македонскій кризисъ. — Польскій вопросъ въ Пруссіи.— Англійскія дѣла (стр. 395).—Апрѣль.— Пренія объ иностранной политикѣ въ нашей Государственной Думѣ. — Патріотическія опасенія и увѣренія относительно Дальняго Востока. — Нападки на дипломатію и защита ея министромъ иностранныхъ дѣлъ. — Содержаніе и характеръ рѣчи А. П. Извольскаго. — Чрезмѣрный оптимизмъ въ заявленіяхъ депутата П. Н. Милюкова. — Вопросъ о выборѣ кандидатовъ на дипломатическіе посты.—Забастовка журналистовъ въ германскомъ парламентѣ. — Нѣмецкія дѣла (стр. 837).—Май. — Политическія перемѣны въ Англіи. — Новый премьеръ Аскитъ и его министерство.—Жизнь и дѣятельность Кемпбеля-Баннермана. — Герцогъ Девонширскій.—Иностранная политика въ Государственной Думѣ. — Новыя международныя соглашенія (стр. 437).— Іюнь. — Причины политическаго безпокойства въ Европѣ.—Германія и марокканскій вопросъ.—Личныя слабости и увлеченія императора Вильгельма II. — Поѣздка союзныхъ германскихъ государей въ Вѣну. — Австрійскія дѣла. — Президентъ Фальеръ въ Англіи и англо-французскій союзъ (стр. 861). — Іюль.—Путешествіе короля Эдуарда и обсужденіе ихъ въ палатѣ общинъ.—Протесты англійской рабочей партіи противъ сближенія съ Россіей.— Смыслъ и цѣль англо-русскаго союза.—Законопроектъ о поѣздкѣ президента Фальера въ Россію и французскіе радикалы-соціалисты. — Германская политика и прусскія дѣла.—Конецъ персидскихъ конституціонныхъ мечтаній (стр. 355). — Августъ.— Ревельскій визитъ президента Фальера и франко-русскій союзъ.—Заботы о поддержаніи и увеличеніи военныхъ силъ во имя интересовъ мира.—Политическое безпокойство, вызываемое монархическимъ милитаризмомъ Германіи.—Культъ Бисмарка.—Революція и конституція въ Турціи.—Славянскій конгрессъ въ Прагѣ (стр. 785).— Сентябрь.—Рѣчи Вильгельма II о войнѣ и мирѣ. — На чемъ держится миръ въ Европѣ. — Воинственныя мечты и миролюбивая дѣйствительность.—Разсужденія Ллойда-Джорджа. — Колоніальныя предпріятія и марокканскій вопросъ.—Турецкая конституція и балканскія дѣла (стр 306). —Октябрь.—Международная парламентская конференція въ Берлинѣ. — Рѣчь канцлера Бюлова и вопросъ о предупрежденіи войнъ.—Международный конгрессъ журналистовъ. — Партійный съѣздъ германской соціалъ-демократической партіи (стр. 813).—Ноябрь. — Австрійская политика въ боснійскомъ вопросѣ.—Дипломатическія странности и недоразумѣнія. — Традиціонные взгляды относительно правъ народовъ и національностей. — Историческія справки о „правахъ“ на Боснію. — Объявленіе болгарской независимости. — Толки о конференціи. — Неосторожныя бесѣды и дѣйствія императора Вильгельма II (стр. 360). — Декабрь.—Императорскій кризисъ въ Германіи.—Парламентскія пренія о личномъ режимѣ.—Князь Бюловъ и Вильгельмъ II. — Политика и національные споры въ Австро-Венгріи.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ штатахъ. Перемѣны въ Китаѣ.

IV. Новости Иностранной Литературы.—Январь.—I. Francis Laur.— Le Coeur de Gambetta.—**З. В.** (стр. 417). —Февраль.—I. G. Hauptmann, Kaiser Karls Geisel.—II. Max Halbe, Das wahre Gesicht. Drama. — **З. В.** (стр. 851). — Мартъ. — F. Vezinet. Les Maîtres du roman espagnol. — **З. В.** (стр. 436). — Апрѣль. — I. Alexander Eliasberg, Die Russische Lyrik.—II. Gabriele d'Annunzio, La Nave, tragedia.—**З. В.** (стр. 851). —Май. — Emile Zola, Correspondance (Les lettres et les arts).—**З. В.** (стр. 449). —Іюнь.—Anatole France, Vie de Jeanne d'Arc. — **З. В.** (стр. 871). — Іюль. — I. Arthur Schnitzler. Der Weg in's Freie. Roman. 908. — II. Jakob Wassermann. Kaspar Hauser. Roman. 908. — **З. В.** (стр. 377). — Августъ. — I. Henri de Regnier. Les Scrupules de Sganarelle.— **З. В.**—II. Landauer, Gustav. Die Revolution.—Bauer, Arthur. Essai sur les révolutions.—**R. S—w.** (стр. 798). — Сентябрь. — I. Edmond Lepelletier. Paul Verlaine. Sa vie, son œuvre.—II. Tristan Bernard. Théâtre. I.—**З. В.** (стр. 407).— Октябрь. — Henri Bataille. La Femme Nue. — **З. В.** (стр. 825). — Декабрь.— I. A. Sakheim. T. A. Hofmann, Studien seiner Persönlickeit u. Werke.—II. F. T. Marinetti. Les Dieux s'en vont, d'Annunzio reste.—**З. В.** (стр. 803).

V. Изъ Общественной Хроники.— Январь. — Судъ надъ членами первой Государственной Думы.—Объясненія подсудимыхъ.— Политическая сторона процесса. — Обвиненіе и защита. — Приговоръ.—Контрасты.—Третья Дума и искорененіе пьянства.—Дѣло о сдачѣ Портъ-Артура. — „Батумская крѣпостная педагогія“ (стр. 428). — Февраль. — Смѣна министра народнаго просвѣщенія.— Что должно стоять на очереди: возрожденіе ли внѣшняго могущества, или внутренней силы страны?—Реакція въ земствѣ.—Изъ дѣятельности комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства.—Кровавое столкновеніе

въ свіяжскомъ уѣздѣ. — Октябристъ объ обузданіи печати.—О привлеченіи къ суду партіи „народной свободы“ (стр. 888).—Мартъ. — Штрихи общественнаго настроенія.—Еще о партійности и партійной розни.—Предстоящіе выборы одного депутата въ Петербургѣ.—Октябристское творчество: проектъ земскаго избирательнаго закона. — Земскія ассигнованія на полицію и новый циркуляръ о земскихъ ходатайствахъ.—Запросъ въ Думѣ о пріемахъ политическаго сыска.—А. И. Эртель † (стр. 445).—Апрѣль.—Предстоящее 80-лѣтіе со дня рожденія Л. Н. Толстого. — Университеты и студенческія организаціи. — Возстановленіе системы экзаменовъ въ средней школѣ и возвратъ къ насажденію націонализма и патріотизма. — Положеніе провинціальной печати.—А. Л. Караваевъ, И. П. Мержеевскій, А. М. Жемчужниковъ †. — P. S.: По поводу заявленія инж. Д. Аристова въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ (стр. 867). — Май.—Свѣтлый праздникъ.—Психически больное село.—Два примѣра изъ административной практики. — Д. И. Суботичъ о доводахъ въ пользу постройки амурской дороги. — Законопроектъ о контингентѣ новобранцевъ.—Недоборы. — Воинская повинность и инородцы; освобожденіе отъ нея евреевъ и привлеченіе финляндцевъ.—Н. П. Линевичъ † (стр. 458). —Іюнь.—Эпилогъ выборгскаго процесса. —Независимость судебной власти и депутатская неприкосновенность.—Дѣйствія генерала Думбадзе въ его собственномъ изложеніи.—Своеобразное пониманіе законности вверху и его отраженіе внизу.— А. А. Бакунинъ и П. А. Корсаковъ † (стр. 885).—Іюль.—„Голосъ Москвы“ о годовщинѣ закона 3-го іюня.—Забыли или отказались. — Вопросы государственной обороны въ освѣщеніи А. И. Гучкова.— „Безотвѣтственныя“ лица въ арміи. — Пренія въ Думѣ о сыскныхъ отдѣленіяхъ. —Парламентская дуэль.—Какъ былъ принятъ проектъ о депутатскомъ жалованьи. —Еще о ген. Думбадзе. — Съѣздъ представителей печати.—Н. А. Римскій-Корсаковъ и С. И. Васюковъ † (стр. 395).— Августъ. — Левъ Толстой и его „Не могу молчать“.—Преступныя убійства и лишеніе жизни, какъ закономѣрная кара. —Три отвѣта на одинъ вопросъ. — „Государственность“ и чрезвычайная охрана. —Напрасная тревога.—Съѣздъ печати.— Рѣшенія съѣзда и характерные эпизоды. —П. И. Вейнбергъ и К. М. Панкѣевъ † (стр. 810). — Сентябрь. — Къ юбилею Л. Н. Толстого.—Начало новаго учебнаго года. — Циркулярное возрожденіе умершаго закона.—Преподавательскій вопросъ въ средней школѣ.—Дилемма, поставленная профессорамъ университетовъ. — Судьба одесскихъ профессоровъ. — Закрытіе студенческихъ экспертныхъ коммиссій.—Изъ административной практики.—Въ прошломъ общественное значеніе И. С. Тургенева или въ настоящемъ? (стр. 426).—Октябрь.—Холера въ Петербургѣ.—Холера и городская дума.— Пріостановка занятій въ петербургскомъ университетѣ. — Положеніе вопроса о низшей народной школѣ.—Проектъ Е. В. Богдановича.—Обязаны ли граждане содѣйствовать негласному сыску?— Дополнительные выборы въ Г. Думу. — А. С. Медвѣдевъ и П. Х. Шванебахъ (стр. 843). — Ноябрь. — Еще одна годовщина. — Итогъ и перспективы.—Конецъ университетской забастовки. — Рапортъ министра народнаго просвѣщенія въ сенатъ.—Возмутительный фактъ и печальное явленіе.—Исторія введенія, упраздненія и возстановленія земства на Дону. —Своевременно ли теперь ставить вопросъ на очередь?—Актъ мщенія.—Алексѣй Потѣхинъ † (стр. 895).—Декабрь.— Великій Князь Алексѣй Александровичъ †.—Тяжелѣе или легче стало жить въ конституціонной Россіи?—Положеніе, создавшееся для православнаго духовенства.—Добровольческій сыскъ: дѣло Бродскихъ, запрещеніе „Саломеи“ и лишеніе ученой степени г. Коновалова.—Убійство городовымъ двухъ офицеровъ. — Еще по поводу дѣла братьевъ Коваленскихъ. — Педагоги пажескаго корпуса.—Изъ практики „успокоенія“.—Десятилѣтіе газеты „Право“.—Юридическій вопросъ.—Письмо гр. Л. Н. Толстого въ столичныя и провинціальныя газеты (стр. 814).

VI. Извѣщенія. — I. Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича (янв., 444).— II. Положеніе о преміи имени почетнаго академика Имп. Академіи Наукъ Анатолія Ѳедоровича Кони (февр., 904; іюль, 412). — III. Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина (февр., 904).—IV. Отъ Высочайше утвержденнаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года (іюнь, 901; іюль, 411; авг., 828; сент., 444; окт., 859; нояб., 415). — V. Отъ Учебно-воспитательнаго Комитета Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній (іюль, 414; авг., 829; сент., 445). —VI. Отъ Разряда изящной словесности при Императорской Академіи Наукъ (іюль, 415). — VII. Отъ климатической колоніи для слабыхъ и болѣзненныхъ дѣтей въ г. Ялтѣ (іюль, 415).

VII. Библіографическій Листокъ. —Январь.—Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій. Изданіе В. Кн. Ни-

колая Михаиловича. Т. III, вып. 4. — Н. П. Карабчевскій, Около правосудія.— М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. — Жанъ Жоресъ, Соціалистическая исторія. — Ежегодникъ народной школы, п. р. В. Чарнолусскаго вып. I. —Февраль.—Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, т. VI. — Соціализмъ старый и новый, Вил. Грагама. — Общественное движеніе при Александрѣ I, А. Н. Пыпина.—Руководство къ занятію съ отсталыми дѣтьми и идіотами, Е. Грачевой.—Мартъ. — Курсъ русской исторіи проф. В. Ключевскаго, ч. III.—М. Гершензонъ, Исторія молодой Россіи. — Янжулъ, Иванъ, Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ.—Фалѣевъ, Н. И., Дуэли. — Апрѣль. — Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича. Т. IV-ый, вып. первый. — Выборгскій процессъ. Иллюстрированное изд.—Исторія русской государственности. Т. I. Бар. С. А. Корфа, проф. гельсингф. унив. — Карѣевъ, Н.: 1) Западно-европейская абсолютная монархія, XVI—XVIII вѣковъ; 2) Происхожденіе современнаго народно-правового государства. — Ѳ. Зѣлинскій, Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Изд. второе.—Политическая Энциклопедія, п. р. Л. З. Слонимскаго. Т. II, вып. 6; Картеги.—Кавказъ.—Май.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 125-ый.—Критическая литература о произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго. Составилъ Н. Денисюкъ. Вып. 1-й.— Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, Петра Вейнберга, 2-е изд.—Сидней Лоу, Государственный строй Англіи. Перев. съ англ. В. Браудо, п. р. проф. бар. Б. Нольде, съ предисловіемъ проф. М. М. Ковалевскаго.—Русскій біографическій Словарь: Бетанкуръ-Бякстеръ. Изд. подъ наблюденіемъ предсѣдателя Имп. Русскаго Историческ. Общества, А. А. Половцова. —Іюнь. — Авг. Онкенъ, проф., Исторія политической экономіи до Адама Смита. —В. Сергѣевичъ, Древности Русскаго Права.—Шарль Діль, Юстиніанъ и Византійская цивилизація въ VI-мъ вѣкѣ.— Н. В. Гоголь, Н. Котляревскаго.—„Кругомъ Свѣта", состав. И. Горбуновъ-Посадовъ, ч. 2-я: По Европѣ.—Іюль.—Генрикъ Ибсенъ, Полное собраніе сочиненій. Т. I. — Б. Б. Глинскій, Борьба за конституцію.—Г. К. Градовскій, Итоги. 1862-1907. — Григорій Виленкинъ, Государственный и экономическій строй современной Японіи.—Ген.-м. Поповичъ-Липовацъ, Македонскія реформы и русско-англійскіе проекты.—Августъ.—Шарль Сеньобосъ, Политическая исторія современной Европы. Перев. съ франц. п. р. В. А. Поссе. Т. I-II. 4-е изд.—Н. И. Лазаревскій, Лекціи по русскому государственному праву. Т. I. Конституціонное право.—А. А. Кауфманъ, Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста. — Сергѣй Штейнъ, Славянскіе поэты. Переводы и характеристики.—Октябрь.— Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. IV, вып. 2.—Бумаги, относящіяся до Отечественной войны, изд. П. И. Щукина. Часть X.—Ив. С. Тургеневъ для дѣтей, п. р. Н. Котляревскаго. — Конституція Россійской Имперіи, Л. Слонимскаго. — Н. В. Слюнинъ, Современное положеніе нашего Дальняго Востока.—Ноябрь. — Русскіе портреты XVIII и XIX-го столѣтій. Изд. В. К. Николая Михаиловича, т. IV, вып. 3-й.—Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого, роскошное изданіе. — Письма Влад. С. Соловьева, т. I.—М. Драгомировъ, Одиннадцать лѣтъ: 1895 — 1905 г.г.—Гюйо, Безвѣріе будущаго, соціологическое изслѣдованіе, съ франц., п. р. Д. Овсянико-Куликовскаго. — Декабрь. — Имп. Елисавета Алексѣевна, супруга имп. Александра I. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича.—Англія, бар. А. Гейкинга.—И. И. Янжулъ, Въ поискахъ лучшаго будущаго.—Т. Герье, Францискъ, апостолъ нищеты и любви. — Прощальныя пѣсни А. М. Жемчужникова.

„КАТАЛОГЪ журнала „Вѣстникъ Европы" за двадцать-пять лѣтъ: 1866—1890 гг. *(первыя пять пятилѣтій)*, съ алфавитнымъ указателемъ именъ авторовъ. Редакторъ М. М. Стасюлевичъ. Спб. 1891. Цѣна 1 рубль". — Помѣщенъ также въ приложеніи къ декабрьской книгѣ журнала за 1890-ый годъ.

Первый дополнительный Каталогъ за истекшее (шестое) пятилѣтіе: 1891 — 1895 гг. (Помѣщенъ въ приложеніи къ декабрьской книгѣ 1895-го года):

Второй дополнительный Каталогъ за истекшее (седьмое) пятилѣтіе 1896 — 1900 гг. (Помѣщенъ въ декабрьской книгѣ 1900 года).

Третій дополнительный Каталогъ за истекшее (восьмое) пятилѣтіе: 1901 — 1905 гг. (Помѣщенъ въ приложеніи къ декабрьской книгѣ 1905 года).

Первые три года девятаго пятилѣтія: 1906, 1907 и 1908 гг. имѣютъ каждый при декабрьской книгѣ „Алфавитный Указатель авторовъ и статей", помѣщенныхъ въ журналѣ, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь—Декабрь, 1908.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	стр.
ОТЪ РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“	I
ОТЪ НОВОЙ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1909 ГОДА. . .	III
Ив. Ал. Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи. I. Воспоминанія А. Н. Гончарова и Е. А. Гончаровой. — II. Письма И. А. Гончарова къ Кирмаловымъ и Музалевской. — III. Письма его къ А. Г. Тройницкому.—IV. Письма И. С. Тургенева къ И. А. Гончарову.—М. СУПЕРАНСКАГО. . . .	5
Капля въ морѣ.—Очерки изъ недавняго прошлаго. — Л. АВИЛОВОЙ . . .	49
Этическія проблемы марксизма.—I-IV. — ЕВГЕНІЯ ТАРНОВСКАГО . . .	110
Яна Рёнтю. — Романъ Эйно Лейно.—Eino Leino. „Jaana Rönty“. Romaani.— I-XXXIX.— Съ финскаго ВЯЧ. Б.	146
Антонъ Павловичъ Чеховъ-лавочникъ. — I-IV. — А. С—ОИ.	192
Проповѣдникъ.— Романъ Маргариты Бёме. — „Apostel Dodenscheit“, v. Margarete Böhme.—Окончаніе. — Съ нѣмецк. О. Ч.	225
Уголокъ родины.—Путевые очерки и замѣтки.—I-III.—Р. Ф.	263
Стихотворенія.— Обманъ. — А. МЕЙСНЕРА.	277
Сѣверный монастырь въ XVII-мъ вѣкѣ.—I-VI.—М. БОГОСЛОВСКАГО. . .	278
Хроника. —Внутреннее Обозрѣніе.—Судьба нѣкоторыхъ думскихъ „пожеланій“. — Начало второй сессіи третьей Государственной Думы. — Закрытіе польскихъ школъ въ Варшавѣ. — Прошлое высшей школы и печати. — Проектъ новаго университетскаго устава. — Автономія или подначальность? — Избраніе или назначеніе? — Роль, предназначаемая совѣту, ректору, деканамъ. — Возстановленіе инспекціи. — Отношеніе проекта къ учащимся. — Министерство просвѣщенія, опережаемое министерствомъ торговли	307
Литературное Обозрѣніе.	327
Иностранное Обозрѣніе. — Австрійская политика въ боснійскомъ вопросѣ. — Дипломатическія странности и недоразумѣнія.—Традиціонные взгляды относительно правъ народовъ и національностей.—Историческія справки о „правахъ“ на Боснію.—Объявленіе болгарской независимости.—Толки о конференціи. — Неосторожныя бесѣды и дѣйствія императора Вильгельма II.	360
Исторія „донъ-жуанства“.—Замѣтка. — Л. ШЕПЕЛЕВИЧА	371
Манчжурскія письма. — Изъ эпохи войны съ Японіею. — I-II. — Барона П. ВРАНГЕЛЯ	377
Изъ Общественной Хроники.—Еще одна годовщина.—Итогъ и перспективы.— Конецъ университетской забастовки. — Рапортъ министра народнаго просвѣщенія въ сенатъ.—Возмутительный фактъ и печальное явленіе.— Исторія введенія, упраздненія и возстановленія земства на Дону. — Своевременно ли теперь ставить вопросъ на очередь?—Актъ мщенія.— Алексѣй Потѣхинъ †.	395
Извѣщенія	415
Библіографическій Листокъ.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

стр.

Ив. Ал. Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи. — II-IV. — Окончаніе.—М. СУПЕРАНСКАГО 417

Капля въ морѣ. — Очеркъ изъ недавняго прошлаго. — Окончаніе. — Л. АВИЛОВОЙ. 461

Пирескивецъ Бѣлокровновъ.—Очеркъ съ натуры.—С. ВАСЮКОВА 532

На линіи.—Разсказъ. — I-X.—Н. ЗОРЕЧЪ 556

„Слѣпые вожди"...—Очеркъ.—Л. СНЕГИРЕВА 607

Ореолъ.—Эскизъ по роману баронессы фонъ Гуттенъ.—„The halo", by Baroness von Hutten. — I-XII.—О. Ч. 619

Приговоръ приведенъ въ исполненіе.—Сцена изъ разсказа Кюэсти Вилькуна.—Съ финск. ВЯЧ. Б. 653

Торкадоръ.—Повѣсть.—Vincente B. Ibanez. Sangre y Arena.—II-IX.—Окончаніе.—Съ испанск. З. В. 659

Современному гражданину.—Изъ посмертнаго стихотворенія.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 716

Хроника.—„Фабрика" дипломовъ.—По поводу нашего школьнаго вопроса.—ЕГ. ШВАХГЕЙМЪ 718

Внутренній Обозрѣніе. — Характерные эпизоды засѣданій Государственной Думы. — Дворянство въ рѣчахъ П. Н. Милюкова и князя Голицына.—Временное устраненіе члена Госуд. Совѣта Марина и вопросъ объ исключеніи А. М. Колюбакина изъ числа членовъ Государственной Думы. — Московская рѣчь А. И. Гучкова. — „Административные преступники".—Возбужденіе преслѣдованія противъ бывшаго московскаго градоначальника. 735

Литературное Обозрѣніе. — I. Письма Влад. Серг. Соловьева. Томъ I. Подъ ред. Э. Л. Радлова. — II. Рене Вормсъ. Мораль Спинозы. Съ франц. Л. Л. Богушевскаго. — III. О. Пфлейдереръ. Подготовка христіанства въ греческой философіи. Перев. И. Наумова, подъ ред. Н. Никольскаго.— IV. Записки С. А. Тучкова: 1766—1808 гг. Подъ ред. К. А. Военскаго.— V. Ялмаръ Бергстремъ. Голосъ жизни. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Съ датск. А. и П. Ганзенъ, съ вступленіемъ проф. Г. Гёффдинга.— VI. Адамъ Лель. Записки студента 1900—1903 гг.—М. Гершензонъ.— VII. Ушинскій. Матеріалы для педагогической антропологіи.—VIII. Болеславъ II, князь всей Малой Руси.—И. Ж. — IX. Викторъ Черновъ. Соціалистическіе этюды.—X. Поль Дюбуа. Пропорціональное представительство въ опытѣ Бельгіи. Перев. Ив. Блинова и З. Дзичканецъ.— XI. А. Ярошевичъ. Очерки экономической жизни юго-западнаго края. Вып. I.—XII. Статистическій ежегодникъ. Годъ второй.—В. В.—Новыя книги и брошюры 753

Иностранное Обозрѣніе. — Императорскій кризисъ въ Германіи.—Парламентскія пренія о личномъ режимѣ.—Князь Бюловъ и Вильгельмъ II.—Политика и національные споры въ Австро-Венгріи.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ штатахъ.—Перемѣна въ Китаѣ 791

Новости Иностранной Литературы.—I. A. Sakheim. T. A. Hofmann. Studien seiner Persönlichkeit u. Werke. Leipzig, 1908. Hessel Verl.—II. F. T. Marinetti. Les Dieux s'en vont, d'Annunzio reste.—З. В. 803

Изъ Общественной Хроники. — Великій Князь Алексѣй Александровичъ †. — Тяжелѣе или легче стало жить въ конституціонной Россіи? — Положеніе, создавшееся для православнаго духовенства.—Добровольческій сыскъ: дѣло Бродскихъ, запрещеніе „Саломеи" и лишеніе ученой степени г. Коновалова.—Убійство городовымъ двухъ офицеровъ.—Еще по поводу дѣла братьевъ Коваленскихъ.—Педагоги пажескаго корпуса.—Изъ практики „успокоенія". — Десятилѣтіе газеты „Право".—Ю[illegible] ческій вопросъ.—Письмо гр. Л. Н. Толстого въ столичныя и пр[illegible] ціальныя газеты . . . . . .

Алфавитный Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣ[illegible] Европы" въ 1908 году. . . . . .

Библіографическій Листокъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Т. I, съ 29 рисунками. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Спб. 906. Стр. 486.

Изъ предисловія видно, что мысль о составленіи біографіи императрицы Елисаветы Алексѣевны давно занимала нынѣ покойнаго В. Кн. Алексѣя Александровича; но онъ ограничился только тѣмъ, что успѣлъ собрать для того весьма значительный матеріалъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ переписки императрицы съ ея матерью Амаліею, маркграфинею Баденскій—число ихъ достигаетъ 1.200; еще болѣе драгоцѣннымъ источникомъ былъ бы дневникъ, веденный ею отъ пріѣзда въ Россію, въ качествѣ невѣсты, избранной Екатериною II внуку ея Александру Павловичу, въ 1792 году, и до ея смерти въ г. Бѣлевѣ, въ 1826 году; но изъ этого дневника сохранилась небольшая выписка за одинъ 1807-й годъ; самъ же дневникъ былъ сожженъ, по приказанію имп. Николая Павловича, равно какъ и дневники вдовствовавшей императрицы Маріи Ѳедоровны—за то же время. Въ объемистомъ первомъ томѣ, содержащемъ въ себѣ свыше 30 печатныхъ листовъ, помѣщены собственно два краткихъ біографическихъ очерка, всего около 10 печатныхъ листовъ: первый обнимаетъ первые годы жизни Елисаветы Алексѣевны въ Россіи, бывшіе концомъ царствованія Екатерины II (1792—1796 гг.); второй—еще болѣе краткій—содержитъ эпоху царствованія Павла I (1797—1801 гг.). Такимъ образомъ, настоящее изданіе не можетъ еще считаться полною біографіею императрицы, но оно приготовило исторіку интересной эпохи, какою былъ конецъ царствованія Екатерины II, и два царствованія, послѣдовавшія одно за другимъ—императоровъ Павла I и Александра I,—весьма цѣнный матеріалъ. Томъ первый снабженъ весьма богато портретами современницъ и лицъ, окружавшихъ императрицу, а также снимками зданій, площадей и дворцовъ, въ томъ ихъ видѣ, какой они представляли собою сто лѣтъ тому назадъ.

— Англія, ея государственный, общественный и экономическій строй. Бар. А. Гейкинга. Спб. 909. Ц. 3 руб. Стр. 688.

Въ нашей литературѣ нѣтъ недостатка въ спеціальныхъ произведеніяхъ, посвященныхъ ознакомленію съ Англіей въ тѣхъ же вышеуказанныхъ отношеніяхъ, и тѣмъ не менѣе трудъ бар. Гейкинга отнюдь не является излишнимъ. Авторъ провелъ восемь лѣтъ въ Англіи, находясь въ то же время на русской консульской службѣ, а потому его наблюденія основаны на короткомъ знакомствѣ съ оффиціальнымъ міромъ и вмѣстѣ съ общественною жизнью; и для того, и для другого онъ, какъ консулъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи такія средства, какими не можетъ пользоваться туристъ. Точки соприкосновенія съ англійскимъ міромъ у автора были, по той же причинѣ, многочисленны, а потому онъ могъ легко знакомиться съ домашнимъ и общественнымъ житьемъ-бытьемъ англичанъ, и съ рабочимъ, и съ переселенческимъ вопросами, но особенное вниманіе обращаетъ авторъ на торговыя сношенія Англіи и ея отношенія къ нашей торговлѣ. Въ заключеніе, авторъ представилъ очеркъ условій пріобрѣтенія консульскаго званія въ другихъ странахъ и у насъ, гдѣ требованія отъ лица, ищущаго консульское званіе, во многомъ уступаютъ требованіямъ заграницей, и, конечно, не къ нашей выгодѣ.

П. И. Лященко. — Въ поискахъ лучшаго будущаго. Соціальные этюды. 2-ое изданіе. Спб. 908. Ц. 3 р.

Второе изданіе, какъ и первое, появившееся въ 1899-мъ году, служитъ сборникомъ статей автора, помѣщенныхъ въ разное время и въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, онѣ, какъ замѣчаетъ авторъ, преслѣдуютъ одну цѣль — „описаніе различныхъ видовъ и попытокъ для улучшенія экономическаго, умственнаго и нравственнаго положенія человѣчества въ его поискахъ лучшаго будущаго". Въ отличіе отъ перваго изданія, въ новомъ—статья о языкѣ замѣнена статьею: „Милліонъ и что съ нимъ надо дѣлать", гдѣ излагается филантропическій планъ американскаго милліонера; а самая статья, по словамъ автора, болѣе соотвѣтствуетъ характеру всей его книги, и кромѣ того авторъ находитъ, что „у насъ, несмотря на меньшее богатство, но менѣе, можетъ быть, чѣмъ въ западной Европѣ, напрягъ вопросъ объ обязанностяхъ богатства предъ народомъ и о необходимости богатымъ классамъ болѣе щедро, нежели дѣлалось до сихъ поръ, тратъ своихъ имущественныхъ средствъ переливать на службу общую".

Францискъ—апостолъ нищеты и любви. М. 908.

Нашимъ читателямъ начала 90-хъ годовъ это изслѣдованіе было извѣстно по статьямъ, напечатаннымъ въ нашемъ журналѣ; но именно отдаленность отъ насъ того времени сдѣлала то, что въ иностранной литературѣ успѣло появиться много данныхъ, которыя не могли быть извѣстны автору, когда онъ писалъ свое изслѣдованіе,—и вотъ нынѣ онъ воспользовался этими данными, вслѣдствіе чего это изслѣдованіе является значительно дополненнымъ и обновленнымъ.

— Прощальныя пѣсни Алексѣя Михайловича Жемчужникова (1900-1907 гг.). Съ приложеніемъ портрета поэта и двухъ его посмертныхъ стихотвореній. Спб. 908. Ц. 1 р. въ переплетѣ.

Въ послѣдніе годы жизни Алексѣя Михайловича его поэзія начала пріобрѣтать все болѣе и болѣе грустный характеръ, очевидно, подъ вліяніемъ отсчета преклонныхъ лѣтъ, но она нисколько не утратила своей прежней силы и еще болѣе вмѣщала въ себѣ симпатіи, а потому его семьѣ пришла счастливая мысль—собрать всѣ такія стихотворенія и соединить ихъ въ одно цѣлое. Посмертныя его стихотворенія были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" вскорѣ послѣ его смерти, и недавно помѣщены въ этомъ изданіи: „Итога" и посланіе „Льву Николаевичу Толстому" къ 80-лѣтней его годовщинѣ 28 августа нынѣшняго года, написанное еще 5 іюня, за десять дней до смерти поэта.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1909 г.

(Сорокъ-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ, ОТЪ 27 ДО 28 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННАГО ЖУРНАЛЬНАГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ, съ пер. .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ государ. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	6 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписав по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, а по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Циммерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ И. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. И. Л. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ И. П. Карбасникова.

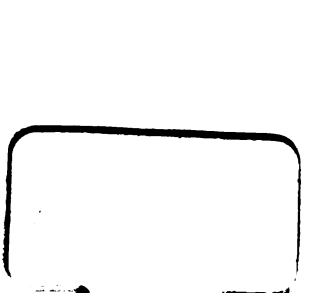
Примѣчаніе. — 1) *Подписной адресъ* должно заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ выпискою близайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если тамъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки посылаются исключительно въ Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ книжныхъ магазинахъ, то согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не ранѣе какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Подписныя квитанціи* высылаются Конторой только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель: **М. М. Ковалевскій.** Редакторъ: **К. К. Арсеньевъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Знаменская, 34.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

DUE NOV 27 1916

JUN 21 '63 H